Р. Силверберг

Валентайн Понтифик



ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

13/1

Роберт Силверберг

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

С 36

Составитель *В. П. Кирчев*

Силверберг Роберт

С 36 В книгу вошли романы «Замок лорда Валентайна», „Хроника Маджипуры". Перевод с английского. Сост. В. П. Кирчев, Кишинев «ЭЯ», 1993.— 416 с. (Серия „Зарубежная фантастика", вып. 13/1).

ISBN 5—86892—098—8

Роман «Замок лорда Валентайна»— это удивительная история о невероятных приключениях Коронованного Маджипуры Валентайна, в результате которых он потерял не только трон, но и свое тело и память. А чем закончились все его злоключения и скитания, вы узнаете, прочитав роман.

ISBN 5—86892—098—8

© Сост. В. П. Кирчев, 1993
© Художник М. Михалев, 1993

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

КОРОЛЬ СНОВ

После долгого дня пути, дня теплого, окрашенного в золотую дымку, что собиралась над ним, как легкая влажная шерсть, Валентайн оказался у большого каменного выступа, возвышавшегося над городом. Пидруд был провинциальной столицей, расползшейся и пышной.

Да, это был самый большой город, который Валентайн увидел с... ну, самый большой за долгое время странствий, во всяком случае.

Путешественник остановился и присел на край мягкого, крошившегося белого гребня, погрузив обутые в сапоги ноги в хлопья осыпавшегося камня, и стал смотреть вниз, на Пидруд глазами младенца, увидевшего новую игрушку.

До сумерек оставалось еще несколько часов, и солнце висело высоко на юго-западе за Пидрудом, над Великим Морем. Передохну чуток, решил Валентайн, спущусь в город и поищу место для ночлега.

Задумавшись, он все-таки услыхал, что сзади, с более высокой части гребня катятся камешки. Он оглянулся и увидел спускавшегося к нему соломенноволосого, с веснушчатым лицом погонщика. Он возглавлял вереницу шедших по горной тропе пятнадцати верховых животных. Это были откормленные, лоснившиеся, пурпурного цвета твари, явно ухоженные. Животное, на котором сидел мальчик, выглядело старше других, было поджарым, экономным в движениях.

— Эй!— первым окликнул мальчик.— Куда путь держишь?

— В Пидруд. А ты?

— Тоже. Веду их,— он кивнул на вереницу,— продавать. Устал за день. Нет ли у тебя капли вина?

— Немного найдется,— сказал Валентайн.

Он похлопал по фляжке на бедре, где более воинственный человек носил бы оружие.

—Неплохое красное вино. Жаль, что остатки.

— Давай хоть это — а я разрешу тебе проехаться верхом до города.

— Договорились,— согласился Валентайн.

Он отвинтил крышку, дожидаясь, пока погонщик спустится к нему с откоса.

Мальчику было не больше четырнадцати-пятнадцати лет. Он был невелик ростом, зато широкогруд и мускулист. Он едва

доставал до локтя Валентайна, умеренно высокого, крепкого мужчины среднего веса, широкоплечего и большерукого.

Погонщик взболтнул фляжку, принюхался с видом знатока, одобрительно кивнул, сделал большой глоток и крякнул.

— Глотал пыль всю дорогу до самого Фалкинкипа! Чертовская жара — нечем дышать! Еще один такой час — и я стал бы покойником!

Он вернул фляжку Валентайну.

— Ты живешь в городе?

Валентайн нахмурился.

— Нет.

— Значит, приехал на фестиваль?

— Какой фестиваль?

— А ты не знаешь?

Старший покачал головой. Настойчивый взгляд мальчика смущал его.

— Я путешествовал и не следил за новостями. Значит, в Пидруде будет фестиваль?

— На этой неделе,— ответил мальчик.— Начало в Звездный день. Большой парад, цирк, Королевское торжество. Глянь-ка вниз. Разве не видишь отсюда, как он входит в город?

Валентайн проследил за вытянутой рукой мальчика, показывавшей на южный угол Пидруда, но увидел только скопление зеленых черепичных крыш и лабиринт старых улиц, построенных без всякого плана. Он снова покачал головой.

— Вон там,— нетерпеливо сказал мальчик,— внизу, у гавани. Видишь корабли? Пять потрясных кораблей с его знаменем на мачтах. А вон через Ворота Дракона идет процессия, она направляется к Черному Шоссе. Наверно, это его колесница проходит теперь мимо Арки Снов. Неужели не видишь? Может, у тебя плохо с глазами?

— Я не знаю города,— мягко объяснил Валентайн. — Ну да, я вижу гавань и пять кораблей.

— Уже лучше. Теперь смотри чуть правее города. Видишь большие каменные ворота и широкое шоссе, проходящее под ними? Это и есть церемониальная арка...

— Теперь разобрался.

— А его знамя над колесницей?

— Чье знамя? Ты прости, что я такой бестолковый, но...

— Как чье? Знамя лорда Валентайна! Колесница лорда Валентайна! Она окружена телохранителями лорда Валентайна! Разве ты не знаешь, что в Пидруд прибыл сам Коронованный?

— Нет.

— А фестиваль? С чего бы ему быть летом, как не для того, чтобы приветствовать Коронованного?

Валентайн улыбнулся.

— Я уже говорил тебе, что путешествовал и не следил за новостями. Хочешь еще вина?

— Там мало осталось,— сказал мальчик.

— Пей. Закончи его. В Пидруде я куплю еще.

Он протянул погонщику фляжку и повернулся к городу.

Пробежал глазами по лесистому склону перед городом, по множеству крыш, послал взгляд в сторону — к воде и большим кораблям, потом к знаменам и маршировавшим воинам — к колеснице Коронованного. Наверно, это великий момент в истории Пидруда: Коронованный правит из далекого Горного Замка по ту сторону моря, и он, и Замок так далеко, что оба стали почти легендарными в мире Маджипуры. Коронованные Маджипуры нечасто бывали на западном континенте. Но Валентайна почему-то мало трогало присутствие внизу его сиятельного тезки.

Я здесь, думал он, и Коронованный здесь, я заночую в какой-нибудь копне сена, а наутро начнется фестиваль, но мне то что? И вдруг устыдился за свое спокойствие перед возбужденным мальчиком, счел это невежливым и сказал:

— Извини меня — я так мало слышал о том, что произошло в мире за последние несколько месяцев. Почему Коронованный здесь?

— Он решил объехать все королевство, чтобы отметить свой приход к власти. Новая власть — новая метла. Лорд Валентайн всего два года на троне. Он брат умершего лорда Вориакса. Ты ведь знаешь, что Вориакс умер, а лорд Валентайн стал нашим Коронованным?

— Я слышал,— отозвался Валентайн.

— И сейчас он в Пидруде. Как только лорд получил Замок — сразу же отправился в путешествие. Целый месяц он был на юге, в лесных провинциях, а третьего дня причалил у нас. Ночью он войдет в город, и несколько дней у нас будет фестиваль — еда и выпивка для всех, игры, танцы и прочие удовольствия, большой рынок, где я продам свою животину за хорошую цену. После он пересечет весь континент Зимроель от столицы к столице — это столько тысяч миль, что голова кругом, а на восточном берегу он отчалит назад в Альханроель, в Горный Замок и никто из нас его не увидит больше лет двадцать, а то и больше. Хорошо быть Коронованным!

Мальчик засмеялся.

— Доброе у тебя вино. Меня зовут Шанамир. А тебя?

— Валентайн.

— Валентайн? Замечательное имя!

— Обычное, по-моему.

— Поставь впереди слово лорд — и ты Коронованный!

— Это не так просто. Да и зачем мне быть Коронованным?

— Власть,— коротко объяснил Шанамир.

Взгляд его затуманился.

— Хорошая одежда,— стал перечислять он,— еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

— Ответственность,— сумрачно вставил Валентайн,— и недосуг. Ты думаешь, Коронованному нечего больше делать, как только пить хорошее вино и разъезжать в процессиях? Думаешь, он приплыл сюда ради своего удовольствия?

Погонщик задумался.

— Должно быть, нет.

— Он правит миллиардами людей на территории такой огромной, какую мы и представить не можем. На его плечах лежит столько! Проводить демократию Понтифика, поддерживать порядок и справедливость на всей планете — мне даже подумать об этом страшно. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос.. я не завидую ему, мальчик! Пусть делает свое дело.

Помолчав, Шанамир сказал:

— А ты не так глуп, Валентайн, как я подумал вначале.

— Решил, что я дурак?

— Ну, не дурак, а... простачок. Взрослый мужчина, а о некоторых вещах — ни бельмеса. Я вдвое моложе, а должен все объяснять. Впрочем, я недооценил тебя... Двинем в Пидруд?

Валентайн мог сесть на любую животину из тех, что брели на рынок, но так как все они казались ему одинаковыми, он только сделал вид, что выбирает, а взял первую попавшуюся. Удобно уместился в естественное седло на спине; эти твари выводились тысячелетиями из животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы и ели что угодно. Искусство получать эту породу четвероногих было давно утрачено, но существующие стада размножались, как все живое, без них передвижение по Маджипуре было бы невозможно.

Примерно с милю дорога на Пидруд шла вдоль высокого гребня, затем резко спускалась в прибрежную равнину.

Валентайн дал мальчику возможность выговориться, и Шанамир, болтая безумолку, рассказал, что до округа, где он живет, два с половиной дня пути к северо-востоку. Там он, его отец и братья выращивают этих животных для продажи на рынке Пидруда и живут в достатке, что ему тринадцать лет и он неплохо о себе думает, что не бывал еще за пределами провинции, чья столица Пидруд, но когда-нибудь он обрыщет всю Маджипуру, совершит паломничество на Остров Снов и преклонит колени перед Леди, пересечет Внутреннее Море до Альханроеля, дойдет до подножия Горного Замка, потом отправится на юг, может быть, даже за парящие тропики в раскаленную область Короля Снов — потому что какой же ты молодой и здоровый, если не видишь всех чудес мира, в котором живешь!..

— А ты, Валентайн, скажешь мне, кто ты, откуда и куда идешь?— спросил он вдруг.

Старший был захвачен врасплох. Убаюканный болтовней погонщика и мерным шагом животного, спускавшегося по извилистой тропе, он не был готов отвечать. И сказал только:

— Я из восточных провинций. Кроме Пидруда, не планировал ничего. Побуду здесь, сколько можно.

— Зачем же ты здесь?

— А почему бы и нет?

— Ох,— сказал Шанамир,— ладно. Уклоняешься от ответа? Ты младший сын герцога в Ни-мое или Пилиплоке, ты навел на кого-то нехороший сон, тебя застукали, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и отправил подальше. Правильно?

— Точно,— ответил Валентайн и подмигнул мальчику.

— Ты нагружен роалами и кронами,— продолжал погонщик,— и устроишься в Пидруде, как принц, и будешь пить и плясать, пока не истратишь последнюю монетку, а затем сядешь на корабль и поплывешь в Альханроель и возьмешь меня оруженосцем. Так или не так?

— Точно, мой друг. За исключением денег. В этом я за твоей фантазией не поспел.

— Но хоть какие-то деньги у тебя есть?— перешел Шанамир на серьезный тон.— Ты ведь не нищий? В Пидруде не любят нищих. И бродяг там плохо привечают.

— Есть у меня несколько монет,— успокоил его Валентайн.— Их хватит на весь фестиваль и еще останется. А потом увидим.

— Если пойдешь в море, возьмешь меня с собой?

— Если пойду — возьму.

Они уже наполовину спустились со склона. Пидруд, раскинувшийся на берегу, был окружен с внутренней стороны холмами, холмы высились и на большей части берега. Лишь в одном месте они отступали и пропускали океан, который образовал здесь бухту, и у Пидруда была великолепная гавань. Когда, уже поздним вечером, Валентайн и Шанамир спустились к морю, их встретил прохладный ветер, прогоняющий дневную жару. С запада к берегу тянулся туман, в воздухе чувствовался привкус соли, он был насыщен водой и пахнул рыбой и морскими драконами.

Валентайн был потрясен размерами города, лежавшего перед ним. Он не мог вспомнить, видел ли когда-нибудь такой же. Но, по правде, вспомнить он не мог и многое другое.

Здесь был край континента. Весь Зимроель был теперь за спиной Валентайна, и он знал, что прошел его из конца в конец — из самого восточного порта Ни-мои. Или из Пилиплока? И он знал еще, что достаточно молод, и прикидывал — можно ли пройти такой путь пешком за его жизнь? Он не помнил также, были ли у него какие-то верховые, как то, на котором он ехал сегодня. Но ведь умеет же он ездить верхом — как уверенно он сел в широкое седло животного! Это доказывало, что добрую часть пути он все-таки проехал... Но разве это важно сейчас? Он здесь, и не чувствует усталости. Раз уж он прибыл каким-то образом в Пидруд, в Пидруде и останется, пока не явится причина идти дальше. Жажды Шанамира к путешествиям у него не было.

Мир был так велик, подумать страшно: три больших континента, два огромных океана, пространство, которое можно представить только во сне, да и то, проснувшись, не поверить. Говорят лорд Валентайн Коронованный живет в замке, построенном восемь тысяч лет назад, каждый год в нем строилось по пять комнат, и стоит этот замок на такой высокой горе, что она пронзает небо. Ее высоченные пики тридцати пяти миль, а на склоне горы разместилось пятьдесят городов, таких же больших, как Пидруд. Этакое просто невозможно представить. Да, мир слишком огромен, слишком стар и перенаселен, чтобы человек это уразумел. Я буду жить в этом городе, думал Валентайн, найду

способ заплатить за еду и ночлег и... буду счастлив.

— В гостинице тебя, конечно, не ждут?— спросил Шанамир.

— Я об этом не успел подумать. Кажется, нет.

— Из-за фестиваля в городе сейчас все забито. Где же ты будешь спать?

— Где-то устроюсь. Под деревом. На куче песка. В парке. Там, направо, где высокие деревья, парк?

— Ты помнишь, что я говорил тебе насчет бродяг? Тебя схватят и посадят на месяц под замок, а после ты будешь убирать навоз, а платить будут столько, что едва-едва хватит на жратву.

— Хватило бы навоза,— пошутил Валентайн.

Но Шанамир не засмеялся.

— Здесь есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных. Я как-нибудь договорюсь там насчет тебя. Что бы ты без меня делал!

— Ты ведь догадываешься, что я не стану подметать навоз.

Мальчик протянул руку к уху животного, оно стало. Пристально посмотрел на спутника.

— Что ты собираешься здесь делать, Валентайн? Я тебя не понимаю. То ли ты в самом деле дурак, то ли самый беспечный человек в Маджипуре.

— Я и сам хотел бы это знать,— ответил старший.

Гребень сошел на нет, тропинка влилась в шоссе, которое тянулось вниз с севера и поворачивало на запад к Пидруду. Дорога была широкая и прямая, она пролегала по цветущей долине, по краям ее высились белые мемориальные доски с двойным гербом Понтифика и Коронованного — Лабиринтом и сверкающей звездой. Под ногами лежал гладкий голубовато-серый материал, слегка пружинящий, без единого изъяна. Но, может, и она была одной из прекрасных древностей, как и многие другие в этом мире.

Животные шли без остановок. Синтетические, они не знали усталости и могли пройти от Пидруда до Пилиплока без отдыха и жалоб. Время от времени Шанамир оглядывался, проверяя, не отстал ли кто из них, поскольку твари не были связаны, но все они шли друг за дружкой, почти уткнув морду в хвост идущего впереди.

Солнце по-вечернему забронзовело, и город был совсем близко.

Остаток пути заставил Валентайна еще раз удивиться. По обеим сторонам дороги росли ошеломляюще красивые деревья: раз в тридцать превышающие рост человека, с гладкими, темно-синей коры стволами, мощной кроной, в которой поблескивали черно-зеленые, острые, как кинжалы, листья. Из кроны выглядывали яркие, как светильники, красно-желтые гроздья цветов.

— Что это за деревья?— спросил Валентайн.

— Огненные пальмы,— ответил Шанамир.— Они растут только на побережье и цветут одну неделю в году. Пидруд славится ими. Зимой с них падают кислые ягоды. Из них делают вино. Вечером попробуешь его.

— Коронованный выбрал подходящее время для приезда.

— Думаю, это не случайно.

Двойной ряд синестволых великанов продолжался, они ехали

вдоль него до самых полей, за которыми начинались первые загородные виллы. Дальше пошла каменистая пригородная дорога с более скромными домами по бокам, за ней — пыльная зона маленьких фабрик и наконец они увидели древнюю стену самого Пидруда. Она была в два раза ниже огненных пальм, дорога ныряла под арку с архаически выглядевшим навершием.

— Ворота Фалкинкипа,— объявил Шанамир,— восточный вход в Пидруд. Входим в столицу. Одиннадцать миллионов душ, а Валентайн? Здесь ты встретишь все расы Маджипуры — и не только людей, а и прочих: скандаров, хьертов, лименов и так далее. Говорят, тут живет даже небольшая группа Меняющих Форму.

— Кто это?

— Их называют древней расой или первоначальными.

— И как-то еще,— неуверенно добавил Валентайн,— метаморфами, кажется?

— Да. Но это то же самое. Я слыхал, что так их зовут на востоке. У тебя, между прочим, странный акцент. Ты знаешь об этом?

— Не страннее твоего, дружище.

Шанамир засмеялся.

— У меня его вообще нет, а вот твой-то действительно странен. Ты как-то не так выговариваешь слова. «И как-то еще»,— передразнил он.— Вот как это у тебя звучит. Так говорят в Ни-мое?

На этот раз усмехнулся Валентайн.

— Знаешь, я боюсь Меняющих Форму,— сказал Шанамир,— метаморфов. Без них планета была бы, наверное, счастливее. Шныряют везде, всем подражают, причиняют зло... Я бы хотел, чтобы они держались своей территории.

— Их здесь много?

— Порядком. Но я слыхал, что они есть в каждом городе. Замышляют, наверно, какие-то каверзы против нас всех.

Мальчик схватил Валентайна за руку, озабоченно глянул в его глаза.

— Знаешь, их можно встретить где угодно— скажем, сидящих на гребне горы или гуляющими по Пидруду...

— Уж не считаешь ли ты меня метаморфом, обратившимся человеком?

Шанамир смутился.

— А ты докажи, что не метаморф!

Старший поискал способ показать, кто он есть на самом деле, не нашел, скроил страшнючую рожу, растянул пальцами щеки, да еще свернул рот на сторону и выкатил глаза.

— Вот мое настоящее лицо!— сказал он.— Ты разоблачил меня!

Оба прыснули, спутники проехали арку и пересекли границу города Пидруда.

Казалось, они переступили границу веков. Древние дома поражали количеством углов, стены вверху изгибались, как края чаши, и были выше крытых черепицей крыш. Сама же черепица, растрескавшаяся и кое-где расколотая, была усеяна островками низкорослой травы с мясистыми листьями.

Над крышами завис тяжелый слой тумана, под ним сразу стало темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет.

Шоссе все сужалось и сужалось, и наконец Шанамир повел своих животных по очень узкой, но все еще идеально прямой улице. Множество улочек отходило от нее в обе стороны.

В городе было полно народа. Валентайн не любил людской толкотни, и сейчас силился вспомнить, было ли хоть когда-нибудь вокруг него столько людей. Они толпились, перебегали дорогу перед самым носом животных, кто-то, орудуя локтями, пробивался к ним,— уличные торговцы, носильщики, разносчики, моряки, люди с гор, которые, как Шанамир, только сегодня приехали в город, туристы в нарядных плащах с яркими вышивками, вездесущие мальчишки прямо под ногами... фестиваль в Пидруде!

С верхних этажей зданий через всю улицу тянулись ярко-зеленые полотнища с уже виденным ими гербом и надписью, приветствовавшей лорда Валентайна Коронованного и его приезд в самую большую метрополию запада страны.

— Далеко еще до гостиницы?— спросил Валентайн.

— Скоро будем там. Ты проголодался?

— Чуть-чуть. Хотя нет, больше.

Шанамир что-то крикнул своим животным и они послушно повернули в тупичок между двумя арками; здесь-то и спешились. Спешились и направились на противоположную сторону улицы, к крошечному неказистому ларьку.

Над пылающими углями томились насаженные на вертел сосиски. Продавец был лимен, приземистый, с рябой черно-серой кожей и тремя глазами, сверкающими, как угли. Шанамир объяснился с ним жестами, и спутники немедленно получили два вертела с сосисками и две кружки светло-янтарного пива.

Старший достал монету и шлепнул ею об стойку. Это была тяжелая блестящая монета, лимен посмотрел на нее так, словно это был скорпион.

Мальчик мгновенно накрыл ее своей ладонью и вернул Валентайну, а взамен положил свою — медную, квадратную, с треугольной дыркой в середке. Они взяли угощенье и пошли в закуток, где валялось несколько ящиков.

— Я сделал что-то не так?— забеспокоился Валентайн.

— За твою монету можно было купить этого лимена вместе со всей его лавкой и месячным запасом пива! Где ты ее взял?

— Из кошелька...

— У тебя есть такие еще?

— Должны быть.

Он глянул на монету, словно не видел ее раньше. На одной стороне был изображен худой и морщинистый старик, на другой — лицо молодого и сильного человека.

—Пятьдесят роалов... Значит, она слишком ценная, чтобы расплачиваться ею где попало? Что же можно на нее купить?

—Пять моих животных,— ответствовал Шанамир.— За нее можно жить целый год как принцу, смотаться даже в Альханроель. И, может, что-то еще останется. Пятерым нашим пришлось бы за нее

работать несколько месяцев. Ты разве совсем не знаешь цены вещей?

— Похоже, что так,— сказал старший, подыскивая ящик.

— Наши сосиски стоят десять весовых единиц. Сто единиц — крона, десять крон — роал, а твоя монета — аж пятьдесят роалов. Теперь дошло? Я тебе разменяю ее на рынке, а пока держи при себе. Пидруд честный город, здесь более или менее безопасно, но с кошельком, набитым такими монетами, лучше быть настороже. Почему ты не сказал мне, что у тебя этакое богатство?

Валентайн развел руками.

— Потому что опять не знал, правильно? Ты даже среди простаков будешь странен, Валентайн! Рядом с тобой я чувствую себя мужчиной, в свои тринадцать. Ты вообще что-нибудь знаешь? Ну хотя бы сколько тебе лет? .. Допивай пиво и поехали дальше.

Валентайн покивал, соглашаясь со всем. Сто весовых единиц — крона, десять крон — роал. Он задумался, как ответить Шанамиру насчет возраста.

Двадцать восемь? Тридцать два? И о нем он не имел представления. Что же сказать? Тридцать два, решил Валентайн. Это хорошо звучит: тридцать два. Десять крон — это роал, а блестящая монета, на которой изображены старик и молодой человек, ценится в пятьдесят раз дороже. А ему тридцать два года.

Улица в гостиницу пересекала центр Пидруда, проходила через кварталы, где даже в этот поздний час шумел возбужденный народ. Валентайн поинтересовался, приезд ли Коронованного тому причиной, но Шанамир ответил, что город по вечерам всегда такой — ведь он главный порт на западном побережье Зимроеля. Отсюда корабли уходят во все другие порты Маджипуры не только в обе стороны побережья, но и через Внутреннее Море в далекое плавание, в Альханроель, что занимает солидную часть года. Здешние купцы торгуют даже со слабо населенным южным континентом и сожженной солнцем берлогой Короля Снов...

Когда Валентайн подумал обо всей Маджипуре, обо всей ее массе, почувствовал, как давит его тяжесть этого мира... Впрочем, он сознавал глупость своего представления, ибо что такое Маджипура? Свет и воздушное пространство, гигантский пузырь на планете — огромный, но без видимой субстанции; человек здесь ощущает себя на поверхности, словно бы плывет... Откуда же тогда эта тяжесть, давящая на плечи, откуда этот неожиданно приходящий страх? Он постарался стряхнуть с себя наваждение.

Скоро он ляжет спать, а утром встретиться с новыми чудесами.

— Пересечем Золотую Площадь,— услышал он голос Шанамира,— пройдем по Портовой Дороге, она ведет к пирсам, а там и наша гостиница — в десяти минутах... Глянь-ка на площадь.

Посмотреть стоило — огромный квадрат, на котором могли бы проводить учения две армии, был застроен высоченными зданиями, чьи широкие фасады сверкали в свете фонарей узорами из золотых листьев, сверкали и башни, словно были целиком из золота.

Оказалось, что сегодня площадь переходить нельзя — уже

через несколько шагов они наткнулись на толстый витой шнур, в десятке метров от него стоял отряд солдат в униформе, телохранителей Коронованного— важных, бесстрастных, сложивших руки на груди, на зеленых с золотом камзолах. Шанамир спрыгнул наземь и поговорил со стоявшим перед шнуром торговцем-разносчиком. Вернувшись, угрюмо сказал:

— Везде загорожено. Да пошлет им Король Снов кошмар в эту ночь!

— Что-то случилось?

— Коронованный расположился в главном дворце. Видишь — вон то здание, что с золотыми завитками на стенах? Оно самое высокое. Никто и подойти к нему не может. Нельзя даже обогнуть площадь ни слева, ни справа — там столько народу, что не протолкнешься. Все хотят посмотреть на лорда Валентайна! Придется нам кружить темными переулками, а это займет не меньше часа. Ну ладно, спать — не главное, я думаю. Смотри — вон он!

Шанамир показал на балкон, осветившийся внезапно прожекторами. Люди на нем казались не больше мышей, но мышей важных, одетых в роскошные одежды. Людей было пятеро и стоящий в середине был наверняка Коронованным.

Шанамир вытянул голову, встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентайн сумел рассмотреть немногое: темноволосого человека, кажется, с бородой, в белом меховом плаще поверх темного, зеленого или синего камзола. Коронованный оперся на перила балкона и протянул руку к толпе, которая ответила ему поднятыми над головой растопыренными пятериями — знак сверкающей звезды — и восторженными воплями:

— Ва-лен-тайн! Ва-лен-тайн!

Шанамир тоже кричал:

Ва-лен-тайн! Лорд Валентайн!

Старшего затрясло от отвращения.

— Подумать только!— забормотал он.— Вопят, словно само божество спустилось поужинать в Пидруде. А ведь он всего-навсего человек. Когда его кишки полны, он их опорожняет, верно?

Мальчик всплеснул руками.

— Он Коронованный!

— Это для меня такое же ничто, как я для него — меньше, чем ничто.

— Он правит! Он следит за справедливостью, отгоняет хаос. Ты сам это говорил! Разве такое не заслуживает уважения?

— Уважения — да, но не поклонения, как богу.

— А что в этом нового? Отец рассказывал мне, как было в старину. Коронованные существовали всегда, еще на Древней Земле, и знаешь, как им поклонялись? Почище, чем богу!

— И знаешь, чем все кончалось? Одних убили их же рабы, других отравили собственные министры, третьих задушили жены, были и такие, которых свергли подвластные им народы,— и всех забывали в одночасье!

Валентайна душила злость и он с отвращением сплюнул.

— Множество стран на Древней Земле обходилось без коронованных. Зачем они на Маджипуре, эти сумасброды —

старый и страшный Понтифик, прячущийся ото всех в Лабиринте, посланец скверных снов Сувраеля! Нет, мальчик, может быть, я и глуп для понимания всего, но уж для поклонения Коронованному достаточно умен. Это не что иное, как безумие! Послушай-ка эти вопли! Даже близкого им мэра Пидруда они так не приветствуют.

— Коронованные нам нужны,— настаивал погонщик,— этот мир слишком велик, чтобы им руководили только мэры. Нам нужны великие и могучие монархи, почти равные богам, чтобы держать все в руках. Смотри, смотри!

Мальчик снова показал на балкон.

— Видишь того, в белом плаще. Это Коронованный Маджипуры! Неужели тебя не бросает в дрожь, когда ты видишь его?

— Нисколько.

— И ты не взволнован, зная, что в этом мире столько миллиардов людей — и только один Коронованный, и ты видишь его собственными глазами и больше, может, никогда не увидишь? Я вот умираю от восторга!

— Зря.

— Очень ты странный человек, Валентайн. Первый раз вижу такого. Как может быть, чтобы смертного не трогало лицезрение Коронованного!

— Значит, может,— Валентайн пожал плечами.— Пойдем-ка отсюда — я устал от толпы. Где твоя гостиница?

Обойти площадь оказалось трудным делом: все улицы шли к ней, а параллельных ей не было. Наш караван шел все ширящимися кругами, пытаясь держаться западного направления, животные безмятежно постукивали копытцами по мостовой. Наконец они вышли из района отелей и богатых магазинов и скоро оказались перед захудалой гостиницей с обнажившимися черными балками, темной от дождей соломенной крышей. Погонщик отвел животных в стойло на заднем дворе и отправился к хозяину гостиницы, оставив старшего одного. Валентайн ждал его довольно долго. Моментами ему чудилось, что он слышит далекие крики толпы — Ва-лен-тайн! Ва-лен-тайн!— но хотя это и было его собственное имя, ничто в нем на него не отзывалось.

Послышались легкие шаги — это возвращался Шанамир.

— Все устроено! Дай мне какую-нибудь монету.

— Пятьдесят?

— Мельче, много мельче, что-то вроде кроны.

Валентайн достал деньги, разложил их на ладони и отбросил несколько самых невидных. Протянул Шанамиру. Спросил:

— За ночлег?

— Взятка сторожу,— поднеся монеты к лицу, сказал мальчик.— Лишней постели сегодня не сыщешь. Кто-то пожалуется, что пустили больше, чем положено — и сторож нас выкинет. Иди за мной и помалкивай.

Они вошли в дом. Воздух был спертый, пахло и плесенью. За столом их встретил расползшийся, похожий на большую жабу, хьерт с серым, как у всех хьертов, лицом. На столе перед ним лежали узоры из игральных шнуров.

Шанамир положил перед ним монеты — хьерт чуть заметно

кивнул. В узкой длинной комнате без окон, освещенной краснова-тым светом трех тусклых ламп, лежали матрасы, большинство которых было занято.

— Здесь,— сказал мальчик.

Он слегка поправил ногой ближайший к нему матрас, быстро снял верхнюю одежду и лег, оставив половину ложа старшему.

— Приятного сна,— пробормотал он, уложив голову на руку.

— И тебе того же,— ответил Валентайн.

Он разделся и лег рядом. Ему снова почудились далекие крики, но, видимо, они звучали уже в мозгу, это ему не понравилось — что если они еще и приснятся? Сны он должен держать под контролем, расшифровывать каждое утро... но как хочется спать! Спать, спать, он сегодня устал! А что будет утром? Начнется новый день... И ничего не случится. Ни-че-го.

Сон, разумеется, приснился — где-то в середине ночи.

Валентайн сумел отстраниться от него и следил за его движением, как учили еще в детстве. Сны имели большое значение, они были посланиями Сил, правящих миром, они же вели жизнь человека. Зная путь истины — истинный путь,— сны оберегали от опасностей...

...Валентайн увидел себя посреди огромной разящей пурпуром пустыни, под таким же пурпурным небом и слепящим янтарным солнцем. Он был один, лицо его иссохло, глаза ввалились. Он шел, а земля перед ним расступалась, образуя трещины, сияющие изнутри ярко-оранжевым светом, из трещин выскакивали, как детские пугалки из коробки, какие-то существа, визгливо смеялись ему в лицо, прятались в трещины, а те сразу же закрывались...

Вот и все. Сон был неполный, он ни о чем не рассказывал, в нем не было ни конфликтов, ни символов. Это был какой-то образ, единственная сценка, фрагмент какой-то картины — а всю он так и не увидел. И ко всему, Валентайн не мог сказать, кем был послан этот сон — Благословенной Леди с Острова Снов или злобным Королем Снов.

Проснувшись, он лежал, обдумывая какое-то время свой сон и решил наконец, что не стоит придавать ему значения.

И одновременно с этим почувствовал, что как-то отдалился от своего внутреннего «Я», у него не было с ним связи, словно он вообще не существовал до вчерашнего дня, и так же была от него скрыта прежняя часть этого дня...

Он снова уснул и ничто не тревожило его, кроме недолгого шумного дождя, и снов он больше не видел. Разбудил его свет, теплый, зелено-золотистый, лившийся в открытую дверь из окна холла. Шанамира рядом не было. Кроме Валентайна, в комнате спали еще двое.

Валентайн поднялся, потянулся, размял руки и пару раз присел. Потом оделся, умылся над раковиной у двери и вышел во двор, почувствовав себя отдохнувшим и готовым ко всему, что принесет ему этот день.

Утренний воздух был теплым, влажным, ночной туман успел

исчезнуть. С чистого неба падал уже жар летнего солнца.

Осмотрелся и увидел три лозы, поднимающиеся по стенам. Стволы их были шире человеческого тела, бронзовые лопатообразные листья отливали глянцем и казались тяжелыми, как металл. Растения были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на оркестровую трубу, привлекали взгляд и созревающие, голубоватые ягоды, еще блестевшие от утренней росы. Валентайн сорвал одну ягоду — она была сладкой с привкусом вина. Он съел и вторую, потянулся за третьей, но передумал.

Обойдя двор, увидел животных Шанамира, жующих солому, но самого мальчика здесь не было, наверно, он убежал по каким-то делам.

Выйдя из стойла, Валентайн услышал запах жареной рыбы и сразу почувствовал голод. Пошел на запах, открыл распахнутую дверь и оказался в кухне, где маленький, уже в поту человечек готовил завтрак для постояльцев гостиницы. Человечек без интереса глянул на Валентайна.

— Я не опоздал?— мягко спросил Валентайн.

— Садись. Рыба и пиво. Тридцать единиц.

Он отыскал монету в полкроны и положил на горячую плиту. Повар швырнул ему несколько медяков сдачи и на еще одной сковородке оказался кусок рыбного филе. Валентайн сел у стены. Несколько человек спешили покончить с завтраком. Перед Валентайном возникла стройная женщина.

— Пиво в кувшине,— сказала она, ставя сосуд на стол,— дальше обслуживай себя сам.

— Спасибо,— поблагодарил Валентайн, поднимая глаза на женщину, но та уже повернулась к нему спиной.

Он налил полную кружку. Пиво было грубое, с неприятным привкусом. Зато рыба, зажаренная до хруста, оказалась вкусной. Он быстро ее съел.

— Еще,— сказал он повару.

Тот лишь на секунду повернул к нему голову.

Валентайн заметил, что сидящий за соседним столиком хьерт с раздутым, как от свинки, лицом внимательно разглядывает его. Это любопытство было неприятно и он опустил глаза в тарелку. Глянул на соседа через пару минут — хьерт немедленно отвел глаза.

Принесли рыбу, Валентайн взялся за нее и тут услышал голос хьерта:

— Только что прибыл?

— Ночью.

— Надолго?

— До конца фестиваля наверняка.

Было что-то в хьерте такое, что сразу не понравилось Валентайну. Возможно, внешность — Валентайн находил хьертов не столько просто непривлекательными, сколько грубыми и заносчивыми созданиями. Это было едва ли справедливо по отношению к хьертам — виноваты ли они в том, что так выглядят; впрочем, люди, наверно, тоже казались им неприятными существами: отвратительно гладкая кожа...

Нет, все иначе: просто Валентайн не признавал никакого

вторжения в свою жизнь, никакого разглядывания себя, никаких расспросов. До чего же он размалеван оранжевой краской!.. Так или не так, но хьерт вызвал у нового постояльца и неприязнь, и беспокойство.

Устыдив, однако, себя за предрассудки и боясь показаться необщительным, он заставил себя улыбнуться и сказал:

— Меня зовут Валентайн. Я из Ни-мои.

— Далеко заехал,— ответил хьерт, шумно расправляясь с пищей.

— Ты здесь живешь?

— Южнее Пидруда. Меня зовут Виноркис.

Рыба под ножом чем-то раздражала его; покончив с ней, он снова уставился на Валентайна. Глаза его походили на рыбьи.

— Ты путешествуешь с этим мальчиком?

— Нет. Я встретился с ним на пути в Пидруд.

Хьерт кивнул.

— После фестиваля вернешься в Ни-мою?

Расспрос начал надоедать, но Валентайну все еще не хотелось быть невежливым даже перед настырностью хьерта.

— Еще не знаю,— ответил он.

— Значит, думаешь остаться здесь?

Валентайн пожал плечами.

— Я не люблю загадывать вперед.

— М-м-м,— промычал хьерт,— отличный образ жизни.

Из-за гнусавости хьерта трудно было понять, одобрял ли он такой образ жизни или осуждал, но Валентайна это уже мало беспокоило. Он достаточно поговорил и решил помолчать; у хьерта же, по-видимому, хватило ума больше ни о чем не спрашивать. Он встал, со скрипом отодвинув стул, и неуклюже, как все хьерты, поплелся к двери. Обернулся и бросил:

— Иди теперь на рыночную площадь и оглядись там хорошенько.

Валентайн вышел во двор. Внимание его привлекла странная группа у дальней стены. Шестеро скандаров, крупных косматых четвероруких существ и двое людей перебрасывались, наверняка играя, кинжалами. Валентайн видел их всех за завтраком, особенно запомнив темноволосую женщину и худощавого мужчину, бывшего с ней. Этот, наоборот, был беловолос и белокож. Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, посверкивая в утреннем солнце, все лица были как-то зловеще сосредоточены. Никто ни разу не уронил кинжала, никто не схватил за острие; Валентайн не мог даже сосчитать, сколько ножей участвовало в игре. Представлялось, их все больше, хватаемых и швыряемых множеством рук. Он подумал, что это тренируются жонглеры, готовясь выступить на фестивале.

Скандары, четверорукие и тяжеловесные, проявили чудеса ловкости, но мужчина и женщина не уступали им — жонглировали столь же искусно. Валентайн зачарованно следил за всеми.

И вот один скандар хрюкнул:

— Хоп!

Рисунок игры сменился: шестеро чужаков стали бросать

кинжалы только друг дружке, удваивая и еще удваивая быстроту движений, а двое людей отошли в сторону. Женщина улыбнулась Валентайну:

— Эй, хочешь с нами?

— Что?

— Играть, а что же еще!

Глаза ее лукаво блеснули.

— Опасная, я бы сказал, игра...

— Все настоящие игры опасны. Лови!

Она без предупреждения бросила ему кинжал, одновременно крича:

— Как тебя зовут, парень?

— Валентайн,— еле успел он назваться и схватить за рукоятку летевший рядом с его головой кинжал.

— Ладно схватил,— сказал беловолосый.— А ну-ка этот?

Он тоже метнул кинжал. Валентайн перехватил на лету и этот, хоть и не так ловко, заставил себя улыбнуться и выпрямился, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, не обращая на людей внимания, в том же темпе продолжали игру.

— Верни бросок,— предложила девушка.

Осторожничая сверх меры, чтобы, не дай бог, не задеть девушку, Валентайн бросил. Кинжал описал дугу и упал к ее ногам.

— Мог бы сделать это получше,— услышал он.

Другой кинжал он швырнул посильнее. Девушка уверенно поймала его, выхватила из рук беловолосого очередную «игрушку» и послала их, одна за одной незнакомцу. Он перехватил на лету обе.

На лбу его выступил пот, но он уже вошел в заданный девушкой ритм игры.

— Давай, давай!— подбадривала она.

Он бросал, ловил, снова бросал, беловолосый метнул ему и третий кинжал, он поймал и этот, успевая следить за движениями девушки.

Добро бы это были игровые, тупые кинжалы, но воздух рассекало настоящее оружие. Игра родила в нем автоматичность движений, руки опережали мысль, схватывая один кинжал и почти одновременно посылая напарнику другой.

И все же подумал, что промаха ему не избежать, кинжал неминуемо вопьется в его тело. А оба напарника смеялись и все убыстряли темп. Он тоже растянул губы в улыбке и работал еще минуты три, пока не почувствовал, что новый рефлекс изменяет ему. Пора было остановиться.

Три последних кинжала он намеренно бросил неточно, а потом выпрямился и поднял руки, тяжело дыша.

Жонглеры, стоящие напротив, зааплодировали.

Скандары же не прекращали свое чудовищное кружение кинжалов. Но один из них крикнул:

— Хоп!

Все шестеро, как по команде, повернулись и двинулись в направлении спальных помещений.

Девушка подошла к Валентайну.

— Я — Карабелла,— сказала она.

Жонглерша была не выше Шанамира и совсем молоденькая. Небольшое мускулистое тело дышало энергией. На ней был ладно сидящий светло-зеленый камзол и брюки, а на шее тройная нитка полированных раковин. Темные, как и волосы, глаза, приветливая улыбка.

— Ты раньше жонглировал, друг?— спросила, задирая голову к Валентайну.

— Никогда.

Он вытер лоб.

— Чертовски трудная штука. Удивляюсь, что руки у меня целы.

— Ты никогда не жонглировал?— крикнул издали беловолосый.— Только природная ловкость и ничего больше?

— Должно быть, так,— ответил Валентайн, пожимая плечами.

— Что-то не верится,— бросил мужчина.

— А я верю,— возразила Карабелла,— он хорош, Слит, но, конечно, не в форме. Ты не видел, как он нервничал, как дергался раньше времени. А его броски? То переброс, то недоброс. И как он был естественно неуклюж!— девушка засмеялась.— Просто у Валентайна хороший глаз, Слит, и он говорит правду. Он никогда раньше не жонглировал.

— Хороший глаз...— буркнул Слит.— Его проворству можно позавидовать. Если это так, то у него прямо-таки дар божий.

— Откуда ты, парень?— спросила Карабелла.

— С востока,— уклончиво ответил Валентайн.

— Я так и думала. Ты как-то странно говоришь. Из Вилатиса или Кинтора?

— Из тех краев.

Это нежелание сообщить точный адрес не ускользнуло от внимания собеседников. Те переглянулись.

Вначале Валентайн думал, что жонглеры — отец и дочь. Но, скорее, нет. Слит только казался пожилым; его старили белизна лица и волос, замечаемые издалека. В самом же деле это крепкий, сухощавый мужчина. Остроконечная небольшая бородка и бледно-розовый шрам, идущий от уха до подбородка.

— А мы с юга,— сказала Карабелла.— Я из Фил-Онона, а Слит из Нарабала.

— Вы собираетесь выступать на фестивале?

— Точно. Нас взяли в труппу Залзана Кавола, скандара, он таким образом выполнил указ Коронованного насчет найма людей. А ты? Что тебя привело в Пидруд?

— Фестиваль,— коротко назвал причину Валентайн.

— Может, тоже хочешь подработать?

— Нет, я просто хочу посмотреть на все.

Слит понимающе рассмеялся.

— Можешь нас не стесняться, друг. Разве стыдно торговать животными на рынке? Мы же видели, что ты приехал на них с каким-то мальчиком.

— Я с ним встретился только вчера, у самого города. Это его

твари. А в гостинице мы вместе, потому что я здесь новичок. И торговать мне нечем.

В дверях показался один из скандаров — огромный, раза в полтора выше Валентайна, нескладный, с тяжелой, придававшей свирепость лицу челюстью. Четыре его руки свисали до колен, кисти напоминали корзины.

— Идите в дом!— гаркнул он. Слит кивнул Валентайну и поспешно ушел. Карабелла помедлила. Улыбнулась собеседнику.

— Что ты за человек?— сказала она, вглядываясь в его лицо.

— Не врешь, но и не говоришь правды. Может, ты и сам мало что знаешь о своей душе? Но ты мне нравишься. От тебя исходит какой-то свет, тебе это известно, Валентайн? Какой? Пожалуй, чистоты, тепла, еще чего-то — не знаю, чего...

Она мягко коснулась его руки. Повторила:

— Ты мне нравишься. Наверно, мы опять будем с тобой жонглировать. Хочешь?

И, не дожидаясь ответа, побежала к дверям.

Валентайн остался один; Шанамир не показывался. Ему хотелось бы провести день с жонглерами, но едва ли это получится. Утро переходило в день, а у него все еще не было никакого плана и это породило в нем беспокойство. Впрочем, вон там, в трех шагах от него, начинается незнакомый Пидруд!

И через минуту он уже шел по извилистым улицам, полным зелени. Пышные лианы, деревья с толстыми поникшими ветвями радовались влажному воздуху и солнечному теплу, издалека доносились звуки музыки — мелодия, ведомая душераздирающим скрипом и буханьем барабанов, репетирующих парадное выступление.

В канаве вдоль дороги пенилась, спеша, вода. В ней тут и там резвилась уличная живность Пидруда — минтоны, часоточные собаки и совсем крохотные шипоносные дроли. И всюду, куда бы он ни глянул, кипела какая-то работа, даже бездомных животных захватила всеобщая суета, и они, купаясь, к чему-то готовились...

Все были заняты, кроме Валентайна, который шел, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть в темную лавчонку с вывешенными образцами тканей или в склад пряностей, застывал перед ухоженным садом с цветами, каких он никогда не видел...

Прохожие глазели на него, как на чудо,— а он не мог заставить себя идти деловым шагом.

На одной улице он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших какую-то сценку. Мальчик с золотой повязкой на лбу стоял в центре круга и угрожающе потрясал руками, а дети, танцуя вокруг него, изо всех сил разыгрывали страх. Они пели:

Старый король Снов
Никогда не спит,
Никогда не спит —
Во все глаза глядит!

Только ночь наступит —
Он на землю ступит

И идет к тому,
Кто чувствует вину.

Страшный сон приснится,
Тому, кто провинился,
А кто не провинился,
Тот спокойно спит!

Дети заметили, что прохожий наблюдает за ними, прекратили на минуту игру и, гримасничая, стали показывать на него пальцами. Валентайн засмеялся и пошел дальше.

К началу дня он был в порту.

Пирсы уходили далеко в гавань, на них кипела работа. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из двадцати портов — со всех трех континентов. Шум механизмов, крики рабочих, перетаскивавших тяжелые тюки, муравьиная суета множества народа — вот что такое был порт в это время.

Валентайн увлекся этим зрелищем, забылся, как вдруг почувствовал сильный удар в спину между лопатками. Он обернулся и увидел стоявшего перед ним мордатого, взбудораженного хьерта, от возбуждения он размахивал руками.

— Давай туда!— крикнул он.— Нам нужны еще шестеро для работы на суврейском корабле!

— Да я не...

— Пошевеливайся!— рявкнул хьерт.

Ладно. Можно и поработать. Валентайн двинул на пирс и присоединился к группе грузчиков, которые, оглушая друг друга криками, принимали с корабля груз скота. И Валентайн через пять минут вопил, как они, отвязывая застропленных животных, отгоняя их в ревущую кучу... Но вскоре он ускользнул от них и снова оказался на набережной. Увидев пустой пирс, направился к нему.

Там он постоял какое-то время, спокойно оглядывая море с белыми барашками, заглядывая вдаль, словно надеясь увидеть за горизонтом Альханроель и его Горный Замок, поднимающийся к небесам.

Но разве увидишь эту землю за океаном, таким широким, что в пространстве его могла бы поместиться целая планета! Он глянул даже себе под ноги, мысленно проведя прямую сквозь всю землю, чтобы представить себе, где эта прямая выйдет. Вероятно, в западной половине Альханроеля.

Впрочем, может быть, и в другом месте. Где? В убежище старого Понтифика, владельца запутанного Лабиринта? Или в сердцевине замка Великого монарха? А вдруг прямо напротив него, под ним, на той стороне планеты, лежит Остров Снов, на котором живет ласковая Леди, жрец и жрицы, собравшись вокруг нее, поют сладкими голосами, посылая благословение спящим всего остального мира? А существуют ли вообще эти места и эти люди? Такие странные силы, как Понтифик, Леди, Король Снов, даже Коронованный, которого Валентайн видел собственными глазами всего несколько часов назад? Существуют ли они? Они так нереальны рядом с доками Пидруда, гостиницей, где он спал,

мальчиком Шанамиром и его животными, жареной рыбой, жонглерами, что кажутся мифом, фантазией, миражем.

Солнце стало припекать, усилилась влажность, хотя с моря дул несильный ветер. Валентайн снова проголодался. Бросив последний взгляд на море, он вернулся на набережную и в первой же лавчонке купил за пару медяков нарезанной полосками голубой рыбы в горячем остром соусе. Запил еду чашей пальмового вина невинного золотого оттенка, но обжигающего больше, чем соус к рыбе. Решил было вернуться в гостиницу, но вспомнил, что не знает, как она называется — ни она, ни улица, где та находится.

Впрочем, потеря невелика: все его имущество при нем. Но он никого в Пидруде не знал, кроме Шанамира и двух жонглеров, и расставаться с ними не хотелось. Подумав так, он двинул назад, но немедленно запутался в лабиринте улочек, казавшимися ему одинаковыми.

Трижды он проходил мимо гостиниц, но все не мог найти своей. Время шло, было уже два часа; Валентайн понял, что не найдет ее и ему стало грустно, что не увидит больше Карабеллы — он вспомнил ее глаза, быстрые руки, бросающие кинжалы, прикосновение к нему... Придется искать новую гостиницу и новых друзей.

Он повернул за угол и оказался на рынке.

Это было почти столь же огромное, как Золотая Площадь, пространство, только не возвышались здесь золоченые дворцы с башнями и роскошные отели, а стояли бесконечные ряды лавочек, просто навесов, открытых небу скотных двориков. А воздух был напоен, казалось, всеми ароматами и всем зловонием мира. Валентайн сделал шаг и окунулся в этот мир.

Под навесами на громадных крюках висели мясные туши. Под другими навесами грудились мешки с пряностями. В одном загоне были заточены птицы-прядильщики, поднимавшие головы выше своих хозяев скандаров, поражавшие несуразно яркими длинными ногами. Они время от времени поднимали скандал, клюя и лягая друг друга. В другом — стояли цистерны с сверкавшими на солнце змеями, свивавшимися в клубки, шипящими, злобными. Вот сборище общественных писцов, у которого толпятся неграмотные, а там расположились менялы, обменивавшие деньги дюжины миров... Здесь ряд одинаковых ларьков, торгующих сосисками, в каждом вроде бы не отличимые друг от друга лимены крутят вертела над угольным жаром.

Тут и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры — только не знакомые Валентайна, и сидящие на корточках рассказчики-баюны, повествующие за пару медяков о невероятных приключениях лорда Стиамота, знаменитого Короналя, жившего восемь тысяч лет назад, дела и подвиги которого превратились в легенды. Валентайн слушал минут пять, но затаенный смысл рассказа, восхищавший дюжину бездельников, до него не дошел.

Поплелся дальше — мимо балаганщика, где золотоглазый урун наигрывал на серебряной флейте несложную мелодию, чаруя какое-то трехголовое существо, сидящее в плетеной корзине, мимо улыбчивого мальчишки лет десяти, зазывавшего его поиграть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, торгующих флагами

с изображением сверкающей звезды Коронованного, мимо факира, висящего над большим чаном с мерзко пахнущим кипящим маслом, мимо толкователей снов, мимо прохода, забитого продавцами лекарств и снадобий, мимо ювелирных лавочек... и наконец повернул за угол и увидел скотный двор, заполненный знакомыми ему верховыми животными.

Десятки пурпурных животных стояли бок о бок и спокойно и равнодушно смотрели на всех, кто проходил рядом.

Здесь, судя по всему, шло что-то вроде аукциона; понаблюдав, Валентайн понял, что разобраться в его тонкостях будет не легче, чем в приключениях лорда Стиамота. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами друг против друга и, отчаянно жестикулируя, рубили воздух кистями рук, стучали крепко сжатыми кулаками, двигали локтями... Не произносилось ни одного слова, однако общение, видать, клеилось, потому что писцы, дежурившие сзади, все время что-то записывали на листах бумаги. Запись сопровождалась отпечатыванием кончика пальца, окунутого предварительно в чернила. Затем писцы торопливо прикрепляли к бедру то одного, то другого животного бирку со штампом Лабиринта Понтифика. Идя вдоль аукциона, Валентайн нашел и Шанамира, который, как и все, одухотворенно размахивал руками и даже колотил покупателя по запястьям. Торг завершился особенно сильным ударом и Шанамир выскочил из ряда с радостным воплем. Он увидел Валентайна и в восторге заскакал возле него.

— Я продал! И за хорошую цену!

В руке у него была пачка расписок, данная писцом.

— Пошли со мной в казначейство, а потом будем играть! Ты поздно встал?

— Наверно, поздно. В гостинице почти никого уже не было.

— Я не хотел тебя будить. Ты храпел, как блав. Где ты ходил?

— Зашел в порт. После искал гостиницу, не нашел и случайно наткнулся на рынок. Мне повезло, что я нашел тебя.

— Еще десяток минут и меня бы здесь не было.— Он схватил старшего за руку.— Пошли!

У длинной светлой аркады писцы меняли расписки на деньги.

— Давай твои полсотни,— шепнул мальчик,— я их разменяю. Валентайн отдал тяжелую монету и отошел в сторонку, в то время, как Шанамир встал в очередь. Десяток недолгих минут, и он вернулся.

— Держи,— твои.

Целый ливень монет посыпался в раскрытый кошелек Валентайна — несколько монет по пять роалов и море крон.

— А это мои!— мальчик с гордостью показал три монеты по пятьдесят роалов, чуть поменьше той, что только что разменял. Деньги он упрятал в пояс под курткой.

— Съездил что надо! Во время фестиваля не принято экономить. Теперь потопали в гостиницу и отметим мой успех фляжкой пальмового вина за мой счет!

И чуть они вышли на улицу, как Валентайн узнал ее. Проходил ведь совсем рядом! Мог так и не найти... Но — прочь забота: он здесь и мальчик рядом. Тот тоже радовался и болтал безумолку.

Животину продал, деньги — хлопал себя по поясу — хорошие, прежде чем вернется домой, наиграется, натанцуется, насмотрится на городские диковины.

Они уже с час сидели в таверне, когда в ней появились Слит и Карабелла. Увидели знакомого, подошли.

— Можно сесть с вами?— спросил Слит.

Валентайн представил их погонщику:

— Знакомься: жонглеры из трушы скандаров, будут участвовать в представлении. Мы встретились утром.

В глазах мальчика загорелось любопытство. Слит и Карабелла сели, Шанамир предложил им вина.

— Ты был на рынке?— отпив глоток, спросил Слит

— Был и взял хорошую цену!

— А дальше?— вставила и свой вопрос девушка.

Глаза мальчика сразу погасли.

— Побуду на фестивале, а после придется домой, в Фалкинкип.

Карабелла взглянула на Валентайна.

— А у тебя какие планы?

— Фестиваль — что же еще!

— А потом?

— Видно будет.

Вино кончилось, Слит махнул рукой официанту и на столе появилась вторая фляжка. Ее щедро пустили по кругу. Вино показывало язык, Валентайн почувствовал легкое головокружение.

— А ты не хотел бы стать жонглером в нашей труппе?

Вопрос, что называется, вышиб Валентайна из седла.

— Я же не умею!

— У тебя способности к этому делу,— возразил ему Слит,— не хватает только тренировки. А это мы с Карабеллой устроим. Ты быстро научишься, могу поклясться!

— И я буду ездить с вами, стану бродячим артистом — так?

— Так.— Слит устремил проверяющий взгляд на Валентайна.

А мальчик смотрел на него так, словно увидел впервые!

— Но с какой стати? Зачем приглашать вам чужеземца, новичка, мало что умеющего?

Карабелла что-то сказала Слиту, тот поднялся и вышел.

— Лучше всего тебе объяснит сам Залзан Кавол. Это не наш каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентайн, и ты нам нужен. К тому же — что ты будешь здесь делать? Мы предлагаем тебе нашу дружбу и заработок...

Слит вернулся со знакомым Валентайну гигантом скандаром. Залзан Кавол вызывал почтение только своим появлением — массивный, как шкаф, и неуклюжий. Стул закряхтел под ним, застонал. Скандары пришли сюда из какого-то продуваемого ветрами ледяного мира и хотя жили на Маджипуре уже тысячу лет, трудясь на самых тяжелых работах, требовавших громадной силы, сохранили тысячелетней давности угрюмость и недовольство — даже, кажется, благодатным климатом Маджипуры.

Облик, конечно, играет большую роль, думал Валентайн, который и сам считал скандаров не самым приятным племенем.

Скандар налил себе вина, пользуясь «внутренними» руками, «внешние» же раскинул на всю ширину стола, словно желая захватить его в собственность, раскинул и загрохота́л:

— Я видел, как ты утром перебрасывался ножами со Слитом и Карабеллой. Пожалуй, ты нам подойдешь.

— Ты уверен?

— Мне нужен третий жонглер-человек, и немедленно. Ты знаешь, что́ новый Коронованный сказал относительно выступающих на публике?

Валентайн мотнул головой.

— Это глупо и недальновидно, но что делать, если Коронованный так молод! Он пускает стрелы куда попало. Был приказ, что во всех артистических труппах, где больше трех, один должен быть гражданином Маджипуры и обязательно человеческой расы. Приказ вступает в силу в этом месяце.

— Этот указ,— подтвердила Карабелла,— не даст ничего, кроме расовой розни на планете — а ведь все до сих пор жили здесь дружно.

Залзан Кавол еще больше нахмурился.

— Тем не менее, указ уже опубликован. Наверно, какие-то шакалы в замке наплели Коронованному, что нечеловеческие расы слишком расплодились и что люди Маджипуры голодают оттого, что у них нет работы. Глупость, и глупость опасная!

В другое время никто бы не обратил внимания на указ, но перед фестивалем мы обязаны получить разрешение на выступления, а его нам едва ли дадут. Что за порядок! Я и мои братья уже столько лет зарабатываем себе на хлеб жонглерством, это не вредило ни одному человеку — и вот на тебе! Я нашел в Пидруде Слита и Карабеллу, но нам нужен еще один из ваших. Так хочешь стать жонглером?

— Можно ли научиться вашему искусству за четыре дня?

— Ты побудешь какое-то время учеником,— ответил скандар.— Мы найдем тебе дело на параде — я думаю, ты не посрамишь нас. Закон не требует, чтобы все члены труппы были одинаково искусны. Главное, чтобы трое из нас были людьми.

— А после фестиваля?

— Пойдешь с нами.

— Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете разделить вашу жизнь.

— Я и знать ничего не хочу!— рявкнул скандар.— Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твою постель и твой стол, а кроме этого, ты будешь получать десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы сощурились, словно желая сказать, что он может получать и больше... но деньги для Валентайна мало значили. Ему достаточно было того, что предложил скандар, главное, что он будет со Слитом и Карабеллой — с двумя из трех человек, которых он знал в этом городе, и — понял он со смущением — во всем мире...

Потому что прошлое было для него пустым местом. Ну да, конечно, у него остались смутные представления о родителях, о сестрах и кузенах, о детстве где-то к востоку от Зимроеля,

о школе и походах, но все это стало нереальным, не имеющим ни плоти, ни сути. А будущее? Его он и вовсе не представлял. Жонглеры предлагали заполнить пустоту. Вот только...

— А могу я выставить условие?— спросил Валентайн.

— Смотря что ты попросишь,— скандар нахмурился.

Валентайн кивнул на Шанамира.

— Этому парнишке страсть как надоело возиться с животными и он, я думаю, не прочь попутешествовать. Что если он тоже войдет в вашу труппу?

— Валентайн!— вскричал мальчик.

— Как слуга, подручный, а может, он потянет и на жонглера,— продолжал Валентайн.— Если он тебя попросит, возьмешь его к себе?

Залзан Кавол помолчал, прикидывая, и вот из могучей его глубины послышался рык, предваряющий слово.

— Ты в самом деле хочешь присоединиться к нам?

— Я? Еще бы!

— Этого я и боялся,— угрюмо произнес скандар.— Ну, решено. Мы нанимаем вас обоих за тринадцать крон в неделю. Плюс постель и еда. Согласны?

— Идет!— выкрикнул Шанамир.

— Карабелла, сделаешь из этого парня жонглера. А ты, малец, пойдешь сейчас со мной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Скандар и Шанамир вышли. Покинула стол и Карабелла. Валентайн бросил взгляд ей вслед, любуясь гибкой фигуркой девушки. Слит сорвал белую ягоду из грозди на тарелке, положил ее в рот.

— Что это?— поинтересовался Валентайн.

Слит предложил ягоду и ему.

— Токка. В Нарабале, где они растут, лоза выходит из земли за одну ночь. А к вечеру достигает крыши дома. Правда, в Нарабале отличная почва и каждый день дождь. Дать еще?

— Не откажусь.

Слит не подал, а бросил ему ягоду таким быстрым движением кисти, что Валентайн едва успел поймать ее. Кроме этого, жест был на диво экономичен. Да и весь этот человек был экономичен — без единой унции лишней плоти, точным в движениях, даже голос его был сдержан, а речь — лаконична.

— Жуй семена,— посоветовал он, чему-то усмехнувшись,— они придают силу.

Карабелла вернулась с разноцветными резиновыми мячами, которыми она жонглировала на ходу. Один она бросила Валентайну, три — Слиту, а три оставила себе.

— Я думал, ты принесешь ножи,— сказал Валентайн.

— Они для выступлений. А сегодня мы займемся азбукой,— вставил Слит,— философией нашего дела. Ножи отвлекают.

— Как это — философией?

— Ты думаешь, жонглирование — просто трюк?— заметно обиделся Слит.— Развлечение для зевак? Средство выколотить

пару кронн на провинциальном карнавале? Не без этого, конечно, но прежде всего оно — образ жизни, друг, кредо...

— И род поэзии,— добавила Карабелла.

Слит согласно кивнул.

— И поэзия, и даже математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, некоторые вещи благодаря ему находят свое истинное назначение... не слишком ли вычурно я говорю? Все равно добавлю: когда я работаю, я слышу музыку.

— Может, и вычурно,— сказала Карабелла,— но все это — правда.

Она повернулась к Валентайну.

— Ты готов начать?

— Да.

— Первая задача — успокоиться,— начал урок Слит.— Освободи мозг от всего, что там было до этого момента. Вернись в свою сердцевину, положись на нее.

Валентайн встал, сделал три глубоких вдоха, расслабился...

— Я думаю,— непонятно сказала Карабелла,— этот человек большую часть времени живет в центре своего «Я». А может, он и без центра и поэтому не может уйти далеко.

— Ты готов?— спросил Слит.

— Да.

— Ты будешь проходить основы — по одному приему за урок. Жонглирование — это серия мелких движений в быстрой последовательности, что создает, однако, впечатление непрерывного одновременного потока. Одновременность — иллюзия, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все происходит на одном дыхании...

Слит не говорил, а вещал.

— Теперь закрой глаза. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты находишься по отношению к миру...

Валентайн вдруг увидел всю Маджипуру, огромный шар, висящий в пространстве; половину его покрывал Великий Океан. Валентайн увидел и себя, стоящего на краю Зимроеля. Океан был позади, а материк развернулся во всю ширь; на Внутреннем Море чернела точка — Остров Снов, а дальше был Альханроель и каменный всплеск — Горный Замок. Надо всем царило бронзовое с зеленым оттенком солнце, посылающее пламенные лучи на пыльный Сувраель и на тропики, греющее все остальное; и были луны где-то далеко, а еще дальше — звезды и другие миры, миры, откуда пришли сюда скандары, хьерты, лимены и прочие, и был еще один мир — планета, откуда прилетел на эту землю четырнадцать тысяч лет назад народ Валентайна — Старая Земля, маленькая голубая планета, крохотная по сравнению с Маджипурой, она так далеко, что ее не найти в другом конце Вселенной...

Через звезды и луны Валентайн вернулся в этот мир, на этот континент, в эту гостиницу, в этот двор, на этот клочок влажной плодородной земли, в которую вросли его сапоги,— и сказал Слиту, что он готов.

Слит и Карабелла уже стояли, согнув руки и прижав локти к бокам, в правой руке каждого находился мяч.

— Представь,— начал Слит,— что у тебя в руках поднос с драгоценными камнями. Если ты шевельнешь плечами или локтями, камни рассыплются. Понятно? Секрет жонглера в том, чтобы тело двигалось как можно меньше. Движутся только вещи, а ты управляешь ими, оставаясь неподвижным.

Мяч Слита неуловимо быстро перелетел из правой руки в левую, хотя тело его не шевельнулось. То же сделал мяч Карабеллы. Подражая им, Валентайн послал мяч из руки в руку, но сам почувствовал и свое усилие, и движение. Карабелла поправила:

— Слишком сильно используешь запястье и локоть. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так: рука раскрылась, птица вылетела.

— Совсем не применять запястье?— спросил Валентайн.

— Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони.

Валентайн попробовал. Минимальное движение предплечья вверх, мимолетный поворот запястья, толчок центром ладони — словно бы сердцевиной самого существа жонглера.

Мяч перелетел в левую ладонь.

— Так,— сказал Слит.— Еще раз.

Еще раз и еще, и еще... Пятнадцать минут все трое перекидывали мяч из одной руки в другую. Мяч должен был лететь по неменяющейся дуге, при этом голова оставалась неподвижной — попробуй-ка сделать это! Руки ждут — мяч летает. Через какое-то время Валентайн стал делать заданное механически.

Из стойла вышел Шанамир и растерянно уставился на жонглеров. Посмотрел, махнул рукой и пошел прочь. Валентайн не останавливался. Перебрасывание мяча еще не походило на жонглирование, но оно уже занимало его и он целиком отдался ему.

Вдруг заметил, что партнеры перестали работать с мячами, только он все еще действует, как заведенная игрушка.

— Лови!— крикнул ему Слит, пуляя в него сорванную с лозы ягоду токки.

Валентайн сумел схватить ягоду между бросками мяча и не сунул в рот, думая, что придется жонглировать и ею, но Слит жестом показал, что ягоду нужно съесть — это, мол, награда напарнику за усердие.

А Карабелла наградила его вторым мячом в левую руку и третьим в правую, хотя там тоже был мяч.

— У тебя крупная кисть,— объяснила она, тебе будет легко работать с ними. Следи за мной и делай, как я.

Теперь она стала перебрасывать мяч из руки в руку, ловя его в щепоть из трех пальцев, два же других мяча зажимая ладонью. Валентайн попытался повторить фокус. И хотя было трудно освоить новый способ, скоро он овладел и им.

— Теперь,— удовлетворенно сказал Слит,— перейдем к началу нашего дела. Будем делать обмен.

Один мяч пролетел по дуге на уровне его лица из правой руки в левую. Пока мяч летел, Слит приготовил ему замену в левой руке, бросив мяч, который был в ней, по более низкой траектории.

Маневр казался довольно простым — быстрый взаимный переброс, но когда новичок захотел это повторить, мячи столкнулись и отлетели в стороны. Карабелла вернула их Валентайну. Он сделал еще попытку — тот же результат. Девушка взялась знакомить его с тонкостью фокуса, уточняя траектории летящих мячей. Он повторял ее движения, у него то получалось, то нет, он взмок — черт его дери, этот двойной бросок! Первая тренирока длилась, казалось ему, уже несколько часов...

И наконец двойной бросок стал удаваться, но к этому времени усталость подкосила его колени, но странная это была усталость: ритм работы вошел в его организм настолько, что подумалось — он может и дальше манипулировать надоевшими мячами.

Он заметил, что в руках Слита летают уже три мяча.

— Попробуй и ты,— предложила Карабелла,— это только в начале кажется невозможным.

Легкость, с которой он справился со следующим заданием, удивила и его, и Слита. Карабелла захлопала, а Слит одобрительно крякнул.

А дальше — пошло! Бросок — захват, бросок — захват, мяч все время был в воздухе, другой падал в его руку, а третий ждал, пока его бросят.

Получилось без запинки три, четыре, пять раз, прежде чем Валентайн осознал трудность того, что он сделал,— синхронность немедленно нарушилась: мячи столкнулись и упали наземь.

— У тебя просто талант!— словно не видя упавших мячей, сказал Слит.— Явный талант!

Столкновение мячей раздосадовало новичка, но что это была за досада по сравнению с тем, что он с первой попытки жонглировал тремя мячами! Он поднял их с земли и начал жонгляж, который уже нравился ему.

Пять, шесть, семь удач подряд, а после он потерял им счет, потому что им завладел волшебный ритм, который выполнял дело будто бы без его участия. Его сознание как бы разделилось: одна часть следила за точностью и правильностью броска, другая же управляла взлетом и падением мячей и мгновенно рассчитывала скорость, угол и темп бросков. Сканирующая часть его мозга передавала информацию другой, управляющей движением рук. Время длилось и распадалось на бесконечно малые отрезки. Однако, как это ни парадоксально, но не чувствовал их последовательности. Три мяча как бы фиксировались на своих местах: один все время в воздухе, два других — в руках, и хотя в каждый момент эти положения занимали разные мячи, было уже неважно.

Да, каждый мяч был и всем, время — безвременьем, точнее, его не существовало. Валентайн не двигался, не бросал, не ловил— он только наблюдал за потоком, а поток этот застыл вне времени и пространства. Наконец-то он понял секрет этого искусства. Своим расщепленным сознанием он вступил в бесконечность, он объединил ее.

Он шел к внутренней природе движения и понял, что движение — иллюзия, а последовательность — ошибка восприя-

тия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и не было на свете ничего, кроме этого мига настоящего.

Когда дух Валентайна воспарил, он почувствовал еще уловимой вспышкой сознания, что не стоит на месте, а каким-то образом двигается вперед, магически притягиваемый вращавшимися по орбите мячами, которые — сами!— отдалялись от него. Они отступали по двору с каждой серией бросков, и он теперь ощущал, что это именно серийность, а не бесконечный, безостановочный континуум, и ему приходилось делать за ними шаг за шагом, чтобы не отстать, и в конце концов он буквально бежал вокруг двора. Слит и Карабелла уступили ему дорогу. И вот мячи совершенно отошли от него, хотя он сделал отчаянный рывок за ними, отошли и запрыгали по земле.

Изнемогая, Валентайн упал на колени. Сзади он услышал смех своих инструкторов.

— Что случилось?— спросил он.— Я начал так хорошо, но вдруг...

— Мелкие ошибки, накапливаясь, превращаются в промах,— объяснила Карабелла.— Ты увлекся и бросил мяч чуть правее, чем нужно, потянулся за ним вперед, в результате следующий бросок был еще хуже и так шло до тех пор, пока мячи не отошли от тебя. Ты начал охотиться за ними и кончилось тем, что преследование стало невозможным. Такое случается со всеми новичками. Не тревожься.

— Подними мячи,— сказал Слит.— Через четыре дня ты будешь жонглировать перед Коронованным.

Он тренировался часами, работая всего с тремя мячами, тренировался до тех пор, пока не проник в бесконечность, переходя от монотонности к возбуждению и обратно, так что сама монотонность превращалась в экстаз. Одежда промокала от пота и прилипала к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруда короткий слепой дождь, Валентайн продолжал перекидывать мячи.

Дождь кончился, пришло время сумерек. Солнце уже прикрылось от земли легкой дымкой, а новичок все продолжал жонглировать.

Непонятное желание тренироваться наполняло его.

Он мельком видел фигуры проходящих мимо — Слита и Карабеллы, скандаров, Шанамира, незнакомых людей, приходивших и уходивших, и не обращал на них внимания.

Он стал пустым сосудом, который, как вином, наполнялся диковинным искусством, некой тайной, и не смел остановиться, боясь, что упустит тайну и снова станет пустым.

Кто-то подошел к нему и он вдруг оказался с пустыми руками. Это Слит перехватил мячи один за другим, когда были в воздухе. А руки новичка все еще двигались в заданном ритме, глаза — сфокусированы на плоскости, в которой только что летали мячи.

— Выпей это,— услышал он голос Карабеллы.

Девушка протянула ему стакан. Это было пальмовое вино, но он выпил его, как воду. Карабелла подала и второй стакан.

— Ты прирожденный жонглер,— сказала она.— Какая ко-

ординация, какая сосредоточенность! Но ты прямо испугал нас, когда не мог остановиться.

— В Звездный день ты будешь работать лучше нас,— похвалил его и Слит.— Коронованный, должно быть, наградит тебя. Эй, Залзан, что скажешь?

— Я скажу, что он весь мокрый и ему нужно переодеться,— громыхнул скандар.

Он протянул Слиту несколько монет.

— Сходи на рынок и купи ему подходящую одежду. Карабелла, отведи его помыться. Через полчаса сядем за стол.

Девушка провела еще не пришедшего в себя Валентайна через двор, через спальни и дальше.

К боковой стене гостиницы был пристроен открытый сверху закуток.

— Вот зверюга!— сердито сказала Карабелла.— Не позволил себе похвалить тебя! Я знаю, что хвалить не в его правилах, но для тебя он мог сделать исключение.

— Залзан Кавол?

— Да. Он был поражен. Но ты ведь человек! У тебя две руки! Ну да ладно... Сюда. Раздевайся.

И быстро сбросила одежду с себя. Он сделал то же самое, оставив мокрую рубашку и штаны на земле. Увидев в ярком лунном свете наготу девушки, оцепенел. Тело ее было по-мальчишески худеньким — совсем мальчишка, если бы не округлости бедер и груди. Под кожей играли хорошо развитые мышцы. На ее ягодице он заметил вытатуированный красным с зеленым цветок.

Карабелла подвела его под устройство, похожее на душ, и включила его. Это был очиститель, чья вибрация быстро сняла с обоих пот и грязь. Голыми они вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя мягкие серые брюки и куртку. Слит принес Валентайну обновку — бутылочного цвета камзол с алой отделкой, узкие красные брюки и темно-синий, почти черный плащ. Эта одежка была куда элегантнее той, которую Валентайн оставил в очистителе. Надев обнову, он почувствовал себя как бы выше рангом и в столовую вошел, задрав подбородок.

На ужин было тушеное мясо, к нему подали то же пальмовое вино. Вместе с ними сидели за столом все шестеро скандаров. Ужинали, однако, молча. Поев, Залзан и его братья, так и не сказав ни слова, встали и вышли.

— Мы их ничем не обидели?— забеспокоился Валентайн.

— Нет, это их обычная вежливость,— ответила Карабелла.

Хьерт Виноркис, с которым Валентайн разговорился за завтраком, подошел, навис над плечом, засопел.

— Я видел, как ты жонглировал. У тебя здорово получалось.

— Спасибо...

— Это твое хобби или...

— Никогда раньше этим не занимался. Они говорят, что дар. Пригласили даже в свою труппу.

На хьерта это произвело впечатление.

— Вот как? И ты согласился?

— Похоже на то.

— И где ты будешь выступать?

— Пока не знаю. Это еще не решено. Но где бы они не работали, для меня это будет одинаково хорошо.

— Ах, какая жизнь!— хьерт возбужденно хрюкнул.— Я и сам бы хотел помотаться по свету. Может, скандары возьмут и меня?

— Ты умеешь жонглировать?

— Могу. вести счета. Я жонглирую цифрами.

Виноркис хохотнул и панибратски хлопнул Валентайна по спине.

— Поговоришь с ними? Ну, спокойной ночи!

— Кто это?— спросила Карабелла, когда хьерт вышел.

— Мы с ним поболтали за завтраком. Местный торговец, кажется.

Девушка нахмурилась.

— Мне он что-то не нравится. Впрочем, хьертов мало кто любит. Отвратительные существа.

Она встала.

— Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. После столь многих событий этого дня, ему должно было присниться жонглирование, как главное, но нет — он снова оказался на пурпурной земле; опасный знак: маджипурцев с детства учили, что повторяющийся сон предвещает какую-то беду. Леди редко посылает один и тот же сон дважды, зато Король это практикует. Сон был фрагментарный. В небе парили усмехающиеся лица. Песок закручивался на тропе перед ним водоворотами. Из земли вырастали шипы. Все было угрожающим, все кричало о беде. Но, как и раньше, не появилось ни кого-то главного, ни завязалось сюжета.

Зловещее собиралось, как грозовые тучи.

Эти тучи разогнал рассвет.

На этот раз Валентайн проснулся первым.

Рядом блаженно посапывал Шанамир.

Слит свернулся калачиком в конце комнаты. Улыбалась чему-то, лежа бок о бок с ним, Карабелла.

Скандары, вероятно, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только два глыбообразных хьерта и тройка урунов, свернувшихся в клубок.

Валентайн достал из чемоданчика Карабеллы три мяча и вышел во двор, где рассветные лучи пронизывали туман. Он хотел проверить вчерашнюю свою удачу.

Часом позже появился Слит и, застав его за работой, всплеснул руками.

— Да ты просто одержимый, друг! Приветствую твою страсть. Но не переутомись. Сегодня тебе предстоят более сложные вещи.

Начавшийся вслед за этой разминкой урок состоял из вариаций освоенного им трюка. Теперь он должен был бросать мячи так, чтобы один все время находился в воздухе, и он овладел им за полдня. Карабелла заметила, что у других это заняло бы несколько дней.

А еще его учили ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать, работая с мячами. Он теперь жонглировал всеми тремя,

поднимаясь и спускаясь по лестнице, присев на корточки, стоя на одной ноге, как важная птица с болот Зимра, опустившись на колени. Глаза и руки обрели абсолютное согласие, а все то, что делало тело, никак не влияло на полет мячей.

После обеда Слит показал ему хитрости — как бросать мяч из-за спины, из-под ноги, жонглировать скрещенными руками. Карабелла, в свою очередь — как работать и тыльной стороной кисти вместо того, чтобы ловить и бросать, жонглировать с помощью стены. И это он быстро освоил. Учителя не говорили ему комплиментов — постоянная похвала теряет положительный эффект,— но он замечал, как они переглядывались при виде его удач, и это было ему приятно.

Скандары репетировали в другом конце двора, отрабатывая то, что они покажут на параде — жонгляж с серпами, кинжалами и горящими факелами. Валентайн, поглядывая на них, изумлялся ловкости четвероруких существ — после чего с еще большим рвением брался за свои мячи.

Так прошел второй и третий день его учебы. На четвертый мячи сменили дубинки, Карабелла назвала их булавами. Смена предметов далась трудно, помогли усвоенные уже принципы жонглирования. Гладкие и тяжелые булавы ладно прилипали к его ладоням.

Он начал с одной, перебрасывая ее из правой руки в левую. Тут были свои хитрости, к которым приобщила его Карабелла. Он схватывал все на лету — как, скажем, мячики.

— А теперь,— начала новый трюк Карабелла,— возьмем в левую руку два мяча, а в правую — булаву...

Поначалу мешали разницы в массе и скорости, но ненадолго; после этого варианта в руке были уже две булавы и один мяч в другой, а к вечеру он работал с тремя булавами, хотя болели с непривычки запястья и резало от напряжения глаза. И все равно он продолжал тренировку.

По дороге в столовую он спросил:

— Когда я начну жонглировать в связке с другими?

Карабелла улыбнулась.

— Не спеши. Начнем это после парада — мы скоро поедем на восток, в деревни.

— Мне кажется, я мог бы попробовать работать в связке сейчас.

— Не спеши,— повторила она.— Даже у чудес есть границы. Ты замечательно начал, но если бы мы взялись жонглировать на параде втроем, в тебе любой узнал бы новичка. А Коронованному это едва ли понравится...

Он признал справедливость ее слов. И все же подумал, что будет здорово, когда он, как равный, войдет в круг жонглеров, работая всеми предметами — булавами, кинжалами, факелами, как они — и не хуже скандаров.

Всю эту ночь шел дождь, необычно долгий для субтропического Пидруда, где правилом были короткие ливни. Двор утром был залит лужами, как они будут тренироваться? Но небо было без облаков и вовсю сияло солнце.

Шанамир, во время тренировок приятеля болтавшийся в горо-

де, рассказал, что подготовка к параду идет полным ходом.

— Повсюду ленты и флаги,— трещал он, глядя, как Валентайн, стоя возле крыльца, разминается с булавами,— знамена со сверкающей звездой выставили вдоль всей дороги от Ворот Фалкинкипа до Драконьих Ворот, а от них — вдоль всей портовой набережной. Представляешь, там висят даже расписанные золотом знамена. Говорят, все это стоит не одну тысячу роалов!

— А кто платит?— спросил, не переставая метать булавы, Валентайн.

— Как кто? Народ Пидруда!— Он был удивлен.— Разве станут сыпать такими деньгами Ни-моя или Велатис!

— А почему бы самому Коронованному не оплатить фестиваль в его честь?

— Тогда он должен будет обложить налогами весь наш мир! А зачем, к примеру, городам Альханроеля выбрасывать денежки за фестиваль в Зимроеле? Послушай — ведь это же честь: принимать Коронованного! И Пидруд платит... Валентайн, ты так быстро научился управляться с этими дубинками!

— Может, попробуешь и ты? Смотри, как это делается...

— Я смотрю, смотрю, а никак не могу ухватить кое-чего.

— Пройдет парад, и я тебя научу; тогда у нас будет время.

— А куда мы отсюда направимся?

— Точно не знаю. Карабелла сказала, что на восток. Наверно, туда, где ярмарки, карнавалы или фестивали, как здесь. И где любят жонглеров.

— Я тоже буду жонглером, Валентайн?

— Если сильно захочешь. Ты ведь говорил, что хочешь поплавать в море.

— Я очень хочу путешествовать,— серьезно сказал Шанамир,— но не обязательно по морю. Главное — я не хочу возвращаться в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день я торчал там в стойлах и, кроме животных, никого не видел,— хватит с меня! Знаешь, в ту ночь, когда я покинул дом, мне приснилось, что я научился летать. Это был сон от Леди — я сразу понял, что этот сон означает. Он означал, Валентайн, что я пойду наконец туда, куда давно хотел! Когда ты спросил скандара про меня, я прямо затрясся. Я думал... Я хотел...

Он с трудом овладел собой.

— Валентайн, я хочу быть таким же жонглером, как ты!

— Я еще не жонглер. Я — начинающий.

Булавы его после этих слов замелькали, как спицы на быстром колесе.

— Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

— Слит и Карабелла — хорошие учителя.

— Никогда не думал, чтобы кто-то так мог все схватывать, как ты,— объявил Шанамир.— Ты, наверно, какой-то особенный. Бьюсь об заклад, ты в прошлом — важная особа, которой взбрело на ум побродяжить. А простачком ты прикидываешься...

— Видишь, как много во мне сокрыто,— усмехнулся Валентайн.

Он попытался бросить булаву из-за спины, но она ударила его

по левому локтю — и все три вывалились из рук. Он поморщился, растирая локоть. Заворчал:

— Вот тебе и жонглер! Видал? Чему я хорошо научился, так это расшибать себе локти!

— Ты это сделал, наверно, чтобы сменить тему,— ответил ему Шанамир.— Знаю я тебя!

Утро Звездного дня, дня парада, Дня Коронованного — первый день фестиваля, а Валентайн спал и видел красивый и уютный сон: зеленые холмы, озера с желтыми и голубыми водяными цветами... Его разбудили чьи-то пальцы, тронувшие ребра. Он сел, моргая, все еще видя цветы. Над ним склонилась Карабелла. Чуть-чуть рассвело. Девушка смеялась.

— Что так рано?— Валентайн зевнул.

— Чтобы увидеть Коронованного, нужно занять хорошее место. Вставай, вставай, все уже готовы!

Он встал с трудом. Ныли запястья после вчерашней тренировки, побаливала спина. Он раскинул руки и потряс расслабленными кистями. Карабелла ждала, когда он придет в себя. Она взяла его руки и чуть растерла.

— Ты будешь здорово работать сегодня,— сказала она.

— Ты думаешь?

— Не сомневаюсь нисколько. У тебя все будет отлично, вот увидишь. Ты крепкий парень, Валентайн!

— Ты будто заглянула мне внутрь.

— Я знаю тебя, может быть, лучше, чем ты сам. Скажи, можешь ответить, в чем разница между сном и явью?

Он снова заморгал.

— Не понял.

— Я порой думаю, что для тебя то и другое одинаково — что ты живешь во сне, а в жизни — спишь. Правда, я в этом не совсем уверена. А Слита ты прямо околдовал, а это с ним редко бывает. Он везде бывал, много видел — но ты для него загадка, тайна. Он только о тебе и говорит.

— Не думал, что я так интересен. По мне, так я скучный.

— Мы думаем иначе.

Карабелла сменила тон.

— Ну, давай одевайся и поешь перед парадом. Мы увидим, как выглядит наш Коронованный, после будет наше представление, а ночью...

— Что ночью?

— Мы будем праздновать!— крикнула она уже из дверей.

На улицах был еще туман, когда труппа жонглеров направилась к забронированному для них Залзаном Каволом месту на главном шоссе.

Путь Коронованного начинался на Золотой Площади, где во дворце он ночевал, шел к востоку, пересекая другие площади и улицы, петляя по городу так, чтобы каждый мог увидеть властителя, не минуя почти ни одних ворот, украшения Пидруда, и заканчивался близ порта на самом большом стадионе столицы.

Все было продумано так, чтобы сперва народ увидел Коронованного, а уж после он посмотрит на проходящий мимо него народ.

Парад и праздник будут продолжаться весь день и всю ночь, по всей вероятности, до зари.

Поскольку жонглеры были частью королевского развлечения, место им было выбрано неподалеку от порта и, следовательно, от стадиона. Залзан Кавол не оплошал — они остановились у Арки Снов. Правда, колесницы Коронованного им придется ждать чуть ли не весь день. Но тут уж ничего не поделаешь.

Проходя по городу, они видели, как сильно, как разорительно пышно он разукрашен — знаменами, транспарантами, новыми светильниками. Даже дорогу не обошел праздник — она была окантована в цвета Коронованного, ярко-зеленый и золотой.

Уже в ранний час дорога была забита зеваками, но толпа расступалась перед труппой, когда Залзан Кавол показывал пачку пригласительных билетов. Люди Маджипуры отличались вежливостью и миролюбием. Да и кто рискнет связаться с шестеркой угрюмых шкафоподобных скандаров!

И вот началось долгое ожидание. Утро было теплое, скоро станет жарко. Им всем ничего не оставалось, как только ждать, лупясь на пустынное шоссе и черный полированный камень Арки Снов. Карабеллу прижали к Валентайну слева, Шанамира — справа. Время тянулось бесконечно. Разговоры, чуть начавшись, замолкали. На минуту привлекла фраза, брошенная кем-то сзади:

— Никогда не пойму этих идиотских приветствий и всей этой шумихи. Я ему ни капельки не верю.

Валентайн насторожился. Двое зрителей, судя по голосам, гайров, говорили, конечно, о Коронованном, и отнюдь не благожелательно.

— Он издает слишком много указов,— ответил второй голос первому,— если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое. В этом, я думаю, нет никакой необходимости.

— Он хочет показать, что не сидит на троне без дела,— примирительно произнес первый.

— Да нет же! При лорде Вориаксе, а до него при лорде Молиборе, все шло хорошо и без дурацких указов. Это скорее признак неуверенности.

— Тише! Сегодня такой день, что лучше придержать языки.

— Если хочешь знать, он еще не совсем уверен, что взобрался на трон,— вот и хочет обратить на себя внимание. Так я полагаю...

— Думаешь, меня интересует твое мнение?— раздраженно бросил второй.

— И еще одно,— не унимался первый голос,— имперские надзиратели слетели со своих мест — все. Чего он хочет? Насадить новую полицию, чтобы она шпионила для Коронованного?Зачем? Кого он боится?

— Таких, как тебя. Заткнешься ты или нет?

— Кому я опасен?— возразил первый.— Видишь, я держу знамя со сверкающей звездой, как и другие. Разве я не лояльный гражданин? Но мне не нравится, как идут дела. Граждане, по-моему, имеют право заботиться о благе государства! Если нам что-

то не нравится, мы должны говорить об этом. Это же в наших традициях, верно? Кто знает, чем обернется мелкое злоупотребление через несколько лет!

Значит, думал Валентайн, хоть все и вопят, надрывая глотки, и машут руками, как ветряки крыльями, есть среди них и те, что критикуют Коронованного? Сколько же таких, что приветствуют его только из страха или личного интереса?

Гайроги замолчали. Валентайн послушал и другие разговоры, но на этот раз ничего интересного не было. Время все еще ползло, как улитка.

Валентайн переключил внимание на Арку и смотрел на нее так долго, что запомнил все ее украшения — вырезанных в камне героев далекого прошлого Маджипуры, героев войны с метаморфами, коронованных, предшествовавших легендарному Стиамоту, древних Понтификов, Благословенных Леди... Арка, по словам Шанамира, была очень старой и в Пидруде считалась священной. Ей было девять тысяч лет, ее вырезали из блоков вилатисского мрамора, могущего противостоять всем непогодам. Пройти под Аркой означало, что ты теперь под защитой Леди и тебе обеспечены хорошие сны на целый месяц.

То тут, то там заговаривали о том, где сейчас находится Коронованный. Вот он выехал с Золотой площади и направился к Воротам Фалкинкипа; а сейчас он остановился в кварталах, населенных хьертами и урунами, чтобы швырнуть им пару горстей пятикроновых монет; наверняка задержался у плачущего ребенка, гладя того по голове, надолго замер у гробницы своего брата лорда Вориакса... Коронованный, Коронованный! Сегодня внимание всех обращено на тебя!

Мысль Валентайна сама собой последовала за властителем. Ну что за бессмыслица — все время парад! Эти роскошные выезды на люди, вынужденная улыбка, взмахи рукой, раздача монет — участие в бесконечном безвкусном спектакле, устраиваемом то в одном, то в другом городе, демонстрация наличия всей правительственной власти в одном физическом теле! Рев толпы, оскаленные рожи черни... И при такой занятости — ухитряться держать в руках бразды правления. А... надо ли их держать? Система государственности была такой древней, что все шло, наверно, само собой.

Древний Понтифик, скрытый по традиции где-то в таинственном Лабиринте Альханроеля, издавал декреты, которым подчинялась вся планета, а его приемный сын и наследник Коронованный, занявший Горный Замок, был исполнителем его воли, он правил ею — в то время, когда не присутствовал на очередном параде. Не был ли он лишь символом величия? Мир, такой спокойный, благожелательный и даже веселый, думал Валентайн, не без темных пятен, конечно,— нуждается ли он в этой помпезной надстройке? Пережиток, пережиток давно закончившейся эры, может быть, нуждавшейся в ней. А так ли она нужна сейчас?

Жить, дышать этим утренним воздухом, есть, пить, спокойно спать — остальное пустяки!

— Коронованный! Коронованный едет!— закричал кто-то.

Так уже кричали с десяток раз в течение часа, но весть не

подтверждалась. Сейчас же — ровно в полдень — он и в самом деле появился.

Колесницу Коронованного приветствовал далекий рев, похожий на шум морского прибоя. Он становился все громче — и вот на шоссе показались герольды на быстроногих животных, они неслись почти галопом, герольды трубили. Затем взору представилась рассекающая толпу низкая платформа, на которой красовались личные телохранители Коронованного в расшитой золотом униформе — специально отобранный отряд мужчин и женщин разных рас. Они стояли навытяжку и выглядели, на взгляд Валентайна, весьма достойно и в меру глупо.

А вот и колесница Коронованного!

Тоже моторизованная, она плыла на высоте нескольких футов над мостовой.

Колесницу обрамляла белая с блестками ткань с вставками-квадратами из меха редких животных, выглядела она величественно и богато. На ней стояло с полдюжины высших чинов Пидруда и его провинции — мэры, самые именитые дворяне — все в парадных мантиях. Среди них возвышался, благосклонно протягивая руки к народу, сам Валентайн Коронованный, второй сиятельный властелин Маджипуры, и поскольку его приемный отец Понтифик никогда не показывался простому люду,— может быть, истинное воплощение авторитета, который только и мог существовать на этой планете.

— Валентайн!— кричали вокруг.— Лорд Валентайн!

Его тезка рассматривал Коронованного с тем же вниманием, что и вырезанных в мраморе героев Маджипуры. В импозантности ему не откажешь — выше среднего роста, сильные плечи, крепкие руки, властное лицо. Кожа оливкового оттенка, черные волосы закрывают уши, подбородок окаймляет черная бородка.

В ответ на гром приветствий лорд Валентайн поворачивался то в одну то в другую сторону, слегка наклонял голову и поднимал руку в приветствии.

Платформа быстро проплыла мимо жонглеров, но в один из этих мгновений глаза Валентайна и лорда встретились. Возник молниеносный контакт — казалось, между ними проскочила искра — Коронованный улыбнулся... Вот где загадка: улыбки великих, их наряды таят в себе особую силу — Валентайн, как и все вокруг, был захвачен восторгом лицезрения Коронованного, был подавлен колдовством имперского могущества.

За эти мгновения он понял благоговение Шанамира и окружающей его толпы. Да, лорд Валентайн был всего лишь человеком, он вынужден время от времени опорожнять мочевой пузырь, ему нужно наполнять свое брюхо, спать ночью и просыпаться утром, зевать. В детстве он пачкал пеленки, кричал, плакал... Но вот он попал в высшие круги, поселился в Горном Замке, сын Леди Острова, он стал приемным сыном Понтифика Тивераса, как и его брат покойный Вориакс, он прожил большую часть жизни у подножия власти, а теперь на его плечи легла тяжесть управления всем колоссальным миром планеты, населенной миллиардами. Такая жизнь меняет человека, возвышает его над другими,

окружает аурой святости и отчуждения. Эта аура коснулась и его, Валентайна, он не мог ее не ощутить.

Колесница скрылась из глаз, исчезла и аура, хотя где-то неподалеку лорд Валентайн продолжал улыбаться, протягивая руки к толпе, кивая кому-то. Сейчас его тезка почувствовал себя обманутым.

— Выходим,— услышал он рык Залзана Кавола,— нам пора на стадион.

Весь Пидруд собрался в этот день вдоль маршрута Коронованного, и пройти на стадион оказалось делом не трудным.

Уже через пятнадцать минут труппа жонглеров была в порту, а еще через десять подходила к стадиону. Здесь тоже собирались люди. Тысячи зевак давились на пристанях позади стадиона, чтобы еще раз увидеть Коронованного.

Скандары, выстроившись клином, врезались в толпу, Валентайн, Карабелла и Слит шли в кильватере.

Участники представления стягивались в отгороженной задней части стадиона, здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты гладиаторы с Кайвана, рядом с которыми даже скандары выглядели среднерослыми, труппы акробатов, еще раз испытывающих свои пирамиды, абсолютно нагая балетная труппа, три оркестра с престранными музыкальными инструментами, дрессировщики, удерживавшие на цепях огромных морских зверей, яростно грызущихся меж собой, всевозможные уроды и уродцы — мужчина весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов роста, тонкая, как бамбуковая палка, двухголовый урун, три близнеца лимена, соединенные меж собой полоской сине-серой плоти, кто-то, чье лицо было похоже на топор, а нижняя часть — на колесо, и много всяких других. Валентайна замутило от вида уродов, от запахов и звуков этого скопища.

Обезумевшие писцы, украшенные муниципальными бляхами, старались выстроить всех хоть в какую-то колонну. Порядок церемонии был установлен — Залзан Кавол отдал писцу свои документы и получил номер, указывающий место их труппы в общем строю, но найти соседей по ряду было уже их заботой, и дело это оказалось непростым. Все в огороженном пространстве находились в непрерывном движении, найти чьи-то номера в нем было все равно, что навесить ярлыки на морские волны.

После долгой толкотни и расспросов место все-таки нашлось — между труппой акробатов и оркестром.

Когда все разместились, как было предусмотрено, парад на несколько часов замер. По рядам ходили разносчики, одаривая желающих кусочками жареного мяса и стаканчиками зеленого или золотого вина и не требуя платы за угощение. Но вино не освежало — от душного воздуха и испарения множества тел Валентайн почувствовал дурноту. Через час, думал он, мне придется жонглировать перед Коронованным. Жонглировать, Коронованный — как странно это звучит! Хорошо, что рядом Карабелла — веселая, несмотря ни на что жизнерадостная, неутомимая.

— Да избавит нас бог от подобного в будущем,— шепнула ему она.

Наконец у ворот стадиона началось какое-то движение — там словно отвернули кран, и первая порция артистов просочилась на стадион. Валентайн встал на цыпочки, но ничего толком не разглядел. Прошел еще почти час, когда волна движения докатилась до них. Теперь весь строй медленно поплыл вперед.

Со стадиона доносились уже звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты, оркестр, стоявший впереди их труппы, готовился к выходу. Не менее двадцати инструментов пробовали голоса. Ни один из них не был знаком Валентайну.

С виду инструменты были красивы, даже изящны, но звуки!.. Вот и последний музыкант исчез за двойными воротами стадиона, церемониймейстер важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

— Залзан Кавол и его труппа!— прокричал он.

— Мы здесь!— ответил скандар.

— Ждите моего сигнала. Выйдя, следуйте за музыкантами влево по стадиону. Представления не начинайте, пока не пройдете мимо большого зеленого знамени с гербом Коронованного. Дойдя до павильона, сделайте низкий поклон и будете работать не больше минуты. Потом двинетесь дальше. Дойдете до дальних ворот и сразу же выходите со стадиона. На выходе получите вознаграждение. Все понятно?

— Вполне,— ответил за всех скандар.

Он повернулся к своей труппе. До сих пор он был резок и груб, а тут вдруг обернулся другой своей стороной — протянул три руки братьям и обменялся рукопожатием, на его губах появилась теплая улыбка. Затем он притянул к себе Валентайна и сказал ласково, насколько это можно было ожидать от скандара:

— Ты научился работать быстрее, чем я думал. Я взял тебя по принуждению, но теперь я рад, что ты с нами.

— Благодарю тебя,— так же тепло ответил Валентайн.

— Не каждый день мы жонглируем перед властителем Маджипуры,— продолжал он, подойдя к Слиту и Карабелле,— пусть это будет лучшим нашим выступлением!

— Жонглеры!— пролаял распорядитель.

Скандар махнул им рукой, и труппа прошла под массивными входными воротами.

Слит и Карабелла шагали впереди, жонглируя пятью кинжалами. Они обменивались ими быстро, меняя рисунок игры. За ними двигался Валентайн, работая тремя булавами. А вслед за первой группой шествовала шестерка скандаров, чьи двадцать четыре руки буквально заполняли воздух смесью самых разнообразных предметов! Труппу довершал Шанамир, играя в ней роль, пожалуй, просто хвостика.

Карабелла творила чудеса. Она подпрыгивала, успевая метать кинжалы, щелкала каблуками, хлопала в ладоши — и ни разу не сбила ритм летающих ножей; Слит, собранный, динамичный, представлял собой какой-то источник энергии, мечущий молнии и ловящий их. Он позволил себе даже немыслимо высокий прыжок, пока плотный воздух Маджипуры держал на себе тяжелые кинжалы.

Они обошли весь стадион, следуя ритму флейт и труб идущего впереди оркестра. Зрители уже устали от обилия цирковых номеров и едва на них реагировали, но это не снижало их пыла: жонглер силен внутренним ритмом, а не выражением чьего-то лица на дальней трибуне.

Валентайн придумал свой номер вчера, практиковался в одиночку и преуспел в нем. О новинке никто не знал, новичок рисковал: присутствие Коронованного усиливало риск. Краем мысли он подумал вчера — что только при нем и можно рисковать, сделать все, что может.

Он взял две булавы в правую руку и швырнул их вверх. И тут же услыхал предостерегающий возглас Залзана:

— Эй!..

Но думать о чем бы то ни было нет времени. Булавы летели вниз, когда он бросил третью между ними — на двойную высоту. Он успел схватить первые две, снова метнул снаряд из правой руки и поймал ту, что вернулась издалека, а затем занялся знакомым перебросом, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и сзади, тысячи стертых лиц на трибунах, украшенные разноцветными лентами арканы над стадионом — ничто этого Валентайн не видел, разве что угловым зрением. Бросок — захват, бросок — захват, вперед, вперед... пока не заметил краем глаза зеленый с золотом флаг в начале королевского павильона. Он повернул лицо к Коронованному.

Пришлось делить внимание — следить за полетом булав и искать взгляда лорда Валентайна.

Он поймал его, когда проходил центр павильона. Он жаждал второй искры контакта, ждал его. Валентайн бросал булавы математически точно, каждая взлетала на одинаковую высоту и падала точно в ладонь, пока он ловил взгляд Коронованного. На этот раз контакта не получилось — лицо властителя было рассеянным, его глаза не видели никого.

Скучающе обводил он взглядом поле стадиона, на миг задерживая его то на диковинном животном, то на голом заду танцорки; Валентайн отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд; в конце минуты ему показалось, что Коронованный мельком взглянул на него, и только.

Карабелла и Слит подходили уже к выходу. Валентайн обернулся и улыбнулся скандарам, которые шли под целым балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим в гущу над собой.

А Валентайн шел по той своей орбите, которую Карабелла назвала сном. Булавы покоились в его руках. Лишь отойдя от Коронованного, он почувствовал упадок сил и пустоту, словно лорд Валентайн не излучал энергию, а отнимал ее у других, только создавая иллюзию сияющей над ним ауры,— когда люди отходили от него, то испытывали ощущение потери чего-то.

К тому же представление заканчивалось. Момент славы нового

жонглера прошел, и никто его не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

— Кто тебя научил этому двойному броску?— спросил он, чуть они вышли за ворота.

— Никто. Я сам это придумал.

— А если бы ты уронил булавы?

— Но я же не уронил их!

— Нашел место для фокусов,— проворчал скандар.

И все же он смягчился.

— Должен признать: ты держался хорошо.

От другого распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их на ладонь и быстро посчитал. Большую часть сунул в карман, по одной монете дал братьям, за ними — Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья швырнул по мелкой монетке Валентайну и Шанамиру.

Оба получили по полукроне, остальные же — по кроне. Да ну его к черту! В кошельке Валентайна было еще несколько крон, а премия, хоть и небольшая, была добавком. Он истратит ее сегодня же на вино и пряную рыбу.

Трудный день подходил к концу. С моря поднимался туман, он и принес в Пидруд ранние сумерки. На стадионе кто-то еще выступал. Бедный Коронованный, думал Валентайн, ему придется сидеть там до ночи.

Карабелла стиснула его запястье.

— Пошли,— сказала она повелительно,— работа завершена, теперь время праздника.

Она покинула цирковой строй, за ней последовал и Валентайн. Три его булавы, подвешенные к поясу, колотили по бедрам. Карабелла исчезла было в толпе, окружающей артистов, вот снова появилась. Теперь она бежала, оборачиваясь и маня его за собой. Валентайн догнал девушку только на спуске в порт. Буксиры в гавани тащили к берегу барки с тонкими бревнами, замысловато уложенными для костров.

Хотя ночь еще не наступила, несколько костров уже горело, пламя было яркое, почти без дыма.

Город в этот день был ярмаркой, карнавалом, свадьбой. Карнавальные ларьки выросли на улицах, как грибы после дождя. Маскарадные костюмы были чуть ли не на каждом пидрудце. Везде музыка, смех, танцы. И чем становилось темнее, тем больше зажигалось огней, а бухта — та стала морем огня. Восточная сторона города вдруг осветилась — это в черное небо взлетели ракеты и рассыпались над крышами.

Взявшись за руки, Валентайн и Карабелла шли через весь город от ларька к ларьку, везде оставляя монету, другую.

Попадались и игровые ларьки, где можно было сбить мячом куклу или разрушить какую-нибудь пирамиду. Карабелла с ее точным глазом выигрывала почти в каждом, повергая хозяина в отчаяние. В некоторых призом было вино и закуска, в других им вручали кукол или флажки с гербом Коронованного. Это они остав-

ляли на прилавках. Но пили вино и ели мясо — и всеобщее сумасшествие понемногу охватывало и их.

— Сюда!— крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу урунов, гайрогов и пьяных хьертов, скачущих в большом круге. Какого-то рисунка танец не имел — нужно было просто прыгать и кричать, чем громче, тем лучше. Какой-то хьерт схватил Карабеллу в свои объятия — в ответ она так впилась острыми ногтями в его кожу, что тот охнул. К Валентайну прижалась женщина-гайрог — вся в змеиных локонах, со множеством грудей. Она поцеловала Валентайна, он ответил ей с большим энтузиазмом, чем предполагал.

После танца они попали в открытый театр, где угловато двигающиеся куклы, угловато и излишне резко разыгрывали какую-то комедию, потом на арену, где за несколько монет посмотрели на морских драконов, плавающих в стеклянной галерее вокруг них, оттуда залетели прямо в сад одушевленных растений с южного побережья Альханроеля — страшных существ с щупальцами, отходящих от неподвижных стволов и любопытствующими подвижными глазами.

— Время кормления через полчаса,— сказал им сторож.

Но Карабелла не захотела ждать и они снова оказались на улице.

В который уже раз в небе взорвались ракеты — все более яркие. Вот вспыхнула тройная звезда из герба лорда Валентайна, а вот засиял в небе и его профиль. Даже Лабиринт изобразили кудесники-фейерверкеры на ночном небе, разноцветный Лабиринт, заслоненный лицом старого Понтифика. А за ним наверху возникло огненное изображение любимой всеми королевской матери, Леди Острова Снов, с нежностью взирающей с неба на верный ей Пидруд. Портрет был так хорош, что Валентайн растрогался. Но Леди растаяла в небе так же быстро, как все до нее.

— Я хочу еще вина,— сказал он Карабелле, найдя в темноте ее руку.

— Подожди. Сейчас ты увидишь еще кое-что.

Еще одна ракета пронизала ночь, взорвалась, и огни сложились в лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой силы Маджипуры, самой темной и самой надменной фигуры в иерархии государства — Короля Снов, Симонана Баржазида. Люди на улицах затихли — в Короле Снов никто не видел друга, хотя все признавали его власть. Он приносил только несчастья.

Винная лавка нашлась в трех шагах. Руки Валентайна дрожали, когда он поднимал стакан. Он выпил два подряд. Карабелла обеспокоенно смотрела на друга, но ни о чем не спросила, а свое вино оставила нетронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними, была дверью музея восковых фигур. Этот был сделан в форме Лабиринта. Войдя в него, выйти было нелегко, и они дали служителю три медяка, чтобы он сопровождал их. Из тьмы выступали герои королевства, их трудно было отличить от живых. Они двигались и говорили на

архаических диалектах. Один, высокого роста воин, назвал себя лордом Стиамотом, победителем метаморфов. Здесь же была легендарная Леди Сиин, его мать, Леди-воин, которая лично вела защиту Острова Снов, когда его осаждали аборигены. Затем появилась фигура, назвавшая себя Дворном, первым Понтификом. Он был по времени так же далек от Стиамота, как сам Стиамот от теперешнего Коронованного. Рядом с ним стоял Динатик Баржазид, первый Король Снов, властитель куда менее древний.

Чем дальше заходили они в лабиринт, тем больше было правителей — богатейший ассортимент Понтификов, Леди и Коронованных, великих Конфалумов и Престимионов, Ариохов... Наконец возникла и последняя фигура — румяного мужчины лет сорока, черноволосого и черноглазого, в облегающей черной одежде.

Ему не было нужды называть себя — это был лорд Вориакс, последний Коронованный, брат лорда Валентайна, погибший два года назад на охоте. Он правил всего восемь лет. Лорд поклонился вошедшим, протянул к ним руки и воскликнул:

— Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени! Мое падение было тем ужаснее, чем больше была моя высота! Ведь я лорд Вориакс! Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

— Мрачное место,— прошептала она,— страшные судьбы! Уйдем отсюда.

Теперь они проходили мимо всех, обещающих короткую радость заведений — ярко освещенных игорных залов, столов с всяческой снедью, домов радости, они нигде не останавливались, перелетая с места на место, подобно птицам, пока не свернули за угол и не оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Это был парк, здесь царили тишина и аромат цветов.

Рука Валентайна сама собой обняла талию Карабеллы. Дневное тепло накопилось под деревьями, их ноги то и дело задевали громадные, чуть ли не с человеческую голову соцветия растений. Фестиваль с его суматохой отодвинулся, казалось, на десять тысяч миль.

— Вот здесь мы и остановимся,— сказала девушка.

Валентайн сдернул со своих плеч плащ и расстелил на земле. Карабелла протянула ему руки — он очутился в ее объятиях. Раскидистые кусты закрывали их от всего мира.

Девушка села, сняла с пояса крохотную арфу, похожую больше на украшение, чем на музыкальный инструмент. Тронула струны и запела:

Любовь моя прекрасна, как весна,
Как ночь, она поверишь ли, нежна
И сладостна, как недоступный плод,
Ну кто его, ну кто его сорвет?

Для всех он недоступен — только ты
Достанешь плод с небесной высоты,
Возьмешь его, к губам своим прижмешь
И именем любимой назовешь.

— Красивая песня, — сказал Валентайн,— а у тебя прекрасный голос.

— А ты не поешь?— спросила она, протягивая ему арфу.

Он растерянно повертел в руках крохотный инструмент.

—Я не вспомню сейчас ни одной песни.

— Ну, хоть одну!

— Они все сбежали из моей головы.

Она взяла у него арфу.

— Хочешь, я научу тебя?

— Только не сейчас...

Валентайн коснулся ее губ. Она положила руки ему на плечи. Глаза его привыкли к темноте и он увидел близко, близко ее расширившиеся глаза, ощутил прикосновение кончика носа. Было подался назад, страшась того, что могло сейчас случиться, опасаясь груза ответственности, которую нужно будет взять на себя, но страх отступил. Было ощущение праздника, и они хотели друг друга.

Валентайн вспомнил ее обнаженной — худенькая, как подросток, только бедра выдавали женщину. И сгусток энергии... Он почувствовал под рукой, как дрожит ее тело — не от ночной сырости, не от холода. И стал гладить ее плечи, лицо, шею, провел ладонями по обострившейся груди.

...Их тела двигались так, словно они были давними любовниками...

Потом он в полудреме лежал, слушая, как колотится ее сердце, обнимая и гладя ноги, бедра, живот.

— Мы останемся здесь на всю ночь,— шептала она,— нас никто, никто не потревожит.

На его ласку она отвечала своей, трогая лицо, ероша волосы, целуя в кончик носа. Карабелла была игрива, как котенок. Первый порыв ее страсти ушел, пламя обратилось в тепло, обволакивающее его всего, он же был потрясен, оглушен, растерян. Для него это было слишком внезапно. В мгновения радости он проходил границу ярчайшего света, за которой начинались таинственная область без цвета, формы и хоть какой-то субстанции, он рискованно качался на краю двух миров, прежде чем скатиться в реальный мир.

Валентайн молчал. Ни одно из слов не подходило к его состоянию. Он не подозревал, что любовная радость лишит всего мироощущения. Карабелла, как видно, тоже почувствовала невесомость, потому что не говорила ни слова, только обнимала его, поглаживая по голове.

Он уснул.

Пришли сны — ворвались в его голову, как разбойники. Те же насмешливые лица смотрели на него с пурпурного неба, но на этот раз он был в пустыне не один. Перед ним маячило темное лицо, создававшее ощущение физического присутствия человека; Валентайн знал, что это лицо брата, хотя в жестком сиянии янтарного солнца он не мог разглядеть его подробностей. И еще — звучала музыка, печальная, плачущая и одновременно чем-то угрожающая, предупреждающая о смертельной опасности.

Двое мужчин стояли друг против друга, как на дуэли, из которой живым мог выйти только один.

— Брат!— закричал Валентайн.

Ужас и смятение охватили его. Он дернулся и, извиваясь, как угорь, попытался вырваться из объятий сна, всплыть над ним, как над водоворотом. Но все было напрасно, сон владел его сознанием, подчиняя всем своим обстоятельствам, уклониться от которых, даже немыслимых, было невозможно.

И Валентайн вернулся в страшный сон, где его ожидала дуэль с братом.

Оба были вооружены, но неодинаково, у Валентайна была плохонькая рапира, у брата — длинная сабля. Валентайн делал выпады, один за другим, но брат парировал их, отбивая удары саблей и сам делая выпады,— ему приходилось отступать.

Над головами сражающихся кружили стервятники.

А музыка уже играла песню смерти!

Скоро, очень скоро прольется кровь, и жизнь вернется к Истокам.

Валентайн все отступал, зная, что сзади, уже недалеко, овраг, и отходить назад будет невозможно. Рука уже устала, глаза резал солнечный свет, губы пересохли, силы были на исходе.

— Брат!— крикнул он.

Молчание в ответ.

— Во имя бога!..

Смех и грубая брань. Сабля взвилась и опустилась. Валентайн выставил рапиру. Оружие скрестилось, рапира переломалась. Его шагнувшая назад нога споткнулась о корягу и он упал прямо в колючки какого-то пустынного растения. Человек с саблей встал над ним, заслонив солнце, и песня смерти завизжала на последней ноте. Стервятники устремились вниз.

Спящий Валентайн стонал и вздрагивал.

Он повернулся, ощутил всем телом тепло лежащей рядом девушки и прижался к ней, убегая от страшного холода сна. Ему бы проснуться сейчас и уйти от ужаса смерти, выплыв на безопасные берега реальной жизни, но что-то снова толкало его в сон.

Человек с саблей, стоявший над ним, хохотал. Сабля его снова поднялась. Вместе с ней весь мир рухнет на Валентайна и раздавит его. Он устремил свой дух к Леди и смирился с тем, что умрет.

Удар сабли оказался неудачным: оружие вонзилось в песок. И сон сразу же стал иным. Оборвался визг последней ноты. Валентайна буквально окатило какой-то энергией, он вскочил.

Брат не успел вытащить саблю — Валентайн каблуком вогнал ее еще глубже. И бросился на противника с голыми руками.

Теперь уже он наступал; струсивший брат не успевал отбиваться от града ударов. Вот упал на колени, заревел, как раненый медведь, тряся окровавленной головой. Он даже не пытается защищаться и только бормочет:

— Брат... Брат...

Валентайн опрокинул его на песок.

Противник лежал неподвижно, Валентайн стоял над ним,

тяжело дыша. Пусть скорее наступит утро и освободит меня от этого сна, молился он.

Он открыл глаза и увидел темноту над собой. Его руки все еще вздрагивали. Безумные образы — теперь уже их фрагменты — все еще проплывали в его мозгу.

Повернул голову, увидел Карабеллу.

— С тобой все в порядке?— спросила она.

— Я видел сон.

— Ты кричал во сне. Я подумала, что тебе нужно проснуться. Было что-то страшное?

— Да.

— А как сейчас?

— Будто ударили по голове.

— Расскажи мне свой сон.

Раскрыть сокровенное? Но разве они не стали ближе друг другу? Разве они не одновременно ушли в мир снов?

— Я дрался во сне со своим братом,— ответил он.— Мы сражались в пустыне и он был готов уже убить меня, но в последний момент я увернулся и убил его ударом кулака.

Глаза Карабеллы были темны, как ночь.

— Ты часто видишь такие сны?

— Не часто. Но...

— Что?

— У меня нет брата!

Она улыбнулась.

— Ты хочешь, чтобы сон всегда соответствовал реальности? Откуда ты это взял? В снах истина лежит глубже, чем в реальности. Брат в твоем сне может быть кем угодно — Зализаном Каволом, Слитом, даже лордом Валентайном, Понтификом Тиверасом и мной, в том числе. Те же знаешь, что сны, за исключением насланных, все переворачивают.

— Знаю. Но что означает этот мой сон, Карабелла? Дуэль с братом, я чуть не убит им, и вдруг убиваю сам...

— Ты хочешь, чтобы я его истолковала?

— Да. Он мне ничего не говорит, кроме того, что пугает.

— Ты даже кричал во сне. И был мокрый от пота. Такие мучительные сны обычно что-то предвещают. Попробуй растолковать его сам.

— У меня нет брата...

— Я же сказала, что это неважно.

— Получается, что я воюю против самого себя! Не понимаю... Врагов ведь у меня нет.

— Может быть, твой отец?— подсказала она.

Он задумался. Отец? Он постарался вспомнить лицо человека с саблей, но не смог.

— Я не помню лицо отца.

— Он умер, когда ты был маленьким?

— Наверное...

Валентайн покачал головой.

— Когда я пытаюсь вспомнить отца, то вижу высокого человека с темной бородой, темноглазого...

— Как его звали? Когда он умер?

И вновь Валентайн покачал головой. Девушка наклонилась к нему.

— Где ты родился?

— На востоке.

— Ты об этом уже говорил. Но где именно, в какой провинции?

— В Ни-мое?— сам себя спросил Валентайн.

— Ты утверждаешь или спрашиваешь?

— В Ни-мое,— повторил он уверенно.— Большой дом, сад, неподалеку река. Да, теперь я вижу себя там: купаюсь в реке, охочусь в герцогском лесу. А вдруг я видел это во сне? Или читал что-то или мне об этом рассказывали?

— Как зовут твою маму?

Он открыл было рот, но ничего не сказал.

— Она тоже умерла молодой,— сказал он только через минуту. — Ее звали Гальяра. Да, Гальяра.

— Как хорошо звучит это имя. Расскажи мне о ней.

— Она...

Он запнулся.

— Золотые волосы, гладкая кожа, глаза... Это так трудно, Карабелла!

— Тебя всего трясет.

— Да.

— Иди ко мне.

Он снова оказался в ее объятиях. Девушка была маленькой, но сейчас казалась сильнее его, ему было уютно с ней.

— Ты ничего не помнишь, Валентайн?

— Ничего.

— Не помнишь, где родился, как выглядели родители? Даже где ты был в прошлый день? Твои сны не могут властвовать над тобой, потому что ты мне не можешь ничего объяснить.

Ее пальцы осторожно, но настойчиво ощупывали его голову.

— Что ты делаешь?— спросил он.

— Смотрю, не было ли повреждений твоего черепа. Удар по голове может отбить память.

— Есть что-нибудь?

— Ни рубца, ни шишки — ничего. Но это еще ни о чем не говорит. Удар ты мог получить давно. Я посмотрю твою голову при свете.

— Мне нравится, когда твои руки касаются меня.

— А мне нравится трогать тебя.

Он спокойно лежал рядом с ней. Все сказанные ими слова теперь будоражили его. Другие люди, думал он, помнят свое детство и юность, место рождения, имена родителей — а у меня нет в памяти ничего, кроме каких-то смутных видений. Только туман, покрывающий, может быть, колодец пустоты. Он уже нырял в этот колодец, там ничего нет. А Карабелла заставляет его заполнить. Он думал, почему же он так не похож на других? Почему у него нет воспоминаний? Он действительно получил когда-то удар по голове

или он болен и воспоминания не запечатлеваются в его мозге, а, наоборот, стираются при наступлении каждого нового дня?

Они так и не уснули в эту прекрасную ночь.

Перед утром они снова любили друг друга — не так слепо бросаясь в омут радости. Затем умылись в небольшом холодном ручье, что тек неподалеку от их ложа, и пошли через город в гостиницу.

По улицам все еще шастали вчерашние гуляки, когда над Пидрудом поднялось яркое солнце.

По совету Карабеллы Валентайн взял в поверенные Слита и рассказал ему о своем сне. Беловолосый жонглер слушал внимательно, не перебивая. Когда Валентайн закончил, Слит сказал:

— Тебе надо поговорить с толкователем снов. Послание слишком сильное, надо его расшифровать.

— Ты думаешь, это послание?

— Скорее всего.

— От Короля Снов?

— Возможно. Будь осторожен, будь внимателен. Король никогда не посылает единичного знака.

— Оно могло быть и от Леди,— вставила Карабелла.— Жестокость сна не должна нас обмануть. Когда нужно, Леди насылает и такие сны.

— А некоторые,— сказал на это Слит,— приходят и не от Короля, и не от Леди, а из собственной нашей глубины — не нужно об этом забывать. Так-то! Но я думаю, что к толкователю все-таки сходить нужно.

— А не поможет ли толкователь обрести мне память?

— И он, и еще колдун. Но если сны не основаны на пережитом тобой, они ничего не смогут сделать.

— Кроме того,— сказала Карабелла,— что такой сильный сон нельзя оставлять без истолкования, ты и отвечаешь за него. Если сон требует твоего действия, а ты ничего не предпринимаешь... — Девушка покачала головой.— Твой дух тогда ответит за него. Ищи толкователя, Валентайн!

— Я думал, что ты мне поможешь,— повернулся к Слиту Валентайн.

— Я всего лишь жонглер, а не толкователь.

— Можешь кого-нибудь порекомендовать в Пидруде?

— Подожди несколько дней. У тебя еще будут сны, и ты расскажешь о них провидцу.

— Как бы я хотел знать, действительно ли это послание,— размышлял вслух Валентайн,— а если да, то от кого. Что Королю до такого бродяги, как я? Нет, оно не от Короля. При двадцати миллиардах жителей Маджипуры, возможно ли, чтобы Король находил время для каждого? Разве что уж очень важная причина...

— В Суврaеле,— сказал в свою очередь Слит,— во дворце Короля Снов стоят огромные машины, которые сканируют весь мир и каждую ночь посылают сны в мозги спящих. Кто знает, как они подбираются? Когда я был ребенком, мне говорили об этом

и я знаю, что это правда — прежде чем мы оставим сей мир, мы, по крайней мере, один раз ощутим прикосновение Короля Снов к нашему духу — все без исключения. Со мной такое случилось.

— С тобой?

— И не однажды.

Слит коснулся своих белых волос.

— Ты думаешь, я так и родился седым? Как-то я спал в гамаке в Нарабальских джунглях. Тогда я еще не был жонглером. Король явился мне во сне и отдал какой-то приказ душе — проснулся я белым, как снег. Мне тогда было двадцать три года.

— Приказ?— переспросил Валентайн.

— Да — чтобы мои черные волосы зачем-то побелели.

Ему не хотелось продолжать разговор. Слит встал и глянул на утреннее небо.

— Я думаю, мы достаточно поговорили. На фестивале есть еще возможности зарабатывать деньги. Хочешь, я научу тебя кое-каким трюкам, пока Залзан не послал нас работать?

Валентайн кивнул. Слит взял мячи и булавы и вышел во двор.

— Следи,— сказал жонглер.

Они с Карабеллой встали спина к спине. Одновременно оба начали перебрасываться мячами.

— Эта вещь довольно простая для новичка,— сказал Слит, повернув голову к Валентайну,— но выглядит эффектно. Следи, следи!

Жонглеры сразу же поймали ритм и превратились в одно четверорукое и четвероногое существо. Действительно эффектно, подумал Валентайн.

— Кинь нам булавы,— скомандовал Слит.

Один за другим снаряды перешли в руки жонглирующей пары и там вливались в круг, по которому летали мячи. Круг менял направление — то он начинался из рук Слита, то из рук Карабеллы. По своему небольшому опыту Валентайн знал, как трудно работать с предметами разного веса. В следующие недели он должен был начать жонглирование пятью мячами. Четверкой булав работать, наверно, не так уж трудно, но три мяча и три булавы — это просто подвиг!

Он смотрел, не отрываясь, и вдруг к восхищению примешалась ревность: Слит стоял, прижавшись к Карабелле, составляя с нею как бы один организм, а ведь всего несколько часов назад она была так же близка с ним...

— Попробуй и ты,— предложил ему Слит.

Он прижался спиной к Карабелле, как минуту назад Слит. В работе было всего три мяча.

Сначала Валентайну было трудно рассчитать высоту и силу броска, и Карабелле приходилось, чтобы поймать брошенный им мяч, отрываться от него, но уже через десяток минут они метали и ловили их так ровно, словно тренировались вместе не один год. Слит время от времени награждал их аплодисментами.

Появился скандар, брат Залзана Ирфен, мрачное существо даже среди скандаров.

— Вы готовы?— рявкнул он.

После полудня труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя важного вельможу.

Перед знатными пидрудцами Валентайн и Карабелла показали работу вдвоем, скандары снова послали в небо кучу самых разных предметов — вилок, ложек, хрустальных стаканчиков, тарелок... В заключение Слит вышел жонглировать с завязанными глазами.

— Разве это возможно?— забеспокоился Валентайн.

— Смотри!— ответила Карабе́лла.

Валентайн наблюдал за Слитом почти один — господа, заказавшие представление, пресытились цирковыми номерами на стадионе и сейчас едва взглядывали на выступавших.

Слит шагнул вперед, в руках его были три булавы. Постоял с минуту, словно прислушиваясь к чему-то, затем глубоко вздохнул и начал работать.

Залзан Кавол загуде́л:

— Двадцать лет практики, лорды и леди Пидруда! Здесь нужно дьявольское умение! Он слышит шелест булав в воздухе, он слышит их!

Валентайн не поверил, что можно что-то услышать среди гула разговора, звона тарелок и рявкания Залзана Кавола, комментировавшего жонгляж, но Слит не уронил ни одной булавы. Однако он заметил, что Слиту трудно — руки его были напряжены больше, чем нужно, хватали булаву раньше времени. И все-таки жонглировал он замечательно.

Десять... двенадцать... пятнадцать раз взлетели булавы. И вот все они прижаты к груди жонглера, Слит сорвал повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Зато Карабелла подошла к Слиту и обняла его. Валентайн шлепнул по плечу товарища, когда труппа сходила с эстрады.

В комнате для артистов сразу же сел, руки его дрожали, он вытирал пот со лба.

— Хоть кто-то смотрел мой номер?— спросил он у Карабеллы.— Поняли ли они, что я делал?

— Кое-кто смотрел,— мягко сказала Карабелла.

Слит сплюнул.

— Свиньи! Сами комнату переходят с трудом, а когда делается настоящий номер, сидят и болтают...

Валентайн еще не видел товарища в таком гневе. Жонглирование вслепую, видать, дает себя знать, подумал он. Подошел и обнял Слита за плечи.

— Что тебе с того, что они ничего не поняли? Ты показал высший класс работы! Ты был превосходен.

— Не совсем,— угрюмо ответил тот,— синхронность хромала...

— Да все было отлично!— настаивал Валентайн.— Такого мастерства я еще не видел. Какое тебе дело до того, как смотрят на него пьяные торговцы? Разве твое искусство предназначено их душам?

Слит слабо улыбнулся

— Жонгляж вслепую выбивает из колеи...

— Мне очень жаль, что ты расстроился, дружище.

— Сейчас пройдет. Мне уже лучше.

— Ты сам себя огорчаешь. Скажу тебе еще раз — ты был великолепен, а все остальное не имеет значения.

Он повернулся к Шанамиру.

— Сбегай-ка на кухню, попроси там мяса и хлеба. Слит работал тяжело, ему нужна заправка. И спроси там вина.

Слит и вправду обмяк. Он выглядел очень усталым.

— У тебя добрая душа,— сказал он Валентайну, протягивая ему руку,— ты прямо вытащил меня из ямы...

— Я видел, как тебе больно.

— Постараюсь больше не распускаться,— сказал Слит.— Ты прав: мы жонглируем для себя, а зрители наши — что они для нас! Случайные люди...

Еще два раза видел Валентайн жонгляж вслепую в Пидруде. Еще два раза наблюдал, как Слит, напряженный, сжатый, как пружина, сходил с подмостков. Это была адская работа. Валентайн старался как мог, чтобы помочь отдохнуть товарищу, снять напряжение.

И уже дважды новый жонглер видел страшные сны. Один раз к нему пришел сам Понтифик и повел его в Лабиринт. Там было множество улочек, темных, извилистых, они брели по ним бесконечно долго. И где-то, может быть, близ центра Лабиринта, Понтифик вдруг исчез, а Валентайн, сделав шаг, провалился и полетел куда-то, к самому ядру Маджипуры...

В другую ночь Коронованный, ехавший на своей колеснице через Пидруд, увидел Валентайна и поманил его за собой. Они остановились у игорного заведения и там начали бросать маленькие диски в цель. В награду за меткие броски им дали связку белых пальцевых суставов, а когда Валентайн спросил, чьи это кости, лорд Валентайн засмеялся, дернул себя за бороду, огрел тезку насмешливым взглядом и бросил:

— Посмотри на свои руки!

Валентайн глянул и увидел, что пальцы его исчезли...

Слит и Карабелла, которым он снова поведал свои сны, ничем не помогли ему, а лишь повторили совет обратиться к толкователю снов, как только они уйдут из Пидруда.

Отъезд близился. Фестиваль закончился, кораблей Коронованного в гавани уже не было, дороги были заняты отъезжающими — люди из провинции возвращались домой. Залзан торопил свою труппу закончить все дела в Пидруде, чтобы двинуться в гастрольную поездку.

Последнее почему-то опечалило Шанамира. Валентайн заметил настроение мальчика.

— Я думал, тебе хочется уехать отсюда. Жаль оставлять город?

Шанамир покачал головой.

— Хоть сейчас пустился бы в дорогу.

— Тогда в чем дело?

— Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

— Тогда понятно. Еще не выехал из дому, а уже заскучал по нем.

— Не то,— возразил Шанамир.— Я вел группу своих тварей, а отец и братья лежали, связанные кем-то на дороге. Они кричали, чтобы я помог им, а я ехал прямо на них. И без толкователя снов ясно, что означает этот сон.

— На тебе вина за то, что бросил свои обязанности и дом?

— Конечно, вина. Я не вернул деньги!

Он был раздражен оттого, что пришлось объяснять такие простые вещи взрослому мужчине. Он хлопнул себя по поясу.

— Деньги, деньги, деньги! У меня здесь около ста шестидесяти роалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит, чтобы семье прожить целый год и часть следующего! Они там ждут моего возвращения, а я...

— А разве ты не думал как-нибудь отдать им деньги?

— Но меня же нанял Залзан Кавол! Что если его путь лежит совсем в другую сторону? А если я повезу деньги домой, то могу после не найти вас. Если же поеду с вами, то, выходит, украду деньги у родных, которые на меня рассчитывают, понял?

— Все решается проще,— сказал примирительно Валентайн.— Фалкинкип далеко отсюда?

— Два дня, если ехать быстро.

— Близко. Мне кажется, скандар еще не установил точного маршрута. Я поговорю с ним. Попрошу ехать в направлении Фалкинкипа. Когда мы будем проезжать неподалеку от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, передашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься к нам. Тогда на тебе не будет никакой вины и ты спокойно поедешь с нами.

Шанамир еще сомневался.

— Думаешь, ты уговоришь скандара?

— Посмотрим.

— Он разозлится и вышвырнет тебя, если ты о чем-то его попросишь. Залзан не любит, когда вмешиваются в его дела — а ты для него, как глупый блав для тебя.

— Я поговорю с ним,— сказал Валентайн.— Подозреваю, что скандар не такой грубый, каким кажется. Ты не знаешь, где он?

— Осматривает свой фургон, готовит для путешествия. Ты ведь знаешь его фургон?

— Видел.

Жонглеры ездили по провинции в ладном фургоне, который Залзан оставил в нескольких десятках метров от гостиницы. Это был прочный и вместительный ящик на колесах, разукрашенный, как все цирковые фургоны. Отличное дерево, крепкий клей, железо, лакировка, кое-где кожа животных, натянутая так, что звенела при ударе.

Подойдя к фургону, Валентайн увидел Ирфона Кавола и еще одного скандара, Гейбора Кера. Они смазывали колеса, в то время, как изнутри доносились чьи-то яростные вопли — казалось, ящик качается от них.

— Где Залзан?— спросил Валентайн.

Гейбор мотнул головой на фургон.

Не подходящий момент, чтобы поговорить с ним, но у меня дело.

— И у него дело — с проклятым маленьким колдуном, который подрядился ездить с нами по провинции, показывая дорогу, и отказался от работы как раз тогда, когда мы собрались выехать. Войди, если тебе не дорога жизнь.

Злобные крики сотрясали стены фургона. Дверь неожиданно распахнулась и оттуда вылетел крохотный, высохший, как лист, старый урун, существо покрытое перьями. У него были клейкие лапки-щупальца, тускло-зеленая кожа и огромные золотистые глаза, сейчас наполненные страхом. Возле рта-клюва виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в двери показался скандар. Он раздувался от гнева, руки его рубили воздух. Он крикнул жонглерам:

— Хватайте его! Не дайте ему уйти!

Ирфон и Гейбор загородили ручищами все выходы. Урун заметался в ловушке, крутнулся туда, сюда и ткнулся в колени Валентайна.

— Лорд,— запищал он,— защити меня!

Клейкими лапками он вцепился в его штаны.

— Он обезумел, он убьет меня!

— Держи его Валентайн!— громыхнул сверху скандар.

Валентайн шагнул вперед, закрыв собой старика, глянул в лицо слезавшего Залзана.

— Умерь свой пыл, если можешь. Если ты сейчас убьешь уруна, мы останемся в Пидруде навеки.

— Я и не думал его убивать,— прорычал скандар.— Зачем мне всю оставшуюся жизнь иметь дело с Королем Снов!

Послышался дрожащий голос уруна:

— Он схватил меня за шкирку и хотел изо всех сил шваркнуть об стену!

— Из-за чего ссора? Может я стану вашим посредником?

Залзан нахмурился.

— Наш спор тебя не касается. Убирайся отсюда!

— Пока ты не успокоишься, я побуду здесь.

Глаза скандара налились злобой. Он подошел к Валентайну. Пахнуло шкурой скандара. Залзан прямо-таки кипел от злости. Сейчас и меня он грохнет об стену, подумал Валентайн. Ирфон и Гейбор наблюдали за происходящим. Они никогда еще не видели, чтобы кто-то противился слову брата. Кулаки старшего сжимались и разжимались. Вдруг он заговорил:

— Этот урун — колдун. Его зовут Стифон Делиамбер, я его нанял проводником и сторожем — я побаиваюсь Меняющих Форму. Всю неделю он жил на мой счет, а теперь, когда нам пришла пора ехать, он заявляет, что не хочет быть нашим проводником. Так ты выполняешь условия контракта, обманщик?

Урун запищал:

— Я уже стар и слаб, а мое колдовство утрачивает силу. Я могу заблудиться. Но если ты настаиваешь, Залзан Кавол, я поеду с вами!

Скандар не поверил.

— Что?!

— Я передумал,— пискнул колдун.

Он отпустил ноги Валентайна и встал перед скандаром. Расправляя помятые лапки, помахивая ими, птицеподобное существо подняло глаза на огромного скандара.

— Я выполню условия контракта.

Гигант растерялся.

— Полчаса назад ты клялся, что не оставишь Пидруда, мои слова на тебя не действовали, ты довел меня до того, что я готов был растереть тебя в порошок — на твою и на мою беду, ибо колдуны и мертвые могут насылать зло... Ясно, что Король Снов покарал бы меня за это, но ты упрямился до последнего — а теперь вдруг все переиграл!

— Да, переиграл.

— Не будешь ли любезен объяснить почему?

— Уж не ты тому причина,— окрысился колдун,— не ты, а вот этот молодой человек! Я восхищен его мужеством, добротой, с ним я готов ехать куда угодно! Это удовлетворяет твое любопытство, Залзан Кавол?

Скандар проворчал что-то, сердито сплюнул и яростно потряс парой здоровенных рук. На миг показалось, что он снова взорвется, но Залзан сдержался. Только проворчал:

— Жаль, что я не размазал тебя по стене, чудодей! И да сохранят боги твою жизнь, если ты не явишься сюда после полудня готовым к дороге!

— Во втором часу пополудни я буду здесь,— ответил ему Стифон Делиамбер. Обернулся к Валентайну и добавил к сказанному:— Я полагаю, что ты мой защитник. Я в долгу перед тобой, но расплачусь скорее, чем ты думаешь.

Урун умчался прочь, слово взял Залзан Кавол:

— Ты глупо сделал, что ввязался в спор. Это могло плохо кончится.

— Я знаю.

— А если бы я изувечил вас обоих?

— Мне показалось, что ты сумеешь сдержаться. Я был прав?

Залзан криво улыбнулся.

— Я удержался, это верно, но только потому, что меня поразила твоя наглость — это-то и остановило меня. Если бы старикашка молвил хоть еще одно слово...

— Главное, что колдун согласился.

— Что верно, то верно. Я у тебя тоже в долгу. Нового гида не так-то легко найти, да и времени у нас нет. Так что благодарю тебя.— Кивок скандара выглядел неуклюже.

— Ты сказал — долг...

Залзан вздернул подбородок.

— Ну так что?

— Мне нужно небольшое одолжение с твоей стороны.

— Давай,— голос скандара похолодел.

Валентайн уловил холодность, но делать было нечего.

— Мальчик Шанамир из Фалкинкипа. Прежде чем тронуться в путь, он должен побывать дома. Это дело чести.

— Пускай съездит в Фалкинкип, а потом догоняет нас.

— Он боится, что не догонит.

— О чем же ты просишь, Валентайн?

— Устрой так, чтобы наш путь пролегал через Фалкинкип, ты ведь, насколько я знаю, не проложил еще маршрута.

Залзан ответил с той же холодностью:

— Сначала мой гид наплевал на заключенный контракт, сейчас ученик жонглера ставит мне условия — не слишком ли ты много на себя берешь? Что для меня этот мальчишка?

— Ты ведь ни с кем еще не договаривался о выступлениях. Что тебе стоит заехать в Фалкинкип, который в двух днях пути?

— Ладно!— рявкнул скандар.— Мы едем через Фалкинкип! Но больше никаких поблажек. Теперь убирайся. Ирфон, Херн, фургон готов?

Внутри фургон труппы Залзана Кавола был красив и уютен.

Темные, отполированные до блеска доски пола были подогнаны друг к дружке с удивительной точностью. Стены украшали меховые портьеры, перемежающиеся полосками легкой ткани. Помещение вмещало шестерых, но седьмой был бы уже лишним.

Часть фургона занимал склад, особенно разнообразный у бродячих жонглеров, какими была труппа Залзана Кавола. На сидении водителя могло поместиться трое.

Хотя фургон и был большой — в нем могли уместиться знатный вельможа со свитой, он отличался достаточной легкостью, чтобы держаться на воздушной подушке, создаваемой моторами, что располагались в чреве махины. Он держался в футе от земли и его могла тащить четверка упряжных животных.

В день отъезда фургон загрузили к полудню и всей труппой отправились обедать. Валентайн насторожился, когда увидел, что за стол Залзана сел давешний хьерт Винорксис. Усы его не в меру были накрашены оранжевой краской. Скандар стукнул по столу, требуя внимания.

— Познакомьтесь с нашим новым управляющим! Его зовут Винорксис. Он будет помогать мне вести книги, смотреть за имуществом и вообще следить за хозяйством, которое было до сих пор только на мне!

Карабелла охнула:

— Это тот самый страшила, что пялился на нас еще неделю назад!

Валентайн кивнул хьерту.

— Ты все-таки решил присоединиться к нам? А я думал, что ты пошутил насчет жонглирования цифрами.

— Хьерты не умеют шутить,— серьезно сказал Винорксис и вдруг раскатисто захохотал.

— А что будет с твоей торговлей?

— Я все продал за время фестиваля. Знаешь, я ведь завидовал тебе, не знающему, где очутишься завтра. И говорил себе: а вот ты, Винорксис, всю свою жизнь так и будешь торговать вонючими шкурами хейгусов и ничего, кроме них, никогда не увидишь!.. И вот я пришел к Залзану Каволу и предложил ему свои услуги. И вот я здесь...

— Добро пожаловать,— довольно мрачно поприветствовала его Карабелла,— ну что ж — добро пожаловать!

Обед был плотный, после него все стали готовиться к отъезду. Шанамир вывел из стойла четверку животных Залзана и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали тварей. Старшой забрался в кабину, взял вожжи, его брат Хейрог сел рядом с ним, а Стифон Делиамбер примостился с краю. Шанамир взгромоздился на собственную животину. Валентайну было предложено место в фургоне с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четверкой скандаров. Пока все рассе́лись, прошло полчаса.

— Гей!— крикнул Залзан Кавол.

Фургон направился к Воротам Фалкинкипа, к главному шоссе, по которому неделю назад, в лунный день Валентайн вошел в Пидруд.

Летняя жара тяжким слоем лежала на прибрежной равнине.

Цветы-светильники огненных пальм погасали, дорога была усыпана малиновыми их лепестками, как снегом. Окна фургона, где стеклами была прозрачная кожа стиков, привлекли к себе всех, кто был в помещении. Валентайн смотрел, как уходит назад Пидруд, на неделю приютивший его. Громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, здесь он жонглировал перед самим Коронованным, познакомился с пальмовым вином и пряно пахнущей едой, одну ночь он провел в объятиях хрупкой Карабеллы...

Сейчас перед ним снова лежала дорога, и кто ему скажет, что принесет она, какие новые приключения?

У него не было никаких планов, любой ветер мог понести его с собой. Искусство жонглирования его захватило, он был рад ему и жаждал совершенства в нем — такого, чтобы сравниться со Слитом и Карабеллой, даже работать вместе со скандарами. Слит как-то сказал ему, что жонглировать с ними может только мастер — попробуй угнаться за четверорукими, но Валентайн не однажды видел, что сам вступал с ними в состязание. Когда-нибудь то же сделает и он, Валентайн. Честолюбив, дружище, подумал он про себя. А почему бы и нет, немедленно пришел ответ.

— Ты выглядишь таким счастливым!— сказала Карабелла.— Прямо позавидуешь!

— Я?— оторвался он от окна.

— Сияешь, как солнце. Рядом с тобой можно загорать.

— Это все мои волосы...— ответил он, улыбаясь.

— А улыбка?

Он накрыл ее руку своей.

— Я люблю дорогу,— сказал Валентайн.— Дорогу, свободу... Идти по Зимроелу, останавливаться, где захочешь, выступать, знакомиться с новыми трюками — что может быть лучше! Знаешь, мне понравилось быть жонглером — и я хочу преуспеть в этом деле!

— У тебя есть для этого неплохие шансы,— вмешался в разговор Слит,— ты способен. Остальное — за тренировкой.

— Без вашей помощи я ничего не сделаю.

Карабелла наклонилась к нему.

— Пока ты смотрел в окно, я думала о тебе.

— И я думал о тебе,— шепнул он ей на ухо,— но ведь не скажешь же об этом при всех.

Дорога поднималась на большое плато.

Фургон шел медленнее. Дорога кренилась то в одну, то в другую сторону, фургон то и дело мог опрокинуться, но Залзан Кавол был мастер не только в жонглиже и всякий раз спасал положение махины. Скоро они были на вершине. Пидруд — окно показало его — стал маленьким, похожим на макет города. Воздух на плато был суше, горячее, предзакатное солнце нагревало крышу фургона.

На ночлег они остановились в захудалой деревеньке близ Фалкинкипской дороги.

И едва Валентайн разлегся на жестком матраце, как на него обрушился тревожный сон. И в этот раз он находился среди властителей Маджипуры.

В одном конце громадного зала сидел на троне Понтифик, а на другом — Коронованный. В потолке сиял страшный глаз светильника. Валентайн вошел в зал, чтобы вручить послание Леди Острова, но не знал кому — Понтифику или Коронованному. К какой бы Силе из находящихся здесь он ни приблизился — она отступала, удалялась, как в бесконечность. Всю ночь он ходил туда и сюда, скользя на гладком, как лед, полу, протягивая послание то одной, то другой Силе, но ничего не получалось.

На следующую ночь, когда они остановились в городке рядом с Фалкинкипом, сон пришел, похожий на прошлый. Но на этот раз такой сложный и запутанный, что память сохранила только впечатление, оставленное грозными владыками, каких-то помпезных собраний... никакого контакта ни с кем не было. Он проснулся с головной болью, хмурый. Наверняка это были послания, но как их разгадать?

— Они не оставят тебя в покое,— сказала Карабелла в ответ на этот вопрос,— похоже, что ты как-то связан с нашей верховной властью. Разве это естественно — каждую ночь одни только владыки? Я тоже уверена, что это послания.

Валентайн согласился с ее словами.

— Даже в жаркий день я чувствую присутствие Короля Снов, как озноб. А когда я закрываю глаза, его холодные пальцы лезут прямо мне в душу.

В глазах Карабеллы он увидел нешуточную тревогу.

— Ты уверен, что это его послания?

— Кто его знает...

— А вдруг Леди?

— Леди насылает добрые сны,— все так же хмуро отвечал Валентайн,— а эти, боюсь, от Короля. Что он хочет от меня? Какие у меня прегрешения?

Теперь нахмурилась девушка.

— В Фалкинкипе сходи, наконец, к толкователю.

— Непременно повидаюсь с кем-нибудь из них.

В разговор вмешался незаметно подошедший Стифон Делиамбер.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Валентайн глянул на колдуна с удивлением.

— Извини,— не смутился тот,— я подслушал ваш разговор. Ты растревожен посланиями, я правильно понял?

— Мои сны ничем иным быть не могут.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен — ни в собственном имени, ни в твоем, ни даже в том, какой сегодня день.

— Послания редко бывают без обратного адреса. Когда говорит Король, мы это знаем точно.— И все равно Делиамбер качал головой.

Валентайн вздохнул.

— Мои мозги так затуманились за эти ночи, что я окончательно потерял уверенность в чем бы то ни было. Мне нужен хоть какой-то ответ, а то я сойду с ума!

Урун протянул щупальце, чтобы взять Валентайна за руку.

— Доверься мне. Твой мозг в смятении, зато мой чист и ясен. Я хорошо понимаю тебя и все называю, в отличие от тебя, по именам. В Фалкинкипе есть толковательница снов Тизана, она мой друг и коллега. Тизана выведет тебя на правильный путь. Пойдешь к ней и скажешь, что ты от меня. Не забудь передать, что я шлю ей свое приветствие и любовь. Тебе пора освободиться от ночных кошмаров и от вреда, которые приносят сны.

— Вреда?

— Иди к Тизане,— не ответил на его вопрос Делиамбер.

Валентайн пошел отыскивать Залзана Кавола, тот был неподалеку и переговаривался о чем-то с жителем городка. Скандар повернулся к нему.

— Завтра мы прибываем в Фалкинкип,— сказал Валентайн.— На всю завтрашнюю ночь я вас покину.

— Это тоже дело чести?

— Личное дело. Можно?

— Странно ты себя ведешь... Ладно, делай, как задумал. Завтра мы даем представление. Спи, где хочешь, но утром Солнечного дня будь готов, понял?

По сравнению с огромным Пидрудом Фалкинкип ничего особенного собой не представлял, но в то же время отличался от остальных городков своего района.

В центре метрополии и вокруг него жило, наверно, около трех миллионов народа, и впятеро больше в округах. Но темп жизни, конечно, не был столичным. И дело было даже не в том, что он находился на сухом и жарком плато, а не рядом с морем,— люди здесь двигались неторопливо, даже флегматично.

В Звездный день Шанамир отправился домой. Он побывал на ферме отца, расположенной в нескольких милях от города, и, как рассказал он после Валентайну, оставил на видном месте деньги и записку, в которой сообщил, что уходит поискать более веселой жизни. Его никто из родных не видел. И все равно мальчик боялся, что отец не так-то легко откажется от пары ловких рук, и решил какое-то время не выходить из фургона. Валентайн поговорил

с Залзаном Каволом, тот, не меняя обычного своего хмурого вида, согласился отказаться от услуг мальца.

После полудня жонглеры вышли всей трупой в город. Они направились на ярмарку. Впереди шли Слит и Карабелла. Он жонглировал на ходу, она била в небольшой барабан и выкрикивала:

Шарьте по карманам, вынимайте кроны!
Что вы там нахохлились — вы же не вороны!
Гляньте! Посмотрите! Глаз не поспевает!
Над жонглером Слитом мячики летают!
Кто чудес не видел — пусть сюда стремится!
Пусть сегодня дома людям не сидится!
Не жалей монеты — ты за медный грошик
Сто чудес увидишь — отобьешь ладоши!

Но чудеса сегодня не давались Валентайну — он тоже жонглировал, и жонглировал плохо. Его совсем извели ночные кошмары, он самонадеянно решил побороть самого себя — и дважды уронил булавы. Слит научил его делать вид в случае промаха, что так и должно быть; публика на промашку не обратила внимания, но Валентайн помрачнел еще больше и с горя залез в винный ларек, в то время, когда скандары показывали обещанные Карабеллой чудеса на подмостках.

Из-под навеса он смотрел на жонглеров. Те опять работали, как хорошо смазанный механизм. Двадцать четыре руки — и ни одной ошибки! Каждый жонглировал семью тяжелыми ножами. Это производило такое впечатление, что зрители то замирали, то вскрикивали от восторга.

А Валентайн, держа в руке стакан с вином, не чувствовал его вкуса. Он клял себя за неудачу. В Пидруде его руки сами тянулись к снарядам, он мечтал все лучше и лучше выступать, и на тебе! Все валится из рук. Ну ладно, хватит. Будут еще ярмарки, будут выступления, он себя еще покажет. У них впереди весь громадный Зимроель. Зрители отобьют ладони, аплодируя ему. Сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Он еще станет королем жонглеров, он, Валентайн! А почему бы и нет! У него талант!

Валентайн усмехнулся. Его дурное настроение пропало то ли от стакана вина, то ли от природно оптимистического нрава. В самом деле — он занялся жонглированием всего неделю назад, а посмотрите, чего достиг! Кто знает, на какие чудеса способны его глаза и руки?

Он увидел Стифона Делиамбера, подходящего к нему.

— Тизану ты найдешь на улице Продавцов воды,— сказал маленький колдун,— она ждет тебя.

— Ты успел поговорить обо мне?

— Нет.

— Но если она ждет меня... А-а, колдовство?

— Вроде того,— кивнул урун.

Разговаривая с Валентайном, он все время шевелил щупальцами.

— Иди к ней, она ждет тебя.

Скандары сорвали аплодисменты, теперь на эстраде работали

Слит и Карабелла. Как они слаженно двигаются, думал Валентайн, глядя на жонглирующую пару, как спокойны, как уверены друг в друге. И как хороша Карабелла!

После фестивальной ночи он не был с ней близок, хотя иногда приходилось спать бок о бок. А последнюю неделю он даже сторонился девушки — так измотали его сны. Скорей, скорей к Тизане, пусть она освободит его от надоевшего наваждения! А завтра он сможет снова обнять Карабеллу.

— Улица Продавцов воды?— спросил он у карлика.— Я иду! На ее доме есть какой-нибудь знак?

— Спросишь,— только и сказал в ответ Делиамбер.

К вечеру, когда Валентайн собрался к Тизане, к нему подошел Виноркис.

— Куда на ночь глядя?

— Дела.

— Не возьмешь за компанию?

Валентайн промолчал.

Хьерт засмеялся.

— Мы можем вместе пошататься по тавернам. Я бы не прочь прошвырнуться по этому городку.

— Я же сказал, что ухожу по делу,— ответил Валентайн.

Виноркис внимательно посмотрел на него.

— Это не по-дружески.

— Извини, есть вещи, которые требуют только одного человека. И поверь, я не собираюсь сегодня заходить в таверны.

Хьерт крякнул.

— Пусть будет так. Я только хотел составить тебе пару, чтобы не было одиноко. Да и показать город.

— В другой раз.

Он заспешил в Фалкинкип.

Улицу Продавцов воды он нашел легко: этот город был построен по строгому плану, как в Пидруде, а на перекрестках висели понятные каждому карты города. Дом толковательницы снов Тизаны, однако, отыскать было труднее — улица была длинная и каждый прохожий на его вопрос просто указывал на север.

Он шел и шел, пока наконец не добрался до серого дома с грубой гонтовой крышей недалеко от рыночной площади. На рассохшейся двери было изображено два символа власти — скрещенные молнии Короля Снов и треугольник в треугольнике — знак Леди Острова Снов. Тизана оказалась крепкой женщиной лет пятидесяти, высокой и тяжеловесной, с широким строгим лицом и внимательным взглядом. Распущенные волосы, черные с белыми, лежали на спине. Голые по локоть руки были сильными, мускулистыми. Сила чувствовалась во всем ее облике.

Она приветствовала Валентайна, назвав его по имени, и пригласила в дом.

— Я принес тебе, как ты уже, вероятно, знаешь, привет и любовь от Стифона Делиамбера,— в свою очередь сказал он.

Толковательница кивнула.

— Да, он послал известие о тебе загодя, ловкач! Я ценю его

любовь, несмотря на все его фокусы. Передай и ему мою любовь.

Она подошла к окну маленькой комнаты и задернула шторы. Зажгла три толстые красные свечи и какую-то курительницу. Обстановки в комнате почти не было — только черно-серый ворсистый ковер, почтенного возраста деревянный стол, на котором и стояли свечи, и высокий, под потолок, шкаф. Зажигая огни, Тизана сказала:

— Я знаю Делиамбера почти сорок лет. Представь себе — мы встретились в начале правления Тивераса на фестивале в Пилипло-ке, когда город встречал нового Коронованного лорда Молибора — он потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький урун уже тогда был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя Молибора, а Делиамбер сказал, что он умрет раньше Понтифика, и так уверенно, как будто предсказывал завтрашний дождь! Рискованное дело — говорить так, я сказала ему об этом. Но самое удивительное, что он оказался прав — Коронованный умер, а Понтифик живет и живет. Сколько же ему сейчас лет? Сто? Сто двадцать?

— Не имею представления,— мотнул головой Валентайн.

— Он очень стар. Столько лет он был Коронованным, прежде чем скрыться в Лабиринте! После него царствовали три Коронованных — уму непостижимо! Он может пережить и лорда Валентайна.

Ее глаза всмотрелись в гостя.

— А что если Делиамбер знает и это? Выпьешь со мной вина?

— Да.

Валентайн чувствовал неловкость от ее прямоты и от того, что она, вероятно, знала о нем все, чуть он вошел в ее дом.

Тизана принесла резной каменный кувшин и наполнила два стаканчика вином, но не пальмовым золотистым, а другим — темным, густым и сладким, с привкусом имбиря и еще чего-то. Он сделал глоток, другой, а женщина, глянув на него, сообщила:

— Кстати, в вине наркотик.

— Наркотик? Зачем?

— Это нужно для моей работы.

— Ну что ж...

Он еще раз посмотрел вино на свет. Пурпурное вино, в стекле стакана отражается его искаженное лицо. Интересно, что за процедура его ждет? Ему придется пересказывать свои сны? Посмотрим. Он допил вино, хозяйка долила его стакан из своего, которого едва коснулась губами.

— Сколько времени прошло с последнего толкования?— был первый вопрос.

— Боюсь — много.

—Пора заплатить мне. Цена покажется тебе высокой, больше той, что ты заплатил когда-то.

— Это было так давно...

—... что ты ее не помнишь. Дай мне десять крон. Налоги с тех пор повысились втрое. Во времена лорда Вориакса я брала по пять крон, а когда я только начала толковать сны — цена гадания была всего две кроны. Десять — для тебя не слишком дорого?

Это было недельное жалованье у Залзана Кавола, но он пришел в Пидруд с полным кошельком, неизвестно кем наполненным. Там было около шестидесяти роалов; оставалось еще достаточно. Он дал

Тизане роал, она положила его в фарфоровую чашку на столе. Валентайн зевнул — наркотик действовал. Хозяйка бросила на него еще один внимательный взгляд и долила стакан.

Мозг его затуманился.

Ночь была еще далеко, но он почти засыпал.

— Иди вон к тому ковру,— указала хозяйка.

Две из трех свечей она погасила.

Затем сняла с себя платье и осталась нагой.

Этого он не ожидал. Неужели процедура толкования снов включает в себя и секс? С этой старухой?! Правда, раздевшись, она не казалась старой — тело ее было лет на двадцать моложе лица: крепкое, гладкое, с тяжелыми грудями и крутыми бедрами. Может, толкователь ницы еще и обязательные проститутки?

Она сделала знак раздеться и ему, он послушно снял одежду. Оба легли на толстый мягкий ковер, и она обняла Валентайна. В объятиях не было ничего эротического — они были материнскими, ради полнейшего соприкосновения. Он расслабился. Голова его лежала на ее мягкой теплой груди, ему очень хотелось спать. От женщины исходил острый и приятный аромат хвойных деревьев, растущих в северных горах, на границе камня и снега.

Он услышал тихий ее голос:

— В королевстве снов только ночь может сказать правду. Не бойся, мы отплываем туда вместе.

Валентайн закрыл глаза.

Высокие пики гор над линией снега . Ветер дует между скал, но Валентайну не холодно, хотя он босой и идет по каменистой земле. Перед ним дорога, идущая куда-то вниз, она выложена серыми плитами, на крутых склонах лестницей. Они спускаются в закрытую от их глаз туманом долину. Валентайн шел без опаски. Он знал, что это еще не сон, а прелюдия, что он еще находится на пороге сна. Он проходил мимо поднимавшихся по лестнице фигур, знакомых ему по предыдущим снам.

Понтифик Тиверас — пергаментная кожа и высохшее лицо, пошатываясь, тяжело движется наверх; лорд Валентайн, Коронованный ступает уверенно и важно; великий воин лорд Стиамот, преодолев преграду из восьми тысяч лет, размахивает тяжелым посохом, из конца которого вылетают молнии; а вон там, кажется, сам Понтифик Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и обратился в Леди Острова Снов. Вон идет великий правитель лорд Престимион, его наследник; под их правлением Маджипура достигла вершин богатства и силы. А за великим пошли Залзан Кавол, бредущий рядом с карликом Делиамбером, Карабелла, нагая, с кожей орехового цвета, упругая, как пружина, задыхающийся Виноркис, Слит, жонглирующий огненными шарами, Шанамир и лимен, торговец сосисками...

Грянула музыка — показались музыканты; за ними Валентайн увидел процессию — это двадцать хьертов несли самого Короля Снов, страшного Симонана Баржазида.

Чем ниже он спускался, тем гуще становился туман, Валентайн дышал тяжело, короткими вздохами, словно поднимался все выше в горы. Густой лес хвойных деревьев, завалы камня, а он босиком,

а под ногами еще и обжигающий холодом снег и всесветный туман впереди.

Но откуда-то сверху доносится торжественная музыка — духовые инструменты ведут строгую мелодию, что может сопутствовать, к примеру, одеванию Коронованного. И в самом деле — Валентайна одевают: десяток слуг копошится возле него. На него возлагают роскошную мантию, голова его чувствует прикосновение короны... Но он вдруг отталкивает слуг, снимает корону и протягивает ее своему брату, срывает с себя нарядную одежду, раздирает ее на куски и швыряет беднякам, ползающим по полу. Те обматывают ими ноги... а над всеми уже гремит чей-то голос, объявляющий, что он отказывается от своего предназначения и власти... И вот Валентайн снова бредет по каменистой дороге, вглядываясь в туман, что покрывает далекую долину внизу.

— Зачем ты идешь вниз?— кричит ему Карабелла.

Она загородила ему дорогу. Валентайн не отвечает, но когда карлик Делиамбер показал ему на что-то вверху тонким щупальцем, он послушно повернулся и начал подъем — теперь уже по полям, цветущим красным и голубым, по высокой траве между улетающими вверх кедрами.

Он поднимает глаза и видит пик, чья вершина теряется в небе, там находится Горный Замок, там, в облаках, и этот Замок — его цель, превосходящая все когда-либо существовавшие. Сооружение на вершине горы, место, где живет Коронованный, Замок лорда Валентайна, а до него — Вориакса, а еще раньше — Молибора; сколько великих имен! Каждый вносил свой вклад в строительство Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем, каждый, начиная с лорда Стиамота, первого жителя Горного Замка — он построил первую башню, от которой пошло все остальное. Я снова овладею Замком, услышал Валентайн собственный голос, я снова поселюсь в нем!

Но что это? Огромная толпа народа разбирает какое-то сооружение. Работа идет полным ходом — уже отделены внешние крылья, разрушены арки, шатаются опоры, построенные еще лордом Вориаксом, обнажился зал трофеев, задуманный лордом Молибором, колоссальная библиотека, которую строил Тиверас, когда стал Коронованным. И многое другое стало грудами камня, а народ с криками продирается дальше, к еще более древним помещениям, к садам лорда Конфилума, оружейной лорда Деккерета, к архиву лорда Престимиона, разнося все в клочья...

— Остановитесь!— закричал Валентайн.— Не делайте этого! Я вернулся, я снова надену мантию и корону!

Но разрушение Замка продолжалось и казалось, что он сделан из песчаника и рассыпается на глазах.

— Поздно, поздно,— доносился до него чей-то голос.

И вот исчезла дозорная башня лорда Ариока, рухнули парапеты лорда Тимина, пыль поднялась над обрушившейся лабораторией лорда Кинникена, гора задрожала, должно быть, разрушение на ее вершине коснулось и ее, нарушив равновесие, небо потемнело, убежали звезды, а атмосфера, не пускавшая космический холод на землю, съежилась, отдав теплый воздух

луне. Валентайн стоял посреди этого разрушения и начавшегося всеобщего хаоса, выставив перед собой руки...

А следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентайн сел, не понимая, где он и почему лежал голый на каком-то незнакомом толстом ковре. Что это за комната, что за женщина наклонилась над столом?

Да ведь это же толковательница снов Тизана, а за окнами — Фалкинкип, улица Продавцов воды!

Нагота смутила его, он встал и побыстрее оделся.

Женщина подошла к нему.

— Выпей это,— она протянула гостю чашку.— Когда ты окончательно проснешься, я принесу тебе завтрак.

Он недоверчиво глянул на чашку.

— Это всего лишь чай,— сказала она, спать тебе больше не нужно.

Валентайн выпил напиток. Голова у него была тяжелая, словно вчера он напился до беспамятства. Он знал, что всю ночь ему снились престранные сны, но болезненного ощущения, с каким он просыпался раньше, на этот раз не было. Только тяжесть в голове и какое-то оцепенение, ощущение пустоты. Наверное, это после действия наркотика.

Громадность ночного сна, его ужасы вернули ему ощущение ребенка, чем-то напуганного.

Завтракали Тизана и он молча. Тизана время от времени поднимала на него глаза.

Вечером, перед тем, как дать ему наркотик, она была куда разговорчивее, теперь же выглядела задумчивой, даже озадаченной и как бы отсутствующей — словно ей нужно было отделиться от него, отойти, чтобы повернее разгадать сложный его сон.

Убрав посуду, она спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Спокоен.

— Это хорошо. Уйти от толкователя снов в тревоге — значит, напрасно потратить деньги. Но твой дух выдержал испытание.

— Выдержал?

— Ты оказался сильнее, чем я думала. Превратности, которые раздавили бы обычного человека, не сломили тебя. Бедствия мало задевают твой дух, опасность ты встречаешь без страха.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Я оракул, а оракулы не любят частностей.

— Мои сны посланы? Что ты мне скажешь?

Она помолчала.

— Я не вполне уверена...

— Но ты же разделила их со мной! Разве ты не можешь сразу определить, от кого сон — от Леди или от Короля?

— Успокойся. Все не так просто. Твои сны не от Леди, это точно.

— Значит, от Короля?

— И это я не могу сказать. В какой-то мере его воздействие присутствует, но это еще не послание. Тебе это трудно понять, мне пока тоже. Я уверена, что Король Снов следит за тобой, за твоими

действиями и связан с тобой, но в твой сон он не входил. Это-то и сбивает меня с толку.

— Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

— Нет, никогда.

— Вот так толкование! Еще больше загадок и вопросов без ответа!

— Толкования еще не было.

— Ах, так? Извини мое нетерпение.

— Не стоит извиняться. Дай-ка мне руку, я попробую кое-что узнать.

Он протянул руку, она крепко взяла ее и замолчала, к чему-то в себе прислушиваясь. Потом заговорила:

— Ты упал с большой высоты и должен туда возвратиться.

— С большой, ты говоришь?

Он недоверчиво улыбнулся.

— С высочайшей.

— Высочайшее место в Маджипуре — Горный Замок,— улыбка его стала насмешливой,— не туда ли я должен вернуться?

— Да, туда.

— Уж очень крутой подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу на него всю свою жизнь!

— Тем не менее, лорд Валентайн, этот подъем ждет тебя, и не я тебе это предлагаю!

Он опешил, услыхав королевский титул, а чуть позже рассмеялся.

— Лорд Валентайн! Не слишком ли много чести для меня, Тизана? Не лорд, а просто Валентайн. Валентайн-жонглер, не больше, новичок в труппе скандара Залзана Кавола!

Не сводя с него глаз, она спокойно сказала:

— Прошу прощения. Я не хотела тебя обидеть.

— Разве может это обидеть меня? Пожалуйста, не называй больше меня королевским титулом. Меня вполне устраивает моя жизнь жонглера, даже если мои сны и устремляются так высоко.

Ее взгляд на него не изменился.

— Хочешь еще чаю?

— Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне пора. Что ты можешь сказать мне на прощание?

— Толкование окончено,— ответила коротко Тизана.

Это было неожиданно. Он ждал продолжения, какого-то разбора снов, советов, а тут...

— Итак, я упал с большой высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты можешь мне сообщить за роал?

— В наше время все дорого,— ответила она безмятежно.— Ты считаешь себя обманутым?

— Кое-что ты мне все-таки сказала...

— Сказано вежливо,— оценила она ответ.— Ты получил в самом деле ценную информацию. Со временем ты поймешь, что это такое.

Тизана встала. Валентайн тоже.

Во взгляде женщины он увидел редкие для него уверенность и силу.

— Я желаю тебе счастливого пути и удачного подъема,— сказала она.

Вернувшись от Тизаны, первым он встретил Стифона Делиамбера. Было еще рано, маленький урун занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования посверкивающими под солнцем черепками, но это было жульническое жонглирование, потому что Делиамбер только делал вид, что бросает и ловит, а на самом деле черепки двигались бесовской его силой. Он стоял под блестящим роем, черепки вились над головой по кругу, образуя венок, которого он не касался ни одним из щупальцев.

Услышав шаги Валентайна, урун махнул «рукой», осколки тут же собрались в плотный ком. Делиамбер поймал его и показал Валентайну.

— Это кусочки храмового здания из Долорна, города гайрогов, он в нескольких днях пути отсюда в восточном направлении. Город прямо-таки магической красоты! Ты бывал там?

Еще не остывший от потрясшего его разговора с Тизаной, Валентайн не ответил карлику. Только пожал плечами и бросил:

— Не помню.

— Если б был, запомнил бы! Это город света, его архитектура — поэзия!

Урун пощелкал клювом, что означало у них восхищение.

— А может, ты просто забыл о нем?— продолжал трещать Делиамбер.— Я полагаю, да — у тебя многое утеряно. Но скоро ты его увидишь. Снова.

— Как — снова? Я никогда там не был!

— Так или иначе, ты его увидишь — Долорн наша следующая остановка.

Он подмигнул Валентайну.

— Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

— Пусти-ка меня в фургон, Делиамбер.

— Ты не зря к ней сходил?

Валентайн попытался пройти мимо.

— Ничего я не узнал, просто убил вечер и ночь.

Упругое щупальце обвилось вокруг запястья.

— О нет! Ты не зря провел там ночь. Я знаю: ни одной нашей минуты не проходит для нас даром — мы учимся не тому, так этому, хотя узнаем об уроке гораздо позже.

— Тизана тоже об этом говорила,— буркнул Валентайн.— Я почти ничего не узнал от нее. Снова во сне я был среди владык, я спускался и поднимался по горным тропам... А она взяла да и пошутила надо мной. Лучше бы я потратил этот роал на вино!

Он попытался освободить руку от щупальца уруна, но тот удержал ее с неожиданной силой. Вдруг родилось странное ощущение, что через его мозг прокатываются музыкальные аккорды, а вместо фургона он увидел изображение морского дракона... к чему это?

И снова тревога захлестнула душу. На минуту показалось, что дракон поднялся из его собственных глубин, пробился сквозь туман памяти к остаткам ясного сознания. Кто он, этот дракон?

Страшное, угрожающее ему самому знание скрывалось в нем, оно пытается вырваться наружу, а он не пускает его.

Он увидел напряженный, что-то внушавший ему взгляд Делиамбера — тот, видимо, хотел помочь ему понять это темное пока знание. Но Валентайн вырвал руку и неуверенным шагом пошел к фургону скандаров.

Сердце колотилось, в висках стучало. Он обернулся и сердито спросил:

— Что ты со мной сделал?

— Я только взял за руку.

— Я черт знает как себя чувствую!

— Твоя боль таилась внутри — я дал ей выход наружу,— спокойно ответил карлик,— ничего больше. Все равно она не дала бы тебе покоя.

— Лучше бы ей оставаться внутри!

— У тебя нет выбора. Она просится наверх.

— Я не хочу ни борьбы, ни боли. Вчера я был счастлив.

— А когда видел сны?

— Они все равно бы кончились. Это не мои сны, кого-то другого.

— Ты так думаешь?

Валентайн не ответил.

— Я хочу быть тем, кем мне хочется.

— А именно?

— Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем и ты мучаешь меня, Делиамбер?

— Я был бы рад, если б ты остался жонглером,— мягко сказал урун.— Зачем мне огорчать тебя? Но желания человека не всегда совпадают с тем, что начертано на свитке судеб.

— Я буду хорошим жонглером,— упрямо сказал Валентайн,— не больше и не меньше!

— Желаю успеха,— любезно бросил Делиамбер.

И ушел.

Валентайн наконец-то вздохнул. Тело расслабилось, он сел прямо на землю. Но тревога осталась. Сны, их толкование, теперь еще дракон, неожиданное напряжение...

Из фургона вышла Карабелла и, увидев сидящего Валентайна, подошла к нему.

— Тебе плохо? Я помогу!

Ее пальцы коснулись шеи и стали массажировать, разминать скованные мышцы. Под ее руками напряжение уменьшалось, но настроение оставалось прежним.

— Толкование не помогло тебе?— наклонившись, спросила она.

— Нет.

— Ты расскажешь мне о нем?

— Пожалуй, нет.

— Как знаешь...

Карабелла замолчала, продолжая массаж, но Валентайн знал, что она ждет его рассказа.

— Я почти ничего не понял из того, что мне говорила

толкователь ица,— начал он,— и поэтому не хочу говорить на эту тему.

— Если все же нужно будет поделиться сомнениями, я рядом. А это придет, я знаю...

— Не сейчас. А может, и никогда.

Карабелла не настаивала, но он чувствовал, что она изо всех сил желает ему помочь, всем сердцем чуя его состояние. Запинаясь, он сказал:

— Толковательница сказала мне...

— Что?

Нет, говорить об этих вещах означало дать им реальность, а ведь они безумны, фантастичны.

— Она говорила чепуху. Едва ли стоит ее повторять.

Глаза их встретились, он отвел свои.

— Это все чепуха!— повторил он.— Чокнутая баба наговорила мне кучу вздора и я не хочу обсуждать его ни с тобой, ни с кем-то еще! В конце концов толковали мои сны и я не собираюсь обнародовать их!

Валентайн увидел обиду на лице девушки. Сдавшись, он мог продолжить разговор, поэтому сказал деловым тоном:

— Принеси мне мячи, Карабелла.

— Сию минуту?

— Да.

— Но...

— Я хочу научиться работать в паре.

— У нас сейчас не получится!

— Принеси, пожалуйста, мячи.

Она поднялась, пронеслась по ступенькам лесенки, приставленной к фургону, и через минуту вернулась с мячами.

Они отошли на незанятое ничем место.

Девушка бросила ему подряд три мяча и покачала головой.

— Плохая идея — осваивать новую технику, когда думаешь о другом.

— Мячи меня успокоят, вот увидишь.

— Как знаешь...

Для разминки Карабелла пожонглировала тремя мячами, попробовал и Валентайн. Но руки его были все еще скованными, не давались самые простые движения. Он то и дело ронял мячи. Карабелла, искоса поглядывая на партнера, продолжала жонглировать, в то время, как его мячи валились на землю.

Валентайн раздражался все больше. А она молчала, и молчание девушки тоже раздражало его. Попытка наладить ритм была бесполезной. «Ты упал с большой высоты, вдруг услыхал он голос Тизаны, а теперь ты должен вернуться туда!» Все три мяча упали на землю. Он бросил взгляд на Карабеллу. Как можно сосредоточиться, когда голова его занята другим!

«Тем не менее, лорд Валентайн, тот подъем ждет тебя, и не я его тебе предлагаю!»

Пальцы были, как сосульки. Мячи снова покатились по земле.

— Пожалуйста, остановись, Валентайн,— мягко сказала Карабелла.

— Принеси булавы.

— С ними будет еще хуже. Ты можешь сломать пальцы.

— Принеси булавы.

Пожав плечами, она собрала мячи и скрылась в фургоне. Появился Слит, зевнул, кивнул Валентайну. За ним вышел один из скандаров и сразу полез под фургон исправлять что-то.

Карабелла вынесла шесть булав. Вместе с ней он увидел Шанамира. Тот на ходу поздоровался с Валентайном и побежал к загону с животными.

Чувствуя присутствие Слита, он собрался, бросил первую булаву. И... не поймал ее. Слит никак на это не отреагировал. Ему удалось схватить три булавы подряд, но следующая больно ударила его по ноге. Валентайн перехватил взгляд Делиамбера, наблюдавшего за ним издалека, и поднял булаву. Карабелла, стоя напротив, жонглировала своими булавами, не обращая на него внимания. Он начал снова, но снова уронил две подряд и к тому же сильно ушиб большой палец. Хотел было продолжать, но тут к нему подошел Слит и остановил его готовую к броску руку.

— Не надо,— сказал он.— Отдай мне булавы.

— Мне нужно тренироваться!

— Жонглирование не терапия. Ты чем-то расстроен, поэтому у тебя не получается. Если ты попытаешься продолжать, выбудешь из строя на несколько недель.

Валентайн хотел высвободить свои руки, но Слит держал его с удивительной силой. А Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах. Валентайн сдался. Пожав плечами, он отдал булавы Слиту, тот понес их в фургон.

Через минуту Залзан Кавол скомандовал:

— Все в фургон! Поехали!

Дорога к гайрогскому городу Долорну шла на восток через мирную фермерскую местность, зеленую и плодородную, щедро согреваемую солнцем. Как почти вся Маджипура, она была густо населена, но разумное планирование создало сельскохозяйственные зоны, в которых города и поля чередовались, так что фургон то попадал в город, то снова оказывался среди зелени угодий.

Здесь, в долине Долорна, расположенной ниже Фалкинкипа, климат особенно благоприятствовал земледелию, ибо север ее был открыт полярным грозам с обильными ливнями, которые регулярно поливали угодья, а субтропическая жара в срединной полосе умерялась мягкими прогнозируемыми осадками. Все росло здесь круглый год. Сейчас, например, был сезон уборки желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктов, как пайк и глин.

Красота ландшафта развеяла сумрачное настроение Валентайна. Он постепенно отходил от вчерашних темных дум и позволял себе радоваться бесконечному ряду маджипурских чудес. Тонкие стволы пайков, посаженных прихотливым узором, привлекали его взор. Группы фермеров, двигающихся по полю, вызывали у него мысль о войсковых учениях... Фургон пересекал то район озер и ручьев, то катил по зеленой равнине.

В середине дня они достигли особенно красивого места — одного из многих заповедников Маджипуры. О его начале предупреждала табличка с надписью:

ЗАПОВЕДНИК ПОЛЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Заповедный лес составляли самые, может быть, замечательные деревья.

Эти деревья выделяют газ, что легче воздуха, и он поддерживает крону.

Достигнув зрелости, корневая система их и стволы атрофируются, а ветви становятся эпифитными, пользуясь воздухом атмосферы, как раньше стволом. Иногда, совсем уж постарев, дерево полностью порывает связь с почвой, вскормившей его, отрывается и летит искать новую колонию. Полые деревья растут в Зимроеле и Альханроеле, но в последнее время это племя стало вымирать. Здешняя роща посажена по декрету Двенадцатого Понтифика Конфалума Коронованным лордом Престимионом.

Жонглеры решили пройтись пешком по лесной дороге. Еще ни разу никто из них не видел полых деревьев, парящих в воздухе крон. Карабелла, шедшая впереди, вдруг нырнула в заросли синечерного кустарника и там вскрикнула от изумления. Валентайн побежал вслед за ней. Девушка в самом деле стояла среди чудес.

Здесь всюду стояли полые деревья, старые и молодые. Молодые были не выше Делиамбера— широкие кусты с толстыми, будто вздутыми ветками необычного серебряного цвета. Вздутия походили на узлы. У деревьев, высотой пятнадцать-двадцать футов, стволы только-только начинали утончаться, сохнуть, у более старых они высохли совсем и были не толще веревки, на которых и держались их плавучие кроны. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветерке, как на волнах, безлистые, с раздутыми ветвями.

Серебряный цвет молодых деревьев становился по мере роста блестящим и даже прозрачным, так что вверху они казались стеклянными и сверкали на солнце. Даже Залзана поразил этот чудесный лес. Он подошел к самому высокому и осторожно потрогал тонкий ствол.

Валентайн подумал, что скандар хочет сломать его и пустить дерево по ветру, как мальчишки пускают змея, но нет, Залзан лишь измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то.

Жонглеры довольно долго ходили среди полых деревьев, разглядывая молодняк, следя за тем, как утончается ствол по мере старения, как утолщаются, наоборот, ветви. Ни на одном из них не было цветов.

Трудно было поверить, что это живые растения, настолько они казались стеклянными. Это снова было чудесное, заколдованное место. Дурное настроение Валентайна окончательно развеялось.

Прочь, прочь все темное — смотри, какая вокруг красота!

— Лови!— крикнула ему Карабелла.

Она заметила перемену в нем, сбегала за мячами и теперь бросила ему один за другим три. Он легко поймал их.

Три-четыре минуты они жонглировали самостоятельно,

потом Валентайн, глянув на девушку, перехватил ее ритм. Скоро они работали, зеркально отражая друг друга; Валентайн чувствовал, что от мячей, от их послушного движения на него исходит все более уверенное спокойствие. Он даже стал напевать. Над ними сверкали деревья. День был тихим, ясным.

— Когда я скажу,— скомандовала ему Карабелла,— бросай мяч из правой руки в мою левую. Раз... два... оп!

Он выполнил команду, в тот же миг Карабелла послала ему свой мяч. Он поймал его и продолжил свою работу, продолжая отсчитывать время, чтобы бросить мяч партнерше.

Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пассов он делал это уже без боязни и вот обмен мячами пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев.

И на этот раз Валентайн понимал, что это необычно, что никто не овладевал таким приемом с первой попытки, но, как и раньше, он отключил от своего внимания все, кроме глаз и рук и летающих мячей, и промах стал просто немыслимым.

— Эй!—позвал их Слит.— Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентайну не хотелось усложнять и без того трудную задачу; не останавливая мячей, он сделал несколько шагов по направлению к Слиту. Карабелла уже работала с ним в паре.

Вот и Валентайн получил первый мяч от Слита.

— Раз!— крикнул Слит.— Продолжай!

Он стал третьим углом треугольника жонглеров. Некоторое время он был ведущим — бросал мячи партнерам, но слишком медленно, затем ускорил по сигналу Слита — вот он уже не поспевает за ним! В воздухе вдруг появилось с десяток мячей — так, наверно, ему показалось — Валентайн поймал несколько, начал ронять и наконец со смехом повалился в теплую траву.

— Значит, есть все-таки предел твоему таланту?— шутливо спросил Слит.— А я-то уже думал, что ты вообще не из смертных!

Валентайн все еще смеялся.

— Боюсь, что не более, чем смертный.

— Обедать!— позвал Делиамбер.

Он приглядывал за котелком, где тушилось мясо, и следил за огнем.

Скандары, репетировавшие на расстоянии, появились на этот зов, как из-под земли, и тут же принялись накладывать в тарелки еду.

Виноркис был вместе со всеми. Валентайн и Карабелла подошли последними. Валентайн был в поту — честном поту хорошо выполненной работы. Стучала в голове кровь, но прошлая ночь с необъяснимыми снами была, слава богу, далеко, она словно бы осталась в Фалкинкипе.

Весь день фургон двигался к востоку.

Перед ними лежала страна гайрогов, населенная исключительно гладкоголовой змееподобной расой. К ночи труппа была все еще на полпути к Долорну, где Залзан Кавол договорился о выступлении.

Встретился какой-то городок, Делиамбер сказал, что знает, где в нем гостиница, и фургон завернул к ней.

— Раздели со мной постель,— сказала Валентайну Карабелла.

В коридоре, где была комната девушки, им встретился Делиамбер. Он протянул щупальце, коснулся их обоих и пробормотал:

— Приятных снов.

— Приятных снов,— автоматически ответила Карабелла.

Валентайн не ответил, потому что одно только прикосновение колдуна вызвало шевеление дракона где-то в его глубине и беспокойство вновь охватило его. Неужели и Делиамбер стал причиной тревоги? Против этого страха у него не было защиты.

— Пошли,— позвал он Карабеллу.

Смех ее зазвенел в коридоре, но тут же смолк, стоило девушке глянуть в лицо любовника.

— Что с тобой? В чем дело?

— Ничего.

— Что-то случилось?

— Просто сменилось настроение — разве не бывает такого?

— Когда с тобой это случается, на твое лицо будто набегает тень, и всякий раз так неожиданно...

— Делиамбер... Что-то в нем беспокоит меня. В его прикосновении...

— Он безвреден. Лукав, как все колдуны, особенно маленького роста. В низкорослых народах всегда таится темное лукавство. Но тебе нечего бояться Делиамбера.

— Правда?

Он закрыл за собой дверь и обнял девушку.

— Правда,— сказала она.— Тебе незачем бояться кого бы то ни было. Ты нравишься всем с первого взгляда. В мире нет человека, способного причинить тебе вред.

— Хотел бы я этому верить,— сказал он.

Карабелла увлекла его на кровать.

Он целовал ее — скулы, брови, нос, губы, шею... скоро тела их слились.

Они не были близки больше недели, Валентайн ждал этой минуты, думал о ней, мечтал... но вот она пришла, а он холоден. Эта встреча в коридоре украла его желание, отняла его у Карабеллы! Подруга заметила его холодность, но не показала ничем. Ее тело искало его тела, оно обжигало его, жгло — пока не раскалило. Он сравнялся с ней в страсти, но часть его внимания оставалась безучастной, она как бы наблюдала за ними обоими.

Все кончилось быстро; лунный свет проникал в окно и леденил их лица.

— Приятных снов,— сказала Карабелла.

— Приятных снов,— ответил он.

Она уснула почти сразу, а он долго лежал, чувствуя тепло ее тела рядом, без сна. Через какое-то время отодвинулся, устроился в любимой позе — на спине, сложив руки на груди, но и сейчас сон не пришел, только охватила дремота, принося сменяющие друг дружку видения. То он шел куда-то, то жонглировал вместе

с Слитом и Карабеллой, то видел птицеподобного карлика... Услышал дыхание девушки рядом, приподнялся на локте, посмотрел на нее.

Лунный свет лег на тело Карабеллы, обратив его в мрамор. Он еще раз удивился тому, как она красива. Валентайну захотелось погладить подругу, ткнуться губами в соски, но побоялся нарушить ее сон и ограничился лишь тем, что смотрел и смотрел на нее.

Вдруг Карабелла вскрикнула. Глаза ее открылись, но она, кажется, ничего не видела. Ничего вокруг — только свой сон. Задела рукой Валентайна и бросилась к нему на грудь — дрожащая, всхлипывающая, испуганная. Он обнял ее, стал гладить, надеясь успокоить, защитить от злых духов сна,— девушка обмякла в его руках, тело расслабилось, дрожь улеглась.

Еще некоторое время Карабелла лежала, не шевелясь, будто пытаясь осмыслить свой сон, оттолкнуть от себя его страхи. Внезапно села и прижала руки к губам. Глаза ее вылезли из орбит и остекленели.

— Милорд!— с ужасом в голосе прошептала она.

Оттолкнулась от Валентайна, отползла на самый край широкой постели, одной рукой прикрывая грудь, другой — лицо. Снова она дрожала. Валентайн потянулся было к ней — она рванулась от него и упала на пол. Но и там девушка прикрывала, как могла, свою наготу и умоляюще смотрела на него.

— Карабелла,— растерянно повторял любовник,— Карабелла...

Она выставила руку.

— Милорд, пожалуйста, оставь меня!

Опустила голову и изобразила пальцами знак сияющей звезды, знак повиновения, которыми придворные Коронованного приветствуют его.

Думая, что, может быть, не ей, а ему приснился страшный сон, Валентайн встал, ощутил ступнями холодный пол. На стуле лежала вперемешку брошенная одежда — его и ее. Девушка в униженной позе корчилась на полу. Он хотел успокоить ее, но она отползла в угол.

— В чем дело?— спросил Валентайн.— Что с тобой случилось?

Взгляд Карабеллы прояснился.

— Я видела во сне, что ты...— Она запнулась.

— Что же?

— Это было так реально, так ужасно...

— Расскажи. Может быть, я растолкую твой сон?

— Его незачем толковать. Он правдив.

Девушка снова изобразила пальцами знак сияющей звезды и заговорила тихо, спокойно и монотонно:

— Я увидела во сне, что ты — Коронованный, лорд Валентайн, истинный властелин Маджипуры. Что у тебя похитили власть, отняли память, поместили в другое тело и выпустили недалеко от Пидруда, чтобы ты скитался, жил в бедности в то время, как кто-то другой правит страной.

Бездна оказалась перед Валентайном, бездна, на краю которой он стоял, сыпля вниз камешки и комки земли.

— Это было послание?

— Да! Я не знаю от кого — от Леди ли или от Короля, но это не сон, это известие послали в мой мозг, как посылают телеграмму. Я видела тебя, лорд...

— Не называй меня так.

— Ты стоял возле Замка на вершине горы вместе с другим лордом Валентайном, с тем, черноволосым, перед которым мы жонглировали... Потом ты спустился с горы, сел в колесницу и поехал в путешествие по своей стране, а когда ты был на юге, тебя усыпили, дав наркотик, пересадили твою душу в это тело и бросили на произвол судьбы. Не было никого в королевстве мудрее тебя, но твои силы были отняты колдовством... А я прикасалась к тебе, лорд, я делила с тобой ложе, была неосторожна в выражениях. Получу ли я прощение за все это, лорд?

— Карабелла!

Но девушка дрожала от страха.

— Взгляни на меня, Карабелла.

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени, коснулся рукой ее подбородка. Его любовница вздрогнула, словно он обжег ее. Тело ее напряглось. Он снова протянул к ней руку.

— Подними голову,— ласково сказал он,— и посмотри на меня.

Девушка послушалась — но как робок был ее взгляд!

— Я Валентайн, жонглер, которого ты хорошо знаешь, и больше никто.

— Нет, нет, лорд!

— Коронованный черноволос, а у меня светлые волосы.

— Умоляю тебя, лорд, не прикасайся ко мне. Я боюсь тебя.

— Боишься бродячего жонглера?

— Того, что ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, кем ты был,—лорда! Ты жил рядом с Понтификом и пил королевское вино. Ты расхаживал по громадным залам Горного Замка, был властен над всем миром... Это был правдивый сон, лорд, я видела все ясно, как днем, и не может быть никаких сомнений, что он — послание. Ты истинный Коронованный, а я, ничтожная, касалась твоего тела, а ты касался моего. Это святотатство — простая женщина не может подходить к Коронованному так близко. За это я должна умереть.

Валентайн улыбнулся.

— Даже если я и был когда-то Коронованным, то ведь в другом теле. А в этом, которое ты обнимала полчаса назад, нет ничего королевского. Да и не был я Коронованным!

Она не спускала с него глаз. Заговорила — и голос ее дрожал уже меньше:

— Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруда. Ты не смог даже назвать имени своего отца, а когда рассказывал про свое детство в Ни-мое, то и сам не верил рассказу, а имя матери придумал. Скажешь, это неправда?

— Дальше.

— Шанамир выболтал мне, что в твоем кошельке было много денег, но ты не имел представления об их ценности и хотел расплатиться за дешевые сосиски дорогущей монетой. Это правда?

Валентайн кивнул.

— Получается, что ты жил, никогда не пользуясь деньгами. Ты так мало знал о простой жизни, что тебя приходилось учить, как ребенка.

— Да, с моей памятью что-то произошло, но из этого еще не следует, что я был Коронованным!

— Все — и то, как ты жонглируешь: власть твоя распространяется даже на предметы, и то, как ты ходишь, как смотришь, как держишься, свет, который исходит от тебя — говорит о том, что ты был рожден для власти. Как только ты появился у нас, все считали, что ты принц в изгнании или герцог. Мой сон не оставил мне сомнений, лорд...

Лицо девушки было бледным. Страх, что на время оставил ее, снова охватил все ее существо. И он был заразителен, ее страх. Валентайн тоже почувствовал его хватку. По его телу прошел мороз. Неужели и вправду он был Коронованным, общался с Тиверасом в его Лабиринте и жил в Горном Замке?

Снова прозвучал голос Тизаны: Ты упал с большой высоты и должен возвратиться туда... Это невозможно, немыслимо! А еще она говорила, что крутой подъем ждет его, и не она это предлагает. Кто? Кто?

А что же такое его сны, брат, который хочет убить его, и которого убил он, и коронованные, понтифики, вторгавшиеся в его сознание?..

Что же это такое?

— Ты не должна бояться меня, Карабелла,— нарушил он тишину.

Она вздрогнула. Он снова потянулся к ней, но девушка отшатнулась с крико́м:

— Не прикасайтесь ко мне, милорд!

— Пусть я был когда-то Коронованным, хоть это звучит глупо и странно, но сейчас-то я не Коронованный и не в его теле, так что все, что между нами было,— не святотатство. Сейчас я Валентайн, которого ты знаешь, и что до того, кем я был в прошлом!

— Тебе не понять меня, милорд.

— И разве Коронованный не такой же человек, как все, только ответственности у него больше, но ничего святого вокруг него нет, бояться можно только его власти, а какая власть у меня?

— Нет,— возразила она,— Коронованного коснулась высшая благодать, она никогда не покинет его.

— Коронованным может стать любой, если получит надлежащее воспитание и определенное устремление ума. Коронованными не родятся. Наши властители из всех районов Маджипуры, из всех слоев населения.

— Милорд, это не совсем так. Быть Коронованным — значит коснуться благодати,— повторяла она.— Ты правил, ты жил в Горном Замке, ты был в одном ряду с лордом Стиамотом, лордом Деккеретом, лордом Престимионом, ты брат лорда Вориакса, ты

сын Леди Острова. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не страшиться тебя?

Он растерялся. Вдруг вспомнил, сколько всего прошло через его мозг, когда он, стоя на улице, смотрел на лорда Валентайна Коронованного, как явственно почувствовал исходившую от него силу, как понял, что быть Коронованным, значит быть вдали от всех, подчинять свои желания ауре власти; отстраненность ото всех — вот удел Коронованных, отстраненность и власть сразу над миллиардами, которая требует от тебя той могучей энергии, какую накопили за тысячелетия многие и многие властители земли, ушедшие потом в Лабиринт, чтобы нести власть Понтифика. Все это было ему понятно и непонятно, и странно притягивало, и ошеломляло, и будоражило.

И все-таки зачем бояться его, Валентайна, человека, впадать в благоговение перед его воображенным величием? Он человек, и только!

Карабелла плакала. Начиналась истерика. Может, урун сумеет ее успокоить?

— Уймись,— сказал Валентайн,— я сейчас вернусь. Попрошу у Делиамбера что-нибудь для тебя.

Он вышел в коридор, думая, как найдет комнату колдуна. Все двери были закрыты.

Он будет стучать во все подряд, надеясь, что обойдет как-то Залзана Кавола, но из первой же раздался скрипучий голос карлика:

— Ты плохо спал?

— Делиамбер?

— Я рядом с тобой.

Валентайн опустил глаза. Урун сидел перед дверью, скрестив на груди щупальца в позе молящегося. Перед Валентайном он встал.

— Я знал, что ты вскоре пойдешь разыскивать меня,— проговорил он.

— Мне нужно успокоить Карабеллу. У тебя есть какое-нибудь лекарство?

— Лекарства нет. Это можно сделать по-иному. Идем.

Маленький урун пошагал впереди. Карабелла по-прежнему была в углу, только успела набросить на плечи кое-что из одежды. Колдун подошел к ней, положил щупальца на ее плечи. Девушка вздохнула, плечи ее опали. Она подняла глаза, увидела и показала на Валентайна.

— Я видела во сне, что он...

— Я все знаю,— перебил ее Делиамбер.

— Она ошибается,— вставил Валентайн,— я только жонглер!

— Ты жонглер только сегодня,— поправил его колдун.

— Ты тоже веришь в этот вздор?

— Я знал все с самого начала — когда ты встал между скандаром и мной. Так мог сделать только Коронованный, сказал я себе, и стал присматриваться к твоей душе...

— Что?!

— Мы это можем. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сотворили.

— Но это невозможно!— вскричал Валентайн.— Взять из человеческого тела его разум и пересадить в другое тело!

— Почему невозможно?— возразил Делиамбер.— Это уже под силу человеку. Из Суврaеля дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Говорят даже, что эксперименты проводят несколько лет подряд.

Валентайн пошевелил руками.

— Не может быть!

— Я тоже так думал, когда только-только услышал, но потом поразмыслил и понял, что и я знаю несколько секретов подобного колдовства, а ведь я всего-навсего младший в нашей касте. Начала этого искусства существовали давным-давно, и, может, какой-нибудь кудесник из Суврaеля сумел прорастить эти семена. На твоем месте, Валентайн, я бы не стал отбрасывать такую возможность.

— Обмен телами?— растерялся Валентайн.— Значит, это не мое тело? Чье же оно?

— Кто знает? Должно быть, какого-то неудачника, погибшего от несчастного случая — кто-то утонул, подавился куском мяса или съел ядовитый гриб... В любом случае, он умер, оставив свое тело целым; его подхватили и унесли в потайное место, где и трансплантировали в него разум и душу Коронованного; а кто-то другой, простившись со своим телом, влез в пустую скорлупу властителя, вероятно удержав там многое из личной памяти Коронованного и объединив со своей. Теперь он правит, теперь он богорожденный монарх...

— Может ли такое произойти в реальной жизни?— упрямился Валентайн.

— Когда я заглянул в твою душу, то увидел, что все было именно так, как я тебе описал. Мне стало страшно — в такой работе, как моя, не часто встретишь Коронованного или приоткроешь завесу великого предательства. Я подумал, не разумнее ли будет забыть об этом, но понял, что не смогу, что до конца дней буду видеть чудовищные сны, если постараюсь забыть открытое мной. Я сказал себе: очень многое в мире нуждается в исправлении и я должен, исполняя волю бога, участвовать в этом. И вот мое участие...

— Ты говоришь чепуху.

— Тогда давай предположим,— настаивал Делиамбер,— что было. Допустим, на тебя напали в Тил-омоне, выкинули из твоего тела, а на трон посадили узурпатора. Мы только предполагаем... Что ты предпримешь?

— Ничего.

— Как это — ничего?

— Абсолютно ничего,— подтвердил Валентайн.— Пускай тот, кто хочет быть Коронованным, будет им. Я убежде́н: власть — это безумие, а желание править — болезнь. Пусть я когда-то и жил в Горном Замке, но теперь ничто не заставит меня вернуться туда. Я жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив.

А счастлив ли Коронованный? А Понтифик? Если меня вышвырнули оттуда, то я считаю, мне повезло. Мне совсем не хочется снова взваливать на себя тот груз!

— Но власть была тебе предназначена.

— Предназначена?

Валентайн рассмеялся.

— Предназначена?— повторил он.— Я принимаю тот вариант, что мне предложили стать Коронованным с тем, чтобы по происшествии времени я уступил место более достойному. Но ведь к власти обычно рвется чокнутый! А я в здравом уме. Зачем мне взваливать на себя непосильную ношу? Я не хочу!

— Тебе придется,— стоял на своем Делиамбер.— Ты сильно изменен, ты сейчас не похож на того, кто был Коронованным. Но скоро ты станешь самим собой, лорд Валентайн!

— Не называй меня так!

— Ты все равно станешь им,— ответил карлик.

Валентайн взглянул на Карабеллу — девушка, забившись в угол, уснула там. Он бережно приподнял ее, уложил на кровать, накрыл одеялом. И снова повернулся к Делиамберу.

— За этот вечер было сказано много всяких глупостей. У меня от них разболелась голова. Сделай для меня то, что ты сделал для девушки — я хочу спать. И ни слова о той чепухе! Завтра у нас выступление, и я хочу как следует отдохнуть.

— Прекрасно, ложись в постель.

Валентайн лег рядом с Карабеллой.

Урун коснулся его сначала одним только «пальцем», потом сильнее — мозг Валентайна заволокло туманом.

Туман сгустился, выжал из головы остатки сознания, Валентайн спал.

Уже глубокой ночью ему приснился сон, и такой яркий, что не могло быть сомнения: это послание.

... Он шел по той же страшной пурпурной пустыне, но теперь он знал, что она не из области снов, а находится на далеком Суврaеле. Жесткое солнце высушило все вокруг, земля суха и шуршит под ногами, как бумага. Кусты с серыми вздутыми листьями опустили ветви к земле, другие — уродливо угловатые и угрожающе колючие — тянулись вверх. Навстречу ему дул ветер, сушивший кожу лица и рук. Валентайн торопился во дворец Короля Снов, куда его пригласили для выступления.

Дворец был уже виден: колеблющиеся в знойном мареве башенки, зубчатые стены и — все такое же угловатое и угрожающее, как кусты, растущие здесь.

Это строение больше похоже на тюрьму, чем на дворец, по крайней мере снаружи.

Внутри же оно было совсем другим: богатым, спокойным, уютным; во двориках журчали фонтаны, посылали пряные ароматы цветы, жесткий солнечный свет смягчали в помещениях роскошные драпировки.

Слуги встретили Валентайна, отвели его в предназначенную для него комнату, помогли снять пропыленную одежду. Он умылся,

ему подали полотенца. Затем была принесена красивая одежда и расшитый золотом легкий плащ; холодное вино в серебряной чаше предстало перед ним, сладкий шербет, остро пахнущие кусочки мяса на блюде... За всем этим его пригласили и провели в помещение с сводчатым потолком — тронный зал Короля Снов.

Валентайн шел к далеко от него стоящему трону, на котором сидел Симонан Баржазид, злая и непредсказуемая сила, посылавшая со своей, продуваемой ветрами пустыни, страшные послания всей Маджипуре. Это был тяжеловесный мужчина, безбородый, с двойным подбородком, с глубоко сидящими глазами, обведенными темными кругами. На его коротко остриженной голове сияла золотая диадема — символ его власти и усиливавший энергию мысли аппарат, изобретенный предком Баржазида тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, такой же тяжеловесный, как отец, справа — еще один сын — Минакс, наследник. Он был тощ, темнокож и остролиц — чем-то похожий на обточенные ветрами камни пустыни.

Король Снов жестом предложил Валентайну начинать.

Жонглер работал сразу пятнадцатью ножами — блестящими тонкими лезвиями, которые пронзили бы руку, как иголка материю, прими их неправильно. Но он управлял роем кинжалов легко, как делали бы это Слит или сам Залзан Кавол.

Валентайн стоял неподвижно, чуть заметно шевелились только запястья и пальцы, посылая в воздух снаряд за снарядом. Сверкающие ножи пролетали по дуге и падали точно в руки, чтобы снова взлететь. Острия ножей в какие-то мгновения рисовали лучи сверкающей звезды.

Это был венец выступления жонглера. Но что это? Кинжалы, не долетев до рук, остановились в воздухе, словно наткнувшись на препятствие. Из-за трона появился третий Баржазид, третий сын Короля Снов, мужчина с нахмуренным лицом и жестким взглядом. Он смахнул повисшие в воздухе ножи в полу своей мантии.

Король Снов одобрил этот жест улыбкой.

— Ты отличный жонглер, лорд Валентайн, — сказал он, — наконец-то ты нашел занятие по душе.

— Я Коронованный Маджипуры, — вздернул подбородок Валентайн.

— Был им. Теперь ты только бродяга.

— Он просто лентяй! — бросил Минакс Баржазид.

— И трус! — добавил Кристоф.

— Он увиливает от своих обязанностей, — в свою очередь сказал Доминин, третий сын Короля.

— Ты лишен своего ранга, — подвел итог Король Снов.— Должность Коронованного вакантна. Иди и жонглируй, Валентайн. Уходи, лодырь! Проваливай, бродяга!

— Я Коронованный Маджипуры! — крикнул Валентайн.

— Ты больше не Коронованный, — сказал Король Снов и коснулся диадемы на лбу. В то же мгновение жонглер пошатнулся, потолок закружился перед ним, он упал.

Когда он очнулся, то увидел, что Доминин Баржазид одет в зеленый камзол и горностаевую мантию Коронованного, лицо

и тело его стали лицом и телом лорда Валентайна, а его отец Симонан возлагает на его голову корону.

— Видишь, — обернулся Король к лежащему Валентайну, — власть переходит к более достойному. Убирайся, жонглер, убирайся!

Гонимый этим криком, Валентайн вылетел в открытое окно и оказался в пурпурной пустыне. На юге ее набирал силы злобный смерч. Он приближался к нему, беглец отступал, поднимал руки, кричал:

— Я лорд Валентайн. Коронованный!

Но голос смешивался со свистом ветра; на зубах скрипел песок. Он еще раз пытался остановить смерч:

— Это измена! Узурпация власти!

Ветер швырял ему в ответ песок. Валентайн попытался отыскать в окружившей его темноте замок — тщетно. Теперь только грохочущая пустыня окружала его.

Он проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом; в комнату вливался ранне-утренний свет.

Хотя сон снова был страшным, а послание — зловещим, Валентайн не чувствовал тревоги.

И если совсем недавно он пытался спорить с тем, что ему открылось, сейчас это было бессмысленным, несмотря на всю фантастичность правды. У него было другое тело и он был Коронованным Маджипуры, — но у него украли и то, и другое.

Могло ли это произойти?

Последний сон отбрасывал все его сомнения.

Теперь он стал рыться в глубинах мозга — чтобы отыскать хоть какие-то воспоминания о былой его власти, церемониях в Замке, пытался увидеть лица придворных, их наряды.

Ничего не было, — он только жонглер.

Его жизни до Пидруда не существовало в его мозге, словно он родился полторы недели назад, за минуту до встречи с погонщиком Шанамиром, возник по мановению чьей-то руки — взрослый, с полным кошельком, фляжкой вина на боку и почти полностью стертой памятью.

Неужели правда, что он был Коронованным?

Ежели так, ради блага Маджипуры он должен сбросить с трона узурпатора и восстановить свои законные права. Это его обязанность.

Но разве возможно это сделать?

Свергнуть того черноволосого человека, которого приветствовал недавно весь Пидруд?

Как можно это сделать?

Как можно приблизиться к Коронованному, чтобы столкнуть его с насеста?

В истории планет такое бывало, но сможет ли это повторить бродячий жонглер, достаточно легкомысленный молодой человек, которому, в общем-то, наплевать на королевскую власть?

Ну да много ли проку в сидении на троне?

И все же...

Он почувствовал взгляд на себе и обернулся. На него смотрела Карабелла.

В ее глазах, устремленных на него, все еще был страх.

— Что ты теперь будешь делать, лорд?

— Раз и навсегда — зови меня Валентайном.

— Если ты приказываешь...

— Приказываю.

— Что ты теперь будешь делать, Валентайн?

— Работать вместе с вами, — ответил он, — я буду жонглировать, совершенствовать мастерство и — быть внимательным к своим снам, ждать, думать. Что я еще могу делать, Карабелла?

Он протянул к ней руку.

Девушка отодвинулась было, но собралась и протянула к его руке свою. Он улыбнулся.

— Что я еще могу делать, Карабелла?

МЕТАМОРФЫ

Гайрогский город Долорн был чудом архитектуры, он возник, казалось, благодаря волшебству.

Почти вся Долина Долорна была занята им. Хотя город и был велик, в нем преобладали вертикали — громадные сияющие башни самых фантастических конструкций поднимались, как сталагмиты в пещере. Единственным разрешенным к строительству материалом в Долорне был местный камень — легкий и блестящий, как драгоценный кальцит. Из него-то и возводились жителями Долорна высокие и островерхие дома, увешанные балконами, соединенные друг с дружкой аркадами и кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицей, украшенные колоннами и куполами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вошла в город ровно в полдень, когда солнце стояло над головой, а на стенах титанических башен плясали тысячи бликов. У Валентайна захватило дух от высоты зданий и сверкания сотен башен.

Долорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и считался крупным — но не крупнейшим — городом Маджипуры. Валентайн знал, что в Альханроеле город такой величины не представлял собой ничего особенного, на этом сельскохозяйственном континенте были города и побольше. Но все равно он подумал, что по красоте ему нет равного.

Долорн был холодным и огненным одновременно. Шпили, сверкающие, как лед, не отпускали от себя глаз; разглядывая город, новичок все время слышал звуки органа, чья музыка была как бы заложена в него при строительстве.

— Сельских гостиниц здесь нет! — радовалась Карабелла.— Мы будем жить в отеле и спать на тонких простынях!

— Ты думаешь, Залзан Кавол расщедрится на отель? — усомнился Валентайн.

— А куда он денется! В Долорне только отели. Либо мы ночуем на улице, либо нежимся на королевских кроватях!

— Королевских, — повторил Валентайн, — почему бы и нет!

Еще утром, перед уходом из гостиницы, он взял с Карабеллы клятву никому не говорить о ночных событиях — ни Слиту, ни скандарам, ни толкователю снов, если Карабелле вдруг понадобится встретиться с таковым. Он потребовал, чтобы девушка поклялась именем Леди, Понтифика и Коронованного. Он потребовал также, чтобы она вела себя с ним, как раньше: он был и есть жонглер, не больше.

Произнося для девушки слова клятвы, Валентайн, неожиданно для себя, заговорил с той значительностью, какой у него прежде не было, бедная же Карабелла, услыхав этот голос, встала на колени и смотрела на любовника, как если бы на нем была корона. Сам Валентайн чувствовал себя неловко — что если настоящая цена его не так высока, как пригрезилось.

Однако, пренебрегать снами было нельзя, предосторожности необходимы: соблюдение тайны их — в первую очередь. Он взял клятву и с Делиамбера, хотя сомневался, можно ли ему верить. Но колдун клятвенно пообещал хранить все происшедшее в секрете.

— Кто еще знает об этом? — поинтересовался все же он.

— Только Карабелла, но и ее я связал клятвой.

— А хьерт ничего не знает?

— Виноркис? Ни слова. Почему ты о нем спрашиваешь?

— Мне показалось, что он следит за тобой. К тому же слишком многим интересуется — мне это не нравится.

Валентайн пожал плечами.

— Хьертов трудно любить. Но чем, ты думаешь, он опасен?

— Виноркис хорошо закрывает свой мозг. А аура у него темная. Держись от него подальше, Валентайн, он опасное существо!

Широкая улица привела их к отелю. Направлял фургон Делиамбер, у которого, похоже, в голове была карта любого города Маджипуры. Фургон остановился перед высоченным зданием, увенчанным башней, похожей на минарет, и с восьмиугольными окнами. Выйдя, Валентайн задрал голову к минарету.

— Ты выглядишь, как сельский простачок, к тому же стукнутый по голове, — недовольно проворчал скандар, выйдя вслед за Валентайном.— Никогда не видел Долорна?

Валентайн смущенно улыбнулся.

Его дырявая память ничего не знала об этом городе. Но разве возможно забыть его, хоть раз повидав? Он спросил:

— А что здесь самое красивое?

— Самое красивое в чужом городе, — ответил ему Залзан Кавол, — миска горячего супа, кружка хорошего вина и мясо над огнем. Скажешь, не так? Ну-ка, откуси от этого отеля кусочек! Голодный человек не насытится даже Горным Замком!

Скандар гоготнул, довольный шуткой, подхватил свой багаж и направился к отелю.

— Но ведь города строят не ради одной только жратвы! — рассердился Валентайн.

Ему ответил Тилкар, самый молчаливый из скандаров:

— Залзан восхищается Долорном куда больше, чем может показаться. Но он никогда в этом не признается.

— Вслух он готов говорить только о Пилиплоке, где мы все родились, — добавил Рейбор Керн, — о любом другом городе Залзан не скажет доброго слова.

— Тихо! — прикрикнул на них Ирфон Кавол.— Вон он!

Залзан появился в дверях отеля.

— Ну! — позвал он всех.— Долго вас еще ждать? Через полчаса репетиция!

Он пригрозил здоровенным кулачищем и исчез за дверью.

Странный у меня хозяин, думал Валентайн, изо всех сил старается выглядеть грубым мужланом, а цивилизованную и добрую личность прячет от всех глубоко внутри.

Жонглеров пригласили выступать в Безустанном Цирке Долорна, городском увеселительном заведении, работавшем круглосуточно. В этом городе и его провинции спали не по ночам, как все, а по сезонам, подряд по два-три месяца, преимущественно зимой; когда же бодрствовали, то требовали развлечений день и ночь.

Делиамбер сказал, что платят здесь хорошо — потому-то в Долорне всегда полно странствующих артистов.

На репетиции, что состоялась после полудня, Залзан Кавол объявил, что они выступают далеко за полночь, с четырех до шести.

Валентайн расстроился: он ждал, что получит в эту ночь наставление, как действовать — все к этому шло в его снах... а получается, что проведет эти часы на эстраде.

— Мы можем лечь спать пораньше, — предложила Карабелла, заметив его огорчение.— Время послания ведь тебе не назначено.

— Я могу вообще не уснуть, зная, что придется рано вставать.

— Пусть тебя усыпит Делиамбер, — посоветовала девушка, — как меня в прошлую ночь.

— Обойдусь без него, — ответил Валентайн.

Он устроился в отдельной комнате и до того, как лечь спать на тонкие простыни, годные, как сказала Карабелла, для королей и герцогов, поручил свой дух Леди Острова и попросил ее о послании. Такое разрешалось и делалось довольно часто, но не всегда давало результаты. А ему так нужна была помощь Леди! Если он свергнутый Коронованный, то она, как его мать по плоти и по духу, должна и удостоверить его личность, и подсказать ему его действия.

Засыпая, он постарался вызвать зрительный образ Леди и ее Острова — дотянуться через тысячи миль до нее и сотворить мост, по которому придет к нему ее послание. Но и здесь его подвела память. Считалось, что каждый маджипурец знает и лицо Леди, и географию Острова — как лицо матери и место, где он живет, но искалеченное сознание Валентайна зияло пустотами, которые нужно было чем-то заполнять. Он рисовал наугад. Как выглядела Леди, нарисованная огнями фейерверка над Пидрудом в день фестиваля?

Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо. А дальше? Предположим, что волосы черные,блестящие, как у ее сыновей, лорда Валентайна и покойного лорда Вориак-

са. Глаза карие, теплые, живые, губы полные, щеки слегка впалые, а в уголках глаз тонкая сетка морщин...

Величавая, рослая женщина. Она прогуливается по саду среди пышных цветов, желтых тонигалий и эльдеронов, пурпурных тихлей — всего богатства тропической растительности. Вот остановилась, чтобы сорвать цветок и воткнуть в свои волосы, идет дальше по мраморным плитам дорожки, петляющей меж цветов, останавливается на небольшом плато, на склоне холма, где стоит ее дворец, смотрит вниз, на террасы, спускающиеся к морю. Она смотрит на запад, на далекий Зимроель, где находится сейчас ее сын, остановившийся в городе гайрогов. Она сосредоточивается и шлет ему послание, в котором надежда на лучшее, в котором поддержка изгнаннику.

Валентайн погрузился в глубокий сон, и Леди пришла! Он встретился с ней на склоне холма под ее садом, в каком-то пустом и разрушенном городе, среди обезглавленных колонн и разбитых кем-то алтарей. Оба вошли в город с противоположных сторон, местом их встречи стал форум, о чьем назначении говорили плотно уложенные, растрескавшиеся от времени плиты песчаника.

Валентайн узнал Леди по тяжелым кольцам волос и по аромату цветка эльдерона в прическе. Да, это была Леди Острова, божество Маджипуры, почти недосягаемое, но он хотел, чтобы она улыбнулась ему, поддержав улыбкой его дух в этом разрушенном, унылом городе. Он хотел увидеть ласку в ее глазах.

— Матушка? — спросил он неуверенно.— Матушка, я Валентайн! Разве ты не узнаешь меня? Всмотрись же!

Она как призрак проплыла мимо него и исчезла за двумя обезглавленными колоннами, расписанными сценами деяний великих коронованных.

— Матушка! — позвал он.

Сон кончился. Валентайн постарался вернуть его, но он не вернулся. Желая еще раз увидеть лицо Леди, он всмотрелся в темноту. Ничего. Мать не узнала его. Неужели он так сильно изменился? А может, никогда и не был ее сыном? Где ответ? Если дух черноволосого лорда Валентайна был внедрен в тело блондина и Леди не подала никакого знака о том, что ей ведомо это, — как ему теперь вести себя?

Валентайн снова уснул. И почти тотчас же на его плечо легла чья-то рука и потрясла его. Это была Карабелла.

— Уже два часа, — сказала она.— Залзан Кавол хочет, чтобы через полчаса мы были в фургоне. Сон был?

— Незавершенный. А у тебя?

— Я не спала. По-моему, это разумнее. В иные ночи лучше не спать.

Когда он одевался, она, смущаясь, спросила:

— Я снова буду делить с тобой комнату, Валентайн?

— Ты хочешь этого?

— Я ведь дала тебе обещание обращаться с тобой, как и раньше. О, как я испугалась, когда узнала!.. Но мы снова станем товарищами и любовниками завтра ночью!

— А если я все же Коронованный?

— Прошу — не говори мне об этом!

— Коронованный....

— Ты сказал мне, чтобы я звала тебя просто Валентайном и смотрела, как на товарища. Так я и буду делать, пока ты мне разрешишь это.

— Ты веришь, что я Коронованный?

— Да, — прошептала она.

— И уже не боишься меня?

— Чуточку. Иногда, как и раньше, я вижу в тебе обыкновенного человека.

— Только иногда?

— У меня был целый день, чтобы привыкнуть. И я убедила себя, что должна думать о тебе, как о прежнем Валентайне.

Карабелла усмехнулась.

— Я поклялась именем Коронованного, что притворюсь, будто ты не Коронованный, теперь я обязана обращаться с тобой обычно и звать Валентайном, не бояться тебя, вообще вести себя так, словно ничего не случилось. Скажи, могу я прийти к тебе следующей ночью?

— Да.

— Я люблю тебя, Валентайн.

Он притянул ее к себе.

— Хорошо, что ты преодолела свой страх. Я тоже люблю тебя, Карабелла.

— Залзан рассвирепеет, если мы опоздаем, — сказала она.

Безустанный Цирк располагался в здании совсем иного типа, чем большинство в Долорне: это был огромный, плоский, без всяких украшений барабан. В нем было не более девяноста футов в высоту, но он занимал большое пространство в восточной окраине города. Внутри он походил на все цирки — манеж и зрительский амфитеатр до самого потолка.

В цирке могли поместиться десятки тысяч зрителей. Валентайн был ошеломлен тем, что в столь поздний час амфитеатр полон. В полутьме, в которую были погружены ярусы, трудно было различить лица, но можно было узнать и гайрогов, и хьертов, урунов, людей. На Маджипуре не было ни одного места, населенного какой-нибудь одной расой: древние указы правительств, восходившие к самым первым дням расселения нечеловеческих рас, запрещали концентрацию какой-либо одной, исключая лишь резервацию метаморфов, но гайроги были склонны к клановости и группировались в Долорне и его округе выше законного максимума.

Гайроги были теплокровными и млекопитающими, но те или иные черты рептилий делали их неприятными для большинства других рас — часто высовываемые красные языки, чешуйчатая серая кожа, холодные немигающие глаза. Плюс к этому волосы, похожие на медузьи щупальца — они не лежали на месте, а постоянно изгибались, свивались в кольца. А их кисло-сладкий запах не очаровывал и самих гайрогов.

Валентайн вышел на арену не в лучшем настроении: режим

суток нарушен, и хотя он поспал, работать в это время ему не хотелось. Да и недосмотренный сон давал о себе знать. Леди его не захотела увидеть, он так и не вошел с ней в контакт. Что значило это? Когда он был только жонглером, сны не так уж были важны для него: у каждого дня было свое назначение, он заботился лишь о ловкости рук и остроте глаз. А сейчас открытая снами правда требовала от него каких-то решений, он должен был обдумывать далеко идущие замыслы его судьбы. Сегодняшняя действительность тяготила его. Он даже ощутил некую ностальгию по дням всего лишь недельной давности, когда только-только спустился в Пидруд.

Но яркий свет, падавший на арену, и гудение амфитеатра оторвали его от размышлений. Скоро прозвучит сигнал к выступлению.

Арена была громадной, на ней одновременно происходило многое. Колдуны-уруны манипулировали плывущими над нею разноцветными потоками света и клубами красного и зеленого дыма. Заклинатели змей заставляли их стоять чуть ли не на хвосте. Тощие танцоры взлетали в головокружительных прыжках.

Несколько маленьких оркестров в разных местах арены играли скачущие, резко звучащие мелодии, очень любимые гайрогами. Колесом вертелся акробат, женщина на проволоке творила чудеса, взлетал левитатор, трио стеклодувов на глазах у публики выдувало вокруг себя клетку, во рту глотателя исчезали один за другим живые угри, резвилась на круге манежа дюжина клоунов... всего нельзя было разглядеть.

Публика зато могла увидеть все, потому что арена вращалась, делая полный оборот за час или два, так что очередная выступавшая группа проходила перед всеми зрителями.

— Манеж помещен в жидкость, — шепнул Валентайну Слит, — такую дорогую, что на нее можно купить три провинции.

Все на арене состязались в ловкости, и от жонглеров требовалось высшее мастерство. А это значило, что новичок нужен здесь постольку-поскольку. Валентайн работал с булавами и лишь время от времени получал от других нож или факел. Карабелла жонглировала пятью мячами, танцуя на шаре диаметром не более двух футов. Слит встал на ходули, оказался высоко над манежем — крохотная фигурка наверху — и опасно работал там с тремя большими красными в черную крапинку яйцами моликана, купленными вчера на рынке. Не дай бог уронить такое с его высоты — это заметил бы весь цирк. Но Слит жонглировал с яйцами безукоризненно.

Что же касается шести скандаров, то они встали в круг, лицом к зрителям и перебрасывались факелами, не видя друг друга, с такой точностью, какую можно было только предположить. Огненные дуги нарисовали над ними крышу, ни один факел не упал, ни один волосок на шкуре скандаров не опалился за время их выступления.

Они прошли два полных оборота арены, выступая по получасу с пятью минутами отдыха в центральной шахте прямо под манежем, где, кроме них, отдыхали сотни артистов. Валентайн

хотел выступить с чем-то посерьезнее своего простенького номера, но Залзан Кавол запретил.

— Ты еще не готов, — сказал он, — хотя и неплохо работаешь для новичка.

Только утром труппа жонглеров оставила сцену. Оплата была почасовая, а время отсчитывали счетчики аплодисментов, помещенные под сидениями зрителей. Некоторые выступавшие оставались на манеже всего несколько минут — общая скука и непризнание изгоняли их; труппа Залзана Кавола оставалась на сцене четыре часа. Их вызывали и еще, но братья Залзана, после недолгого, но жаркого спора, отговорили его от дальнейшего выступления.

— Жадность доведет его когда-нибудь до беды, — сказала на это Карабелла, — он думает, что факелы можно бросать бесконечно! Даже скандары устают!

— Только не сам Залзан, — заметил Валентайн.

— Это верно, он, как машина, но его братья — простые смертные. Я заметила, что Роворн стал терять чувство времени. Очень рада, что у них хватило духу остановиться.

Она покачала головой.

— Я тоже чертовски устала.

Жонглеры так понравились Долорну, что их наняли еще на четыре дня. Залзан Кавол ликовал. Гайроги хорошо заплатили, и он дал каждому по пять крон премии.

Премия всем понравилась, но Валентайну не хотелось оставаться у гайрогов. На третий день он решил уехать из Долорна. Это заметил Делиамбер.

— Ты хочешь нас покинуть? — спросил он.

Валентайн кивнул:

— Я кажется, вижу, куда идет моя дорога.

— На Остров?

— Зачем тебе разговаривать с людьми, — рассмеялся Валентайн, — если ты и так знаешь, что у них в мозгах!

— На этот раз я не заглядывал в твой мозг — твои действия можно предсказать и без этого.

— Я понял, что мне нужно к Леди. Кто, кроме нее, скажет мне все?

— Ты еще сомневаешься?

— Помимо снов, у меня нет доказательств.

— Они говорят правду.

— Наверно, — согласился Валентайн.— Но сны могут быть и притчей, и метафорой, и фантазией. Глупо принимать их без сомнений. А Леди, я уже говорил, скажет мне все. Далеко этот Остров, колдун?

Делиамбер прикрыл золотистые глаза.

— Тысячи миль, — ответил он через минуту.— Примерно пятую часть этого расстояния мы пройдем по Зимроелю, если отправимся на восток через Кинтор или Велатис, вокруг территории метаморфов, затем нужно плыть на речном судне через Ни-мою до Пилиплока, а оттуда до Острова ходят корабли пилигримов.

— Сколько времени это займет?

— Добраться до Пилиплока? Нашим теперешним ходом —

около пятидесяти лет. Идти гастрольным шагом, останавливаться то тут, то там на неделю...

— А если я пойду один?

— Вероятно, месяцев шесть. По реке быстрее, по суше — дольше. Будь у нас воздушные шары, как в других мирах, путешествие заняло бы день-два, но у нас на Маджипуре нет многого, чем пользуются другие народы.

— Шесть месяцев...

Морщина прорезала лоб Валентайна.

— А сколько будет стоить нанять повозку и проводника?

— Примерно двадцать роалов. Нужно много жонглировать, чтобы заработать столько.

— Хорошо, вот я в Пилиплоке. Что дальше?

— Ты оплачиваешь проезд до Острова. На путешествие по морю уйдет несколько недель. Добравшись туда, ты очутишься на самой нижней террасе и начнешь подъем.

— Какой подъем?

— Это будут молитвы, очищение, посвящение. Ты станешь переходить с террасы на террасу, пока не достигнешь Ступени Поклонения — порога Внутреннего Храма. Ты когда-нибудь слыхал обо всем этом?

— Колдун, ты ведь должен знать, что мои мозги основательно перетрясли!

— Да, я знаю.

— Внутренний храм... Потом?

— Теперь ты посвящен. Ты служишь Леди как прислужник. Если же захочешь получить аудиенцию, должен подвергнуться особому ритуалу и после него ждешь приглашающего сна.

— И сколько занимает весь этот процесс — террасы, посвящение, служба, ожидание сна?

— По-разному. Иногда пять лет и десять, а бывает — и вечность. У Леди не хватит времени для каждого пилигрима.

— А нет ли другого пути для получения аудиенции?

Делиамбер закашлялся — так он смеялся.

— Какого же? Стучать в храмовую дверь и вопить, что ты измененный до неузнаваемости сын Леди и требуешь, чтобы тебя впустили к ней?

— Почему бы и нет?

— На каждой террасе есть сторожа, которые задерживают подобных тебе. К Леди не так-то легко попасть. На это у тебя уйдет немало лет.

— Все равно я проберусь к ней! Если я буду на Острове, то буду кричать до тех пор, пока она не услышит.

— Возможно...

— А ты не поможешь мне?

— Так я и думал — в конце концов обратишься ко мне!

— Ты разбираешься в посланиях. С тобой я мог бы подобраться к Леди как можно ближе.

— Может быть, это и удастся, — задумался Делиамбер.— Но ты уверен, что я захочу пойти с тобой?

Валентайн некоторое время смотрел на колдуна.

— Уверен, — сказал наконец.— Ты притворяешься, что не хочешь, а сам придумываешь способы, как послать меня на Остров. Я прав, Делиамбер?

— Ну...

— Я прав?

— Если ты решил ехать на Остров — я на твоей стороне. Ты твердо решил?

— Почти.

— Если почти, наша затея может не осуществиться, — объявил Делиамбер.

— Тысячи миль! — вскричал Валентайн.— Годы ожидания! Хитрости, интриги! Почему я должен идти на все это?

— Потому, что ты был Коронованным и должен стать им снова!

— Может, и был, хотя я сомневаюсь в этом до сих пор, но вот второе...

Колдун хитро посмотрел на собеседника.

— Ты предпочитаешь терпеть на троне узурпатора?

— А что мне Коронованный и его власть? Он на другом конце земли, в Горном Замке, а я — кто я? Бродячий жонглер!

Валентайн вытянул руки и стал разглядывать их, словно увидел впервые.

— Я избавлю себя от многих трудов, если останусь с Залзаном Каволом и позволю другому, кто бы он ни был, править Маджипурой. А вдруг он мудр и правит по справедливости? Какая польза будет стране, если один правитель в одночасье сменит другого? Ох, Делиамбер, наверно, это звучит не по-королевски — то, что я говорю! Могу ли я быть Коронованным при стольких сомнениях?

— Мы с тобой уже толковали об этом. На тебя было оказано давление, милорд.

— Пусть так. Но моя королевская природа, если она и была, испарилась. Ну, хотя бы стремление к власти...

— Ты уже дважды употреблял эту фразу.— Делиамбер приготовился говорить долго.— Стремление здесь ни при чем. Истинный Коронованный вовсе не стремится к власти, напротив, ответственность устремляется к нему, захватывает его, овладевает им. Этот Коронованный новый, он еще мало что сделал, если не считать шумных чествований в его честь, но народ уже ворчит по поводу его декретов. А ты гадаешь, мудр он или нет. Узурпатор не может быть справедливым! Он преступник, он правит с чувством вины, страх за содеянное грызет его во сне, и настанет время, когда этот страх сделает его тираном. Ты сомневаешься в этом? Он отстранит всех, кто угрожает ему, он начнет убивать... Яд, текущий в его жилах, распространится по всей планете, поразит всех ее жителей. А ты, сидя вдалеке от него и разглядывая свои пальцы, так и не почувствуешь ответственности за это? Так и будешь спрашивать у всех, стоит ли власть усилий? Разве тебе наплевать, кто у нас Коронованный? Это очень важно, КТО правит, — а ты был не только выбран, но и обучен этому искусству, ты попал на трон не случайно. Неужели ты думаешь, что Коронованным может быть любой?

— Наверное, да. Судьба выбирает наугад.

Ответом был резкий смех колдуна.

— Возможно, девять тысяч лет назад так и было. Но сложилась династия, милорд!

— Расскажи мне об этом.

— Со времен лорда Ариока коронованных выбирали из небольшой, сравнительно, группы семей, из какой-то сотни кланов, живущих на Горе Замка и бывших членами правительства. Будущий Коронованный обучался заранее, но кто он, знали только он сам и немногие советники. Были у него и два-три дублера. Но теперь все это разрушено, теперь, когда трон захвачен вероломно. Ничего, кроме зла, нам нечего ждать.

— А что если узурпатор — наследник, которому надоело ждать?

— Нет, — сказал Делиамбер, — этого не может быть. Никто из тех, кто обучался заранее, не мог свергнуть законного, посвященного принца. К тому же — зачем ему рядиться в лорда Валентайна, когда у него есть свое имя?

— Ты прав...

— Согласись тогда и с тем, что находящийся сейчас в Горном Замке не имеет ни права на это, ни соответствующей квалификации, и его нужно вышвырнуть оттуда! А сделать должен это только ты.

Валентайн вздохнул.

— Ты требуешь от меня великих свершений.

— Великих свершений требует история, — торжественно сказал Делиамбер.— На тысячах миров, на протяжении многих тысячелетий история требовала, чтобы разумные существа выбирали между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между разумным и неразумным. И силы порядка, созидания и разума всегда фокусировались на ком-то одном — на лидере: короле, президенте, председателе, первом министре, генералиссимусе, называй, как хочешь, — одним словом, монархе. У нас правит страной Коронованный, или, если точнее, он являет собой голос Понтифика, бывшего ранее Коронованным. И это, милорд, очень важное дело, и не каждый может быть Коронованным!

— Да, — ответил не очень уверенно Валентайн, — возможно.

— Ты раскачиваешься от «да» к «возможно». И все-таки ты станешь правителем. Ты отправишься паломником на Остров, а оттуда, с благословения Леди, пойдешь к Замку и займешь там свое законное место.

— Твои слова наполняют меня ужасом. Если я когда-то и правил, если чему-то обучался, то ведь все это сгорело в моем мозге!

— Страх пройдет. Время все восстановит в твоей голове.

— Долго мы будем торчать в Долорне и развлекать гайроговъ?

— Осталось немного. Скоро мы двинемся на восток, милорд.

После разговора с Делиамбером неуверенность на какое-то время оставила Валентайна. Но прошло всего несколько минут, и сомнения вернулись. Может, ему нанять пару верховых животных и завтра же уехать в Пилиплок? А как же Карабелла, которая стала близким ему человеком? Оставить ее в Долорне?

А Шанамир? Мальчик привязан к нему, Валентайну, а не к скандарам, и можно ли бросать его? А расходы? Четверым ехать почти через вес Зимроель! Еда, ночлег, транспорт, корабль пилигримов до Острова и жизнь там, прежде чем он попадет к Леди... Делиамбер сказал, что ему одному понадобится двадцать роалов на дорогу до Пилиплока, а четверым, а то и пятерым, если и Слит будет с ними, сколько? Сотня, не меньше! Он заглянул в кошелек. Из тех денег, что были при нем в Пидруде, осталось не более шестидесяти роалов. Плюс те, что он заработал в труппе. Этого не хватит. Он знал, что и Карабелла почти без денег. Шанамир вернул семье сто шестьдесят роалов, вырученных за животных, а Делиамбер, если бы имел какой-то запас — разве стал бы он на старости лет таскаться по стране с кучей грубых скандаров?

Что же делать? Ждать и надеяться, что Залзан выберет для гастролей восточное направление. Ждать — ведь в конце путешествия его ждет корона.

Через несколько дней после того, как они покинули Долорн, Валентайн, выбрав момент, спросил Залзана Кавола, какое направление тот избрал для их поездки. День был теплый, но здесь на восточном склоне ущелья, где они остановились на обед, все заволокло туманом.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен этой погодой. Его серый мех из-за тумана свалялся, он все время расчесывал и приглаживал его. Валентайн понял, что разговор лучше было бы отложить, но было уже поздно.

— Кто из нас хозяин труппы, Валентайн? — сердито спросил скандар.

— Ты, конечно.

— Тогда с какой стати ты пытаешься управлять мной?

— Я?

— В Пидруде ты упросил меня ехать сначала в Фалкинкип ради соблюдения фамильной чести погонщика, а я, кстати, помню, как по твоей же просьбе взял его в труппу, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Я согласился с тобой, сам не знаю почему. Потом ты вмешался в мою ссору с уруном...

— Ты после сам признал, что не зря, — уточнил Валентайн.

— Не зря. Но вмешательство само по себе мне не нравится. Еще раз спрашиваю — ты знаешь, кто хозяин труппы?

Валентайн пожал плечами.

— Ты, без сомнения.

— Но ты-то понимаешь это? Мои братья это хорошо знают. Голова труппы — это я, от меня идут инструкции и команды, от меня одного!

Вдруг скандар улыбнулся.

— Думаешь, это тирания? Нет — достижение наибольшего эффекта! Среди жонглеров не может быть демократии, Валентайн. Ими управляет один мозг, иначе — разлад, хаос... Так чего ты снова от меня хочешь?

— Знать, куда мы направляемся, и только.

Залзан Кавол сказал с еле сдерживаемой злостью:

— Зачем тебе это знать? Ты работаешь у нас. Идешь туда, куда идем мы. Ты слишком любопытен!

— Я думаю иначе. Для меня не все дороги одинаковы.

— У тебя свои планы? Ты мне об этом не говорил.

— Сейчас говорю.

— И что же ты надумал?

Валентайн глянул поверх головы скандара.

— В конечном счете — отправиться паломником на Остров и посвятить себя Леди. Корабли паломников отплывают от Пилиплока, а между нами и Пилиплоком лежит весь Зимроель — вот я и хочу знать, не собираешься ли ты идти в другом направлении, скажем, в Велатис или, может, обратно в Тил-омон, или в Нарабад...

— Ты уволен, — голос скандара был ледяным.

Валентайн остолбенел.

— Что?

— Хватит! Мой брат Ирфон даст тебе десять крон на дорогу. Я хочу, чтобы через десять минут тебя не было здесь!

У Валентайна запылали щеки.

— Ты не прав, Залзан Кавол! Я ведь только спросил...

— Спросил, попросил... В Пидруде ты только просил, в Фалкинкипе тоже, через неделю, в Мазадоне, ты снова попросишь — мне это надоело! Как жонглер ты должен только повиноваться. А ко всему ты и нечестен!

— Я? По отношению к кому?

— Ты нанялся к нам, но, оказывается, решил просто попользоваться нами, как транспортом, который доставит тебя в Пилиплок. Да, ты нечестен, Валентайн! Это предательство!

— Когда я нанимался, у меня ничего на уме не было, кроме работы в твоей труппе, и мне все равно было, куда ехать. Но все изменилось в один момент — теперь у меня есть причины для паломничества.

— Имел ли ты право так все менять? Где твое чувство долга к нанимателю и твоим учителям?

— Разве я подрядился у тебя на всю свою жизнь? — спросил Валентайн.— Да, у меня появилась более важная цель, чем, к примеру, завтрашнее представление, — где же тут предательство?

— Жонглер не имеет право разбрасываться. Он должен каждый день и каждый час думать о своей работе, а твои мысли о том, как ты покидаешь порт Донибор, отплывая на Остров.

— Когда я жонглирую — я жонглирую, и только. Когда же мы доберемся до Пилиплока, я уйду из труппы, а до тех пор...

— Хватит! — отрезал скандар.— Уходи. Иди в Пилиплок один. Счастливого пути. Мне ты больше не нужен.

Залзан Кавол кипел от злости. Он резко повернулся и пошел прочь.

Валентайна охватила тревога.

Остаться одному, одному идти в Пилиплок — одному, везде одному?!

Он уже успел почувствовать себя частью труппы — даже в большей степени, чем предполагал, членом команды, от которой

его только что отстранили. Не сейчас, не сейчас, ведь он так привык к Карабелле и Слиту, не исключая и скандаров, которых не любил, но уважал за их мастерство; он поймал себя на том, что хочет совершенствования собственного умения, хочет ехать вместе с труппой на восток, приближаясь к той судьбе, которую уготовил ему колдун Делиамбер.

— Подожди! — окликнул он уходящего скандара.— А как же закон?

Залзан Кавол обернулся.

— Какой закон?

— Который требует, чтобы ты держал трех человек в своей труппе?

— Я возьму на твое место погонщика, — ответил Залзан, — и научу тому, что он сможеть освоить.

И двинулся дальше.

Валентайн стоял, как пришибленный.

Их разговор проходил в рощице невысоких деревьев с золотыми листьями. Должно быть, эти растения были психосинтезаторами: он заметил, что они свернули перистые свои листья — реакция на ссору, — и они почернели в окружности десяти футов.

Он дотронулся до ближайшего листа, безжизненного, как бы опаленного. Ему стало жаль растения.

— Что случилось? — послышался сзади голос Шанамира.

Он появился неожиданно и удивленно смотрел на почерневшие листья.

— Я слышал ваши крики. Скандар...

— Он выгнал меня, — как можно спокойнее сказал Валентайн, — за то, что я спросил его, куда мы направляемся, а еще за то, что сказал ему о своем намерении отправиться со временем в паломничество на Остров. Я поинтересовался, не едем ли мы на восток.

Шанамир разинул рот.

— Ты хочешь совершить паломничество? Никогда не подумал бы!

— Я решился на это недавно.

— Тогда пойдем вместе! — вскричал мальчик.— Верно? Давай упакуем вещи, украдем пару животин у скандаров и сегодня же уедем!

— Так ты идешь со мной?

— Конечно!

— До Пилиплока много тысяч миль. Ни ты, ни я не знаем дороги.

— Отчего же. Сначала мы идем в Кинтор, там садимся на речное судно и плывем до Ни-мои, а оттуда бредем вниз — вдоль Зимра берегом, а в Пилиплоке покупаем место на корабле пилигримов... Что-то не так, Валентайн?

— Пожалуй. Мне стыдно перед Слитом и Карабеллой. Они учили меня ремеслу...

Валентайн запнулся. Кто в конце концов он? Ученик жонглера или Коронованный в изгнании?

И какова его цель — гастролировать с грубыми скандарами, ну

и с Карабеллой и Слитом тоже, или воспользоваться ими всеми, чтобы попасть на Остров, а затем с помощью Леди — в Горный Замок? Он, кажется, окончательно запутался...

— Может, ты думаешь о деньгах? — спросил Шанамир.— Это тебя беспокоит? В Пидруде у тебя было более пятидесяти роалов. Наверняка что-то осталось. И у меня есть несколько крон. Если прижмет, будем подрабатывать: ты — жонглером на речном судне, а я могу ухаживать за животными...

— Куда это вы собираетесь ехать? — раздался голос Карабеллы рядом с ними.— Залзан Кавол рвет и мечет. Вы поссорились?

Валентайн коротко рассказал девушке о своем разговоре со скандаром.

Карабелла выслушала все молча, только вдруг прижала пальцы к губам. И вдруг бросилась бежать в том направлении, куда ушел Залзан Кавол, не сказав им ни слова.

— Карабелла! — крикнул Валентайн, но девушка уже исчезла.

— Пускай бежит, — бросил Шанамир.— Мы можем уйти через полчаса, а к ночи будем уже далеко. Иди укладывай вещи, а я возьму парочку животных и отведу их через лес к маленькому озеру, мимо которого мы ехали. Ты встретишь меня в роще капустных деревьев.

Шанамиру не терпелось начать действовать.

— Поторапливайся! — от нетерпения он шепелявил.— Я пошел за животными — скандары куда-то ушли, а ты тоже не медли. Они могут вернуться в любую минуту!

Шанамир исчез в лесу, Валентайн же не двигался с места. Уйти вот так сразу, даже не подготовившись к неожиданному повороту? А Карабелла? Не проститься с ней? А Слит? А Делиамбер?

Заплетающимся шагом Валентайн двинулся к фургону, чтобы собрать свое имущество. Он машинально обрывал мертвые листья деревьев-сенситивов, словно уничтожая следы своей вины перед ними. И все старался увидеть в происшедшем светлую сторону.

Останься он с жонглерами, на долгое время отсрочил бы столкновение с той реальностью, что неминуемо ждала его. И в этой реальности, все более проявляющейся, Карабелле нет места. Итак, нужно отбросить все и добираться до Пилиплока, где он сядет на корабль паломников. Ну, говорил он себе, шевелись, поторапливайся, собирай вещи. Шанамир уже ждет тебя.

Но Валентайн не мог сдвинуться с места.

Прибежала Карабелла. Лицо ее раскраснелось.

— Все улажено! — издали крикнула она.— Я напустила на него Делиамбера. Ты ведь знаешь его штучки — где щупальцем коснется, где слово скажет... Ну и Залзан передумал. Или, вернее, мы передумали за него.

Валентайн удивился огромности своей признательности Карабелле.

— Значит, я могу остаться?

— Да, если подойдешь к нему и попросишь прощения.

— За что?

— Не имеет значения.

Девушка усмехнулась.

— Он считает себя обиженным, но чем — знает один только бог. Шкура у него мокрая, на носу — пот. Кто его разберет, что с ним! Он же скандар, у него о человеке свои понятия. Ты разозлил его — он тебя прогнал. Попроси его как можно мягче не гневаться, он и отойдет. Иди.

— Но....

— Теперь ты будешь ерепениться? Ты хочешь остаться или нет?

— Хочу, хочу!

— Тогда иди.

Он стоял в нерешительности, она подтолкнула его, вдруг что-то вспомнила, отступила, как бы готовая встать перед ним на колени и сотворить знак сверкающей звезды.

— Пожалуйста, — тихо произнесла она, — пойди к нему, Валентайн. Вдруг он передумает? Если ты уйдешь из труппы, я тоже ее покину, а мне этого не хочется. Иди, прошу тебя.

— Я иду, — сказал Валентайн.

Она пошла с ним вместе. Земля была все еще мокрой от тумана. Залзан Кавол сидел на ступеньке фургона, завернувшись в плащ.

Валентайн приблизился к нему и сказал:

— Я не хотел сердить тебя. Прости меня.

Залзан зарычал таким низким басом, что конец рыка ушел за пределы слышимости.

— Ты мне надоел, — сказал он, — и я не хочу больше слышать твой голос. Отныне будешь говорить со мной только тогда, когда я обращусь к тебе. Понял?

— Да.

— И не пытайся больше влиять на выбор мною пути.

— Хорошо.

— Если ты снова разозлишь меня, я выгоню тебя без единой монеты на дорогу. Ты покинешь нас через десять минут, где бы мы ни находились, даже на территории метаморфов и даже посреди ночи. Понял?

— Понял.

Он думал, нужно ли ему наклониться и поцеловать волосатую лапу скандара в знак повиновения. Карабелла, стоя рядом, затаила дыхание — она, видно, ждала взрыва от повелителя Маджипуры, выпрашивающего прощения у странствующего жонглера-скандара.

Залзан Кавол презрительно смотрел на стоящего перед ним униженного Валентайна.

— Я не обязан делиться со своими работниками информацией, которая их не касается; скажу тебе, что Пилиплок — мой родной город и я возвращаюсь туда время от времени, намерен, по возможности, сделать сие и на этот раз. Когда мы там будем, зависит от ангажементов. Но знай: наш путь лежит на восток, хотя будут и отклонения, поскольку нам нужно зарабатывать на жизнь. Ты доволен? Когда мы придем в Пилиплок, можешь уйти из труппы, если твое желание уйти с паломниками не изменится. Но не пытайся потащить кого-то за собой — я подам на тебя в суд. Ты

можешь взять с собой только мальчишку-погонщика. Понял? — в третий раз спросил он.

— Да, — ответил Валентайн. И солгал. Потому что на последний пункт у него были свои виды.

— И вот еще что, — сказал Залзан, — ты получаешь от меня вполне приличные деньги. И если я замечу, что твоя голова занята не моей работой, а мыслями об Острове, Леди и прочем, я откажусь от тебя. В последние дни, я заметил, ты жонглируешь не так, как начал было. Мне нужны в труппе три человека, но не обязательно вы трое. Понял?

— Да.

— Ступай.

Когда они отошли, Карабелла заметила:

— Тебе все это было очень неприятно.

— Так же, как и скандару.

— Он просто волосатое животное!

— Отнюдь, — произнес Валентайн внушительно.— Он — тонко чувствующее существо, существо, равное нам в гражданском отношении. Никогда не говори о нем так. Залзан только с виду животное.

И усмехнулся.

— Когда имеешь дело с существами, страшно чувствительными к вопросам гордости и чести, наверно, самое разумное — приспособиться к ним. Особенно, если эти существа восьми футов роста и платят тебе жалованье. В этом смысле Залзан Кавол мне больше нужен, чем я ему.

— А как твое паломничество? Ты действительно хочешь его совершить? Когда ты решил насчет него?

— Еще в Долорне, после разговора с Делиамбером. Возникли серьезные вопросы, ответить на которые может только Леди Острова. Я попытаюсь пробиться к ней. Но все это в будущем, и я обещал Залзану не думать об этом.

Он взял ее за руку.

— Спасибо тебе за то, что уладила это дело. Я вовсе не был готов к увольнению из труппы и к разлуке с тобой. Я ведь совсем недавно нашел тебя!

— А почему ты думаешь, что разлучился бы со мной?

Он ласково улыбнулся.

— И за это спасибо. А теперь мне надо сходить в рощу и сказать Шанамиру, чтобы он вернул животных, которых украл для нас.

Фургон катил по все более незнакомой местности, и Валентайн еще раз порадовался тому, что они с Шанамиром не поехали одни.

Край между Долорном и следующим большим городом Мазадоном был мало населенным. Большую часть его занимал королевский лесной заповедник. Залзана Кавола это не радовало — у труппы здесь не было работы, ни здесь, ни в низинной и болотистой фермерской области, что последовала за заповедником. Фермеры выращивали на болотах падди-рис и разбивали план-

тации лусавенды. Но делать нечего, приходилось ехать и ехать по главному лесному шоссе, не заворачивая ни в один населенный пункт.

Здесь почти все время моросил дождь. Их фургон пересекал деревни, фермы, иногда посадки толстоствольных капустных деревьев — низеньких, с массивными белыми плодами, растущими прямо из коры стволов. Ближе к Мазадонскому заповеднику капустные деревья стали уступать место зарослям поющих папоротников с желтыми вайями, которые издавали пронзительные нестройные звуки, когда к ним кто-то приближался. Это было бы еще полбеды — в песнях папоротников можно было уловить и своеобразие, — но в глубине кустарников жили надоедливые существа — маленькие зубчатокрылые существа даймы, взлетавшие всякий раз, когда фургон задевал за поющий папоротник. Даймы были с мизинец величиной, покрыты золотистым мехом и вились над фургоном роем, время от времени кусаясь крошечными, но острыми зубами.

Толстокожие, покрытые шкурой скандары, сидевшие на водительском месте, не обращали на даймов внимания, только отмахивались, когда те подбирались слишком близко, но животные в упряжке начинали нервничать и сбивались с хода. Шанамира, посланного успокоить животных, даймы больно покусали, он вернулся в фургон и вместе с ним в помещение влетело несколько золотистых существ. Слит тут же был укушен в щеку, а у Валентайна пострадали руки. Карабелла, используя жонглерское мастерство, ловко отбивалась от даймов, потом принялась за их уничтожение. Скоро досадливых грызунов не стало.

Заросли поющих кустарников кончились, путешественники въехали в широкие низкие луга, посреди которых торчали сотни черных гранитных игл высотой до восьмидесяти футов. Эти естественного происхождения обелиски были оставлены каким-то неологическим событием. Для Валентайна эти луга были местом поразительной красоты, для Залзана Кавола — территорией, которую нужно побыстрее пересечь, чтобы попасть на следующий фестиваль, где его жонглеры получат работу; для Делиамбера — землей, излучающей угрозу. Урун высунулся в окно и всмотрелся в обелиски.

— Остановись, — сказал он, наконец, Залзану Каволу.

— В чем дело?

— Я хочу кое-что проверить.

Скандар натянул поводья. Делиамбер вылез из фургона и пошел прыгающим урунским шагом к гранитным иглам. Скрылся за одной из них, вот снова появился, исчез...

Вернулся он хмурым и озабоченным.

— Посмотрите туда, — сказал он, показывая на камни.— Видите лианы, что протянулись от одного шпиля к другому, а от того к третьему и так далее? А по ним кто-то ползает?

Валентайн с трудом различил сетку из тонких красных линий, натянутую меж обелисков на высоте сорока или пятидесяти футов над землей. Да, верно, по ним перебираются от камня к камню обезьяноподобные животные, свободно повисая на нитях.

— Похоже на сеть птицеядной лианы, — проронил скандар.

— Это она и есть, — подтвердил колдун.

— А почему они не прилипают к ней? Что это за животные?

— Это лесные братья, — ответил урун.

— Расскажи о них.

— Беспокойное дикое племя родом из центрального Зимроеля, их редко встретишь так далеко к западу. Метаморфы охотятся на них — то ли ради еды, то ли ради спорта, точно не знаю. У них есть разум, но низшего порядка, чуть выше, правда, чем у собак и дролей, но гораздо ниже, чем у цивилизованных народов. Их божества — двикка-деревья. Живут племенами, умеют делать отравленные стрелы и часто причиняют неприятности путешественникам. Их пот содержит энзимы, которые помогают им не прилипать к лианам, а лианами они пользуются для своих целей.

— Если они приблизятся к нам, — ответил на этот рассказ Залзан Кавол, — мы уничтожим их! Поехали дальше!

Миновав район обелисков, путники не увидели в этот день ни одного из лесных братьев. Назавтра, углубившись в лесной заповедник, они оказались в роще деревьев-великанов.

Колдун был знаком и с ними. Это как раз те двикка-деревья, сказал он, священные для лесных братьев.

— Вот почему, — пояснил он, — мы видели их на лианах. Это мигрирующая группа, она, должно быть, пробирается в этот лес, чтобы поклониться своим деревьям.

Двикка-деревья подпирали небо. Их было всего пять, они стояли отдельно от других. Стволы двикка-деревьев были толщиной с их фургон, кора — ярко-красная.

От стафутовой высоты стволов отходили толстенные ветви и отходили так далеко, что под одним деревом могла бы укрыться от дождя целая армия. На толстых веточках крепились листья — черные, кожистые, огромные. Они тяжело свисали, создавая под деревьями почти непроницаемую тьму. На каждой ветви было по два-три гигантских желтоватых плода в виде неправильных шаров двенадцати-пятнадцати футов в обхвате. Один из плодов упал на землю, продавив ее так, что теперь лежал как бы в небольшом кратере.

Плод, упав, треснул и в алой мякоти виднелось множество черных семян.

Валентайн догадывался, почему эти деревья стали божествами лесных братьев: они были монархами всего растительного царства — величественными, повелевающими. Он и сам себя поймал на желании опуститься перед ними на колени.

— Плоды у них очень вкусные, — продолжал рассказ колдун, — и неядовитые. Их могут есть все.

— И скандары? — спросил все же Залзан Кавол.

— И скандары.

Старшой засмеялся.

— Попробуем. Ирфон, Тилкар, а ну за фруктами!

Делмамбер обеспокоенно предупредил:

— Я вижу под деревьями талисманы лесных братьев. Значит, они были здесь совсем недавно и могут вернуться. Они решат,

что мы хотим осквернить их священную рощу, и нападут на нас, а их стрелы смертельны!

— Слит, Карабелла, встаньте слева от фургона, а вы, Валентайн, Шанамир и Виноркис — справа! Если увидите хоть одну обезьяну, дайте знать! — скомандовал Залзан Кавол.

Он махнул своим братьям:

— Идите собирать плоды! Херн, останься со мной. И ты, колдун, тоже.

Залзан Кавол достал из фургона два энергомета и протянул один Херну.

Делиамбер продолжал тревожиться:

— Они появляются неожиданно, как призраки...

— Заткнись! — рявкнул скандар.

Валентайн занял наблюдательный пост в пятидесяти ярдах от фургона и не сводил глаз с последнего справа двикка-дерева в этом сумрачном лесе. Из темноты под ним в любую секунду могла вылететь несущая смерть стрела.

Ирфон и Тилкар подходили уже к упавшему плоду, до него оставалось несколько шагов, они настороженно оглядывались по сторонам. Дошли до желтого шара, окружили его...

— А что, если лесные братья прячутся за ним? — прошептал Шанамир.— Я прямо умираю от страха!

Внезапный рев какого-то существа заставил всех задрожать. Он был похож на крики оскорбленного баддака, которому помешали спариваться. Ирфон отскочил от плода, следом за ним понесся к фургону перепуганный Тилкар.

— Скоты! — орал кто-то в темноте под двиккой.— Свиньи и дети свиней! Вы хотели изнасиловать женщину, присевшую пообедать! Я научу вас, как нападать на мирных людей! Я на вас оставлю такие отметины, что вы их будете носить всю свою жизнь! Куда вы бежите, волосатики? Стойте, я говорю!

Из-за плода двикка вышла самая громадная женщина, какую только можно было представить. Она была под стать гигантским деревьям.

Не менее семи футов роста, тело ее было горой плоти, стоящей на столбах-ногах. Женщина была одета в плотную блузу и кожаные брюки. Расстегнутая почти до пояса блуза обнажала шары грудей, не меньших, чем голова человека. Копна оранжевых кудрей, пронзительно-голубые глаза... В руке воительницы был внушительных размеров вибрационный меч и она размахивала им так, что Валентайн, стоящий от женщины в сотне футов, чувствовал движение воздуха. Ее щеки и груди были вымазаны алым соком плода двикки.

Великанша шла к фургону решительными шагами, вопя о насилии и требуя возмездия.

— Кто это? — растерянно спросил скандар.

Валентайн еще ни разу не видел скандара таким испуганным. Он спрашивал у братьев:

— Что вы ей сделали?

— Мы не прикоснулись к ней! — ответил Ирфон.— Мы

смотрели, нет ли лесных братьев, а Тилкар наткнулся на нее и нечаянно схватил ее за руку, чтобы удержаться на ногах.

— Ты же сказал, что вы не прикасались к ней! — рявкнул Залзан Кавол.

— Не прикасались в т о м смысле. Это была чистая случайность. Тилкар споткнулся!

— Сделай что-нибудь, — взмолился скандар, обращаясь к колдуну, великанша уже подходила к фургону.

Урун, и сам побледневший от страха, встал перед фургоном и протянул щупальца к подходившей воительнице.

— Мир! — крикнул он великанше.— Мы не хотели причинить тебе зла! Мир!

Выкрикивая это, он начал совершать щупальцами магические пассы, породив перед собой синеватое свечение. Женщина, увидев его, остановилась всего в двух-трех футах от колдуна. Смерив его угрюмым взглядом, она опустила меч и застегнула блузу. Посмотрела на скандаров, указала на Ирфона и Тилкара и все снова услышали ее громовой голос:

— Что вы хотели со мной сделать?

Ответил Делиамбер:

— Они просто пошли за плодами двикка-дерева. Разве ты не заметила корзины в их руках?

— Мы же не знали, что ты там сидишь, — заикаясь, сказал Тилкар, — мы обходили плод, чтобы посмотреть, не прячутся ли за ним лесные братья, вот и все.

— И навалились на меня, как сумасшедшие, и, конечно, изнасиловали бы бедную женщину, будь она безоружной!

— Я споткнулся, — настаивал Тилкар.— У меня не было намерения нападать на тебя. Я боялся лесных братьев, а когда увидел тебя, такую большую...

— Что? Ты, кажется, оскорбляешь меня?

Тилкар сложил на груди все четыре руки.

— Я хотел сказать... Я не ожидал...

— У нас не было дурных намерений, — сказал вместо него Ирфон.

Валентайн, наблюдавший всю эту сцену, вышел вперед.

— Если бы они хотели изнасиловать тебя, разве стали бы они это делать при всех? Мы с тобой одной расы и я не потерпел бы этого.

Он показал на Карабеллу.

— Эта девушка так же строго соблюдает свои обычаи, как ты свои. Будь уверена: если бы скандары попытались нанести тебе какое-то оскорбление, она вмешалась бы. Это было просто недоразумение. Опусти оружие и знай — ты в безопасности.

Мягкая речь Валентайна подействовала на великаншу. Она сунула меч в ножны на могучем бедре.

— Кто ты? — все еще недовольным голосом спросила она.— И зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Валентайн, мы странствующие жонглеры, а вот этот скандар — хозяин нашей труппы, его зовут Залзан Кавол.

— Я Лизамона Халтин, — назвалась женщина.— Я воин

и время от времени работаю телохранителем, хотя в последнее время больше бездельничаю.

— Нам пора ехать, — сказал Залзан Кавол, — мы теряем время. Ты простила нас?

Лизамона энергично кивнула.

— Поезжайте! Но вы знаете, что в этом лесу надо быть настороже?

— Лесные братья? — спросил Валентайн.

— Да. Они повсюду. Лес кишит ими.

— А ты не боишься их? — поинтересовался Делиамбер.

— Я говорю с ними на их языке, — ответила великанша, — и у нас с ними договор — не трогать друг друга. Будь иначе, уселась бы я так беспечно под плодом двикка? Может, я и жирная, но не глупая — ты слышишь меня, маленький колдун?

Она перевела взгляд на Залзана Кавола.

— Куда вы едете?

— В Мазадон.

— В Мазадон? Что вы там будете делать?

— Надеемся получить там работу.

— Ничего у вас не выйдет! Я только что из Мазадона. Недавно умер тамошний герцог и по всей провинции объявлен траур. Не собираетесь же вы жонглировать на похоронах!

Лицо скандара помрачнело.

— Выходит, мы остаемся без работы! Вся провинция в трауре! А мы так стремились сюда! Без работы с самого Долорна! Что я буду делать?

Лизамона выплюнула косточку плода.

— Это уж не моя печаль. Но в Мазадон вы не попадете в любом случае.

— Почему?

— В пяти милях отсюда дорога перекрыта лесными братьями. Они требуют со всех проезжающих дань. Они вас ни за что не пропустят. А то и убьют всех до единого.

— Как это не пропустят? — в один миг рассвирепел скандар.

— Без меня ни за что!

— А ты-то при чем?

— Я же говорила, что знаю их язык. Могу купить ваш проезд через их заставу. Желаете? Пяти роалов хватит.

— А зачем лесным братьям деньги? — спросил скандар.

— Не им, — усмехаясь, ответила великанша, — а мне. А им я предложу что-нибудь попроще. Договорились?

— Пять роалов — целое состояние!

— Я не торгуюсь, — холодно ответила Лизамона, — честь моей профессии не позволяет этого. Удачи вам в пути!

Она направилась в лес, но обернулась.

— Если хотите, можете взять немного двикки, — сказала она Ирфону и Тилкару.— Но не вздумайте жевать ее, когда встретитесь с лесными братьями.

Воительница подошла к плоду двикки под деревом, подняла меч и отрубила три больших куска. Подтолкнула их слоновьей ногой к ногам скандаров, те уложили куски в корзину.

— Все в фургон! — скомандовал Залзан Кавол.— До Мазадона долгий путь!

— Далеко не уедешь, — бросила напоследок великанша и захохотала.— А если останешься жив, прибежишь сюда!

Все следующие мили Валентайна не покидала мысль об отравленных стрелах лесных братьев. Погибнуть так глупо! А лес вокруг, как назло, становился все гуще, все страшнее. Папоротниковые деревья с серебряными споровыми ножками, словно бы стеклянные конские хвосты десяти футов высотой, усеянные гроздьями грибов... В таком лесу могло случиться, что угодно, и скорее всего случится.

Как это ни странно, помогал жонглерам плод двикки. Виноркис разрезал один большой кусище на ломтики и роздал всем. Двикка оказалась приятно сладким фруктом, а какие-то алкалоиды, находящиеся в ней, проникали в кровь быстрее крепкого вина. Валентайн быстро почувствовал легкость и даже веселость. Он обнял Карабеллу и Шанамира, привлек их к себе. Залзан Кавол стал насвистывать легкомысленную песенку, замурлыкал что-то себе под нос и Слит.

Фургон вдруг остановился. Остановился так неожиданно и резко, что Слит чуть не упал на Валентайна, а тот уронил на пол кусок двикки. Скандары высунулись из фургона и смотрели на что-то впереди.

— Что вы там видите? — крикнул Валентайн.

— Та женщина сказала нам правду, — ответил ему спереди Виноркис.— Птицеядная лиана перегородила дорогу.

Валентайн растолкал скандаров. Толстая красная лиана была натянута между двумя папоротниковыми деревьями, растущими по обе стороны дороги. Она образовала прочную сеть, свисающую до самой земли. Край дороги был непроходим. Фургон оказался в западне.

— А нельзя ли разрезать сеть? — спросил Валентайн.

Ему ответил Залзан Кавол:

— Мы бы сделали это энергометами за пять минут. Но глянька вокруг!

— Лесные братья, — прошептала Карабелла.

Они были повсюду — стояли на земле, сидели на ветках деревьев, раскачивались на лианах — примерно в ста ярдах от фургона. Жонглеры наконец-то рассмотрели их: вблизи они походили не на обезьян, а, скорее, на представителей разумной расы. Это были маленькие голокожие существа, серо-голубые, с тонкими руками и ногами. Узкие, как тыквы, безволосые головы, длинные хрупкие шеи, худые, даже костлявые тела. У всех, у мужчин и у женщин, с бедер свисали тростниковые трубки для метания стрел. Лесные братья переговаривались, указывали друг другу на фургон, а его обитатели с ужасом слушали шипящие и свистящие звуки их голосов.

— Что нам делать? — спросил Залзан Кавол у колдуна.

— Надо нанять женщину-воина.

— Ни за что!

— Тогда приготовься к сидению в фургоне до конца своих дней. Или возвращаемся в Долорн и ищем другую дорогу.

— А нельзя ли договориться с ними? Вылезай из фургона, Делиамбер, иди к ним и говори на каком угодно языке — лишь бы договориться. Скажи, что у нас важное дело в Мазадоне, что мы должны выступать на похоронах герцога, что если они нас задержат, их строго накажут.

— Скажи им это сам, — неожиданно огрызнулся колдун.

— Я?

— Любой, кто выйдет из фургона, может получить в брюхо стрелу. Я уступаю эту честь тебе. А вдруг их пленят твои габариты и они будут хлопать тебе в ладоши, как королю?

Залзан Кавол заскрежетал зубами.

— Ты отказываешься?

— Мертвый колдун, — ответил спокойным голосом Делиамбер, — плохой проводник по этой планете. Я кое-что знаю о лесных братьях. Они непредсказуемы и именно этим опасны. В нашем контракте не сказано, что я должен рисковать жизнью ради тебя.

Скандар негодующе фыркнул и закрыл дверь фургона.

Положение ухудшалось: лесные братья начали слезать с деревьев, другие уже прыгали на дороге, хриплыми голосами выкрикивая какую-то боевую песню.

Молчание нарушил Ирфон Кавол:

— Дать по ним из энергомета и сжечь всех до единого! А потом разрезать сеть.

— А потом, — подхватил Залзан Кавол, — они будут идти за нами через весь лес и забрасывать нас отравленными стрелами, как только мы высунем нос. Энергометы здесь не годятся. Их тысячи и тысячи. К тому же они нас видят, а мы их — нет. Силой с ними не справиться.

Скандар сунул в рот последний кусочек плода. Несколько минут он сидел молча, время от времени поглядывая в щель дверцы на беснующихся неподалеку от фургона лесных братьев, и наконец горько подытожил:

— До Мазадона еще несколько дней пути! Но есть ли смысл ехать туда? Ведь работы там все равно нет. Может, завернем в Бургкас или даже в Тагобар, колдун? Мы должны зарабатывать деньги, а нас держат в ловушке маленькие лесные обезьяны! Валентайн!

— Да? — отозвался Валентайн.

— Я хочу, чтобы ты выбрался через заднее окно и сбегал за женщиной-воином. Предложи ей три роала за нашу свободу.

— Ты не шутишь, Залзан Кавол?

В разговор вмешалась Карабелла:

— Я ловкая! Вместо Валентайна пойду я!

— Это еще что? — рассердился скандар.

— Валентайн заблудится, а я запомнила дорогу...

— Вздор! — рявкнул скандар.— Дорога прямая, а парень силен и проворен. И это дело не для женщины. Кроме того, Карабелла, ты для меня ценна как жонглер. Пойдет Валентайн.

Шанамир схватил друга за руку.

— Не ходи!

Валентайн колебался. Оставить относительно безопасный фургон и идти по лесу, кишащему лесными братьями?

Но кто-то должен был это сделать — не неуклюжие скандары и не косолапый хьерт. Для Залзана Кавола Валентайн был самым малоценным членом труппы. Что ж... А сам для себя он хоть что-то собой представляет?

— Женщина-воин назвала цену в пять роалов.

— Предложи ей три.

— А если она откажется? Ты ведь помнишь — она упомянула честь воина.

— Три, — упрямился скандар.— Пять роалов — огромная сумма. Даже три слишком много.

— Ты хочешь, чтобы я бежал по этому опасному лесу и предложил человеку слишком мало за наши жизни?

— Ты снова споришь со мной?

— Нашел дурака! — не сдержался Валентайн.— Если уж рисковать жизнью, то ради реальной цели. Дай мне пять монет — меньше она не возьмет!

— Приведи ее сюда, — сказал скандар, — я сам поговорю с ней.

— Приведи сам.

Залзан Кавол пошевелил могучими плечами. Настороженная, бледная Карабелла не сводила с него глаз.

Слит взглядом показал, что поддерживает позицию партнера. Шанамир сидел в углу испуганным воробышком. Валентайн подумал, что на этот раз слишком сильно задел вспыльчивого скандара.

Залзана Кавола корежило от злости. Шкура его топорщилась. Он мог взорваться в любой момент.

И в то же время в его глазах промелькнула искра расчета — словно он взвешивал открытый вызов подчиненного себе и необходимость держать такого человека в труппе. И, наверно, он думал о том, стоит ли экономить в такой ситуации.

После долгого и тяжкого молчания Залзан со свистом выдохнул воздух из широкой груди и полез за кошельком. Лицо его было хмуро. Он отсчитал пять блестящих монет.

— Вот они, — проворчал он, — и поторопись.

— Я пойду быстро, как смогу.

— Это далеко. Может, выпрячь одну из животин и поскакать на ней?

— Лучше я побегу на своих ногах.

И встал, чтобы открыть заднее окно.

Все его тело напряглось в ожидании удара стрелы. Но — миновало, и скоро он легко бежал по дороге. Лес, что так зловеще выглядел из фургона, сейчас казался почти мирным, тихим. Длинные ноги чуть касались земли, сердце, пережившее страх, билось ровно и сильно.

Валентайн бежал уже достаточно долго и подумал даже, не пропустил ли он деревьев двикки, не свернул ли случайно на другую

дорогу. Нет, вряд ли, таких больших стволов он бы не проглядел. Да вот и они! И круглые шары их плодов под деревьями.

Великанши, однако, здесь не было. Он стал звать ее, заглядывать за деревья — обошел всю рощу. И решил было бежать дальше — хоть до самого Долорна, — но дала себя знать усталость: ноги, почувствовал он, уже тяжелы.

И тут он увидел ее — широченную спину и слоновьи ноги — целый холм, носящий человеческое имя Лизамона Халтин. Валентайн бросился к этому холму.

Воительница лежала на берегу ручья, расширившегося в одном месте до бассейна, лежала на животе, греясь после купания; ее меч отдыхал рядом с ней. Бегун с почтением оглядел эту гору плоти: мускулистые плечи, мощные руки, огромный зад и колонны ног.

Он окликнул ее и отвернулся, чтобы дать ей одеться. Великанша села, поискала окликнувшего ее.

— Я наверху! — еще раз крикнул он.

Женщина увидела Валентайна и не спеша взялась одеваться.

— Спускайся ко мне! — крикнула она.— Я тебя не боюсь.

— Пришлось тебя потревожить, хоть ты и не любишь этого, — сказал, приветствуя воительницу, жонглер. Она была уже в брюках и натягивала блузу на шары грудей.— Мы попали в засаду.

— Ясное дело.

— Нам нужно в Мазадон. Скандар послал меня нанять тебя.

Он протянул великанше пять роалов.

— Ты поможешь нам?

Она бросила взгляд на блестящие монеты.

— Теперь цена за эту услугу семь с половиной.

— Ты же говорила — пять!

— То было раньше.

— Но у меня больше нет!

Женщина пожала плечами и начала расстегивать блузу.

— В таком случае я продолжаю загорать. Можешь оставаться или уходить, в любом случае держись на расстоянии.

Валентайн не уступал:

— Когда скандар пытался сбить цену, ты отказалась торговаться, сказав о своей профессиональной чести. Мои понятия о чести требуют, чтобы я держался цены, о которой шла речь!

Великанша шлепнула себя по плечам и захохотала так оглушительно, что он отшатнулся. Рядом с ней он чувствовал себя не более, чем игрушкой, которую она могла перекинуть с руки на руку: вес этой женщины был, должно быть, не менее ста фунтов, а ростом — на голову выше его.

— Ты или глупый храбрец, или храбрый глупец! Я могу убить тебя одним шлепком, а ты стоишь передо мной и болтаешь невесть что!

— Я не уверен, что ты хочешь навредить мне.

Воительница глянула на него с интересом.

— Вроде бы нет. Но ты здорово рискуешь, парень. Я обидчива и если меня рассердить, то могу натворить много зла.

— Давай сделаем так. Нам надо в Мазадон, а договориться

с лесными братьями можешь только ты. Скандар платит тебе пять роалов, а остальные деньги добавлю к требуемой сумме я.

Валентайн достал кошелек и отсчитал два с половиной роала. Протянул деньги Лизамоне.

— Ладно, — сказала она, — пяти с меня достаточно.— Взяла монеты Залзана Кавола, сунула в карман и стала подниматься по тропе.

Они подошли к невысокому дереву, к которому было привязано животное, похожее одновременно на лошадь и на бегемота.

— А где твое? — спросила она у Валентайна.

— Я пришел пешком.

— Ты бежал всю дорогу?

Она уставилась на него недоверчивым взглядом.

— Ты очень выгодный работник! Видимо, скандар хорошо платит, раз ты соглашаешься на любой риск.

— Я бы не сказал.

— Я так и думала. Ну, ладно, садись позади меня. Эта скотина даже не заметит увеличения веса.

Великанша взгромоздилась на «скотину». Та, хоть и была большой, сразу стала казаться карликом по сравнению с седоком. После некоторого колебания сел и Валентайн. Сел, обхватил воительницу за талию, обнаружив, что жира у нее почти нет — одни мышцы.

Животное вынесло их из рощи и потрусило по дороге.

Фургон, когда они добрались до него, был все еще плотно закрыт, а лесные братья выплясывали воинственный танец вокруг него.

Женщина и Валентайн спешились, Лизамона без страха направилась к фургону, крикнула что-то высоким дребезжащим голосом плящущим туземцам. Ей ответили тем же голосом.

После приветствий начались переговоры — она убеждала, ей возражали. Вскоре Лизамона подошла к Валентайну.

— Они пропустят вас, но за плату.

— Сколько?

— Денег они не признают, им нужен другой товар.

— Какой же? У нас ничего на продажу нет!

— Я сказала им, что вы жонглеры, и объяснила, что это такое. Они согласны принять от вас плату вашим представлением. В противном случае — они вас убьют, но не сегодня. Сегодня у лесных братьев праздник, в этот день они не убивают, а оставляют это удовольствие на потом. Ну, так как, согласны вы выступить?

Посмотрела на всех и добавила:

— Яд, которым они смазывают свои стрелы, действует очень быстро...

Залзан Кавол рассвирепе́л: выступать перед какими-то обезьянами, да еще бесплатно! Делиамберу пришлось долго уговаривать его, доказывая, что лесные братья не обезьяны, они гораздо выше их на шкале эволюции. Слит, в свою очередь, заметил, что все равно они давно не репетировали — почему бы не сделать это здесь? Точку в споре поставил Ирфон Кавол, сказав, что представление

не бесплатное, как посчитал брат, платой будет их проезд через лес, который является собственностью туземцев. В любом случае выбора у них не было.

Жонглеры вышли из фургона с булавами и серпами; насчет факелов Делиамбер вовремя их предупредил — летающий огонь может напугать лесных братьев и кто знает, что они могут тогда натворить. На лесной полянке началось самое, может быть, необычное представление.

Вверх бил безостановочный фонтан из булав, серпов, ножей и топориков, а из леса выходило все больше и больше хвостатых туземцев. Они рассаживались вокруг жонглеров и таращились на них, кусая пальцы, обмахиваясь гибкими хвостами, переговариваясь пронзительными голосами.

Прошел час, другой, солнце стало падать в лес, а лесные братья и не собирались расходиться; жонглеры продолжали свою работу.

— Сколько мы еще будем развлекать их? — спросил Залзан Кавол у Делиамбера.

— Помолчи! — ответил тот.— Наша жизнь в их руках.

Нет худа без добра — наши жонглеры воспользовались случаем, чтобы отрепетировать новые трюки. Скандары менялись местами, не переставая жонглировать, это выглядело немного смешно при их неуклюжести, Валентайн наконец-то стал равноправным третьим в обмене булавами. Потом они со Слитом стали работать в паре, а Карабелла и Шанамир кружились между ними колесом, кувыркались и прыгали. Шел третий час беспрерывного представления.

— Эти обезьяны насмотрелись уже на все пять роалов, — ворчал скандар.— Когда же будет конец этому?

— Вы так великолепно все проделываете, — сказала, подойдя, великанша, — что даже мне понравилось.

— Премного благодарны, — буркнул Залзан Кавол.

Наступили сумерки. Приход темноты сразу изменил настроение лесных братьев — они потеряли интерес к жонглерам. Пятеро подошли к сети, перегородившей дорогу, и стали рвать ее на куски острыми коготками пальцев. Не прошло и десятка минут, как путь был свободен, а все до единого лесные братья исчезли в темноте леса.

— Не найдется ли у вас вина? — спросила великанша. Жонглеры укладывали в фургон снаряды, готовили его к отправлению.— Я так на вас засмотрелась, что забыла про питье.

Залзан Кавол на это не отреагировал, словно и не слышал просьбы воительницы. Карабелла сбегала к фургону и вынесла полную флягу. Лизамона осушила ее одним глотком. Вытерла губы рукавом, по-мужски крякнула.

— Доброе вино. Долорнское? Гайроги понимают толк в выпивке. В Мазадоне вы такого не найдете.

Залзан Кавол наконец повернулся к ней.

— Ты сказала, траур там будет длиться три недели?

— Не меньше. Герцог — не то, что мы с тобой.

— Отчего он умер?

Лизамона почесала голову.

— Говорят по-разному. Одни толкуют, что его до смерти напугало послание Короля, другие — что он просто подавился за обедом, третьи утверждают, что вельможа перетрудился с тремя наложницами. Как бы там ни было — он умер, это уж бесспорно.

— Значит, работы мы там не найдем, — сказал скандар.

— Траур распространяется до самого Тагобара.

— Столько времени без заработка, — покачал головой Залзан Кавол.

— Да, тебе не повезло. Но я знаю, где вы сможете устроить представление — как раз за Тагобаром.

— В Кинторе? Ты уверена?

— Нет, в Кинторе у вас тоже ничего не получится. У них было неурожайное лето, они залезли в долги, на вас у них не будет денег. Я говорю об Илиривойне.

— Что? — Слит вздрогнул, как ужаленный.

Валентайн поинтересовался у Карабеллы:

— Где этот город?

— К юго-востоку от Кинтора. Это территория метаморфов.

— Да, они там живут, — подтвердил скандар и снова обернулся к Лизамоне.— Ты уверена, что мы найдем там работу?

— В следующем месяце у метаморфов фестиваль — они празднуют конец уборки урожая.Там начнутся всяческие веселья, танцы, спортивные состязания. Жонглеры, я думаю, найдут себе место на фестивале. Меняющие Форму, как и все, не жалеют денег во время празднеств.

— Разве они похожи на всех? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.— И из них, как изо всех, можно вытрясти денежки? Что ж, мы это проверим...

— Только без меня! — неожиданно крикнул Слит.

— В чем дело? — удивился скандар, повернувшись к жонглеру.

Слит был бледен и напряжен, словно ему угрожала смертельная опасность.

— В Илиривойн вы пойдете без меня!

— Мне придется вынуть подписанный тобой контракт...

— Мне все равно. Никто не заставит меня пойти на территорию метаморфов. Имперские законы там не имеют силы, и наш контракт аннулируется, как только мы переступим границу резервации. Я не люблю Меняющих Форму и не собираюсь рисковать жизнью на их земле!

— Поговорим об этом позже, Слит.

— Мой ответ будет таким же.

Залзан оглядел всех.

— Хватит разговоров! Мы и так потеряли немало времени. Спасибо тебе за помощь, — повернулся он к великанше.

— Удачи в гастролях, — ответила она.

Махнула приветственно рукой и пошагала по дороге.

Нужно было поскорей убираться из леса. Все забрались в фургон, Залзан Кавол взгромоздился впереди — повозка тронулась. Балентайн, уставший от вояжа за Лизамоной, внепланового

жонглирования и действия пьянящей двикки, забился в угол и сразу уснул. Уснул так крепко, что его не будила ни тряска фургона, ни продолжавшиеся разговоры.

Проснулся он только утром, услышав часто повторявшееся слово «метаморфы». В фургоне шел ожесточенный спор. Делиамбер доказывал, что слухи об опасности преувеличены. Какой опасности? — подумал Валентайн спросонья. Карабелла говорила что-то об иске, который Залзан Кавол предъявит Слиту, а Слит с истерикой в голосе вопил, что боится метаморфов и не подойдет к ним ни за какие деньги. Шанамир и Виноркис, поддавшись страху, добавляли сведений об Меняющих Форму — они-де лживы, злобны, не терпят всех остальных...

Окончательно проснувшись, Валентайн понял, что голова его покоится на коленях Карабеллы. В фургоне было светло. В проеме дверей виднелись ветви деревьев, а за ними — невысокие округлые холмы.

— Где мы? — спросил он.

— В окрестностях Мазадона. Скандар гнал повозку, как сумасшедший, всю ночь.

Девушка рассмеялась.

— А ты спал, как убитый.

Залзан Кавол и Слит спорили неподалеку от фургона.

Слит был вне себя от ярости. Он ходил взад и вперед, размахивал кулаками, кричал, топал ногами, один раз даже чуть не бросился на скандара, который, напротив, был спокоен и терпелив. Он стоял, сложив на груди все четыре руки, и лишь изредка бросал Слиту холодные реплики.

Карабелла повернулась к Делиамберу.

— Это продолжается слишком долго, колдун. Ты не можешь вмешаться, чтобы Слит не сделал какой-нибудь глупости?

Урун был настроен меланхолично.

— Ужас Слита перед метаморфами переходит границы разумного. Может быть, он получил когда-то послание Короля — и такое, что волосы его побелели за одну ночь? В любом случае — ему нужно было бы уйти из труппы, каковы бы ни были последствия.

— Но он нам нужен!

— А если он убежден, что столкнется в Илиривойне с чем-то ужасным, в наших ли силах помочь ему?

— Что если я попытаюсь успокоить его? — предложил Валентайн.

И встал, чтобы выпрыгнуть из фургона, но чуть не столкнулся с влетевшим сюда Слитом. Лицо его дергалось. Не говоря ни слова, он стал кидать в свой мешок имущество жонглера, заполнил его и выскочил из фургона, ни с кем не попрощавшись. Прошел мимо скандара, не повернув к нему головы, и пошагал на север.

Все растерянно следили за ним. Никто не бросился за ним вдогонку, пока он не скрылся из виду. Только тогда Карабелла сказала:

— Я побегу за ним. Я верну его.

Залзан Кавол окликнул девушку, но и она не ответила ему. Скандар, качая головой, вызвал всех вниз.

— Куда она пошла? — спросил он.

— Карабелла надеется остановить Слита, — ответил Валентайн.

— Это бесполезно. Слит покинул труппу. Я сделаю все, чтобы он пожалел об этом. Валентайн, теперь ты будешь работать за Слита, я добавляю к твоему жалованью пять крон в неделю. Так справедливо?

Валентайн кивнул. Он подумал, что такого уравновешенного, как Слит, в труппе будет не хватать и пожалел о нем.

Скандар продолжал:

— Делиамбер, я, как ты, наверно, уже догадался, решил поискать работу у метаморфов. Ты знаешь дорогу до Илиривойна?

— Я никогда там не был, — ответил урун, — но знаю, где он.

— Какой путь самый близкий?

— Доедем до Кинтора, затем на речном судне нужно будет проплыть миль четыреста на восток, а после Вирфа повернуть на юг, там и резервация метаморфов. Дорога неважная, но фургон пройдет.

— Сколько времени мы будем в пути?

— Если не будет задержек, около месяца.

— Поспеем как раз к началу фестиваля, — обрадовался скандар, — прекрасно! А каких задержек ты боишься?

— Мало ли что может случиться. Поломается фургон, задержит буря, кто-то на нас нападет. В центре континента не такой порядок, как на побережье. Здесь мы рискуем каждый день.

— Это уж как пить дать! — раздался знакомый голос.— Вам нужна защита!

К ним подходила великанша Халтин. Она улыбнулась им, как старая знакомая.

Залзан Кавол удивился:

— Как ты здесь очутилась так быстро?

— Я знаю удобные тропки. Я хоть и большая, но все же меньше вашего фургона и могу пробраться, где хочу. Ты направляешься в Илиривойн?

— Да.

— Я так и знала. И поехала за вами, чтобы предложить свои услуги. Я пока без работы, а ты едешь в опасные места — не станем ли партнерами? Я гарантирую тебе безопасный проезд в Илиривойн.

— Ты берешь слишком высокую плату.

Она усмехнулась.

— Я не всегда требую так много. Вы меня разозлили, когда налетели во время моего обеда. Я проведу вас в Илиривойн за пять роалов независимо от затраченного времени.

— Три, — сухо ответил Залзан Кавол.

— Ты ничему не научился!

Великанша возмущенно плюнула под ноги скандару.

— Я не торгуюсь. Иди в Илиривойн без меня, и удачи тебе. Только я в ней сомневаюсь.

Она подмигнула Валентайну.

— А где еще двое?

— Один отказался идти в Илиривойн. Он плюнул, как ты сейчас, и ушел.

— Может, он и прав. А девушка?

— Она побежала за ним — уговаривать, чтобы он вернулся.

— Куда?

Валентайн показал направление.

— ТУДА?! В рощу плотоядных?

Великанша была удивлена сверх меры.

— В какую рощу? — переспросил Валентайн.

— Значит, они здесь есть? — спросил, подходя к ним Делиамбер.

— Для них отведен парк.— Лизамона качала головой.— Но у подножия холма висят предупреждающие таблички. Они пошли по той вон тропе? Да защитит их божество!

— Слита пускай хоть съедят заживо, — проронил Залзан Кавол, — но она мне нужна!

— Мне тоже, — сказал Валентайн.

Он повернулся к воительнице.

— Может, если мы поедем за ними, догоним их еще до рощи?

— Твой хозяин хочет поторговаться.

— Пять роалов, — немедленно отозвался скандар.— Отсюда до Илиривойна.

— Шесть, — холодно ответила Лизамона Халтин.

— Хорошо, шесть. Только приведи их сюда. Хотя бы ее.

— До чего же бесчувственный народ! — с отвращением сказала великанша.— И я еще нанимаюсь к ним на работу. Возьми одну из своих животин, — обратилась она к Валентайну, — и следуй за мной!

— Ты его там не оставишь? — забеспокоился Залзан Кавол.— Тогда в моей труппе не останется людей!

— Я приведу его живым и здоровым. А если повезет, то и тех двоих.

Она взобралась на свое животное.

— Поехали!

Тропа к холму шла среди голубовато-серой, кажущейся бархатной, травы. Трудно было поверить, что совсем рядом живут кровожадные растения.

Они доехали до места, где тропа начала резко подниматься, и здесь воительница показала спутнику на деревянный столбик. Под ним, полускрытый травой, лежал какой-то предупреждающий знак. Валентайн подошел и прочитал надпись на нем:

ОПАСНОСТЬ!
НА ХОЛМЫ ПЕШКОМ НЕ ВХОДИТЬ!

Разозленный разговором со скандаром Слит едва ли видел эту табличку, а Карабелла, спеша за Слитом, тоже не обратила на нее внимания.

Крутизна кончилась, кончилась и трава, начался лес. Великанша, ехавшая впереди, направила свое животное в рощицу редко растущих деревьев.

— Посмотри, — сказала она Валентайну, — вот плотоядные растения. Отвратительные твари! Будь я правителем этой планеты, я выжгла бы их все. Но наши коронованные, считающиеся любителями природы, выращивают их в королевских парках. Молись за своих друзей — может быть у них хватило ума держаться от этих растений подальше! Посмотри на них внимательно!

Меж деревьев Валентайн увидел бесстебельные кусты, чью основу составляли только листья. Длиной восемнадцати футов и четырех-пяти шириной, зазубренные по краям, металлически блестящие, они образовывали аккуратные розетки. В центре каждой зияла чаша в фут диаметром, наполненная ядовитой на вид жидкостью, внутренние края ее были вооружены то ли шипами, то ли острыми зубами.

— Это и есть плотоядные растения, — сказала великанша.— Земля вокруг них пронизана их охотничьими усиками, которые чувствуют приближение любого животного и... впрочем, смотри сам.

Она направила свое животное к ближайшему растению. Они были от него еще в футах двадцати, как из земли, от которой несло гнилью, показалось что-то вроде живого кнута. Кнут размахнулся, щелкнул и обвил ногу животного чуть повыше копыта. Животное спокойно обнюхало его, но лиана уже тащила ногу к раскрытой пасти куста. Лизамона вытащила меч и одним движением перерезала лиану. Отрезанный кусок упал наземь, но тут же другие кнуты зашевелились вокруг ног животного.

— Им не хватит силы затащить крупное животное в свои челюсти, но оно не может сдвинуться с места, слабеет и умирает. Вот тогда растение по частям затаскивает его в пасть. Моего одра этому кусту хватило бы на год.

Валентайн испугался. Карабелла в этом страшном лесу! Кровожадный куст может сожрать ее! Ее тело, губы, глаза...

— Как мы их отыщем? — крикнул он.— А что, если поздно...

— Зови их,— сказала великанша, — и погромче!

— Карабелла! — отчаянно закричал Валентайн.— Слит!

Через минуту он услышал слабый ответный звук. Лизамона услыхала его чуть раньше и уже двинулась по направлению к нему.

Скоро он увидел Слита — тот стоял на одном колене, углубившемся в землю, охотничьи усы обхватили обе его ноги. Карабелла, пытаясь спасти друга, тянула его за руку в свою сторону. А вокруг обоих жонглеров выпрыгивали из земли и щелкали хищные кнуты.

В руках Слита был нож, он тщетно пытался перерезать толстый кабель лианы, схватившей его; на мягкой почве виднелись длинные следы его ног — мощные плети успели протащить жонглера не менее, чем на четыре или пять футов к ожидавшей его пасти.

В борьбе за жизнь он терял дюйм за дюймом.

— Помогите! — кричала Карабелла.— Помогите!

Подбежав, воительница одним ударом меча перерубила ус, державший Слита. Освобожденный, он упал на спину и тут заметил, что другая плеть намеревается схватить его за горло.

Слиту помогла ловкость акробата — он кувыркнулся, избежав

очередного захвата, и вскочил на ноги. Великанша подхватила жонглера и усадила позади себя.

Валентайн подъехал к Карабелле — та, трясясь от ужаса, стояла на относительно безопасном участке: слева и справа от нее взметывались в воздух и щелкали смертоносные кнуты. Он подхватил ее и усадил на спину своего животного. Девушка схватилась за него, как утопающая. Валентайн повернулся, одной рукой обнял Карабеллу. Жива! В этот момент он понял, как много она значит для него, как важно ему знать, что с ней все в порядке. Девушку все еще трясло, ужас не оставил ее.

— Еще минута, — прерывающимся голосом сказала она, — и Слит бы погиб. Ты видел, как сама смерть тянула его к себе? А как здесь очутилась Лизамона?

— Она проехала через лес знакомыми тропками. Залзан Кавол нанял ее провожатым до самого Илиривойна.

— Она, кажется, уже начала отрабатывать свой гонорар.

— За мной! — подала команду женщина-воительница.

Она выбрала безопасный путь среди кустов-убийц, но все равно ее животное дважды было схвачено хищными лианами, а Валентайна — один раз. Взлетал ее меч, и плеть оказывалась перерубленной. Минут через пятнадцать они увидели фургон.

Жонглеры громко приветствовали их, но Залзан Кавол окатил Слита холодной водой:

— Ты, видать, выбрал неудачный день для ухода от меня, — сказал он.

— Мы выбрали его вместе, — ответил Слит.— Я не собираюсь утруждать тебя собой — я пойду в Мазадон один.

— Не пори горячку, — вмешался Валентайн.

Слит вопросительно посмотрел на него.

— Пошли поговорим.

Валентайн обнял за плечи маленького жонглера и отвел его в сторонку, чтобы Залзан Кавол не помешал чем-нибудь их беседе.

Слит поначалу был неуступчив.

— В чем дело, Валентайн? — почти сердито спросил он.

— Я уговорил скандара нанять Лизамону в охранницы — благодаря ей ты сейчас стоишь передо мной.

— Спасибо.

— Ты мне многим обязан — ведь я спас тебе жизнь!

— Пожалуй.

— Тогда ответь мне взаимностью — возьми назад свои слова скандару.

— Ты не знаешь, что говоришь!

— Метаморфы, конечно, малоприятные существа, но Дели-амбер сказал, что не так уж они опасны, как принято считать. Останься в труппе, Слит!

— Ты думаешь, я просто капризничаю?

— Ни в коем случае! Возможно, ты нелогичен.

Слит покачал головой.

— Однажды я получил послание от Короля, в нем говорилось о метаморфах. Они сотворили со мной злую шутку. Я верю посланию и не желаю и близко подходить к месту, где они живут.

— Разве послания всегда говорят буквально?

— Согласен, не всегда. Но часто бывает и так. Я видел во сне, будто у меня есть жена, что я без ума от нее. Она жонглирует со мной так же, как Карабелла, только еще, скажем, созвучнее, чем та. Мы с ней одно целое.

На изможденном после схватки на холме лице жонглера выступил пот, он остановил рассказ, который был, видимо, труден для него, но через минуту заговорил снова.

— Я увидел во сне, что метаморфы пришли и украли мою жену и подсунули мне женщину из своего народа, подделанную так ловко, что я не заметил разницы. Потом я увидел, как мы выступаем перед Коронованным — перед лордом Молибором (он правил давно и погиб, купаясь в реке),— наше жонглирование идет хорошо. Мы работали, как никогда, наверное, и Коронованный позвал нас к себе. Он угостил нас прекрасным ужином, а после него слуги отвели нас в роскошные спальни. Мы с женой получили отдельную. Я стал ласкать ее — а она вдруг изменилась в моих объятиях. Передо мной лежала женщина-метаморф, страшное существо с шершавой серой кожей, с какими-то хрящами вместо зубов, с грязными лужицами вместо глаз — и это существо прижималось ко мне, пыталось поцеловать!

С тех пор я не касаюсь тела женщины, боясь, что она вдруг окажется существом из моего сна. Я никому не рассказывал об этом... Когда я услышал об Илиривойне — я отказался ехать туда. Не хочу оказаться среди существ с изменяющимися лицами и телами!

Душа Валентайна наполнилась состраданием. Он положил руки на плечи товарища и сжал их, словно говоря этим, что он понимает его беду, что он с ним. Сказал:

— Это поистине кошмарный сон. Но нас учили, что сны можно поворачивать так и сяк, а не подчинять им свою жизнь.

— Этот сон невозможно истолковать двояко. Он жестко предупреждает меня, что я не должен приближаться к метаморфам.

— Не слишком ли прямолинейно ты его воспринимаешь? Нет ли в нем чего-то другого? Ты не обсуждал его с толкователями?

— Я не видел в этом необходимости.

— А меня ты послал к толкователю, когда в Пидруде я пожаловался тебе! Я отлично помню твои слова о том, что Король ничего не делает зря.

Слит иронически улыбнулся.

— Все мы мастера лечить других — только не себя. Тому моему сну уже пятнадцать лет, я давно его пленник.

— Освободись!

— Как?

— Если ребенок видит во сне, что падает, и в страхе просыпается, что говорят ему родители? Чтобы он не боялся, потому что, падая во сне, не ушибаются. Что такой сон даже к добру, что ребенок не падал в самом деле, а летел к тому месту, где он чему-то мог бы научиться, если бы не испугался и не стряхнул бы с себя сна. Верно?

— Да, говорят, этот сон благоприятный.

— Вот именно. А другие, так называемые, дурные сны не из этой же ли серии? Мы не должны бояться, а быть благодарными за мудрость сна.

— Так говорят детям. Они, между прочим, легче взрослых управляются со снами. А я помню, как ты кричал и метался во сне, Валентайн!

— Все равно я их пытался растолковать, как темны они ни были.

— Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты ехал с нами.

— Зачем это тебе?

— Ты принадлежишь нашей труппе. Без тебя она развалится.

— Ты же знаешь, что скандары творят на арене чудеса! Человеку невозможно с ними соперничать. Карабелла и я, да и ты в труппе лишь во имя исполнения дурацкого закона. Вы будете получать свои деньги в любом случае — останусь я или уйду.

— Но я учусь у тебя!

— Будешь учиться у Карабеллы. Она работает не хуже меня, к тому же вы любите друг друга. Кто знает, может быть, в скором времени ты будешь жонглировать не хуже меня. И да спасут вас боги, когда вы будете в Илиривойне!

— Я не боюсь метаморфов, — ответил на это Валентайн.

Он протянул руку Слиту.

— Все равно я хочу, чтобы ты был рядом.

— Почему?

— Я дорожу тобой.

— И я дорожу тобой, дружище, но туда я идти не могу. Не настаивай, ты же видишь, какой силы запрет я получил!

— Ты мог бы полностью избавиться от своей болезни, если бы поехал в Илиривойн и убедился, что метаморфы не так страшны, как кажутся.

— Я сжился с ней, — сказал Слит, — а вот цена за излечение может оказаться слишком высока.

— Жить с такой страшной раной! Почему ты не хочешь залечить ее?

— Ты чего-то не договариваешь, Валентайн.

— Верно.

— Чего же?

После некоторого колебания Валентайн спросил:

— Ты рассказывал как-то, что видел меня в своих снах.

— Да, видел.

— Как именно?

— Это имеет значение?

— Не видел ли ты во сне, что я более силен и властен, чем на самом деле?

— В первую же нашу встречу мне сказали об этом твоя осанка и манера держаться. А твои просто феноменальные способности к жонглированию? А содержание твоих снов, о которых ты рассказал мне?

— Кем же я был в твоих снах, Слит?

— Могущественной персоной, лишенной стечением обстоятельств своего высокого положения. Принц, герцог...

— А не выше?

Слит облизал вдруг пересохшие губы.

— Да, возможно, и выше. Ты как-то связываешь эти сны с желанием оставить меня в труппе?

— Я хочу, чтобы ты сопровождал меня в Илиривойн и дальше.

— Ты думаешь, что виденное мною во сне — правда?

— Это я еще должен узнать, — был ответ Валентайна.— Кажется, правда. Это не может не быть правдой. Послания говорили мне, что так оно и есть.

— Милорд... — прошептал Слит.

— Не исключено.

Слит испуганно глянул на Валентайна и неожиданно опустился на колени. Валентайн схватил его за плечи и поставил на ноги.

— Это не нужно, — бросил отрывисто.— Могут увидеть. Я не хочу никого больше посвящать в это. Да и нет полной уверенности, что все так, как сказали сны. Не вздумай снова встать на колени когда-нибудь...

— Милорд...

— Я для тебя Валентайн, такой же жонглер, как и ты.

— Мне страшно, милорд. Сегодня я был в шаге от смерти, но сейчас испуган еще больше. Стоять рядом с...

— Зови меня Валентайном.

— Как я посмею!

— Ты звал меня так еще пять минут назад.

— Иногда пять минут — большое время.

— Я говорю тебе, ничего не изменилось.

— Все уже не так, милорд.

Валентайн тяжело вздохнул. Он почувствовал себя самозванцем, мошенником. Он обманывал Слита — но в данную минуту это было необходимо.

— Коль ты говоришь, что все уже не так, значит, если я повелю, ты пойдешь со мной в Илиривойн?

— Я обязан, — растерянно молвил Слит.

— Метаморфы не принесут тебе зла, — властно сказал Валентайн.— Ты уйдешь от их влияния, излечишься от своей болезни — верь мне, Слит!

— Я боюсь туда идти...

— Ты мне нужен в пути, — так же властно произнес Валентайн.— И не по моему выбору мы попадаем в Илиривойн. Я прошу тебя идти со мной.

Слит склонил голову.

— Я подчиняюсь, милорд.

— Еще раз прошу тебя звать меня, как раньше, и не оказывать уважения больше, чем, скажем, вчера.

— Как пожелаешь, — ответил Слит.

— Валентайн!

— Валентайн, — с трудом произнес жонглер, — как пожелаешь, Валентайн.

— Пошли к нашим.

Он подтолкнул Слита.

Залзан Кавол, как обычно, расхаживал взад и вперед возле фургона. Его братья готовились к отъезду. Валентайн сказал скандару:

— Я уговорил Слита. Он едет с нами в Илиривойн.

Залзан Кавол посмотрел на обоих недоверчиво.

— Как тебе удалось это?

— Что ты ему такое особенное сказал? — подскочил и Виноркис.

— Это слишком долго объяснять, — ответил Валентайн, широко улыбаясь.

Теперь они ехали быстро. Весь долгий день фургон катил по ровному шоссе, а то и захватывал часть вечера. Халтин тряслась рядом с ними. Ее животное, несмотря на силу, больше нуждалось в отдыхе, чем твари, что тянули фургон, так что великанша время от времени отставала. Нести ее тяжеленную тушу, видно, было трудно любой животине.

Они ехали от города к городу через унылую провинцию. Здесь были лишь скромные участки зелени, посаженные только чтобы соблюсти букву закона. Население этой местности занималось в основном торговлей — Мазадон был воротами всего северо-западного Зимроеля для всех восточных товаров и главным перевалочным пунктом для транспорта, идущего из Пидруда и Тил-омона.

Экипаж жонглеров миновал, не останавливаясь в них, с десяток городов, среди которых были и сам Мазадон, Бургакс и Тагобар, погруженные в траур. Всюду они видели флаги — знаки скорби.

Валентайн подумал, что провинция много потеряет из-за смерти герцога, из-за дней траура по нем. А что будет делать народ, когда умрет Понтифик? Конечно, все будет не так, как тогда, когда преждевременно упокоился Коронованный лорд Вориакс два года назад.

Впрочем, они ощутили смерть герцога, как более близкую — ведь он был фигурой осязаемой, реальной, жившей среди них, в то время как властители Горного Замка, отдаленные от всех тысячами миль, казались более чем абстрактными — мифическими, легендарными, даже нематериальными.

На громадной планете центральное правительство было скорее символом власти, чем самой властью. Валентайн подозревал, что стабильность Маджипуры зиждется на самостоятельности местных правителей — герцогов провинций и муниципальных мэров, внедрявших и поддерживающих указы имперского правительства при условии, что они могут действовать на своих территориях по своему усмотрению.

Как же может поддерживаться этот договор, если Коронованный — не посвященный и помазанный принц, а узурпатор, лишенный благословения Божества, как же держится столь хрупкая социальная конструкция?

Он все больше задумывался об этом в долгие часы достаточно

монотонного путешествия по этой однообразной местности. Мысли, вроде бы сами собой приходящие к нему, удивляли его своей серьезностью, ведь он уже привык к простому, даже примитивному восприятию мира, на который открыл глаза в Пидруде, словно бы впервые. Теперь он начинал чувствовать, как усложняется его мышление, обогащается за счет каких-то внутренних ресурсов — будто бы чары, наложенные на него, рассеиваются, улетучиваются, как туман, а его настоящий ум все явственнее проглядывает сквозь него.

Если все происходит именно так, то чья-то магия действительно лежала на нем; его высвобождавшееся мышление доказывало это.

Прежние сомнения о его настоящем призвании таяли с каждым днем, но не исчезали совсем.

В снах он все чаще видел себя у власти. Однажды он, а не Залзан Кавол руководил жонглерами; в другой раз он в одежде принца председательствовал на каком-то важном совещании метаморфов, которые казались ему не более чем призраками, не могущими удержаться хоть в какой-то форме дольше минуты. В следующую ночь он увидел себя на рыночной площади в Тагобаре, осуществляющим правосудие среди торговцев одеждой и продавцов браслетов.

— Вот видишь, — сказала Карабелла, когда он рассказал ей об очередных своих снах, — все, все говорит о власти и только о ней.

— Власть? Сидеть на бочке и разбирать дрязги мелких торговцев?

— Сны не говорят прямиком. Эти видения — метафоры высшего порядка.

Валентайн улыбнулся в ответ, но согласился с Карабеллой.

Но однажды ему пришло во время сна наиболее ясное видение из его прошлой жизни. Он был в комнате с панелями из дорогих и редких пород дерева, сверкающими полосами симотана, банникона и темного болотного красного дерева.

Он сидел за палисандровым столом и подписывал какие-то документы.

Над ним был герб сияющей звезды, стояли по обе стороны стола послушные секретари. Громадное округлое окно напротив выходило в воздушный простор, как если бы под ним, под окном, находился титанический склон Горы Замка.

Фантазия это или фрагмент похороненного прошлого, которое пытается высвободиться из чего-то и всплывает во сне, выходит на поверхность сознания?

Он описал кабинет, стол, звезду и все прочее Карабелле и Делиамберу, но они знали о королевских апартаментах столько же, сколько знали, скажем, о том, что подают на завтрак Понтифику.

Урун спросил только, каким он ощущал себя или, может, видел — золотоволосым, как Валентайн-жонглер, или брюнетом, как Коронованный, которого он приветствовал в Пидруде во время фестиваля?

— Я был темноволос, — ответил Валентайн.

Наморщил лоб, задумавшись.

— Я ведь сидел за столом — как я мог видеть себя? Постойте...

— Во сне мы видим себя отстраненно, — подсказала Карабелла.

— Нет, не вижу, — признался Валентайн.— То блондин, то брюнет. Может такое быть?

— Да, — коротко ответил Делиамбер.

После нескольких дней довольно утомительного путешествия гастролеры доехали почти до Кинтора.

Этот главный город северной части центрального Зимроеля стоял на изрезанной местности: озера, холмы, темные непроходимые леса окружали его. Дорога, выбранная Делиамбером, вела фургон через юго-западное предместье города, называемое Горячим Кинтором из-за больших гейзеров, бьющих здесь, и широкого, розового цвета озеро, постоянно булькавшее и пузырящееся. Трещины в земле выделяли целые облака зеленоватого газа, а подошедший к ним поближе мог услышать утробные звуки — что-то похожее на рычание и стоны. Небо над Горячим Кинтором всегда было облачным, цвета тусклого жемчуга; хотя в стране лето еще не кончилось, с севера дул уже по-осеннему холодный, резкий ветер.

Между Горячим Кинтором и собственно Кинтором лежала река Зимр, самая большая в Зимроеле. Когда путешественники, миновав узкие улочки предместья, оказались перед ней, Валентайн, что называется, открыл рот.

— Ты удивлен? — спросила Карабелла.

— Река... Я никогда не думал, что бывают такие большие.

— Ты таких не видел?

— Нет никакого сравнения с Пидрудом. А до Пидруда я ничего не помню.

— Нет реки большей, чем Зимр, — заметил Слит.— Не мешай ему удивляться, Карабелла.

Темные воды Зимра были до самого горизонта, река здесь напоминала море.

Валентайн едва мог разглядеть очертания башен Кинтора на противоположном берегу. До десятка огромных мостов пересекали реку. Их величина тоже поражала воображение: может ли человек построить такое?

Мост, что находился прямо перед ними, мост Кинтора, был шириной в четыре шоссе. Арки над ним то поднимались, то опускались — как волны. Мост ниже по реке поражал своей мощью: тяжелое его ложе покоилось на толстенных мостовых быках. Зато верхний казался легким, стеклянным — он весь искрился.

Делиамбер пояснил:

— То, что перед нами — мост Коронованного, направо — Понтифика, а нижний — мост Снов. Это очень древние мосты.

— Но зачем строить мосты там, где река так широка? — недоуменно спросил Валентайн.

— Здесь Зимр уже, чем везде, — ответил Делиамбер.

Длина реки, рассказал он, достигает семи тысяч миль. Она начинается на северо-западе Долорна в устье Рифта и течет через

весь верхний Зимроель к прибрежному городу Пилиплоку, впадая во Внутреннее Море. Эта река судоходна по всей ее длине — широкий и стремительно несущийся поток, извивающийся как змея. На ее берегах стоят сотни богатых городов, внутренних портов, самый западный из них — Кинтор.

Вглядываясь вдаль, Валентайн заметил еле видные в облачном небе высокие зазубренные пики гор — северо-западную границу Кинтора. В горах, по словам того же Делиамбера, жили племена охотников, которые часто бывают в городе, принося туда мясо и шкуры животных и меняя их на промышленные товары.

В эту ночь Валентайн увидел во сне, что входит в Лабиринт для совещания с Понтификом.

Сон был резкий, до боли отчетливый.

Валентайн стоял под ярким зимним солнцем на голой равнине и смотрел на лежавший перед ним храм без крыши с белыми стенами. С ним были Карабелла, урун и Лизамона — все почему-то в темных очках. Но когда Валентайн ступил на порог храма, он был уже один. Дорогу ему преградило существо непонятной формы жизни — неописуемо зловещего вида. Ни гайрог, ни лимен, ни урун, ни скандар, ни хьерт, ни су-сухирис — мускулистое существо с толстыми руками и красной кожей, купол головы, сверкающие желтые глаза, злобные. Низким рычащим голосом существо спросило у Валентайна, какое у него дело к Понтифику.

— Нужно починить мост Кинтора, — ответил Валентайн.— Заниматься такими делами — древняя обязанность Понтифика.

Желтоглазое создание засмеялось.

— Ты думаешь, Понтифика это интересует?

— Я должен попросить его помощи.

— Ладно, иди.

Страж вынужденно поклонился и посторонился, пропуская посетителя. Валентайн прошел границу портала, существо за его спиной рыкнуло и закрыло скрипящие ворота. Назад ходу не было.

Перед Валентайном открылся змеящийся коридор, залитый слепящим светом.

Несколько часов он шел по нему. Затем стены коридора расширились, гость Лабиринта очутился в бескрышном храме из белого же камня и снова дорогу ему преградило краснокожее существо и прорычало:

— Вот Понтифик.

Дверь в темную комнату, трон и имперский правитель Маджипуры на нем — черная и алая одежда, драгоценная тиара на голове.

Многорукое чудовище с человеческим лицом! Драконьи крылья за спиной! Чудовище, сидя на троне, ревело и визжало, как безумное, свист срывался с его губ, и несло от Понтифика ужасающей вонью, и черные кожистые крылья обдавали просителя могильным холодом.

— Ваше величество, — попытался перекрыть рев чудовища Валентайн. Он поклонился. Поправился:— Ваше лордство!

Правитель вдруг захохотал, потянулся к посетителю, схватил его, подтянул к себе. Валентайн оказался на троне, а Понтифик, все

так же безумно хохоча, полетел в ярко освещенный коридор и исчез в нем. Еще некоторое время Валентайн слышал верещание чудовища и хлопание крыльев.

Он проснулся мокрый от пота. Карабелла, она была рядом с ним в эту ночь, испуганно смотрела на него. В ее глазах светилось понимание — словно и она видела этот ужасный сон. Рука девушки гладила плечо возлюбленного.

— Ты кричал во сне! — сказала она.

— Бывают, наверно, такие случаи, — ответил он, — когда во сне узнают больше, чем наяву.

Он протянул руку к бокалу с вином, оставшимся с вечера.

— Мои сны — тяжелый труд, Карабелла.

— Слишком многое в твоей душе ищет выхода, милорд.

Он положил голову к ней на грудь.

— Я молюсь о том, чтобы стать мудрее.

В Кинторе Залзан Кавол купил места для труппы на речном судне, идущем в Ни-мою и Пилиплок. Первой остановкой должен был стать город Вирф, граница страны метаморфов.

Валентайну не хотелось сходить здесь на берег — корабль шел дальше, в Пилиплок, стоило разориться на десять-пятнадцать роалов и он был бы там, а оттуда рукой подать до Острова Снов. Что ему метаморфы, когда его на Острове ждет Леди, у которой он, может быть, узнает все, о чем так загадочно говорят ночные видения!

С судьбой не поспоришь, думал Валентайн. У событий своя естественная скорость, они идут к конечной, трудно нами понимаемой цели... Он был уже не тем человеком, каким помнил себя в Пидруде — простым, как новорожденный, но не знал, и кем должен стать, кем постепенно становится — ясного ощущения перехода от одного к другому у него не было, хотя границы падали и не возникали вновь. Он видел себя актером в какой-то длинной и запутанной драме, завершающие сцены которой еще далеко, далеко.

Речное судно, на которое они сели, было по виду самым фантастическим, впрочем, не лишенным своеобразной красоты. Океанские корабли, которые он видел в Пидруде, отличались изяществом и логичностью всех линий — их ждали трудные мили океанских дорог, это же было приземистым, широким, напоминающим, скорее, паром, чем корабль. Как бы для того, чтобы компенсировать его неуклюжесть, строители украсили его парящим над палубой мостиком и тремя носовыми фигурами, в центре же палубы размещалась огромная прогулочная площадка со статуями по краям, павильонами и игорными заведениями. На корме они поместили трехэтажную надстройку, где жили пассажиры. На нижних палубах были грузовые камеры, обеденные залы, каюты третьего класса и команды, а еще ниже — машинное отделение, откуда шли две гигантские дымовые трубы, вверху превращающиеся в подобие рогов. Корабль был деревянным, — на Маджипуре мало металла, — и плотники изощрялись чуть ли не на каждом футе поверхности, украшая ее резьбой, панелями и скульптурами.

В ожидании отплытия Валентайн, Карабелла и Делиамбер

обошли всю палубу и насмотрелись на пассажиров. Они были из всех областей: гайроги в пышных одеждах, жители влажных южных стран, одетые в белые прохладные материи, путешественники из западного Альханроеля, предпочитавшие красные и зеленые цвета одеяний... Вездесущие лимены торговали, как и везде, сосисками, кьерты в судовой униформе важно расхаживали среди публики, давая информацию обо всем и советы тем, кто их просил и тем, кто не просил.

Бросалась в глаза семья су-сухирисов в золотых плащах, двухголовых, надменных. Они проплывали сквозь толпы как призраки из сна — все расступались перед ними. И была здесь еще группа метаморфов.

Первым их увидел Делиамбер. Колдун щелкнул клювом и коснулся руки Валентайна.

— Посмотри! Будем надеяться, что Слит их не видит.

— Где? Где они?

— У поручней. Стоят отдельно от всех. Они в своей естественной форме.

У поручней стояло пятеро — мужчина, женщина и трое детей.

Это были стройные длинноногие существа. Взрослые — выше Валентайна — выглядели хрупкими, какими-то непрочными, с зеленовато-желтой кожей, лица их были похожи на человеческие, но с острыми скулами, губы были только намечены, а косо поставленные глаза, длинные и узкие, не имели зрачков.

Валентайн не мог понять, как держат себя метаморфы — надменно, скромно ли, но одно было видно: они чувствуют себя на враждебной им территории. Метаморфы были аборигенами Маджипуры, они владели планетой до прихода других рас, первых поселенцев планеты, четырнадцать тысяч лет назад. Он не мог отвесть от них глаз.

— А как они меняют форму? — спросил он.

— Кости у них соединяются иначе, чем у всех, — сказал Делиамбер.— Под давлением мускулов они сдвигаются и образуют новый рисунок. Кроме того, в их коже есть особые клетки, меняющие и цвет, и текстуру. Существуют и другие приспособления менять внешность. Взрослый метаморф изменяется почти мгновенно.

— А зачем им это?

— Кто знает! Возможно, даже им это неизвестно, как неизвестно, зачем произведены на свет расы, не умеющие менять внешность. Может быть, это и имеет свою цель, скрытую от нас.

— Они слабосильны, — вставила Карабелла, — если позволили отнять у себя планету.

— Видимо, умения менять свою форму мало для защиты собственной планеты от пришельцев, — ответил Делиамбер.

Метаморфы заворожили Валентайна. Они представлялись ему артефактами далекой истории, археологическими реликтами, выжившими с того далекого времени, когда здесь не было никого из пришельцев, звездных скитальцев — тогда один лишь этот народ, хрупкий, зеленый, бродил по необъятной планете. А потом

пришли завоеватели... Как давно это было! Он хотел бы увидеть их превращения, но метаморфы не меняли своего облика.

Из толпы внезапно появился возбужденный чем-то Шанамир и схватил Валентайна за руку.

— Ты знаешь, кто с нами на борту? Я слышал разговор грузчиков: целая семья Меняющих...

— Тише, — остановил его Валентайн.— Вон они.

Мальчик взглянул и прижался к другу.

— Они чешуйчатые...

— Ты не видел Слита?

— Он на мостике с Залзаном Каволом. Они договариваются насчет нашего выступления вечером. Если Слит их увидит...

— Рано или поздно он с ними встретится.

Валентайн повернулся к Делиамберу.

— Метаморфы часто появляются вне резервации?

— Они живут повсюду, но везде помалу и очень редко в своей естественной форме. В Пидруде, говорят, их всего одиннадцать, в Фалкинкипе — шесть, в Долорне — девять...

— В иной форме?

— Да, в виде гайрогов, хьертов или людей — где как удобнее.

Метаморфы решили уйти с палубы. Они шли с большим достоинством, но, в противоположность су-сухирисам, без их надменности.

— И еще вопрос: они живут в резервации по своей воле или по чужой?

— И то, и другое, я думаю. Когда лорд Стиамот завершил завоевание планеты, он вынудил метаморфов уйти из Альханроеля. Но Зимроель был тогда еще мало заселен, все предпочитали держаться побережья — и их пустили в глубь страны. Они выбрали территорию между Зимром и южными горами, где подступы к ней можно контролировать, и поселились там. А теперь уже стало традицией, что они живут только и только в резервации, если не считать немногих, поселившихся в других городах страны. Я даже не знаю, имеет ли традиция силу закона. Но они едва ли обращают внимание на указы из Лабиринта или из Горного Замка.

— Если имперские законы для них так мало значат, может быть, мы рискуем, отправляясь в Илиривойн?

Делиамбер засмеялся.

— Дни, когда метаморфы нападали на пришельцев только из чувства мести, давно прошли. Это скучный и угрюмый народ, но он не станет вредить нам, и мы, скорее всего, уйдем из их страны целыми и невредимыми и даже снабженными парой-другой монет, которые так любит Залзан Кавол. Да вот и он сам.

Появился довольно выглядевший скандар вместе со Слитом.

— Мы договорились о представлении! — объявил он.— Пятьдесят крон за час работы! Выступаем сразу после полудня. Покажем им наши простенькие вещи — зачем нам выкладываться до Илиривойна!

— А почему бы нам не показать лучшее? — возразил Валентайн. Ища поддержки, он посмотрел на Слита.

— На борту судна находится группа метаморфов. Они могут рассказать о нас в Илиривойне.

— Ну что ж, разумно, — одобрил скандар.

На Слита было страшно смотреть. Он был бледен, губы его дрожали, руки рисовали в воздухе магические знаки, предохраняющие от беды. Валентайн постарался успокоить жонглера:

— Начинается процесс излечения. Работай со снарядами, как для придворных Понтифика.

— Они мои враги! — прохрипел Слит.

— Эти — нет. Они не из твоего сна. Вред тебе принесли другие. И это было так давно!

— Мне трудно находиться с ними на одном корабле!

— Ничего не поделаешь. Да сколько их — всего пятеро. Малая доза — хорошее средство, чтобы привыкнуть.

— Илиривойн...

— Нам его не избежать. Ты обещал мне, Слит...

Слит умоляюще смотрел на него.

— Да, милорд, — в конце концов прошептал он.

Они подыскали безлюдное место палубой ниже и поработали с булавами. Роли их поначалу переменились — Валентайн жонглировал безупречно, а Слит — как новичок, то и дело роняя снаряды и ушибая пальцы. Но через несколько минут его мастерство взяло верх.

Все булавы были в воздухе; Слит предложил напарнику такой сложный рисунок обмена, что тот не выдержал и попросил пощады; они вернулись к знакомому рисунку.

Ближе к вечеру на верхней палубе пассажирам корабля было дано представление — первое после выступления наших жонглеров перед лесными братьями. Залзан Кавол задал программу, которую они еще не делали. Жонглеры разделились на три тройки: Слит, Карабелла и Валентайн, Залзан Кавол, Тилкар и Гейбор Херн, Хайрод Кавол, Руворн и Ирфон Кавол. Жонглеры показали тройной обмен. Одна группа скандаров работала ножами, другая — горящими факелами, третья — людей — серебряными булавами.

Это было самое трудное из всего, что испытал до сих пор Валентайн. Симметрия работы требовала совершенства. Уронить хоть один снаряд — означало разрушить весь строй жонгляжа. Валентайн был слабым звеном в девятке, но успех ее зависел и от него.

Они не уронили ни одной булавы, и когда жонглеры закончили номер ливнем снарядов, раздались бурные аплодисменты. Кланяясь, дебютант заметил, что семья метаморфов сидит в первом ряду.

Он бросил взгляд на кланяющегося Слита.

Сойдя с подмостков, Слит сказал:

— Я увидел их, когда мы начали, но тут же забыл. Понимаешь, забыл, Валентайн!

Он счастливо рассмеялся.

— И они совсем не похожи на тех страшных созданий, которых я видел во сне!

В эту ночь труппа спала в сыром и переполненном трюме в брюхе корабля. Валентайн был зажат между Шанамиром и Лизамоной. Близкое соседство с женщиной-великаном гарантировало, казалось, что спать ему не придется, потому что ее храп напоминал рычание громадного животного, а каждое ее шевеление грозило раздавить его. Несколько раз Лизамона наваливалась на него и он с трудом высвобождался от ее тяжести. Но скоро она затихла и он уснул.

Во сне он был Коронованным, лордом Валентайном, мужчиной с оливковой кожей и черной бородкой. Он сидел в зале Горного Замка, окруженный всеми атрибутами власти, затем вдруг оказался в южном городе, жарком и душном, где стены домов были увиты гигантскими лианами с ярко-красными цветами. Он знал, что город называется Тил-омон, что он находится в дальнем конце Зимроеля, что приехал сюда на пир в его честь. За столом сидел и еще один высокий гость — Доминин Баржазид, второй сын Короля Снов.

Доминин Баржазид провозглашал тосты в честь Коронованного, выкрикивал здравицы и предсказывал, держа в руке бокал с вином, достойное и славное правление, могущее в будущем встать в один ряд с правлением лорда Стиамота, лорда Престимиона и лорда Конфалума.

Коронованный отвечал на тосты улыбкой и предлагал выпить за хозяина, мэра Тил-омона, и за герцога провинции, за Короля Снов, за Понтифика Тивераса и за Леди Острова, свою мать. Его стакан наполняли и наполняли — красным вином, потом янтарным, снова красным, голубым...

Вот он уже не может пить больше, поднимается, идет в спальню и засыпает там мертвым сном. И тут же появляются люди из окружения Доминина, они заворачивают его в шелковые простыни и уносят куда-то, и он не может оказать сопротивления, потому что руки и ноги ему не повинуются. Потом он видит себя на столе в незнакомой комнате, волосы у него желтые, как солома, кожа белая, а у Доминина, склонившегося над ним, лицо Коронованного.

— Увезите его в какой-нибудь город на дальнем севере, — говорит мнимый лорд Валентайн, — и выпустите там — пусть идет, куда хочет.

Валентайн почувствовал, что задыхается, проснулся и понял, что великанша положила свою могучую руку на его лицо. Он оттолкнул руку, но сон больше не вернулся.

Об этом сне Валентайн не рассказал никому, решив, что пора хранить ночную информацию про себя — ведь иным просто незачем прикасаться к государственным тайнам. Он уже второй раз видел во сне, что его как Коронованного вытеснил Доминин Баржазид, а сон, когда Валентайна споили и украли его личность, видела Карабелла.

Эти сны могли быть и фантазией, но Валентайн думал уже иначе. Слишком крепка была их конструкция, слишком навязчиво повторялась, чтобы быть неправдой.

Итак, Доминин носит его звездную корону — что дальше.

Пидрудский Валентайн пожал бы плечами и сказал, что до

этого ему нет никакого дела. Но Валентайн, плывущий сейчас из Кинтора в Вирф, призадумался.

В этом мире всегда существовал некий баланс власти, поддерживаемый в течение тысячелетий, начиная с времен лорда Стиамота, а то и раньше, с каких-нибудь забытых ныне правителей Маджипуры первых столетий после переселения сюда. В этой системе недоступный для всех Понтифик правил посредством сильного и энергичного Коронованного, выбранного им самим, названного Королем Снов, который, выполняя приказы, наказывал нарушителей закона, входя в спящие их мозги, и Леди Острова, несущей всем любовь и мудрость. Эта система распределения сил, доставшаяся им от древних, существовала тысячелетия. При ней Маджипура была счастливой и процветающей планетой, подвластной, конечно, капризам тленной плоти и природным стихиям, но, в основном, свободной от больших конфликтов и следующих за ними не меньших страданий. А что если Баржазид, хоть и человек королевской крови, нарушит, столкнув законного Коронованного, утвержденный Божеством баланс? Какой вред может это принести общественному здоровью, общественному спокойствию?

И что скажут о сверженном Коронованном, который покорился произволу и оставил узурпатора без наказания? Это может быть воспринято как отречение, а было ли хоть раз в истории Маджипуры, что Коронованный отрекся от власти? Не стал ли он, Валентайн, таким образом сообщником коварного Доминина Баржазида?

Последние колебания исчезали, как дым.

Валентайну-жонглеру казалось странным и смешным, когда к нему пришли самые первые намеки на то, что он истинный лорд Валентайн Коронованный. Тогда это казалось насмешкой, абсурдом. Теперь — нет. Существо его снов придало им достоверность. Случилась чудовищная вещь — до него только теперь дошел смысл происшедшего. Его задачей стало исправить все без каких-либо колебаний.

Но как? Идти на Гору в костюме жонглера и требовать вернуть Горный Замок?

В это утро он старался казаться спокойным и никому не сказал ни слова о своем сне и о мыслях, что пришли в голову. Он подолгу стоял у поручней, глядя на далекий берег.

Безмерность реки превосходила всякое понимание. В некоторых местах она была так широка, что земля исчезала из виду, а если и появлялась, то казалась не более, чем островом среди миль и миль воды. Течение было быстрое, судно на хорошей скорости неслось к востоку.

Солнце светило до полудня, заставляя воду сверкать, слепя глаза; потом пошел дождь. Сначала легкий, он усилился, посыпал щедро, и жонглерам пришлось отменить второе представление к великому неудовольствию Залзана Кавола. Все, кто ехал на корабле, спрятались под крышу.

Этой ночью Валентайн лег рядом с Карабеллой, а великаншу оставил соревноваться в храпе со скандарами. Он ждал нового сна, но то, что ему приснилось, было лишь бесполезными

обрывками чего-то — фантазии, хаос, незнакомые улицы, незнакомые лица, вспышки света, непонятные разговоры... Утром судно прибыло в порт Вирф и причалило на южном берегу реки.

— Провинция метаморфов, — рассказал жонглерам Стифон Делиамбер, — называтся Пьюрифайн, это название происходит от слова, которым именуют себя метаморфы на своем языке — пьюриварь. На севере она граничит с предместьями Вирфа, на западе — с откосом Велатиса, на юге — с горной цепью Гонгар, а на востоке — с рекой Стейч, главным притоком Зимра. Я не был здесь, но знаю эту местность хорошо. Попасть в Пьюрифайн трудно, потому что откос Велатиса — стена в милю высотой и в триста миль длиной. Гонгары высоки и там часты грозы. Стейч — дикая, неуправляемая река со множеством быстрин и водоворотов. Единственный путь туда — через Вирф, это ворота Пьюрифайна.

Теперь, когда жонглеры оказались всего в нескольких милях от этих ворот, они стремились как можно скорей оставить за собой мало интересный порт Вирф. Дождь, начавшийся вчера, продолжался, поливая песчаное побережье и карликовые деревья с бледно-зеленой корой и узкими, дрожащими от капель дождя листьями. В фургоне почти не разговаривали. Слит, тот, казалось, вообще дал обет молчания. Карабелла от нечего делать жонглировала в центре помещения тремя мячами. Скандары, те, кто не вел фургон, занялись какой-то хитрой игрой костяными палочками и связками усов дроля. Шанамир, укачавшись, дремал. Виноркис уткнулся в бухгалтерский журнал. Делиамбер поддерживал себя колдовскими штучками, зажигая одну за другой маленькие свечи и шепча что-то над огоньками. Великанша Халтин, присоединив свое животное к тем, что тащили фургон, храпела, как морской дракон, просыпаясь только затем, чтобы глотнуть вина из фляги, купленного ею в Вирфе.

Валентайн сидел в углу у окна и думал на этот раз о Горе Замка. Интересно, на что она похожа, эта гора в тридцать миль высотой, каменная колонна, гигантская башня, упирающаяся вершиной в темную ночь космоса? Если откос Велатиса всего в милю высотой был, по словам Делиамбера, недоступным, что же собой представляет подъем на тридцатимильную Гору? И какую тень отбрасывает она? Эта тень, наверно, протягивается на весь Альханроель. И как же тогда получают свет и тепло города, что находятся на ее склонах?

Откуда-то Валентайн знал, что тепло, свет и свежий воздух вырабатывают машины, изобретенные еще древними, в забытую теперь технологическую эру, когда ремесла, привезенные с Земли, были широко распространены здесь. Но принцип работы машин был ему неизвестен — как непонятно ему было и то, какие силы приводят в действие его память.

Он думал также о самом Замке — дворце о сорока тысячах комнат, прибежище лорда Валентайна, а до него — лорда Вориакса. Замок лорда Валентайна! Существует ли он или это сказка, выдумка; Замок лорда Валентайна! Он представил его на

вершине Горы — яркий мазок, всего в несколько молекул толщиной, каким он, возможно, кажется по сравнению с немыслимой величиной Горы, мазок неправильной формы, прилепившийся к вершине — сотни комнат по одну сторону, сотни — по другую. Сотни комнат, галереи, внутренние дворики — и где-то в самой сердцевине дворца сидит во всем своем величии сам Коронованный, лорд Валентайн, чернобородый и смуглый. Хотя, кажется, его там сейчас нет. Он все еще объезжает королевство.

Я жил когда-то на этой Горе, думал Валентайн, жил в Замке. Что я делал, когда был Коронованным, каковы были мои обязанности? Но никаких воспоминаний об этом в его мозге не было, и все же в нем крепло убеждение, что они вернутся — в обрывках памяти все чаще появлялись острова и целые архипелаги. Он уже знал, что родился не в Ни-мое, у реки, как говорили ему вложенные в него мнимые воспоминания, а в одном из пятидесяти городов, расположенных высоко на Горе, почти у подножия Замка, что он воспитывался в королевской касте, среди тех, из кого выбирали принцев, что его детство и юность протекали среди богатства и роскоши.

Но он никак не мог вспомнить своего отца, наверняка человека высокого звания, а о матери помнил только то, что она была черноволоса и смуглокожа, как и он сам когда-то и — неожиданно выплывало воспоминание — однажды она долго целовала его и плакала, говоря, что вместо утонувшего лорда Молибора Коронованным выбрали Вориакса, и теперь она должна стать Леди Острова.

Правда ли это, или он вообразил эту сцену? Подсчитав, Валентайн подумал, что когда к власти пришел Вориакс, ему, вероятно, было двадцать два года.

Могла ли мать плакать, становясь Леди Острова? Ведь она должна была радоваться тому, что оба они, мать и сын, делаются правителями Маджипуры. Плакала и радовалась одновременно — может, так?

Валентайн покачал головой. Моменты жизни, меняющие историю, — найдет ли он когда-нибудь доступ к ним, или они так и останутся под запретом, наложенным на него теми, кто украл его прошлое?

Вдруг он услышал далекий взрыв, подземный удар качнул фургон — все вздрогнули, подняли головы. Колебания почвы еще раз сотрясли фургон, но вот затихли.

— Что это? — вскинулся Слит. Он выхватил из оружейной стойки энергомет.

— Спокойно, — остановил его Делиамбер, — это всего лишь звук Пьюрифайнского фонтана. Мы приблизились к его границе.

— Что это за фонтан? — спросил Валентайн.

— Подожди и увидишь.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол, сидевший впереди, обернулся ко всем.

— Где урун? Эй, колдун, дорога заблокирована!

— Мы проходим ворота Пьюрифайна, — ответил тот.

Дорогу перегораживала баррикада из желтых каменных

брусов, для прочности оплетенных веревкой. Слева от баррикады был сторожевой пост, в котором дежурили два хьерта в зеленых пограничных мундирах. Они приказали путешественникам выйти из фургона под обильно сыпавшийся дождь, хотя сами оставались под навесом.

— Куда? — спросил один из них.

— В Илиривойн, на фестиваль Меняющих Форму. Мы артисты, жонглеры, — представился Залзан Кавол.

— У вас есть разрешение? — спросил другой стражник.

— Разве оно нужно? — вмешался в разговор Делиамбер.

— По указу лорда Валентайна Коронованного, изданному больше месяца назад, никто из граждан Маджипуры не может ступить на территорию метаморфов без законного на это основания.

— У нас оно есть! — упрямился скандар.

— Тогда вы должны иметь разрешение.

— Но мы не знали, что оно нужно!

На хьертов его слова не произвели никакого впечатления. Они, казалось, готовы были заняться любым делом, только не этим.

Залзан Кавол посмотрел на Виноркиса, надеясь, что, может, он подействует как-то на своих собратьев, но хьерт только пожал плечами. Тогда скандар снова обратился к колдуну:

— В твои обязанности входит предупреждать меня о таких вещах!

Урун завертел головой.

— Даже колдуны не могут знать о новых законах, особенно если они путешествуют по заповедным лесам.

Запрещение входить на территорию метаморфов вызвало вспышку радости у Слита. Неужели и вправду не пустят? Зато Залзан Кавол разозлился не на шутку. А великанша Лизамона потянулась даже к вибрационному мечу. Валентайн первым нашел выход, подсказав скандару:

— Хьерты не всегда неподкупны.

— Своевременная мысль, — буркнул тот.

Он вытащил кошелек. Глаза хьертов немедленно обратились к нему. Валентайн понял, что избрал верную тактику.

— Я, кажется, найду необходимый документ, — сказал скандар. Он вытащил из кошелька две монеты по кроне и прилепил их к жирным ладоням стражников. Те глянули на ладони и швырнули монеты на землю.

— Всего по кроне? — прошептала Карабелла.— Неужели он думает купить проезд за такие деньги?

— Подкуп офицера имперского правительства — серьезное преступление, — сказал хьерт, который был званием выше.— Вы будете арестованы и предстанете перед судом в Вирфе. Оставайтесь в своем фургоне до прибытия полицейских.

Залзан Кавол обернулся к Валентайну, хотел что-то сердитое ему сказать, но вдруг тихо заговорил с братьями. Лизамона снова схватилась за меч. Валентайн пришел в отчаяние — сейчас хьертов зарубят и они станут беглыми преступниками, не пройдя еще ворот Пьюрифайна. И как он тогда достигнет Острова?

— Сделай что-нибудь! — взмолился он, схватив колдуна за щупальце.

Урун выпрыгнул из фургона. Он поднял деньги и протянул их хьертам.

— Простите, но вы, кажется, уронили эти монеты.

Он снова прилепил кругляки к ладоням хьертов, в то же время обхватывая щупальцами их запястья. Когда он выпустил их руки, младший хьерт объявил:

— Ваша виза действительна только на три недели. Уйдете из Пьюрифайна через эти же ворота. Другие выходы вам запрещены.

— И к тому же опасны, — добавил другой.

Он махнул невидимым доселе стражам и те быстро растащили баррикаду и освободили дорогу.

Когда все снова были в фургоне, Залзан Кавол рявкнул Валентайну.

— В следующий раз не давай дурацких советов! А ты, Делиамбер, должен бы знать, как улаживать подобные дела! Мы могли и не пройти эти ворота!

— Если бы ты подкупал их роалами, а не кронами, — тихо, чтобы не слышал скандар, сказала Карабелла, — все было бы проще.

— Теперь уже все позади, — успокоил всех Делиамбер.— Нас ведь пропустили, верно? Всего только капелька колдовства — и не нужно платить роалов!

— Ох, уж эти новые законы! — вдруг подал голос Слит.— То один, то другой и все одинаково плохи!

— Новый Коронованный, — поддержала его Лизамона, — хочет показать свою власть. Все они такие. Этот штампует указы, а Понтифик с ними соглашается. Один из них, между прочим, лишил меня работы. Хотите знать, как это случилось?

— Расскажи, — предложил Валентайн.

— Я была телохранителем одного торговца в Мазадоне — он очень боялся завистников — конкурентов. А лорд Валентайн как раз назначил новый налог за личных телохранителей на всех, кто ниже благородного ранга, — в размере моего годового жалования. И мой хозяин — отсохни его уши! — уволил меня. Два года я работала — и вдруг прощай! Спасибо тебе, но ты мне больше не по карману, вот тебе на дорожку бутылка бренди. Сегодня я защищаю его поганую жизнь, а завтра я ему не по карману — и все благодаря лорду Валентайну! Как вы думаете, не он ли убил брата?

— Придержи язык! — крикнул Слит.— Разве такое может произойти в Маджипуре?

Но великаншу было не остановить.

— Несчастный случай на охоте — как же! А старый Молибор утонул на рыбалке! С чего бы нашим коронованным так поспешно и странно умирать? Раньше такого никогда не было! Коронованные потихоньку становились понтификами, прятались в своем Лабиринте и жили чуть ли не вечно, а теперь не то: Молибора съели морские драконы, а Вориакса будто бы нечаянно прихлопнули в лесу. Я думаю, там, в Горном Замке, все помешались на власти!

— Может, хватит? — проворчал Слит. Ему не нравился этот разговор.

Но Лизамона не угомонилась.

— Как только выберут нового Коронованного, для всех принцев надежды больше нет. Вот если Коронованный вдруг умрет — все тогда снова бегут на выборы. Когда погиб Вориакс и стал править этот самый Валентайн...

— Заткнись! — заорал Слит. Он вскочил — голова его едва достигла груди великанши. Женщина казалась спокойной, но ее рука нащупывала меч. Валентайн решил вмешаться.

— Лизамона не хотела оскорбить Коронованного, — примирительно сказал он.— К тому же она выпила, а вино развязывает язык.

И обратился к воительнице:

— Прости его, ладно? Моему другу тяжко в этой части света, ты ведь знаешь.

Второй взрыв — в несколько раз громче первого — сотряс воздух и прервал ссору. Животные остановились, фургон накренился.

С водительского сидения раздались страшные проклятия Залзана Кавола.

— Фонтан Пьюрифайна, — пояснил Делиамбер, — одно из самых замечательных зрелищ Маджипуры. На него стоит взглянуть.

Один за другим все выпрыгнули из фургона.

Небольшие зеленые деревья окаймляли естественный амфитеатр, в центре которого время от времени взрывался гейзер. В сравнении с ним гейзер Горячего Кинтора выглядел мелкой рыбешкой рядом с морским драконом. Толстая белая струя воды была никак не ниже башен Долорна; вылетая из земли со скоростью пушечного ядра, она достигала шестисотфутовой высоты. Вверху она расцветала гигантским цветком, сияющим всеми цветами радуги. Воздух вокруг был напоен мелкими капельками воды.

Взрывы продолжались — невероятное количество воды с огромной силой выбрасывалось в небо. Здесь, как нигде, ощущалась мощь земли — присутствовавшие с благоговейным ужасом смотрели на водяной столб. И вот он стал опадать, уменьшаться, исчез совсем, оставив после себя только шум в ушах, да густой туман.

— Фонтан взрывается каждые тридцать минут, — сообщил Делиамбер.— Говорят, что с тех пор, как метаморфы живут в Маджипуре, он не опоздал с выбросом ни разу. Это их священное место. Смотрите — вон и паломники!

Слит поспешно начертал в воздухе магические знаки. Валентайн положил руку на его плечо.

Неподалеку от придорожной гробницы стояла небольшая группа метаморфов. Они поглядывали на путешественников, как показалось Валентайну, не очень дружелюбно. Те, что были впереди, зашли за спины других, появились снова, но выглядели уже не так, как прежде, — были расплывчаты, как призраки. И продолжали изменяться. То у них вырастали гигантские, как у Лизамоны, груди, то мохнатые, как у скандаров, руки, кто-то из

метаморфов побелел, как Слит. Затем жонглеры услышали тонкий, похожий на птичий, свист и увидели, как растягиваются в улыбке губы Меняющих Форму — они, видимо, смеялись. После этого группа паломников убежала в лес.

Валентайн держал свою руку на плече маленького жонглера до тех пор, пока не почувствовал, что напряжение оставило его. Лишь тогда он сказал со смехом:

— Вот так трюк! Вот бы нам делать такое! Что ты об этом думаешь?

— Все равно я хотел бы сейчас быть в Нарабале, Пилиплоке — где угодно, лишь бы не здесь!

— А я — в Фалкинкипе, — сказал трясущийся от страха Шанамир, — кормил бы там свое стадо и не знал беды.

— Они не сделают нам ничего плохого, — улыбнулся Валентайн.— Для нас это просто еще одно любопытное зрелище, которого мы не забудем.

Но на его улыбку никто не откликнулся, даже Карабелла, всегда жизнерадостная. Даже сам Залзан Кавол выглядел нерешительным — он, кажется, думал, разумно ли гоняться за роалами в провинции метаморфов. Да, улыбку Валентайна никто не поддержал. Тогда он обратился к колдуну:

— Далеко ехать до Илиривойна?

— Не имею представления, — качая птичьей головой, ответил Делиамбер, — когда приедем, тогда и приедем.

Храбрости его слова никому не добавили.

Местность, по которой катил фургон, поражала своей первозданностью. Здесь не было никаких следов цивилизации.

Меняющие Форму жили в лесной дождливой стране, ежедневные ливни очищали воздух и давали буйный рост зелени.

Грозы приходили с севера, проносясь по природной трубе, образованной откосом Велатиса и Гонгарами. А когда влажный воздух поднимался по крутым склонам Гонгар, шли мелкие дожди, глубоко проникающие в рыхлую почву.

Деревья здесь были высокие, с прямыми стволами, кроны их образовывали вверху сплошной навес, связанный к тому же сетью лиан. Темная листва, отполированная дождем, блестела. Лишь изредка в прогалины можно было увидеть в лесу окутанные туманом горы.

Зверья в лесу путешественники почти не видели — возможно, оно просто пряталось. Иногда проползала красная с желтым змея. А то они видели алокрылую птицу либо зубастого с паутинными крыльями брауна; один раз испуганный белантон прошмыгнул перед фургоном и скрылся в лесу, стуча копытцами, размахивая задранным хвостом.

Жили здесь, вероятно, и лесные братья, поскольку они встретили рощу, другую деревьев двикки.

Ручьи были полны рыбы, а в почве там и тут чернели норки грызунов самой фантастической окраски. Каждое из бесчисленных маленьких озер, встретившихся на пути, содержало, как гово-

рил Делиамбер, собственного подводного чудища, которое выплывало только по ночам ради охоты на любую тварь, оказавшуюся поблизости.

Но ни одного чудища они не увидели — фургон, не останавливаясь, катил по неровной лесной дороге.

Не показывались и пьюривары, хотя там и сям дорогу пересекали тропинки, теряющиеся в джунглях, им попались даже несколько лесных хижин поодаль от дороги. Наконец встретилась небольшая группа пилигримов, направляющаяся, должно быть, к священному фонтану. Делиамбер рассказал, что этот народ живет охотой и рыболовством, сбором диких плодов и орехов и лишь немногие — земледелием. Их цивилизация, возможно, была когда-то развитой, судя по развалинам древних каменных городов, обнаруженных в Альханроеле. Археологи определили время их процветания — оно было задолго до появления здесь звездных кораблей пришельцев. Правда, некоторые историки считали, что города принадлежали человеческой расе и были уничтожены кем-то в бурный допонтифаксный период двенадцать или тринадцать тысячелетий назад. Метаморфы же, даже если и были наследниками более высокой цивилизации, предпочитали сейчас вести лесной образ жизни. Регресс это или прогресс? — думал Валентайн.

Часам к трем дня звуки пьюрифайнского фонтана уже не были слышны, лес стал реже, а дорога разветвилась. Залзан Кавол обернулся к Делиамберу. Но тот точно так же посмотрел на Лизамону.

— Лопни моя печенка, — отозвалась на вопросительный взгляд колдуна воительница, — если я знаю, куда ехать! Двигайте наугад! Пятьдесят на пятьдесят — мы все равно попадем в Илиривойн.

Но у Делиамбера оказалась идея получше. Он спустился с фургона и плюхнулся коленями в дорожную грязь. Достал из своего мешка кубики из горючего вещества и поджег их. Поднялся светло-коричневый пахучий дым. Колдун стал жадно вдыхать его, одновременно производя щупальцами замысловатые жесты.

Женщина-воин фыркнула:

— Не верю я в эти штучки-дрючки! Поколдует, поколдует, а все равно скажет наобум. Слушались бы лучше меня.

— Налево, — сказал Делиамбер.

Как бы там ни было, скоро появились признаки обитания метаморфов.

Это были уже не одиночные хижины, а целые их группы, попадавшиеся через каждые сто ярдов, а то и чаще. И сами метаморфы — в основном ребятишки с нетяжелой поклажей — стояли, разинув рот на фургон. А иные указывали на него пальцем и переговаривались.

Наконец, они подъехали к большому поселку. Дорогу им перегородила толпа из взрослых и детей. Дети — везде дети: эти, играя, практиковались в трансформации. У одного вдруг вырастали ноги-ходули, другой отращивал щупальца, как у уруна, свисавшие, правда, до самой земли, третий экспериментировал с лицом, превращая его в черт знает что.

— Кто здесь циркачи — мы или они? — спросил бледный, как смерть, Слит.— Меня тошнит от этого всего!

— Успокойся, — мягко сказал Валентайн.

— Я думаю, — угрюмо заметила Карабелла, — это только начало. Смотрите!

На краю дороги стояла дюжина клеток. Носильщики только что поставили их наземь и присели отдохнуть. Из клеток высовывались тоненькие руки с длинными пальцами. Длинные хвосты, приспособленные для хватания, держались за прутья. Не сразу, проезжая мимо, обитатели фургона узнали в запертых в клетки существах лесных братьев. Их несли в Илиривойн.

— Зачем? Для еды или для издевательств во время фестиваля? Валентайн содрогнулся.

— Остановитесь! — закричал вдруг Шанамир, когда они проезжали последнюю клетку.— А кто в ней?

Эта клетка была больше других и в ней сидело совершенно незнакомое существо, явно разумное: высокая человеческая фигура, но с темно-синей кожей, пурпурного цвета огромными глазами и тоже большим тонкогубым ртом. Существо было в одежде — красивая зеленая ткань, порванная в нескольких местах и покрытая пятнами скорее всего крови.

Пленник рвал руками прутья клетки и хрипло, на незнакомом языке призывал проезжающих мимо жонглеров на помощь.

Фургон проехал дальше.

Похолодев, Валентайн спросил у колдуна:

— Это существо не из Маджипуры?

— Я таких никогда не видел, — ответил Делиамбер.

— А я видела как-то, — сказала Лизамона.— Это инопланетянин, их планета недалеко от нашей. Я забыла ее название.

— Но что здесь делают пришельцы? — удивилась Карабелла.— Межзвездные полеты так редки в наше время. И чтобы хоть кто-то приземлился на Маджипуре...

— Мы не совсем отрезаны от межзвездных путей, — возразил Делиамбер, — несмотря на то, что считаемся задворками в межпланетной торговле.

— Спятили вы все, что ли! — взорвался Слит.— Сидят и спокойно беседуют о межпланетной торговле, а цивилизованное существо заперто в клетке и зовет на помощь! Может, его зажарят и съедят на метаморфском фестивале! А мы еще туда едем!

Он бросился к скандарам-водителям.

Валентайн, боясь скандала, рванулся за ним.

Слит уже сцепился с Залзаном Каволом.

— Ты видел его? Ты все слышал? Инопланетянин в клетке!

— Ну и что? — Залзан Кавол даже не обернулся.

— Тебе наплевать на его крики?

— Это не наше дело, — спокойно ответил скандар.— Мы не имеем права вмешиваться в дела независимого народа. У них несомненно были причины заточить в клетку кого угодно.

— Причины? Я скажу тебе какие — приготовить из него обед! А мы попадем в следующий их горшок! Я прошу тебя вернуться и...

— Это невозможно.

— По крайней мере хоть спросим, за что его посадили. Залзан Кавол, мы, скорее всего, едем прямиком к нашей смерти, а ты так спешишь туда, что не спросишь даже у подобного нам, что его ждет!

— Слит говорит дело, — заметил Валентайн.

— Ты так думаешь? — скандар сплюнул и остановил фургон.— Иди, — сказал он Валентайну, — и узнай, что возможно, да побыстрее!

— Я иду с ним, — Слит кинулся к дверям.

— Оставайся! — рявкнул скандар.— Если ему нужен телохранитель, пусть возьмет Лизамону.

И Залзан Кавол сказал дело. Валентайн вместе с великаншей спрыгнули вниз и пошли к клеткам.

Лесные братья при их приближении подняли страшный вой и визг и затрясли прутья клеток. Носильщики, вооруженные короткими, но внушительно выглядевшими копьями с наконечниками то ли из рога, то ли из полированного дерева, неторопливо встали и загородили собой большую клетку. Один метаморф, явный лидер в группе, выступил вперед и вопросительно уставился на подходящих.

— Он говорит на нашем языке? — спросил у великанши Валентайн.

— Вероятно. Попытайся.

— Мы странствующие жонглеры, — громко и отчетливо произнес Валентайн, — мы едем в Илиривойн, чтобы выступить на вашем фестивале. Далеко ли мы от него?

Метаморф, бывший на голову выше Валентайна, но тощий, казалось, усмехнулся.

— Вы в Илиривойне.

От метаморфа исходил слабый кислый запах. Его скошенные глаза были пугающе невыразительны. Валентайн задал следующий вопрос:

— К кому мы должны обратиться насчет выступления?

— Всех иностранцев у нас встречает Данипьюр. Вы найдете ее в Служебном Доме.

От метаморфа веяло холодом.

И вот главный вопрос:

— Мы видим в большой клетке незнакомое существо. Почему оно там?

— Это наказание.

— Преступник?

— Так и сказано, — безразличным голосом ответил метаморф.— Разве вас это касается?

— Мы чужие в вашей стране. Если иностранцев здесь сажают в клетки, мы предпочтем искать работу в другом месте.

На лице метаморфа промелькнула искра то ли усмешки, то ли презрения.

— Чего вам бояться? Разве вы преступники?

— Нет.

— Тогда вы избежите клетки. Выразите почтение Данипьюр и со всеми дальнейшими вопросами будете обращаться к ней.

Валентайн посмотрел на Лизамону — та пожала плечами. Ничего не оставалось, как вернуться в фургон.

Носильщики подняли клетки, уложили шесты на свои плечи. Из большой клетки доносились крики ярости и отчаяния.

Илиривойн был чем-то средним между городом и деревней — унылым скоплением низких, как бы временных строений из легкого дерева. Эти домики стояли вдоль кривых незамощенных улочек, которые, казалось, все уходят в лес. Всё выглядело временным, как будто Илиривойн основан всего-то год-два назад и через несколько лет перейдет в другой округ, где за него возьмутся по-настоящему.

Перед каждым домом была воткнута в землю какая-нибудь палка или шест с привязанным к концу ярким лоскутом или куском шерсти — это были, видимо, объявления о предстоящем фестивале. Кроме них, на улицах были выстроены помосты — то ли для глашатаев, то ли для темных племенных ритуалов; подумав об этом, Валентайн содрогнулся.

Найти Служебный Дом и Данипьюр оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, чьи три стороны составляли небольшие дома с куполообразными крышами, с четвертой стороны стояло одно большое трехэтажное здание. Перед ним был ухоженный садик с толстостебельным серым с белым кустарником. Зализан Кавол остановил фургон перед площадью.

— Пошли со мной, — позвал он Делиамбера.— Посмотрим, удастся ли нам наладить дело.

Они пропадали в Служебном Доме не менее часа.

И вот показались на площади — с ними шла высокого роста величественная метаморфка, наверное, Данипьюр.

Все трое остановились у садика, о чем-то оживленно беседуя. Женщина что-то уточняла, скандар то кивал, то отрицательно качал головой. Делиамбер, крошечный рядом с рослым Зализаном Каволом и высокой метаморфкой, изящно жестикулировал, изображая, по всей видимости, согласие, примирение и покорность. Наконец, скандар и урун вернулись в фургон. Настроение Зализана Кавола заметно улучшилось.

— Мы приехали вовремя, — сказал он.— Но они не дадут нам ни пищи, ни жилья — в Илиривойне нет гостиниц. И существуют зоны, куда нам нельзя входить. Что поделаешь — надо принимать их, какие они есть.

Когда фургон двинулся к месту стоянки позади площади, за ним последовала толпа ребятишек, глазевших на невиданную повозку.

Вечером жонглеры провели репетицию. И хотя Лизамона не подпускала детей к зрелищу, они все равно пролезали меж кустами, их любопытствующие мордахи возникали там и тут. Валентайну это действовало на нервы, а Слит был напряжен и неловок, даже такой мастер жонгляжа, как Зализан Кавол, уронил булаву.

Смущало молчание детей. Они вставали у кустов белоглазыми статуями — те зрители, которые питаются энергией артиста, но ничего не дают взамен. Единственной их реакцией на внешность жонглеров и их мастерство было то, что они, может быть,

непреднамеренно, инстинктивно стали на глазах у них менять форму, переливаться из одной в другую.

Надолго удерживать новую форму им еще не удавалось, но в промежутках Валентайн узнавал у кого-то из них свои золотистые волосы, то белые, как у Слита, или черные, как у Карабеллы. И многорукие медведи-скандары возникали на мгновения, и их собственные лица, но с такими странными выражениями, что хотелось отвернуться.

В эту ночь все путешественники спали в фургоне, тесно прижавшись друг к другу.

По крыше шлепал дождь, Валентайн проснулся и не мог больше уснуть. Лежал, слушая храп и дыхание спящих, думая обо всем, что случилось за день. К середине ночи уснул и тут же увидел сон: метаморфы вели лесных братьев и синекожего чужака по дороге к Пьюрифайнскому фонтану, который возвышался теперь над окрестностями, как гора.

Незадолго до рассвета его кто-то разбудил. Это был Слит.

— В чем дело? — спросил Валентайн, протирая глаза.

— Выйдем. Надо поговорить.

— Но еще темно!

— Ничего. Пойдем.

Валентайн зевнул, потянулся, встал.

Они осторожно перешагнули через спящих Карабеллу и Шанамира, обошли одного из скандаров и спрыгнули с фургона. Дождь уже прекратился, но было сыро, холодно, на земле лежал туман.

— У меня было послание, — сказал Слит, — и, я думаю, от Леди.

— Рассказывай.

— Оно о том синекожем, которого мы видели в клетке и которого метаморфы назвали преступником. Во сне он пришел ко мне и сказал, что никакой он не преступник, а путешественник, по ошибке попавший на территорию метаморфов. Его схватили — у Меняющих Форму есть обычай: во время фестиваля приносить в жертву иноземца у священного Пьюрифайнского фонтана. Я видел даже, как это делается. Жертву связывают по рукам и ногам и швыряют в бассейн фонтана, а когда происходит очередной взрыв — она взлетает в небо.

Валентайна пробрала дрожь — и не от тумана.

— Я видел во сне начало твоего сна.

— А еще мне было сказано, что и нам грозит опасность — не жертвоприношение, но другая. А если мы освободим чужака, он нам поможет. Оставим его погибать — и мы не уйдем отсюда живыми. Знаешь ведь, Валентайн, я боюсь Меняющих Форму, но в этом сне было что-то новое. В том, что в нем послание, я не сомневаюсь. Это не просто страхи глупого Слита.

— Что же нам делать?

— Мы должны освободить чужака.

— А если он на самом деле преступник? — тревожась, спросил Валентайн.— Имеем ли мы право вмешиваться в их правосудие?

— У послания тоже есть право. А те лесные братья тоже

преступники? Я видел во сне, как и их швыряют в фонтан. Мы среди дикарей, Валентайн.

— Не думаю. Это просто чужая нам раса, пути ее развития не похожи на другие.

— Я твердо решил спасти синекожего. Если ты не согласишься помочь мне, я пойду один.

— Сейчас?

— Когда же еще! Сейчас темно, никого на улицах. Я открою клетку и он убежит.

— Клетку охраняют. Нет, Слит, подожди. Ты поставишь под удар всех нас. Я попытаюсь побольше узнать об этом пленнике. Если они собираются принести его в жертву, то сделают это под финал фестиваля. У нас есть время.

— Но послание было только что!

— Я же сказал тебе, что оно было и у меня.

— Ну и что?

— А то, что твоему сну нужно верить. Я помогу тебе, Слит, ты только не торопись.

Но Слит никак не мог успокоиться. Он рвался к клетке плененного инопланетянина, а к возражениям Валентайна почти не прислушивался.

— Слит!

— Да!

— Послушай меня. Сейчас не время, — произнес Валентайн раздельно.— Не время! Подожди.

Два взгляда встретились, один был тверже и увереннее. Слит опустил глаза.

— Слушаюсь, милорд, — прошептал он.

Днем Валентайн старался что-нибудь узнать о пленнике, но безуспешно. Одиннадцать клеток с лесными братьями стояли на площади напротив Служебного Дома в три яруса, клетку с чужаком воздвигли на самый верх. Охраняли их пьюривары с копьями.

Валентайн хотел было подойти, но его остановили уже на середине площади.

— Сюда нельзя! — был окрик издалека.

Лесные братья яростно колотили ручонками по прутьям. Синекожий закричал что-то на языке Валентайна, но с таким акцентом, что тот едва понял:

— Беги отсюда, дурень, а то они убьют тебя!

Но, может, ему послышалось?

Еще раз глянув на стражников, окруживших клетки, Валентайн повернул назад. Встретились дети, он спросил у них, не знают ли они что-либо о пленниках, но ему ответили холодные и пустые взгляды. Кто-то из них сымитировал его светлые волосы, после чего дети разбежались.

Все утро в Илиривойн прибывали метаморфы из близких и далеких лесных поселков. Все они несли с собой что-то для продажи — плетения, фляги, вышитые драпировки, украшенные зеркалами стойки, шесты, исписанные древними письменами.

На улицах царила суматоха, все были заняты приготовлениями к фестивалю. Дождь перестал, как по приказу.

Интересно, думал Валентайн, каким колдовством обеспечили пьюривары сухой день для праздника? Или это просто совпадение?

Часа в три дня начался фестиваль.

Все началось с музыки, играемой множеством музыкальных групп. Метаморфы на улицах начали сплетаться в хороводы, которые, меняясь, как они сами, стали образовывать самые причудливые узоры танцующих аборигенов.

На иных улицах проводились спортивные состязания — бегунов, прыгунов, добровольные судьи давали старт бегу, а другие отмеривали длину прыжка.

Ларьки, выстроенные за ночь, торговали супом, жареным и тушеным мясом, напитками.

На чужом пиру похмелье, думал про себя Валентайн. Он чувствовал себя чужим на этом празднике. Но никто, кроме детей, не обращал на него внимания. Те же видели в нем диковинку, приведенную сюда для развлечения. Они таращились на жонглеров отовсюду, пытаясь повторить так поражавшие их черты незнакомцев.

Залзан Кавол назначил на вечер репетицию. Валентайн, радуясь возможности уйти с переполненных улиц, явился чуть не первым в назначенное место. За фургоном были только Слит и два скандара.

Ему показалось, что Залзан Кавол как-то странно на него поглядывает. Во внимании скандара он уловил новое для себя. Выдержав несколько минут, Валентайн все же спросил:

— Что-то неладно?

— Что может быть неладным?

— Ты выглядишь необычно.

— Я? Ничего подобного. Сон, только и всего! Просто я вспоминаю сон, что видел прошлой ночью.

— Он о синекожем пленнике?

Залзан Кавол растерялся.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что его видели и я, и Слит.

— Глупости! Мой сон не имел ничего общего с синекожим. Я не желаю об этом говорить!

Залзан Кавол отошел, набрал дюжину ножей и начал жонглировать.

А Валентайн все перебирал булавы, словно не зная, с какой ему начать работать. Он не знал, видят ли сны скандары и похожи ли их сны на человеческие. Но раз они граждане Маджипуры, то, должно быть, живут и чувствуют, как все, и сны у них такие же — с посланиями от Короля и Леди... Но вот что интересно: Залзан Кавол, которого ничем вроде не проймешь, всегда невозмутимый, вожак — и вдруг растревожен сном!

Как бы узнать, получают ли скандары послания во сне?

После репетиции жонглеры легко и вкусно поужинали фруктами и ягодами, собранными Лизамоной в лесу, и запили их вином, привезенным из Кантора. На улицах уже вспыхивали фейерверки, отовсюду слышалась музыка. Все думали, что представление состоится на площади, но нет, метаморфы в жрече-

ских костюмах проводили жонглеров в другую часть города, где их ожидал пустырь, окруженный тысячами и тысячами зрителей. Залзан Кавол и его братья обошли площадку, проверяя, нет ли на ней неровностей, на которых можно споткнуться во время работы. Слит обычно участвовал в этом, но сейчас он куда-то вдруг запропастился. Валентайн всполошился — неужели у него не хватило терпения и он решился на действие без него?

Нужно было что-то немедленно предпринимать, но в это время появился Слит, возбужденный, запыхавшийся.

— Я побывал на площади, — рассказал он, — клетки еще там, но большая часть стражников, видимо, сбежала поглазеть на фестиваль. Я успел перекинуться парой слов с синекожим, прежде чем меня отогнали от клеток.

— Что он сказал?

— Что в полночь его принесут в жертву фонтану — то же сообщил мне мой сон. А в следующую ночь принесут в жертву нас.

— Не может быть!

— Клянусь именем Леди!

Взгляд его не отпускал глаз Валентайна.

— Я пришел сюда, милорд, только подчиняясь тебе. Ведь ты уверил меня, что нас не тронут.

— То, что ты говорил, казалось мне выдумкой.

— А теперь?

— Я начинаю думать иначе, — сказал Валентайн.— Мы не должны умереть. Я обещаю тебе это. После выступления я поговорю со скандаром и посоветуюсь с колдуном.

— Нужно спешить!

— Сегодня вечером метаморфы веселятся. Мы потихоньку уберемся отсюда после выступления, когда им не будет до нас дела. Да и разве Залзан Кавол согласится отменить представление, даже если нам грозит опасность? Что ты на это скажешь?

— Я в твоем распоряжении, милорд, — ответил Слит.

Жонглеры работали на редкость слаженно, а Слит — тот вообще творил чудеса. Ему без единой ошибки удалось «слепое» жонглирование.

Скандары устроили дьявольскую пляску с факелами, Карабелла, не уступая партнерам, провела жонгляж на подвижном шаре, Валентайн, посылая вверх булавы, танцевал, прыгал, приседал. Метаморфы, окружавшие площадку, почти не аплодировали, но смотрели, кажется, с интересом.

Работать с таким зрителем было нелегко, даже труднее, чем на репетиции, — тысячная аудитория, ничего не дающая артистам.

Метаморфы сидели как истуканы — точно так же смотрели на жонглеров дети во время репетиции, не выказывая ни одобрения, ни осуждения.

Потом что-то произошло — там и сям зрители начали воспроизводить движения жонглеров, но в какой искаженной форме!

По двое, по трое они вставали, выходили вперед, образовывали круг всего в нескольких ярдах от артистов — и вот они уже

скандары, и вот уже тоненькая Карабелла, покачиваясь, плывет на шаре, вот присел золотоволосый Валентайн. Но в этих превращениях не было ничего от игры — все видели в них насмешку и угрозу. Валентайн посмотрел на остальных членов группы и увидел, что щупальца Делиамбера производят жесты тревоги, Виноркис хмурится, а Лизамона переступает с ноги на ногу, словно готовясь к схватке.

Выглядел настороженным и Залзан Кавол.

— Продолжайте, продолжайте! — говорил он отрывисто.— Мы здесь для того, чтобы работать!

— Кажется, — заметил Валентайн, — мы здесь для их развлечения, но не жонглированием мы интересны.

— Мы — артисты! И будем продолжать!

Он дал сигнал и начал с другими скандарами головокружительный обмен множеством острейших ножей. Слит, чуть помедлив, запустил вверх булавы. Подхватила общий ритм и Карабелла. У Валентайна же похолодели руки и перестали ему подчиняться.

Девять метаморфов неподалеку от них тоже стали жонглировать. Это было искаженное, как во сне, жонглирование — без настоящего искусства, без их мастерства. Насмешка, пародия, издевательство. Они бросали вверх куски дерева, какие-то плоды, кошельки, ловили их неловко, роняли... Но странно — это пародийное представление заинтересовало зрителей гораздо больше, чем работа артистов. Они все загудели — может, так они аплодируют? Стали покачиваться в одном ритме, хлопая себя по коленям, и тоже трансформироваться, иногда оставаясь наполовину метаморфом, наполовину жонглером-гостем.

Одна группа, заметил Валентайн, состояла из шести или семи его грубых копий.

Выступать дальше стало невозможным, жонглеры поработали еще несколько минут, уже ошибаясь и роняя снаряды один за другим. А гудение метаморфов становилось все сильнее!

— Смотрите! — вдруг крикнула Карабелла.

Валентайн повернулся и задохнулся от изумления.

То, что делал метаморф, было выше его понимания. Он то изображал Валентайна-жонглера — высокого, широкоплечего, большерукого и золотоволосого молодого человека, то на его месте возникал лорд Валентайн Коронованный!

Смена лиц происходила почти мгновенно — одну секунду Валентайн видел самого себя, в другую — чернобородого Коронованного с жестким взглядом, властного правителя. И снова Валентайн-жонглер. Толпа одобряла новое шоу дружным гудением. Оно того стоило: жонглер... Лорд... жонглер... Лорд!

Смотря на чудовищное зрелище, Валентайн почувствовал, что у него леденеет спина, волосы шевелятся, а колени дрожат. Представление метаморфа било в самую точку. Если Валентайн хотел получить подтверждение тому, что прошло через него за то время, что начало отсчет в Пидруде, то здесь всему была подведена черта, здесь, в этом лесном городе, среди первобытного народа.

Он видел собственное лицо.

Он смотрел в лицо Коронованного.

Метаморфы, копировавшие жонглеров, прыгали в кошмарном танце, высоко задирая ноги, размахивая фальшивыми скандарскими руками, хлопая себя по бедрам; волосы лже-Слита и лже-Карабеллы развевались на ночном ветру. Только фигура лже-Валентайна оставалась неподвижной, менялось лишь его лицо. Но скоро и это кончилось: метаморфы, стоящие в круге, протянули к публике приветственные руки — та вскочила и начался всеобщий танец.

Толпа, танцуя, уходила в ночь, к ларькам и другим развлечениям фестиваля, артистам пора было собираться.

Валентайн обернулся к своим и увидел устремленные на него глаза. Челюсть Залзана Кавола отвисла, руки болтались. Его братья сгрудились за ним, словно прячась за его спину. Слит был бледен, лицо Карабеллы, наоборот, пылало румянцем страшного возбуждения.

Валентайн шагнул к ним. Залзан Кавол сделал было шаг навстречу, остановился и замер, не спуская со своего жонглера испуганных глаз.

Наконец открыл рот и сказал дрожащим, не своим голосом:

— Милорд...

И он, и его братья поспешно опустились на колени. Залзан трясущимися руками сотворил знак сверкающей звезды, его братья сделали то же. Слит, Карабелла, Виноркис и Делиамбер опустились на колени. Перепуганный Шанамир замер как столб, но пересилил себя и, как все, бухнулся на землю.

— Вы что, спятили все? — закричала великанша Халтин.

— На колени! — хрипло приказал ей Слит.— Ты видела, что они показали нам? Он — Коронованный! На колени!

— Коронованный? — не поверила Лизамона.

Валентайн вытянул руку успокаивающим жестом. Они боялись того, что изобразили метаморфы, они боялись его.

Он и сам испытал страх, но теперь к нему возвращалась уверенность, а вместе с нею и незнакомая сила, дающая право повелевать. Он словно бы получил сигнал с небес — о том, что он лорд Валентайн, что был Коронованным, что Горный Замок — его владение, что он вернется туда, если будет за это сражаться.

В него вдруг хлынула страсть к власти.

Даже здесь, в этой дождливой и такой далекой от центра стране, в ее городе, похожем на деревню, здесь, одетый в грубую одежду странствующего жонглера, Валентайн почувствовал себя тем, кем был когда-то; и хотя он не совсем еще понимал, какая метаморфоза произошла с ним, он больше не сомневался в реальности посланий, пришедших во время сна. И он принимал знаки почести, как и подобает Коронованному.

— Встаньте, — повелел он.— Все встаньте! Нам нужно уезжать отсюда. Шанамир, иди запрягать животных. Залзан Кавол, готовь фургон. Всем вооружиться энергометами, ножами — чем угодно. Проследи за этим, Слит.

Залзан Кавол отважился на ответ.

— Милорд, во всем этом привкус сна. Подумать только, я все это время путешествовал с... Я грубо разговаривал...

— Сейчас нет времени говорить об этом, — оборвал его Валентайн.

Он повернулся к великанше, бормочущей что-то про себя. Руки ее тоже не могли остановиться. Валентайн не мог уже сдерживать свою властность.

— Ты нанималась только довести нас до Илиривойна. Но сегодня нам нужна будет вся твоя сила. Ты останешься с нами?

— Они показывали тебе знак сверкающей звезды... — бормотала Лизамона.— Они все встали на колени перед тобой...

— Я был недавно лордом Валентайном из Горного Замка, — сказал он, останавливая ее бормотание.— Поверь этому как можно скорее. Королевство попало в опасные руки. Останься со мной, женщина-воин, когда я поеду на восток страны восстанавливать справедливость.

Лизамона прижала громадную руку ко рту и ошеломленно смотрела на Валентайна. Потом что-то заставило ее склонить сначала голову, потом и спину в поклоне, но он схватил ее за локоть и не дал опуститься на колени.

— Сейчас этого не нужно, — крикнул он.— Пошли отсюда!

Жонглеры быстро собрали свой инвентарь и поспешили к фургону, который находился на другом конце города. Шанамир и Карабелла ушли вперед, скандары шагали шеренгой, земля дрожала от их дружной поступи. Валентайн ни разу не видел, чтобы они шли так споро, он и Слит буквально бежали за ними. Кривоногий медлительный Виноркис изо всех сил старался не отстать. Позади топала ножищами великанша. Она подхватила Делиамбера под мышку, в правой ее руке был обнаженный меч.

Когда они приближались к фургону, Слит спросил:

— Мы освободим пленника?

— Да! — коротко ответил Валентайн.

Он остановился и дал знак Лизамоне следовать за ним. Она отпустила карлика Делиамбера и пошла за Валентайном.

Втроем, он, Слит и Лизамона, побежали к площади. К их радости она была пуста, только группка стражников дежурила у клеток. Все три яруса были на месте. На самом верху стояла клетка с синекожим пришельцем. Не дав стражникам опомниться, великанша схватила сразу двоих и, раскружив, швырнула их далеко на площадь.

— Не убивай, — предупредил воительницу Валентайн.

Слит с ловкостью обезьяны вскарабкался на самый верх и острым ножом начал резать толстые деревянные прутья клетки. На это ушло не более пяти-шести минут. Клетка открылась.

Чужак выбрался из нее и начал растирать затекшие ноги. Потом вопросительно поднял глаза на своих освободителей.

— Пойдешь с нами, — сказал Валентайн, — наш фургон недалеко за площадью. Ты понял, что я сказал?

— Я понял, — ответил чужак.

Голос его был звучным, с резким щелканьем на каждом слоге. Ничего не сказав больше, он спрыгнул на землю; Лизамона укладывала остальных, оглушенных ею метаморфов, в небольшой штабель.

Валентайн достал свой нож и стал резать прутья на ближайшей клетке с лесными братьями. Маленькие руки ухватились за надрезанное дерево и помогли ему.

Сверху спрыгнул Слит и взялся за следующую клетку. Через несколько минут все клетки были открыты, лесные братья кинулись из них в темноту.

На пути к фургону Слит спроси́л:

— Зачем ты это сделал?

— А ты поступил бы иначе? — ответил Валентайн.— Они тоже хотят жить.

Фургон был готов к отъезду. Последней подошла Лизамона. Она захлопнула за собой дверь, Залзан Кавол погнал животных.

И как раз вовремя: с дюжину метаморфов, появившихся у клеток и понявших, что случилось, бросились вдогонку. Залзан Кавол прибавил скорости.

Преследователи отстали, темнота скрыла их. Фургон въехал в джунгли.

И все равно Слит оглядывался и оглядывался.

— Они должны непременно преследовать нас! — повторял он.

— Не догонят, — успокаивала его Лизамона.— Они не знают повозок. Мы уже в безопасности.

— Мне бы твою уверенность, — не доверял великанше Слит.— А что если они обойдут нас и перехватят где-то впереди?

— Да что ты трясешься, как заяц! Мы едем достаточно быстро.

И все-таки ее передернуло.

— Упаси нас боже, чтобы мы еще хоть раз попали в Илириволн!

Все замолчали, прислушиваясь к звукам, окружавшим их.

Валентайн сидел в отдалении ото всех. Это было уже неизбежно; его огорчала новая ситуация, но ничего здесь поделать было нельзя, хотя он и терял друзей. Карабелла и Слит, узнавшие его тайну от него, держали ее в секрете. Делиамбер сумел проникнуть в тайник раньше него, но не показал виду об истинном лице бродяги. Но вот остальные... Разоблачение, совершенное метаморфом, ошеломило их. Они сейчас сидели в застывших позах, молча и почтительно смотрели на него — они боялись шевельнуться!

Как полагается вести себя в присутствии правителя Маджипуры? Может быть, надо все время держать перед собой знак сверкающей звезды?

Валентайну этот знак вообще казался абсурдным — растопыренные пальцы и ничего больше.

Растущее чувство собственной значимости, видимо, не включало в себя сомнений.

Чужак назвал себя Коном из Кайнимора, относительно близкой к Маджипуре планеты. Страх и гнев все еще не оставили его, что было видно по крепко сжатому рту; губы его время от времени шевелились, не давая выхода каким-то словам. Впрочем, стоит ли прикладывать человеческие мерки к иноземцу — возмож-

но, на своей планете Кон и сейчас был бы признан образцом спокойствия.

Инопланетянин прилетел на Маджипуру по делу два года назад. Это была, сказал он с горечью, величайшая его ошибка: он растратил на маджипурские развлечения все деньги, по глупости попал в Зимроель, не ведая, что на этом континенте нет ни одного космопорта, откуда он мог бы отправиться к себе домой, зашел на территорию метаморфов, где его сразу же зацапали и, даже не расспросив ни о чем, посадили в клетку. Его ожидала страшная смерть в один из дней фестиваля...

— Может быть, это и к лучшему, — горько заключил свой рассказ пришелец.— Один удар — и тебя нет, конец всем приключениям. Я устал от Маджипуры. Если мне суждено умереть здесь, то уж лучше сразу.

— Тебе придется простить нас за то, что мы тебя освободили, — съязвила Карабелла.

— Нет, я не хочу быть неблагодарным, — вздохнул Кон, — только...— Он сделал паузу.— Мне тяжело здесь, и на Кайниморе тоже. Есть ли во Вселенной место, где жизнь не означает страдание?

— А чем она плоха? — снова вмешалась Карабелла.— Мы, например, находим ее вполне терпимой. По-моему, самая скверная жизнь лучше самой хорошей смерти.

Она весело рассмеялась.

— Ты всегда такой мрачный?

Чужак снова вздохнул.

— Если ты счастлива, то я могу тебе только позавидовать. Я нахожу свое существование очень тяжелым, а жизнь — бессмысленной. Но это слишком темные мысли для того, кто только что избавился от неминуемой смерти. Я благодарен вам за помощь. Кто вы и как попали в Пьюрифайн? Куда мы сейчас едем?

— Мы жонглеры, — коротко объяснил Валентайн и обвел всех предупреждающим взглядом.— Мы приехали в эту провинцию выступать, зарабатывать деньги. Если нам удастся удрать отсюда, поедем в Ни-мою, а оттуда вниз по реке в Пилиплок.

— А из Пилиплока?

Валентайн сделал неопределенный жест.

— Кое-кто из нас хочет совершить паломничество на Остров Снов. Ты слыхал о нем? Куда поедут другие, я не могу сказать.

— Мне нужно добраться до Альханроеля, — сказал в свою очередь Кон.— Там моя единственная надежда попасть домой. Может быть, в Пилиплоке я сумею устроить переезд через море. Возьмете меня с собой?

— Конечно.

— Но у меня нет денег.

— Это не имеет значения, — за всех сказал Валентайн.

Фургон катил быстро. Никто не спал, разве что ненадолго задремывал. Снова пошел дождь. В гуще леса опасность могла подстерегать их где угодно, но пока все шло благополучно.

Задремал и Валентайн. Он очнулся, когда почувствовал, что

перед ним кто-то стоит. Виноркис дышал тяжело, будто только что бежал, его трясло.

— Милорд, — тихо звал он, — милорд...

Валентайн кивнул хьерту, приглашая к разговору.

— Ты расстр-о-ен, Виноркис.

— Милорд, могу ли я признаться... могу ли я сказать, что...

Открыл глаза Слит и уставился на тяжело дышавшего хьерта. Валентайн жестом приказал тому отвернуться.

— Милорд, — начал Виноркис, — еще в Пидруде ко мне подошел человек и сказал, что в гостинице остановился высокий блондин, иностранец, который подозревается в том, что совершил страшное преступление. Этот человек предложил мне целый кошелек крон за то, чтобы я держался ближе к вам, куда бы вы ни пошли, и сообщал обо всем, что вы делаете, имперским прокураторам.

— Так ты шпион? — рявкнул Слит. Он все слышал.

— Кто этот человек, что нанял тебя? — спокойно спросил Валентайн.

— Кто-то из службы Коронованного, судя по одежде. Имени его я не знаю.

— И ты докладывал ему о моих действиях?

— Да, милорд.— Виноркис перешел на шепот.— В каждом городе. Через некоторое время я перестал думать, что ты преступник, потому что преступники не бывают ни вежливыми, ни ласковыми, как ты, у тебя добрая душа... но я уже взял те деньги, и мне давали каждый раз еще...

— Позволь мне прикончить его! — крикнул Слит.

— Убийства не будет, — остановил его Валентайн, — ни сейчас, ни позже.

— Но он опасен, милорд!

— Теперь уже нет.

— Я никогда не доверял ему, — возбужденно говорил Слит, — и Карабелла, и Делиамбер. Не оттого, что он хьерт, а из-за того, что он все вынюхивал, все выспрашивал — он отовсюду тянул информацию!

— Я прошу простить меня, — жалобно стонал хьерт, — я же не знал, кого предаю, милорд.

— Ты веришь ему? — спросил Слит.

— Да, — ответил Валентайн.— Не только он не знал, кто я, я и сам не знал. За что его наказывать? Ему было велено следить за блондином и информировать о его действиях правительство. В чем его преступление? Он был уверен, что служит Коронованному. За лояльность не убивают, Слит.

— Милорд, ты иногда кажешься мне слишком наивным, — пробурчал Слит.

— Может быть. Но не в этом случае. Мы выиграем, простив его, и проиграем, если убьем.

Валентайн обратился к хьерту:

— Я прощаю тебя, Виноркис. Хочу только, чтобы ты был предан истинному Коронованному так же, как ты был предан фальшивому.

— Клянусь в этом, милорд!

— Хорошо. Теперь иди спать и не бойся ничего.

Виноркис изобразил дрожащими руками знак сверкающей звезды, попятился и сел в дальнем углу фургона рядом с двумя скандарами.

— Ты излишне добр, милорд. Что если он будет по-прежнему шпионить? — не унимался Слит.

— Кому он будет носить информацию обо мне в джунглях?

— Но ведь мы же скоро выберемся отсюда!

— Я думаю, ему можно верить,— Валентайн размышлял вслух. — Понимаю: его признание могло быть и хитростью — чтобы усыпить любые подозрения. Вот что я решил: ты будешь приглядывать за Виноркисом, когда мы вернемся в цивилизованный мир. Можно сделать его полезным для нас.

— Как, милорд?

— Шпион приведет нас к его начальству. Пусть он поддерживает контакт с имперскими чиновниками.

Слит оскалился.

— Я понял, милорд! Мы так и сделаем.

Валентайн тоже улыбнулся и оба замолчали.

Он думал сейчас, что признание Виноркиса много ему дало: если Коронованный платит большие деньги за слежку за каким-то бродягой, значит, этот бродяга чего-то стоит! Исповедь шпиона еще раз подтверждала то, что он успел узнать. Видимо, для пересадки его в чужое тело использовалась не совершенная техника, заговорщики не знали, насколько опустошен его мозг, и отрядили шпиона следить за каждым шагом новоявленного бродяги.

Рядом с ним был шпион, вероятно, он не один, возможна еще и угроза его немедленного уничтожения, если теперешний Коронованный узнает, что к Валентайну возвращается память. Как бы выяснить, кто еще шпионит за ним — насколько тщательно ведется слежка, где он снова встретится с нею на пути в Альханроель?

За окном фургона была темная ненастная ночь.

Делиамбер и Лизамона совещались и даже спорили с Залзаном Каволом насчет дороги. Дело в том, что второе поселение метаморфов — в Авандройл находилось где-то к юго-востоку от Илиривойна, в долине между двумя высокими горами, дорога, по которой они ехали, похоже, вела туда. Вряд ли было разумным попадать из огня в полымя.

И в Авандройл почти наверняка дошла уже весть о жонглерах, вмешавшихся в жизнь метаморфов.

Еще опаснее было очутиться у Пьюрифайнского фонтана.

Валентайн не спал, в который раз видя фокус метаморфа с двумя лицами. Эта сцена походила на сон, но не была сном. Валентайн стоял от аборигена так близко, что мог бы дотронуться до лица своего двойника, он различал каждую его черточку. Метаморфы знали о нем больше, чем он сам! Может, они читают в глубине человека, как это делает иногда Делиамбер?

А что они почувствовали, когда поняли, что среди них находится свергнутый Коронованный? Нет, только не страх

и благоговение. Коронованные для них мало что значили, они были лишь символом падения их расы тысячу лет назад. Их, наверно, развлекало то, что наследник лорда Стиамота жонглирует булавами на их фестивале.

Коронованный — не грозный владыка Горного Замка, а презренный циркач, приехавший в их лесное поселение!

Как все это странно, думал Валентайн, и как похоже на сон!

К утру они увидели высокие горы с широким перевалом между двумя пиками.

Авандройл был, по-видимому, уже недалеко; Залзан Кавол, почтительно наклонив голову, подошел посоветоваться с Валентайном о дальнейших их действиях — остаться ли на весь день в лесу и попытаться пересечь селение ночью, или рискнуть проехать через него днем?

Валентайн должен был освоиться с лидерством. Он задумался, стараясь не потерять лица.

— Если мы поедем днем, то привлечем к себе всеобщее внимание. В то же время мы не имеем права тратить весь день на ожидание ночи — они успеют приготовиться к нападению.

— Ночью, — подсказал Слит, — и в Илиривойне, и здесь наверняка будет продолжаться фестиваль. Пока они развлекаются, мы успеем прошмыгнуть; днем у нас нет ни одного шанса.

— Он говорит верно, — подала голос Лизамона.

Валентайн оглядел всех.

— А ты что думаешь, Карабелла?

— Ты был прав: если мы дадим им время, они успеют подготовиться. Я за то, чтобы ехать сейчас.

— Делиамбер?

Урун аккуратно сложил вместе кончики щупальцев.

— Ехать! Вокруг Авандройла и назад к Вирфу. Там, конечно, есть еще одна дорога из Авандройла к фонтану.

— Решено, — объявил Валентайн.— Я выбираю вариант Карабеллы и Делиамбера. Что ты скажешь? — обратился он к скандару.

Тот был хмур.

— Если бы колдун мог перенести наш фургон по воздуху, вопрос был бы решен. А так — надо ехать немедля.

— Решено! — повторил Валентайн, как если бы это было только его слово.— Когда доберемся до Авандройла, пошлем разведчиков поискать обходную дорогу.

Фургон тронулся. Дождь на какое-то время прекратился, а когда полил снова, то был уже тропическим ливнем.

Капли устроили пляску на крыше фургона. Валентайна приветствовал этот дождь. Может, метаморфы будут сидеть по домам и не заметят их.

Показались окраины города — разбросанные по низине плетеные хижины.

Дорога все время разветвлялась. Каждый раз колдуну приходилось угадывать, куда свернуть. Не доезжая до Авандройла они остановились. Лизамона и Слит пошли на разведку. Через

час вернулись с хорошими вестями: одна из двух дорог ведет прямо к центру Авандройла, где полным ходом идут приготовления к фестивалю, другая обходит город с севера и тянется к дальним склонам гор.

Северная дорога без всяких инцидентов провела их мимо Авандройла.

Ближе к вечеру, миновав горный перевал, они спустились в широкую, густо заросшую лесом равнину, так же, как все здесь, промоченную дождем — она была западной границей метаморфской территории. Залзан Кавол гнал и гнал фургон, останавливая его на короткое время по просьбе Шанамира, с жаром доказывавшего ему, что животным необходим отдых и хоть какой-то корм. Скандар соглашался неохотно, считая, что искусственным животинам все нипочем. У него была навязчивая идея поскорей удрать из Пьюрифайна.

Уже в сумерках, когда они тряслись на ухабистой дороге, размытой непрерывным дождем, случилась беда.

Валентайн сидел в средней части салона вместе с Делиамбером и Карабеллой, Хейрод Кавол и Гейбор Херн правили, остальные спали. Вдруг впереди раздался грохот, фургон резко остановился.

— Дерево упало! — крикнул спереди Хейрод.— Дорога перегорожена!

Залзан Кавол пробормотал проклятие и разбудил Лизамону. Валентайн выглянул, но ничего не увидел — всюду была только зелень. Крона какого-то лесного гиганта полностью заблокировала дорогу. Нужны были дни, чтобы справиться с нею. Скандары с энергометами в руках вышли из фургона. Валентайн спрыгнул за ними. Темнело прямо на глазах. В лицо бил резкий ветер, струи дождя неслись почти горизонтально.

— Примемся за работу, — скомандовал своим Залзан Кавол. Он досадливо качал головой.— Тилкар, начинай рубить здесь. А ты, Говорн, возьми на себя боковые ветви.

— А что если мы чуть вернемся и поищем другую дорогу? — предложил Валентайн.

Скандар в недоумении почесал голову: почему и он не додумался до такой простой мысли? Он немного помялся и проворчал наконец:

— Да. Это, конечно, имеет смысл. Если...

Второе дерево, еще больше первого, упало в сотне ярдов позади фургона. Они были в западне.

Валентайн опомнился первым.

— Все в фургон! — крикнул он.— Это засада!

Но было поздно. Из зелени леса выскочила целая толпа метаморфов и кинулась к ним. Залзан Кавол зарычал и открыл огонь из энергомета. Два метаморфа упали, одежда на них горела.

В то же время Хейрод Кавол вскрикнул и повалился — боевое копье пронзило его шею. Свалился наземь и Тилкар, которому копье попало в грудь.

Внезапно вспыхнула задняя часть фургона. Те, что были еще внутри, стали из него выпрыгивать. Первой выскочила Лизамона с готовым к бою вибромечом. На Валентайна напал метаморф с его

же искаженным злобой лицом. Валентайн отшвырнул его пинком, а ударом дубинки оглушил. Другого нападающего он встретил ножом. Как это было странно для него — воткнуть нож в живое существо. Он зачарованно смотрел, как из чужого тела хлынула бронзового цвета жидкость.

Метаморф-Валентайн пришел в себя и напал снова, нацелившись длинными когтями в лицо. Он увернулся и снова послал нож в тело противника. Метаморф качнулся, повалился назад, хватаясь за грудь, где только что был нож. А Валентайн уже повернулся к следующему нападавшему.

Сражаться и убивать было для него новым делом, и оно было не по сердцу. Но вести себя иначе в этой обстановке означало погибнуть самому. И он защищался и бил. Насмерть.

Сзади крикнула Карабелла:

— Ты в порядке?

— Держусь! — ответил он.

Залзан Кавол, увидав свой фургон в огне, рассвирепел, схватил первого попавшегося метаморфа и швырнул его в огонь. На него бросились сразу двое, но подоспел еще один скандар и сломал обоих могучими руками. В груде сцепившихся тел Валентайн увидел, как на Карабеллу бросился высокий метаморф. Она свалила его и прижала к земле сильными руками спортсменки. Подскочил Слит и сапогами добил врага.

Фургон горел. Метаморфов добавлялось, им, казалось, не будет конца. Ночь становилась все темнее, усиливался дождь, но их уютный экипаж пылал все сильнее.

Когда жар усилился, центр схватки переместился ближе к лесу, и драться стало труднее, потому что почти невозможно было отличить своих от чужих. Метаморфы принимали их облик! И Залзан Кавол, оторопев, смотрел на Залзана Кавола, приближавшегося к нему, а Карабелла смотрела на еще одну Карабеллу.

Правда, ярость боя не давала метаморфам возможности надолго удерживать чужой облик — они снова становились сами собой.

Валентайн сражался отчаянно. Он был мокрый от собственного пота и чужой крови, сердце выпрыгивало из груди. Но он пробивался сквозь толпу врагов с такой неукротимостью, какая удивляла его самого. Удар ножом... Еще удар...

Метаморфы были вооружены примитивно и несмотря на то, что их было больше, ряды их скоро поредели. Лизамона своим мечом косила их, как траву. Уцелевшие скандары жгли энергозарядами, жгли как врагов, так и деревья вокруг. Слит метался, как бешеный, сшибая наземь то одного, то другого метаморфа, мстя им за давнюю свою боль. Дрались вместе со всеми Кон и Виноркис.

Сражение кончилось так же внезапно, как началось. Метаморфы вдруг все исчезли в лесу, оставив множество трупов. Между ними лежали два убитых скандара. У Лизамоны была кровоточащая, но нестрашная рана на бедре. У Слита в клочья разорвали куртку, он получил несколько мелких порезов. Шанамир отделался царапинами на щеке.

Валентайн ощупал руки и тело — ничего, кроме ушибов и царапин. И страшной усталости. А где же Делиамбер?

Колдуна нигде не было.

Встревоженный Валентайн повернулся к Карабелле, тоже ощупывающей тело.

— Урун остался в фургоне?

— Нет, мы все выскочили, когда он загорелся.

Озабоченный Валентайн еще раз оглядел дорогу. Слышался треск пожара и шум дождя.

— Делиамбер! — на всю ночь закричал Валентайн.— Делиамбер, где ты?

— Я здесь, — ответил голос сверху.

Валентайн поднял голову и увидел маленького уруна, уцепившегося за сук дерева в футах пятнадцати над землей.

— Война не входит в мои таланты, — крикнул он. Отпустил сук и упал прямо в руки Лизамоне.

— Что нам делать теперь? — задала вопрос Карабелла.

Валентайн понял, что спрашивает она его. Сейчас он здесь главный. Залзан Кавол, стоящий на коленях возле убитых братьев, неподалеку от сгоревшего фургона, был не в счет.

Валентайн выпрямился.

— У нас только один путь — через лес. Если мы пойдем по дороге, опять встретимся с метаморфами. Шанамир, что с животными?

— Мертвые.— Мальчик всхлипнул.— Все до единого...

— Придется идти пешком. Сколь долго — не знаю. Делиамбер, как ты думаешь, далеко до реки Стейч?

— Должно быть, несколько дней пути. Но я не знаю точного направления.

— Будем идти вниз и вниз, — сказал Слит.— Реки пока еще не текут в гору. Пойдем на восток и дойдем, вот увидите.

— Если на нашем пути не встанут горы, — заметил Делиамбер.

— Мы отыщем реку, — твердо сказал Валентайн.— Стейч впадает в Зимр у Ни-мои, так ведь?

— Так, — Делиамбер замялся.— Но течение у этой реки такое...

— Придется рискнуть. Построим в конце концов плот... Пошли! Нам нельзя здесь задерживаться!

Фургон сгорел полностью со всем, что в нем было — одеждой, едой, жонглерским снаряжением.

Для Валентайна это была небольшая потеря, но для других, особенно для скандаров — настоящая беда. Фургон долгое время был их домом.

Очень трудно было увести скандара с места побоища. Он как бы врос в землю рядом с трупами братьев и скелетом фургона. Валентайн еле уговорил его подняться. Метаморфы могут вернуться с подкреплением и тогда они пропали.

Они наспех вырыли в мягкой земле могилы и положили туда тела Тилкара и Хейрода. Затем в сгустившейся тьме, под проливным дождем двинулись в восточном, как они думали, направлении.

Больше часа они шагали в полной темноте. В конце концов

пришлось остановиться и чуть отдохнуть, тесно прижавшись ради тепла друг к другу.

С первыми лучами солнца путешественники, иззябшие, измученные бессонной ночью, снова были на ногах.

Дождь наконец кончился. Лес, казавшийся ночью непроходимым, сейчас открыл проходы; правда, всюду на пути им встречались ручьи, вышедшие из берегов, но идти было можно. Карабелла все-таки поскользнулась и свалилась в быструю воду, но могучая Лизамона выхватила ее из ручья. Поплыл было и Шанамир, неудачно прыгнувший через ручей, этого спас Кон.

Так они шли до полудня, останавливаясь только для того, чтобы собрать горсть-другую ягод. В полдень устроили отдых, без которого было невозможно идти дальше.

Так прошли двое суток.

На третьи Слит, шедший впереди, вдруг остановился и крикнул:

— Смотрите!

Перед ними стояла целая роща деревьев двикки с висевшими на ветках огромными плодами.

— Еда! — завопил Залзан Кавол.

— Еда, — подтвердила Лизамона, — но эта еда священная для лесных братьев. Будь осторожен.

Изголодавшийся за время путешествия по лесу скандар уже собирался срубить огнеметом один из плодов, как Валентайн крикнул:

— Не смей! Убери огнемет!

Залзан Кавол подчинился неохотно, сказывалась его привычка командовать во всякой ситуации, какая только могла встретиться.

— Смотри, — показал Валентайн.

За каждым деревом рощи пряталась небольшая группа лесных братьев, вооруженных смертоносными трубочками.

Увидев, что лесные братья окружают их, Валентайн на какой-то миг почувствовал такую усталость, что возжелал только быстрой смерти. Но только на миг. Взял себя в руки и сказал Лизамоне:

— Спроси у них, не дадут ли они нам своей еды и не проводят ли нас. Если они потребуют плату, мы можем пожонглировать чем-нибудь.

Женщина-воин — великан по сравнению с лесными братьями — начала с ними переговоры. Вернулась она, улыбаясь во весь рот.

— Они знают, что мы освободили их братьев в Илиривойне!

— Мы спасены! — закричал, прыгая от радости, Шанамир.

— Оказывается, в лесу новости распространяются, как по телеграфу, — проронил Валентайн.

— Мы их дорогие гости, — продолжала Лизамона.— Они и накормят нас, и проводят куда надо.

В эту ночь путники досыта наелись плодами дерева двикки и другими лесными деликатесами. После памятного боя они впервые вздохнули свободно. Лесные братья даже станцевали в их честь: обезьяньи прыжки, сопровождаемые верещанием, а Слит, Карабелла и Валентайн ответили им небольшим сеансом жонглирования камешками и кусочками дерева.

А после пиршества все спокойно заснули.

Валентайн во сне летал — он увидел себя парящим над Горным Замком.

Поутру отряд лесных братьев проводил их до реки Стейч — путешествие заняло три часа. Там поредевшая труппа жонглеров распрощалась с хозяевами леса.

Река испугала их.

Широкая, хотя и не такая, как могучий Зимр, она неслась на север с сумасшедшей скоростью, время от времени разрушая силою воды каменное ложе и поднимая огромные камни на поверхность. Плюс к этому она была порожиста.

Сооружение плотов заняло почти два дня.

Они рубили молодые деревья, росшие на берегу, срубали ножами ветки и связывали лианами. Плоты получились прочные, что было главным в переправе через эту реку.

Потом разместились: четыре скандара на одном плоту, Кон, Виноркис, Слит и Лизамона на другом, на третьем были Валентайн, Шанамир, Карабелла и Делиамбер.

— Река нас, очевидно, разъединит, — сказал Слит, — давайте договоримся, где встретиться.

Ответил всезнающий Делиамбер.

— Стейч и Зимр сходятся в месте, называемом Ниссиморн. Там находится широкая бухта с песчаными дном и берегами. Я думаю, лучшее место встречи там.

Все согласились.

Валентайн обрезал лиану, удерживавшую плот у берега, и он понесся по реке.

Первый день прошел без приключений. Им встретились пороги, но плотоводы сумели обойти их. Карабелла, оказывается, ладила и с рулевым веслом, ловко маневрируя по страшной реке.

На второй день плоты стали отдаляться друг от друга. Валентайн с его компанией попали на быстрину и обогнали остальных, да так, что потеряли их из виду.

В душах путешественников стала нарастать тревога, которой становилось все больше, когда они увидели впереди белую пену на порогах.

К концу второго дня плавание стало еще труднее — река увеличила скорость течения. Валентайн забеспокоился: не ждут ли их еще и водопады. Они совершенно не знали, что собой представляет река впереди, и плыли вслепую. Оставалось лишь верить в удачу, но с ними ли она? Доведет ли она их до Ни-мои?

А после Ни-мои? На речном судне до Пилиплока, а там корабль паломников, идущий на Остров... Он добьется встречи с Леди, добьется! И будет требовать, чтобы ему вернули трон Коронованного! Но как он может требовать его, если его лицо не похоже на лицо лорда Валентайна, законного правителя? Как он будет требовать, какие приведет доводы? Он не видел их. Может быть, лучше остаться в лесу с теми, кого он успел полюбить. Они признали в нем руководителя, согласились с предложенной им его высотой... Но в этом мире миллиарды жителей, в гигантской

империи гиганты-города, они лежат вон там за горизонтом... Как он сможет убедить всех, что он, Валентайн-жонглер, на самом деле был...

Нет, это глупо. Ни разу, с тех пор, как он появился в Пидруде, лишенный памяти и прошлого, он не чувствовал в себе потребности править людьми. Если он и начал командовать этой маленькой группой, то, скорее, по упущению Залзана Кавола, чем по собственному желанию. Однако, он повелевал — пусть мягко, пусть на ощупь.

Так и будет, когда они пойдут через всю Маджипуру. Он будет делать то, что покажется правильным и нужным. Возможно, Леди станет направлять его, возможно, в один из дней он очутится в Горном Замке... Чего ему бояться?

Как постепенно и как неотвратимо разворачивается перед ним его будущее, начиная с Пидруда...

— Валентайн! — закричала Карабелла.

У реки впереди плота как бы выросли вдруг огромные зубы — повсюду торчали камни, водовороты закручивали воду в штопор; впереди наверняка был крутой спуск, где Стейч прыгал вниз, в пустоту, чтобы разлиться в долине, лежащей далеко отсюда. Валентайн схватился за шест, но его вырвало из рук. Тут же послышался треск — это плот ударился о камень. Он развернулся, лианы разорвались и бревна разъехались. Валентайна швырнуло в холодный поток, понесло, как щепку. Он успел только схватить за руку Карабеллу, но вода вырвала ее, а его накрыла зеленой волной.

Он с трудом вынырнул, поднял голову над водой. Ни плота, ни людей.

— Карабелла! — закричал он.— Шанамир! Делиамбер!

Он кричал, пока не охрип, но из-за грохота воды его голоса не было слышно. Ощущение потери близких ему людей заледенило мозг. Неужели все они погибли? Его возлюбленная, дерзкий и ловкий мальчишка Шанамир и хитроумный колдун — неужели их больше нет? Не может быть!

Эта последняя беда была хуже, чем та, все еще не совсем реальная: лишение его трона. Здесь дорогие его сердцу существа из плоти и крови, а там — призрачные титул и власть. Валентайн еще раз попробовал кричать, но не услышал в ответ ни звука.

Он попытался уцепиться за пороги, чтобы хотя бы оглядеться, но вода смывала его с них, а поднятые со дна камни изранили его руки. Избитый до крови, парализованный ужасом случившегося, он отдался течению и его понесло вниз по гигантской лестнице, по которой река сбегала в долину. Он прижал колени к груди, а руками прикрыл голову и игрушкой воды покатился вниз.

Сила реки потрясала. Итак, кончились его приключения, приключения бывшего Коронованного, а затем бродячего жонглера. Его разнесут на куски равнодушные к судьбе человека силы природы. Он поручил себя Леди, которую считал матерью, и закувыркался в потоке воды, ударяясь обо что-то, каждый раз думая, что пришел конец, вот получил удар по ребрам, перехвативший дыхание, потерял на какое-то время сознание, потому что не чувствовал больше боли...

Все-таки очнулся и понял, что лежит на галечной мели и вода спокойно обтекает его. Застонал, пошевелился. Болело все — мышцы, голова, даже кости. Кроме того, казалось, тело было пропитано водой. Стало холодно, его затрясло. Он поднял голову. Вокруг никого, он один под безоблачным небом, вдали от цивилизации, от людей — его друзья, скорее всего, лежат мертвыми на камнях.

Но он жив. Да, жив. Избитый, беспомощный, потерявший все — но живой.

Его приключения не кончились.

Медленно, прилагая невероятные усилия, Валентайн поднялся на ноги и поплелся подальше от реки. Поднялся на невысокую скалу, непослушными пальцами стащил с себя одежду и растянулся обсыхать на теплом камне, под ласковым солнцем. Он не спускал глаз с реки, все еще надеясь увидеть Карабеллу или Шанамира.

Но никого не было в реке. Он уверял себя, что это еще не конец, что они еще могут быть живы.

Их могло выбросить на берег ниже по течению.

Валентайн решил побыть здесь некоторое время, а после отправиться на поиски своих.

Если же не найдет их, то отправится вниз по реке к Ни-мое и Пилиплоку, к Острову и Леди, а там еще дальше — к Горе и Замку и, если понадобится, хоть к черту на рога.

Вперед, вперед, вперед...

ОСТРОВ СНОВ

Валентайну казалось, что он долгие месяцы и годы лежит голым на теплой плоской скале в каменистой бухте, куда выбросила его неуправляемая река Стейч. Солнечные лучи обволакивали его туманным золотым нимбом, и он говорил себе, что его синяки, ушибы и ссадины подлечатся, если долго так лежать. Он смутно сознавал, что надо было встать, позаботиться о крове и начать искать своих спутников, но у него едва хватило сил повернуться с одного бока на другой. Он понимал, что Коронованный Маджипуры не должен вести себя таким образом. Такое снисхождение к своим слабостям простительно купцу, хозяину таверны или даже жонглеру, но не тому, кто претендует на власть: тут требуется жесткая дисциплина. Он сказал себе, что поэтому он сейчас встанет, оденется и пойдет на север по берегу, пока не дойдет до тех, кто сможет помочь ему вернуть его утерянное положение.

Вставай, Валентайн! Однако он оставался на месте. Коронованный он или нет, он растерял всю свою энергию, пробираясь через пороги. Лежа здесь, он сознавал, насколько безмерна Маджипура, раскинувшаяся на многие тысячи миль, планета достаточно большая, чтобы на ней могли удобно жить двадцать миллиардов жителей, планета с громадными городами и удивительными парками, лесными заповедниками, святыми местами, полями, и ему казалось, что если он все-таки встанет, ему придется покрыть все это колоссальное расстояние пешком, шагая и шагая. Похоже, что проще остаться здесь.

Что-то слегка, но настойчиво пощекотало ему спину. Он не обратил на это внимания.

— Валентайн!

Он и тут не откликнулся.

Щекотание возобновилось. И только тогда его отупевший от усталости мозг осознал, что кто-то назвал его имя.

Значит, кто-то из его спутников все-таки жив. Душу затопила радость.

Собрав остатки энергии, он поднял голову и увидел крошечную фигурку стоявшего перед ним Делиамбера. Урунский колдун собирался тронуть его в третий раз.

— Ты жив? — вскричал Валентайн.

— По-видимому. Ты более или менее тоже.

— А Карабелла? Шанамир?

— Я их не видел.

— Вот чего я боялся, — тупо пробормотал Валентайн.

Он закрыл глаза, и на него снова навалилось отчаяние.

— Пойдем, — сказал Делиамбер.— Нам предстоит долгое путешествие.

— Я знаю, поэтому и не хочу вставать.

— Ты ранен?

— Не думаю. Но я хочу отдохнуть, Делиамбер.

Щупальца колдуна прикоснулись к телу Валентайна во многих местах.

— Серьезных повреждений нет, — пробормотал урун.— Тело в основном в порядке.

— Но многое — нет, — невнятно прошептал Валентайн.— А как ты?

— Уруны хорошие пловцы, даже такие старые, как я. Я невредим. Мы пойдем дальше, Валентайн.

— Позже.

— Вот, значит, как Коронованный...

— Нет, — сказал Валентайн.— Коронованный Маджипуры не пустился бы по порогам Стейча на связанном лианами плоту. Коронованный не шлялся бы по диким местам много дней, не спал бы под дождем и не питался бы одними ягодами да орехами. Коронованный...

— Коронованный не позволил бы себе показаться перед придворными в состоянии отупения и вялости, — резко сказал Делиамбер.— А один из придворных уже идет сюда.

Валентайн заморгал и сел. Широким шагом к ним шла Лизамона Халтин. Она была не в лучшем виде — одежда в лохмотьях, гигантское тело покрыто синяками, но шагала уверенно. И голос ее, когда она окликнула их, звучал, как всегда.

— Эй! Вы живы?

— Думаю, что да, — ответил Валентайн.— Ты видела кого-нибудь из наших?

— В полумиле отсюда Карабелла и мальчик.

Валентайн воспрянул духом.

— С ними все в порядке?

— С ней, во всяком случае.

— А с Шанамиром?

— Он не хочет просыпаться. Она послала меня за колдуном. Я нашла его скорее, чем предполагала. Фу, ну и река! Этот плот унесся так быстро, что...

Валентайн потянулся за одеждой.

Она была еще мокрой. И он снова кинул ее на камни.

— Мы сейчас же пойдем к Шанамиру. Ты ничего не знаешь об остальных?

— Я их не видела. Я упала в воду, а когда выплыла, никого не было.

— А скандары?

— Вообще никаких признаков. Колдун, как по-твоему, где мы?

— Далеко, — ответил урун.— Во всяком случае, от метаморфских банд. Давай веди нас к мальчику.

Лизамона посадила Делиамбера на плечо и пошла назад по берегу, а Валентайн вяло ковылял сзади, перекинув влажную одежду через руку. Спустя какое-то время они дошли до Карабеллы и Шанамира, которые устроились в маленькой бухте с ярким белым песком, а вокруг рос речной тростник с толстыми ярко-красными стеблями. Карабеллу, уставшую, в одной кожаной юбке, силы не совсем покинули. Шанамир же был без сознания, дышал слабо и медленно, и его кожа имела странный темный оттенок.

— О, Валентайн! — вскрикнула Карабелла, бросившись к нему.

— Я видела, как тебя унесло, а потом... О, я думала, что никогда больше не увижу тебя!

Он прижал ее к себе.

— Я тоже так думал, любимая.

— Ты ранен?

— Пустяки. А ты?

— Меня бросало, трясло и крутило, так что я даже не могла вспомнить своего имени. Потом вдруг очутилась в спокойной воде и поплыла к берегу. Там был Шанамир, только он не хотел просыпаться. Из-под тростника вылезла Лизамона и сказала, что пойдет искать Делиамбера и... Он придет в себя, колдун?

— Сейчас, — сказал Делиамбер. Он прикасался кончиками пальцев к груди и ко лбу мальчика, как бы передавая ему энергию. Шанамир пробурчал что-то и пошевелился. Глаза его то открывались, то закрывались. Он начал что-то хрипло говорить, но Делиамбер велел ему молчать и лежать спокойно, чтобы сила вновь вернулась к нему.

Двинуться в путь в этот день нечего было и думать. Валентайн и Карабелла соорудили шалаш из тростника, Лизамона собрала скудный обед из фруктов и молодых побегов пипины. Поев, они молча сидели у реки, любуясь закатом.

Утром все чувствовали себя способными действовать. Шанамир казался здоровым. Лечение Делиамбера и природная живучесть мальчика вернули ему силы.

Кое-как починив свою рваную одежду, они пошли на север, сначала по берегу, а потом через лес, примыкавший к реке. Воздух

был мягким, солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев, давало усталым путникам тепло.

Через три часа Валентайн уловил запах, весьма напоминавший жареную рыбу. Он поспешил туда, глотая слюну, готовый купить, выпросить, в крайнем случае украсть немного этой рыбы, поскольку уже забыл, когда последний раз ел настоящую пищу. Скатившись по откосу, он увидел три сидевшие у костра фигуры. Заслонив глаза от яркого солнца, Валентайн разглядел, что одна из фигур была плотным человеком с бледной кожей и белыми волосами, другая — синекожим существом, а третья — хьерт.

— Слит!— закричал Валентайн.— Кон! Виноркис!

Они спокойно смотрели, как он бежит к ним, затем Слит небрежно протянул ему прут с насаженным на него куском речной рыбы.

— Перекуси, — любезно сказал Слит.

Валентайн развел руками.

— Как вы очутились так далеко от нас? Как вы поймали рыбу? Как вы смогли разжечь костер? Что...

— Рыба остынет, — сказал Кон.— Сначала поешь. Вопросы потом.

Валентайн поспешно взял кусок. Он в жизни не ел ничего вкуснее. Обернувшись, он крикнул своим спутникам, чтобы они скорее спускались. Но те уже бежали — Шанамир, гикая и подскакивая на бегу, Карабелла, за ними топала Лизамона с Делиамбером на плече.

— Рыбы хватит на всех! — объявил Слит.

Они поймали по крайней мере дюжину рыб, которые теперь печально кружились в глубокой каменной выемке с водой. Кон вытаскивал их и потрошил, Слит быстро жарил на костре и передавал друзьям, жадно их съедавшим.

А Слит рассказал, что когда плот треснул, они все вцепились в один обломок и ухитрились удержаться на нем, пока их несло по порогам вниз. Они смутно помнили, что видели отмель, куда выбросило Валентайна, но не видели самого его, когда пронеслись мимо еще на несколько миль, где, наконец, смогли совладать с обломком плота и поплыть к берегу.

Слит сказал, что Кон ловил рыбу голыми руками, что он в жизни не видел таких проворных рук, и думает, что из Кона вышел бы первоклассный жонглер. На это Кон усмехнулся. Валентайн впервые увидел улыбку на этом угрюмом лице.

— А костер? — спросила Карабелла.— Вы зажгли его, щелкнув пальцами?

— Пробовали, — спокойно ответил Слит, — но это тяжкая работа, потому мы пошли в рыбацкую деревню за поворотом и попросили огонька.

— Рыбаки? — удивленно спросил Валентайн.

— Поселение лименов, — сказал Слит.— Видимо, они не знают, что назначение их расы — торговать сосисками в западных городах. Они дали нам кров и согласились довезти до Ни-мои, чтобы мы могли дождаться своих друзей в бухте Ниссиморн.

Он улыбнулся.

— Я полагаю, что теперь нам нужно нанять две лодки.

— Мы недалеко от Ни-мои? — спросил Делиамбер.

— Два часа на лодке, как мне сказали, до места слияния рек.

Мир вдруг показался Валентайну не столь уж огромным и ждавшая его работа не совсем неодолимой. Он снова ел настоящую пищу, знал, что поблизости есть дружественный поселок, что скоро он уйдет из этих мест. Все это ободряло. Теперь его мучило только одно: судьба Залзана Кавола и трех его оставшихся братьев.

Поселок лименов был совсем небольши́м: человек пятьсот невысоких плоскоголовых, темнокожих. Их яркие глаза смотрели на путешественников без особого любопытства. Они жили в скромных тростниковых хижинах у реки, выращивали в маленьких садиках злаки в добавление к тому, что приносил им их флот грубых рыбачьих лодок. Диалект их был трудным, но Слит, похоже, умел общаться с ними и смог не только нанять вторую лодку, но и купил за несколько крон одежду для Карабеллы и Лизамоны.

Часа в два дня они с командой из четырех молчаливых лименов отплыли в Ни-мою.

Течение было быстрое, но порогов мало, и обе лодки быстро скользили вдоль побережья.

Река расширялась и успокаивалась.

Побережье здесь было ровным и открытым, за поселками по обоим берегам высились города с многотысячным населением.

Впереди было темное водохранилище во весь горизонт, словно открытое море.

— Река Зимр, — объявил лимен, рулевой на лодке Валентайна.— Стейч здесь кончается. Налево бухта Ниссиморн.

Открылся громадный полумесяц берега, ограниченный густой рощей пальм необычной перекошенной формы. Когда лодка подплыла ближе, Валентайн с изумлением увидел на берегу плот из грубо обтесанных бревен. Рядом с плотом сидели четыре четверорукие фигуры.

Скандары их ждали.

Залзан Кавол не видел ничего необычного в их путешествии. Его плот прошел через пороги. Он и его братья отталкивались от них шестами, ударялись, конечно, но не сильно, и доплыли до бухты Ниссиморн, где и остановились, гадая, что задержало остальных членов группы.

Скандару не приходило в голову, что другие плоты могли сломаться, тем более, что по пути он не встретил никаких обломков.

— У вас были затруднения? —спросил он с искренним недоумением.

— Небольшие, — коротко ответил Валентайн.— Раз уж мы все собрались, хорошо бы эту ночь поспать в настоящем жилище.

Они продолжили путешествие и добрались до слияния Стейча и Зимра, такого широкого, что Валентайну не верилось, что это всего лишь место встречи двух рек. В городке Ниссиморн они расстались с лименами и сели на паром, который перевез их на

другую сторону Ни-мои, самого крупного города в Зимроеле. В нем жили тридцать миллионов. У Ни-мои река Зимр делала изгиб, резко поворачивая с востока на юго-запад.

Как раз здесь и образовался мегаполис.

Он тянулся на сотни миль по обеим сторонам реки и нескольких притоков с севера. Валентайн и его спутники сначала увидели предместья, жилые районы, переходившие в сельскую местность, которая тянулась до Долины Стейча. Основная городская зона располагалась на северном берегу, и сначала были видны лишь ярусы башен, спускавшихся к реке. Паромы ходили по всем направлениям, связывая бесчисленное множество прибрежных городков. Они переправлялись через реку несколько часов, и уже начало смеркаться, когда показалась Ни-моя.

Город производил магическое впечатление. Он приветливо светился огнями на фоне заросших лесом зеленых холмов и безупречной белизны зданий. Гигантские пальцы пирсов вонзались в реку, а в гавани тянулся бесконечный ряд больших и малых судов. Пидруд, казавшийся Валентайну в первые дни его странствий таким могучим, был против этого города маленьким.

Только скандары, Кон и Делиамбер видели Ни-мою раньше. Делиамбер рассказывал о чудесах города: Паутинной Галерее, торговой аркаде в милю длиной, поднятой над землей на почти невидимых кабелях, о Парке сказочных зверей с редчайшей фауной Маджипур. Эти животные, почти исчезнувшие с развитием цивилизации, свободно бродили здесь по улицам, о Хрустальном бульваре, сверкающей улице с вращающимися рефлекторами, о Большом Базаре — пятнадцатимильных, похожих на лабиринт проходах, где размещалось бесчисленное множество крошечных лавок под длинными навесами из пронзительно-желтой искрящейся ткани, о Музее Миров, Палате Колдовства, о Герцогском Дворце, про который говорили, что краше его только Замок лорда Валентайна, и о многом другом. Валентайну казалось, что все это больше похоже на миф, сказку, чем на реальный город. Но они, наверное, ничего из этих чудес не увидят. Городской оркестр в тысячу инструментов, плавучие рестораны, искусственные птицы с драгоценными камнями вместо глаз и все прочее подождет до того дня — если он когда-то настанет — когда Валентайн вернется в Ни-мою Коронованным.

Когда паром приблизился к городу, Валентайн созвал друзей и сказал:

— Пора нам определить свой курс для каждого. Я намерен ехать в Пилиплок, а оттуда на Остров. Я очень ценю наше давнее содружество и хотел бы сохранить его и дальше, но не могу предложить вам ничего, кроме бесконечного путешествия и возможности внезапной гибели. Моя надежда на успех слаба, а препятствия велики. Хочет кто-нибудь из вас пойти со мной?

— Хоть на край света! — крикнул Шанамир.

— И я, — дружно сказали Слит и Виноркис.

— Неужели ты сомневаешься во мне? — спросила Карабелла.

Валентайн улыбнулся и посмотрел на Делиамбера. Тот сказал:

— На карту поставлена судьба королевства. Как я могу не пойти за истинным Коронованным, куда бы он ни приказал?

— Для меня это тайна, — сказала Лизамона.— Я не понимаю, как Коронованного могли вытряхнуть из его же собственного тела. Но у меня нет другого дела, Валентайн, и я пойду с тобой.

— Благодарю вас всех, — сказал Валентайн, — и еще раз поблагодарю, когда мы будем в зале Горного Замка.

— А скандары нужны тебе, милорд? — спросил Залзан Кавол.

Этого Валентайн не ожидал.

— Вы хотите идти с нами?

— Наш фургон пропал, братство погибло, мы лишились наших жонглерских принадлежностей. Меня паломничество не привлекает, но я и мои братья пойдем за тобой на Остров, если ты пожелаешь взять нас.

— Я хочу, чтобы все были со мной, Залзан Кавол. Есть ли при дворце должность королевского жонглера? Я обещаю ее тебе.

— Спасибо, милорд, — серьезно ответил скандар.

— Есть еще один доброволец, — сказал Кон.

— Ты тоже? — удивленно спросил Валентайн.

Суровый чужак ответил:

— Мне мало дела то того, кто Коронованный на планете, где я сижу на мели, но мне очень важно вести себя достойно. Только благодаря тебе я не умер в Пьюрифайне. Я обязан тебе жизнью и буду помогать тебе, чем смогу.

Валентайн покачал головой.

— Мы сделали для тебя только то, что сделало бы любое цивилизованное существо. Никакого долга перед нами у тебя нет.

— Я смотрю на это иначе, — сказал Кон.— Кроме того, моя жизнь была серой. Я оставил свой родной Кайнимот без серьезных причин и приехал сюда, жил здесь глупо и чуть не поплатился жизнью, так зачем мне продолжать в том же духе? Я присоединяюсь к твоему делу, буду считать его своим и, может быть, со временем поверю в него, а если умру за то, чтобы ты стал королем, то всего лишь верну тебе долг. Своей смертью я расплачусь со Вселенной за плохо проведенную жизнь. Ты принимаешь меня?

— С дорогой душой, — сказал Валентайн.

Паром дал громкий гудок и мягко подошел к причалу.

Они остановились на ночь в самом дешевом портовом отеле, чистом, но голом, с добела вымытыми каменными стенами и общими ваннами, и скромно, но сытно пообедали в гостинице. Валентайн предложил объединить средства и поручить их Залзану Каволу и Шанамиру, поскольку они лучше всех знали цену деньгам и умели их расходовать. У самого Валентайна осталось немало из того, что он имел в Пидруде, а Залзан Кавол извлек из потайного кармана кучу десятироаловых монет. Всего этого должно было хватить на дорогу до Острова.

Утром они сели на речное судно, такое же, как то, которое везло их из Кинтора в Вирф, и отправились в Пилиплок, большой порт в устье Зимра.

Они проехали весь Зимр, но от восточного побережья их все еще отделяло несколько тысяч миль. По широкой полосе Зимра

судно шло быстро и безмятежно. Конечно, оно то и дело останавливалось в бесчисленных городах, даже в безымянных местах, где, тем не менее, были свои пристани, набережные, пальмы, весело раскрашенные склады, базары и пассажиры с билетами, жаждавшие подняться на борт и тут же двигаться дальше. Слит выстругал жонглерские палочки из выпрошенных у команды кусков дерева, Карабелла где-то разыскала мячи, а скандары, пообедав, преспокойно зажали в ладонях пустые блюда и улизнули с ними, так что труппа постепенно обзаводилась оборудованием для работы, а на третий день заработала несколько крон, выступив на палубе. Залзан Кавол вернулся к прежней грубоватости и самоуверенности, поскольку снова выступал, но все же оставался удивительно покладистым, держал себя в узде в ситуациях, которые раньше вызвали бы бурю ярости.

Это были родные края четырех скандаров. Они родились в Пилиплоке и начали свою карьеру, обходя города громадной провинции, простиравшейся вверх по реке и в глубь страны на тысячу миль от побережья. Им было приятно видеть знакомую местность, рыжеватые холмы, суетливые городки с деревянными зданиями, и Залзан Кавол начал рассказывать о своей прежней работе здесь, об успехах и неудачах — они тоже случались, правда, редко — о ссоре с импрессарио, из-за которой он ушел искать счастья на другой конец Зимроеля. Валентайн подозревал, что тут не все чисто, но спрашивать не стал.

Однажды ночью, подвыпив, скандары даже принялись петь впервые на памяти Валентайна. Песня была мрачная и унылая:

Глаза потухли, нет огня.
Ночь — тьмы и стужи пряха.
Темно на сердце у меня.
В душе темно от страха.

Идем от горя до беды,
В затылок дышат черти,
А позади одни следы —
Следы мои и смерти.

Осталась далеко земля,
Что с детства нам знакома,
Где ручейки, холмы, поля,
Колодец возле дома.

А здесь, где тьма со всех сторон,
Суровые законы.
Над морем царствует дракон,
И над землей драконы.

Невероятно печальной была песня, и огромные скандары выглядели так нелепо, когда пели, покачиваясь, что Валентайн и Карабелла чуть было не рассмеялись, но на втором куплете Валентайн почувствовал, что песня его трогает, потому что в ней было живое

чувство, ведь скандары действительно встретились со смертью и горем, и хотя сейчас они вблизи своего дома, большую часть жизни они провели вдали от него. Возможно, — думал Валентайн, — скандарам вообще трудно на Маджипуре, таким грубым лохматым созданиям нелегко в теплую пору среди более мелких, гладкокожих существ.

Лето кончалось, и в восточном Зимроеле начинался сухой сезон, когда дули южные ветры, деревья засыпали до весенних дождей, настроение, как говорил Залзан Кавол, портилось и нередко случались преступления. Валентайну эта зона показалась менее интересной, чем джунгли средней части континента или субтропики дальнего запада, изобиловавшие красками, но через несколько дней, после более пристального наблюдения он решил, что этим местам свойственна некоторая суровая красота, сдержанная и строгая, совсем не похожая на буйную пышность запада. И все равно он обрадовался, когда после многих дней на этой однообразной и вроде бы бесконечной реке Залзан Кавол объявил, что видны окраины Пилиплока.

Пилиплок был почти так же стар и огромен, как его двойник Пидруд на другом конце континента, но на этом сходство кончалось. Пидруд строился без плана, как попало разбросал свои улицы и бульвары, а Пилиплок сразу стал возводиться с жесткой, почти маниакальной точностью.

Он занимал большой мыс на южном берегу устья Зимра. Там, где река впадала во Внутреннее Море, она была непомерной ширины — шестьдесят или семьдесят миль. Зимр нес с дальнего северо-запада все наносы и обломки, собранные на протяжении семи тысяч миль его быстрым течением. И этот его груз придавал зелено-голубым водам океана темный оттенок, тянущийся, как говорили, на сотни миль. Северный мыс устья реки был меловым утесом в милю высотой и во много миль длиной. Эту ослепительно блестящую белую стену в ясную погоду видно было даже из Пилиплока. Мыс никак нельзя было использовать для гавани, там никогда не было поселений, и он считался святым заповедником. На мысе жили удалившиеся от мира поклонники Леди, и к ним в течение сотен лет никто не вторгался. Пилиплок — иное дело. Город с одиннадцатью миллионами жителей расходился радиусами от своей великолепной природной гавани.

Ряд изогнутых поясов пересекал эти радиусы: внутренние — торговые, затем промышленных зон и зон отдыха, на внешних линиях — жилые кварталы, резко разграниченные по уровню состоятельности и в меньшей степени — по расовым признакам. Пилиплок был густо населен скандарами. Валентайну казалось, что каждый третий в районе порта принадлежит к народу Залзана Кавола, и было несколько странно видеть сразу так много четвероруких гигантов. Здесь жило множество надменных аристократических двухголовых су-сухерисов, торговцев предметами роскоши, дорогими тканями, драгоценностями и редчайшими ручными изделиями мастеров со всей провинции.

Дул упорный горячий южный ветер. Почувствовав его на лице,

Валентайн понял, что имел в виду Залзан Кавол, говоря о раздражении, которое вызывал этот ветер.

— Он когда-нибудь утихнет? — спросил он.

— С первыми днями весны, — ответил Залзан Кавол.

К тому времени Валентайн надеялся быть где-нибудь в другом месте. Но возникла заминка. Он пошел с Залзаном на Шкониборг-Пирс на восточной окраине гавани Пилиплока договориться о переезде на Остров. Много месяцев Валентайн мечтал побывать в этом городе, на этом пирсе, представлял себе нечто волшебное — широкие проспекты, поразительную архитектуру — и был немало разочарован, обнаружив, что место, где собирались паломники, — обшарпанная, обветшалая постройка с облупившейся зеленой краской и хлопающими на ветру рваными флагами.

Дальше — хуже. Пирс казался пустым.

Залзан Кавол нашел расписание отплытия, висевшее в темном углу, в билетной кассе. Корабли паломников отплывали на Остров раз в месяц, кроме осени, когда дули неблагоприятные ветры. Последний в этом сезоне корабль отчалил неделю назад, а следующий будет через три месяца.

— Три месяца! — воскликнул Валентайн.— Что мы будем делать в Пилиплоке эти три месяца? Жонглировать? Побираться? Воровать? Прочти расписание еще раз, Залзан!

— Ничего нового в нем я не найду, — ответил скандар.

Он поморщился.

— Пилиплок даст сто очков вперед любому месту, но я не люблю сезона ветра. Вот не повезло!

— В этом сезоне вообще нет никаких кораблей? — спросил Валентайн.

— Только драконские.

— Что это такое?

— Рыбачьи суда. Они охотятся на морских драконов, у которых в это время года брачная пора, они идут косяком, и их брать легко. Драконских судов сейчас полно, но что нам это даст?

— Далеко ли они выходят в море? — спросил Валентайн.

— Как пойдет лов. Иногда они заплывают до архипелага Родмент, если драконы собираются к востоку.

— Где это?

— Это длинная цепь островов, — ответил Делиамбер, — далеко во Внутреннем Море, примерно на полпути отсюда до Острова Снов.

— Они населены?

— Весьма.

— Хорошо. Значит, острова между собой торгуют. Что, если нанять такой корабль, чтобы он довез до архипелага, а там договориться с местным капитаном о доставке нас на Остров?

— Можно попробовать, — сказал Делиамбер.

— Нет такого правила, чтобы пилигримы плыли обязательно на пилигримском корабле?

— Нет, насколько я знаю.

— Рыбачьи суда не будут связываться с пассажирами, — возразил Залзан Кавол.— Они никогда этим не занимаются.

— Может, несколько роалов их заинтересуют?

Скандар пожал плечами.

— Не имею представления. Но ремесло у них прибыльное, пассажиров они станут рассматривать как помеху, а то и как дурную примету. И не согласятся тащиться с нами на архипелаг, если след драконов проходит в стороне от островов. Да и мы не можем быть уверены, что кто-то с архипелага захочет везти нас дальше.

— Кто знает, — сказал Валентайн, — может быть, все легко устроится. Деньги у нас есть, и я лучше потрачу их на морских капитанов, чем проем и проживу за три месяца в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Этот район порта занимал особняком три или четыре мили, пирс за пирсом, а в гавани стояли десятки больших деревянных кораблей, готовых к только что начавшемуся новому охотничьему сезону.

Все эти корабли были одной конструкции и выглядели, как показалось Валентайну, угрюмыми и зловещими: страшно раздутые в боках, с причудливыми трезубцовыми мачтами, ужасающим зубастым изображением на носу и длинным хвостом на корме. По бокам судно украшали нарисованные красным и желтым глаза, ряды хищных белых зубов. Высокие верхние палубы щетинились куполами для гарпунеров и громадными лебедками с сетями. Платформы, где разрубалась добыча, были покрыты пятнами крови. Валентайну показалось неуместным ехать на мирный священный Остров Снов на таком корабле-убийце, но выбора не было.

Но и этот выход скоро стал казаться сомнительным. Они шли от корабля к кораблю, от причала к причалу, капитаны без всякого интереса выслушивали их и тут же отказывали. Говорил в основном Залзан Кавол, так как чаще всего капитаны были скандарами и могли отнестись к нему полюбезнее. Но и его уговоры не действовали.

— Вы будете отвлекать команду, — сказал первый капитан.— Начнете путаться между снастями, страдать от морской болезни, и понадобятся особые услуги.

— Мы не берем пассажиров, — отказал второй.— Это против правил...

— Архипелаг не в той стороне, куда мы собираемся плыть, — ответил третий.

— Говорят, — сказал четвертый, — что если драконское судно идет в море с чужаками на борту, оно не вернется в Пилиплок. Зачем мне испытывать судьбу.

— Мне нет дела до пилигримов, — сказал пятый.— Пусть Леди, если хочет, перенесет вас на Остров, а на моем корабле вам нечего делать.

Шестой тоже отказался, добавив, что ни один капитан не возьмет их.

То же сделал и седьмой. Восьмой, услышав, что группа сухопутных шляется по докам, вообще отказался разговаривать.

Девятый капитан, старый седой скандар с потускневшим

мехом, без зубов, оказался более любезным, хотя и не пожелал взять их на свой корабль. Но зато он дал совет:

— На пирсе Престимиона вы найдете капитана Гарцвела с «Бренгалина». Гарцвелу в последнее время не везет, и все знают, что с деньгами у него туго. Я слышал на днях в таверне, что он пытался занять денег на ремонт своей посудины. Может быть, доход с пассажиров будет ему сейчас кстати.

— А где этот пирс Престимиона? — спросил Залзан Кавол.

— В самом конце, за Деккеретом и Кинникеном, как раз к западу от склада утиля.

Склад утиля, похоже, — самое подходящее место для «Бренгалина», — подумал Валентайн, когда через час увидел судно капитана Гарцвела. Оно было вполне подходящим, чтобы пустить его на дрова, меньше и старше, чем все остальные корабли. Когда-то у него, видимо, был проломан и корпус, но отремонтировали его плохо, и один борт странно покосился.

Нарисованные по ватерлинии глаза и зубы потеряли блеск, носовое изображение перекосилось, хвостовые зубья были отломаны футов на десять — может быть сильным ударом дракона, мачты тоже заметно укоротились. Команда, лениво поглядывая на посетителей, без особого рвения смолила и свертывала веревки и паруса.

Капитан Гарцвел выглядел таким же потрепанным и изношенным, как и его корабль.

Он был скандаром, но карликом, с одним глазом и обрубком вместо левой внешней руки.

Тусклый и грубый мех, сгорбленные плечи, весь его вид говорил об усталости и бедах.

Но он тут же просветлел, когда Залзан Кавол заговорил насчет поездки до архипелага.

— Сколько вас?

— Двадцать. Четыре скандара, хьерт, урун, пятеро людей и один чужак.

— Все пилигримы?

— Да.

Гарцвел быстро изобразил знак Леди и сказал:

— Ты знаешь, что на драконский корабль брать пассажиров не полагается. Но я обязан вознаградить Леди за ее милости в прошлом и сделаю исключение. Плата вперед?

— Конечно, — сказал Залзан.

Валентайн с облегчением вздохнул. Это было жалкое ободранное судно, а Гарцвел, наверное, третьесортный навигатор, страдающий от неудач или от неумения, но он хочет взять их, а никто больше не соглашается.

Гарцвел назвал цену и ждал с явной тревогой. Он запросил меньше половины того, что они безуспешно предлагали другим капитанам, но Залзан Кавол, торговавшийся по привычке и из гордости, предложил на три роала меньше. Гарцвел, заметно приунывший, скинул полтора роала, Залзан Кавол намеревался выторговать еще несколько крон, но Валентайн, пожалев несчастного капитана, быстро прервал торг, сказав:

— Договорились. Когда отплываем?

— Через три дня, — сказал Гарцвел.

На деле вышло — четыре, Гарцвел неопределенно говорил о каких-то мелких починках, которые, как обнаружил Валентайн, оказались починкой самых серьезных дыр. Раньше капитан не мог этого сделать. По слухам, которые Лизамона собрала в портовых тавернах, Гарцвел пытался заложить часть будущего улова, чтобы нанять плотников, но желающих не нашел. Лизамона сказала, что у него плохая репутация: недальновидный, невезучий, плохо платит команде. Однажды он упустил целый косяк морских драконов и вернулся в Пилиплок с пустыми трюмами, а в другой раз потерял руку, потому что принял еще живого маленького дракона за мертвого, а в последнем плавании его корабль получил от разъяренного дракона такой удар, что чуть не пошел ко дну.

— Наверное, нам лучше вплавь добираться до Острова, — закончила Лизамона.

— А может мы принесем нашему капитану удачу, — сказал Валентайн.

Слит засмеялся.

— Если можно было бы попасть на трон только благодаря оптимизму, милорд, ты к Зимнему дню был бы уже в Замке.

Валентайн тоже засмеялся. Но после бедствия в Пьюрифайне он слегка опасался, что принесет своим друзьям новые беды на борту этого злосчастного корабля. Ведь они шли за ним в сущности из-за того лишь, что поверили в сны, колдовство и загадочное представление метаморфов. Ему будет очень больно, если он принесет им новую беду! Однако Валентайн испытывал большую симпатию ко всеми оплеванному безрукому Гарцвелу.

Такой бедолага-моряк как раз подходящий кормчий для еще более незадачливого Коронованного, который ухитрился за одну ночь потерять трон, память и личность!

Накануне отплытия Виноркис отвел Валентайна в сторону и встревоженно сообщил:

— Милорд, за нами следят.

— Откуда ты знаешь?

Хьерт улыбнулся и расправил клювом оранжевые усы.

— Тот, кто занимается мелким шпионажем, всегда узнает себе подобных. Я обратил внимание на седого скандара, слонявшегося у доков в последние дни, и расспросил ребят Гарцвела. Один из корабельных плотников сказал мне, что этот скандар интересовался пассажирами Гарцвела, тем, куда они едут.

Валентайн почувствовал беспокойство.

— А я надеялся, что мы сбили их со следа в джунглях!

— Они, очевидно, снова обнаружили нас в Ни-мое, милорд.

— Тогда постараемся еще раз отделаться от них на архипелаге и не попадаться на глаза другим шпионам. Спасибо, Виноркис.

— Не стоит благодарности, милорд. Это мой долг.

Когда корабль отошел от причала, дул сильный южный ветер. Во время посадки Виноркис искал глазами любопытного скандара, но того нигде не было видно. Он сделал свое дело, — предположил Валентайн, — а дальше собирать сведения о нас для узурпатора будет другой.

Они держали путь на юго-восток: драконским кораблям привычно было идти против вечно враждебного ветра. Это был изматывающий труд, но его нельзя было избежать, потому что морских драконов можно было ловить только в этом сезоне. У «Бренгалина» был дополнительный мощный двигатель, но какой от него прок, если на Маджипуре не хватало горючего.

Неуклюже, но величественно «Бренгалин» повернулся боком к ветру и двинулся из гавани Пилиплока в открытое море.

Это было самое маленькое море Маджипуры, Внутреннее, отделявшее восточный Зимроель от западного Альханроеля.

Пять тысяч миль от берега до берега не пустяк, однако Внутреннее Море было просто лужей по сравнению с Великим Океаном, занимавшим большую часть другого полушария и недоступным для навигации — тысячи и тысячи миль открытой воды. Внутреннее Море было более доступно человеку по размеру, тем более что посреди него поднимался Остров Снов, достаточно большой, чтобы на планете меньшего размера считаться континентом, и несколько гряд других островов.

Морские драконы непрерывно мигрировали. Они двигались вокруг планеты годами, даже десятилетиями. Наверное, десятки больших стад их жили в Океане, постоянно путешествуя с запада на восток. Каждое лето одно стадо шло через Великий Океан мимо юга Нарабала и южного побережья Зимроеля к Пилиплоку.

Тогда охота на них запрещалась, потому что в это время в стаде появлялось множество стельных самок. К осени рождались малыши, стадо приплывало в продуваемые ветром воды между Пилиплоком и Островом Снов, и начиналась ежегодная охота. Из Пилиплока выходило громадное количество судов. Стада теряли и старых, и молодых, а оставшиеся в живых возвращались в тропики, пройдя с юга Остров Снов, огибали длинный Стоенцар — мыс Альханроеля и направлялись на восток к Великому Океану, где плавали без помех, пока не наступало время снова огибать Пилиплок.

Из всех животных Маджипуры морские драконы были самыми огромными. Рождались они крошечными, не более пяти — шести футов длиной, но росли всю жизнь, а жизнь их была долгой, хотя никогда никто не знал ее продолжительности. Гарцвел, пригласивший пассажиров столоваться вместе, оказался весьма разговорчивым, когда его тревоги остались позади, и рассказывал легенды о морских драконах. Один, пойманный в царствование лорда Молибора, имел в длину сто девяносто футов, другой — во времена Конфалума — двести сорок. Во времена, когда Понтификом был Престимион, а Коронованным — лорд Деккерет, был пойман морской дракон в двести футов, но чемпионом, как говорил Гарцвел, был дракон, нахально появившийся почти у входа в гавань Пилиплока при лорде Кинникене: тот, по утверждению верных свидетелей, был длиной в триста пятнадцать футов. Он ушел невредимым, потому что весь флот кораблей находился далеко в море. Это чудовище так и назвали — дракон лорда Кинникена. Говорили, что он появлялся несколько раз в последующие столетия. Последний раз его видели при лорде Вориаксе, но никто

не метнул в него гарпун, потому что среди охотников у него была зловещая репутация.

— Теперь у него, наверное, пятьсот футов в длину, — закончил Гарцвел, — и я молюсь, чтобы честь измерить его выпала кому-нибудь другому, если этот дракон вернется в наши воды.

Валентайн видел маленьких драконов, убитых, выпотрошенных и высушенных, продававшихся на рынках по всему Зимроелю, и однажды попробовал их мясо, темное, жесткое, с резким привкусом. Так приготовлялись драконы меньше десяти футов длиной. Мясо более крупных — до пятидесяти футов — разрубалось и продавалось свежим на восточном побережье Зимроеля, но на далекие от моря рынки не поступало из-за трудности транспортировки.

Драконы свыше пятидесяти футов не годились для еды, но из них вытапливали жир для различных целей.

Кости морских драконов всех размеров использовались в строительстве, потому что отличались крепостью стали, а добывались куда легче, а яйца драконов, сотни футов которых находили в брюхе взрослых самок, имели медицинскую ценность. Драконья кожа, драконьи плавники — все шло в дело, ничего не выбрасывалось.

Предлагая гостям фляжку голубоватой жидкости, Гарцвел говорил:

— Это, например, драконье молоко. В Ни-мое или Кинторе за такую фляжку дают десять крон. Попробуйте.

Лизамона недоверчиво отхлебнула и тут же выплюнула на пол.

— Драконье молоко или драконья моча? — спросила она.

Капитан холодно улыбнулся.

— То, что ты выплюнула, в Долорне стоило бы тебе не меньше кроны, и ты еще считала бы, что тебе повезло.

Он протянул фляжку Слиту, и поскольку тот отказался — Валентайну. После минутного колебания Валентайн смочил в ней губы.

— Горькое, — сказал он, — и вкус затхлый, но не так, чтобы совсем ужасный. Как оно действует?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

— Возбуждает, — прогудел он, — разгоняет по жилам кровь, удлиняет жизнь.

Он указал на Залзана Кавола, который, не спрашивая, сделал большой глоток.

— Видите? Скандары знают! Мужчину из Пилиплока не нужно уговаривать выпить это!

— Драконье молоко? — спросила Карабелла.— Разве они млекопитающие?

— Да. Яйца созревают внутри, а детеныши рождаются живыми, по десять-двенадцать в помете. На брюхе самки ряды сосков. Тебе кажется удивительным — драконье молоко?

— Я думала, что драконы — рептилии, — сказала Карабелла, — а рептилии не дают молока.

— Лучше подумай, что драконы — это драконы. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — ответила она.— Мою кровь не нужно разгонять.

Обеды в капитанской каюте были, по мнению Валентайна, лучшей частью путешествия. Гарцвел был самым добродушным из скандаров и держал хороший стол с вином, рыбой разных сортов, мясом, включая и драконье. Но корабль его скрипел и трещал, был плохо построен и плохо обихожен, а команда, состоящая из дюжины скандаров и братии хьертов и людей, была необщительной и часто откровенно враждебной. Эти охотники за драконами даже на таком нищенском судне, как «Бренгалин», вели себя гордо и сдержанно и злились на присутствие чужих.

Только один Гарцвел отличался гостеприимством. Он явно был благодарен пассажирам, поскольку они дали ему возможность отправить корабль в море.

Теперь они были далеко от земли, в унылом краю, где бледно-голубой океан сливался с таким же небом, стирая всякое ощущение места и направления. Курс лежал на юго-восток, и чем дальше они отходили от Пилиплока, горячее становился ветер. Теперь он был жарким и сухим.

— Мы называем ветер нашим посланником, — сказал Гарцвел, — потому что он идет прямо из Суврaеля. Это маленький подарок Короля Снов, такой же замечательный, как и все его дары.

Море было пустым: ни островов, ни дрейфующих обломков, никаких признаков чего-либо, даже драконов. Значит, драконы шли далеко от побережья, как иногда случалось, и грелись в тропических водах близко к архипелагу.

Драконы показались через неделю. Гарцвел предсказал их появление за день, увидев во сне, что они рядом.

— Все капитаны видят во сне драконов, — объяснил он.— Нас что-то с ними связывает, мы чувствуем, когда драконы приближаются к нам. Есть одна женщина-капитан, ее зовут Гидраг. Она видит драконов во сне за неделю, а иногда и раньше. Идет прямо на них, и они всегда там. Я не такой способный, я их чувствую самое большее за день. Но таких, как Гидраг, больше нет. Я делаю, что могу. Мы увидим драконов через десять-двенадцать часов, это я гарантирую.

Валентайн мало верил в это, но в середине дня дозорный завопил:

— Эй! Драконы идут!

Великое множество драконов — сорок, пятьдесят, а то и больше шло прямо перед носом «Бренгалина». Толстобрюхие неграциозные животные, широкие поперек, как сам корабль, с длинными толстыми шеями, тяжелыми треугольными головами, короткими хвостами, заканчивающимися яркими плавниками, и выступающими костяными гребнями во всю длину сильно выгнутой спины. Самое странное, что у них были крылья — по сути, украшение, потому что такое громадное существо просто не могло подняться в воздух, но выглядели они не украшениями, а настоящими крыльями, темными, складчатыми, как у летучей мыши. Они вырастали под шеей дракона и доходили до половины длины его тела. У большей части драконов крылья были сложены, но

некоторые полностью развернули их и, помахивая ими, двигались с поразительной скоростью.

В основном тут были молодые драконы, от двенадцати до пятидесяти футов длиной, много новорожденных, шестифутовых, свободно плескавшихся или державшихся за соски матерей. Но среди этой мелочи было несколько чудовищ, сонных, наполовину погруженных в воду. Их спинные гребни поднимались над водой, как холмы на плавучем острове.

Они были невообразимо грузными. Трудно было судить о полном их размере, так как задняя их часть была глубоко в воде, но выглядели они по крайней мере не меньше корабля. Валентайн, проходя по палубе с капитаном, спросил:

— Нет ли здесь лорда Кинникена?

Капитан снисходительно улыбнулся.

— Ну, дракон Кинникена, наверное, втрое больше этих. Нет, даже еще больше. Эти едва ли ста пятидесяти футов. Я видел куда крупнее.

Валентайн пытался представить себе дракона втрое больше самого крупного из этих, но не мог. Это все равно, что воочию представить себе всю Гору Замка: человеку это просто не доступно.

Корабль двинулся вперед для убийства.

Вся операция была точно рассчитана. Были спущены лодки, на носу каждой скандар с острогой. Лодки спокойно двигались мимо кормящих самок. Скандар пронзал одну здесь, другую — там, распределяя убийство матерей таким образом, чтобы не вызвать полной гибели всех малышей.

Молодые били хвостами по лодкам. Когда лодки вернулись к кораблю, были спущены сети для подъема добычи. Только взяв с десяток молодых драконов, охотники принялись за большую игру. Лодки были втянуты наверх, а гарпунер, громадный скандар с синей полосой поперек груди, где мех был содран много лет назад, занял место в куполе. Он не спеша выбрал оружие, закрепил его в катапульте, а Гарцвел в это время маневрировал кораблем, чтобы дать гарпунеру возможность точно ударить по выбранной жертве. Гарпунер прицелился. Драконы беззаботно плыли. Блеснуло древко выпущенного гарпуна, он до половины вонзился в выпуклое плечо девяностофутового дракона, и море сразу ожило.

Раненый дракон со страшной яростью хлестал по воде хвостом и развернутыми крыльями, как бы желая взлететь в небо и утащить с собой «Бренгалин». При первом его крике матери-драконы распустили крылья, собрали под них своих детенышей и стали удаляться, мощно колотя хвостами, в то время как крупнейшие в стаде, настоящие чудовища, просто скрылись из виду, уйдя в глубину. Осталось с десяток полувзрослых драконов, знавших, что случилась какая-то беда, но не понимавших, как действовать. Они плавали широкими кругами вокруг раненого товарища, полуразвернув крылья и слегка хлопая ими по воде. Тем временем гарпунер в полном спокойствии выбрал оружие и метнул второй, а затем третий гарпун в жертву.

— Лодки! — закричал Гарцвел.— Сети!

Началась кутерьма. Снова спустили лодки, и охотники строем

двинулись к кольцу встревоженных драконов, бросая в воду гранаты, которые взрывались с глухим буханьем, распространяя толстый слой ярко-желтой краски. Взрывы и, видимо, краска привели оставшихся драконов в неописуемый ужас. Они быстро скрылись из виду, яростно хлопая хвостами и крыльями.

Осталась только жертва. Дракон был жив, и держали его крепко. Он тоже поплыл, потянув за собой «Бренгалин», заметно теряя силы.

Лодочники своими гранатами старались заставить дракона плыть к кораблю, и в это же время была спущена громадная сеть, каким-то внутренним механизмом она раскрылась, растянулась на воде и снова сомкнулась, как только дракон запутался в ней.

— Лебедки! — заорал Гарцвел.

Сеть поднялась из воды.

Дракон метался. Его громадный вес заставил корабль опасно накрениться.

Гарпунер в куполе схватил катапульту всеми четырьмя руками и с яростным воплем метнул гарпун. Послышался ответный звук — глухой агонии. Гарпун вонзился в голову дракона как раз позади громадных, как тарелки, зеленых глаз. Мощные крылья последний раз страшно ударили по воздуху.

Остальное уже было делом мясников.

Лебедки свое сделали, дракон лежал на платформе, началась разделка.

Валентайн некоторое время следил за кровавым зрелищем, но потом ушел вниз, а когда через несколько часов вернулся, на палубе лежал чистый, как музейный экспонат, скелет дракона, и охотники разбирали его.

— Ты почему такой хмурый? — спросила Карабелла.

— Не могу оценить это искусство, — ответил Валентайн.

Ему казалось, что Гарцвел мог бы забить большой трюм корабля этим косяком драконов. Однако капитан взял только нескольких малышей и одного взрослого, да и то не самого крупного, остальным же дал уйти. Залзан Кавол объяснил, что взяли лишь столько, сколько дозволялось Коронованными прошлых столетий, заботившимися о том, чтобы драконы не вымерли. Стадо можно сократить, но нельзя уничтожать, и если корабль вернется из плавания слишком быстро, его проверят и строго накажут.

Кроме того, важно было быстрее поднять на борт пойманных драконов, пока не появились хищники, и как можно скорее разделать, а команда, охотящаяся с чрезмерной жадностью, не сможет управиться с добычей достаточно эффективно и прибыльно.

После первой сезонной охоты команда Гарцвела несколько смягчилась.

Охотники кивали пассажирам, иногда даже улыбались, работу выполняли радостно. Уже не молчали угрюмо, а смеялись, шутили и пели на палубе.

Красив и смел лорд Молибор
С драконами поспоря,
Однажды он спустился с гор
И тут же вышел в море.

Над ним синели небеса,
День гулок был и светел.
И золотые паруса
Наполнил свежий ветер.
И лорд суров был у руля,
И пенилась пучина.
Он звал на битву короля —
Дракона-исполина.

Давно легендой стала быль —
Бой лорда и британа.
Тянулся целых тридцать миль
Один лишь хвост дракона.

Был Молибор красив и смел,
Он жил и умер гордо.

— Смотри, — сказала Карабелла, — там Залзан Кавол.

Валентайн взглянул. Скандар стоял у поручней, сложив руки, и хмурился.

Похоже, песня ему не нравилась. Что это с ним?

Проклятый ящер лорда съел,
Нет больше в мире лорда.

Моряк, твой парус над бедой,
И не всегда победа.
Ты можешь завтра стать едой
Дракона-людоеда.

Валентайн засмеялся и хлопнул в ладоши. Залзан Кавол, негодуя, стремительно подошел к нему.

— Милорд, как ты терпишь такое непочтительное...

— Потише с «милордом», — сказал ему Валентайн.— А почему непочтительное?

— Неуважение к страшной трагедии! Неуважение к покойному Коронованному!

— Залзан Кавол, — мягко возразил Валентайн, — неужто ты такой почитатель респектабельности?

— Я знаю, что правильно и что неправильно, милорд. Насмехаться над смертью лорда Молибора — это...

— Полегче, дружище!

Валентайн положил руку на локоть скандара.

— Лорд Молибор давно умер, теперь ему все равно. А я с удо-

вольствием послушал песню. Если я не оскорблен, что же тогда с тобой?

Но Залзан Кавол продолжал ворчать:

— Позволь мне сказать, милорд, ты еще не вполне освоился со своим положением. На твоем месте я запретил бы рыбакам петь эти песни в твоем присутствии.

Валентайн широко улыбнулся.

— А какое им дело до моего присутствия? Я всего лишь пассажир. Выскажи я что-либо подобное, меня тут же выкинут за борт, на корм драконам. Подумай об этом, Залзан, и успокойся, друг. Глупая матросская песня, только и всего.

— Но..., — прошептал Залзан Кавол.

Он отошел.

— Он все принимает всерьез.

Карабелла засмеялась.

— Да, — согласился Валентайн.— Милая, окажи мне услугу: когда моряки закончат работу, отведи в сторону одного — вон хоть того, рыжебородого, пусть он научит тебя словам этой песни. А потом научишь меня. Может быть, Залзан Кавол улыбнется, если я сам спою ее?

Прошла неделя, прежде чем они снова увидели драконов. За это время песенку выучили не только Валентайн и Карабелла, и Лизамона Халтин с удовольствием распевала ее своим хриплым баритоном. Но Залзан Кавол по-прежнему хмурился и недовольно фыркал, слыша ее.

Второй косяк драконов был больше первого, и Гарцвел разрешил взять примерно две дюжины маленьких, одного среднего и одного большого футов на сто тридцать. Так что в следующие несколько дней работали не покладая рук. Палуба стала пурпурной от крови, по всему кораблю сложены груды костей и крыльев, пока команда не рассортировала все это по размерам и не унесла вниз. На капитанский стол были поданы деликатесы из самых таинственных частей дракона, и Гарцвел выставил бочонок отличного вина, кто бы мог предположить, что у капитана, находившегося на грани банкротства, такие запасы.

— Пилиплокское золотое,— сказал он, наливая щедрой рукой.— Я хранил его для особого случая, а сейчас, без сомнения, он настал. Вы принесли мне большую удачу.

— Твои товарищи — капитаны не обрадуются, услышав это, — возразил Валентайн.— Как бы они за нас ухватились, если бы знали, что мы приносим счастье.

— Они потеряли — мы выиграли. За ваше паломничество, друзья! — крикнул капитан.

Теперь они шли в более спокойных водах. Жаркий ветер с Сувраеля здесь, вблизи тропиков, затих, подул более приятный, более влажный бриз с юго-запада, с далекого Мыса Стоенцар на Альханроеле.

Вода была глубокого зеленого оттенка, летало множество морских птиц, под самой поверхностью воды мелькали яркоокрашенные рыбы — пища драконов. Родмент — архипелаг был уже недалеко. Гарцвел предложил закончить лов: «Бренгалин» мог

вместить еще несколько драконов, пару средних и штук сорок маленьких.

Он решил высадить пассажиров и вернуться в Пилиплок, чтобы распродать добычу.

Разговор прервал крик дозорного:

— Драконы!

Это был громадный косяк, в несколько сот драконов. Повсюду из воды высовывались горбатые спины. Два дня «Бренгалин» шел среди них и поработал на славу. На горизонте виднелись другие корабли, но они держались далеко, потому что правила запрещали вторгаться на чужую территорию.

Гарцвел прямо сиял от успехов плавания. Он сам часто подсоблял команде лодочников, что Валентайну казалось необычным, а однажды даже вошел в купол поработать с гарпуном. Корабль под грузом драконьего мяса осел ниже ватерлинии.

На третий день драконы все еще были здесь: резня их не тревожила, и они не спешили уходить.

— Еще одного большого, — сказал Гарцвел, — и идем к островам.

Последней мишенью он выбрал восьмидесятифутового дракона.

Валентайн устал, чрезмерно устал от этой резни, и когда гарпунер приготовился к третьему удару, он отвернулся и пошел в дальний конец палубы. Там стоял Слит. Они подошли к поручням и поглядели на восток.

— Как думаешь, можно отсюда увидеть архипелаг? — спросил Валентайн.— Я уже соскучился по твердой земле, и мне опротивел запах крови.

— У меня хорошее зрение, милорд, но до островов еще два дня пути. Даже моими глазами не разглядеть.

Вдруг он ахнул:

— Милорд!

— Что случилось?

— К нам плывет остров, милорд!

Валентайн посмотрел вдаль, но не сразу увидел: утреннее солнце ярко освещало поверхность воды. Но вот и он увидел: из воды высунулась зубчатая драконья спина, а под ней смутно виднелось нечто, невероятных размеров.

— Дракон лорда Кинникена! — срывающимся голосом вскрикнул Валентайн.— Он идет прямо на нас!

Может быть это и был дракон Кинникена, а может, другой, не столь громадный, но он был достаточно велик, длиннее «Бренгалина». Он шел прямо на них — ангел ли смерти, другая ли невообразимая сила — неизвестно. Но масса его была бесспорно чудовищной.

— Где Гарцвел? — заорал Слит.— К оружию!

Валентайн засмеялся.

— Можно ли остановить гарпуном эту мчащуюся гору, Слит? Ты хорошо плаваешь?

Большая часть охотников была занята добычей, но кое-кто оглянулся, и на палубе закипела бешеная деятельность. Гарпунер

резко повернулся и стоял с оружием в руках. Другие бросились к соседним куполам. Валентайн, ища взглядом Карабеллу и остальных, увидел бросившегося к рулю Гарцвела. Лицо скандара было мертвенно-бледным, взгляд обезумел, словно он увидел послание смерти.

— Спустить лодки! — закричал кто-то.

Лебедки завертелись. Все дико заметались от страха. Один хьерт с почерневшими от ужаса глазами погрозил Валентайну кулаком и грубо схватил его за руку.

— Это ты навел его на нас! Ни одного из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то возникла Лизамона и отшвырнула хьерта, и затем обвила Валентайна могучими руками, как бы защищая его от любого нападения.

— Знаешь, а ведь хьерт прав, — спокойно сказал Валентайн.— Мы приносим несчастье. Сначала Залзан Кавол потерял фургон, теперь этот несчастный Гарцвел терпит...

Раздался страшный удар, атакующий дракон врезался о борт.

Корабль накренился и тут же качнулся в другую сторону. Страшная дрожь сотрясала его обшивку. Второй удар крыльями по корпусу, третий — и «Бренгалин» подскочил.

— Пробоина! — отчаянно закричал кто-то.

Множество предметов каталось по палубе. Громадный котел сорвался с креплений и сбил трех матросов, ящик с топорами перевернулся. Корабль продолжал раскачиваться.

Там, где висел недавний улов, Валентайн увидел громадного дракона. Чудовище плавало кругами, готовясь к новой атаке.

В целенаправленности его убийственных действий уже не было никаких сомнений.

Дракон ударил. «Бренгалин» страшно закачался. Валентайн вскрикнул — руки Лизамоны чуть не раздавили его. Он не видел никого из своих, не знал, живы ли они.

Корабль погибал. Слышно было, как трюм заливает водой. Хвост дракона поднялся над палубой и снова ударил. Началось нечто невообразимое. Валентайн почувствовал, что куда-то летит, он плавно вознесся, затем опустился и погрузился в воду.

Кажется, он попал в водоворот, и его страшно закрутило и потащило вниз. В голове звенели слова баллады о лорде Молиборе. Это правда, что Коронованный, увлекшийся охотой на драконов, десять лет назад вышел в море на самом красивом в Пилиплоке корабле и не вернулся. Корабль пропал со всей командой. Никто не знал, что случилось, но, как смутно помнилось Валентайну, говорили о неожиданном шторме.

Валентайн подумал, что вполне возможно, не обошлось без этого самого зверя — убийцы, мстителя.

И вот теперь второй Коронованный, наследник Молибора, встретился с ним.

Его затягивало в глубину, и он перестал думать о приливах и отливах удачи.

Он боролся за каждый вдох, кашлял, выплевывал воду и снова глотал, затем его накрыла тьма.

С тех пор, как Валентайн утратил свое прошлое и оказался возле Пидруда, он никогда не задумывался о смерти.

Ему хватало жизненных проблем. Он смутно вспоминал, что в школе учили, что души возвращаются к Божественному Источнику в тот последний момент, когда происходит высвобождение жизненной энергии, когда идешь по Мосту Прощания, Мосту, которым управляет Понтифик. Но правда это или нет, есть ли мир по ту сторону жизни и каков он, Валентайн никогда не задумывался. Однако теперь он пришел в себя в таком странном месте, которое не могли бы себе вообразить даже самые смелые мыслители.

Это и есть загробная жизнь? Огромное помещение с толстыми влажными розовыми стенами, потолок высокий, сводчатый, поддерживаемый мощными колоннами, но кое-где понижается почти до пола. В этой комнате помещались две полусферы, испускавшие слабый голубой свет. Воздух был скверный, насыщенный паром с резким горьким привкусом, крайне неприятным.

Валентайн лежал на мокрой скользкой поверхности, грубой, с глубокими складками, все время подрагивавшими, ощущая рукой какие-то конвульсии, доходившие откуда-то из глубины. Из чего был сделан пол, Валентайн никак не мог понять, а слабое, но заметное движение внутри него позволяло думать, что место, куда попал Валентайн, не мир после смерти, а просто галлюцинация.

Валентайн осторожно встал. Одежда на нем вымокла, один сапог он где-то потерял, на губах был привкус соли. Он с трудом приходил в себя. Стоять на этой непрерывно дрожащей поверхности было трудно. Оглядевшись, он увидел что-то вроде слабо сиявшей растительности, толстой, мясистой, безлистной, выходившей из пола. Она тоже все время изгибалась от внутреннего движения. Пройдя между двумя колоннами и через участок, где пол почти сходился с потолком, он увидел нечто вроде пруда с зеленоватой жидкостью. За ним ничего не было видно из-за тумана.

Он подошел к пруду. Очень странно: там были сотни ярких рыб, он видел их в море накануне, но они не плавали, они были мертвы и разлагались, мясо отваливалось от костей, а внизу под водой лежал толстый, в несколько футов ковер из таких же костей.

Позади вдруг послышался рев. Валентайн повернулся. Стены комнаты пришли в движение, подались назад, в снижавшейся части потолка появилось большое отверстие и из него хлынул поток воды, затопив Валентайна до бедер. Он успел добраться до колонны и обхватить ее руками, хоть вода хлестала вовсю. Валентайн устоял, но были моменты, когда он думал, что его снесет.

Затем поток иссяк, вода вошла в щели, образовавшиеся в полу, остались только рыбы. Пол начал содрогаться, отчаянно бившиеся рыбы покатились к зеленоватому пруду. Попав туда, они быстро перестали двигаться.

И вдруг Валентайн понял.

Он не умер, и он — в брюхе дракона.

Валентайн захохотал, откинув голову назад, он закатывался от хохота. А что еще оставалось делать? Кричать? Ругаться? Громадное животное одним глотком втянуло в себя Коронованного

Маджипуры, как мелкую рыбешку. Но он был слишком велик, чтобы его отправили в тот переваривавший пруд, поэтому он сидит на полу драконьего желудка. А что дальше? Поселиться здесь до конца дней и питаться сырой рыбой из улова дракона?

— Комедия, — думал Валентайн.

Но это была и трагедия, потому что все остальные погибли при крушении «Бренгалина». Валентайн скорбел теперь только о них. Навеки умолк звонкий голос Карабеллы, пропал Слит с его удивительной ловкостью рук, скандары больше не затеют игру ножами, факелами, кончилась, едва начавшись, жизнь Шанамира.

Валентайн запретил себе об этом думать. Чтобы не поддаться скорби, боли и чувству утраты, он снова захохотал, протягивая руки к стенам этой странной комнаты.

— Это Замок лорда Валентайна! — крикнул он.— Тронный зал! Я приглашаю всех отобедать со мной в большом тронном зале!

Из темной дали послышался голос:

— Клянусь своими кишками, я принимаю это приглашение!

Валентайн изумился.

— Лизамона?

— Нет. Понтифик Тиверас и его косоглазый дядя! Это ты, Валентайн?

— Да. Кто вы? Где вы?

— В глотке этого вонючего дракона! А ты где?

— Недалеко от тебя! Но я тебя не вижу!

— Стой, — предложила она.— Стой на месте и пой, а я постараюсь дойти до тебя.

Валентайн запел во всю мощь:

— Лорд Молибор был красив и смел

И любил бурное море...

Снова раздался ревущий звук, гигантская пасть животного открылась, чтобы впустить морскую воду и кучу рыбы.

Снова Валентайн ухватился за колонну, когда поток понесся на него.

— О, во имя Божества, держись, Валентайн! — закричала Лизамона.

Валентайн изо всех сил ухватился за столб, откуда-то Лизамона окликнула его и потребовала, чтобы он продолжал петь. Валентайн повиновался. Он слышал, как она поет, пробираясь через переплетение драконьих внутренностей, и наконец увидел ее в слабом свете. Они улыбнулись друг другу, засмеялись и обнялись.

Увидев ее, он вспомнил тех, кого наверняка не было в живых. Это снова вызвало боль и стыд. Он закусил губу и отвернулся.

— Ты что, милорд? — растерянно спросила она.

— Остались только мы с тобой, Лизамона.

— Да, но хвала Божеству и за это!

— Но остальные были бы живы, если бы не последовали за мной...

Она схватила его за руку.

— Милорд, скорбь не вернет их к жизни, если они умерли!

— Я знаю, но...

— Мы спасены. Если мы потеряли друзей, это печально, но это

не твоя вина. Они пошли за тобой по своей воле, верно? И если пришло их время, то оно пришло, и с этим ничего не поделаешь. Горюй о них, милорд, но радуйся, что мы спасены.

— Да, скорбь не вернет их к жизни. Но что будет с нами? Сможем ли мы долго продержаться здесь, Лизамона?

— Сколько нужно будет, чтобы вырваться на свободу.

Она вынула из ножен вибромеч.

— Ты думаешь, мы сможем прорубить дракона и выйти наружу? — в ошеломлении спросил он.

— А почему бы и нет? Я и не с таким справлялась.

— Как только ты дотронешься этой штукой до его плоти, он нырнет на дно. Здесь мы в большей безопасности, чем под водой в пяти милях глубины.

— В самые лихие времена мы тебя считали оптимистом, — возразила она.— Где же теперь твой хваленый оптимизм? Дракон живет на поверхности. Он будет метаться, но нырять не станет. А если мы очутимся на пять миль ниже поверхности, это, по крайней мере, будет быстрая смерть. Ты все равно не можешь вечно дышать этой вонью и гулять в рыбьем брюхе.

Лизамона коснулась мечом боковой стенки. Толстая влажная плоть слегка вздрогнула, но не отпрянула.

— Видишь? У него нет нервов, — сказала Лизамона.

Она ввела оружие поглубже и повернула.

— Только дрожь и сокращение.

Она продолжала орудовать мечом.

— Как ты думаешь, он никого больше не проглотил, кроме нас?

— Я слышал только твой голос.

— И я слышала только твой. Ну и чудище! Я пыталась удержать тебя, когда нас перекинуло за борт, но потом меня с силой ударило и я выпустила тебя. Но мы все-таки попали в одно и то же место.

Она уже проделала дыру в фут глубиной и еще два в ширину с боку драконьего желудка.

Дракон, казалось, вовсе не заметил этого.

— Пока я режу, сходи посмотри, нет ли кого-нибудь еще. Только не уходи далеко!

— Я буду осторожен.

Он пошел вдоль стенок желудка, звал, но ответа не получил. Тем временем Лизамона уже глубоко врубилась в тело дракона.

Повсюду валялись куски мяса, а сама она была забрызгана кровью.

— Как, по-твоему, далеко до конца? — спросил он.

— Полмили.

— Ну да?

Она засмеялась.

— Я думаю, десять-пятнадцать футов. Давай очищай отверстие за мной. Эта мясная куча растет быстро, я не успеваю ее откидывать.

Чувствуя себя мясником и отнюдь не будучи в восторге от этого, Валентайн стал хватать куски и отбрасывать их подальше.

Он вздрогнул в ужасе, когда увидел, что сокращения в желудке смели куски к пищеварительному тракту. Похоже, тут шла в ход любая кормежка.

Все глубже проникали они в брюшную стенку дракона. Валентайн вдруг оглянулся.

— Отверстие за нами затягивается!

— Зверь, живущий вечно, должен уметь залечивать раны, — ответила Лизамона.

Валентайн с беспокойством следил, с какой поразительной скоростью заживлялась рана, нарастала новая плоть. Что, если их закупорят в этой нише?

Лизамона стала все больше уставать, дыра же закрывалась почти с той же скоростью, с какой она рубила.

— Не знаю, смогу ли я... — прошептала она.

— Дай мне меч.

— Ты с ним не справишься.

Она засмеялась и яростно возобновила борьбу, изрыгая проклятия в адрес драконьей плоти вокруг нее.

— Здесь мясо другое, плотнее. Может, это слой мышц под шкурой...

Вдруг на них хлынула вода.

— Пробились! — закричала Лизамона.

Она повернулась, как куклу, схватила Валентайна и толкнула вперед к отверстию в боку дракона, продолжая крепко держать его за бедра. Он едва успел набрать в легкие воздуха, прежде чем очутился в зеленых объятиях океана.

Лизамона выскочила сразу за ним, держа его теперь за лодыжку, а потом за руку, и они метнулись наверх.

Им казалось, что они очень долго добирались до поверхности. Голова у Валентайна болела, ребра разрывались, грудь горела.

Он выскочил на чистый свежий воздух и вяло поплыл, уставший, дрожащий, пытаясь отдышаться. Лизамона плыла рядом. Прекрасное яркое солнце сияло над ними.

Он был жив и невредим, он освободился от дракона и плыл где-то во Внутреннем Море в сотнях миль от берега.

Когда первые минуты изнеможения прошли, Валентайн поднял голову, огляделся.

Дракон был еще виден в нескольких сотнях ярдов, но казался спокойным и медленно плыл в противоположном направлении. От «Бренгалина» остались только разбросанные обломки.

Они подплыли к большому обломку и легли на него. Долгое время они молчали.

Наконец Валентайн спросил:

— Плывем к архипелагу или прямо к Острову Снов?

— Плыть — тяжкая работа, милорд. Нам бы сесть на спину дракона.

— А как им управлять?

— Дергать за крылья.

— Едва ли. Во всяком случае в драконьем брюхе нам подавали свежую рыбу чуть ли не каждую минуту.

— И гостиница большая, — поддержала Лизамона, — только плохо проветривалась. По-моему, здесь лучше.

— Но мы не сможем долго плыть.

Она странно посмотрела на него.

— Ты сомневаешься, что нас спасут?

— Как тут не усомнишься!

— Мне как-то во сне Леди напророчила, — сказала она, — что смерть придет ко мне в сухом месте, когда я буду совсем старой. А я еще молодая, и это место во всей Маджипуре, за исключением, может быть, середины Великого Океана, меньше всего назовешь сухим. Бояться нечего. Раз я не погибну, не погибнешь и ты.

— Выход хоть куда, — сказал Валентайн.— Что будем делать?

— Ты умеешь составлять послания, милорд?

— Я Коронованный, а не Король Снов.

— Любой мозг может соприкоснуться с другим, если его умело направлять. Ты думаешь, такие способности только у Коронованного и Леди? Маленький колдун Делиамбер беседует с мозгами ночью, а Гарцвел говорил, что он во сне разговаривал с драконами, и ты...

— Но я еще не пришел в себя, Лизамона, то, что осталось от моего мозга, не может составить послания.

— Пошли послание по воде Леди, своей матери, или ее людям на Острове, или народу архипелага. Ты наделен силой. Я глупая, я умею только размахивать мечом, а твой мозг, милорд, высоко ценился в Замке, и теперь, когда нам необходимо... Сделай это, Лорд Валентайн! Зови на помощь, и помощь придет!

Валентайн был настроен скептически.

Он мало знал об общении во сне, но оно, вероятно, связывало всю планету.

Да, часто бывало, что мозг призывал мозг, и, конечно, были Силы Острова и посланные с Суврaеля прямые сообщения с каким-то механическим усилением, но сейчас, когда он дрейфует здесь, в океане, на обломке, и его тело и одежда запятнаны плотью и кровью гигантского зверя, а дух так истощен от неожиданных бедствий, что даже его всегдашняя вера в удачу и чудо дала крен — как он может надеяться вызвать помощь через такую бездну?

Он закрыл глаза и попытался сконцентрировать энергию мозга в одной точке в глубине черепа. Он представлял себе яркую искру света, скрытый луч, который можно послать вдаль. Но все тщетно. Он вдруг обнаружил, что думает о каком-то зубатом создании, которое скоро начнет щипать его болтавшиеся в воде ноги.

Он со страхом подумал, что если и сможет послать сообщение, то не дальше, чем в мозг дракона, разрушившего «Бренгалин» и убившего всех его обитателей, и тогда дракон вернется и закончит свою работу. Но он все-таки попытается. Несмотря на сомнения, он обязан сделать это для Лизамоны Халтин. Он напряг свою волю и старался собрать все свои силы для передачи такого послания.

Он предпринимал эти попытки до самого вечера. Быстро наступила темнота, и вода странно засветилась призрачным зеленоватым светом. Они боялись уснуть одновременно, чтобы не соскользнуть с обломка и не потеряться. Поэтому установили дежурство. Когда настала очередь Валентайна бодрствовать, он

с трудом удерживался от сна и боялся, что потеряет сознание. Время от времени он пытался послать сообщение, но ничего не получалось.

Мы пропали, — думал он.

К утру он заснул. Во сне он старался добраться своим мозгом до далеких людей, а потом провалился в глубокий сон.

Его разбудило прикосновение руки Лизамоны к его плечу.

— Милорд!

Он открыл глаза.

— Мы спасены, милорд!

— Что?

— Лодка, милорд. Видишь, на востоке?

Он с трудом поднял голову. Да, к ним приближалась лодка. Весла блестели на солнце.

Он подумал, что это галлюцинация, иллюзия, мираж.

Но лодка подплыла. Чьи-то руки подняли его и осторожно положили, кто-то поднес к его губам фляжку с холодным питьем, вином или водой — он не понял. С него сняли мокрую грязную одежду, затем завернули во что-то сухое и чистое. Чужие — двое мужчин и женщина с гривами рыжеватых волос и в непривычной одежде. Он слышал, как Лизамона разговаривала с ними, но слова уплывали, и он не вникал в их смысл.

Неужели он вызвал этих спасителей своей передачей мысли? Кто они? Ангелы, духи? Валентайн лежал совершенно обессиленный. Он подумал, не сказать ли потихоньку Лизамоне, чтобы она не проговорилась, кто он, но даже на это у него не хватило сил. Он надеялся на ее здравый смысл. Не станет же она говорить, что он Коронованный Маджипуры и что их проглотил дракон, но они прорубили выход. Валентайн слабо улыбнулся и уплыл в сон без сновидений.

Он проснулся в веселой солнечной комнате с окнами на широкий золотой пляж.

На него серьезно и сосредоточенно смотрела Карабелла.

— Милорд, — тихо сказала она, — ты меня слышишь?

— Это сон?

— Это остров Мардиджил в архипелаге, — сказала она.— Тебя подобрали вчера в океане, тебя и Лизамону. Островные рыбаки искали в море выживших, поскольку корабль затонул.

— Кто еще остался в живых? — быстро спросил Валентайн.

— Делиамбер и Залзан Кавол здесь. Местные жители сказали, что Кон, Шанамир, Виноркис и какие-то скандары — не знаю, наши или нет — подобраны рыбаками соседнего острова. Некоторые охотники на драконов спаслись на своих лодках и тоже добрались до островов.

— А Слит? Что с ним?

— О нем я ничего не знаю, но поиски продолжаются. Может быть, он на другом острове. Их здесь много. Божество до сих пор нас хранило, наверно, и теперь не раскидает в разные стороны.

Она улыбнулась.

— Лизамона рассказала невероятную историю, как вас обоих

проглотил громадный дракон, и вы прорубили выход вибромечом. Островитянам очень понравилось. Они считают, что это самая замечательная сказка после легенды о лорде Стиамоте...

— Так оно и было, — сказал Валентайн.

— Что, милорд?

— Дракон проглотил нас. Она сказала правду.

Карабелла засмеялась.

— Когда я впервые услышала во сне, кто ты на самом деле, я поверила сразу, но этому...

— Внутри дракона, — продолжил он, — были колонны, поддерживающие свод желудка, и в одном конце отверстие, через которое каждые несколько минут хлестала морская вода с рыбой. Рыба постепенно сдвигалась к зеленоватому пруду, где и переваривалась. Мы тоже переварились бы, но нам повезло. Так она рассказывала? Ты думаешь, мы все это придумали, чтобы позабавить вас?

— Да, она рассказывала то же самое. Но мы думали...

— Это правда, Карабелла.

— Стало быть, это Божественное чудо, и ты будешь прославлен во все времена.

— Я уже прославился, — кисло сказал Валентайн, — как Коронованный, потерявший трон и занявшийся жонглированием за недостатком королевских занятий. Это обеспечит мне место в балладе рядом с Понтификом Ариоком, который объявил себя Леди Острова. А теперь еще дракон украсит легенду, которую я сотворил для себя.

Выражение его лица вдруг изменилось.

— Надеюсь, вы никому из здешних не говорили, кто я?

— Ни слова, милорд.

— Хорошо. Молчите. Им и так во многое трудно поверить.

Островитянин, худощавый, загорелый, с большим пучком светлых волос, видимо, здесь это было принято, принес Валентайну поднос с едой: немного бульона, кусок жареной рыбы, треугольные ломти плода с темно-синей мякотью и крошечными алыми семенами. Валентайн почувствовал зверский голод.

Позже они с Карабеллой вышли прогуляться по берегу.

— Я снова решил, что навеки потерял тебя, — тихо сказал он.

— Разве я так нужна тебе, милорд?

— Даже сказать не могу, как нужна!

Она грустно улыбнулась.

— Какие приятные слова, Валентайн! Я зову тебя Валентайн, а не лорд. А сколько очаровательных женщин ждет лорда Валентайна в Горном Замке?

Он и сам иногда думал об этом.

Была ли у него там любовница? Может, и не одна? Может быть, даже невеста?

Многое из прошлого все еще оставалось скрытым. А если он доберется до Замка и его встретит ждущая там женщина...

— Нет, — сказал он.— Ты моя, Карабелла, и я твой, а что бы ни было в прошлом — если было — относится к прошлому. Теперь у меня другое лицо и другая душа.

Она взглянула на него с недоверием, но спорить не стала, и он поцеловал ее в лоб.

— Спой мне ту песню, которую ты пела в Пидруде в ночь фестиваля.

Она улыбнулась и тронула струны арфы.

— Моя любовь прекрасна, как весна,

И нежна, как ночь...

Он обнял ее за плечи, и они двинулись дальше по берегу. Здесь было изумительно хорошо, тепло и спокойно. Разноцветные птицы сидели на ветвях невысоких деревьев, а кристально чистое прозрачное море лизало песок. Воздух был напоен ароматом незнакомых цветов. Вдали слышались смех и музыка. Какое искушение, — думал Валентайн, выбросить все фантазии насчет Горного Замка и навсегда остаться на Мардиджиле, на рассвете выходить на рыбачьей лодке, а все остальное время валяться под жарким солнцем.

Но для него такое отречение было невозможно. Залзан Кавол и Делиамбер, здоровые и хорошо отдохнувшие после морских испытаний, днем явились к нему и тут же заговорили о дальнейшем путешествии.

Залзан Кавол, как всегда бережливый, когда «Бренгалин» тонул, держал деньги при себе, так что по крайней мере половина их богатства была спасена, даже если Шанамир потерял остальное. Скандар выложил блестящие монеты.

— С этим, — сказал он, — мы можем нанять лодку до Острова. Я говорил с нашими хозяевами. Длина этого архипелага девятьсот миль. Он состоит из трех тысяч островов. Больше восьмисот из них обитаемы. Здесь никто не берется пройти весь путь до Острова, но за несколько роалов мы можем нанять большой тримаран до Родмент Грона, находящегося примерно посредине цепи островов, а там, вероятно, найдем транспорт на оставшийся путь.

— Когда отплываем? — спросил Валентайн.

— Как только все соберемся, — ответил Делиамбер, — мне сказали, что кое-кто из наших уже на пути сюда с ближайшего острова.

— Кто?

— Кон, Виноркис и Шанамир, — сказал Залзан Кавол, — и мои братья Ирфон и Роворн. С ними капитан Гарцвел. Гайбор Херн утонул, я видел, как он погиб: его ударило балкой. А о Слите ничего неизвестно.

Валентайн коснулся руки скандара.

— Скорблю о твоей утрате.

Залзан Кавол хорошо владел собой.

— Давай лучше порадуемся за тех, кто остался жив, милорд, — спокойно ответил он.

Ближе к вечеру пришла лодка с соседнего острова. Все начали обниматься. Только Гарцвел стоял в стороне, оцепеневший и растерянный, потирая обрубок руки. Он, казалось, был в шоке.

Валентайн протянул ему руку, но Гарцвел упал на колени, коснулся лбом песка и дрожащими руками сложил знак горящей звезды.

— Милорд, — шептал он, — милорд...

Валентайн недовольно оглянулся.

— Кто проболтался?

Все молчали. Потом Шанамир испуганно сказал:

— Я, милорд. Я не хотел ничего плохого. Скандар так переживал потерю своего корабля... Я хотел утешить его и сказал, что капитан войдет в историю Маджипуры через твое путешествие с ним. Это было до того, как мы узнали, что ты жив. Милорд, я не хотел ничего плохого!

Губы мальчика дрожали.

Валентайн кивнул.

— Ничего плохого и не случилось. Я прощаю тебя, Гарцвел. Испуганный капитан сжался у ног Валентайна.

— Встань, Гарцвел, иначе я не могу с тобой разговаривать.

— Милорд...

— Вставай. Ну, пожалуйста, встань!

Скандар ошалело посмотрел на Валентайна.

— Ты сказал — пожалуйста!

Валентайн засмеялся.

— Я, вероятно, забыл уроки власти. Ладно. Встань! Я приказываю!

Гарцвел, дрожа, поднялся. У него был жалкий вид, у этого маленького трехрукого скандара с потускневшим, запачканным в песке мехом.

— Я принес тебе несчастье, а тебе только этого не хватало! Прими мои извинения. Если судьба снова улыбнется мне, я исправлю постигшую тебя беду. Обещаю. Что ты думаешь делать сейчас? Соберешь свою команду и вернешься в Пилиплок?

Гарцвел с несчастным видом покачал головой.

— Я не могу вернуться. У меня нет ни корабля, ни репутации, ни денег. Я потерял все и никогда не верну потерянное. Мои люди свободны от контракта, раз «Бренгалин» затонул. Теперь я один и разорен.

— Тогда пойдем с нами на Остров Леди, Гарцвел.

— Как, милорд?

— Мы не можем оставаться здесь. Я думаю, островитяне предпочли бы не иметь поселенцев, и здешний климат не годится для скандаров. Я думаю, драконий охотник рыбаком не сможет стать. Он будет страдать каждый раз, забрасывая сеть. Поедем с нами. Если мы не уйдем дальше Острова, ты, может быть, найдешь успокоение в служении Леди. Если же мы пойдем дальше, тебе будет оказана честь, когда мы поднимемся на Гору Замка. Что скажешь?

— Мне страшно рядом с тобой, милорд.

— Разве я такой страшный? Разве у меня драконья пасть? Посмотри на других. Что-то они не зеленеют от страха.

Валентайн хлопнул капитана по плечу и повернулся к Залзану Каволу.

— Никто не заменит тебе погибшего брата, но я дам тебе компаньона твоей расы. А теперь давайте готовиться к отъезду. До Острова еще много дней пути.

Через час Залзан Кавол договорился, что утром их повезут на восток. В этот вечер гостеприимные островитяне устроили роскошный пир с холодным зеленым вином, сладкими сочными фруктами и изысканным свежим мясом морского дракона. От этого последнего блюда Валентайна стало тошнить, и он хотел было уже отодвинуть его в сторону, но увидел, что Лизамона жует так, словно ей вовек уже не видать мяса.

В качестве упражнения в самоконтроле он решился насильно проглотить кусок, вкус был восхитительный, и он сразу же отказался от всех неприятных мыслей, связанных с морскими драконами.

Пока они ели, солнце село, быстро, как всегда в тропиках, стемнело. По небу переливались янтарные, фиолетовые, красные и золотые тона. Да, благословенные острова, — думал Валентайн, — исключительно радостное место, даже для этой планеты, где живут счастливой и полной жизнью. Население в основном однородное — красивый, длинноногий народ человеческой расы, с густыми золотистыми волосами и гладкой медового цвета кожей. Встречались, правда, и уруны, и даже гайроги, и Делиамбер сказал, что на других островах народ разных рас.

По его словам, островитяне не связаны с континентами, живут своей жизнью и о делах большого мира знают мало.

Когда Валентайн спросил одну из хозяек, проезжал ли мимо них лорд Валентайн Коронованный во время вояжа по Зимроелю, она посмотрела на него и простодушно спросила:

— А разве Коронованный не лорд Валентайн?

— Нет. Я слышал, что он умер два года назад, — сказал кто-то из островитян.

Это было воспринято за столом как новость.

Эту ночь Карабелла провела с Валентайном. Они долго стояли на веранде, смотрели, как ярко отражается в море лунный свет до самого Пилиплока. Валентайн думал о морских драконах, несущихся в этом море, о чудовище, в брюхе которого он побывал, о двух своих пропавших товарищах — Гайборе Хорне и Слите.

Какое длинное путешествие,— думал он, вспоминая Пидруд, Долорн, Мазадон, Илириволн, Ни-мою, бегство через лес, пороги Стейча, холодность пилиплокских драконских капитанов, встречу с драконом, сокрушившим судно бедняги Гарцвела. Великое путешествие, многие тысячи миль и сколько их еще осталось пройти, прежде чем он получит ответы на томящие его вопросы.

Карабелла, прижавшись к нему, молчала. Ее отношение к нему то и дело менялось, тут смешались страх и любовь, уважение и непочтительность, потому что она принимала и почитала его как Коронованного, но не забывала о его простоте, наивности, неведении — качествах, которые он до сих пор не утратил. В повседневных отношениях с миром она была куда осведомленнее и опытнее, и это скрашивало ее взгляд на него, и потому было в нем для нее что-то пугающее и одновременно детское. Он понимал это и не видел выхода, хотя его прежнее «я» и воспитание с каждым днем возвращались к нему по крупицам, но большая часть его

прежнего все еще оставалась недоступной, поэтому он отчасти был Валентайном-простодушным, Валентайном-скитальцем, Валентайном-жонглером. Темная фигура лорда Валентайна, которым он был когда-то и, может быть, станет вновь, была где-то глубоко в нем скрыта и редко давала о себе знать. Он считал, Карабелла лучше него найдет выход из затруднительного положения.

— О чем ты думаешь, Валентайн? — спросила она наконец.

— О Слите. Мне очень не хватает его.

— Он вернется. Мы найдем его на каком-нибудь острове.

— Хотел бы надеяться.

Валентайн обнял ее за плечи.

— Я думаю обо всем, что случилось, и о том, что еще может случиться. Я иду как через мир снов, Карабелла.

— Кто скажет, что в сущности сон, а что нет? Мы идем, как велит нам Божество, и не задаем вопросов, потому что на них нет ответов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы: я могу ответить тебе, какой сегодня день или что было у нас на обед, но ведь это не те вопросы и не те ответы.

— Я тоже так думаю, — сказал Валентайн.

Залзан Кавол нанял самое большое рыбачье судно на острове — чудесный бирюзовый тримаран под названием «Гордость Мардиджила». Он поднимался на пятьдесят футов на трех гладких корпусах, а его безупречной белизны паруса были окантованы ярко-красным, что придавало им радостный, праздничный вид. Его капитаном был пожилой человек, один из самых процветающих рыбаков острова. Его звали Гриджитор. Он был высоким и крепким, с волосами до пояса и загорелой оливковой кожей. Он был одним из тех, кто спас Залзана Кавола и Делиамбера, когда до острова дошли первые известия о тонущем корабле. У него было пять человек команды — все его сыновья и дочери, такие же крепкие и красивые, как он.

Их путь лежал сначала на Бурбонт, всего в получасе плавания, а затем в пролив, связывавший два внешних острова с остальными. Морское дно было здесь из чистого белого песка, солнечный свет легко проникал сюда и были видны подводные жители — быстрые крабы, большеногие омары, всевозможные рыбы и зловещие песчаные угри.

Один раз даже пронесся маленький морской дракон, слишком быстро приблизившийся к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей капитана настаивала, чтобы погнаться за ним, но капитан отмахнулся, сказав, что их дело быстрее доставить пассажиров на Родмент Грон.

Они плыли все утро, миновали еще три острова и в полдень стали на якорь для завтрака. Двое сыновей капитана прыгнули за борт и быстро набили острогами рыбы и раков. Гриджитор сам приготовил мясо, замариновал в пряном соусе кубики сырой рыбы и щедро налил пряного зеленого вина. Делиамбер, почти ничего не евший, уселся на верхушке внешнего корпуса и стал напряженно глядеть на север. Валентайн заметил это и хотел подойти, но Карабелла удержала его:

— Он в трансе. Не мешай ему.

После завтрака они на несколько минут задержались с отплытием, поджидая, пока маленький урун спустился со своего места.

— Я послал свой мозг вперед, — сказал он, — и несу вам хорошую новость: Слит жив!

— Вот это действительно хорошая новость! — воскликнул Валентайн.— Где он?

— На острове в этой группе, — ответил Делиамбер.

Он неопределенно махнул щупальцами.

— С ним кое-кто из команды Гарцвела.

— Скажи, какой остров, и мы пойдем туда, — сказал Гриджитор.

— Он имеет форму кольца, открытого с одной стороны, а в середине — вода. Люди там темнокожие, с длинными курчавыми волосами, в ушах серьги.

— Кангрисон, — тут же сказала дочь Гриджитора.

Отец кивнул.

— Верно. Поднять якорь!

До Кангрисона был час пути по ветру.

Он лежал в стороне отмеченной на карте дороги. Это был один из десятка маленьких атоллов.

Видимо, его редко посещали люди с Мардиджила, потому что еще до того, как тримаран вошел в гавань, местные ребятишки выплыли в лодках посмотреть на чужаков. Они были черные, тоже красивые, с черными до спины волосами. Смеясь и размахивая руками, они проводили тримаран ко входу в лагуну, а там уже сидел у воды Слит, обгоревший на солнце и в лохмотьях, но невредимый. Он жонглировал пятью или шестью шариками из белого коралла, развлекая публику из нескольких десятков островитян и пяти членов команды Гарцвела — четверых людей и одного хьерта.

Гарцвел, похоже, боялся встречи со своими бывшими людьми. С утра он как бы воспрянул духом, но когда тримаран вошел в лагуну, стал напряженным и замкнутым. Карабелла первая побежала по мелководью, чтобы обнять Слита, Валентайн шел следом. Гарцвел держался позади и не поднимал глаз.

— Как вы нашли нас? — спросил Слит.

Валентайн показал на Делиамбера.

— Через колдовство, конечно. Ну, как ты тут?

— Я думал, что сдохну от морской болезни, но дня через два поправился. А ты? Я видел, как тебя утянуло под воду и решил, что все кончено.

— Произошла странная история. Я расскажу тебе потом, — сказал Валентайн.— Главное — мы опять все вместе, Слит!

Затем он печально добавил:

— Все, кроме Гайбора Хорна. Он погиб. Но мы взяли в спутники Гарцвела. Иди сюда, Гарцвел. Разве ты не рад снова увидеть своих ребят?

Гарцвел что-то невнятно пробормотал, отвел глаза, чтобы не встречаться с ними взглядом. Валентайн понял ситуацию и обернулся к бывшим членам команды, собираясь просить их не держать зла на капитана за бедствие, не подвластное смертному, и отшатнулся, увидев, что все пятеро упали к его ногам.

Слит удрученно сказал:

— Я думал, что ты умер, милорд, и не мог удержаться, чтобы не рассказать им твою историю.

— Понятно, — сказал Валентайн.— Новости расходятся быстрее, чем я бы хотел, несмотря на все ваши клятвенные заверения. Что ж, это простительно, Слит.

Он снова обернулся к морякам:

— Встать. Незачем ползать по песку, это никому не нужно.

Все встали. Они не могли скрыть своего недовольства Гарцвелом, но еще больше были изумлены, что оказались в присутствии Коронованного.

Валентайн быстро выяснил, что двое — один человек и хьерт — хотят остаться на острове и со временем найти возможность вернуться в Пилиплок. Остальные трое просили разрешения сопровождать его. В числе этих троих были две женщины — Панделон, плотник, и Корделин, парусный мастер, и мужчина, Тизи, лебедочник. Валентайн согласился взять их и принял от них клятву верности.

Церемония эта пробудила в нем смутное недовольство, однако он уже начал привыкать к знакам власти.

Гриджитор и его дети не обратили внимания на эту процедуру. И очень хорошо: Валентайн не хотел, чтобы всюду стало известно о возвращении к нему памяти, пока не увидится с Леди. Он все еще не был уверен в своих намерениях и своих силах. К тому же, если он объявит о своем существовании, это привлечет внимание нынешнего Коронованного, который вряд ли спокойно отнесется к тому, что претендент на трон идет к Замку на Горе.

После многих дней путешествия мимо мелких, залитых солнцем островов тримаран вошел в просторную гавань Родмент Грон. Этот гористый остров был самым большим в архипелаге, население его составляло пять с половиной миллионов. По обе стороны гавани раскинулись, как крылья, два города-двойника. Склоны центрального пика острова тоже были густо населены.

Деревянные дома поднимались ярусами почти до середины пика. Склоны за последней линией домов густо поросли лесом, а на самом верху поднималась струйка тонкого белого дыма, потому что Родмент Грон был действующим вулканом. Последнее извержение, как сказал Гриджитор, было лет пятьдесят назад. В это с трудом верилось при виде ухоженных домов и уцелевшего леса.

«Гордость Мардиджила» собиралась отсюда вернуться домой, и Гриджитор устроил своих пассажиров на чрезвычайно элегантный тримаран «Королева Родмента», который должен был отвезти их на Остров Снов. Шкипером тримарана была некая Наморинта, женщина царственной осанки, с длинными прямыми волосами, белыми, как у Слита, и с гладким молодым лицом. Особа утонченная и насмешливая. Она внимательно рассматривала пассажиров, как бы стараясь установить, что толкнуло эту разнородную группу на внесезонное паломничество, но сказала только:

— Если вам на Острове откажут, я привезу вас обратно на Родмент Грон, но это будет стоить вам дополнительной оплаты.

— А на Острове часто отказывают пилигримам? — спросил Валентайн.

— В сезон — нет. Но пилигримские корабли осенью не ходят, как вы, наверное, знаете. А может случиться, что там не готовы принять вас.

— Мы проделали очень большой путь без особых затруднений, — небрежно заметил Валентайн.

Он услышал, как фыркнула Карабелла и каплянул Слит.

— Я уверен, что мы не встретим препятствий больших, чем те, что уже преодолели.

— Я восхищаюсь вашей решимостью, — ответила Наморинта.

Она подала сигнал команде готовиться к отплытию.

Архипелаг в своей восточной части был несколько сдвинут на север, и острова здесь совсем не похожи на Мардиджил и соседние с ним. В основном это были вершины затонувшей горной цепи, а не плоские платформы на коралловой основе. Валентайн подумал, что эта часть была когда-то длинным концом мыса, отходившего от юго-западного угла Острова Снов, но в давние времена ее поглотило Внутреннее Море.

Над водой находились только самые высокие пики, а между самым восточным островом архипелага и берегом Острова лежали сотни миль открытого моря — тяжкое путешествие для тримарана, даже и так хорошо оснащенного, как судно Наморинты.

Однако обошлось без происшествий.

Они останавливались в четырех портах пополнить запасы воды и пищи, и, наконец, вошли в пролив, отделявший архипелаг от Острова Снов. Пролив был широким, но мелким, богатым морской живностью. Здесь были безвредные чудища — громадные шаровидные создания, называемые вольвантами. Они крепились к камням на дне и питались планктоном, процеживая его через жабры.

Они покачивались на глубине нескольких футов под водой, шарообразные мешки пятидесяти футов в поперечнике.

На второй день «Королева Родмента» спустила пять лодок, и они оторвали вольванта от камня, подняли на поверхность, вспороли и сняли с него кожу, которую потом нарезали маленькими кусочками и разложили на палубе.

Валентайн ужаснулся. Ему чем-то нравились вольванты.

Когда я снова стану Коронованным — подумал он, — я запрещу убийство этих безвредных тварей.

Затем он спросил себя, можно ли издавать законы, основанные только на личной симпатии, а не на фактах. Он спросил Наморинту, что делают с кожей вольвантов.

— Лекарства для стариков, кровь которых плохо течет по жилам, — ответила она.— Одного вольванта хватит на лекарство для всех островов на год, а то и больше. То, что ты сейчас видел, — редкое событие.

Когда я снова стану Коронованным,— опять подумал Валентайн, — я воздержусь от суждений, пока не узнаю истины, если такое вообще возможно.

Тем не менее вольванты вызывали в нем странные эмоции, и он вздохнул с облегчением, когда тримаран вышел из их зоны в холодную голубую воду, окружавшую Остров Снов.

Теперь Остров был ясно виден на востоке и с каждым часом заметно приближался. Валентайн прежде видел его только во сне и в воображении. Эти видения ни на чем не основывались, однако его воображаемая и каким-то образом укрепившаяся в воспоминаниях реальность еще держалась в памяти, и он вовсе не был готов к действительности.

Остров был огромен. Это неудивительно для громадной планеты, где многое соответствовало ее измерениям.

Однако Валентайна сбила с толку мысль, что остров обязательно должен отвечать его цели. Он предполагал, что Остров раза в два-три больше Родмент Грона, теперь же он видел, что Остров охватывал весь горизонт и на этом расстоянии казался не меньше побережья Зимроеля, каким оно выглядело в двух днях пути от Пилиплока. Это был остров, который нельзя было сравнить ни с Зимроелем, ни с Альханроелем, ни с Суврaелем. Он потому только не назывался континентом, что те были огромны, а он просто очень большим.

Остров был ослепительным. Его окружали чистые меловые утесы, ярко сиявшие на солнце. Они составляли стену с сотню футов высотой и, вероятно, столько же миль в длину вдоль западной стороны Острова.

Поверх этой стены поднималась темно-зеленая крона леса. Похоже, что внутри на возвышении была вторая меловая стена, а затем третья, еще дальше от моря, так что Остров с этой стороны, казалось, состоял из блестящих ярусов, поднимавшихся к какой-то неизвестной и, возможно, недоступной центральной цитадели. Валентайн слышал о террасах Острова и считал их древними искусственными сооружениями, символическими знаками подъема к посвящению. Но похоже, что сам Остров состоит из природных террас, придававших ему еще большую таинственность. Не удивительно, что это место стало священным на Маджипуре.

Наморинта сказала:

— Эта выемка в утесе — Талис, куда причаливают корабли пилигримов. Это одна из двух гаваней Острова, вторая — Нуминор, на другой стороне. Но вы, наверное, и сами это знаете, если вы пилигримы.

— У нас не было времени, чтобы узнать, — ответил Валентайн.— Мы решились на паломничество внезапно.

— И останетесь до конца жизни на службе Леди? — спросила она.

— На службе Леди — да, — ответил Валентайн, — но я думаю, не здесь. Для некоторых из нас Остров — только привал на долгом пути.

Наморинта, казалось, была озадачена, но больше ни о чем не спрашивала.

Юго-западный ветер быстро домчал «Королеву Родмента» до Талиса. Вскоре перед ними выросла громадная меловая стена, отверстие в ней оказалось не выемкой, а гигантских размеров гаванью.

Тримаран вошел в нее на всех парусах. Валентайн стоял на носу, он испытал благоговейный страх при виде границ входа,

потому что в углу У, такая форма была у Талиса, утесы спускались в воду почти отвесно с высоты мили или больше, а у их основания была плоская полоса земли, граничившая с широким белым пляжем.

На одной стороне были верфи, пирсы и лодки, казавшиеся карликовыми по сравнению с этим гигантским амфитеатром. Трудно было представить, как попасть из этого порта у подножия утесов в глубь острова. Это была природная крепость.

Стояла тишина. В гавани не было ни одного судна, кругом царило спокойствие.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Слит.— Кто нас встретит?

Карабелла закрыла глаза.

— Идти в обход до Нуминора или вернуться на архипелаг...

— Нет, — сказал Делиамбер.— Нас встретят. Бояться нечего.

Тримаран стал у свободного пирса.

Член команды спустил лодку, и они поплыли вперед.

Уверенность Делиамбера казалась нелепой. Так никто и не появился. По-прежнему было тихо. Они ждали, неуверенно переглядываясь.

— Давайте искать, — сказал, наконец, Валентайн.— Лизамона, Кон, Залзан, осмотрите здания слева. Слит, Делиамбер, Виноркис, Шанамир — справа, Панделон, Тизм, Ровори, обогните пляж и поглядите там. Гарцвел, Ирфон...

Сам Валентайн, Карабелла и мастер Корделин отправились вперед к подножию громадного утеса. Здесь начиналось нечто вроде тропы, которая шла под углом вверх почти вертикально к верхней части утеса и исчезала между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, нужно обладать ловкостью лесных братьев и нахальством горного козла, решил Валентайн.

Однако другой возможности, по-видимому, не было. Он заглянул в будочку, стоявшую в начале тропы, но не нашел ничего, кроме нескольких плавучих саней, видимо, служивших для подъема. Он вытащил одни, отрегулировал седло и сел, но включить не смог.

Тогда он вернулся к пирсу. Почти все уже были там.

— Пусто, — сказал Слит.

Валентайн посмотрел на Наморинту.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы отвезти нас на другую сторону?

— В Нуминор? Несколько недель. Но я туда не поеду.

— Мы заплатим, — сказали Валентайн и Залзан Кавол.

Она равнодушно взглянула на них.

— Мое дело — рыболовство. Начинается лов рыбы-колючки. Если я повезу вас в Нуминор, я пропущу этот лов и половину сезонного лова гиссуна. Вы не сможете оплатить мне это.

Шанамир достал монету в пять роалов, но Наморинта отвергла ее.

— Вы заплатили мне, чтобы я доставила вас от Родмент Грон сюда. За половину той платы я отвезу вас обратно. Это лучшее, что я могу для вас сделать. Через несколько месяцев снова пойдут корабли пилигримов, гавань оживет, и тогда, если вы захотите,

я опять привезу вас сюда за те же деньги. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам. Но отчалю я отсюда до наступления темноты и не поплыву в Нуминор.

Валентайн обдумал ситуацию. Это оказалось тягостнее, чем быть проглоченным драконом, потому что тогда он освободился довольно быстро, а это неожиданное препятствие сулило отсрочку на всю зиму, если не больше, тем временем Доминин Баржазид будет править в Замке, издавать новые законы, перекраивать историю и укреплять свое положение. Но что же делать? Он посмотрел на Делиамбера, но колдун, выглядевший спокойным, не дал совета. На эту стену им не вскарабкаться. Летать они не умеют. Значит, возвращаться на Родмент Грон?

— Ты не подождешь один день? — спросил он Наморинту, — За добавочную плату. Может утром мы найдем кого-нибудь...

— Я далеко от Родмент Грона, — ответила она, — и очень хочу видеть его берег. Лишний час ожидания не даст вам ничего, а мне и того меньше. Не тот сезон: люди Леди никого не ждут и сюда не придут.

Шанамир слегка дернул Валентайна за рукав.

— Ты Коронованный Маджипуры, — прошептал он.— П р и к а ж и ей! Назови себя и заставь ее встать на колени!

Валентайн улыбнулся и тихо ответил:

— Я думаю номер не пройдет. Я где-то оставил свою корону.

— Так пусть Делиамбер заколдует ее!

Это было возможно, но не по душе Валентайну. Наморинта была честна с ними, и было бы справедливо, чтобы теперь она имела право уйти. Заставить же ее уступить с помощью Делиамбера казалось ему отвратительным. Но, с другой стороны...

— Лорд Валентайн! — крикнул издали женский голос.— Иди сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани.

Кричала Панделон, плотник Гарцвела.

Она махала руками и звала. Он побежал к ней, остальные за ним.

Когда он приблизился, она повела его по мелкой воде вокруг каменного уступа, скрывавшего пляж поменьше. Там он увидел одноэтажное здание из розового песчаника с эмблемой Леди — треугольник в треугольнике — видимо, какую-то гробницу. Перед зданием был сад с цветущими кустами, высаженными симметричным узором красных, голубых, оранжевых и желтых цветов.

В саду работали два садовника, мужчина и женщина. Они равнодушно смотрели на приближавшегося Валентайна. Он неуклюже сделал им знак Леди, они ответили искуснее.

— Мы пилигримы, — сказал он, — и нам нужно узнать дорогу к террасам.

— Вы приехали не вовремя, — сказала женщина.

У нее было широкое, бледное, морщинистое лицо. Тон ее трудно было назвать дружелюбным.

— Из-за нашего стремления служить Леди.

Женщина пожала плечами и принялась за работу. Мужчина, крепкий, невысокий, с редкими седыми волосами, сказал:

— В это время года вам следовало бы ехать в Нуминор.

— Мы из Зимроеля.

Возник слабый проблеск внимания.

— Вы прошли через драконьи ветры? Вам, наверно, пришлось нелегко?

— Бывали трудные минуты,— ответил Валентайн.— Но теперь они позади. Мы рады, что наконец достигли Острова.

— Леди позаботится о вас, — равнодушно сказал мужчина.

Он взялся за лопату.

Молчание быстро становилось пугающим.

Валентайн спросил:

— Где дорога на террасы?

— Вы не сможете воспользоваться ею, — ответила женщина.

— Вы не поможете нам?

Снова последовало молчание.

— Это же недолго, — сказал Валентайн.— Покажите нам дорогу, и мы больше не будем беспокоить вас.

— У нас здесь работа, — сказал мужчина.

Валентайн облизал губы. Все шло куда как плохо, а Наморинта, наверное, покинула тот пляж пять минут назад и возвращается в Родмент Грон, бросив их в безвыходном положении. И он посмотрел на Делиамбера.

Его колдовское прикосновение может стать приказом. Делиамбер оставил намек без внимания.

Валентайн подошел к нему и шепнул:

— Коснись их щупальцем и заставь помочь нам.

— Я думаю, что на этом священном острове мое колдовство бессильно, — ответил Делиамбер.— Воспользуйся своими чарами.

— У меня их нет!

— Попробуй, — сказал колдун.

Валентайн снова подошел к садовникам.

— Я Коронованный Маджипуры,— повторял он про себя, — я сын Леди, которой вы служите. Сказать вслух что-либо подобное садовникам было немыслимо, но, возможно, он сумеет передать им это силой своего духа. Он выпрямился и двинулся к центру своего «я», как делал, готовясь жонглировать перед взыскательной публикой, и улыбнулся такой теплой улыбкой, что от нее могли бы раскрыться почки на ветвях цветущих кустов. Через минуту садовники подняли глаза, увидели его улыбку и последовал ответ — в нем смешались удивление, растерянность и покорность.

Он омыл их сияющей любовью.

— Мы прошли тысячи миль, — ласково сказал он, — чтобы обрести покой и мир Леди, и мы просим вас, во имя Божества, которому вы служите, помочь нам. Очень просим, мы устали от странствий.

— У нас своя работа, — неуверенно сказала женщина.

— Мы не можем уйти, пока не приведем сад в порядок, — промямлил мужчина.

— Сад цветет, — сказал Валентайн, — и будет цвести несколько часов без вашей помощи. Помогите нам, пока не стемнело. Мы просим только показать нам дорогу, а Леди вознаградит вас за это.

Садовникам было явно не по себе. Они посмотрели друг на друга, как бы прикидывая, не поздно ли. Наконец, хмуро встали, отряхнули песок с колен и пошли к мелкому прибою вокруг острия большого пляжа и дальше вниз к подножию утеса, откуда шла вверх тропа.

Наморинта была еще там, но уже готовилась к отплытию. Валентайн подошел к ней.

— Мы очень признательны тебе за помощь, — сказал он.

— Вы остаетесь?

— Мы нашли путь на террасы.

Она улыбнулась с явным удовлетворением.

— Я не хотела бросать вас, но Родмент Грон зовет меня. Я желаю вам удачи в вашем паломничестве.

— И я желаю тебе безопасного путешествия домой.

Он хотел отойти, но она удержала его.

— Еще одно. Когда женщина звала тебя, она назвала тебя лорд Валентайн. Что это значит?

— Просто шутка.

— Я слышала, что так зовут нового Коронованного. Он начал править год или два назад.

— Да, — сказал Валентайн, — но он черноволосый. Это была просто шутка, потому что я тоже Валентайн. Счастливого плавания, Наморинта.

— Успешного паломничества, Валентайн.

Он пошел к утесу. Садовники вытащили из будки несколько плавучих саней, установили их и жестом пригласили путешественников. Валентайн сел в первые сани с Карабеллой, Делиамбером, Шанамиром и Коном. Садовница вошла в будку, где, как видно, было управление санями.

Сани тут же поднялись на воздушной подушке и поплыли. Начался страшный головокружительный подъем на белый утес.

— Вы прибыли,— сказал служитель Талинот Изолд, — на Террасу Оценки. Здесь вас взвесят. Когда настанет время идти дальше, ваша дорога приведет вас на Террасу Начала, затем на Террасу Зеркал, где вы встретитесь сами с собой. Если увиденное удовлетворит вас и ваших гидов, вы пойдете внутрь Второго Утеса, где вас ждет другая группа террас. Так вы дойдете до Террасы Поклонения. Затем, если вам будет милость Леди, вы получите вызов во Внутренний Храм. Но я не рассчитываю, что это случится скоро. Я даже не надеюсь, что это вообще может случиться. Но те, кто надеются достичь Леди, в конце концов, вероятно, добираются до нее.

Настроение Валентайна упало. Он не только надеялся дойти до Леди, это было жизненно необходимо. Однако он понимал, что имел в виду служитель. В этом священном месте паломник ничего не мог требовать, он подчинялся, он отказывался от требований, нужд и желаний, он уступал, если искал покоя. Здесь не место для Коронованного. Главное в жизни Коронованного,— пользоваться властью мудро, если он наделен мудростью. Однако в любом случае — первое в жизни пилигрима — подчинение.

В этом противоречии легко можно было запутаться, но выбора не было.

Во всяком случае, он добрался до внешних окраин владений Леди. На вершине утеса служители встретили их без всякого удивления. Видимо, они знали, что к ним поднимаются внесезонные паломники. Теперь их, выглядевших благочестиво и чуть глуповато в мягкой неяркой одежде пилигримов, собрали в длинном низком здании из гладкого розового камня, стоявшем у гребня утеса. Плиты из того же камня составляли большой полукруг для прогулок, далеко тянувшийся вдоль кромки леса, венчавшего утес. Это была Терраса Оценки. Дальше шел лес. Другие террасы были далеко за ними.

В глубине, не видимый отсюда, поднимался второй утес. Третий, насколько было известно Валентайну, был выше второго и находился в сотне миль где-то в глубине острова, свято чтимые места, где был Внутренний Храм и где жила Леди. Хотя Валентайн прошел огромный путь, казалось немыслимым, что когда-нибудь он одолеет эти последние сотни миль.

Быстро наступила ночь. Оглянувшись на круглое окно позади себя, он увидел темневшее небо и широкую темную полосу моря. На гладкой поверхности воды виднелось пятнышко. Валентайн томился надеждой, что это спешит домой тримаран «Королева Родмент Грон», а позади вольванты, погруженные в свои бесконечные сны, и морские драконы, плывущие к Великому Океану, а еще дальше — Зимроель с его городами, заповедниками и парками, фестивалями и миллиардами жителей. Многое осталось для него позади, но теперь он должен смотреть только вперед.

Он не сводил глаз с Талинота Изолда, их первого здешнего гида, высокого, худощавого, с молочно-белой кожей и лысой головой, неизвестного пола. По росту и ширине плеч можно было предположить, что это мужчина, но изящество лицевых костей, особенно хрупкий изгиб легкого выступа над странными синими глазами заставляли в этом усомниться.

Талинот Изолд рассказал обо всем ежедневной смене молитв, работы и медитации, системе толкования снов, устройстве жилых помещений, диетических ограничениях, исключавших все вина и некоторые пряности, и многом другом. Валентайн пытался запомнить все, но тут было так много правил, требований, обязанностей и обрядов, что они перепутались у него в голове, и через какое-то время он оставил эти усилия, надеясь, что ежедневная практика закрепит в памяти все правила.

Когда стемнело, Талинот Изолд отвел их в зал обучения, заведя по пути в покосившийся бассейн, где они вымылись, прежде чем надеть выданную им одежду, и где должны были мыться дважды в день, пока находились на этой террасе, и в обеденный зал. Здесь им подали суп и рыбу, еду безвкусную и непривлекательную даже для зверски голодных паломников. Обслуживали их новички, вроде них, но в светло-зеленой одежде. Большой зал был занят лишь частично — час обеда уже почти прошел, — сказал Талинот.

Валентайн осмотрел всех пилигримов.

Они были разных рас, половина, может, человеческого

происхождения, но было много урунов и тайроров, скандаров, несколько лименов, были хьерты, а в дальнем конце сидела маленькая группа су-сухерисов. Сеть Леди охватывала все расы Маджипуры, кроме одной.

— Метаморфы когда-нибудь посещали Леди? — спросил Валентайн.

Талинот Изолд ангельски улыбнулся.

— Если пьюривар придет к нам, мы должны принять его. Но они не участвуют в наших ритуалах. Живут сами по себе, словно одни на Маджипуре.

— Может, кто-то из них приходил в другом обличье? — предположил Валентайн.

— Мы бы об этом знали, — спокойно ответил Талинот Изолд.

После обеда их развели по комнатам.

Это были отдельные комнаты, едва ли больше стенного шкафа, в напоминавшей муравейник квартире: постель, раковина, место для одежды и ничего больше. Лизамона сердито осмотрела свою комнату.

— Вина нет, меч отобрали, а теперь еще и спать в этом ящике? Похоже, что я промахнулась, став пилигримом, Валентайн.

— Успокойся, сделай над собой усилие. Мы уйдем с Острова, как только сможем.

Он вошел в свою комнату, находившуюся между комнатами женщины-воина и Карабеллы.

Свет тут же потускнел. Он лег на койку и неожиданно заметил, что засыпает, хотя было еще рано. Сознание покинуло его, и он увидел Леди, бесспорно, это была Леди Острова.

Валентайн много раз видел ее во сне, видел ее ласковые глаза, черные волосы, цветок за ухом, оливковую кожу, но сейчас образ был резче и четче. Он рассмотрел мелкие морщинки в углах глаз, крошечные зеленые камни в серьгах, узкую серебряную полоску над бровями. Во сне он протягивал к ней руки и говорил:

— Мать, я здесь, позови меня!

Она улыбнулась ему, но не ответила.

Они были в саду, и вокруг цвели алабандины. Маленьким золотым инструментом она подстригала цветочные бутоны, чтобы оставшиеся цвели лучше. Он стоял рядом и ждал, когда она обернется к нему, но она все работала. Наконец сказала, не глядя на него:

— Нужно быть очень внимательным к своему делу, чтобы хорошо его выполнять.

— Мать, я твой сын Валентайн!

— Видишь, на каждой ветке пять бутонов. Оставь их, и они раскроются, но я уберу два здесь, один здесь, один там, и цветение будет великолепным.

Пока она говорила, бутоны раскрылись, и воздух наполнился запахом алабандины, а громадные желтые лепестки вытянулись, как тарелки, открыв черные тычинки и пестик.

Леди слегка коснулась их, и в воздухе разлетелась пурпурная пыльца.

— Ты тот, кто есть, и им же будешь, — сказала Леди.

Сон сменился. Леди уже не было, только колючие кусты махали ему жесткими руками, громадные птицы летали над ним.

Затем все смешалось.

Проснувшись, он должен был сразу явиться к своему толкователю снов, не Талиноту Изолду, а другому служителю, тоже лысому и тоже неопределенного пола, но женщине. Столинор. Эти служители были среднего уровня посвящения, как вчера узнал Валентайн. Они вернулись со Второго Утеса, чтобы обслуживать новичков.

Толкование снов на Острове ничуть не напоминало действия Тизаны в Фалкинкипе.

Не было ни наркотиков, ни совместного лежания. Валентайн просто пришел к толковательнице и описал свой сон. Столинор спокойно слушала. Валентайн заподозрил, что она имела доступ к его сну, когда этот сон ему снился, и теперь просто хочет сравнить его отчет с собственным восприятием и увидеть, нет ли провалов и противоречий.

Поэтому Валентайн точно, как помнил, передал сон и сказал, что говорил во сне — Мать, я твой сын Валентайн, внимательно следя за реакцией Столинор. Но он мог с тем же успехом смотреть на меловой утес.

Когда он кончил рассказ, толковательница спросила:

— Какого цвета были цветы алабандины?

— Желтые с черной серединой.

— Приятный цвет. В Зимроеле алабандины с желтой серединой. Какие тебе больше нравятся?

— Одинаково.

Столинор улыбнулась.

— В Альханроеле алабандины желтые с черной серединой. Можешь идти.

И так каждый день: загадочное замечание, а если не загадочное, то такое, которое можно было истолковать по-разному, хотя истолкование не предполагалось.

Столинор была как бы хранилищем снов Валентайна, она впитывала их, но не давала советов.

Валентайн начал привыкать к этому.

Он стал привыкать и к ежедневной работе. Каждое утро он два часа работал в саду, полол, подрезал, окапывал, после обеда работал каменщиком, овладевая искусством обтесывать плиты. Затем шли долгие часы медитации. Тут им никто не руководил: просто посылали смотреть на стены.

Своих спутников он почти не видел, кроме как за совместным купанием утром и перед ужином, и разговаривали они мало.

Легко было войти в ритм этого места, отбросив все остальное. Тропический воздух, аромат множества цветов, благородный тон всего, что было здесь, успокаивали и размягчали, как теплая ванна.

Но Альханроель лежал в тысячах миль отсюда, а Валентайн ни на дюйм не приблизился к своей цели, оставаясь на Террасе Оценки. Прошла уже неделя. Во время медитации Валентайн предавался мечтам о том, как соберет своих людей, удерет ночью, тайком пройдет через террасы Второго и Третьего Утесов и появится на

пороге Храма Леди. Однако он подозревал, что в таком месте, где сон — открытая книга, им далеко не уйти.

Это его раздражало. Он понимал, что раздражение ничего ему не даст, и учился расслабляться, снимать напряжение, очищать мозг от ненужных мыслей, и таким образом открывать путь призывному сну, которым Леди позовет его к себе.

Но и это не помогало. Он полол сорняки, обрабатывал теплую плодородную землю, носил ведра со строительным раствором, целыми часами сидел, скрестив ноги, с совершенно пустым мозгом во время медитации, каждую ночь, ложась, молился, чтобы Леди позвала его, но ничего не происходило.

— Долго ли это будет продолжаться? — спросил он Делиамбера однажды в бассейне.— Пятая неделя, а может и шестая — я уже сбился со счета. Сколько я должен здесь быть? Год? Два? Три?

— С некоторыми пилигримами дело происходит именно так,— ответил урун.— Я разговаривал с одним хьертом. Он служил в патруле при лорде Вориаксе. Он провел здесь четыре года и, кажется, вполне смирился с тем, что останется тут навсегда.

— Ему не надо было никуда спешить. Гостиница тут достаточно приятная. Но...

— Неотложные дела на востоке, — закончил за него Делиамбер.— Однако ты осужден оставаться здесь. Парадоксально, Валентайн: ты отрекаешься от цели, но это отречение само по себе цель. Разве ты этого не понимаешь? Твоя толковательница наверняка понимает.

— Конечно, понимаю. Но что мне делать? Как я могу спокойно думать, что придется остаться здесь навеки.

— Нельзя быть уверенным. Но как только ты по-настоящему перестанешь беспокоиться, ты двинешься вперед, не раньше.

Валентайн покачал головой.

— Это все равно, как если бы мое спасение зависело от того, что я никогда бы не вспоминал о джи-птицах. Как бы я ни старался не думать о них, они неотступно будут занимать мой мозг. Что мне делать, Делиамбер?

Других советов у Делиамбера не было.

На следующий день Валентайн узнал, что Шанамир и Виноркис продвинулись на Террасу Начала.

Прошло два дня, прежде чем Валентайн и Делиамбер встретились снова. Колдун заметил, что Валентайн плохо выглядит. Тот сказал с нескрываемым раздражением:

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Ты знаешь, сколько сорняков я выдрал, сколько плит обтесал, а Баржазид сидит в Горном Замке в Альханроеле и...

— Спокойно, — мягко сказал Делиамбер.— Это не похоже на тебя.

— Спокойно? Сколько я могу быть спокойным?

— Может быть тут испытывают твое терпение. В этом случае, милорд, ты провалишь испытание.

Валентайн задумался, а затем сказал:

— Я согласен с тобой. Но, может быть, испытывают мою изобретательность? Делиамбер, пошли мне призывной сон в эту ночь.

— Ты знаешь, что мое колдовство мало чего стоит на этом острове.

— Ну, попробуй. Составь послание от Леди и введи его в мой мозг, а там увидим...

Делиамбер пожал плечами и коснулся щупальцами руки Валентайна для передачи мысли. Валентайн почувствовал слабый, далекий звон контакта.

— Твое внушение действует, — сказал он.

В эту ночь он видел во сне, что плавает, как вольвант, в бассейне, прикрепленный к камням какой-то пленкой, растущей из его ног, силится освободиться, внезапно в ночном небе появилось улыбающееся лицо Леди. Она сказала:

— Иди ко мне, Валентайн.

Пленка растаяла, он всплыл наверх и полетел к Внутреннему Храму.

Валентайн передал этот сон Столинор.

Та равнодушно выслушала. В следующий раз Валентайн сказал, что видел тот же сон, и Столинор опять промолчала. В третий раз Валентайн повторил то же и попросил толкования.

Столинор сказала:

— Толкование твоего сна таково: на чужих крыльях птица не летает.

Валентайн покраснел и вышел.

Через пять дней Талинот Изолд сообщил, что Валентайну даровано разрешение перейти на Террасу Начала.

— Почему? — спросил Валентайн Делиамбера.

— Почему? — переспросил урун.— В духовном прогрессе это бесполезный вопрос. В тебе явно что-то изменилось.

— Но мой сон был незаконным!

— Может быть и законным, — сказал колдун.

Один из служителей повел Валентайна по лесной тропинке к следующей террасе. Дорога была запутанная, извилистая, иногда возвращалась обратно, так что казалось, что они идут совсем не в том направлении. Валентайн потерял всякий счет времени. Через несколько часов они оказались вдруг в громадном свободном пространстве. От розовых каменных плит террасы поднимались с правильными интервалами пирамиды из темно-голубого камня в десять футов высотой.

Жизнь тут была в основном такой же — черная работа, медитация, встречи с толковательницей снов, аскетическое жилье, скудная пища. Но началось также священное обучение, час ежедневно, где принципы благоволения Леди объяснялись посредством эллиптических сравнений и круговых диалогов.

Сначала Валентайн слушал все это в нетерпении. Все казалось ему неопределенным и абстрактным. Ему трудно было сосредоточиться на таких туманных материях, потому что им владела политическая страсть — он был намерен добраться до Замка и устроить допрос правительству Маджипуры. Но на третий день его

поразило, что служитель говорил о чисто политической роли Леди. Она, понял Валентайн, была регулирующей силой, строительным раствором любви и веры, скрепляющим воедино центры власти на этой планете. Кроме того, она разработала свою магию снов — посланий.

Конечно, нельзя было поверить мифу, что она каждую ночь прикасается к мозгам миллиардов жителей, но было ясно, что ее спокойный дух смягчает и умиротворяет мир. Аппаратура Короля Снов посылает прямые и специальные сны, бичующие виновных и предупреждающие неуверенных, послания Короля могут быть жестокими. Но как тепло океана смягчает климат страны, так Леди усмиряет грубые силы управления из Маджипуры. Теология считает Леди воплощением Божественной Матери. Теперь Валентайн понял метафору о разделении власти, открытую древними правителями Маджипуры.

Теперь он слушал с неослабевающим интересом. Отбросил свое жадное желание двигаться вперед по террасам и решил научиться здесь большему.

На этой террасе Валентайн был совсем одинок. Это было ново. Шанамира и Виноркиса не было видно — может их уже послали на Террасу Зеркал? — а остальные, насколько ему было известно, остались позади. Больше всего ему не хватало кипучей энергии Карабеллы и сардонической мудрости Делиамбера, однако и другие стали частью его души в долгом и тяжком путешествии через Зимроель, и не чувствовать их рядом было очень трудно. То время, когда он был жонглером, казалось, давно миновало и никогда не вернется. Иногда в свободные минуты он срывал плоды с деревьев и бросал их хорошо заученным движением, чтобы развлечь новичков и служителей. Один широкоплечий чернобородый мужчина по имени Фарсел особенно внимательно следил за жонглированием.

— Где ты научился этому искусству? — спросил он.

— В Пидруде, — ответил Валентайн.— Я был в труппе жонглеров.

— Хорошая, наверное, была жизнь?

— Да, — сказал Валентайн.

Он вспомнил возбуждение выступления перед темнолицым лордом Валентайном на арене в Пидруде, на широких подмостках Постоянного Цирка в Долорне и прочие незабываемые сцены прошлого.

— Этому можно научиться? — спросил Фарсел.— Или это врожденный дар?

— Научится любой, у кого быстрый глаз и умение сосредоточиться. Я учился всего две недели в прошлом году в Пидруде.

— Врешь! Наверняка всю жизнь жонглировал!

— До прошлого года — никогда.

— Тогда зачем ты взялся за это?

Валентайн улыбнулся.

— Нужно было зарабатывать на жизнь, а в Пидруд на фестиваль Коронованного приехали странствующие жонглеры

и им нужны были лишние руки. Они меня быстро научили, и я мог бы научить тебя.

— Думаешь, у меня получится?

— Лови, — сказал Валентайн.

Он бросил чернобородому крепкий зеленый плод.

— Перебрасывай его из руки в руку. Пальцы держи свободно. Тебе надо усвоить несколько основных положений и приемов, практиковаться, а потом...

— А чем ты занимался до жонглирования? — спросил Фарсел, перебрасывая плод.

— Бродяжничал, — сказал Валентайн.— Держи руки вот так...

Он полчаса тренировал Фарсела, как Карабелла и Слит тренировали его самого в Пидруде. У Фарсела были быстрые руки и хорошие глаза, и учился он успешно, хотя и не так быстро, как в свое время Валентайн. Через несколько дней он усвоил большую часть элементарных приемов и мог жонглировать, хотя и не очень изящно. Он был весьма разговорчивым и не закрывал рта, когда перебрасывал плоды. Родился он, по его словам, в Ни-мое, много лет был торговцем в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который привел его в смятение, и затем направился паломником на Остров. Он рассказывал о своей женитьбе, о своих ненадежных сыновьях, о том, как выигрывал и проигрывал за игорным столом целые состояния. Он хотел знать о Валентайне все, знать о его семье, о его склонностях, о причинах, приведших к Леди.

Валентайн отвечал на вопросы достаточно правдоподобно, а более неприятные обходил, быстро переключаясь на советы по искусству жонглирования.

В конце второй недели работы, учебы, медитации, периодов свободного времени, которое он проводил с Фарселом — устойчивый и постоянный круг — Валентайн вновь почувствовал неудержимое желание двигаться дальше.

Он не имел представления, сколько здесь террас — девять? девяносто? — но если столько времени он будет тратить на каждую, то и за тысячу лет не дойдет до Леди. Как-то надо было сократить процесс подъема.

Поддельные сны — вызовы, похоже, не срабатывали. Он попробовал протащить свой сон о дрейфе в бассейне Силимейн здешней толковательнице, но не произвел на нее никакого впечатления. Во время медитации он пытался достичь мозга Леди и умолять ее вызвать его, но это оказалось бесполезным.

Он спросил тех, кто сидел рядом с ним за обедом, давно ли они на этой Террасе.

Один сказал — два года, другой — восемь месяцев. Их это не тревожило.

— А ты? — спросил он Фарсела.

Фарсел ответил, что пришел за несколько дней до Валентайна. В нем тоже не чувствовалось нетерпения.

— Куда спешить? Мы везде служим Леди, верно? Одна терраса так же хороша, как и другая.

Валентайн кивнул, едва сдерживая недовольство.

В конце третьей недели он вдруг увидел Виноркиса, шедшего через поле, где Валентайн работал. Однако он был далеко и Валентайн не был уверен, что это Виноркис, а окрика тот не услышал бы.

На следующий день, жонглируя с Фарселом возле бассейна, он увидел Виноркиса на другой стороне площадки. Валентайн извинился и прекратил жонглировать.

После стольких недель разлуки со своими спутниками он был рад увидеть хотя бы хьерта.

— Значит, это ты проходил по полю? — спросил Валентайн.

Виноркис кивнул.

— Я несколько раз видел тебя, милорд. Но терраса так велика, что я никак не мог подойти ближе. Когда ты прибыл?

— Через неделю после тебя. Кто еще из наших здесь?

— Вроде бы никого, — ответил хьерт.— Был Шанамир, но ушел дальше. Как я вижу, ты не утратил умения жонглировать, милорд. Кто твой партнер?

— Человек из Пилиплока. Быстрые руки.

— И язык тоже?

Валентайн нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил ему что-нибудь о своем прошлом или о будущем, милорд?

— Конечно, нет!

Валентайн уставился на хьерта.

— Нет, Виноркис! Разве могут быть шпионы Коронованного, на Острове Леди?

— А почему бы и нет? Разве так трудно сюда проникнуть?

— Но почему ты подозреваешь...

— Прошлой ночью после того, как я мельком увидел тебя в поле, я пришел сюда и стал спрашивать о тебе. Один из тех, кого я спрашивал, был твой новый друг, милорд. Я спросил его, знает ли он тебя, и он тут же начал допрашивать м е н я: друзья ли мы с тобой, знал ли я тебя в Пидруде, почему мы пришли на Остров и так далее. Я не люблю, милорд, когда чужаки задают вопросы, особенно здесь, где лучше держаться подальше от других.

— Может быть ты излишне подозрителен, Виноркис?

— Может быть. Но в любом случае остерегайся, милорд.

— Я так и делаю. Он не узнал обо мне ничего, кроме того, что уже знал, а именно — что я умею жонглировать.

— Может он уже слишком много знает о тебе, — угрюмо сказал хьерт.— Но мы последим за ним, как он следит за тобой.

Известие, что даже здесь он, возможно, находится под наблюдением, расстроило Валентайна. Здесь святилище! О, если бы рядом были Слит или Делиамбер!

Шпион может стать и убийцей, когда Валентайн подойдет близко к Леди и таким образом представит угрозу для узурпатора.

Но Валентайну казалось, что он так и не подойдет близко

к Леди. Прошла еще неделя. Затем, когда он уже готов был поверить, что останется на Террасе Начала до конца своих дней, его вызвали с поля и сказали, чтобы он приготовился идти на Террасу Зеркал.

Третья Терраса была головокружительно прекрасна. Блеск ее напомнил Валентайну Долорн. Она прилепилась к основанию Второго Утеса неприступной вертикальной стеной, казавшейся непреодолимой преградой для желающих проникнуть внутрь, а когда солнце освещало западную сторону утеса, от отраженного света слепило глаза и захватывало дух.

Там были зеркала — громадные, грубо вырезанные плиты полированного черного камня, воткнутые одним краем в грунт вокруг террасы. Они сияли изнутри.

Валентайн первый раз критически взглянул на себя, ища перемен, принесенных путешествием, какого-нибудь ослабления того теплого излучения, которое исходило от него с самого Пидруда, следы усталости или потрясений, но ничего этого он не увидел: знакомый золотоволосый улыбающийся человек. Он приветливо махнул своему отражению и дружески подмигнул ему, а через неделю перестал замечать. Если бы ему приказали не обращать внимания на зеркала, он, вероятно, был бы в постоянном напряжении, невольно бросал туда взгляд и тут же отводил его, но никто не сказал ему, для какой цели здесь зеркала и как он должен воспринимать это, потому вскоре просто забыл о них.

Зеркала, как он понял много позже, были ключом к движению вперед на Острове: эволюция духа изнутри, растущая способность отличать и отбрасывать ненужное.

Здесь он был совсем одинок: ни Шанамира, ни Виноркиса, ни Фарсела. Валентайн внимательно пригляделся к чернобородому: если бы он действительно был шпионом, то без сомнения, нашел бы возможность следовать за ним с террасы на террасу. Но его не было.

Валентайн пробыл на Террасе Зеркал одиннадцать дней и с пятью другими новичками отправился на плавучих санях к краю Второго Утеса на Террасу Посвящения.

Отсюда открывался великолепный вид на первые три террасы, находившиеся далеко внизу. От Террасы Оценки видна была лишь узкая розовая линия на фоне темной зелени леса, но большая Терраса Начала внушительно развернулась на середине нижнего плато, а Терраса Зеркал прямо внизу сверкала, как миллион ярких погребальных костров в полуденном свете.

Теперь ему уже стало безразлично, насколько быстро он сможет продвигаться.

Время утратило значение. Здешний ритм полностью овладел им. Он работал в поле, слушал обстоятельные лекции духовного обучения, проводил много времени в темном каменном здании — месте поклонения Леди — и спрашивал, будет ли ему дарован свет. Иногда он вспоминал, что намерен был побыстрее добраться до сердца Острова и к женщине, которая живет там, но теперь это не имело для него никакого значения.

Он становился истинным пилигримом.

За Террасой Посвящения следовала Терраса Цветов, за ней — Терраса Преданности, а затем Терраса Окружения. Все они были на Втором Утесе, как и Терраса Восхождения — последняя ступень, с которой поднимались на плато, где обитала Леди. Каждая из террас, как начал понимать Валентайн, полностью окружала остров, так что на ней в любое время мог бы находиться миллион почитателей, если не больше, но каждый пилигрим знал только крошечный участок целого, пока шел к центру. Сколько труда было положено, чтобы выстроить все это, сколько жизней было отдано служению Леди! И каждый паломник шел, окруженный молчанием. Здесь не заводили дружеских отношений, не обменивались откровениями, не заводили романов. Фарсел был единственным исключением из этого правила. Вообще это место существовало как бы вне времени и за орбитой обычных ритуалов жизни.

В этой средней зоне Острова меньше занимались обучением, больше тяжелой работой. Валентайн знал, что, достигнув Третьего Утеса, он присоединится к тем, кто фактически несет всему миру дело Леди. Теперь он понимал, что большую часть посланий излучает не сама Леди, а миллионы ее передовых служителей Третьего Утеса, чей мозг и дух полны благоговения к Леди, но отнюдь не все достигают Третьего Утеса, очень многие старые служители десятилетиями живут на Втором Утесе, занимаясь административной работой, не надеются на более трудную ответственность внутренней зоны, не желая продвигаться к ней.

В конце третьей недели на Террасе Посвящения Валентайну было дано познать настоящий, верный сон-вызов.

Он видел, что идет по опаленной пурпурной равнине, которая так затемняла его сон в Пидруде. Солнце висело низко над горизонтом, небо было тяжелым и унылым, вдали виднелись две широкие горы, поднимавшиеся, как гигантские кулаки. В усеянной камнями долине между горами виднелся последний красный отблеск солнца, необычный, масляный, зловещий свет.

Над этой странно освещенной долиной дул холодный сухой ветер и нес с собой вздыхающие, поющие звуки, мягкую печальную мелодию. Валентайн шел и шел, но горы не становились ближе, пески пустыни тянулись бесконечно, а он все шел, чтобы не угасла последняя искра света. Силы его слабели. Грозные миражи проносились перед ним. Он видел Симонана Баржазида, Короля Снов, и его троих сыновей. Видел призрачного дряхлого Понтифика, хохотавшего на своем подземном троне. Видел чудовищ, медленно ползающих по дюнам, и морды огромных дункаров, высунувшиеся из песка и обнюхивавшие воздух в поисках добычи. Кто-то шипел, выл, шептал, насекомые собирались в мерзкие тучи, начался дождь из сухого песка, забивающий глаза и ноздри. Валентайн устал и готов был остановиться, упасть и лежать, пока песчаные дюны не закроют его, и только одно влекло его вперед: в долине ходила улыбающаяся женщина — Леди, его мать, и он устремился вперед, как только увидел ее.

Он ощущал тепло ее присутствия, притяжение ее любви.

— Иди ко мне, Валентайн, — шептала она.

Ее руки тянулись к нему через пустыню. Плечи его согнулись, ноги подкашивались. Он не мог идти, но знал, что должен.

— Леди, — шептал он, — я не могу больше. Я должен отдохнуть, уснуть!

Свет между горами стал теплее и ярче.

— Валентайн, — звала она.— Сын мой!

Он с трудом сдерживался, чтобы не закрыть глаза. Так заманчиво было лечь в теплый песок.

— Ты мой сын, — звучал голос Леди с невообразимо далекого расстояния.— Ты нужен мне.

Когда она сказала эти слова, он обрел новые силы и пошел быстрее, а затем легко побежал широкими шагами. Теперь расстояние быстро сокращалось. Валентайн уже ясно видел ее на террасе из лилового камня. Она ждала его, протягивала к нему руки, называла его имя, и голос ее звенел, как колокольчики в Нимое.

Он проснулся, но все еще слышал ее звонкий голос.

Наступил рассвет. Валентайн почувствовал удивительную энергию. Он встал, спустился к большому аметистовому бассейну, служившему для купания, и нырнул в холодную родниковую воду, затем побежал в комнату Минесипты, своей толковательницы снов, плотной, узкокостной особы с горящими черными глазами и худощавым лицом, и торопливо рассказал ей свой сон.

Минесипта молчала. Ее холодность остудила красноречие Валентайна. Он вспоминал, как явился к Столинон на Террасе Начала с фальшивым сном-вызовом и как быстро Столинон отмела этот сон. Но ведь этот — не фальшивый, тут не было Делиамбера.

Валентайн медленно спросил:

— Могу я просить определения?

— У сна знакомые обертоны, — спокойно ответила Минесипта.

— И это все, что ты можешь сказать?

—А чтобы ты хотел услышать?

Валентайн сжал кулаки.

— Если бы кто-нибудь пришел ко мне за толкованием такого сна, я бы сказал, что это сон-вызов.

— Прекрасно.

— Ты согласна? А ты назвала бы его сном-вызовом?

— Если хочешь.

— Мое желание тут ни при чем, — раздраженно сказал Валентайн.— Либо это сон-вызов, либо нет. Как ты думаешь?

Криво улыбнувшись, толковательница сказала:

— Я назову твой сон вызовом.

— И что же дальше?

— Дальше? У тебя есть утренние обязанности.

— Сон-вызов, как я понимаю, требует явиться к Леди.

— Да.

— Разве я не должен сейчас идти во Внутренний Храм?

Минесипта покачала головой.

— Никто со Второго Утеса не идет во Внутренний Храм. Вот когда ты достигнешь Террасы Поклонения, сна-вызова будет

достаточно. А сейчас твой сон интересен, но он ничего не меняет. Иди приступай к своим обязанностям, Валентайн.

Когда он выходил от нее, в нем кипела злоба. Он понимал, что был глуп, что простого сна недостаточно, чтобы переметнуть через барьеры, отделявшие его от Леди, однако, он так надеялся... Он думал, что Минесинта всплеснет руками, радостно закричит и тут же пошлет его во Внутренний Храм, но ничего этого не случилось, его просто выставили из комнаты, и он страдал и злился.

Дальше было еще хуже. Спустя два часа, когда он возвращался с поля, его остановил служитель и резко сказал:

— Тебе приказано немедленно отправиться в гавань Талис, где новые пилигримы ждут тебя.

Валентайн остолбенел. Меньше всего он хотел возвращаться к исходной точке.

Он тут же вышел и двинулся пешком один, от террасы к террасе, чтобы как можно скорее оказаться на Террасе Оценки. Ему выдали запас еды и прибор, указывавший направление,— наручный амулет, издававший тихий, высокий звук. Он оставил Террасу Оценки в середине дня, но пошел не к побережью, а вглубь, к Террасе Подчинения.

Решение это пришло неожиданно и действовало неудержимо. Он просто не мог позволить себе отвернуться от Леди. Вступив на запретный путь на этом строго дисциплинированном острове, он подвергал себя серьезному риску, но иначе поступить не мог.

Валентайн обогнул край террасы, нашел травянистую тропинку и двинулся наискосок через поле к центральной дороге. Здесь он предполагал свернуть влево к внешним террасам, но, полагая, что будет слишком бросаться в глаза, повернул направо.

Скоро населенная часть террасы осталась позади, и дорога с широкого мощенного тракта сузилась до лесной тропы, сжатой со всех сторон.

Через полчаса он вышел на развилку. Свернул наудачу влево, но спокойный свист указывавшего дорогу прибора пропал. Когда Валентайн вернулся и повернул направо, свист возобновился.

Полезный аппарат, — подумал Валентайн.

Он шел ровным шагом до темноты, затем устроился в приятной рощице у ручья и позволил себе поесть немного сыра и нарезанного ломтиками мяса. Потом уснул на влажной земле между двумя деревьями.

Первые проблески зари разбудили его.

Он потянулся, открыл глаза, быстро умылся в ручье. Сейчас позавтракаю и...

Он услышал позади треск: кто-то шел через кусты. Валентайн бесшумно откатился за толстое дерево и осторожно выглянул.

Он увидел крепко скроенного чернобородого человека. Тот вылез из кустов и остановился, оглядываясь.

Это был Фарсел в одежде пилигрима, но с кинжалом за поясом.

Их разделяли какие-то двадцать пять футов. Валентайн хмурился, прикидывая свои возможности, обдумывая тактику. Где Фарсел нашел кинжал на этом мирном острове? Зачем он идет за Валентайном, если не для того, чтобы убить?

Насилие было чуждо Валентайну, но захватить Фарсела врасплох, казалось, имело смысл. Валентайн качнулся взад и вперед, концентрируя мозг, как перед жонглированием, и выскочил из укрытия.

Фарсел крутнулся и выхватил кинжал.

Валентайн резко ударил Фарсела по руке ребром ладони.

Рука Фарсела онемела, кинжал выпал, но в следующий миг могучие руки Фарсела сгребли Валентайна.

Они стояли, сцепившись, лицом к лицу.

Фарсел был на голову ниже Валентайна, но шире в груди и в плечах. Он пытался повалить Валентайна, тот отбивался.

Вены на лбу обоих набухли, лица покраснели от напряжения.

— Это безумие, — пробормотал Валентайн.— Уходи, я не собираюсь вредить тебе.

Фарсел в ответ крепче сжал Валентайна.

— Кто тебя послал? — спросил Валентайн.— Что тебе от меня надо?

Молчание. Мощные, как у скандара, руки неумолимо сдавливали Валентайна. Он стал задыхаться. Боль слепила его. Он попытался раздвинуть локти и разорвать захват, но не получилось.

Лицо Фарсела безобразно исказилось от усилий, губы плотно сжались. Он медленно валил Валентайна на землю.

Сопротивляться было невозможно. Валентайн резко прекратил попытку и расслабился, как тряпичная кукла.

Удивленный Фарсел дернул его и швырнул вниз. Валентайн согнул колени и не сопротивлялся, легко упал на спину, и когда Фарсел яростно бросился на него, Валентайн изо всей силы ударил его ногами в живот. Фарсел задохнулся и ошеломленно качнулся назад. Валентайн вскочил, обхватил его сильными, тренированными многомесячным жонглированием руками, повалил на землю и прижал руками к коленям.

Как странно, думал Валентайн, схватились врукопашную, словно дети.

Это было похоже на сон.

Фарсел яростно уставился на него и колотил ногами по земле, тщетно пытаясь скинуть Валентайна с себя.

— Теперь говори, — сказал Валентайн, — что все это значит? Ты пришел убить меня?

— Ничего я не скажу.

— Ты был, однако, очень болтлив, когда мы с тобой жонглировали.

— Это было раньше.

— Что мне с тобой делать? — спросил Валентайн.— Если отпущу, ты снова нападешь на меня, если же буду держать — сам замешкаюсь.

— Долго ты меня не продержишь.

Фарсел снова попытался подняться. Он был огромной силы, но Валентайн крепко держал его. Лицо Фарсела стало ярко-красным, жилы на горле вздулись, в глазах горели злоба и отчаяние поражения. Какое-то время он лежал тихо, затем собрал все силы и рванулся вверх. Валентайн не мог противостоять этому рывку. Теперь было неизвестно, чья возьмет.

Валентайн скатился, а Фарсел изворачивался, чтобы на него навалиться. Валентайн схватил Фарсела за толстые плечи, попытался опрокинуть на спину, но тот оттолкнул его и нацелился пальцами в глаза. Валентайн вывернулся, а затем, не раздумывая, схватил Фарсела за жесткую черную бороду, дернул и ударил головой о камень, выступавший из влажной почвы.

Фарсел глухо заворчал и затих.

Валентайн вскочил, поднял валявшийся кинжал и склонился над врагом. Он дрожал не от страха, от напряжения, как дрожит тетива лука, отпустившая стрелу.

— Фарсел! — крикнул он, опустившись на колени.

Ответа не было. Мертв? Нет. Громадная грудная клетка медленно поднималась и опускалась, и Валентайн услышал хриплое прерывистое дыхание.

Валентайн посмотрел на нож. Что теперь делать? Слит сказал бы — покончить с поверженным, пока он не встал. Нет, невозможно. Убить можно, только защищаясь, и, конечно, не потерявшего сознание противника, пусть и убийцу. Убить разумное существо — значит всю жизнь видеть страшный сон. Но если уйти, Фарсел придет в себя и бросится за ним. Вот когда пригодилась бы птицеловная лиана! Валентайн огляделся и увидел высоко на дереве лиану другого сорта, в палец толщиной. Несколькими сильными ударами ножа он отрезал пять больших ветвей и крепко связал Фарсела, который шевелился и стонал, но в себя не приходил. За десять минут Валентайн спеленал его, как мумию, от груди до лодыжек, подергал — лиана держала крепко. Тогда он собрал вещи и поспешил уйти.

Дикое столкновение в лесу потрясло Валентайна, не только сама по себе драка, хотя она была достаточно варварской и должна была надолго расстроить его, но мысль, что враг больше не довольствуется слежкой, а послал убийцу, успокаивала. Раз это так, — думал он, — могу ли я еще сомневаться в правильности видений, сказавших мне, что я — лорд Валентайн.

Заранее задуманное убийство для Валентайна было немыслимо. Никто не может отнять жизнь у другого. В мире, известном ему, это была основа. Даже узурпатор, свергнувший его с трона, не посмел убить его, боясь, что черные сны его не минуют. Но сейчас он, видимо, решился пойти на этот страшный риск.

Если только Фарсел, в надежде на милость своих нанимателей не отважился на убийство самостоятельно, когда увидел, что Валентайн идет к внутренней стороне Острова.

Это было темное дело. Валентайн поежился. Широко шагая по лесным тропам, он не раз напряженно оглядывался, опасаясь снова увидеть чернобородого преследователя.

Но за ним никто не шел. К концу дня Валентайн увидел вдали Террасу Окружения, а за ней плоский белый пик Третьего Утеса.

Никто, казалось, не обращал внимания на спокойно идущего тайного паломника.

Он вступил на Террасу Окружения с таким видом, словно имел полное право на это.

Терраса была большой, богатой, с рядом величественных

зданий из синего камня на восточной стороне и садом на этой. Валентайн положил в дорожный мешок с полдюжины спелых бассаплодов, смыл с себя дорожную пыль в бассейне. Набравшись нахальства, он вошел в столовую и взял себе суп и тушеное мясо, затем также играючи вышел и направился в дальний конец террасы. Уже наступила ночь.

Он снова уснул на импровизированной постели, часто просыпаясь с мыслью о Фарселе, а когда стало достаточно светло, встал и пошел дальше. Высоко над лесом поднималась ошеломляющая белая стена Третьего Утеса.

Он шел весь день, но вроде бы и не приблизился к утесу. Пешком через эти леса он вряд ли проделывал больше пятнадцати или двадцати миль в день, а кто знает, сколько их до Третьего Утеса. Пятьдесят или восемьдесят? А сколько оттуда до Внутреннего Храма? Путешествие может занять не одну неделю. Но он шел вперед и шел даже еще быстрее.

На четвертый день Валентайн подошел к Террасе Восхождения. Он ненадолго остановился, вымылся, выспался в тихой роще и утром отправился дальше. Он шел, пока не достиг Третьего Утеса.

Валентайн не разбирался в механизме управления плавучими санями. Отсюда ему был виден маленький поселок — станция в несколько коттеджей, кое-где в поле работали служители. Сани стояли у подножия утеса. Валентайн подумал, не подождать ли темноты и попробовать пустить сани, но решил, что не стоит: лезть на такую страшную высоту без всякой помощи, пользуясь незнакомым механизмом, было слишком рискованно. Тягостно было и заставлять служителей ему помогать.

Оставался еще один способ. Валентайн привел в порядок свою запыленную одежду, принял самый что ни на есть уверенный вид и степенно пошел к станции.

Трое служителей холодно на него посмотрели.

— Сани готовы к работе? — спросил он.

— У тебя дело на Третьем Утесе?

— Да.

Валентайн улыбнулся самой ослепительной улыбкой, демонстрируя также таящуюся под улыбкой силу и полнейшую самоуверенность.

— Я Валентайн из Альханроеля, по особому вызову Леди. Там меня ждут, чтобы проводить во Внутренний Храм.

— Почему нам об этом не сказали?

Валентайн пожал плечами.

— Откуда я знаю? Ясно, чья-то ошибка. Что же мне — ждать здесь, пока вам принесут бумаги? И Леди пусть ждет? Давайте вашу плавучую машину.

— Валентайн из Альханроеля, особый вызов Леди...

Служители задумались, покачали головами и переглянулись.

— Все это совсем не по правилам. Кто тебя будет там сопровождать?

Валентайн глубоко вздохнул.

— Встретить меня послана сама Главная толковательница Тизана из Фалкинкипа! — решительно объявил он.— Ей тоже

ждать, пока вы тут возитесь? Вам придется отвечать перед ней за опоздание! А вы знаете, каков характер у Главной Толковательницы?

— Верно, — с тревогой согласились служители.

Они кивнули, словно такая особа действительно существовала, и гнев ее был очень страшным.

Валентайн понял, что выиграл. Быстрыми нетерпеливыми жестами он торопил служителей, а через минуту уже сидел в санях и торжественно возносился на самый высокий и самый священный из трех Утесов Острова Снов.

Воздух на вершине Третьего Утеса был чистым и холодным, потому что этот уровень Острова лежал на тысячу футов выше уровня моря, и здесь, в жилище Леди, среда резко отличалась от среды двух нижних ступеней. Деревья были высокими, гладкими, с игловидными листьями и симметрично расходившимися сучьями, а растения вокруг были субтропической твердости, с толстыми глянцевитыми листьями и крепкими стеблями. Посмотрев назад, Валентайн не увидел океана, только заросший лесом Второй Утес и далеко внизу — Первый.

Дорога из красиво уложенных каменных плит шла от края Третьего Утеса к лесу.

Валентайн без колебаний пошел по ней.

Он не представлял себе расположения этого уровня, знал только, что здесь много террас, и последняя из них — Терраса Поклонения, где ждали вызова Леди.

Он не надеялся пройти незамеченным весь путь до порога Внутреннего Храма, но он пройдет, сколько сможет, а когда его схватят как правонарушителя, он назовет свое имя и попросит, чтобы о нем сказали Леди, а остальное будет зависеть от ее милости и благорасположения.

Его остановили еще до того, как он дошел до внешнего края террасы.

Пять служителей в одежде внутренней иерархии, золотой, с красной отделкой, вышли из леса и холодно преградили путь Валентайну. Трое мужчин, две женщины, все немолодые.

Седая женщина с тонкими губами и темными внимательными глазами сказала:

— Я Лоривейд с Террасы Теней и от имени Леди спрашиваю тебя, как ты сюда попал?

— Я Валентайн из Альханроеля, — спокойно ответил он.— Я плоть от плоти Леди, и вы должны отвести меня к ней.

Это наглое утверждение не вызвало даже улыбки на лицах иерархов. Лоривейд сказала:

— Ты уверяешь, что ты родственник Леди.

— Я ее сын.

— Ее сына зовут Валентайн и он Коронованный на Горе Замка. Ты в своем уме?

— Передайте Леди, что ее сын Валентайн пришел к ней через Внутреннее Море,через весь Зимроель, и что у него золотистые волосы. Больше я ничего у вас не прошу.

Мужчина рядом с Лоривейд сказал:

— На тебе одежда Второго Утеса. Тебе не позволено подниматься сюда.

Валентайн ответил со вздохом:

— Я знаю. Я поднялся без разрешения, незаконно. Но у меня важнейшие причины. Если мое сообщение не будет быстро передано Леди, вы за это ответите.

— Мы не привыкли к угрозам, — нахмурилась Лоривейд.

— Я не угрожаю, я только говорю о неизбежных последствиях.

Женщина справа от Лоривейд заметила:

— Он сумасшедший. Нам придется запереть его и позаботиться о нем.

— И сделать замечание бригаде внизу, — сказал другой мужчина.

— Узнать, с какой он Террасы, и как ему позволили оттуда уйти, — заметил третий.

— Я прошу только, чтобы вы передали мое сообщение Леди, — спокойно сказал Валентайн.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к тому месту, где стояли плавучие сани и ожидало множество более молодых служителей. Видимо, они готовились к серьезным неприятностям. Лоривейд сделала знак одному служителю и отдала короткий приказ. Затем пять иерархов сели в сани и уплыли.

Служители подошли к Валентайну и не очень вежливо стали подталкивать его к саням. Он улыбнулся и показал, что не будет сопротивляться: но, крепко держа, его грубо втолкнули в сани. Сани поднялись, и запряженные в них животные по сигналу побежали к ближайшей террасе.

Здесь располагались широкие низкие здания и большие каменные площадки. Терраса Теней и тени, давшие ей название, были черными, как чернила, таинственными, все поглощающие озера мрака простирались в странно-значимом рисунке над абстрактными каменными изваяниями.

Но шествие Валентайна по террасе было непродолжительным: его стражники остановились у приземистого здания без окон.

Искусно сделанная дверь беззвучно отворилась от легкого прикосновения. Валентайна втолкнули внутрь. Дверь закрылась, не оставив в стене никакого следа.

Он был в тюрьме.

Квадратная комната с низким потолком, почти пустая. Единственный тусклый светильник бросал зеленовато-желтый свет.

Здесь были лишь очиститель, раковина, комод и матрац.

Передадут ли они Леди его сообщение?

Может быть, оставят здесь, пока проверят его жалобы на Третий Утес, и островная бюрократия затянет дело на несколько недель.

Прошел час, другой, третий. Пусть его пошлют на допрос, только бы не эта тишина, скука, одиночество. Он считал шаги.

Нет, комната не квадратная: две стены на полтора шага длиннее других. Он искал очертание двери, но так и не нашел.

Подгонка была изумительной, просто чудо — Валентайн не мог не восхититься.

Он придумывал диалоги то с Делиамбером, то с Леди, то с Карабеллой, то с лордом Валентайном, но и это развлечение скоро надоело.

Он услышал слабый звук, повернулся и увидел в стене отверстие, куда скользнул поднос. Ему дали печеной рыбы, немного ягод цвета слоновой кости и чашу холодного красного сока.

— Благодарю, — сказал он громко.

Пальцы его ощупывали стену, ища место, откуда появился поднос.

Следов не было.

Он ел и снова придумывал диалоги, мысленно разговаривая с Слитом, с Толковательницей Тизаной, с Залзаном Каволом, с капитаном Гарцвелом. Он спрашивал их о детстве, о их мечтах и надеждах, о вкусах, одежде. Через какое-то время он устал от этой игры и лег спать.

Спал он плохо, часто просыпаясь.

Сны были отрывочными. В них мелькали Леди, Фарсел, Король Снов, вождь метаморфов, иерарх Лоривейд, но они только произносили непонятные, неразборчивые слова. Когда он окончательно проснулся, появился поднос с завтраком.

Прошел долгий день. Никогда еще для Валентайна день не тянулся так долго. Делать было абсолютно нечего. Он мог бы жонглировать тарелками, но они были настолько тонкими и легкими, что это было все равно, что жонглировать перьями. Он попытался жонглировать ботинками, но их было только два, это было глупо.

Он стал жонглировать воспоминаниями, оживляя в памяти все, что произошло с ним, начиная с Пидруда, но перспектива заниматься этим часами ужасала его.

Во вторую ночь Валентайн предпринял попытку общения с Леди. Он подготовил себя ко сну, но когда мозг начал освобождаться от сознания, он постарался проскользнуть в промежуток между сном и бодрствованием в род транса. Это было тонким делом, потому что если бы он слишком сосредоточился, то полностью бы проснулся, а если слишком расслабился, то уснул. Он долгое время балансировал на плавучей точке, жалея, что во время путешествия по Зимроелю не выбрал случая научиться этому у Делиамбера.

Наконец он послал свой дух вдаль.

— Мать!

Он представил себе, как его дух парит высоко над Террасой Теней, летит от террасы к террасе, внутрь, к сердцу Третьего Утеса, к Внутреннему Храму, к комнате, где живет Леди Острова.

— Мать, это Валентайн, твой сын. Мне надо многое сказать тебе и о многом спросить. Помоги мне добраться до тебя.

Валентайн лежал неподвижно. Он был совершенно спокоен. В его мозгу, казалось, сиял чистый белый луч.

— Мать, я на Третьем Утесе в тюремной камере Террасы Теней. Я шел так долго, но теперь меня остановили. Пошли за мной, мать! Мать... Леди...

Он заснул.

Луч все еще сверкал. Валентайн уловил первый звон музыки сна, увертюры, первое ощущение контакта. Явились видения. Он больше не был в тюрьме. Он лежал под холодными белыми звездами на громадной круглой платформе полированного камня, как бы на алтаре. К нему подошла женщина в белом платье, с блестящими черными волосами, встала рядом на колени, слегка коснулась его и сказала нежным голосом:

— Ты мой сын Валентайн, и я признаю тебя своим сыном перед всей Маджипурой и призываю тебя.

И все. Проснувшись, он помнил только это.

В то утро подноса с завтраком не было. Но, может быть, утро еще не настало и он проснулся среди ночи? Проходили часы. Поднос не появлялся. Не забыли ли о пленнике?

Может быть, они хотят уморить его голодом?

Он почувствовал ужас. Позвал, понимая, что это бесполезно.

Это место запечатано, как могила. Он угрюмо взглянул на старые подносы и отшвырнул их к дальней стене. Он вспомнил сосиски лимена, рыбу, которую Кон и Слит жарили на берегу Стейча, вкус плодов двикка, пальмовое вино в Пидруде. Голод усиливался. Валентайн испугался. Уже не скука, а страх владел им. Может быть они держат совет и уже осудили его на смерть за его отчаянное безрассудство?

Прошло полдня.

Безумием было думать, что он прикоснется во сне к мозгу Леди. Безумием было думать, что беспрепятственно войдет во Внутренний Храм и добьется ее помощи.

Безумием было думать, что он вернется в Горный Замок, если он вообще был там когда-нибудь. Он прошел полмира, подгоняемый только безумием, и теперь получит награду за свою самонадеянность и глупость.

Послышался уже знакомый слабый звук, но открылось не отверстие для еды, а дверь.

В камеру вошли два седовласых иерарха. Они смотрели на него холодно и недовольно.

— Вы принесли мне завтрак? — спросил Валентайн.

— Мы пришли, — ответил высокий, — чтобы проводить тебя во Внутренний Храм.

Он настоял на том, чтобы его сначала накормили — мудрое решение, потому что путешествие должно было растянуться на весь остаток дня. Они ехали в плавучем фургоне, Валентайн — посредине, иерархи — по бокам.

Когда он спрашивал название террасы, мимо которой они проезжали, они односложно отвечали, и только.

У Третьего Утеса было множество террас — Валентайн сбился со счета после седьмой — и они были ближе друг к другу, чем террасы на других утесах, их разделяли лишь полоски леса. Эта центральная часть Острова, похоже, была деловым и населенным местом.

В сумерках они прибыли на Террасу Поклонения, в область тихих садов и разбросанных низких белокаменных зданий.

Как и все остальные террасы, она была круглой, намного меньше других, поскольку это была внутренняя часть острова.

Ее, вероятно, можно было обойти за час или два, в то время как для объезда террасы Первого Утеса понадобились бы сани. Вдоль нее росли древние деревья с овальными розовыми листьями. Между зданиями красовались беседки, обвитые пышно цветущими лианами. Внутренние дворы украшали стройные колонны полированного черного камня и цветущие кусты.

Слуги Леди по двое и по трое не спеша проходили по этим мирным местам. Валентайна проводили в комнату, куда более уютную, чем предыдущая, с широкой и глубокой ванной, с чудесной постелью, с окнами в сад, с корзинкой фруктов на столе.

Иерархи оставили его в одиночестве. Он вымылся, отведал фруктов и стал ждать следующих событий. Прошел час или чуть больше.

Раздался стук в дверь, и мягкий голос спросил, хочет ли он ужинать. В комнату вкатилась тележка с лучшей едой, какую он ел на Острове — жареное мясо, синие тыквы, фаршированные рыбой, чаша с чем-то холодным, напоминавшим вино. Валентайн с удовольствием поел. Потом долго стоял у окна, глядя в темноту.

Ничего не было видно и слышно. Он проверил дверь. Она была заперта. Значит, он все еще пленник, хотя и в гораздо более приятном окружении, чем раньше.

Спал он крепко, без сновидений. Его разбудил лившийся в комнату поток солнечного света. Валентайн вымылся. Тот же скромный слуга принес на завтрак сосиски и запеченные розовые фрукты. Вскоре пришли двое хмурых иерархов и сказали:

— Леди вызывает тебя.

Они проводили его через изумительной красоты сад, прошли с ним по изящному мосту из чистого белого камня над темным прудом, где плавали рыбы.

Впереди открылась удивительно ухоженная лужайка. В центре ее стояло одноэтажное здание, изящное, с длинными узкими крыльями, выходившими, как звездные лучи, из круглого центра.

Вероятно, это и был Внутренний Храм. Валентайн задрожал. Он шел — уже не помнил сколько месяцев — к этому месту, к порогу царившей здесь таинственной женщины, воображая, что это его мать.

И вот он наконец здесь. Но что, если все окажется вздором, фантазией или ужасным заблуждением. Что, если Валентайн вообще никто, желтоволосый бродяга из Зимроеля, утративший память из-за какой-нибудь дурацкой случайности, которому шутники забили голову бессмысленными амбициями?

Эта мысль была непереносимой. Если Леди его оттолкнет, не признает...

Он вошел в Храм.

По-прежнему сопровождаемый иерархами Валентайн долго шел по немыслимо длинному холлу, где через каждые двадцать футов стояли мрачные воины. Наконец, он вошел во внутреннюю комнату, восьмиугольную, со стенами из прекраснейшего белого камня, с восьмиугольным бассейном посредине.

Утренний свет лился через восьмигранную стеклянную крышу. В каждом углу комнаты стояла суровая фигура в одежде иерарха.

Раздался легкий музыкальный звук.

Когда он затих, в комнату вошла Леди Острова.

Она была очень похожа на ту, которую Валентайн так часто видел во сне: женщина средних лет, обычного роста, со смуглой кожей, блестящими черными волосами, с теплым взглядом, полными губами, поднятыми в уголках с улыбкой, с серебряной полосой на лбу и цветком с толстыми зелеными лепестками за ухом. Вокруг нее, казалось, была аура, нимб, излучавший силу, авторитет и величие, как и приличествует Власти Маджипуры, и Валентайн не был готов к этому: он надеялся только лишь на материнское тепло женщины, забыв, что она королева, жрица, почти богиня. Он молча стоял перед ней, и она какое-то время изучала его с дальней стороны бассейна, устремив на него светлый, но проникающий взгляд. Затем она повелела резким знаком зыйти — не ему, а иерархам.

Это сломало их ледяное спокойствие.

Они переглянулись, явно растерянные.

Леди повторила жест — легкий поворот запястья, и в ее глазах вспыхнуло что-то властное, почти устрашающее. Трое или четверо иерархов вышли из комнаты, остальные задержались как бы не в силах поверить, что Леди хочет остаться наедине с пленником.

На секунду показалось, что потребуется третий взмах рук, но тут самый старый и самый важный из иерархов с явным протестом протянул к ней дрожавшую руку, однако под взглядом Леди рука опустилась и они вышли.

У Валентайна возникло побуждение упасть на колени. Он чуть слышно сказал:

— Я не имею понятия, как полагается показывать повиновение, я не знаю, Леди, как я должен обращаться к тебе, не оскорбив тебя.

Она спокойно ответила:

— Вполне достаточно, Валентайн, если ты назовешь меня матерью.

Эти спокойные слова ошеломили его.

Он сделал несколько шагов к ней и испуганно остановился.

— Это действительно так? — прошептал он.

— В этом нет никакого сомнения.

Он почувствовал, как запылали его щеки. Он стоял беспомощный, онемевший от ее расположения. Она поманила его легким движением пальца, и он качнулся, будто попал в океанский шторм.

— Подойди, — сказала она, — ты боишься? Подойди ко мне, Валентайн!

Он пересек комнату, обошел бассейн и встал рядом с ней. Она взяла его за руку, и он ощутил удар энергии, осязаемую пульсацию, схожую с той, которую чувствовал, когда Делиамбер касался его для колдовских целей, но гораздо более мощную, пугающую. Он хотел освободить руки при этом ударе, но Леди держала их и смотрела ему в глаза, как бы читая все его тайны.

— Да, — сказала она, наконец, — клянусь Божеством, да. Твое

тело чужое, но твой дух создан мной. О, Валентайн, что они сделали с тобой? Что они сделали с Маджипурой?

Она сжала его руки и притянула его к себе, и он оказался в ее объятиях.

Он чувствовал теперь, что она дрожит, не богиня, а только женщина-мать, обнимающая встревоженного сына. В ее объятиях он стал таким спокойным и умиротворенным, каким не был со дня своего пробуждения в Пидруде, и он цеплялся за нее, молясь, чтобы она не отпускала его.

Затем она отступила и, улыбаясь, осмотрела его.

— Во всяком случае тебе дали красивое тело, ничуть не похожее на прежнее, но приятное на вид, сильное и здоровое. Могло быть и хуже. Они могли сделать тебя старым, больным, калекой, но, я думаю, у них не хватило смелости. Они знали, что позже сторицей заплатят за все свои преступления.

— Кто, мать?

Она, казалось, удивилась этому вопросу.

— Как кто? Баржазид и его выродок!

— Я ничего не знаю, мать, кроме того, что приходило ко мне во сне, да и это было туманным и неопределенным.

— И что ты знаешь вообще?

— То, что мое тело было отнято у меня, что каким-то колдовством Короля Снов я очутился возле Пидруда таким, каким ты меня видишь, что кто-то другой, вероятно Доминин Баржазид, правит теперь в Горном Замке. Но обо всем этом я знаю очень туманно.

— Все это правда, — сказала Леди.

— Когда это случилось?

— В начале лета, когда ты совершал великий объезд Зимроеля. Я не знаю, как это было сделано, но однажды ночью во сне меня тряхнуло, как будто сердце планеты дало трещину. Я проснулась с сознанием, что случилось что-то чудовищно злое. Послала свой дух к тебе, но не смогла достигнуть тебя. Там, где ты был, царила только тишина, которая ударила меня, когда погиб Вориакс. Я чувствовала твое присутствие, но ты был за пределами моей досягаемости, как бы за толстым стеклом. Однажды я спросила о Коронованном. Мои люди сказали, что он в Тиломоне. Я спросила, здоров ли ты, и мне ответили, что здоров и плывешь к Пидруду. Однако я не могла добиться контакта. Я послала свой дух во все концы мира, чего не делала много лет, тебя нигде не было, одновременно ты где-то был. Я растерялась и испугалась, но ничего не могла сделать, оставалось только искать и ждать. До меня дошли известия, что лорд Валентайн в Пидруде, и я видела его через все расстояния, и его лицо было лицом моего сына, но мозг его был другим и он был закрыт для меня. Я пыталась отправить послание, но не смогла. Тогда я, наконец, начала понимать.

— И ты узнала, где я?

— Не сразу. Они переключили твой мозг, так что он полностью изменился. Каждую ночь я посылала свой дух в Зимроель и искала тебя, пренебрегая всем здесь, но ведь подмена Коронованного,—

дело нешуточное: мне показалось как-то, что я уловила проблеск твоей истинной сущности, фрагмент ее, а потом смогла установить, что ты жив, что ты на северо-западе Зимроеля, но достигнуть тебя не могла. Оставалось ждать, когда ты начнешь приходить в себя, когда их чары немного ослабнут и твой истинный дух восстановится хотя бы частично.

— Он и сейчас не вполне в себе, мать.

— Я знаю. Но уверена, что это излечимо.

— Когда ты наконец достигла меня?

Она на секунду задумалась.

— Это было возле гайрогского города Долорна, кажется, я впервые обнаружила тебя через мозг других, увидевших во сне правду о тебе. Я коснулась их мозга, отобрала и очистила то, что было в нем, и увидела, что твой дух оставил на них свою печать, и что они лучше тебя знают о том, что случилось с тобой. Так я смогла очертить тебя кругом и войти в твой мозг. С этого момента ты получал знания о своем прежнем «я», и я трудилась через все эти тысячи миль, чтобы вылечить тебя и привести ко мне, но это было нелегко. Мир снов — трудная и меняющаяся область, трудная даже для меня, и пытаться управлять ею — все равно, что писать на песке на берегу океана: прибой вернется и смоет почти все, и ты пишешь снова и снова. Но все-таки ты здесь!

— Тебе известно, когда я достиг Острова?

— Да, я чувствовала твое приближение.

— И ты оставила меня пробираться с одной террасы на другую несколько месяцев?

Она засмеялась.

— На внешних террасах миллион пилигримов. Почувствовать тебя — одно, а точно определить — другое, куда труднее. Кроме того, ты не был готов прийти ко мне, я — принять тебя. Я проверяла тебя, Валентайн, следила за тобой издали, изучала, какая часть твоей души выжила, осталось ли в тебе что-нибудь от Коронованного. Я должна была знать это до того, как увижу тебя.

— Много ли во мне осталось от лорда Валентайна?

— Большая часть, значительно большая, чем предполагали наши враги. Их схема плохо сработала. Они считали, что перечеркнули тебя, на самом деле лишь одурманили и сбили с толку.

— Не разумнее ли было с их стороны убить меня сразу, а не пересаживать мой дух в другое тело?

— Разумнее, да, — ответила Леди.— Но они не рискнули. Ты помазанник, Валентайн, а эти Баржазиды суеверные скоты. Они рискнули свергнуть Коронованного, но не решились убить его, потому что боятся мести его духа. Теперь трусливое колебание принесет крушение их планам.

— Ты думаешь, что я когда-нибудь смогу снова занять свое место? — тихо спросил Валентайн.

— Ты в этом сомневаешься?

— У Баржазида лицо лорда Валентайна, народ принимает его за Коронованного. В его руках вся мощь Горнюго Замка, а у меня всего десяток приверженцев, и меня никто не знает. Кто мне

поверит, если я объявлю себя истинным Коронованным? Сколько времени пройдет, прежде чем Доминин сделает со мной то же, что уже раз сделал в Тил-омоне?

— У тебя есть поддержка Леди, твоей матери.

— У тебя есть армия?

Леди ласково улыбнулась.

— Нет, армии у меня нет, но я — Власть Маджипуры, а это не так уж мало. Я распространяю любовь и справедливость. И у меня есть это.

Она коснулась серебряного обруча на голове.

— Таким образом ты шлешь послания?

— Да. Я могу достигнуть всех мозгов Маджипуры. Я не могу контролировать и управлять, как приборы Баржазида, но я могу сообщать, могу вести, могу влиять. И у тебя будет такой обруч, когда ты уйдешь с Острова.

— И я спокойно пройду через Альханроель, неся гражданам послание любви, когда Доминин Баржазид спустится с Горы и вернет мне трон?

Глаза Леди сверкнули гневом, подобным тому, который увидел Валентайн, когда она выгоняла иерархов из комнаты.

— Что ты говоришь? — резко спросила она.

— Мать...

— Да, они действительно изменили тебя. Тот Валентайн, которого я родила и вырастила, не смирился бы с мыслью о поражении!

— И я не мирюсь, мать. Но все это чудовищно, а я устал. Вести же войну против народа Маджипуры, даже против узурпатора... Мать, с самых ранних времен в Маджипуре не было войны. И я нарушу мир?

Глаза ее были безжалостными.

— Мир уже нарушен, Валентайн. На тебе лежит обязанность восстановить порядок в королевстве. Фальшивый Коронованный правит почти год. Ежедневно издаются жестокие и глупые законы. Невинный наказан, виновный торжествует. Нарушается равновесие, установленное тысячелетия назад. Когда четырнадцать тысяч лет назад наш народ пришел сюда со Старой Земли, свершилось много ошибок, много страданий претерпели люди, прежде чем мы нашли способ управления. Со времени первого Понтифика мы стали жить без больших переворотов, а в правление лорда Стиамота на планете воцарился мир. Теперь же мир разорван, и ты должен привести все в порядок.

— А если я соглашусь с тем, что сделал Доминин Баржазид? Или втравлю Маджипуру в гражданскую войну? Каковы будут последствия?

— Ты сам знаешь ответы на эти вопросы.

— Я хотел бы услышать их от тебя, потому что я в нерешительности.

— Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

— Мать, я испытал много странного в этом путешествии, много сил у меня отнято. Разве я не имею права устать?

— Ты король, Валентайн.

— Возможно, я был им и, возможно, буду снова. Но многое из моей королевской сущности украдено в Тил-омоне. Теперь я обычный человек. Но даже короли подвержены усталости и упадку духа, мать.

Леди сказала мягче.

— Баржазид еще не стал абсолютным тираном, потому что это может восстановить против него народ, и он не уверен в своей власти, пока ты жив. Но он правит для себя и своей семьи, а не для блага Маджипуры. Ему не хватает чувства справедливости, и он делает то, что только кажется полезным и целесообразным. Но с ростом его самоуверенности будут расти и его преступления, и Маджипура застонет под кнутом чудовища.

Валентайн кивнул.

— Когда я не такой усталый, я тоже понимаю это.

— Послушай также, что произойдет, когда умрет Тиверас Понтифик, а это рано или поздно случится, более вероятно, что случится скоро.

— Баржазид войдет в Лабиринт и станет бессильным затворником. Ты это имеешь в виду?

— Понтифик не бессилен, и ему не обязательно быть затворником. В жизни был только Тиверас, и он становится все более старым и странным. Но Понтифик в полной силе — совсем другое дело. Что, если Баржазид станет Понтификом через пять лет? Удовлетворится ли пребыванием в этой подземной норе, как теперь Тиверас? Он будет править, опираясь на силу, Валентайн.

Она пристально посмотрела на него.

— И кто, по-твоему, станет Коронованным?

Валентайн покачал головой.

— У Короля Снов три сына, — сказала Леди,— Минакс, старший, на днях получает трон в Суврaеле. Доминин теперь Коронованный и станет Понтификом, если ты позволишь ему это. Кого он выберет новым Коронованным, как не своего младшего брата Кристофа?

— Но противоестественно, чтобы Понтифик отдал Горный Замок собственному брату!

— Также противоестественно, чтобы Король Снов свергал законного Коронованного,— сказала Леди.

Глаза ее снова сверкнули.

— Вот еще что: когда сменяются Коронованные, сменяется и Леди Острова. Я буду доживать свои дни во дворце для отставных Леди на Террасе Теней, кто же придет во Внутренний Храм? Мать Баржазида! Как видишь, они захватят все и будут править всей Маджипурой.

— Этого не должно быть, — сказал Валентайн.

— Этого не должно быть.

— Что я должен сделать?

— Ты сядешь на корабль в моем порту Нуминор со своими людьми, с теми, кого я тебе дам, и поедешь в Альханроель, высадишься на мысе Стойенцар и отправишься в Лабиринт за благословением Тивераса.

— Но если Тиверас сумасшедший..

— Он не совсем безумен. Он живет в непрерывном и очень

странном сне, но я недавно коснулась его. В нем еще жив прежний Тиверас. Он сорок лет Понтифик, а до этого долгое время был Коронованным и знает, как надо править нашим королевством. Если ты сможешь добраться до него, если сумеешь показать, что ты настоящий лорд Валентайн, он окажет тебе помощь. Тогда ты пойдешь в Замок на Горе. Тебя пугает эта задача?

— Меня пугает только то, что я внесу хаос в Маджипуру.

— Хаос уже существует. Ты внесешь порядок и справедливость.

Она приблизилась к нему, так что вся устрашающая мощь ее личности раскрылась ему, прикоснулась к нему рукой и сказала низким, страстным голосом:

— Я родила двух сыновей, и каждый, кто видел их в колыбели, знал, что им предстоит быть королями. Старший был Вориакс. Ты помнишь его? Думаю, что нет... пока. Он был великолепным, замечательным человеком, героем, полубогом. Его еще в детстве знали на Горе Замка. Он должен был стать Коронованным, когда лорд Молибор станет Понтификом. Он был великолепен, но был и второй сын, Валентайн, такой же сильный и великолепный, как Вориакс, но он не так сильно увлекался подвигами и спортом, как старший. Он был теплее душой и мудрее, он без слов понимал, что правильно, а что нет, в его душе не было жестокости, характер его был ровным и жизнерадостным, его все любили, уважали, говорили, что он был бы даже лучшим Коронованным, чем Вориакс, но Вориакс был старшим, и выбрать должны были его, а Валентайн мог быть только первым министром. Молибор не стал Понтификом, он внезапно умер, охотясь на драконов, и эмиссары Тивераса пришли к Вориаксу и сказали: Ты Коронованный Маджипуры, и первым, кто упал перед ним на колени и сложил знак горящей звезды, был его брат Валентайн. И вот лорд Вориакс правил на Горе Замка, и правил хорошо, а я прибыла на Остров Снов, как полагалось, и восемь лет все было хорошо на Маджипуре, а затем произошло непредвиденное — лорд Вориакс внезапно погиб, как и лорд Молибор. Его пронзила на охоте случайная стрела. Но оставался еще Валентайн, и хотя редко бывало, чтобы брат Коронованного становился Коронованным после него, споры шли недолго, потому что все признавали его высокие качества. Таким образом в Замок вошел лорд Валентайн, а я, мать двух королей, осталась во Внутреннем Храме, радуясь сыновьям, которых отдала Маджипуре, и была уверена, что правление лорда Валентайна послужит славе Маджипуры. Неужели ты думаешь, что я позволю Баржазидам восседать там, где восседал по праву мой сын? Неужели ты думаешь, что я могу стерпеть, чтобы лицо лорда Валентайна маскировало подлую душу Баржазида? О, Валентайн, от тебя осталась лишь половина того, чем ты был раньше, даже меньше, чем половина, но ты снова станешь самим собой, и Горный Замок снова будет твоим, и судьба Маджипуры перестанет изменяться и двигаться ко злу. И не говори мне, что боишься воцарения хаоса на планете. Хаос с нами. Ты — освободитель. Понимаешь?

— Понимаю, мать.

— Тогда пойдем со мной, и я сделаю тебя прежним.

Она повела его из восьмиугольной комнаты вниз по лестнице Внутреннего Храма, мимо застывших стражей и хмурых иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную яркими цветами. Здесь был письменный стол из цельного куска сверкающего камня, низкая кушетка и несколько мелких предметов меблировки. Похоже, это был рабочий кабинет Леди. Она указала Валентайну на сидение и достала из стола две маленькие фляжки.

— Выпей это вино залпом, — сказала она.

Она протянула ему одну фляжку.

— Вино? На Острове?

— Мы с тобой не паломники. Пей.

Вкус темного, пряного и сладкого вина был ему знаком: таким вином пользовалась толковательница снов, добавляя в него наркотик, чтобы мозг открылся мозгу. Леди выпила содержимое второй фляжки.

— Значит, займешься толкованием? — спросил Валентайн.

— Нет. Это будет в бодрствующем состоянии. Я долго думала, как это устроить.

Она взяла со стола сияющий серебряный обруч, такой же, как у нее, и подала Валентайну.

— Надень его на лоб, и пока не поднимешься в Замок на Горе, носи постоянно, потому что он будет центром твоей мощи.

Валентайн осторожно надел обруч на голову.

Обруч плотно лег на виски и дал странное ощущение, хотя металлическая полоска была так тонка, что Валентайн удивился, что чувствует ее. Леди подвинулась и пригладила его густые длинные волосы.

— Золотые, — весело сказала она.— Никогда не думала, что у меня будет сын с золотыми волосами. Что ты чувствуешь сейчас?

— Немножко давит.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Как только ты привыкнешь к нему, давить перестанет. Ты еще чувствуешь наркотик?

— Только легкий туман в мозгу. Я бы, наверное, уснул, если можно.

— Скоро тебе будет не до сна, — сказала Леди.

Она протянула к нему руки.

— Ты хороший жонглер, сынок? — неожиданно спросила она.

— Говорят, да.

— Хорошо. Завтра ты покажешь мне свое искусство. Я думаю, мне будет интересно. А сейчас встань и дай мне обе руки. Вот так.

Он несколько секунд держал ее узкокостные, но выглядевшие сильными руки.

Затем она быстрым решительным жестом переплела его пальцы со своими.

Это было как удар, и обруч сжался.

Валентайн покачнулся и чуть не упал, но Леди крепко держала его. Ему показалось, что через череп прошло что-то острое. Все вокруг завертелось, он не мог управлять своими глазами и видел только отдельные расплывчатые образы: лицо матери, сверкавшую

поверхность стола, яркие оттенки цветов, и все это пульсировало, билось и кружилось.

Сердце его колотилось, в горле пересохло. Легкие были пустыми. Это оказалось еще страшнее, чем попасть в брюхо морского дракона. Ноги полностью отказали, он больше не мог стоять и опустился на колени, смутно сознавая, что Леди тоже стоит на коленях перед ним, что пальцы их все еще переплетены. Лицо его было близко от ее лица. Ужасный, опаляющий контакт их душ не был нарушен.

Перед ним поплыли воспоминания. Он видел гигантский величественный Горный Замок и раскинувшуюся на его вершине немыслимую громаду Замка Коронованных. Его мозг со скоростью молнии проносился по парадным комнатам с золочеными стенами и высокими сводчатыми потолками, по банкетным залам и судебным палатам, по коридорам, широким, как площадь. Яркий свет ослеплял его.

Он ощущал рядом с собой мужчину, высокого, мощного, самоуверенного, сильного, который держал его за руку, и женщину, тоже сильную и самоуверенную, державшую его за другую руку, и знал, что это его родители, и видел мальчика впереди — своего брата Вориакса.

— Что это за комната, отец?

— Это тронный зал Конфалума.

— А кто этот человек с длинными рыжими волосами, который сидит в большом кресле?

— Это Коронованный лорд Молибор.

— А что такое Коронованный?

— Это король, Валентайн, младший из двух королей. А второй Понтифик, который раньше был Коронованным.

— Который?

— Вот тот, высокий, худой, с черной бородой.

— Его зовут Понтифик?

— Его зовут Тиверас. Понтификом он зовется как наш король. Он живет недалеко от Стойенцара, но сегодня приедет сюда, потому что лорд Молибор женится.

— А дети лорда Молибора тоже будут Коронованными?

— Нет, Валентайн.

— А кто будет?

— Пока этого никто не знает, сынок.

— А я буду? Или Вориакс?

— Это может случиться, если вы станете мудрыми и сильными.

— О, я обязательно буду, отец!

Комната растаяла. Валентайн увидел себя в другой, такой же великолепной, но не столь большой, и сам он теперь был уже не мальчиком, а молодым человеком, и здесь был Вориакс со звездной короной на голове и с каким-то одурманенным взглядом.

— Лорд Вориакс!

Валентайн опустился на колени и поднял руки с растопыренными пальцами. Вориакс улыбнулся и махнул ему:

— Встань, брат. Тебе не пристало ползать передо мной.

— Ты будешь самым замечательным Коронованным за всю историю Маджипуры, лорд Вориакс.

— Зови меня братом, Валентайн. Я Коронованный, по-прежнему твой брат.

— Долгой жизни тебе, брат! Да здравствует Коронованный!

И все вокруг закричали:

— Да здравствует Коронованный!

Но что-то изменилось, хотя комната осталась та же. Лорд Вориакс исчез, а странная корона была теперь на Валентайне, и все стояли перед ним на коленях, махали руками и выкрикивали его имя. Он с удивлением смотрел на них.

— Да здравствует Валентайн!

— Благодарю вас, друзья мои. Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

— Да здравствует лорд Валентайн!

— Да здравствует лорд Валентайн! — тихо сказала Леди.

Валентайн очнулся. Минуту он был еще в беспамятстве и не понимал, почему стоит на коленях, и где он, и кто эта женщина, лицо которой так близко от его лица. Затем он понял.

И встал.

Он чувствовал себя полностью преображенным. В мозгу проносились воспоминания: годы на Горе Замка, учеба, сухая история с перечнем Коронованных и Понтификов, целые тома конституции, экономическая география провинций Маджипуры; долгие занятия с учителями под постоянным контролем отца и матери, и другие более беззаботные минуты: игру, путешествия по реке, турниры, друзья Элидат, Стазилейн и Тунигорн, легко льющееся вино, охота, счастливое время с Вориаксом, когда они оба были в центре всеобщего внимания, принцы из принцев. И страшная весть о смерти лорда Молибора в море, испуганный и радостный взгляд Вориакса, когда его нарекли Коронованным, а затем, через восемь лет, делегация высоких принцев пришла к Валентайну и предложила ему корону брата...

Он вспомнил все до той ночи в Тил-омоне, когда все оборвалось. После того он знал только залитый солнцем Пидруд, камешки, летящие мимо него с обрыва, мальчика Шанамира, стоявшего рядом с ним со своими животными. Он мысленно видел себя, и ему казалось, что он отбрасывает две тени: светлую и темную. Он смотрел сквозь иллюзорный туман мнимых воспоминаний, вложенных в него в Тил-омоне, оглядывался назад: в непроницаемую тьму того времени, когда он был Коронованным, и знал, что теперь его мозг снова стал целым, как был раньше.

— Да здравствует лорд Валентайн! — снова сказала Леди.

— Да, — сказал он, — я лорд Валентайн, и буду им снова. Мать, мне нужны корабли. Баржазид слишком долго задержался на троне.

— Корабли ждут в Нуминоре, и преданные мне люди будут служить тебе.

— Хорошо. А здесь надо собрать моих. Я не знаю, на каких они террасах, но их нужно быстро найти: маленького уруна, нескольких скандаров, хьерта, голубокожего инопланетянина и еще нескольких людей. Я дам тебе список.

— Мы найдем их, — сказала Леди.

— Спасибо, мать, что вернула мне меня самого.

— За что спасибо? Я дала тебе это изначально. За что тут благодарить. Теперь ты родился вторично, Валентайн, и если понадобится, я сделаю это и в третий раз. Но будем надеяться, что не придется. Твоя судьба теперь пошла вверх.

Глаза ее весело блеснули.

— Ты покажешь мне вечером, как жонглируешь? Сколько мячей можешь держать в воздухе?

— Двенадцать.

— Ну, да...

— Меньше двенадцати, — признался он, — но больше двух. После обеда я устрою представление. И... знаешь что?

— Да?

— Когда я снова буду в Горном Замке, я устрою большой фестиваль. Ты приедешь с Острова и еще раз посмотришь, как я жонглирую на ступенях трона Конфалума. Обещаю. Да, на ступенях трона!

Семь кораблей Леди с широкими парусами и высокими стройными мачтами отплыли из порта Нуминор под командой хьерта Эйзенхарта, адмирала Леди. Пассажирами его были лорд Валентайн Коронованный, его первый министр Стифон Делиамбер, урун, его адъютанты Карабелла из Тил-омона и Слит из Парабала, его военный адъютант Лизамона Халтин, его полномочные министры Залзан Кавол, скандар, и Шанамир из Фалкинкипа и другие. Флот направлялся в Стойен на альханроельском Мысе Стойенцар в дальней стороне Внутреннего Моря. Корабли, подгоняемые западным ветром, который дул в этих водах поздней весной, уже не одну неделю были в море, но берега еще не было видно, его еще много дней не будет видно.

Валентайн нашел долгое путешествие приятным. Он не боялся заданий, стоявших перед ним, но и не торопился выполнять их: нужно было время, чтобы привыкнуть к своему восстановленному сознанию и обдумать, кем он был и кем надеется стать, а что для этого может быть лучше великих просторов океана, где ничто, кроме узора облаков, не меняется, и время как бы стоит на месте? Валентайн часами стоял у поручней флагманского судна «Леди Сиин» поодаль от своих друзей.

Личность, которой он когда-то был, нравилась ему: характер сильнее и тверже, чем у Валентайна-жонглера, но без отталкивающих душевных качеств, свойственных иной раз правителям. Бывшее «я» Валентайна казалось ему чересчур рассудительным, здравомыслящим и умеренным. Это был человек серьезный, не любящий шуток, понимающий природу ответственности и обязательств. Он был хорошо воспитан, как и полагается тому, кто всю жизнь готовился к высокому положению, основательно изучал историю, законодательство, управление и экономику, чуть меньше — литературу и философию и, как считал Валентайн, лишь поверхностно — математику, физику, которыми не слишком увлекались на Маджипуре.

Обретение бывшего «я» было для Валентайна подарком

судьбы. Но он все еще не полностью соединился с другим «я» и думал чаще всего «он» и «я» или «мы», вместо того, чтобы видеть себя единым целым. Но эта брешь с каждым днем уменьшалась. Слишком большой удар нанесли мозгу Коронованного в Тил-омоне, чтобы теперь не было разрыва между лордом Валентайном и Валентайном-жонглером. Возможно, от этой трещины навсегда останется рубец, но Валентайн мог по желанию перешагнуть эту трещину и отправиться в любую точку своей прежней линии жизни, в детские годы или в короткое время своего правления. И куда бы он ни заглянул, он видел такое богатство знаний, опыта, зрелости, о каком и не мечтал во время своих странствий. Он входил в эти воспоминания, как в энциклопедию, библиотеку, и был уверен, что полное объединение с прежним «я» произойдет своевременно.

На девятую неделю путешествия на горизонте показалась тонкая зеленая линия суши.

— Стойенцар, — сказал адмирал Эйзенхарт.— Видишь, сбоку темное пятно? Это гавань Стойен.

Валентайн изучал берег приближавшегося континента в подзорную трубу. Валентайн-жонглер ничего не знал об Альханроеле, кроме того, что это самый большой континент на Маджипуре, который был первым заселен людьми и теперь был местом огромного скопления людей и потрясающих чудес природы, местом пребывания правительства Маджипуры, домом Коронованного и Понтифика.

Лорд Валентайн знал много больше. Для него Альханроель означал Замок на Горе, почти планету, на знакомство с ее склонами можно было потратить всю жизнь и не успеть насладиться всеми чудесами Пятидесяти Городов. Альханроель — это Замок лорда Молибора на Горе, Валентайн так называл его, когда был мальчиком, и сохранил эту привычку даже во время своего правления. Теперь он видел в воображении этот замок на вершине Горы, которая походила на многорукое существо, протянувшее свои скалы и пики в альпийские луга, а ниже — громадные долины. Замок со многими тысячами комнат, здание, которое жило как бы собственной жизнью и добавляло по собственному желанию новые флигели и пристройки. Альханроелем был также холм над Лабиринтом Понтифика, и сам подземный Лабиринт, полная противоположность Острову Леди. Леди жила во Внутреннем Храме на согреваемой солнцем продуваемой ветром высоте, окруженной кольцом открытых террас, а Понтифик зарылся, как крот, глубоко в землю, в самую нижнюю часть своего королевства, окруженную кольцами Лабиринта. Валентайн только однажды много лет назад был в Лабиринте по поручению лорда Вориакса, но воспоминание о винтовых пещерах все еще жило в нем.

Альханроель означал также шесть рек, сбегавших со склонов Горы Замка, и животные-растения Стойенцара, и деревья Треймона, и каменные руины Вальсерской Равнины, которые, как говорят, существовали еще до появления человека на Маджипуре. Тонкая линия на востоке стала шире, но все еще была едва заметна.

Валентайн ощутил всю беспредельность Альханроеля, развертывавшуюся перед ним, как титанический свиток, и спокойствие,

воцарившееся в его мозгу во время путешествия, сразу растаяло. Он жаждал как можно скорее высадиться на берег и начать поход к Лабиринту.

Он спросил Эйзенхарта:

— Когда мы достигнем земли?

— Завтра вечером, милорд.

— Тогда устрой сегодня праздник. Выставим для всех лучшее вино и покажем представление на палубе.

Эйзенхарт серьезно посмотрел на него.

Адмирал был аристократом среди хьертов, более стройный, чем большинство его соплеменников, он отличался до странности сдержанными манерами. Валентайн находил их несколько неприятными. Леди весьма высоко ценила адмирала.

— Какое представление, милорд?

— Жонглерское. Мои друзья тоскуют по своему ремеслу. Вот как раз подходящий случай отпраздновать благополучное окончание нашего путешествия.

— Да, конечно, — сказал Эйзенхарт.

Он поклонился, как полагалось, но ему явно не нравились такие выходки на борту его флагмана.

Валентайн предложил это из-за Залзана Кавола. Скандару на корабле было беспокойно, он часто двигал своими четырьмя руками, как бы жонглируя, хотя никаких предметов у него в руках не было. Ему было труднее, чем кому-либо другому. Год назад Залзан был королем своей профессии, непревзойденным мастером жонглирования, его восторженно встречали всюду, где он появлялся в своем поразительном фургоне. Теперь же он был лишен всего. Фургон сгорел в лесах Пьюрифайна, два брата остались там же, третий — на дне океана. Он больше не отдает приказаний своим работникам, а вместо вечернего представления перед пораженной публикой, набивавшей его карманы кронами, следует теперь в кильватере за Валентайном.

В Залзане Каволе скапливалась неиспользованная сила и энергия. Это видно было по его лицу и поведению, потому что в прежние времена его грубый характер бурно прорывался, а теперь стал как бы совсем мягким, и Валентайн понимал, что это признак тяжелого внутреннего кризиса. Агенты Леди нашли Залзана на Террасе Оценки, где он вяло занимался черновой работой, как бы покорившись тому, что будет заниматься этим до конца жизни.

— Хочешь поработать с факелами и ножами? — спросил его Валентайн.

Залзан Кавол просиял.

— Еще бы! А ты видел эти щепки?

Он указал на несколько дубин фута в четыре длиной, лежавших кучей у мачты.

— Прошлой ночью, когда все спали, мы с Ирфоном с ними практиковались. Если твой адмирал не возражает, мы их вечером возьмем.

— Эти? Разве можно жонглировать такими длинными?

— Ты только получи разрешение адмирала, милорд, а вечером сам увидишь!

Все послеобеденное время труппа репетировала в большом пустом трюме. Это было впервые после Илиривойна, с тех пор, казалось, прошла вечность. Работали с импровизированным набором предметов, собранных скандарами, все быстро вошли в ритм.

Валентайн смотрел на них, не отрываясь.

Слит и Карабелла азартно обменивались дубинками. Залзан Кавол, Роворн и Ирфон придумали причудливый новый обмен взамен пропавшего с гибелью трех их братьев. На миг показалось, что вернулись старые времена Фалкинкипа или Долорна, когда одно лишь имело значение: чтобы наняли на фестиваль или в цирк, и уж затем — координация руки и глаза. Но те дни больше не вернутся. Теперь труппа ввязалась в политическую интригу со сменой Власти, и никто из них не станет прежним. Эти пятеро обедали с Леди, делили жилье с Коронованным, плыли на свидание с Понтификом. Они стали уже частью истории, даже если кампания Валентайна не увенчается успехом. Но все-таки они снова жонглировали, как если бы жонглирование было смыслом их жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать их всех во Внутреннем Храме. Валентайн думал, что Леди и ее иерархам достаточно закрыть глаза, чтобы добраться до любого мозга на Маджипуре, но все оказалось не так просто: связь была неточной и ограниченной. Первыми нашли скандаров на внешней террасе. Шанамир был на Втором Утесе, и по своей юношеской беспечности он продвигался быстро. Слит, отнюдь не юный и не беспечный, тем не менее ухитрился попасть на Второй Утес, как и Виноркис, Карабелла была как раз перед ними на Террасе Зеркал, но ее по ошибке искали сначала в другом месте, отыскать Кона и Лизамону оказалось просто, поскольку внешне они очень отличались от остальных пилигримов, однако три бывших работника Гарцвела — Пандемон, Корделин и Тизм прямо-таки растворились среди населения Острова, и Валентайну пришлось бы оставить их, если бы они не объявились в последний момент. Труднее всего оказалось выследить Делиамбера. На Острове было много урунов, некоторые из них тоже были мелкими колдунами, поэтому не обошлось без ошибок.

Флот готовился к отплытию, а Делиамбера все не было. Валентайн разрывался между необходимостью двигаться вперед и нежеланием остаться без своего самого полезного советника, но тут урун сам появился в Нуминоре, никак не объяснив, где был и как прошел через весь Остров незамеченным. Итак, все собрались.

На Горе Замка у лорда Валентайна был свой круг приближенных, чьи лица и имена восстановить теперь в памяти было легко. Элидат, Стазилейн, Тунигорн были самыми близкими друзьями. Однако хотя он чувствовал, что предан этим людям, все они стали очень чуждыми его душе. Ему гораздо ближе была эта случайно собранная во время странствий компания, и он думал, как сумеет примирить эти две группы, когда вернется в Замок.

В одном, по крайней мере, он был уверен: в Замке его не ждала ни жена, ни невеста, ни даже какая ни на есть любовница, могущая

оспаривать место Карабеллы рядом с ним. Как принц и как молодой Коронованный, он жил, благодарение Божеству, свободным от забот и привязанностей. И так нелегко будет показать двору, что возлюбленная Коронованного — простая женщина из нижнего города, странствующий жонглер, а уж если бы его сердце было отдано кому-то раньше, это было бы совсем немыслимо.

— Валентайн! — окликнула его Карабелла.

Ее голос вывел его из задумчивости.

Он оглянулся. Она засмеялась и бросила ему дубинку. Он поймал ее, как его учили, так, чтобы она попала между большим пальцем и остальными, и чтобы головная часть ее была обращена к углу. Тут же прилетела вторая дубинка от Слита и третья — от Карабеллы. Он засмеялся и послал дубинки кружиться над головой старым знакомым рисунком, бросал их и ловил, а Карабелла хлопала в ладоши и тоже бросала и ловила. Как хорошо было снова жонглировать!

Лорд Валентайн, великолепный атлет с быстрым зрением, искусный во многих играх, но слегка прихрамывающий после давнего падения с лошади, жонглировать не умел.

Жонглирование было искусством простого Валентайна. На борту этого корабля он был окружен теперь аурой авторитета, вернувшегося к нему после того, как мать вылечила его мозг, и чувствовал, что его компаньоны держатся от него на почтительном расстоянии, но тем не менее стараются по возможности видеть в нем прежнего Валентайна из Зимроеля. Поэтому ему было особенно приятно, что Карабелла так непочтительно швырнула ему дубинку.

Работать с дубинками ему тоже было приятно, даже несмотря на то, что он уронил одну, а пока поднимал, вторая стукнула его по голове, что вызвало презрительную усмешку Залзана Кавола.

— Если так пойдет вечером, — сказал скандар, — неделю проведешь без вина!

— Не бойся, — ответил Валентайн, — я уронил ее только для пробы. Вечером ты таких ошибок не увидишь.

Их и в самом деле не было. Весь корабельный народ собрался на палубе, когда зашло солнце. Эйзенхарт со своими офицерами занял платформу, откуда было лучше видно. Он позвал Валентайна, предложив ему почетное кресло, но тот с улыбкой отказался. Эйзенхарт растерянно посмотрел на него, но выражение его лица даже отдаленно не соответствовало тому, каким оно стало через несколько минут, когда Шанамир, Виноркис и Лизамона ударили в барабаны и затрубили в трубы, из люка показались жонглеры, и среди них — лорд Валентайн Коронованный, который начал весело швырять дубинки, блюда и плоды, словно самый обыкновенный жонглер.

Если бы адмирал Эйзенхарт действовал по своему усмотрению, Валентайну была бы устроена в Стойене пышная встреча, вроде фестиваля в Пидруде во время визита фальшивого Коронованного, но Валентайн, узнав о планах Эйзенхарта, тут же пресек их.

Он не был еще готов к тому, чтобы требовать вернуть себе трон,

публично обвинить того, кто назвал себя лордом Валентайном, или ждать каких-то почестей от горожан.

— Пока я не получу поддержки Понтифика, — твердо сказал он адмиралу, — я намерен спокойно плыть и собирать силы, не привлекая внимания. Так что никаких фестивалей для меня в Стойене не будет.

Итак, «Леди Сиин» причалила без всякой помпы в большом порту на юго-западе Альханроеля.

Хотя флотилия состояла из семи кораблей, а корабли Леди, достаточно известные в гавани Стойена, в таком количестве обычно не прибывали, вошли они спокойно, особо не выделяясь.

Портовая администрация почти не задавала вопросов: корабли явно прибыли по делам Леди, а ее заботы были вне компетенции обычных чиновников.

Для поддержания этого мнения адмирал в первый же день разослал в район верфей агентов покупать материал для парусов, инструменты и тому подобное.

Тем временем Валентайн и его компания без лишнего шума поселились в скромном торговом отеле.

Стойен был преимущественно приморским городом — экспорт-импорт, склады, судостроение. Город с населением около пятнадцати миллионов тянулся на сотни миль вдоль края громадного мыса, отделявшего Залив Стойен от основной части Внутреннего Моря. Ближайшим портом от Острова был не Стойен, а Алейсор, в тысячах миль к северу, но в этом сезоне ветров быстрее и легче было путешествие до Стойена, чем более короткий, но трудный переход к Алейсору.

Пополнив запасы воды и продовольствия, они должны были отправиться по спокойному заливу вдоль северного берега Мыса Стойенцар в тропический Карсиден, а затем в Треймон, прибрежный город неподалеку от Лабиринта.

Стойен показался Валентайну поразительно красивым. Весь мыс был плоским, едва двадцати футов над уровнем моря в самых высоких точках, но жители города сложили удивительные платформы из кирпича, облицованного белым камнем, чтобы создать иллюзию холмов. Среди этих платформ не было двух одинаковых по высоте: одни едва достигали десяти футов, другие возносились на сотни футов.

Район шел вверх гигантскими пьедесталами в несколько десятков футов высотой и более четверти мили шириной.

Некоторые большие здания имели собственные платформы и стояли над окружающими их домами, как на ходулях. Чередование высоких и низких платформ создавало потрясающий эффект.

Все, что выглядело явно механической причудой, смягчалось тропической растительностью, подобно которой Валентайн еще не видел. У основания каждой платформы росло множество деревьев с широкими кронами. Их ветви, переплетаясь, создавали непроницаемое покрывало. По стенам платформы спускались каскады лиан. Вдоль широких скатов с улиц на платформы стояли бетонные ящики с группами утесов и кустов, узкие листья которых поражали разнообразием расцветок. В больших общественных парках города росли всевозможные диковинные растения.

Там были сады знаменитых одушевленных растений, растений, поскольку они жили, укоренившись в одном месте и питались веществами почвы и воздуха, и в то же время существ плотских, потому что у них были трубчатые тела, качавшиеся и изгибавшиеся, руки, двигавшиеся в различных направлениях, пристально глядевшие глаза. Хотя они получали достаточно питания от солнечного света и воды, они всегда были не прочь сожрать и переварить какое-нибудь мелкое живое существо, если удавалось его схватить.

Красиво рассаженные кусты этих растений, окруженных низкой каменной стеной, декоративной, и в то же время предупреждающей об опасности, были в Стойене повсюду. Валентайн находил в них какое-то зловещее очарование. Он подумал даже, нельзя ли будет привезти такую коллекцию в Горный Замок.

— У меня от них мурашки по коже, — сказал Слит.— А тебе они нравятся, милорд?

— Не то что нравятся. Они своеобразны.

— Может ты и те, людоедские, привезешь?

— Конечно, — воскликнул Валентайн.

Слит только застонал. Но Валентайн не обратил на это внимания. Взяв за руки Слита и Карабеллу, он сказал:

— Каждый Коронованный что-то добавлял к Замку: библиотеку, обсерваторию, парапет, оружейную палату, зал для обедов, палату трофеев, и с каждым правлением Замок рос, изменялся, становился богаче и сложнее. Я так недолго был Коронованным, что не успел даже обдумать, что вложу в него. Но скажите, какой Коронованный узнал Маджипуру, как я? Кто путешествовал столько и с такими перипетиями? В память о своих приключениях я соберу все странные растения, которые видел: и плотоядные, и эти одушевленные, и деревья-пузыри, и несколько деревьев двикка, и рощу огненных пальм, сенситивы и поющий папоротник — все чудеса, виденные нами. В Замке нет ничего подобного, лишь маленькая оранжерея, устроенная лордом Конфалумом. А я расширю ее. Сад лорда Валентайна! Звучит, как по-вашему?

— Это будет чудесно, милорд, — сказала Карабелла.

Слит кисло заметил:

— Я не хотел бы гулять среди плотоядных растений ни в саду лорда Валентайна, ни в герцогствах Ни-мои и Пилиплока.

— Мы заставим тебя, — засмеялся Валентайн.

Но пока Валентайн снова не поселится в Замке, не будет никаких прогулок и никаких садов. А он вот уже неделю бездельничает в Стойене, ожидая, пока Эйзенхарт пополнит запасы.

Три корабля, груженные нужными Острову товарами, вернутся обратно, остальные пойдут за Валентайном как тайный эскорт. Леди дала ему более сотни своих самых крепких телохранителей под командой грозного иерарха Лоривейд. Они не были воинами в прямом смысле этого слова, потому что Остров не знал насилия после последнего вторжения метаморфов несколько тысяч лет назад, но это были ловкие и бесстрашные мужчины и женщины, преданные Леди и готовые отдать жизнь за то, чтобы в королевстве восстановилась гармония.

Они были ядром частной армии, впервые созданной на Маджипуре, если не считать давние времена.

Наконец флот был готов к отплытию.

Первыми ушли корабли, возвращавшиеся на Остров. Они отплыли на северо-запад ранним утром Второго дня. Остальные в середине Морского дня поплыли в том же направлении, но с наступлением темноты свернули на восток, в залив.

Длинный и узкий Мыс Стойенцар выступал из центрального массива огромным пальцем. На его южной морской стороне было нестерпимо жарко. На этом побережье, покрытом кишевшими от насекомых джунглями, почти не было населения. Основная часть жителей селилась вдоль берега залива. Там через каждую сотню миль высились города, а между ними непрерывно тянулись рыбачьи деревушки, мелкие городки и фермерские округа. Сейчас здесь было начало лета и на почти неподвижной воде залива лежала плотная дымка жары.

Флот остановился на день в Карсидине, где берег сворачивал к северу, а затем шел к Треймону.

Валентайн много времени проводил в своей каюте, осваивал обруч, который дала ему Леди. Через неделю он овладел искусством впадать в легкий дремотный транс, научился опускать мозг ниже порога сна, будучи в любой миг готовым поднять его снова, и в то же время сознавать то, что происходит вокруг.

В таком состоянии транса он мог входить в контакт с другими мозгами, пусть легкий и непродолжительный, мысленно пройтись по кораблю и коснуться ауры спящих, поскольку спящий мозг легче поддается такому проникновению, чем бодрствующий. Коснуться мозга малознакомых, как, например, плотника Панделона или иерарха Лоривейд, было пока еще трудно, разве что короткими фрагментарными вспышками, а вот мозга нечеловеческого происхождения вообще не удавалось, даже если это были хорошие знакомые, вроде Залзана Кавола, Кона или Делиамбера. Но Валентайн продолжал учиться и чувствовал, что его умение растет с каждым днем, как было когда-то с жонглированием. По существу и это был род жонглирования, потому что он также занимал положение в самом центре своего духа, не отвлекался на посторонние мысли и координировал все аспекты своего существа на толчке от контакта. К тому времени, когда «Леди Сиин» приплыла к Треймону, Валентайн продвинулся до уровня возможности поместить в чей-нибудь мозг начало сна с событиями и образами.

Он послал Шанамиру сон о Филкинкипе, о пасущихся на лугах животных и спускающихся с неба громадных джорна-птицах.

Утром за столом мальчик подробно описал свой сон, но сказал, что птицы были милофты, пожиратели падали, с оранжевыми клювами и мерзкими синими когтями.

— Что означает такой сон, когда спускаются милофты? — спросил он.

— Может ты плохо запомнил сон, — сказал Валентайн, — и видел других птиц, скажем, джорна? Они служат добрым предзнаменованием.

Шанамир простодушно покачал головой.

— Если я не умею отличать джорну от милофты, милорд, то мне следует вернуться в Фалкинкип и чистить стойла.

Валентайн улыбнулся, чтобы скрыть улыбку, и решил более тщательно работать над техникой посла образов.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными стаканчиками с золотым вином. Она рассказала об этом, описав форму стаканчиков. Слиту подарил сон о саде лорда Валентайна, где было множество всяких растений, кроме хищных. Слит с восторгом описал сон и сказал, что если бы у Коронованного в Замке был такой сад, он, Слит, был бы счастлив погулять в нем.

Сны приходили к Валентайну. Почти каждую ночь Леди, его мать, издалека касалась его духа. Ее ясное присутствие проходило через его спящий мозг, как холодный лунный свет, успокаивало и ободряло. Он видел былые дни в Замке, юношеские игры, друзей, брата Вориакса, учившего его обращаться с мечом и луком, лорда Молибора Коронованного, который путешествовал по городам на Горе как некий великий сияющий полубог, и многое другое, что поднималось из глубин его мозга.

Но не все сны были приятными. Перед Треймоном Валентайн увидел себя на берегу какой-то затерянной бухты, поросшей низким кривым кустарником. Он пошел к Замку на Горе, высившемуся вдали, но на его пути оказалась стена выше белых утесов Острова Снов, и была она железной — такого количества металла не существовало на всей Маджипуре — темное, страшное железное кольцо, казалось, опоясывало весь мир от полюса до полюса, и Валентайн был по одну сторону, а Замок на Горе — по другую сторону.

Приблизившись, он заметил, что стена потрескивает, как наэлектризованная, и от нее исходит низкое гудение, а когда подошел совсем близко, увидел в блестящем металле свое отражение, но лицо, смотревшее на него с этой страшной стены, было лицом Короля Снов.

Треймон был городом, славившимся во всей Маджипуре деревьями-домами. На следующий день после высадки Валентайн пошел посмотреть на них в прибрежный район к югу от устья реки Трей.

Деревья-дома не приживались нигде, кроме наносной равнины Трея. У них были короткие стволы, несколько напоминавшие двикк, но не такие толстые, с красивой блестящей бледно-зеленой корой. Из бочкообразного тела выходили короткие ветви, отгибавшиеся вверх и наружу, а по ним, закрепляясь во многих местах и образуя уютные чашеобразные укрытия, вились лианы.

Древесный народ Треймона устраивал жилища по своему вкусу, вытягивая гибкие ветви в форме комнат и коридоров и закрепляя их. Из листьев готовили вкусный салат, пыльца душистых кремовых цветов была слабым наркотиком, синеватые плоды использовались по-разному, а легко выжимавшийся сладкий сок служил вместо вина.

Каждое дерево жило тысячу лет, а то и больше. Семьи усердно следили за ними.

На равнине было десять тысяч деревьев, все зрелые и все обитаемые. На окраине Валентайн увидел несколько молодых саженцев.

— Их посадили недавно, — сказали ему, — чтобы заменить погибшие за последние годы.

— А что делает семья, когда ее дерево умирает?

— Отправляется в город, в так называемые траурные дома, пока не вырастет новое дерево. А это длится лет двадцать. Мы очень боимся такого, но подобное случается только у одного из десяти поколений.

— А нельзя вырастить эти деревья где-нибудь в другом месте?

— Ни на один дюйм дальше того места, где ты их видишь. Они растут только в нашем климате и только на этой почве. В любом другом месте проживут год-два и зачахнут.

— А мы все-таки попытаемся. Интересно, дадут ли они нам немного этой драгоценной почвы для сада лорда Валентайна?

Она улыбнулась.

— Даже маленькое дерево-дом — отличное место, куда ты сможешь уйти, когда устанешь от правления, будешь сидеть среди листвы, вдыхать аромат цветов, срывать плоды... О, как хорошо было бы для тебя!

— Когда-нибудь у меня будет это, — сказал Валентайн, — и ты будешь сидеть там рядом со мной.

Карабелла испуганно на него взглянула.

— Я, милорд?

— Конечно. Кто же еще? Доминин Баржазид?

Он слегка коснулся ее руки.

— Ты думаешь, наше совместное путешествие кончится, когда мы достигнем моего Замка?

— Не будем сейчас говорить об этом, — сказала она строго.

От Треймона до Лабиринта было несколько недель пути на скоростной плавучей повозке. Лабиринт находился в центре южного Альханроеля. Большей частью это была низменность с плодородной красной почвой в речной долине и тощей песчаной серой за ней, по мере продвижения Валентайна и его отряда поселения становились все более редкими. Иногда здесь шел дождь, но вода, казалось, тут же впитывалась в пористую землю. Стояла жара, иногда она прямо давила. Они шли день за днем.

Теперь такое путешествие было для Валентайна полностью лишено очарования и таинственности. Он с грустью вспоминал поездку по Зимроелю в нарядном фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день казался путешествием в неизвестное, со свежими впечатлениями на каждом повороте, остановками в удивительных городах, и всегда подстегивало возбуждение выступлений. А теперь? Все для него делали адъютанты и помощники. Он снова становился принцем, хотя и с очень скромными возможностями — всего лишь с сотней приверженцев — и вовсе не был уверен, что это ему нравится.

Через неделю пути общий вид местности резко изменился: из сухой, глубоко изрезанной земли поднимались холмы с плоскими черными вершинами.

Здесь росли только чахлые кусты, темные, искривленные, с мелкими восковыми листьями, а на более высоких склонах — колючие заросли лунных кактусов, призрачно-белых, вдвое превышавших рост человека.

Маленькие длинноногие животные с рыжим мехом и короткими пышными желтыми хвостиками шныряли вокруг.

— Это начало пустыни Лабиринта, — сказал Делиамбер.— Скоро мы увидим каменные города древних.

В своей прошлой жизни Валентайн подходил к Лабиринту с другой стороны, с северо-запада. Там тоже была пустыня, громадные руины города, но он спускался с Горы на речном судне мимо всех этих мертвых земель, окружавших Лабиринт, так что эта унылая отталкивающая зона была для него новой. Сначала он находил ее захватывающе странной, особенно при заходе солнца, когда безоблачное небо прочерчивалось полосами яркой окраски, а сухая почва казалась металлической. Но через несколько дней все это перестало его занимать, стало казаться тревожным, угрожающим. Было что-то в резком воздухе пустыни, что действовало неблагоприятно на его чувства.

Он никогда не бывал в пустыне, потому что их не было на Зимроеле, да и нигде в хорошо обеспеченном водой Альханроеле, кроме этого сухого участка. Условия пустыни здесь были в чем-то схожи с Суврaелом, который Валентайн довольно часто посещал во сне, и он не мог отогнать от себя непонятное и нереальное ощущение, что едет на свидание с Королем Снов.

— Вот развалины, — сказал Делиамбер.

Сначала их трудно было отличить от скал пустыни. Валентайн видел только темные монолиты, как бы раскиданные гигантской рукой по небольшому пространству в одну-две мили. Но постепенно он начал различать формы: вот кусок стены, вот основание какого-то гигантского дворца, а это — возможно алтарь. Все было титанических масштабов, только отдельные развалины, наполовину занесенные песком, были обычными бесцветными сторожевыми заставами.

Валентайн велел каравану остановиться у одних особенно широко разбросанных развалин и с несколькими спутниками осмотрел их. Он осторожно притрагивался к камням, опасаясь, не совершает ли какого-нибудь святотатства. Камни были холодными, гладкими на ощупь, кое-где покрытыми наросшим желтым лишайником.

— Это работа метаморфов? — спросил он.

Делиамбер пожал плечами.

— Мы так думаем, но точно никто не знает.

— Я слышал, — заметил адмирал Эйзенхарт,— что эти города построены первыми людьми-поселенцами вскоре после высадки на планету и были разрушены во время гражданской войны до того, как Понтифик Дворн организовал правительство.

— Записей, конечно, с тех времен не сохранилось, — сказал Делиамбер.

Эйзенхарт искоса посмотрел на уруна.

— Значит, ты другого мнения?

— Я? У меня вообще нет мнения о событиях, происходивших четырнадцать тысяч лет назад. Я не так стар, как вы полагаете, адмирал.

Иерарх Лоривейд сухо сказала:

— Мне кажется невероятным, чтобы первые поселенцы строились так далеко от моря и чтобы могли найти поблизости такие громадные каменные плиты.

— Значит, ты думаешь, что это города метаморфов? — спросил Валентайн.

— Метаморфы — дикари, они живут в джунглях и пляшут, чтобы вызвать дождь, — сказал Эйзенхарт.

Лоривейд, недовольная вмешательством адмирала, ответила Валентайну с явным раздражением:

— Я думаю, что это вполне возможно.

Затем добавила, обращаясь к адмиралу:

— Не дикари, адмирал, а изгнанники. Они вполне могли низвергнуться с более высокого состояния.

— Скорее всего с чьей-то помощью, — заметила Карабелла.

А Валентайн сказал:

— Правительству следовало бы организовать изучение этих руин, а может быть, это уже сделано? Нам нужно узнать как можно больше о дочеловеческих цивилизациях Маджипуры, и если это места метаморфов, их следует взять под охрану.

— Развалинам не требуется иная охрана, кроме той, которая у них уже есть, — внезапно произнес новый голос.

Валентайн, вздрогнув, обернулся. Из-за глыбы показалась странная фигура — тощий, почти бесплотный человек лет шестидесяти-семидесяти, с горящими злобой глазами и тонким, широким, явно беззубым ртом, искривленным в насмешливой ухмылке. Он был вооружен длинным узким мечом, а одежда его целиком состояла из рыжего меха животных пустыни. На голове была шапка из толстого хвостового меха. Он снял ее широким жестом и низко поклонился. Когда выпрямился, рука его легла на рукоять меча.

Валентайн вежливо спросил:

— И мы в присутствии одного из таких охранников?

— Я не один, — ответил тот.

Из-за камней вышло еще несколько таких же фантасмагорических типов, столь же костлявых, одетых в меховые куртки и штаны, в таких же немыслимых шапках. У всех были мечи, и все, казалось, были готовы пустить их в ход. Затем появилась вторая группа, как бы материализовавшись из воздуха, потом третья, большая — человек в тридцать.

В отряде Валентайна было одиннадцать душ, в основном безоружных. Все остальные остались в плавучих повозках в двухстах ярдах отсюда на шоссе. Пока они стояли, рассуждая о древней истории, их окружили.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил лидер.

Валентайн услышал легкое покашливание Лизамоны и увидел напряженную позу Эйзенхарта. Он жестом успокоил их и сказал:

— Могу я узнать, кто ко мне обращается?

— Я герцог Насимонт из Вернек Грега, верховный лорд Западных Границ. Рядом со мной ты видишь знатных людей моего герцогства, которые верно служат мне.

Валентайн не помнил ни провинции под названием Западные Границы, ни такого герцога. Может быть, он забыл географию? Нет, не настолько же. Однако он решил не шутить с герцогом Насимонтом и торжественно сказал:

— Проходя через ваши владения, мы не собирались в них вторгаться, ваша милость. Мы путешественники, едем в Лабиринт, у нас дело к Понтифику, а здесь, кажется, наиболее прямая дорога от Треймона.

— Верно. Но для вас было бы лучше ехать к Понтифику другой дорогой.

— Не мешай нам! — внезапно рявкнула Лизамона.— Знаешь ли ты, кто перед тобой?

Валентайн с досадой щелкнул пальцами, чтобы великанша замолчала.

Насимонт мягко сказал:

— Это не имеет значения. Будь он хоть сам лорд Валентайн, он здесь не пройдет. В сущности, любой пройдет легче лорда Валентайна.

— У тебя какая-то ссора с лордом Валентайном? — спросил Валентайн.

Бандит грубо захохотал.

— Коронованный — мой самый главный враг.

— Ну, тогда ты восстаешь против всей цивилизации, потому что все обязаны повиноваться Коронованному. Как ты можешь быть герцогом и не признавать авторитета Коронованного?

— Э т о г о Коронованного,— ответил Насимонт.

Он медленно пересек расстояние, отделявшее его от Валентайна, и остановился перед ним, не снимая руки с меча.

— На тебе хорошая одежда, ты, видно, городской житель. Ты, наверное, богат, живешь в большом доме где-нибудь на Горе и слуги исполняют каждое твое желание. Что бы ты сказал, если бы в один прекрасный день все это у тебя отняли, и ты стал нищим?

— У меня был такой опыт, — сказал Валентайн.

— А теперь у тебя целая кавалькада плавучих повозок и свита. Кто ты?

— Лорд Валентайн Коронованный,— без колебаний ответил Валентайн.

Глаза Насимонта сверкнули яростью.

Казалось, он вот-вот вытащит меч, но он сдержался и сказал:

— Да, ты такой же Коронованный, как я герцог. Ну, лорд Валентайн, твоя родня заплатит мне за мои потери, за то, что ты прошел через зону развалин, с тебя тысяча роалов.

— У нас нет такой суммы, — спокойно сказал Валентайн.

— Тогда ты останешься с нами, пока твои лакеи не достанут денег.

Он сделал знак своим людям.

— Хватайте их и свяжите. Одного отпустим — уруна. Он будет посланником. Эй, урун, скажешь там, в повозках, что мы

задержим этих, пока не уплатят тысячу роалов. Будем ждать месяц. Если ты прибудешь с ополчением вместо денег, то имей в виду, что мы знаем эти холмы, а офицеры — нет. И вы не увидите своих друзей живыми.

— Подожди, — сказал Валентайн, когда люди Насимонта шагнули вперед.

— Расскажи мне о ссоре с Коронованным.

Насимонт нахмурился.

— Он прошел через эту часть Альханроеля в прошлом году, возвращаясь из Зимроеля. Я тогда жил в предгорьях горы Эберсинол, возле озера, выращивал рикку, фиол и милай, и мои плантации были лучшими в провинции, потому что шестнадцать поколений моей семьи занимались этим. Коронованный и его отряд остановились у меня, посчитав, что я приму их лучше, чем другие. Он явился с сотней прихлебателей и слуг, со множеством придворных. Ртов было столько, что они могли съесть половину континента. За один звездный день они опустошили мои винные погреба, вытоптали все посевы на устроенных в полях фестивалях и спьяну подожгли мой дом, разрушили плотину на озере, затопили поля. Они разорили меня ради своих развлечений, а затем уехали, даже не поинтересовавшись, что сделали со мной. Все, что у меня осталось, теперь у ростовщиков, а я благодаря лорду Валентайну и его друзьям живу в скалах Вернок Грег. Это справедливо? Если ты хочешь выйти из этих древних развалин, чужеземец, это будет стоить тебе тысячи роалов. Хотя я задержал тебя не по злобе, я перережу тебе глотку так же спокойно, как лорд Валентайн сломал мою плотину, если не принесут денег.

Он обернулся и приказал:

— Вяжите их!

Валентайн глубоко вздохнул, закрыл глаза и, как учила его Леди, ввел себя в сон-бодрствование, в транс, который оживлял его обруч, послал свой разум в темную, желчную душу Верховного лорда Западных Границ и затопил ее любовью.

Это потребовало много сил. Он покачнулся, положил руку на плечо Карабеллы, и, заимствуя у нее энергию и жизненную силу, послал ее Насимонту.

Теперь он понял, какую цену платил Слит за слепое жонглирование: это отнимало у него все жизненные силы.

Насимонт застыл на месте, повернулся, глаза встретились со взглядом Валентайна. Валентайн, не расслабляясь, держал его душу и до тех пор омывал ее состраданием, пока яростное негодование Насимонта не исчезло, как шелуха, и тогда Валентайн явил душе внезапно ставшего уязвимым человека видение всего того, что произошло с ним в Тил-омоне, спрессовав все в одну головокружительную точку света.

Он прервал контакт и, пошатнувшись, ухватился за Карабеллу, поддерживавшую его.

Насимонт уставился на Валентайна, как человек, которого коснулось Божество, затем упал на колени и сложил знак горящей звезды.

— Милорд, — хрипел он едва слышно, — прости меня...

Такое количество разбойников в пустыне удивило и испугало Валентайна, потому что история почти не знала подобной анархии на благополучной Маджипуре. Пугало также, что эти бандиты раньше были преуспевающими фермерами, грубое вторжение Коронованного довело их до нищеты. На Маджипуре было не принято, чтобы правители так беззастенчиво пользовались своим положением. Если Доминин Баржазид считает, что может вести себя таким образом и остаться на троне, то он не только негодяй, но и дурак.

— Ты свергнешь узурпатора? — спросил Насимонт.

— Со временем, — ответил Валентайн.— Для этого еще многое предстоит сделать.

— Я в твоем распоряжении, если пригожусь.

— Много еще разбойников среди этих развалин у Лабиринта?

Насимонт кивнул.

— Много. В этой провинции стало привычным убегать сюда.

— Ты имеешь на них влияние, или титул герцога у тебя лишь для смеха?

— Они повинуются мне.

— Хорошо. Я попрошу тебя проводить меня до Лабиринта и избавить нас он нападения своих мародеров.

— Сделаю, милорд.

— Но никому ни слова о том, что тебе я поведал. Относись ко мне просто как к чиновнику Леди, посланному к Понтифику.

Искра подозрения мелькнула в глазах Насимонта. Он недовольно спросил:

— Почему я не могу объявить тебя истинным Коронованным?

Валентайн улыбнулся.

— Эти несколько плавучих повозок — вся моя армия. Я не могу объявить войну узурпатору, пока не соберу больших сил. Отсюда секретность, отсюда и мой визит в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку Понтифика, тем скорее начнется кампания. Как скоро ты будешь готов?

— Через час, милорд.

Насимонт и его люди вместе с Валентайном сели на передовую повозку.

Местность становилась все более голой. Теперь это была темная, почти безжизненная пустыня, где от сильного горячего ветра поднимались пыльные смерчи. Иногда вдали от шоссе появлялись люди в грубой одежде, группами по трое-четверо.

Они останавливались посмотреть на путешественников, но и только: никаких казусов не происходило. На третий день Насимонт предложил срезать путь к Лабиринту и тем сэкономить несколько дней.

Валентайн согласился без колебаний, и караван свернул к огромному высохшему озеру, а затем поплыл над скверной дорогой, изрезанной оврагами, мимо пологих гор из красного песчаника и, наконец, по широкому плоскогорью, совершенно безликому: крупный песок и гравий до самого горизонта. Валентайн видел, как тревожно переглянулись Слит и Залзан Кавол, когда повозки оказались в этом унылом месте, и подумал, что они, наверное, шепчутся об измене и предательстве, но его вера

в Насимонта не поколебалась. Он касался своим мозгом мозга предводителя бандитов через обруч Леди и чувствовал, что у него спокойно на душе.

День и еще день путешествия в никуда, и Карабелла нахмурилась, иерарх Лоривейд стала еще угрюмее, а Лизамона Халтин отвела Валентайна в сторону и сказала спокойно, как бы говоря о пустяка́х:

— А что, если этот тип Насимонт нанят мнимым Коронованным, чтобы бросить тебя в таком месте, где тебя никогда не найдут?

— Тогда мы погибнем, и наши кости истлеют здесь, — ответил Валентайн.— Но я не беспокоюсь.

Все-таки в нем росло некоторое раздражение. Вспоминая искренность Насимонта, он не мог поверить, чтобы агент Баржазида выбрал такой затяжной способ избавления от Валентайна, когда для этого достаточно было одного удара мечом в развалинах метаморфов: однако у него не было полной уверенности, что Насимонт знает, куда ехать. Здесь не было воды́: даже животные, способные питаться, чем попало, худели, по словам Шанамира, и слабели, с трудом отыскивая тощие кустики травы. В этом месте все было странно, и не брезжила надежда на избавление, но мерилом для Валентайна был Делиамбе́р: колдун был весьма опытен и умел в самозащите, сейчас он выглядел спокойным.

Наконец Насимонт остановил караван в том месте, где две линии голых холмов сходились в узкий с высокими стенами каньон, и сказал Валентайну:

— Ты думал, милорд, что мы сбились с пути? Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Валентайн с несколькими спутниками пошел за ним к началу каньона — на расстоянии пятидесяти шагов. Насимонт показал на огромную долину, начинавшуюся от каньона.

— Смотри.

Долина была пустынно́й: громадное веерообразное пространство серого песка тянулось к северу и к югу по меньшей мере на сто миль. В самом центре долины Валентайн увидел темный круг, тоже колоссального размера, слегка приподнятый над плоской поверхностью долины. Валентайн вспомнил: это была огромная насыпь темной земли, покрывавшая Лабиринт Понтифика.

— Послезавтра мы будем у Врат Лезвия, — сказал Насимонт.

Валентайн вспомнил, что у Лабиринта было семь входов, устроенных на разных расстояниях. Когда он был там с поручением Вориакса, он вошел через Врата Вод с противоположной стороны, где с Горы через плодородные северо-восточные провинции спускалась река Глейг. Это был самый легкий путь к Лабиринту, и им пользовались высокие чиновники, когда у них было дело к министрам Понтифика. Со всех остальных сторон Лабиринт окружала куда менее приятная местность, но все-таки более приемлемая, чем та, по которой только что проехал Валентайн. Единственным утешением служило сознание, что, выйдя из Лабиринта, он попадет в более удачную местность.

Лабиринт занимал огромное пространство и поскольку состоял из многих уровней, население его было неисчислимо. Сам Понтифик занимал внутренний сектор, куда почти никто не имел доступа. Окружавшая его зона была владениями правительственных министров, громадного количества преданных душ, всю жизнь остававшихся под землей и занимавшихся делами, которых Валентайн не понимал.

Вокруг правительственной зоны много тысячелетий складывалась внешняя оболочка Лабиринта, путаница круговых проходов, населенных миллионами темных личностей: конторщиками, торговцами, нищими, карманниками и бог знает кем еще, мир в себе, куда никогда не проникали ни солнечное тепло, ни холодный свет луны, где всю красоту и чудеса Маджипуры заменили бледные радости подземной жизни.

Наконец плавучие повозки добрались до Врат Лезвий.

Небольшое отверстие под навесом открывало доступ в уходивший в землю туннель. Впереди стоял ряд вмурованных в бетон древних ржавых мечей. Барьер больше символический, чем реальный, поскольку мечи были расставлены редко. Сколько же времени, подумал Валентайн, понадобилось, чтобы мечи заржавели в этом сухом климате?

Стражи Лабиринта ждали прямо за входом.

Их было семь — два хьерта, гайрог, скандар, лимен и два человека, все замаскированные, как принято у официальных лиц Лабиринта. Маски были в основном символические — лоскут блестящей желтой ткани закрывал нос и глаза — но создавали впечатление необычности, что и требовалось.

Стражи молча и невозмутимо встали перед Валентайном и его отрядом. Делиамбер сказал Валентайну:

— Они попросят плату за вход. Такова традиция. Подойди к ним и изложи свое дело.

Валентайн сказал стражам:

— Я Валентайн, брат покойного Вориакса, сын Леди Острова, пришел просить аудиенции у Понтифика.

Даже такое странное и дерзкое заявление не вызвало никакой реакции у замаскированных. Гайрог сказал только:

— Понтифик каждого к себе не допускает.

— Тогда я буду просить аудиенции у его главных министров, которые могут передать мое послание Понтифику.

— Их ты тоже не увидишь, — ответил один из хьертов.

— В таком случае я обращусь к заместителям министров или, если понадобится, к заместителям заместителей министров. Единственное, о чем я вас прошу — разрешите мне и моим спутникам пройти в Лабиринт.

Стражники посовещались между собой, тихо пожужжав, видимо, с помощью какого-то прибора. Это был ритуал чисто механического свойства, поскольку они вряд ли слушали друг друга. Затем гайрог снова повернулся к Валентайну.

— Каково твое приношение?

— Какое приношение?

— Входная плата.

— Назови, и я уплачу.

Валентайн сделал знак Шанамиру, и тот достал кошелек, но стражники недовольно покачали головами, а некоторые даже отвернулись.

— Не деньги, — презрительно сказал гайрог.— Приношение.

Валентайн опешил и растерянно обернулся к Делиамберу. Тот ритмично покачал щупальцами, как бы подбрасывая что-то. Валентайн понял. Жонглирование!

— Слит, Залзан Кавол...

Из одной повозки достали дубинки и мячи. Слит, Карабелла и Залзан Кавол встали перед стражниками и по сигналу скандара начали жонглировать. Семеро замаскированных смотрели, неподвижные, как статуи. Все это казалось Валентайну таким забавным, что он с трудом удерживался от смеха, но три жонглера выполняли свою работу строго и с большим достоинством, словно религиозный обряд. Они выполнили три полных рисунка обмена, разом остановились и поклонились стражам.

Гайрог чуть заметно кивнул — единственное одобрение представлению.

— Можете войти, — сказал он.

Они провели повозки между лезвиями в какое-то подобие вестибюля, темного и затхлого, откуда шла дорога вниз. Небольшое расстояние — путь им пересек изогнутый туннель, первое из колец Лабиринта.

Туннель был с высоким потолком, ярко освещенный, он вполне мог служить торговым городо́м: тут были ларьки, магазины, сновали пешеходы, плавучие экипажи всех видов и размеров. Но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что это не Пидруд, не Пилиплок и не Ни-моя. Люди на улицах были удивительно бледными, похожими на привидения, признак жизни без солнца. Одежда была до крайности старомодна, тусклых, темных тонов. Многие были в масках — слуги чиновников Понтифика. В сутолоке Лабиринта они были незаметны, и никто в толпе не обращал внимания на их маски.

Валентайн подумал, что у всех, и замаскированных, и не скрывавших открытых лиц, было какое-то напряженное выражение, что-то странное вокруг глаз и рта. Наверху, на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца народ Маджипуры улыбался легко и свободно, всем лицом, всей душой, а в этих катакомбах души были другими.

Валентайн спросил Делиамбера:

— Ты знаешь дорогу?

— Нет. Но гидов легко найти.

— Как?

— Останови повозку, выйди вперед и оглянись растерянно,— сказал урун.— Через минуту у тебя будет полно гидов.

Это заняло куда меньше минуты. Валентайн, Слит и Карабелла сошли с повозки, и к ним тут же подбежал мальчик лет десяти.

— Вам нужно осмотреть Лабиринт? Одна крона за весь путь.

— У тебя есть старший брат? — спросил Слит.

Мальчик посмотрел на него.

— Ты считаешь меня слишком маленьким? Тогда поезжайте одни. Через пять минут вы заблудитесь.

Валентайн рассмеялся.

— Как тебя зовут?

— Хиссун.

— Скажи, Хиссун, сколько уровней придется нам проехать, чтобы добраться до правительственного центра?

— Вы хотите ехать туда?

— А почему нет?

— Они там все чокнутые, — сказал мальчик. Он усмехнулся:— Работают весь день, перебирая бумаги, бормочут что-то и надеются продвинуться. Заговори с ними — они даже не ответят. От такой работы у них и мозги не варят. До них семь уровней: Дворы Колонн, потом Холл Ветров, Место Масок, Двор Пирамид, Двор Шаров, Арена, а затем Дом Записей. Я провожу вас туда, но не за крону.

— А за сколько?

— За полроала.

Валентайн присвистнул.

— Зачем тебе столько денег?

— Я куплю матери плащ, зажгу пять свечей Леди и отведу сестру к врачу.— Мальчик подмигнул: — А может быть, останется и мне что-то.

Во время этого разговора вокруг собралась толпа ребятишек не старше Хиссуна, несколько юношей и взрослых.

Все они стояли плотным полукругом и напряженно следили получит ли Хиссун работу. Они молчали, но Валентайн краем глаза видел, как они старались привлечь его внимание, чтобы казаться солиднее.

Если он откажет мальчику, тут же поднимется дикий хор голосов.

Но Хиссун, похоже, знал свое дело.

— Ладно, — сказал Валентайн, — веди нас к Дому Записей.

— Все эти повозки — твои?

— Да.

Хиссун свистнул.

— Ты, стало быть, важный человек? Откуда ты?

— Из Замка на Горе.

— Я так и подумал, что ты важный. Но если ты едешь оттуда, как ты попал со стороны Лезвий?

Мальчик был явно неглуп. Валентайн сказал:

— Мы путешественники. Мы только что с Острова Снов.

— О!

Глаза мальчика округлились. Это была первая брешь в его небрежной улично-мудрой холодности. Без сомнения, Остров был для него по существу мифическим местом, далеким, как звезды, и он помимо своей воли почувствовал благоговение перед особой, действительно побывавшей там.

Он облизнул губы.

— Как мне тебя называть?

— Валентайн.

— Валентайн, — повторил мальчик.— Валентайн из Замка на Горе. Приятное имя.

Он взобрался в первую повозку, Валентайн сел рядом. Мальчик спросил:

— Ты действительно Валентайн?

— Да.

— Очень приятное имя, — снова сказал мальчик.— Ну, плати мне полроала, Валентайн, и я покажу тебе Лабиринт.

Валентайн знал, что полроала — это оплата за несколько дней работы искусного ремесленника, но спорить не стал. Ему казалось, что человеку его положения не пристало торговаться с ребенком. Возможно, Хиссун именно на это и рассчитывал.

Во всяком случае, гонорар был потрачен недаром, потому что мальчик был докой в проходах по Лабиринту и вел их поразительно быстро к нижним и внутренним кольцам.

Они спускались вниз, делая неожиданные повороты, пробирались узкими, едва проходимыми переулками, чтобы срезать путь, спускались по скрытым скатам, которые, казалось, переносили их через немыслимые бездны пространства.

Чем ниже, тем темнее и запутаннее становился Лабиринт. Живописным он выглядел только снаружи, окружности внутри него были темными и зловещими, с тускло освещенными коридорами, расходившимися от главного во всех направлениях, со странными статуями и архитектурными украшениями, смутно выступавшими из мрачных сырых углов. Это место, по мнению Валентайна, смущало дух, оно пахло плесенью истории, пронизывало холодной влажностью невообразимой древности, без солнца, без воздуха, гигантская пещера забытого страшного мрака, где хмурые фигуры с жестким взглядом двигались по делам таким же таинственным, как и они сами.

Все ниже, ниже, ниже...

Караван спускался весь день. Ехали через Двор Колонн, где тысячи громадных серых столбов поднимались, как поганые грибы, и болота почти неподвижной маслянистой черной воды покрывали каменный пол на три-четыре фута. Проехали Дом Ветров, устрашающее место, где порывы холодного ветра непонятным образом проникали сквозь изящно вырезанные каменные решетки в стенах. Видели Место Масок — извилистый коридор, где на мраморных постаментах стояли лица без тел, с пустыми щелями глаз. Видели Двор Пирамид — целый лес многогранных остроконечных белых монолитов, стоявших так близко друг к другу, что между ними нельзя было пройти. Некоторые были правильными четырехгранниками, множество же глыб было странно вытянуто, скручено, картина зловещая. Ниже на следующем уровне был прославленный Двор Шаров — сложное строение в полторы мили длиной, где находились сферические предметы — одни размером с кулак, другие — с гигантского морского дракона. Они висели, неизвестно как подвешенные, и освещались снизу.

Хиссун указал на самый большой шар: под ним была могила архитектора — плита черного камня без надписи.

Ниже, ниже...

Во время своего первого визита Валентайн ничего этого не видел. Из Врат Вод он быстро спустился по проходам, предназначенным лишь для Коронованного и Понтифика, в имперское логово и в сердце Лабиринта.

Если я опять стану Коронованным,— думал Валентайн, — когда-нибудь мне придется стать преемником Тивераса — Понтификом. Когда этот день настанет, я скажу народу, что не хочу жить в Лабиринте, а построю себе дворец в более приятном месте. Он сам улыбнулся этим мыслям. Интересно, сколько Коронованных до него, увидев ужасную громаду Лабиринта, давали себе такие обещания? Однако все они рано или поздно удалялись от мира и обосновывались здесь.

Конечно, пока он молод и полон жизни, ему легко принимать такие решения, легко думать, что можно перевести Понтификат из Альханроеля в какое-нибудь подходящее место более молодого континента — в Ни-мою, например, или в Долорн, и жить среди красоты и радости. Ему трудно было представить, что он добровольно заточит себя в этом фантастическом и отталкивающем Лабиринте. Но все Коронованные поступали именно так — уходили из Замка в эту темную нору, когда наступало время.

Может быть, это и не так плохо, как кажется. Может, когда Человек достаточно долго был Коронованным, он рад случаю удалиться с Высоты Замка на Горе. Ладно, — сказал себе Валентайн, — в подходящее время можно будет обдумать и это.

Караван плавучих повозок сделал резкий поворот и спустился на уровень ниже.

— Арена, — торжественно объявил Хиссун.

Валентайн воззрился на громадное помещение, такое большое, что стен не было видно, далекий свет едва брезжил из затемненных углов. Никаких подпор для потолка не было видно.

Было просто поразительно, если подумать о чудовищном весе уровней с бесконечными улицами и переходами, с миллионами жителей, зданиями, статуями и прочим, что ничем не укрепленный потолок Арены выдерживает это колоссальное давление.

— Слушай, — сказал Хиссун.

Он вылез из повозки руки ко рту и пронзительно крикнул. Эхо вернуло крик резкими скачущими звуками, отражаясь от стен сначала громко, а потом все глуше. Мальчик крикнул еще раз, а затем с самодовольной усмешкой вернулся в повозку.

— Для чего служит это помещение? — спросил Валентайн.

— Ни для чего.

— Совсем ни для чего?

— Это просто пустота. Понтифик Дизимол хотел, чтобы здесь было большое пустое пространство. Здесь никогда ничего не происходит. Строить что-либо не разрешается, даже если бы кто и захотел. Это просто место. Хорошее эхо, ты не находишь? Единственная достопримечательность. Ну, Валентайн, вызови эхо!

— В другой раз.

Валентайн с улыбкой покачал головой.

Чтобы проехать Арену, нужен, казалось, целый день. Они долго ехали, но не видели ни стен, ни колонн, словно путешествовали по открытой равнине, если не считать еле видимого потолка наверху.

Валентайн даже не заметил момента, когда они выехали с Арены. Уже спустя некоторое время он осознал, что пол каким-то образом превратился в скат, и они постепенно опускаются на нижний уровень по уже знакомым кольцам Лабиринта. По мере того, как они спускались по этому новому коридору, он становился все светлее, пока, наконец, не сделался таким же ярко освещенным, как верхний уровень с рынками и магазинами.

Вдали прямо перед ними показался высоченный экран с ярко освещенными цветными надписями.

— Мы дошли до Дома Записей. Дальше я не могу идти с вами.

Действительно, дорога заканчивалась пятиугольной площадью с этим громадным экраном впереди. Теперь Валентайн видел, что этот экран — хроника Маджипуры. На левой его стороне были записаны имена Коронованных — такой длинный список, что Валентайн едва мог разобрать верхние имена. На правой — соответствующий список Понтификов. Возле каждого имени стояли даты правления.

Глаза Валентайна пробежали по списку.

Здесь были сотни имен, некоторые знакомые — великие имена истории планеты: Стиамот, Таймин, Конфалум, Деккерет, Престимион, другие же — просто набор букв, ничего не значивший для Валентайна.

Он читал эти имена, когда был мальчиком, в списке Правителей, но ничего не знал о них, кроме того, что они когда-то — три, четыре, пять тысяч лет назад правили, прошли имперскую стадию и затерялись в истории. Лорд Спорифон, лорд Скейл, — думал Валентайн, — кто они? Какого цвета были их волосы, в какие игры они играли, какие законы издавали, спокойно ли встретили свою смерть? Оказали ли какое-то влияние на жизнь миллиардов в Маджипуре? Некоторые, судя по датам, были Коронованными всего несколько лет, а затем ушли в Лабиринт заменить умершего Понтифика, а другие правили в течение целого поколения.

Вот лорд Мейк был Коронованным тридцать лет, а потом еще двадцать лет Понтификом. Пятьдесят лет высшей власти! А кто знает теперь о лорде Мейке и Понтифике Мейке?

Он посмотрел в конец списка. Лорд Тиверас, лорд Молибор, лорд Вориакс, лорд Валентайн...

Лорда Валентайна, во всяком случае, должны были запомнить. На Маджипуре не одно поколение будет рассказывать о черноволосом молодом Коронованном, изменнически превращенном в блондина, и о захвате его трона сыном Короля Снов. Но что скажут о нем? Что он бесхитростный дурак, вроде Ариока, который сам себя сделал Леди Острова? Что он был слаб и не сумел уберечь себя от зла? Что перенес такое ошеломляющее падение и мужественно вернул себе трон? Как будут рассказывать историю лорда Валентайна через тысячу лет? Стоя перед огромным списком Дома Записей, Валентайн молил об одном: только бы не говорили о лорде Валентайне, что он героически отвоевал себе свой трон, а потом пятьдесят лет правил слабо и беспомощно. Лучше уж оставить Замок Баржазиду, чем получить такую известность.

Хиссун потянул его за руку.

— Валентайн!

Тот, вздрогнув, обернулся.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал мальчик.— Люди Понтифика скоро придут за тобой.

— Спасибо тебе, Хиссун, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

— Пешком.

Хиссун подмигнул.

— Это я тебе точно скажу!

Он остановился.

— Валентайн...

— Да?

— У тебя случайно не было черных волос и бороды?

Валентайн засмеялся.

— Ты думаешь, что я Коронованный?

— О, я это знаю! Это написано на твоем лице. Только лицо у тебя не то.

— А что? Лицо неплохое, — сказал Валентайн.

Он рассмеялся.

— Немного добродушнее, чем мое прежнее, может покрасивее. Я думаю, что я его оставлю. Полагаю, что тот, кому оно раньше принадлежало, теперь в нем не нуждается.

Мальчик широко раскрыл глаза.

— Значит, ты в другом облике?

— Вроде того.

— Я так и подумал.

Он вложил свою маленькую руку в руку Валентайна.

— Ну, что ж, удачи тебе, Валентайн. Если ты когда-нибудь вернешься в Лабиринт, спроси меня, и я снова буду твоим проводником, и бесплатно. Запомни мое имя — Хиссун.

— До свидания, Хиссун.

Мальчик снова подмигнул и исчез.

Валентайн повернулся к экрану истории.

Лорд Тиверас, лорд Молибор, лорд Вориакс, лорд Валентайн...

— А может, когда-нибудь — лорд Хиссун? — подумал он.— Почему бы и нет? Мальчик, кажется, знает не меньше иных правителей, и у него, надо думать, хватило бы ума не пить одурманивающее вино Баржазида. Я запомню его.

Из ворот в дальнем конце площади вышло трое: женщина хьерт и двое людей в официально принятых в Лабиринте масках. Они неторопливо подошли к тому месту, где стояли Валентайн, Слит и Карабелла и кто-то еще. Хьерт внимательно оглядела Валентайна.

— У тебя здесь дела? — спросила она.

— Мне необходимо получить аудиенцию у Понтифика.

— Аудиенцию у Понтифика? — повторила она с таким изумлением, словно Валентайн просил пару крыльев или разрешение выпить океан.

Она засмеялась.

— Понтифик не дает аудиенций.

— Ты его главный министр?

Она засмеялась еще громче.

— Здесь Дом Записей, а не Двор Тронов. Здесь нет министров.

Трое повернулись и направились обратно к воротам.

— Подождите! — крикнул Валентайн.

Он скользнул в сонное состояние и послал им нужное видение. Особого содержания в нем не было, лишь общий смысл того, что стабильность мира в опасности, что над самим чиновничьим аппаратом нависла страшная угроза и что только он с друзьями может отвести силы хаоса. Чиновники продолжали путь, и Валентайн удвоил интенсивность сообщения. Чиновники остановились. Хьерт оглянулась.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Допусти нас к министрам Понтифика.

Они стали шепотом совещаться.

— Что следует нам делать? — спросил Валентайн у Делиамбера.— Жонглировать?

— Потерпи, — прошептал тот.

Валентайн нашел, что это трудно, но промолчал. Через некоторое время чиновники вернулись и сказали, что он и пять его спутников могут войти, а остальные должны ночевать на верхнем уровне.

Валентайн нахмурился, но решил, что спорить нет смысла. Он выбрал Делиамбера, Карабеллу, Слита, Эйзенхарта и Залзана Кавола.

— А где остальные найдут себе место? — спросил он.

Хьерт пожала плечами. Это ее не касалось.

Откуда-то сбоку донесся чистый высокий голос:

— Не нужно ли кого-нибудь проводить на верхний уровень?

Валентайн хмыкнул.

— Хиссун? Ты все еще здесь?

— Я подумал, что смогу понадобиться.

— Так оно и есть. Найди подходящее место на внешнем кольце возле Врат Вод, чтобы мои люди смогли остановиться и подождать, пока я здесь закончу свои дела.

Хиссун кивнул.

— Я попрошу только три кроны.

— Вот как? Тебе же все равно нужно подниматься наверх! И всего пять минут назад ты сказал, что в следующий раз ты ничего не возьмешь!

— Так то в следующий раз, — серьезно сказал мальчик, — а сейчас пока еще первый раз. Неужели ты лишишь бедного мальчишку его куска хлеба?

Вздохнув, Валентайн сказал Залзану Каволу:

— Дай ему три кроны.

Мальчик прыгнул в головную повозку, и скоро весь караван развернулся и отправился в обратный путь. Валентайн и его пятеро спутников прошли через ворота Дома Записей.

Коридоры расходились во всех направлениях. В скудно освещенных маленьких комнатках служащие низко склонялись над горами документов. Воздух был сухой и затхлый. Впечатление еще более отталкивающее, чем на предыдущих уровнях. Валентайн

понял, что здесь административный центр Маджипуры, место, где ведется работа по управлению двадцатью миллиардами жителей планеты. Неприятно было сознавать, что эти суетящиеся гномы, эти подземные жители осуществляют истинную власть над миром.

Он думал, что истинным королем был Коронованный, а Понтифик — только по названию глава, поскольку именно Коронованный командовал силами порядка, если где-то возникал хаос, сильный, динамичный Коронованный, в то время как Понтифик оставался замурованным внизу и выходил из Лабиринта лишь в случаях величайшей государственной важности.

Теперь у него уже не было такой уверенности.

Сам Понтифик, возможно, и был всего лишь свихнувшимся стариком, но ставленники Понтифика, эти тысячи и тысячи серых чиновников в масках в общей сложности могли иметь куда большую власть над Маджипурой, чем энергичный Коронованный со своими помощниками. Здесь составлялись списки налогов, здесь налаживался торговый баланс между провинциями, координировался контроль провинций над шоссейными дорогами, парками, учебными и воспитательными заведениями и прочим. Валентайн не был уверен, что на такой громадной планете, как Маджипура, возможно настоящее централизованное управление, но полагал, что во всяком случае основные формы этого управления могут существовать хотя бы как структурные контуры. Он понял, идя по внутренней части Лабиринта, что управление Маджипурой отнюдь не в больших процессиях и сонных посланиях. Большая часть работы делается скрытыми здесь чиновниками.

И его захватил этот тяжелый труд.

Несколькими уровнями ниже Дома Записей располагались помещения для официальных лиц провинций, посещавших Лабиринт по правительственным делам. Там Валентайну выделили скромную квартиру, где и оставили его на последующие несколько дней.

Сдвинуться с этой точки, казалось, не было никакой возможности. Как Коронованный он, конечно, имел право требовать немедленного допуска к Понтифику, но он не Коронованный в настоящем смысле этого слова, и такое требование, вероятно, вообще лишило бы его возможности действовать.

Порывшись в памяти, он вспомнил имена первых министров Понтифика. Если с тех пор ничего не изменилось, у Понтифика было пять близких к нему полномочных официальных лиц: Горнокейст, главный сперик, Делифон, личный секретарь, Шинаам, Нейрог, министр внешней торговли, Спилтрейв, министр по делам науки и личный врач Понтифика, Нарамир, толковательница снов, которая, как говорили, была влиятельнее всех остальных, советница, выбравшая в Коронованные Вориакса, а затем Валентайна.

Добраться до любого из этих пятерых было также трудно, как и до самого Понтифика. Они, как и Тиверас, сокрылись в глубинах, далекие, недоступные.

Обруч, который дала ему мать, был не всесилен, Валентайн не мог установить контакт с незнакомым мозгом на неизвестном расстоянии.

Он скоро узнал, что два младших, но все-таки значительных

чиновника служили сторожами на центральных уровнях Лабиринта. Это были имперские мажордомы Дондак Саямир, су — сухерис, и Джитаморн Сол, человек.

— Но, — сказал Слит, поговоривший с управляющим домом для гостей, — эти двое уже год, как поссорились и почти не общаются. А тебе, чтобы попасть к министрам, надо согласие обоих.

Карабелла недовольно фыркнула.

— Мы всю жизнь в этой пыли профукаем! Валентайн, зачем мы вообще связались с Лабиринтом? Может уйдем отсюда и отправимся прямо в Замок на Горе?

— Точно — моя идея, — сказал Слит.

Валентайн покачал головой.

— Главное — поддержка Понтифика. Так сказала Леди, и я с ней согласен.

— Для чего — главное? — спросил Слит.— Понтифик спит под землей и ничего не хочет знать. Он, что, даст тебе армию? Да и вообще существует ли он?

— У Понтифика армия служащих чиновников, — мягко сказал Делиамбер.— Для нас они были бы исключительно полезны. Они не воины, но управляют равновесием власти в нашем мире.

Слита это не убедило.

— А по-моему, надо поднять знамя горящей звезды и пойти под звуки труб и барабанный бой через Альханроель, объявляя себя Коронованным и рассказывая всему миру о плутнях Доминина Баржазида. В каждом городе на пути поддержку народа ты завоюешь своей теплотой и искренностью, и может быть, немножко, благодаря обручу Леди. И с поддержкой пока будешь двигаться к Замку на Горе, десять миллионов пойдут за тобой, и тогда Баржизид сдастся без боя.

— Перспектива приятная, — сказал Валентайн, — но я думаю, пусть сначала, прежде чем мы бросим открытый вызов, за нас поработает содействие Понтифика. Я повидаюсь с двумя мажордомами.

В этот же день его проводили в штаб-квартиру Дондак-Саямир, на удивление унылый маленький офис в глубине Лабиринта с крошечными служебными каморками. Валентайн больше часа ожидал в тесном и шумном вестибюле, чтобы его допустили к мажордому.

Он плохо представлял, как обращаться к су-сухерис. Может, одна голова — Дондак, а другая — Саямир? Обращаться к обеим или только к той голове, которая с тобой разговаривает? Может, взгляд с одной головы на другую полагается переводить, пока говоришь?

Дондак Саямир осмотрел Валентайна как бы с высоты своего величия. Пока четыре холодных глаза рассматривали посетителя, в кабинете повисла напряженная тишина.

Су-сухерис был стройным удлиненным существом, безволосым и гладкокожим, трубчатым по форме, с палкой-шеей, поднимавшейся на десять дюймов и имевшей на конце развилку для поддержки двух узких веретенообразных голов. Он держался

с видом такого превосходства, словно должность мажордома Понтифика была важнее самого Понтифика.

Валентайн знал, что холодное высокомерие — просто свойство этой расы, су-сухерисы всегда выглядели величественными и надменными.

Наконец левая голова Дондака заговорила:

— Зачем ты пришел сюда?

— Я прошу аудиенцию у первых министров Понтифика.

— Так написано в твоем письме. Какое у тебя дело к ним?

— Дело величайшей важности, государственное дело.

— Да?

— Вряд ли ты можешь рассчитывать, что я буду обсуждать это с кем-то ниже самого высокого уровня власти.

Дондак Саямир бесконечно долго обдумывал сказанное. Он снова заговорил, уже правой головой. Второй голос был много ниже первого.

— Если я зря потревожу верховных министров, мне будет плохо.

— Если ты воспрепятствуешь моему свиданию с ними, тебе будет еще хуже.

— Угрожаешь?

— Нисколько. Скажу тебе лишь, что если они не получат моей информации, последствия будут весьма серьезными для всех нас. Министры, без сомнения, рассердятся, узнав, то ты не допустил меня к ним.

— Я не один, — сказал су-сухерис.— Есть второй мажордом, и прошение такого рода мы должны одобрить оба. Ты еще не разговаривал с моей коллегой?

— Нет.

— Она сумасшедшая. Она намеренно и злобно отказывается сотрудничать со мной уже много месяцев.

Теперь Дондак Саямир говорил обеими головами.

Эффект был крайне неприятный.

— Даже если я дам тебе свое согласие, она откажет, так что ты никогда не увидишь верховных министров.

— Нельзя ли как-нибудь обойти ее?

— Это невозможно.

— Если она препятствует законному делу, то...

— Это на ее ответственности, — ответил равнодушно су-сухерис.

— Нет, — сказал Валентайн, — ответственность на вас обоих! Ты не избавишься от нее, сказав, что из-за ее нежелания сотрудничать с тобой я не двинусь вперед, когда на карту поставлено само существование правительства!

— Ты действительно так думаешь? — спросил Дондак Саямир.

Вопрос поставил Валентайна в тупик.

То ли он относился к идее угрозы королевству, то ли к замечанию, что су-сухерис несет равную ответственность. После паузы он спросил:

— Что же ты посоветуешь?

— Возвращайся домой, — сказал мажордом, — живи счастливо и плодотворно, и оставь проблемы управления тем, чья судьба — распутывать их.

Ничего хорошего не ждало его и у Джитаморн Сол. Второй мажордом был менее надменным, но не более сговорчивым.

Это была женщина лет на десять-двенадцать старше Валентайна, высокая брюнетка, уверенная, деловая на вид. На ее столе в кабинете более веселом и привлекательном, хотя таком же маленьком, как и у су-сухериса, лежало прошение Валентайна.

Она несколько раз постучала пальцами по письму и сказала:

— Ты не сможешь увидеться с ними.

— Могу я узнать, почему?

— Потому что их никто не видит.

— Никто?

— Никто с внешней стороны. Теперь это не делается.

— Из-за разрыва между тобой и Дондак Саямиром?

Джитаморн Сол поджала губы.

— Он идиот! Но даже если бы он как следует выполнял свою работу, ты бы все равно не смог добраться до министров. Они не хотят, чтобы их беспокоили. На них лежит великая ответственность. Понтифик стар, как тебе, наверное, известно, он мало занимается делами управления, поэтому на них, тех, кто его окружает, лежит тяжелое бремя. Ты понимаешь?

— Но я должен их увидеть!

— Я не могу тебе помочь. Их нельзя тревожить даже по самым важным делам.

— А если предположить, — медленно сказал Валентайн, — что Коронованный был свергнут и в Замке сидит фальшивый правитель?

Она подняла маску и ошеломленно посмотрела на Валентайна.

— Что ты хочешь этим сказать? Твое прошение отклонено.

Она встала и сделала быстрый жест.

— У нас в Лабиринте и так хватает сумасшедших, а тут еще приходят из...

— Погоди, — сказал Валентайн.

Он вошел в состояние транса и воззвал к силе обруча. Потянулся к душе Джитаморн, коснулся ее, окутал своей душой.

Он не собирался раскрывать лишнее младшим служащим, но тут, похоже, не было выбора, он удерживал контакт, пока не почувствовал слабость и головокружение. Тогда он прервал его и быстро вернулся в нормальное состояние.

Она растерянно смотрела на него, щеки ее горели, глаза блуждали, грудь тяжело дышала. Заговорила она не сразу.

— Что это за фокус?

— Это не фокус Я — сын Леди, и она сама научила меня искусству посланий.

— Лорд Валентайн брюнет.

— Был. Теперь — нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила...

— Пожалуйста, — сказал он, вкладывая в это слово всю силу своего духа, — поверь мне. Все зависит от моего доклада Понтифику о случившемся.

Но ее подозрения были слишком велики. Она не преклонила колен, не сложила знака горящей звезды, ею владела лишь угрюмая растерянность. Ей явно хотелось, чтобы Валентайн адресовался с этим рассказом к кому-нибудь другому.

— Су-сухерис наложит вето на все, что я не предложу, — сказала она, наконец.

— Даже если я покажу ему то, что показал тебе?

Она пожала плечами.

— Его упрямство просто легендарно. Даже для спасения жизни Понтифика он не согласится ни с одним моим предложением.

— Но это безумие!

— Именно. Ты говорил с ним?

— Да. Он показался мне недружелюбным и надутым, но не сумасшедшим.

— Тебе бы пообщаться с ним подольше, прежде чем судить.

— А если подделать его подпись и пройти так, чтобы он не знал?

Она была шокирована.

— Ты толкаешь меня на преступление?

Валентайн пожал плечами.

— Преступление уже совершено, и немалое, — сказал он ровным голосом.— Я, Коронованный Маджипуры, изменнически смещен. Твоя подпись жизненно необходима для моего восстановления. Неужели это не важнее всех остальных пустяковых правил? Неужели ты не понимаешь, что в моей власти простить тебе нарушение правил?

Он наклонился к ней:

— Время не ждет. В Замке воцарился узурпатор. Я теряю время с подчиненными Понтифика вместо того, чтобы вести через Альханроель армию освобождения. Дай мне разрешение, и будешь вознаграждена, когда на Маджипуре восстановится порядок.

Она холодно посмотрела на него.

— В твой рассказ очень трудно поверить. Что, если ты лжешь? Что, если ты подкуплен Дондаком?

— Клянусь, — простонал Валентайн.

— Не надо. Вполне возможно, что это ловушка. Твоя фантастическая история и особый гипноз предназначены для того, чтобы погубить меня и дать су-сухерису высшую власть, которой он давно жаждет...

— Клянусь Леди, моей матерью, что я не лгу.

— Всякий преступник клянется матерью, но что толку?

Валентайн какой-то миг колебался, но затем взял Джитаморн Сол за руки и пристально посмотрел ей в глаза. То, что он хотел сделать, было ему неприятно, но и вся эта мелкая чиновничья сошка тоже чинила ему неприятности.

Придется пойти на бесстыдный обман, иначе он навек заплутает здесь.

Он сказал:

— Даже если бы Дондак Саямир подкупил меня, я никогда бы не предал такую красивую женщину, как ты.

Она посмотрела на него презрительно, но щеки ее окрасились румянцем.

— Поверь мне, — продолжал он.— Я — лорд Валентайн, и ты будешь одной из героинь моего возвращения. Я знаю, чего ты хочешь больше всего на свете, и ты получишь это, когда я снова вернусь в Замок.

— Ты знаешь?

— Да, — сказал он.

Он ласково похлопал ее по руке, неуверенно лежавшей теперь в его ладони.

— Ты хочешь быть единственным авторитетом во Внутреннем Лабиринте, верно? Ты хочешь быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как бы во сне.

— Так и будет, — сказал он.— Стань моей союзницей, и Дондак-Саямир будет лишен своего ранга за то, что препятствовал мне. Станешь? Ты поможешь мне добраться до главных министров?

— Это трудно.

— Но возможно! Все возможно! Когда я снова стану Коронованным, су-сухерис потеряет свой пост! Это я тебе обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь! — горячо сказал Валентайн.

Он чувствовал себя грязным и испорченным человеком.

— Клянусь всем, что для меня свято. Этого достаточно?

— Достаточно, — сказала она.

Ее голос чуть изменился.

— Но как это сделать? На пропуске должны быть обе подписи, если будет моя, он откажется поставить свою.

— Подпиши пропуск и дай мне. Я вернусь к су-сухерису и уговорю его подписать.

— Он ни за что этого не сделает.

— Я с ним поработаю. Я умею убеждать. Получив его подпись, я войду во Внутренний Лабиринт и добьюсь того, что мне нужно. А вернусь я с полномочиями Коронованного и смещу с поста Дондак-Саямира.

— Но как ты получишь его подпись? Он уже столько месяцев ничего не подписывает!

— Положись на меня.

Она достала из стола темно-зеленый кубик из какого-то гладкого блестящего материала и поместила его на короткое время в машину, охватившую его опаляюще-желтым пламенем. Когда она снова достала кубик, поверхность его сияла новым блеском.

— Вот, это твой пропуск. Но предупреждаю тебя, что без второй подписи он недействителен.

— Я получу ее, — сказал Валентайн.

Он вернулся к Дондак-Саямиру. Су-сухерис встретил его неохотно, но Валентайн был настойчив.

— Теперь я понимаю твое отвращение к Джитаморн Сол, — сказал он.

Дондак холодно улыбнулся.

— Она и тебе противна? Полагаю, что она отказала тебе.

— Нет, — сказал Валентайн.

Он достал кубик и положил его перед мажордомом.

— Она дала мне его довольно охотно, зная, что ты откажешь и ее разрешение окажется недействительным. А вот другой ее отказ меня сильно задел. Тебе это покажется глупым, — безмятежно сказал Валентайн, — может быть, даже отталкивающим, но я был прямо поражен ее красотой. Должен сказать, что для человека эта женщина исключительно привлекательна физически, от нее исходит эротическая сила, а это... Ну, ладно, неважно. Я потянулся к ней в наивном смятении и таким образом проявил свою слабость, а она жестоко посмеялась надо мной. Она отнеслась ко мне с презрением, а это мне что острый нож. Как она могла быть такой надменной, такой безжалостной к чужаку, который только тем и виноват, что испытывал к ней такие страстные чувства?

— Красоты ее я не заметил, — сказал су-сухерис, — но ее холодность и высокомерие мне хорошо известны.

— Теперь я разделяю твою неприязнь к ней, — сказал Валентайн.— Если пожелаешь, я к твоим услугам и вместе мы подтолкнем ее к гибели.

Дондак-Саямир задумчиво сказал:

— Да, возможно, это подходящий момент, чтобы скинуть ее. Но как?

Валентайн постучал по кубику, лежавшему на столе.

— Поставь свою подпись. Тогда я смогу войти во Внутренний Лабиринт. Пока я буду там, ты начнешь официальное расследование обстоятельств, при которых меня пропустили, заявишь, что ты такого разрешения не давал. Когда я вернусь от Понтифика, ты позовешь меня на проверку. Я скажу, что ты отказал мне, но я получил пропуск от Джитаморн Сол, не подозревая что кто-то забыл о тебе. Твое обвинение, подкрепленное моим свидетельством, свалит ее. Ну, что скажешь?

Су-сухерис сунул кубик в машину, и сверкающий розовый жар перекрыл желтое пламя Джитаморн Сол. Теперь к пропуску было не подкопаться. Валентайн подумал, что вся эта интрига подобна замысловатости самого Лабиринта, но она сработала, и сработала успешно. Пусть теперь эти двое строят друг другу козни, а он пойдет к министрам. Вероятно мажордомы будут разочарованы тем, как он выполнит свои обещания, поскольку он намеревался, если сможет, отстранить от власти обоих. Однако он чувствовал, что не вполне безгрешен по отношению к тем, чья роль в управлении, видимо, состояла в том, чтобы препятствовать и возражать.

Он взял кубик у Дондак-Саямира и благодарно склонил голову.

— Да будет тебе вся власть и престиж, которых ты заслуживаешь, — сказал он и вышел.

Стражи Внутреннего Лабиринта, казалось, были ошеломлены, что кто-то снаружи ухитрился получить разрешение на вход в их владения. Они подвергли кубик сканированию, с большой неохотой признали его законность и пропустили Валентайна и его спутников.

Узкая тупоносая повозка быстро и бесшумно неслась по проходам этого внутреннего мира. Сопровождавшие их замаскиро-

ванные чиновники, казалось, и не управляли повозкой, да это было бы нелегкой задачей, поскольку на этих уровнях Лабиринт бесконечно разветвлялся и кружил. Любой чужой сразу безнадежно затерялся бы в тысячах изгибов, поворотов и перепутанных коридорах. Но повозка, как видно, тайно управляемая, плыла по кратчайшей, хотя отнюдь не прямой дороге в глубь колец скрытых проулков.

На каждом контрольно-пропускном пункте Валентайна допрашивали недоверчивые чиновники, почти не способные понять, как это пришедший извне едет к министрам Понтифика. Их бесконечные колкости докучали, и только. Валентайн размахивал своим кубиком-пропуском, как волшебным жезлом.

— У меня поручение высочайшей важности, — повторял он снова и снова, — и я буду говорить только с высшими чинами Двора Понтифика.

Во всеоружии своего достоинства и права командовать, он отметал все возражения, все увертки.

— Вам же станет хуже, если будете меня задерживать!

И вот наконец — Валентайну казалось, что прошло сто лет с тех пор, как он вошел в Лабиринт через Врата Лезвий, — он очутился перед Шинаамом, Дилифоном и Нарамир — тремя из пяти первых министров Понтифика.

Они приняли его в темной холодной комнате из громадных блоков черного камня, с высоченным потолком и остроконечными арками. Это было неприятное, давящее помещение, больше похожее на подземную тюрьму, чем на совещательную комнату.

Войдя туда, Валентайн почувствовал вес Лабиринта. Он был как бы прижат здесь, в этом царстве вечной ночи, гигантским холмом земли. Это путешествие в глубь Лабиринта, многие мили извилистых проходов измучили его так, словно бы он не спал несколько недель.

Валентайн коснулся рукой Делиамбера, и урун дал ему звенящий заряд энергии. Он взглянул на Карабеллу, и она послала ему воздушный поцелуй. Он посмотрел на Слита, и тот кивнул и усмехнулся. Он взглянул на Залзана Кавола, и гордый седой скандар сделал быстрое жонглирующее движение рукой, чтобы подбодрить его. Его спутники, его друзья, его оплот в этом долгом и удивительном путешествии поддерживали его.

Он посмотрел на министров.

Они были без масок и сидели рядом в креслах, величественных, как троны. Шинаам — министр внешних сношений, гайрог по происхождению, змееподобный, с холодными глазами и выглядывавшим раздвоенным красным языком — был в центре. Направо от него сидел Дилифон, личный секретарь Тивераса, хрупкая, призрачная фигура с белыми, как у Слита, волосами, увядшей пергаментной кожей и горевшими, как угли, глазами — из древней расы. По левую руку гайрога сидела Нарамир, имперская толковательница снов, стройная, элегантная женщина явно преклонного возраста, поскольку ее сотрудничество с Тиверасом восходило к тем временам, когда он был Коронованным. У нее была гладкая, без морщин кожа, темно-рыжие волосы, пышные и блестя-

щие. Только по странному, загадочному выражению глаз угадывались мудрость, опыт, накопленная за многие десятилетия сила.

Валентайн решил, что это какое-то колдовство.

— Мы прочитали твою петицию, — сказал Шинаам низким скрипучим голосом с легким шипением.— Нам трудно поверить в твою историю.

— Вы говорили с Леди, моей матерью?

— Мы говорили с Леди. Она признает тебя своим сыном.

— Она требует, чтобы мы с тобой сотрудничали, — сказал Дилифон надломленным голосом.

— Она явилась к нам в послании, — мягко, музыкально произнесла Нарамир.— Она поручает тебя нам и просит, чтобы мы оказали тебе помощь, на какую мы способны и какую ты потребуешь.

— И что дальше? — спросил Валентайн.

— Существует вероятность, — сказал Шинаам, — что Леди обманута.

— Вы думаете, что я самозванец?

— Ты просишь нас поверить, — сказал гайрог,— что Коронованный Маджипуры был приведен младшим сыном Короля Снов в бессознательное состояние, вынут из собственного тела — что лишило его памяти — и помещен в совершенно иное тело, удачно оказавшееся под рукой, а узурпатор вошел в пустую оболочку Коронованного, сохранив собственное сознание. Мы находим, что в это трудно поверить.

— Существует искусство перемещать дух из одного тела в другое, — сказал Валентайн.— Вот прецедент.

— Не было случая, — возразил Дилифон, — чтобы таким образом перемещали Коронованного.

— Однако это случилось. Я — лорд Валентайн, милостью Леди вылечил свою память и прошу поддержки Понтифика, прошу, чтобы он возвратил мне ответственность, которую возложил на меня после смерти моего брата.

— Да, — сказал Шинаам, — если ты тот, кем себя называешь, тебе, вероятно, нужно вернуться в Горный Замок. Но как нам увериться в этом? Это очень серьезное дело. Оно чревато гражданской войной. Как можем мы советовать Понтифику ввергнуть мир в агонию только на основании утверждения какого-то чужака, который...

— Свою мать я уже убедил в своей подлинности, — сказал Валентайн.— Мой мозг был открыт ей на Острове, и она видела кто я.

Он коснулся серебряного обруча на лбу.

— Как вы думаете, откуда я взял этот прибор? Это ее дар из ее собственных рук, когда мы с ней были во Внутреннем Храме.

— В том, что Леди признала тебя и поддерживает, нет никакого сомнения, — спокойно заметил Шинаам.

— Вы сомневаетесь в ее действиях?

— Мы требуем более веских доказательств, — сказала Нарамир.

— Тогда позвольте мне сейчас же передать послание, чтобы убедить вас в справедливости моих слов.

— Как хочешь, — сказал Дилифон.

Валентайн закрыл глаза и вошел в транс.

Страсть и убеждение хлынули из его существа сияющим потоком. Однако он чувствовал, что не способен преодолеть скептицизм министров Понтифика.

Мозг гайрога был недоступен для Валентайна — стена, такая же недоступная, как белые утесы Острова Снов.

Валентайн ощущал лишь туманные проблески сознания за мысленным щитом Шинаама и не мог пробить его, хотя направил на этот щит всю свою силу. Мозг дрожавшего старого Дилифона тоже был экранирован, пористый, как соты, он не оказывал сопротивления. Валентайн проходил через него как сквозь воздух.

Валентайну удалось ощутить контакт только с мозгом Нарамир, но и то не очень сильный. Казалось, она пила его душу, впитывала все, что он давал, но все это пропадало в бездонной глубине ее существа, так что он не смог добраться до центра ее духа.

Но он не отступал. С яростной силой обрушивал на них весь свой дух, называл себя лордом Валентайном из Горного Замка и требовал от них доказательств, что он кто-то другой. Он добрался до воспоминаний о матери, о короле-брате, о своем воспитании, о свержении в Тил-омоне, о странствиях по Зимроелю — обо всем, что сформировало человека, пробившегося в недра Лабиринта за помощью. Он полностью сосредоточился на послании, пока не выдохся, не обессилел от истощения и не повис на руках Слита и Карабеллы манекеном, брошенным владельцем.

Он вышел из транса, боясь провала.

Он дрожал от слабости, пот покрыл его тело, перед глазами все плыло, и дико болели виски. Он старался вновь обрести силы, закрыл глаза и глубоко подышал, а затем посмотрел на министров.

Их лица были жесткими и сумрачными, глаза — холодными и неподвижными. Они казались надменными, презрительными и даже враждебными. Валентайн вдруг испугался: может быть эти трое — ставленники самого Доминина Баржазида? Что он может просить у своих врагов?

Он уверял себя, что это невозможно, что это порождение усталого мозга. Невозможно поверить, что заговор против него достиг самого Лабиринта.

— Ну? — хрипло спросил он.— Что вы теперь скажете?

— Я ничего не почувствовал, — сказал Шинаам.

— Я не убежден, — сказал Дилифон.— Такое послание может дать любой колдун. Твои искренность и страстность могут быть притворными.

— Я согласна, — сказала Нарамир, — послание может быть как настоящим, так и лживым.

— Нет! — закричал Валентайн.— Я широко перед тобой открыт. Ты не могла не видеть.

— Недостаточно широко, — ответила Нарамир.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай устроим толкование сна вдвоем здесь, в этой комнате, при этих свидетелях. Пусть наши души станут поистине одним целым. Тогда я смогу оценить правдивость твоей истории. Согласен? Выпьешь наркотик со мной?

Валентайн взглянул на своих спутников и увидел на их лицах отражение своей тревоги — у всех, кроме Делиамбера, чье выражение лица было пустым и нейтральным, словно он находился в совершенно другом месте. Рискнуть? Смеет ли он? Наркотик может лишить его сознания, сделать совершенно уязвимым. Если эти трое связаны с Баржазидом и хотят сделать Валентайна беспомощным, взялись они за нелегкое дело.

Предложение войти в его мозг исходит не от какой-то деревенской толковательницы, а от толковательницы Понтифика, женщины по меньшей мере столетнего возраста, хитрой и могущественной, прославленного мастера Лабиринта, контролирующей всех, включая самого Тивераса.

Делиамбер намеренно не подал ему знака. Решение целиком лежит на Валентайне.

— Да, — сказал он, глядя ей в глаза.— Если больше ничего не может вас убедить, пусть будет толкование. Здесь. Сейчас.

Они, похоже, ожидали этого. Прислужники по сигналу принесли все необходимое: толстый ковер ярких цветов с темно-золотой каймой, высокий графин из белого полированного камня и две изящные фарфоровые чаши. Нарамир сошла с кресла, своими руками налила в чаши сонного вина и одну предложила Валентайну.

Он взял чашу, но выпил не сразу. Однажды он так же принял вино из рук Доминина Баржазида, и от одного глотка все для него изменилось. Может ли он выпить сейчас, не опасаясь последствий? Кто знает, какое новое колдовство приготовлено для него? Где он проснется и в каком обличье?

Нарамир молча наблюдала за ним. Глаза толковательницы снов были непроницаемы, таинственны, пронзительны. Она улыбалась двусмысленной улыбкой, то ли ободряющей, то ли торжествующей. Он поднял чашу в коротком салюте и поднес к губам.

Эффект был мгновенным и неожиданным.

Валентайн покачнулся. Туман и паутина окутали его мозг. Может, эти специи были много крепче, чем те, что давала ему Тизана в Фалкинкипе. Какая-то дьявольская добавка Нарамир. Или он сам был сейчас более чувствителен — уставший и истощенный от пользования обручем? Затуманенными глазами он увидел, что Нарамир выпила свое вино, бросила пустую чашу прислужнику и быстро сняла платье. Ее нагое тело было гибким, гладким, девичьим — плоский живот, стройные бедра, высокие груди. Валентайн подумал, что это колдовство. Кожа ее имела глубокий коричневый оттенок. Почти черные соски уставились на Валентайна, словно слепые глаза.

Он был уже слишком опьянен наркотиком, чтобы раздеться самому, это сделали руки его друзей. Он почувствовал холод и понял, что он голый.

Нарамир поманила его к ковру. Валентайн подошел на подгибающихся ногах, и она уложила его. Он закрыл глаза, представляя себе, что он с Карабеллой, но Нарамир ничуть не походила на Карабеллу.

Ее объятия были сухими и холодными, тело твердым, неэластичным. В ней не было ни тепла, ни вибраций. Ее юность была всего лишь хитроумной проекцией. Лежать в ее объятиях было все равно, что на ложе из гладкого холодного камня.

Всепоглощающее озеро тьмы окружало его, густая теплая маслянистая жидкость становилась все глубже, и Валентайн легко уходил в нее, чувствуя, как она приятно скользит по ногам, талии, по груди.

Он чувствовал, что его затягивает водоворот, как в тот раз, когда заглотнул морской дракон. Так легко и приятно было не сопротивляться, куда лучше, чем бороться. Так привлекательно, так манящe — отказаться от всякой воли, расслабиться, принять все, что может случиться, позволить себе лететь вниз. Он устал, он долго боролся.

Теперь может отдохнуть и позволить черному прибою сомкнуться над ним. Пусть другие храбро сражаются за честь, за власть, за аплодисменты. Пусть другие...

Нет.

Вот чего они хотели: поймать его в ловушку собственной слабости и усталости. Он был слишком доверчив, слишком бесхитростен. Он ужинал с врагом, не зная этого, и был погублен. Он будет погублен еще раз, если откажется сейчас от усилий.

Сейчас не время погружаться в теплые черные озера.

Он поплыл наверх. Сначала с трудом, потому что озеро было глубоким, а черная жидкость, липкая и тяжелая, сжимала руки. Но после нескольких взмахов Валентайн нашел способ сделать свое тело режущим, как лезвие.

Он двигался все быстрее, руки и ноги работали согласованно. Озеро, искушавшее его забвением, теперь давало ему поддержку. Оно прочно держало его на плаву, пока он быстро плыл к дальнему берегу.

Солнце, яркое, безмерное, громадный пурпурно-желтый шар, бросало на воду ослепительные лучи, подобные огненному следу.

— Валентайн!

Голос был низкий, раскатистый, как гром. Валентайн не узнал его.

— Валентайн, почему ты так долго и упорно плывешь?

— Чтобы достичь берега.

— А зачем?

Валентайн продолжал плыть. Он видел остров, широкий белый пляж, заросли высоких деревьев, лианы, плотно опутавшие их вершины. Он плыл и плыл, но к берегу все не приближался.

— Вот видишь? — пророкотал громовой голос.— Нет смысла плыть дальше.

— Кто ты? — спросил Валентайн.

— Я лорд Спорифон, — ответствовал величественный голос.

— Кто?

— Лорд Спорифон Коронованный, преемник лорда Скоула, ныне Понтифика. Я советую тебе отказаться от этой глупости. На что ты надеешься?

— Вернуться в Горный Замок, — ответил Валентайн.

Он поплыл быстрее.

— Но Коронованный — я!

— Я никогда не слышал о тебе.

Лорд Спорифон резко взвизгнул. Гладкая маслянистая поверхность озера зарябила и пошла складками.

Валентайн заставил себя двигаться вперед, пробиваться через завихрения руками и ногами.

Берег был уже близко. Валентайн опустил ноги и ощутил ступнями песок, горячий, убегавший из-под ног, но перемещение его было не настолько сильным, чтобы помешать Валентайну выбраться на берег. Он выполз на пляж и на секунду встал на колени.

Подняв глаза, он увидел бледного, худого человека, смотревшего на него печальными голубыми глазами.

— Я лорд Гондимар, — тихо сказал человек.— Коронованный из Коронованных, которого никогда не забудут, а это — мои бессмертные спутники.

Он махнул рукой, и берег заполнился мужчинами, очень похожими на первого, ничем не примечательными, незначительными.

— Это лорд Стрейн, это лорд Пракипин, лорд Мейк, лорд Скоул, лорд Спорифон, великие и могущественные Коронованные. Падай ниц перед ними!

Валентайн засмеялся.

— Вы уже давно забыты!

— Нет!

Валентайн указал на последнего в ряду.

— Спорифон, никто не помнит о тебе!

— Лорд Спорифон, будь любезен.

— А ты, лорд Скоул, три тысячи лет стерли твою славу, не оставив и следа.

— Ты ошибаешься. Мое имя в списке Властителей.

Валентайн пожал плечами.

— Это верно. Ну и что? Все вы — лорд Пранкипин, лорд Мейк, лорд Газимар — всего лишь имена, ничего больше. Только имена...

— Только имена, — как эхо, отозвались они тонкими, жалобными голосами.

Они стали уменьшаться, сжиматься, пока наконец на берегу не оказались крошечные существа, бегающие вокруг него и выкрикивающие свои имена резкими голосами. Затем они исчезли, на их месте возникли маленькие белые шары, не больше жонглерских мячей. Валентайн наклонился рассмотреть их и увидел, что это черепа. Он подобрал их и стал подбрасывать в воздух, ловить и снова бросать, и они летели сверкающим каскадом. Их челюсти щелкали и дребезжали. Валентайн усмехнулся. Сколькими он может жонглировать? Здесь было шесть. Но за все прошлые тысячелетия были сотни Коронованных. Он мог бы жонглировать

всеми. Он выловил в воздухе самых великих — Конфалума, Престимиона, Стиамота, еще дюжину, сотню, подбрасывал их и ловил. Никогда еще на Маджипуре так искусно не жонглировали. Но теперь это были уже не черепа: они превратились в сверкающие многогранные диадемы, в шары — тысяча имперских шаров, рассыпавших искры света вокруг. Он ловко жонглировал ими, зная, какого правителя представлял каждый шар — вот лорд Конфалум, вот лорд Спорифон, лорд Деккерет — и всех их он бросил вверх, так что они составили громадную перевернутую пирамиду света.

Все королевские особы Маджипуры танцевали над ним и все возвращались к золотоволосому улыбавшемуся человеку, крепко стоявшему на горячем песке золотого пляжа.

Он поддерживал их всех. Вся история планеты была в его руках, и он помогал ей в полете.

Ослепительные диадемы составили наверху громадную горящую звезду света.

Не переставая жонглировать, Валентайн двинулся с пляжа по дюнам к плотной стене зарослей. Деревья перед ним расступились, освобождая путь — ярко-красную мощеную дорогу, ведущую в глубь острова.

Он увидел вдали низкие серые холмы предгорья, переходившие в гранитные уступы, за ними пики гигантской горной цепи, тянувшейся до середины континента.

На самом высоком пике на страшной высоте раскинулись опорные стены Замка.

Валентайн шел к нему, не переставая жонглировать. Мимо него проходили по тропе фигуры, уступали ему дорогу, махали, улыбались и кланялись. Лорд Вориакс, Леди, Понтифик Тиверас — все они сердечно приветствовали его, и он тоже махал им, не уронив ни одной диадемы, не нарушив ясного рисунка жонглирования. Вот он уже в предгорье и легко поднимается вверх. Вокруг него собирается толпа — все его друзья и множество хьертов, гайрогов, урунов, лименов, торговцев, фермеров, рыбаков, акробатов, герцог Насимонт, предводитель разбойников, Тизана, Джитаморн Сол и Дондак-Саямир, державшиеся за руки, орда пляшущих метаморфов, вереница драконьих капитанов с гарпунами, лесные братья, раскачивающиеся на деревьях вдоль тропы,— все поют, смеются, провожая его в Замок лорда Молибора, лорда Спорифона, лорда Конфалума, лорда Стиамота, в Замок лорда Валентайна.

— Замок лорда Валентайна...

Он уже почти там. Хотя горная дорога идет почти отвесно вверх, хотя густой туман низко стелется над ней, он идет дальше, ускоряет шаг, бежит, жонглируя сотнями блестящих сфер.

Он видит впереди три громадных огненных столба.

Подойдя ближе, он узнает их. Это Шинаам, Долифон и Нарамир стоят бок о бок на его пути.

— Куда ты идешь? — спрашивают они хором.

— В Замок.

— В чей?

— В Замок лорда Валентайна.

— Кто ты?

— Спросите их, — говорит Валентайн, показывая на толпу за собой.— Пусть они скажут вам мое имя.

— Лорд Валентайн! — кричит Шанамир, первым приветствуя его.

— Он лорд Валентайн! — кричат Карабелла, Слит и Залзан Кавол.

— Лорд Валентайн Коронованный!— кричат метаморфы, драконьи капитаны и лесные братья.

— Это так? — спрашивают министры Понтифика.

— Я лорд Валентайн, — отвечает он.

Он высоко подкидывает тысячу диадем, и они летят вверх, пока не исчезают во мраке, что живет между мирами, и оттуда медленно плывут вниз, мерцающие и искрящиеся, как снежные хлопья на склонах северных гор, и когда они касаются Шинаама, Долифона и Нарамир, три министра тут же исчезают, оставив позади лишь серебряный блеск, и ворота Замка раскрываются.

Валентайн проснулся.

Он почувствовал голым телом шерсть ковра, увидел остроконечные арки, каменный потолок наверху.

Мир сна был еще так ясен, что Валентайну на миг захотелось вернуться туда, а не оставаться в этом помещении с затхлым воздухом и темными углами. Но он сел и огляделся.

Его спутники сгрудились у задней стены, напряженные и испуганные.

Он повернулся в другую сторону, рассчитывая увидеть трех министров, снова восседающих на своих местах. Они были тут, но появилось еще два великолепных кресла, так что теперь перед Валентайном сидели пятеро. Нарамир, уже одетая, находилась слева. В середине был круглолицый мужчина с широким тупым носом и темными глазами. Валентайн узнал в нем Горнкейста главного спикера Понтифика. Рядом с ним сидел Шинаам, а крайнее правое кресло занимал незнакомый Валентайну человек — тонкогубый, с резкими чертами лица, с серой кожей, иноземец.

Все пятеро строго смотрели на Валентайна, словно были членами тайного судилища, собравшегося для вынесения приговора.

Валентайн встал, не сделав попытки одеться. Почему-то казалось, что перед этим судилищем положено стоять голым.

— Твой мозг ясен? — спросила Нарамир.

— По-моему, да.

— Ты проспал час. Мы ждали, когда ты проснешься.

Она указала на серокожего.

— Это Сиплтрейв, врач Понтифика.

— Я так и подумал, — сказал Валентайн.

— А этого человека ты, наверное, знаешь.— Она указала на того, кто сидел в центре.

Валентайн кивнул.

— Да, это Горнкейст. Мы встречались.

Широко улыбнувшись, он добавил:

— Только я тогда был в другом теле. Вы убедились, что я не солгал?

— Мы убедились в твоей правоте, лорд Валентайн, — мелодичным голосом сказал Горнкейст.— Великое и удивительное преступление свершилось в этом мире, но справедливость восторжествует. Оденься. Тебе не пристало являться голым перед Понтификом.

Горнкейст возглавил процессию в имперский тронный зал. За ним шли Нарамир и Долифон с Валентайном посредине, Сиплтрейв с Шинаамом замыкали шествие. Спутникам Валентайна идти не позволили.

Они шли через узкий, с высоким сводом туннель из сияющего зеленоватого стекла, в глубине которого мелькали странные отражения. Туннель, извиваясь спиралью, шел под легким уклоном в глубину. Через каждые пятьдесят шагов туннель перегораживала бронзовая дверь.

Горнкейст прикасался пальцем к скрытой панели, и дверь бесшумно отходила, пропуская их в следующий отрезок туннеля. Наконец они дошли до двери, украшенной резным золотым символом Лабиринта, а над ним — имперской монограммой Тивераса. Валентайн знал, что это сердце Лабиринта, самая глубокая и центральная его точка. Когда от прикосновения Горнкейста эта последняя дверь отошла в сторону, они оказались в громадной светлой сферической комнате с круглыми стеклянными стенами, где на роскошном троне сидел Понтифик Маджипуры.

Валентайн видел Понтифика Тивераса пять раз: первый, когда был еще ребенком, а Понтифик прибыл в Горный Замок на свадьбу лорда Молибо́ра, второй — через несколько лет на коронации лорда Вориакса, спустя год — на свадьбе Вориакса, в четвертый раз — когда Валентайн явился в Лабиринт по поручению брата, и наконец — три года назад, когда Тиверас приехал на коронацию Валентайна. Понтифик и при первой встрече был уже стар: огромного роста, худой, отталкивающего вида человек с грубым угловатым лицом, с очень черной бородой и мрачными, глубоко сидящими глазами. Чем старше, тем уродливее он становился, он выглядел уже чем-то вроде трупа — негнущийся, медленно двигающийся, старый, засохший стебель человека, но тем не менее внимательный, знающий, все еще мощный духом, все еще излучающий ауру безмерной власти и величия. Но теперь...

Трон, на котором сидел Тиверас, был тот же, что видел Валентайн при первом посещени́и: роскошное золотое сидение с высокой спинкой, к которому вели три широкие низкие ступени, но теперь этот трон был полностью заключен в шар голубоватого стекла, с широкой сложной сетью поддерживавших жизнь трубок, составлявших как бы кокон.

Прозрачные трубки с цветными жидкостями, счетчики и шкалы, измерительные пластинки на щеках и лбу Понтифика, провода, соединения и зажимы — все это было дико и страшно, хотя бы уже потому, что ясно показывало, что жизнь Понтифика держится лишь на окружавших его приборах.

— И давно он так? — прошептал Валентайн.

— Система была разработана двадцать лет назад, — с явной гордостью ответил Синлтрейв, — но только последние два года мы его держим в ней постоянно.

— Он в сознании?

— О да, в сознании, — ответил врач.— Подойди ближе, посмотри на него.

Валентайн неловко подошел и остановился в футе от трона, вглядываясь в удивительного старика в стеклянном пузыре.

Да, он видел, что свет еще горит в глазах Тивераса, бесплотные губы решительно сжаты.

Кожа на черепе Понтифика стала совсем пергаментной, а длинная борода, все еще на удивление черная, сильно поредела.

Валентайн посмотрел на Горнкейста.

— Он узнает людей? Он говорит?

— Конечно. Дай ему время.

Глаза Валентайна встретились с глазами Тивераса. Стояла страшная тишина.

Старик нахмурился, зашевелился и быстро провел языком по губам. Затем издал дрожащий звук, вроде хныканья.

Горнкейст сказал:

— Понтифик приветствует своего возлюбленного сына лорда Валентайна Коронованного.

Валентайн подавил дрожь.

— Скажи его величеству, скажи ему, что его сын лорд Валентайн Коронованный пришел к нему с любовью и почтением, как всегда.

Так было принято: никто никогда не говорил непосредственно Понтифику, а только через главного спикера, который должен был повторять, хотя практически этого не делал.

Понтифик снова произнес что-то столь же неразборчивое.

Горнкейст сказал:

— Понтифик выражает озабоченность беспорядком в королевстве. Он спрашивает, что планирует лорд Валентайн для приведения страны в должное состояние.

— Скажи Понтифику, что я намерен идти к Горному Замку и призвать на помощь всех граждан. Я прошу его указания заклеймить Доминина Баржазида как узурпатора и судить всех тех, кто его поддерживает.

Понтифик издал более живые звуки, резкие и высокие, очень энергичные.

— Понтифик хочет быть уверенным, — произнес Горнкейст, — что ты будешь избегать сражений и кровопролития, насколько это возможно.

— Скажи, что я предпочел бы взять Замок, не потеряв ни одной жизни с той или другой стороны, но не знаю, удастся ли это.

Раздались странные булькающие звуки.

Горнкейст растерянно прислушивался.

— Что он сказал? — шепотом спросил Валентайн.

Главный спикер покачал головой.

— Не все сказанное его величеством можно перевести. Иногда он заходит в слишком далекие для нашего понимания области.

Валентайн кивнул. Он с жалостью и даже любовью смотрел на фантастического старика, запертого в шаре, поддерживавшем в нем жизнь, и способного общаться только такими стонами. Много десятилетий высший монарх планеты, теперь, когда ему далеко за сто, лепечет и булькает, как младенец, и все-таки где-то в разлагающемся мозгу все еще тикает разум прежнего Тивераса. Смотреть на него теперь — значило понять конечную бессмысленность высшего титула: Коронованный жил в мире обязанностей и моральной ответственности лишь для того, чтобы унаследовать Понтификат и в конце концов исчезнуть в Лабиринте и в старческом слабоумии. Интересно, часто ли Понтифики становятся пленниками своих спикеров, врачей и толкователь̀ниц снов, и легко ли отказаться от мира ради того, чтобы великое чередование Властителей привело на трон более жизнеспособного человека.

Теперь Валентайн понял, почему система разделила исполняющего и управляющего, почему Понтифик со временем уходит от мира в этот Лабиринт. Придет и его время спуститься сюда, но, может быть, по воле Божества это случится не скоро.

Он сказал:

— Передай Понтифику, что лорд Валентайн Коронованный его приемный сын, сделает все, что в его силах, чтобы залечить трещину в ткани общества. Скажи Понтифику, что лорд Валентайн надеется на поддержку его величества, без которой не может быть скорой победы.

На троне последовало молчание, потом долгий, болезненный, неразборчивый поток звуков, повышавшихся и понижавшихся, как мелодии гайрогов. Горнкейст напряженно выхватывал в потоке обрывки смысла. Понтифик замолчал, а смущенный Горнкейст сжал челюсти и прикусил губу.

— В чем дело? — спросил Валентайн.

— Он думает, что ты лорд Молибор,— удрученно ответил тот.— Предупреждает, что рискованно выходить в море и охотиться на драконов.

— Мудрый совет, — сказал Валентайн, — но несколько запоздавший.

— Он сказал, что Коронованный слишком ценная фигура, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

— Передай ему, что я согласен, и если снова попаду в Замок, я всецело займусь моими задачами и буду избегать любых приключений.

Врач Сиплтрейв выступил вперед и сказал:

— Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется закончить.

— Еще минутку, — попросил Валентайн.

Сиплтрейв нахмурился, но Валентайн, улыбаясь, подошел к самому подножию трона, встал на колени, протянул руки к древнему существу в стеклянном пузыре, вошел в транс и послал Тиверасу свой дух с импульсами почтения и любви. Выказывал ли кто-нибудь когда-нибудь любовь и привязанность страшному Тиверасу? Скорей всего, нет. Но много десятилетий этот человек был центром и душой Маджипуры и вполне заслужил, чтобы его

приемный сын и будущий преемник высказал ему любовь, когда он сидит здесь, затерянный в безвременном сне управления и лишь иногда сознает свою былую ответственность. И Валентайн выразил ее со всем жаром, какой только позволила мощь обруча.

Тиверас как бы окреп, глаза его засияли, щеки чуть заметно покраснели.

Неужто эти дрожащие губы улыбнулись? Да!

Вне всякого сомнения, Понтифик почувствовал волну тепла от Валентайна, был рад этому и ответил. Произнес что-то плохо различимое.

Горнкейст сказал:

— Он говорит, что дарует тебе свою полную поддержку, лорд Валентайн.

Живи, старик,— думал Валентайн, вставая и кланяясь.— Вероятно, тебе лучше бы уснуть вечным сном, но я желаю тебе долгой жизни, потому что у меня есть дела в Замке на Горе.

Он обернулся и сказал пяти министрам:

— Пойдемте. Я получил то, что мне нужно.

Они тихо вышли из тронного зала. Когда дверь за ними закрылась, Валентайн спросил Сиплтрейва:

— Он долго еще должен так жить?

Врач пожал плечами.

— Неограниченное время. Система отлично поддерживает его. Мы можем сохранить его, время от времени поддерживая систему еще сто лет.

— Это необязательно, но хорошо бы ему остаться с нами еще лет двенадцать-пятнадцать. Вы можете это сделать?

— Рассчитывай на это, — сказал Сиплтрейв.

— Хорошо.

Валентайн заглянул в сияющий винтовой проход. Он достаточно долго пробыл в Лабиринте... пора возвращаться в мир солнца и ветра, в мир живых и уладить дело с Доминином Баржазидом. Он сказал Горнкейсту:

— Отведите меня к моим людям и подготовьте транспорт. А перед отъездом я хотел бы подробно ознакомиться с военными силами и служебным персоналом, которые вы можете предоставить в мое распоряжение.

— Слушаюсь, милорд, — сказал главный спикер.

Милорд. Это было первое признание, которое он услышал от министров Понтифика. Главное сражение еще впереди, но Валентайну, когда он услышал это слово, показалось, что он уже достиг Замка.

КНИГА ЗАМКА

Подъем из глубин Лабиринта занял куда меньше времени, чем спуск, потому что спускался по бесконечной спирали никому не известный авантюрист, маневрировавший меж равнодушными чиновниками, а наверх поднимался Властитель Королевства.

Теперь для него не было петляющих переходов с уровня на

уровень, с кольца на кольцо по хитросплетениям понтификатской берлоги, Дома Записей, Арены и прочего, он поднимался со своими товарищами быстро и без задержек по проходу, предназначенному только для Властей.

Уже через несколько часов они достигли внешнего кольца, гостиницы на краю подземного города. Хотя они поднимались очень быстро, весть о Коронованном разнеслась еще быстрее. Каким-то образом весь Лабиринт уже знал, что здесь Коронованный, и когда Валентайн вышел из имперского прохода, там уже собралась огромная толпа, разглядывавшая его, как невиданного девятиголового зверя.

Толпа молчала. Кто-то сложил знак горящей звезды, выкрикнул его имя, но основная масса только глазела.

Лабиринт был владением Понтифика, и Валентайн понимал, что преклоняться перед Коронованным будут где угодно на Маджипуре, только не здесь. Благоговейный страх — да, почтение — да, но прежде всего любопытство. Никакого воодушевления и приветственных жестов, как при церемониальном проезде по улицам Пидруда поддельного лорда Валентайна. Вот и хорошо, думал он.

Он не привык к поклонению, да и не стремился к этому. Вполне достаточно, даже более чем достаточно, что его признали теперь тем, кем он был на самом деле.

— Будет ли так же легко и в дальнейшем? — спросил он Делиамбера.— Просто ехать по Альханроелю, объявляя себя настоящим лордом Валентайном, и все само придет в руки?

— Очень сомневаюсь, Баржазид носит облик Коронованного. У него печати власти. Здесь, внизу, раз министры Понтифика сказали, что ты Коронованный, граждане будут приветствовать тебя как Коронованного. Скажи они, что ты Леди Острова, и здешние жители станут приветствовать тебя как Леди. Я думаю, что за Лабиринтом все будет по-другому.

— Я не хочу кровопролития, Делиамбер.

— Никто не хочет. Но прежде чем ты снова воцаришься на троне Конфалума, прольется кровь. Этого не избежать, Валентайн.

Валентайн угрюмо произнес:

— Я, кажется, скорее оставил бы власть Баржазиду, чем допустить насилие на планете. Я хочу мира, Делиамбер.

— Мир будет, — сказал маленький колдун.— Но дорога к миру не всегда бывает мирной. Смотри, твоя армия уже собралась.

Валентайн увидел вдалеке толпу. Здесь были все, кто шел с ним в Лабиринт, но собралось также несколько сотен носивших цвета Понтифика. Для чего они собрались? Это войско? У Понтифика не было войск. Гражданское ополчение? В любом случае — армия лорда Валентайна.

— Моя армия, — с горечью сказал Валентайн.— Армия откуда-то из времен лорда Стиамота. Делиамбер, сколько тысяч лет прошло со времени последней войны на Маджипуре?

— Долгое время все было спокойно, — ответил урун, — но тем не менее маленькие армии сохранились: телохранители Леди, слуги Понтифика... А как быть с рыцарями Коронованного? Как ты

их назовешь, если не армией? Они носят оружие, тренируются на полях Горного Замка. Кто они, Валентайн? Лорды и леди, забавляющиеся играми?

— Я именно так и думал, когда был одним из них.

— Пора считать по-другому, милорд. Рыцари Коронованного составляют ядро военной силы, и только дурак может думать иначе. Подойдя ближе к Горе, ты неизбежно обнаружишь это.

— Неужели Доминин бросит в сражение против меня моих собственных рыцарей? — спросил Валентайн.

Он был в ужасе.

Урун холодно посмотрел на него.

— Человек, которого ты называешь Доминином Баржазидом, в данный момент лорд Валентайн Коронованный, и рыцари Горного Замка клялись ему в верности. Ты забыл об этом? Может быть ты сумеешь убедить их, что они клялись душе и разуму лорда Валентайна, а не его лицу и бороде. Но некоторые останутся верными тому, кого считают тобой, и его именем поднимут мечи против тебя.

Противно было даже думать об этом.

После того, как память восстановилась, Валентайн не раз думал о своих компаньонах, благородных людях, тех, с кем вырос и учился, чьи привязанность и дружба были главными в его жизни, до того как узурпатор разбил эту жизнь. Смелый охотник Илидат из Марвола, золотоволосый проворный Стасилейн, Тунигорн, отличный лучник, и многие другие — теперь для него только имена, тени далекого прошлого, однако же эти тени могут обрести плоть и кровь. Неужели они выступят против него? Если друзья, его любимые товарищи... Что ж, если ему придется сражаться с ними за Маджипуру, пусть будет так, но думать об этом не хотелось.

Он покачал головой.

— Может удастся избежать этого. Пошли. Нам пора уходить отсюда.

У выхода, называвшегося Вратами Вод, он встретился со своими ликующими сторонниками и офицерами, выделенными ему министрами Понтифика. Похоже, это была способная команда, явно радовавшаяся возможности покинуть мертвые глубины Лабиринта. Их лидером был невысокий, крепкого сложения человек с короткой кудрявой бородкой по имени Ирманар.

Всей своей фигурой, повадкой, движениями, открытостью он сразу понравился Валентайну. Таким вполне мог быть брат Слита.

Ирманар сложил знак горящей звезды быстрым привычным жестом, тепло улыбнулся Валентайну и сказал:

— Я буду рядом с тобой, милорд, пока ты не окажешься снова в своем Замке.

— Пусть путешествие на север окажется легким, — ответил Валентайн.

— Ты выбрал дорогу?

— На речном судне по Глейгу будет быстрее или нет?

Ирманар кивнул.

— В любое время года, кроме осени. Осенью здесь очень сильные дожди.

Он достал маленькую карту центрального Альханроеля. На куске темной ткани блестящей красной краской были показаны округа от Лабиринта до Горного Замка.

— Видишь, милорд, Глейг спускается с Горы и впадает в озеро Рогойз, здесь он разливается до Врат Вод. Как раз сейчас река вздулась и от озера до Пендивейна опасна. Я предлагаю отправиться по суше по крайней мере до Пендивейна, там мы сможем погрузиться на корабль до верховьев Глейга.

— Разумно. Ты знаешь дорогу?

— Довольно хорошо, милорд.

Он ткнул пальцем в карту.

— Многое зависит от того, сильно ли залита равнина Глейга. Я бы предпочел идти через нее, обогнув северную сторону озера Рогойз и далеко не отходя от реки.

— А если долина залита?

— Тогда пойдем более дальней дорогой. Но земля там сухая, неприятная, почти пустыня. Трудно будет с провиантом. И там мы окажемся слишком близко к этому месту.

Он показал на карте точку к северо-востоку от озера.

— Велализир? — спросил Валентайн.— Руины? Почему тебя это смущает, Ирманар?

— Это нездоровое место, милорд, дурное. Там полно духов, в воздухе носятся неотмщенные преступления. Мне не нравится то, что рассказывают об Велализире.

— По одну сторону у нас наводнение, по другую — развалины, населенные призраками. Здорово, а?

Валентайн улыбнулся.

— А почему бы не пойти на юг от реки?

— На юг? Нет, милорд. Ты помнишь пустыню, через которую ехал от Треймона? На юге еще хуже! Ни капли воды, никакой еды, только песок и камни. Я скорее пойду прямиком через Велализир, чем по южной пустыне.

— Выходит, у нас нет выбора? Остается только долина Глейга. Будем надеяться, что она не очень сильно залита. Когда выступаем?

— Когда захочешь.

— Два часа назад, — сказал Валентайн.

После полудня армия лорда Валентайна вышла из Лабиринта через Врата Вод. Ворота были широкими и пышно украшенными, как и полагается правительственному входу. Жители Лабиринта стояли толпами, чтобы поглядеть, как выезжает лорд Валентайн со своими спутниками.

Как хорошо было снова видеть солнце, снова вдыхать настоящий воздух низкой долины Глейга. Валентайн был в первой из длинной процессии плавучих повозок. Он приказал открыть окна.

— Воздух здесь как молодое вино! — воскликнул он.— Ирманар, как ты можешь жить в Лабиринте, зная, как здесь, снаружи?

— Я родился в Лабиринте, — спокойно ответил офицер.—

Мой народ служил Понтифику в течение пятидесяти поколений. Мы привыкли к таким условиям.

— Значит, свежий воздух тебе неприятен?

— Почему неприятен?

Ирманар удивился.

— Нет. Я ценю его, милорд. Просто он... Как бы это сказать? Я могу без него обойтись.

— А вот мне он необходим, — ответил Валентайн.

Он засмеялся.

— Посмотри, как прекрасно вокруг!

— Осенние дожди несут жизнь этой долине, — сказал Ирманар.

— Значит, в этом году жизни излишне много, — заметила Карабелла.— Ты не знаешь, сильно залило долину?

— Я послал разведчиков, — ответил Ирманар.— Скоро узнаем.

Караван шел вперед по мирной, спокойной местности. Здесь Глейг не казался буйным, особо неуправляемым, вроде бы спокойный поток, думал Валентайн. Правда, это была не сама река, а нечто вроде канала, проложенного тысячу лет назад, чтобы связать озеро Рогойс с Лабиринтом. Сам Глейг, как вспоминал Валентайн, выглядел куда более внушительным — быстрая, широкая, величавая река, но, конечно, едва ли не ручеек по сравнению с могучим Зимром на другом континенте. В первое посещение Лабиринта Валентайн плыл по Глейгу летом, причем сухим летом, и река была достаточно спокойной. Но сейчас совсем другой сезон. Валентайну не хотелось бы снова попасть в разлив, он хорошо помнил ревущий Стейч.

Если бы им оказаться чуть севернее, все было бы в порядке, пусть даже пришлось бы проехать через развалины Велализира — не страшно, хотя суеверный Ирманар не хотел этого.

В эту ночь Валентайн впервые испытал прямое противодействие узурпатора. Едва он уснул, как пришло послание от Короля, зловещее, сильное. Сначала он почувствовал, что голове тепло. Жар быстро накапливался и превратился в огненный смерч, с яростной силой бивший в стенки черепа. Яркая игла света пронзила его душу. Голова раскалывалась от боли.

Вместе с этими ощущениями пришло нечто еще более болезненное. Его разум был подавлен чувством вины и стыда, сознанием провала и неудачи, сожалениями, что он предал и обманул тех, кто выбирал его в правители.

Валентайн принимал послание, пока мог терпеть. Затем с криком проснулся, весь потный, дрожащий, как бы избитый сном.

— Милорд! — шепотом окликнула его Карабелла.

Он сел, закрыв лицо руками. Он не мог вымолвить ни слова. Карабелла прижала его к себе и погладила по голове.

— Послание, — выговорил он наконец, — от Короля.

— Его уже нет, любимый, все прошло.

Обняв его, она покачивалась, и постепенно ужас и паника отступили.

— Плохое, — сказал он, — хуже, чем в нашу первую ночь в Пидруде.

— Не могу ли я помочь?

— Вряд ли. Они обнаружили меня, и теперь Король не оставит меня в покое.

— Это был просто страшный сон, Валентайн...

— Нет. Это было послание от Короля, первое из многих.

— Я позову Делиамбера, — предложила она.— Может он знает, что делать.

— Не уходи, Карабелла, не оставляй меня.

— Но сейчас опасности нет. Ты не спишь, и посланий не будет.

— Не оставляй меня, — бормотал он. Она погладила его, заставила лечь и пошла за колдуном. Тот обеспокоился, коснулся Валентайна, чтобы погрузить его в сон без сновидений.

На следующую ночь Валентайн вообще боялся уснуть, в конце концов сон пришел и снова принес послание, оно оказалось ужаснее первого. В его воображении проносились образы — пузыри света с отвратительными лицами, насмехавшиеся над ним и обвинявшие его, цветные шары, серебряные копья жарких лучей вонзались в мозг.

Затем вокруг него закружились метаморфы, странные, текучие, они махали ему тонкими длинными пальцами, визгливо хохотали и называли трусом, слабаком, дураком и простаком. Отвратительные сальные голоса нестройно пели детскую песенку:

У старого Короля Снов
Каменное сердце.
Он никогда не спит...

Смех, странная музыка, смутный шепот... Пляшущие скелеты, мертвые братья скандара, призрачные, изувеченные, окликали его по имени...

Валентайн заставил себя проснуться и несколько часов ходил взад-вперед по тесной повозке.

В следующую ночь пришло третье послание, хуже первых двух.

Что же мне делать? Не ложиться спать? — думал он.

Бледный и измученный, он сел, и тут к нему пришли Делиамбер и иерарх Лоривейд.

— Я слышала о твоих неприятностях, — сказала она.— Разве Леди не научила тебя защищаться обручем?

Валентайн тупо смотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна Сила не может напасть на другую, милорд.

Она коснулась обруча на его голове.

— Он отразит атаку, если ты будешь правильно им пользоваться.

— А как?

— Готовясь ко сну, сплети вокруг себя стену силы. Спроецируй свою личность, наполни воздух вокруг себя своим духом, и тебя не заденет никакое послание.

— Ты научишь меня?

— Постараюсь, милорд.

Усталый и изможденный, он не сумел спроецировать полные возможности Коронованного, лишь тень их, и хотя Лоривейд добрый час тренировала его, четвертое послание все-таки пришло, но оно было намного слабее предыдущих, и Валентайну удалось избежать его тяжелых последствий, он, наконец, погрузился в спокойный сон. Днем он чувствовал себя почти здоровым и много занимался обручем.

В последующие ночи послания приходили, но очень слабые, пробные, пытавшиеся отыскать щель в его броне. Валентайн отражал их все увереннее. Он был постоянно начеку, и это его утомляло. Затем несколько ночей он не чувствовал, что щупальцы Короля Снов пытаются проникнуть в его спящую душу, но от защиты все же не отказался и уберегся.

Они ехали вдоль низины Глейга еще пять дней, а на шестой явились разведчики Ирманара.

— Наводнение не такое сильное, как рассказывали, — сообщил Ирманар.

— Прекрасно, — одобрил Валентайн.— Значит будем двигаться к озеру и там возьмем корабль?

— Путь к озеру нам преграждают вражеские силы, милорд.

— Силы Коронованного?

— По-видимому, милорд. Разведчики сообщили только что, поднявшись на гребень Луманцар, чтобы посмотреть на озеро и окружающую его равнину, увидели там отряды молиторов.

— Наконец-то война! — радостно закричала Лизамона.

— Нет, — хмуро возразил Валентайн.— До Горного Замка еще тысячи миль. Вряд ли мы можем вступать в сражение далеко от него на юге. К тому же я надеюсь вообще избежать войны или хотя бы отсрочить ее, насколько возможно.

— Что будем делать, милорд?

— Пойдем, как шли, на север по долине Глейга, но тут же свернем на северо-запад, если только эта армия двинется в нашу сторону. Обойдем ее, если возможно, и поплывем по реке, пусть они сидят у озера и ждут, когда мы там появимся.

— Идти кругом?

Ирманар заморгал.

— Если я не ошибаюсь, Баржазид послал их охранять подступы к озеру. Слишком далеко за нами они не пойдут.

— Но там...

— Да, я знаю.

Валентайн положил руку на плечи Ирманара и мягко сказал:

— Простите меня, друг, но я думаю, что мы сможем пойти в обход по Велализиру.

— Я боюсь этих развалин, милорд, и не я один.

— Понятно. Но у нас могучий колдун и множество храбрецов. Куда призракам до Лизамоны Халтин, Кона из Кианимота, Слита, Карабеллы или Залзана Кавола? Разрешим скандару покричать на этих призраков, и они будут бежать до самого Стойена!

— Милорд, твое слово закон, но я с детства слышал страшные рассказы о Велализире.

— Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет, конечно.

— А знаешь кого-нибудь, кто был?

— Нет, милорд.

— Ясно ли представляешь ты опасности этого места?

— Нет, милорд.

— Но нам угрожает армия врагов и орда ужасных военных молиторов, верно? Мы не знаем, какое зло причинят нам призраки, зато отлично знаем, какие бедствия принесет война. Я считаю, что надо уклониться от битвы и попытаться пройти по Велализиру.

— Я бы предпочел другой путь обхода, — сказал Ирманар.

Он попытался улыбнуться.

— Но я буду рядом с тобой, милорд. Даже если ты прикажешь мне идти пешком через Велализир безлунной ночью. Можешь быть в этом уверен.

— Я уверен, — сказал Валентайн.— Мы выйдем из Велализира невредимыми, Ирманар. Можешь быть в этом уверен.

Они продолжали путь в прежнем направлении. По мере их продвижения на север почва постепенно поднималась.

Скоро река лежала в ста футах ниже долины узкой светлой ниткой, окаймленной густыми зарослями кустарника, а над дорогой нависал край длинного гребня.

Ирманар сказал, что это Гребень Лунацар, и с его вершины местность видна на очень далекое расстояние.

Валентайн, Слит, Делиамбер и Ирманар поднялись по краю гребня. Внизу лежали природные террасы, уровень за уровнем спускаясь от гребня к широкой равнине, центр которой занимало озеро Рогойз.

Озеро казалось огромным, как океан.

Валентайн помнил, что оно большое, да и должно быть большим, потому что Глейг собирал воду со всего юго-западного склона Горного Замка и нес ее в озеро, но таким огромным Валентайн его не видел.

Теперь ему стало понятно, почему городки по берегам озера строились на высоких сваях. Сейчас эти города были уже не на берегу, а далеко в воде, и нижние этажи домов, хотя дома и стояли на столбах, вероятно, заливались водой.

— Очень высокая вода, — сказал он Ирманару.

— Да, почти вдвое выше обычного. Но, говорят, бывало и хуже.

— Где твои разведчики видели армию?

Ирманар осмотрел горизонт в подзорную трубу. Валентайн подумал, что, возможно, они ушли обратно на Гору, а может ошиблись, и армии вообще здесь не было...

— Вон там, милорд, — сказал Ирманар.

Валентайн взял трубу. Он увидел только деревья и луга, и потоки воды из переполненного озера, но Ирманар направил трубу. То, что увидел Валентайн, невооруженному глазу показалось бы скопищем муравьев неподалеку от озера, но это были не муравьи.

Тысяча отрядов стояла там лагерем, может, армия была меньше, но все равно громадная, слишком большая для планеты,

где само понятие война было забыто. Она в несколько раз превосходила армию Валентайна. Здесь же паслось около сотни молиторов — массивных бронированных животных, искусственно выведенных в древние времена. На Горе молиторов часто использовали как боевые оружия в рыцарских играх. Они очень быстро двигались на толстых коротких ногах и, высунув тяжелую голову из-под непробиваемого панцыря, крушили все вокруг.

Они изрыли все поля сильными кривыми ногами, неуклюже носились взад и вперед, сталкиваясь и ударяя друг друга головами в тупой ярости.

Десяток таких животных, выставленных на дороге, блокируют ее лучше любой стены.

Слит сказал:

— Мы могли бы внезапно напасть, послать один отряд переполошить молиторов и обойти их с другой стороны, пока...

— Нет, — возразил Валентайн.— Вступать в сражение было бы ошибкой.

— Если ты думаешь, милорд, — настаивал Слит, — что завоюешь Горный Замок, никого пальцем не тронув, то...

— Я знаю, что кровопролития не миновать, — резко прервал его Валентайн.— Но я хочу свести его к минимуму. Эти отряды внизу — армия Коронованного, помни это, и помни, кто настоящий Коронованный. Они нам не враги. Враг только Доминин Баржазид. Сражаться мы будем только тогда, когда нас вынудят, Слит.

— Значит, другим путем пойдем? — хмуро спросил Ирманар.

— Да. Пойдем на северо-запад от Велализира, затем обогнем дальнюю сторону озера и отправимся по долине к Пондивейну, если нас там не ждет еще одна армия. У тебя есть карта?

— Только долины и половины пути к Велализиру. Дальше там пустыня, милорд, от карт толку мало.

— Что ж, постараемся обойтись без карт, — сказал Валентайн.

Когда караван вернулся на перекрестки, уводившие от озера, Валентайн подозвал к повозке разбойника герцога Насимонта.

— Мы направляемся к Велализиру и, быть может, нам придется идти прямо через него. Тебе знакомы эти места?

— Я был там однажды, милорд, в молодости.

— Искал встречи с призраками?

— Искал сокровища древних, чтобы украсить свой дом в поместье. Нашел очень мало. Видимо, это место уже давно и основательно было разграблено.

— Значит, ты не боялся бродить по городу призраков?

Насимонт пожал плечами:

— Легенды я слышал. Но я был молод и не боялся.

— Поговори с Ирманаром. Скажи ему, что ты был в Велализире и остался жив. Ты можешь проводить нас туда?

— Это было сорок лет назад, милорд, но я постараюсь.

Рассматривая потёртые, неполные карты Ирманара, Валентайн решил, что единственный путь, который избавит их от опасной близости ожидавшей их армии, — по краю разрушенного

города или прямо через него. Валентайн не жалел о своем решении. Развалины Велализира, как бы они ни пугали малодушных, были, по всем сведениям, на вид довольно безмятежными.

Кроме того, едва ли Доминин Баржазид выставит там отряды на встречу Валентайну.

Обход может оказаться удачным, если фальшивый Коронованный рассчитывает, что Валентайн пойдет по дороге выше Глейга. Если путешествие по пустыне будет не слишком трудным, они, может быть, смогут держаться к северу от реки и воспользоваться преимуществом внезапности, когда в конце концов повернут к Замку на Горе.

Пусть Велализир выпустит духов, если сможет,— думал Валентайн.— Лучше обедать с призраками, чем отправиться под Гребнем Луманцар в зубы молиторам Баржазида.

Дорога от озера шла по невероятно сухой местности. Темная плодородная почва равнины сменилась легким кирпично-красным песком, лишь кое-где здесь росли кривые, колючие растения. Дорога постепенно поднималась к невысоким холмам, отделявшим Рогойз от пустыни Велализирской Равнины.

Ирманар послал разведчиков поискать подходящую дорогу по ту сторону холмов, которая была обращена к озеру, чтобы не приближаться к развалинам, но дороги там не было. Волей-неволей приходилось идти через холмы и спускаться в долину, населенную духами.

Ближе к вечеру они начали спуск. Стали собираться тяжелые тучи, закат простерся по западной части неба громадным кровавым пятном. Перед наступлением темноты тройной луч темно-красного света прорезал тучи и осветил странным сиянием развалины Велализира.

Впереди высились громадные блоки голубого камня. Мощная стена монолитов в два, а в некоторых местах и в три ряда кладки шла больше, чем на милю с западного края города, резко заканчиваясь грудой каменных кубов. Еще видны были контуры широко разбросанных зданий — целый форум дворцовых базилик и храмов, наполовину занесенных песком. На востоке поднимались шесть колоссальных островерхих, с узким основанием, поставленных в один ряд, и остаток седьмой, которая, видимо, была разрушена с яростной энергией, потому что обломки лежали вокруг широкой дугой. Впереди, у входа в город, стояли две широкие каменные платформы высотой восемь или десять футов, вполне подходящие для маневров солидной армии. Вдали Валентайн увидел громадное овальное здание, возможно, арену, с высокими стенами, со множеством окон и грубым рваным проломом в одном конце. Масштабы, расстояния поражали. По сравнению с Велализиром безымянные руины с другой стороны Лабиринта, где обитал герцог Насимонт, казались самыми заурядными.

Дневной свет погас, разрушенный город в темноте казался бесформенными грудами развалин.

Насимонт сказал:

— Милорд, дорога идет между теми двумя платформами,

строениями позади них и вокруг шести пирамид с северо-восточной стороны. В темноте идти трудно, даже при лунном свете.

«Мы и не пойдем в темноте. Разобьем лагерь и будем ждать утра. Я хочу посмотреть развалины, раз уж мы здесь».

Ирманар приглушенно кашлянул. Валентайн посмотрел на маленького офицера, на его унылое лицо.

— Успокойся, — шепнул он.— Я думаю, духи позволят нам побыть здесь сегодня.

— Милорд, мне не до шуток.

— А я не шучу, Ирманар.

— Ты хочешь идти к развалинам один?

— Один? Нет, не думаю. Делиамбер, пойдешь со мной? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? И ты, Насимонт, ты уже бывал здесь и боишься меньше кого-либо из нас, пойдешь?

Главарь бандитов улыбнулся.

— Я в твоем распоряжении, лорд Валентайн.

— Хорошо. А ты, Лизамона?

— Конечно, милорд.

— Вот у нас группа из семи разведчиков. После ужина пойдем.

— Восьми, милорд, — спокойно сказал Ирманар.

— Зачем...

— Милорд, я дал клятву быть рядом с тобой, пока Замок не станет твоим. Раз ты идешь в мертвый город, я иду с тобой. Если опасность вымышленная, бояться нечего, а если реальная— мое место рядом с тобой. Прошу тебя, милорд.

Ирманар, похоже, был совершенно искренен. Лицо его напряглось, но, как подумал Валентайн, больше от опасений, что его не возьмут, чем от страха перед тайнами развалин.

— Прекрасно, — согласился Валентайн.— Отряд из восьми человек.

В этот вечер луна была почти полной, и ее холодный свет безжалостно обнажил тысячелетнюю заброшенность города, не так бросавшуюся в глаза при более мягком фантастическом красном свете заката. На полустертой табличке у входа с трудом можно было прочесть, что Велализир по указу лорда Симинейва Коронованного и Понтифика Калинтейна — королевский исторический заповедник.

Но они правили пять тысяч лет назад, и после них, как видно, с указом не слишком считались. Камни двух громадных платформ растрескались, осыпались, в трещинах между плитами рос мелкий сорняк с клейкими стеблями, с неистощимым упорством раздвигавший громадные блоки. В некоторых местах между блоками укоренился даже кустарник. Еще одно-два столетия — и целый лес кустарника захватит платформы, и громадные квадратные плиты полностью скроются из вида.

— Все это следует расчистить, — сказал Валентайн, — восстановить в таком виде, как до появления зарослей. Разве допустимо подобное пренебрежение?

— Об этом месте никто не заботится, — сказал Ирманар, — никто и пальцем не двинет.

— Из-за духов?

— Из-за метаморфов, — сказал Насимонт.— Эти развалины вдвойне прокляты.

— Почему?

— Разве ты не знаешь легенды, милорд?

— Нет. Расскажи.

— Когда Маджипурой правили метаморфы, Велализир был их столицей. Двадцать или двадцать пять тысяч лет назад это был самый крупный город на планете. В нем было два или три миллиона жителей, и племена со всего Альханроеля платили ему дань. На этих платформах устраивались фестивали, а каждую тысячу лет — особый фестиваль, отмечавшийся постройкой пирамиды, так что городу было, по крайней мере, семь тысяч лет. Но в нем царило зло. Я не знаю, что именно метаморфы считали злом, во всяком случае, оно здесь процветало. Это было средоточие всякой мерзости. Жители провинций испытывали к городу отвращение, потом стали возмущаться и однажды ринулись на город, сравняли с землей храмы и большую часть городских стен, уничтожили места, где творилось зло, а жителей города частью выслали, частью обратили в рабство. Мы знаем, что резни не было, потому что тут было полно зарытых сокровищ — я сам искал их, как тебе известно, — и если бы здесь оставались закопанные скелеты, они были бы обнаружены. Так что этот город был разрушен и покинут задолго до появления на Маджипуре людей и на нем лежит проклятие. Питавшие город реки отвели, и вся равнина превратилась в пустыню. Пятнадцать тысяч лет никто не жил здесь, кроме призраков тех, кто умер при разрушении.

— Рассказывай дальше, — попросил Ирманар.

Насимонт пожал плечами.

— Больше я ничего не знаю, друг.

— О призраках, — сказал Ирманар.

— Знаете ли вы, сколько времени им суждено бродить здесь? До тех пор, пока метаморфы снова не станут править Маджипурой, а мы не сделаемся их рабами. Тогда Велализир снова выстроят на старом месте и он будет больше прежнего, и снова станет столицей Меняющих Форму, и души мертвых наконец будут освобождены от камней, которые держат их здесь.

— Ну им еще долго предстоит гнездиться в камнях, — сказал Слит.— Нас двадцать миллиардов, а метаморфов — горсточка, да и те живут в джунглях. Какая это угроза?

— Они уже ждут восемь тысяч лет, — сказал Ирманар, — с тех пор, как лорд Стиамот сломил их, и будут ждать еще столько же, если понадобится. Но они мечтают о возрожденном Велализире и не откажутся от своей мечты. Я иногда слышал во сне, как они рассуждают о том времени, когда башни Велализира поднимутся вновь, и это пугало меня. Вот почему я не хотел идти сюда. Я чувствую, как следят они за этим местом. В воздухе разлита как бы их ненависть, невидимая, но реальная...

— Значит, этот город для них в одно и то же время святой и проклятый, — сказала Карабелла.— Нам трудно понять, что у них на уме.

Валентайн сошел с тропы. Город пугал и восхищал его. Он

пытался представить себе, каким величественным и пышным был этот город. А что теперь? По камням прыгают ящерицы, сорняки раздвигают плиты огромных церемониальных бульваров.

Двадцать тысяч лет! А на что была похожа Ни-моя двадцать тысяч лет назад или Пидруд, или Пятьдесят Городов на склонах Горного Замка? Будет ли цивилизация, создавшая их, вечной, как говорят, вечна цивилизация старой матери-Земли, или когда-нибудь по развалинам Замка, Лабиринта, Острова Снов будут бродить толпы людей и гадать, что значили эти руины для древних? Мы поработали достаточно хорошо, — думал Валентайн, оглядываясь на тысячелетия устойчивого мира. Но сейчас дает о себе знать разлад, привычный ход вещей нарушился, нельзя предсказать, что может случиться. Разбитые и изгнанные метаморфы, планетой которых завладел другой, более сильный народ, эти метаморфы могут еще сказать свое слово.

Он вдруг остановился. Что там за звук — шаги? И тень мелькнула на камнях.

Валентайн вгляделся в темноту. Он подумал, что это бродит ночное животное в поисках пищи. Ведь у призраков нет тени, да и призраков здесь нет. Их вообще нет. Но все же...

Он осторожно сделал несколько шагов.

Слишком темно среди этих обрушившихся стен.

Он смеялся над Ирманаром, но страхи офицера каким-то образом подействовали и на его воображение. Он думал о суровых таинственных метаморфах, скользящих между развалинами зданий привидениях, почти таких же старых, как само время, форме без тела, образах без первоосновы...

Затем раздались явственные шаги позади.

Валентайн быстро обернулся. За ним бежал Ирманар, только и всего.

— Подожди, милорд!

Валентайн остановился. Пальцы его, как ни странно, дрожали. Он заложил руки за спину.

— Ты не должен ходить один, — сказал Ирманар.— Я знаю, ты легко относишься к придуманным мною опасностям, однако они все-таки возможны. Ради всех нас ты обязан заботиться о своей безопасности, милорд.

Подошли остальные, и все вместе молча двинулись через освещенные луной развалины. Валентайн ничего не сказал о том, что видел и слышал. Конечно, это было какое-то животное. И очень скоро животные появились: вроде маленьких обезьянок, может сродни лесным братьям.

Видимо, они жили среди развалин.

Тут же носились ночные млекопитающие низшего вида — минтаны или дроли. Но, думал Валентайн, разве могли от обезьян или дролей исходить звуки, похожие на шаги?

Когда они поровнялись с развалинами базилики, Слит, шедший чуть дальше, рванулся вдруг назад и сказал Валентайну:

— Я слышал что-то странное вон там, сбоку.

— Привидение, Слит?

— Может быть. Или просто бандит.

— Или обезьянка, — беспечно заметил Валентайн.— Я слышал всякие шорохи.

— Милорд...

— Ты заразился страхами Ирманара?

— Я думаю, мы бродим тут достаточно долго, милорд, — тихо сказал Слит.

Валентайн покачал головой.

— Будем внимательнее к темным углам. Но, я думаю, здесь еще есть на что посмотреть.

— Может нам вернуться обратно, милорд?

— Не бойся, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел. Валентайн вглядывался в темноту. Слит, жонглировавший с завязанными глазами, руководствуясь только звуком, обладал таким острым слухом, что его предостережением ни в коей мере нельзя было пренебречь, но покидать это место чудес только из-за звука странных шагов не хотелось.

Однако двигался он осторожно. Пусть призраков и не существует, но в этом странном городе глупо действовать необдуманно.

Они бродили среди дворцов, рассматривали богато украшенные здания, и вдруг Залзан Кавол, шедший впереди, резко остановился: у самых его ног откуда-то сверху упал камень.

Скандар выругался.

— Эти вонючие обезьяны...

— Думаю, это не обезьяны, — спокойно сказал Делиамбер.— Это кто-то покрупнее.

Ирманар осветил фонариком нависавший край соседнего строения. На мгновение показался, но затем исчез силуэт, подобный человеческому. Лизамона бросилась к дальней стороне здания, за ней, размахивая энергометом, помчался Залзан Кавол. Слит и Карабелла побежали с другой стороны. Валентайн хотел было пуститься за ними, но Ирманар схватил его за локоть и, цепко держа, произнес извиняющимся тоном:

— Я не могу позволить тебе идти на риск, милорд...

— Стой! — послышался вдали бухающий голос Лизамоны.

Затем послышались звуки какой-то возни, кто-то протопал по камням шагом отнюдь не призрака. Валентайну очень хотелось знать, что происходит, но Ирманар был прав: Коронованному Маджипуры не пристало бежать за неизвестным врагом в темном незнакомом месте.

Он услышал ругань, крики и болезненный визг. Почти тут же появилась Лизамона, таща человека с эмблемой горящей звезды Коронованного на плече. Она обхватила его вокруг тела и ноги его болтались дюймах в шести от земли.

— Шпион, — сказала она, — прятался наверху и следил за нами. По-моему, их было двое.

— Где второй? — спросил Валентайн.

— Удрал. Залзан Кавол побежал за ним.

Лизамона бросила своего пленника на землю перед Валентайном и прижала его ногой.

— Пусть встанет, — сказал Валентайн.

Человек встал. Он казался испуганным. Ирманар и Насимонт быстро обыскали его. Оружия не было.

— Кто ты? — спросил Валентайн.— Что ты здесь делал?

Ответа не было.

— Говори. Мы не причиним тебе зла. У тебя на плече горящая звезда. Ты из армии Коронованного?

Неизвестный кивнул.

— Ты послан следить за нами?

Незнакомец опять кивнул.

— Ты знаешь, кто я?

Человек молча уставился на Валентайна.

— Ты умеешь говорить? У тебя есть голос? Скажи что-нибудь, все равно, что.

— Я... Если я...

— Прекрасно. Говорить ты умеешь. Ну, ты знаешь, кто я?

Пленник ответил шепотом:

— Сказали, что ты хочешь украсть трон у Коронованного.

— Нет, — возразил Валентайн, — ты ошибаешься, парень. Вор тот, кто сидит сейчас в Замке.— Я — лорд Валентайн и требую от тебя преданности.

Человек смотрел на него растерянно, непонимающе.

— Сколько вас тут?

— Пожалуйста, господин...

— Сколько?

Наступило угрюмое молчание.

— Давай, я его немного припугну, — предложила Лизамона.

— В этом нет необходимости, — сказал Валентайн.

Он подошел ближе к струсившему человеку и мягко заговорил:

— Ты пока ничего не понимаешь, но со временем тебе все станет ясно. Я истинный Коронованный, ты поклялся служить мне, и теперь я требую ответа. Сколько вас здесь было?

На лице пленника отражались противоречивые чувства. Он медленно и неохотно ответил:

— Только двое, господин.

— Могу я верить этому?

— Клянусь Леди, господин!

— Двое? Ладно. Давно вы следите за нами?

— От Луманцара.

— С каким приказом?

Опять последовало колебание.

— Наблюдать за вашим передвижением и утром сообщить в лагерь.

Ирманар нахмурился.

— Это значит, что второй тип уже на полпути к озеру.

— Ты думаешь? — раздался хриплый голос Залзана Кавола.

Скандар шагнул к ним и бросил к ногам Валентайна тело второго человека со звездной эмблемой. Энергомет Залзана Кавола прожег в нем сквозную дыру.

— Я бежал за ним с полмили, милорд. Проворный, дьявол! Он

легко перепрыгивал через камни и начал от меня отрываться. Я приказал ему остановиться, но он продолжал бежать. И пришлось...

— Закопай его где-нибудь, — резко приказал Валентайн.

— Милорд, я плохо сделал, что убил его?

— У тебя не было выбора, — сказал Валентайн уже более мягким тоном.— Я хотел, чтобы ты поймал его, но ты не мог, так что выбора не было. Все в порядке, Залзан.

Валентайн отвернулся. Убийство потрясло его, но предотвратить его он не мог. Этот человек умер только потому, что был предан Коронованному— или тому, кого он считал Коронованным.

Гражданская война получила свою первую жертву. Кровопролитие началось здесь, в городе мертвых.

Теперь уже никто не думал продолжать осмотр. Все вернулись в лагерь, взяв с собой пленника. Утром Валентайн отдал приказ идти через Велализир и повернуть на северо-восток.

Днем развалины не казались такими мистическими, но все равно производили впечатление. Трудно было понять, каким образом немощный и не прибегавший к механике народ мог сдвигать эти гигантские плиты, но, возможно, тысячу лет назад метаморфы не пренебрегали механизмами.

Изменяющие форму лесов Пьюрифайна обитатели тростниковых хижин и грязных улиц были жалкими остатками расы, некогда правившей Маджипурой.

Валентайн обещал, когда покончит с Доминином Баржазидом, вернуться сюда и подробно обследовать древнюю столицу, очистить и реконструировать ее. Если удастся, он пригласит метаморфских вождей принять участие в этой работе, хотя не уверен, что они пожелают сотрудничать. Но что-то нужно было сделать для общения двух рас планет.

— Если я снова буду Коронованным,— сказал он Карабелле, когда они миновали пирамиды и выезжали из Велализира, — то...

— Когда ты снова будешь Коронованным,— поправила его Карабелла.

Валентайн улыбнулся.

— Да, когда я снова буду Коронованным, я попробую изучить все, что касается метаморфов и ввести их снова в плавный поток жизни Маджипуры, если это возможно, даже дать им место в правительстве.

— Если они захотят.

— Я имею в виду — победить эту их злобу. Это будет смыслом моего правления. Все наше общество, наше удивительное гармоничное и сердечное королевство было создано хищениями и несправедливостью, и мы усвоили привычку не замечать этого.

Слит искоса взглянул на него.

— Меняющие Форму не использовали планету полностью. Их было двадцать миллионов на все это огромное пространство, когда наши предки пришли сюда.

— Но эта планета принадлежала метаморфам! — вскричала Карабелла.— По какому праву...

— Полегче, — сказал Валентайн.— Не стоит спорить о первых поселенцах. Что сделано, то сделано, прошлого не вернешь, но в нашей власти изменить это.

Делиамбер тихо, но так, что привлек внимание слушателей, сказал:

— Возможно, все теперешние неурядицы в королевстве — начало возмездия за подавление метаморфов.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно спросил Валентайн.

— Только то, что мы прошли долгий путь по Маджипуре, ничем не искупив первородный грех завоевателей. Как тебе известно, долги приумножаются. Теперь эта узурпация, зло, творящееся новым Коронованным, предстоящая война, смерть, разрушение, хаос... Может быть, прошлое начинает наконец сводить с нами счеты.

— Валентайн не имеет отношения к подавлению метаморфов, — возразила Карабелла.— Почему он должен страдать один? Почему именно его лишили трона, а не какого-то своевольного Коронованного прошлого?

Делиамбер пожал плечами.

— В таких делах не ищи справедливости. Почему ты думаешь, что наказан бывает только виновный?

— Божество...

— А почему ты считаешь Божество справедливым? Оно имеет дело с вечностью, когда все ошибки выправляются, каждый минус уравнивается плюсом, колонки подсчитываются, итог оказывается правильным. Все это в течение долгого времени. Наш же век короток, и тут многое часто бывает несправедливым. Компенсирующие силы вселенной все приводят в порядок, но крушат при этом как зло, так и добро.

— Более того, — сказал вдруг Валентайн, — может быть я избран орудием этих компенсирующих сил, должен был познать страдания, чтобы обрести мудрость.

— Как тебя понять?

— Если бы со мной ничего не случилось, я, вероятно, правил бы из Замка на Горе, как все до меня, довольный собой, принимающий вещи, какими есть, поскольку не видел бы в них ничего плохого. Но все эти приключения дали мне возможность увидеть мир, который я никогда бы не узнал, укрываясь в Замке. Может быть, теперь я готов по-другому сыграть предназначенную мне роль...

Он помолчал.

— Все эти разговоры ни к чему. Первое, что нам надо сделать, это вернуть себе Замок, а потом говорить о природе компенсирующих сил Вселенной и о тактике Божества.

Он оглянулся на разрушенный Велализир, проклятый город древних на заброшенной пустынной равнине, хаотичный, великолепный. Затем отвернулся и молча стал смотреть на менявшийся пейзаж впереди.

Дорога резко повернула к северо-западу, шла вверх по гряде холмов и спускалась в плодородную равнину Глейга у самого северного края озера Рогойз.

Сейчас они были в сотнях миль от лагеря армии Коронованного.

Ирманар, встревоженный присутствием в Велализире двух шпионов, послал разведчиков проверить, не двинулась ли армия на север им наперерез. Валентайн счел это разумным, но решил позаботиться и о собственной разведке.

— Сделай так, чтобы я знал, где ожидает нас вражеская армия, — сказал он Делиамберу.— Можешь?

Яркие золотые глаза уруна весело блеснули.

— Могу ли? Может ли птица летать? Морской дракон может плавать?

— Тогда, сделай.

Делиамбер отошел, зашептал что-то и замахал щупальцами, свивая и переплетая их самыми замысловатыми узорами. Валентайн подозревал, что колдовство Делиамбера в большей мере рассчитано на зрителй, что настоящая передача не зависит от размахивания щупальцами и произнесения формул, а только от импульса проницательного и чувствительного разума колдуна. Но все правильно. Пусть себе урун разыгрывает свой маленький спектакль. Без некоторой дозы работы напоказ невозможна успешная деятельность не только колдунов и жонглеров, но и Коронованного, Понтифика, Леди, Короля Снов, толкователиниц снов, учителей священных таинств, может быть, даже таможенников провинциальных границ и продавцов сосисок на улице. Тот, кто занимается делом, не может быть чрезмерно прям и резок, должен прикрывать его магией, театральностью.

Делиамбер сказал:

— Отряды Коронованного, похоже, остались там, где стояли лагерем.

— Вот и хорошо. Пусть поторчат там подольше, в ожидании, когда мы вернемся с нашей экскурсии по Велализиру. Ты можешь распознать другие армии к северу отсюда?

— На большом расстоянии не могу. Чувствую присутствие рыцарских сил на Горном Замке, но они всегда там. Определяю небольшие отряды там и тут в Пятидесяти Городах, тоже ничего особенного. У Коронованного времени достаточно. Он сидит себе в Замке и ждет, когда ты подойдешь, а затем объявит великую мобилизацию. Что ты будешь делать, Валентайн, когда миллионы воинов спустятся к тебе с Замка на Горе?

— Полагаешь, я не задумывался над этим?

— Знаю, что ты думал, но мало. Следует крепко подумать — наши сотни против их миллионов.

— Миллион — неудачная мера для армии, — сказал Валентайн, рассмеявшись.— Жонглировать дубинками намного легче, чем стволами двикка-деревьев. Тебя пугает то, что ждет нас впереди, Делиамбер?

— Нисколько.

— И меня тоже.

Конечно, это была бравада. Валентайн сам понимал это. Боялся ли он? В полном смысле этого слова — нет. Смерть все равно придет, рано или поздно, бояться ее глупо.

Валентайн знал, что не очень боится смерти, потому что сталкивался с ней в лесу у Авандрейна, в быстринах Стейча,

в брюхе морского дракона, в драке с Фарселом на Острове, и ни разу не испытал того, что можно назвать страхом.

Если армия, ждущая его на Горе Замка, раздавит его малые силы и зарубит его самого — это, конечно, печально, как печально было бы разбиться на порогах Стейча, но не эта перспектива ужасала его.

Страх за собственную жизнь был куда менее значителен, чем страх за судьбу Маджипуры. Если он, Валентайн, погибнет из-за неуверенности, глупости или просто неравенства сил, Замок останется в руках Баржазида и ход истории навеки нарушится, пострадают миллиарды невинных. Предупредить это — великая ответственность. И Валентайн чувствовал ее бремя. Если он героически погибнет, пытаясь подняться на Гору Замка, его испытаниям придет конец, но это станет началом агонии Маджипуры.

Теперь они проезжали через мирные сельские округа громадного сельскохозяйственного пояса Горного Замка, снабжавшего продуктами Пятьдесят Городов. Валентайн все время выбирал главные дороги. Он перестал таиться, караван бросался в глаза, скрыть его едва ли было возможно, да и наступило время, когда мир должен был узнать, что борьба за возвращение Замка лорда Валентайна вот-вот начнется.

Мир уже начал узнавать об этом. Разведчики Ирманара, вернувшиеся из города Пендивейна, сообщили о первых контрмерах узурпатора.

— До Пендивейна армий нет, — доложил Ирманар, — но в городе объявлено, что ты мятежник, разрушитель, враг общества. Заявления Понтифика в твою поддержку, кажется, еще не обнародованы. Горожан Пендивейна понуждают объединяться в отряды, чтобы защищать подлинного Коронованного и истинный порядок от твоих посягательств. И широко распространились послания.

— Какие?

Валентайн нахмурился.

— От Короля. Ты, видимо, слабо поддаешься ему по ночам, но Король присутствует в твоих снах и грозит тебе страшными последствиями, если Коронованный будет свергнут.

— Естественно, — пробормотал Валентайн.— Чудовищная энергия Короля работает на сына. Из Сувраеля, наверно, день и ночь шлют послания, но мы повернем это против него, а, Делиамбер? Король Снов говорит народу о том, как ужасно скинуть Коронованного. Прекрасно. Я хочу убедить народ именно в этом. Хочу довести до его сознания, что ужасное на Маджипуре уже свершилось и что народ должен исправить случившееся.

— И что Король Снов — заинтересованная сторона в этой войне, — сказал Делиамбер.— Мы должны сказать народу, что Королю на руку действия сына.

— Мы это сделаем, — горячо сказала Лоривейд.— С Острова идут сильные послания Леди. Они противодействуют ядовитым снам Короля. В прошлую ночь Леди пришла ко мне во сне и показала, какое послание пошлет. Это видение наркотизации

в Тил-омоне, подмена Коронованного. Она покажет народу твое новое лицо, лорд Валентайн, и окружит его сиянием Коронованного, горящей звезды власти. И даст портрет фальшивого Коронованного, подлого и темного предателя.

— Когда это произойдет? — спросил Валентайн.

— Она ждет твоего одобрения.

— Тогда открой сегодня Леди свой мозг и скажи, что надо начинать.

Кон из Кианимонта сказал:

— Мне так странно все это! Война снов! Если бы я когда-нибудь усомнился, что я в чужом мире, эта стратегия убедила бы меня.

Валентайн с улыбкой ответил:

— Лучше сражаться снами, чем мечами и энергометами, дружище. Мы стараемся победить убеждением, а не убийством.

— Война снов, — растерянно повторил Кон.— У нас на Кианимонте все по-другому. Но кто скажет, что лучше? Правда, я думаю, что здесь будут не только послания, но и сражения, прежде чем все пойдет на лад, лорд Валентайн.

Валентайн печально посмотрел на синекожего.

— Боюсь, что ты прав.

Через пять дней они подошли к предместьям Пендивейна. Известие о их приближении разнеслось по всей округе. Фермеры прекратили работу и глазели на караван плавучих экипажей, а в наиболее населенных местах на шоссе стояли толпы.

Валентайн решил, что это хорошо.

Ни одна рука не поднялась против них.

Толпа смотрела с любопытством, не проявляла враждебности. Большего он не мог пожелать.

Но когда они были в дне пути от Пендивейна, передовой отряд вернулся с известием, что к западным воротам города идет вооруженный отряд.

— Солдаты? — спросил Валентайн.

— Гражданское ополчение, — ответил Ирманар, — наскоро организованное, судя по виду. У них нет униформы, только повязки с эмблемой горящей звезды на рукавах.

— Великолепно. Горящая звезда посвящена мне. Я пойду к ним и попрошу их быть лояльными.

— Что ты наденешь, милорд? — спросил Виноркис.

Валентайн растерянно указал на простую одежду, в которой приехал с Острова, — белую тунику и блузу.

Хьерт покачал головой.

— Ты должен быть одет богато, и нужна корона. Я думаю, это очень важно.

— Я не хотел бы появляться слишком подчеркнуто. Если они увидят человека в короне, но не с тем лицом лорда Валентайна, которое они знают, их первой мыслью будет, что я узурпатор.

— Я полагаю иначе, — возразил Виноркис.— Ты идешь к ним и говоришь, что ты истинный король. Однако ты не похож на короля. Простая одежда и легкие манеры хороши в спокойной дружеской беседе, но не перед собравшейся военной силой. Твоя одежда должна производить большее впечатление.

— А я как раз надеялся действовать просто и искренне, как действовал всегда, начиная с Пидруда.

— Простота и искренность — пожалуйста, но нужна еще и корона, — сказал Виноркис.

— Карабелла, Делиамбер, как вы считаете?

— Небольшая подчеркнутость не повредит, — сказал урун.

— Это будет твое первое выступление с требованием Замка, — заметила Карабелла, — и будет кстати царственная пышность.

Валентайн засмеялся.

— Боюсь, что за время странствий я отвык от таких костюмов. Мысль о короне мне теперь кажется смешной. Напяленная на голову изогнутая металлическая пластинка, немного драгоценностей...

Он остановился, видя, как они поразились.

— Корона, — продолжал он не так беспечно, — атрибут только внешний, безделушка, украшение. На детей такие игрушки производят впечатление, но взрослые люди...

Он снова умолк.

— Милорд, — сказал Делиамбер, — помнишь ли ты, что почувствовал, когда в Замке тебе впервые надели корону?

— Признаюсь, у меня дрожь прошла по телу.

— Да. Пусть корона — детское украшение, глупая безделушка, но она также — символ власти, она выделяет Коронованного из прочих, превращает просто Валентайна в наследника лорда Престимиона, лорда Конфалума, лорда Стиамота. Мы живем этими символами. Милорд, твоя мать Леди многое вернула тебе, но в тебе еще очень много от Валентайна-жонглера, это вообще неплохо. Но сейчас, я полагаю, нужно больше экспрессивности и меньше простоты.

Валентайн молча слушал Делиамбера, думая, что иногда нужно позволить себе некоторую театральность, чтобы добиться желаемого эффекта. Да, они правы, а он ошибался.

— Хорошо. Я надену корону, если ее успеют изготовить.

Один из людей Ирманара быстро сделал для него корону из кусочков испорченного механизма плавучей повозки — единственного запасного металла, который был под рукой. Рассматривая эту поспешную импровизацию, Валентайн подумал, что это работа мастера: места соединений были почти неразличимы, лучи горящей звезды располагались на равном расстоянии друг от друга, внутренние орбиты были гладко закольцованы. Конечно, ее нельзя было сравнить с подлинной короной из семи различных драгоценных металлов с инкрустацией, с отшлифованными редкими камнями, с тремя сверкавшими камнями диниаба на лобной части.

Но та корона, сделанная во время великого царствования лорда Конфалума, вызывавшая восторг больше всех других атрибутов имперской пышности, была сейчас далеко, а эта, заняв свое место на его голове, вероятно, магически окутается соответствующим величием. Валентайн долго держал ее в руках. Лишь недавно он смеялся над такими вещами, однако сегодня он испытывал перед этой короной некоторое благоговение.

— Милорд, — мягко сказал Делиамбер, — ополчение Пендивейна ждет.

Валентайн кивнул. Он оделся во взятый взаймы пышный наряд: зеленую пару, принадлежавшую одному из товарищей Ирманара, желтый плащ Эйзенхарта, тяжелую золотую цепь иерарха Лоривейд, высокие блестящие сапоги, отделанные белым мехом, позаимствованные у Насимонта.

Он не носил такой одежды с последнего банкета в Тил-омоне, и ему казалось странным быть одетым столь претенциозно. Не хватало только короны.

Он хотел было надеть ее, но резко остановился. Нравилось ему это или нет, но это был исторический момент: он надевает горящую звезду впервые в этом своем втором воплощении. И вдруг это событие показалось ему не столько маскарадом, сколько коронацией. Он беспокойно огляделся.

— Я не должен сам надевать ее, — резко сказал он.— Делиамбер, ты мой первый министр. Сделай это.

— Милорд, я недостаточно высокого роста.

— Я встану на колени.

— Так не́ годится, — резко возразил урун.

Он явно не хотел этого делать.

Валентайн взглянул на Карабеллу, но она отступила, шепча с ужасом:

— Я же из простонародья, милорд!

— Причем тут...

Валентайн тряхнул головой. Это начало ему надоедать. Он посмотрел на иерарха Лоривейд, величавую женщину с холодными глазами.

— Ты представительница Леди, моей матери, и ты высокого роста. Могу я просить тебя...

Но Лоривейд строго ответила:

— Милорд, корона дается Коронованному властью Понтифика. Самое подходящее, чтобы ее надел на тебя Ирманар, поскольку он среди нас самый высокий служащий Понтифика.

Валентайн вздохнул и повернулся к Ирманару.

— Полагаю, что это правильно. Ты сделаешь это?

— Это великая честь для меня, милорд.

Валентайн протянул корону Ирманару и опустил обруч Леди как можно ниже. Ирманар, человек невысокого роста, взял корону чуть дрожащими руками, приподнял и с величайшей осторожностью надел на голову Валентайна.

Корона была как раз впору.

— Ну, — сказал Валентайн — я...

— Лорд Валентайн! Виват, лорд Валентайн! Да здравствует лорд Валентайн!

Все пали перед ним на колени, и со знаком горящей звезды выкрикивали его имя, даже инопланетянин Кон.

Смущенный этим Валентайн делал протестующие жесты, он хотел сказать, что церемония не настоящая, что это все только для того, чтобы произвести впечатление на горожан Пендивейна, и слова не шли, потому что он знал, что они неискренние, что

импровизированное действо было фактически его второй коронацией. Он был удивлен и взволнован настолько, что почувствовал холод в спине.

Он стоял, простирая руки и принимая знаки почтения. Затем сказал:

— Встаньте. Пойдем. Пендивейн ждет нас.

Разведчики доложили, что ополчение и городские власти уже несколько дней стоят лагерем перед западными воротами Пендивейна, ожидая его прибытия. Но кто знает, каково настроение народа после столь долгого ожидания и какой прием собираются оказать Валентайну.

До Пендивейна оставался всего час езды. Промчались через леса и луга, а затем через жилые округа с маленькими каменными домами с островерхими крышами из красной черепицы. Дальше был сам город, столица провинции с населением в двенадцать миллионов. В основном он был торгово-промышленным складом, но через него шла в Пятьдесят Городов сельскохозяйственная продукция низин долины Глейта.

У ворот ждали по меньшей мере десять тысяч ополченцев. Они заполонили дорогу, проулки рыночной площади у внешней стены Пендивейна.

Они были вооружены энергометами, правда, в небольшом количестве, и оружием попроще. Передний край стоял напряженно, стараясь держаться по-солдатски, что для них было явно непривычным.

Валентайн приказал каравану остановиться в нескольких сотнях ярдов от передней линии, чтобы оставалось пространство буферной зоны.

Он вышел вперед. Справа от него шла иерарх Лоривейд в сверкавшем облачении высших служащих Леди, а слева — Ирманар с яркой эмблемой Понтифика на груди. За Валентайном следовали Залзан Кавол и его грозные братья, позади их — Лизамона Халтин в полной боевой форме со Слитом и Карабеллой по бокам, Отифон Делиамбер сидел на плече великанши.

Медленно, легко, безо всякой скованности ступил Валентайн величественным шагом в открытое пространство. Горожане Пендивейна зашевелились, смущенно переглядываясь, переминаясь с ноги на ногу. Настала страшная тишина.

Валентайн остановился в двадцати ярдах от передовой линии и сказал:

— Добрый народ Пендивейна, я законный Коронованный Маджипуры и прошу твоей помощи в возвращении мне того, что было даровано волею Божества и указом Понтифика Тивераса.

Тысячи широко раскрытых глаз неотрывно смотрели на него. Он чувствовал себя совершенно спокойно.

— Я прошу выйти вперед герцога Хельмсторга и Редварда Хелигорна, мэра Пендивейна.

В толпе произошло движение, затем она расступилась, и вышел дюлный мужчина в синем с оранжевой отделкой мундире. Лицо его казалось серым — от страха или напряжения. Черная перевязь мэра пересекала его широкую грудь. Он сделал несколько

неуверенных шагов к Валентайну, подавая яростные сигналы за спиной, чтобы стоящие перед ним не видели этого жеста. Через минуту пять или шесть муниципальных чиновников смущенно и неохотно встали позади мэра.

Толстяк сказал:

— Я Редвард Хелигорн. Герцога Хельмсторга вызвали в Замок лорда Валентайна.

— Мы уже встречались, мэр Хелигорн, — приветливо ответил Валентайн.— Не помнишь? Это было несколько лет назад, когда Коронованным был мой брат лорд Вориакс, а я ехал в Лабиринт с поручением к Понтифику. Я остановился в Пендивейне, ты дал банкет в большом дворце на берегу реки. Помнишь, мэр Хелигорн? Было лето, засушливый год, река сильно обмелела, не то что нынче.

Хелигорн облизал губы и хрипло сказал:

— Да, тот, кто стал лордом Валентайном, был здесь в сухой год, но он был черноволосым и бородатым.

— Правильно. Совершено страшное колдовство, мэр Хелигорн. Теперь в Горном Замке сидит предатель, а я изменен и выкинут. Но я лорд Валентайн и властью горящей звезды, которую ты носишь на рукаве, требую, чтобы ты принял меня как Коронованного.

Хелигорн совсем растерялся. Ему явно бы хотелось очутиться сейчас в любом другом месте или жарких пустынях Суврaеля.

Валентайн продолжал:

— Рядом со мной иерарх Лоривейд с Острова Снов, ближайшая наперсница моей матери, твоей Леди. Как ты думаешь, станет она обманывать тебя?

Иерарх сказала ледяным тоном:

— Это истинный Коронованный, и Леди проявит высшую любовь к тем, кто поддержит его.

— А вот Ирманар, высший слуга Понтифика Тивераса, — продолжил Валентайн.

— Вы все слышали, — сказал Ирманар, — указ Понтифика, что этого белокурого человека следует приветствовать как лорда Валентайна Коронованного. Кто из вас выступит против указа Понтифика?

На лице Хелигорна застыл ужас. Вероятно Валентайну еще труднее было бы иметь дело с герцогом Хельмсторгом, поскольку тот был высокого происхождения и отличался надменностью, его вряд ли мог смутить человек в самодельной короне и с небольшим отрядом странных спутников, но Редварду Хелигорну, простому выборному чиновнику, это дело могло показаться гораздо труднее. Он невнятно сказал:

— Был приказ из Замка лорда Валентайна, чтобы тебя схватить, связать и представить суду.

— В последнее время из Замка лорда Валентайна поступало немало неразумных, несправедливых приказов, не так ли, мэр Хелигорн? — продолжил Валентайн.— Это приказы узурпатора, они ничего не стоят. Ты слышал голоса Леди и Понтифика. Ты получал послания, требующие от тебя покорности мне.

— Были и другие послания, — прошептал Хелигорн.

— Да, от Короля Снов!

Валентайн засмеялся.

— А кто узурпатор? Кто украл трон Коронованного? Доминин Баржазид, сын Короля Снов! Теперь тебе понятны послания из Суврaеля? Ты понимаешь теперь, что произошло в Маджипуре?

Валентайн впал в транс и направил на беспомощного Хелигорна всю силу своего духа. Это было полное послание наяву от Коронованного.

Хелигорн зашатался. Лицо его пошло красными пятнами. Он отступил и ухватился за своих товарищей, чтобы удержаться на ногах, но те тоже получили волну от Валентайна и едва устояли.

— Окажите мне поддержку, друзья, — сказал Валентайн.— Откройте мне ваш город. Отсюда я пойду на завоевание Замка, и велика будет слава Пендивейна, первого города Маджипуры, восставшего против узурпатора!

Так пал Пендивейн без единого выстрела.

Редвард Хелигорн преклонил колени пред Валентайном и сложил знак горящей звезды, затем то же сделали его два заместителя. Внезапно тысячи людей стали оказывать ему знаки почтения и кричать, сначала неуверенно, а потом все громче:

— Валентайн! Лорд Валентайн! Да здравствует лорд Валентайн Коронованный!

Ворота Пендивейна открылись.

— Все так просто, — шепнул Валентайн Карабелле.— Может быть мы так дойдем до Замка на Горе? Испугать одного-двух жирных мэров и получить обратно трон без всякого протеста.

— Вряд ли, — ответила она.— Наверху тебя ждет Баржазид с телохранителями, и его не запугаешь словами и драматическими эффектами. Сражения неизбежны, Валентайн!

— Пусть бы было только одно!

Она слегка коснулась его руки.

— Ради тебя хочу надеяться, что будет только одно, и небольшое!

— Не ради меня, а ради всего мира. Я не хочу, чтобы мой народ гибнул, исправляя содеянное Доминином Баржазидом.

— Не думала, что короли могут быть такими мягкосердечными, милый. Ты опечален?

— Я боюсь грядущего.

— Грядущее — это непременно борьба, победа и восстановление порядка. Если ты хочешь быть настоящим Коронованным, помаши рукой своему народу, улыбнись и убери с лица трагическую маску.

Валентайн кивнул.

— Да, ты права.

Он взял ее за руку и быстро и нежно провел по ней губами. Повернувшись к толпе, выкрикивающей его имя, он поднял руки и принял приветствия.

Было до странности знакомо въезжать в большой город, где собрались приветствовавшие его толпы.

Он как бы вспоминал сон — начало своей великой церемониальной поездки, как плыл он по реке в Алейсор на западном

берегу, потом на Остров — преклонить колени перед матерью во Внутреннем Храме, потом большое морское путешествие в Зимроель. Народ приветствовал его в Пилиплоке, Велатисе, Нарабале. Парады, банкеты, шум, пышность. Затем Тил-омон, где его тоже встречали приветственными криками. Он вспомнил, как был удивлен, что Доминин Баржазид, сын Короля Снов, приехал из Суврaеля в Тил-омон, чтобы приветствовать его и дать пир в его честь. Баржазиды обычно оставались в своем прокаленном солнцем королевстве, сторонились людей и заботились только о своих сонных машинах, посылая послания поучающие, приказывающие или карающие. Банкет в Тил-омоне, бокал вина из рук Баржазида и... город Пидруд, фальшивые воспоминания о детстве где-то на востоке Зимроеля. И вот, теперь, столько времени спустя, на улицах большого города вновь выкрикивают его имя.

Очутившись в королевских апартаментах мэрии, Валентайн вызвал к себе Хелигорна, все еще ошеломленного и растерянного, и сказал:

— Мне нужна флотилия речных судов, чтобы двигаться к истокам Глейга. Расходы будут оплачены из имперской казны после моего восстановления.

— Слушаюсь, милорд.

— Сколько отрядов ты можешь мне дать?

— Каких отрядов?

— Ополчения, воинов, оруженосцев.

— Мы в Пендивейне не знаем военного искусства, милорд.

Валентайн улыбнулся.

— Никто на Маджипуре не знает военного искусства, благодарение Божеству. Однако, несмотря на наше миролюбие, мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает всем нам. Разве ты не чувствовал бремени новых непонятных налогов и непривычных указов в минувшем году?

— Конечно, но...

— Что? — резко спросил Валентайн.

— Мы думали, что новый Коронованный хочет показать свою власть.

— И вы спокойно позволяете давить на вас тому, кто должен служить вам?

— Милорд...

— Ладно. Ты будешь щедро вознагражден, когда я приведу все в порядок. Ты это понимаешь? Дай мне армию, мэр Хелигорн, и храбрость народа Пендивейна будет воспеваться в балладах тысячи лет.

— Я отвечаю за жизнь моего народа, милорд...

— Я отвечаю за жизнь еще двадцати миллиардов людей. Но без армии я незащищен. С армией я выступлю как король: имперские силы идут рассчитаться с врагом. Понимаешь, Хелигорн? Собери народ, скажи, что должно быть сделано, и вызывай добровольцев.

— Слушаюсь, милорд, — ответил мэр трепеща.

— И смотри, чтобы добровольцы были в самом деле добровольцами!

— Будет сделано, милорд, — пробормотал Хелигорн.

Армия собралась быстрее, чем ожидал Валентайн. Подбор, экипировка, провиант — все решалось быстро. Хелигорн действительно старался — может быть мечтал, чтоб Валентайн поскорее уехал в другой район.

Народное ополчение, ранее собравшееся защищать Пендивейн от вторжения претендента, теперь составило ядро поспешно созданной преданной армии — тысяч двадцать мужчин и женщин. Город с тринадцатью миллионами жителей мог бы дать и больше, но Валентайн не хотел опустошать Пендивейн. Он не забыл своего правила, что легче жонглировать дубинками, нежели стволами двикка. Двадцать тысяч — вполне приличная военная сила, и он уже давно разработал стратегию постепенного накопления поддержки. Даже колоссальный Зимр, как рассуждал Валентайн, начинается с простых ручейков где-то в северных горах.

Все речные суда на пятьдесят миль в окружности были призваны для транспортировки армии. Громадная флотилия двинулась к северу под зелеными с золотом флагами Коронованного.

Валентайн стоял на носу флагманского корабля. Рядом с ним были Карабелла, Делиамбер, адмирал Эйзенхарт. Омытый дождем воздух был чист и приятен, добрый свежий воздух Альханроеля дул с Горы Замка и создавал у Валентайна ощущение, что он наконец-то плывет домой.

Суда восточного Альханроеля были более обтекаемой формы, менее вычурны, чем те, которые Валентайн видел на Зимре. Большие, простые корабли, высокие и узкие, с мощными машинами, тянувшими суда против сильного течения Глейга.

— Быстрое течение, — заметил Валентайн.

— Так и должно быть, — ответил Эйзенхарт.

Он указал на какую-то невидимую точку далеко на севере и высоко в небе.

— Глейг начинается на нижних склонах Горы. На протяжении нескольких тысяч миль в него впадает десять рек, и вся масса воды противостоит нам, когда мы поднимаемся к истокам.

Моряк хьерт улыбнулся.

— Когда подумаешь о встрече с такой силой, плавание в океане покажется детской игрой. Я никогда не любил рек: узкие, быстрые... Нет, я предпочитаю открытое море, драконов и все такое — вот когда я счастлив.

Но Глейг, хоть и быстрый, был приручен. Когда-то из-за порогов и водопадов сотни миль его не были пригодны для навигации. Четырнадцать тысяч лет человеческого присутствия на Маджипуре все изменили. Дамбы, шлюзы, отводные каналы заставили Глейг, как и все шесть рек, спускающихся с Горы, почти на всем пути служить человеку.

Только внизу, где ровная долина позволяла реке разливаться, случались некоторые затруднения, да и то только в период больших дождей.

Провинции вдоль Глейга тоже были спокойными: зеленые фермерские поля, сменяющиеся большими городскими центрами.

Валентайн вглядывался вдаль, щуря глаза от яркого утреннего

света, и искал серую громаду Горного Замка, но на расстоянии двух тысяч миль не видна была даже Гора, как она ни была огромна.

Первым большим городом вверх по реке после Пендивейна был Макропрозопос, славившийся своими ткачами и художниками.

Когда корабли подошли ближе, Валентайн увидел, что порт украшен огромными эмблемами Коронованного, видимо, поспешно вытканными.

— Что означают эти флаги? — задумчиво спросил Слит.— Откровенную преданность темному Коронованному или капитуляцию перед тобой?

— Конечно, это уважение к тебе, милорд, — сказала Карабелла.— Они знают, что ты идешь вверх по реке, вот и повесили флаги, чтобы приветствовать тебя.

Валентайн покачал головой.

— Я думаю, этот народ просто осторожничает. Если мои дела пойдут плохо, всегда можно сказать, что эти флаги — знак преданности темному Коронованному. Если же тот падет, город скажет, что признал меня вслед за Пендивейном. Я думаю, мы не позволим им такой двусмысленности. Эйзенхарт!

— Да, милорд?

— Веди нас в гавань Макропрозопоса.

Валентайн отнесся к этому, как к игре. Особой надобности причаливать не было, и он меньше всего хотел сражаться с ненужным городом так далеко от Горы, но важно было испытать свою стратегию.

Проверка удалась почти сразу. Он был еще далеко от берега, когда услышал крики:

— Да здравствует лорд Валентайн! Да здравствует Коронованный!

Мэр города выбежал на пирс с приветствием и с дарами — тюками прекрасных тканей, изготовленных в его городе. Мэр считал стрельбу и сражения ненужными и охотно отдал восемь тысяч своих горожан для армии восстановления.

— В чем тут дело? — спросила Карабелла.— Может они признают Коронованным любого, кто достаточно громко потребует трон и помашет несколькими энергометами?

Валентайн пожал плечами.

— Это миролюбивый народ, спокойный, привыкший жить хорошо и богато. Он тысячелетиями процветал и хочет жить так дальше. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда ему, вот он и сдался сразу же, как только мы вошли в гавань.

— Все так, — сказал Слит, — а если через неделю сюда приедет Баржазид, они столь же охотно будут кланяться и ему?

— Вероятно. Но я пользуюсь моментом. Поскольку эти города стали на мою сторону, другие побоятся отказать мне в преданности. Немножко паники не помешает, верно?

Слит нахмурился.

— То, что ты сейчас делаешь, может сделать любой, и это мне не нравится. Что, если через год появится рыжий лорд Валентайн и скажет, что он настоящий Коронованный? Что, если какой-нибудь лимен потребует, чтобы все вставали перед ним на колени, и своих соперников назовет колдунами? Этот мир сойдет с ума.

— Помазанный Коронованный только один, — спокойно ответил Валентайн, — и народ этих городов, независимо от мотивов, поклоняется воле Божества. Когда я вернусь в Горный Замок, не будет больше ни узурпаторов, ни претендентов. Это я обещаю.

Однако про себя он согласился с тем, что сказал Слит. На какой хрупкой связи, думал он, держится наше правительство! Только одна добрая воля поддерживает ее. Доминин Баржазид показал, что измена может погубить добрую волю, а запугивание тоже можно считать изменой. Но когда закончится этот конфликт, станет ли Маджипура прежней?

После Макропрозопоса были другие города, и все они не замедлили признавать власть светловолосого лорда Валентайна.

На это и надеялся лорд Валентайн. Эти речные жители не испытывали тяги к войне, и ни один из этих городов не подумал вступить в сражение ради того, чтобы выяснить, кто из соперников истинный Коронованный. Раз Пендивейн и Макропрозопос покорились, остальные быстро присоединились к ним. Но Валентайн понимал, что эти города с той же готовностью признают темного Коронованного, если удача придет к нему.

Законность, помазание, воля Божества — все это в реальном мире значит куда меньше, чем предполагают в Горном Замке.

Но все-таки лучше хотя бы номинальная поддержка приречных городов. С каждого он взял рекрутов — немного, по тысяче с города, однако армия его быстро росла и он опасался, как бы она не оказалась слишком неповоротливой. Хотел бы он знать, что думает Доминин Баржазид о событиях вдоль Глейга. Может он трусит, полагая, что все двадцать миллиардов жителей Маджипуры выступили против него? Или он просто тянет время, выстраивая защиту, и готов ввергнуть всю планету в хаос, лишь бы не сдать Замок?

Путешествие по реке продолжалось.

Они приближались к громадному плато, и в иные дни Глейг, казалось, поднимался перед ними вертикальной стеной воды.

Все здесь было знакомо Валентайну, потому что в юности он часто бывал в верховьях всех Шести Рек, охотился или рыбачил с Вориаксом или Илидатом, а то просто убегал с уроков. Его память восстановилась почти полностью, процесс излечения продолжался, и вид хорошо знакомых мест высвечивал из темноты образы прошлого, которые пытался стереть Доминин Баржазид... В городе Джерико, здесь, в верховьях Глейга, Валентайн, однажды всю ночь играя со старым уруном в кости, проиграл кошелек, меч, верховое животное, свое благородное звание и все земли, кроме одного клочка болота, а затем все отыграл. Правда, он всегда подозревал, что его компаньон осторожно поворачивал вспять поток успеха вместо того, чтобы радоваться беде.

Как бы то ни было, это был полезный урок. А в Гизельдорне в одной из войлочных палаток он с Вориаксом провел веселую ночь с черноволосой ведьмой, которая утром привела их в трепет, раскинув семена пингла на их будущее и объявив, что им обоим суждено стать королями. Вориакс был очень расстроен этим пророчеством, поскольку решил, что они должны будут править

совместно, как вместе обнимали ведьму, а такое правление было неслыханным делом на Маджипуре. Им не пришло в голову, что Валентайн сможет стать преемником Вориакса. А в Эмблиморне, самом юго-западном из пятидесяти городов, Валентайн, тогда еще почти мальчик, скакал через лес, упал и сломал левую ногу. Обломки кости торчали сквозь кожу, и Илидат сам наложил повязку, прежде чем удалось добраться до лекаря. После этого осталась легкая хромота. Но теперь эта нога, с удовольствием подумал Валентайн, досталась Доминину Баржазиду, а у тела, которое дали Валентайну, нет никаких изъянов.

Все эти и многие другие города сдавались ему. Теперь под его знаменами было пятьдесят тысяч отрядов.

Эмблиморн был слишком далеко, чтобы армия могла отправиться по воде. Река здесь была целым лабиринтом притоков и каналов. Валентайн послал Ирманара с тысячью воинов вперед — найти сухопутные экипажи.

Теперь силы Валентайна были такими мощными, что Ирманар сумел забрать все плавучие повозки в трех провинциях, причем без всяких возражений, так что в Эмблиморне множество экипажей ждало подхода основной армии.

Командовать такой большой армией в одиночку Валентайн уже не мог. Его приказы поступали через его военного маршала Ирманара пяти высшим офицерам — Карабелле, Слиту, Залзану Каволу, Лизамоне и Эйзенхарту, командовавшим дивизиями.

Шанамир, заметно выросший и окрепший, служил главным связным офицером.

— Мы готовы выступить, милорд, — доложил Шанамир.— Я отдам приказ?

Валентайн кивнул.

— Прикажи первой колонне выступить. Если мы выйдем сейчас, то к полудню будем в Бимбеке.

— Есть, сэр.

— Да, вот еще что, Шанамир.

— Да, сэр?

— Я знаю, это война, но ты выглядишь слишком уж серьезным.

Шанамир покраснел.

— Но ведь это серьезное дело? Под нашими ногами земля Горного Замка!

Он, казалось, благоговел перед предстоящим, фермерский сын из далекого Фалкинкипа.

Валентайн понимал его чувства. Зимроель, казалось, был в миллионах миль отсюда.

Валентайн улыбнулся и сказал:

— Скажи, Шанамир, правильно ли я запомнил: сто весовых единиц составляют крону, десять крон — роал, а цена сосисок...

Шанамир смутился, потом фыркнул, стараясь удержаться от смеха, но в конце концов захохотал.

— Ох, милорд!

— Помнишь, в Пидруде я хотел заплатить за сосиски

пятидесятироаловой монетой? Помнишь, ты считал меня простаком? Легкодум, как ты говорил. Видимо, я действительно был тогда простаком.

— Это было так давно, милорд.

— Верно. Но, наверное, я все еще простак: лезу на Гору и пытаюсь вернуть себе трудную и ответственную работу управления. А может, я и не простак? Надеюсь, что нет. А ты не забывай почаще улыбаться. Пойди, прикажи первой колонне выступать.

Мальчик выбежал. Валентайн поглядел ему вслед. Как далек теперь Пидруд, в миллионах миль, миллионах лет! А ведь прошло всего полтора года с тех пор, как он стоял на вершине, смотрел на Пидруд и думал, что делать дальше. Шанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол! Жонглирование на провинциальной сцене, ночевки на соломенных матрасах в грязных гостиницах... Какое же это было удивительное время, свободная, легкая жизнь, ничего не было важнее, чем чтобы тебя наняли в следующем городке и чтобы дубинка не упала к ногам, чего, кстати, ни разу не случилось. Как хорошо, что Залзан Кавол взял его к себе в труппу! Как хорошо, что Слит и Карабелла взялись обучать его своему искусству. Среди них был Коронованный Маджипуры, и никто этого не знал. Кто из них мог вообразить, что задолго до того, как состарится, перестанет жонглировать, он станет генералом и поведет армию освобождения на Замок на Горе.

Первая колонна выступила. Плавучие повозки двинулись вверх по бесконечным склонам между Эмблиморном и Замком.

Пятьдесят городов Горы Замка расходились концентрическими кругами от пика Замка. По внешнему, самому большому кольцу шло двенадцать городов, так называемые Города Склона. Это были промышленные и торговые центры, и в самом малом из них было девять миллионов жителей. Города Склона, основанные десять или двенадцать тысяч лет назад, предпочитали не трогать свою архаику: улицы их когда-то были распланированы рационально, но давно уже перепутались и потеряли первоначальный вид из-за беспорядочных изменений. У каждого города была своя особая прелесть, которой он славился во всем мире. Валентайн бывал не во всех этих городах — не хватало времени, но многие посетил — Бимбек Восточный и Бимбек Западный с их башнями в милю высотой из сверкающего хрустального кирпича, Форибл и его сказочный сад каменных птиц, Канзалейн с говорящими статуями. Между этими городами располагались королевские парки, заповедники флоры и фауны, охотничьи зоны и священные гробницы. Все это простиралось на тысячи квадратных миль — места достаточно, чтобы цивилизации развиваться без толчеи и спешки.

На сто миль выше по Горе лежало кольцо девяти Свободных Городов. Среди ученых шли споры о происхождении этого названия, потому что на Маджипуре все города были свободными. Большинство ученых считали, что когда-то при лорде Стиамоте эти девять городов были освобождены от налогов в знак особой милости Коронованного. И потом Свободные Города требовали подобной привилегии, и часто ее добивались.

Самым большим из Свободных Городов был Сти на реке того

же названия, с тридцатимиллионным населением. Он был так же велик, как Ни-моя, а по слухам, даже больше. Валентайну не верилось, что есть город, равный по пышности Ни-мое, но сам он ни разу не был в Сти, да и теперь не заедет, поскольку Сти расположен совсем в другой стороне.

Еще выше было одиннадцать Сторожевых Городов, все большие. Поскольку окружность Горы с высотой уменьшалась, Сторожевые Города располагались друг к другу ближе, чем нижние, и считалось, что через несколько столетий они сольются и опояшут среднюю часть Горы Замка.

Внутри этого кольца лежало девять Внутренних Городов. Валентайн хорошо знал их с детства. В Хелонксе он родился, в Сайперлите жил во время правления Вориакса, потому что этот город был ближе всего к Замку, Высокий Морпин был его любимым местом в праздничные дни. Он часто приезжал сюда кататься на зеркальных горах.

Ах, как это было давно!

Теперь, когда он двигался с армией по дорогам Горы, он часто смотрел вдаль, надеясь хоть одним глазом увидеть Сайперлит, Желенкс или Высокий Морпин. Но надеяться на это было рано. Дорога из Эмблиморна шла между Восточным и Западным Бимбеками, а затем вокруг зубчатого Гребня Норморк к городу Норморку, знаменитому своей внешней каменной стеной — имитацией великой стены Велализира. Бимбек Восточный принял Валентайна как законного монарха и освободителя, в Западном же Бимбеке прием был заметно менее теплым, хотя сопротивления не оказали, но население явно не решило, выгодно ли городу это удивительное противостояние. В Норморке большие Ворота Деккерета были закрыты и запечатаны, возможно, впервые со времени их постройки. Это можно было воспринять как недружественный жест, но Валентайн предпочел расценить его как декларацию нейтралитета и проехал мимо, не сделав попыток войти в город. Он меньше всего был настроен осаждать города. Подумал, что легче просто не считать его врагом.

За Норморком дорога пересекала Барьер Толингар, который был вовсе не барьером, а парком — сорок миль тщательно ухоженного парка для развлечений граждан трех городов. Каждое дерево, каждый куст здесь стриглись и обрезались по-особому. Ни одной кривой ветки, ни одного лишнего побега. Если бы все жители Замка на Горе работали тут садовниками, даже круглосуточным тяжелым трудом они не смогли бы достичь такого совершенства.

Вот таким было парковое искусство четыре тысячи лет назад при лорде Хевилбоне и последующих трех его преемниках.

Эти растения формировались сами, причем никогда не нарушая симметрий. Секрет такого садоводческого волшебства давно был утерян.

Армия достигла уровня Свободных Городов. Стоя рядом с Валентайном на вершине Барьера Толингар, Шанамир сказал:

— Я думал, что с Горы откроется весь путь до Пидруда, а мы даже Лабиринт не различаем! А поднимемся еще выше — больше увидим?

— Нет, — сказал Валентайн.— Ниже Сторожевых Городов все скрыто облаками. Иногда можно забыть о существовании всего остального на Маджипуре.

— Наверху, наверное, очень холодно? — спросил мальчик.

— Нет, не холодно. Так же, как здесь, даже теплее. Там вечная весна, воздух мягкий и легкий, всегда цветут цветы.

— Но ведь Гора уходит в небо! Горы Кинторы не такие высокие, их и не сравнить с Горой Замка, но я слышал, что на их вершинах лежит снег и иногда он остается на все лето. Замок, наверное, темен, как ночь, и холоден, как смерть.

— Нет. Машины древних поддерживают там вечную весну. Они погружаются глубоко в Гору и добывают энергию — я не знаю, как — и перерабатывают ее в тепло, свет, чистый воздух. Я видел эти махины — металла хватило бы, чтобы построить город, гигантские насосы, медные трубы...

— Где мы сейчас, Валентайн? Близко?

— Даже полшути не прошли.

Валентайн покачал головой.

Самая прямая дорога проходила вверху по Свободным Городам между Байбируном и Верхним Сонбрейком. Это было широкое, с легким подъемом плечо Горы. При подходе к Байбируну Гарцвел, теперь квартирмейстер, сказал Валентайну, что армии нужны свежие фрукты и мясо. Разумнее всего было возобновить запасы провианта, прежде чем начать подъем к Сторожевым Городам.

Байбирун насчитывал двенадцать миллионов жителей, он вытянулся вдоль стомильного гребня, нависавшего над Горой. К нему можно было подойти лишь с одной стороны — от Верхнего Сонбрейка через ущелье, такое узкое, что сотня воинов могла бы защитить его от миллиона. Валентайн не удивился, что ущелье было занято, пожалуй, больше, чем сотней воинов.

Ирманар и Делиамбер отправились на переговоры. Вернувшись, они сообщили, что отрядами в ущелье командует герцог провинции, чьей столицей был Байбирун, Хайтлог, и что он желает говорить с лордом Валентайном.

— Кто такой этот Хайтлог? — спросила Карабелла.— Ты его знаешь?

— Не очень близко. Он из семьи Тивераса. Надеюсь, у него нет причин меня бояться.

— Если он пристукнет тебя в этом проходе, — сказал Слит, — благодарность Доминина Баржазида ему обеспечена.

— Чтобы потом все ночи страдать во сне? — спросил Валентайн.

Он засмеялся.

— Правда, он любит выпить, но не убийца. Он из знатной семьи.

— Как и Доминин Баржазид, милорд.

— Даже сам Баржазид не рискнул убить меня, когда у него была такая возможность. Пошли, не будем терять время.

Валентайн, сопровождаемый Ирманаром, Эйзенхартом и Делиамбером, пешком дошел до входа в ущелье, их ждали герцог и трое его сторонников.

Хайтлог был могучим, широкоплечим человеком с густыми седыми кудрями и мясистым лицом. Он внимательно разглядывал Валентайна, как бы желая распознать под внешностью этого светловолосого незнакомца душу истинного Коронованного. Валентайн салютовал ему, как полагалось Коронованному приветствовать провинциального герцога — прямым взглядом и повернутой наружу ладонью, и Хайтлог тут же пришел в затруднение, явно не зная, как правильно вести себя. После небольшой паузы он сказал:

— Сообщалось, что ты лорд Валентайн, измененный колдовством. Если это так, я приветствую тебя, милорд.

— Поверь мне, Хайтлог, это так.

— Были послания насчет этого. Но были противоположные.

Валентайн улыбнулся.

— Послания Леди всегда правдивы, послания Короля сообразуются с поступками его сына. Ты получил инструкции из Лабиринта?

— Что мы должны признать тебя? Да. Но все-таки это странно. Если я не должен верить тому, что слышу из Замка, то почему я должен верить приказам из Лабиринта? Может, они поддельные?

— Здесь с нами Ирманар, высокий служащий твоего прадяди Понтифика Тивераса. Он здесь не как пленник и может показать тебе печати Понтифика.

Герцог пожал плечами. Глаза его буравили Валентайна.

— Трудно поверить, что Коронованного можно было таким образом изменить. Если это правда — тогда всему можно верить. Чего ты хочешь от Байбируна, милорд?

— Нам нужны фрукты и мясо. Нам предстоит еще пройти сотни миль, а голодный — не воин.

Дернув щекой, Хайтлог сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что находишься в Свободном Городе.

— Знаю. Так что из этого?

— Может кто и забывает о древних традициях, но мы в Свободных Городах придерживаемся их, и мы не обязаны снабжать правительство товарами иначе как по законно установленным ценам. Стоимость провианта для такой армии...

— Все будет полностью оплачено из имперской казны, — резко сказал Валентайн.— Мы не просим у Байбируна ничего даром.

— А имперская казна с тобой?

Валентайн ответил с некоторой злостью:

— Имперская казна в Горном Замке, как это повелось со времен лорда Стиамота. Когда я дойду до Замка и вышвырну узурпатора, я полностью расплачусь за все, что мы здесь купим. Разве Коронованному более не отпускают в кредит?

— Отпускают, — осторожно сказал Хайтлог.— Но тут есть сомнения, милорд. Мы — народ бережливый, и какой позор падет на нас, если обнаружится, что мы дали кредит тому, кто предъявил нам фальшивые требования!

Валентайн пожал плечами.

— Ты называешь меня милордом, а сам говоришь о сомнениях.

— Я не уверен. Признаюсь.

— Хайтлог, отойдем на минутку и поговорим наедине.

— Да?

— Отойдем на десять шагов. Не думаешь ли ты, что я вцеплюсь тебе в глотку, как только ты отойдешь от своих телохранителей? Я хочу сказать тебе кое-что, о чем ты, возможно, не хотел бы говорить перед всеми.

Герцог, недовольный и надутый, кивнул и отошел с Валентайном. Валентайн тихо сказал:

— Когда ты был в Горном Замке на моей коронации, ты сидел за столом рода Понтифика и выпил четыре или пять фляжек молдемарского вина, помнишь? Вдрызг пьяный, ты встал, чтобы потанцевать, споткнулся о ногу своего кузена Илзандера и растянулся, а потом вступил бы с ним в драку, если бы я не оттащил тебя. Ну, ничего из этого тебе не знакомо? Откуда бы мне знать об этом, если бы я был обманщиком?

Лицо Хайтлога залилось краской.

— Милорд...

— Вот теперь ты сказал это с большим убеждением.

Валентайн тепло похлопал герцога по плечу.

— Все в порядке, Хайтлог. Помоги мне, и когда приедешь в Замок праздновать мою победу, получишь еще пять фляжек доброго молдемарского. Надеюсь, ты будешь более осторожным, чем в тот раз.

— Милорд, чем я могу служить тебе?

— Я уже сказал. Нам нужны свежие фрукты и мясо. Мы рассчитаемся, когда я стану Коронованным.

— Пусть будет так. Но станешь ли ты Коронованным?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наверху ждет армия, и немалая, милорд. Лорд Валентайн — я имею в виду того, кто зовется этим именем,— созывает сотни и тысячи горожан для защиты Замка.

— Где собирается армия?

— Между Эртсод Гренд и Бомбифейлом. Он стягивает ее во все Сторожевые Города и в города над ними. Реки крови потекут с Горы, милорд!

Валентайн отвернулся и на миг закрыл глаза. Боль и отчаяние захлестнули его разум. Это было неизбежно, в этом не было ничего неожиданного, именно так он и предполагал с самого начала. Доминин Баржазид позволит ему пойти по нижним склонам, а на верхних подступах выставит мощную защиту, используя против Валентайна его же собственных королевских телохранителей, рыцарей высокого происхождения, с которыми Валентайн рос.

На мгновение решимость Валентайна снова поколебалась. Стоит ли становиться во второй раз Коронованным ценою хаоса, кровопролития и агонии своего народа? Может быть, была воля Божества, чтобы его, Валентайна, скинули? Если он воспротивится этой воле, не вызовет ли он этим страшный катаклизм на равнинах

выше Эртсод Гренд, который нанесет удар по душе всего народа, его же ночи будут мучительными из-за сознания собственной вины, и его имя будет проклято навеки?

Он еще мог вернуться назад, мог отказаться от столкновения с силами Баржазида, мог принять приговор судьбы.

— Нет!

Он уже вел эту борьбу с самим собой и победил, и не нужно начинать все снова.

Ложный Коронованный — человек ограниченный и опасный, и все, что он делает, противозаконно.

Этого нельзя допустить.

— Милорд! — окликнул Хайтлог.

Валентайн повернулся к герцогу.

— Мысль о войне причиняет мне боль, Хайтлог.

— Она никому не нравится, милорд.

— Однако приходит время, когда войны не избежать, иначе произойдет худшее. Я думаю, сейчас именно такое время.

— Похоже, что так.

— Значит, ты признаешь во мне Коронованного, Хайтлог.

— Просто претендент не мог бы знать, что я напился на коронации.

— Ты будешь сражаться рядом со мной на Эртсод Гренд?

— Конечно, милорд. Сколько отрядов ты возьмешь из Байбируна?

— Скажем, пять тысяч. Огромная армия мне не нужна.

— Пять тысяч воинов твои, милорд. Если хочешь, бери больше.

— Пять тысяч хватит, Хайтлог. Спасибо тебе, что ты веришь в меня. А теперь давай займемся фруктами и мясом.

Стоянка в Байбируне была короткой — только чтобы Хайтлог успел собрать воинов и захватить необходимый провиант. А затем путь вверх. Валентайн ехал впереди со своими пидрудскими друзьями. Он радовался их благоговению и изумлению, тому, что ахает от восторга Карабелла и даже Залзан Кавол что-то ошеломленно бормочет, когда перед ним открывается красота Горного Замка.

Чем выше, тем чище и приятнее становился воздух, потому что они все ближе подходили к громадным машинам, поддерживающим на Горе вечную весну. Скоро стали видны очертания Сторожевых Городов.

Гора здесь была громадным серым гранитным щитом, верхние склоны которого поднялись так высоко, что исчезали в море облаков. Небо было поразительно яркого голубого цвета, глубже по тону, чем над нижними землями Маджипуры.

Валентайн помнил, как ему нравилось это небо, как неприятно было спускаться вниз, в обычный мир обычных красок. У него захватило дух, когда он снова увидел это небо. Весь холм и гребень, казалось, были окружены искрившимся нимбом таинственного света. Даже пыль вдоль края шоссе казалась блестящей. Вдали можно было увидеть небольшие города-спутники, а высоко над

ними — несколько крупных центров. Эртсод Гренд был прямо впереди. Его громадные черные башни отчетливо виднелись на горизонте.

Валентайн смущенно отвернулся, глаза его вдруг увлажнились. Потом попросил Карабеллу:

— Спой мне.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Мы пели это в Тил-омоне. Гору Замка там считали выдуманным местом, романтической грезой.

Она замолчала, опустила арфу и отвернулась.

— В чем дело, дорогая?

— Ничего. Просто я забыла слова.

— Карабелла!

— Ничего, я же сказала!

— Прошу тебя...

Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы.

— Это все так удивительно, Валентайн,— прошептала она,— и так странно, так страшно...

— Удивительно — да, но не страшно.

— Это прекрасно, я понимаю. Я и представить себе не могла такие города, такие горы и все прочие чудеса. Только...

— Что?

— Ты возвращаешься домой, Валентайн, к своим друзьям, родным, может, и любовницам. Как только мы выиграем войну, все они соберутся вокруг тебя, будут водить по банкетам и празднествам, и...

Она замолчала.

— Я не хотела говорить тебе этого.

— Говори.

— Милорд...

— Не надо официальности, Карабелла.

Он взял ее за руки и заметил, что Шанамир и Залзан Кавол отошли в другой конец фургона.

— Милорд,— сказала она отрывисто,— что будет с девушкой-жонглером из Тил-омона, когда ты снова окажешься среди принцев и леди в Замке?

— Разве я давал тебе понять, что я тебя брошу?

— Нет, милорд, но...

— Зови меня Валентайном. Что «но»?

Она покраснела и выдернула свою руку.

— Этот герцог Хайтлог вчера заметил, что ты обнял меня... Ты не видел его улыбки! Словно я просто игрушка-безделушка, которую в любое время можно выбросить.

— Я думаю, ты слишком многое прочла в его улыбке,— медленно сказал Валентайн.

Он и сам заметил эту улыбку и был смущен. Он понимал, что для Хайтлога и других людей того же ранга Карабелла — всего лишь случайная наложница самого низкого происхождения, не заслуживающая ничего, кроме презрения. В его прежней жизни в Замке подобные сословные различия были в порядке вещей, но он давно

уже был изгнан с Горы и на многое теперь смотрел иначе. Опасения Карабеллы были реальными.

Однако эту проблему следовало решать в свое время. Сейчас на первом плане было другое. Он ласково сказал:

— Хайтлог слишком налегает на выпивку, душа его загрубела. Не обращай внимания. Ты будешь среди самых высших особ Замка, и никто не посмеет отнестись к тебе пренебрежительно. А теперь заканчивай песню.

— Ты любишь меня, Валентайн?

— Да. Но когда у тебя красные и распухшие глаза, я люблю тебя меньше.

— Такое можно сказать только ребенку, ты считаешь меня ребенком?

— Я считаю тебя женщиной, умной и привлекательной. Какого ответа ты ждешь?

— Что ты меня любишь. Без дополнений.

— Извини. Впредь я буду осторожнее в выражениях. Так ты будешь петь?

Она снова взяла арфу.

Все утро они поднимались наверх. Валентайн выбрал Пайниторское шоссе, проходившее по пустынному каменистому плато. Никто им не препятствовал.

— Они не станут пытаться остановить тебя,— сказал Хайтлог,— пока ты не подойдешь к Сторожевым Городам. Захватить тебя они хотят там.

— Там будет достаточно места,— сказал Валентайн.

В долине он остановил свою армию и начал совещание с командирами. Разведчики принесли известия, свинцом легшие на плечи Валентайна: огромнейшая армия заполнила широкую, в сотни квадратных миль равнину ниже Внутреннего Города Бомбифейл. В основном там была пехота, но и плавучие повозки, и верховые отряды, и корпус молиторов — по крайней мере в десять раз больше того числа боевых зверей, что ждали на берегах Глейга. Но Валентайн не выказал уныния.

— Значит, соотношение — двадцать к одному. Неплохо. Жаль, что их не больше. Такая армия неповоротлива, и нам было бы легче.

Он постучал по карте.

— Они стоят здесь, в равнине Бомбифейла и, конечно, видят, что мы движемся прямо на них. Они рассчитывают, что мы поднимемся к Проходу Перитол на западе равнины, и там поставят самую сильную охрану. А мы как раз туда и пойдем.

Валентайн услышал недовольный вздох Хайтлога, увидел удивленный взгляд Ирманара и спокойно продолжил:

— Они пошлют туда подкрепления. Как только они войдут в Проход, они утратят мобильность. Перегруппироваться и сменить направление будет для них делом нелегким. А мы тут же повернем обратно, поднимемся прямо в центр их лагеря и пробьемся к самому Бомбифейлу. Выше него дорога на Верхний Морпин, которая приведет нас к Замку. Есть вопросы?

— А что, если между Бомбифейлом и Верхним Моршином нас ждет вторая армия? — спросил Ирманар.

— Спроси об этом, когда мы пройдем Бомбифейл. Есть еще вопросы?

Все молчали.

— Хорошо. Тогда вперед!

Еще день — и они въехали в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города.

Теперь они были в облачной зоне, прохладной и влажной, где солнце едва проглядывало сквозь постоянный туман. Растения, которые внизу были едва по колено человеку, здесь достигали гигантских размеров, листья были величиной с большое блюдо, черенки, как древесный ствол, и все это сверкало, усыпанное блестящими каплями росы.

Рельеф здесь был сильно изрезанным: из глубоких долин резко поднимались горы и дорога круто вилась вокруг конических пиков. Выбор пути крайне сузился: на западе непроходимые горы, похожие на клыки, на востоке — широкий и удобный склон Бомбифейлской Равнины, а впереди — ряд гигантских естественных ступеней с каменными стенами по бокам — Проход Перитол, где, если Валентайн не ошибался, ждали отборные отряды узурпатора.

Валентайн не спеша вел свою армию к Проходу. Четыре часа езды, ночлег, и с утра все сначала. Воздух Замка бодрил, и можно было ехать много быстрее, но Валентайн подозревал, что враг следит за ними с высоты и хотел дать ему больше времени для наблюдения и принятия мер.

На следующий день они ехали шагом, потому что уже видны были ступени Прохода. Делиамбер, поколдовав, послал свой дух вперед и сообщил, что армия защиты действительно заняла проход, а вспомогательные отряды вытянулись к западу от Бомбифейлской Равнины и готовы оказать поддержку.

Валентайн улыбнулся.

— Теперь уже недолго. Они в наших руках.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить лагерь на лугу. Фургоны были поставлены защитной стеной, фуражиры отправились собирать сучья для костров, квартирмейстеры начали раздавать ужин. Когда наступила ночь, лагерь получил неожиданный приказ ехать дальше, оставив горящие костры и часть фургонов.

Валентайн чувствовал, как растет его возбуждение. Он видел, как снова загорелись глаза Карабеллы, как выделился старый шрам на щеке Слита. Это были незабываемые часы напряжения перед событиями, которые вот-вот произойдут.

— Прежде,— сказала Карабелла — ты, наверное, глубоко постиг военное искусство, раз придумал такой маневр.

Валентайн засмеялся.

— Не прошло и ста лет после смерти лорда Стиамота, как военное искусство было забыто. Я ничего не знаю о войне, Карабелла.

— А как же...

— Догадался. Случайность. Жонглирую по крупной на ходу.

Он подмигнул.

— Только никому не говори об этом. Пусть думают, что их полководец гений.

В облачном небе не видно было звезд и луна едва светила. Армия Валентайна двигалась к Бомбифлейской Равнине, освещая себе путь световыми шарами.

Делиамбер сидел рядом с Валентайном и Ирманаром, он был в глубоком трансе, определял впереди барьеры и препятствия. Валентайн молчал.

Он чувствовал себя удивительно спокойным.

Да, думал он, это действительно по крупному счету жонглирование. Теперь он, как раньше в труппе, переместился в то спокойное место в центре своего сознания, где обрабатывал информацию о постоянно меняющемся рисунке событий, по существу даже не зная о событиях. Все делалось в свое время, с одним только знанием эффективной последовательности.

За час до рассвета они дошли до места, где дорога поворачивала вверх к входу на равнину. Валентайн снова созвал командиров.

— Только три приказа: держаться плотной стеной, не отнимать жизнь без необходимости, пробиваться вперед. Сегодня завтракаем в Бомбифейле, а ужинаем завтра в Замке лорда Валентайна!

Настал момент, которого давно страшился Валентайн: он должен был повести граждан Маджипуры против граждан Маджипуры, своих друзей по странствиям против наперсников своей юности. Но теперь этот миг пришел, и Валентайн был твердым и спокойным.

В сером свете зари вторгшаяся армия прокатилась по краю равнины, и в утреннем тумане Валентайн впервые увидел легионы противника. Равнина, казалось, была заполнена черными палатками. Всюду солдаты, повозки, животные, молиторы — волна хаоса.

Валентайн построил свои силы клином: самые храбрые и преданные в передних фургонах фаланги, отряды герцога Хайтлога — в середине, а тысячи ополченцев из Пендивейна, Макропрозопоса и других городов Глейга составляли арьергард, хороший не столько умением, сколько числом.

В армии освобождения были представлены все расы Маджипуры — скандары, уруны, целая орда лименов, множество хьертов и гайрогов, даже небольшой элитарный корпус су-сухерисов. Сам Валентайн ехал в одной из трех тачек передней части клина, но не в центральной: там Ирманар готовил главный удар по контрнаступлению узурпатора.

Повозка Валентайна была в правом крыле, Эйзенхарта — в левом, а сразу за ними вели колонны Слит, Карабелла, Залзан Кавол и Лизамона.

— Вперед! — отдал приказ Валентайн.

Битва началась.

Повозка Ирманара рванулась вперед, затрубили рога, вспыхнули огни. Валентайн двинулся следом и, взглянув в дальний конец

поля, увидел, что Эйзенхарт держится молодцом. Его части плотным клином двинулись по равнине, и сразу же основная масса защитников рассыпалась в беспорядке. Передний край сил узурпатора рухнул с пугающей резкостью, словно это была намеренная стратегия. Отряды метались в панике, сталкивались, путались, хватались за оружие или просто искали спасения. Громадную равнину захлестнуло волнами беспорядочно отступавших фигур. Вторгшаяся фаланга продвигалась вперед через эти волны.

Произошел небольшой обмен огнем: раздалось несколько случайных выстрелов энергометов. Руководство вражескими силами, видимо, слишком растерялось, чтобы создать защиту, а атаковавший клин, прорвавшийся вперед, не был заинтересован в убийстве противника.

Делиамбер сказал:

— Они растянулись огромным фронтом миль на сто, если не больше. Это даст нам время сконцентрироваться. После первой паники они снова сгруппируются и нам будет труднее.

Так и произошло.

Неопытное гражданское ополчение, набранное Доминином Баржазидом в Сторожевых Городах, могло растеряться, но ядро защитной армии составляли рыцари Горного Замка, если не в технике самой войны, то в военных играх натренированные, и теперь они стягивались со всех сторон к большим клиньям, врезавшимся в них глубоко. Каким-то образом подогнали взвод молиторов, и они подступали с фланга Эйзенхарта, щелкая челюстями и выпустив когти. С другой стороны кавалерийский полк преодолел замешательство и тоже построился, а Ирманар попал под заградительный огонь энергометов.

— Держать построение! — крикнул Валентайн.— Двигаться вперед!

Они все еще продвигались, хотя намного медленнее. Если вначале армия Валентайна врезалась в гущу врагов, как горячий нож в масло, то теперь она как бы пробивалась сквозь земляную стену.

Многие повозки были окружены, иные остановлены. Валентайн мельком увидел, что Лизамона пробивается сквозь толпу защитников, расшвыривая их в стороны, как прутья.

Три гигантских скандара тоже вышли на поле и устроили страшную резню: в каждой из их многочисленных рук было какое-то оружие, действовавшее безотказно.

Затем повозку Валентайна окружили, но водитель рванул назад и резко повернул, раскидывая вражеских солдат.

Вперед, вперед...

Повсюду лежали тела убитых. Как глупо было надеяться, что завладеть Горным Замком можно будет без кровопролития.

Уже, наверное, сотни погибли, сотни были ранены. Валентайн хмурился, но стрелял.

— Валентайн! Лорд Валентайн!

Крик был общим, но рвался из глоток воинов обеих сторон, и каждая сторона имела в виду своего лорда Валентайна.

Теперь движение, казалось, было полностью блокировано. Защитники перешли в контратаку, словно не были готовы напасть первыми и позволили армии Валентайна пробиться вперед, а теперь перегруппировались, собрались с духом и применили некоторое подобие стратегии.

— Похоже, что у них новое руководство, милорд,— сказал Ирманар.— Их командиры строго следят за тем, чтобы солдаты шли на нас.

Вперед выступил строй молиторов, за ним двинулись в громадном количестве отряды узурпатора, но от тупоумных неуправляемых животных из-за их объема было мало толку.

Многие офицеры Валентайна выскочили из повозок и вступили в яростное сражение, в то время как их отряды старались прикрыть их. Валентайн и сам хотел примкнуть к ним, но Делиамбер приказал ему остаться.

— Твоя особа священна,— резко сказал он,— в рукопашном бою воины обойдутся без тебя.

Валентайн нахмурился. Он соглашался с логикой Делиамбера, но презирал ее.

Тем не менее он подчинился.

— Вперед! — крикнул он в черный костяной рог полевого коммуникатора.

Однако двигаться вперед они не могли. Тучи защитников наступали со всех сторон и теснили армию Валентайна. Новые силы узурпатора сконцентрировались неподалеку от Валентайна. Да, какой-то новый полководец,— думал Валентайн,— сильный и знающий полевой командир сплотил впавшие в панику отряды.

— Милорд,— крикнул Ирманар,— видишь холм направо? За ним вражеский командный пост. Там их генерал в гуще сражения.

— Я хочу взглянуть на него,— сказал Валентайн.

— Милорд,— продолжал Ирманар,— мы должны сосредоточить атаку здесь и убрать его до того, как он добьется большого преимущества.

— Да, конечно,— растерянно пробормотал Валентайн.

Он прищурился, вглядываясь.

Да, вот он — высокий, выше Валентайна, широкий рот, проницательные темные глаза, тяжелая масса блестящих черных волос, заплетенных в косу. Он казался удивительно знакомым.

Да, конечно, это Илидат. Как можно было забыть хоть на миг друга юности, казавшегося иногда даже ближе брата Вориакса, Илидата, близкого Валентайну по способностям и характеру. Илидата, которого все, даже сам Валентайн считали будущим возможным Коронованным.

Илидат руководит вражеской армией.

Илидат — опасный полководец, которого надо устранить.

— Милорд,— сказал Ирманар.— Мы ждем приказа.

Валентайн вздрогнул.

— Окружите его,— сказал он,— нейтрализуйте, возьмите в плен, если удастся.

— Мы можем открыть огонь...

— Он должен остаться живым,— резко сказал Валентайн.

— Милорд...

— Я сказал — живым.

— Слушаюсь, милорд,— неуверенно ответил Ирманар.

Для него враг был лишь врагом, а этот генерал нанесет немало ущерба, если не будет сразу убит.

Валентайн с тревогой и напряжением следил за тем, как Ирманар собрал отряд и повел его к лагерю Илидата. Приказать, чтобы Илидата оставили в живых, было просто, но как проследить за этим в разгар битвы. Валентайн больше всего боялся, чтобы кто-то из преданных ему людей не повел туда отряд. Знать, что Илидат в опасности, что Илидат должен погибнуть, чтобы армия освобождения продвинулась вперед — это было ужасно!

Валентайн встал. Делиамбер сказал:

— Ты не должен...

— Должен,— ответил Валентайн.

Он выскочил из фургона так быстро, что урун не успел воздействовать на него своими чарами.

С земли ничего не было видно: все перемешалось вокруг, не отличить друзей от врагов, кругом суматоха, крики.

Общей картины сражения, открывавшейся Валентайну из фургона, здесь не было. Валентайну казалось, что отряды Ирманара отошли в сторону, а у поста Илидата идет хаотическая битва.

— Милорд,— окликнул его Шанамир,— тебе нельзя быть на виду. Ты...

Валентайн отмахнулся от него и двинулся в гущу сражения.

События снова переменились. Теперь казалось, что Ирманар сосредоточил атаку на лагере Илидата. Вторгшиеся пробились вперед и снова привели врага в смятение.

Рыцари и горожане отступали, разбегались кругами, пытаясь уклониться от безжалостного наступления, а где-то впереди ядро защитников твердо сплотилось вокруг Илидата.

Только бы он остался живым! — молился Валентайн. Победа, казалось, была уже в руках Валентайна, но ее цена будет слишком велика, если придется заплатить смертью Илидата.

Валентайн увидел впереди Лизамону и Кона. Они прорубали себе путь, чтобы за ними могли пройти другие. Кон смеялся, словно всю жизнь ждал этой минуты, чтобы применить свою силу.

Внезапно синекожий пришелец получил удар в грудь и пошатнулся. Лизамона подхватила его и осторожно опустила на землю.

— Кон! — закричал Валентайн и бросился к нему.

Даже на расстоянии было видно, что ранен Кон смертельно. Он задыхался, худое с резкими чертами лицо посерело, глаза потускнели. Увидев Валентайна, он попытался сесть.

— Милорд,— сказала великанша,— тебе здесь не место.

Валентайн наклонился над раненым.

— Кон!

— Все в порядке, милорд. Так я и знал — была причина, чтобы я приехал на вашу планету. Одно плохо: я не побываю на банкете в честь победы...

Валентайн поддерживал чужеземца за костлявые плечи, но

жизнь покидала его быстро и спокойно. Его долгое путешествие подошло к концу. Он наконец обрел цель и покой.

Валентайн выпрямился и оглянулся. Его окружал кордон его людей, и кто-то, кажется, Слит — дергал его, чтобы отвести в безопасное место.

— Нет,— сказал Валентайн,— я буду сражаться...

— Не здесь, милорд. Ты хочешь разделить судьбу Кона? Что будет с нами, если ты погибнешь? Вражеские отряды идут на нас из Прохода Перитол. Битва скоро станет еще яростнее. Тебе нельзя быть здесь.

Валентайн понимал это. Доминина Баржазида на сцене не было, не следовало быть на ней и Валентайну. Но как может он сидеть в фургоне, когда другие умирают, когда даже Кон, посланец другого мира, отдал жизнь за Валентайна, когда любимый друг Илидат в опасности? Валентайн качнулся в нерешительности. Слит выпустил его и тут же позвал Залзана Кавола. Скандар был неподалеку, с мечами в трех руках и энергометом в четвертой. Держа защитников на почтительном расстоянии, он пробился к Валентайну. Валентайн вдруг подумал, что скандар может просто увести его силой, и сказал:

— Подожди. Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю тебе следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол опешили.

— Какой наследник?

— Идите за мной. Я приказываю!

— Милорд,— сказал Залзан Кавол,— твоя безопасность...

— Это не самое главное, Слит, иди слева, Залзан — справа.

Они были слишком растеряны, чтобы оказать сопротивление.

Валентайн позвал также и Лизамону. Под охраной друзей он быстро дошел до переднего края вражеской армии и закричал изо всех сил:

— Илидат!

Голос его разнесся далеко, и звук этого мощного рева на миг остановил все вокруг. За неподвижными фигурами воинов Валентайн увидел Илидата, и глаза их встретились.

— Илидат из Морвела,— снова закричал Валентайн,— выходи на переговоры!

— Кто зовет меня? — послышалось в ответ.

Толпа между Валентайном и Илидатом снова раздалась. Валентайн протянул руки к хмурой фигуре и хотел было что-то сказать, но решил, что слова сейчас бессильны, поэтому быстро вошел в транс и пустил на Илидата через расстояние полную силу своего духа в образах, спрессованных в долю секунды.

Два мальчика едут верхом по лесу... Толстый корень протянулся, как змея, через трошинку. Животное споткнулось, мальчик упал...

Треск, острая белая кость разорвала кожу...

Второй мальчик спешился и испуганно присвистнул, увидев изуродованную ногу...

Валентайн больше не мог удерживать мысленные образы.

Контакт прервался. Валентайн в изнеможении отступил и вернулся к реальности.

Илидат растерянно смотрел на него.

Они словно остались сейчас вдвоем на поле, а все, что делалось вокруг, было просто шумом.

— Да,— сказал Валентайн,— ты знаешь меня, Илидат, только не в этом теле.

— Валентайн?

— Он самый.

Они пошли друг другу навстречу.

Кольцо отрядов обеих сторон окружило их молча и заинтересованно.

Их разделяло несколько шагов, когда оба остановились и неуверенно приняли боевую позу, словно дуэлянты. Илидат ошеломленно разглядывал Валентайна.

— Разве это возможно? — спросил он наконец.— Неужели существует такое колдовство?

— Мы вместе ездили в лес под Эмблморном,— сказал Валентайн.— Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день. Помнишь, как ты вправлял сломанную кость и плакал, как будто это была твоя нога?

— Откуда ты это знаешь?

— А потом я не мог ходить несколько месяцев, и ты, Тунигорн и Стасилейн гоняли по Горе без меня. Хромота у меня так и осталась.

Валентайн засмеялся.

— Доминин Баржазид украл у меня эту хромую ногу вместе с моим телом. Кто еще из близких ему мог рассчитывать на такую милость?

Илидат потряс головой, словно отгоняя сон.

— Колдовство!

— Да. А я — Валентайн.

— Валентайн в Замке. Я виделся с ним вчера, он вызывал меня, разговаривал о старых временах, о наших развлечениях...

— Это украденные воспоминания, Илидат. Он обрыскал мой мозг. Ты ничего необычного не заметил в нем за последний год?

Валентайн пристально посмотрел в глаза Илидату, и тот отвел взгляд, словно боясь колдовства.

— Тебе не показалось, что твой Валентайн стал задумчивым, скрытным?

— Да, но я полагал, что его сделали таким заботы управления.

— Но все-таки ты уловил разницу, перемену?

— Да, легкую. Некоторую холодность, отчуждение...

— Ты все еще не можешь признать меня?

— Валентайн? — прошептал Илидат недоверчиво.— Это действительно ты и в чужом теле?

— Именно. А тот, кто в Замке, обманул и тебя, и весь мир.

— Это так странно...

— Брось сомнения, Илидат!

Валентайн широко улыбнулся, привлек Илидата к себе и обнял, как друга. Илидат оцепенел, тело его стало деревянным. Затем он оттолкнул Валентайна и отступил, дрожа.

— Не бойся меня, Илидат.

— Ты слишком многого хочешь от меня. Поверить в такое...

— Поверь.

— Я и так уже поверил... Тепло твоих глаз, твоя улыбка, твои воспоминания...

— Поверь мне до конца,— настаивал Валентайн.— Леди, моя мать, шлет тебе свою любовь. Ты снова увидишь ее в Замке, когда мы будем праздновать мое возвращение. Поверни свои отряды вспять, мой дорогой друг, присоединяйся ко мне, и мы вместе пойдем на Гору.

Лицо Илидата выражало борьбу, губы шевелились, мускулы на щеке дергались.

Он молча смотрел на Валентайна и наконец сказал:

— Пусть это безумие, но я верю тебе, Валентайн. Я присоединяюсь к тебе, но да поможет тебе Божество, если ты обманул меня.

— Обещаю тебе, что ты не раскаешься.

Илидат кивнул.

— Я пошлю гонцов к Тунигорну.

— Где он?

— Поджидает тебя в Проходе Перитол. Стасилейн тоже там. Я горевал, что меня оставили командовать здесь, поскольку думал, что пропущу всю битву. Ох, Валентайн, неужто это правда ты? Золотые волосы, невинные глаза...

— Да, я настоящий Валентайн. Помнишь, как Вориакс заставил нас мыть его колесницу, когда мы ее забрызгали грязью?

Оба засмеялись и дружески ткнули друг друга кулаками.

— Но где же ты был?

Илидат вдруг нахмурился.

— Что с тобой было в течение этого года? Ты не болел?

— Это очень долгая история,— серьезно ответил Валентайн.— Сейчас не время и не место рассказывать. Надо остановить сражение, Илидат. Невинные граждане гибнут за Доминина Баржазида. Мы не можем допустить этого. Собирай свои отряды и поворачивай их обратно.

— В этом сумасшедшем доме будет нелегко!

— Отдай приказ. Передай его другим командирам. Убийство надо остановить. А затем поедем вместе к Бомбифейлу, а оттуда мимо Верхнего Морпина к Замку.

Валентайн вернулся в свою повозку, а Илидат затерялся среди потрепанных рядов защитников. От Ирманара Валентайн узнал, что во время переговоров его люди сильно продвинулись вперед, попрежнему держась плотным клином, и почти полностью дезорганизовали большую, но аморфную армию мнимого Коронованного. Клин продолжал расширяться, а беспомощные отряды противника уже не имели ни воли, ни желания сдерживать его. Потеряв лидера, защитники утратили и боевой дух.

Но остановить битву почти не было возможности. Сотни и тысячи воинов хлынули беспорядочным потоком в Бомбифлейскую Равнину, и еще тысячи бежали из Прохода, обуздать всю эту массу просто не было возможности. Валентайн увидел звездное

знамя Илидата где-то в середине поля и понял, что он пытается связаться со своими офицерами и призвать их к лояльности, но армия вышла из-под контроля и солдаты гибли напрасно.

Все это камнем легло Валентайну на сердце, но он не мог ничего сделать. Он подал сигнал Ирманару быстрее продвигаться вперед.

Через час битва начала странно меняться. Клин Валентайна продвигался вперед, почти не встречая сопротивления, и с той же легкостью шла с востока вторая фаланга под предводительством Илидата.

Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были таким образом разделены.

Скоро эти никчемные орды остались далеко в тылу Валентайна, а двойная колонна вошла в верхнюю половину равнины, откуда начинался подъем к Бомбифейлу, самому старому и самому красивому из Внутренних Городов. Когда они поднялись по склону, небо стало ярче и воздух теплее, ведь они начали выходить из облачного пояса на нижние склоны зоны вершин, вечно купавшихся в лучах солнца...

Бомбифейл уже был виден, он возвышался над ними, как воплощение древней роскоши: громадные зубчатые стены из оранжевого песчаника с большими граненными плитами голубого сипара, привезенного с берегов Великого Океана во времена лорда Пинетора, и величественными игольчатыми башнями, стройными и изящными.

Душа Валентайна преисполнилась радостью. Сотни миль Горы Замка были уже позади. До Замка оставалось меньше дня пути. И хотя он еще чувствовал по ночам далекие грозные раскаты посланий Короля Снов, они лишь слегка задевали край его духа. Его любимый друг Илидат поднимался с ним. Стасилейн и Тунигорн ехали, чтобы присоединиться к нему.

Как хорошо было любоваться шпилями Бомбифейла и знать, что впереди! Холмы, окаймлявшие город вдали, чистая трава лугов, красный камень горной дороги от Бомбифейла до Верхнего Морпина, усыпанные цветами поля, связывавшие шоссе Калантен с южным крылом Замка — он знал все эти места лучше, чем свое здоровое, но все-таки не вполне привычное новое тело. Он был почти дома.

Но что дальше?

Покончить с произволом узурпатора, восстановить порядок... Задача была так сложна, что Валентайн не знал, с чего начать. Его не было в Замке почти два года. Законы, изданные Доминином Баржазидом, нужно будет проверить и скорее всего отменить.

Была еще одна проблема, над которой он досель просто не задумывался: как привлечь своих спутников к имперской службе. Он должен был найти посты для Делиамбера, Слита, Залзана Кавола и других. Надо подумать и об Илидате и прочих, занимавших высокое положение при его дворе. Не мог же он сместить их только потому, что вернулся из ссылки с новыми любимцами. Все это было очень сложно, но он надеялся, что сумеет все уладить, не вызвав недовольства...

Делиамбер вдруг резко сказал:

— Боюсь, что нас ждут новые неприятности, и немалые.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты видишь какие-нибудь перемены в небе?

— Да. Оно стало ярче, когда мы вышли из пояса облаков.

— Посмотри внимательнее,— сказал Делиамбер.

Валентайн посмотрел наверх. Да, он действительно ответил чересчур поспешно.

Небо изменилось, и очень странно, легкое затемнение, как перед грозой, ни единого облачка, только странный и зловещий оттенок серого наползал на голубизну.

Знамена, ранее колыхавшиеся от легкого западного ветерка, склонились к югу под внезапным сильным порывом ветра с вершины.

— Погода меняется,— сказал Валентайн.— Может дождь пойдет? Ну, а нам-то что?

— Припомни-ка, случались ли когда-нибудь внезапные перемены погоды в этой части Горы?

— Нет, вообще-то...

Валентайн нахмурился.

— Этого никогда не было. Милорд, почему в этом районе такой благословенный климат?

— Потому, что им управляют из Замка громадные машины...

Он замолчал, пораженный ужасной мыслью.

— Вот именно,— сказал Делиамбер.

— Нет, это немыслимо!

— Подумай, милорд. Гора уходит высоко в холодную ночь космоса. В Замке над нами прячется испуганный человек, изменой захвативший трон. Он видит, что большая часть его верных генералов переметнулась на сторону врага. Непобежденная армия беспрепятственно поднимается на вершину Горы. Как он может уберечься от нее? Выключить машины, чтобы этот мягкий воздух замерз в наших легких, чтобы в полдень настала ночь, и мрак вакуума обрушился на нас, чтобы Гора снова стала безжизненной, как десять тысяч лет назад. Посмотри на небо, Валентайн, посмотри на знамена на ветру!

— Но на Горе миллиарды жителей! — закричал Валентайн.— Если он выключит машины, он убьет вместе с нами и всех, себя тоже, если он не нашел какого-то способа защитить Замок от наступления холода.

— Ты думаешь, его заботит теперь собственная жизнь? Он в любом случае пропал. Но таким способом он унесет с собой не только тебя, но и всех из Замка. Посмотри на небо, Валентайн. Видишь, как оно темнеет?

Валентайн дрожал от ярости. Доминин Баржазид желает уничтожить все города Горы в этом чудовищном катаклизме, убить матерей с детьми, фермеров на полях, торговцев в лавках, миллионы и миллионы невинных, которые никак не участвуют в этой борьбе за Замок. К чему эти убийства? Только чтобы излить свою ярость из-за потери того, что никогда ему не принадлежало по

праву! Валентайн смотрел на небо, надеясь, что это какой-то природный феномен.

Глупо надеяться! Делиамбер был прав: погода на Горе никогда не была природным феноменом.

— Мы еще далеко от Замка,— сказал Валентайн.

Он был в тревоге.

— Сколько времени пройдет, прежде чем начнется замораживание?

Делиамбер пожал плечами.

— Когда погодные машины были построены, милорд, прошло много месяцев, прежде чем воздух достаточно уплотнился, чтобы поддерживать жизнь на этих высотах. Машины работали день и ночь, однако это заняло много месяцев. Ломать — не строить, но все-таки, я думаю, это произойдет не сразу.

— Сможем ли мы вовремя достичь Замка и предотвратить уничтожение?

— Как знать, милорд.

Валентайн приказал остановить повозку и собрал своих офицеров. Фургон Илидата еще до приказа поспешил к Валентайну: видимо, Илидат тоже заметил что-то тревожное. В воздухе ощущался лишь слабый намек на похолодание, но и его было достаточно.

Илидат подбежал к Валентайну и указал на темнеющее небо.

— Милорд, безумец задумал самое ужасное!

— Я знаю. Мы тоже заметили перемену.

— Тунигорн уже близко, а Стасилейн едет со стороны Банглекода. Мы должны как можно быстрее достичь Замка.

— Думаешь, успеем? — спросил Валентайн.

— Постараемся.

Илидат холодно улыбнулся.

Собрались озадаченные Слит, Карабелла, Лизамона, Эйзенхарт, Ирманар.

Эти чужие на Горе люди, вероятно, заметили перемену погоды, но не могли осознать зловещего смысла происходящего. Они встревоженно смотрели то на Валентайна, то на Илидата, чувствуя, что происходит нечто непонятное, но не понимая, что именно Валентайн объяснил.

— Остановки в Бомбифейле не будет,— добавил он.— Едем прямо к Замку Верхнего Морпина, нигде не останавливаясь.

Он посмотрел на Ирманара.

— Я полагаю, что возможна паника. Не допусти ее. Объясни всем, что мы будем спасены, если вовремя достигнем Замка, единственное спасение — скорость. Понятно? От нее зависит жизнь миллиарда граждан, в том числе и наша.

Подъем на Гору был вовсе не таким радостным, как ранее воображал Валентайн.

После победы на Бомбифлейской Равнине с него как бы свалился тяжкий груз, потому что он не видел больше препятствий на своем пути. Он думал о безмятежном путешествии по Внутренним Городам, о триумфальном банкете в Бомбифейле, о том, что

Баржазид трясется от страха в ожидании его прибытия в Замок, о захвате узурпатора, о своем восстановлении. Но все эти приятные мечты разлетелись. Армия в отчаянной спешке поднималась вверх. Небо с каждой минутой становилось темнее, ветер с вершины крепчал, воздух стал более сырым и едким. Что думают об этих переменах в Бомбифейле, Перитоле и выше, в Халенксе и Морпине, да и в самом Замке?

Конечно, все понимают, что произошло нечто ужасное, если вся прекрасная Гора Замка страдает от непривычных порывов холодного ветра и день вдруг обращается в ночь. Но понимают ли они, какое бедствие обрушивается на них?

А как народ в самом Замке? Пытается ли добраться до погодных машин, выключенных их сумасшедшим Коронованным, или узурпатор забаррикадировал проход к машинам, и смерть равно поразит всех?

До Бомбифейла было теперь рукой подать. Валентайн сожалел, что проедет мимо него. Его армия после сражения нуждалась в отдыхе. Но если они остановятся, они останутся в нем навеки.

Так что вверх и вверх сквозь надвигавшуюся ночь. Как ни старались они ехать быстро, Валентайну все казалось медленно, потому что он представлял себе толпы на площадях города, взволнованные толпы перепуганных людей, смотревших в небо и кричавших — лорд Валентайн, спаси нас! Они не знали, что черноволосый человек, к которому они обращаются, виновник их гибели. Он представил, как жители Горы миллионами хлынут на дороги, панически перемещаясь на нижние уровни в безнадежных, бесплодных усилиях избежать смерти. Он представил, как языки пронизывающего ветра лижут беспорочно-прекрасные растения Барьера Толингера, замораживают каменных птиц Форбила, губят ухоженные сады Сти, превращают в лед каналы Хикмара. Это чудо, Гора Замка, создавалось восемь тысяч лет, а безумец с холодной и подлой душой уничтожит ее в одно мгновение.

Стены и башни Бомбифейла, прекрасные даже в этом гаснущем свете, манили к себе Валентайна, но он проехал мимо, торопливо двигаясь по ступеням горной дороги, вымощенной древними плитами красного камня.

Повозка Илидата была справа от него, Карабеллы — слева, чуть позади ехали Слит, Залзан Кавол, Ирманар, Лизамона, а за ними все отряды, собранные Валентайном в долгом путешествии. Все спешили за своим лордом, но понимали, что наступает миг апокалипсиса, когда чудовищное зло готово восторжествовать, и только мужество, храбрость и стремительность могут предотвратить его победу.

Валентайн сжал кулаки и попытался силой воли заставить повозку двигаться быстрее.

Делиамбер, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться. Но как сохранять спокойствие, когда сам воздух Горы уходит молекула за молекулой, и тьма ночи завладевает всем вокруг?

— Видишь деревья вдоль дороги с малиново-золотыми цветами? — спросил Валентайн.— Они были посажены четыре тысячи лет назад. Когда они цветут, в Верхнем Морпине устраивается

фестиваль, и тысячи людей танцуют на дороге между ними. Видишь — листья уже съежились и почернели. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод еще только начинается. Что будет с ними через восемь часов? Если листья губит даже такой холод, что будет в настоящий мороз и снег? Снег на Горе Замка, и даже хуже, чем снег, когда исчезнет воздух, все обнажится под звездами!

— Мы еще не пропали, милорд. Что за город над нами?

— Верхний Морпин, город развлечений, где происходят игры.

— Думай об играх, которые будут здесь в следующем месяце, милорд, в честь твоего возвращения.

Валентайн кивнул.

— Да,— сказал он без тени иронии,— я буду думать об играх, о смехе, о вине, о цветах на деревьях, о птицах. Нельзя ли заставить этот фургон ехать быстрее, Делиамбер?

— Он плавучий, а не летающий. Наберись терпения. Замок уже близок.

— Еще несколько часов,— угрюмо сказал Валентайн.

Он старался сохранить душевное равновесие. Он вспоминал Валентайна — жонглера, простоватого парня, похороненного теперь где-то внутри него, который показывал только что выученные приемы, сводя себя до уровня руки и глаза. Держись в центре своей души, помни, что жизнь — игра, путешествия, короткие развлечения, что Коронованные могут тонуть в реке, что их могут сожрать морские драконы, высмеять в пантомиме метаморфы.

Ну и что? Довольно слабое утешение.

Это неудача одного человека, довольно тривиальная в глазах Божества, хотя этот человек и был королем. А здесь угроза миллиарду невинных людей и произведениям искусства — Горе, возможно, единственной во всем космосе.

Верхний Морпин поднимался справа сияющим плетением. Фантастический город игр, чудес и грез, город, сплетенный из золотой проволоки, как думал в детстве Валентайн, когда смотрел на чудесные здания Верхнего Морпина. Сейчас он взглянул на него и быстро отвернулся. До Замка осталось десять миль, сущий пустяк.

— Как называется эта дорога? — спросил Делиамбер.

— Большое Калинтанское Шоссе. Я тысячу раз проезжал по нему в город развлечений и обратно. Поля, его окружающие, засеяны таким образом, что в любой день года здесь что-нибудь да цветет и всегда в приятном сочетании красок. А сейчас, видишь, все цветы свернулись и поникли.

— Их можно будет высадить снова, если холод их погубит. Но пока еще этого не случилось. Эти растения не так нежны, как ты думаешь.

— Я как будто собственной кожей чувствую, как им холодно.

Теперь они были на вершине Горы, так высоко над равнинами Альханроеля, как будто достигли другой планеты.

Все здесь заканчивалось фантастическим взлетом островерхих пиков и утесов.

Вершина целилась в звезды как бы сотнями копий, и среди этих

изящных каменных шпилей поднимался высочайший круглый бугор, где лорд Стиамот устроил свою имперскую резиденцию восемь тысяч лет назад в честь победы над метаморфами, и с тех пор каждый Коронованный отмечал свое правление добавочными залами, пристройками, зубчатыми стенами и парапетами. Замок раскинулся на тысячи акров, это был город в себе, лабиринт более запутанный, чем берлоги Понтифика.

Совсем стемнело. Холодные безжалостные звезды горели над головой.

— Наверное воздух уходит,— прошептал Валентайн,— и скоро придет смерть.

— Это просто ночь, а не бедствие,— ответил Делиамбер.— Мы ехали весь день, и ты не заметил, как прошло время.

— А воздух?

— Он становится более холодным и разреженным, но он еще не ушел.

— Время еще есть?

— Есть...

Они проехали последний поворот. Валентайн хорошо его помнил: поворот шоссе взлетал резкой дугой вокруг Горы, и ошеломленный путешественник впервые видел перед собой Замок.

Валентайн еще не видел Делиамбера таким изумленным.

— Что это за здания, Валентайн? — тихо спросил колдун.

— Это Замок.

Да, это был Замок лорда Молибора, Замок лорда Вориакса, Замок лорда Валентайна. Ниоткуда нельзя было увидеть его весь целиком или хотя бы сколько-нибудь значительную его часть, но отсюда был виден достаточно внушительный сегмент Замка, громадная каменная и кирпичная кладка, поднимавшаяся уровень за уровнем, лабиринт за лабиринтом, вившийся кругами и блиставший миллионами огней.

Страх у Валентайна пропал. Лорд Валентайн мог не печалиться о Замке лорда Валентайна. Теперь он дома, и какая бы рана ни была нанесена, она скоро будет залечена.

Калинтанское шоссе заканчивалось площадью рядом с южным крылом Замка. Она представляла собой огромное открытое пространство, вымощенное кусочками зеленого фарфора с золотой горящей звездой в центре. Валентайн вышел из фургона и собрал своих офицеров. Дул пронзительный холодный ветер.

— Здесь у ворот есть стража? — спросила Карабелла,— нам придется вести осаду?

Валентайн улыбнулся и покачал головой.

— Стражи нет. Кто и когда вторгался в Замок Коронованного! Мы просто проедем под этой аркой. Но внутри мы снова можем встретиться с вражескими отрядами.

— Стража Замка в моем подчинении,— сказал Илидат,— предоставьте ее мне.

— Хорошо. Держитесь вместе, уповайте на Божество, а утром отпразднуем победу!

— Да здравствует лорд Валентайн! — закричал Слит, а за ним все остальные.

Валентайн поднял руки в знак признательности и для восстановления тишины.

— Праздновать будем завтра, а сегодня дадим бой, и, я надеюсь, последний!

Какое странное ощущение — вновь пройти под Аркой и увидеть перед собой Замок во всей его причудливой пышности.

Мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, носился по бесконечному лабиринту его проходов и коридоров, благоговейно взирал на стены и башни, ограды и своды. Юношей на службе у своего брата лорда Вориакса жил в Замке в Пенитор Корт, где была резиденция высоких официальных лиц, и не раз гулял по парапету лорда Осиера, любуясь видом Верхних Городов. Коронованным он занимал самые внутренние зоны Замка. Он с наслаждением прикасался к древним камням Башни лорда Стиамота, проходил через тронный зал лорда Конфалума, изучал звезды в Обсерватории лорда Кинникена и размышлял о том, что он сам сделает в Замке в последующие годы. И вот теперь он снова здесь и только сейчас осознает, как любит это место — не за то, что оно было символом власти и имперского величия, а главным образом потому, что это была ткань веков, живая, дышащая ткань истории.

— Замок наш! — радостно вскричал Илидат.

Армия Валентайна вошла в неохраняемые ворота.

Но, думал Валентайн, на Гору движется смерть и все жители умрут через несколько часов.

Слишком много времени прошло с тех пор, как атмосфера начала меняться.

Усиливающийся холод, тяжело легший на Гору Замка, нигде не был так заметен, как в самом Замке. Его обитатели, уже ошеломленные и испуганные событиями гражданской войны, стояли, как восковые фигуры, в то время как отряды Валентайна прорывались в Замок. Некоторые, более практичные или сообразительные, кричали:

— Да здравствует лорд Валентайн!

Основная же масса при виде золотоволосого незнакомца вела себя так, словно уже начала замерзать.

Отряды атакующих быстро и точно двигались к указанным Валентайном целям.

Герцог Хайтлог и его воины хлынули по периметру Замка, чтобы нейтрализовать любую враждебную силу. Эйзенхарт и шесть отрядов жителей долин стали закрывать многочисленные ворота Замка, чтобы никто из приверженцев узурпатора не смог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими отрядами пошли наверх к имперским холлам внутреннего сектора, чтобы захватить выставленные правительством посты. Сам Валентайн с Илидатом и Ирманаром и их объединенными силами спустился по спиральному мощеному проходу к подземелью, где находились погодные машины. Остальные отряды под командой Насимонта, Залзана Кавола, Шанамира, Лизамоны и Гарцвела рассыпались по всему

Замку в поисках Доминина Баржазида, который мог скрываться в любой из тысяч комнат.

В конце мощеного спуска Валентайн остановился, потому что плавучие повозки не могли двигаться дальше, и быстро пошел пешком. Нос, губы и уши немели от холода, сердце сильно билось, легкие отказывались работать в разреженном воздухе.

Подземелье было почти незнакомо ему, он был здесь всего раз или два, и то очень давно, но Илидат, похоже, знал дорогу.

Они шли по коридорам, по бесконечным пролетам широкой каменной лестницы к высокой арке, точками мерцавшей вдали. Воздух заметно охлаждался, неестественная ночь плотно охватывала Гору.

Перед ними оказалась громадная деревянная дверь, обитая толстыми металлическими полосами.

— Выломать! — приказал Валентайн.— Прожечь, если нужно!

— Подожди, милорд,— прозвучал тихий, дрожащий голос.

Валентайн быстро обернулся. Из прохода в стене вышел древний гайрог и неуверенным шагом подошел.

— Хранитель погодных машин,— пробормотал Илидат.

Гайрог выглядел почти мертвым.

Он растерянно переводил взгляд с Илидата на Ирманара, с Ирманара на Валентайна, а затем упал к ногам Валентайна.

— Милорд, лорд Валентайн, спаси нас! Машины выключены!

— Ты можешь открыть дверь?

— Да, милорд. Контрольный пост в этом проходе, но внутри командуют отряды, они выкинули меня. Что они сделали там, милорд? Что с нами будет?

Валентайн поднял трясущегося гайрога.

— Открой дверь.

— Слушаюсь, милорд. Минутку...

Скорее вечность,— подумал Валентайн.

Послышался устрашающий звук подземного механизма, и тяжелый деревянный барьер со скрипом и стоном начал отходить в сторону.

Валентайн хотел первым ворваться в проем, но Илидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентайн хлопнул по дрожащей руке, словно это было надоедливое насекомое, но Илидат держал его крепко.

— Нет, милорд,— резко сказал он.

— Пусти, Илидат.

— Даже ценой моей головы, Валентайн, я не пущу тебя туда. Отойди в сторону.

Валентайн оглянулся на Ирманара, но не нашел поддержки.

— Гора замерзает, милорд, а ты задерживаешь нас,— сказал Ирманар.

— Я не позволю...

— Отойди! — приказал Илидат.

— Я Коронованный!

— А я отвечаю за твою безопасность. Не обижайся, милорд, но внутри вражеские солдаты, отчаянный народ, защищающий последний оплот власти узурпатора. Заметит тебя какой-нибудь

снайпер, и вся наша борьба окажется напрасной. Отойдешь сам, Валентайн, или я должен совершить кощунство и грубо оттащить тебя с дороги?

Валентайн раздраженно уступил, сердито следя, как Илидат и отряд копьеносцев прошли мимо него внутрь. Почти сразу же послышались звуки сражения: крики, энергоразряды, стоны. Хотя люди Ирманара караулили Валентайна, он раз десять пытался ворваться в подземелье, но они держались стойко. Затем явился посланец от Илидата и сообщил, что первое сопротивление сломлено, что они идут вглубь, что там баррикады, ловушки, засады вражеских солдат через каждую сотню ярдов. Валентайн сжимал кулаки. Как это ужасно — быть слишком священным и не иметь возможности рисковать самому, пока вокруг кипит война за его трон! Он решил войти внутрь — пусть Илидат отвяжется.

— Милорд!

К нему бежал задыхающийся посланец с другого конца коридора.

— В чем дело? — спросил Валентайн.

— Меня послал герцог Насимонт. Мы нашли Доминина Баржазида. Он забаррикадировался в Обсерватории. Герцог просит тебя прийти быстрее.

Валентайн кивнул. Это было лучше, чем стоять без дела. Он сказал первому посланцу:

— Скажи Илидату, что я пошел наверх. Даю ему разрешение добраться до погодных машин любым способом, какой он найдет лучшим.

Едва Валентайн двинулся по проходу, как появился помощник Гарцвела и сказал, что узурпатор в Пинтор Корте, а еще через несколько минут поступило известие от Лизамоны, что она преследует Доминина по спиральному проходу, который ведет к отражающему бассейну лорда Симинейва.

В главном холле Валентайн нашел Делиамбера, зачарованно следившего за действиями военных.

Рассказав уруну о противоречивых рапортах, Валентайн спросил:

— Может он находится сразу в трех местах?

— Скорее всего нет,— ответил колдун,— если только он не един в трех лицах, в чем я сомневаюсь. Но я чувствую его присутствие, темное и сильное.

— В каком именно месте?

— Трудно сказать. Его враждебная жизненная сила такова, что отражается от любого камня Замка, и это сбивает меня с толку. Но теперь, мне кажется, я больше не боюсь.

— Лорд Валентайн!

Появился новый посланец. У него было знакомое лицо: густые сросшиеся брови, легкая доверчивая улыбка. Это был Тунигорн, второй ближайший друг детства Валентайна, теперь один из главных министров королевства. Он смотрел на незнакомца проницательным взглядом, как бы пытаясь разглядеть за странной внешностью настоящего Валентайна. Рядом с ним был Шанамир.

— Тунигорн! — воскликнул Валентайн.

— Милорд, Илидат сказал мне, что ты изменился, но я не думал...

— Я кажусь тебе чужим с этим лицом?

Тунигорн улыбнулся.

— Привыкнем, милорд. Но это потом. Я принес хорошие новости.

— Увидеть тебя снова — уже хорошая новость.

— У меня есть получше. Предателя нашли.

— За последние полчаса я слышал об этом уже три раза, причем назывались три разных места.

— Насчет тех рапортов ничего не знаю, но я утверждаю, что его нашли.

— Где?

— Он забаррикадировался во внутренних комнатах. Последним его видел слуга, старый, до конца преданный Канзимар. Он увидел, как тот трясется и в ужасе бормочет что-то невнятное, и понял, наконец, что перед ним не Коронованный. Изменник запер все помещения, от тронного зала до гардеробных, и сидит там один.

— Да, это действительно хорошие новости!

Валентайн обернулся к Делиамберу.

— Можешь подтвердить это колдовством?

Делиамбер пошевелил щупальцами.

— Я чувствую злобное, ожесточенное присутствие в том величественном здании.

— Имперские комнаты,— сказал Валентайн.

Он обернулся к Шанамиру.

— Пошли известие Слиту, Карабелле, Залзану Каволу и Лизамоне. Я хочу, чтобы они были со мной, когда мы пойдем туда.

— Слушаю, милорд.

Глаза мальчика заблестели.

— Кто эти люди, которых ты назвал? — спросил Тунигорн.

— Друзья по странствиям, друг. За время моей ссылки они стали мне очень близки.

— Тогда они будут близки и мне, милорд. Кто бы они ни были, я буду любить их, раз ты их любишь.

Тунигорн плотнее запахнул плащ.

— Что за холод! Когда он кончится? Илидат сказал, что погодные машины...

— Да.

— Их можно восстановить?

— Илидат там. Кто знает, какой ущерб нанес им Баржазид? Будем надеяться на Илидата.

Валентайн взглянул на возвышающийся перед ним внутренний дворец и прищурился, как бы стараясь рассмотреть сквозь благородные каменные стены бессовестное испуганное существо, спрятавшееся за ними.

— Этот холод удручает меня, Тунигорн. Спасение теперь в руках Божества и Илидата. Пошли посмотрим, нельзя ли выкурить это насекомое из его щели.

Момент финальной встречи с Доминином Баржазидом был

уже близок. Валентайн быстро шел по хорошо знакомым феноменальным комнатам.

Вот сводчатая постройка, архив лорда Престимиона, где этот великий Коронованный устроил музей истории Маджипуры.

Валентайн улыбнулся, представив свои жонглерские дубинки рядом с мечом лорда Стиамота и осыпанным драгоценностями плащом лорда Конфалума. Вот поднимается в головокружительном взлете стройная, кажущаяся хрупкой сторожевая башня лорда Ариоха — поистине странная конструкция, указывающая, пожалуй, на значительные странности, проявленные Ариохом на пути к Понтификату. Там двойной атриум с бассейном в центре — часовня лорда Кинникена, примыкающая к прекрасному белокафельному залу, это была резиденция Леди, когда она посещала своего сына. А вот стеклянная крыша оранжереи лорда Конфалума, этого обожающего помпу монарха, помещение, где собраны нежные растения со всей Маджипуры. Валентайн молил судьбу, чтобы растения пережили эту ночь зимнего холода, потому что он мечтал в скором времени побывать здесь снова и полюбоваться чудесами природы, которые ему довелось увидеть в лесах Зимроеля и на побережье Стойенцара.

Они шли через бесконечный лабиринт коридоров, лестниц, галерей, туннелей, все дальше и дальше...

— Мы умрем не от холода, а от старости, пока доберемся до Баржазида! — проворчал Валентайн.

— Теперь уже скоро, милорд,— сказал Шанамир.

— Не так скоро, как бы хотелось.

— Как ты его накажешь, милорд?

Валентайн посмотрел на мальчика.

— Наказать? Какое наказание может быть за то, что он сделал? Посадить на три дня на хлеб и воду? Можно ли наказать Стейч за то, что он выбросил нас на камни?

Шанамир оторопел.

— Совсем не наказывать?

— В твоем понимании наказания — нет!

— Убить, чтобы впредь не делал зла?

— Тоже нет,— сказал Валентайн.— Но прежде найдем, а уж потом подумаем, что с ним делать.

Через полчаса Валентайн стоял перед сердцем Замка — огороженными стеной имперскими комнатами, не самыми древними, но наиболее священными. У ранних Коронованных здесь были правительственные залы, но потом их заменили более богатыми и пышными помещениями великих правителей последнего тысячелетия и устроили тут в стороне от других запутанных лабиринтов Замка. Самые высокие государственные церемонии проводились в этих роскошных помещениях с высокими сводами, и вот теперь одно-единственное презренное существо затаилось за древними массивными дверями с огромными тяжелыми резными болтами.

— Ядовитый газ,— сказала Лизамона.— Пустить через стены одну канистру и покончить с ним.

— Да! — горячо поддержал ее Залзан Кавол.— Пропустить

через трещины тонкую трубочку, и газ, каким в Пилиплоке убивают рыбу, сделает свое дело.

— Нет,— сказал Валентайн,— мы возьмем его живым.

— А как, милорд? — спросила Карабелла.

— Можно выломать двери,— прогудел Залзан Кавол.

— Ломать двери лорда Престимиона, сооружавшиеся тридцать лет, чтобы вытащить мошенника из укрытия? — спросил Тунигорн.— Милорд, затея с ядом, по-моему, лучше. Нам нельзя терять время.

— Мы не можем действовать, как варвары. Никаких отравлений я не позволю.

Валентайн взял руки Карабеллы и Слита и поднял их.

— Вы жонглеры с гибкими умелыми пальцами, и ты тоже, Залзан Кавол. Не воспользоваться ли вам этими пальцами для других целей?

— Открыть замки, милорд? — спросил Слит.

— Вроде того. В этих комнатах множество выходов. Может, не все они с засовами. Отправляйтесь и поищите путь в обход барьеров, а я пока попробую другой способ.

Он подошел к гигантской золоченой двери, на каждом квадратном дюйме которой были вырезаны рельефные сцены правления лорда Престимиона и его прославленного предшественника лорда Конфалума, и положил руки на тяжелые бронзовые ручки, как бы намереваясь открыть дверь одним крепким поворотом.

Он стоял так довольно долго, отключившись от напряжения вокруг. Он попытался войти в спокойное место в центре своей души, но встретил мощное сопротивление.

Его мозг вдруг наполнился бившей через край ненавистью к Доминину Баржазиду.

За этой громадной дверью находился человек, скинувший Валентайна с трона, обрекший его на странствия, правивший его именем, и, что хуже всего, совершенно чудовищно и непростительно — собравшийся уничтожить миллиард невинных, ни о чем не подозревающих граждан, когда планы его сорвались.

За это Валентайн ненавидел Доминина Баржазида и за это стремился уничтожить его.

Пока он стоял, вцепившись в ручки двери, в его мозгу возникли образы жестокого насилия. Он видел Доминина Баржазида, истекающего кровью и вопящего так, что слышно в Пидруде. Он видел Доминина Баржазида, прибитого к дереву оперенными стрелами. Он видел Доминина Баржазида, падающего под градом камней.

Он видел...

Валентайн дрожал от силы собственной ярости. Но никто в цивилизованном обществе не сдирает заживо кожу с врага, никто не оборачивает свою злобу в насилие — даже над Доминином Баржазидом.

Как, думал Валентайн, я смогу управлять миром, если не могу справиться с собственными эмоциями? Он знал, что пока в его душе кипит эта злоба, он так же не способен править миром, как и сам

Доминин Баржазид! Нужно бороться с этими чувствами. Пульсация крови в висках, дикая жажда мести — все это должно уйти, прежде чем он сделает хоть одно движение к Доминину Баржазиду.

Валентайн боролся с собой. Он расслабил сжатые мышцы, глубоко вдохнул холодный воздух, и постепенно напряжение ушло. Он нашел то место в своей душе, куда так неожиданно вошла горячая жажда мести, и прочистил его. Вот теперь он мог двинуться в спокойное место в центре своей души и задержаться в нем, почувствовав, что в Замке только двое — он и Доминин Баржазид, и дверь — единственный барьер между ними.

Овладеть собой — самая первая победа, остальное еще впереди.

Он воззвал к власти серебряного обруча Леди, вошел в транс и послал силу своего духа врагу.

Валентайн не стал посылать сон мести и кары: это было бы слишком откровенно, слишком дешево, слишком легко. Он отправил нежный сон любви и дружбы, и печали о том, что случилось. Такое послание могло только удивить Доминина Баржазида. Валентайн показал ему головокружительно-прекрасный город развлечений Верхний Морпин и их обоих, идущих рядом по улице Облаков, дружески разговаривающих, улыбающихся, спорящих о различиях между ними, пытающихся сгладить расхождения и опасения.

Это был рискованный путь. Он сулил Валентайну насмешки и презрение, если Доминин не поймет его мотивов. Но действовать на него угрозами и яростью было безнадежно. Может быть, удастся воздействовать на него благожелательностью.

Такое послание требовало больших запасов духа, поскольку наивно было предполагать, что Доминина Баржазида можно обольстить ложью, и если бы любовь Валентайна не была искренней и это не чувствовалось бы, послание было бы просто глупым.

Валентайн не знал, сможет ли он найти в себе любовь к человеку, сделавшему столько зла, однако же отыскал ее и послал... Затем взялся за ручки двери, восстановил силы и стал ждать какого-либо знака изнутри.

Неожиданно пришло послание: мощный взрыв ментальной энергии, пугающий, яростный, вылетел из имперских комнат подобно горячему суврaельскому ветру Валентайн почувствовал опаляющий взрыв глумливого отказа Доминина Баржазида. Баржазид не нуждался ни в любви, ни в дружбе. Он послал недоверие, ненависть, злобу, презрение, воинственность, декларацию войны.

Удар-был весьма интенсивным. Валентайн даже удивился, что Баржазид способен на послания. Наверняка тут действовала какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов. Валентайн ожидал чего-то в таком роде.

Но это было уже неважно. Валентайн твердо держался перед иссушающим потоком энергии, посланной ему Доминином Баржазидом.

Затем он отправил второе послание, настолько мягкое

и искреннее, насколько послание Доминина было грубым и враждебным. Он послал сон прощения, полного забвения. Он показал Доминину Баржазиду гавань, флотилию суваельских кораблей, ожидающих его возвращения в земли его отца, большой парад, когда Валентайн и Доминин ехали вместе в колеснице в порт для церемонии отплытия, стояли на набережной, смеялись, прощались — два добрых врага, имевших полную власть и теперь расставшихся по-хорошему.

В ответ пришел сон смерти, уничтожения, ненависти, отвращения.

Валентайн медленно потряс головой, стараясь очистить ее от лившейся на него ядовитой грязи. В третий раз собрав силы, он стал готовить послание врагу. Он не хотел опускаться до уровня Баржазида и все еще надеялся победить его теплом и добротой, хотя любой сказал бы, что глупо даже пытаться. Валентайн закрыл глаза и сосредоточился на серебряном обруче.

— Милорд!

Женский голос пробился сквозь сосредоточенность Валентайна, как раз когда он входил в транс.

Вмешательство было резким и болезненным. Валентайн повернулся с не свойственной ему злостью. Он был так потрясен неожиданностью, что не сразу узнал голос Карабеллы. Она испуганно попятилась.

— Милорд,— слабо произнесла она.— Я не знала...

Он овладел собой.

— В чем дело?

— Мы нашли способ открыть дверь.

Валентайн закрыл глаза. Тело его облегченно расслабилось. Он привлек к себе Карабеллу и сказал:

— Веди меня туда.

Карабелла повела его по коридорам в древних драпировках и толстых коврах.

Она шла уверенно, что его удивило, потому что она никогда не бывала здесь.

Они пришли к той части имперских комнат, которую Валентайн не помнил — к служебному входу где-то за тронным залом, маленькому, скромному помещению. Слит, стоя на плечах Залзана Кавола, по пояс влез во фрамугу и производил какие-то манипуляции на внутренней стороне двери.

Карабелла сказала:

— Мы открыли таким образом три двери, это четвертая. Еще минуту...

Слит вытащил голову и оглянулся, пыльный, ухмыляющийся, явно довольный собой.

— Открыто, милорд!

— Вот это здорово!

— Мы войдем и схватим его,— сказал Залзан Кавол.— Где ты будешь ждать его, милорд?

— Нет,— сказал Валентайн.— Туда войду я один.

— Ты, милорд? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.

— Один? — спросила Карабелла.

Слит, явно оскорбленный, закричал:

— Милорд, я не позволю...

Он умолк, испугавшись своих слов.

Валентайн мягко сказал:

— Не бойтесь за меня. Мне предстоит действовать самому, без чьей-либо помощи. Отойдите назад. Я приказываю не входить, пока не позову.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала что-то говорить, но замолчала. Залзан Кавол рыкнул и беспомощно развел всеми четырьмя руками. Валентайн толкнул дверь, вошел в какой-то вестибюль, видимо, кухонный проход, едва ли знакомый Коронованному. Он осторожно прошел через него и очутился в зале, обитом парчей — комнате для одевания. Позади была часовня Деккерета, а дальше судейский зал лорда Престимиона, громадная сводчатая комната с великолепными окнами матового стекла и канделябрами работы лучших мастеров Ни-мои. За ним следовал Тронный зал с громадным троном Конфалума. Где-то в этих апартаментах Валентайну предстояло найти Доминина Баржазида.

Комната для одевания была пуста и выглядела так, словно ею давно не пользовались. Валентайн прошел под каменной аркой в часовню Деккерета, никого там не увидел и двинулся дальше по короткому изогнутому коридору с ярким зеленым с золотом мозаичным орнаментом к судейскому залу. Глубоко вздохнув, он открыл дверь.

Сначала он подумал, что громадное помещение пусто. Из больших канделябров горел только один и то в дальнем конце, тускло освещая зал. Валентайн посмотрел направо и налево, на ряды деревянных полированных скамей, на занавешенные альковы, скрывавшие принцев и герцогов, пока над ними вершился суд, на высокий трон Коронованного.

Он увидел фигуру в имперской одежде, стоявшую в тени стола советника у подножия трона.

Из всех странностей, случившихся с ним во время ссылки, самым странным было стоять меньше чем в сотне футов от человека с бывшим его, Валентайна, лицом. До этого Валентайн однажды видел поддельного Коронованного — во время фестиваля в Пидруде, он чувствовал тогда, сам не зная почему, что взгляд Коронованного пачкает его и отнимает у него энергию, но это было до того, как Валентайн снова обрел память. Теперь он видел в слабом свете высокого сильного чернобородого мужчину с жестокими глазами, одетого как принц и вовсе не испуганного, бормочущего в страхе, а встречающего его с холодной спокойной угрозой.

Неужели и я так выглядел раньше,— подумал Валентайн.— Таким равнодушным, ледяным, недоступным? Потом он подумал, что за то время, пока Доминин Баржазид владел его телом, черная душа узурпатора проступила на его лице и исказила черты Коронованного выражением болезненной ненависти.

Валентайн начал привыкать к своему добродушному, жизнерадостному новому лицу и теперь, глядя на свое бывшее лицо, не испытывал желания получить его обратно.

— Я сделал тебя красивым, верно? — сказал Баржазид.

— А себя куда меньше,— сердечно ответил Валентайн.— Зачем ты хмуришься, Доминин? Этому лицу больше подходит улыбка.

— Ты слишком много улыбался, Валентайн. Ты был слишком уступчивым, слишком мягким, слишком бесхитростным, чтобы править.

— Значит, ты так обо мне думал?

— Не только я, но и многие другие. Как я понимаю, ты стал бродячим жонглером.

— Мне нужно было ремесло, раз ты отнял мою прежнюю жизнь. Жонглирование мне понравилось.

— Неудивительно.

Голос Доминина Баржазида гулко раздавался в пустом зале.

— Ты всегда умел развлекать других. Советую тебе вернуться к жонглированию, Валентайн. Печать и власть — мои.

— Печати твои, но власть — нет. Твоя стража сбежала от тебя. Замок тебе уже не подчиняется. Сдавайся добровольно, Доминин, и мы возвратим тебя в земли твоего отца.

— А как насчет погодных машин, Валентайн?

— Они снова включены.

— Вранье! Глупое вранье!

Доминин Баржазид быстро повернулся и распахнул высокое окно. Порыв холодного воздуха ворвался так внезапно, что Валентайн на другом конце зала почувствовал его почти сразу.

— Машины охраняются моими самыми верными людьми, не твоими, а моими, привезенными из Суврaеля. Они будут охранять машины до тех пор, пока я не прикажу включить их, и если вся Гора Замка почернеет и погибнет, не дождавшись этого приказа, пусть так и будет. Ты хочешь этого?

— Этого не будет.

— Это будет,— сказал Баржазид,— если ты останешься в Замке. Уходи. Я дарую тебе безопасный спуск с Горы и бесплатный переезд в Зимроель. Жонглируй в западных городах, как в прошлом году, и забудь глупости насчет трона. Я лорд Валентайн Коронованный.

— Доминин...

— Мое имя — лорд Валентайн. А ты — бродячий жонглер из Зимроеля. Иди и займись своим ремеслом.

— Звучит заманчиво, Доминин,— беспечно ответил Валентайн.— Мне нравилось выступать, нравилось больше всего, что я делал в жизни. Но судьбе угодно, чтобы я нес бремя правления, вопреки моим личным желаниям. Пойдем.

Он сделал шаг к Баржазиду, затем второй, третий.

— Пойдем отсюда. Я дам знать рыцарям Замка, что мятеж окончен, и планета возвращается на круги своя.

— Не подходи!

— Я не хочу вредить тебе, Доминин. В каком-то смысле я даже благодарен тебе за свой исключительный опыт, за все, что никогда не случилось бы со мной, если бы...

— Назад! Ни шагу дальше!

Валентайн продолжал идти вперед.

— Я благодарен тебе также за то, что ты избавил меня от досадной хромоты, которая лишала меня некоторых развлечений.

— Ни шагу!

Теперь их разделяло не более десяти футов. Рядом с Доминином Баржазидом стоял стол с принадлежностями судейского зала: три тяжелых бронзовых подсвечника, имперская держава и скипетр. Баржазид с яростным криком схватил обеими руками подсвечник и швырнул его Валентайну в голову. Валентайн проворно отскочил и точным движением руки поймал на лету тяжелый предмет. Баржазид швырнул второй подсвечник. Валентайн поймал и его.

— Давай еще один,— сказал он.— Я покажу тебе, как жонглируют.

Лицо Баржазида исказилось, он задыхался и шипел от злости. В Валентайна полетел третий подсвечник. Первые два уже легко кружились в воздухе, перелетая из одной руки Валентайна в другую, для него не составляло труда схватить на лету третий и пустить его следом за другими в воздух. Он весело жонглировал сияющим каскадом перед собой, смеялся, подбрасывая подсвечники все выше. Как приятно было снова жонглировать, вернуться к старым навыкам, занять глаза и руки.

— Смотри,— сказал он.— Вот так. Мы можем научить тебя, Доминин. Только научись расслабляться. Ну, брось мне еще и скипетр, и державу тоже. Я могу работать пятью предметами, а может, и не только...

Жонглируя, он шел к Баржазиду, а тот пятился, широко раскрыв глаза и капая слюной на бороду.

Вдруг Валентайн резко остановился и покачнулся от послания, ударившего его со страшной силой. Подсвечники со звоном покатились по темному деревянному полу.

Последовал второй удар, затем третий.

Валентайн еле удержался на ногах. Игра с Баржазидом кончилась, началась какая-то новая схватка, Валентайн не понимал, откуда исходит угроза. Он рванулся вперед, намереваясь схватить противника, прежде чем сила ударит его снова.

Баржазид отступал, подняв дрожащие руки к лицу. Он ли нападает, или в комнате прячется его союзник?

Валентайн отпрянул, когда эта неуловимая невидимая сила ударила его в мозг снова.

Он пошатнулся, прижал ладони к вискам и попытался собраться с мыслями. Схватив Баржазида, он удержится, повалит его и позовет на помощь.

Он рванулся вперед и схватил за руку лже-Коронованного. Доминин завыл и вырвался.

Валентайн хотел прижать его к стене, но Доминин с диким воплем страха и отчаяния метнулся мимо него и побежал, ковыляя, через комнату. Он нырнул в один из альковов и закричал:

— Отец, помоги мне!

Валентайн подбежал, откинул занавеску и отступил, ошеломленный. В алькове прятался старик могучего сложения,

черноглазый, смуглый, с блестящим золотым обручем на лбу. В руке он держал какой-то прибор из кости и золота с ремешками, застежками и рычагами. Это был Симонан Баржазид, внезапно очутившийся здесь, в судейском зале Коронованного.

Это он посылал леденившие мозг послания, чуть не сбившие с ног Валентайна.

Сейчас он хотел послать еще одно, но его отвлек сын, истерически цеплявшийся за него и умолявший о помощи.

Валентайн понял, что одному тут не справиться, и громко закричал:

— Слит, Карабелла! Залзан Кавол!

Доминин Баржазид всхлипывал и стонал. Король Снов пнул его, как надоедливую собачонку. Валентайн осторожно пробрался в альков, надеясь выхватить у старого Симонана эту ужасную сонную машину, пока он не нанес ею большого ущерба.

Как только Валентайн потянулся к ней, произошло нечто еще более ошеломляющее: контуры лица и тела Симонана Баржазида стали расплываться, изменяться, превращаться во что-то чудовищно-странное, угловатое, тонкое. Глаза скосились внутрь, нос стал просто бугорком, губы почти исчезли.

Метаморф.

Не Король Снов, а поддельный, маскарадный король, Меняющий форму, пьюривар, метаморф...

Доминин Баржазид в ужасе завизжал, отскочил от странной фигуры и бросился на пол у стены, дрожа и причитая. Метаморф посмотрел на Валентайна с нескрываемой ненавистью и со страшной силой запустил в него сонным аппаратом. Валентайн отстранился, но недостаточно: машина легко ударила его в грудь, и в этот момент метаморф проскочил мимо него, стремительно пронесся через зал к открытому окну, перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

Бледный, потрясенный Валентайн обернулся и увидел, что зал полон народа: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тунигорн и множество других, поспешно вбегающих из узкого вестибюля. Он указал на Доминина Баржазида, скорчившегося в жалком состоянии шока и коллапса.

— Тунигорн, поручаю тебе заняться им. Отведи его в безопасное место и присмотри, чтобы с ним ничего не случилось.

— Понитор Корт, милорд, самое безопасное место. Дюжина вооруженных людей будет все время охранять его.

Валентайн кивнул.

— Хорошо. Не оставлять его одного. И вызови к нему врача: он испытал чудовищный испуг, и это, я думаю, не пройдет бесследно.

Он посмотрел на Слита.

— Дружище, не принесешь ли фляжку вина? Я и сам пережил тут несколько странных моментов.

Слит протянул ему фляжку. Рука Валентайна так дрожала,что он чуть не пролил вино, поднося флягу ко рту.

Несколько успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф.

Где-то далеко внизу, футах в ста, если не больше, горели фонари. Несколько фигур во дворе окружили нечто, покрытое плащом.

Валентайн отвернулся.

— Метаморф,— растерянно сказал он.— Не сон ли это? Я видел, как здесь стоял Король Снов и вдруг он превратился в метаморфа и выпрыгнул в окно.

Карабелла тронула его за руку.

— Милорд, не хочешь ли отдохнуть? Замок взят.

— Метаморф,— снова удивленно повторил Валентайн.— Как это могло случиться?

— Метаморфы были и в зале погодных машин,— сказал Тунигорн.

— Что? Кто это сказал?

— Милорд, Илидат только что вернулся из подземелья с удивительными вестями.

Тунигорн махнул рукой, и из толпы вышел сам Илидат, усталый, в запачканном плаще и разорванном костюме.

— Милорд!

— Как машины?

— Они невредимы и снова дают теплый воздух, милорд.

Валентайн облегченно вздохнул.

— Хорошо! Там были метаморфы?

— Зал охранялся отрядами в униформе личной стражи Коронованного,— сказал Илидат.— Мы приказали им сдаться, но они не подчинились даже мне. Тогда мы вступили с ними в сражение и уложили их, милорд.

— Другого выхода не было?

— Не было, милорд. Умирая, они изменялись...

— Все?

— Да. Все они были метаморфами.

Валентайн вздрогнул. Странность на странности в этом кошмарном перевороте!

Он чувствовал, как его охватывает безмерная усталость. Машина жизни крутится снова, Замок принадлежит ему, фальшивый Коронованный — пленник, мир спасен, порядок восстановлен, угроза тирании устранена, и все-таки есть еще новая тайна, а он так страшно устал...

— Милорд,— сказала Карабелла,— пойдем со мной.

— Да,— глухо сказал он,— мне надо немного отдохнуть.

Он слабо улыбнулся.

— Отведи меня, милая, на кушетку в комнате для одевания. Я часок посплю. Ты не помнишь, когда я спал последний раз?

Карабелла взяла его под руку.

— Кажется, несколько дней назад.

— Недели, месяцы назад. Но все равно, не давай мне спать больше часа.

— Хорошо, милорд.

Он упал на кушетку. Карабелла укрыла его, погасила свет,

и Валентайн позволил усталому телу расслабиться.

В его мозгу проносились яркие образы: Доминин Баржазид вцепился в колени старика, Король Снов злобно отталкивает его и пускает в ход ту странную машину, а затем — быстрая метаморфоза, и на Валентайна смотрит лицо пьюривара. Страшный крик Доминина, метаморф, бросающийся к открытому окну. Все это снова и снова проносилось в измученном мозгу Валентайна.

Наконец он уснул.

Спал он не час, как намеревался, а несколько больше. Он проснулся от яркого золотого утреннего света.

Все тело болело. Сон,— думал он,— дикий смущающий сон. Нет, не сон.

— Отдохнул, милорд?

Карабелла, Слит, Делиамбер охраняли его сон. Он улыбнулся.

— Отдохнул. И ночь прошла. Что произошло?

— Ничего особенного,— сказала Карабелла,— кроме того, что воздух нагревается. Замок ликует. Вниз идет весть о переменах, пришедших на планету.

— Метаморф, который бросился из окна, разбился насмерть?

— Конечно, милорд,— ответил Слит.

— На нем были одежда и регалии Короля Снов. Как это случилось?

— Я могу только предположить, милорд,— сказал Делиамбер.— Я разговаривал с Доминином Баржазидом. Он сошел с ума и поправится не скоро, если вообще поправится. Он рассказал мне только кое-что. В прошлом году его отец, Король Снов, тяжело заболел, думали, что он вот-вот умрет. Ты в это время был еще на троне.

— Но я ничего не слышал об этом.

— Они об этом не извещали. Но он был очень плох, и тогда в Сувраеле появился новый врач откуда-то из Зимроеля, якобы обладавший большими знаниями. Действительно, Король Снов чудесным образом выздоровел, можно сказать, восстал из мертвых. Вот тогда, милорд, Король Снов вбил в голову сына мысль устроить тебе ловушку в Тил-омоне и сместить тебя.

Валентайн задохнулся.

— Врач-метаморф?

— Да, но принявший вид человека вашей расы. Затем, я думаю, он принял облик Симонана Баржазида и сохранял его, пока яростное сражение в судейском зале не заставило измененную форму заколебаться и упасть.

— А Доминин? Он тоже...

— Нет, милорд. Он настоящий Доминин, и вид того, кого он считал отцом, поверг его в безумие. Но именно метаморф толкнул его на узурпацию, и легко догадаться, что другой метаморф заменил бы Доминина как Коронованного.

— А метаморфские стражники повиновались приказам лже-Короля Снов, а вовсе не Доминина. Тайная революция, так, Делиамбер? Захват всей власти не семьей Баржазида, а Меняющими Форму.

— Боюсь, что так, милорд.

— Это многое объясняет,— сказал Валентайн, глядя вдаль,— и вносит еще больше беспорядка.

— Милорд,— сказал Слит,— нужно разыскать тех, кто скрывается среди нас, и истребить, а остальных запереть в Пьюривайне, где они не смогут причинять вреда.

— Полегче, дружище,— сказал Валентайн.— Ты ненавидишь живых метаморфов, верно?

— Не без причин.

— Да, возможно. Ну, что ж, мы их разыщем, чтобы не было тайных метаморфов, прикидывающихся Понтификом, Леди или даже работником в стойле. Но я думаю, что мы должны установить контакт с этим народом и вылечить его от злобы, если это удастся, иначе Маджипура окажется втянутой в бесконечную войну.

Он встал и поднял руки.

— Друзья, у нас впереди много работы, но первым делом — праздник! Слит, ты отвечаешь за празднование моего восстановления, устройство банкетов и развлечений, приглашение гостей. Пошли известие на Маджипуру, что все хорошо или почти хорошо и что Валентайн снова на троне!

Тронный зал Конфалума был самым большим из всех помещений Замка, роскошным, величественным залом с яркой позолотой, прекрасными гобеленами, полом из шелковистого дерева с гор Кинтора. Там происходили самые важные имперские церемонии, но такое зрелище Тронному залу редко случалось видеть.

Высоко на громадном многоступенчатом Троне Конфалума сидел лорд Валентайн Коронованный, слева на троне чуть пониже — Леди, его мать, вся в белом, а направо на троне такой же высоты, что у Леди, Горнкейст, главный спикер Понтифика: Тиверас прислал извинения и его вместо себя, а перед ними выстроились герцоги, принцы и рыцари королевства в таком ансамбле, какого не бывало со времен самого лорда Конфалума — верховные лорды из далекого Зимроеля, из Пидруда, Тил-омона, Нарабала, герцог-гайрог из Долорна, великие герцоги Пилиплока и Ни-мои и пятидесяти других городов Зимроеля, из сотен городов Альханроеля, кроме пятидесяти с Горы Замка.

Но не все заполнявшие зал были герцогами и принцами, был и более скромный народ — Гарцвел-скандар, Кордилейн, парусный мастер, Панделон, плотник, Виноркис-хьерт, торговец шкурами, мальчик Хиссун из Лабиринта, Тизана, толковательница снов из Фалкинкипа и многие другие, рангом не выше этих, стояли среди вельмож и лица их сияли.

Лорд Валентайн встал, отсалютовал матери, ответил на приветствия Горнкейста и поклонился, когда раздались крики:

— Да здравствует Коронованный!

Когда настала тишина, он сказал:

— Сегодня у нас большой фестиваль в честь восстановления всеобщего благоденствия и полного порядка. Мы подготовили для вас представление.

Он хлопнул в ладоши, и вошли двенадцать музыкантов под предводительством Шанамира.

Рога, барабаны, трубы заиграли приятную веселую мелодию.

За ними вошли жонглеры в костюмах редкой красоты, впору хоть принцам: впереди Карабелла, за ней Слит, а потом грубые косматые Залзан Кавол и его два брата.

Они несли жонглерский инвентарь всякого рода: мечи, ножи, серпы, факелы, яйца, тарелки, ярко раскрашенные дубинки и многие другие вещи.

Дойдя до середины зала, они встали на свои позиции лицом друг к другу по лучам воображаемой звезды.

— Подождите,— сказал лорд Валентайн.— Тут есть еще одно место!

Он спустился по ступеням трона Конфалума и остановился на третьей снизу.

Он улыбнулся Леди, подмигнул Хиссуну и махнул Карабелле, которая кинула ему меч.

Он ловко поймал его, она бросила второй и третий, и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал Леди на Острове Снов.

Это было сигналом к началу жонглирования. В воздухе сверкало множество предметов, которые, казалось, летали сами по себе. Мир еще не видел жонглирования такого высокого класса, лорд Валентайн был в этом уверен.

Через несколько минут он спустился со ступеней трона, вошел в группу и, радостно смеясь, принялся обмениваться серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

— Как в старые времена,— сказал Залзан Кавол.— Но ты, милорд, работаешь еще лучше.

— Публика вдохновляет меня,— ответил лорд Валентайн.

Залзан Кавол был в ударе.

Он прямо из воздуха выхватывал яйца, тарелки и дубинки, его четыре руки беспрерывно двигались, и каждую схваченную вещь он бросал лорду Валентайну, а тот без устали принимал их, жонглировал ими и перебрасывал Слиту и Карабелле, а в ушах его звучала похвала зрителей — не просто льстивая, это было ясно.

Да, вот это была жизнь! Как в старые времена, даже лучше!

Он засмеялся, поймал сверкающий меч и высоко подбросил его.

Илидат считал, что Коронованному неприлично заниматься подобным перед принцами королевства, и Тунигорн был того же мнения, но лорд Валентайн не согласился с ними, добродушно заметив, что не придает значения этикету. Теперь он видел, как они смотрят, раскрыв рты, со своих почетных мест на это поразительное зрелище.

Однако он понимал, что пора оставить эту забаву.

Он поочередно перекидал все пойманные предметы и отступил.

Дойдя до первой ступени трона, он остановился и позвал Карабеллу.

— Пойдем со мной, станем зрителями,— сказал он.

Щеки ее залились краской, но она, не колеблясь, избавилась от дубинок, ножей и подошла к трону.

Лорд Валентайн взял ее за руку и вместе с ней поднялся.

— Милорд,— прошептала она.

— Ш-ш-ш. Это очень серьезное дело. Осторожно, не споткнись.

— Я споткнусь? Я? Жонглер?

— Прости, Карабелла.

— Я прощаю тебя, Валентайн.

— Лорд Валентайн.

— Значит, теперь будет так, милорд?

— Не всегда. Когда мы вдвоем — нет.

Она поднялась на верхнюю ступеньку.

Их ждало двойное сидение зеленого и золотого бархата.

Лорд Валентайн стоял, вглядываясь в толпу.

— Где Делиамбер? — шепотом спросил он.— Я его не вижу!

— Это не его стихия,— сказала Карабелла,— он, наверное, уехал на время праздника. Колдуны скучают на фестивалях, а жонглирование его никогда не интересовало, ты сам знаешь.

— Ему полагалось бы находиться здесь.

— Когда понадобится тебе, он вернется.

— Надеюсь. Давай сядем.

Они заняли свои места на троне.

Внизу жонглеры показывали свои лучшие трюки, казавшиеся чудом даже лорду Валентайну, знавшему их секрет.

Глядя на них, он испытывал странную печаль, потому что теперь сам отстранился от жонглирования, отошел, чтобы подняться на трон.

Это была серьезная перемена в его жизни.

Он понимал, что жизнь бродячего жонглера, свободная и радостная, кончена, что на него снова навалилась всем бременем власть, он не хотел ее, но не мог от нее отказаться.

Это его огорчало.

Он сказал Карабелле:

— Когда-нибудь, когда двор будет смотреть в другую сторону, мы потихоньку соберемся все и покидаем дубинки. Как, Карабелла?

— Наверное, да, милорд. Я хотела бы этого.

— Мы вообразим, что мы где-то между Фалкинкипом и Долорном и гадаем, пригласят нас в Постоянный Цирк, найдем ли мы гостиницу и...

— Милорд, ты только посмотри, что делают скандары! Просто глазам не веришь! Так много рук — и все в работе!

Лорд Валентайн улыбнулся.

— В ближайшие дни, когда у меня будет время, я попрошу Залзана Кавола показать мне, как это делается.

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ

ПРОЛОГ

Через два года после воцарения Властителя Валентайна что-то перевернуло душу мальчишке Хиссуну, служке в Доме Записей Лабиринта Маджипуры. Уже шесть месяцев вел он инвентаризацию архивов сборщиков налогов,— бесконечный перечень документов, в которые никто никогда не заглядывал,— и похоже было, что этой работой будет заниматься и год, и два, и три. Работой бессмысленной, как понимал Хиссун, да и кому могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена Властителя Деккерета, или Властителя Калинтайна, или даже древнего Властителя Стиамота? По какой-то причине документы были свалены беспорядочной кучей, и теперь злой рок избрал Хиссуна разбирать их. Он отлично видел, насколько бесполезно это дело, разве что можно великолепно изучить географию огромной Маджипуры. Сколько провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись, и еще дробились на тысячи муниципальных единиц, каждая с многомиллионным населением. Постепенно сознание заполняли всевозможные названия. Это были имена Пятидесяти Городов Замка Горы, огромных городских округов Зимроеля, таинственных поселений в пустынях Суврaеля, провинциальных столиц, появившихся за четырнадцать тысячелетий процветания Маджипуры на планете. И сколько же их было — Пидруйд, Нарабал, Ни-моя, Алэйсор, Стойон, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Толигай! Миллионы названий! Но потом ему это надоело.

И вдруг охватило нетерпение, ожидание чего-то невероятного. А послушание никогда не было его сильной стороной.

Рядом с пыльной маленькой комнатушкой в Доме Записей, где Хиссун разбирал и изучал свою груду налоговых отчетов, находилось нечто гораздо более интересное — Счетчик Душ, доступ к которому был закрыт для чиновников, кроме самых высокопоставленных, да и то, говорили, не для всех. Хиссун кое-что знал об этом, он вообще много знал о Лабиринте, даже о запретных местах. «Дом Записей,— говорил он слушателям еще в восьмилетнем возрасте, когда болтался на улицах огромного подземного города и ради пары крон нанимался в проводники к приезжим,— таит в себе комнату, где хранятся миллионы мыслезаписей-воспоминаний. Поднимаешь капсулу, вкладываешь ее в щель специального устройства и внезапно становишься тем, кем оставлена запись, и живешь во времена Властителя Конфалума или

Властителя Симинэйва, или сражаешься вместе с Властителем Стиамотом против метаморфов. Но только попасть в ту комнату почти невозможно». И действительно почти невозможно, но Хиссун размышлял и прикидывал, не удастся ли пробраться туда под предлогом поисков дат для своих розысков в налоговых архивах. А потом пожить жизнью современников величайших и удивительнейших событий Маджипуры.

Постепенно мечта начала обретать черты реальности. Он знал, где находятся печати для документов в Доме Записей и потихоньку снабдил себя всеми необходимыми пропусками. И как-то после полудня, с пересохшим горлом и звоном в ушах, направился по ярко освещенным кривым коридорам.

Давным-давно уже он не испытывал подобного состояния, а будучи маленьким бродяжкой вообще не знал его. Но его оцивилизовали, обучили, дали работу. РАБОТУ! РАБОТУ! РАБОТУ!' ОНИ! КТО ОНИ? Венценосец. Еще в те времена, когда Венценосец скитался по планете, лишенный своего тела и трона захватчиком Баржазидом, он пришел в Лабиринт, где Хиссун стал его проводником. И каким-то образом мальчишка почувствовал в нем истинного Венценосца. Это и стало началом конца бродяжки-Хиссуна. Потом Хиссун узнал, что Властитель Валентайн отправился к Замку Горы, и Баржазид повержен, а потом, во время второй коронации, Хиссун вдруг очутился, Дивине знает, почему, на этой церемонии в Замке Властителя Валентайна. Никогда раньше он не покидал Лабиринта, не бывал на солнечном свете, не ездил на государственном флотере по Долине Клайна, минуя города, известные ему лишь по сновидениям, а потом Гора — тридцатимильная масса земли, взметнувшаяся ввысь, и сам Замок; грязный мальчишка стоял рядом с Венценосцем и перешучивался с ним. Венценосец восхищался умом и энергией мальчишки, его предприимчивостью. И это было прекрасно. Хиссун стал протеже Венценосца, что тоже замечательно! Но он вернулся в Лабиринт и был назначен на должность в Дом Записей, а это уже не так прекрасно. Хиссун терпеть не мог чиновников с лицами-масками идиотов, перебирающих бумаги в бесконечных кишках Лабиринта. А теперь, как любимец Венценосца, сам стал таким же. Он-то считал, что будет по-прежнему водить по Лабиринту приезжих, а вместо этого!.. ОТЧЕТ СБОРЩИКА ДОХОДОВ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА ПРОВИНЦИИ НАТАНАЛА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ВЛАСТИТЕЛЯ ОСИЕРА И ПОНТИФИКА КИННИКЕНА. Хиссун надеялся, что Венценосец вспомнит о нем и призовет к себе на службу в Замок Горы, и тогда его жизнь будет иметь какое-то значение в жизни Маджипуры, но Венценосец, кажется, забыл о нем, как и следовало ожидать. У него целый мир с двадцати- или тридцатимиллиардным населением, и какое ему дело до маленького мальчишки в Лабиринте?! Хиссун боялся, что вся жизнь его теперь пройдет среди пыльных бумаг...

Но все-таки здесь был Счетчик Душ.

Ну что ж, если Хиссун никогда больше не выберется из Лабиринта, он сможет — если никто ему не помешает — стран-

ствовать в сознаниях давно умерших людей-разведчиков, первопроходцев, воинов, даже Венценосцев и Понтификов. Это немного утешало.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурному — тускоглазому хьерту.

Хиссун заготовил поток объяснений: особое поручение Венценосца, важнейшее историческое исследование, необходимость в корреляции демографических дат, и еще много чего похожего было готово сорваться с его языка. Но хьерт только сказал:

— Знаешь, как обращаться с механизмом?

— Плохо. Лучше покажите.

Отвернув некрасивое бородавчатое лицо с бесчисленными подбородками, хьерт повел Хиссуна внутрь, там он указал на шлем и ряд кнопок:

— Контрольная консоль. Вставишь вот сюда отобранные капсулы записей и сиди. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Такая секретная машина, так тщательно охраняемая!

Хиссун остался один на один с воспоминаниями тех, кто жил когда-то в Маджипуре.

Не все, конечно, оставляли запись, лет за двадцать такая честь выпадала едва ли одному из десяти. Хиссун знал, что в хранилищах Лабиринта таких записей миллиарды. Он положил руки на консоль. Пальцы дрожали.

С чего начать?

Он хотел познать все. Пересекать леса Зимроеля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплывать под парусами Великое Море, охотиться на морских драконов в Родамаунском Архипелаге и... и... и... Он дрожал от неистового томления. С чего начать? Вот кнопки. Можно набрать дату, место, определенную личность, но — кого? Выбрать за четырнадцать тысяч лет... Из далекого прошлого Хиссун знал только о Великом Властителе Стиамоте. Минут десять он сидел не шевелясь, почти парализованный. Потом выбрал наобум. Континент — Зимроель, время — царствование Венценосца Властителя Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность —... любая. Да, любая!

Маленькая блестящая капсула возникла на консоли.

Трепеща от предвкушаемой неизведанности, Хиссун вложил ее в гнездо и надел шлем.

Сначала он услышал только, как раздалось потрескивание. Неясные, смазанные полосы — синие, зеленые и алые — побежали перед глазами под закрытыми веками. Работает? Да! Да! Он ощущал присутствие чужого разума! Кто-то, кто умер девять тысяч лет назад, послал через время свое сознание. И оно вошло в Хиссуна, наполнило его.

И он стал сомневаться — в самом ли деле он Хиссун или его зовут Тесме и живет он в Нарабале? Да, да, он Тесме, юная женщина из Нарабала. И он с радостью освободил себя от понимания того, что живет, страдает и чувствует сегодня, и позволил душе, жившей и страдавшей, Дивине знает когда, овладеть собой полностью.

ОДИН

ТЕСМЕ И ЧАУРОГ

Уже шесть месяцев Тесме жила одна в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях в полудесятке миль к востоку от Нарабала; в местечке, куда не долетали морские ветры, и тяжелый сырой воздух цеплялся за растения, как меховое покрывало. Раньше ей никогда не доводилось делать все своими руками, и поначалу она поражалась, как это здорово, когда срезала тонкие стволы молоденьких деревьев, обдирала золотистую кору и рядышком вбивала их острые концы в мягкую влажную землю, и переплетала их лозами и лианами, а сверху крепила пять громадных ветвей вараммы, делая кровлю. Не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал и о холодах можно было не беспокоиться. За месяц стволы сиджании разрослись и затянули по своим наружным концам всю кровлю побегами новых кожистых листьев прямо под потолком, а связывающие их виноградные лозы тоже продолжали жить, своими мягкими красными усиками они искали и находили плодородную почву, так что дом теперь стал живым, с каждым днем делаясь все более уютным и надежным, ведь лианы со временем становились крепче. Здесь, как и в Нарабале, ничто не умирало надолго, и воздух был таким же теплым, и солнце таким же ярким, и дожди такими же обильными, и все быстро преображалось само по себе, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков.

Одиночество тоже переносилось легко по сравнению с Нарабалом, где ей хотелось очень многого и где жизнь пошла как-то вкривь и вкось: слишком много неурядиц, слишком много суматохи, шума, друзей, уехавших путешествовать, и любовников, ставших врагами. Ей исполнилось двадцать пять лет и нужно было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить жизненный ритм, пока ее не растрясло по пустякам. Джунгли подходили для этого идеально. Она рано вставала, купалась в маленьком естественном пруду, завтракала, собирая ягоды с лоз токки, затем гуляла, пела, читала стихи и сочиняла их, проверяла ловушки — не попался ли в них кто-нибудь из зверья, взбиралась на деревья и высоко вверху омывалась солнцем в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и отправлялась спать с заходом солнца. Поначалу Тесме боялась, что нечем будет заняться и все скоро наскучит, но, к счастью, ошиблась: дни заполнены до предела и всегда оставалось несколько замыслов на завтра.

Она также предполагала раз в неделю наведываться в Нарабал, чтобы кое-что купить, подобрать новые кубики и книги, иной раз заглянуть на концерт или игрище, даже навестить семью или некоторых приятелей. И действительно, сперва ходила довольно часто. Но дорога такая жаркая и душная, к тому же она отнимала полдня, и по мере того, как Тесме привыкала к уединению, она находила Нарабал все более шумным и суматошным, а удовольствие, получаемое от походов, все меньшим.

Горожане глазели на нее. Они и раньше считали ее эксцентричной, чуть спятившей дикаркой, а теперь сравнивали с одинокой обезьяной, прыгающей по вершинам деревьев; таким образом, промежутки между ее визитами в город получались все больше. И наконец она стала ходить лишь в случае крайней необходимости. В день, когда Тесме наткнулась на чаурога, она не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Тесме бродила утром по болотистому подлеску, собирая душистые желтые фанжи; мешочек был почти полон, и она подумывала о возвращении, когда случайно заметила в нескольких ярдах от себя что-то необычное — существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями, которое неуклюже вытянулось на земле под большим деревом-сиджайлом. Оно напоминало хищную рептилию, погубившую ее отца и брата в Парабальском Проливе,— гладкую, длинную, медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подобравшись ближе, Тесме заметила, что незнакомец своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами скорее похож на человека. Она было сочла его мертвым, но, стоило ей подойти поближе, существо шевельнулось и сказало:

— У меня повреждена двигательная функция. Я был глуп и поплатился за это.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками. Сломана нога и, возможно, спина. Помоги мне.

Она нагнулась, рассматривая его получше. Да, похоже на рептилию со сверкающей чешуей и гладким жестким телом. Глаза зеленые, холодные и совершенно не мигающие. Волосы выглядели странной густой массой черных завитушек, которые медленно извивались сами по себе. Язык, змеевидный, ярко-алый и раздвоенный, безостановочно мелькал взад и вперед между едва обозначенных тонких губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Чаурог. Знаешь о нас что-нибудь?

— Конечно,— кивнула Тесме, хотя по-настоящему знала совсем мало. За прошедшее столетие несколько нечеловеческих рас обосновалось на Маджипуре, целый зверинец инородцев, приглашенных Венценосцем Властителем Меликандом, поскольку людей не хватало для столь огромной планеты. Тесме слышала о четырехруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из переселенцев не забирался так далеко — к Нарабалу, городу на краю джунглей, на громадном расстоянии от цивилизации. Значит, это чаурог? Странное существо, подумала она. Тело почти человеческое, и тем не менее, не человеческое. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, хотя и не особо пугающая.

Она посочувствовала чаурогу: бедняга заблудился вдвойне — так далеко он очутился и от своего дома, и от чего-либо похожего на него на Маджипуре! К тому же ранен. Что ж теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко.

Отправиться в Нарабал и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере два дня. Тащить к себе в хижину, выхаживать, пока не выздоровеет? Это казалось самым подходящим. Но что будет с ее одиночеством и уединенностью. И как ухаживать за чаурогом? Да и хочет ли она действительно брать на себя такую ответственность? Еще и рисковать вдобавок? Он чужак, и она понятия не имеет, чего можно ждать от него.

— Я — Висмаан,— сказал чаурог.

Было ли это именем или титулом, или же просто описанием своего состояния? Она не спрашивала. Ответила:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях, час ходьбы отсюда. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Дай мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... ты достаточно сильная?

— Наверное.

— Ты женщина, я прав?

Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Место между ногами у него было гладким и бесполым, как у машины. Хотя, подумала она, может быть у чаурогов сексуальные принадлежности расположены в иных местах. И если они рептилии, грудь ее не могла ему указать пол. Странно, что он вообще спросил.

Она опустилась рядом на колени, не понимая, как ему удастся встать и идти со сломанной ногой. Он положил руки ей на плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа оказалась прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно он носил доспехи. И это не было неприятно, просто необычно. От него исходил сильный запах, болотистый, с чуть заметной примесью меда. Трудно понять, как она не заметила его раньше — очевидно, отвлекла неожиданность случившегося. Но теперь на запах нельзя было не обратить внимания, и сначала она почувствовала, как неприятно напряглись мускулы, хотя спустя несколько минут это перестало ее беспокоить.

— Держись ровно,— предупредил чаурог.— Я навалюсь на тебя.

Тесме пригнулась, упершись руками и коленями в землю, и, к ее удивлению, чаурог довольно легко вытянулся вверх своеобразным извивающимся движением, на мгновение навалившись на спину девушки между лопаток. Она задохнулась. Затем он, шатаясь, выпрямился, ухватился за свисающую лиану. Она расставила ноги, готовясь подхватить его, если он будет падать, но он устоял.

— Сломана нога,— объяснил он.— Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема

в функционировании. Нога не держит меня. Может, ты найдешь крепкую палку?

Тесме огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что он мог бы использовать как костыль, и почти сразу заметила жесткий воздушный корень, тянущийся к земле с лесного полога. Гладкий черный корень был толстым, и она гнула его во все стороны, пока не отломила кусок ярда в два. Висмаан крепко сжал его, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть тела на поврежденную ногу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, с привкусом уксуса, без меда. Несомненно — от напряженной ходьбы. Боль, вероятно, была не такая слабая, как он хотел ее уверить. Но в любом случае он справлялся.

— Как ты сломал ногу?

— Я взобрался на дерево, хотел осмотреть местность, но ветка не выдержала моего веса.

Он кивнул на тонкий блестящий ствол высокого сиджайла. Нижняя ветвь футах в сорока над головой была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме с удивлением подумала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секунду спустя изумилась еще больше, подумав, как ему удалось взобраться на сорок футов по тонкому гладкому стволу.

— Я хочу обосноваться здесь и заняться земледелием. У тебя есть ферма?

— В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, но решила на время побыть в одиночестве.— Они добрались до мешка с климботоами, который она выронила, когда заметила лежавшего на земле чужака. Тесме забросила мешок себе на плечо.— Можешь оставаться у меня, пока твоя нога не заживет. Только до моей хижины добираться придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Я ведь иду сейчас,— сказал он.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, прошло около получаса медленной, болезненной, хромающей ходьбы, прежде чем попросил остановиться, но даже тогда остался стоять, привалившись к дереву, пояснив, что не хочет заново повторять весь сложный процесс вставания с земли. Тесме он казался и бесстрастным, и чуть встревоженным, хотя невозможно было прочесть что-либо по его неизменяющемуся лицу и немигающим глазам. Единственным указателем проявления эмоций был для нее мелькающий раздвоенный язык, только она не знала, как истолковать эти непрерывные стремительные движения. Через несколько минут они снова тронулись в путь.

Медленный шаг угнетал — вес чужака давил на плечи, и она чувствовала, как их сводит судорогой, как протестуют мускулы, пока они с чаурогом пробираются по джунглям. Говорили мало. Он, кажется, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы, стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые он не смог бы одолеть. Когда прошли полпути, начался теплый дождь, после которого они

окунулись в горячий липкий туман. Она уже изнывала от усталости, когда показалась ее хибарка.

— На дворец моя хижина не похожа,— заметила Тесме,— но мне хватает. Ложись тут.

Она подвела чаурога к своей постели из листьев зании. Он сел, испустив еле слышный свистящий звук.

— Хочешь чего-нибудь перекусить?— поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Тоже нет? Тебе надо как следует отдохнуть. Я уйду, а ты полежи спокойно.

— Не беспокойся, я все равно не буду спать,— сказал Висмаан.

— Почему же?

— Мы спим только часть года, обычно — зиму.

— И бодрствуете остальное время?

Да,— кивнул чаурог.— В этом году мой цикл спячки завершился. Понимаю, это отличается от человека...

— Сильно отличается,— согласилась Тесме.— В любом случае я оставляю тебя, отдыхай. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего,— отмахнулась Тесме и шагнула наружу.

Дождь начался снова. Знакомый, почти успокаивающий дождь, моросящий по несколько часов каждый долгий день. Она вытянулась на возвышении из мягкого упругого мха, позволяя теплым дождевым струям омывать измученное тело.

Гость в доме, подумала она. Да еще чужак. А почему бы и нет? Чаурог казался равнодушным, нетребовательным, спокойным даже в несчастье. Повреждение ноги явно более серьезно, что он готов был признать — относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии не одолеть путь до Нарабала. Тесме, правда, могла бы сама сходить в город и договориться с кем-нибудь о флотере, чтобы перевезти чаурога, но эта мысль ей не понравилась. Никто не знает, где она живет, и незачем приводить сюда горожан. С некоторым смущением неожиданно поняла, что вовсе не хочет, чтобы чаурог уехал, а, наоборот, стремится удержать его и ухаживать, пока он не восстановит силы. Она сомневалась, чтобы кто-нибудь еще в Нарабале дал приют чужаку, и это наполняло ее приятным ощущением собственной отваги и давало повод подняться над узколобыми предрассудками родного города. Год или два тому назад слышала Тесме много перешептываний об иномирянах, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали рептилеобразных чаурогов, гигантских, неуклюжих, волосатых скандаров, маленьких хитроумцев со щупальцами — урунов и прочих причудливых переселенцев. И пусть пока в отдаленном Нарабале чужаков воочию никто не видел, враждебная почва была вполне подготовлена. Только дикой и эксцентричной Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать, кормя с ложечки лекарствами и супом, или что там дают чаурогам со сломанными ногами? Она не имела никакого понятия, как именно выхаживать, но это ее не останавливало. Вдруг

пришло в голову, что за всю жизнь вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни надобности. Тесме не замужем, не рожала детей, даже домашних животных не держала. Как на младшую в семье, на нее никто никогда не возлагал ответственности. Не говоря уже о том, что, несмотря на бесчисленные бурные любовные истории, ее ни разу не потянуло навестить заболевшего возлюбленного. И теперь, наконец, поняла, почему решилась оставить чаурога у себя в хижине: ведь одна из причин, по которой она сбежала из Нарабала в джунгли, заключалась в том, чтобы исправить безобразные черты прежней Тесме.

Она решила завтра же утром отправиться в город, разузнать, если удастся, что необходимо для лечения чаурогов, купить лекарства и подходящую провизию.

После долгого отсутствия Тесме вернулась в хижину. Висмаан спокойно лежал на спине там, где она его оставила, вытянув руки вдоль тела. Он, казалось, вообще не шевелился, если исключить нескончаемое змеистое шевеление волос. Спит? После его объяснений? Подошла поближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза его были открыты, и она видела, что они следят за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила.

— Не очень. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу. Твердая чешуйчатая кожа казалась холодной. И нелепость этого жеста заставила ее улыбнуться. Откуда ей знать, какая нормальная температура у чаурогов? Впадают ли они в жар вообще? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно ей вообще показалось нелепым собственное желание ухаживать за существом из иного мира.

— Почему ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю — поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня сейчас высокая.

— Больно?

— Немного. Но главное, мои системы дезорганизованы. Можешь принести воды?

— Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом присел — он казался гораздо слабее, чем тогда, когда хромал через джунгли, видимо, все больше страдал от болезненного перелома — и осушил чашу тремя большими глотками.

Как зачарованная, Тесме смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще,— попросил он, и она налила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла наполнить его из ручья. Заодно сорвала несколько ягод токки и принесла с собой. Он подержал одну сочную

сине-белую ягоду в вытянутой руке, словно лишь так мог должным образом рассмотреть ее, и покатал на пробу между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой есть по одному большому пальцу, зато ногтей совсем не было, а только поперечные чешуйчатые перепонки, до двух первых фаланг.

— Как называется этот фрукт? — спросил Висмаан.

— Токка. В Нарабале их лозы растут повсюду. Если тебе понравится, я принесу сколько хочешь.

Он осторожно попробовал. Потом язык замелькал еще быстрее, он жадно доел ягоду и потянулся за второй. Лишь тогда Тесме вспомнила репутацию токки как средства, возбуждающего половое влечение, но отвернулась, пряча усмешку, и ничего не сказала. Он назвался мужчиной, стало быть, у чаурогов есть секс, но как они им занимаются? Внезапно по какой-то прихоти она представила, как самец-чаурог испускает струю семенной жидкости из некоего скрытого отверстия в ванну, куда погружаются самки оплодотворяться. Эффективно, но не очень романтично, подумала она, любопытно узнать, поступают ли они так, и действительно ли оплодотворение происходит раздельно, как у некоторых рыб и змей.

Она приготовила для него еду из токки, поджаренных калимботсов и небольшого многоногого нежно-ароматного хиктияна, которого поймала сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но был забродивший после двух дней на открытом воздухе сок большого красного дерева, чье название Тесме не знала, и она дала ему немного.

Аппетит у него был, как у здорового. После еды спросила, не осмотреть ли ногу, и он согласился.

Перелом был где-то посередине широкой части бедра. Толстая опухоль выделялась под чешуйчатой кожей. Она легонько ощупала ее кончиками пальцев. Чаурог издал еле слышный свист, но больше ничем не выказал, что она делает ему больно. Тесме показалось, будто под ее пальцами что-то внутри его бедра сдвинулось. Сломанные концы кости? Я знаю так мало, уныло подумала она, о чаурогах, об искусстве исцеления, вообще обо всем.

— Будь ты человеком,— пробормотала она,— мы использовали бы машину, чтобы посмотреть перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили до полного заживления. У твоих сородичей так не делают?

— Ничего,— отозвался Висмаан.— Я их соединил сокращением мышц и буду держать так, пока не срастутся. Только придется полежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Можно мне остаться у тебя?

— Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Здесь почти ничего нет. Завтра принесу.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ — большой любитель развлечений.

— Я принесу, что найдется,— пообещала Тесме.

Она дала ему три кубика: игровой, для подборки цветовой композиции, симфонический,— и занялась послеобеденной уборкой.

Ночь пришла рано, как и всегда здесь, вблизи экватора. Слышался легкий шелест дождя снаружи. Обычно она немного читала, пока не становилось совсем темно, потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. Загадочное существо заняло ее постель, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу, да и все эти разговоры, в которые она вступала впервые за много недель,— все заставило держаться напряженно и немного настороже. Сам Висмаан, казалось, с головой ушел в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев и уложила их на полу возле двери. Подойдя к чаурогу, поинтересовалась, может ли еще что-нибудь сделать для него. Тот, не отрываясь от кубиков, коротко покачал головой. Тесме пожелала ему доброй ночи и легла на импровизированную постель, которая оказалась удобней, чем она ожидала. Но уснуть не могла. Ворочалась с боку на бок: чувство стесненности и неудобства в присутствии чужака не давало покоя. И еще запах чаурога, острый и непривычный. За день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, лежа в темноте со взвинченными нервами, воспринимала его, как бесконечно повторяющийся звук трубы. Время от времени садилась и всматривалась сквозь темноту в Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. Но в конце концов сон постепенно овладел ею, и она задремала. Звуки нового утра разбудили ее привычной мелодией множества писков и криков, и первый свет просочился в открытую дверь. Тесме проснулась, ничего не понимая, как это с ней часто случалось, когда она крепко спала в незнакомом месте. Несколько минут ушло на то, чтобы вспомнить все, что случилось.

Он наблюдал за ней.

— Ты провела ночь без отдыха. Мое присутствие тебя тревожит.

— Ничего, привыкну. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, но уже начинаю поправляться. Ощущаю, как внутри идет процесс заживления.

Она принесла ему воды и тарелку фруктов. Затем вышла во влажный туманный рассвет и быстро скользнула в пруд. Когда вернулась в хижину, то, как пах чаурог, поразило ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и его резким запахом внутри хижины был разителен.

Одеваясь, она сказала:

— Я вернусь из Нарабала только к ночи. Ты как, продержишься?

— Если оставишь пищи и воды, чтобы можно было дотянуться. И что-нибудь почитать.

— Почти ничего нет. Но я принесу. Надеюсь, день у тебя пройдет спокойно.

— Возможно, заглянет какой-нибудь гость?..

— Гость? — удивленно воскликнула Тесме.— Никто сюда не

придет. Или хочешь сказать, что с тобой был еще кто-то, и он будет тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

— У меня нет друзей,— торжественно объявила Тесме. И сразу же слова эти показались ей глупыми, полужалобными и мелодраматичными. Но чаурог ничего не сказал, и, пряча свое смущение, Тесме принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Он молчал до тех пор, пока она не собралась в дорогу, потом поинтересовался:

— Нарабал красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-омона. В Тил-омоне рассказывали, как красив Нарабал.

— Ничего особенного, лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растут виноградные лозы, опутывая дом за год целиком. Тебе говорили в Тил-омоне? Ну, над тобой подшутили. Жители Тил-омона не выносят Нарабал. Это города-соперники. Два главных тропических порта. Если кто-то в Тил-омоне расхваливает красоты Нарабала, он просто лжет.

— Но для чего?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы убрать тебя подальше от Тил-омона. В любом случае, в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, и был чем-то, но теперь это просто грязный город.

— Все же я надеюсь повидать. Когда нога окрепнет, ты мне покажешь свой город?

— Разумеется,— кивнула она.— Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. А теперь пойду, хочу добраться до него пока прохладно.

Быстро, представляя на ходу, как однажды войдет в город с чаурогом, шла Тесме по тропе. Интересно, как на это отреагируют в Нарабале? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно и поносить ее, когда попробует здороваться со знакомыми? Вероятно. Чокнутая Тесме, станут судачить, привезла в город инородца; не занимаются ли они в джунглях непотребством? Да, да. Тесме улыбнулась. Забавно будет пройтись по Нарабалу с Висмааном. И она попробует, как только он сможет одолеть долгую дорогу через джунгли.

Дорога эта была просто грязной неухоженной тропкой, отмеченной зарубками на деревьях да редкими короткими просеками, быстро зарастающими во многих местах. Но за время путешествия по джунглям она овладела искусством находить направление и редко надолго теряла тропу. Поздним утром добралась до отдаленных плантаций, а вскоре увидела и сам Нарабал, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз к морю по противоположному.

Тесме не знала, для чего кому-то понадобилось основывать тут город — в самой западной точке Зимроеля. Какой-то замысел

Властителя Меликанда, того самого Венценосца, что допустил поселение чужаков на Маджипуре, способствуя развитию западного континента. Да, в начале царствования Властителя Меликанда на Зимроеле в ужасном одиночестве находилось всего два города, фактически — географические названия, созданные первыми человеческими поселенцами на планете раньше, чем стало ясно, что центром жизни Маджипуры стал другой континент — Альханроель. На северо-западе Зимроеля тогда располагался Пидрайд, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а дальше по восточному побережью — Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Теперь к ним добавились два пограничных поста: Ни-моя, воздвигнутая на одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-омон, стоящий на краю тропического пояса западного побережья; к тому же существовало несколько поселений в центральных горах, да ходили слухи, что чауроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидрайда.

И еще был Нарабал, тут, на дождливом юге, на краю континента, окруженный морем. Если стоять у края Нарабальского Пролива и долго смотреть на воду, то постепенно с ужасом начинаешь ощущать все эти тысячи миль дикости, лежащие за спиной, и тысячи миль океана, отделяющего тебя от Альханроеля, где находятся другие города. В юности Тесме пугалась мысли, что она живет в месте, столь далеком от центров цивилизации — как на другой планете. Иной раз и Альханроель, и те процветающие города казались ей просто мифом, а подлинным центром вселенной был Нарабал. Она никогда нигде не бывала, нигде, кроме него, и не надеялась побывать. Слишком велики расстояния. Единственный город в пределах досягаемости — Тил-омон, но и до него не близко, и кто бывал там, рассказывали, что он сильно похож на Нарабал, только меньше дождей и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале Тесме повсюду ощущала на себе любопытствующие взоры. Каждый раз, оборачиваясь, замечала, что горожане пялятся, словно девушка заявилась в город голой. Все знали ее — дикую Тесме, сбежавшую в джунгли,— ей улыбались, махали, расспрашивали, как идут дела, а за этим обычным добродушием были глаза — внимательно-пристальные, враждебные, сверлящие с неподдельным интересом и стремлением разгадать, что у нее на душе. «Почему ты презираешь нас? Почему чуждаешься? Почему делишь дом с отвратительным чужаком?» Она улыбалась в ответ, махала рукой и говорила вслух: «Рада увидеться с вами снова», «Все отлично», а про себя отвечала: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти, а чаурогу помогла потому, что мне, возможно, когда-нибудь за это воздастся». Но они не понимали.

Никто не заходил в ее комнату в материнском доме. Она сложила в мешок книги и кубики, отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли сгодиться Висмаану. Здесь были средства противовоспалительные, ускоряющие заживление ран, жаропонижающие и многое другое — вероятно, все это для чужака бесполезно, но она полагала, что стоит попробовать. Тесме бродила по дому, ставшему для нее каким-то непривычным, несмотря на то,

что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо разбросанных листьев, настоящие прозрачные стекла на шарнирах, чистильщик, настоящий механический чистильщик с кнопками и рукоятками — все эти миллионы ц и в и л и з о в а н н ы х вещей и приспособлений, выдуманных человечеством много тысяч лет назад в другом мире, от которых она сбежала в свою маленькую хижину с живыми ветвями, растущими по стенам...

— Тесме?

Она удивленно оглянулась. В дверях стояла ее сестра Мирифэйн, ее двойник: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые черные волосы. Только на десять лет старше и на десять лет более примирившаяся со своей жизнью. Замужняя работающая женщина, мать. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн. Словно смотрелась в зеркало и видела себя десять лет спустя.

— Мне кое-что нужно,— нехотя объяснила Тесме.

— А я надеялась, что ты решила вернуться домой,— огорчилась Мирифэйн.

— Зачем?

Мирифэйн ответила привычной проповедью о возобновлении нормальной жизни, возвращении в общество, о полезном труде. В конце она сказала:

— Мы упустили тебя.

— Может быть,— ответила Тесме,— но я делаю то, что нужно мне.— Она немного помолчала.— Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— По крайней мере останешься на ночь? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне еще далеко идти. Я не могу оставаться здесь надолго.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорела, окрепла... По-моему, отшельничество тебе на пользу.

— По-моему, тоже.

— Думаешь еще пожить в одиночестве?

— Мне нравится,— ответила Тесме. Она начала завязывать мешок.— Как у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Только я на время отправляюсь в Тил-омон.

— Счастливо.

— Думаю вырваться из нашей заплесневелой зоны и отдохнуть. Холтас поработает там с месяц над проектами новых городов в горах — приходится обеспечивать жильем всех этих инородцев, что начинают прибывать. Он хочет взять с собой меня и детей.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, живущие на севере, постепенно проникают сюда. Есть один вид, вроде ящериц с руками и ногами, хотят развивать фермы в джунглях.

— Чауроги?

— А, так ты слышала? И еще одно племя, напыщенное и воинственное, с лягушачьими рожами и темно-серой кожей.

Холтас говорит, что они заполнили все мелкие должности в Пидрайде, вроде клерков и писцов, а теперь начинают наниматься сюда. Холтас и кое-кто из архитекторов собираются спроектировать для них поселения внутри страны.

— Значит, они не будут вонять в прибрежных городах?

— Что? А, я думаю, часть все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, наши вряд ли согласятся на большое число иммигрантов в Нарабале, да и в Тил-омоне тоже...

— Да,— кивнула Тесме.— Ну, передавай привет, пойду, мне пора. Надеюсь, ты приятно отдохнешь в Тил-омоне.

— Тесме, пожалуйста...

— Что, пожалуйста?

Мирифэйн сказала с досадой:

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты еле терпишь мои расспросы и смотришь с таким раздражением. Почему злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее, никто, и меньше всего те, кто уверяет, что любит ее. Стараясь говорить мягче, ответила:

— Назови это запоздалым переходным возрастом, Мири, или возмужанием юности. Ты очень хорошо относишься ко мне. Но только зря, я все равно уйду.— Она чуть коснулась пальцами руки сестры.— Может, загляну еще на днях.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня,— сказала Тесме и вышла.

Полная внутреннего напряжения, она торопливо шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Украдкой, как вор, оглядывалась, и не раз ныряла в переулки, заметив того, кого не хотела видеть. Встречи с сестрой было достаточно. Пока Мирифэйн не сказала, что она явно выказывает раздражение, Тесме не сознавала этого. Мири права. Тесме чувствовала, что остатки раздражения еще кипят внутри нее. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, замкнувшиеся в череде бессмысленных дней,— они приводили ее в ярость. Чумой рассеяться по Маджипуре, сгрызая не нанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывать грязные города в местах удивительной красоты и никогда не задаваться какой-либо целью... Слепые, нерассуждающие натуры — это было хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не спросят, что это такое. А ведь именно это волновало человечество на Старой Земле, заставляя превращать в копию материнского мира тысячи захваченных планет. Имеют ли звезды хоть какое-нибудь значение для человечества Маджипуры? Наверное, Старая Земля все еще для них что-то значит и кажется прекрасной, лишившись за прошедшие столетия серой шелухи и накипи, и, несомненно, Старая Земля далеко ушла от Маджипуры, которая за пять следующих тысячелетий станет ее отражением с раскинувшимися на сотни миль

городами, всеобщей торговлей, грязью в реках, истребленными животными и бедными обманутыми Меняющими Форму, повсюду загнанными в резервации,— со всеми старыми ошибками, принесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она считала, что все ее раздражение от путаницы в личных делах, расстроенных нервов, отсутствия любовника, но затопившая ее ярость возникла вдруг от недовольства всем человеческим миром. Ей хотелось схватить Нарабал и сбросить в океан. К сожалению, она не могла этого сделать, не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить то, что они называли распространением цивилизации. Все, что Тесме могла — это вернуться в джунгли к сплетающимся лианам, влажному воздуху, пугливым животным болот, к хижине, к увечному чаурогу, который сам был частью затопляющего планету прилива, но был еще и тем, о ком она заботилась, кого даже лелеяла, потому что остальным ее сородичам он не нравился, пожалуй, они даже ненавидели его, и, заботясь о нем, она отличалась от н и х.

Голова болела, мускулы лица стали жесткими, будто одеревенели, она понимала, что идет, сгорбясь, словно несет на плечах всю тяжесть жизни, от которой отреклась. Она сбежала из Нарабала так быстро, как только смогла, но еще часа два, пока не свернула на тропку в джунглях и не почувствовала, как спадает напряжение, последние городские окраины маячили позади. Тесме остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, избавляясь от остатков городской накипи, а после, не надевая одежды, а лишь набросив ее на плечи, нагая, направилась через джунгли к хижине.

Висмаан лежал в постели и, кажется, ни разу не шевельнулся, пока ее не было.

— Тебе лучше? — поинтересовалась Тесме.— Как ты один справлялся?

— Очень спокойный день. Только нога чуть больше опухла.

— Давай взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Да, слегка одутловата, и он чуть дернулся, когда Тесме дотронулась до опухоли, это, по-видимому, означало, что боль очень сильная, если верить утверждению Висмаана, что к боли чауроги не слишком чувствительны. Тесме задумалась. Возможно, следовало отправить чаурога в Нарабал. Но он выглядел необеспокоенным, а она сомневалась, что доктора в городе знают что-нибудь о физиологии и анатомии чужаков. Кроме того, хотелось, чтоб он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, дала противовоспалительное и жаропонижающее, приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила несколько небольших зверушек — маленького стимойна и пару минтансов. Привычно свернула им шеи (в самом начале отшельничества было ужасно тяжело это делать, но она нуждалась в мясе, а никто не стал бы убивать за нее и для

нее) и разделала тушки. Приготовила костер, подвесила мясо и вернулась в хижину.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла, но отложил его в сторону, едва Тесме вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабал,— заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — одно расстройство. Только в джунглях и почувствовала себя хорошо.

— Ты сильно ненавидишь то место.

— А оно того заслуживает. Эти унылые надоедливые люди, эти безобразные, зажатые со всех сторон маленькие строения...— Она пожала плечами и покачала головой.— Да, сестра говорила, что на континенте закладываются какие-то новые города для иномирян, потому что множество их сейчас переселяется на юг. В основном чауроги, и еще какие-то, с серой кожей...

— Хьерты,— подсказал Висмаан.

— Мне все равно,— отмахнулась Тесме.— Мири говорила, что любят работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-омон или в Нарабал.

— Странно, я никогда не замечал недоброжелательства людей,— заметил чаурог.

— В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне не совсем понятно. Разумеется, я никогда не бывал в Нарабале и, возможно, у вас иначе. Вот на севере, я убежден, затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидрайда встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто чауроги построили себе город где-то к востоку от Пидрайда, у Большого Раскола. Если в Пидрайде у вас все так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Вместе с нами людям не очень-то удобно,— спокойно заметил Висмаан.— Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего. Привычка спать, например. Да и самим нам трудно в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, когда мы сами бодрствуем. Есть и другие различия. Вот мы и создали Дэлорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, отстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — напомнил чаурог.

Она покраснела и выскочила наружу, едва успела сорвать обед с вертела. Чуть нахмурясь, нарезала мясо и подала вместе с токкой и фляжкой вина, которое принесла днем из Нарабала. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

Немного погодя он сказал:

— Я прожил в Дэлорне несколько лет. Но там очень засушливая местность, а я жил на нашей планете в теплом и сыром краю, таком, как Нарабал. Вот я и хотел найти плодородную землю. Мои далекие предки были земледельцами, и я подумывал вернуться

к их занятию, а когда услышал, что в тропиках Маджипуры много свободной земли и можно снимать урожай шесть раз в год, то отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня никого нет, но я собираюсь жениться, как только поселюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. В моем родном мире едва ли найдется какая-нибудь невозделанная земля, но и то ее еле-еле хватает, чтобы прокормить нас. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипура так сильно влекла нас к себе. Это гигантская планета с малочисленным населением, большей частью дикая, ждущая развития. Я счастлив здесь. И думаю, ты неправа насчет своих соседей-горожан: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Даже так? Хмм... Стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с чаурогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смеялся?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные и так же, как и вы, растим детей.

— Ну, к а к рептилии.

— Внешне, пожалуй. Но я настаиваю, что близок к млекопитающим.

— Близок?

— Различие только в том, что мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Вы ошибаетесь, считая...

— Пустое! Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого всегда будут недоразумения между нами и вами. Так идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того...— Она спохватилась, чуть было не ляпнула о запахе.— Кроме того,— повторила неуклюже,— вы немного пугаете.

— Неужели больше, чем огромные лохматые скандары? Или су-сухарисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме, уставился глазами без век.— Я думал, ты скажешь, что тебе самой неудобно с чаурогом, Тесме.

— Нет.

— Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о них. Мне лучше уйти, потому что я тебя расстраиваю.

— Нет-нет, ты неправильно меня понял. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Хочу помочь тебе. Совершенно не боюсь тебя, ни к чему в тебе не отношусь с предубеждением. Я только пытаюсь объяснить, что почувствуют люди в Нарабале, то есть я предполагаю, что они могут почувствовать, и...— Она сделала долгий глоток из фляжки.— Я не знаю, как нам справиться со всем этим. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Но она заподозрила, что обидела его или, по меньшей мере, огорчила. Несмотря на холодную отчужденность иномирянина, он, казалось, был очень проницателен, и может быть, прав, может быть, наружу прорвалось ее собственное предубеждение, ее собственные предрассудки. Вполне понятно, подумала она, что, запутавшись в отношениях с людьми, я не способна больше заботиться о комлибо, о человеке или о чужаке, и потому многочисленными мелочами демонстрирую Висмаану, что мое гостеприимство — просто прихоть, неестественная и почти вынужденная, таящая в себе недовольство его присутствием. Но так ли это? Тесме все меньше понимала себя, словно быстро взрослела. И тем не менее, правдой было то, что она не хотела, чтобы он чувствовал себя незваным гостем. И решила в будущем показать, что заботится о нем искренне.

Этой ночью она спала лучше, чем предыдущей, хотя непривычно валяться в куче листьев пузырчатого кустарника на полу, в присутствии постороннего, и она часто просыпалась, всматривалась сквозь темноту в сторону чаурога, и каждый раз видела его, занятого развлекательными кубиками. Он ее не замечал. Тесме пыталась представить, каково это — спать раз в три месяца, а оставшееся время бодрствовать. Подумала: это самое чуждое в нем. И еще лежать часами, не в состоянии ни встать, ни уснуть, чтобы забыться от боли, и заниматься чем угодно, лишь бы отвлечься, лишь бы убить время — что может быть мучительней? Тем не менее, его настроение не менялось, спокойное, мирное, бесстрастное. Неужели таковы все чауроги? Неужели они никогда не пьянеют, не ссорятся, не бранятся на улицах, не ругаются с женами? Но ведь они не люди, напомнила она себе.

Утром Тесме мыла чаурога до тех пор, пока его чешуя не заблестела, затем поменяла постель. Накормив его, она провела день как обычно. Но, блуждая в джунглях, чувствовала себя виноватой за то, что пока она бродит по лесу, Висмаан лежит неподвижно в хижине и гадает, когда она вернется и расскажет что-нибудь или просто втянет в разговор и развеет скуку. Но в то же время понимала, что если будет непрерывно торчать у его постели, то они быстро исчерпают все темы и начнут действовать друг другу на нервы. Пока же у него есть с десяток развлекательных кубиков, которые помогут отвлечься. И, возможно, он предпочитает большую часть времени проводить в одиночестве. И уж во всяком случае одиночество нужно ей самой, теперь даже больше, раз она делит хижину с чужаком, и потому этим утром Тесме отправилась на длительную прогулку, собирая заодно для обеда ягоды и коренья. К полудню пошел дождь, и она присела под деревом-врамма, чьи широкие листья хорошо укрывали от струй. Прикрыла глаза и постаралась ни о чем не думать: ни о страхах, ни о хлопотах, ни о воспоминаниях, ни о чаурогe, ни о семье, ни о бывших любовниках, ни о своей невезучести, ни об одиночестве. Мир и покой воцарились наконец в ее душе.

Шли дни, она привыкала к чужаку. Он оказался неприхотливым и нетребовательным, развлекался кубиками и стоически

переносил неподвижность. Редко спрашивал о чем-либо или сам заводил разговор, но всегда дружелюбно отвечал на расспросы, охотно рассказывал о родном мире — убогом и страшно перенаселенном — о своей жизни там, о своих мечтах обосноваться на Маджипуре и о волнении, когда впервые увидел эту прекрасную, усыновившую его планету. Тесме пыталась представить, как сильное чувство чаурога проявляется: может быть, волосы поднимаются дыбом вместо того, чтобы медленно шевелиться? Или его эмоции выражаются изменением запаха?

На четвертые сутки он впервые поднялся. С ее помощью выпрямился и, опираясь на плечо Тесме и свою здоровую ногу, осторожно попробовал коснуться больной ногой пола. Она внезапно почувствовала, как изменился его запах, став более резким — нечто вроде обонятельной дрожи,— и уверилась в том, что именно так чауроги выражают свои эмоции.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила.— Слабость?

— Нога не выдерживает моей тяжести. Но излечение идет хорошо. Еще несколько дней и, я думаю, смогу встать. Помоги мне немного пройтись, а то у меня тело ослабло от долгого ничегонеделания

Он оперся на нее, и они вышли наружу, где чаурог начал медленно прохаживаться взад и вперед, осторожно прихрамывая. Недолгая прогулка, кажется, освежила его. Тесме с удивлением осознала, что ее опечалил этот первый признак выздоровления, ведь он означал, что скоро — через неделю или две — Висмаан достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она не хотела этого. ОНА НЕ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ОН УХОДИЛ! Это внезапное понимание было настолько странным, что изумило ее до глубины души. Снова жить отшельницей, с наслаждением спать в своей постели и бродить по лесу, не заботясь ни о каких гостях, делать что вздумается, избавиться от раздражающего присутствия чаурога...— и тем не менее, тем не менее, она чувствовала подавленность и беспокойство при мысли, что скоро он покинет ее. Как странно, думала она, как нелепо и как похоже на меня!

Теперь они гуляли несколько раз в день. Он все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом двигался все легче. Наконец, объявив, что опухоль спала и кость явно срослась как следует. Начал заводить разговор о ферме, которую хотел основать, о видах на урожай, о расчистке джунглей.

Однажды днем в конце первой недели Тесме, возвращаясь из экспедиции по сбору калимборнов с луга, где она впервые наткнулась на чаурога, остановилась проверить ловушки. Большинство оказалось пустыми или с обычными мелкими зверушками, но в кустарнике за водоемом что-то неистово колотилось, и когда она подошла, то увидела, что поймала билантона — самое крупное животное, когда-либо попадавшее в ее западню. Билантоны водились по всему западному Зимроелю — изящные, быстрые, небольшие животные с острыми копытцами, хрупкими ножками и крошечными перевернутыми ручками хвостов. Но здесь, у Нарабала, они были просто гигантскими, вдвое больше утонченных северных сородичей. Здешние билантоны доставали до запястья

человека и ценились за нежное и ароматное мясо. Первым побуждением Тесме было выпустить прелестное создание: слишком большим оно казалось, слишком красивым, чтобы его убивать. Она научилась резать мелких зверьков, придерживая их одной рукой. Но тут было совсем другое. Большое животное, выглядевшее чуть ли не разумным, благородным, несомненно, ценившим свою жизнь со всеми надеждами и нуждами, поджидавшее, возможно, подругу. Тесме сказала себе, что она дура. И дрелси, и минтансы, и сигимоны так же стремились существовать, как рвется сейчас жить этот билантон, а она убивала их, не колеблясь. Не стоит одухотворять животных, когда даже в свои цивилизованные дни она охотно и с удовольствием ела мясо, если их убивала другая рука. И уж тем более нет ей дела до осиротевшей подруги билантона.

Подойдя ближе, поняла, что билантон в панике сломал ногу, и на мгновение мелькнула мысль наложить шину, выходить, оставить у себя как любимца. Но это было бы еще более нелепо. Она просто не в состоянии усыновлять каждую увечную тварь из джунглей. Чтобы наложить шину, необходимо осмотреть ногу, а билантон вряд ли будет вести себя спокойно, и если даже удастся ей каким-то чудом справиться, он сбежит при первом же удобном случае. Глубоко вздохнув, подкралась сзади к бьющемуся животному, схватила за нежную морду и свернула длинную грациозную шею.

Разделка туши оказалась делом более тяжелым и кровавым, чем она ожидала. Ожесточенно кромсала и резала несколько часов до тех пор, пока Висмаан не окликнул ее из хижины, спрашивая, чем она занята.

— Готовлю обед,— отозвалась.— Сюрприз. Будет большое угощение. Жаркое билантона.

Она тихонечко хихикнула, подумав, что это прозвучало, как у доброй жены, когда та готовит филе, а муж лежит в постели, ожидая обеда.

В конце концов неприятная работа была сделана. Она поставила мясо коптиться на слабом дымном огне, а сама отправилась мыться, набирая токку и корни гамбы, затем открыла фляжки с вином, которые принесла из Нарабала. Обед поспел с приходом темноты, и Тесме чувствовала гордость за содеянное.

Она ожидала, что Висмаан набросится на еду без комментариев в своей обычной флегматичной манере, но нет: впервые заметила оживление на его лице, какие-то новые искорки в глазах, да и язык мелькал как-то по-другому. Тесме решила, что теперь лучше разбирается в его чувствах. Он с воодушевлением грыз мясо, похваливая вкус и мягкость, просил еще и еще. Каждый раз, подавая ему, накладывала и себе, пока не пресытилась.

— К мясу очень хороша токка,— заметила Тесме, вкладывая сине-белые ягоды в рот.

— Да, очень приятно,— спокойно подтвердил он.

Наконец, она больше не могла не только есть, но даже просто смотреть на еду. Положила остатки так, чтобы они были доступны для его протянутой руки, допила последний глоток вина и, вздрогнув, засмеялась, когда несколько капель пролились на

подбородок и груди. Потом вытянулась на листьях. Голова кружилась. Она лежала лицом вниз, поглаживая земляной пол и слушая все еще продолжавшееся чавканье. Наконец, чаурог тоже насытился, все стихло. Тесме ждала, но сон не приходил. Голова кружилась сильнее и сильнее, пока ей не начало казаться, будто ее швыряет по какой-то ужасной центробежной дуге на стену хижины. Кожа горела, соски грудей набухли и воспалились.

Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере ягод десять. Яростный сок кипел теперь в ней.

Она не желала спать одна, скорчившись на полу.

С преувеличенной осторожностью Тесме встала на колени, замерла на мгновение и медленно поползла к кровати. До боли всматривалась в чаурога, но в глазах туманилось, и различала лишь общие его очертания.

— Ты спишь? — прошептала.

— Ты ведь знаешь, что я не буду спать.

— Конечно, конечно. Я как-то отупела.

— Тебе плохо, Тесме?

— Плохо? Нет, не очень. Ничего особенного, разве что... как бы это...— Она колебалась.— Я пьяна, понимаешь? Понимаешь, что значит быть пьяным?

— Да.

— Мне не нравится на полу. Можно, я лягу с тобой?

— Если хочешь.

— Я буду очень осторожна, не хочу задевать больную ногу. Покажи, какая.

— Она почти зажила, Тесме, не беспокойся. Ложись здесь.

Почувствовала, как его рука взяла ее за запястье и потянула вверх. Поднялась и легла рядом на бок, ощущая чешуйчатую кожу от груди до бедра; такую прохладную и такую гладкую. Робко потерла рукой его тело. Как отлично выделанная кожа для чемодана, подумала, надавив пальцами и прощупав могучие мускулы под жестким покровом. Запах его изменился, стал резким, пронизывающим.

— Мне нравится твой запах,— пробормотала Тесме.

Зарылась лбом в его грудь и плотно прижалась к нему. Много месяцев, почти год, она не была ни с кем в постели, и было хорошо чувствовать так близко чужое тело. Даже чаурога, подумалось, даже чаурога. Просто прикоснуться к кому-нибудь, почувствовать близость. Это так хорошо — чувствовать.

Он дотронулся до нее.

Она не ожидала этого. Все их отношения складывались так, что Тесме заботилась о нем, а он покорно принимал ее услуги... Но внезапно его рука — прохладная, жесткая, чешуйчатая, гладкая — прошлась по ее телу, легко скользнула по груди, ниже, к пояснице, задержалась на бедрах. Что это было? Неужели Висмаан решил заняться с ней любовью? Она подумала о его теле, лишенном сексуальных принадлежностей, как у машины. Он продолжал гладить. Это очень непонятно, подумала она, сверхъестественно.

Даже для Тесме. Совершенно необъяснимо, сказала она себе, он не человек, а я...

А я очень одинока.

И очень пьяна.

Она надеялась, что он будет только гладить. Но вдруг одна его рука скользнула вокруг плеч Тесме, легко и нежно он приподнял ее, перекатывая на себя, бережно опустил, и она почувствовала бедрами несомненно выступающую твердую плоть мужчины. Что? Неужели его пенис таился где-то в чешуе и он выпустил его, когда подошло время? И он...

Да.

Он, казалось, знал, что нужно делать. Пусть он чужак, при первой встрече с которым она не могла определить мужчина или женщина, но он явно понимал теорию любовных игр людей. На мгновение, когда она почувствовала, как его пенис входит в нее, ее поглотил ужас и отвращение, страх, что он повредит ей или причинит боль, и где-то в глубине сознания билась мысль, что это карикатурно и чудовищно, это совокупление женщины с чаурогом, то, чего никогда не случалось за всю историю Вселенной. Ей отчаянно захотелось вырваться и убежать в ночь. Но она была слишком пьяна, слишком кружилась голова, а потом она осознала, что он вовсе не повредил ей и что пенис его скользит внутрь и наружу, как какой-то размеренный механизм, а ее лоно трепещет от наслаждения, заставляя ее дрожать и всхлипывать, наваливаясь на его гладкий, жесткий...

Она пронзительно закричала в момент оргазма, а после лежала, свернувшись, на его груди, трепеща, немного хныча и мало-помалу успокаиваясь. Теперь она протрезвела. Поняла, что сделала, и это изумило ее, даже больше, чем изумило. Знали бы в Нарабале! Чаурог — любовник! И наслаждение было таким сильным! Но вот получил ли он какое-нибудь удовольствие? Она не посмела спросить. Как узнать, бывает ли у чаурогов оргазм? Есть ли у них вообще такое понятие? Ей захотелось выведать, занимался ли он и раньше любовью с женщинами, и снова она не посмела спросить. Он был не очень искусен, но определенно более ловок, чем некоторые из мужчин, которых она знала, хотя, что бы это ни было — экспериментировал ли он с ней или просто его чистый ясный разум вычислял анатомические потребности, она не знала, и сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Он ничего не сказал. Она прижалась к нему и впала в беззвучный тихий сон, каким не спала уже неделю.

Утром Тесме чувствовала себя необычно, но не раскаивалась. Не говорили о том, что произошло между ними ночью. Он играл кубиками, она на рассвете ушла поплавать, вымыть похмелье из головы, затем убрала остатки вчерашнего пиршества, приготовила завтрак, а после отправилась в долгую прогулку на север к небольшой мшистой пещере, где просидела большую часть утра, вспоминая плоть прижатого к ней тела, прикосновение его рук к ее бедрам, бешеную дрожь сотрясавшего ее экстаза. Она не могла сказать, что находит его привлекательным,— раздвоенный язык,

волосы, как живые змеи, чешуя по всему телу — нет, нет, случившееся прошлой ночью не имеет ничего общего с его физической привлекательностью, подумала Тесме. Но тогда почему? Вино и токка. И одиночество, и готовность восстать против общепринятой морали горожан Нарабала. Отдаться чаурогу,— поняла она,— лучший способ бросить вызов всему, во что верят эти люди. Но с другой стороны, подобный поступок теряет смысл, если о нем не узнают. И она решила взять Висмаана с собой в Нарабал, как только он сможет осилить дорогу.

После случившегося они делили постель каждую ночь. Поступать иначе казалось нелепостью. Но ни на вторую ночь, ни на третью, ни на четвертую не занимались любовью. Лежали рядом, не касаясь друг друга, и не разговаривали. Тесме готова была отдаться, если бы он потянулся к ней, но Висмаан не делал этого, а сама она предпочитала не навязываться.

Молчание становилось все тягостнее, но Тесме боялась нарушить его, опасаясь услышать то, чего не хотела слышать: что ему не по вкусу их любовные игры; или, что он смотрит на свершившееся совокупление, как на непристойное и противоестественное, которое позволил себе лишь один раз, и то только потому, что она оказалась слишком настойчивой; или что он понимает — по-настоящему она не испытывает к нему страсти, а просто воспользовалась им, дабы дойти до конца в своей бесконечной войне против всяческих условностей.

К концу недели, измучившись накапливающимся беспокойством и напряжением, страдая от неопределенности, Тесме рискнула прижаться к нему, когда легла вечером в постель, позаботившись, чтобы выглядело это, как случайность. И он с готовностью легко обнял ее, не колеблясь принял в свои объятия. Потом в одни ночи они занимались любовью, в другие — нет, но всегда это происходило как бы случайно и почти обыденно, как-то непроизвольно, после чего она засыпала. Каждый раз, отдаваясь, Тесме получала огромное наслаждение. Чуждость его тела вскоре перестала замечать.

Теперь Висмаан уже ходил без помощи и упражнялся каждый день. Сначала с ней, затем самостоятельно обследовал краешек джунглей, поначалу передвигаясь осторожно и с опаской, но вскоре шагал уже свободно, лишь слегка прихрамывая. Купания, кажется, способствовали выздоровлению, и он часами плескался в маленьком прудике Тесме, досаждая громварку, живущему у берега в грязной норке,— эта старая тварь украдкой выбиралась из своего местечка и разваливалась у воды, подобно промокшему и покрытому грязью мешку с колючками. Он мрачно глазел на чаурога и не возвращался в воду, пока тот купался.

Тесме утешала его нежными зелеными ростками, которые выдергивала в ручье и до которых громварку было не добраться на его маленьких лапках.

— Когда же ты покажешь мне Нарабал? — спросил однажды Висмаан дождливым вечером.

— Могу завтра,— ответила, не задумываясь.

Ночью Тесме чувствовала необычное возбуждение и настойчи-

во прижималась к чаурогу, желая отдаться.

Они вышли в путь с первыми проблесками дождливого рассвета, уступившего вскоре яркому сиянию солнца.

Тесме шла осторожно, не спеша, и хотя казалось, что чаурог вполне выздоровел, все равно двигалась медленно, и Висмаану нетрудно было держаться за ней. Она заметила, что без удержу болтает, называя ему каждое дерево или животное, на какое они натыкались, немного рассказывала из истории Нарабала, потом о своих братьях и сестрах, о знакомых в городе. Ей страстно хотелось показаться им с Висмааном — ГЛЯДИТЕ, ВОТ МОЙ ЛЮБОВНИК-ИНОРОДЕЦ! Я СПЛЮ С ЧАУРОГОМ! И когда подошли к окраинам, стала то и дело оглядываться, надеясь увидеть знакомых, хотя едва ли можно было встретить их на окраинных фермах.

— Видишь, как на нас уставились? — шепнула она Висмаану, едва они очутились в более людных кварталах.— Они тебя боятся, считают предтечей дикого нашествия, гадают, что я с тобой делаю и почему так любезна.

— Я ничего такого не вижу,— сказал Висмаан.— Проявляют любопытство, да. Но я не замечаю ни страха, ни враждебности. Может быть, потому, что я плохо разбираюсь в мимике человеческих лиц? Правда, я считал, что знаю людей вполне достаточно, чтобы разобраться.

— Подожди и увидишь,— обнадежила Тесме. Она не хотела признаваться себе, что могла слегка преувеличить, даже более того...

Они находились уже почти в центре Нарабала, и кое-кто глазел на чаурога с удивлением и любопытством, да, но почти сразу же отводил пристальный взгляд, а остальные просто улыбались и кивали, как будто идущее по улицам существо из иного мира для них — самая обыкновенная вещь. Действительно, враждебности не было никакой, и это ее разозлило. Мягкая приветливость людей, этих вежливых, дружелюбных людей, была вовсе не тем, чего Тесме ожидала. Наконец повстречали знакомых — Канидора, закадычного приятеля ее старшего брата, Еннимонта Сиброу, державшего маленькую гостиницу в порту, и женщину из цветочной лавки. И те выказали такое же радушие, как и все прочие, даже когда Тесме сказала:

— Это Висмаан, он живет у меня последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал Тесме как содержательницу гостиниц для чужаков, и завел разговор о новых городах для чаурогов и хьертов, которые планировал для застройки муж Мирифэйн.

Владелец гостиницы протянул ладонь и общительно тряхнул руку Висмаана, пригласив к себе домой отведать вина, а цветочница все твердила:

— Как интересно, как интересно, мы надеемся, что вам понравится наш небольшой городок.

Тесме вдруг ощутила снисходительность к их энтузиазму: они словно от нее набрались дикости и теперь принимают и соглашаются с ней во всем без опасений, без удивления, без комментариев.

Возможно, неверно истолковали суть отношений с чаурогом и думают, будто он просто поселился у нее. Интересно, возникнут ли у них чувства, которых она ждет, если прямо выложить, что они любовники? Что лоно ее принимало его пенис? Что они сотворили то, что было невозможно между человеком и чужаком? Скорее всего, нет. Вероятно, даже если они с чаурогом лягут и совокупятся на Площади Понтифика, то и это не расшевелит здешних обитателей, хмуро подумала Тесме.

Понравился ли город Висмаану? Ей трудно было определить его реакцию. Они поднимались по одним улицам, спускались по другим, миновали строившуюся площадь, лавку портного, проходили вдоль маленьких кривобоких домишек, утопающих в садах.

Тесме чудилось разочарование, неодобрение в его молчании и, несмотря на всю неприязнь к Нарабалу, захотелось защитить свой город. Это ведь новое поселение, одинокий форпост в глухом закоулке второразрядного континента, насчитывающий всего несколько поколений.

— О чем ты думаешь? — спросила она наконец.— Нарабал не производит на тебя впечатления?

— Ты же предупреждала, чтобы я не ждал слишком многого.

— Тут даже более уныло, чем я обещала.

— Нет, просто маленький и недоработанный,— сказал Висмаан.— Таким он смотрится после Пидрайда и ...

— Пидрайду уже тысячи лет!

— ...Дэлорна,— закончил он.— Дэлорн удивительно прекрасен даже сейчас, хоть только начал строиться. Но, разумеется, белый камень, который там используют...

— Да,— согласилась Тесме,— Нарабал тоже планировали строить из камня, тут слишком влажный климат и дерево гниет. Только пока еще ничего не сделали. Когда увеличится население, можно будет открыть каменоломни в горах и уж тогда создать что-нибудь прекрасное по-настоящему. Так что у нас будут работать те гиганты-чужаки...

— Скандары,— подсказал Висмаан.

— Да, скандары. Послал бы нам Венценосец тысяч десять...

— Тела скандаров покрыты густой шерстью, им будет тяжело в здешнем климате. Но, несомненно, они поселятся здесь, как и сусухарисы, и многие из влажной страны чаурогов, вроде меня. Со стороны вашего правителя очень смелый шаг — впустить к себе иномирян в таком количестве.

— Другие планеты не такие большие,— отмахнулась Тесме.— Я как-то слышала, что, невзирая даже на все наши колоссальные океаны, земли на Маджипуре в три или четыре раза больше, чем в любом населенном мире. Что-то вроде того. Мы счастливы, обладая столь большой планетой, где, однако, нормальная гравитация, так что здесь могут жить и люди, и гуманоиды. Естественно, мы платим за это высокую цену тем, что почти не имеем тяжелых элементов, но зато... О, привет! — Тон ее резко изменился, голос чуть дрогнул. Стройный, очень высокий молодой человек со светлыми волосами столкнулся с ними, появившись из банка на углу, и стоял теперь, глядя на нее, разинув рот.

Это был Раскелорн Юлван, любовник Тесме последние четыре месяца ее жизни в городе, непосредственный виновник бегства в джунгли. Меньше всего хотелось встретить в Нарабале именно его, но уж столкнувшись лицом к лицу, после секундного замешательства, она сказала, беря инициативу в свои руки:

— Ты хорошо выглядишь, Раскелорн.

— И ты. Жизнь в джунглях тебе на пользу.

— На пользу, счастливейшие месяцы в моей жизни. Раскелорн, это мой друг Висмаан, жил со мной несколько последних недель. С ним случилось несчастье, когда он подыскивал землю для фермы неподалеку отсюда. Упал с дерева, сломал ногу, а я на него наткнулась.

— Представляю,— спокойно сказал Раскелорн.— На мой взгляд, он находился в превосходных условиях.— Повернулся к чаурогу.— Рад с вами встретиться,— и так это произнес, будто действительно был рад.

Тесме сказала:

— Он из Пидрайда, климат там мало похож на здешний. Говорит, что у нас в тропиках скоро поселится много его соплеменников.

— Я тоже слышал,— с усмешкой кивнул Раскелорн и добавил: — Земля у нас удивительно плодородная. Посеешь семена перед завтраком, а к ночи уже получишь вино — уверяют все, так что это, должно быть, правда.

Легкость и непринужденность его речи взбесила Тесме. Разве он не понимает, что эта чешуйчатая змея, этот иномирянин, этот чаурог занял его место в ее постели? Или он не ревнив, или просто не представляет сложившейся ситуации? Отчаянно напрягаясь, попыталась передать правду бывшему любовнику, воображая себя в объятиях чужака: как его руки мнут ее груди и бедра, как мелькает его небольшой, алый раздвоенный язык по ее закрытым глазам, ее соскам, ее лону. Но все было бесполезно — Раскелорн способен читать в мыслях не больше ее. «Он мой любовник,— думала Тесме,— он обладает мною, меня все время тянет к нему, и я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы оказаться с ним в постели». Но все это время Раскелорн стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с чаурогом, обсуждая возможности выращивания нигука, глейны и стагги в здешних краях, о посеве семян в болотистых районах, и лишь после долгой паузы перевел взгляд на Тесме и осведомился — так безмятежно, словно интересовался, какой нынче день недели,— намерена ли она жить в джунглях и дальше.

Она со злостью посмотрела на него:

— Хочешь знать, почему я предпочитаю жить в джунглях?

— Удивляюсь, как ты обходишься без элементарных удобств?

— Зато я никогда не была так счастлива.

— Хорошо, рад за тебя, Тесме.— Еще одна вежливая улыбка.— Приятно было повидаться с вами. До новой встречи,— попрощался с чаурогом и ушел.

Тесме сжигала ярость: он не заметил, равнодушно не заметил, что она отдается чаурогу. Ему безразлично, отдается ли она

чаурогу, скандару или громварку в пруду! Она хотела оскорбить его или, по крайней мере, шокировать, а он был всего лишь вежлив. Вежлив! Должно быть, он, как и все остальные, обманывался относительно их взаимоотношений с Висмааном. Для них, наверное, просто непостижимо, что женщина готова предложить свое тело рептилии-иномирянину, они даже мысли об этом не допускали...

Она повернулась к Висмаану:

— Ну как, насмотрелся на Нарабал?

— Вполне. Здесь нечего смотреть.

— Как твоя нога? Дойдем обратно?

— Разве тебе ничего не нужно сделать в городе?

— Ничего такого, я хочу уйти.

— Тогда пойдем,— кивнул чаурог.

Все же нога, казалось, доставляла ему какое-то беспокойство — мышцы, видимо, сводило судорогой, что делало пешую прогулку затруднительной для любого, но, по привычке, он не жаловался и следовал за ней к тропинке в джунглях. Время было не самое приятное, солнце висело почти прямо над головой, тяжелый влажный воздух давил на плечи — первый признак скапливающихся туч, которые вскоре после полудня разрядятся дождем.

Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя ни разу он не признался, что устал. Уставала сама Тесме и останавливалась, будто хотела показать ему то геологическое напластование, то необычное дерево, то еще что-нибудь.

Встречи в Нарабале — катастрофа. Надменный, вызывающий, непослушный, презрительный Нарабал. Она привела в город любовника-чаурога, желая гордо покрасоваться перед его жителями, а они не обратили никакого внимания. Неужто настолько отупели, что не в состоянии угадать правду? Или намеренно смотрели сквозь пальцы, решив не доставлять ей удовольствия? И какую нетерпимость видела она раньше в горожанах Нарабала? Почему считала, будто боятся соседства чужаков? Так очаровательно приветливы с Висмааном, так дружелюбны. Возможно, мрачно подумала Тесме, предубеждения существуют только в ее воображении и она превратно толкует высказывания других людей? В таком случае отдаваться чаурогу было глупостью. Это сработало впустую и не достигло цели в той личной войне, которую она вела против своих сограждан. Просто необычный, нелепый и не преднамеренный случай.

Ни Тесме, ни чаурог не разговаривали во время долгого, медленного и неудобного возвращения через джунгли.

Когда добрались до хижины, он сразу вошел внутрь, а она торопливо выкупалась, проверила ловушки, нарвала ягод, взяла какие-то вещи и тут же бросила, забыв, что хотела с ними сделать.

Наконец вошла в хижину и сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

— Хорошо,— кивнул он.— Сейчас?

— Скоро стемнеет. А ты уже отшагал сегодня много миль.

— Не хочу беспокоить тебя, пойду сейчас.

Даже теперь она была не в состоянии прочитать на лице его

чувства. Удивлен? Обижен? Зол? Не могла понять. Он не простился, отвернулся и ровным шагом направился в джунгли. Тесме провожала взглядом, пока он не исчез за низко висящими лианами: сердце колотилось, в горле у нее пересохло, еле сдержалась, чтоб не кинуться следом. Но он ушел, и скоро спустилась тропическая ночь.

Она тщательно приготовила себе обед, ела мало, представляя, как сидит Висмаан в темноте, дожидаясь утра. Даже не попрощались. А ведь могла немного пошутить, советуя держаться подальше от высоких деревьев, или он мог бы поблагодарить ее за все, что она для него сделала. Но вместо этого она просто выгнала его, и он спокойно ушел. Чужой, подумалось, и пути его чужды ей. И все же, когда они были вместе в постели и он дотрагивался до нее и втаскивал ее тело на себя...

Ночь тянулась длинная, бесконечная. Она лежала, сжавшись на постели, которую они так недавно делили вместе, слушая бормотание ночного дождя в широких синих листьях, заменяющих хижине крышу, и впервые с тех пор, как поселилась в джунглях, ощутила боль одиночества. До этой минуты она не подозревала, как много значила для нее причудливая пародия на семейную жизнь, которую они разыгрывали здесь с чаурогом и которая теперь кончилась. И она снова была одна, и даже более одинока, чем прежде. А он где-то снаружи сидит в темноте, не спящий и не укрытый от дождя.

Я влюбилась в чужака, сказала она себе с удивлением. Влюбилась в чешуйчатую т в а р ь, не сказавшую мне ни одного нежного слова, не задававшую никаких вопросов и ушедшую, не сказав ни слова — ни спасибо, ни до свидания. Она лежала, бодрствуя, несколько часов. Напряженное тело ныло от долгой дневной ходьбы. Она подтянула колени к груди и долго лежала так, а затем просунула руку между бедер и терла там до тех пор, пока не наступил миг оргазма; она задохнулась, издав чуть слышный стон, и погрузилась в сон.

Утром Тесме проснулась, проверила ловушки, собрала завтрак, потом бродила по всем знакомым тропам возле хижины. Никаких признаков, указывающих на присутствие чаурога, не заметила.

К середине дня настроение немного улучшилось, а в полдень снова радовалась жизни. Но к наступлению ночи, когда подошло время обедать в одиночестве, ощутила, как вновь подступает хандра. Она терпела. Поиграла кубиками, которые принесла для него из дому, и в конце концов уснула. А следующий день прошел уже лучше, и следующий тоже. И так шли дни...

Постепенно жизнь Тесме возвращалась в свое русло. Больше она не встречала чаурога, и он стал мало-помалу ускользать из ее сознания. Дни складывались в недели одиночества, вновь даря радость отшельничества, или это только казалось? Но иной раз ее пронизывали резкие и болезненные воспоминания: при виде билантона в зарослях, или обломанной ветки, или громварка, сидящего у воды, и тогда она понимала, что все еще тоскует о нем. Бродила по джунглям, описывая все расширяющиеся круги вокруг

хижины, не вполне понимая зачем, пока, наконец, не призналась себе, что ищет его.

Она искала его больше трех месяцев.

Однажды заметила признаки поселения на юго-востоке: расчищенные, виднеющиеся вдали вершины холмов. Направилась прямо в ту сторону, перебралась через большую, не известную ей раньше реку, там за чащей болотных деревьев оказалась недавно основанная ферма.

Притаившись у начала поля, Тесме увидела чаурога — это Висмаан, она была уверена в этом,— удобрявшего поле богатым черным перегноем. Страх вдруг сжал душу, заставив задрожать. А если другой чаурог? Нет-нет, это он. Она даже убедила себя, будто замечает небольшую хромоту. Быстро пригнулась, опасаясь показаться ему. Что скажет? Почему забралась так далеко в поисках его после того, как прогнала? Она двинулась к зарослям кустарника и уже совсем было решила уйти, но потом собралась с духом, окликнула по имени.

Он замер, огляделся вокруг.

— Висмаан? Я здесь, это я — Тесме.

Щеки ее пылали, сердце бешено стучало. На одно мрачное мгновение решила, что это чужой, незнакомый чаурог, уже извинения готовы были сорваться с языка. Но стоило ему шагнуть навстречу, как она поняла, что не ошиблась.

— Я заметила расчищенную долину и подумала, что это, должно быть, твоя ферма,— сказала Тесме, выходя из-под свешивающихся до самой земли ветвей.— Ну, как ты живешь, Висмаан?

— Отлично. А ты?

Она передернула плечами.

— Как обычно. Но ты тут сотворил удивительное... Всего-то несколько месяцев, а смотри сколько сделано!

— Да,— кивнул он,— мы здорово потрудились.

— Мы?

— Мы с подругой. Идем, познакомлю и покажу, чего мы достигли.

Его спокойные слова околдовали ее. Подчеркнутой вежливостью хотел заменить выражение негодования или обиду за то, что она выгнала его? Возможно, мстил так, обуздывая свою злость? Но скорее всего, совсем не испытывает обиды и не собирается мстить. И взгляд его на все, происшедшее между ними, вероятно, совершенно не такой, как у нее. Не забывай, нельзя забывать, что он чужак, сказала она себе.

Поднялась за ним по отлогому склону, перепрыгнув через дренажную канаву, обошла небольшое поле, явно недавно засеянное.

На вершине холма, полускрытый разросшимся огородом, стоял дом из обтесанных стволов сиджайлы, не очень-то отличающийся от ее хижины, но побольше и как-то угловатее. Отсюда было видно всю ферму, занимавшую три склона невысокого холма. Тесме поразилась, как много он успел — казалось невозможным расчистить все это, поставить дом, подготовить поле к посеву и даже

начать сев,— и все за несколько месяцев. Помнила, что чауроги не спят, но разве им не требуется отдых?

— Турном! — позвал Висмаан.— У нас гостья, Турном.

Тесме старалась успокоиться. Лишь теперь поняла, что пришла взглянуть на чаурога потому, что больше не хотела жить одна, потому что где-то в глубине души таилась полуосознанная мысль помочь устроить ферму и разделить жизнь так же, как делила постель, связать себя с ним по-настоящему. В какие-то мгновения даже позволяла себе помечтать, как они будут где-нибудь на празднике или в Дэлорне, на встрече с его соплеменниками. Все это глупо, она понимала, но с упорным безумием верила в такую возможность до тех пор, пока он не сказал про свою подругу. Теперь Тесме с трудом заставляла себя держаться спокойно и приветливо.

Из дома вышел чаурог, почти такой же высокий, как Висмаан, с такими же блестящими чешуйками и змеящимися волосами. Между ними было только одно различие, но существенное: второго чаурога украшали свисающие цилиндрические груди, с десяток или больше, каждая с темно-зеленым соском.

Тесме вздрогнула. Висмаан говорил ей, что чауроги млекопитающие, и доказательство этого сейчас невозможно опровергнуть, хотя, на ее взгляд, груди не столько подчеркивали принадлежность к млекопитающим, сколько, наоборот, наводили на мысль о таинственном и непостижимом гибриде. С глубокой неловкостью смотрела Тесме то на одного, то на другого чужака.

— Это та женщина, о которой рассказывал я тебе,— сказал Висмаан.— Она нашла меня, когда я сломал ногу. Тесме, это моя подруга Турном.

— Добро пожаловать,— торжественно объявила женщина-чаурог.

Тесме пробормотала что-то о работе, которой им еще предстоит заняться на ферме. Хотелось только одного — бежать. Но возможности такой не было: она ведь зашла навестить соседей по джунглям, и те желали показать все подробно.

Висмаан пригласил ее в дом. А что дальше? Чашка чаю, стакан вина, немного токки и жареный минтанс? Вряд ли внутри хижины есть что-нибудь, кроме стола, самой необходимой посуды.

Войдя, Тесме поняла, что не ошиблась, только, вдобавок ко всему предвиденному, в дальнем углу на трехногом табурете стоял плетеный ящик с высокими стенками. Заметив его, Тесме тут же отвела взгляд, машинально подумав почему-то, что не стоит особо любопытствовать. Но Висмаан взял ее под локоть:

— Подойди. Взгляни.

Она шагнула вперед.

Это был инкубатор. В гнездышках из мха лежало девять или десять кожистых круглых яиц, ярко-зеленых, с большими овальными пятнами.

— Наш первенец появится меньше, чем через месяц,— похвалился Висмаан.

У Тесме закружилась голова. Именно это откровение подлинной чуждости иномирян ошеломило ее, как ничто другое: ни

холодный взгляд немигающих глаз, ни змеящиеся волосы, ни прикосновение чешуи к ее обнаженным бедрам, ни внезапное поражающее проникновение его члена в ее лоно. Яйца! Детеныши! А у Турном уже копится молоко, чтоб вскармливать. Тесме как наяву увидела маленьких ящериц, вцепившихся в бесчисленные груди, и ужас захлестнул ее. Один миг стояла она, оцепенев, даже не дыша, и вдруг ринулась из дома, бросилась вниз по холму через дренажные канавы, маленькое поле, поздно осознав, что оно засеяно,— в джунгли.

Тесме не знала, сколько прошло времени, пока Висмаан появился у ее двери. Время тянулось расплывчатым потоком еды, сна и слез; возможно, миновал день или два, неделя, а потом появился он, заполнив головой и плечами вход в хижину, и позвал ее по имени.

— Чего ты хочешь? — спросила она, не двигаясь.

— Поговорить, сказать тебе кое-что. Почему ты сбежала так внезапно?

— Разве дело в этом?

Он склонился к ней. Рука его легонько опустилась на ее плечо:

— Тесме, я в долгу перед тобой.

— За что?

— Когда я ушел отсюда, не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго обсуждали, из-за чего ты убежала, она утверждает, что ты рассержена. Но я не понимал, почему. Мы перебрали все возможные причины, и лишь в конце она спросила, поблагодарил ли я тебя за помощь. Но я не знал, что это нужно. И я пошел к тебе. Прости мою грубость, Тесме, мое неведение.

— Хорошо, я тебя простила,— сказала она приглушенно.— Теперь ты уйдешь?

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не буду.

— Пожалуйста.— Он потянул ее за плечо.

Она угрюмо обернулась.

— У тебя влажные глаза,— сказал он.

— Иногда они меня не слушаются.

— Ты все еще сердишься? Почему? Прошу понять, что я не невежлив. Чауроги не выражают благодарность так, как люди. Но позволь мне это сделать. Я знаю, что ты спасла мне жизнь. Ты очень добрая. Я всегда буду помнить, что ты сделала для меня, пока я был беспомощен. Плохо, что я не сказал тебе этого раньше.

— И плохо, что я тебя выгнала,— пробормотала она низким голосом.— Только не проси объяснить, почему так сделала. Все очень запутанно. Прошу тебе то, что не поблагодарил, если простишь, что я прогнала.

— Мне не за что тебя прощать. Моя нога зажила, и настало время, как ты и подсказала, и я пошел своей дорогой. Я нашел землю для фермы.

— И это было совсем не трудно, верно?

— Да, конечно.

Она встала к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной сексом?

— Потому что ты, кажется, хотела этого.

— И только?

— Ты была несчастлива и не могла уснуть в одиночестве. Я надеялся, что это успокоит тебя, и пытался по-дружески помочь из сострадания.

— Ах, вот как...

— Я верил, что доставляю тебе удовольствие.

— Да. Да. Это доставляло мне удовольствие. Но ведь ты не хотел меня?

Его язык замелькал так быстро, что она решила, будто это соответствует человеческому удивлению.

Нет,— ответил он.— Ты — человек. Как же я могу испытывать влечение к человеку? Мы разные, Тесме. На Маджипуре нас зовут чужаками, но для меня чужак т ы , разве не так?

— Я полагаю, так.

— Но я хотел помочь тебе. Я желал тебе счастья. В этом смысле я желал тебя. Понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Я надеюсь, ты навестишь нас и разделишь щедрые дары нашей фермы?

— Я... да, да, я приду...

— Хорошо. Тогда я пойду, но сначала...

Тяжеловесно, с достоинством он притянул ее к себе и обнял могучими руками. И вновь она ощутила гладкую жесткость его чешуйчатой кожи, вновь небольшой алый язык метался по ее векам, целуя. Висмаан обнимал ее долго. Потом отпустил и сказал:

— Я не могу забыть тебя, Тесме.

— И я.

Она стояла в дверях, наблюдая, как он исчезает у пруда. Ощущение легкости, мира и тепла пронизало ее душу. Она сомневалась, что когда-либо решится навестить Висмаана, Турном и их вылупившихся ящериц, но все было правильно. Висмаан понял. Тесме начала собирать свое имущество и укладывать в мешок. Была еще только середина утра, и можно спокойно идти в Нарабал.

Она добралась до города после полудня.

Прошел год с тех пор, как она покинула город, и много месяцев, когда была здесь в последний раз. Ее удивили перемены: округу заполонила гудящая суета, повсюду росли новые здания, в Проливе стояли корабли, улицы шумели. Нарабал, казалось, захвачен чужаками: множество чаурогов, хьертов, сотни гигантских четырехруких скандаров, целая круговерть странных существ, занятых своими делами. Тесме с трудом добралась до дома матери, где застала обеих сестер и брата Далкана. Они глазели на нее с изумлением, чуть ли не со страхом.

— Я вернулась,—сказала Тесме.— Я знаю, что выгляжу, как дикий зверь, нужно привести в порядок волосы, надеть новую тунику и снова стану человеком.

Она переехала жить к Раскелорну Ювалу спустя несколько дней, а в конце года они поженились. Иногда она думала признать-

ся ему в том, что произошло между нею и чаурогом, но не решалась, и постепенно случившееся стало забываться, стало казаться не столь уж важным, как и то, откроется она мужу или нет. Она призналась, наконец, десять или двенадцать лет спустя, во время обеда в одном из новых ресторанов в квартале чаурогов в Нарабале за жарким из билантона; много выпила, слишком много золотистого вина, слишком сильно навалились старые воспоминания. В конце своей исповеди Тесме спросила:

— Ты хоть что-нибудь подозревал?

И он ответил:

— Я понял это сразу, едва увидел тебя с ним на улице. Но какое это имеет значение?

ДВА

ВРЕМЯ ОГНЯ

Несколько недель после поразительного опыта Хиссун не осмеливался возвращаться к Счетчику Душ. Нужно было время, чтобы все переварить, впитать в себя. За какой-то час в маленькой комнатке он прожил несколько месяцев жизнью женщины, оставившей зарубку на сердце. Странные новые образы возникали теперь в сознании.

Во-первых, джунгли; Хиссун не знал ничего, кроме заботливо управляемого ровного климата подземного Лабиринта; если вычеркнуть время, когда он ездил в Замок Горы, чей климат был вполне идентичен Лабиринту. Поэтому так поразили сырость, густая листва, дожди, птичьи трели и гудение насекомых, ощущение влажной грязи под ногами.

Во-вторых, то, кем он был. Ж е н щ и н о й! Потрясающе! И в з я т ь в л ю б о в н и к и ч у ж а к а! Хиссун даже не находил слов, он просто воспринял все, как есть, как данность, чтобы не терзать себя понапрасну и не запутаться. Много и кроме этого оставалось для раздумий, например, ощущение Маджипуры как развивающегося мира с дикими, неисследованными областями, с грязными немощеными улицами в Нарабале. Хиссун размышлял часами, пока бездумно готовил для архива отчеты сборщиков налогов, и постепенно приходил к мысли, что сильно изменился благодаря Счетчику Душ и никогда уже не станет прежним. Каким-то непостижимым образом будет теперь не только самим собой, но и женщиной Тесме, жившей и умершей девять тысяч лет назад на другом материке, в жарком дождливом местечке, которое он никогда не увидит.

И, разумеется, жаждал еще раз прикоснуться к Летописи. Когда он решился на вторую попытку, дежурил другой чиновник — хмурый коротышка урун, косо поглядывающий на приближающегося посетителя.

Хиссун протянул пропуск и быстро очутился внутри. Задумался, что выбрать, и в конце концов решил остановиться на

временах Властителя Стиамота, на последних днях покорения армией человеческих поселенцев метаморфов Маджипуры.

Я стану солдатом армии Венценосца, подумал он, и, возможно, даже увижу Властителя Стиамота.

Сухие предгорья полыхали кривым гребнем от Милиморна до Хэмфиси, и даже здесь, наверху, в пятидесяти милях восточнее, на Зугнорском Пике капитан Еремайл ощущал горячие порывы ветра и привкус гари в воздухе.

Густой черный дым поднимался над всей областью. За час или два летатели протянут огненную линию от Хэмфиси до небольшого поселения в начале долины, а завтра зажгут зону с юга до Силтанмонда, и тогда заполыхает вся провинция, и горе тому Меняющему Форму, кто там замешкается.

— Теперь недолго,— сказал Вигган.— Война почти закончилась.

Еремайл оторвался от карт северной части континента и посмотрел на младшего офицера.

— Вы так думаете?

— Тридцать лет. Вполне достаточно.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч лет — с тех самых пор, как люди впервые пришли в этот мир. И почти все время шла война, Вигган.

— Но ведь какое-то время мы просто не сознавали, что ведем войну!

— Да,— согласился Еремайл,— да, мы не понимали. Зато понимаем теперь.

И он вновь обратил внимание к картам, низко склонившись над ними. Масляно-едкий воздух резал глаза и туманил взор, а карты были как назло мелкомасштабные. Медленно провел карандашом по контурным линиям предгорья под Хэмфиси, не задерживаясь на селениях.

Каждая деревушка вдоль огненной дуги была отмечена на карте (как он надеялся), и офицеры побывали во всех, предупреждая о скором испепелении.

Ему и его команде было очень тяжело при мысли, что картографы могли пропустить какое-нибудь богом забытое местечко. Властитель Стиамот издал указ, предупреждающий, что ни один человек не должен погибнуть в пламени колоссальной облавы: всех поселенцев следовало уведомить загодя, дать время на эвакуацию.

Метаморфы получили такое же уведомление. Нужно не выжигать врага, неоднократно повторял Властитель Стиамот, цель одна: заставить метаморфов подчиняться, и огонь, кажется, являлся самым лучшим средством. На самих носителях Огня может сказаться столь тяжкая обязанность, подумал Еремайл, но с этим затруднений не возникнет.

— Каттикаун — Визфёрн — Домгроув... Сколько же их! И отчего людям хочется тут жить, Вигган?

— Они уверяют, что земли плодородные, а климат мягкий для такого северного района.

— Мягкий? Я полагаю, вы имеете в виду не по полгода без дождя?— Еремайл закашлялся. Ему почудилось, будто он слышит треск далекого огня сквозь рыжевато-коричневую, до колен, траву. В этой части Альханроеля дожди шли всю долгую зиму и напрочь исчезали летом; можно было подумать, что природа бросала вызов земледельцам, но, очевидно, те как-то справлялись, учитывая, сколько ферм тянулось по склонам холмов и внизу в долинах до самого моря. Сейчас стояло самое засушливое время года, и местность несколько месяцев изнывала под летним солнцем — сухость, сухость и сухость,— чернозем растрескался и покрылся бороздками, выросшие за зиму травы поникли и высохли, густолиственные кусты пожухли и замерли. Самое подходящее время, чтобы поджечь местность и сломить упорного врага на самом краю океана, или сбросить его туда! И не потерять ни одной человеческой жизни, ни одной! Еремайл вновь принялся изучать список: Чикмоуг, Фиэйли, Мичимэнд... Потом вновь поднял глаза.

— Вигган, чем вы займетесь после войны?

— У нашей семьи земли в долине Клайга. Наверное, снова фермерством, а вы?

— Мой дом в Сти. Я был инженером, строил каналы, водоводы и тому подобное. Могу опять этим заняться. А когда вы последний раз видели Клайг?

— Четыре года назад,— вздохнул Вигган.

— Я пять лет не был в Сти. Вы ведь участвовали в битве под Тримэйном?

— Был даже ранен, легко.

— И вам приходилось убивать метаморфов?

— Да.

— Нет,— Еремайл покачал головой.— Мне — нет. За все девять лет в армии не отнял ни единой жизни. Конечно, я офицер, но, подозреваю, убийца из меня никакой.

— Да и из всех нас тоже,— заметил Вигган.— Но когда они приближаются к вам, меняя форму раз по пять в минуту, или когда вы узнаете, что они совершили налет на земли вашего брата и перебили всех близких...

— С вами это случилось, Вигган?

— Нет, не со мной. Но другие... Таких очень много. Зверства! Стоит ли объяснять...

— Да, не стоит. Как называется этот городок, Вигган?

Офицер наклонился к карте.

— Сингасерин. Тут маленькое пятнышко, но название прочесть можно. Он есть у нас в списке, их предупредили позавчера.

— По-моему, мы сделали все.

— По-моему, тоже.

Еремайл свернул карты, отложил в сторону и снова посмотрел на запад, где отчетливо прослеживалась разграничивающая линия между зоной огня и неподожженными темно-зелеными и, судя по всему, с буйной растительностью, холмами южнее. Однако, и там, наверное, листва сморщилась, сделалась сальной за долгие месяцы без дождя, и склоны холмов внезапно взрывались, словно

разбомбленные, едва огонь достигал их. Еремайл видел все новые и новые взрывы пламени, похожие на краткие вспышки неожиданной яркости, как удары света. Но это расстояние обманывало взор — Еремайл знал: каждый из крошечных костерков взрывал обширную новую территорию, огонь мчался, сам рождаясь в воздухе горящими угольками, куда ни протягивали его летатели, пожирая леса за Хэмфиси.

— К вам посыльный, капитан,— окликнул Вигган.

Еремайл обернулся. Рослый молодой человек в мокрой от пота форме спустился по склону и пристально смотрел на них.

— Ну?— спросил Еремайл.

— Меня направил капитан Вануйл. У нас затруднение — в долине неэвакуированный поселенец.

— Хм, вот как,— Еремайл передернул плечами.— Какой поселок?

— Это между Каттикауном и Визферном, на хорошем тракте. Человека тоже зовут Каттикаун, Айбил Каттикаун. Он утверждает, будто получил землю в подарок от Понтифика Дворна и его люди живут там тысячи лет. Он отказывается уходить.

Еремайл сказал со вздохом:

— Мне все равно, что он получил землю в подарок от Понтифика Дворна, завтра мы зажжем округу и он сгорит, если не уберется оттуда.

— Он это знает, капитан.

— Чего он ждет от нас? Разложить огонь так, чтобы не задел его ферму?— Еремайл нетерпеливо махнул рукой.— Эвакуируйте его, невзирая на то, хочет он того или нет.

— Мы пытались,— ответил посыльный,— но Айбил вооружен и оказал сопротивление. Он заявил, что убьет всякого, кто попробует согнать его.

— Убьет?— повторил Еремайл, словно не поняв значения слова.— Убьет? Кто станет угрожать убийством? Только безумец. Возьмите взвод солдат и переведите его в безопасную зону.

— Я ведь говорил, капитан, он оказывает сопротивление. Была перестрелка. Капитан Вануйл полагает, что его невозможно убрать оттуда живым. Капитан Вануйл просит вас спуститься к нему и разобраться лично.

— Я...

Вигган тихо заметил:

— Все может оказаться проще простого: у крупных землевладельцев характеры тяжелые, и они требуют к себе повышенного внимания.

— Пусть Вануйл и займется им,— буркнул Еремайл.

— Он уже пытался вести переговоры, капитан,— объяснил посыльный,— и неудачно. Каттикаун требует невозможного — встречи с Властителем Стиамотом, но если бы вы...

Еремайл задумался. Конечно, нелепо командующему всем районом офицеру брать на себя подобную задачу. Это дело Вануйла. Его обязанность — очистить территорию от людей к завтрашнему утру, а обязанность Еремайла — оставаться здесь и осуществлять общее руководство всей акцией. С другой стороны,

эвакуация в конечном счете была обязанностью и Еремайла, а Вануйл явно не справляется, попытка же насильственно согнать людей с земли скорее всего окончится смертью Каттикауна и гибелью кое-кого из солдат. Почему бы и не съездить? Еремайл медленно кивнул. Ничего важного на сегодня не оставалось, а Вигган и один управится со всем прочим. И если удастся спасти одну жизнь, жизнь одного старого упрямого дурака...

— Возьмите мой флотер,— предложил он Виггану,— а я воспользуюсь вашим.

— Но, капитан...

— Давайте, давайте, пока я не передумал. Поеду, взгляну, что там.

— Но Вануйл уже...

— Не стоит беспокоиться, Вигган. Я спущусь совсем ненадолго. Вы тут покомандуйте, пока я не вернусь, но, думаю, вряд ли у вас сегодня будет какая-нибудь работа.

— Да, капитан,— хмуро ответил младший офицер.

Ферма оказалась дальше, чем Ермайл предполагал. Пришлось почти два часа пробираться по еле приметной тропке с базы на Зугнорском Пике, затем пересечь неровный склон плато, ведущий к подножию холмов, окружающих равнину.

Здесь, внизу, воздух стал горячее, хотя и не таким дымным, мерцающие жаром волны порождали миражи и заставляли пейзаж плавиться и плыть. Дорога оказалась вполне приличной, но приходилось часто останавливаться, пропуская мчащихся в панике животных (некоторых он не мог узнать), бешено вылетающих из огненной зоны впереди. Тени начали удлиняться, когда Еремайл добрался наконец до небольшого поселения в предгорье. Здесь присутствие огня чувствовалось почти осязаемо, как второе солнце в небе. Жаром обдавало щеки, на кожу и одежду оседали мелкие хлопья пепла.

Места, которые он проверял по своему списку, стали теперь неуютно реальными — Вайели, Домгроув, Визфёрн. Последний они только что миновали: со скучившимися в центре лавками и административными зданиями в окружении домиков, от которых тянулись наружу, по кольцу, фермы; каждый городок располагался в небольшой долине, где имелась речушка, текущая вниз по склону холма и теряющаяся где-то на равнине. Они были пусты сейчас или почти пусты, осталось лишь несколько замешкавшихся, остальные уже шли по тракту, ведущему к побережью.

Еремайл не сомневался, что, зайди он в любой дом, и найдет там книги, гравюры, картины, всяческие безделушки, даже домашних животных, возможно, забытых в спешке. А завтра все это обратится в пепел. Но местность вокруг кишела Меняющими Форму. Столетиями поселенцы жили здесь под угрозой неумолимого жестокого врага, проникавшего из леса под личиной друга, возлюбленной, сына, и всегда только с одним намерением — убить. Тайная, бесшумная война между лишенными прав аборигенами и теми, кто пришел после них, война, неизбежная с тех самых пор, как первые поселки на Маджипуре переросли в города и расползлись, занимая плодородные земли и поглощая все больше

и больше владений местных уроженцев. А теперь все пожирающий огонь подведет итог в этой судорожной борьбе между людьми и Меняющими Форму, и ничто не в силах его изменить. И Вайелы, и Домгроув, и Визферн должны быть разрушены, чтобы прекратить мучительную борьбу. И все-таки нелегко покинуть родной дом, подумал Еремайл, нелегко даже разрушить чужой дом, чем он занимался последние дни, разве что делать это издали, на таком безопасном расстоянии, откуда сожжение чьих-то родных очагов представляется только стратегией.

За Визфёрном дорога шла вдоль предгорья, ориентированного далеко на запад. Множество больших ручьев, скорее даже, речушек, землю густо покрывали леса без единой вырубки для посева. Однако и здесь поработала многомесячная засуха: кучи опавших мертвых листьев, сломанных ветвей и потемневших стволов готовы были мгновенно вспыхнуть.

— Вот это место, капитан,— сказал посыльный.

Еремайл увидел отделенное перегородкой ущелье, узкое в начале и гораздо шире внутри, с текущим посередине ручьем. В сгущающихся сумерках поместье — огромный белый дом, крытый зеленой черепицей,— производило впечатление; за ним тянулось необъятное засеянное поле. У входа в ущелье стояла вооруженная охрана. Еремайл с беспокойством заметил, что это не просто фермерское ополчение, а настоящая стража, видно, хозяин ощущал себя как минимум герцогом.

Еремайл спешился и шагнул к охранникам, державшим энергометы наготове:

— Капитан группы Еремайл хотел бы повидать Айбала Каттикауна.

— Каттикаун ожидает Властителя Стиамота,— последовал холодный ответ.

— Властитель Стиамот занят в другом месте. Здесь его заменяю я. Я командую этим округом.

— Нам приказано пропустить только Властителя Стиамота.

— Передайте своему хозяину,— сказал Еремайл устало,— что Венценосец шлет свои извинения и просит изложить обиды капитану Еремайлу вместо себя.

Казалось, охранник остался равнодушным к услышанному, однако чуть погодя повернулся и вошел в ущелье.

Еремайл следил, как он не спеша идет вдоль ручья и исчезает за густым кустарником, окружающим площадку перед домом.

Прошло порядочно времени; ветер переменился, донося жаркие вспышки из зоны огня, дымный пласт черного воздуха резал глаза и горло. Еремайл чувствовал, как сажа оседает в легких. Но отсюда, из этого укромного места, сам огонь не был виден.

Наконец, так же неторопливо, вернулся охранник.

— Каттикаун примет вас,— объявил он.

Еремайл кивнул, подзывая, водителю и своей охране, но стражник Каттикауна покачал головой:

— Только вы, капитан.

Посыльный обеспокоенно взглянул на Еремайла, но тот махнул рукой, отсылая его.

— Ждите меня здесь,— распорядился.— Не думаю, чтобы я задержался надолго.

Он последовал за охранником по дорожке к дому.

От Айбила Каттикауна он ожидал столь прохладной встречи, как и от его охраны. Но Еремайл недооценил учтивости провинциального аристократа, которую следовало предусмотреть заранее.

Каттикаун приветствовал его теплой улыбкой и проницательным взглядом, а затем, подхватив под руку, проводил в свое жилище, которое оказалось скудно меблированным, зато вся обстановка была изящной и красивой. В сводчатом потолке выступали балки из выдержанного в маслах черного дерева, высоко на стенах развешаны охотничьи трофеи, мебель массивная и, очевидно, старинная, Все дышало архаичным духом, как и сам Айбил Каттикаун. Он был рослым — много выше хрупкого Еремайла — и широкоплечим. Массивное тело театрально увеличивал тяжелый плащ, выкроенный из шкуры ститмота, который он носил непринужденно. Лоб высокий, густые темные волосы свисали тяжелыми локонами, глаза черные, губы — тонкие. Этот Айбил производил внушительное впечатление своей внешностью.

Усадив Еремайла, хозяин наполнил бокалы каким-то игристым янтарным вином и сказал, когда они пригубили:

— Итак, вы собираетесь сжечь мою землю?

Еремайл вздохнул:

— Боюсь, нам придется сжечь всю провинцию целиком.

— Идиотская затея. Наверное, самая дурацкая за всю историю человеческих войн. Знаете, как ценится продукция нашего округа? Знаете, сколько поколений тяжкого труда ушло на строительство наших ферм?

— Вся зона — от Милиморна до Синталмонда — последний оставшийся в Альханроеле очаг сопротивления метаморфов. Венценосец хочет, наконец, покончить с войной, а это возможно, лишь выкурив Меняющих Форму из потайных нор в здешних холмах.

— Есть иные средства.

— Мы испробовали все,— ответил Еремайл,— но это ни к чему не привело.

— Вот как! А вы пытались дюйм за дюймом идти по лесам, выискивая их? Разве вы перебросили сюда всех солдат Маджипуры, чтобы провести такую операцию? Конечно, это слишком хлопотно. Гораздо проще выслать летателей и все сжечь.

— Война перемолола уже несколько поколений.

— И Венценосец горит желанием закончить ее,— кивнул Каттикаун,— за мой счет.

— Венценосец отличный стратег,— не согласился Еремайл.— Он разбил опасного, почти непостижимого врага и обезопасил Маджипуру для человеческих поселений —всю, кроме вашего округа.

— Мы и сами неплохо справлялись с окружающими нас метаморфами, капитан. Однако мы не устраивали резни. Я в состоянии справиться с ними. Не настолько они опасны, чтобы сильно

угрожать нашему благоденствию, как это, кажется, делает ваше правительство. Ваш Венценосец глупец, капитан.

Еремайл сдержался:

— Будущие поколения восславят его, как героя из героев.

— Очень похоже,— согласился Каттикаун.— Люди подобного сорта обычно и превращаются в героев. Я заявляю, что нет необходимости разорять целую провинцию, чтобы окружить несколько тысяч оставшихся аборигенов. Уверяю вас, это близорукое и опрометчивое решение усталого военачальника, который торопится вернуться к наслаждениям Замка Горы.

— Ничего нельзя изменить. Решение принято, от Милиморна до Хэмфиси все уже пылает.

— Я это заметил.

— Огонь подбирается к вашему поместью. Возможно, на рассвете здесь будет уже опасно. В течение дня летатели зажгут не только здешний район, но и потянут линию на юг до самого Ситалмонда.

— Представляю,— спокойно сказал Каттикаун.

— Эта местность станет адом. Мы просим вас уйти, пока еще есть время.

— Я уже выбрал, капитан. Я остаюсь.

Еремайл тихо вздохнул:

— Мы не сможем нести ответственность за вашу безопасность, если вы так поступите.

— Никто и никогда не отвечал за мою безопасность, кроме меня самого.

— Поймите, вы погибнете и погибнете ужасной смертью. У нас нет возможности проложить линию огня так, чтобы не затронуть ваше поместье.

— Я понимаю.

— Значит, вы хотите, чтобы мы вас убили?

— Ничего подобного я не прошу. Боюсь, нам не понять друг друга. Вы деретесь на своей войне, я охраняю свой дом, и если огонь вашей войны вторгнется на мою землю — для меня очень плохо, но это не будет убийством. У каждого свой путь, капитан.

— Вы странно рассуждаете. Вы погибнете в результате наших действий, и ваша смерть будет на нашей совести.

— Я остаюсь здесь по собственному желанию, после того, как был вовремя предупрежден,— возразил Каттикаун,— так что моя смерть будет лишь на моей совести.

— А жизнь ваших людей? Они ведь тоже погибнут?

— Здесь только те, кто выбрал сам. По доброй воле, их предупреждали. Трое ушли на побережье, остальные отказались, чем не доставили мне никакой радости. Но здесь наш дом. Еще бокал, капитан?

Еремайл отрицательно качнул головой, потом передумал и протянул свой бокал. Наливая, Каттикаун спросил:

— Значит, переговорить с Властителем Стиамотом нет никакой возможности?

— Ни малейшей.

— Как я понимаю, Венценосец находится в нашем районе?

— Да, но до его ставки полдня пути. И, насколько я знаю, он недосягаем для такого рода прошений.

— Причем, намеренно. Понимаю,— улыбнулся Каттикаун.— Как, по-вашему, капитан, а он не безумен?

— Венценосец? Нет, конечно.

— Огонь — отчаянная, идиотская мера. Возмещение, которое ему придется впоследствии выплачивать, составит миллионы роалов — крах его состояния; это будет стоить больше, чем пятьдесят таких замков, которые он возводит на вершине Горы. А зачем? Года два-три, и мы договоримся с Меняющими Форму.

— Или пять, десять, двадцать,— отозвался Еремайл.— Войну нужно заканчивать как можно скорее. Это страшное потрясение, этот позор для нас всех, этот долгий кошмар...

— Значит, вы считаете войну ошибочной?

Еремайл быстро покачал головой:

— Основную ошибку сделали давным-давно, еще когда наши предки избрали для переселения этот мир, который уже был обитаем. Но сейчас у нас нет выбора: или мы одолеем метаморфов, или нам придется вообще уйти с Маджипуры. Но разве мы в силах это сделать?

— Да,— кивнул Каттикаун,— как же бросить дом, которым владеешь так давно!

Еремайл не обратил внимания на его иронию.

— И мы вырвем планету у несговорчивых метаморфов. Тысячи лет мы стремились жить с ними в мире, пока не убедились, что такое сосуществование невозможно, и теперь нам силой приходится утверждать свое будущее. Это никому не нравится, но ведь есть альтернативы и похуже.

— И что будет делать Властитель Стиамот с метаморфами, когда загонит их в лагеря для интернированных? Изрежет на удобрения для сожженных полей?

— Они получат огромную резервацию на Зимроеле,— ответил Еремайл,— половину континента. По-моему, совсем не плохо. Альханроель останется нам, да еще океан между нами. Уже закладываются города под это решение. И лишь в вашем краю бушует война. Властитель Стиамот взвалил на себя всю ответственность за этот жестокий, но необходимый акт, будущие поколения воздадут ему почести.

— Я могу воздать и сейчас,— буркнул Каттикаун.— О мудрейший и справедливейший Венценосец, в своей бесконечной мудрости уничтоживший землю, поскольку тебя тревожат таящиеся в ней аборигены! Для меня было бы гораздо лучше, капитан, имей ваш герой-правитель поменьше благородства духа. Или, возможно, наоборот — побольше. Он казался бы мне гораздо привлекательнее, если бы выбрал медленный способ покорения нашей провинции. Тридцать лет войны — что значат еще год-два?

— Но он уже выбрал, и огонь приближается к этому месту, пока мы болтаем.

— Пусть приходит. Я буду здесь, и буду оборонять свой дом.

— Вы, очевидно, не видели еще зону огня,— заметил Еремайл.— Вы не продержитесь и десяти секунд, огонь поглотит вас.

— Вполне возможно.

— Я прошу вас...

— Вы просите? Значит, вы проситель? А если прошу я? Значит... Я прошу вас, капитан, пощадите мое имущество.

— Это невозможно. И я искренне прошу вас: уходите, сохраните свою жизнь и жизнь своих людей!

— И что мне тогда делать? Доползти до побережья и прозябать в каком-нибудь убогом уголке Алайсора или Вайлемона? Подавать на стол в гостинице или подметать улицы, а может, ухаживать за маунтами в конюшне? Мое место здесь. Я лучше завтра погибну за десять секунд, чем буду тысячи лет прозябать в трусливой ссылке. — Каттикаун подошел к окну.— Темнеет, капитан. Пообедаете со мной?

— К сожалению, не могу оставаться. Поверьте, я искренне сожалею...

— Можно поговорить и о другом.

Еремайл протянул руку.

— У меня есть обязанности. Конечно, для меня было бы незабываемым удовольствием воспользоваться вашим гостеприимством, я бы очень хотел этого.

— Мне больно видеть, что вы уходите, не отобедав. Торопитесь к Властителю Стиамоту?

Еремайл не ответил.

— Прошу получить для меня аудиенцию у него,— сказал Каттикаун.

— Невозможно, да и ни к чему хорошему это не приведет. Я прошу вас, покиньте свое поместье нынче ночью. Давайте пообедаем вместе, а затем вы оставите свои владения.

— Здесь мой дом, и я останусь здесь. Я желаю вам, капитан, всего доброго, долгой и хорошей жизни. Спасибо за этот разговор.

Он на мгновение прикрыл глаза и наклонил голову в еле заметном поклоне.

Еремайл направился к дверям огромного зала. Каттикаун сказал вслед:

— А ваш офицер думал, будто сумеет выдворить меня силой. У вас больше здравого смысла, и я вам благодарен. Прощайте, капитан Еремайл.

Еремайл поискал подходящие слова и, не найдя ни одного, взмахнул рукой, прощаясь.

Люди Каттикауна проводили его обратно ко входу в ущелье, где дожидались водитель и посыльный, играя в кости на борту флотера. Они поспешно вскочили, завидев Еремайла, но он знаком остановил их. Он посмотрел на восток, на колоссальный горный кряж, вздымавшийся в дальнем конце ущелья. Летней ночью в здешних северных широтах небо оставалось светлым, и тяжелая, громада Зугнорского Пика тянулась через горизонт, подобно черной стене на бледно-сером фоне. Южная его часть сдваивалась горой Хаймеон, где устроил свою ставку Венценосец.

Еремайл постоял немного, изучая оба могучих пика и столб дымного огня, поднимавшийся с противоположной их стороны, и восходящие луны, затем покачал головой, оглянулся на владение

Айбила Каттикауна, исчезнувшее сейчас в сгустившихся тенях. Поднимаясь обратно в гору и пересекая цепи вооруженных людей своего отряда, Еремайл заново переживал встречу с Каттикауном. Он, проведший много времени с самим Венценосцем и хорошо знающий круг его советников, тем не менее, никогда не встречал такого, как Каттикаун, который был либо самым благородным, либо самым заблуждающимся человеком в мире, а возможно, и тем, и другим.

— Едем,— бросил он внезапно водителю,— к Хайемону.

— К Хайемону, капитан?

— Да, к Венценосцу. Сможем добраться туда к полуночи?

— Не знаю.

— Постарайтесь.

Дорога к южному пику сильно напоминает подъем к Зугнору, только еще круче и не так хорошо вымощена. В темноте ее повороты и виражи были опасны на той скорости, с какой гнала машину водитель, женщина из Стойена, хотя полыхающая сфера огненной зоны немного освещала ущелье и уменьшала риск.

Еремайл не произнес ни слова за всю длинную поездку, говорить было не о чем и нечего. Разве могли водитель или парень-посыльный понять сущность Айбила Каттикауна? Еремайл сам, впервые услышав, что один из местных фермеров отказывается покидать свои земли, неверно истолковал его намерения, представив себе некоего спятившего старца, упрямого фанатика. Конечно, подумал он, Каттикаун упрям, и его можно назвать фанатиком, но и только; он не безумец, какой бы сумасшедшей ни казалась его философия для таких, как Еремайл, живущих по иным законам. Он удивлялся, зачем едет к Венценосцу: не пересказывать же слова — толку не будет, они что есть, что нет... Постепенно Еремайл начал задремывать, но сознание оставалось ясным. Флотер скользил легко и быстро над головокружительной дорогой, поднимался из ущелья в зубчатую страну. К полуночи они еще не добрались до ставки, но Еремайл не сомневался, что Венценосец бодрствует — последние дни он часто не ложился вовсе.

Где-то перед вершиной Горы Хайемон Еремайл неожиданно заснул по-настоящему и был удивлен и смущен, когда посыльный мягко потряс его за плечо:

— Ставка Властителя Стиамота, капитан.

Полусонный, ничего не соображающий, Еремайл обнаружил, что все еще сидит прямо, ноги свело судорогой, спина одеревенела. Луны теперь поднялись высоко в небо и ночь была совершенно черной, освещаемая только пламенем полыхающего огня на востоке. Еремайл встряхнулся и вылез из флотера. Даже сейчас, в полночь, в лагере Венценосца царило оживление: спешили куда-то посыльные, в многочисленных палатках горели огни. Откуда-то появился адъютант, узнал Еремайла, отдал ему чрезвычайно официальный салют:

— Ваш визит для нас, капитан, полная неожиданность.

— Для меня тоже. Властитель Стиамот в лагере?

— Венценосец совещается со штабом. Он вас ждет, капитан?

— Нет,— ответил Еремайл,— но мне нужно поговорить с ним.

Адъютант спокойно выслушал его слова. Венценосец в полночь совещается со штабом, а командир небольшого отряда просит о встрече — ну и что? Война есть война, и протоколы меняются каждый день.

Еремайл последовал за адъютантом через лагерь к восьмиугольной палатке со знаком звездного взрыва, которую окружало кольцо охранников, таких же жестких и хладнокровных, как те, что сторожили вход в ущелье Каттикауна.

В последние восемнадцать месяцев на жизнь Венценосца несговорчивые метаморфы совершили четыре покушения. Ни один Венценосец за всю историю Маджипуры не погиб насильственной смертью, но ни один и не вел такой войны.

Адъютант подошел к начальнику караула, а Еремайл вдруг обнаружил себя в центре группы вооруженных людей, слепивших его глаза сводящими с ума яркими факелами и больно вцепившихся в его руки.

— В чем дело?— спросил он.— Я капитан группы эвакуации Еремайл.

— Или Меняющий Форму?— ответили ему.

— И вы считаете, будто сумеете это распознать таким образом?

— Есть и такая возможность.

Еремайл засмеялся:

— Никто и никогда раньше не доказывал свою сущность. Ну, хорошо, проверяйте, только поскорее. Я должен переговорить с Властителем Стиамотом.

И они действительно устроили проверку. Кто-то сунул ему полоску зеленой бумаги и велел коснуться языком. Он подчинился, и бумага сделалась оранжевой. Потом еще кто-то потребовал отрезать клок его волос, поднес к огню.

Еремайл удивленно пялился на происходящее. Прошел месяц с тех пор, как он последний раз был в ставке, и ничем подобным тогда не занимались; очевидно, произошло еще одно покушение, решил он, или объявился еще какой-то ученый шарлатан с новыми техническими приемами. Насколько Еремайл помнил, по настоящему невозможно отличить человека от метаморфа, когда последний принимает человеческий облик, разве что вскрытием. Но на такое он бы не согласился.

— Все в порядке,— сказали ему наконец.— Можете пройти.

Однако одного не отпустили, и охранники вошли вместе с ним. Глаза полуослепшего Еремайла с трудом приспосабливались к полумраку палатки, но чуть погодя он различил с полдесятка фигур в противоположном углу и среди них — Властителя Стиамота.

Кажется, они молились, до него доносились обрывки древнего святого писания. Неужели Венценосец именно для этого встречался ночью со штабом? Еремайл прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы молящихся. Он знал лишь одного из собравшихся — Дамланта из Бибируна, его считали вторым или третьим лицом после самого Венценосца; остальные даже не выглядели солдатами — старцы в гражданском платье с мягкими

городскими жестами, может быть, поэты, толкователи снов, но явно не воины. Хотя... война почти кончилась.

Венценосец взглянул в сторону Еремайла, но, видимо, не узнал его.

Еремайл вздрогнул под его торопливым яростным взглядом. Венценосец сильно постарел за последние три года, однако сейчас этот процесс, казалось, пошел быстрее: он стал каким-то бесцветным, одряхлевшим и болезненным, кожа высохла, глаза потускнели. Ему можно было дать лет сто, а ведь они с Еремайлом ровесники, и Еремайл, мужчина средних лет, хорошо помнит день, когда Властитель Стиамот взошел на трон и дал обещание покончить с безумием войны, нескончаемой войны с метаморфами, подчинить древних обитателей планеты, изгнать с территорий, где обосновались люди. Всего тридцать лет, а Венценосец выглядит лет на пятьдесят старше; но все свое царствование провел он в боях и походах, чего не делал до него ни один владыка Маджипуры и, вероятно, ни один не сделает впредь. Воевал в Долине Клайга, в знойных землях юга, в непроходимых чащобах северо-востока, в плодородных саваннах Залива Стойена, год за годом окружая метаморфов своими двадцатью армиями, загоняя их в лагерь для интернированных. Теперь он почти завершил свой труд — свободными оставались лишь несколько отрядов Меняющих Форму на северо-востоке. Постоянная борьба, долгая неистовая жизнь войны наложили свой отпечаток, и едва ли теперь он, вернувшись в ласковую весну Замка Горы, мог в полной мере насладиться привилегиями, даруемыми троном. Время от времени Еремайл задумывался, как поступит Венценосец, если умрет Понтифик и его призовут на иную вершину, заставив занять место в Лабиринте. Откажется он и оставит себе венец Властителя, чтоб продолжить походы, или нет? Но Понтифик, судя по сообщениям, находился в добром здравии, а перед Еремайлом стоял сейчас Властитель Стиамот, постаревший и усталый. И Еремайл вдруг понял, что Айбилу Каттикауну не достает понимания, почему Венценосец так стремится закончить войну, невзирая на цену.

— Кто?— спросил Венценосец.— Финивэйн?

— Еремайл, господин, командующий зоной эвакуации.

— Еремайл?.. Да, Еремайл. Я помню. Подойдите, капитан. Мы возносим благодарность Дивине за окончание войны. Эти люди прибыли к нам от хранящей наши сны моей матери, Властительницы Острова Снов, и мы хотим провести ночь, восхваляя Дивине. К утру огненный круг будет замкнут. Подойдите, Еремайл, присоединяйтесь к нам. Вы ведь знаете песнопения Властительнице, не так ли?

Еремайл в ошеломлении слушал дребезжащую речь Венценосца. Эта увядшая сухая ниточка — все, что осталось от его величественного голоса; герой, полубог иссох и угас в долгих походах; ничего не осталось, тень самого себя. Вглядываясь в него сейчас, Еремайл поражался и не мог вспомнить, был ли Властитель Стиамот в его памяти могущественной фигурой или только мифом...

Венценосец кивнул. Еремайл подошел ближе. В своем

воображении он уже выстраивал слова, которые намеревался сказать, оказавшись в палатке: «Господин, на линии огня стоят владения человека, который не двинется с места и не позволит увести себя силой. Он может уйти только мертвым, и, господин, он слишком хороший человек, чтобы погибнуть так. Я прошу вас, господин, остановите летателей. Может быть, можно выработать какую-нибудь иную стратегию, чтобы разгромить метаморфов, когда они начнут спасаться бегством из зоны огня, но нет нужды простирать разрушение дальше той точки, до которой мы уже добрались...»

Но теперь Еремайл видел, что невозможно просить Венценосца отложить окончание войны хоть на один час. Ни ради Каттикауна, ни ради Еремайла, ни ради священной Властительницы — своей матери он не может остановить летателей в эти последние часы, и возможность окончания войны попирала все остальное. Еремайл мог своей властью попытаться задержать летателей, но ни просить Венценосца, ни требовать он не мог.

Властитель Стиамот наклонился к нему:

— Что с вами, капитан? Что вас беспокоит? Станьте-ка рядом. Помолитесь с нами, капитан, присоедините свой голос к благодарности Дивине.

Начался новый гимн. Такой мелодии Еремайл не знал; он подпевал, импровизируя. Затем последовал второй гимн, третий — этот Еремайлу был знаком, и он запел, но без души и немелодично. До рассвета оставалось совсем немного. Он быстро отодвинулся в темный угол и выскочил из палатки. Да, солнце близилось — зачинавшиеся на востоке первые зеленоватые проблески играли на склоне Хайемон; пройдет еще час или немного больше, пока лучи поднимутся по горной стене и осветят обреченное ущелье на юго-востоке. Еремайл почувствовал, что валится с ног, он уже давно мечтал выспаться. Он высмотрел адъютанта и спросил:

— Отправите мое сообщение офицеру на Зугнорском Пике?

— Конечно, капитан.

— Передайте ему, пусть летатели действуют по плану. Я останусь здесь на день и вернусь вечером, когда немного отдохну.

— Хорошо, капитан.

Еремайл отвернулся и посмотрел на запад, все еще укутанный ночным мраком, исключая те места, куда падал отсвет ужасной огненной сферы. Вероятно, Айбил Каттикаун всю ночь был занят тем, что поливал из шлангов и насосов свой дом и землю. Разумеется, это ничего не изменит: огонь такой силы пожрет все на своем пути и ничего не оставит. Айбил Каттикаун сгорит в своем доме, и нет никакой возможности помочь ему. Еремайл мог бы спасти его, рискнув отдать приказ действовать силой, рискнув жизнями ни в чем не повинных солдат, но, скорее всего, и тогда не сумел бы. Спасти Каттикауна он мог бы лишь в одном случае: решившись, хоть ненадолго, игнорировать приказ Властителя Стиамота. Но он не посмел. Теперь Каттикаун погиб. После девяти лет, проведенных в походах, подумал Еремайл, я все-таки убил, убил одного из своих...

Он продолжал стоять. Усталость давила на плечи, но еще час

или чуть больше не мог уйти и стоял до тех пор, пока не увидел первые всполохи пламени в предгорье подле Бизфёрна или, может быть, Домгроува, и не понял, что летатели отправились в утренний полет, начав прокладывать огненную линию.

Война скоро кончится, сказал он про себя. Последние из наших врагов бегут сейчас к побережью, где будут интернированы и отправлены за море. В мире вновь воцарится спокойствие.

Он почувствовал жар летнего солнца на спине и жар, вдруг прильнувший к щекам. В мире вновь воцарится спокойствие, подумал он еще раз, и пошел искать место, где можно было бы спокойно поспать.

ТРИ

В ПЯТЫЙ ГОД ПУТЕШЕСТВИЯ

Вторая летопись сильно отличалась от первой, как и его восприятие. Хиссун теперь меньше расстраивался и меньше удивлялся; это был живой и печальный рассказ, но он не так глубоко затронул душу, как объятия женщины и чаурога. Тем не менее; Хиссун почерпнул множество не известных ему раньше подробностей: об ответственности, о конфликтах, возникавших между разными людьми, из которых никто не признавал правоту другого. Еще он открыл для себя кое-что из области мифотворчества. Во всей истории Маджипуры не было более богоподобной фигуры, чем Властитель Стиамот, воин — Венценосец, сломивший силу зловещих метаморфов; восемь лет поклонения превратили его во внушающее благоговение существо колоссального величия и силы. И хоть миф Властителя Стиамота продолжал жить в сознании Хиссуна, но теперь он смотрел на него глазами Еремайла и лицезрел усталого, бледного, морщинистого, постаревшего раньше времени, сжегшего в сражениях душу. Герой? Конечно, для всех, кроме метаморфов. Но полубог? Нет, просто человек, обычный человек со всеми человеческими слабостями и недостатками. И это важно, об этом никогда не следует забывать, твердил себе Хиссун, начиная сознавать, что именно краденные минуты в Счетчике Душ дарят ему подлинное знание жизни.

Прошло довольно много времени, прежде чем он почувствовал себя готовым вернуться к летописи, тем более, что пыль налоговых архивов глубоко засосала его бытие и он страстно желал новых приключений.

Очень хотелось уточнить другую легенду: когда-то давно снаряженное судно вышло под парусами в кругосветное путешествие через Великое Море. Безумие, конечно, если безумие можно замыслить и спланировать. И Хиссун жаждал узнать, что происходило с экипажем. Недолгие поиски открыли ему имя капитана — Синнабор Лавон, уроженец Замка Горы. Хиссун легонько коснулся пальцами ключа, набирая дату, место, имя, и устроился поудобнее, готовый выйти в море.

На пятый год плавания Синнабор Лавон впервые заметил

пряди морских водорослей, свивающихся кольцами вдоль корпуса корабля.

Конечно, он понятия не имел, что это такое— никто из людей Маджипуры никогда прежде не видел морской травы: на такие расстояния Великое Море еще не исследовалось. Но каждое утро Синнабор Лавон аккуратно отмечал дату и координаты, так что команда не теряла физического ощущения своего положения в этом бескрайнем и однообразном океане на пятый год путешествия. Синнабор Лавон знал, что сегодня двадцатый год Понтифика Дизимэйла в царствование Венценосца Властителя Ариока и пятый год с тех пор, как «Спьюрифон» вышла из порта Тил-омона в кругосветное путешествие.

Сначала он принял морскую траву за массу морских змей, поскольку на вид она двигалась по своей воле, изгибаясь, скручиваясь, сжимаясь и распускаясь. Она мерцала на спокойной темной воде богатыми сияющими красками, каждая прядь переливалась перемежающимися вспышками зелени, индиго и киновари. Небольшие островки водорослей плыли по левому борту, зато справа укрывали море довольно широкой полосой.

Лавон посмотрел поверх поручней на нижнюю палубу и увидел троицу лохматых четырехруких матросов. Скандары чинили сеть или делали вид, что чинят. Они встретили его пристальный взгляд раздраженными угрюмыми взорами. Как и вся команда, скандары устали от долгого плавания.

— Вы, там!— выкрикнул Лавон.— Забросьте ковш. Поймаем-ка несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон там, неужели не видите?

Скандары долго всматривались в воду, потом один снисходительно ответил:

— Вы имеете в виду эту траву в воде?

Лавон вгляделся получше. Трава? Судно уже миновало первые островки, но впереди было еще много обширных скоплений, и он долго пытался проследить одну прядь в спутанной массе. Да, э т о двигалось так, как обычно свиваются змеи, но не видно ни голов, ни глаз. Хорошо, пусть будет трава.

Он сделал нетерпеливый жест, и скандары неторопливо принялись вытягивать соединительную установку черпака, которым собирали биологические образцы.

К тому времени, как Лавон спустился на нижнюю палубу, небольшой кусок травы подняли из моря, и человек шесть команды столпились вокруг: первый помощник Вормеехт, первый штурман Калимойн, Джоахил Нур с парочкой своих ученых, Майкдал Хац, летописец. В воздухе витал резкий аммиачный запах. Трое скандаров стояли, отвернувшись, демонстративно зажав носы и что-то ворча. Зато остальные кивали, хохотали, тыкали руками в траву и выглядели более оживленными, нежели за все последние недели.

Лавон опустился на колени рядом с образцом. Несомненно, это была какая-то разновидность морских водорослей. Каждая мясистая прядь длиной в рост человека, шириной с предплечье

и толщиной в палец. Они судорожно скручивались и дергались, будто натянутые струны, но с каждой минутой их движения замедлялись, пока они высыхали на солнце, и яркие цвета быстро блекли.

— Спустите-ка черпак еще раз,— бросила Джоахил Нур скандарам,— только выгружайте в бадью с водой, чтобы они не завяли.

Скандары не шелохнулись.

— Вонь, такая грязная вонь,— буркнул один.

Джоахил Нур шагнула к ним; маленькая неутомимая женщина казалась ребенком рядом с гигантскими существами. Она резко взмахнула рукой, и скандары, пожав плечами, принялись за работу.

— Что вы будете с растениями делать?— спросил у нее Синнабор Лавон.

— Разбираться. Это какой-то неизвестный вид морских водорослей, хотя тут, так далеко в море, все неизвестное. Интересно меняется цвет. То ли колебание пигмента, то ли просто оптический обман, вроде игры света на пласте эпидермы.

— А движения? Водоросли не имеют мускулов.

— На это способны многие растения. Небольшие электрические колебания вызывают движение жидкостей во внутренних структурах. Знаете, так называемые «чувствелюшки» на северо-востоке Зимроеля? Прикрикнете на них, и они кланяются. Морская вода — великолепный проводник, а эти водоросли, должно быть, вбирают в себя все виды электрических импульсов. Мы их внимательно изучим.— Джоахил Нур улыбнулась.— Для нас это просто дар Дивине. Еще неделя пустого моря, и я бросилась бы за борт.

Лавон кивнул. Он чувствовал то же самое, ту же страшную, убийственную скуку, душившую ощущением, будто сам приговорил себя к бесконечному плаванию в никуда. Даже его, отдавшего семь лет жизни на организацию этого путешествия, даже его на пятый год парализовало одиночеством, оцепенением и апатией.

— Сегодня вечером,— попросил он,— расскажите нам о находке. Ну, там, единственная в своем роде новая разновидность морской травы и так далее...

Джоахил Нур махнула рукой, и скандары, подняв бадью с водорослями на плечи, понесли в лабораторию.

— Завидую,— вздохнул Вормеехт,— будут изучать...— И вдруг вскрикнул:— Смотрите, там! Море впереди просто заросло ими!

— Не слишком ли густо заросло,— пробормотал Майкдал.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, невысокому человечку с сухим голосом и бледными глазами, у которого одно плечо было выше другого:

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, как бы не опутало винты, капитан, если трава станет гуще. Я читал рассказы Старой Земли об океанах, где были непроходимые водоросли, и корабли безнадежно застревали в них. Экипажи жили крабами и рыбой, и в конечном итоге погибали от жажды, а суда дрейфовали сотни лет со скелетами на борту.

Калимойн фыркнул:

— Сказки!

— Но если это случится с нами?— поинтересовался Майкдал Хац.

— Такое возможно?— ни к кому конкретно не обращаясь, осведомился Вормеехт.

До Лавона дошло, что все глядят на него. Он внимательно всмотрелся в море. Да, водоросли явно стали гуще. Они скапливались за носом корабля, а их судорожные подергивания заставляли пульсировать и взбулькивать гладкую морскую поверхность. Однако между островками оставались широкие проходы. Возможно ли, что трава остановит такой мощный корабль, как «Спьюрифон»? На палубе воцарилась тишина. Казалось смешным опасаться растительности, но напряженные офицеры ждали решения капитана с таким видом, будто от этого зависела их жизнь.

Настоящую угрозу, подумал Лавон, таят не водоросли, а скука. Последние месяцы путешествие было так не богато событиями, а дни настолько пусты, что всех сковало отчаяние; рассвет распухающего бронзово-зеленого солнца тропиков, поднимающегося со стороны Зимроеля, сменяли сияющие над головой в безоблачном небе луны, а после полудня огненный шар начинал постепенно опускаться к непостижимо далекому горизонту,— и так день за днем. Несколько месяцев не было ни дождей, ни других изменений в погоде. Великое Море заполонило собой всю вселенную. Они не встречали ни земли, ни островков, ни птиц, ни морских животных. При таком положении дел появление морской травы стало очаровательной новизной. Дикое нетерпение сжигало души путешественников, этих преданных науке исследователей, разделивших в свое время точку зрения Лавона на эпические вопросы, и сейчас мучительно переносящих скуку; осознавших теперь, чему посвятили свои жизни в минуту романтической глупости. Никто не ожидал, что все сложится именно так, когда они впервые в истории отправились пересечь Великое Море, занимающее больше половины огромной планеты. Они предвкушали ежедневные приключения, встречи с неведомыми чудовищами, созданными фантазией природы, неизвестные острова, героическую борьбу со штормами, когда небеса раскалываются от молний, окрашивающих облака в фантастические краски. Но никто не ждал однообразной и бесконечной вереницы пустых дней. Лавон уже начал прикидывать опасность мятежа, ведь может миновать и девять, и одиннадцать лет, прежде чем они пристанут к берегу далекого Альханроеля. Человек десять команды уже мечтали повернуть корабль назад, к Зимроелю, бывали минуты, когда он мечтал об этом сам. Да, нужна опасность, подумал он. Можно даже самим придумать опасность, а потом смело пойти ей навстречу. Возможность риска пробудит от летаргии.

— Мы сумеем справиться с травой,— возвестил он.— Идем вперед.

Но не прошло и часа, как пришлось усомниться в собственных словах. Стоя на капитанском мостике, он устало всматривался во

все более густеющие водоросли. Теперь они сбивались островками от пятидесяти до ста ярдов в поперечнике, и проходы между ними сужались. Вся поверхность моря находилась в движении, дрожащая и трепещущая. Под обжигающими лучами висящего над головой солнца водоросли делались все сочнее в цвете, мерцали радужными тонами, будто накачивались солнечной энергией. Лавон углядел существа, шныряющие между спутанных прядей. Одни, довольно большие, похожие на крабов, многоногие, с шишковатыми зелеными панцирями, и другие, змеевидные, чем-то напоминающие сигидов, пожирали каких-то тварей, слишком мелких, чтобы можно было различить их отсюда невооруженным глазом.

Вормеехт нервно сказал:

— Может, изменим курс?

— Пожалуй,— согласился Лавон.— Впередсмотрящий скажет, насколько далеко тянется эта дрянь.

Его совсем не привлекала перспектива менять курс даже на несколько градусов, боялся, что малейшее отклонение сведет на нет всю его решимость, но все-таки не маньяк же он, прущий напролом невзирая на риск. С другой стороны, хотелось подбодрить команду «Спьюрифон», всех, кто посвятил себя этому грандиозному замыслу.

Золотой век Маджипуры, время героев и великих свершений. Исследования шли повсюду: в пустынном бесплодии Сувраеля, в чащах и болотах Зимроеля, в девственных землях Альханроеля, в Родамаунтском Архипелаге и островных группах, окружающих три материка. Население быстро росло, поселки превращались в города, города становились неправдоподобно огромными мегаполисами; в поисках счастья с соседних миров потоком изливались нечеловеческие переселенцы,— все было оживленным, переменчивым, растущим.

А Синнабор Лавон решился на самое безумное предприятие из всех — пересечь Великое Море на корабле. Никто никогда не отваживался на это. Если смотреть из космоса, половину огромной планеты занимала вода; континенты, несмотря на всю свою величину, как бы сведены вместе в одном полушарии, остальное пространство Маджипуры — пустота океана. И хотя прошло несколько тысяч лет с того дня, когда началась колонизация планеты человеком, на суше все еще оставалось работы с избытком, и Великое Море было предоставлено самому себе да армадам морских драконов, неторопливо пересекающих его с запада на восток в десятилетних миграциях.

Но Лавон был влюблен в Маджипуру и рвался объять все.

Из Амблеморна, от подножия Замка Горы, он добрался до Тил-омона, города на противоположном берегу Великого Моря, а затем, испытывая необоримое желание замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в снаряжение этой экспедиции, судна, чьи запасы напоминали скорее богатый остров. Подобрал экипаж таких же сумасшедших, как он сам, готовых на протяжении десятилетия исследовать неизвестный океан. Теперь и Лавон, и все остальные сознавали, что обрекли себя на непосильную задачу. Но если удастся задуманное и они приведут «Спьюрифон» к восточному

побережью Альханроеля, куда еще не приставал ни один трансокеанский корабль, имена их восславят при жизни.

— Эй!— взревел вдруг впередсмотрящий.— Драконы! Хой! Хой!

— Драконы!— подхватили в один голос матросы.

Через шесть месяцев после выхода в океан, «Спьюрифон» встретила первое стадо морских драконов — среди островов, которые они назвали Архипелагом Стиамота, а второе — два года спустя в той части Великого Моря, которой дали имя Впадина Ариока. Оба стада были большими — сотни огромных созданий,— с многочисленными самками, и проходили они далеко от корабля. Сейчас, судя по внешним границам стада, их было не больше пятнадцати-двадцати; несколько гигантских пар, остальные — щенки, едва достигающие в длину сорока футов. На водоросли уже никто не смотрел, внимание привлекли приближающиеся драконы. Вся команда высыпала на палубу, чуть не танцуя от возбуждения.

Лавон с силой сжал поручень. Он искал риска ради доброго развлечения экипажа, и вот он — риск: в ярости морские драконы несколькими могучими ударами могут искалечить судно, даже столь хорошо защищенное, как «Спьюрифон». Правда, они редко бросались на корабли, если те не нападали первыми, но случалось и такое. Что если эти твари примут «Спьюрифон» за корабль охотников на драконов? Каждый год новое стадо проходило между Пилиплоком и Островом Снов, где разрешалась добыча, и флотилии сильно прореживали их поголовье. Лавон подумал, что самые большие в приближающемся стаде, должно быть, уцелели в той войне, и кто знает, какие возмущенные чувства вызывают у них корабли. Гарпунеры «Спьюрифон» уже приготовились, ожидая сигнала Лавона.

Но нападения не последовало. Драконы, казалось, смотрели как на что-то любопытное, и только. Они пришли кормиться. Достигнув первых пучков водорослей, распахнули необъятные пасти и принялись глотать траву, всасывая вместе с ней и змеевидную, и крабоподобную, и прочую живность океана. Несколько часов звери шумно паслись среди поля водорослей, затем, словно по сигналу, скользнули под воду и в несколько секунд исчезли.

А вокруг «Спьюрифон» опять сияло свободное море.

— Они съели несколько тонн,— пробормотал Лавон.— Многие тонны!

— Зато теперь наш путь очищен,— заметил Калимойн.

Но Вормеехт покачал головой:

— Нет, видите, капитан? Дальше снова водоросли. Причем, все гуще и гуще.

Лавон напряг зрение. Куда ни взгляни, повсюду до самого горизонта тянулась тонкая темная лента.

— А если это суша?— предположил Калимойн.—Острова или атоллы?...

— Со всех сторон?— насмешливо откликнулся Вормеехт.— Нет, Калимойн, мы основательно вляпались в центр этого драконьего пастбища, и не стоит надеяться, что хозяева проели для нас дорогу. Мы в ловушке!

— Всего-навсего трава,— буркнул Калимойн.— Если понадобится, мы прорежем себе путь.

Лавон встревоженно оглядел горизонт. Он начинал разделять беспокойство Вормеехта. Несколько часов назад водоросли тянулись отдельными прядями, потом рассеянными островками, но сейчас, хоть судно и находилось в чистой воде, казалось, будто сплошное кольцо надвинулось, огородив корабль по длине корпуса. Способна ли морская трава задержать судно? Этого никто не знал.

Сгустились сумерки. Жаркий тяжелый воздух порозовел, затем быстро стал серым. С востока на путешественников стремительным потоком нахлынула темнота.

— Утром вышлем лодки посмотреть, что к чему,— объявил Лавон.

После обеда Джоахил Нур прочитала лекцию о водорослях. Гигантские «алгае», говорила она, нуждаются в тщательном изучении своей запутанной биохимии; и долго рассказывала о комплексной системе цветовой гаммы. Все на борту, даже те, кто отчаялся в туманной безнадежности уныния, столпились вокруг, разглядывая образцы в лоханке, щупали их, размышляли, высказывались. Лавон радовался при виде оживления команды после стольких недель угнетенного отчаяния.

Ночью ему снилось, будто он танцует на воде, исполняя сольную партию в каком-то одухотворенном быстром балете; — водоросли под ногами были прочными и упругими.

За час до рассвета его поднял настойчивый стук в дверь каюты. Это был Скин, скандар, несший третью вахту.

— Идемте скорее, капитан... водоросли...

Размер бедствия был очевиден даже в тускло-жемчужном мерцании зарождающегося утра: «Спьюрифон» шла всю ночь, но, как только теперь стало ясно, морская трава двигалась тоже, и вот корабль оказался в центре тесно сплетенного поля, протянувшегося, по-видимому, до края вселенной. Сейчас, когда первые зеленоватые прожилки солнечного света окрасили небо, все стало похоже на кошмарный сон: единый, нигде не разорванный ковер из триллионов и триллионов спутанных прядей, чья поверхность колыхалась, подрагивала, трепетала и повсюду меняла цвет в нескончаемой игре глубоких четких тонов. Там и тут сновали небольшие твари — нападающие и убегающие. Из густой спутанной массы поднимался столь резкий запах, что продирал до костей. Чистой воды не видно. «Спьюрифон» оказалась столь же беспомощной, как если бы, пройдя за ночь тысячи миль по суше, очутилась в сердце пустынь Суврaеля.

Лавон оглянулся на Вормеехта — первый помощник, такой раздраженный и язвительный вчера, сейчас был холоден и спокоен; а вот и штурман Калимойн, чью бурную смелость сменили жесткий взгляд и плотно сжатые губы.

— Я отключил машины,—сказал Вормеехт.— Намотали на вал водоросли. Роторы забились почти сразу.

— Очистить можно?— спросил Лавон.

— Мы их чистили и чистим, но только включаем — все забивает снова.

Помрачневший Лавон перевел взгляд на Калимойна.

— Сумели установить, какова площадь этой массы?

— К сожалению, мы не можем определить, где она кончается, капитан. Просто не видно.

— А в глубину? Зондировали?

— Это как газон. Лот не опускается.

Лавон медленно перевел дыхание.

— Спускайте шлюпки, надо осмотреться. Вормеехт, пошлите двух ныряльщиков определить толщину слоя, пусть разберутся, где можно поставить защитные экраны. да попросите Джоахил Нур подняться сюда.

Маленький биолог появилась быстро. Усталая, нарочито бодрая. Опережая Лавона, сказала:

— Я не спала всю ночь, изучала нашу находку. Водоросли затвердевают до прочности металла, тем более, что в них богатая концентрация рения и ванадия.

— Вы обратили внимание, что мы стоим?— перебил Лавон.

Она осталась равнодушной.

— Вижу.

— Мы оказались в древнем предании, где люди покидают корабли, захваченные водорослями. Но мы покинуть не можем, зато можем проторчать тут неизвестно сколько.

— Что позволит изучить сию уникальную экологическую область.

— Возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете?— спросила Джоахил Нур, испугавшись наконец.

— Не знаю. Но я хочу, чтобы вы на какое-то время изменили предмет своих исследований. Поищите средство, которое, помимо открытого воздуха, способно погубить водоросли. Кажется, чтобы вырваться отсюда, придется начинать биологическую войну. Нужен какой-нибудь химический реагент, что-нибудь, что может очистить роторы.

— Поймайте парочку морских драконов,— мгновенно откликнулась Джоахил Нур,— привяжите у носа корабля и пусть жрут сколько влезет.

Лавон не улыбнулся.

— Обдумайте все,— сказал он,— и доложите.

Потом смотрел, как спускали две шлюпки с четырьмя гребцами в каждой. Лавон надеялся, что подвесные моторы не намотают траву на винты, но напрасно: почти сразу двигатели взревели, задыхаясь, и людям пришлось взяться за весла. Шлюпки начали медленно удаляться, пробиваясь сквозь толщу морской травы, время от времени останавливаясь, чтобы расчистить путь. За пятнадцать минут шлюпки удалились не больше, чем на сотню ярдов от корабля.

Тем временем двое ныряльщиков — человек и хьерт, в масках для дыхания, прорубили отверстие в водорослях у борта судна, исчезли в густой глубине.

Когда спустя полчаса они не появились на поверхности, Лавон обратился к первому помощнику:

— Вормеехт, сколько можно продержаться под водой в таких масках?

— Не больше получаса, капитан. Хьерт, возможно, продержится дольше, но не намного.

— Пожалуй...

— Посылать пловцов не следует.

— Разумеется,— хмуро буркнул Лавон.— Как по-вашему, «Ныряльщик» к ним пробьется?

— Сомневаюсь, но мы должны попытаться. Вызывайте добровольцев.

«Спьюрифон» несла на борту маленькое подводное суденышко, которым пользовались для научных исследований. Его не трогали уже несколько месяцев, но для подготовки к погружению потребовался всего час. Вормеехт выбрал троих добровольцев, и душу Лавона сжало, будто стальной цепью, предчувствие, что он посылает их на смерть. Капитан никогда не видел, как умирают люди, кроме смерти нескольких глубоких старцев, и неожиданная, случайная гибель любого человека была для него событием тяжелым и непостижимым.

Когда задраили люк, «Ныряльщика» лебедкой опустили за борт. Какое-то мгновение он оставался на поверхности, затем работающие на лебедке матросы отключили удерживающие корпус захваты и, подобно толстому сверкающему крабу, «Ныряльщик» начал погружаться. Происходило это медленно. Водоросли плотно стискивали лодку, они оказались такими же прочными на разрыв, как захваты лебедки.

Калимойн выкрикнул что-то из-за рогового пузыря с нижней палубы. Лавон отвел взгляд от поверхности воды и увидел, как отправленные им шлюпки с трудом пробиваются сквозь заросли морской травы. Стояло уже позднее утро, и в ослепительном солнечном свете трудно было понять, куда они направляются. Но, похоже, они возвращались.

Молчаливый Лавон в одиночестве ждал на мостике. Никто не смел подойти к нему. Он уставился вниз на плавучий ковер водорослей, кишащий странными и жутковатыми формами жизни, и думал о двух ныряльщиках, экипаже подводного суденышка и остальных, находившихся пока в безопасности на борту «Спьюрифон». Все они оказались в бедственном и одновременно комичном положении; как легко этого можно было избежать, подумал он, и как легко об этом сейчас рассуждать. И как бесполезно.

Почти весь день Лавон неподвижно проторчал на мостике в молчании, тумане, жаре и зловонии. Затем ушел в каюту.

Позже к нему заглянул Вормеехт с новостями. Экипаж лодки обнаружил ныряльщиков, висящих около замерших винтов. Они были завернуты в плотные кольца морской травы, словно водоросли сознательно окутывали их. Лавон отнесся к такому предположению скептически; люди наверняка сами запутались, подумал он с болью. «Ныряльщик» имел ограниченный запас времени для погружения, и машины чуть не расплавились от усилий, опуская лодку на пятидесятифутовую глубину. Трава, по словам Вормеехта,

образовала фактически сплошной слой на десятки футов вглубь от поверхности.

— Что со шлюпками?— спросил Лавон, и первый помощник ответил, что они вернулись в целости и сохранности, только матросы вымотались от изнурительной гребли. За весь день они ухитрились отойти от судна не больше мили и не видели конца морской травы, не нашли они также ни одного прохода в сплошном ковре. На одного гребца напала похожая на краба тварь, она укусила его в спину, оставив царапину, и удрала.

За день положение не изменилось, и никаких перемен не предвиделось. Морская трава цепко держала «Спьюрифон», невозможно было придумать, как освободить корабль.

Лавон бился в тревоге. Он попросил летописца Майкдала Хаца потолкаться среди команды, узнать настроение людей. Часа через два тот возвратился.

— В основном, все спокойны,— доложил.— И хотя кое-кто волнуется, большинство находит наше положение необычайно освежающим после монотонной обыденности последних месяцев.

— А вы?

— У меня свои страхи, капитан. Но хочется верить, что мы найдем способ вырваться. И все-таки, я с удовольствием любуюсь красотой этого необычного пейзажа.

Красота? Лавон не видел здесь ничего красивого. Он мрачно оглядел окружающие судно мили морской травы, бронзово-красной в кровавом закате. Красная дымка поднималась от воды, и в густеющем тумане обитающие на водорослях твари сновали повсюду в огромном количестве, так что похожие на островки спрессованные массы морской травы все время подрагивали. Красота? В чем-то действительно красиво, вынужден был признать Лавон. У него возникло ощущение, будто «Спьюрифон» села на мель посреди огромной картины, где большими мазками мягкой текучей формы нанесен на полотно похожий на сон, сбивающий с толку мир без каких бы то ни было ориентиров, на поверхности которого происходило бесконечное изменение света и цвета. Сам же Лавон относился к морской траве, как к врагу, которого необходимо уничтожить.

Он не спал большую часть ночи, обдумывая всевозможные способы борьбы с нежданным противником.

Утро принесло новый цвет в окружающие водоросли. Они стали бледно-зелеными с желтыми полосами под расхолаживающим, обремененным редкими облаками небом. Вдали виднелись крылья пяти или шести огромных морских драконов, которые, пожирая свой корм, создавали широкие проходы в плавучем ковре. Как было бы хорошо, размышлял Лавон, сумей «Спьюрифон» проделывать то же самое!

Он встретился с офицерами. По их докладам, ночь прошла спокойно и большая часть экипажа была даже очарована необычностью пейзажа, но к утру начала нарастать тревога.

— Люди и так расстроены, тоскуют по дому,— сказал Вормеехт,— а теперь еще новая задержка на несколько дней или недель.

— Или месяцев, лет или навсегда,— проворчал Калимойн.— Как по-вашему, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

Голос штурмана был сварливым, напряженным, и голосовые связки, казалось, выпирают по обеим сторонам толстой шеи. Лавон давно уже чуял накатывающий нервный срыв, и все равно оказался не готов к быстроте, с какой распустился его штурман.

Вормеехт тоже выглядел удивленным.

— Вы же сами только вчера убеждали нас: «Это всего лишь трава, мы прорвемся!»— помните?

— Вчера я не понимал, с чем нам пришлось столкнуться,— рыкнул в ответ Калимойн.

Лавон взглянул на Джоахил Нур:

— Есть вероятность, что эта дрянь движется, равно или поздно взломается и выпустит нас?

Биолог покачала головой:

— Вероятность, конечно, есть, только не стоит на это надеяться. Скорее всего, перед нами квазистабильная экосистема. Течения, разумеется, могут отнести ее в иные районы Великого Моря, но в данном случае они понесут и нас вместе с ней.

— Видите?— мрачно прокомментировал Калимойн.— Безнадежно!

— Пока нет!— оборвал его Лавон.— Вормеехт, сможем мы смонтировать экраны вокруг винтов с «Ныряльщика»?

— Можно попробовать.

— Попробуйте. Пусть наши умельцы поработают над конструкцией экранов. Джоахил Нур, как насчет химических средств воздействия на водоросли?

— Проверяем,— ответила биолог,— но я не могу обещать.

Никто не мог ничего обещать. Им оставалось лишь размышлять, действовать, верить и надеяться.

На разработку защитных экранов для винтов ушло двое суток. Делали их еще пять дней. Тем временем Джоахил Нур экспериментировала, изыскивая средства уничтожения водорослей вокруг корабля, но пока без результата.

Замерла, казалось, не только «Спьюрифон», замерло само время. Ежедневно Лавон продолжал наблюдения, производил замеры лагом, вел записи; фактически корабль не стоял — он двигался на юго-запад, проходя по несколько миль в день. Но это был путь в никуда. Связанные массой водорослей, они могли до бесконечности дрейфовать в океане, не встречая суши.

Лавон боялся, что вот-вот сорвется. Он с трудом сохранял прямую осанку, плечи поникли, голова свешивалась на грудь, словно на нее положили тяжкий груз. Он чувствовал старость, чувствовал, как она разъедает его. На нем и только на нем лежала вся ответственность за то, что они не убрались из зоны морских водорослей в ту минуту, когда опасность стала очевидной. Ведь можно же было убедиться в этом за несколько оставшихся часов, твердил он себе, но он наслаждался видом морских драконов и своей дурацкой теорией, будто немного опасности добавит перца в смертную скуку путешествия. Он безжалостно терзал себя, виня за то, что вовлек команду в абсурдное и ненужное путешествие.

Путешествие в десять или пятнадцать лет из ниоткуда в никуда. Зачем? Для чего?

Тем не менее, капитан поддерживал остальных, не давал им пасть духом. Порции вина, выдававшиеся в ограниченном количестве во время путешествия, были удвоены, устраивалось множество вечеринок, развлечений. Лавон распорядился каждой вахте заниматься изучением океанографии, считая, что сейчас не время для ленивой и праздной жизни. Бумаги, заполненные наблюдениями и отложенные для неторопливого изучения в ходе дальнейшего путешествия, начали систематизировать сейчас. Работа была лучшим средством от скуки, нервных срывов и — нового и нарастающего фактора — страха.

Когда были готовы экраны, добровольцы отправились под воду в «Ныряльщике» приваривать их вокруг винтов к корпусу судна. Задача осложнялась необходимостью сделать все крохотными захватами манипуляторов подводного суденышка. После гибели двух ныряльщиков капитан не рискнул посылать людей под воду в обычных масках. Под присмотром искусного механика Дэройна Клауса работы продолжались день за днем, но, к сожалению, шли слишком медленно — тяжелые массы зыби били о корпус, срывая хрупкую сварку, и дело продвигалось с трудом.

На шестой день Дэройн Клаус принес глянцевые фотографии оранжевых пятен на тускло-сером фоне.

— Что это?— спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, капитан. Я обратил на нее внимание еще вчера, а нынче утром провел серию подводных съемок.

— Коррозия корпуса?— Лавон заставил себя усмехнуться.— Едва ли такое возможно. То, что вы мне тут показываете, скорее прилипшие к корпусу губки, моллюски или...

— Нет,— возразил Дэройн Клаус,— возможно, тут не очень-то хорошо видно, но вы сами можете убедиться, только спуститесь вниз на «Ныряльщике». Это как вгрызшиеся в металл маленькие рубцы. Я совершенно уверен, капитан.

Лавон отпустил механика и отправился к Джоахил Нур. Она долго изучала фотографии и наконец сказала:

— Очень похоже.

— Неужели морская трава проедает корпус?

— Вероятность этого мы подозревали уже несколько дней. Одна из первых наших находок имела п-ф-градиент, сильно отличающийся в этой области океана от открытого моря. Мы влезли в кислотную ванну, капитан, я убеждена, что водоросли выделяют кислоты. Известно, что они металло-фиксоры — то есть их привлекает металл,— чьи ткани обременены тяжелыми элементами. Обычно они получают металл из морской воды, но могут уважить и нас, приняв «Спьюрифон» за гигантский банкетный стол. Не удивлюсь, если как раз по этой причине водоросли так быстро окружили судно — спешили со всей округи на пир.

— В таком случае надеяться, что они добром отпустят нас— просто глупо.

— Вот именно.

Лавон заморгал:

— Значит, останься мы здесь подольше, эта дрянь проест дыры в нашем корпусе?

Биолог засмеялась:

— Ну, до этого пройдет не меньше сотни лет, голод, по-моему, более насущная проблема.

— Почему?

— Сколько мы продержимся, не пополняя запасов?

— Несколько месяцев, я полагаю. Вы же знаете, что рыбу мы можем ловить только на ходу. Вы думаете...

— Да, капитан. Все в окружающей корабль экосистеме для нас наверняка яд. Водоросли поглощают из воды металлы, а маленькие ракообразные и рыбы питаются водорослями. Большие твари пожирают мелких. Концентрация солей металлов растет, если идти по цепочке, и мы...

— Вряд ли разжиреем на диете рения и ванадия.

— А заодно на молибдене с родием. Вот так, капитан. Кстати, вы просматривали последние медицинские отчеты? Настоящая эпидемия тошноты и лихорадки. А как вы сами чувствуете себя, капитан? И это только начало. Пока еще ничего серьезного, но неделя-другая, и...

— Защити нас, Властительница!— вздохнул Лавон.

— Благословения Властительницы не простираются так далеко на запад,— заметила Джоахил Нур. Она холодно улыбнулась.— Рекомендую прекратить всякую ловлю рыбы и сидеть на наших запасах до тех пор, пока не выберемся из здешних вод. Необходимо также закончить работы по экранированию винтов, и как можно скорее.

— Согласен,— кивнул Лавон.

Выйдя от биолога, он поднялся на мостик и уставился на покрытую травой неспокойную воду. Краски сегодня были сочнее, чем когда-либо,— янтарные, цвета сепии, красновато-коричневые, индиго. Водоросли подрагивали. Лавон представил себе мясистые пряди, присосавшиеся к корпусу и разрушающие его кислотными выделениями, сжигая металл молекула за молекулой, обращая корпус в ионы супа и вышивая его. Содрогнулся. Он больше не видел, не мог видеть красоту в путанице заполонивших море растений. Густая, непроницаемая, плотно сплетенная масса означала теперь для него лишь зловоние и разложение, опасность и смерть, пузырящиеся гнилые газы и невидимые клыки разрушения. Час за часом борта гигантского корабля становились тоньше, а он не мог двинуться, беспомощный посреди ранящих его врагов.

Лавон постарался сохранить эту новую напасть в тайне, не вынося ее на всеобщее обсуждение, но тщетно: никаких секретов надолго в закрытом мирке, вроде «Спьюрифон», не сохранишь. Но он настоял на секретности, желая, по крайней мере, свести до минимума открытые разговоры, которые могли быстро привести к панике. В итоге знали все, и все притворялись, будто знает он один, насколько скверно обстоят дела.

Тем не менее, возбуждение нарастало. Разговоры стали натянутыми и резкими, тряслись пальцы, невнятно произносились

слова, все валилось из рук. Лавон держался в стороне от остальных, насколько позволяло положение капитана. Он молил об избавлении и искал выход в снах, но Джоахил Нур, кажется, была права: сюда не проникали послания возлюбленной Властительницы Острова Снов, чьи советы несли утешение и мудрость колеблющимся.

Проблеск надежды подарили биологи. Джоахил Нур предположила, что можно нарушить электрическую систему морской травы, пропуская ток через воду. Предложение показалось Лавону сомнительным, но он уважал мнение биолога и распорядился подготовить нужное оборудование.

В конце концов последний из защитных экранов был установлен вокруг винтов. Произошло это к концу третьей недели.

— Запускайте двигатель,— приказал Лавон.

Корабль вздрогнул, пробуждаясь к жизни, как только заработали винты. Офицеры на мостике — Лавон, Вормеехт, Калимойн — замерли в напряженном молчании, едва дыша. Крошечная рябь вырвалась из-под носа судна — «Спьюрифон» тронулась! Медленно, упорно корабль начал продвигаться сквозь спутанную массу корчившейся морской травы, прошла минута, другая и... дрожь винтов прекратилась.

— Экраны не выдержали!— с болью воскликнул Калимойн.

— Посмотрите, что там произошло,— бросил Лавон Вормеехту, потом обернулся к трясущемуся и потному Калимойну, стоящему с таким видом, будто ноги его пригвоздило к палубе.

Первый штурман плотно поджал губы, из-за чего на щеках образовались желваки.

— Скорее всего, задержка будет недолгой,— мягко произнес Лавон.— Пойдемте-ка со мной, у меня осталось немного вина, и как только корабль снова тронется, мы...

— Нет!— взревел Калимойн.— Я чувствую, экраны сорвало. Водоросли сожрали их!

— Экраны на месте,— проговорил Лавон более настойчиво.— Завтра к этому времени мы будем далеко отсюда, и вы снова проложите нам курс к Альханроелю.

— Мы погибли!— выкрикнул Калимойн и вдруг метнулся прочь. Размахивая руками, сбежал вниз по трапу, исчез из поля зрения. Лавон колебался. Вернулся Вормеехт и был он мрачнее тучи. Экраны действительно сорвало, винты запутались, судно вновь остановилось.

Лавон пошатнулся, чувствуя, как заражается отчаянием своего штурмана. Мечта всей жизни завершилась неудачей в нелепом, катастрофическом фарсе.

В этот момент на мостик поднялась Джоахил Нур.

— Капитан, вы знаете, что Калимойн скоро спятит? Он забрался на наблюдательную вышку, плачет, кричит, танцует и призывает к мятежу.

— Я пойду к нему,— сказал Лавон.

— Я почувствовала, как заработали винты, но потом...

Лавон кивнул:

— Запутались снова. Сорвало экраны.

И, уже уходя, услышал, как биолог заговорила о своем

электрическом проекте и о том, что готова провести первую пробу в полном масштабе. Он ответил, чтобы она начинала немедленно и сразу доложила, если будут результаты, но все ее слова проходили мимо сознания — его полностью поглотила тревога о Калимойне. Первый штурман находился на высокой площадке правого борта, где обычно проводил наблюдения и вычисления широты и долготы. Сейчас он то прыгал, как помешанный, то гордо расхаживал взад и вперед, размахивая руками, то распевал непристойные отрывки баллад, то вопил, обвиняя и понося дурака Лавона, который умышленно завлек их в ловушку. Человек десять команды собрались внизу, слушая кто насмешливо, кто одобрительно. К ним быстро присоединялись остальные — все-таки развлечение, дневная потеха. К своему ужасу Лавон заметил, как к площадке Калимойна пробирается Майкдал Хац. Подойдя, он окликнул штурмана басом, спокойно уговаривая спуститься. Несколько раз Калимойн поглядывал на летописца и прерывал его, бормоча угрозы. Но Хац продолжал подниматься. Теперь он уже находился в двух ярдах от штурмана, продолжая говорить и улыбаться, протянув вперед раскрытые ладони, словно показывая, что у него в руках ничего нет.

— Убирайся!— взревел Калимойн.— Пошел обратно!

Лавон, сам было шагнувший к площадке, жестом дал понять Хацу, чтобы тот держался от безумца подальше. Слишком поздно! В одно мгновение взбешенный Калимойн прыгнул к Хацу, облапил маленького летописца, поднял, как куклу, и швырнул через поручни в море. Крик ужаса вырвался у зрителей. Лавон метнулся к поручням и успел увидеть, как Хац, колотя руками, рухнул в воду. По водорослям пронеслась мгновенная судорожная дрожь. Подобно сводящим с ума угрям, мясистые пряди шевелились, изгибались и вертелись. Море, казалось, вскипело на миг — и Хац исчез.

У Лавона от ужаса голова пошла кругом. Сердце словно целиком заполнило грудь, раздавив легкие, а мозг будто пылал в черепной коробке. Он никогда не видел насилия раньше. За всю жизнь ему ни разу не довелось услышать о намеренном убийстве одним человеком другого. И э т о произошло на его корабле, и совершено э т о одним из его офицеров — невыносимая, смертельная рана! Как во сне он двинулся вперед, руки его легли на мускулистые плечи Калимойна и, не задумываясь, с силой, которой у него никогда не было прежде, легко перекинул штурмана через поручень. Он услышал приглушенный вой, потом всплеск. Пораженный, капитан посмотрел вниз и увидел, как море вскипело во второй раз, и морская трава сомкнулась на бьющемся теле Калимойна.

Медленно, оцепенело Лавон спустился с площадки.

Чувствовал он себя ошеломленным и трясся, как в лихорадке. Казалось, что-то надломилось внутри. Кольцо расплывающихся в глазах людей окружило его. Постепенно он различал глаза, рты, знакомые лица. Хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — только выдавливал неразборчивые звуки. Потом рухнул вниз, не почувствовав удара о палубу. Чьи-то руки поддержали его

за плечи, кто-то поднес вина. «Посмотрите на его глаза,— услышал Лавон чей-то голос,— Капитан в обмороке». Как-то — он не сознавал, как,— Лавон оказался в своей каюте, где над ним склонился Вормеехт, остальные толпились вокруг.

Первый помощник тихо произнес:

— Корабль движется, капитан..

— Я у б и л его, Вормеехт.

— Мы бы все равно не смогли держать сумасшедшего под замком последующие десять лет. Он был опасен для всех. У вас все права, и вы поступили совершенно правильно.

— Мы не убийцы,— пробормотал Лавон.— Давным-давно наши варварские предки отнимали друг у друга жизнь, но мы — не убийцы и не убиваем. Я никогда никого не убивал. Мы были дикарями раньше, но теперь-то живем в иной эпохе и на другой планете. А я убил его, Вормеехт.

— Да, капитан. И были правы. Он угрожал успеху путешествия.

— Успеху? Какому успеху?

— Корабль снова движется, капитан.

Лавон не сводил с него глаз.

— О чем вы?

— Пойдемте, убедитесь сами.

Четыре массивные руки обняли его, и Лавон ощутил резкий запах шкуры скандара. Гигант-матрос подхватил, вынес на палубу и заботливо опустил капитана. Лавон пошатнулся, но рядом были Вормеехт и Джоахил Нур. Первый помощник указал на море. По всей длине корпуса «Спьюрифон» окружала чистая вода.

— Мы опустили в воду кабели,— рассказывала Джоахил Нур,— и тряхнули эту дрянь доброй порцией тока. Электричество взорвало всю систему... Ближайшие водоросли погибли мгновенно, а прочие начали отодвигаться. Перед нами чистый проход до самого горизонта.

— Путешествие спасено, капитан,— сказал Вормеехт.— Теперь мы вновь пойдем вперед.

— Нет,— Лавон покачал головой. Сознание мутилось и туманилось.— Мы остались без штурмана. Чтобы найти нового, придется повернуть назад к Зимроелю.

— Но...

— Поворачивайте!

Сбитые с толку, пораженные, они смотрели на него разинув рты.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ, когда все обошлось благополучно... Вам просто нужно отдохнуть и тогда..

— Путешествие закончено, Вормеехт. Мы идем назад.

— Нет!

— Нет? Это что, бунт?— Их взгляды скрестились.— Вы действительно хотите продолжать плавание?— спросил Лавон.— На борту обреченного корабля с убийцей-капитаном? Вас ведь уже тошнило от путешествия, прежде чем все это произошло. Вы думали, будто я не знал? Вы жаждали вернуться домой, только не решались сказать вслух. Ну, так теперь я удовлетворю ваше желание.

— Мы пять лет в море,— возразил Вормеехт.— Вполне возможно, уже одолели половину пути и добираться до противоположного берега ближе, чем возвращаться.

— Или мы можем навечно уйти в никуда. Но дело не в этом. Просто у меня не лежит сердце идти вперед.

— А если вы завтра решите по-другому, капитан?

— И завтра у меня на руках останется кровь, Вормеехт. Я обязан был провести корабль через Великое Море в полной безопасности. Мы уже заплатили за нашу свободу жизнью четверых; путешествие закончено.

— Капитан...

— Поворачивайте судно,— приказал Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему хлопотать о продолжении путешествия, упирая на вечную славу и бессмертие, ожидающее их в Альханроеле, Лавон холодно и решительно отказался от какого-либо обсуждения. Плыть дальше теперь, сказал он, невозможно. Они смотрели друг на друга: те, кто прежде ненавидел плавание и стремился избавиться от него, и тот, кто в эйфорический миг победы над водорослями изменил решение. И в конце концов им пришлось согласиться с Лавоном. Они взяли курс на восток и больше не заговаривали о том, чтобы пересечь Великое Море. Весь год с трудом пробивались сквозь штормы, на следующий произошло столкновение с морскими драконами, чуть не повредившими кормовую часть судна, но тем не менее они продолжали плыть, и из 163 путешественников, в свое время покинувших Тил-омон, более ста остались в живых — среди них капитан Лавон,— когда «Спьюрифон» вошла в родной порт на одиннадцатый год путешествия.

ЧЕТЫРЕ

ОБЪЯСНЕНИЯ КАЛИНТАЙНА

Целых четыре дня Хиссуном владела меланхолия. Разумеется, он знал, что путешествие завершилось ничем, ни одному кораблю так и не удалось пересечь Великое Море в прошлом, не посчастливится, очевидно, в ближайшем будущем. Но в этом случае!.. Зайти так далеко, а потом вернуться, причем не от трусости, болезней или голода, а только от морального отчаяния — Хиссун с трудом мог понять капитана, сам он никогда бы не повернул назад. Все пятнадцать лет своей жизни он упорно шел к тому, что понимал как свою цель, а те, кто колебался идти по избранному пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но с другой стороны, он не Синнабор Лавон, ни у кого не отнимал жизнь, а ведь такое насилие может потрясти любую душу. Он испытывал к капитану смешанное чувство жалости и презрения. А потом.... потом понял, что Синнабор Лавон был не слабым человеком, а личностью с колоссальной моральной ответственностью. Мое образование, думал Хиссун, продолжается.

Затем он принялся отыскивать записи приключений и развле-

кательные, не столь философского или душещипательного смысла, но находил не совсем то, что искал. Однако за столько лет, проведенных под землей, он узнал, что был невероятный случай в самом Лабиринте, сильно позабавивший бы любого, и даже сейчас, через более чем шесть тысячелетий, о нем рассказывали, как об одном из самых необычных происшествий, виденных на Маджипуре.

Дождавшись подходящего времени, Хиссун провел кое-какие исторические изыскания, а затем посредством Счетчика Душ вошел в сознание некоего юного официала при дворе Понтифика Ариока, человека с репутацией эксцентричной натуры.

Наутро после того дня, когда кризис достиг кульминационной точки и всеми овладело настоящее безумие, в Лабиринте воцарилась непривычная тишина, все были слишком поражены, чтобы разговаривать. Удар от вчерашнего оказался слишком ошеломительным, и даже те, кто имел к случившемуся прямое отношение, никак не могли опомниться. По приказанию нового Понтифика сегодня утром собрались все чиновники — высокопоставленные и рангом пониже,— участвовавшие в недавней перестановке. Сидели свободно, отгоняя сон, пока новый Понтифик и новый Венценосец — каждый, как громом пораженный нежданным получением царственного сана,— удалились в личные покои поразмыслить над своим внезапным превращением, что дало наконец Калинтайну удобный случай повидаться с Силимэр. Занятый делами, он не виделся с ней целый месяц, а она была не из тех, кто легко прощает. Теперь он сумел переправить ей записку: «Каюсь, я виновен в постыдном пренебрежении, но, возможно, теперь ты начинаешь понимать, что и почему. Встретимся в полдень за ленчем у Двора Сфер, и я все объясню».

За время знакомства он уже разобрался в ее темпераменте, довольно бурном и в лучшие их минуты; гневливость — пожалуй, ее единственный, зато сильный недостаток, и Калинтайн побаивался подруги. Уже год были они любовниками, дело шло к обручению. Все высшие сановники двора Понтифика соглашались, что он поступит хорошо, женившись. Силимэр прелестна, разумна и образована в делах политических. Она принадлежала к хорошей семье, среди предков которой были три Венценосца, включая самого легендарного Властителя Стиамота. Ясно, она станет идеальной женой молодому человеку, судьбой предназначенному для высоких мест в государстве, хотя уже сейчас, незадолго до тридцатилетия, Калинтайн достиг внешнего края внутреннего круга двора Понтифика, неся на своих плечах ответственность, какая не многим дается в его годы. Именно ответственность и удерживала его не только от объяснений, но даже от встреч с Силимэр. Теперь без особой уверенности надеялся на прощение.

Всю прошедшую бессонную ночь Калинтайн повторял в уме заготовленную речь, желая уменьшить свою вину: «Ты ведь знаешь, в последние недели я был занят неотложными делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой, и...» И продолжал обкатывать фразы, поднимаясь по ярусам Лабиринта к Двору Сфер на встречу с Силимэр.

Привычная тишина Лабиринта в это утро заставляла воспринимать все окружающее очень отчетливо и остро. Нижние уровни, где находились правительственные учреждения, казались опустевшими, вымершими, а в расположенных выше этажах встретилось всего несколько человек. Они собирались небольшими группами в темных уголках и хмуро перешептывались с таким видом, будто произошел государственный переворот. И все пристально разглядывали Калинтайна, некоторые тыкали пальцами. Калинтайн удивлялся, как они узнают в нем официала Первосвященного, пока не сообразил, что забыл снять маску. Он носил ее на всякий случай, вроде бы для защиты от яркого искусственного света воспаленных бессонницей глаз.

Сегодня Лабиринт выглядел холодным и гнетущим, и он поспешно покинул мрачные подземные глубины, чьи многоэтажные колоссальные залы спиралью уходили вниз и вниз. За какую-то одну-единственную ночь это место стало для него отвратительным.

На уровне Двора Сфер сошел с подъемника, наискосок пересек его огромный, украшенный тысячами непостижимым образом подвешенных в воздухе шаров зал, направляясь к маленькому кафе на противоположной стороне. Полдень пробило как раз в ту минуту, когда он входил. Силимэр уже сидела за столиком у задней стены. Он был уверен, что так и будет, она всегда пунктуальна, когда хочет устроить ему неприятности.

Силимэр встала, но не подставила губы, а протянула руку, как он и ожидал. Улыбка ее была четко отмеренной и холодной. Измученному Калинтайну девушка показалась поразительно красивой: корона коротких золотистых волос, вспыхивающие бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы, вся ее стройная фигурка.

— Я виноват,— хрипло пробормотал он.

— Конечно. Столь долгая разлука, должно быть, для тебя непосильная ноша..

— Как ты знаешь, последние недели я был очень занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой...— Слова звучали невероятно глупо, и Калинтайн испытал облегчение, когда она прервала ровным голосом:

— У нас еще будет время, милый. Может быть, пока выпьем?

— Пожалуй.

Она махнула рукой. Одетый в ливрею официант — надменно державшийся хьерт — подошел, принял заказ и гордо удалился.

— Ты разве не снимешь маску?— поинтересовалась Силимэр.

— Ох, прости.. Последние дни была такая неразбериха...— Он сорвал ярко-желтую тряпицу, которая скрывала глаза и нос и определяла в нем человека Понтифика. Выражение Силимэр изменилось, когда она увидела его лицо, яростные огоньки в глазах погасли, взамен возникла заинтересованность, почти жалость.

— Глаза красные, словно кровью налитые,— заметила она,— а щеки бледные-бледные и натянутые...

— Я не спал. Сумасшедшее время.

— Бедняжка Калинтайн!

— Думаешь, мы не виделись, потому что я так хотел? У меня просто не было времени.

— Знаю. И вижу, чего тебе это стоило.

Внезапно до него дошло, что она не насмехается, а искренне сочувствует, возможно, объяснение окажется легче и проще, чем он представлял.

— Проклятые дела вздохнуть не дают. Ты слышала, что выкинул вчера Понтифик Ариок?

Силимэр задохнулась от смеха:

— Разумеется. До меня ведь доходят слухи. Все слухи. Это правда? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Какое чудо! Какое изумительное чудо! Но случившееся перевернет мир вверх дом. Это подействовало на тебя так ужасно?

— На меня, на тебя, на каждого,— буркнул Калинтайн, жестом охватывая Двор Сфер, Лабиринт, планету за этим ограниченным подземельем, от внушающего благоговение Замка Горы до дальних городов на западном континенте.— Я сам с трудом понимаю.

Но лучше начать по порядку..

Возможно, ты не знаешь, что последние месяцы Понтифик Ариок вел себя необычно. Я полагаю, напряжение, испытываемое человеком на высоком посту, зачастую сводит людей с ума, или сам становишься немного сумасшедшим, когда стремишься добиться высокого места. Но, как ты знаешь, Ариок из Дизимэйла тринадцать лет был Венценосцем и более десяти лет Понтификом, а этого времени, пожалуй, достаточно, чтоб научится держать себя в руках. Особенно, если живешь здесь, в Лабиринте. Должно быть, Понтифик просто затосковал по весеннему ветру с Замка Горы, по охоте на гихорнов в Зимроеле или просто хотел поплавать где-нибудь по настоящей реке, а ему приходилось торчать глубоко под землей и до конца жизни возглавлять армию своих чиновников.

Однажды, около года назад, Ариок начал поговаривать о грандиозном шествии по Маджипуре. Я был в тот день при дворе с герцогом Гиделоном. Понтифик попросил карты и стал излагать свой замысел путешествия по реке к Алэйсору, затем он хотел отправиться на Остров Снов навестить во Внутреннем Храме Властительницу, после чего пересечь весь Зимроель, останавливаясь в Пилиплоке, Ни-мое, Пиндрайде, Нарабале — понимаешь, везде. Поездка, которая заняла бы по меньшей мере лет пять. Гиделон бросил на меня странный взгляд и указал Ариоку, что столь грандиозные шествия устраивают Венценосцы, а не Понтифики, и Властитель Стрэйн вернулся из такого путешествия всего два года назад.

«Выходит, мне запрещено это делать?»— осведомился Понтифик.

«Не запрещено, ваше величие, но обычай требует...»

«От меня оставаться узником Лабиринта».

«Нет, нет, вовсе не узником, но...»

«Но мне не дано выходить во внешний мир».

Должен заметить, мои симпатии были на стороне Ариока, но не забывай, что я, не в пример тебе, не уроженец Лабиринта, а лишь один из тех, кого долг и обязанности перед Маджипурой привели сюда, поэтому жизнь под землей для меня немного необычна. И когда Гиделон убедил Ариока в невозможности грандиозного шествия, я не мог не заметить неуспокоенности в глазах Понтифика.

А затем произошло неожиданное — его величие стал удирать по ночам и слоняться по Лабиринту. Никто не знал, часто ли он поступал так раньше, прежде чем мы обнаружили, что происходит, хотя доходили слухи, будто закутанную в плащ, носящую маску фигуру, сильно смахивающую на Понтифика, изредка видели то у Двора Пирамид, то в Зале Ветров. Мы относились к пересудам безразлично до той ночи, когда по счастливой случайности постельничему Ариока почудилось, будто Понтифик требует его к себе, и он отправился взглянуть, что ему надо, и нашел комнату пустой. Ты должна помнить ту ночь, Силимэр, потому что мы были вместе и некстати вперся один из людей Гиделона и увел меня с собой, заявив, что созывается экстренная встреча высших советников, и необходимы мои услуги. Ты тогда была расстроена, вернее, в бешенстве. Разумеется, причиной совещания послужило исчезновение Понтифика, хотя впоследствии мы скрыли ее, объявив, что обсуждали бедствие от гигантской волны, опустошившей Стойензар.

Ариока нашли в четыре утра. Он был на Арене — ты помнишь, что это идиотское пустое место было создано по одному из безумных указов Понтифика Дизимэйла. Ариок сидел на корточках у дальней стороны, играл на зутибаре и пел песенки аудитории из пяти-шести оборванных мальчишек. Мы доставили его домой. Через несколько недель он снова удрал и ухитрился добраться до Двора Колонн. Гиделон много говорил с ним; Ариок настойчиво утверждал, что монарху важно побродить среди народа, послушать его горести, и ссылался на прецеденты в далеком прошлом Старой Земли. Гиделон принялся втихомолку расставлять охрану в его покоях — предположительно от наемных убийц, но кому нужно убийство Понтифика? Стража не давала — не физически, нет — Ариоку убегать, но хотя Понтифик и странный человек, он отнюдь не дурак, и вопреки охране, раза два-три ускользал в последующие два месяца. Положение становилось критическим: а если он вдруг исчезнет на неделю или вообще покинет Лабиринт и отправится погулять в пустыню?

«Раз мы не в силах воспрепятствовать его скитаниям по Лабиринту,— почему бы не организовать напарника, который сопровождал бы Понтифика и заодно присматривал, чтоб с ним ничего не случилось?»— сказал я как-то Гиделону.

«Отличная мысль,— кивнул герцог.— Вот тебя-то я и определю на этот пост. Ты достаточно молод и проворен, чтобы помочь ему выпутаться из затруднительных положений».

Это было шесть недель назад, Силимэр. Помнишь, конечно, как раз тогда я перестал проводить с тобой ночи, оправдываясь обязанностями при дворе, и началось наше отчуждение. Я не мог

рассказать, какого рода обязанности приходится выполнять по ночам, и лишь надеялся, что не заподозришь меня в желании сменить любовницу. Теперь можно открыть, что был вынужден поселиться в комнате поближе к спальне Понтифика и ухаживать за ним каждую ночь. Спать приходилось урывками, днем, и благодаря то одной, то другой хитрости я стал товарищем Ариока в его ночных прогулках.

Дело оказалось трудным. По-настоящему я был телохранителем Понтифика, и оба мы знали это, но, разумеется, я постарался, чтоб служба не слишком бросалась в глаза. Как бы там ни было, я оберегал его от грубиянов и рискованных экскурсий. Нам встречались плуты, забияки, просто горячие головы. Никто не стал бы вредить Понтифику, но сам он вполне способен встревать между выясняющей отношения парочкой. В редкие минуты отдыха я искал помощи Властительницы Острова — да покоится она на груди Дивине!— и она пришла ко мне в благословенных посланиях и предрекла, что я должен стать другом Понтифика, раз не желаю быть его тюремщиком. Какое все-таки счастье, что мы можем получать материнские советы в наших снах! Следуя им, осмелился положить начало и вовлек Ариока в несколько приключений. «Давайте прогуляемся нынче ночью»,— частенько говорил я теперь. Это была моя идея — побывать на жилах уровнях Лабиринта в местах, где и ночью не прекращалось бражничанье и веселье. Загримированными, конечно, и в масках, где обитали опасные азартные игроки — меня там знали и я не представлял для них никакой угрозы. И опять же, в одну отчаянную ночь по-настоящему охранял его за стенами Лабиринта. Я понимал, чего он желает больше всего, но боится даже заикнуться, и тогда предложил сам, как тайный подарок, и мы воспользовались личными проходами Венценосца наверх в Месяц Вод.

Мы стояли так близко к Клайгу, что чувствовали прохладный воздух, нагоняемый ветром с Замка Горы, и смотрели вверх на пылающие звезды.

«Я не был здесь шесть лет»,— сказал Понтифик.

Он дрожал, и я подумал, что он плачет под маской. И я, который никогда не смотрел на звезды слишком долго, тоже был недалек от этого. Понтифик указал на одну звезду и объяснил, что с нее пришел в наш мир народ чаурогов, затем на звезду хьертов, а потом на пустяковое пятнышко света, которое, оказывается, ничто иное, как солнце Старой Земли. Я усомнился — все-таки недаром же ходил в школу,— но он так радовался, что не посмел ему противоречить. И вот Понтифик повернулся ко мне, сжал мою руку и сказал взволнованным низким голосом:

«Калинтайн, я олицетворяю высшую власть в нашем колоссальном мире, и в то же время я — ничто, раб, узник. Я отдал бы все, лишь бы освободиться, бежать из этого подземного Лабиринта и провести оставшиеся годы под звездами».

«Почему вы тогда не отречетесь?»— спросил я, поражаясь собственной наглости.

Он усмехнулся:

«Это было бы трусостью. Я избран Дивине, как я могу

отвергнуть ношу?»— Он помолчал.— «До конца дней я назначен судьбой быть властью Маджипуры. Но ведь должен же найтись какой-нибудь честный путь освободиться от этого подземного заточения!»

И я увидел, что Понтифик не безумец, не капризник, а просто одинок среди этой ночи, гор, лун, деревьев и рек — всего мира, который его насильно заставили покинуть, дабы он нес на своих плечах всю тяжесть правления планетой.

Две недели спустя пришла весть о постигшей Властительницу Острова, мать Венценосца Стрэйна, болезни, о том, что она вряд ли поправится. Необычный кризис вызвали колоссальные трудности, ведь по своему положению Властительница равна Венценосцу и Понтифику, и заменить ее — едва ли дело обычное. Сам Властитель Стрэйн, говорили, покинул Замок Горы, чтобы посоветоваться с Понтификом перед поездкой на Остров к матери, но он мог и не поспеть туда. Между тем герцог Гиделон, как первый глас Понтифика и начальник стражи двора, начал составлять список кандидаток на место Властительницы, который затем нужно было сравнить с таким же списком Властителя Стрэйна и посмотреть, нет ли в них совпадающего имени. Совет Понтифика Ариока был необходим всем, и мы считали, что ему, в его нынешней неудовлетворенности, будет полезно поглубже вовлечься в дела государства. Умирающая в определенном смысле считалась его женой — по формальностям нашего права наследования он усыновил Властителя Стрэйна, когда того избрали Венценосцем; конечно, у Властительницы был настоящий муж где-то в Замке Горы, но ты же понимаешь, что такое обычай? Гиделон сообщил Понтифику о нависшей над Властительницей угрозе, и началось окружное совещание правительства. Я на нем не присутствовал — у меня еще нет пока такого положения при дворе.

Полагая, что тяжелое положение Властительницы заставит Понтифика по меньшей мере до другого времени отвлечься от своих прогулок, мы неосознанно ослабили нашу бдительность. И в ту самую ночь, когда весть о кончине Властительницы Острова Снов достигла Лабиринта, Ариок вновь ушел один — впервые с тех пор, как я стал присматривать за ним. Одурачив охрану, одурачив меня, одурачив своих прислужников, он выскользнул в бесконечную путаницу переходов и уровней Лабиринта, и никто не мог найти его. Мы искали всю ночь и весь следующий день. Я был в панике, опасаясь как за него, так и за свою карьеру. С дурными предчувствиями я послал офицеров к каждому из семи Устьев Лабиринта на поиски в пустыне, а сам заглянул во все распутные притоны, куда водил его в свое время. Люди Гиделона перерыли не известные даже мне места, и, невзирая на наши поиски, удавалось держать население в неведении об исчезновении Понтифика.

Мы нашли его после полудня в здании, расположенном на уровне, известном под названием Зубы Стиамота, в первом кольце Лабиринта, где он скрывался под женской одеждой. Мы никогда бы не нашли его, не возникни какая-то ссора с неоплаченным счетом, которая вызвала на сцену прокторов, и когда Понтифик не смог

удостоверить свою личность и из-под женского одеяния раздался мужской голос, у прокторов хватило ума вызвать меня, и я поспешил забрать у них арестованного. Выглядел он ужасно в своей мантии и браслетах, но спокойно и разумно приветствовал меня, назвав по имени, и выразил надежду, что не причинил нам больших хлопот.

Я ждал, что Гиделон понизит меня в должности, но герцог, пребывая в хорошем настроении, простил меня. К тому же он слишком занят разразившимся кризисом, чтобы обращать внимание на мои ошибки, и ничего не сказал о том, что я позволил Понтифику незаметно покинуть его опочивальню.

«Властитель Стрэйн прибыл сегодня утром,— сказал он мне торопливо и устало.— Естественно, он хотел сразу встретиться с Понтификом, но мы уверили его, будто тот спит и не стоит его беспокоить. А в это время половина моих людей была брошена на поиски. Какая все-таки боль — лгать Венценосцу, Калинтайн!»

«Понтифик действительно сейчас спит у себя в покоях»,— ответил я.

«Да-да, и он там и останется, я полагаю?»

«Я приложу все силы к..»

«Я имею в виду не это,— перебил меня Гиделон.— Понтифик Ариок, очевидно, лишился разума. Тайком удирать из своих покоев, шляться по ночам вокруг жилых кварталов и, наконец, облачиться в женский наряд — это уже выходит за рамки обычной эксцентричности, Калинтайн. Сейчас, когда у нас на руках дело об избрании новой Властительницы, я предлагаю содержать его постоянно в личных покоях под строгой охраной — ради его собственного блага — и передать обязанности Понтифика в руки регента. Такие случаи уже бывали, я порылся в документах. В свое время Понтифик Нархольд подхватил болотную лихорадку, которая поразила его разум, и...»

«Господин,— сказал я,— неужели вы верите в безумие Понтифика?»

Гиделон нахмурился:

«Как же еще прикажешь называть человека, сделавшего то, что сделал Понтифик Ариок?»

«Поступком человека, слишком долго бывшего правителем, чей дух бунтует против всего того, что ему приходится нести на своих плечах. Я неплохо изучил его и рискну сказать, что своими выходками Понтифик выражает душевные муки, но никак не безумие».

Это был красноречивый монолог и, сказал я себе, смелое слово, для младшего советника, тем более, что Гиделон в настоящий момент является третьим лицом на Маджипуре после самого Ариока и Властителя Стрэйна. Но настало время, когда кому-то нужно было отбросить дипломатию, честолюбие и хитрость и просто сказать правду, а мысль о заключении в узилище несчастного Ариока, когда он и так уже терпит муку из-за ограниченности Лабиринта, ужаснула меня. Гиделон довольно долго молчал, и я уже начал пугать себя предположениями, что то ли напрочь уволен со службы, то ли отправлюсь в какой-нибудь

закуток к писцам перебирать бумаги до конца жизни, но я спокойно, совершенно спокойно ждал ответа.

Неожиданно раздался стук в дверь — посланец принес конверт с изображением звездного взрыва, личной печатью Венценосца. Герцог вскрыл его, прочел, перечитал снова, затем в третий раз, и я никогда не видел такого недоверия и ужаса, какие появились на его лице. Он смертельно побледнел, руки тряслись.

Взглянув на меня, произнес странным голосом:

«Венценосец собственноручно извещает меня, что Понтифик Ариок покинул свою опочивальню и удалился в Зал Масок, где издал указ, столь поразительный, что я не в силах заставить себя повторить его.— Он протянул мне послание.— Идем, поторопимся в Зал Масок».

Он выбежал из комнаты, я последовал за ним, тщетно пытаясь просмотреть на ходу текст письма. Почерк у Властителя Стрэйна оказался отвратительным, а Гиделон с поразительной быстротой бежал по слабо освещенным изгибам коридоров; так я разбирал лишь отрывки — что-то о новой Властительнице и об отречении. Чье могло быть отречение, если не Понтифика Ариока? Но ведь он сам говорил мне, что было бы трусостью сбросить с плеч бремя власти, возложенное судьбой?!

Задыхаясь, я влетел в Зал Масок, одно из немногих мест в Лабиринте, которое и в лучшие времена не любил за огромные узкоглазые лица; вздымаясь на плинтусах мерцающего мрамора, они казались мне фигурами из кошмара. Шаги Гиделона простучали по каменному полу, за ними эхом отдавались мои собственные, и хотя он был вдвое старше меня, мчался, как демон. Впереди я слышал крики, смех, рукоплескания, а немного погодя увидел и собравшихся — сотни полторы жителей Лабиринта, среди которых узнал несколько главных советников Первосвященного. Мы с Гиделоном с трудом втиснулись в толпу и остановились, лишь увидев фигуры в зелено-золотой форме службы Венценосца. Властитель Стрэйн казался одновременно взбешенным и изумленным. Он явно был в шоке.

— Его не остановить,— произнес он хрипло.— Он переходит из зала в зал, повторяя свое провозглашение, слушайте: он снова начал.

Только тогда я заметил неподалеку от нас Понтифика Ариока, сидевшего на плечах громадного скандара. Его величие был одет в белую струящуюся мантию женского покроя с великолепными парчовыми оборками, а на груди его покоился пылающий красным цветом драгоценный камень, поразительно большой и сияющий.

«Тогда как пустота возникла среди высших Сил Маджипуры!— воскликнул он удивительно сильным и звонким голосом, — и нужна новая Властительница Острова Снов! И она должна как можно скорее править душами людей! Появляясь в снах и даря утешение! И помощь! И! Так как! Мое горячее желание! Сбросить бремя Первосвященности! Которое я несу двенадцать лет! Я! Объявляю себя отныне и впредь! Женщиной! И как Понтифик! Я называю имя новой Властительницы Острова Снов — женщину Ариок!..»

«Безумие»,— пробормотал Гиделон.

«Я слышу это в третий раз, и все равно не могу поверить», — сказал Венценосец Властитель Стрэйн.

«...отрекаясь одновременно от трона Понтифика! И призываю жителей Лабиринта! Принести Властительнице Ариок колесницу! Помочь добраться до порта Стойен! Потом до Острова Снов! Дабы могла она нести всем вам утешение!»

В этот миг взгляд Ариока встретился с моим. Понтифик волновался, лоб его был покрыт испариной. Но он узнал меня, улыбнулся и п о д м и г н у л, подмигнул радостно, с торжеством. Я отвернулся.

«Его нужно остановить»,— сказал Гиделон.

Властитель Стрэйн покачал головой:

«Слышите аплодисменты? Им нравится, и толпа все нарастает по мере того, как он переходит с уровня на уровень. Его поднимут до Устья Лезвий и доставят в Стойен еще до конца дня».

«Вы — Венценосец,— напомнил Гиделон.— Неужели ничего нельзя сделать?»

«Высший правитель планеты Понтифик, и каждое его распоряжение я поклялся исполнять. Изменить всенародно? Нет-нет, Гиделон, что сделано, то сделано, пусть и невероятное, но теперь нам придется жить с этим».

«Многая лета Властительнице Ариок!»— проревел утробный голос.

«Властительница Ариок! Властительница Ариок! Многая лета!»

Я смотрел, как процессия двинулась из Зала Масок, направляясь то ли к Залу Ветров, то ли ко Двору Пирамид. Мы — Гиделон, Венценосец и я — не последовали за ней. Ошеломленные, молчаливые, стояли неподвижно до тех пор, пока не исчезла веселая импровизированная свита новоявленной властительницы. Я был смущен, находясь в обществе двух самых великих людей нашего мира в столь уничижающий момент. Это было настолько нелепо и фантастично — это отречение и провозглашение — что они были сбиты с толку.

Наконец, Гиделон задумчиво произнес:

«Если вы принимаете отречение как имеющее силу, Властитель Стрэйн, то вы больше не Венценосец и должны быть готовы стать главой планеты и Лабиринта. Теперь вы наш Понтифик».

Слова его поразили Властителя Стрэйна. Сгоряча он, видимо, не подумал о последствиях признания нового титула Ариока.

Рот его открылся, но не вылетело ни звука. Сжимал и разжимал кулаки, словно себе самому делая знак звездного взрыва, но я понимал, что это всего лишь выражение замешательства. Я чувствовал благоговейную дрожь: это же невероятно — стать свидетелем передачи власти, к чему сам Властитель Стрэйн был совершенно не готов... Я понимал его: в расцвете лет оставить радости Замка Горы, сменить веселье городов и красоту мира на мрачный Лабиринт, снять венец звездного взрыва и надеть диадему — нет, он был совершенно не готов, и когда истинное положение вещей дошло до него, смутился и заморгал. Наконец, после длительного молчания, смирился:

«Да будет так! Я — Понтифик. Но кто, спрашиваю я вас, займет мое место Венценосца?»

Мы полагали, что это риторический вопрос, поэтому ни я, ни герцог ничего не ответили.

«Кто будет Венценосцем?»— гневно повторил Властитель Стрэйн.

Он не сводил глаз с Гиделона.

Скажу честно, я был поражен, став свидетелем событий, которые вряд ли забудутся и за десять тысяч лет. Но насколько сильнее это ударило по ним! Гиделон отшатнулся, что-то невнятно бормоча. С той поры еще, когда Ариок и Властитель Стрэйн были относительно юными, прежними Властителями Маджипуры был разработан ритуал передачи престола. И хотя Гиделон человек сильный и могущественный, сомневаюсь, чтобы он мечтал достигнуть когда-либо Замка Горы, и уж, конечно, не таким путем. Он задохнулся, не в силах произнести ни слова, в конце концов первым отреагировал я — опустился на колени, сделав знак звездного взрыва, и выкрикнул, дрожа от волнения:

«Гиделон! Властитель Гиделон! Да здравствует Властитель Гиделон! Многая лета Венценосцу!»

Никогда я не видел, чтобы люди так поражались, смущались, так мгновенно менялись, как бывший Властитель Стрэйн, ставший Понтификом, и бывший герцог Гиделон, ставший Венценосцем. На лице Стрэйна бушевала буря гнева и боли. Властитель Гиделон был чуть не при смерти.

И великая тишина.

Наконец Властитель Гиделон заговорил не своим, вибрирующим голосом:

«Если я Венценосец, обычай требует, чтобы моя мать стала Властительницей Острова Снов».

«Сколько лет вашей матери?»— спросил Властитель Стрэйн.

«Очень стара, дряхла, можно сказать».

«Мда... Наверняка, совершенно не подготовлена к трудам Властительницы, да и недостаточно сильна, чтобы вынести их...»

«Все так»,— кивнул Властитель Гиделон.

«Кроме того,— продолжал Стрэйн,— на сегодня у нас уже имеется новоявленная Властительница, и другую так сразу не подберешь. Давайте посмотрим, как поведет себя и будет справляться с обязанностями во Внутреннем Храме Ариок, прежде чем подыщем кого-нибудь на его место».

«Безумие»,— повторил Гиделон.

«Действительно, безумие,— согласился Понтифик Стрэйн.— Идемте, проследим, чтобы Властительницу в безопасности доставили на Остров».

Я отправился за ними к выходу из Лабиринта, где мы наткнулись на десятитысячную толпу, славящую его (или ее) — Ариока, босого, в роскошной мантии — и готовую доставить колесницу и отвезти его (или ее) в порт Стойен. Пробиться к Ариоку оказалось невозможно, настолько плотно стояла толпа.

«Безумие,— снова и снова повторял Гиделон.— Безумие!»

Но я знал другое: видел, как подмигнул мне Ариок, и понял его. Вовсе не безумие.

Понтифик Ариок нашел лазейку, чтоб выбраться из Лаби-

ринта. Будущие поколения, я уверен, станут считать его имя символом глупости и нелепости, но он совершенно нормальный человек. Человек, для которого венец стал в тягость.

Так после позавчерашнего необычайного случая у нас появились новый Понтифик, новый Венценосец и новая Властительница Острова Снов. Теперь ты знаешь, как все произошло.

Калинтайн закончил рассказ и надолго приник к чаше с вином. Силимэр смотрела на него с выражением, которое казалось молодому человеку смесью жалости, презрения и любви.

— Ты как малое дитя,— сказала она наконец.— С твоими титулами, верноподданническими чувствами и прочими узами чести. Но я понимаю, сколько тебе пришлось пережить, и это на тебя повлияло.

— Есть еще кое-что,— заметил Калинтайн.

— Вот как?

— Венценосец Властитель Гиделон, прежде чем удалиться в свои покои и заняться всеми этими перевоплощениями, назначил меня своим помощником. На следующей неделе он уезжает в Замок Горы, и если... естественно, я обязан быть рядом с ним.

Ее изумительно бирюзовые глаза смотрели на него.

— Я родилась в Лабиринте,— сказала Силимэр,— и люблю то, что дорого всем здешним жителям.

— Таков твой ответ?

— Нет,— Силимэр покачала головой.— Ответ ты получишь позже. Чтобы привыкнуть к великим переменам, мне требуется гораздо больше времени, чем всем твоим Понтификам и Венценосцам.

— Значит, ты о т в е т и л а?

— Потом, — повторила она, и, поблагодарив за вино и рассказ, оставила его за столиком.

Немного погодя Калинтайн тоже поднялся и устало направился к себе, слыша, как повсюду шумят о новостях. Словно гудение комаров, доносились слова, что Ариок теперь Властительница, Стрэйн — Понтифик, Гиделон — Венценосец. Он вошел в свою комнату и попытался уснуть, но сон не шел, и он уныло думал, что время отдаленности от Силимэр стало роковым для их любви и что вопреки ее намеку, она отвергла его.

Но он ошибался. Через день Силимэр прислала записку, что готова ехать с ним, и когда Калинтайн занял свое место в Замке Горы, она была рядом с ним, как и много лет спустя после того, как он первым приветствовал Венценосца Властителя Гиделона.

Его пребывание на посту помощника было кратким, но веселым, он занимался созданием великой дороги к Вершине Горы, что носит теперь его имя. И когда в старости вернулся в Лабиринт уже Понтификом, совсем не удивился этому, ибо всю свою способность удивляться израсходовал в тот давний день, когда Понтифик Ариок провозгласил себя Властительницей Острова Снов.

ПЯТЬ

ПУСТЫНЯ УКРАДЕННЫХ СНОВ

Легенда об Ариоке, как видел теперь Хиссун, извратила правду о нем. Искаженный временем Ариок выглядел шутом, капризным клоуном, но если свидетельство Властителя Калинтайна что-нибудь значит, все было совсем не так. Страдающий человек, искавший свободы и обретший ее,— не клоун и не сумасшедший. Хиссун, сам угодивший в западню Лабиринта и стремящийся вкусить свежего воздуха внешнего мира, отнесся к Ариоку, как к брату по духу через тысячи лет.

Довольно долго потом Хиссун не подходил к Счетчику Душ. Проникновение в прошлое оказалось слишком сильным и болезненным ударом: в сознании оставались какие-то черты Тесме, капитана Еремайла, Синнабора Лавона — так что он с трудом разбирал, кто есть кто.

Помимо всего прочего, приходилось заниматься и делами. За полтора года он покончил с налоговыми документами, и так ловко, что ему тут же всучили новую работу в Хранилище Записей — обзор распределений в группах коренного населения Маджипуры. Хиссун знал, что у Властителя Валентайна какие-то затруднения с метаморфами (несколько лет назад произошло жуткое происшествие — заговор метаморфов сверг его с трона), и Хиссун припоминал, что во время пребывания на вершине Замка Горы среди сильных мира сего ему довелось услышать о планах более полного вовлечения Меняющих Форму в жизнь планеты, если такое возможно. Хиссун подозревал, что статистические данные, которые Венценосец запрашивал, имеют отношение к его великой стратегии, и это доставляло подростку искреннее удовольствие.

И заодно давало повод для иронических улыбок, поскольку он был достаточно проницателен, чтоб осознать, что произошло с уличным оборвышем Хиссуном. Сей ловкий и проворный мальчишка к юности превратился в выучившегося и остепенившегося человека, чиновника, а ведь прошло всего семь лет с тех пор, как на него пал царственный взор. Да, думал он, четырнадцатилетним навсегда не останешься; пришло время покинуть улицу, стать полноправным членом общества. Но все равно сожалел об утраченном детстве, о мальчишке, каким был. Правда, кое-что от того сорванца до сих пор кипело в нем, кое-что, но хватало и этого. Еще он вдруг обнаружил, что стал глубоко задумываться над общественным строем Маджипуры, над организацией межрасовых политических сил и над понятием, подразумевающим ответственность; каким образом различные племена сохраняют гармоничный союз — вследствие взаимных обязательств? Четыре могущественные силы планеты — Понтифик, Венценосец, Властительница Острова Снов и Король Снов — как, удивлялся Хиссун, как они ухитряются управлять, и хорошо управлять, всем огромным и сложным миром? В их глубоко консервативном обществе, где за прошедшие тысячелетия почти ничего не изменилось, гармония власти казалась сверхъестественной, а рав-

новесие сил — неким божественным вдохновением. У Хиссуна не было наставника, не было никого, к кому он мог бы обратиться с просьбой объяснить эту загадку, но зато у него был Счетчик Душ — жизнь людей прошлого, способная предоставить нужные знания. И потому Хиссун, вновь подделав пропуск, прошел стражу и стал подбирать ключи, отыскивая теперь в минувшем не просто удивительное или забавное, но и понимание развития политических сил своей планеты. «Каким серьезным молодым человеком ты заделался»,— сказал он себе, пока разноцветный ослепительный свет пробивался в его сознание душой давно умершего человека.

Сувраель лежал подобно сверкающему мечу поперек южного горизонта — стальная полоса тускло-красного цвета,— мерцая и пульсируя от жары. Деккерет, стоявший на носу грузового судна, на котором совершил долгое и утомительное путешествие через море, ощутил, как кровь быстрее заструилась в жилах. Наконец-то Сувраель! Страшное место, отвратительный континент, бесплодная и жалкая земля, до которой осталось еще несколько дней плавания,— кто знает, какие ужасы ждут его там? Но он готов. Деккерет верил, что в Сувраеле, как и в Замке Горы, что бы ни произошло, все к лучшему. Ему двадцать лет, он высок, полноват, с короткой шеей и невероятно широкими плечами. Шло второе лето славного царствования Властителя Престимиона при великом Понтифике Конфалуме.

Предпринятое путешествие к пылающим водам бесплодного Сувраеля было для Деккерета актом искупления. Он, поначалу едва ли осознав весь позор случившегося, совершил серьезный проступок, когда охотился в Болотах Кантора в далеком северном краю, и какое-то искупление казалось ему необходимым. Он понимал, что жест сей романтический, на публику, но не мог ни простить себя, ни преодолеть. И если не впасть в романтику в двадцать лет, то когда? Конечно, не через десять-пятнадцать лет, прикованным к колеснице судьбы, уютно устроившись при дворе властителя Престимиона, где ждет его неизбежная и легкая карьера. Нет, именно теперь должен Сувраель очистить его душу, и плевать на последствия!

Его друг, наставник и товарищ по охоте в Канторе Акбалик так и не смог понять, впрочем, Акбалик, конечно, не романтик, да и староват. Как-то ночью, ранней весной, в неприглядной горной таверне, после нескольких фляжек золотистого вина Деккерет объявил о своем решении, и Акбалик разразился грубым фыркающим хохотом:

— Сувраель? Ты осудил себя слишком сурово. Нет вообще такого вонючего греха, который заслуживал бы прогулки на Сувраель!

Но Деккерет, уязвленный снисходительностью приятеля, медленно покачал головой:

— Зло пятном лежит на мне. Я сниму его с души жарким солнцем.

— Лучше отправляйся в паломничество на Остров Снов, попроси Властительницу исцелить твою душу.

— Нет, только Сувраель.

— Почему?

— Хочу убраться подальше от наслаждений Замка Горы,— объяснил Деккерет,— хочу сменить самое приятное место Маджипуры на мрачную и отвратительную пустыню бешеных ветров. Умерщвление плоти, Акбалик, поможет мне искренне раскаяться. Я хочу прочувствовать боль — понимаешь? — до тех пор, пока сам не прощу себя. Вот так.

— Вот так. Но коли ты собрался умерщвлять плоть, умерщвляй до конца; советую не снимать ее, пока будешь слоняться под сувраельским солнцем.— Ухмыляющийся Акбалик ткнул пальцем в плотную мантию из черного меха канторов, которую носил Деккерет.

Деккерет расхохотался:

— В умерщвлении тоже не стоит преступать границ,— и потянулся за вином.

Акбалик был вдвое старше Деккерета и, разумеется, находил его желание смешным, даже пьяный не отступил.

— Может, я попробую тебя отговорить?

— Бесполезно.

— Ведь это пустая трата времени,— тем не менее продолжал Акбалик.— Перед тобой карьера. Имя твое сейчас часто повторяется в Замке Горы. Властитель Престимион отзывается о тебе в наилучших выражениях, как о многообещающем молодом человеке, обладающем характером и обязанным подниматься по служебной лестнице — все черты самого Престимиона в юности: правит-то он давно. Потому-то и привечает тебя. А ты тут, среди полей Кантора... Забудь о Сувраеле, Деккерет, и возвращайся со мной в Замок. Венценосец устроит твое будущее. На Маджипуре сейчас доброе царствование, и приятно будет провести молодость среди сильных мира сего. Кой демон несет тебя на Сувраель? Ведь никто не знает о... э... твоем грехе?

— Я знаю.

— Ну, пообещай никогда больше не повторять его, и все.

— Не так-то все просто,— возразил Деккерет.

— Потратить впустую год-два жизни, если вообще не потерять ее — бессмысленное и безумное путешествие...

— Не бессмысленное. И не бесполезное. Все не так, Акбалик. Я связался с людьми Первосвященного и получил официальное назначение. Мне поручено навести кое-какие справки. Не звучит, правда? Последнее время Сувраель не поставляет ни скот, ни квоты мяса, и Понтифик хочет знать, почему. Понимаешь? Карьера моя не прервется даже теперь, хоть ты и считаешь эту поездку глупостью.

— Значит, ты все уже решил?

— На следующий Четвертый день отплываю.— Деккерет протянул товарищу руку.— Уезжаю по меньшей мере года на два. Встретимся после на Горе, скажем, года через два на играх в День Зимы в Верхнем Морщине, а?

Спокойные серые глаза Акбалика с минуту смотрели прямо в глаза Деккерета.

— Я буду там,— медленно произнес он.— Обещаю.

Разговор состоялся всего несколько месяцев назад, но Деккерету, ощущавшему знойное дыхание южного континента, докатывающееся поверх бледно-зеленых вод Внутреннего Моря, казалось, что это было невероятно давно, а поездка тянется нескончаемо долго.

Путешествие начиналось довольно приятно — спуск по горам к большой провинциальной столице Ни-мои, затем поездка на речной барже вниз по Зимру до Пилиплока на восточном побережье материка. Там он поднялся на борт грузового судна, самого дешевого, какое сумел найти, приписанного к сувраельскому городу Толигаю, и все лето на юг, на юг, на юг в душной маленькой клетушке, расположенной прямо под сложенными в кипы высушенными детенышами морских драконов.

Когда корабль вошел в тропики, дни преподнесли такую жару, какой он в жизни не видел, ночи были не намного легче, а команда — в большинстве лохматые скандары — посмеивалась и советовала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что настоящая жара начнется в Сувраеле. Но он жаждал страдания, и хотя желание это было уже с лихвой удовлетворено, покорно ждал худшего.

Деккерет не роптал, хотя жизнь в комфорте среди юных рыцарей Замка Горы не подготовила его ни к бессонным ночам с вонью от туш морских драконов, ножом режущей ноздри, ни к одуряющей жаре, поглотившей корабль через несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к невыносимой скуке неменяющегося морского пейзажа.

Маджипура так невероятно велика, что уже одним этим доставляла трудности.

Деккерет словно плыл из ниоткуда в никуда. Проехать по родному Альханроелю и добраться до западного берега Зимроеля — уже большое путешествие: баркой от Алэйсора на Горе, потом морем до Пилиплока и вверх по реке до горных болот. Но то было время, когда рядом находился Акбалик, когда Деккеретом владело возбуждение от первого большого путешествия, от новых мест, новой пищи, непривычного говора. От предвкушения охотничьих забав. А тут? Тюремная клетка на борту грязного скрипучего судна, загаженного сушеным мясом с резким запахом.

Нескончаемая череда пустых дней без друзей, без обязанностей, без умных собеседников. Хоть бы какой-нибудь чудовищный морской дракон появился, думал он, и оживил плавание. Но нет, нет, нет — миграция драконов осуществляется где угодно, только не здесь.

Одно огромное стадо, говорили, находится сейчас в западных водах у Нарабала, а другое между Пилиплоком и Родамаунтским Архипелагом, и Деккерету так и не удалось увидеть морского дракона.

О Дивине, что делать со скукой?

Он страдал, это правда, и страдания бальзамом лились на рану, но все равно осознание чудовищного поступка, который он совершил в горах, совсем не облегчало.

На корабле было жарко, скучно, никакой возможности отдохнуть, к тому же его терзало чувство вины, а он еще бередил душу, отыскивая в себе черты трусости, слабости и глупости, с иронией вспоминая похвальный отзыв о себе самого Властителя Престимиона.

В конце концов Деккерет пришел к выводу, что душу, должно быть, излечивает нечто большее, чем сырость и скука вперемешку с вонючими ароматами. Во всяком случае, он получил представление об этом, и был готов начать следующий этап своего паломничества в неизвестное.

Продолжение следует

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

Король Снов 3
Метаморфы 81
Остров Снов 155
Книга замка 267

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ

Один
Тесме и чаурог 339
Два
Время огня 369
Три
В пятый год путешествия 383
Четыре
Объяснения Калинтайна. 399
Пять
Пустыня Украденных Снов. 411

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 13/1

Роберт Силверберг

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Редакторы В. Чирков, Т. Шмундяк

Технический редактор *О. Цыплакова*

Корректор *Г Поддубная*

Дата в печать 23.03.93. Уч. изд. л. 30,56 Усл. печ. л. 21,84
Тираж 52.000. Заказ № 1670

Издательство «ЭЯ», г. Кишинев

Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»,
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Государственный Департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

13/1

Роберт Силверберг

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

С 36

Составитель *В. П. Кирчев*

Силверберг Роберт

С 36 В книгу вошли романы «Замок лорда Валентайна», „Хроника Маджипуры". Перевод с английского. Сост. В. П. Кирчев, Кишинев «ЭЯ», 1993.— 416 с. (Серия „Зарубежная фантастика", вып. 13/1).

ISBN 5—86892—098—8

Роман «Замок лорда Валентайна»— это удивительная история о невероятных приключениях Коронованного Маджипуры Валентайна, в результате которых он потерял не только трон, но и свое тело и память. А чем закончились все его злоключения и скитания, вы узнаете, прочитав роман.

ISBN 5—86892—098—8

© Сост. В. П. Кирчев, 1993
© Художник М. Михалев, 1993

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

КОРОЛЬ СНОВ

После долгого дня пути, дня теплого, окрашенного в золотую дымку, что собиралась над ним, как легкая влажная шерсть, Валентайн оказался у большого каменного выступа, возвышавшегося над городом. Пидруд был провинциальной столицей, расползшейся и пышной.

Да, это был самый большой город, который Валентайн увидел с... ну, самый большой за долгое время странствий, во всяком случае.

Путешественник остановился и присел на край мягкого, крошившегося белого гребня, погрузив обутые в сапоги ноги в хлопья осыпавшегося камня, и стал смотреть вниз, на Пидруд глазами младенца, увидевшего новую игрушку.

До сумерек оставалось еще несколько часов, и солнце висело высоко на юго-западе за Пидрудом, над Великим Морем. Передохну чуток, решил Валентайн, спущусь в город и поищу место для ночлега.

Задумавшись, он все-таки услыхал, что сзади, с более высокой части гребня катятся камешки. Он оглянулся и увидел спускавшегося к нему соломенноволосого, с веснушчатым лицом погонщика. Он возглавлял вереницу шедших по горной тропе пятнадцати верховых животных. Это были откормленные, лоснившиеся, пурпурного цвета твари, явно ухоженные. Животное, на котором сидел мальчик, выглядело старше других, было поджарым, экономным в движениях.

— Эй!— первым окликнул мальчик.— Куда путь держишь?

— В Пидруд. А ты?

— Тоже. Веду их,— он кивнул на вереницу,— продавать. Устал за день. Нет ли у тебя капли вина?

— Немного найдется,— сказал Валентайн.

Он похлопал по фляжке на бедре, где более воинственный человек носил бы оружие.

—Неплохое красное вино. Жаль, что остатки.

— Давай хоть это — а я разрешу тебе проехаться верхом до города.

— Договорились,— согласился Валентайн.

Он отвинтил крышку, дожидаясь, пока погонщик спустится к нему с откоса.

Мальчику было не больше четырнадцати-пятнадцати лет. Он был невелик ростом, зато широкогруд и мускулист. Он едва

доставал до локтя Валентайна, умеренно высокого, крепкого мужчины среднего веса, широкоплечего и большерукого.

Погонщик взболтнул фляжку, принюхался с видом знатока, одобрительно кивнул, сделал большой глоток и крякнул.

— Глотал пыль всю дорогу до самого Фалкинкипа! Чертовская жара — нечем дышать! Еще один такой час — и я стал бы покойником!

Он вернул фляжку Валентайну.

— Ты живешь в городе?

Валентайн нахмурился.

— Нет.

— Значит, приехал на фестиваль?

— Какой фестиваль?

— А ты не знаешь?

Старший покачал головой. Настойчивый взгляд мальчика смущал его.

— Я путешествовал и не следил за новостями. Значит, в Пидруде будет фестиваль?

— На этой неделе,— ответил мальчик.— Начало в Звездный день. Большой парад, цирк, Королевское торжество. Глянь-ка вниз. Разве не видишь отсюда, как он входит в город?

Валентайн проследил за вытянутой рукой мальчика, показывавшей на южный угол Пидруда, но увидел только скопление зеленых черепичных крыш и лабиринт старых улиц, построенных без всякого плана. Он снова покачал головой.

— Вон там,— нетерпеливо сказал мальчик,— внизу, у гавани. Видишь корабли? Пять потрясных кораблей с его знаменем на мачтах. А вон через Ворота Дракона идет процессия, она направляется к Черному Шоссе. Наверно, это его колесница проходит теперь мимо Арки Снов. Неужели не видишь? Может, у тебя плохо с глазами?

— Я не знаю города,— мягко объяснил Валентайн. — Ну да, я вижу гавань и пять кораблей.

— Уже лучше. Теперь смотри чуть правее города. Видишь большие каменные ворота и широкое шоссе, проходящее под ними? Это и есть церемониальная арка...

— Теперь разобрался.

— А его знамя над колесницей?

— Чье знамя? Ты прости, что я такой бестолковый, но...

— Как чье? Знамя лорда Валентайна! Колесница лорда Валентайна! Она окружена телохранителями лорда Валентайна! Разве ты не знаешь, что в Пидруд прибыл сам Коронованный?

— Нет.

— А фестиваль? С чего бы ему быть летом, как не для того, чтобы приветствовать Коронованного?

Валентайн улыбнулся.

— Я уже говорил тебе, что путешествовал и не следил за новостями. Хочешь еще вина?

— Там мало осталось,— сказал мальчик.

— Пей. Закончи его. В Пидруде я куплю еще.

Он протянул погонщику фляжку и повернулся к городу.

Пробежал глазами по лесистому склону перед городом, по множеству крыш, послал взгляд в сторону — к воде и большим кораблям, потом к знаменам и маршировавшим воинам — к колеснице Коронованного. Наверно, это великий момент в истории Пидруда: Коронованный правит из далекого Горного Замка по ту сторону моря, и он, и Замок так далеко, что оба стали почти легендарными в мире Маджипуры. Коронованные Маджипуры нечасто бывали на западном континенте. Но Валентайна почему-то мало трогало присутствие внизу его сиятельного тезки.

Я здесь, думал он, и Коронованный здесь, я заночую в какой-нибудь копне сена, а наутро начнется фестиваль, но мне то что? И вдруг устыдился за свое спокойствие перед возбужденным мальчиком, счел это невежливым и сказал:

— Извини меня — я так мало слышал о том, что произошло в мире за последние несколько месяцев. Почему Коронованный здесь?

— Он решил объехать все королевство, чтобы отметить свой приход к власти. Новая власть — новая метла. Лорд Валентайн всего два года на троне. Он брат умершего лорда Вориакса. Ты ведь знаешь, что Вориакс умер, а лорд Валентайн стал нашим Коронованным?

— Я слышал,— отозвался Валентайн.

— И сейчас он в Пидруде. Как только лорд получил Замок — сразу же отправился в путешествие. Целый месяц он был на юге, в лесных провинциях, а третьего дня причалил у нас. Ночью он войдет в город, и несколько дней у нас будет фестиваль — еда и выпивка для всех, игры, танцы и прочие удовольствия, большой рынок, где я продам свою животину за хорошую цену. После он пересечет весь континент Зимроель от столицы к столице — это столько тысяч миль, что голова кругом, а на восточном берегу он отчалит назад в Альханроель, в Горный Замок и никто из нас его не увидит больше лет двадцать, а то и больше. Хорошо быть Коронованным!

Мальчик засмеялся.

— Доброе у тебя вино. Меня зовут Шанамир. А тебя?

— Валентайн.

— Валентайн? Замечательное имя!

— Обычное, по-моему.

— Поставь впереди слово лорд — и ты Коронованный!

— Это не так просто. Да и зачем мне быть Коронованным?

— Власть,— коротко объяснил Шанамир.

Взгляд его затуманился.

— Хорошая одежда,— стал перечислять он,— еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

— Ответственность,— сумрачно вставил Валентайн,— и недосуг. Ты думаешь, Коронованному нечего больше делать, как только пить хорошее вино и разъезжать в процессиях? Думаешь, он приплыл сюда ради своего удовольствия?

Погонщик задумался.

— Должно быть, нет.

— Он правит миллиардами людей на территории такой огромной, какую мы и представить не можем. На его плечах лежит столько! Проводить демократию Понтифика, поддерживать порядок и справедливость на всей планете — мне даже подумать об этом страшно. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос.. я не завидую ему, мальчик! Пусть делает свое дело.

Помолчав, Шанамир сказал:

— А ты не так глуп, Валентайн, как я подумал вначале.

— Решил, что я дурак?

— Ну, не дурак, а... простачок. Взрослый мужчина, а о некоторых вещах — ни бельмеса. Я вдвое моложе, а должен все объяснять. Впрочем, я недооценил тебя... Двинем в Пидруд?

Валентайн мог сесть на любую животину из тех, что брели на рынок, но так как все они казались ему одинаковыми, он только сделал вид, что выбирает, а взял первую попавшуюся. Удобно уместился в естественное седло на спине; эти твари выводились тысячелетиями из животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы и ели что угодно. Искусство получать эту породу четвероногих было давно утрачено, но существующие стада размножались, как все живое, без них передвижение по Маджипуре было бы невозможно.

Примерно с милю дорога на Пидруд шла вдоль высокого гребня, затем резко спускалась в прибрежную равнину.

Валентайн дал мальчику возможность выговориться, и Шанамир, болтая безумолку, рассказал, что до округа, где он живет, два с половиной дня пути к северо-востоку. Там он, его отец и братья выращивают этих животных для продажи на рынке Пидруда и живут в достатке, что ему тринадцать лет и он неплохо о себе думает, что не бывал еще за пределами провинции, чья столица Пидруд, но когда-нибудь он обрыщет всю Маджипуру, совершит паломничество на Остров Снов и преклонит колени перед Леди, пересечет Внутреннее Море до Альханроеля, дойдет до подножия Горного Замка, потом отправится на юг, может быть, даже за парящие тропики в раскаленную область Короля Снов — потому что какой же ты молодой и здоровый, если не видишь всех чудес мира, в котором живешь!..

— А ты, Валентайн, скажешь мне, кто ты, откуда и куда идешь?— спросил он вдруг.

Старший был захвачен врасплох. Убаюканный болтовней погонщика и мерным шагом животного, спускавшегося по извилистой тропе, он не был готов отвечать. И сказал только:

— Я из восточных провинций. Кроме Пидруда, не планировал ничего. Побуду здесь, сколько можно.

— Зачем же ты здесь?

— А почему бы и нет?

— Ох,— сказал Шанамир,— ладно. Уклоняешься от ответа? Ты младший сын герцога в Ни-мое или Пилиплоке, ты навел на кого-то нехороший сон, тебя застукали, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и отправил подальше. Правильно?

— Точно,— ответил Валентайн и подмигнул мальчику.

— Ты нагружен роалами и кронами,— продолжал погонщик,— и устроишься в Пидруде, как принц, и будешь пить и плясать, пока не истратишь последнюю монетку, а затем сядешь на корабль и поплывешь в Альханроель и возьмешь меня оруженосцем. Так или не так?

— Точно, мой друг. За исключением денег. В этом я за твоей фантазией не поспел.

— Но хоть какие-то деньги у тебя есть?— перешел Шанамир на серьезный тон.— Ты ведь не нищий? В Пидруде не любят нищих. И бродяг там плохо привечают.

— Есть у меня несколько монет,— успокоил его Валентайн.— Их хватит на весь фестиваль и еще останется. А потом увидим.

— Если пойдешь в море, возьмешь меня с собой?

— Если пойду — возьму.

Они уже наполовину спустились со склона. Пидруд, раскинувшийся на берегу, был окружен с внутренней стороны холмами, холмы высились и на большей части берега. Лишь в одном месте они отступали и пропускали океан, который образовал здесь бухту, и у Пидруда была великолепная гавань. Когда, уже поздним вечером, Валентайн и Шанамир спустились к морю, их встретил прохладный ветер, прогоняющий дневную жару. С запада к берегу тянулся туман, в воздухе чувствовался привкус соли, он был насыщен водой и пахнул рыбой и морскими драконами.

Валентайн был потрясен размерами города, лежавшего перед ним. Он не мог вспомнить, видел ли когда-нибудь такой же. Но, по правде, вспомнить он не мог и многое другое.

Здесь был край континента. Весь Зимроель был теперь за спиной Валентайна, и он знал, что прошел его из конца в конец — из самого восточного порта Ни-мои. Или из Пилиплока? И он знал еще, что достаточно молод, и прикидывал — можно ли пройти такой путь пешком за его жизнь? Он не помнил также, были ли у него какие-то верховые, как то, на котором он ехал сегодня. Но ведь умеет же он ездить верхом — как уверенно он сел в широкое седло животного! Это доказывало, что добрую часть пути он все-таки проехал... Но разве это важно сейчас? Он здесь, и не чувствует усталости. Раз уж он прибыл каким-то образом в Пидруд, в Пидруде и останется, пока не явится причина идти дальше. Жажды Шанамира к путешествиям у него не было.

Мир был так велик, подумать страшно: три больших континента, два огромных океана, пространство, которое можно представить только во сне, да и то, проснувшись, не поверить. Говорят лорд Валентайн Коронованный живет в замке, построенном восемь тысяч лет назад, каждый год в нем строилось по пять комнат, и стоит этот замок на такой высокой горе, что она пронзает небо. Ее высоченные пики тридцати пяти миль, а на склоне горы разместилось пятьдесят городов, таких же больших, как Пидруд. Этакое просто невозможно представить. Да, мир слишком огромен, слишком стар и перенаселен, чтобы человек это уразумел. Я буду жить в этом городе, думал Валентайн, найду

способ заплатить за еду и ночлег и... буду счастлив.

— В гостинице тебя, конечно, не ждут?— спросил Шанамир.

— Я об этом не успел подумать. Кажется, нет.

— Из-за фестиваля в городе сейчас все забито. Где же ты будешь спать?

— Где-то устроюсь. Под деревом. На куче песка. В парке. Там, направо, где высокие деревья, парк?

— Ты помнишь, что я говорил тебе насчет бродяг? Тебя схватят и посадят на месяц под замок, а после ты будешь убирать навоз, а платить будут столько, что едва-едва хватит на жратву.

— Хватило бы навоза,— пошутил Валентайн.

Но Шанамир не засмеялся.

— Здесь есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных. Я как-нибудь договорюсь там насчет тебя. Что бы ты без меня делал!

— Ты ведь догадываешься, что я не стану подметать навоз.

Мальчик протянул руку к уху животного, оно стало. Пристально посмотрел на спутника.

— Что ты собираешься здесь делать, Валентайн? Я тебя не понимаю. То ли ты в самом деле дурак, то ли самый беспечный человек в Маджипуре.

— Я и сам хотел бы это знать,— ответил старший.

Гребень сошел на нет, тропинка влилась в шоссе, которое тянулось вниз с севера и поворачивало на запад к Пидруду. Дорога была широкая и прямая, она пролегала по цветущей долине, по краям ее высились белые мемориальные доски с двойным гербом Понтифика и Коронованного — Лабиринтом и сверкающей звездой. Под ногами лежал гладкий голубовато-серый материал, слегка пружинящий, без единого изъяна. Но, может, и она была одной из прекрасных древностей, как и многие другие в этом мире.

Животные шли без остановок. Синтетические, они не знали усталости и могли пройти от Пидруда до Пилиплока без отдыха и жалоб. Время от времени Шанамир оглядывался, проверяя, не отстал ли кто из них, поскольку твари не были связаны, но все они шли друг за дружкой, почти уткнув морду в хвост идущего впереди.

Солнце по-вечернему забронзовело, и город был совсем близко.

Остаток пути заставил Валентайна еще раз удивиться. По обеим сторонам дороги росли ошеломляюще красивые деревья: раз в тридцать превышающие рост человека, с гладкими, темно-синей коры стволами, мощной кроной, в которой поблескивали черно-зеленые, острые, как кинжалы, листья. Из кроны выглядывали яркие, как светильники, красно-желтые гроздья цветов.

— Что это за деревья?— спросил Валентайн.

— Огненные пальмы,— ответил Шанамир.— Они растут только на побережье и цветут одну неделю в году. Пидруд славится ими. Зимой с них падают кислые ягоды. Из них делают вино. Вечером попробуешь его.

— Коронованный выбрал подходящее время для приезда.

— Думаю, это не случайно.

Двойной ряд синестволых великанов продолжался, они ехали

вдоль него до самых полей, за которыми начинались первые загородные виллы. Дальше пошла каменистая пригородная дорога с более скромными домами по бокам, за ней — пыльная зона маленьких фабрик и наконец они увидели древнюю стену самого Пидруда. Она была в два раза ниже огненных пальм, дорога ныряла под арку с архаически выглядевшим навершием.

— Ворота Фалкинкипа,— объявил Шанамир,— восточный вход в Пидруд. Входим в столицу. Одиннадцать миллионов душ, а Валентайн? Здесь ты встретишь все расы Маджипуры — и не только людей, а и прочих: скандаров, хьертов, лименов и так далее. Говорят, тут живет даже небольшая группа Меняющих Форму.

— Кто это?

— Их называют древней расой или первоначальными.

— И как-то еще,— неуверенно добавил Валентайн,— метаморфами, кажется?

— Да. Но это то же самое. Я слыхал, что так их зовут на востоке. У тебя, между прочим, странный акцент. Ты знаешь об этом?

— Не страннее твоего, дружище.

Шанамир засмеялся.

— У меня его вообще нет, а вот твой-то действительно странен. Ты как-то не так выговариваешь слова. «И как-то еще»,— передразнил он.— Вот как это у тебя звучит. Так говорят в Ни-мое?

На этот раз усмехнулся Валентайн.

— Знаешь, я боюсь Меняющих Форму,— сказал Шанамир,— метаморфов. Без них планета была бы, наверное, счастливее. Шныряют везде, всем подражают, причиняют зло... Я бы хотел, чтобы они держались своей территории.

— Их здесь много?

— Порядком. Но я слыхал, что они есть в каждом городе. Замышляют, наверно, какие-то каверзы против нас всех.

Мальчик схватил Валентайна за руку, озабоченно глянул в его глаза.

— Знаешь, их можно встретить где угодно— скажем, сидящих на гребне горы или гуляющими по Пидруду...

— Уж не считаешь ли ты меня метаморфом, обратившимся человеком?

Шанамир смутился.

— А ты докажи, что не метаморф!

Старший поискал способ показать, кто он есть на самом деле, не нашел, скроил страшнючую рожу, растянул пальцами щеки, да еще свернул рот на сторону и выкатил глаза.

— Вот мое настоящее лицо!— сказал он.— Ты разоблачил меня!

Оба прыснули, спутники проехали арку и пересекли границу города Пидруда.

Казалось, они переступили границу веков. Древние дома поражали количеством углов, стены вверху изгибались, как края чаши, и были выше крытых черепицей крыш. Сама же черепица, растрескавшаяся и кое-где расколотая, была усеяна островками низкорослой травы с мясистыми листьями.

Над крышами завис тяжелый слой тумана, под ним сразу стало темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет.

Шоссе все сужалось и сужалось, и наконец Шанамир повел своих животных по очень узкой, но все еще идеально прямой улице. Множество улочек отходило от нее в обе стороны.

В городе было полно народа. Валентайн не любил людской толкотни, и сейчас силился вспомнить, было ли хоть когда-нибудь вокруг него столько людей. Они толпились, перебегали дорогу перед самым носом животных, кто-то, орудуя локтями, пробивался к ним,— уличные торговцы, носильщики, разносчики, моряки, люди с гор, которые, как Шанамир, только сегодня приехали в город, туристы в нарядных плащах с яркими вышивками, вездесущие мальчишки прямо под ногами... фестиваль в Пидруде!

С верхних этажей зданий через всю улицу тянулись ярко-зеленые полотнища с уже виденным ими гербом и надписью, приветствовавшей лорда Валентайна Коронованного и его приезд в самую большую метрополию запада страны.

— Далеко еще до гостиницы?— спросил Валентайн.

— Скоро будем там. Ты проголодался?

— Чуть-чуть. Хотя нет, больше.

Шанамир что-то крикнул своим животным и они послушно повернули в тупичок между двумя арками; здесь-то и спешились. Спешились и направились на противоположную сторону улицы, к крошечному неказистому ларьку.

Над пылающими углями томились насаженные на вертел сосиски. Продавец был лимен, приземистый, с рябой черно-серой кожей и тремя глазами, сверкающими, как угли. Шанамир объяснился с ним жестами, и спутники немедленно получили два вертела с сосисками и две кружки светло-янтарного пива.

Старший достал монету и шлепнул ею об стойку. Это была тяжелая блестящая монета, лимен посмотрел на нее так, словно это был скорпион.

Мальчик мгновенно накрыл ее своей ладонью и вернул Валентайну, а взамен положил свою — медную, квадратную, с треугольной дыркой в середке. Они взяли угощенье и пошли в закуток, где валялось несколько ящиков.

— Я сделал что-то не так?— забеспокоился Валентайн.

— За твою монету можно было купить этого лимена вместе со всей его лавкой и месячным запасом пива! Где ты ее взял?

— Из кошелька...

— У тебя есть такие еще?

— Должны быть.

Он глянул на монету, словно не видел ее раньше. На одной стороне был изображен худой и морщинистый старик, на другой — лицо молодого и сильного человека.

—Пятьдесят роалов... Значит, она слишком ценная, чтобы расплачиваться ею где попало? Что же можно на нее купить?

—Пять моих животных,— ответствовал Шанамир.— За нее можно жить целый год как принцу, смотаться даже в Альханроель. И, может, что-то еще останется. Пятерым нашим пришлось бы за нее

работать несколько месяцев. Ты разве совсем не знаешь цены вещей?

— Похоже, что так,— сказал старший, подыскивая ящик.

— Наши сосиски стоят десять весовых единиц. Сто единиц — крона, десять крон — роал, а твоя монета — аж пятьдесят роалов. Теперь дошло? Я тебе разменяю ее на рынке, а пока держи при себе. Пидруд честный город, здесь более или менее безопасно, но с кошельком, набитым такими монетами, лучше быть настороже. Почему ты не сказал мне, что у тебя этакое богатство?

Валентайн развел руками.

— Потому что опять не знал, правильно? Ты даже среди простаков будешь странен, Валентайн! Рядом с тобой я чувствую себя мужчиной, в свои тринадцать. Ты вообще что-нибудь знаешь? Ну хотя бы сколько тебе лет? .. Допивай пиво и поехали дальше.

Валентайн покивал, соглашаясь со всем. Сто весовых единиц — крона, десять крон — роал. Он задумался, как ответить Шанамиру насчет возраста.

Двадцать восемь? Тридцать два? И о нем он не имел представления. Что же сказать? Тридцать два, решил Валентайн. Это хорошо звучит: тридцать два. Десять крон — это роал, а блестящая монета, на которой изображены старик и молодой человек, ценится в пятьдесят раз дороже. А ему тридцать два года.

Улица в гостиницу пересекала центр Пидруда, проходила через кварталы, где даже в этот поздний час шумел возбужденный народ. Валентайн поинтересовался, приезд ли Коронованного тому причиной, но Шанамир ответил, что город по вечерам всегда такой — ведь он главный порт на западном побережье Зимроеля. Отсюда корабли уходят во все другие порты Маджипуры не только в обе стороны побережья, но и через Внутреннее Море в далекое плавание, в Альханроель, что занимает солидную часть года. Здешние купцы торгуют даже со слабо населенным южным континентом и сожженной солнцем берлогой Короля Снов...

Когда Валентайн подумал обо всей Маджипуре, обо всей ее массе, почувствовал, как давит его тяжесть этого мира... Впрочем, он сознавал глупость своего представления, ибо что такое Маджипура? Свет и воздушное пространство, гигантский пузырь на планете — огромный, но без видимой субстанции; человек здесь ощущает себя на поверхности, словно бы плывет... Откуда же тогда эта тяжесть, давящая на плечи, откуда этот неожиданно приходящий страх? Он постарался стряхнуть с себя наваждение.

Скоро он ляжет спать, а утром встретиться с новыми чудесами.

— Пересечем Золотую Площадь,— услышал он голос Шанамира,— пройдем по Портовой Дороге, она ведет к пирсам, а там и наша гостиница — в десяти минутах... Глянь-ка на площадь.

Посмотреть стоило — огромный квадрат, на котором могли бы проводить учения две армии, был застроен высоченными зданиями, чьи широкие фасады сверкали в свете фонарей узорами из золотых листьев, сверкали и башни, словно были целиком из золота.

Оказалось, что сегодня площадь переходить нельзя — уже

через несколько шагов они наткнулись на толстый витой шнур, в десятке метров от него стоял отряд солдат в униформе, телохранителей Коронованного— важных, бесстрастных, сложивших руки на груди, на зеленых с золотом камзолах. Шанамир спрыгнул наземь и поговорил со стоявшим перед шнуром торговцем-разносчиком. Вернувшись, угрюмо сказал:

— Везде загорожено. Да пошлет им Король Снов кошмар в эту ночь!

— Что-то случилось?

— Коронованный расположился в главном дворце. Видишь — вон то здание, что с золотыми завитками на стенах? Оно самое высокое. Никто и подойти к нему не может. Нельзя даже обогнуть площадь ни слева, ни справа — там столько народу, что не протолкнешься. Все хотят посмотреть на лорда Валентайна! Придется нам кружить темными переулками, а это займет не меньше часа. Ну ладно, спать — не главное, я думаю. Смотри — вон он!

Шанамир показал на балкон, осветившийся внезапно прожекторами. Люди на нем казались не больше мышей, но мышей важных, одетых в роскошные одежды. Людей было пятеро и стоящий в середине был наверняка Коронованным.

Шанамир вытянул голову, встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентайн сумел рассмотреть немногое: темноволосого человека, кажется, с бородой, в белом меховом плаще поверх темного, зеленого или синего камзола. Коронованный оперся на перила балкона и протянул руку к толпе, которая ответила ему поднятыми над головой растопыренными пятериями — знак сверкающей звезды — и восторженными воплями:

— Ва-лен-тайн! Ва-лен-тайн!

Шанамир тоже кричал:

Ва-лен-тайн! Лорд Валентайн!

Старшего затрясло от отвращения.

— Подумать только!— забормотал он.— Вопят, словно само божество спустилось поужинать в Пидруде. А ведь он всего-навсего человек. Когда его кишки полны, он их опорожняет, верно?

Мальчик всплеснул руками.

— Он Коронованный!

— Это для меня такое же ничто, как я для него — меньше, чем ничто.

— Он правит! Он следит за справедливостью, отгоняет хаос. Ты сам это говорил! Разве такое не заслуживает уважения?

— Уважения — да, но не поклонения, как богу.

— А что в этом нового? Отец рассказывал мне, как было в старину. Коронованные существовали всегда, еще на Древней Земле, и знаешь, как им поклонялись? Почище, чем богу!

— И знаешь, чем все кончалось? Одних убили их же рабы, других отравили собственные министры, третьих задушили жены, были и такие, которых свергли подвластные им народы,— и всех забывали в одночасье!

Валентайна душила злость и он с отвращением сплюнул.

— Множество стран на Древней Земле обходилось без коронованных. Зачем они на Маджипуре, эти сумасброды —

старый и страшный Понтифик, прячущийся ото всех в Лабиринте, посланец скверных снов Сувраеля! Нет, мальчик, может быть, я и глуп для понимания всего, но уж для поклонения Коронованному достаточно умен. Это не что иное, как безумие! Послушай-ка эти вопли! Даже близкого им мэра Пидруда они так не приветствуют.

— Коронованные нам нужны,— настаивал погонщик,— этот мир слишком велик, чтобы им руководили только мэры. Нам нужны великие и могучие монархи, почти равные богам, чтобы держать все в руках. Смотри, смотри!

Мальчик снова показал на балкон.

— Видишь того, в белом плаще. Это Коронованный Маджипуры! Неужели тебя не бросает в дрожь, когда ты видишь его?

— Нисколько.

— И ты не взволнован, зная, что в этом мире столько миллиардов людей — и только один Коронованный, и ты видишь его собственными глазами и больше, может, никогда не увидишь? Я вот умираю от восторга!

— Зря.

— Очень ты странный человек, Валентайн. Первый раз вижу такого. Как может быть, чтобы смертного не трогало лицезрение Коронованного!

— Значит, может,— Валентайн пожал плечами.— Пойдем-ка отсюда — я устал от толпы. Где твоя гостиница?

Обойти площадь оказалось трудным делом: все улицы шли к ней, а параллельных ей не было. Наш караван шел все ширящимися кругами, пытаясь держаться западного направления, животные безмятежно постукивали копытцами по мостовой. Наконец они вышли из района отелей и богатых магазинов и скоро оказались перед захудалой гостиницей с обнажившимися черными балками, темной от дождей соломенной крышей. Погонщик отвел животных в стойло на заднем дворе и отправился к хозяину гостиницы, оставив старшего одного. Валентайн ждал его довольно долго. Моментами ему чудилось, что он слышит далекие крики толпы — Ва-лен-тайн! Ва-лен-тайн!— но хотя это и было его собственное имя, ничто в нем на него не отзывалось.

Послышались легкие шаги — это возвращался Шанамир.

— Все устроено! Дай мне какую-нибудь монету.

— Пятьдесят?

— Мельче, много мельче, что-то вроде кроны.

Валентайн достал деньги, разложил их на ладони и отбросил несколько самых невидных. Протянул Шанамиру. Спросил:

— За ночлег?

— Взятка сторожу,— поднеся монеты к лицу, сказал мальчик.— Лишней постели сегодня не сыщешь. Кто-то пожалуется, что пустили больше, чем положено — и сторож нас выкинет. Иди за мной и помалкивай.

Они вошли в дом. Воздух был спертый, пахло и плесенью. За столом их встретил расползшийся, похожий на большую жабу, хьерт с серым, как у всех хьертов, лицом. На столе перед ним лежали узоры из игральных шнуров.

Шанамир положил перед ним монеты — хьерт чуть заметно

кивнул. В узкой длинной комнате без окон, освещенной краснова-тым светом трех тусклых ламп, лежали матрасы, большинство которых было занято.

— Здесь,— сказал мальчик.

Он слегка поправил ногой ближайший к нему матрас, быстро снял верхнюю одежду и лег, оставив половину ложа старшему.

— Приятного сна,— пробормотал он, уложив голову на руку.

— И тебе того же,— ответил Валентайн.

Он разделся и лег рядом. Ему снова почудились далекие крики, но, видимо, они звучали уже в мозгу, это ему не понравилось — что если они еще и приснятся? Сны он должен держать под контролем, расшифровывать каждое утро... но как хочется спать! Спать, спать, он сегодня устал! А что будет утром? Начнется новый день... И ничего не случится. Ни-че-го.

Сон, разумеется, приснился — где-то в середине ночи.

Валентайн сумел отстраниться от него и следил за его движением, как учили еще в детстве. Сны имели большое значение, они были посланиями Сил, правящих миром, они же вели жизнь человека. Зная путь истины — истинный путь,— сны оберегали от опасностей...

...Валентайн увидел себя посреди огромной разящей пурпуром пустыни, под таким же пурпурным небом и слепящим янтарным солнцем. Он был один, лицо его иссохло, глаза ввалились. Он шел, а земля перед ним расступалась, образуя трещины, сияющие изнутри ярко-оранжевым светом, из трещин выскакивали, как детские пугалки из коробки, какие-то существа, визгливо смеялись ему в лицо, прятались в трещины, а те сразу же закрывались...

Вот и все. Сон был неполный, он ни о чем не рассказывал, в нем не было ни конфликтов, ни символов. Это был какой-то образ, единственная сценка, фрагмент какой-то картины — а всю он так и не увидел. И ко всему, Валентайн не мог сказать, кем был послан этот сон — Благословенной Леди с Острова Снов или злобным Королем Снов.

Проснувшись, он лежал, обдумывая какое-то время свой сон и решил наконец, что не стоит придавать ему значения.

И одновременно с этим почувствовал, что как-то отдалился от своего внутреннего «Я», у него не было с ним связи, словно он вообще не существовал до вчерашнего дня, и так же была от него скрыта прежняя часть этого дня...

Он снова уснул и ничто не тревожило его, кроме недолгого шумного дождя, и снов он больше не видел. Разбудил его свет, теплый, зелено-золотистый, лившийся в открытую дверь из окна холла. Шанамира рядом не было. Кроме Валентайна, в комнате спали еще двое.

Валентайн поднялся, потянулся, размял руки и пару раз присел. Потом оделся, умылся над раковиной у двери и вышел во двор, почувствовав себя отдохнувшим и готовым ко всему, что принесет ему этот день.

Утренний воздух был теплым, влажным, ночной туман успел

исчезнуть. С чистого неба падал уже жар летнего солнца.

Осмотрелся и увидел три лозы, поднимающиеся по стенам. Стволы их были шире человеческого тела, бронзовые лопатообразные листья отливали глянцем и казались тяжелыми, как металл. Растения были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на оркестровую трубу, привлекали взгляд и созревающие, голубоватые ягоды, еще блестевшие от утренней росы. Валентайн сорвал одну ягоду — она была сладкой с привкусом вина. Он съел и вторую, потянулся за третьей, но передумал.

Обойдя двор, увидел животных Шанамира, жующих солому, но самого мальчика здесь не было, наверно, он убежал по каким-то делам.

Выйдя из стойла, Валентайн услышал запах жареной рыбы и сразу почувствовал голод. Пошел на запах, открыл распахнутую дверь и оказался в кухне, где маленький, уже в поту человечек готовил завтрак для постояльцев гостиницы. Человечек без интереса глянул на Валентайна.

— Я не опоздал?— мягко спросил Валентайн.

— Садись. Рыба и пиво. Тридцать единиц.

Он отыскал монету в полкроны и положил на горячую плиту. Повар швырнул ему несколько медяков сдачи и на еще одной сковородке оказался кусок рыбного филе. Валентайн сел у стены. Несколько человек спешили покончить с завтраком. Перед Валентайном возникла стройная женщина.

— Пиво в кувшине,— сказала она, ставя сосуд на стол,— дальше обслуживай себя сам.

— Спасибо,— поблагодарил Валентайн, поднимая глаза на женщину, но та уже повернулась к нему спиной.

Он налил полную кружку. Пиво было грубое, с неприятным привкусом. Зато рыба, зажаренная до хруста, оказалась вкусной. Он быстро ее съел.

— Еще,— сказал он повару.

Тот лишь на секунду повернул к нему голову.

Валентайн заметил, что сидящий за соседним столиком хьерт с раздутым, как от свинки, лицом внимательно разглядывает его. Это любопытство было неприятно и он опустил глаза в тарелку. Глянул на соседа через пару минут — хьерт немедленно отвел глаза.

Принесли рыбу, Валентайн взялся за нее и тут услышал голос хьерта:

— Только что прибыл?

— Ночью.

— Надолго?

— До конца фестиваля наверняка.

Было что-то в хьерте такое, что сразу не понравилось Валентайну. Возможно, внешность — Валентайн находил хьертов не столько просто непривлекательными, сколько грубыми и заносчивыми созданиями. Это было едва ли справедливо по отношению к хьертам — виноваты ли они в том, что так выглядят; впрочем, люди, наверно, тоже казались им неприятными существами: отвратительно гладкая кожа...

Нет, все иначе: просто Валентайн не признавал никакого

вторжения в свою жизнь, никакого разглядывания себя, никаких расспросов. До чего же он размалеван оранжевой краской!.. Так или не так, но хьерт вызвал у нового постояльца и неприязнь, и беспокойство.

Устыдив, однако, себя за предрассудки и боясь показаться необщительным, он заставил себя улыбнуться и сказал:

— Меня зовут Валентайн. Я из Ни-мои.

— Далеко заехал,— ответил хьерт, шумно расправляясь с пищей.

— Ты здесь живешь?

— Южнее Пидруда. Меня зовут Виноркис.

Рыба под ножом чем-то раздражала его; покончив с ней, он снова уставился на Валентайна. Глаза его походили на рыбьи.

— Ты путешествуешь с этим мальчиком?

— Нет. Я встретился с ним на пути в Пидруд.

Хьерт кивнул.

— После фестиваля вернешься в Ни-мою?

Расспрос начал надоедать, но Валентайну все еще не хотелось быть невежливым даже перед настырностью хьерта.

— Еще не знаю,— ответил он.

— Значит, думаешь остаться здесь?

Валентайн пожал плечами.

— Я не люблю загадывать вперед.

— М-м-м,— промычал хьерт,— отличный образ жизни.

Из-за гнусавости хьерта трудно было понять, одобрял ли он такой образ жизни или осуждал, но Валентайна это уже мало беспокоило. Он достаточно поговорил и решил помолчать; у хьерта же, по-видимому, хватило ума больше ни о чем не спрашивать. Он встал, со скрипом отодвинув стул, и неуклюже, как все хьерты, поплелся к двери. Обернулся и бросил:

— Иди теперь на рыночную площадь и оглядись там хорошенько.

Валентайн вышел во двор. Внимание его привлекла странная группа у дальней стены. Шестеро скандаров, крупных косматых четвероруких существ и двое людей перебрасывались, наверняка играя, кинжалами. Валентайн видел их всех за завтраком, особенно запомнив темноволосую женщину и худощавого мужчину, бывшего с ней. Этот, наоборот, был беловолос и белокож. Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, посверкивая в утреннем солнце, все лица были как-то зловеще сосредоточены. Никто ни разу не уронил кинжала, никто не схватил за острие; Валентайн не мог даже сосчитать, сколько ножей участвовало в игре. Представлялось, их все больше, хватаемых и швыряемых множеством рук. Он подумал, что это тренируются жонглеры, готовясь выступить на фестивале.

Скандары, четверорукие и тяжеловесные, проявили чудеса ловкости, но мужчина и женщина не уступали им — жонглировали столь же искусно. Валентайн зачарованно следил за всеми.

И вот один скандар хрюкнул:

— Хоп!

Рисунок игры сменился: шестеро чужаков стали бросать

кинжалы только друг дружке, удваивая и еще удваивая быстроту движений, а двое людей отошли в сторону. Женщина улыбнулась Валентайну:

— Эй, хочешь с нами?

— Что?

— Играть, а что же еще!

Глаза ее лукаво блеснули.

— Опасная, я бы сказал, игра...

— Все настоящие игры опасны. Лови!

Она без предупреждения бросила ему кинжал, одновременно крича:

— Как тебя зовут, парень?

— Валентайн,— еле успел он назваться и схватить за рукоятку летевший рядом с его головой кинжал.

— Ладно схватил,— сказал беловолосый.— А ну-ка этот?

Он тоже метнул кинжал. Валентайн перехватил на лету и этот, хоть и не так ловко, заставил себя улыбнуться и выпрямился, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, не обращая на людей внимания, в том же темпе продолжали игру.

— Верни бросок,— предложила девушка.

Осторожничая сверх меры, чтобы, не дай бог, не задеть девушку, Валентайн бросил. Кинжал описал дугу и упал к ее ногам.

— Мог бы сделать это получше,— услышал он.

Другой кинжал он швырнул посильнее. Девушка уверенно поймала его, выхватила из рук беловолосого очередную «игрушку» и послала их, одна за одной незнакомцу. Он перехватил на лету обе.

На лбу его выступил пот, но он уже вошел в заданный девушкой ритм игры.

— Давай, давай!— подбадривала она.

Он бросал, ловил, снова бросал, беловолосый метнул ему и третий кинжал, он поймал и этот, успевая следить за движениями девушки.

Добро бы это были игровые, тупые кинжалы, но воздух рассекало настоящее оружие. Игра родила в нем автоматичность движений, руки опережали мысль, схватывая один кинжал и почти одновременно посылая напарнику другой.

И все же подумал, что промаха ему не избежать, кинжал неминуемо вопьется в его тело. А оба напарника смеялись и все убыстряли темп. Он тоже растянул губы в улыбке и работал еще минуты три, пока не почувствовал, что новый рефлекс изменяет ему. Пора было остановиться.

Три последних кинжала он намеренно бросил неточно, а потом выпрямился и поднял руки, тяжело дыша.

Жонглеры, стоящие напротив, зааплодировали.

Скандары же не прекращали свое чудовищное кружение кинжалов. Но один из них крикнул:

— Хоп!

Все шестеро, как по команде, повернулись и двинулись в направлении спальных помещений.

Девушка подошла к Валентайну.

— Я — Карабелла,— сказала она.

Жонглерша была не выше Шанамира и совсем молоденькая. Небольшое мускулистое тело дышало энергией. На ней был ладно сидящий светло-зеленый камзол и брюки, а на шее тройная нитка полированных раковин. Темные, как и волосы, глаза, приветливая улыбка.

— Ты раньше жонглировал, друг?— спросила, задирая голову к Валентайну.

— Никогда.

Он вытер лоб.

— Чертовски трудная штука. Удивляюсь, что руки у меня целы.

— Ты никогда не жонглировал?— крикнул издали беловолосый.— Только природная ловкость и ничего больше?

— Должно быть, так,— ответил Валентайн, пожимая плечами.

— Что-то не верится,— бросил мужчина.

— А я верю,— возразила Карабелла,— он хорош, Слит, но, конечно, не в форме. Ты не видел, как он нервничал, как дергался раньше времени. А его броски? То переброс, то недоброс. И как он был естественно неуклюж!— девушка засмеялась.— Просто у Валентайна хороший глаз, Слит, и он говорит правду. Он никогда раньше не жонглировал.

— Хороший глаз...— буркнул Слит.— Его проворству можно позавидовать. Если это так, то у него прямо-таки дар божий.

— Откуда ты, парень?— спросила Карабелла.

— С востока,— уклончиво ответил Валентайн.

— Я так и думала. Ты как-то странно говоришь. Из Вилатиса или Кинтора?

— Из тех краев.

Это нежелание сообщить точный адрес не ускользнуло от внимания собеседников. Те переглянулись.

Вначале Валентайн думал, что жонглеры — отец и дочь. Но, скорее, нет. Слит только казался пожилым; его старили белизна лица и волос, замечаемые издалека. В самом же деле это крепкий, сухощавый мужчина. Остроконечная небольшая бородка и бледно-розовый шрам, идущий от уха до подбородка.

— А мы с юга,— сказала Карабелла.— Я из Фил-Онона, а Слит из Нарабала.

— Вы собираетесь выступать на фестивале?

— Точно. Нас взяли в труппу Залзана Кавола, скандара, он таким образом выполнил указ Коронованного насчет найма людей. А ты? Что тебя привело в Пидруд?

— Фестиваль,— коротко назвал причину Валентайн.

— Может, тоже хочешь подработать?

— Нет, я просто хочу посмотреть на все.

Слит понимающе рассмеялся.

— Можешь нас не стесняться, друг. Разве стыдно торговать животными на рынке? Мы же видели, что ты приехал на них с каким-то мальчиком.

— Я с ним встретился только вчера, у самого города. Это его

твари. А в гостинице мы вместе, потому что я здесь новичок. И торговать мне нечем.

В дверях показался один из скандаров — огромный, раза в полтора выше Валентайна, нескладный, с тяжелой, придававшей свирепость лицу челюстью. Четыре его руки свисали до колен, кисти напоминали корзины.

— Идите в дом!— гаркнул он. Слит кивнул Валентайну и поспешно ушел. Карабелла помедлила. Улыбнулась собеседнику.

— Что ты за человек?— сказала она, вглядываясь в его лицо.

— Не врешь, но и не говоришь правды. Может, ты и сам мало что знаешь о своей душе? Но ты мне нравишься. От тебя исходит какой-то свет, тебе это известно, Валентайн? Какой? Пожалуй, чистоты, тепла, еще чего-то — не знаю, чего...

Она мягко коснулась его руки. Повторила:

— Ты мне нравишься. Наверно, мы опять будем с тобой жонглировать. Хочешь?

И, не дожидаясь ответа, побежала к дверям.

Валентайн остался один; Шанамир не показывался. Ему хотелось бы провести день с жонглерами, но едва ли это получится. Утро переходило в день, а у него все еще не было никакого плана и это породило в нем беспокойство. Впрочем, вон там, в трех шагах от него, начинается незнакомый Пидруд!

И через минуту он уже шел по извилистым улицам, полным зелени. Пышные лианы, деревья с толстыми поникшими ветвями радовались влажному воздуху и солнечному теплу, издалека доносились звуки музыки — мелодия, ведомая душераздирающим скрипом и буханьем барабанов, репетирующих парадное выступление.

В канаве вдоль дороги пенилась, спеша, вода. В ней тут и там резвилась уличная живность Пидруда — минтоны, часоточные собаки и совсем крохотные шипоносные дроли. И всюду, куда бы он ни глянул, кипела какая-то работа, даже бездомных животных захватила всеобщая суета, и они, купаясь, к чему-то готовились...

Все были заняты, кроме Валентайна, который шел, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть в темную лавчонку с вывешенными образцами тканей или в склад пряностей, застывал перед ухоженным садом с цветами, каких он никогда не видел...

Прохожие глазели на него, как на чудо,— а он не мог заставить себя идти деловым шагом.

На одной улице он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших какую-то сценку. Мальчик с золотой повязкой на лбу стоял в центре круга и угрожающе потрясал руками, а дети, танцуя вокруг него, изо всех сил разыгрывали страх. Они пели:

Старый король Снов
Никогда не спит,
Никогда не спит —
Во все глаза глядит!

Только ночь наступит —
Он на землю ступит

И идет к тому,
Кто чувствует вину.

Страшный сон приснится,
Тому, кто провинился,
А кто не провинился,
Тот спокойно спит!

Дети заметили, что прохожий наблюдает за ними, прекратили на минуту игру и, гримасничая, стали показывать на него пальцами. Валентайн засмеялся и пошел дальше.

К началу дня он был в порту.

Пирсы уходили далеко в гавань, на них кипела работа. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из двадцати портов — со всех трех континентов. Шум механизмов, крики рабочих, перетаскивавших тяжелые тюки, муравьиная суета множества народа — вот что такое был порт в это время.

Валентайн увлекся этим зрелищем, забылся, как вдруг почувствовал сильный удар в спину между лопатками. Он обернулся и увидел стоявшего перед ним мордатого, взбудораженного хьерта, от возбуждения он размахивал руками.

— Давай туда!— крикнул он.— Нам нужны еще шестеро для работы на суврейском корабле!

— Да я не...

— Пошевеливайся!— рявкнул хьерт.

Ладно. Можно и поработать. Валентайн двинул на пирс и присоединился к группе грузчиков, которые, оглушая друг друга криками, принимали с корабля груз скота. И Валентайн через пять минут вопил, как они, отвязывая застропленных животных, отгоняя их в ревущую кучу... Но вскоре он ускользнул от них и снова оказался на набережной. Увидев пустой пирс, направился к нему.

Там он постоял какое-то время, спокойно оглядывая море с белыми барашками, заглядывая вдаль, словно надеясь увидеть за горизонтом Альханроель и его Горный Замок, поднимающийся к небесам.

Но разве увидишь эту землю за океаном, таким широким, что в пространстве его могла бы поместиться целая планета! Он глянул даже себе под ноги, мысленно проведя прямую сквозь всю землю, чтобы представить себе, где эта прямая выйдет. Вероятно, в западной половине Альханроеля.

Впрочем, может быть, и в другом месте. Где? В убежище старого Понтифика, владельца запутанного Лабиринта? Или в сердцевине замка Великого монарха? А вдруг прямо напротив него, под ним, на той стороне планеты, лежит Остров Снов, на котором живет ласковая Леди, жрец и жрицы, собравшись вокруг нее, поют сладкими голосами, посылая благословение спящим всего остального мира? А существуют ли вообще эти места и эти люди? Такие странные силы, как Понтифик, Леди, Король Снов, даже Коронованный, которого Валентайн видел собственными глазами всего несколько часов назад? Существуют ли они? Они так нереальны рядом с доками Пидруда, гостиницей, где он спал,

мальчиком Шанамиром и его животными, жареной рыбой, жонглерами, что кажутся мифом, фантазией, миражем.

Солнце стало припекать, усилилась влажность, хотя с моря дул несильный ветер. Валентайн снова проголодался. Бросив последний взгляд на море, он вернулся на набережную и в первой же лавчонке купил за пару медяков нарезанной полосками голубой рыбы в горячем остром соусе. Запил еду чашей пальмового вина невинного золотого оттенка, но обжигающего больше, чем соус к рыбе. Решил было вернуться в гостиницу, но вспомнил, что не знает, как она называется — ни она, ни улица, где та находится.

Впрочем, потеря невелика: все его имущество при нем. Но он никого в Пидруде не знал, кроме Шанамира и двух жонглеров, и расставаться с ними не хотелось. Подумав так, он двинул назад, но немедленно запутался в лабиринте улочек, казавшимися ему одинаковыми.

Трижды он проходил мимо гостиниц, но все не мог найти своей. Время шло, было уже два часа; Валентайн понял, что не найдет ее и ему стало грустно, что не увидит больше Карабеллы — он вспомнил ее глаза, быстрые руки, бросающие кинжалы, прикосновение к нему... Придется искать новую гостиницу и новых друзей.

Он повернул за угол и оказался на рынке.

Это было почти столь же огромное, как Золотая Площадь, пространство, только не возвышались здесь золоченые дворцы с башнями и роскошные отели, а стояли бесконечные ряды лавочек, просто навесов, открытых небу скотных двориков. А воздух был напоен, казалось, всеми ароматами и всем зловонием мира. Валентайн сделал шаг и окунулся в этот мир.

Под навесами на громадных крюках висели мясные туши. Под другими навесами грудились мешки с пряностями. В одном загоне были заточены птицы-прядильщики, поднимавшие головы выше своих хозяев скандаров, поражавшие несуразно яркими длинными ногами. Они время от времени поднимали скандал, клюя и лягая друг друга. В другом — стояли цистерны с сверкавшими на солнце змеями, свивавшимися в клубки, шипящими, злобными. Вот сборище общественных писцов, у которого толпятся неграмотные, а там расположились менялы, обменивавшие деньги дюжины миров... Здесь ряд одинаковых ларьков, торгующих сосисками, в каждом вроде бы не отличимые друг от друга лимены крутят вертела над угольным жаром.

Тут и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры — только не знакомые Валентайна, и сидящие на корточках рассказчики-баюны, повествующие за пару медяков о невероятных приключениях лорда Стиамота, знаменитого Короналя, жившего восемь тысяч лет назад, дела и подвиги которого превратились в легенды. Валентайн слушал минут пять, но затаенный смысл рассказа, восхищавший дюжину бездельников, до него не дошел.

Поплелся дальше — мимо балаганщика, где золотоглазый урун наигрывал на серебряной флейте несложную мелодию, чаруя какое-то трехголовое существо, сидящее в плетеной корзине, мимо улыбчивого мальчишки лет десяти, зазывавшего его поиграть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, торгующих флагами

с изображением сверкающей звезды Коронованного, мимо факира, висящего над большим чаном с мерзко пахнущим кипящим маслом, мимо толкователей снов, мимо прохода, забитого продавцами лекарств и снадобий, мимо ювелирных лавочек... и наконец повернул за угол и увидел скотный двор, заполненный знакомыми ему верховыми животными.

Десятки пурпурных животных стояли бок о бок и спокойно и равнодушно смотрели на всех, кто проходил рядом.

Здесь, судя по всему, шло что-то вроде аукциона; понаблюдав, Валентайн понял, что разобраться в его тонкостях будет не легче, чем в приключениях лорда Стиамота. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами друг против друга и, отчаянно жестикулируя, рубили воздух кистями рук, стучали крепко сжатыми кулаками, двигали локтями... Не произносилось ни одного слова, однако общение, видать, клеилось, потому что писцы, дежурившие сзади, все время что-то записывали на листах бумаги. Запись сопровождалась отпечатыванием кончика пальца, окунутого предварительно в чернила. Затем писцы торопливо прикрепляли к бедру то одного, то другого животного бирку со штампом Лабиринта Понтифика. Идя вдоль аукциона, Валентайн нашел и Шанамира, который, как и все, одухотворенно размахивал руками и даже колотил покупателя по запястьям. Торг завершился особенно сильным ударом и Шанамир выскочил из ряда с радостным воплем. Он увидел Валентайна и в восторге заскакал возле него.

— Я продал! И за хорошую цену!

В руке у него была пачка расписок, данная писцом.

— Пошли со мной в казначейство, а потом будем играть! Ты поздно встал?

— Наверно, поздно. В гостинице почти никого уже не было.

— Я не хотел тебя будить. Ты храпел, как блав. Где ты ходил?

— Зашел в порт. После искал гостиницу, не нашел и случайно наткнулся на рынок. Мне повезло, что я нашел тебя.

— Еще десяток минут и меня бы здесь не было.— Он схватил старшего за руку.— Пошли!

У длинной светлой аркады писцы меняли расписки на деньги.

— Давай твои полсотни,— шепнул мальчик,— я их разменяю. Валентайн отдал тяжелую монету и отошел в сторонку, в то время, как Шанамир встал в очередь. Десяток недолгих минут, и он вернулся.

— Держи,— твои.

Целый ливень монет посыпался в раскрытый кошелек Валентайна — несколько монет по пять роалов и море крон.

— А это мои!— мальчик с гордостью показал три монеты по пятьдесят роалов, чуть поменьше той, что только что разменял. Деньги он упрятал в пояс под курткой.

— Съездил что надо! Во время фестиваля не принято экономить. Теперь потопали в гостиницу и отметим мой успех фляжкой пальмового вина за мой счет!

И чуть они вышли на улицу, как Валентайн узнал ее. Проходил ведь совсем рядом! Мог так и не найти... Но — прочь забота: он здесь и мальчик рядом. Тот тоже радовался и болтал безумолку.

Животину продал, деньги — хлопал себя по поясу — хорошие, прежде чем вернется домой, наиграется, натанцуется, насмотрится на городские диковины.

Они уже с час сидели в таверне, когда в ней появились Слит и Карабелла. Увидели знакомого, подошли.

— Можно сесть с вами?— спросил Слит.

Валентайн представил их погонщику:

— Знакомься: жонглеры из трушы скандаров, будут участвовать в представлении. Мы встретились утром.

В глазах мальчика загорелось любопытство. Слит и Карабелла сели, Шанамир предложил им вина.

— Ты был на рынке?— отпив глоток, спросил Слит

— Был и взял хорошую цену!

— А дальше?— вставила и свой вопрос девушка.

Глаза мальчика сразу погасли.

— Побуду на фестивале, а после придется домой, в Фалкинкип.

Карабелла взглянула на Валентайна.

— А у тебя какие планы?

— Фестиваль — что же еще!

— А потом?

— Видно будет.

Вино кончилось, Слит махнул рукой официанту и на столе появилась вторая фляжка. Ее щедро пустили по кругу. Вино показывало язык, Валентайн почувствовал легкое головокружение.

— А ты не хотел бы стать жонглером в нашей труппе?

Вопрос, что называется, вышиб Валентайна из седла.

— Я же не умею!

— У тебя способности к этому делу,— возразил ему Слит,— не хватает только тренировки. А это мы с Карабеллой устроим. Ты быстро научишься, могу поклясться!

— И я буду ездить с вами, стану бродячим артистом — так?

— Так.— Слит устремил проверяющий взгляд на Валентайна.

А мальчик смотрел на него так, словно увидел впервые!

— Но с какой стати? Зачем приглашать вам чужеземца, новичка, мало что умеющего?

Карабелла что-то сказала Слиту, тот поднялся и вышел.

— Лучше всего тебе объяснит сам Залзан Кавол. Это не наш каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентайн, и ты нам нужен. К тому же — что ты будешь здесь делать? Мы предлагаем тебе нашу дружбу и заработок...

Слит вернулся со знакомым Валентайну гигантом скандаром. Залзан Кавол вызывал почтение только своим появлением — массивный, как шкаф, и неуклюжий. Стул закряхтел под ним, застонал. Скандары пришли сюда из какого-то продуваемого ветрами ледяного мира и хотя жили на Маджипуре уже тысячу лет, трудясь на самых тяжелых работах, требовавших громадной силы, сохранили тысячелетней давности угрюмость и недовольство — даже, кажется, благодатным климатом Маджипуры.

Облик, конечно, играет большую роль, думал Валентайн, который и сам считал скандаров не самым приятным племенем.

Скандар налил себе вина, пользуясь «внутренними» руками, «внешние» же раскинул на всю ширину стола, словно желая захватить его в собственность, раскинул и загрохота́л:

— Я видел, как ты утром перебрасывался ножами со Слитом и Карабеллой. Пожалуй, ты нам подойдешь.

— Ты уверен?

— Мне нужен третий жонглер-человек, и немедленно. Ты знаешь, что́ новый Коронованный сказал относительно выступающих на публике?

Валентайн мотнул головой.

— Это глупо и недальновидно, но что делать, если Коронованный так молод! Он пускает стрелы куда попало. Был приказ, что во всех артистических труппах, где больше трех, один должен быть гражданином Маджипуры и обязательно человеческой расы. Приказ вступает в силу в этом месяце.

— Этот указ,— подтвердила Карабелла,— не даст ничего, кроме расовой розни на планете — а ведь все до сих пор жили здесь дружно.

Залзан Кавол еще больше нахмурился.

— Тем не менее, указ уже опубликован. Наверно, какие-то шакалы в замке наплели Коронованному, что нечеловеческие расы слишком расплодились и что люди Маджипуры голодают оттого, что у них нет работы. Глупость, и глупость опасная!

В другое время никто бы не обратил внимания на указ, но перед фестивалем мы обязаны получить разрешение на выступления, а его нам едва ли дадут. Что за порядок! Я и мои братья уже столько лет зарабатываем себе на хлеб жонглерством, это не вредило ни одному человеку — и вот на тебе! Я нашел в Пидруде Слита и Карабеллу, но нам нужен еще один из ваших. Так хочешь стать жонглером?

— Можно ли научиться вашему искусству за четыре дня?

— Ты побудешь какое-то время учеником,— ответил скандар.— Мы найдем тебе дело на параде — я думаю, ты не посрамишь нас. Закон не требует, чтобы все члены труппы были одинаково искусны. Главное, чтобы трое из нас были людьми.

— А после фестиваля?

— Пойдешь с нами.

— Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете разделить вашу жизнь.

— Я и знать ничего не хочу!— рявкнул скандар.— Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твою постель и твой стол, а кроме этого, ты будешь получать десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы сощурились, словно желая сказать, что он может получать и больше... но деньги для Валентайна мало значили. Ему достаточно было того, что предложил скандар, главное, что он будет со Слитом и Карабеллой — с двумя из трех человек, которых он знал в этом городе, и — понял он со смущением — во всем мире...

Потому что прошлое было для него пустым местом. Ну да, конечно, у него остались смутные представления о родителях, о сестрах и кузенах, о детстве где-то к востоку от Зимроеля,

о школе и походах, но все это стало нереальным, не имеющим ни плоти, ни сути. А будущее? Его он и вовсе не представлял. Жонглеры предлагали заполнить пустоту. Вот только...

— А могу я выставить условие?— спросил Валентайн.

— Смотря что ты попросишь,— скандар нахмурился.

Валентайн кивнул на Шанамира.

— Этому парнишке страсть как надоело возиться с животными и он, я думаю, не прочь попутешествовать. Что если он тоже войдет в вашу труппу?

— Валентайн!— вскричал мальчик.

— Как слуга, подручный, а может, он потянет и на жонглера,— продолжал Валентайн.— Если он тебя попросит, возьмешь его к себе?

Залзан Кавол помолчал, прикидывая, и вот из могучей его глубины послышался рык, предваряющий слово.

— Ты в самом деле хочешь присоединиться к нам?

— Я? Еще бы!

— Этого я и боялся,— угрюмо произнес скандар.— Ну, решено. Мы нанимаем вас обоих за тринадцать крон в неделю. Плюс постель и еда. Согласны?

— Идет!— выкрикнул Шанамир.

— Карабелла, сделаешь из этого парня жонглера. А ты, малец, пойдешь сейчас со мной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Скандар и Шанамир вышли. Покинула стол и Карабелла. Валентайн бросил взгляд ей вслед, любуясь гибкой фигуркой девушки. Слит сорвал белую ягоду из грозди на тарелке, положил ее в рот.

— Что это?— поинтересовался Валентайн.

Слит предложил ягоду и ему.

— Токка. В Нарабале, где они растут, лоза выходит из земли за одну ночь. А к вечеру достигает крыши дома. Правда, в Нарабале отличная почва и каждый день дождь. Дать еще?

— Не откажусь.

Слит не подал, а бросил ему ягоду таким быстрым движением кисти, что Валентайн едва успел поймать ее. Кроме этого, жест был на диво экономичен. Да и весь этот человек был экономичен — без единой унции лишней плоти, точным в движениях, даже голос его был сдержан, а речь — лаконична.

— Жуй семена,— посоветовал он, чему-то усмехнувшись,— они придают силу.

Карабелла вернулась с разноцветными резиновыми мячами, которыми она жонглировала на ходу. Один она бросила Валентайну, три — Слиту, а три оставила себе.

— Я думал, ты принесешь ножи,— сказал Валентайн.

— Они для выступлений. А сегодня мы займемся азбукой,— вставил Слит,— философией нашего дела. Ножи отвлекают.

— Как это — философией?

— Ты думаешь, жонглирование — просто трюк?— заметно обиделся Слит.— Развлечение для зевак? Средство выколотить

пару кронн на провинциальном карнавале? Не без этого, конечно, но прежде всего оно — образ жизни, друг, кредо...

— И род поэзии,— добавила Карабелла.

Слит согласно кивнул.

— И поэзия, и даже математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, некоторые вещи благодаря ему находят свое истинное назначение... не слишком ли вычурно я говорю? Все равно добавлю: когда я работаю, я слышу музыку.

— Может, и вычурно,— сказала Карабелла,— но все это — правда.

Она повернулась к Валентайну.

— Ты готов начать?

— Да.

— Первая задача — успокоиться,— начал урок Слит.— Освободи мозг от всего, что там было до этого момента. Вернись в свою сердцевину, положись на нее.

Валентайн встал, сделал три глубоких вдоха, расслабился...

— Я думаю,— непонятно сказала Карабелла,— этот человек большую часть времени живет в центре своего «Я». А может, он и без центра и поэтому не может уйти далеко.

— Ты готов?— спросил Слит.

— Да.

— Ты будешь проходить основы — по одному приему за урок. Жонглирование — это серия мелких движений в быстрой последовательности, что создает, однако, впечатление непрерывного одновременного потока. Одновременность — иллюзия, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все происходит на одном дыхании...

Слит не говорил, а вещал.

— Теперь закрой глаза. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты находишься по отношению к миру...

Валентайн вдруг увидел всю Маджипуру, огромный шар, висящий в пространстве; половину его покрывал Великий Океан. Валентайн увидел и себя, стоящего на краю Зимроеля. Океан был позади, а материк развернулся во всю ширь; на Внутреннем Море чернела точка — Остров Снов, а дальше был Альханроель и каменный всплеск — Горный Замок. Надо всем царило бронзовое с зеленым оттенком солнце, посылающее пламенные лучи на пыльный Сувраель и на тропики, греющее все остальное; и были луны где-то далеко, а еще дальше — звезды и другие миры, миры, откуда пришли сюда скандары, хьерты, лимены и прочие, и был еще один мир — планета, откуда прилетел на эту землю четырнадцать тысяч лет назад народ Валентайна — Старая Земля, маленькая голубая планета, крохотная по сравнению с Маджипурой, она так далеко, что ее не найти в другом конце Вселенной...

Через звезды и луны Валентайн вернулся в этот мир, на этот континент, в эту гостиницу, в этот двор, на этот клочок влажной плодородной земли, в которую вросли его сапоги,— и сказал Слиту, что он готов.

Слит и Карабелла уже стояли, согнув руки и прижав локти к бокам, в правой руке каждого находился мяч.

— Представь,— начал Слит,— что у тебя в руках поднос с драгоценными камнями. Если ты шевельнешь плечами или локтями, камни рассыплются. Понятно? Секрет жонглера в том, чтобы тело двигалось как можно меньше. Движутся только вещи, а ты управляешь ими, оставаясь неподвижным.

Мяч Слита неуловимо быстро перелетел из правой руки в левую, хотя тело его не шевельнулось. То же сделал мяч Карабеллы. Подражая им, Валентайн послал мяч из руки в руку, но сам почувствовал и свое усилие, и движение. Карабелла поправила:

— Слишком сильно используешь запястье и локоть. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так: рука раскрылась, птица вылетела.

— Совсем не применять запястье?— спросил Валентайн.

— Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони.

Валентайн попробовал. Минимальное движение предплечья вверх, мимолетный поворот запястья, толчок центром ладони — словно бы сердцевиной самого существа жонглера.

Мяч перелетел в левую ладонь.

— Так,— сказал Слит.— Еще раз.

Еще раз и еще, и еще... Пятнадцать минут все трое перекидывали мяч из одной руки в другую. Мяч должен был лететь по неменяющейся дуге, при этом голова оставалась неподвижной — попробуй-ка сделать это! Руки ждут — мяч летает. Через какое-то время Валентайн стал делать заданное механически.

Из стойла вышел Шанамир и растерянно уставился на жонглеров. Посмотрел, махнул рукой и пошел прочь. Валентайн не останавливался. Перебрасывание мяча еще не походило на жонглирование, но оно уже занимало его и он целиком отдался ему.

Вдруг заметил, что партнеры перестали работать с мячами, только он все еще действует, как заведенная игрушка.

— Лови!— крикнул ему Слит, пуляя в него сорванную с лозы ягоду токки.

Валентайн сумел схватить ягоду между бросками мяча и не сунул в рот, думая, что придется жонглировать и ею, но Слит жестом показал, что ягоду нужно съесть — это, мол, награда напарнику за усердие.

А Карабелла наградила его вторым мячом в левую руку и третьим в правую, хотя там тоже был мяч.

— У тебя крупная кисть,— объяснила она, тебе будет легко работать с ними. Следи за мной и делай, как я.

Теперь она стала перебрасывать мяч из руки в руку, ловя его в щепоть из трех пальцев, два же других мяча зажимая ладонью. Валентайн попытался повторить фокус. И хотя было трудно освоить новый способ, скоро он овладел и им.

— Теперь,— удовлетворенно сказал Слит,— перейдем к началу нашего дела. Будем делать обмен.

Один мяч пролетел по дуге на уровне его лица из правой руки в левую. Пока мяч летел, Слит приготовил ему замену в левой руке, бросив мяч, который был в ней, по более низкой траектории.

Маневр казался довольно простым — быстрый взаимный переброс, но когда новичок захотел это повторить, мячи столкнулись и отлетели в стороны. Карабелла вернула их Валентайну. Он сделал еще попытку — тот же результат. Девушка взялась знакомить его с тонкостью фокуса, уточняя траектории летящих мячей. Он повторял ее движения, у него то получалось, то нет, он взмок — черт его дери, этот двойной бросок! Первая тренирока длилась, казалось ему, уже несколько часов...

И наконец двойной бросок стал удаваться, но к этому времени усталость подкосила его колени, но странная это была усталость: ритм работы вошел в его организм настолько, что подумалось — он может и дальше манипулировать надоевшими мячами.

Он заметил, что в руках Слита летают уже три мяча.

— Попробуй и ты,— предложила Карабелла,— это только в начале кажется невозможным.

Легкость, с которой он справился со следующим заданием, удивила и его, и Слита. Карабелла захлопала, а Слит одобрительно крякнул.

А дальше — пошло! Бросок — захват, бросок — захват, мяч все время был в воздухе, другой падал в его руку, а третий ждал, пока его бросят.

Получилось без запинки три, четыре, пять раз, прежде чем Валентайн осознал трудность того, что он сделал,— синхронность немедленно нарушилась: мячи столкнулись и упали наземь.

— У тебя просто талант!— словно не видя упавших мячей, сказал Слит.— Явный талант!

Столкновение мячей раздосадовало новичка, но что это была за досада по сравнению с тем, что он с первой попытки жонглировал тремя мячами! Он поднял их с земли и начал жонгляж, который уже нравился ему.

Пять, шесть, семь удач подряд, а после он потерял им счет, потому что им завладел волшебный ритм, который выполнял дело будто бы без его участия. Его сознание как бы разделилось: одна часть следила за точностью и правильностью броска, другая же управляла взлетом и падением мячей и мгновенно рассчитывала скорость, угол и темп бросков. Сканирующая часть его мозга передавала информацию другой, управляющей движением рук. Время длилось и распадалось на бесконечно малые отрезки. Однако, как это ни парадоксально, но не чувствовал их последовательности. Три мяча как бы фиксировались на своих местах: один все время в воздухе, два других — в руках, и хотя в каждый момент эти положения занимали разные мячи, было уже неважно.

Да, каждый мяч был и всем, время — безвременьем, точнее, его не существовало. Валентайн не двигался, не бросал, не ловил— он только наблюдал за потоком, а поток этот застыл вне времени и пространства. Наконец-то он понял секрет этого искусства. Своим расщепленным сознанием он вступил в бесконечность, он объединил ее.

Он шел к внутренней природе движения и понял, что движение — иллюзия, а последовательность — ошибка восприя-

тия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и не было на свете ничего, кроме этого мига настоящего.

Когда дух Валентайна воспарил, он почувствовал еще уловимой вспышкой сознания, что не стоит на месте, а каким-то образом двигается вперед, магически притягиваемый вращавшимися по орбите мячами, которые — сами!— отдалялись от него. Они отступали по двору с каждой серией бросков, и он теперь ощущал, что это именно серийность, а не бесконечный, безостановочный континуум, и ему приходилось делать за ними шаг за шагом, чтобы не отстать, и в конце концов он буквально бежал вокруг двора. Слит и Карабелла уступили ему дорогу. И вот мячи совершенно отошли от него, хотя он сделал отчаянный рывок за ними, отошли и запрыгали по земле.

Изнемогая, Валентайн упал на колени. Сзади он услышал смех своих инструкторов.

— Что случилось?— спросил он.— Я начал так хорошо, но вдруг...

— Мелкие ошибки, накапливаясь, превращаются в промах,— объяснила Карабелла.— Ты увлекся и бросил мяч чуть правее, чем нужно, потянулся за ним вперед, в результате следующий бросок был еще хуже и так шло до тех пор, пока мячи не отошли от тебя. Ты начал охотиться за ними и кончилось тем, что преследование стало невозможным. Такое случается со всеми новичками. Не тревожься.

— Подними мячи,— сказал Слит.— Через четыре дня ты будешь жонглировать перед Коронованным.

Он тренировался часами, работая всего с тремя мячами, тренировался до тех пор, пока не проник в бесконечность, переходя от монотонности к возбуждению и обратно, так что сама монотонность превращалась в экстаз. Одежда промокала от пота и прилипала к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруда короткий слепой дождь, Валентайн продолжал перекидывать мячи.

Дождь кончился, пришло время сумерек. Солнце уже прикрылось от земли легкой дымкой, а новичок все продолжал жонглировать.

Непонятное желание тренироваться наполняло его.

Он мельком видел фигуры проходящих мимо — Слита и Карабеллы, скандаров, Шанамира, незнакомых людей, приходивших и уходивших, и не обращал на них внимания.

Он стал пустым сосудом, который, как вином, наполнялся диковинным искусством, некой тайной, и не смел остановиться, боясь, что упустит тайну и снова станет пустым.

Кто-то подошел к нему и он вдруг оказался с пустыми руками. Это Слит перехватил мячи один за другим, когда были в воздухе. А руки новичка все еще двигались в заданном ритме, глаза — сфокусированы на плоскости, в которой только что летали мячи.

— Выпей это,— услышал он голос Карабеллы.

Девушка протянула ему стакан. Это было пальмовое вино, но он выпил его, как воду. Карабелла подала и второй стакан.

— Ты прирожденный жонглер,— сказала она.— Какая ко-

ординация, какая сосредоточенность! Но ты прямо испугал нас, когда не мог остановиться.

— В Звездный день ты будешь работать лучше нас,— похвалил его и Слит.— Коронованный, должно быть, наградит тебя. Эй, Залзан, что скажешь?

— Я скажу, что он весь мокрый и ему нужно переодеться,— громыхнул скандар.

Он протянул Слиту несколько монет.

— Сходи на рынок и купи ему подходящую одежду. Карабелла, отведи его помыться. Через полчаса сядем за стол.

Девушка провела еще не пришедшего в себя Валентайна через двор, через спальни и дальше.

К боковой стене гостиницы был пристроен открытый сверху закуток.

— Вот зверюга!— сердито сказала Карабелла.— Не позволил себе похвалить тебя! Я знаю, что хвалить не в его правилах, но для тебя он мог сделать исключение.

— Залзан Кавол?

— Да. Он был поражен. Но ты ведь человек! У тебя две руки! Ну да ладно... Сюда. Раздевайся.

И быстро сбросила одежду с себя. Он сделал то же самое, оставив мокрую рубашку и штаны на земле. Увидев в ярком лунном свете наготу девушки, оцепенел. Тело ее было по-мальчишески худеньким — совсем мальчишка, если бы не округлости бедер и груди. Под кожей играли хорошо развитые мышцы. На ее ягодице он заметил вытатуированный красным с зеленым цветок.

Карабелла подвела его под устройство, похожее на душ, и включила его. Это был очиститель, чья вибрация быстро сняла с обоих пот и грязь. Голыми они вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя мягкие серые брюки и куртку. Слит принес Валентайну обновку — бутылочного цвета камзол с алой отделкой, узкие красные брюки и темно-синий, почти черный плащ. Эта одежка была куда элегантнее той, которую Валентайн оставил в очистителе. Надев обнову, он почувствовал себя как бы выше рангом и в столовую вошел, задрав подбородок.

На ужин было тушеное мясо, к нему подали то же пальмовое вино. Вместе с ними сидели за столом все шестеро скандаров. Ужинали, однако, молча. Поев, Залзан и его братья, так и не сказав ни слова, встали и вышли.

— Мы их ничем не обидели?— забеспокоился Валентайн.

— Нет, это их обычная вежливость,— ответила Карабелла.

Хьерт Виноркис, с которым Валентайн разговорился за завтраком, подошел, навис над плечом, засопел.

— Я видел, как ты жонглировал. У тебя здорово получалось.

— Спасибо...

— Это твое хобби или...

— Никогда раньше этим не занимался. Они говорят, что дар. Пригласили даже в свою труппу.

На хьерта это произвело впечатление.

— Вот как? И ты согласился?

— Похоже на то.

— И где ты будешь выступать?

— Пока не знаю. Это еще не решено. Но где бы они не работали, для меня это будет одинаково хорошо.

— Ах, какая жизнь!— хьерт возбужденно хрюкнул.— Я и сам бы хотел помотаться по свету. Может, скандары возьмут и меня?

— Ты умеешь жонглировать?

— Могу. вести счета. Я жонглирую цифрами.

Виноркис хохотнул и панибратски хлопнул Валентайна по спине.

— Поговоришь с ними? Ну, спокойной ночи!

— Кто это?— спросила Карабелла, когда хьерт вышел.

— Мы с ним поболтали за завтраком. Местный торговец, кажется.

Девушка нахмурилась.

— Мне он что-то не нравится. Впрочем, хьертов мало кто любит. Отвратительные существа.

Она встала.

— Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. После столь многих событий этого дня, ему должно было присниться жонглирование, как главное, но нет — он снова оказался на пурпурной земле; опасный знак: маджипурцев с детства учили, что повторяющийся сон предвещает какую-то беду. Леди редко посылает один и тот же сон дважды, зато Король это практикует. Сон был фрагментарный. В небе парили усмехающиеся лица. Песок закручивался на тропе перед ним водоворотами. Из земли вырастали шипы. Все было угрожающим, все кричало о беде. Но, как и раньше, не появилось ни кого-то главного, ни завязалось сюжета.

Зловещее собиралось, как грозовые тучи.

Эти тучи разогнал рассвет.

На этот раз Валентайн проснулся первым.

Рядом блаженно посапывал Шанамир.

Слит свернулся калачиком в конце комнаты. Улыбалась чему-то, лежа бок о бок с ним, Карабелла.

Скандары, вероятно, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только два глыбообразных хьерта и тройка урунов, свернувшихся в клубок.

Валентайн достал из чемоданчика Карабеллы три мяча и вышел во двор, где рассветные лучи пронизывали туман. Он хотел проверить вчерашнюю свою удачу.

Часом позже появился Слит и, застав его за работой, всплеснул руками.

— Да ты просто одержимый, друг! Приветствую твою страсть. Но не переутомись. Сегодня тебе предстоят более сложные вещи.

Начавшийся вслед за этой разминкой урок состоял из вариаций освоенного им трюка. Теперь он должен был бросать мячи так, чтобы один все время находился в воздухе, и он овладел им за полдня. Карабелла заметила, что у других это заняло бы несколько дней.

А еще его учили ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать, работая с мячами. Он теперь жонглировал всеми тремя,

поднимаясь и спускаясь по лестнице, присев на корточки, стоя на одной ноге, как важная птица с болот Зимра, опустившись на колени. Глаза и руки обрели абсолютное согласие, а все то, что делало тело, никак не влияло на полет мячей.

После обеда Слит показал ему хитрости — как бросать мяч из-за спины, из-под ноги, жонглировать скрещенными руками. Карабелла, в свою очередь — как работать и тыльной стороной кисти вместо того, чтобы ловить и бросать, жонглировать с помощью стены. И это он быстро освоил. Учителя не говорили ему комплиментов — постоянная похвала теряет положительный эффект,— но он замечал, как они переглядывались при виде его удач, и это было ему приятно.

Скандары репетировали в другом конце двора, отрабатывая то, что они покажут на параде — жонгляж с серпами, кинжалами и горящими факелами. Валентайн, поглядывая на них, изумлялся ловкости четвероруких существ — после чего с еще большим рвением брался за свои мячи.

Так прошел второй и третий день его учебы. На четвертый мячи сменили дубинки, Карабелла назвала их булавами. Смена предметов далась трудно, помогли усвоенные уже принципы жонглирования. Гладкие и тяжелые булавы ладно прилипали к его ладоням.

Он начал с одной, перебрасывая ее из правой руки в левую. Тут были свои хитрости, к которым приобщила его Карабелла. Он схватывал все на лету — как, скажем, мячики.

— А теперь,— начала новый трюк Карабелла,— возьмем в левую руку два мяча, а в правую — булаву...

Поначалу мешали разницы в массе и скорости, но ненадолго; после этого варианта в руке были уже две булавы и один мяч в другой, а к вечеру он работал с тремя булавами, хотя болели с непривычки запястья и резало от напряжения глаза. И все равно он продолжал тренировку.

По дороге в столовую он спросил:

— Когда я начну жонглировать в связке с другими?

Карабелла улыбнулась.

— Не спеши. Начнем это после парада — мы скоро поедем на восток, в деревни.

— Мне кажется, я мог бы попробовать работать в связке сейчас.

— Не спеши,— повторила она.— Даже у чудес есть границы. Ты замечательно начал, но если бы мы взялись жонглировать на параде втроем, в тебе любой узнал бы новичка. А Коронованному это едва ли понравится...

Он признал справедливость ее слов. И все же подумал, что будет здорово, когда он, как равный, войдет в круг жонглеров, работая всеми предметами — булавами, кинжалами, факелами, как они — и не хуже скандаров.

Всю эту ночь шел дождь, необычно долгий для субтропического Пидруда, где правилом были короткие ливни. Двор утром был залит лужами, как они будут тренироваться? Но небо было без облаков и вовсю сияло солнце.

Шанамир, во время тренировок приятеля болтавшийся в горо-

де, рассказал, что подготовка к параду идет полным ходом.

— Повсюду ленты и флаги,— трещал он, глядя, как Валентайн, стоя возле крыльца, разминается с булавами,— знамена со сверкающей звездой выставили вдоль всей дороги от Ворот Фалкинкипа до Драконьих Ворот, а от них — вдоль всей портовой набережной. Представляешь, там висят даже расписанные золотом знамена. Говорят, все это стоит не одну тысячу роалов!

— А кто платит?— спросил, не переставая метать булавы, Валентайн.

— Как кто? Народ Пидруда!— Он был удивлен.— Разве станут сыпать такими деньгами Ни-моя или Велатис!

— А почему бы самому Коронованному не оплатить фестиваль в его честь?

— Тогда он должен будет обложить налогами весь наш мир! А зачем, к примеру, городам Альханроеля выбрасывать денежки за фестиваль в Зимроеле? Послушай — ведь это же честь: принимать Коронованного! И Пидруд платит... Валентайн, ты так быстро научился управляться с этими дубинками!

— Может, попробуешь и ты? Смотри, как это делается...

— Я смотрю, смотрю, а никак не могу ухватить кое-чего.

— Пройдет парад, и я тебя научу; тогда у нас будет время.

— А куда мы отсюда направимся?

— Точно не знаю. Карабелла сказала, что на восток. Наверно, туда, где ярмарки, карнавалы или фестивали, как здесь. И где любят жонглеров.

— Я тоже буду жонглером, Валентайн?

— Если сильно захочешь. Ты ведь говорил, что хочешь поплавать в море.

— Я очень хочу путешествовать,— серьезно сказал Шанамир,— но не обязательно по морю. Главное — я не хочу возвращаться в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день я торчал там в стойлах и, кроме животных, никого не видел,— хватит с меня! Знаешь, в ту ночь, когда я покинул дом, мне приснилось, что я научился летать. Это был сон от Леди — я сразу понял, что этот сон означает. Он означал, Валентайн, что я пойду наконец туда, куда давно хотел! Когда ты спросил скандара про меня, я прямо затрясся. Я думал... Я хотел...

Он с трудом овладел собой.

— Валентайн, я хочу быть таким же жонглером, как ты!

— Я еще не жонглер. Я — начинающий.

Булавы его после этих слов замелькали, как спицы на быстром колесе.

— Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

— Слит и Карабелла — хорошие учителя.

— Никогда не думал, чтобы кто-то так мог все схватывать, как ты,— объявил Шанамир.— Ты, наверно, какой-то особенный. Бьюсь об заклад, ты в прошлом — важная особа, которой взбрело на ум побродяжить. А простачком ты прикидываешься...

— Видишь, как много во мне сокрыто,— усмехнулся Валентайн.

Он попытался бросить булаву из-за спины, но она ударила его

по левому локтю — и все три вывалились из рук. Он поморщился, растирая локоть. Заворчал:

— Вот тебе и жонглер! Видал? Чему я хорошо научился, так это расшибать себе локти!

— Ты это сделал, наверно, чтобы сменить тему,— ответил ему Шанамир.— Знаю я тебя!

Утро Звездного дня, дня парада, Дня Коронованного — первый день фестиваля, а Валентайн спал и видел красивый и уютный сон: зеленые холмы, озера с желтыми и голубыми водяными цветами... Его разбудили чьи-то пальцы, тронувшие ребра. Он сел, моргая, все еще видя цветы. Над ним склонилась Карабелла. Чуть-чуть рассвело. Девушка смеялась.

— Что так рано?— Валентайн зевнул.

— Чтобы увидеть Коронованного, нужно занять хорошее место. Вставай, вставай, все уже готовы!

Он встал с трудом. Ныли запястья после вчерашней тренировки, побаливала спина. Он раскинул руки и потряс расслабленными кистями. Карабелла ждала, когда он придет в себя. Она взяла его руки и чуть растерла.

— Ты будешь здорово работать сегодня,— сказала она.

— Ты думаешь?

— Не сомневаюсь нисколько. У тебя все будет отлично, вот увидишь. Ты крепкий парень, Валентайн!

— Ты будто заглянула мне внутрь.

— Я знаю тебя, может быть, лучше, чем ты сам. Скажи, можешь ответить, в чем разница между сном и явью?

Он снова заморгал.

— Не понял.

— Я порой думаю, что для тебя то и другое одинаково — что ты живешь во сне, а в жизни — спишь. Правда, я в этом не совсем уверена. А Слита ты прямо околдовал, а это с ним редко бывает. Он везде бывал, много видел — но ты для него загадка, тайна. Он только о тебе и говорит.

— Не думал, что я так интересен. По мне, так я скучный.

— Мы думаем иначе.

Карабелла сменила тон.

— Ну, давай одевайся и поешь перед парадом. Мы увидим, как выглядит наш Коронованный, после будет наше представление, а ночью...

— Что ночью?

— Мы будем праздновать!— крикнула она уже из дверей.

На улицах был еще туман, когда труппа жонглеров направилась к забронированному для них Залзаном Каволом месту на главном шоссе.

Путь Коронованного начинался на Золотой Площади, где во дворце он ночевал, шел к востоку, пересекая другие площади и улицы, петляя по городу так, чтобы каждый мог увидеть властителя, не минуя почти ни одних ворот, украшения Пидруда, и заканчивался близ порта на самом большом стадионе столицы.

Все было продумано так, чтобы сперва народ увидел Коронованного, а уж после он посмотрит на проходящий мимо него народ.

Парад и праздник будут продолжаться весь день и всю ночь, по всей вероятности, до зари.

Поскольку жонглеры были частью королевского развлечения, место им было выбрано неподалеку от порта и, следовательно, от стадиона. Залзан Кавол не оплошал — они остановились у Арки Снов. Правда, колесницы Коронованного им придется ждать чуть ли не весь день. Но тут уж ничего не поделаешь.

Проходя по городу, они видели, как сильно, как разорительно пышно он разукрашен — знаменами, транспарантами, новыми светильниками. Даже дорогу не обошел праздник — она была окантована в цвета Коронованного, ярко-зеленый и золотой.

Уже в ранний час дорога была забита зеваками, но толпа расступалась перед труппой, когда Залзан Кавол показывал пачку пригласительных билетов. Люди Маджипуры отличались вежливостью и миролюбием. Да и кто рискнет связаться с шестеркой угрюмых шкафоподобных скандаров!

И вот началось долгое ожидание. Утро было теплое, скоро станет жарко. Им всем ничего не оставалось, как только ждать, лупясь на пустынное шоссе и черный полированный камень Арки Снов. Карабеллу прижали к Валентайну слева, Шанамира — справа. Время тянулось бесконечно. Разговоры, чуть начавшись, замолкали. На минуту привлекла фраза, брошенная кем-то сзади:

— Никогда не пойму этих идиотских приветствий и всей этой шумихи. Я ему ни капельки не верю.

Валентайн насторожился. Двое зрителей, судя по голосам, гайров, говорили, конечно, о Коронованном, и отнюдь не благожелательно.

— Он издает слишком много указов,— ответил второй голос первому,— если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое. В этом, я думаю, нет никакой необходимости.

— Он хочет показать, что не сидит на троне без дела,— примирительно произнес первый.

— Да нет же! При лорде Вориаксе, а до него при лорде Молиборе, все шло хорошо и без дурацких указов. Это скорее признак неуверенности.

— Тише! Сегодня такой день, что лучше придержать языки.

— Если хочешь знать, он еще не совсем уверен, что взобрался на трон,— вот и хочет обратить на себя внимание. Так я полагаю...

— Думаешь, меня интересует твое мнение?— раздраженно бросил второй.

— И еще одно,— не унимался первый голос,— имперские надзиратели слетели со своих мест — все. Чего он хочет? Насадить новую полицию, чтобы она шпионила для Коронованного?Зачем? Кого он боится?

— Таких, как тебя. Заткнешься ты или нет?

— Кому я опасен?— возразил первый.— Видишь, я держу знамя со сверкающей звездой, как и другие. Разве я не лояльный гражданин? Но мне не нравится, как идут дела. Граждане, по-моему, имеют право заботиться о благе государства! Если нам что-

то не нравится, мы должны говорить об этом. Это же в наших традициях, верно? Кто знает, чем обернется мелкое злоупотребление через несколько лет!

Значит, думал Валентайн, хоть все и вопят, надрывая глотки, и машут руками, как ветряки крыльями, есть среди них и те, что критикуют Коронованного? Сколько же таких, что приветствуют его только из страха или личного интереса?

Гайроги замолчали. Валентайн послушал и другие разговоры, но на этот раз ничего интересного не было. Время все еще ползло, как улитка.

Валентайн переключил внимание на Арку и смотрел на нее так долго, что запомнил все ее украшения — вырезанных в камне героев далекого прошлого Маджипуры, героев войны с метаморфами, коронованных, предшествовавших легендарному Стиамоту, древних Понтификов, Благословенных Леди... Арка, по словам Шанамира, была очень старой и в Пидруде считалась священной. Ей было девять тысяч лет, ее вырезали из блоков вилатисского мрамора, могущего противостоять всем непогодам. Пройти под Аркой означало, что ты теперь под защитой Леди и тебе обеспечены хорошие сны на целый месяц.

То тут, то там заговаривали о том, где сейчас находится Коронованный. Вот он выехал с Золотой площади и направился к Воротам Фалкинкипа; а сейчас он остановился в кварталах, населенных хьертами и урунами, чтобы швырнуть им пару горстей пятикроновых монет; наверняка задержался у плачущего ребенка, гладя того по голове, надолго замер у гробницы своего брата лорда Вориакса... Коронованный, Коронованный! Сегодня внимание всех обращено на тебя!

Мысль Валентайна сама собой последовала за властителем. Ну что за бессмыслица — все время парад! Эти роскошные выезды на люди, вынужденная улыбка, взмахи рукой, раздача монет — участие в бесконечном безвкусном спектакле, устраиваемом то в одном, то в другом городе, демонстрация наличия всей правительственной власти в одном физическом теле! Рев толпы, оскаленные рожи черни... И при такой занятости — ухитряться держать в руках бразды правления. А... надо ли их держать? Система государственности была такой древней, что все шло, наверно, само собой.

Древний Понтифик, скрытый по традиции где-то в таинственном Лабиринте Альханроеля, издавал декреты, которым подчинялась вся планета, а его приемный сын и наследник Коронованный, занявший Горный Замок, был исполнителем его воли, он правил ею — в то время, когда не присутствовал на очередном параде. Не был ли он лишь символом величия? Мир, такой спокойный, благожелательный и даже веселый, думал Валентайн, не без темных пятен, конечно,— нуждается ли он в этой помпезной надстройке? Пережиток, пережиток давно закончившейся эры, может быть, нуждавшейся в ней. А так ли она нужна сейчас?

Жить, дышать этим утренним воздухом, есть, пить, спокойно спать — остальное пустяки!

— Коронованный! Коронованный едет!— закричал кто-то.

Так уже кричали с десяток раз в течение часа, но весть не

подтверждалась. Сейчас же — ровно в полдень — он и в самом деле появился.

Колесницу Коронованного приветствовал далекий рев, похожий на шум морского прибоя. Он становился все громче — и вот на шоссе показались герольды на быстроногих животных, они неслись почти галопом, герольды трубили. Затем взору представилась рассекающая толпу низкая платформа, на которой красовались личные телохранители Коронованного в расшитой золотом униформе — специально отобранный отряд мужчин и женщин разных рас. Они стояли навытяжку и выглядели, на взгляд Валентайна, весьма достойно и в меру глупо.

А вот и колесница Коронованного!

Тоже моторизованная, она плыла на высоте нескольких футов над мостовой.

Колесницу обрамляла белая с блестками ткань с вставками-квадратами из меха редких животных, выглядела она величественно и богато. На ней стояло с полдюжины высших чинов Пидруда и его провинции — мэры, самые именитые дворяне — все в парадных мантиях. Среди них возвышался, благосклонно протягивая руки к народу, сам Валентайн Коронованный, второй сиятельный властелин Маджипуры, и поскольку его приемный отец Понтифик никогда не показывался простому люду,— может быть, истинное воплощение авторитета, который только и мог существовать на этой планете.

— Валентайн!— кричали вокруг.— Лорд Валентайн!

Его тезка рассматривал Коронованного с тем же вниманием, что и вырезанных в мраморе героев Маджипуры. В импозантности ему не откажешь — выше среднего роста, сильные плечи, крепкие руки, властное лицо. Кожа оливкового оттенка, черные волосы закрывают уши, подбородок окаймляет черная бородка.

В ответ на гром приветствий лорд Валентайн поворачивался то в одну то в другую сторону, слегка наклонял голову и поднимал руку в приветствии.

Платформа быстро проплыла мимо жонглеров, но в один из этих мгновений глаза Валентайна и лорда встретились. Возник молниеносный контакт — казалось, между ними проскочила искра — Коронованный улыбнулся... Вот где загадка: улыбки великих, их наряды таят в себе особую силу — Валентайн, как и все вокруг, был захвачен восторгом лицезрения Коронованного, был подавлен колдовством имперского могущества.

За эти мгновения он понял благоговение Шанамира и окружающей его толпы. Да, лорд Валентайн был всего лишь человеком, он вынужден время от времени опорожнять мочевой пузырь, ему нужно наполнять свое брюхо, спать ночью и просыпаться утром, зевать. В детстве он пачкал пеленки, кричал, плакал... Но вот он попал в высшие круги, поселился в Горном Замке, сын Леди Острова, он стал приемным сыном Понтифика Тивераса, как и его брат покойный Вориакс, он прожил большую часть жизни у подножия власти, а теперь на его плечи легла тяжесть управления всем колоссальным миром планеты, населенной миллиардами. Такая жизнь меняет человека, возвышает его над другими,

окружает аурой святости и отчуждения. Эта аура коснулась и его, Валентайна, он не мог ее не ощутить.

Колесница скрылась из глаз, исчезла и аура, хотя где-то неподалеку лорд Валентайн продолжал улыбаться, протягивая руки к толпе, кивая кому-то. Сейчас его тезка почувствовал себя обманутым.

— Выходим,— услышал он рык Залзана Кавола,— нам пора на стадион.

Весь Пидруд собрался в этот день вдоль маршрута Коронованного, и пройти на стадион оказалось делом не трудным.

Уже через пятнадцать минут труппа жонглеров была в порту, а еще через десять подходила к стадиону. Здесь тоже собирались люди. Тысячи зевак давились на пристанях позади стадиона, чтобы еще раз увидеть Коронованного.

Скандары, выстроившись клином, врезались в толпу, Валентайн, Карабелла и Слит шли в кильватере.

Участники представления стягивались в отгороженной задней части стадиона, здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты гладиаторы с Кайвана, рядом с которыми даже скандары выглядели среднерослыми, труппы акробатов, еще раз испытывающих свои пирамиды, абсолютно нагая балетная труппа, три оркестра с престранными музыкальными инструментами, дрессировщики, удерживавшие на цепях огромных морских зверей, яростно грызущихся меж собой, всевозможные уроды и уродцы — мужчина весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов роста, тонкая, как бамбуковая палка, двухголовый урун, три близнеца лимена, соединенные меж собой полоской сине-серой плоти, кто-то, чье лицо было похоже на топор, а нижняя часть — на колесо, и много всяких других. Валентайна замутило от вида уродов, от запахов и звуков этого скопища.

Обезумевшие писцы, украшенные муниципальными бляхами, старались выстроить всех хоть в какую-то колонну. Порядок церемонии был установлен — Залзан Кавол отдал писцу свои документы и получил номер, указывающий место их труппы в общем строю, но найти соседей по ряду было уже их заботой, и дело это оказалось непростым. Все в огороженном пространстве находились в непрерывном движении, найти чьи-то номера в нем было все равно, что навесить ярлыки на морские волны.

После долгой толкотни и расспросов место все-таки нашлось — между труппой акробатов и оркестром.

Когда все разместились, как было предусмотрено, парад на несколько часов замер. По рядам ходили разносчики, одаривая желающих кусочками жареного мяса и стаканчиками зеленого или золотого вина и не требуя платы за угощение. Но вино не освежало — от душного воздуха и испарения множества тел Валентайн почувствовал дурноту. Через час, думал он, мне придется жонглировать перед Коронованным. Жонглировать, Коронованный — как странно это звучит! Хорошо, что рядом Карабелла — веселая, несмотря ни на что жизнерадостная, неутомимая.

— Да избавит нас бог от подобного в будущем,— шепнула ему она.

Наконец у ворот стадиона началось какое-то движение — там словно отвернули кран, и первая порция артистов просочилась на стадион. Валентайн встал на цыпочки, но ничего толком не разглядел. Прошел еще почти час, когда волна движения докатилась до них. Теперь весь строй медленно поплыл вперед.

Со стадиона доносились уже звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты, оркестр, стоявший впереди их труппы, готовился к выходу. Не менее двадцати инструментов пробовали голоса. Ни один из них не был знаком Валентайну.

С виду инструменты были красивы, даже изящны, но звуки!.. Вот и последний музыкант исчез за двойными воротами стадиона, церемониймейстер важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

— Залзан Кавол и его труппа!— прокричал он.

— Мы здесь!— ответил скандар.

— Ждите моего сигнала. Выйдя, следуйте за музыкантами влево по стадиону. Представления не начинайте, пока не пройдете мимо большого зеленого знамени с гербом Коронованного. Дойдя до павильона, сделайте низкий поклон и будете работать не больше минуты. Потом двинетесь дальше. Дойдете до дальних ворот и сразу же выходите со стадиона. На выходе получите вознаграждение. Все понятно?

— Вполне,— ответил за всех скандар.

Он повернулся к своей труппе. До сих пор он был резок и груб, а тут вдруг обернулся другой своей стороной — протянул три руки братьям и обменялся рукопожатием, на его губах появилась теплая улыбка. Затем он притянул к себе Валентайна и сказал ласково, насколько это можно было ожидать от скандара:

— Ты научился работать быстрее, чем я думал. Я взял тебя по принуждению, но теперь я рад, что ты с нами.

— Благодарю тебя,— так же тепло ответил Валентайн.

— Не каждый день мы жонглируем перед властителем Маджипуры,— продолжал он, подойдя к Слиту и Карабелле,— пусть это будет лучшим нашим выступлением!

— Жонглеры!— пролаял распорядитель.

Скандар махнул им рукой, и труппа прошла под массивными входными воротами.

Слит и Карабелла шагали впереди, жонглируя пятью кинжалами. Они обменивались ими быстро, меняя рисунок игры. За ними двигался Валентайн, работая тремя булавами. А вслед за первой группой шествовала шестерка скандаров, чьи двадцать четыре руки буквально заполняли воздух смесью самых разнообразных предметов! Труппу довершал Шанамир, играя в ней роль, пожалуй, просто хвостика.

Карабелла творила чудеса. Она подпрыгивала, успевая метать кинжалы, щелкала каблуками, хлопала в ладоши — и ни разу не сбила ритм летающих ножей; Слит, собранный, динамичный, представлял собой какой-то источник энергии, мечущий молнии и ловящий их. Он позволил себе даже немыслимо высокий прыжок, пока плотный воздух Маджипуры держал на себе тяжелые кинжалы.

Они обошли весь стадион, следуя ритму флейт и труб идущего впереди оркестра. Зрители уже устали от обилия цирковых номеров и едва на них реагировали, но это не снижало их пыла: жонглер силен внутренним ритмом, а не выражением чьего-то лица на дальней трибуне.

Валентайн придумал свой номер вчера, практиковался в одиночку и преуспел в нем. О новинке никто не знал, новичок рисковал: присутствие Коронованного усиливало риск. Краем мысли он подумал вчера — что только при нем и можно рисковать, сделать все, что может.

Он взял две булавы в правую руку и швырнул их вверх. И тут же услыхал предостерегающий возглас Залзана:

— Эй!..

Но думать о чем бы то ни было нет времени. Булавы летели вниз, когда он бросил третью между ними — на двойную высоту. Он успел схватить первые две, снова метнул снаряд из правой руки и поймал ту, что вернулась издалека, а затем занялся знакомым перебросом, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и сзади, тысячи стертых лиц на трибунах, украшенные разноцветными лентами арканы над стадионом — ничто этого Валентайн не видел, разве что угловым зрением. Бросок — захват, бросок — захват, вперед, вперед... пока не заметил краем глаза зеленый с золотом флаг в начале королевского павильона. Он повернул лицо к Коронованному.

Пришлось делить внимание — следить за полетом булав и искать взгляда лорда Валентайна.

Он поймал его, когда проходил центр павильона. Он жаждал второй искры контакта, ждал его. Валентайн бросал булавы математически точно, каждая взлетала на одинаковую высоту и падала точно в ладонь, пока он ловил взгляд Коронованного. На этот раз контакта не получилось — лицо властителя было рассеянным, его глаза не видели никого.

Скучающе обводил он взглядом поле стадиона, на миг задерживая его то на диковинном животном, то на голом заду танцорки; Валентайн отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд; в конце минуты ему показалось, что Коронованный мельком взглянул на него, и только.

Карабелла и Слит подходили уже к выходу. Валентайн обернулся и улыбнулся скандарам, которые шли под целым балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим в гущу над собой.

А Валентайн шел по той своей орбите, которую Карабелла назвала сном. Булавы покоились в его руках. Лишь отойдя от Коронованного, он почувствовал упадок сил и пустоту, словно лорд Валентайн не излучал энергию, а отнимал ее у других, только создавая иллюзию сияющей над ним ауры,— когда люди отходили от него, то испытывали ощущение потери чего-то.

К тому же представление заканчивалось. Момент славы нового

жонглера прошел, и никто его не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

— Кто тебя научил этому двойному броску?— спросил он, чуть они вышли за ворота.

— Никто. Я сам это придумал.

— А если бы ты уронил булавы?

— Но я же не уронил их!

— Нашел место для фокусов,— проворчал скандар.

И все же он смягчился.

— Должен признать: ты держался хорошо.

От другого распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их на ладонь и быстро посчитал. Большую часть сунул в карман, по одной монете дал братьям, за ними — Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья швырнул по мелкой монетке Валентайну и Шанамиру.

Оба получили по полукроне, остальные же — по кроне. Да ну его к черту! В кошельке Валентайна было еще несколько крон, а премия, хоть и небольшая, была добавком. Он истратит ее сегодня же на вино и пряную рыбу.

Трудный день подходил к концу. С моря поднимался туман, он и принес в Пидруд ранние сумерки. На стадионе кто-то еще выступал. Бедный Коронованный, думал Валентайн, ему придется сидеть там до ночи.

Карабелла стиснула его запястье.

— Пошли,— сказала она повелительно,— работа завершена, теперь время праздника.

Она покинула цирковой строй, за ней последовал и Валентайн. Три его булавы, подвешенные к поясу, колотили по бедрам. Карабелла исчезла было в толпе, окружающей артистов, вот снова появилась. Теперь она бежала, оборачиваясь и маня его за собой. Валентайн догнал девушку только на спуске в порт. Буксиры в гавани тащили к берегу барки с тонкими бревнами, замысловато уложенными для костров.

Хотя ночь еще не наступила, несколько костров уже горело, пламя было яркое, почти без дыма.

Город в этот день был ярмаркой, карнавалом, свадьбой. Карнавальные ларьки выросли на улицах, как грибы после дождя. Маскарадные костюмы были чуть ли не на каждом пидрудце. Везде музыка, смех, танцы. И чем становилось темнее, тем больше зажигалось огней, а бухта — та стала морем огня. Восточная сторона города вдруг осветилась — это в черное небо взлетели ракеты и рассыпались над крышами.

Взявшись за руки, Валентайн и Карабелла шли через весь город от ларька к ларьку, везде оставляя монету, другую.

Попадались и игровые ларьки, где можно было сбить мячом куклу или разрушить какую-нибудь пирамиду. Карабелла с ее точным глазом выигрывала почти в каждом, повергая хозяина в отчаяние. В некоторых призом было вино и закуска, в других им вручали кукол или флажки с гербом Коронованного. Это они остав-

ляли на прилавках. Но пили вино и ели мясо — и всеобщее сумасшествие понемногу охватывало и их.

— Сюда!— крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу урунов, гайрогов и пьяных хьертов, скачущих в большом круге. Какого-то рисунка танец не имел — нужно было просто прыгать и кричать, чем громче, тем лучше. Какой-то хьерт схватил Карабеллу в свои объятия — в ответ она так впилась острыми ногтями в его кожу, что тот охнул. К Валентайну прижалась женщина-гайрог — вся в змеиных локонах, со множеством грудей. Она поцеловала Валентайна, он ответил ей с большим энтузиазмом, чем предполагал.

После танца они попали в открытый театр, где угловато двигающиеся куклы, угловато и излишне резко разыгрывали какую-то комедию, потом на арену, где за несколько монет посмотрели на морских драконов, плавающих в стеклянной галерее вокруг них, оттуда залетели прямо в сад одушевленных растений с южного побережья Альханроеля — страшных существ с щупальцами, отходящих от неподвижных стволов и любопытствующими подвижными глазами.

— Время кормления через полчаса,— сказал им сторож.

Но Карабелла не захотела ждать и они снова оказались на улице.

В который уже раз в небе взорвались ракеты — все более яркие. Вот вспыхнула тройная звезда из герба лорда Валентайна, а вот засиял в небе и его профиль. Даже Лабиринт изобразили кудесники-фейерверкеры на ночном небе, разноцветный Лабиринт, заслоненный лицом старого Понтифика. А за ним наверху возникло огненное изображение любимой всеми королевской матери, Леди Острова Снов, с нежностью взирающей с неба на верный ей Пидруд. Портрет был так хорош, что Валентайн растрогался. Но Леди растаяла в небе так же быстро, как все до нее.

— Я хочу еще вина,— сказал он Карабелле, найдя в темноте ее руку.

— Подожди. Сейчас ты увидишь еще кое-что.

Еще одна ракета пронизала ночь, взорвалась, и огни сложились в лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой силы Маджипуры, самой темной и самой надменной фигуры в иерархии государства — Короля Снов, Симонана Баржазида. Люди на улицах затихли — в Короле Снов никто не видел друга, хотя все признавали его власть. Он приносил только несчастья.

Винная лавка нашлась в трех шагах. Руки Валентайна дрожали, когда он поднимал стакан. Он выпил два подряд. Карабелла обеспокоенно смотрела на друга, но ни о чем не спросила, а свое вино оставила нетронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними, была дверью музея восковых фигур. Этот был сделан в форме Лабиринта. Войдя в него, выйти было нелегко, и они дали служителю три медяка, чтобы он сопровождал их. Из тьмы выступали герои королевства, их трудно было отличить от живых. Они двигались и говорили на

архаических диалектах. Один, высокого роста воин, назвал себя лордом Стиамотом, победителем метаморфов. Здесь же была легендарная Леди Сиин, его мать, Леди-воин, которая лично вела защиту Острова Снов, когда его осаждали аборигены. Затем появилась фигура, назвавшая себя Дворном, первым Понтификом. Он был по времени так же далек от Стиамота, как сам Стиамот от теперешнего Коронованного. Рядом с ним стоял Динатик Баржазид, первый Король Снов, властитель куда менее древний.

Чем дальше заходили они в лабиринт, тем больше было правителей — богатейший ассортимент Понтификов, Леди и Коронованных, великих Конфалумов и Престимионов, Ариохов... Наконец возникла и последняя фигура — румяного мужчины лет сорока, черноволосого и черноглазого, в облегающей черной одежде.

Ему не было нужды называть себя — это был лорд Вориакс, последний Коронованный, брат лорда Валентайна, погибший два года назад на охоте. Он правил всего восемь лет. Лорд поклонился вошедшим, протянул к ним руки и воскликнул:

— Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени! Мое падение было тем ужаснее, чем больше была моя высота! Ведь я лорд Вориакс! Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

— Мрачное место,— прошептала она,— страшные судьбы! Уйдем отсюда.

Теперь они проходили мимо всех, обещающих короткую радость заведений — ярко освещенных игорных залов, столов с всяческой снедью, домов радости, они нигде не останавливались, перелетая с места на место, подобно птицам, пока не свернули за угол и не оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Это был парк, здесь царили тишина и аромат цветов.

Рука Валентайна сама собой обняла талию Карабеллы. Дневное тепло накопилось под деревьями, их ноги то и дело задевали громадные, чуть ли не с человеческую голову соцветия растений. Фестиваль с его суматохой отодвинулся, казалось, на десять тысяч миль.

— Вот здесь мы и остановимся,— сказала девушка.

Валентайн сдернул со своих плеч плащ и расстелил на земле. Карабелла протянула ему руки — он очутился в ее объятиях. Раскидистые кусты закрывали их от всего мира.

Девушка села, сняла с пояса крохотную арфу, похожую больше на украшение, чем на музыкальный инструмент. Тронула струны и запела:

Любовь моя прекрасна, как весна,
Как ночь, она поверишь ли, нежна
И сладостна, как недоступный плод,
Ну кто его, ну кто его сорвет?

Для всех он недоступен — только ты
Достанешь плод с небесной высоты,
Возьмешь его, к губам своим прижмешь
И именем любимой назовешь.

— Красивая песня, — сказал Валентайн,— а у тебя прекрасный голос.

— А ты не поешь?— спросила она, протягивая ему арфу.

Он растерянно повертел в руках крохотный инструмент.

—Я не вспомню сейчас ни одной песни.

— Ну, хоть одну!

— Они все сбежали из моей головы.

Она взяла у него арфу.

— Хочешь, я научу тебя?

— Только не сейчас...

Валентайн коснулся ее губ. Она положила руки ему на плечи. Глаза его привыкли к темноте и он увидел близко, близко ее расширившиеся глаза, ощутил прикосновение кончика носа. Было подался назад, страшась того, что могло сейчас случиться, опасаясь груза ответственности, которую нужно будет взять на себя, но страх отступил. Было ощущение праздника, и они хотели друг друга.

Валентайн вспомнил ее обнаженной — худенькая, как подросток, только бедра выдавали женщину. И сгусток энергии... Он почувствовал под рукой, как дрожит ее тело — не от ночной сырости, не от холода. И стал гладить ее плечи, лицо, шею, провел ладонями по обострившейся груди.

...Их тела двигались так, словно они были давними любовниками...

Потом он в полудреме лежал, слушая, как колотится ее сердце, обнимая и гладя ноги, бедра, живот.

— Мы останемся здесь на всю ночь,— шептала она,— нас никто, никто не потревожит.

На его ласку она отвечала своей, трогая лицо, ероша волосы, целуя в кончик носа. Карабелла была игрива, как котенок. Первый порыв ее страсти ушел, пламя обратилось в тепло, обволакивающее его всего, он же был потрясен, оглушен, растерян. Для него это было слишком внезапно. В мгновения радости он проходил границу ярчайшего света, за которой начинались таинственная область без цвета, формы и хоть какой-то субстанции, он рискованно качался на краю двух миров, прежде чем скатиться в реальный мир.

Валентайн молчал. Ни одно из слов не подходило к его состоянию. Он не подозревал, что любовная радость лишит всего мироощущения. Карабелла, как видно, тоже почувствовала невесомость, потому что не говорила ни слова, только обнимала его, поглаживая по голове.

Он уснул.

Пришли сны — ворвались в его голову, как разбойники. Те же насмешливые лица смотрели на него с пурпурного неба, но на этот раз он был в пустыне не один. Перед ним маячило темное лицо, создававшее ощущение физического присутствия человека; Валентайн знал, что это лицо брата, хотя в жестком сиянии янтарного солнца он не мог разглядеть его подробностей. И еще — звучала музыка, печальная, плачущая и одновременно чем-то угрожающая, предупреждающая о смертельной опасности.

Двое мужчин стояли друг против друга, как на дуэли, из которой живым мог выйти только один.

— Брат!— закричал Валентайн.

Ужас и смятение охватили его. Он дернулся и, извиваясь, как угорь, попытался вырваться из объятий сна, всплыть над ним, как над водоворотом. Но все было напрасно, сон владел его сознанием, подчиняя всем своим обстоятельствам, уклониться от которых, даже немыслимых, было невозможно.

И Валентайн вернулся в страшный сон, где его ожидала дуэль с братом.

Оба были вооружены, но неодинаково, у Валентайна была плохонькая рапира, у брата — длинная сабля. Валентайн делал выпады, один за другим, но брат парировал их, отбивая удары саблей и сам делая выпады,— ему приходилось отступать.

Над головами сражающихся кружили стервятники.

А музыка уже играла песню смерти!

Скоро, очень скоро прольется кровь, и жизнь вернется к Истокам.

Валентайн все отступал, зная, что сзади, уже недалеко, овраг, и отходить назад будет невозможно. Рука уже устала, глаза резал солнечный свет, губы пересохли, силы были на исходе.

— Брат!— крикнул он.

Молчание в ответ.

— Во имя бога!..

Смех и грубая брань. Сабля взвилась и опустилась. Валентайн выставил рапиру. Оружие скрестилось, рапира переломалась. Его шагнувшая назад нога споткнулась о корягу и он упал прямо в колючки какого-то пустынного растения. Человек с саблей встал над ним, заслонив солнце, и песня смерти завизжала на последней ноте. Стервятники устремились вниз.

Спящий Валентайн стонал и вздрагивал.

Он повернулся, ощутил всем телом тепло лежащей рядом девушки и прижался к ней, убегая от страшного холода сна. Ему бы проснуться сейчас и уйти от ужаса смерти, выплыв на безопасные берега реальной жизни, но что-то снова толкало его в сон.

Человек с саблей, стоявший над ним, хохотал. Сабля его снова поднялась. Вместе с ней весь мир рухнет на Валентайна и раздавит его. Он устремил свой дух к Леди и смирился с тем, что умрет.

Удар сабли оказался неудачным: оружие вонзилось в песок. И сон сразу же стал иным. Оборвался визг последней ноты. Валентайна буквально окатило какой-то энергией, он вскочил.

Брат не успел вытащить саблю — Валентайн каблуком вогнал ее еще глубже. И бросился на противника с голыми руками.

Теперь уже он наступал; струсивший брат не успевал отбиваться от града ударов. Вот упал на колени, заревел, как раненый медведь, тряся окровавленной головой. Он даже не пытается защищаться и только бормочет:

— Брат... Брат...

Валентайн опрокинул его на песок.

Противник лежал неподвижно, Валентайн стоял над ним,

тяжело дыша. Пусть скорее наступит утро и освободит меня от этого сна, молился он.

Он открыл глаза и увидел темноту над собой. Его руки все еще вздрагивали. Безумные образы — теперь уже их фрагменты — все еще проплывали в его мозгу.

Повернул голову, увидел Карабеллу.

— С тобой все в порядке?— спросила она.

— Я видел сон.

— Ты кричал во сне. Я подумала, что тебе нужно проснуться. Было что-то страшное?

— Да.

— А как сейчас?

— Будто ударили по голове.

— Расскажи мне свой сон.

Раскрыть сокровенное? Но разве они не стали ближе друг другу? Разве они не одновременно ушли в мир снов?

— Я дрался во сне со своим братом,— ответил он.— Мы сражались в пустыне и он был готов уже убить меня, но в последний момент я увернулся и убил его ударом кулака.

Глаза Карабеллы были темны, как ночь.

— Ты часто видишь такие сны?

— Не часто. Но...

— Что?

— У меня нет брата!

Она улыбнулась.

— Ты хочешь, чтобы сон всегда соответствовал реальности? Откуда ты это взял? В снах истина лежит глубже, чем в реальности. Брат в твоем сне может быть кем угодно — Зализаном Каволом, Слитом, даже лордом Валентайном, Понтификом Тиверасом и мной, в том числе. Те же знаешь, что сны, за исключением насланных, все переворачивают.

— Знаю. Но что означает этот мой сон, Карабелла? Дуэль с братом, я чуть не убит им, и вдруг убиваю сам...

— Ты хочешь, чтобы я его истолковала?

— Да. Он мне ничего не говорит, кроме того, что пугает.

— Ты даже кричал во сне. И был мокрый от пота. Такие мучительные сны обычно что-то предвещают. Попробуй растолковать его сам.

— У меня нет брата...

— Я же сказала, что это неважно.

— Получается, что я воюю против самого себя! Не понимаю... Врагов ведь у меня нет.

— Может быть, твой отец?— подсказала она.

Он задумался. Отец? Он постарался вспомнить лицо человека с саблей, но не смог.

— Я не помню лицо отца.

— Он умер, когда ты был маленьким?

— Наверное...

Валентайн покачал головой.

— Когда я пытаюсь вспомнить отца, то вижу высокого человека с темной бородой, темноглазого...

— Как его звали? Когда он умер?

И вновь Валентайн покачал головой. Девушка наклонилась к нему.

— Где ты родился?

— На востоке.

— Ты об этом уже говорил. Но где именно, в какой провинции?

— В Ни-мое?— сам себя спросил Валентайн.

— Ты утверждаешь или спрашиваешь?

— В Ни-мое,— повторил он уверенно.— Большой дом, сад, неподалеку река. Да, теперь я вижу себя там: купаюсь в реке, охочусь в герцогском лесу. А вдруг я видел это во сне? Или читал что-то или мне об этом рассказывали?

— Как зовут твою маму?

Он открыл было рот, но ничего не сказал.

— Она тоже умерла молодой,— сказал он только через минуту. — Ее звали Гальяра. Да, Гальяра.

— Как хорошо звучит это имя. Расскажи мне о ней.

— Она...

Он запнулся.

— Золотые волосы, гладкая кожа, глаза... Это так трудно, Карабелла!

— Тебя всего трясет.

— Да.

— Иди ко мне.

Он снова оказался в ее объятиях. Девушка была маленькой, но сейчас казалась сильнее его, ему было уютно с ней.

— Ты ничего не помнишь, Валентайн?

— Ничего.

— Не помнишь, где родился, как выглядели родители? Даже где ты был в прошлый день? Твои сны не могут властвовать над тобой, потому что ты мне не можешь ничего объяснить.

Ее пальцы осторожно, но настойчиво ощупывали его голову.

— Что ты делаешь?— спросил он.

— Смотрю, не было ли повреждений твоего черепа. Удар по голове может отбить память.

— Есть что-нибудь?

— Ни рубца, ни шишки — ничего. Но это еще ни о чем не говорит. Удар ты мог получить давно. Я посмотрю твою голову при свете.

— Мне нравится, когда твои руки касаются меня.

— А мне нравится трогать тебя.

Он спокойно лежал рядом с ней. Все сказанные ими слова теперь будоражили его. Другие люди, думал он, помнят свое детство и юность, место рождения, имена родителей — а у меня нет в памяти ничего, кроме каких-то смутных видений. Только туман, покрывающий, может быть, колодец пустоты. Он уже нырял в этот колодец, там ничего нет. А Карабелла заставляет его заполнить. Он думал, почему же он так не похож на других? Почему у него нет воспоминаний? Он действительно получил когда-то удар по голове

или он болен и воспоминания не запечатлеваются в его мозге, а, наоборот, стираются при наступлении каждого нового дня?

Они так и не уснули в эту прекрасную ночь.

Перед утром они снова любили друг друга — не так слепо бросаясь в омут радости. Затем умылись в небольшом холодном ручье, что тек неподалеку от их ложа, и пошли через город в гостиницу.

По улицам все еще шастали вчерашние гуляки, когда над Пидрудом поднялось яркое солнце.

По совету Карабеллы Валентайн взял в поверенные Слита и рассказал ему о своем сне. Беловолосый жонглер слушал внимательно, не перебивая. Когда Валентайн закончил, Слит сказал:

— Тебе надо поговорить с толкователем снов. Послание слишком сильное, надо его расшифровать.

— Ты думаешь, это послание?

— Скорее всего.

— От Короля Снов?

— Возможно. Будь осторожен, будь внимателен. Король никогда не посылает единичного знака.

— Оно могло быть и от Леди,— вставила Карабелла.— Жестокость сна не должна нас обмануть. Когда нужно, Леди насылает и такие сны.

— А некоторые,— сказал на это Слит,— приходят и не от Короля, и не от Леди, а из собственной нашей глубины — не нужно об этом забывать. Так-то! Но я думаю, что к толкователю все-таки сходить нужно.

— А не поможет ли толкователь обрести мне память?

— И он, и еще колдун. Но если сны не основаны на пережитом тобой, они ничего не смогут сделать.

— Кроме того,— сказала Карабелла,— что такой сильный сон нельзя оставлять без истолкования, ты и отвечаешь за него. Если сон требует твоего действия, а ты ничего не предпринимаешь... — Девушка покачала головой.— Твой дух тогда ответит за него. Ищи толкователя, Валентайн!

— Я думал, что ты мне поможешь,— повернулся к Слиту Валентайн.

— Я всего лишь жонглер, а не толкователь.

— Можешь кого-нибудь порекомендовать в Пидруде?

— Подожди несколько дней. У тебя еще будут сны, и ты расскажешь о них провидцу.

— Как бы я хотел знать, действительно ли это послание,— размышлял вслух Валентайн,— а если да, то от кого. Что Королю до такого бродяги, как я? Нет, оно не от Короля. При двадцати миллиардах жителей Маджипуры, возможно ли, чтобы Король находил время для каждого? Разве что уж очень важная причина...

— В Суврaеле,— сказал в свою очередь Слит,— во дворце Короля Снов стоят огромные машины, которые сканируют весь мир и каждую ночь посылают сны в мозги спящих. Кто знает, как они подбираются? Когда я был ребенком, мне говорили об этом

и я знаю, что это правда — прежде чем мы оставим сей мир, мы, по крайней мере, один раз ощутим прикосновение Короля Снов к нашему духу — все без исключения. Со мной такое случилось.

— С тобой?

— И не однажды.

Слит коснулся своих белых волос.

— Ты думаешь, я так и родился седым? Как-то я спал в гамаке в Нарабальских джунглях. Тогда я еще не был жонглером. Король явился мне во сне и отдал какой-то приказ душе — проснулся я белым, как снег. Мне тогда было двадцать три года.

— Приказ?— переспросил Валентайн.

— Да — чтобы мои черные волосы зачем-то побелели.

Ему не хотелось продолжать разговор. Слит встал и глянул на утреннее небо.

— Я думаю, мы достаточно поговорили. На фестивале есть еще возможности зарабатывать деньги. Хочешь, я научу тебя кое-каким трюкам, пока Залзан не послал нас работать?

Валентайн кивнул. Слит взял мячи и булавы и вышел во двор.

— Следи,— сказал жонглер.

Они с Карабеллой встали спина к спине. Одновременно оба начали перебрасываться мячами.

— Эта вещь довольно простая для новичка,— сказал Слит, повернув голову к Валентайну,— но выглядит эффектно. Следи, следи!

Жонглеры сразу же поймали ритм и превратились в одно четверорукое и четвероногое существо. Действительно эффектно, подумал Валентайн.

— Кинь нам булавы,— скомандовал Слит.

Один за другим снаряды перешли в руки жонглирующей пары и там вливались в круг, по которому летали мячи. Круг менял направление — то он начинался из рук Слита, то из рук Карабеллы. По своему небольшому опыту Валентайн знал, как трудно работать с предметами разного веса. В следующие недели он должен был начать жонглирование пятью мячами. Четверкой булав работать, наверно, не так уж трудно, но три мяча и три булавы — это просто подвиг!

Он смотрел, не отрываясь, и вдруг к восхищению примешалась ревность: Слит стоял, прижавшись к Карабелле, составляя с нею как бы один организм, а ведь всего несколько часов назад она была так же близка с ним...

— Попробуй и ты,— предложил ему Слит.

Он прижался спиной к Карабелле, как минуту назад Слит. В работе было всего три мяча.

Сначала Валентайну было трудно рассчитать высоту и силу броска, и Карабелле приходилось, чтобы поймать брошенный им мяч, отрываться от него, но уже через десяток минут они метали и ловили их так ровно, словно тренировались вместе не один год. Слит время от времени награждал их аплодисментами.

Появился скандар, брат Залзана Ирфен, мрачное существо даже среди скандаров.

— Вы готовы?— рявкнул он.

После полудня труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя важного вельможу.

Перед знатными пидрудцами Валентайн и Карабелла показали работу вдвоем, скандары снова послали в небо кучу самых разных предметов — вилок, ложек, хрустальных стаканчиков, тарелок... В заключение Слит вышел жонглировать с завязанными глазами.

— Разве это возможно?— забеспокоился Валентайн.

— Смотри!— ответила Карабе́лла.

Валентайн наблюдал за Слитом почти один — господа, заказавшие представление, пресытились цирковыми номерами на стадионе и сейчас едва взглядывали на выступавших.

Слит шагнул вперед, в руках его были три булавы. Постоял с минуту, словно прислушиваясь к чему-то, затем глубоко вздохнул и начал работать.

Залзан Кавол загуде́л:

— Двадцать лет практики, лорды и леди Пидруда! Здесь нужно дьявольское умение! Он слышит шелест булав в воздухе, он слышит их!

Валентайн не поверил, что можно что-то услышать среди гула разговора, звона тарелок и рявкания Залзана Кавола, комментировавшего жонгляж, но Слит не уронил ни одной булавы. Однако он заметил, что Слиту трудно — руки его были напряжены больше, чем нужно, хватали булаву раньше времени. И все-таки жонглировал он замечательно.

Десять... двенадцать... пятнадцать раз взлетели булавы. И вот все они прижаты к груди жонглера, Слит сорвал повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Зато Карабелла подошла к Слиту и обняла его. Валентайн шлепнул по плечу товарища, когда труппа сходила с эстрады.

В комнате для артистов сразу же сел, руки его дрожали, он вытирал пот со лба.

— Хоть кто-то смотрел мой номер?— спросил он у Карабеллы.— Поняли ли они, что я делал?

— Кое-кто смотрел,— мягко сказала Карабелла.

Слит сплюнул.

— Свиньи! Сами комнату переходят с трудом, а когда делается настоящий номер, сидят и болтают...

Валентайн еще не видел товарища в таком гневе. Жонглирование вслепую, видать, дает себя знать, подумал он. Подошел и обнял Слита за плечи.

— Что тебе с того, что они ничего не поняли? Ты показал высший класс работы! Ты был превосходен.

— Не совсем,— угрюмо ответил тот,— синхронность хромала...

— Да все было отлично!— настаивал Валентайн.— Такого мастерства я еще не видел. Какое тебе дело до того, как смотрят на него пьяные торговцы? Разве твое искусство предназначено их душам?

Слит слабо улыбнулся

— Жонгляж вслепую выбивает из колеи...

— Мне очень жаль, что ты расстроился, дружище.

— Сейчас пройдет. Мне уже лучше.

— Ты сам себя огорчаешь. Скажу тебе еще раз — ты был великолепен, а все остальное не имеет значения.

Он повернулся к Шанамиру.

— Сбегай-ка на кухню, попроси там мяса и хлеба. Слит работал тяжело, ему нужна заправка. И спроси там вина.

Слит и вправду обмяк. Он выглядел очень усталым.

— У тебя добрая душа,— сказал он Валентайну, протягивая ему руку,— ты прямо вытащил меня из ямы...

— Я видел, как тебе больно.

— Постараюсь больше не распускаться,— сказал Слит.— Ты прав: мы жонглируем для себя, а зрители наши — что они для нас! Случайные люди...

Еще два раза видел Валентайн жонгляж вслепую в Пидруде. Еще два раза наблюдал, как Слит, напряженный, сжатый, как пружина, сходил с подмостков. Это была адская работа. Валентайн старался как мог, чтобы помочь отдохнуть товарищу, снять напряжение.

И уже дважды новый жонглер видел страшные сны. Один раз к нему пришел сам Понтифик и повел его в Лабиринт. Там было множество улочек, темных, извилистых, они брели по ним бесконечно долго. И где-то, может быть, близ центра Лабиринта, Понтифик вдруг исчез, а Валентайн, сделав шаг, провалился и полетел куда-то, к самому ядру Маджипуры...

В другую ночь Коронованный, ехавший на своей колеснице через Пидруд, увидел Валентайна и поманил его за собой. Они остановились у игорного заведения и там начали бросать маленькие диски в цель. В награду за меткие броски им дали связку белых пальцевых суставов, а когда Валентайн спросил, чьи это кости, лорд Валентайн засмеялся, дернул себя за бороду, огрел тезку насмешливым взглядом и бросил:

— Посмотри на свои руки!

Валентайн глянул и увидел, что пальцы его исчезли...

Слит и Карабелла, которым он снова поведал свои сны, ничем не помогли ему, а лишь повторили совет обратиться к толкователю снов, как только они уйдут из Пидруда.

Отъезд близился. Фестиваль закончился, кораблей Коронованного в гавани уже не было, дороги были заняты отъезжающими — люди из провинции возвращались домой. Залзан торопил свою труппу закончить все дела в Пидруде, чтобы двинуться в гастрольную поездку.

Последнее почему-то опечалило Шанамира. Валентайн заметил настроение мальчика.

— Я думал, тебе хочется уехать отсюда. Жаль оставлять город?

Шанамир покачал головой.

— Хоть сейчас пустился бы в дорогу.

— Тогда в чем дело?

— Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

— Тогда понятно. Еще не выехал из дому, а уже заскучал по нем.

— Не то,— возразил Шанамир.— Я вел группу своих тварей, а отец и братья лежали, связанные кем-то на дороге. Они кричали, чтобы я помог им, а я ехал прямо на них. И без толкователя снов ясно, что означает этот сон.

— На тебе вина за то, что бросил свои обязанности и дом?

— Конечно, вина. Я не вернул деньги!

Он был раздражен оттого, что пришлось объяснять такие простые вещи взрослому мужчине. Он хлопнул себя по поясу.

— Деньги, деньги, деньги! У меня здесь около ста шестидесяти роалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит, чтобы семье прожить целый год и часть следующего! Они там ждут моего возвращения, а я...

— А разве ты не думал как-нибудь отдать им деньги?

— Но меня же нанял Залзан Кавол! Что если его путь лежит совсем в другую сторону? А если я повезу деньги домой, то могу после не найти вас. Если же поеду с вами, то, выходит, украду деньги у родных, которые на меня рассчитывают, понял?

— Все решается проще,— сказал примирительно Валентайн.— Фалкинкип далеко отсюда?

— Два дня, если ехать быстро.

— Близко. Мне кажется, скандар еще не установил точного маршрута. Я поговорю с ним. Попрошу ехать в направлении Фалкинкипа. Когда мы будем проезжать неподалеку от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, передашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься к нам. Тогда на тебе не будет никакой вины и ты спокойно поедешь с нами.

Шанамир еще сомневался.

— Думаешь, ты уговоришь скандара?

— Посмотрим.

— Он разозлится и вышвырнет тебя, если ты о чем-то его попросишь. Залзан не любит, когда вмешиваются в его дела — а ты для него, как глупый блав для тебя.

— Я поговорю с ним,— сказал Валентайн.— Подозреваю, что скандар не такой грубый, каким кажется. Ты не знаешь, где он?

— Осматривает свой фургон, готовит для путешествия. Ты ведь знаешь его фургон?

— Видел.

Жонглеры ездили по провинции в ладном фургоне, который Залзан оставил в нескольких десятках метров от гостиницы. Это был прочный и вместительный ящик на колесах, разукрашенный, как все цирковые фургоны. Отличное дерево, крепкий клей, железо, лакировка, кое-где кожа животных, натянутая так, что звенела при ударе.

Подойдя к фургону, Валентайн увидел Ирфона Кавола и еще одного скандара, Гейбора Кера. Они смазывали колеса, в то время, как изнутри доносились чьи-то яростные вопли — казалось, ящик качается от них.

— Где Залзан?— спросил Валентайн.

Гейбор мотнул головой на фургон.

Не подходящий момент, чтобы поговорить с ним, но у меня дело.

— И у него дело — с проклятым маленьким колдуном, который подрядился ездить с нами по провинции, показывая дорогу, и отказался от работы как раз тогда, когда мы собрались выехать. Войди, если тебе не дорога жизнь.

Злобные крики сотрясали стены фургона. Дверь неожиданно распахнулась и оттуда вылетел крохотный, высохший, как лист, старый урун, существо покрытое перьями. У него были клейкие лапки-щупальца, тускло-зеленая кожа и огромные золотистые глаза, сейчас наполненные страхом. Возле рта-клюва виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в двери показался скандар. Он раздувался от гнева, руки его рубили воздух. Он крикнул жонглерам:

— Хватайте его! Не дайте ему уйти!

Ирфон и Гейбор загородили ручищами все выходы. Урун заметался в ловушке, крутнулся туда, сюда и ткнулся в колени Валентайна.

— Лорд,— запищал он,— защити меня!

Клейкими лапками он вцепился в его штаны.

— Он обезумел, он убьет меня!

— Держи его Валентайн!— громыхнул сверху скандар.

Валентайн шагнул вперед, закрыв собой старика, глянул в лицо слезавшего Залзана.

— Умерь свой пыл, если можешь. Если ты сейчас убьешь уруна, мы останемся в Пидруде навеки.

— Я и не думал его убивать,— прорычал скандар.— Зачем мне всю оставшуюся жизнь иметь дело с Королем Снов!

Послышался дрожащий голос уруна:

— Он схватил меня за шкирку и хотел изо всех сил шваркнуть об стену!

— Из-за чего ссора? Может я стану вашим посредником?

Залзан нахмурился.

— Наш спор тебя не касается. Убирайся отсюда!

— Пока ты не успокоишься, я побуду здесь.

Глаза скандара налились злобой. Он подошел к Валентайну. Пахнуло шкурой скандара. Залзан прямо-таки кипел от злости. Сейчас и меня он грохнет об стену, подумал Валентайн. Ирфон и Гейбор наблюдали за происходящим. Они никогда еще не видели, чтобы кто-то противился слову брата. Кулаки старшего сжимались и разжимались. Вдруг он заговорил:

— Этот урун — колдун. Его зовут Стифон Делиамбер, я его нанял проводником и сторожем — я побаиваюсь Меняющих Форму. Всю неделю он жил на мой счет, а теперь, когда нам пришла пора ехать, он заявляет, что не хочет быть нашим проводником. Так ты выполняешь условия контракта, обманщик?

Урун запищал:

— Я уже стар и слаб, а мое колдовство утрачивает силу. Я могу заблудиться. Но если ты настаиваешь, Залзан Кавол, я поеду с вами!

Скандар не поверил.

— Что?!

— Я передумал,— пискнул колдун.

Он отпустил ноги Валентайна и встал перед скандаром. Расправляя помятые лапки, помахивая ими, птицеподобное существо подняло глаза на огромного скандара.

— Я выполню условия контракта.

Гигант растерялся.

— Полчаса назад ты клялся, что не оставишь Пидруда, мои слова на тебя не действовали, ты довел меня до того, что я готов был растереть тебя в порошок — на твою и на мою беду, ибо колдуны и мертвые могут насылать зло... Ясно, что Король Снов покарал бы меня за это, но ты упрямился до последнего — а теперь вдруг все переиграл!

— Да, переиграл.

— Не будешь ли любезен объяснить почему?

— Уж не ты тому причина,— окрысился колдун,— не ты, а вот этот молодой человек! Я восхищен его мужеством, добротой, с ним я готов ехать куда угодно! Это удовлетворяет твое любопытство, Залзан Кавол?

Скандар проворчал что-то, сердито сплюнул и яростно потряс парой здоровенных рук. На миг показалось, что он снова взорвется, но Залзан сдержался. Только проворчал:

— Жаль, что я не размазал тебя по стене, чудодей! И да сохранят боги твою жизнь, если ты не явишься сюда после полудня готовым к дороге!

— Во втором часу пополудни я буду здесь,— ответил ему Стифон Делиамбер. Обернулся к Валентайну и добавил к сказанному:— Я полагаю, что ты мой защитник. Я в долгу перед тобой, но расплачусь скорее, чем ты думаешь.

Урун умчался прочь, слово взял Залзан Кавол:

— Ты глупо сделал, что ввязался в спор. Это могло плохо кончится.

— Я знаю.

— А если бы я изувечил вас обоих?

— Мне показалось, что ты сумеешь сдержаться. Я был прав?

Залзан криво улыбнулся.

— Я удержался, это верно, но только потому, что меня поразила твоя наглость — это-то и остановило меня. Если бы старикашка молвил хоть еще одно слово...

— Главное, что колдун согласился.

— Что верно, то верно. Я у тебя тоже в долгу. Нового гида не так-то легко найти, да и времени у нас нет. Так что благодарю тебя.— Кивок скандара выглядел неуклюже.

— Ты сказал — долг...

Залзан вздернул подбородок.

— Ну так что?

— Мне нужно небольшое одолжение с твоей стороны.

— Давай,— голос скандара похолодел.

Валентайн уловил холодность, но делать было нечего.

— Мальчик Шанамир из Фалкинкипа. Прежде чем тронуться в путь, он должен побывать дома. Это дело чести.

— Пускай съездит в Фалкинкип, а потом догоняет нас.

— Он боится, что не догонит.

— О чем же ты просишь, Валентайн?

— Устрой так, чтобы наш путь пролегал через Фалкинкип, ты ведь, насколько я знаю, не проложил еще маршрута.

Залзан ответил с той же холодностью:

— Сначала мой гид наплевал на заключенный контракт, сейчас ученик жонглера ставит мне условия — не слишком ли ты много на себя берешь? Что для меня этот мальчишка?

— Ты ведь ни с кем еще не договаривался о выступлениях. Что тебе стоит заехать в Фалкинкип, который в двух днях пути?

— Ладно!— рявкнул скандар.— Мы едем через Фалкинкип! Но больше никаких поблажек. Теперь убирайся. Ирфон, Херн, фургон готов?

Внутри фургон труппы Залзана Кавола был красив и уютен.

Темные, отполированные до блеска доски пола были подогнаны друг к дружке с удивительной точностью. Стены украшали меховые портьеры, перемежающиеся полосками легкой ткани. Помещение вмещало шестерых, но седьмой был бы уже лишним.

Часть фургона занимал склад, особенно разнообразный у бродячих жонглеров, какими была труппа Залзана Кавола. На сидении водителя могло поместиться трое.

Хотя фургон и был большой — в нем могли уместиться знатный вельможа со свитой, он отличался достаточной легкостью, чтобы держаться на воздушной подушке, создаваемой моторами, что располагались в чреве махины. Он держался в футе от земли и его могла тащить четверка упряжных животных.

В день отъезда фургон загрузили к полудню и всей труппой отправились обедать. Валентайн насторожился, когда увидел, что за стол Залзана сел давешний хьерт Винорксис. Усы его не в меру были накрашены оранжевой краской. Скандар стукнул по столу, требуя внимания.

— Познакомьтесь с нашим новым управляющим! Его зовут Винорксис. Он будет помогать мне вести книги, смотреть за имуществом и вообще следить за хозяйством, которое было до сих пор только на мне!

Карабелла охнула:

— Это тот самый страшила, что пялился на нас еще неделю назад!

Валентайн кивнул хьерту.

— Ты все-таки решил присоединиться к нам? А я думал, что ты пошутил насчет жонглирования цифрами.

— Хьерты не умеют шутить,— серьезно сказал Винорксис и вдруг раскатисто захохотал.

— А что будет с твоей торговлей?

— Я все продал за время фестиваля. Знаешь, я ведь завидовал тебе, не знающему, где очутишься завтра. И говорил себе: а вот ты, Винорксис, всю свою жизнь так и будешь торговать вонючими шкурами хейгусов и ничего, кроме них, никогда не увидишь!.. И вот я пришел к Залзану Каволу и предложил ему свои услуги. И вот я здесь...

— Добро пожаловать,— довольно мрачно поприветствовала его Карабелла,— ну что ж — добро пожаловать!

Обед был плотный, после него все стали готовиться к отъезду. Шанамир вывел из стойла четверку животных Залзана и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали тварей. Старшой забрался в кабину, взял вожжи, его брат Хейрог сел рядом с ним, а Стифон Делиамбер примостился с краю. Шанамир взгромоздился на собственную животину. Валентайну было предложено место в фургоне с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четверкой скандаров. Пока все рассе́лись, прошло полчаса.

— Гей!— крикнул Залзан Кавол.

Фургон направился к Воротам Фалкинкипа, к главному шоссе, по которому неделю назад, в лунный день Валентайн вошел в Пидруд.

Летняя жара тяжким слоем лежала на прибрежной равнине.

Цветы-светильники огненных пальм погасали, дорога была усыпана малиновыми их лепестками, как снегом. Окна фургона, где стеклами была прозрачная кожа стиков, привлекли к себе всех, кто был в помещении. Валентайн смотрел, как уходит назад Пидруд, на неделю приютивший его. Громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, здесь он жонглировал перед самим Коронованным, познакомился с пальмовым вином и пряно пахнущей едой, одну ночь он провел в объятиях хрупкой Карабеллы...

Сейчас перед ним снова лежала дорога, и кто ему скажет, что принесет она, какие новые приключения?

У него не было никаких планов, любой ветер мог понести его с собой. Искусство жонглирования его захватило, он был рад ему и жаждал совершенства в нем — такого, чтобы сравниться со Слитом и Карабеллой, даже работать вместе со скандарами. Слит как-то сказал ему, что жонглировать с ними может только мастер — попробуй угнаться за четверорукими, но Валентайн не однажды видел, что сам вступал с ними в состязание. Когда-нибудь то же сделает и он, Валентайн. Честолюбив, дружище, подумал он про себя. А почему бы и нет, немедленно пришел ответ.

— Ты выглядишь таким счастливым!— сказала Карабелла.— Прямо позавидуешь!

— Я?— оторвался он от окна.

— Сияешь, как солнце. Рядом с тобой можно загорать.

— Это все мои волосы...— ответил он, улыбаясь.

— А улыбка?

Он накрыл ее руку своей.

— Я люблю дорогу,— сказал Валентайн.— Дорогу, свободу... Идти по Зимроелу, останавливаться, где захочешь, выступать, знакомиться с новыми трюками — что может быть лучше! Знаешь, мне понравилось быть жонглером — и я хочу преуспеть в этом деле!

— У тебя есть для этого неплохие шансы,— вмешался в разговор Слит,— ты способен. Остальное — за тренировкой.

— Без вашей помощи я ничего не сделаю.

Карабелла наклонилась к нему.

— Пока ты смотрел в окно, я думала о тебе.

— И я думал о тебе,— шепнул он ей на ухо,— но ведь не скажешь же об этом при всех.

Дорога поднималась на большое плато.

Фургон шел медленнее. Дорога кренилась то в одну, то в другую сторону, фургон то и дело мог опрокинуться, но Залзан Кавол был мастер не только в жонглиже и всякий раз спасал положение махины. Скоро они были на вершине. Пидруд — окно показало его — стал маленьким, похожим на макет города. Воздух на плато был суше, горячее, предзакатное солнце нагревало крышу фургона.

На ночлег они остановились в захудалой деревеньке близ Фалкинкипской дороги.

И едва Валентайн разлегся на жестком матраце, как на него обрушился тревожный сон. И в этот раз он находился среди властителей Маджипуры.

В одном конце громадного зала сидел на троне Понтифик, а на другом — Коронованный. В потолке сиял страшный глаз светильника. Валентайн вошел в зал, чтобы вручить послание Леди Острова, но не знал кому — Понтифику или Коронованному. К какой бы Силе из находящихся здесь он ни приблизился — она отступала, удалялась, как в бесконечность. Всю ночь он ходил туда и сюда, скользя на гладком, как лед, полу, протягивая послание то одной, то другой Силе, но ничего не получалось.

На следующую ночь, когда они остановились в городке рядом с Фалкинкипом, сон пришел, похожий на прошлый. Но на этот раз такой сложный и запутанный, что память сохранила только впечатление, оставленное грозными владыками, каких-то помпезных собраний... никакого контакта ни с кем не было. Он проснулся с головной болью, хмурый. Наверняка это были послания, но как их разгадать?

— Они не оставят тебя в покое,— сказала Карабелла в ответ на этот вопрос,— похоже, что ты как-то связан с нашей верховной властью. Разве это естественно — каждую ночь одни только владыки? Я тоже уверена, что это послания.

Валентайн согласился с ее словами.

— Даже в жаркий день я чувствую присутствие Короля Снов, как озноб. А когда я закрываю глаза, его холодные пальцы лезут прямо мне в душу.

В глазах Карабеллы он увидел нешуточную тревогу.

— Ты уверен, что это его послания?

— Кто его знает...

— А вдруг Леди?

— Леди насылает добрые сны,— все так же хмуро отвечал Валентайн,— а эти, боюсь, от Короля. Что он хочет от меня? Какие у меня прегрешения?

Теперь нахмурилась девушка.

— В Фалкинкипе сходи, наконец, к толкователю.

— Непременно повидаюсь с кем-нибудь из них.

В разговор вмешался незаметно подошедший Стифон Делиамбер.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Валентайн глянул на колдуна с удивлением.

— Извини,— не смутился тот,— я подслушал ваш разговор. Ты растревожен посланиями, я правильно понял?

— Мои сны ничем иным быть не могут.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен — ни в собственном имени, ни в твоем, ни даже в том, какой сегодня день.

— Послания редко бывают без обратного адреса. Когда говорит Король, мы это знаем точно.— И все равно Делиамбер качал головой.

Валентайн вздохнул.

— Мои мозги так затуманились за эти ночи, что я окончательно потерял уверенность в чем бы то ни было. Мне нужен хоть какой-то ответ, а то я сойду с ума!

Урун протянул щупальце, чтобы взять Валентайна за руку.

— Доверься мне. Твой мозг в смятении, зато мой чист и ясен. Я хорошо понимаю тебя и все называю, в отличие от тебя, по именам. В Фалкинкипе есть толковательница снов Тизана, она мой друг и коллега. Тизана выведет тебя на правильный путь. Пойдешь к ней и скажешь, что ты от меня. Не забудь передать, что я шлю ей свое приветствие и любовь. Тебе пора освободиться от ночных кошмаров и от вреда, которые приносят сны.

— Вреда?

— Иди к Тизане,— не ответил на его вопрос Делиамбер.

Валентайн пошел отыскивать Залзана Кавола, тот был неподалеку и переговаривался о чем-то с жителем городка. Скандар повернулся к нему.

— Завтра мы прибываем в Фалкинкип,— сказал Валентайн.— На всю завтрашнюю ночь я вас покину.

— Это тоже дело чести?

— Личное дело. Можно?

— Странно ты себя ведешь... Ладно, делай, как задумал. Завтра мы даем представление. Спи, где хочешь, но утром Солнечного дня будь готов, понял?

По сравнению с огромным Пидрудом Фалкинкип ничего особенного собой не представлял, но в то же время отличался от остальных городков своего района.

В центре метрополии и вокруг него жило, наверно, около трех миллионов народа, и впятеро больше в округах. Но темп жизни, конечно, не был столичным. И дело было даже не в том, что он находился на сухом и жарком плато, а не рядом с морем,— люди здесь двигались неторопливо, даже флегматично.

В Звездный день Шанамир отправился домой. Он побывал на ферме отца, расположенной в нескольких милях от города, и, как рассказал он после Валентайну, оставил на видном месте деньги и записку, в которой сообщил, что уходит поискать более веселой жизни. Его никто из родных не видел. И все равно мальчик боялся, что отец не так-то легко откажется от пары ловких рук, и решил какое-то время не выходить из фургона. Валентайн поговорил

с Залзаном Каволом, тот, не меняя обычного своего хмурого вида, согласился отказаться от услуг мальца.

После полудня жонглеры вышли всей трупой в город. Они направились на ярмарку. Впереди шли Слит и Карабелла. Он жонглировал на ходу, она била в небольшой барабан и выкрикивала:

Шарьте по карманам, вынимайте кроны!
Что вы там нахохлились — вы же не вороны!
Гляньте! Посмотрите! Глаз не поспевает!
Над жонглером Слитом мячики летают!
Кто чудес не видел — пусть сюда стремится!
Пусть сегодня дома людям не сидится!
Не жалей монеты — ты за медный грошик
Сто чудес увидишь — отобьешь ладоши!

Но чудеса сегодня не давались Валентайну — он тоже жонглировал, и жонглировал плохо. Его совсем извели ночные кошмары, он самонадеянно решил побороть самого себя — и дважды уронил булавы. Слит научил его делать вид в случае промаха, что так и должно быть; публика на промашку не обратила внимания, но Валентайн помрачнел еще больше и с горя залез в винный ларек, в то время, когда скандары показывали обещанные Карабеллой чудеса на подмостках.

Из-под навеса он смотрел на жонглеров. Те опять работали, как хорошо смазанный механизм. Двадцать четыре руки — и ни одной ошибки! Каждый жонглировал семью тяжелыми ножами. Это производило такое впечатление, что зрители то замирали, то вскрикивали от восторга.

А Валентайн, держа в руке стакан с вином, не чувствовал его вкуса. Он клял себя за неудачу. В Пидруде его руки сами тянулись к снарядам, он мечтал все лучше и лучше выступать, и на тебе! Все валится из рук. Ну ладно, хватит. Будут еще ярмарки, будут выступления, он себя еще покажет. У них впереди весь громадный Зимроель. Зрители отобьют ладони, аплодируя ему. Сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Он еще станет королем жонглеров, он, Валентайн! А почему бы и нет! У него талант!

Валентайн усмехнулся. Его дурное настроение пропало то ли от стакана вина, то ли от природно оптимистического нрава. В самом деле — он занялся жонглированием всего неделю назад, а посмотрите, чего достиг! Кто знает, на какие чудеса способны его глаза и руки?

Он увидел Стифона Делиамбера, подходящего к нему.

— Тизану ты найдешь на улице Продавцов воды,— сказал маленький колдун,— она ждет тебя.

— Ты успел поговорить обо мне?

— Нет.

— Но если она ждет меня... А-а, колдовство?

— Вроде того,— кивнул урун.

Разговаривая с Валентайном, он все время шевелил щупальцами.

— Иди к ней, она ждет тебя.

Скандары сорвали аплодисменты, теперь на эстраде работали

Слит и Карабелла. Как они слаженно двигаются, думал Валентайн, глядя на жонглирующую пару, как спокойны, как уверены друг в друге. И как хороша Карабелла!

После фестивальной ночи он не был с ней близок, хотя иногда приходилось спать бок о бок. А последнюю неделю он даже сторонился девушки — так измотали его сны. Скорей, скорей к Тизане, пусть она освободит его от надоевшего наваждения! А завтра он сможет снова обнять Карабеллу.

— Улица Продавцов воды?— спросил он у карлика.— Я иду! На ее доме есть какой-нибудь знак?

— Спросишь,— только и сказал в ответ Делиамбер.

К вечеру, когда Валентайн собрался к Тизане, к нему подошел Виноркис.

— Куда на ночь глядя?

— Дела.

— Не возьмешь за компанию?

Валентайн промолчал.

Хьерт засмеялся.

— Мы можем вместе пошататься по тавернам. Я бы не прочь прошвырнуться по этому городку.

— Я же сказал, что ухожу по делу,— ответил Валентайн.

Виноркис внимательно посмотрел на него.

— Это не по-дружески.

— Извини, есть вещи, которые требуют только одного человека. И поверь, я не собираюсь сегодня заходить в таверны.

Хьерт крякнул.

— Пусть будет так. Я только хотел составить тебе пару, чтобы не было одиноко. Да и показать город.

— В другой раз.

Он заспешил в Фалкинкип.

Улицу Продавцов воды он нашел легко: этот город был построен по строгому плану, как в Пидруде, а на перекрестках висели понятные каждому карты города. Дом толковательницы снов Тизаны, однако, отыскать было труднее — улица была длинная и каждый прохожий на его вопрос просто указывал на север.

Он шел и шел, пока наконец не добрался до серого дома с грубой гонтовой крышей недалеко от рыночной площади. На рассохшейся двери было изображено два символа власти — скрещенные молнии Короля Снов и треугольник в треугольнике — знак Леди Острова Снов. Тизана оказалась крепкой женщиной лет пятидесяти, высокой и тяжеловесной, с широким строгим лицом и внимательным взглядом. Распущенные волосы, черные с белыми, лежали на спине. Голые по локоть руки были сильными, мускулистыми. Сила чувствовалась во всем ее облике.

Она приветствовала Валентайна, назвав его по имени, и пригласила в дом.

— Я принес тебе, как ты уже, вероятно, знаешь, привет и любовь от Стифона Делиамбера,— в свою очередь сказал он.

Толковательница кивнула.

— Да, он послал известие о тебе загодя, ловкач! Я ценю его

любовь, несмотря на все его фокусы. Передай и ему мою любовь.

Она подошла к окну маленькой комнаты и задернула шторы. Зажгла три толстые красные свечи и какую-то курительницу. Обстановки в комнате почти не было — только черно-серый ворсистый ковер, почтенного возраста деревянный стол, на котором и стояли свечи, и высокий, под потолок, шкаф. Зажигая огни, Тизана сказала:

— Я знаю Делиамбера почти сорок лет. Представь себе — мы встретились в начале правления Тивераса на фестивале в Пилипло-ке, когда город встречал нового Коронованного лорда Молибора — он потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький урун уже тогда был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя Молибора, а Делиамбер сказал, что он умрет раньше Понтифика, и так уверенно, как будто предсказывал завтрашний дождь! Рискованное дело — говорить так, я сказала ему об этом. Но самое удивительное, что он оказался прав — Коронованный умер, а Понтифик живет и живет. Сколько же ему сейчас лет? Сто? Сто двадцать?

— Не имею представления,— мотнул головой Валентайн.

— Он очень стар. Столько лет он был Коронованным, прежде чем скрыться в Лабиринте! После него царствовали три Коронованных — уму непостижимо! Он может пережить и лорда Валентайна.

Ее глаза всмотрелись в гостя.

— А что если Делиамбер знает и это? Выпьешь со мной вина?

— Да.

Валентайн чувствовал неловкость от ее прямоты и от того, что она, вероятно, знала о нем все, чуть он вошел в ее дом.

Тизана принесла резной каменный кувшин и наполнила два стаканчика вином, но не пальмовым золотистым, а другим — темным, густым и сладким, с привкусом имбиря и еще чего-то. Он сделал глоток, другой, а женщина, глянув на него, сообщила:

— Кстати, в вине наркотик.

— Наркотик? Зачем?

— Это нужно для моей работы.

— Ну что ж...

Он еще раз посмотрел вино на свет. Пурпурное вино, в стекле стакана отражается его искаженное лицо. Интересно, что за процедура его ждет? Ему придется пересказывать свои сны? Посмотрим. Он допил вино, хозяйка долила его стакан из своего, которого едва коснулась губами.

— Сколько времени прошло с последнего толкования?— был первый вопрос.

— Боюсь — много.

—Пора заплатить мне. Цена покажется тебе высокой, больше той, что ты заплатил когда-то.

— Это было так давно...

—... что ты ее не помнишь. Дай мне десять крон. Налоги с тех пор повысились втрое. Во времена лорда Вориакса я брала по пять крон, а когда я только начала толковать сны — цена гадания была всего две кроны. Десять — для тебя не слишком дорого?

Это было недельное жалованье у Залзана Кавола, но он пришел в Пидруд с полным кошельком, неизвестно кем наполненным. Там было около шестидесяти роалов; оставалось еще достаточно. Он дал

Тизане роал, она положила его в фарфоровую чашку на столе. Валентайн зевнул — наркотик действовал. Хозяйка бросила на него еще один внимательный взгляд и долила стакан.

Мозг его затуманился.

Ночь была еще далеко, но он почти засыпал.

— Иди вон к тому ковру,— указала хозяйка.

Две из трех свечей она погасила.

Затем сняла с себя платье и осталась нагой.

Этого он не ожидал. Неужели процедура толкования снов включает в себя и секс? С этой старухой?! Правда, раздевшись, она не казалась старой — тело ее было лет на двадцать моложе лица: крепкое, гладкое, с тяжелыми грудями и крутыми бедрами. Может, толкователь ницы еще и обязательные проститутки?

Она сделала знак раздеться и ему, он послушно снял одежду. Оба легли на толстый мягкий ковер, и она обняла Валентайна. В объятиях не было ничего эротического — они были материнскими, ради полнейшего соприкосновения. Он расслабился. Голова его лежала на ее мягкой теплой груди, ему очень хотелось спать. От женщины исходил острый и приятный аромат хвойных деревьев, растущих в северных горах, на границе камня и снега.

Он услышал тихий ее голос:

— В королевстве снов только ночь может сказать правду. Не бойся, мы отплываем туда вместе.

Валентайн закрыл глаза.

Высокие пики гор над линией снега . Ветер дует между скал, но Валентайну не холодно, хотя он босой и идет по каменистой земле. Перед ним дорога, идущая куда-то вниз, она выложена серыми плитами, на крутых склонах лестницей. Они спускаются в закрытую от их глаз туманом долину. Валентайн шел без опаски. Он знал, что это еще не сон, а прелюдия, что он еще находится на пороге сна. Он проходил мимо поднимавшихся по лестнице фигур, знакомых ему по предыдущим снам.

Понтифик Тиверас — пергаментная кожа и высохшее лицо, пошатываясь, тяжело движется наверх; лорд Валентайн, Коронованный ступает уверенно и важно; великий воин лорд Стиамот, преодолев преграду из восьми тысяч лет, размахивает тяжелым посохом, из конца которого вылетают молнии; а вон там, кажется, сам Понтифик Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и обратился в Леди Острова Снов. Вон идет великий правитель лорд Престимион, его наследник; под их правлением Маджипура достигла вершин богатства и силы. А за великим пошли Залзан Кавол, бредущий рядом с карликом Делиамбером, Карабелла, нагая, с кожей орехового цвета, упругая, как пружина, задыхающийся Виноркис, Слит, жонглирующий огненными шарами, Шанамир и лимен, торговец сосисками...

Грянула музыка — показались музыканты; за ними Валентайн увидел процессию — это двадцать хьертов несли самого Короля Снов, страшного Симонана Баржазида.

Чем ниже он спускался, тем гуще становился туман, Валентайн дышал тяжело, короткими вздохами, словно поднимался все выше в горы. Густой лес хвойных деревьев, завалы камня, а он босиком,

а под ногами еще и обжигающий холодом снег и всесветный туман впереди.

Но откуда-то сверху доносится торжественная музыка — духовые инструменты ведут строгую мелодию, что может сопутствовать, к примеру, одеванию Коронованного. И в самом деле — Валентайна одевают: десяток слуг копошится возле него. На него возлагают роскошную мантию, голова его чувствует прикосновение короны... Но он вдруг отталкивает слуг, снимает корону и протягивает ее своему брату, срывает с себя нарядную одежду, раздирает ее на куски и швыряет беднякам, ползающим по полу. Те обматывают ими ноги... а над всеми уже гремит чей-то голос, объявляющий, что он отказывается от своего предназначения и власти... И вот Валентайн снова бредет по каменистой дороге, вглядываясь в туман, что покрывает далекую долину внизу.

— Зачем ты идешь вниз?— кричит ему Карабелла.

Она загородила ему дорогу. Валентайн не отвечает, но когда карлик Делиамбер показал ему на что-то вверху тонким щупальцем, он послушно повернулся и начал подъем — теперь уже по полям, цветущим красным и голубым, по высокой траве между улетающими вверх кедрами.

Он поднимает глаза и видит пик, чья вершина теряется в небе, там находится Горный Замок, там, в облаках, и этот Замок — его цель, превосходящая все когда-либо существовавшие. Сооружение на вершине горы, место, где живет Коронованный, Замок лорда Валентайна, а до него — Вориакса, а еще раньше — Молибора; сколько великих имен! Каждый вносил свой вклад в строительство Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем, каждый, начиная с лорда Стиамота, первого жителя Горного Замка — он построил первую башню, от которой пошло все остальное. Я снова овладею Замком, услышал Валентайн собственный голос, я снова поселюсь в нем!

Но что это? Огромная толпа народа разбирает какое-то сооружение. Работа идет полным ходом — уже отделены внешние крылья, разрушены арки, шатаются опоры, построенные еще лордом Вориаксом, обнажился зал трофеев, задуманный лордом Молибором, колоссальная библиотека, которую строил Тиверас, когда стал Коронованным. И многое другое стало грудами камня, а народ с криками продирается дальше, к еще более древним помещениям, к садам лорда Конфилума, оружейной лорда Деккерета, к архиву лорда Престимиона, разнося все в клочья...

— Остановитесь!— закричал Валентайн.— Не делайте этого! Я вернулся, я снова надену мантию и корону!

Но разрушение Замка продолжалось и казалось, что он сделан из песчаника и рассыпается на глазах.

— Поздно, поздно,— доносился до него чей-то голос.

И вот исчезла дозорная башня лорда Ариока, рухнули парапеты лорда Тимина, пыль поднялась над обрушившейся лабораторией лорда Кинникена, гора задрожала, должно быть, разрушение на ее вершине коснулось и ее, нарушив равновесие, небо потемнело, убежали звезды, а атмосфера, не пускавшая космический холод на землю, съежилась, отдав теплый воздух

луне. Валентайн стоял посреди этого разрушения и начавшегося всеобщего хаоса, выставив перед собой руки...

А следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентайн сел, не понимая, где он и почему лежал голый на каком-то незнакомом толстом ковре. Что это за комната, что за женщина наклонилась над столом?

Да ведь это же толковательница снов Тизана, а за окнами — Фалкинкип, улица Продавцов воды!

Нагота смутила его, он встал и побыстрее оделся.

Женщина подошла к нему.

— Выпей это,— она протянула гостю чашку.— Когда ты окончательно проснешься, я принесу тебе завтрак.

Он недоверчиво глянул на чашку.

— Это всего лишь чай,— сказала она, спать тебе больше не нужно.

Валентайн выпил напиток. Голова у него была тяжелая, словно вчера он напился до беспамятства. Он знал, что всю ночь ему снились престранные сны, но болезненного ощущения, с каким он просыпался раньше, на этот раз не было. Только тяжесть в голове и какое-то оцепенение, ощущение пустоты. Наверное, это после действия наркотика.

Громадность ночного сна, его ужасы вернули ему ощущение ребенка, чем-то напуганного.

Завтракали Тизана и он молча. Тизана время от времени поднимала на него глаза.

Вечером, перед тем, как дать ему наркотик, она была куда разговорчивее, теперь же выглядела задумчивой, даже озадаченной и как бы отсутствующей — словно ей нужно было отделиться от него, отойти, чтобы повернее разгадать сложный его сон.

Убрав посуду, она спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Спокоен.

— Это хорошо. Уйти от толкователя снов в тревоге — значит, напрасно потратить деньги. Но твой дух выдержал испытание.

— Выдержал?

— Ты оказался сильнее, чем я думала. Превратности, которые раздавили бы обычного человека, не сломили тебя. Бедствия мало задевают твой дух, опасность ты встречаешь без страха.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Я оракул, а оракулы не любят частностей.

— Мои сны посланы? Что ты мне скажешь?

Она помолчала.

— Я не вполне уверена...

— Но ты же разделила их со мной! Разве ты не можешь сразу определить, от кого сон — от Леди или от Короля?

— Успокойся. Все не так просто. Твои сны не от Леди, это точно.

— Значит, от Короля?

— И это я не могу сказать. В какой-то мере его воздействие присутствует, но это еще не послание. Тебе это трудно понять, мне пока тоже. Я уверена, что Король Снов следит за тобой, за твоими

действиями и связан с тобой, но в твой сон он не входил. Это-то и сбивает меня с толку.

— Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

— Нет, никогда.

— Вот так толкование! Еще больше загадок и вопросов без ответа!

— Толкования еще не было.

— Ах, так? Извини мое нетерпение.

— Не стоит извиняться. Дай-ка мне руку, я попробую кое-что узнать.

Он протянул руку, она крепко взяла ее и замолчала, к чему-то в себе прислушиваясь. Потом заговорила:

— Ты упал с большой высоты и должен туда возвратиться.

— С большой, ты говоришь?

Он недоверчиво улыбнулся.

— С высочайшей.

— Высочайшее место в Маджипуре — Горный Замок,— улыбка его стала насмешливой,— не туда ли я должен вернуться?

— Да, туда.

— Уж очень крутой подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу на него всю свою жизнь!

— Тем не менее, лорд Валентайн, этот подъем ждет тебя, и не я тебе это предлагаю!

Он опешил, услыхав королевский титул, а чуть позже рассмеялся.

— Лорд Валентайн! Не слишком ли много чести для меня, Тизана? Не лорд, а просто Валентайн. Валентайн-жонглер, не больше, новичок в труппе скандара Залзана Кавола!

Не сводя с него глаз, она спокойно сказала:

— Прошу прощения. Я не хотела тебя обидеть.

— Разве может это обидеть меня? Пожалуйста, не называй больше меня королевским титулом. Меня вполне устраивает моя жизнь жонглера, даже если мои сны и устремляются так высоко.

Ее взгляд на него не изменился.

— Хочешь еще чаю?

— Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне пора. Что ты можешь сказать мне на прощание?

— Толкование окончено,— ответила коротко Тизана.

Это было неожиданно. Он ждал продолжения, какого-то разбора снов, советов, а тут...

— Итак, я упал с большой высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты можешь мне сообщить за роал?

— В наше время все дорого,— ответила она безмятежно.— Ты считаешь себя обманутым?

— Кое-что ты мне все-таки сказала...

— Сказано вежливо,— оценила она ответ.— Ты получил в самом деле ценную информацию. Со временем ты поймешь, что это такое.

Тизана встала. Валентайн тоже.

Во взгляде женщины он увидел редкие для него уверенность и силу.

— Я желаю тебе счастливого пути и удачного подъема,— сказала она.

Вернувшись от Тизаны, первым он встретил Стифона Делиамбера. Было еще рано, маленький урун занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования посверкивающими под солнцем черепками, но это было жульническое жонглирование, потому что Делиамбер только делал вид, что бросает и ловит, а на самом деле черепки двигались бесовской его силой. Он стоял под блестящим роем, черепки вились над головой по кругу, образуя венок, которого он не касался ни одним из щупальцев.

Услышав шаги Валентайна, урун махнул «рукой», осколки тут же собрались в плотный ком. Делиамбер поймал его и показал Валентайну.

— Это кусочки храмового здания из Долорна, города гайрогов, он в нескольких днях пути отсюда в восточном направлении. Город прямо-таки магической красоты! Ты бывал там?

Еще не остывший от потрясшего его разговора с Тизаной, Валентайн не ответил карлику. Только пожал плечами и бросил:

— Не помню.

— Если б был, запомнил бы! Это город света, его архитектура — поэзия!

Урун пощелкал клювом, что означало у них восхищение.

— А может, ты просто забыл о нем?— продолжал трещать Делиамбер.— Я полагаю, да — у тебя многое утеряно. Но скоро ты его увидишь. Снова.

— Как — снова? Я никогда там не был!

— Так или иначе, ты его увидишь — Долорн наша следующая остановка.

Он подмигнул Валентайну.

— Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

— Пусти-ка меня в фургон, Делиамбер.

— Ты не зря к ней сходил?

Валентайн попытался пройти мимо.

— Ничего я не узнал, просто убил вечер и ночь.

Упругое щупальце обвилось вокруг запястья.

— О нет! Ты не зря провел там ночь. Я знаю: ни одной нашей минуты не проходит для нас даром — мы учимся не тому, так этому, хотя узнаем об уроке гораздо позже.

— Тизана тоже об этом говорила,— буркнул Валентайн.— Я почти ничего не узнал от нее. Снова во сне я был среди владык, я спускался и поднимался по горным тропам... А она взяла да и пошутила надо мной. Лучше бы я потратил этот роал на вино!

Он попытался освободить руку от щупальца уруна, но тот удержал ее с неожиданной силой. Вдруг родилось странное ощущение, что через его мозг прокатываются музыкальные аккорды, а вместо фургона он увидел изображение морского дракона... к чему это?

И снова тревога захлестнула душу. На минуту показалось, что дракон поднялся из его собственных глубин, пробился сквозь туман памяти к остаткам ясного сознания. Кто он, этот дракон?

Страшное, угрожающее ему самому знание скрывалось в нем, оно пытается вырваться наружу, а он не пускает его.

Он увидел напряженный, что-то внушавший ему взгляд Делиамбера — тот, видимо, хотел помочь ему понять это темное пока знание. Но Валентайн вырвал руку и неуверенным шагом пошел к фургону скандаров.

Сердце колотилось, в висках стучало. Он обернулся и сердито спросил:

— Что ты со мной сделал?

— Я только взял за руку.

— Я черт знает как себя чувствую!

— Твоя боль таилась внутри — я дал ей выход наружу,— спокойно ответил карлик,— ничего больше. Все равно она не дала бы тебе покоя.

— Лучше бы ей оставаться внутри!

— У тебя нет выбора. Она просится наверх.

— Я не хочу ни борьбы, ни боли. Вчера я был счастлив.

— А когда видел сны?

— Они все равно бы кончились. Это не мои сны, кого-то другого.

— Ты так думаешь?

Валентайн не ответил.

— Я хочу быть тем, кем мне хочется.

— А именно?

— Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем и ты мучаешь меня, Делиамбер?

— Я был бы рад, если б ты остался жонглером,— мягко сказал урун.— Зачем мне огорчать тебя? Но желания человека не всегда совпадают с тем, что начертано на свитке судеб.

— Я буду хорошим жонглером,— упрямо сказал Валентайн,— не больше и не меньше!

— Желаю успеха,— любезно бросил Делиамбер.

И ушел.

Валентайн наконец-то вздохнул. Тело расслабилось, он сел прямо на землю. Но тревога осталась. Сны, их толкование, теперь еще дракон, неожиданное напряжение...

Из фургона вышла Карабелла и, увидев сидящего Валентайна, подошла к нему.

— Тебе плохо? Я помогу!

Ее пальцы коснулись шеи и стали массажировать, разминать скованные мышцы. Под ее руками напряжение уменьшалось, но настроение оставалось прежним.

— Толкование не помогло тебе?— наклонившись, спросила она.

— Нет.

— Ты расскажешь мне о нем?

— Пожалуй, нет.

— Как знаешь...

Карабелла замолчала, продолжая массаж, но Валентайн знал, что она ждет его рассказа.

— Я почти ничего не понял из того, что мне говорила

толкователь ица,— начал он,— и поэтому не хочу говорить на эту тему.

— Если все же нужно будет поделиться сомнениями, я рядом. А это придет, я знаю...

— Не сейчас. А может, и никогда.

Карабелла не настаивала, но он чувствовал, что она изо всех сил желает ему помочь, всем сердцем чуя его состояние. Запинаясь, он сказал:

— Толковательница сказала мне...

— Что?

Нет, говорить об этих вещах означало дать им реальность, а ведь они безумны, фантастичны.

— Она говорила чепуху. Едва ли стоит ее повторять.

Глаза их встретились, он отвел свои.

— Это все чепуха!— повторил он.— Чокнутая баба наговорила мне кучу вздора и я не хочу обсуждать его ни с тобой, ни с кем-то еще! В конце концов толковали мои сны и я не собираюсь обнародовать их!

Валентайн увидел обиду на лице девушки. Сдавшись, он мог продолжить разговор, поэтому сказал деловым тоном:

— Принеси мне мячи, Карабелла.

— Сию минуту?

— Да.

— Но...

— Я хочу научиться работать в паре.

— У нас сейчас не получится!

— Принеси, пожалуйста, мячи.

Она поднялась, пронеслась по ступенькам лесенки, приставленной к фургону, и через минуту вернулась с мячами.

Они отошли на незанятое ничем место.

Девушка бросила ему подряд три мяча и покачала головой.

— Плохая идея — осваивать новую технику, когда думаешь о другом.

— Мячи меня успокоят, вот увидишь.

— Как знаешь...

Для разминки Карабелла пожонглировала тремя мячами, попробовал и Валентайн. Но руки его были все еще скованными, не давались самые простые движения. Он то и дело ронял мячи. Карабелла, искоса поглядывая на партнера, продолжала жонглировать, в то время, как его мячи валились на землю.

Валентайн раздражался все больше. А она молчала, и молчание девушки тоже раздражало его. Попытка наладить ритм была бесполезной. «Ты упал с большой высоты, вдруг услыхал он голос Тизаны, а теперь ты должен вернуться туда!» Все три мяча упали на землю. Он бросил взгляд на Карабеллу. Как можно сосредоточиться, когда голова его занята другим!

«Тем не менее, лорд Валентайн, тот подъем ждет тебя, и не я его тебе предлагаю!»

Пальцы были, как сосульки. Мячи снова покатились по земле.

— Пожалуйста, остановись, Валентайн,— мягко сказала Карабелла.

— Принеси булавы.

— С ними будет еще хуже. Ты можешь сломать пальцы.

— Принеси булавы.

Пожав плечами, она собрала мячи и скрылась в фургоне. Появился Слит, зевнул, кивнул Валентайну. За ним вышел один из скандаров и сразу полез под фургон исправлять что-то.

Карабелла вынесла шесть булав. Вместе с ней он увидел Шанамира. Тот на ходу поздоровался с Валентайном и побежал к загону с животными.

Чувствуя присутствие Слита, он собрался, бросил первую булаву. И... не поймал ее. Слит никак на это не отреагировал. Ему удалось схватить три булавы подряд, но следующая больно ударила его по ноге. Валентайн перехватил взгляд Делиамбера, наблюдавшего за ним издалека, и поднял булаву. Карабелла, стоя напротив, жонглировала своими булавами, не обращая на него внимания. Он начал снова, но снова уронил две подряд и к тому же сильно ушиб большой палец. Хотел было продолжать, но тут к нему подошел Слит и остановил его готовую к броску руку.

— Не надо,— сказал он.— Отдай мне булавы.

— Мне нужно тренироваться!

— Жонглирование не терапия. Ты чем-то расстроен, поэтому у тебя не получается. Если ты попытаешься продолжать, выбудешь из строя на несколько недель.

Валентайн хотел высвободить свои руки, но Слит держал его с удивительной силой. А Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах. Валентайн сдался. Пожав плечами, он отдал булавы Слиту, тот понес их в фургон.

Через минуту Залзан Кавол скомандовал:

— Все в фургон! Поехали!

Дорога к гайрогскому городу Долорну шла на восток через мирную фермерскую местность, зеленую и плодородную, щедро согреваемую солнцем. Как почти вся Маджипура, она была густо населена, но разумное планирование создало сельскохозяйственные зоны, в которых города и поля чередовались, так что фургон то попадал в город, то снова оказывался среди зелени угодий.

Здесь, в долине Долорна, расположенной ниже Фалкинкипа, климат особенно благоприятствовал земледелию, ибо север ее был открыт полярным грозам с обильными ливнями, которые регулярно поливали угодья, а субтропическая жара в срединной полосе умерялась мягкими прогнозируемыми осадками. Все росло здесь круглый год. Сейчас, например, был сезон уборки желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктов, как пайк и глин.

Красота ландшафта развеяла сумрачное настроение Валентайна. Он постепенно отходил от вчерашних темных дум и позволял себе радоваться бесконечному ряду маджипурских чудес. Тонкие стволы пайков, посаженных прихотливым узором, привлекали его взор. Группы фермеров, двигающихся по полю, вызывали у него мысль о войсковых учениях... Фургон пересекал то район озер и ручьев, то катил по зеленой равнине.

В середине дня они достигли особенно красивого места — одного из многих заповедников Маджипуры. О его начале предупреждала табличка с надписью:

ЗАПОВЕДНИК ПОЛЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Заповедный лес составляли самые, может быть, замечательные деревья.

Эти деревья выделяют газ, что легче воздуха, и он поддерживает крону.

Достигнув зрелости, корневая система их и стволы атрофируются, а ветви становятся эпифитными, пользуясь воздухом атмосферы, как раньше стволом. Иногда, совсем уж постарев, дерево полностью порывает связь с почвой, вскормившей его, отрывается и летит искать новую колонию. Полые деревья растут в Зимроеле и Альханроеле, но в последнее время это племя стало вымирать. Здешняя роща посажена по декрету Двенадцатого Понтифика Конфалума Коронованным лордом Престимионом.

Жонглеры решили пройтись пешком по лесной дороге. Еще ни разу никто из них не видел полых деревьев, парящих в воздухе крон. Карабелла, шедшая впереди, вдруг нырнула в заросли синечерного кустарника и там вскрикнула от изумления. Валентайн побежал вслед за ней. Девушка в самом деле стояла среди чудес.

Здесь всюду стояли полые деревья, старые и молодые. Молодые были не выше Делиамбера— широкие кусты с толстыми, будто вздутыми ветками необычного серебряного цвета. Вздутия походили на узлы. У деревьев, высотой пятнадцать-двадцать футов, стволы только-только начинали утончаться, сохнуть, у более старых они высохли совсем и были не толще веревки, на которых и держались их плавучие кроны. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветерке, как на волнах, безлистые, с раздутыми ветвями.

Серебряный цвет молодых деревьев становился по мере роста блестящим и даже прозрачным, так что вверху они казались стеклянными и сверкали на солнце. Даже Залзана поразил этот чудесный лес. Он подошел к самому высокому и осторожно потрогал тонкий ствол.

Валентайн подумал, что скандар хочет сломать его и пустить дерево по ветру, как мальчишки пускают змея, но нет, Залзан лишь измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то.

Жонглеры довольно долго ходили среди полых деревьев, разглядывая молодняк, следя за тем, как утончается ствол по мере старения, как утолщаются, наоборот, ветви. Ни на одном из них не было цветов.

Трудно было поверить, что это живые растения, настолько они казались стеклянными. Это снова было чудесное, заколдованное место. Дурное настроение Валентайна окончательно развеялось.

Прочь, прочь все темное — смотри, какая вокруг красота!

— Лови!— крикнула ему Карабелла.

Она заметила перемену в нем, сбегала за мячами и теперь бросила ему один за другим три. Он легко поймал их.

Три-четыре минуты они жонглировали самостоятельно,

потом Валентайн, глянув на девушку, перехватил ее ритм. Скоро они работали, зеркально отражая друг друга; Валентайн чувствовал, что от мячей, от их послушного движения на него исходит все более уверенное спокойствие. Он даже стал напевать. Над ними сверкали деревья. День был тихим, ясным.

— Когда я скажу,— скомандовала ему Карабелла,— бросай мяч из правой руки в мою левую. Раз... два... оп!

Он выполнил команду, в тот же миг Карабелла послала ему свой мяч. Он поймал его и продолжил свою работу, продолжая отсчитывать время, чтобы бросить мяч партнерше.

Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пассов он делал это уже без боязни и вот обмен мячами пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев.

И на этот раз Валентайн понимал, что это необычно, что никто не овладевал таким приемом с первой попытки, но, как и раньше, он отключил от своего внимания все, кроме глаз и рук и летающих мячей, и промах стал просто немыслимым.

— Эй!—позвал их Слит.— Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентайну не хотелось усложнять и без того трудную задачу; не останавливая мячей, он сделал несколько шагов по направлению к Слиту. Карабелла уже работала с ним в паре.

Вот и Валентайн получил первый мяч от Слита.

— Раз!— крикнул Слит.— Продолжай!

Он стал третьим углом треугольника жонглеров. Некоторое время он был ведущим — бросал мячи партнерам, но слишком медленно, затем ускорил по сигналу Слита — вот он уже не поспевает за ним! В воздухе вдруг появилось с десяток мячей — так, наверно, ему показалось — Валентайн поймал несколько, начал ронять и наконец со смехом повалился в теплую траву.

— Значит, есть все-таки предел твоему таланту?— шутливо спросил Слит.— А я-то уже думал, что ты вообще не из смертных!

Валентайн все еще смеялся.

— Боюсь, что не более, чем смертный.

— Обедать!— позвал Делиамбер.

Он приглядывал за котелком, где тушилось мясо, и следил за огнем.

Скандары, репетировавшие на расстоянии, появились на этот зов, как из-под земли, и тут же принялись накладывать в тарелки еду.

Виноркис был вместе со всеми. Валентайн и Карабелла подошли последними. Валентайн был в поту — честном поту хорошо выполненной работы. Стучала в голове кровь, но прошлая ночь с необъяснимыми снами была, слава богу, далеко, она словно бы осталась в Фалкинкипе.

Весь день фургон двигался к востоку.

Перед ними лежала страна гайрогов, населенная исключительно гладкоголовой змееподобной расой. К ночи труппа была все еще на полпути к Долорну, где Залзан Кавол договорился о выступлении.

Встретился какой-то городок, Делиамбер сказал, что знает, где в нем гостиница, и фургон завернул к ней.

— Раздели со мной постель,— сказала Валентайну Карабелла.

В коридоре, где была комната девушки, им встретился Делиамбер. Он протянул щупальце, коснулся их обоих и пробормотал:

— Приятных снов.

— Приятных снов,— автоматически ответила Карабелла.

Валентайн не ответил, потому что одно только прикосновение колдуна вызвало шевеление дракона где-то в его глубине и беспокойство вновь охватило его. Неужели и Делиамбер стал причиной тревоги? Против этого страха у него не было защиты.

— Пошли,— позвал он Карабеллу.

Смех ее зазвенел в коридоре, но тут же смолк, стоило девушке глянуть в лицо любовника.

— Что с тобой? В чем дело?

— Ничего.

— Что-то случилось?

— Просто сменилось настроение — разве не бывает такого?

— Когда с тобой это случается, на твое лицо будто набегает тень, и всякий раз так неожиданно...

— Делиамбер... Что-то в нем беспокоит меня. В его прикосновении...

— Он безвреден. Лукав, как все колдуны, особенно маленького роста. В низкорослых народах всегда таится темное лукавство. Но тебе нечего бояться Делиамбера.

— Правда?

Он закрыл за собой дверь и обнял девушку.

— Правда,— сказала она.— Тебе незачем бояться кого бы то ни было. Ты нравишься всем с первого взгляда. В мире нет человека, способного причинить тебе вред.

— Хотел бы я этому верить,— сказал он.

Карабелла увлекла его на кровать.

Он целовал ее — скулы, брови, нос, губы, шею... скоро тела их слились.

Они не были близки больше недели, Валентайн ждал этой минуты, думал о ней, мечтал... но вот она пришла, а он холоден. Эта встреча в коридоре украла его желание, отняла его у Карабеллы! Подруга заметила его холодность, но не показала ничем. Ее тело искало его тела, оно обжигало его, жгло — пока не раскалило. Он сравнялся с ней в страсти, но часть его внимания оставалась безучастной, она как бы наблюдала за ними обоими.

Все кончилось быстро; лунный свет проникал в окно и леденил их лица.

— Приятных снов,— сказала Карабелла.

— Приятных снов,— ответил он.

Она уснула почти сразу, а он долго лежал, чувствуя тепло ее тела рядом, без сна. Через какое-то время отодвинулся, устроился в любимой позе — на спине, сложив руки на груди, но и сейчас сон не пришел, только охватила дремота, принося сменяющие друг дружку видения. То он шел куда-то, то жонглировал вместе

с Слитом и Карабеллой, то видел птицеподобного карлика... Услышал дыхание девушки рядом, приподнялся на локте, посмотрел на нее.

Лунный свет лег на тело Карабеллы, обратив его в мрамор. Он еще раз удивился тому, как она красива. Валентайну захотелось погладить подругу, ткнуться губами в соски, но побоялся нарушить ее сон и ограничился лишь тем, что смотрел и смотрел на нее.

Вдруг Карабелла вскрикнула. Глаза ее открылись, но она, кажется, ничего не видела. Ничего вокруг — только свой сон. Задела рукой Валентайна и бросилась к нему на грудь — дрожащая, всхлипывающая, испуганная. Он обнял ее, стал гладить, надеясь успокоить, защитить от злых духов сна,— девушка обмякла в его руках, тело расслабилось, дрожь улеглась.

Еще некоторое время Карабелла лежала, не шевелясь, будто пытаясь осмыслить свой сон, оттолкнуть от себя его страхи. Внезапно села и прижала руки к губам. Глаза ее вылезли из орбит и остекленели.

— Милорд!— с ужасом в голосе прошептала она.

Оттолкнулась от Валентайна, отползла на самый край широкой постели, одной рукой прикрывая грудь, другой — лицо. Снова она дрожала. Валентайн потянулся было к ней — она рванулась от него и упала на пол. Но и там девушка прикрывала, как могла, свою наготу и умоляюще смотрела на него.

— Карабелла,— растерянно повторял любовник,— Карабелла...

Она выставила руку.

— Милорд, пожалуйста, оставь меня!

Опустила голову и изобразила пальцами знак сияющей звезды, знак повиновения, которыми придворные Коронованного приветствуют его.

Думая, что, может быть, не ей, а ему приснился страшный сон, Валентайн встал, ощутил ступнями холодный пол. На стуле лежала вперемешку брошенная одежда — его и ее. Девушка в униженной позе корчилась на полу. Он хотел успокоить ее, но она отползла в угол.

— В чем дело?— спросил Валентайн.— Что с тобой случилось?

Взгляд Карабеллы прояснился.

— Я видела во сне, что ты...— Она запнулась.

— Что же?

— Это было так реально, так ужасно...

— Расскажи. Может быть, я растолкую твой сон?

— Его незачем толковать. Он правдив.

Девушка снова изобразила пальцами знак сияющей звезды и заговорила тихо, спокойно и монотонно:

— Я увидела во сне, что ты — Коронованный, лорд Валентайн, истинный властелин Маджипуры. Что у тебя похитили власть, отняли память, поместили в другое тело и выпустили недалеко от Пидруда, чтобы ты скитался, жил в бедности в то время, как кто-то другой правит страной.

Бездна оказалась перед Валентайном, бездна, на краю которой он стоял, сыпля вниз камешки и комки земли.

— Это было послание?

— Да! Я не знаю от кого — от Леди ли или от Короля, но это не сон, это известие послали в мой мозг, как посылают телеграмму. Я видела тебя, лорд...

— Не называй меня так.

— Ты стоял возле Замка на вершине горы вместе с другим лордом Валентайном, с тем, черноволосым, перед которым мы жонглировали... Потом ты спустился с горы, сел в колесницу и поехал в путешествие по своей стране, а когда ты был на юге, тебя усыпили, дав наркотик, пересадили твою душу в это тело и бросили на произвол судьбы. Не было никого в королевстве мудрее тебя, но твои силы были отняты колдовством... А я прикасалась к тебе, лорд, я делила с тобой ложе, была неосторожна в выражениях. Получу ли я прощение за все это, лорд?

— Карабелла!

Но девушка дрожала от страха.

— Взгляни на меня, Карабелла.

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени, коснулся рукой ее подбородка. Его любовница вздрогнула, словно он обжег ее. Тело ее напряглось. Он снова протянул к ней руку.

— Подними голову,— ласково сказал он,— и посмотри на меня.

Девушка послушалась — но как робок был ее взгляд!

— Я Валентайн, жонглер, которого ты хорошо знаешь, и больше никто.

— Нет, нет, лорд!

— Коронованный черноволос, а у меня светлые волосы.

— Умоляю тебя, лорд, не прикасайся ко мне. Я боюсь тебя.

— Боишься бродячего жонглера?

— Того, что ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, кем ты был,—лорда! Ты жил рядом с Понтификом и пил королевское вино. Ты расхаживал по громадным залам Горного Замка, был властен над всем миром... Это был правдивый сон, лорд, я видела все ясно, как днем, и не может быть никаких сомнений, что он — послание. Ты истинный Коронованный, а я, ничтожная, касалась твоего тела, а ты касался моего. Это святотатство — простая женщина не может подходить к Коронованному так близко. За это я должна умереть.

Валентайн улыбнулся.

— Даже если я и был когда-то Коронованным, то ведь в другом теле. А в этом, которое ты обнимала полчаса назад, нет ничего королевского. Да и не был я Коронованным!

Она не спускала с него глаз. Заговорила — и голос ее дрожал уже меньше:

— Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруда. Ты не смог даже назвать имени своего отца, а когда рассказывал про свое детство в Ни-мое, то и сам не верил рассказу, а имя матери придумал. Скажешь, это неправда?

— Дальше.

— Шанамир выболтал мне, что в твоем кошельке было много денег, но ты не имел представления об их ценности и хотел расплатиться за дешевые сосиски дорогущей монетой. Это правда?

Валентайн кивнул.

— Получается, что ты жил, никогда не пользуясь деньгами. Ты так мало знал о простой жизни, что тебя приходилось учить, как ребенка.

— Да, с моей памятью что-то произошло, но из этого еще не следует, что я был Коронованным!

— Все — и то, как ты жонглируешь: власть твоя распространяется даже на предметы, и то, как ты ходишь, как смотришь, как держишься, свет, который исходит от тебя — говорит о том, что ты был рожден для власти. Как только ты появился у нас, все считали, что ты принц в изгнании или герцог. Мой сон не оставил мне сомнений, лорд...

Лицо девушки было бледным. Страх, что на время оставил ее, снова охватил все ее существо. И он был заразителен, ее страх. Валентайн тоже почувствовал его хватку. По его телу прошел мороз. Неужели и вправду он был Коронованным, общался с Тиверасом в его Лабиринте и жил в Горном Замке?

Снова прозвучал голос Тизаны: Ты упал с большой высоты и должен возвратиться туда... Это невозможно, немыслимо! А еще она говорила, что крутой подъем ждет его, и не она это предлагает. Кто? Кто?

А что же такое его сны, брат, который хочет убить его, и которого убил он, и коронованные, понтифики, вторгавшиеся в его сознание?..

Что же это такое?

— Ты не должна бояться меня, Карабелла,— нарушил он тишину.

Она вздрогнула. Он снова потянулся к ней, но девушка отшатнулась с крико́м:

— Не прикасайтесь ко мне, милорд!

— Пусть я был когда-то Коронованным, хоть это звучит глупо и странно, но сейчас-то я не Коронованный и не в его теле, так что все, что между нами было,— не святотатство. Сейчас я Валентайн, которого ты знаешь, и что до того, кем я был в прошлом!

— Тебе не понять меня, милорд.

— И разве Коронованный не такой же человек, как все, только ответственности у него больше, но ничего святого вокруг него нет, бояться можно только его власти, а какая власть у меня?

— Нет,— возразила она,— Коронованного коснулась высшая благодать, она никогда не покинет его.

— Коронованным может стать любой, если получит надлежащее воспитание и определенное устремление ума. Коронованными не родятся. Наши властители из всех районов Маджипуры, из всех слоев населения.

— Милорд, это не совсем так. Быть Коронованным — значит коснуться благодати,— повторяла она.— Ты правил, ты жил в Горном Замке, ты был в одном ряду с лордом Стиамотом, лордом Деккеретом, лордом Престимионом, ты брат лорда Вориакса, ты

сын Леди Острова. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не страшиться тебя?

Он растерялся. Вдруг вспомнил, сколько всего прошло через его мозг, когда он, стоя на улице, смотрел на лорда Валентайна Коронованного, как явственно почувствовал исходившую от него силу, как понял, что быть Коронованным, значит быть вдали от всех, подчинять свои желания ауре власти; отстраненность ото всех — вот удел Коронованных, отстраненность и власть сразу над миллиардами, которая требует от тебя той могучей энергии, какую накопили за тысячелетия многие и многие властители земли, ушедшие потом в Лабиринт, чтобы нести власть Понтифика. Все это было ему понятно и непонятно, и странно притягивало, и ошеломляло, и будоражило.

И все-таки зачем бояться его, Валентайна, человека, впадать в благоговение перед его воображенным величием? Он человек, и только!

Карабелла плакала. Начиналась истерика. Может, урун сумеет ее успокоить?

— Уймись,— сказал Валентайн,— я сейчас вернусь. Попрошу у Делиамбера что-нибудь для тебя.

Он вышел в коридор, думая, как найдет комнату колдуна. Все двери были закрыты.

Он будет стучать во все подряд, надеясь, что обойдет как-то Залзана Кавола, но из первой же раздался скрипучий голос карлика:

— Ты плохо спал?

— Делиамбер?

— Я рядом с тобой.

Валентайн опустил глаза. Урун сидел перед дверью, скрестив на груди щупальца в позе молящегося. Перед Валентайном он встал.

— Я знал, что ты вскоре пойдешь разыскивать меня,— проговорил он.

— Мне нужно успокоить Карабеллу. У тебя есть какое-нибудь лекарство?

— Лекарства нет. Это можно сделать по-иному. Идем.

Маленький урун пошагал впереди. Карабелла по-прежнему была в углу, только успела набросить на плечи кое-что из одежды. Колдун подошел к ней, положил щупальца на ее плечи. Девушка вздохнула, плечи ее опали. Она подняла глаза, увидела и показала на Валентайна.

— Я видела во сне, что он...

— Я все знаю,— перебил ее Делиамбер.

— Она ошибается,— вставил Валентайн,— я только жонглер!

— Ты жонглер только сегодня,— поправил его колдун.

— Ты тоже веришь в этот вздор?

— Я знал все с самого начала — когда ты встал между скандаром и мной. Так мог сделать только Коронованный, сказал я себе, и стал присматриваться к твоей душе...

— Что?!

— Мы это можем. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сотворили.

— Но это невозможно!— вскричал Валентайн.— Взять из человеческого тела его разум и пересадить в другое тело!

— Почему невозможно?— возразил Делиамбер.— Это уже под силу человеку. Из Суврaеля дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Говорят даже, что эксперименты проводят несколько лет подряд.

Валентайн пошевелил руками.

— Не может быть!

— Я тоже так думал, когда только-только услышал, но потом поразмыслил и понял, что и я знаю несколько секретов подобного колдовства, а ведь я всего-навсего младший в нашей касте. Начала этого искусства существовали давным-давно, и, может, какой-нибудь кудесник из Суврaеля сумел прорастить эти семена. На твоем месте, Валентайн, я бы не стал отбрасывать такую возможность.

— Обмен телами?— растерялся Валентайн.— Значит, это не мое тело? Чье же оно?

— Кто знает? Должно быть, какого-то неудачника, погибшего от несчастного случая — кто-то утонул, подавился куском мяса или съел ядовитый гриб... В любом случае, он умер, оставив свое тело целым; его подхватили и унесли в потайное место, где и трансплантировали в него разум и душу Коронованного; а кто-то другой, простившись со своим телом, влез в пустую скорлупу властителя, вероятно удержав там многое из личной памяти Коронованного и объединив со своей. Теперь он правит, теперь он богорожденный монарх...

— Может ли такое произойти в реальной жизни?— упрямился Валентайн.

— Когда я заглянул в твою душу, то увидел, что все было именно так, как я тебе описал. Мне стало страшно — в такой работе, как моя, не часто встретишь Коронованного или приоткроешь завесу великого предательства. Я подумал, не разумнее ли будет забыть об этом, но понял, что не смогу, что до конца дней буду видеть чудовищные сны, если постараюсь забыть открытое мной. Я сказал себе: очень многое в мире нуждается в исправлении и я должен, исполняя волю бога, участвовать в этом. И вот мое участие...

— Ты говоришь чепуху.

— Тогда давай предположим,— настаивал Делиамбер,— что было. Допустим, на тебя напали в Тил-омоне, выкинули из твоего тела, а на трон посадили узурпатора. Мы только предполагаем... Что ты предпримешь?

— Ничего.

— Как это — ничего?

— Абсолютно ничего,— подтвердил Валентайн.— Пускай тот, кто хочет быть Коронованным, будет им. Я убежде́н: власть — это безумие, а желание править — болезнь. Пусть я когда-то и жил в Горном Замке, но теперь ничто не заставит меня вернуться туда. Я жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив.

А счастлив ли Коронованный? А Понтифик? Если меня вышвырнули оттуда, то я считаю, мне повезло. Мне совсем не хочется снова взваливать на себя тот груз!

— Но власть была тебе предназначена.

— Предназначена?

Валентайн рассмеялся.

— Предназначена?— повторил он.— Я принимаю тот вариант, что мне предложили стать Коронованным с тем, чтобы по происшествии времени я уступил место более достойному. Но ведь к власти обычно рвется чокнутый! А я в здравом уме. Зачем мне взваливать на себя непосильную ношу? Я не хочу!

— Тебе придется,— стоял на своем Делиамбер.— Ты сильно изменен, ты сейчас не похож на того, кто был Коронованным. Но скоро ты станешь самим собой, лорд Валентайн!

— Не называй меня так!

— Ты все равно станешь им,— ответил карлик.

Валентайн взглянул на Карабеллу — девушка, забившись в угол, уснула там. Он бережно приподнял ее, уложил на кровать, накрыл одеялом. И снова повернулся к Делиамберу.

— За этот вечер было сказано много всяких глупостей. У меня от них разболелась голова. Сделай для меня то, что ты сделал для девушки — я хочу спать. И ни слова о той чепухе! Завтра у нас выступление, и я хочу как следует отдохнуть.

— Прекрасно, ложись в постель.

Валентайн лег рядом с Карабеллой.

Урун коснулся его сначала одним только «пальцем», потом сильнее — мозг Валентайна заволокло туманом.

Туман сгустился, выжал из головы остатки сознания, Валентайн спал.

Уже глубокой ночью ему приснился сон, и такой яркий, что не могло быть сомнения: это послание.

... Он шел по той же страшной пурпурной пустыне, но теперь он знал, что она не из области снов, а находится на далеком Суврaеле. Жесткое солнце высушило все вокруг, земля суха и шуршит под ногами, как бумага. Кусты с серыми вздутыми листьями опустили ветви к земле, другие — уродливо угловатые и угрожающе колючие — тянулись вверх. Навстречу ему дул ветер, сушивший кожу лица и рук. Валентайн торопился во дворец Короля Снов, куда его пригласили для выступления.

Дворец был уже виден: колеблющиеся в знойном мареве башенки, зубчатые стены и — все такое же угловатое и угрожающее, как кусты, растущие здесь.

Это строение больше похоже на тюрьму, чем на дворец, по крайней мере снаружи.

Внутри же оно было совсем другим: богатым, спокойным, уютным; во двориках журчали фонтаны, посылали пряные ароматы цветы, жесткий солнечный свет смягчали в помещениях роскошные драпировки.

Слуги встретили Валентайна, отвели его в предназначенную для него комнату, помогли снять пропыленную одежду. Он умылся,

ему подали полотенца. Затем была принесена красивая одежда и расшитый золотом легкий плащ; холодное вино в серебряной чаше предстало перед ним, сладкий шербет, остро пахнущие кусочки мяса на блюде... За всем этим его пригласили и провели в помещение с сводчатым потолком — тронный зал Короля Снов.

Валентайн шел к далеко от него стоящему трону, на котором сидел Симонан Баржазид, злая и непредсказуемая сила, посылавшая со своей, продуваемой ветрами пустыни, страшные послания всей Маджипуре. Это был тяжеловесный мужчина, безбородый, с двойным подбородком, с глубоко сидящими глазами, обведенными темными кругами. На его коротко остриженной голове сияла золотая диадема — символ его власти и усиливавший энергию мысли аппарат, изобретенный предком Баржазида тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, такой же тяжеловесный, как отец, справа — еще один сын — Минакс, наследник. Он был тощ, темнокож и остролиц — чем-то похожий на обточенные ветрами камни пустыни.

Король Снов жестом предложил Валентайну начинать.

Жонглер работал сразу пятнадцатью ножами — блестящими тонкими лезвиями, которые пронзили бы руку, как иголка материю, прими их неправильно. Но он управлял роем кинжалов легко, как делали бы это Слит или сам Залзан Кавол.

Валентайн стоял неподвижно, чуть заметно шевелились только запястья и пальцы, посылая в воздух снаряд за снарядом. Сверкающие ножи пролетали по дуге и падали точно в руки, чтобы снова взлететь. Острия ножей в какие-то мгновения рисовали лучи сверкающей звезды.

Это был венец выступления жонглера. Но что это? Кинжалы, не долетев до рук, остановились в воздухе, словно наткнувшись на препятствие. Из-за трона появился третий Баржазид, третий сын Короля Снов, мужчина с нахмуренным лицом и жестким взглядом. Он смахнул повисшие в воздухе ножи в полу своей мантии.

Король Снов одобрил этот жест улыбкой.

— Ты отличный жонглер, лорд Валентайн, — сказал он, — наконец-то ты нашел занятие по душе.

— Я Коронованный Маджипуры, — вздернул подбородок Валентайн.

— Был им. Теперь ты только бродяга.

— Он просто лентяй! — бросил Минакс Баржазид.

— И трус! — добавил Кристоф.

— Он увиливает от своих обязанностей, — в свою очередь сказал Доминин, третий сын Короля.

— Ты лишен своего ранга, — подвел итог Король Снов.— Должность Коронованного вакантна. Иди и жонглируй, Валентайн. Уходи, лодырь! Проваливай, бродяга!

— Я Коронованный Маджипуры! — крикнул Валентайн.

— Ты больше не Коронованный, — сказал Король Снов и коснулся диадемы на лбу. В то же мгновение жонглер пошатнулся, потолок закружился перед ним, он упал.

Когда он очнулся, то увидел, что Доминин Баржазид одет в зеленый камзол и горностаевую мантию Коронованного, лицо

и тело его стали лицом и телом лорда Валентайна, а его отец Симонан возлагает на его голову корону.

— Видишь, — обернулся Король к лежащему Валентайну, — власть переходит к более достойному. Убирайся, жонглер, убирайся!

Гонимый этим криком, Валентайн вылетел в открытое окно и оказался в пурпурной пустыне. На юге ее набирал силы злобный смерч. Он приближался к нему, беглец отступал, поднимал руки, кричал:

— Я лорд Валентайн. Коронованный!

Но голос смешивался со свистом ветра; на зубах скрипел песок. Он еще раз пытался остановить смерч:

— Это измена! Узурпация власти!

Ветер швырял ему в ответ песок. Валентайн попытался отыскать в окружившей его темноте замок — тщетно. Теперь только грохочущая пустыня окружала его.

Он проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом; в комнату вливался ранне-утренний свет.

Хотя сон снова был страшным, а послание — зловещим, Валентайн не чувствовал тревоги.

И если совсем недавно он пытался спорить с тем, что ему открылось, сейчас это было бессмысленным, несмотря на всю фантастичность правды. У него было другое тело и он был Коронованным Маджипуры, — но у него украли и то, и другое.

Могло ли это произойти?

Последний сон отбрасывал все его сомнения.

Теперь он стал рыться в глубинах мозга — чтобы отыскать хоть какие-то воспоминания о былой его власти, церемониях в Замке, пытался увидеть лица придворных, их наряды.

Ничего не было, — он только жонглер.

Его жизни до Пидруда не существовало в его мозге, словно он родился полторы недели назад, за минуту до встречи с погонщиком Шанамиром, возник по мановению чьей-то руки — взрослый, с полным кошельком, фляжкой вина на боку и почти полностью стертой памятью.

Неужели правда, что он был Коронованным?

Ежели так, ради блага Маджипуры он должен сбросить с трона узурпатора и восстановить свои законные права. Это его обязанность.

Но разве возможно это сделать?

Свергнуть того черноволосого человека, которого приветствовал недавно весь Пидруд?

Как можно это сделать?

Как можно приблизиться к Коронованному, чтобы столкнуть его с насеста?

В истории планет такое бывало, но сможет ли это повторить бродячий жонглер, достаточно легкомысленный молодой человек, которому, в общем-то, наплевать на королевскую власть?

Ну да много ли проку в сидении на троне?

И все же...

Он почувствовал взгляд на себе и обернулся. На него смотрела Карабелла.

В ее глазах, устремленных на него, все еще был страх.

— Что ты теперь будешь делать, лорд?

— Раз и навсегда — зови меня Валентайном.

— Если ты приказываешь...

— Приказываю.

— Что ты теперь будешь делать, Валентайн?

— Работать вместе с вами, — ответил он, — я буду жонглировать, совершенствовать мастерство и — быть внимательным к своим снам, ждать, думать. Что я еще могу делать, Карабелла?

Он протянул к ней руку.

Девушка отодвинулась было, но собралась и протянула к его руке свою. Он улыбнулся.

— Что я еще могу делать, Карабелла?

МЕТАМОРФЫ

Гайрогский город Долорн был чудом архитектуры, он возник, казалось, благодаря волшебству.

Почти вся Долина Долорна была занята им. Хотя город и был велик, в нем преобладали вертикали — громадные сияющие башни самых фантастических конструкций поднимались, как сталагмиты в пещере. Единственным разрешенным к строительству материалом в Долорне был местный камень — легкий и блестящий, как драгоценный кальцит. Из него-то и возводились жителями Долорна высокие и островерхие дома, увешанные балконами, соединенные друг с дружкой аркадами и кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицей, украшенные колоннами и куполами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вошла в город ровно в полдень, когда солнце стояло над головой, а на стенах титанических башен плясали тысячи бликов. У Валентайна захватило дух от высоты зданий и сверкания сотен башен.

Долорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и считался крупным — но не крупнейшим — городом Маджипуры. Валентайн знал, что в Альханроеле город такой величины не представлял собой ничего особенного, на этом сельскохозяйственном континенте были города и побольше. Но все равно он подумал, что по красоте ему нет равного.

Долорн был холодным и огненным одновременно. Шпили, сверкающие, как лед, не отпускали от себя глаз; разглядывая город, новичок все время слышал звуки органа, чья музыка была как бы заложена в него при строительстве.

— Сельских гостиниц здесь нет! — радовалась Карабелла.— Мы будем жить в отеле и спать на тонких простынях!

— Ты думаешь, Залзан Кавол расщедрится на отель? — усомнился Валентайн.

— А куда он денется! В Долорне только отели. Либо мы ночуем на улице, либо нежимся на королевских кроватях!

— Королевских, — повторил Валентайн, — почему бы и нет!

Еще утром, перед уходом из гостиницы, он взял с Карабеллы клятву никому не говорить о ночных событиях — ни Слиту, ни скандарам, ни толкователю снов, если Карабелле вдруг понадобится встретиться с таковым. Он потребовал, чтобы девушка поклялась именем Леди, Понтифика и Коронованного. Он потребовал также, чтобы она вела себя с ним, как раньше: он был и есть жонглер, не больше.

Произнося для девушки слова клятвы, Валентайн, неожиданно для себя, заговорил с той значительностью, какой у него прежде не было, бедная же Карабелла, услыхав этот голос, встала на колени и смотрела на любовника, как если бы на нем была корона. Сам Валентайн чувствовал себя неловко — что если настоящая цена его не так высока, как пригрезилось.

Однако, пренебрегать снами было нельзя, предосторожности необходимы: соблюдение тайны их — в первую очередь. Он взял клятву и с Делиамбера, хотя сомневался, можно ли ему верить. Но колдун клятвенно пообещал хранить все происшедшее в секрете.

— Кто еще знает об этом? — поинтересовался все же он.

— Только Карабелла, но и ее я связал клятвой.

— А хьерт ничего не знает?

— Виноркис? Ни слова. Почему ты о нем спрашиваешь?

— Мне показалось, что он следит за тобой. К тому же слишком многим интересуется — мне это не нравится.

Валентайн пожал плечами.

— Хьертов трудно любить. Но чем, ты думаешь, он опасен?

— Виноркис хорошо закрывает свой мозг. А аура у него темная. Держись от него подальше, Валентайн, он опасное существо!

Широкая улица привела их к отелю. Направлял фургон Делиамбер, у которого, похоже, в голове была карта любого города Маджипуры. Фургон остановился перед высоченным зданием, увенчанным башней, похожей на минарет, и с восьмиугольными окнами. Выйдя, Валентайн задрал голову к минарету.

— Ты выглядишь, как сельский простачок, к тому же стукнутый по голове, — недовольно проворчал скандар, выйдя вслед за Валентайном.— Никогда не видел Долорна?

Валентайн смущенно улыбнулся.

Его дырявая память ничего не знала об этом городе. Но разве возможно забыть его, хоть раз повидав? Он спросил:

— А что здесь самое красивое?

— Самое красивое в чужом городе, — ответил ему Залзан Кавол, — миска горячего супа, кружка хорошего вина и мясо над огнем. Скажешь, не так? Ну-ка, откуси от этого отеля кусочек! Голодный человек не насытится даже Горным Замком!

Скандар гоготнул, довольный шуткой, подхватил свой багаж и направился к отелю.

— Но ведь города строят не ради одной только жратвы! — рассердился Валентайн.

Ему ответил Тилкар, самый молчаливый из скандаров:

— Залзан восхищается Долорном куда больше, чем может показаться. Но он никогда в этом не признается.

— Вслух он готов говорить только о Пилиплоке, где мы все родились, — добавил Рейбор Керн, — о любом другом городе Залзан не скажет доброго слова.

— Тихо! — прикрикнул на них Ирфон Кавол.— Вон он!

Залзан появился в дверях отеля.

— Ну! — позвал он всех.— Долго вас еще ждать? Через полчаса репетиция!

Он пригрозил здоровенным кулачищем и исчез за дверью.

Странный у меня хозяин, думал Валентайн, изо всех сил старается выглядеть грубым мужланом, а цивилизованную и добрую личность прячет от всех глубоко внутри.

Жонглеров пригласили выступать в Безустанном Цирке Долорна, городском увеселительном заведении, работавшем круглосуточно. В этом городе и его провинции спали не по ночам, как все, а по сезонам, подряд по два-три месяца, преимущественно зимой; когда же бодрствовали, то требовали развлечений день и ночь.

Делиамбер сказал, что платят здесь хорошо — потому-то в Долорне всегда полно странствующих артистов.

На репетиции, что состоялась после полудня, Залзан Кавол объявил, что они выступают далеко за полночь, с четырех до шести.

Валентайн расстроился: он ждал, что получит в эту ночь наставление, как действовать — все к этому шло в его снах... а получается, что проведет эти часы на эстраде.

— Мы можем лечь спать пораньше, — предложила Карабелла, заметив его огорчение.— Время послания ведь тебе не назначено.

— Я могу вообще не уснуть, зная, что придется рано вставать.

— Пусть тебя усыпит Делиамбер, — посоветовала девушка, — как меня в прошлую ночь.

— Обойдусь без него, — ответил Валентайн.

Он устроился в отдельной комнате и до того, как лечь спать на тонкие простыни, годные, как сказала Карабелла, для королей и герцогов, поручил свой дух Леди Острова и попросил ее о послании. Такое разрешалось и делалось довольно часто, но не всегда давало результаты. А ему так нужна была помощь Леди! Если он свергнутый Коронованный, то она, как его мать по плоти и по духу, должна и удостоверить его личность, и подсказать ему его действия.

Засыпая, он постарался вызвать зрительный образ Леди и ее Острова — дотянуться через тысячи миль до нее и сотворить мост, по которому придет к нему ее послание. Но и здесь его подвела память. Считалось, что каждый маджипурец знает и лицо Леди, и географию Острова — как лицо матери и место, где он живет, но искалеченное сознание Валентайна зияло пустотами, которые нужно было чем-то заполнять. Он рисовал наугад. Как выглядела Леди, нарисованная огнями фейерверка над Пидрудом в день фестиваля?

Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо. А дальше? Предположим, что волосы черные,блестящие, как у ее сыновей, лорда Валентайна и покойного лорда Вориак-

са. Глаза карие, теплые, живые, губы полные, щеки слегка впалые, а в уголках глаз тонкая сетка морщин...

Величавая, рослая женщина. Она прогуливается по саду среди пышных цветов, желтых тонигалий и эльдеронов, пурпурных тихлей — всего богатства тропической растительности. Вот остановилась, чтобы сорвать цветок и воткнуть в свои волосы, идет дальше по мраморным плитам дорожки, петляющей меж цветов, останавливается на небольшом плато, на склоне холма, где стоит ее дворец, смотрит вниз, на террасы, спускающиеся к морю. Она смотрит на запад, на далекий Зимроель, где находится сейчас ее сын, остановившийся в городе гайрогов. Она сосредоточивается и шлет ему послание, в котором надежда на лучшее, в котором поддержка изгнаннику.

Валентайн погрузился в глубокий сон, и Леди пришла! Он встретился с ней на склоне холма под ее садом, в каком-то пустом и разрушенном городе, среди обезглавленных колонн и разбитых кем-то алтарей. Оба вошли в город с противоположных сторон, местом их встречи стал форум, о чьем назначении говорили плотно уложенные, растрескавшиеся от времени плиты песчаника.

Валентайн узнал Леди по тяжелым кольцам волос и по аромату цветка эльдерона в прическе. Да, это была Леди Острова, божество Маджипуры, почти недосягаемое, но он хотел, чтобы она улыбнулась ему, поддержав улыбкой его дух в этом разрушенном, унылом городе. Он хотел увидеть ласку в ее глазах.

— Матушка? — спросил он неуверенно.— Матушка, я Валентайн! Разве ты не узнаешь меня? Всмотрись же!

Она как призрак проплыла мимо него и исчезла за двумя обезглавленными колоннами, расписанными сценами деяний великих коронованных.

— Матушка! — позвал он.

Сон кончился. Валентайн постарался вернуть его, но он не вернулся. Желая еще раз увидеть лицо Леди, он всмотрелся в темноту. Ничего. Мать не узнала его. Неужели он так сильно изменился? А может, никогда и не был ее сыном? Где ответ? Если дух черноволосого лорда Валентайна был внедрен в тело блондина и Леди не подала никакого знака о том, что ей ведомо это, — как ему теперь вести себя?

Валентайн снова уснул. И почти тотчас же на его плечо легла чья-то рука и потрясла его. Это была Карабелла.

— Уже два часа, — сказала она.— Залзан Кавол хочет, чтобы через полчаса мы были в фургоне. Сон был?

— Незавершенный. А у тебя?

— Я не спала. По-моему, это разумнее. В иные ночи лучше не спать.

Когда он одевался, она, смущаясь, спросила:

— Я снова буду делить с тобой комнату, Валентайн?

— Ты хочешь этого?

— Я ведь дала тебе обещание обращаться с тобой, как и раньше. О, как я испугалась, когда узнала!.. Но мы снова станем товарищами и любовниками завтра ночью!

— А если я все же Коронованный?

— Прошу — не говори мне об этом!

— Коронованный....

— Ты сказал мне, чтобы я звала тебя просто Валентайном и смотрела, как на товарища. Так я и буду делать, пока ты мне разрешишь это.

— Ты веришь, что я Коронованный?

— Да, — прошептала она.

— И уже не боишься меня?

— Чуточку. Иногда, как и раньше, я вижу в тебе обыкновенного человека.

— Только иногда?

— У меня был целый день, чтобы привыкнуть. И я убедила себя, что должна думать о тебе, как о прежнем Валентайне.

Карабелла усмехнулась.

— Я поклялась именем Коронованного, что притворюсь, будто ты не Коронованный, теперь я обязана обращаться с тобой обычно и звать Валентайном, не бояться тебя, вообще вести себя так, словно ничего не случилось. Скажи, могу я прийти к тебе следующей ночью?

— Да.

— Я люблю тебя, Валентайн.

Он притянул ее к себе.

— Хорошо, что ты преодолела свой страх. Я тоже люблю тебя, Карабелла.

— Залзан рассвирепеет, если мы опоздаем, — сказала она.

Безустанный Цирк располагался в здании совсем иного типа, чем большинство в Долорне: это был огромный, плоский, без всяких украшений барабан. В нем было не более девяноста футов в высоту, но он занимал большое пространство в восточной окраине города. Внутри он походил на все цирки — манеж и зрительский амфитеатр до самого потолка.

В цирке могли поместиться десятки тысяч зрителей. Валентайн был ошеломлен тем, что в столь поздний час амфитеатр полон. В полутьме, в которую были погружены ярусы, трудно было различить лица, но можно было узнать и гайрогов, и хьертов, урунов, людей. На Маджипуре не было ни одного места, населенного какой-нибудь одной расой: древние указы правительств, восходившие к самым первым дням расселения нечеловеческих рас, запрещали концентрацию какой-либо одной, исключая лишь резервацию метаморфов, но гайроги были склонны к клановости и группировались в Долорне и его округе выше законного максимума.

Гайроги были теплокровными и млекопитающими, но те или иные черты рептилий делали их неприятными для большинства других рас — часто высовываемые красные языки, чешуйчатая серая кожа, холодные немигающие глаза. Плюс к этому волосы, похожие на медузьи щупальца — они не лежали на месте, а постоянно изгибались, свивались в кольца. А их кисло-сладкий запах не очаровывал и самих гайрогов.

Валентайн вышел на арену не в лучшем настроении: режим

суток нарушен, и хотя он поспал, работать в это время ему не хотелось. Да и недосмотренный сон давал о себе знать. Леди его не захотела увидеть, он так и не вошел с ней в контакт. Что значило это? Когда он был только жонглером, сны не так уж были важны для него: у каждого дня было свое назначение, он заботился лишь о ловкости рук и остроте глаз. А сейчас открытая снами правда требовала от него каких-то решений, он должен был обдумывать далеко идущие замыслы его судьбы. Сегодняшняя действительность тяготила его. Он даже ощутил некую ностальгию по дням всего лишь недельной давности, когда только-только спустился в Пидруд.

Но яркий свет, падавший на арену, и гудение амфитеатра оторвали его от размышлений. Скоро прозвучит сигнал к выступлению.

Арена была громадной, на ней одновременно происходило многое. Колдуны-уруны манипулировали плывущими над нею разноцветными потоками света и клубами красного и зеленого дыма. Заклинатели змей заставляли их стоять чуть ли не на хвосте. Тощие танцоры взлетали в головокружительных прыжках.

Несколько маленьких оркестров в разных местах арены играли скачущие, резко звучащие мелодии, очень любимые гайрогами. Колесом вертелся акробат, женщина на проволоке творила чудеса, взлетал левитатор, трио стеклодувов на глазах у публики выдувало вокруг себя клетку, во рту глотателя исчезали один за другим живые угри, резвилась на круге манежа дюжина клоунов... всего нельзя было разглядеть.

Публика зато могла увидеть все, потому что арена вращалась, делая полный оборот за час или два, так что очередная выступавшая группа проходила перед всеми зрителями.

— Манеж помещен в жидкость, — шепнул Валентайну Слит, — такую дорогую, что на нее можно купить три провинции.

Все на арене состязались в ловкости, и от жонглеров требовалось высшее мастерство. А это значило, что новичок нужен здесь постольку-поскольку. Валентайн работал с булавами и лишь время от времени получал от других нож или факел. Карабелла жонглировала пятью мячами, танцуя на шаре диаметром не более двух футов. Слит встал на ходули, оказался высоко над манежем — крохотная фигурка наверху — и опасно работал там с тремя большими красными в черную крапинку яйцами моликана, купленными вчера на рынке. Не дай бог уронить такое с его высоты — это заметил бы весь цирк. Но Слит жонглировал с яйцами безукоризненно.

Что же касается шести скандаров, то они встали в круг, лицом к зрителям и перебрасывались факелами, не видя друг друга, с такой точностью, какую можно было только предположить. Огненные дуги нарисовали над ними крышу, ни один факел не упал, ни один волосок на шкуре скандаров не опалился за время их выступления.

Они прошли два полных оборота арены, выступая по получасу с пятью минутами отдыха в центральной шахте прямо под манежем, где, кроме них, отдыхали сотни артистов. Валентайн

хотел выступить с чем-то посерьезнее своего простенького номера, но Залзан Кавол запретил.

— Ты еще не готов, — сказал он, — хотя и неплохо работаешь для новичка.

Только утром труппа жонглеров оставила сцену. Оплата была почасовая, а время отсчитывали счетчики аплодисментов, помещенные под сидениями зрителей. Некоторые выступавшие оставались на манеже всего несколько минут — общая скука и непризнание изгоняли их; труппа Залзана Кавола оставалась на сцене четыре часа. Их вызывали и еще, но братья Залзана, после недолгого, но жаркого спора, отговорили его от дальнейшего выступления.

— Жадность доведет его когда-нибудь до беды, — сказала на это Карабелла, — он думает, что факелы можно бросать бесконечно! Даже скандары устают!

— Только не сам Залзан, — заметил Валентайн.

— Это верно, он, как машина, но его братья — простые смертные. Я заметила, что Роворн стал терять чувство времени. Очень рада, что у них хватило духу остановиться.

Она покачала головой.

— Я тоже чертовски устала.

Жонглеры так понравились Долорну, что их наняли еще на четыре дня. Залзан Кавол ликовал. Гайроги хорошо заплатили, и он дал каждому по пять крон премии.

Премия всем понравилась, но Валентайну не хотелось оставаться у гайрогов. На третий день он решил уехать из Долорна. Это заметил Делиамбер.

— Ты хочешь нас покинуть? — спросил он.

Валентайн кивнул:

— Я кажется, вижу, куда идет моя дорога.

— На Остров?

— Зачем тебе разговаривать с людьми, — рассмеялся Валентайн, — если ты и так знаешь, что у них в мозгах!

— На этот раз я не заглядывал в твой мозг — твои действия можно предсказать и без этого.

— Я понял, что мне нужно к Леди. Кто, кроме нее, скажет мне все?

— Ты еще сомневаешься?

— Помимо снов, у меня нет доказательств.

— Они говорят правду.

— Наверно, — согласился Валентайн.— Но сны могут быть и притчей, и метафорой, и фантазией. Глупо принимать их без сомнений. А Леди, я уже говорил, скажет мне все. Далеко этот Остров, колдун?

Делиамбер прикрыл золотистые глаза.

— Тысячи миль, — ответил он через минуту.— Примерно пятую часть этого расстояния мы пройдем по Зимроелю, если отправимся на восток через Кинтор или Велатис, вокруг территории метаморфов, затем нужно плыть на речном судне через Ни-мою до Пилиплока, а оттуда до Острова ходят корабли пилигримов.

— Сколько времени это займет?

— Добраться до Пилиплока? Нашим теперешним ходом —

около пятидесяти лет. Идти гастрольным шагом, останавливаться то тут, то там на неделю...

— А если я пойду один?

— Вероятно, месяцев шесть. По реке быстрее, по суше — дольше. Будь у нас воздушные шары, как в других мирах, путешествие заняло бы день-два, но у нас на Маджипуре нет многого, чем пользуются другие народы.

— Шесть месяцев...

Морщина прорезала лоб Валентайна.

— А сколько будет стоить нанять повозку и проводника?

— Примерно двадцать роалов. Нужно много жонглировать, чтобы заработать столько.

— Хорошо, вот я в Пилиплоке. Что дальше?

— Ты оплачиваешь проезд до Острова. На путешествие по морю уйдет несколько недель. Добравшись туда, ты очутишься на самой нижней террасе и начнешь подъем.

— Какой подъем?

— Это будут молитвы, очищение, посвящение. Ты станешь переходить с террасы на террасу, пока не достигнешь Ступени Поклонения — порога Внутреннего Храма. Ты когда-нибудь слыхал обо всем этом?

— Колдун, ты ведь должен знать, что мои мозги основательно перетрясли!

— Да, я знаю.

— Внутренний храм... Потом?

— Теперь ты посвящен. Ты служишь Леди как прислужник. Если же захочешь получить аудиенцию, должен подвергнуться особому ритуалу и после него ждешь приглашающего сна.

— И сколько занимает весь этот процесс — террасы, посвящение, служба, ожидание сна?

— По-разному. Иногда пять лет и десять, а бывает — и вечность. У Леди не хватит времени для каждого пилигрима.

— А нет ли другого пути для получения аудиенции?

Делиамбер закашлялся — так он смеялся.

— Какого же? Стучать в храмовую дверь и вопить, что ты измененный до неузнаваемости сын Леди и требуешь, чтобы тебя впустили к ней?

— Почему бы и нет?

— На каждой террасе есть сторожа, которые задерживают подобных тебе. К Леди не так-то легко попасть. На это у тебя уйдет немало лет.

— Все равно я проберусь к ней! Если я буду на Острове, то буду кричать до тех пор, пока она не услышит.

— Возможно...

— А ты не поможешь мне?

— Так я и думал — в конце концов обратишься ко мне!

— Ты разбираешься в посланиях. С тобой я мог бы подобраться к Леди как можно ближе.

— Может быть, это и удастся, — задумался Делиамбер.— Но ты уверен, что я захочу пойти с тобой?

Валентайн некоторое время смотрел на колдуна.

— Уверен, — сказал наконец.— Ты притворяешься, что не хочешь, а сам придумываешь способы, как послать меня на Остров. Я прав, Делиамбер?

— Ну...

— Я прав?

— Если ты решил ехать на Остров — я на твоей стороне. Ты твердо решил?

— Почти.

— Если почти, наша затея может не осуществиться, — объявил Делиамбер.

— Тысячи миль! — вскричал Валентайн.— Годы ожидания! Хитрости, интриги! Почему я должен идти на все это?

— Потому, что ты был Коронованным и должен стать им снова!

— Может, и был, хотя я сомневаюсь в этом до сих пор, но вот второе...

Колдун хитро посмотрел на собеседника.

— Ты предпочитаешь терпеть на троне узурпатора?

— А что мне Коронованный и его власть? Он на другом конце земли, в Горном Замке, а я — кто я? Бродячий жонглер!

Валентайн вытянул руки и стал разглядывать их, словно увидел впервые.

— Я избавлю себя от многих трудов, если останусь с Залзаном Каволом и позволю другому, кто бы он ни был, править Маджипурой. А вдруг он мудр и правит по справедливости? Какая польза будет стране, если один правитель в одночасье сменит другого? Ох, Делиамбер, наверно, это звучит не по-королевски — то, что я говорю! Могу ли я быть Коронованным при стольких сомнениях?

— Мы с тобой уже толковали об этом. На тебя было оказано давление, милорд.

— Пусть так. Но моя королевская природа, если она и была, испарилась. Ну, хотя бы стремление к власти...

— Ты уже дважды употреблял эту фразу.— Делиамбер приготовился говорить долго.— Стремление здесь ни при чем. Истинный Коронованный вовсе не стремится к власти, напротив, ответственность устремляется к нему, захватывает его, овладевает им. Этот Коронованный новый, он еще мало что сделал, если не считать шумных чествований в его честь, но народ уже ворчит по поводу его декретов. А ты гадаешь, мудр он или нет. Узурпатор не может быть справедливым! Он преступник, он правит с чувством вины, страх за содеянное грызет его во сне, и настанет время, когда этот страх сделает его тираном. Ты сомневаешься в этом? Он отстранит всех, кто угрожает ему, он начнет убивать... Яд, текущий в его жилах, распространится по всей планете, поразит всех ее жителей. А ты, сидя вдалеке от него и разглядывая свои пальцы, так и не почувствуешь ответственности за это? Так и будешь спрашивать у всех, стоит ли власть усилий? Разве тебе наплевать, кто у нас Коронованный? Это очень важно, КТО правит, — а ты был не только выбран, но и обучен этому искусству, ты попал на трон не случайно. Неужели ты думаешь, что Коронованным может быть любой?

— Наверное, да. Судьба выбирает наугад.

Ответом был резкий смех колдуна.

— Возможно, девять тысяч лет назад так и было. Но сложилась династия, милорд!

— Расскажи мне об этом.

— Со времен лорда Ариока коронованных выбирали из небольшой, сравнительно, группы семей, из какой-то сотни кланов, живущих на Горе Замка и бывших членами правительства. Будущий Коронованный обучался заранее, но кто он, знали только он сам и немногие советники. Были у него и два-три дублера. Но теперь все это разрушено, теперь, когда трон захвачен вероломно. Ничего, кроме зла, нам нечего ждать.

— А что если узурпатор — наследник, которому надоело ждать?

— Нет, — сказал Делиамбер, — этого не может быть. Никто из тех, кто обучался заранее, не мог свергнуть законного, посвященного принца. К тому же — зачем ему рядиться в лорда Валентайна, когда у него есть свое имя?

— Ты прав...

— Согласись тогда и с тем, что находящийся сейчас в Горном Замке не имеет ни права на это, ни соответствующей квалификации, и его нужно вышвырнуть оттуда! А сделать должен это только ты.

Валентайн вздохнул.

— Ты требуешь от меня великих свершений.

— Великих свершений требует история, — торжественно сказал Делиамбер.— На тысячах миров, на протяжении многих тысячелетий история требовала, чтобы разумные существа выбирали между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между разумным и неразумным. И силы порядка, созидания и разума всегда фокусировались на ком-то одном — на лидере: короле, президенте, председателе, первом министре, генералиссимусе, называй, как хочешь, — одним словом, монархе. У нас правит страной Коронованный, или, если точнее, он являет собой голос Понтифика, бывшего ранее Коронованным. И это, милорд, очень важное дело, и не каждый может быть Коронованным!

— Да, — ответил не очень уверенно Валентайн, — возможно.

— Ты раскачиваешься от «да» к «возможно». И все-таки ты станешь правителем. Ты отправишься паломником на Остров, а оттуда, с благословения Леди, пойдешь к Замку и займешь там свое законное место.

— Твои слова наполняют меня ужасом. Если я когда-то и правил, если чему-то обучался, то ведь все это сгорело в моем мозге!

— Страх пройдет. Время все восстановит в твоей голове.

— Долго мы будем торчать в Долорне и развлекать гайроговъ?

— Осталось немного. Скоро мы двинемся на восток, милорд.

После разговора с Делиамбером неуверенность на какое-то время оставила Валентайна. Но прошло всего несколько минут, и сомнения вернулись. Может, ему нанять пару верховых животных и завтра же уехать в Пилиплок? А как же Карабелла, которая стала близким ему человеком? Оставить ее в Долорне?

А Шанамир? Мальчик привязан к нему, Валентайну, а не к скандарам, и можно ли бросать его? А расходы? Четверым ехать почти через вес Зимроель! Еда, ночлег, транспорт, корабль пилигримов до Острова и жизнь там, прежде чем он попадет к Леди... Делиамбер сказал, что ему одному понадобится двадцать роалов на дорогу до Пилиплока, а четверым, а то и пятерым, если и Слит будет с ними, сколько? Сотня, не меньше! Он заглянул в кошелек. Из тех денег, что были при нем в Пидруде, осталось не более шестидесяти роалов. Плюс те, что он заработал в труппе. Этого не хватит. Он знал, что и Карабелла почти без денег. Шанамир вернул семье сто шестьдесят роалов, вырученных за животных, а Делиамбер, если бы имел какой-то запас — разве стал бы он на старости лет таскаться по стране с кучей грубых скандаров?

Что же делать? Ждать и надеяться, что Залзан выберет для гастролей восточное направление. Ждать — ведь в конце путешествия его ждет корона.

Через несколько дней после того, как они покинули Долорн, Валентайн, выбрав момент, спросил Залзана Кавола, какое направление тот избрал для их поездки. День был теплый, но здесь на восточном склоне ущелья, где они остановились на обед, все заволокло туманом.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен этой погодой. Его серый мех из-за тумана свалялся, он все время расчесывал и приглаживал его. Валентайн понял, что разговор лучше было бы отложить, но было уже поздно.

— Кто из нас хозяин труппы, Валентайн? — сердито спросил скандар.

— Ты, конечно.

— Тогда с какой стати ты пытаешься управлять мной?

— Я?

— В Пидруде ты упросил меня ехать сначала в Фалкинкип ради соблюдения фамильной чести погонщика, а я, кстати, помню, как по твоей же просьбе взял его в труппу, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Я согласился с тобой, сам не знаю почему. Потом ты вмешался в мою ссору с уруном...

— Ты после сам признал, что не зря, — уточнил Валентайн.

— Не зря. Но вмешательство само по себе мне не нравится. Еще раз спрашиваю — ты знаешь, кто хозяин труппы?

Валентайн пожал плечами.

— Ты, без сомнения.

— Но ты-то понимаешь это? Мои братья это хорошо знают. Голова труппы — это я, от меня идут инструкции и команды, от меня одного!

Вдруг скандар улыбнулся.

— Думаешь, это тирания? Нет — достижение наибольшего эффекта! Среди жонглеров не может быть демократии, Валентайн. Ими управляет один мозг, иначе — разлад, хаос... Так чего ты снова от меня хочешь?

— Знать, куда мы направляемся, и только.

Залзан Кавол сказал с еле сдерживаемой злостью:

— Зачем тебе это знать? Ты работаешь у нас. Идешь туда, куда идем мы. Ты слишком любопытен!

— Я думаю иначе. Для меня не все дороги одинаковы.

— У тебя свои планы? Ты мне об этом не говорил.

— Сейчас говорю.

— И что же ты надумал?

Валентайн глянул поверх головы скандара.

— В конечном счете — отправиться паломником на Остров и посвятить себя Леди. Корабли паломников отплывают от Пилиплока, а между нами и Пилиплоком лежит весь Зимроель — вот я и хочу знать, не собираешься ли ты идти в другом направлении, скажем, в Велатис или, может, обратно в Тил-омон, или в Нарабад...

— Ты уволен, — голос скандара был ледяным.

Валентайн остолбенел.

— Что?

— Хватит! Мой брат Ирфон даст тебе десять крон на дорогу. Я хочу, чтобы через десять минут тебя не было здесь!

У Валентайна запылали щеки.

— Ты не прав, Залзан Кавол! Я ведь только спросил...

— Спросил, попросил... В Пидруде ты только просил, в Фалкинкипе тоже, через неделю, в Мазадоне, ты снова попросишь — мне это надоело! Как жонглер ты должен только повиноваться. А ко всему ты и нечестен!

— Я? По отношению к кому?

— Ты нанялся к нам, но, оказывается, решил просто попользоваться нами, как транспортом, который доставит тебя в Пилиплок. Да, ты нечестен, Валентайн! Это предательство!

— Когда я нанимался, у меня ничего на уме не было, кроме работы в твоей труппе, и мне все равно было, куда ехать. Но все изменилось в один момент — теперь у меня есть причины для паломничества.

— Имел ли ты право так все менять? Где твое чувство долга к нанимателю и твоим учителям?

— Разве я подрядился у тебя на всю свою жизнь? — спросил Валентайн.— Да, у меня появилась более важная цель, чем, к примеру, завтрашнее представление, — где же тут предательство?

— Жонглер не имеет право разбрасываться. Он должен каждый день и каждый час думать о своей работе, а твои мысли о том, как ты покидаешь порт Донибор, отплывая на Остров.

— Когда я жонглирую — я жонглирую, и только. Когда же мы доберемся до Пилиплока, я уйду из труппы, а до тех пор...

— Хватит! — отрезал скандар.— Уходи. Иди в Пилиплок один. Счастливого пути. Мне ты больше не нужен.

Залзан Кавол кипел от злости. Он резко повернулся и пошел прочь.

Валентайна охватила тревога.

Остаться одному, одному идти в Пилиплок — одному, везде одному?!

Он уже успел почувствовать себя частью труппы — даже в большей степени, чем предполагал, членом команды, от которой

его только что отстранили. Не сейчас, не сейчас, ведь он так привык к Карабелле и Слиту, не исключая и скандаров, которых не любил, но уважал за их мастерство; он поймал себя на том, что хочет совершенствования собственного умения, хочет ехать вместе с труппой на восток, приближаясь к той судьбе, которую уготовил ему колдун Делиамбер.

— Подожди! — окликнул он уходящего скандара.— А как же закон?

Залзан Кавол обернулся.

— Какой закон?

— Который требует, чтобы ты держал трех человек в своей труппе?

— Я возьму на твое место погонщика, — ответил Залзан, — и научу тому, что он сможеть освоить.

И двинулся дальше.

Валентайн стоял, как пришибленный.

Их разговор проходил в рощице невысоких деревьев с золотыми листьями. Должно быть, эти растения были психосинтезаторами: он заметил, что они свернули перистые свои листья — реакция на ссору, — и они почернели в окружности десяти футов.

Он дотронулся до ближайшего листа, безжизненного, как бы опаленного. Ему стало жаль растения.

— Что случилось? — послышался сзади голос Шанамира.

Он появился неожиданно и удивленно смотрел на почерневшие листья.

— Я слышал ваши крики. Скандар...

— Он выгнал меня, — как можно спокойнее сказал Валентайн, — за то, что я спросил его, куда мы направляемся, а еще за то, что сказал ему о своем намерении отправиться со временем в паломничество на Остров. Я поинтересовался, не едем ли мы на восток.

Шанамир разинул рот.

— Ты хочешь совершить паломничество? Никогда не подумал бы!

— Я решился на это недавно.

— Тогда пойдем вместе! — вскричал мальчик.— Верно? Давай упакуем вещи, украдем пару животин у скандаров и сегодня же уедем!

— Так ты идешь со мной?

— Конечно!

— До Пилиплока много тысяч миль. Ни ты, ни я не знаем дороги.

— Отчего же. Сначала мы идем в Кинтор, там садимся на речное судно и плывем до Ни-мои, а оттуда бредем вниз — вдоль Зимра берегом, а в Пилиплоке покупаем место на корабле пилигримов... Что-то не так, Валентайн?

— Пожалуй. Мне стыдно перед Слитом и Карабеллой. Они учили меня ремеслу...

Валентайн запнулся. Кто в конце концов он? Ученик жонглера или Коронованный в изгнании?

И какова его цель — гастролировать с грубыми скандарами, ну

и с Карабеллой и Слитом тоже, или воспользоваться ими всеми, чтобы попасть на Остров, а затем с помощью Леди — в Горный Замок? Он, кажется, окончательно запутался...

— Может, ты думаешь о деньгах? — спросил Шанамир.— Это тебя беспокоит? В Пидруде у тебя было более пятидесяти роалов. Наверняка что-то осталось. И у меня есть несколько крон. Если прижмет, будем подрабатывать: ты — жонглером на речном судне, а я могу ухаживать за животными...

— Куда это вы собираетесь ехать? — раздался голос Карабеллы рядом с ними.— Залзан Кавол рвет и мечет. Вы поссорились?

Валентайн коротко рассказал девушке о своем разговоре со скандаром.

Карабелла выслушала все молча, только вдруг прижала пальцы к губам. И вдруг бросилась бежать в том направлении, куда ушел Залзан Кавол, не сказав им ни слова.

— Карабелла! — крикнул Валентайн, но девушка уже исчезла.

— Пускай бежит, — бросил Шанамир.— Мы можем уйти через полчаса, а к ночи будем уже далеко. Иди укладывай вещи, а я возьму парочку животных и отведу их через лес к маленькому озеру, мимо которого мы ехали. Ты встретишь меня в роще капустных деревьев.

Шанамиру не терпелось начать действовать.

— Поторапливайся! — от нетерпения он шепелявил.— Я пошел за животными — скандары куда-то ушли, а ты тоже не медли. Они могут вернуться в любую минуту!

Шанамир исчез в лесу, Валентайн же не двигался с места. Уйти вот так сразу, даже не подготовившись к неожиданному повороту? А Карабелла? Не проститься с ней? А Слит? А Делиамбер?

Заплетающимся шагом Валентайн двинулся к фургону, чтобы собрать свое имущество. Он машинально обрывал мертвые листья деревьев-сенситивов, словно уничтожая следы своей вины перед ними. И все старался увидеть в происшедшем светлую сторону.

Останься он с жонглерами, на долгое время отсрочил бы столкновение с той реальностью, что неминуемо ждала его. И в этой реальности, все более проявляющейся, Карабелле нет места. Итак, нужно отбросить все и добираться до Пилиплока, где он сядет на корабль паломников. Ну, говорил он себе, шевелись, поторапливайся, собирай вещи. Шанамир уже ждет тебя.

Но Валентайн не мог сдвинуться с места.

Прибежала Карабелла. Лицо ее раскраснелось.

— Все улажено! — издали крикнула она.— Я напустила на него Делиамбера. Ты ведь знаешь его штучки — где щупальцем коснется, где слово скажет... Ну и Залзан передумал. Или, вернее, мы передумали за него.

Валентайн удивился огромности своей признательности Карабелле.

— Значит, я могу остаться?

— Да, если подойдешь к нему и попросишь прощения.

— За что?

— Не имеет значения.

Девушка усмехнулась.

— Он считает себя обиженным, но чем — знает один только бог. Шкура у него мокрая, на носу — пот. Кто его разберет, что с ним! Он же скандар, у него о человеке свои понятия. Ты разозлил его — он тебя прогнал. Попроси его как можно мягче не гневаться, он и отойдет. Иди.

— Но....

— Теперь ты будешь ерепениться? Ты хочешь остаться или нет?

— Хочу, хочу!

— Тогда иди.

Он стоял в нерешительности, она подтолкнула его, вдруг что-то вспомнила, отступила, как бы готовая встать перед ним на колени и сотворить знак сверкающей звезды.

— Пожалуйста, — тихо произнесла она, — пойди к нему, Валентайн. Вдруг он передумает? Если ты уйдешь из труппы, я тоже ее покину, а мне этого не хочется. Иди, прошу тебя.

— Я иду, — сказал Валентайн.

Она пошла с ним вместе. Земля была все еще мокрой от тумана. Залзан Кавол сидел на ступеньке фургона, завернувшись в плащ.

Валентайн приблизился к нему и сказал:

— Я не хотел сердить тебя. Прости меня.

Залзан зарычал таким низким басом, что конец рыка ушел за пределы слышимости.

— Ты мне надоел, — сказал он, — и я не хочу больше слышать твой голос. Отныне будешь говорить со мной только тогда, когда я обращусь к тебе. Понял?

— Да.

— И не пытайся больше влиять на выбор мною пути.

— Хорошо.

— Если ты снова разозлишь меня, я выгоню тебя без единой монеты на дорогу. Ты покинешь нас через десять минут, где бы мы ни находились, даже на территории метаморфов и даже посреди ночи. Понял?

— Понял.

Он думал, нужно ли ему наклониться и поцеловать волосатую лапу скандара в знак повиновения. Карабелла, стоя рядом, затаила дыхание — она, видно, ждала взрыва от повелителя Маджипуры, выпрашивающего прощения у странствующего жонглера-скандара.

Залзан Кавол презрительно смотрел на стоящего перед ним униженного Валентайна.

— Я не обязан делиться со своими работниками информацией, которая их не касается; скажу тебе, что Пилиплок — мой родной город и я возвращаюсь туда время от времени, намерен, по возможности, сделать сие и на этот раз. Когда мы там будем, зависит от ангажементов. Но знай: наш путь лежит на восток, хотя будут и отклонения, поскольку нам нужно зарабатывать на жизнь. Ты доволен? Когда мы придем в Пилиплок, можешь уйти из труппы, если твое желание уйти с паломниками не изменится. Но не пытайся потащить кого-то за собой — я подам на тебя в суд. Ты

можешь взять с собой только мальчишку-погонщика. Понял? — в третий раз спросил он.

— Да, — ответил Валентайн. И солгал. Потому что на последний пункт у него были свои виды.

— И вот еще что, — сказал Залзан, — ты получаешь от меня вполне приличные деньги. И если я замечу, что твоя голова занята не моей работой, а мыслями об Острове, Леди и прочем, я откажусь от тебя. В последние дни, я заметил, ты жонглируешь не так, как начал было. Мне нужны в труппе три человека, но не обязательно вы трое. Понял?

— Да.

— Ступай.

Когда они отошли, Карабелла заметила:

— Тебе все это было очень неприятно.

— Так же, как и скандару.

— Он просто волосатое животное!

— Отнюдь, — произнес Валентайн внушительно.— Он — тонко чувствующее существо, существо, равное нам в гражданском отношении. Никогда не говори о нем так. Залзан только с виду животное.

И усмехнулся.

— Когда имеешь дело с существами, страшно чувствительными к вопросам гордости и чести, наверно, самое разумное — приспособиться к ним. Особенно, если эти существа восьми футов роста и платят тебе жалованье. В этом смысле Залзан Кавол мне больше нужен, чем я ему.

— А как твое паломничество? Ты действительно хочешь его совершить? Когда ты решил насчет него?

— Еще в Долорне, после разговора с Делиамбером. Возникли серьезные вопросы, ответить на которые может только Леди Острова. Я попытаюсь пробиться к ней. Но все это в будущем, и я обещал Залзану не думать об этом.

Он взял ее за руку.

— Спасибо тебе за то, что уладила это дело. Я вовсе не был готов к увольнению из труппы и к разлуке с тобой. Я ведь совсем недавно нашел тебя!

— А почему ты думаешь, что разлучился бы со мной?

Он ласково улыбнулся.

— И за это спасибо. А теперь мне надо сходить в рощу и сказать Шанамиру, чтобы он вернул животных, которых украл для нас.

Фургон катил по все более незнакомой местности, и Валентайн еще раз порадовался тому, что они с Шанамиром не поехали одни.

Край между Долорном и следующим большим городом Мазадоном был мало населенным. Большую часть его занимал королевский лесной заповедник. Залзана Кавола это не радовало — у труппы здесь не было работы, ни здесь, ни в низинной и болотистой фермерской области, что последовала за заповедником. Фермеры выращивали на болотах падди-рис и разбивали план-

тации лусавенды. Но делать нечего, приходилось ехать и ехать по главному лесному шоссе, не заворачивая ни в один населенный пункт.

Здесь почти все время моросил дождь. Их фургон пересекал деревни, фермы, иногда посадки толстоствольных капустных деревьев — низеньких, с массивными белыми плодами, растущими прямо из коры стволов. Ближе к Мазадонскому заповеднику капустные деревья стали уступать место зарослям поющих папоротников с желтыми вайями, которые издавали пронзительные нестройные звуки, когда к ним кто-то приближался. Это было бы еще полбеды — в песнях папоротников можно было уловить и своеобразие, — но в глубине кустарников жили надоедливые существа — маленькие зубчатокрылые существа даймы, взлетавшие всякий раз, когда фургон задевал за поющий папоротник. Даймы были с мизинец величиной, покрыты золотистым мехом и вились над фургоном роем, время от времени кусаясь крошечными, но острыми зубами.

Толстокожие, покрытые шкурой скандары, сидевшие на водительском месте, не обращали на даймов внимания, только отмахивались, когда те подбирались слишком близко, но животные в упряжке начинали нервничать и сбивались с хода. Шанамира, посланного успокоить животных, даймы больно покусали, он вернулся в фургон и вместе с ним в помещение влетело несколько золотистых существ. Слит тут же был укушен в щеку, а у Валентайна пострадали руки. Карабелла, используя жонглерское мастерство, ловко отбивалась от даймов, потом принялась за их уничтожение. Скоро досадливых грызунов не стало.

Заросли поющих кустарников кончились, путешественники въехали в широкие низкие луга, посреди которых торчали сотни черных гранитных игл высотой до восьмидесяти футов. Эти естественного происхождения обелиски были оставлены каким-то неологическим событием. Для Валентайна эти луга были местом поразительной красоты, для Залзана Кавола — территорией, которую нужно побыстрее пересечь, чтобы попасть на следующий фестиваль, где его жонглеры получат работу; для Делиамбера — землей, излучающей угрозу. Урун высунулся в окно и всмотрелся в обелиски.

— Остановись, — сказал он, наконец, Залзану Каволу.

— В чем дело?

— Я хочу кое-что проверить.

Скандар натянул поводья. Делиамбер вылез из фургона и пошел прыгающим урунским шагом к гранитным иглам. Скрылся за одной из них, вот снова появился, исчез...

Вернулся он хмурым и озабоченным.

— Посмотрите туда, — сказал он, показывая на камни.— Видите лианы, что протянулись от одного шпиля к другому, а от того к третьему и так далее? А по ним кто-то ползает?

Валентайн с трудом различил сетку из тонких красных линий, натянутую меж обелисков на высоте сорока или пятидесяти футов над землей. Да, верно, по ним перебираются от камня к камню обезьяноподобные животные, свободно повисая на нитях.

— Похоже на сеть птицеядной лианы, — проронил скандар.

— Это она и есть, — подтвердил колдун.

— А почему они не прилипают к ней? Что это за животные?

— Это лесные братья, — ответил урун.

— Расскажи о них.

— Беспокойное дикое племя родом из центрального Зимроеля, их редко встретишь так далеко к западу. Метаморфы охотятся на них — то ли ради еды, то ли ради спорта, точно не знаю. У них есть разум, но низшего порядка, чуть выше, правда, чем у собак и дролей, но гораздо ниже, чем у цивилизованных народов. Их божества — двикка-деревья. Живут племенами, умеют делать отравленные стрелы и часто причиняют неприятности путешественникам. Их пот содержит энзимы, которые помогают им не прилипать к лианам, а лианами они пользуются для своих целей.

— Если они приблизятся к нам, — ответил на этот рассказ Залзан Кавол, — мы уничтожим их! Поехали дальше!

Миновав район обелисков, путники не увидели в этот день ни одного из лесных братьев. Назавтра, углубившись в лесной заповедник, они оказались в роще деревьев-великанов.

Колдун был знаком и с ними. Это как раз те двикка-деревья, сказал он, священные для лесных братьев.

— Вот почему, — пояснил он, — мы видели их на лианах. Это мигрирующая группа, она, должно быть, пробирается в этот лес, чтобы поклониться своим деревьям.

Двикка-деревья подпирали небо. Их было всего пять, они стояли отдельно от других. Стволы двикка-деревьев были толщиной с их фургон, кора — ярко-красная.

От стафутовой высоты стволов отходили толстенные ветви и отходили так далеко, что под одним деревом могла бы укрыться от дождя целая армия. На толстых веточках крепились листья — черные, кожистые, огромные. Они тяжело свисали, создавая под деревьями почти непроницаемую тьму. На каждой ветви было по два-три гигантских желтоватых плода в виде неправильных шаров двенадцати-пятнадцати футов в обхвате. Один из плодов упал на землю, продавив ее так, что теперь лежал как бы в небольшом кратере.

Плод, упав, треснул и в алой мякоти виднелось множество черных семян.

Валентайн догадывался, почему эти деревья стали божествами лесных братьев: они были монархами всего растительного царства — величественными, повелевающими. Он и сам себя поймал на желании опуститься перед ними на колени.

— Плоды у них очень вкусные, — продолжал рассказ колдун, — и неядовитые. Их могут есть все.

— И скандары? — спросил все же Залзан Кавол.

— И скандары.

Старшой засмеялся.

— Попробуем. Ирфон, Тилкар, а ну за фруктами!

Делмамбер обеспокоенно предупредил:

— Я вижу под деревьями талисманы лесных братьев. Значит, они были здесь совсем недавно и могут вернуться. Они решат,

что мы хотим осквернить их священную рощу, и нападут на нас, а их стрелы смертельны!

— Слит, Карабелла, встаньте слева от фургона, а вы, Валентайн, Шанамир и Виноркис — справа! Если увидите хоть одну обезьяну, дайте знать! — скомандовал Залзан Кавол.

Он махнул своим братьям:

— Идите собирать плоды! Херн, останься со мной. И ты, колдун, тоже.

Залзан Кавол достал из фургона два энергомета и протянул один Херну.

Делиамбер продолжал тревожиться:

— Они появляются неожиданно, как призраки...

— Заткнись! — рявкнул скандар.

Валентайн занял наблюдательный пост в пятидесяти ярдах от фургона и не сводил глаз с последнего справа двикка-дерева в этом сумрачном лесе. Из темноты под ним в любую секунду могла вылететь несущая смерть стрела.

Ирфон и Тилкар подходили уже к упавшему плоду, до него оставалось несколько шагов, они настороженно оглядывались по сторонам. Дошли до желтого шара, окружили его...

— А что, если лесные братья прячутся за ним? — прошептал Шанамир.— Я прямо умираю от страха!

Внезапный рев какого-то существа заставил всех задрожать. Он был похож на крики оскорбленного баддака, которому помешали спариваться. Ирфон отскочил от плода, следом за ним понесся к фургону перепуганный Тилкар.

— Скоты! — орал кто-то в темноте под двиккой.— Свиньи и дети свиней! Вы хотели изнасиловать женщину, присевшую пообедать! Я научу вас, как нападать на мирных людей! Я на вас оставлю такие отметины, что вы их будете носить всю свою жизнь! Куда вы бежите, волосатики? Стойте, я говорю!

Из-за плода двикка вышла самая громадная женщина, какую только можно было представить. Она была под стать гигантским деревьям.

Не менее семи футов роста, тело ее было горой плоти, стоящей на столбах-ногах. Женщина была одета в плотную блузу и кожаные брюки. Расстегнутая почти до пояса блуза обнажала шары грудей, не меньших, чем голова человека. Копна оранжевых кудрей, пронзительно-голубые глаза... В руке воительницы был внушительных размеров вибрационный меч и она размахивала им так, что Валентайн, стоящий от женщины в сотне футов, чувствовал движение воздуха. Ее щеки и груди были вымазаны алым соком плода двикки.

Великанша шла к фургону решительными шагами, вопя о насилии и требуя возмездия.

— Кто это? — растерянно спросил скандар.

Валентайн еще ни разу не видел скандара таким испуганным. Он спрашивал у братьев:

— Что вы ей сделали?

— Мы не прикоснулись к ней! — ответил Ирфон.— Мы

смотрели, нет ли лесных братьев, а Тилкар наткнулся на нее и нечаянно схватил ее за руку, чтобы удержаться на ногах.

— Ты же сказал, что вы не прикасались к ней! — рявкнул Залзан Кавол.

— Не прикасались в т о м смысле. Это была чистая случайность. Тилкар споткнулся!

— Сделай что-нибудь, — взмолился скандар, обращаясь к колдуну, великанша уже подходила к фургону.

Урун, и сам побледневший от страха, встал перед фургоном и протянул щупальца к подходившей воительнице.

— Мир! — крикнул он великанше.— Мы не хотели причинить тебе зла! Мир!

Выкрикивая это, он начал совершать щупальцами магические пассы, породив перед собой синеватое свечение. Женщина, увидев его, остановилась всего в двух-трех футах от колдуна. Смерив его угрюмым взглядом, она опустила меч и застегнула блузу. Посмотрела на скандаров, указала на Ирфона и Тилкара и все снова услышали ее громовой голос:

— Что вы хотели со мной сделать?

Ответил Делиамбер:

— Они просто пошли за плодами двикка-дерева. Разве ты не заметила корзины в их руках?

— Мы же не знали, что ты там сидишь, — заикаясь, сказал Тилкар, — мы обходили плод, чтобы посмотреть, не прячутся ли за ним лесные братья, вот и все.

— И навалились на меня, как сумасшедшие, и, конечно, изнасиловали бы бедную женщину, будь она безоружной!

— Я споткнулся, — настаивал Тилкар.— У меня не было намерения нападать на тебя. Я боялся лесных братьев, а когда увидел тебя, такую большую...

— Что? Ты, кажется, оскорбляешь меня?

Тилкар сложил на груди все четыре руки.

— Я хотел сказать... Я не ожидал...

— У нас не было дурных намерений, — сказал вместо него Ирфон.

Валентайн, наблюдавший всю эту сцену, вышел вперед.

— Если бы они хотели изнасиловать тебя, разве стали бы они это делать при всех? Мы с тобой одной расы и я не потерпел бы этого.

Он показал на Карабеллу.

— Эта девушка так же строго соблюдает свои обычаи, как ты свои. Будь уверена: если бы скандары попытались нанести тебе какое-то оскорбление, она вмешалась бы. Это было просто недоразумение. Опусти оружие и знай — ты в безопасности.

Мягкая речь Валентайна подействовала на великаншу. Она сунула меч в ножны на могучем бедре.

— Кто ты? — все еще недовольным голосом спросила она.— И зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Валентайн, мы странствующие жонглеры, а вот этот скандар — хозяин нашей труппы, его зовут Залзан Кавол.

— Я Лизамона Халтин, — назвалась женщина.— Я воин

и время от времени работаю телохранителем, хотя в последнее время больше бездельничаю.

— Нам пора ехать, — сказал Залзан Кавол, — мы теряем время. Ты простила нас?

Лизамона энергично кивнула.

— Поезжайте! Но вы знаете, что в этом лесу надо быть настороже?

— Лесные братья? — спросил Валентайн.

— Да. Они повсюду. Лес кишит ими.

— А ты не боишься их? — поинтересовался Делиамбер.

— Я говорю с ними на их языке, — ответила великанша, — и у нас с ними договор — не трогать друг друга. Будь иначе, уселась бы я так беспечно под плодом двикка? Может, я и жирная, но не глупая — ты слышишь меня, маленький колдун?

Она перевела взгляд на Залзана Кавола.

— Куда вы едете?

— В Мазадон.

— В Мазадон? Что вы там будете делать?

— Надеемся получить там работу.

— Ничего у вас не выйдет! Я только что из Мазадона. Недавно умер тамошний герцог и по всей провинции объявлен траур. Не собираетесь же вы жонглировать на похоронах!

Лицо скандара помрачнело.

— Выходит, мы остаемся без работы! Вся провинция в трауре! А мы так стремились сюда! Без работы с самого Долорна! Что я буду делать?

Лизамона выплюнула косточку плода.

— Это уж не моя печаль. Но в Мазадон вы не попадете в любом случае.

— Почему?

— В пяти милях отсюда дорога перекрыта лесными братьями. Они требуют со всех проезжающих дань. Они вас ни за что не пропустят. А то и убьют всех до единого.

— Как это не пропустят? — в один миг рассвирепел скандар.

— Без меня ни за что!

— А ты-то при чем?

— Я же говорила, что знаю их язык. Могу купить ваш проезд через их заставу. Желаете? Пяти роалов хватит.

— А зачем лесным братьям деньги? — спросил скандар.

— Не им, — усмехаясь, ответила великанша, — а мне. А им я предложу что-нибудь попроще. Договорились?

— Пять роалов — целое состояние!

— Я не торгуюсь, — холодно ответила Лизамона, — честь моей профессии не позволяет этого. Удачи вам в пути!

Она направилась в лес, но обернулась.

— Если хотите, можете взять немного двикки, — сказала она Ирфону и Тилкару.— Но не вздумайте жевать ее, когда встретитесь с лесными братьями.

Воительница подошла к плоду двикки под деревом, подняла меч и отрубила три больших куска. Подтолкнула их слоновьей ногой к ногам скандаров, те уложили куски в корзину.

— Все в фургон! — скомандовал Залзан Кавол.— До Мазадона долгий путь!

— Далеко не уедешь, — бросила напоследок великанша и захохотала.— А если останешься жив, прибежишь сюда!

Все следующие мили Валентайна не покидала мысль об отравленных стрелах лесных братьев. Погибнуть так глупо! А лес вокруг, как назло, становился все гуще, все страшнее. Папоротниковые деревья с серебряными споровыми ножками, словно бы стеклянные конские хвосты десяти футов высотой, усеянные гроздьями грибов... В таком лесу могло случиться, что угодно, и скорее всего случится.

Как это ни странно, помогал жонглерам плод двикки. Виноркис разрезал один большой кусище на ломтики и роздал всем. Двикка оказалась приятно сладким фруктом, а какие-то алкалоиды, находящиеся в ней, проникали в кровь быстрее крепкого вина. Валентайн быстро почувствовал легкость и даже веселость. Он обнял Карабеллу и Шанамира, привлек их к себе. Залзан Кавол стал насвистывать легкомысленную песенку, замурлыкал что-то себе под нос и Слит.

Фургон вдруг остановился. Остановился так неожиданно и резко, что Слит чуть не упал на Валентайна, а тот уронил на пол кусок двикки. Скандары высунулись из фургона и смотрели на что-то впереди.

— Что вы там видите? — крикнул Валентайн.

— Та женщина сказала нам правду, — ответил ему спереди Виноркис.— Птицеядная лиана перегородила дорогу.

Валентайн растолкал скандаров. Толстая красная лиана была натянута между двумя папоротниковыми деревьями, растущими по обе стороны дороги. Она образовала прочную сеть, свисающую до самой земли. Край дороги был непроходим. Фургон оказался в западне.

— А нельзя ли разрезать сеть? — спросил Валентайн.

Ему ответил Залзан Кавол:

— Мы бы сделали это энергометами за пять минут. Но глянька вокруг!

— Лесные братья, — прошептала Карабелла.

Они были повсюду — стояли на земле, сидели на ветках деревьев, раскачивались на лианах — примерно в ста ярдах от фургона. Жонглеры наконец-то рассмотрели их: вблизи они походили не на обезьян, а, скорее, на представителей разумной расы. Это были маленькие голокожие существа, серо-голубые, с тонкими руками и ногами. Узкие, как тыквы, безволосые головы, длинные хрупкие шеи, худые, даже костлявые тела. У всех, у мужчин и у женщин, с бедер свисали тростниковые трубки для метания стрел. Лесные братья переговаривались, указывали друг другу на фургон, а его обитатели с ужасом слушали шипящие и свистящие звуки их голосов.

— Что нам делать? — спросил Залзан Кавол у колдуна.

— Надо нанять женщину-воина.

— Ни за что!

— Тогда приготовься к сидению в фургоне до конца своих дней. Или возвращаемся в Долорн и ищем другую дорогу.

— А нельзя ли договориться с ними? Вылезай из фургона, Делиамбер, иди к ним и говори на каком угодно языке — лишь бы договориться. Скажи, что у нас важное дело в Мазадоне, что мы должны выступать на похоронах герцога, что если они нас задержат, их строго накажут.

— Скажи им это сам, — неожиданно огрызнулся колдун.

— Я?

— Любой, кто выйдет из фургона, может получить в брюхо стрелу. Я уступаю эту честь тебе. А вдруг их пленят твои габариты и они будут хлопать тебе в ладоши, как королю?

Залзан Кавол заскрежетал зубами.

— Ты отказываешься?

— Мертвый колдун, — ответил спокойным голосом Делиамбер, — плохой проводник по этой планете. Я кое-что знаю о лесных братьях. Они непредсказуемы и именно этим опасны. В нашем контракте не сказано, что я должен рисковать жизнью ради тебя.

Скандар негодующе фыркнул и закрыл дверь фургона.

Положение ухудшалось: лесные братья начали слезать с деревьев, другие уже прыгали на дороге, хриплыми голосами выкрикивая какую-то боевую песню.

Молчание нарушил Ирфон Кавол:

— Дать по ним из энергомета и сжечь всех до единого! А потом разрезать сеть.

— А потом, — подхватил Залзан Кавол, — они будут идти за нами через весь лес и забрасывать нас отравленными стрелами, как только мы высунем нос. Энергометы здесь не годятся. Их тысячи и тысячи. К тому же они нас видят, а мы их — нет. Силой с ними не справиться.

Скандар сунул в рот последний кусочек плода. Несколько минут он сидел молча, время от времени поглядывая в щель дверцы на беснующихся неподалеку от фургона лесных братьев, и наконец горько подытожил:

— До Мазадона еще несколько дней пути! Но есть ли смысл ехать туда? Ведь работы там все равно нет. Может, завернем в Бургкас или даже в Тагобар, колдун? Мы должны зарабатывать деньги, а нас держат в ловушке маленькие лесные обезьяны! Валентайн!

— Да? — отозвался Валентайн.

— Я хочу, чтобы ты выбрался через заднее окно и сбегал за женщиной-воином. Предложи ей три роала за нашу свободу.

— Ты не шутишь, Залзан Кавол?

В разговор вмешалась Карабелла:

— Я ловкая! Вместо Валентайна пойду я!

— Это еще что? — рассердился скандар.

— Валентайн заблудится, а я запомнила дорогу...

— Вздор! — рявкнул скандар.— Дорога прямая, а парень силен и проворен. И это дело не для женщины. Кроме того, Карабелла, ты для меня ценна как жонглер. Пойдет Валентайн.

Шанамир схватил друга за руку.

— Не ходи!

Валентайн колебался. Оставить относительно безопасный фургон и идти по лесу, кишащему лесными братьями?

Но кто-то должен был это сделать — не неуклюжие скандары и не косолапый хьерт. Для Залзана Кавола Валентайн был самым малоценным членом труппы. Что ж... А сам для себя он хоть что-то собой представляет?

— Женщина-воин назвала цену в пять роалов.

— Предложи ей три.

— А если она откажется? Ты ведь помнишь — она упомянула честь воина.

— Три, — упрямился скандар.— Пять роалов — огромная сумма. Даже три слишком много.

— Ты хочешь, чтобы я бежал по этому опасному лесу и предложил человеку слишком мало за наши жизни?

— Ты снова споришь со мной?

— Нашел дурака! — не сдержался Валентайн.— Если уж рисковать жизнью, то ради реальной цели. Дай мне пять монет — меньше она не возьмет!

— Приведи ее сюда, — сказал скандар, — я сам поговорю с ней.

— Приведи сам.

Залзан Кавол пошевелил могучими плечами. Настороженная, бледная Карабелла не сводила с него глаз.

Слит взглядом показал, что поддерживает позицию партнера. Шанамир сидел в углу испуганным воробышком. Валентайн подумал, что на этот раз слишком сильно задел вспыльчивого скандара.

Залзана Кавола корежило от злости. Шкура его топорщилась. Он мог взорваться в любой момент.

И в то же время в его глазах промелькнула искра расчета — словно он взвешивал открытый вызов подчиненного себе и необходимость держать такого человека в труппе. И, наверно, он думал о том, стоит ли экономить в такой ситуации.

После долгого и тяжкого молчания Залзан со свистом выдохнул воздух из широкой груди и полез за кошельком. Лицо его было хмуро. Он отсчитал пять блестящих монет.

— Вот они, — проворчал он, — и поторопись.

— Я пойду быстро, как смогу.

— Это далеко. Может, выпрячь одну из животин и поскакать на ней?

— Лучше я побегу на своих ногах.

И встал, чтобы открыть заднее окно.

Все его тело напряглось в ожидании удара стрелы. Но — миновало, и скоро он легко бежал по дороге. Лес, что так зловеще выглядел из фургона, сейчас казался почти мирным, тихим. Длинные ноги чуть касались земли, сердце, пережившее страх, билось ровно и сильно.

Валентайн бежал уже достаточно долго и подумал даже, не пропустил ли он деревьев двикки, не свернул ли случайно на другую

дорогу. Нет, вряд ли, таких больших стволов он бы не проглядел. Да вот и они! И круглые шары их плодов под деревьями.

Великанши, однако, здесь не было. Он стал звать ее, заглядывать за деревья — обошел всю рощу. И решил было бежать дальше — хоть до самого Долорна, — но дала себя знать усталость: ноги, почувствовал он, уже тяжелы.

И тут он увидел ее — широченную спину и слоновьи ноги — целый холм, носящий человеческое имя Лизамона Халтин. Валентайн бросился к этому холму.

Воительница лежала на берегу ручья, расширившегося в одном месте до бассейна, лежала на животе, греясь после купания; ее меч отдыхал рядом с ней. Бегун с почтением оглядел эту гору плоти: мускулистые плечи, мощные руки, огромный зад и колонны ног.

Он окликнул ее и отвернулся, чтобы дать ей одеться. Великанша села, поискала окликнувшего ее.

— Я наверху! — еще раз крикнул он.

Женщина увидела Валентайна и не спеша взялась одеваться.

— Спускайся ко мне! — крикнула она.— Я тебя не боюсь.

— Пришлось тебя потревожить, хоть ты и не любишь этого, — сказал, приветствуя воительницу, жонглер. Она была уже в брюках и натягивала блузу на шары грудей.— Мы попали в засаду.

— Ясное дело.

— Нам нужно в Мазадон. Скандар послал меня нанять тебя.

Он протянул великанше пять роалов.

— Ты поможешь нам?

Она бросила взгляд на блестящие монеты.

— Теперь цена за эту услугу семь с половиной.

— Ты же говорила — пять!

— То было раньше.

— Но у меня больше нет!

Женщина пожала плечами и начала расстегивать блузу.

— В таком случае я продолжаю загорать. Можешь оставаться или уходить, в любом случае держись на расстоянии.

Валентайн не уступал:

— Когда скандар пытался сбить цену, ты отказалась торговаться, сказав о своей профессиональной чести. Мои понятия о чести требуют, чтобы я держался цены, о которой шла речь!

Великанша шлепнула себя по плечам и захохотала так оглушительно, что он отшатнулся. Рядом с ней он чувствовал себя не более, чем игрушкой, которую она могла перекинуть с руки на руку: вес этой женщины был, должно быть, не менее ста фунтов, а ростом — на голову выше его.

— Ты или глупый храбрец, или храбрый глупец! Я могу убить тебя одним шлепком, а ты стоишь передо мной и болтаешь невесть что!

— Я не уверен, что ты хочешь навредить мне.

Воительница глянула на него с интересом.

— Вроде бы нет. Но ты здорово рискуешь, парень. Я обидчива и если меня рассердить, то могу натворить много зла.

— Давай сделаем так. Нам надо в Мазадон, а договориться

с лесными братьями можешь только ты. Скандар платит тебе пять роалов, а остальные деньги добавлю к требуемой сумме я.

Валентайн достал кошелек и отсчитал два с половиной роала. Протянул деньги Лизамоне.

— Ладно, — сказала она, — пяти с меня достаточно.— Взяла монеты Залзана Кавола, сунула в карман и стала подниматься по тропе.

Они подошли к невысокому дереву, к которому было привязано животное, похожее одновременно на лошадь и на бегемота.

— А где твое? — спросила она у Валентайна.

— Я пришел пешком.

— Ты бежал всю дорогу?

Она уставилась на него недоверчивым взглядом.

— Ты очень выгодный работник! Видимо, скандар хорошо платит, раз ты соглашаешься на любой риск.

— Я бы не сказал.

— Я так и думала. Ну, ладно, садись позади меня. Эта скотина даже не заметит увеличения веса.

Великанша взгромоздилась на «скотину». Та, хоть и была большой, сразу стала казаться карликом по сравнению с седоком. После некоторого колебания сел и Валентайн. Сел, обхватил воительницу за талию, обнаружив, что жира у нее почти нет — одни мышцы.

Животное вынесло их из рощи и потрусило по дороге.

Фургон, когда они добрались до него, был все еще плотно закрыт, а лесные братья выплясывали воинственный танец вокруг него.

Женщина и Валентайн спешились, Лизамона без страха направилась к фургону, крикнула что-то высоким дребезжащим голосом плящущим туземцам. Ей ответили тем же голосом.

После приветствий начались переговоры — она убеждала, ей возражали. Вскоре Лизамона подошла к Валентайну.

— Они пропустят вас, но за плату.

— Сколько?

— Денег они не признают, им нужен другой товар.

— Какой же? У нас ничего на продажу нет!

— Я сказала им, что вы жонглеры, и объяснила, что это такое. Они согласны принять от вас плату вашим представлением. В противном случае — они вас убьют, но не сегодня. Сегодня у лесных братьев праздник, в этот день они не убивают, а оставляют это удовольствие на потом. Ну, так как, согласны вы выступить?

Посмотрела на всех и добавила:

— Яд, которым они смазывают свои стрелы, действует очень быстро...

Залзан Кавол рассвирепе́л: выступать перед какими-то обезьянами, да еще бесплатно! Делиамберу пришлось долго уговаривать его, доказывая, что лесные братья не обезьяны, они гораздо выше их на шкале эволюции. Слит, в свою очередь, заметил, что все равно они давно не репетировали — почему бы не сделать это здесь? Точку в споре поставил Ирфон Кавол, сказав, что представление

не бесплатное, как посчитал брат, платой будет их проезд через лес, который является собственностью туземцев. В любом случае выбора у них не было.

Жонглеры вышли из фургона с булавами и серпами; насчет факелов Делиамбер вовремя их предупредил — летающий огонь может напугать лесных братьев и кто знает, что они могут тогда натворить. На лесной полянке началось самое, может быть, необычное представление.

Вверх бил безостановочный фонтан из булав, серпов, ножей и топориков, а из леса выходило все больше и больше хвостатых туземцев. Они рассаживались вокруг жонглеров и таращились на них, кусая пальцы, обмахиваясь гибкими хвостами, переговариваясь пронзительными голосами.

Прошел час, другой, солнце стало падать в лес, а лесные братья и не собирались расходиться; жонглеры продолжали свою работу.

— Сколько мы еще будем развлекать их? — спросил Залзан Кавол у Делиамбера.

— Помолчи! — ответил тот.— Наша жизнь в их руках.

Нет худа без добра — наши жонглеры воспользовались случаем, чтобы отрепетировать новые трюки. Скандары менялись местами, не переставая жонглировать, это выглядело немного смешно при их неуклюжести, Валентайн наконец-то стал равноправным третьим в обмене булавами. Потом они со Слитом стали работать в паре, а Карабелла и Шанамир кружились между ними колесом, кувыркались и прыгали. Шел третий час беспрерывного представления.

— Эти обезьяны насмотрелись уже на все пять роалов, — ворчал скандар.— Когда же будет конец этому?

— Вы так великолепно все проделываете, — сказала, подойдя, великанша, — что даже мне понравилось.

— Премного благодарны, — буркнул Залзан Кавол.

Наступили сумерки. Приход темноты сразу изменил настроение лесных братьев — они потеряли интерес к жонглерам. Пятеро подошли к сети, перегородившей дорогу, и стали рвать ее на куски острыми коготками пальцев. Не прошло и десятка минут, как путь был свободен, а все до единого лесные братья исчезли в темноте леса.

— Не найдется ли у вас вина? — спросила великанша. Жонглеры укладывали в фургон снаряды, готовили его к отправлению.— Я так на вас засмотрелась, что забыла про питье.

Залзан Кавол на это не отреагировал, словно и не слышал просьбы воительницы. Карабелла сбегала к фургону и вынесла полную флягу. Лизамона осушила ее одним глотком. Вытерла губы рукавом, по-мужски крякнула.

— Доброе вино. Долорнское? Гайроги понимают толк в выпивке. В Мазадоне вы такого не найдете.

Залзан Кавол наконец повернулся к ней.

— Ты сказала, траур там будет длиться три недели?

— Не меньше. Герцог — не то, что мы с тобой.

— Отчего он умер?

Лизамона почесала голову.

— Говорят по-разному. Одни толкуют, что его до смерти напугало послание Короля, другие — что он просто подавился за обедом, третьи утверждают, что вельможа перетрудился с тремя наложницами. Как бы там ни было — он умер, это уж бесспорно.

— Значит, работы мы там не найдем, — сказал скандар.

— Траур распространяется до самого Тагобара.

— Столько времени без заработка, — покачал головой Залзан Кавол.

— Да, тебе не повезло. Но я знаю, где вы сможете устроить представление — как раз за Тагобаром.

— В Кинторе? Ты уверена?

— Нет, в Кинторе у вас тоже ничего не получится. У них было неурожайное лето, они залезли в долги, на вас у них не будет денег. Я говорю об Илиривойне.

— Что? — Слит вздрогнул, как ужаленный.

Валентайн поинтересовался у Карабеллы:

— Где этот город?

— К юго-востоку от Кинтора. Это территория метаморфов.

— Да, они там живут, — подтвердил скандар и снова обернулся к Лизамоне.— Ты уверена, что мы найдем там работу?

— В следующем месяце у метаморфов фестиваль — они празднуют конец уборки урожая.Там начнутся всяческие веселья, танцы, спортивные состязания. Жонглеры, я думаю, найдут себе место на фестивале. Меняющие Форму, как и все, не жалеют денег во время празднеств.

— Разве они похожи на всех? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.— И из них, как изо всех, можно вытрясти денежки? Что ж, мы это проверим...

— Только без меня! — неожиданно крикнул Слит.

— В чем дело? — удивился скандар, повернувшись к жонглеру.

Слит был бледен и напряжен, словно ему угрожала смертельная опасность.

— В Илиривойн вы пойдете без меня!

— Мне придется вынуть подписанный тобой контракт...

— Мне все равно. Никто не заставит меня пойти на территорию метаморфов. Имперские законы там не имеют силы, и наш контракт аннулируется, как только мы переступим границу резервации. Я не люблю Меняющих Форму и не собираюсь рисковать жизнью на их земле!

— Поговорим об этом позже, Слит.

— Мой ответ будет таким же.

Залзан оглядел всех.

— Хватит разговоров! Мы и так потеряли немало времени. Спасибо тебе за помощь, — повернулся он к великанше.

— Удачи в гастролях, — ответила она.

Махнула приветственно рукой и пошагала по дороге.

Нужно было поскорей убираться из леса. Все забрались в фургон, Залзан Кавол взгромоздился впереди — повозка тронулась. Балентайн, уставший от вояжа за Лизамоной, внепланового

жонглирования и действия пьянящей двикки, забился в угол и сразу уснул. Уснул так крепко, что его не будила ни тряска фургона, ни продолжавшиеся разговоры.

Проснулся он только утром, услышав часто повторявшееся слово «метаморфы». В фургоне шел ожесточенный спор. Делиамбер доказывал, что слухи об опасности преувеличены. Какой опасности? — подумал Валентайн спросонья. Карабелла говорила что-то об иске, который Залзан Кавол предъявит Слиту, а Слит с истерикой в голосе вопил, что боится метаморфов и не подойдет к ним ни за какие деньги. Шанамир и Виноркис, поддавшись страху, добавляли сведений об Меняющих Форму — они-де лживы, злобны, не терпят всех остальных...

Окончательно проснувшись, Валентайн понял, что голова его покоится на коленях Карабеллы. В фургоне было светло. В проеме дверей виднелись ветви деревьев, а за ними — невысокие округлые холмы.

— Где мы? — спросил он.

— В окрестностях Мазадона. Скандар гнал повозку, как сумасшедший, всю ночь.

Девушка рассмеялась.

— А ты спал, как убитый.

Залзан Кавол и Слит спорили неподалеку от фургона.

Слит был вне себя от ярости. Он ходил взад и вперед, размахивал кулаками, кричал, топал ногами, один раз даже чуть не бросился на скандара, который, напротив, был спокоен и терпелив. Он стоял, сложив на груди все четыре руки, и лишь изредка бросал Слиту холодные реплики.

Карабелла повернулась к Делиамберу.

— Это продолжается слишком долго, колдун. Ты не можешь вмешаться, чтобы Слит не сделал какой-нибудь глупости?

Урун был настроен меланхолично.

— Ужас Слита перед метаморфами переходит границы разумного. Может быть, он получил когда-то послание Короля — и такое, что волосы его побелели за одну ночь? В любом случае — ему нужно было бы уйти из труппы, каковы бы ни были последствия.

— Но он нам нужен!

— А если он убежден, что столкнется в Илиривойне с чем-то ужасным, в наших ли силах помочь ему?

— Что если я попытаюсь успокоить его? — предложил Валентайн.

И встал, чтобы выпрыгнуть из фургона, но чуть не столкнулся с влетевшим сюда Слитом. Лицо его дергалось. Не говоря ни слова, он стал кидать в свой мешок имущество жонглера, заполнил его и выскочил из фургона, ни с кем не попрощавшись. Прошел мимо скандара, не повернув к нему головы, и пошагал на север.

Все растерянно следили за ним. Никто не бросился за ним вдогонку, пока он не скрылся из виду. Только тогда Карабелла сказала:

— Я побегу за ним. Я верну его.

Залзан Кавол окликнул девушку, но и она не ответила ему. Скандар, качая головой, вызвал всех вниз.

— Куда она пошла? — спросил он.

— Карабелла надеется остановить Слита, — ответил Валентайн.

— Это бесполезно. Слит покинул труппу. Я сделаю все, чтобы он пожалел об этом. Валентайн, теперь ты будешь работать за Слита, я добавляю к твоему жалованью пять крон в неделю. Так справедливо?

Валентайн кивнул. Он подумал, что такого уравновешенного, как Слит, в труппе будет не хватать и пожалел о нем.

Скандар продолжал:

— Делиамбер, я, как ты, наверно, уже догадался, решил поискать работу у метаморфов. Ты знаешь дорогу до Илиривойна?

— Я никогда там не был, — ответил урун, — но знаю, где он.

— Какой путь самый близкий?

— Доедем до Кинтора, затем на речном судне нужно будет проплыть миль четыреста на восток, а после Вирфа повернуть на юг, там и резервация метаморфов. Дорога неважная, но фургон пройдет.

— Сколько времени мы будем в пути?

— Если не будет задержек, около месяца.

— Поспеем как раз к началу фестиваля, — обрадовался скандар, — прекрасно! А каких задержек ты боишься?

— Мало ли что может случиться. Поломается фургон, задержит буря, кто-то на нас нападет. В центре континента не такой порядок, как на побережье. Здесь мы рискуем каждый день.

— Это уж как пить дать! — раздался знакомый голос.— Вам нужна защита!

К ним подходила великанша Халтин. Она улыбнулась им, как старая знакомая.

Залзан Кавол удивился:

— Как ты здесь очутилась так быстро?

— Я знаю удобные тропки. Я хоть и большая, но все же меньше вашего фургона и могу пробраться, где хочу. Ты направляешься в Илиривойн?

— Да.

— Я так и знала. И поехала за вами, чтобы предложить свои услуги. Я пока без работы, а ты едешь в опасные места — не станем ли партнерами? Я гарантирую тебе безопасный проезд в Илиривойн.

— Ты берешь слишком высокую плату.

Она усмехнулась.

— Я не всегда требую так много. Вы меня разозлили, когда налетели во время моего обеда. Я проведу вас в Илиривойн за пять роалов независимо от затраченного времени.

— Три, — сухо ответил Залзан Кавол.

— Ты ничему не научился!

Великанша возмущенно плюнула под ноги скандару.

— Я не торгуюсь. Иди в Илиривойн без меня, и удачи тебе. Только я в ней сомневаюсь.

Она подмигнула Валентайну.

— А где еще двое?

— Один отказался идти в Илиривойн. Он плюнул, как ты сейчас, и ушел.

— Может, он и прав. А девушка?

— Она побежала за ним — уговаривать, чтобы он вернулся.

— Куда?

Валентайн показал направление.

— ТУДА?! В рощу плотоядных?

Великанша была удивлена сверх меры.

— В какую рощу? — переспросил Валентайн.

— Значит, они здесь есть? — спросил, подходя к ним Делиамбер.

— Для них отведен парк.— Лизамона качала головой.— Но у подножия холма висят предупреждающие таблички. Они пошли по той вон тропе? Да защитит их божество!

— Слита пускай хоть съедят заживо, — проронил Залзан Кавол, — но она мне нужна!

— Мне тоже, — сказал Валентайн.

Он повернулся к воительнице.

— Может, если мы поедем за ними, догоним их еще до рощи?

— Твой хозяин хочет поторговаться.

— Пять роалов, — немедленно отозвался скандар.— Отсюда до Илиривойна.

— Шесть, — холодно ответила Лизамона Халтин.

— Хорошо, шесть. Только приведи их сюда. Хотя бы ее.

— До чего же бесчувственный народ! — с отвращением сказала великанша.— И я еще нанимаюсь к ним на работу. Возьми одну из своих животин, — обратилась она к Валентайну, — и следуй за мной!

— Ты его там не оставишь? — забеспокоился Залзан Кавол.— Тогда в моей труппе не останется людей!

— Я приведу его живым и здоровым. А если повезет, то и тех двоих.

Она взобралась на свое животное.

— Поехали!

Тропа к холму шла среди голубовато-серой, кажущейся бархатной, травы. Трудно было поверить, что совсем рядом живут кровожадные растения.

Они доехали до места, где тропа начала резко подниматься, и здесь воительница показала спутнику на деревянный столбик. Под ним, полускрытый травой, лежал какой-то предупреждающий знак. Валентайн подошел и прочитал надпись на нем:

ОПАСНОСТЬ!
НА ХОЛМЫ ПЕШКОМ НЕ ВХОДИТЬ!

Разозленный разговором со скандаром Слит едва ли видел эту табличку, а Карабелла, спеша за Слитом, тоже не обратила на нее внимания.

Крутизна кончилась, кончилась и трава, начался лес. Великанша, ехавшая впереди, направила свое животное в рощицу редко растущих деревьев.

— Посмотри, — сказала она Валентайну, — вот плотоядные растения. Отвратительные твари! Будь я правителем этой планеты, я выжгла бы их все. Но наши коронованные, считающиеся любителями природы, выращивают их в королевских парках. Молись за своих друзей — может быть у них хватило ума держаться от этих растений подальше! Посмотри на них внимательно!

Меж деревьев Валентайн увидел бесстебельные кусты, чью основу составляли только листья. Длиной восемнадцати футов и четырех-пяти шириной, зазубренные по краям, металлически блестящие, они образовывали аккуратные розетки. В центре каждой зияла чаша в фут диаметром, наполненная ядовитой на вид жидкостью, внутренние края ее были вооружены то ли шипами, то ли острыми зубами.

— Это и есть плотоядные растения, — сказала великанша.— Земля вокруг них пронизана их охотничьими усиками, которые чувствуют приближение любого животного и... впрочем, смотри сам.

Она направила свое животное к ближайшему растению. Они были от него еще в футах двадцати, как из земли, от которой несло гнилью, показалось что-то вроде живого кнута. Кнут размахнулся, щелкнул и обвил ногу животного чуть повыше копыта. Животное спокойно обнюхало его, но лиана уже тащила ногу к раскрытой пасти куста. Лизамона вытащила меч и одним движением перерезала лиану. Отрезанный кусок упал наземь, но тут же другие кнуты зашевелились вокруг ног животного.

— Им не хватит силы затащить крупное животное в свои челюсти, но оно не может сдвинуться с места, слабеет и умирает. Вот тогда растение по частям затаскивает его в пасть. Моего одра этому кусту хватило бы на год.

Валентайн испугался. Карабелла в этом страшном лесу! Кровожадный куст может сожрать ее! Ее тело, губы, глаза...

— Как мы их отыщем? — крикнул он.— А что, если поздно...

— Зови их,— сказала великанша, — и погромче!

— Карабелла! — отчаянно закричал Валентайн.— Слит!

Через минуту он услышал слабый ответный звук. Лизамона услыхала его чуть раньше и уже двинулась по направлению к нему.

Скоро он увидел Слита — тот стоял на одном колене, углубившемся в землю, охотничьи усы обхватили обе его ноги. Карабелла, пытаясь спасти друга, тянула его за руку в свою сторону. А вокруг обоих жонглеров выпрыгивали из земли и щелкали хищные кнуты.

В руках Слита был нож, он тщетно пытался перерезать толстый кабель лианы, схватившей его; на мягкой почве виднелись длинные следы его ног — мощные плети успели протащить жонглера не менее, чем на четыре или пять футов к ожидавшей его пасти.

В борьбе за жизнь он терял дюйм за дюймом.

— Помогите! — кричала Карабелла.— Помогите!

Подбежав, воительница одним ударом меча перерубила ус, державший Слита. Освобожденный, он упал на спину и тут заметил, что другая плеть намеревается схватить его за горло.

Слиту помогла ловкость акробата — он кувыркнулся, избежав

очередного захвата, и вскочил на ноги. Великанша подхватила жонглера и усадила позади себя.

Валентайн подъехал к Карабелле — та, трясясь от ужаса, стояла на относительно безопасном участке: слева и справа от нее взметывались в воздух и щелкали смертоносные кнуты. Он подхватил ее и усадил на спину своего животного. Девушка схватилась за него, как утопающая. Валентайн повернулся, одной рукой обнял Карабеллу. Жива! В этот момент он понял, как много она значит для него, как важно ему знать, что с ней все в порядке. Девушку все еще трясло, ужас не оставил ее.

— Еще минута, — прерывающимся голосом сказала она, — и Слит бы погиб. Ты видел, как сама смерть тянула его к себе? А как здесь очутилась Лизамона?

— Она проехала через лес знакомыми тропками. Залзан Кавол нанял ее провожатым до самого Илиривойна.

— Она, кажется, уже начала отрабатывать свой гонорар.

— За мной! — подала команду женщина-воительница.

Она выбрала безопасный путь среди кустов-убийц, но все равно ее животное дважды было схвачено хищными лианами, а Валентайна — один раз. Взлетал ее меч, и плеть оказывалась перерубленной. Минут через пятнадцать они увидели фургон.

Жонглеры громко приветствовали их, но Залзан Кавол окатил Слита холодной водой:

— Ты, видать, выбрал неудачный день для ухода от меня, — сказал он.

— Мы выбрали его вместе, — ответил Слит.— Я не собираюсь утруждать тебя собой — я пойду в Мазадон один.

— Не пори горячку, — вмешался Валентайн.

Слит вопросительно посмотрел на него.

— Пошли поговорим.

Валентайн обнял за плечи маленького жонглера и отвел его в сторонку, чтобы Залзан Кавол не помешал чем-нибудь их беседе.

Слит поначалу был неуступчив.

— В чем дело, Валентайн? — почти сердито спросил он.

— Я уговорил скандара нанять Лизамону в охранницы — благодаря ей ты сейчас стоишь передо мной.

— Спасибо.

— Ты мне многим обязан — ведь я спас тебе жизнь!

— Пожалуй.

— Тогда ответь мне взаимностью — возьми назад свои слова скандару.

— Ты не знаешь, что говоришь!

— Метаморфы, конечно, малоприятные существа, но Дели-амбер сказал, что не так уж они опасны, как принято считать. Останься в труппе, Слит!

— Ты думаешь, я просто капризничаю?

— Ни в коем случае! Возможно, ты нелогичен.

Слит покачал головой.

— Однажды я получил послание от Короля, в нем говорилось о метаморфах. Они сотворили со мной злую шутку. Я верю посланию и не желаю и близко подходить к месту, где они живут.

— Разве послания всегда говорят буквально?

— Согласен, не всегда. Но часто бывает и так. Я видел во сне, будто у меня есть жена, что я без ума от нее. Она жонглирует со мной так же, как Карабелла, только еще, скажем, созвучнее, чем та. Мы с ней одно целое.

На изможденном после схватки на холме лице жонглера выступил пот, он остановил рассказ, который был, видимо, труден для него, но через минуту заговорил снова.

— Я увидел во сне, что метаморфы пришли и украли мою жену и подсунули мне женщину из своего народа, подделанную так ловко, что я не заметил разницы. Потом я увидел, как мы выступаем перед Коронованным — перед лордом Молибором (он правил давно и погиб, купаясь в реке),— наше жонглирование идет хорошо. Мы работали, как никогда, наверное, и Коронованный позвал нас к себе. Он угостил нас прекрасным ужином, а после него слуги отвели нас в роскошные спальни. Мы с женой получили отдельную. Я стал ласкать ее — а она вдруг изменилась в моих объятиях. Передо мной лежала женщина-метаморф, страшное существо с шершавой серой кожей, с какими-то хрящами вместо зубов, с грязными лужицами вместо глаз — и это существо прижималось ко мне, пыталось поцеловать!

С тех пор я не касаюсь тела женщины, боясь, что она вдруг окажется существом из моего сна. Я никому не рассказывал об этом... Когда я услышал об Илиривойне — я отказался ехать туда. Не хочу оказаться среди существ с изменяющимися лицами и телами!

Душа Валентайна наполнилась состраданием. Он положил руки на плечи товарища и сжал их, словно говоря этим, что он понимает его беду, что он с ним. Сказал:

— Это поистине кошмарный сон. Но нас учили, что сны можно поворачивать так и сяк, а не подчинять им свою жизнь.

— Этот сон невозможно истолковать двояко. Он жестко предупреждает меня, что я не должен приближаться к метаморфам.

— Не слишком ли прямолинейно ты его воспринимаешь? Нет ли в нем чего-то другого? Ты не обсуждал его с толкователями?

— Я не видел в этом необходимости.

— А меня ты послал к толкователю, когда в Пидруде я пожаловался тебе! Я отлично помню твои слова о том, что Король ничего не делает зря.

Слит иронически улыбнулся.

— Все мы мастера лечить других — только не себя. Тому моему сну уже пятнадцать лет, я давно его пленник.

— Освободись!

— Как?

— Если ребенок видит во сне, что падает, и в страхе просыпается, что говорят ему родители? Чтобы он не боялся, потому что, падая во сне, не ушибаются. Что такой сон даже к добру, что ребенок не падал в самом деле, а летел к тому месту, где он чему-то мог бы научиться, если бы не испугался и не стряхнул бы с себя сна. Верно?

— Да, говорят, этот сон благоприятный.

— Вот именно. А другие, так называемые, дурные сны не из этой же ли серии? Мы не должны бояться, а быть благодарными за мудрость сна.

— Так говорят детям. Они, между прочим, легче взрослых управляются со снами. А я помню, как ты кричал и метался во сне, Валентайн!

— Все равно я их пытался растолковать, как темны они ни были.

— Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты ехал с нами.

— Зачем это тебе?

— Ты принадлежишь нашей труппе. Без тебя она развалится.

— Ты же знаешь, что скандары творят на арене чудеса! Человеку невозможно с ними соперничать. Карабелла и я, да и ты в труппе лишь во имя исполнения дурацкого закона. Вы будете получать свои деньги в любом случае — останусь я или уйду.

— Но я учусь у тебя!

— Будешь учиться у Карабеллы. Она работает не хуже меня, к тому же вы любите друг друга. Кто знает, может быть, в скором времени ты будешь жонглировать не хуже меня. И да спасут вас боги, когда вы будете в Илиривойне!

— Я не боюсь метаморфов, — ответил на это Валентайн.

Он протянул руку Слиту.

— Все равно я хочу, чтобы ты был рядом.

— Почему?

— Я дорожу тобой.

— И я дорожу тобой, дружище, но туда я идти не могу. Не настаивай, ты же видишь, какой силы запрет я получил!

— Ты мог бы полностью избавиться от своей болезни, если бы поехал в Илиривойн и убедился, что метаморфы не так страшны, как кажутся.

— Я сжился с ней, — сказал Слит, — а вот цена за излечение может оказаться слишком высока.

— Жить с такой страшной раной! Почему ты не хочешь залечить ее?

— Ты чего-то не договариваешь, Валентайн.

— Верно.

— Чего же?

После некоторого колебания Валентайн спросил:

— Ты рассказывал как-то, что видел меня в своих снах.

— Да, видел.

— Как именно?

— Это имеет значение?

— Не видел ли ты во сне, что я более силен и властен, чем на самом деле?

— В первую же нашу встречу мне сказали об этом твоя осанка и манера держаться. А твои просто феноменальные способности к жонглированию? А содержание твоих снов, о которых ты рассказал мне?

— Кем же я был в твоих снах, Слит?

— Могущественной персоной, лишенной стечением обстоятельств своего высокого положения. Принц, герцог...

— А не выше?

Слит облизал вдруг пересохшие губы.

— Да, возможно, и выше. Ты как-то связываешь эти сны с желанием оставить меня в труппе?

— Я хочу, чтобы ты сопровождал меня в Илиривойн и дальше.

— Ты думаешь, что виденное мною во сне — правда?

— Это я еще должен узнать, — был ответ Валентайна.— Кажется, правда. Это не может не быть правдой. Послания говорили мне, что так оно и есть.

— Милорд... — прошептал Слит.

— Не исключено.

Слит испуганно глянул на Валентайна и неожиданно опустился на колени. Валентайн схватил его за плечи и поставил на ноги.

— Это не нужно, — бросил отрывисто.— Могут увидеть. Я не хочу никого больше посвящать в это. Да и нет полной уверенности, что все так, как сказали сны. Не вздумай снова встать на колени когда-нибудь...

— Милорд...

— Я для тебя Валентайн, такой же жонглер, как и ты.

— Мне страшно, милорд. Сегодня я был в шаге от смерти, но сейчас испуган еще больше. Стоять рядом с...

— Зови меня Валентайном.

— Как я посмею!

— Ты звал меня так еще пять минут назад.

— Иногда пять минут — большое время.

— Я говорю тебе, ничего не изменилось.

— Все уже не так, милорд.

Валентайн тяжело вздохнул. Он почувствовал себя самозванцем, мошенником. Он обманывал Слита — но в данную минуту это было необходимо.

— Коль ты говоришь, что все уже не так, значит, если я повелю, ты пойдешь со мной в Илиривойн?

— Я обязан, — растерянно молвил Слит.

— Метаморфы не принесут тебе зла, — властно сказал Валентайн.— Ты уйдешь от их влияния, излечишься от своей болезни — верь мне, Слит!

— Я боюсь туда идти...

— Ты мне нужен в пути, — так же властно произнес Валентайн.— И не по моему выбору мы попадаем в Илиривойн. Я прошу тебя идти со мной.

Слит склонил голову.

— Я подчиняюсь, милорд.

— Еще раз прошу тебя звать меня, как раньше, и не оказывать уважения больше, чем, скажем, вчера.

— Как пожелаешь, — ответил Слит.

— Валентайн!

— Валентайн, — с трудом произнес жонглер, — как пожелаешь, Валентайн.

— Пошли к нашим.

Он подтолкнул Слита.

Залзан Кавол, как обычно, расхаживал взад и вперед возле фургона. Его братья готовились к отъезду. Валентайн сказал скандару:

— Я уговорил Слита. Он едет с нами в Илиривойн.

Залзан Кавол посмотрел на обоих недоверчиво.

— Как тебе удалось это?

— Что ты ему такое особенное сказал? — подскочил и Виноркис.

— Это слишком долго объяснять, — ответил Валентайн, широко улыбаясь.

Теперь они ехали быстро. Весь долгий день фургон катил по ровному шоссе, а то и захватывал часть вечера. Халтин тряслась рядом с ними. Ее животное, несмотря на силу, больше нуждалось в отдыхе, чем твари, что тянули фургон, так что великанша время от времени отставала. Нести ее тяжеленную тушу, видно, было трудно любой животине.

Они ехали от города к городу через унылую провинцию. Здесь были лишь скромные участки зелени, посаженные только чтобы соблюсти букву закона. Население этой местности занималось в основном торговлей — Мазадон был воротами всего северо-западного Зимроеля для всех восточных товаров и главным перевалочным пунктом для транспорта, идущего из Пидруда и Тил-омона.

Экипаж жонглеров миновал, не останавливаясь в них, с десяток городов, среди которых были и сам Мазадон, Бургакс и Тагобар, погруженные в траур. Всюду они видели флаги — знаки скорби.

Валентайн подумал, что провинция много потеряет из-за смерти герцога, из-за дней траура по нем. А что будет делать народ, когда умрет Понтифик? Конечно, все будет не так, как тогда, когда преждевременно упокоился Коронованный лорд Вориакс два года назад.

Впрочем, они ощутили смерть герцога, как более близкую — ведь он был фигурой осязаемой, реальной, жившей среди них, в то время как властители Горного Замка, отдаленные от всех тысячами миль, казались более чем абстрактными — мифическими, легендарными, даже нематериальными.

На громадной планете центральное правительство было скорее символом власти, чем самой властью. Валентайн подозревал, что стабильность Маджипуры зиждется на самостоятельности местных правителей — герцогов провинций и муниципальных мэров, внедрявших и поддерживающих указы имперского правительства при условии, что они могут действовать на своих территориях по своему усмотрению.

Как же может поддерживаться этот договор, если Коронованный — не посвященный и помазанный принц, а узурпатор, лишенный благословения Божества, как же держится столь хрупкая социальная конструкция?

Он все больше задумывался об этом в долгие часы достаточно

монотонного путешествия по этой однообразной местности. Мысли, вроде бы сами собой приходящие к нему, удивляли его своей серьезностью, ведь он уже привык к простому, даже примитивному восприятию мира, на который открыл глаза в Пидруде, словно бы впервые. Теперь он начинал чувствовать, как усложняется его мышление, обогащается за счет каких-то внутренних ресурсов — будто бы чары, наложенные на него, рассеиваются, улетучиваются, как туман, а его настоящий ум все явственнее проглядывает сквозь него.

Если все происходит именно так, то чья-то магия действительно лежала на нем; его высвобождавшееся мышление доказывало это.

Прежние сомнения о его настоящем призвании таяли с каждым днем, но не исчезали совсем.

В снах он все чаще видел себя у власти. Однажды он, а не Залзан Кавол руководил жонглерами; в другой раз он в одежде принца председательствовал на каком-то важном совещании метаморфов, которые казались ему не более чем призраками, не могущими удержаться хоть в какой-то форме дольше минуты. В следующую ночь он увидел себя на рыночной площади в Тагобаре, осуществляющим правосудие среди торговцев одеждой и продавцов браслетов.

— Вот видишь, — сказала Карабелла, когда он рассказал ей об очередных своих снах, — все, все говорит о власти и только о ней.

— Власть? Сидеть на бочке и разбирать дрязги мелких торговцев?

— Сны не говорят прямиком. Эти видения — метафоры высшего порядка.

Валентайн улыбнулся в ответ, но согласился с Карабеллой.

Но однажды ему пришло во время сна наиболее ясное видение из его прошлой жизни. Он был в комнате с панелями из дорогих и редких пород дерева, сверкающими полосами симотана, банникона и темного болотного красного дерева.

Он сидел за палисандровым столом и подписывал какие-то документы.

Над ним был герб сияющей звезды, стояли по обе стороны стола послушные секретари. Громадное округлое окно напротив выходило в воздушный простор, как если бы под ним, под окном, находился титанический склон Горы Замка.

Фантазия это или фрагмент похороненного прошлого, которое пытается высвободиться из чего-то и всплывает во сне, выходит на поверхность сознания?

Он описал кабинет, стол, звезду и все прочее Карабелле и Делиамберу, но они знали о королевских апартаментах столько же, сколько знали, скажем, о том, что подают на завтрак Понтифику.

Урун спросил только, каким он ощущал себя или, может, видел — золотоволосым, как Валентайн-жонглер, или брюнетом, как Коронованный, которого он приветствовал в Пидруде во время фестиваля?

— Я был темноволос, — ответил Валентайн.

Наморщил лоб, задумавшись.

— Я ведь сидел за столом — как я мог видеть себя? Постойте...

— Во сне мы видим себя отстраненно, — подсказала Карабелла.

— Нет, не вижу, — признался Валентайн.— То блондин, то брюнет. Может такое быть?

— Да, — коротко ответил Делиамбер.

После нескольких дней довольно утомительного путешествия гастролеры доехали почти до Кинтора.

Этот главный город северной части центрального Зимроеля стоял на изрезанной местности: озера, холмы, темные непроходимые леса окружали его. Дорога, выбранная Делиамбером, вела фургон через юго-западное предместье города, называемое Горячим Кинтором из-за больших гейзеров, бьющих здесь, и широкого, розового цвета озеро, постоянно булькавшее и пузырящееся. Трещины в земле выделяли целые облака зеленоватого газа, а подошедший к ним поближе мог услышать утробные звуки — что-то похожее на рычание и стоны. Небо над Горячим Кинтором всегда было облачным, цвета тусклого жемчуга; хотя в стране лето еще не кончилось, с севера дул уже по-осеннему холодный, резкий ветер.

Между Горячим Кинтором и собственно Кинтором лежала река Зимр, самая большая в Зимроеле. Когда путешественники, миновав узкие улочки предместья, оказались перед ней, Валентайн, что называется, открыл рот.

— Ты удивлен? — спросила Карабелла.

— Река... Я никогда не думал, что бывают такие большие.

— Ты таких не видел?

— Нет никакого сравнения с Пидрудом. А до Пидруда я ничего не помню.

— Нет реки большей, чем Зимр, — заметил Слит.— Не мешай ему удивляться, Карабелла.

Темные воды Зимра были до самого горизонта, река здесь напоминала море.

Валентайн едва мог разглядеть очертания башен Кинтора на противоположном берегу. До десятка огромных мостов пересекали реку. Их величина тоже поражала воображение: может ли человек построить такое?

Мост, что находился прямо перед ними, мост Кинтора, был шириной в четыре шоссе. Арки над ним то поднимались, то опускались — как волны. Мост ниже по реке поражал своей мощью: тяжелое его ложе покоилось на толстенных мостовых быках. Зато верхний казался легким, стеклянным — он весь искрился.

Делиамбер пояснил:

— То, что перед нами — мост Коронованного, направо — Понтифика, а нижний — мост Снов. Это очень древние мосты.

— Но зачем строить мосты там, где река так широка? — недоуменно спросил Валентайн.

— Здесь Зимр уже, чем везде, — ответил Делиамбер.

Длина реки, рассказал он, достигает семи тысяч миль. Она начинается на северо-западе Долорна в устье Рифта и течет через

весь верхний Зимроель к прибрежному городу Пилиплоку, впадая во Внутреннее Море. Эта река судоходна по всей ее длине — широкий и стремительно несущийся поток, извивающийся как змея. На ее берегах стоят сотни богатых городов, внутренних портов, самый западный из них — Кинтор.

Вглядываясь вдаль, Валентайн заметил еле видные в облачном небе высокие зазубренные пики гор — северо-западную границу Кинтора. В горах, по словам того же Делиамбера, жили племена охотников, которые часто бывают в городе, принося туда мясо и шкуры животных и меняя их на промышленные товары.

В эту ночь Валентайн увидел во сне, что входит в Лабиринт для совещания с Понтификом.

Сон был резкий, до боли отчетливый.

Валентайн стоял под ярким зимним солнцем на голой равнине и смотрел на лежавший перед ним храм без крыши с белыми стенами. С ним были Карабелла, урун и Лизамона — все почему-то в темных очках. Но когда Валентайн ступил на порог храма, он был уже один. Дорогу ему преградило существо непонятной формы жизни — неописуемо зловещего вида. Ни гайрог, ни лимен, ни урун, ни скандар, ни хьерт, ни су-сухирис — мускулистое существо с толстыми руками и красной кожей, купол головы, сверкающие желтые глаза, злобные. Низким рычащим голосом существо спросило у Валентайна, какое у него дело к Понтифику.

— Нужно починить мост Кинтора, — ответил Валентайн.— Заниматься такими делами — древняя обязанность Понтифика.

Желтоглазое создание засмеялось.

— Ты думаешь, Понтифика это интересует?

— Я должен попросить его помощи.

— Ладно, иди.

Страж вынужденно поклонился и посторонился, пропуская посетителя. Валентайн прошел границу портала, существо за его спиной рыкнуло и закрыло скрипящие ворота. Назад ходу не было.

Перед Валентайном открылся змеящийся коридор, залитый слепящим светом.

Несколько часов он шел по нему. Затем стены коридора расширились, гость Лабиринта очутился в бескрышном храме из белого же камня и снова дорогу ему преградило краснокожее существо и прорычало:

— Вот Понтифик.

Дверь в темную комнату, трон и имперский правитель Маджипуры на нем — черная и алая одежда, драгоценная тиара на голове.

Многорукое чудовище с человеческим лицом! Драконьи крылья за спиной! Чудовище, сидя на троне, ревело и визжало, как безумное, свист срывался с его губ, и несло от Понтифика ужасающей вонью, и черные кожистые крылья обдавали просителя могильным холодом.

— Ваше величество, — попытался перекрыть рев чудовища Валентайн. Он поклонился. Поправился:— Ваше лордство!

Правитель вдруг захохотал, потянулся к посетителю, схватил его, подтянул к себе. Валентайн оказался на троне, а Понтифик, все

так же безумно хохоча, полетел в ярко освещенный коридор и исчез в нем. Еще некоторое время Валентайн слышал верещание чудовища и хлопание крыльев.

Он проснулся мокрый от пота. Карабелла, она была рядом с ним в эту ночь, испуганно смотрела на него. В ее глазах светилось понимание — словно и она видела этот ужасный сон. Рука девушки гладила плечо возлюбленного.

— Ты кричал во сне! — сказала она.

— Бывают, наверно, такие случаи, — ответил он, — когда во сне узнают больше, чем наяву.

Он протянул руку к бокалу с вином, оставшимся с вечера.

— Мои сны — тяжелый труд, Карабелла.

— Слишком многое в твоей душе ищет выхода, милорд.

Он положил голову к ней на грудь.

— Я молюсь о том, чтобы стать мудрее.

В Кинторе Залзан Кавол купил места для труппы на речном судне, идущем в Ни-мою и Пилиплок. Первой остановкой должен был стать город Вирф, граница страны метаморфов.

Валентайну не хотелось сходить здесь на берег — корабль шел дальше, в Пилиплок, стоило разориться на десять-пятнадцать роалов и он был бы там, а оттуда рукой подать до Острова Снов. Что ему метаморфы, когда его на Острове ждет Леди, у которой он, может быть, узнает все, о чем так загадочно говорят ночные видения!

С судьбой не поспоришь, думал Валентайн. У событий своя естественная скорость, они идут к конечной, трудно нами понимаемой цели... Он был уже не тем человеком, каким помнил себя в Пидруде — простым, как новорожденный, но не знал, и кем должен стать, кем постепенно становится — ясного ощущения перехода от одного к другому у него не было, хотя границы падали и не возникали вновь. Он видел себя актером в какой-то длинной и запутанной драме, завершающие сцены которой еще далеко, далеко.

Речное судно, на которое они сели, было по виду самым фантастическим, впрочем, не лишенным своеобразной красоты. Океанские корабли, которые он видел в Пидруде, отличались изяществом и логичностью всех линий — их ждали трудные мили океанских дорог, это же было приземистым, широким, напоминающим, скорее, паром, чем корабль. Как бы для того, чтобы компенсировать его неуклюжесть, строители украсили его парящим над палубой мостиком и тремя носовыми фигурами, в центре же палубы размещалась огромная прогулочная площадка со статуями по краям, павильонами и игорными заведениями. На корме они поместили трехэтажную надстройку, где жили пассажиры. На нижних палубах были грузовые камеры, обеденные залы, каюты третьего класса и команды, а еще ниже — машинное отделение, откуда шли две гигантские дымовые трубы, вверху превращающиеся в подобие рогов. Корабль был деревянным, — на Маджипуре мало металла, — и плотники изощрялись чуть ли не на каждом футе поверхности, украшая ее резьбой, панелями и скульптурами.

В ожидании отплытия Валентайн, Карабелла и Делиамбер

обошли всю палубу и насмотрелись на пассажиров. Они были из всех областей: гайроги в пышных одеждах, жители влажных южных стран, одетые в белые прохладные материи, путешественники из западного Альханроеля, предпочитавшие красные и зеленые цвета одеяний... Вездесущие лимены торговали, как и везде, сосисками, кьерты в судовой униформе важно расхаживали среди публики, давая информацию обо всем и советы тем, кто их просил и тем, кто не просил.

Бросалась в глаза семья су-сухирисов в золотых плащах, двухголовых, надменных. Они проплывали сквозь толпы как призраки из сна — все расступались перед ними. И была здесь еще группа метаморфов.

Первым их увидел Делиамбер. Колдун щелкнул клювом и коснулся руки Валентайна.

— Посмотри! Будем надеяться, что Слит их не видит.

— Где? Где они?

— У поручней. Стоят отдельно от всех. Они в своей естественной форме.

У поручней стояло пятеро — мужчина, женщина и трое детей.

Это были стройные длинноногие существа. Взрослые — выше Валентайна — выглядели хрупкими, какими-то непрочными, с зеленовато-желтой кожей, лица их были похожи на человеческие, но с острыми скулами, губы были только намечены, а косо поставленные глаза, длинные и узкие, не имели зрачков.

Валентайн не мог понять, как держат себя метаморфы — надменно, скромно ли, но одно было видно: они чувствуют себя на враждебной им территории. Метаморфы были аборигенами Маджипуры, они владели планетой до прихода других рас, первых поселенцев планеты, четырнадцать тысяч лет назад. Он не мог отвесть от них глаз.

— А как они меняют форму? — спросил он.

— Кости у них соединяются иначе, чем у всех, — сказал Делиамбер.— Под давлением мускулов они сдвигаются и образуют новый рисунок. Кроме того, в их коже есть особые клетки, меняющие и цвет, и текстуру. Существуют и другие приспособления менять внешность. Взрослый метаморф изменяется почти мгновенно.

— А зачем им это?

— Кто знает! Возможно, даже им это неизвестно, как неизвестно, зачем произведены на свет расы, не умеющие менять внешность. Может быть, это и имеет свою цель, скрытую от нас.

— Они слабосильны, — вставила Карабелла, — если позволили отнять у себя планету.

— Видимо, умения менять свою форму мало для защиты собственной планеты от пришельцев, — ответил Делиамбер.

Метаморфы заворожили Валентайна. Они представлялись ему артефактами далекой истории, археологическими реликтами, выжившими с того далекого времени, когда здесь не было никого из пришельцев, звездных скитальцев — тогда один лишь этот народ, хрупкий, зеленый, бродил по необъятной планете. А потом

пришли завоеватели... Как давно это было! Он хотел бы увидеть их превращения, но метаморфы не меняли своего облика.

Из толпы внезапно появился возбужденный чем-то Шанамир и схватил Валентайна за руку.

— Ты знаешь, кто с нами на борту? Я слышал разговор грузчиков: целая семья Меняющих...

— Тише, — остановил его Валентайн.— Вон они.

Мальчик взглянул и прижался к другу.

— Они чешуйчатые...

— Ты не видел Слита?

— Он на мостике с Залзаном Каволом. Они договариваются насчет нашего выступления вечером. Если Слит их увидит...

— Рано или поздно он с ними встретится.

Валентайн повернулся к Делиамберу.

— Метаморфы часто появляются вне резервации?

— Они живут повсюду, но везде помалу и очень редко в своей естественной форме. В Пидруде, говорят, их всего одиннадцать, в Фалкинкипе — шесть, в Долорне — девять...

— В иной форме?

— Да, в виде гайрогов, хьертов или людей — где как удобнее.

Метаморфы решили уйти с палубы. Они шли с большим достоинством, но, в противоположность су-сухирисам, без их надменности.

— И еще вопрос: они живут в резервации по своей воле или по чужой?

— И то, и другое, я думаю. Когда лорд Стиамот завершил завоевание планеты, он вынудил метаморфов уйти из Альханроеля. Но Зимроель был тогда еще мало заселен, все предпочитали держаться побережья — и их пустили в глубь страны. Они выбрали территорию между Зимром и южными горами, где подступы к ней можно контролировать, и поселились там. А теперь уже стало традицией, что они живут только и только в резервации, если не считать немногих, поселившихся в других городах страны. Я даже не знаю, имеет ли традиция силу закона. Но они едва ли обращают внимание на указы из Лабиринта или из Горного Замка.

— Если имперские законы для них так мало значат, может быть, мы рискуем, отправляясь в Илиривойн?

Делиамбер засмеялся.

— Дни, когда метаморфы нападали на пришельцев только из чувства мести, давно прошли. Это скучный и угрюмый народ, но он не станет вредить нам, и мы, скорее всего, уйдем из их страны целыми и невредимыми и даже снабженными парой-другой монет, которые так любит Залзан Кавол. Да вот и он сам.

Появился довольно выглядевший скандар вместе со Слитом.

— Мы договорились о представлении! — объявил он.— Пятьдесят крон за час работы! Выступаем сразу после полудня. Покажем им наши простенькие вещи — зачем нам выкладываться до Илиривойна!

— А почему бы нам не показать лучшее? — возразил Валентайн. Ища поддержки, он посмотрел на Слита.

— На борту судна находится группа метаморфов. Они могут рассказать о нас в Илиривойне.

— Ну что ж, разумно, — одобрил скандар.

На Слита было страшно смотреть. Он был бледен, губы его дрожали, руки рисовали в воздухе магические знаки, предохраняющие от беды. Валентайн постарался успокоить жонглера:

— Начинается процесс излечения. Работай со снарядами, как для придворных Понтифика.

— Они мои враги! — прохрипел Слит.

— Эти — нет. Они не из твоего сна. Вред тебе принесли другие. И это было так давно!

— Мне трудно находиться с ними на одном корабле!

— Ничего не поделаешь. Да сколько их — всего пятеро. Малая доза — хорошее средство, чтобы привыкнуть.

— Илиривойн...

— Нам его не избежать. Ты обещал мне, Слит...

Слит умоляюще смотрел на него.

— Да, милорд, — в конце концов прошептал он.

Они подыскали безлюдное место палубой ниже и поработали с булавами. Роли их поначалу переменились — Валентайн жонглировал безупречно, а Слит — как новичок, то и дело роняя снаряды и ушибая пальцы. Но через несколько минут его мастерство взяло верх.

Все булавы были в воздухе; Слит предложил напарнику такой сложный рисунок обмена, что тот не выдержал и попросил пощады; они вернулись к знакомому рисунку.

Ближе к вечеру на верхней палубе пассажирам корабля было дано представление — первое после выступления наших жонглеров перед лесными братьями. Залзан Кавол задал программу, которую они еще не делали. Жонглеры разделились на три тройки: Слит, Карабелла и Валентайн, Залзан Кавол, Тилкар и Гейбор Херн, Хайрод Кавол, Руворн и Ирфон Кавол. Жонглеры показали тройной обмен. Одна группа скандаров работала ножами, другая — горящими факелами, третья — людей — серебряными булавами.

Это было самое трудное из всего, что испытал до сих пор Валентайн. Симметрия работы требовала совершенства. Уронить хоть один снаряд — означало разрушить весь строй жонгляжа. Валентайн был слабым звеном в девятке, но успех ее зависел и от него.

Они не уронили ни одной булавы, и когда жонглеры закончили номер ливнем снарядов, раздались бурные аплодисменты. Кланяясь, дебютант заметил, что семья метаморфов сидит в первом ряду.

Он бросил взгляд на кланяющегося Слита.

Сойдя с подмостков, Слит сказал:

— Я увидел их, когда мы начали, но тут же забыл. Понимаешь, забыл, Валентайн!

Он счастливо рассмеялся.

— И они совсем не похожи на тех страшных созданий, которых я видел во сне!

В эту ночь труппа спала в сыром и переполненном трюме в брюхе корабля. Валентайн был зажат между Шанамиром и Лизамоной. Близкое соседство с женщиной-великаном гарантировало, казалось, что спать ему не придется, потому что ее храп напоминал рычание громадного животного, а каждое ее шевеление грозило раздавить его. Несколько раз Лизамона наваливалась на него и он с трудом высвобождался от ее тяжести. Но скоро она затихла и он уснул.

Во сне он был Коронованным, лордом Валентайном, мужчиной с оливковой кожей и черной бородкой. Он сидел в зале Горного Замка, окруженный всеми атрибутами власти, затем вдруг оказался в южном городе, жарком и душном, где стены домов были увиты гигантскими лианами с ярко-красными цветами. Он знал, что город называется Тил-омон, что он находится в дальнем конце Зимроеля, что приехал сюда на пир в его честь. За столом сидел и еще один высокий гость — Доминин Баржазид, второй сын Короля Снов.

Доминин Баржазид провозглашал тосты в честь Коронованного, выкрикивал здравицы и предсказывал, держа в руке бокал с вином, достойное и славное правление, могущее в будущем встать в один ряд с правлением лорда Стиамота, лорда Престимиона и лорда Конфалума.

Коронованный отвечал на тосты улыбкой и предлагал выпить за хозяина, мэра Тил-омона, и за герцога провинции, за Короля Снов, за Понтифика Тивераса и за Леди Острова, свою мать. Его стакан наполняли и наполняли — красным вином, потом янтарным, снова красным, голубым...

Вот он уже не может пить больше, поднимается, идет в спальню и засыпает там мертвым сном. И тут же появляются люди из окружения Доминина, они заворачивают его в шелковые простыни и уносят куда-то, и он не может оказать сопротивления, потому что руки и ноги ему не повинуются. Потом он видит себя на столе в незнакомой комнате, волосы у него желтые, как солома, кожа белая, а у Доминина, склонившегося над ним, лицо Коронованного.

— Увезите его в какой-нибудь город на дальнем севере, — говорит мнимый лорд Валентайн, — и выпустите там — пусть идет, куда хочет.

Валентайн почувствовал, что задыхается, проснулся и понял, что великанша положила свою могучую руку на его лицо. Он оттолкнул руку, но сон больше не вернулся.

Об этом сне Валентайн не рассказал никому, решив, что пора хранить ночную информацию про себя — ведь иным просто незачем прикасаться к государственным тайнам. Он уже второй раз видел во сне, что его как Коронованного вытеснил Доминин Баржазид, а сон, когда Валентайна споили и украли его личность, видела Карабелла.

Эти сны могли быть и фантазией, но Валентайн думал уже иначе. Слишком крепка была их конструкция, слишком навязчиво повторялась, чтобы быть неправдой.

Итак, Доминин носит его звездную корону — что дальше.

Пидрудский Валентайн пожал бы плечами и сказал, что до

этого ему нет никакого дела. Но Валентайн, плывущий сейчас из Кинтора в Вирф, призадумался.

В этом мире всегда существовал некий баланс власти, поддерживаемый в течение тысячелетий, начиная с времен лорда Стиамота, а то и раньше, с каких-нибудь забытых ныне правителей Маджипуры первых столетий после переселения сюда. В этой системе недоступный для всех Понтифик правил посредством сильного и энергичного Коронованного, выбранного им самим, названного Королем Снов, который, выполняя приказы, наказывал нарушителей закона, входя в спящие их мозги, и Леди Острова, несущей всем любовь и мудрость. Эта система распределения сил, доставшаяся им от древних, существовала тысячелетия. При ней Маджипура была счастливой и процветающей планетой, подвластной, конечно, капризам тленной плоти и природным стихиям, но, в основном, свободной от больших конфликтов и следующих за ними не меньших страданий. А что если Баржазид, хоть и человек королевской крови, нарушит, столкнув законного Коронованного, утвержденный Божеством баланс? Какой вред может это принести общественному здоровью, общественному спокойствию?

И что скажут о сверженном Коронованном, который покорился произволу и оставил узурпатора без наказания? Это может быть воспринято как отречение, а было ли хоть раз в истории Маджипуры, что Коронованный отрекся от власти? Не стал ли он, Валентайн, таким образом сообщником коварного Доминина Баржазида?

Последние колебания исчезали, как дым.

Валентайну-жонглеру казалось странным и смешным, когда к нему пришли самые первые намеки на то, что он истинный лорд Валентайн Коронованный. Тогда это казалось насмешкой, абсурдом. Теперь — нет. Существо его снов придало им достоверность. Случилась чудовищная вещь — до него только теперь дошел смысл происшедшего. Его задачей стало исправить все без каких-либо колебаний.

Но как? Идти на Гору в костюме жонглера и требовать вернуть Горный Замок?

В это утро он старался казаться спокойным и никому не сказал ни слова о своем сне и о мыслях, что пришли в голову. Он подолгу стоял у поручней, глядя на далекий берег.

Безмерность реки превосходила всякое понимание. В некоторых местах она была так широка, что земля исчезала из виду, а если и появлялась, то казалась не более, чем островом среди миль и миль воды. Течение было быстрое, судно на хорошей скорости неслось к востоку.

Солнце светило до полудня, заставляя воду сверкать, слепя глаза; потом пошел дождь. Сначала легкий, он усилился, посыпал щедро, и жонглерам пришлось отменить второе представление к великому неудовольствию Залзана Кавола. Все, кто ехал на корабле, спрятались под крышу.

Этой ночью Валентайн лег рядом с Карабеллой, а великаншу оставил соревноваться в храпе со скандарами. Он ждал нового сна, но то, что ему приснилось, было лишь бесполезными

обрывками чего-то — фантазии, хаос, незнакомые улицы, незнакомые лица, вспышки света, непонятные разговоры... Утром судно прибыло в порт Вирф и причалило на южном берегу реки.

— Провинция метаморфов, — рассказал жонглерам Стифон Делиамбер, — называтся Пьюрифайн, это название происходит от слова, которым именуют себя метаморфы на своем языке — пьюриварь. На севере она граничит с предместьями Вирфа, на западе — с откосом Велатиса, на юге — с горной цепью Гонгар, а на востоке — с рекой Стейч, главным притоком Зимра. Я не был здесь, но знаю эту местность хорошо. Попасть в Пьюрифайн трудно, потому что откос Велатиса — стена в милю высотой и в триста миль длиной. Гонгары высоки и там часты грозы. Стейч — дикая, неуправляемая река со множеством быстрин и водоворотов. Единственный путь туда — через Вирф, это ворота Пьюрифайна.

Теперь, когда жонглеры оказались всего в нескольких милях от этих ворот, они стремились как можно скорей оставить за собой мало интересный порт Вирф. Дождь, начавшийся вчера, продолжался, поливая песчаное побережье и карликовые деревья с бледно-зеленой корой и узкими, дрожащими от капель дождя листьями. В фургоне почти не разговаривали. Слит, тот, казалось, вообще дал обет молчания. Карабелла от нечего делать жонглировала в центре помещения тремя мячами. Скандары, те, кто не вел фургон, занялись какой-то хитрой игрой костяными палочками и связками усов дроля. Шанамир, укачавшись, дремал. Виноркис уткнулся в бухгалтерский журнал. Делиамбер поддерживал себя колдовскими штучками, зажигая одну за другой маленькие свечи и шепча что-то над огоньками. Великанша Халтин, присоединив свое животное к тем, что тащили фургон, храпела, как морской дракон, просыпаясь только затем, чтобы глотнуть вина из фляги, купленного ею в Вирфе.

Валентайн сидел в углу у окна и думал на этот раз о Горе Замка. Интересно, на что она похожа, эта гора в тридцать миль высотой, каменная колонна, гигантская башня, упирающаяся вершиной в темную ночь космоса? Если откос Велатиса всего в милю высотой был, по словам Делиамбера, недоступным, что же собой представляет подъем на тридцатимильную Гору? И какую тень отбрасывает она? Эта тень, наверно, протягивается на весь Альханроель. И как же тогда получают свет и тепло города, что находятся на ее склонах?

Откуда-то Валентайн знал, что тепло, свет и свежий воздух вырабатывают машины, изобретенные еще древними, в забытую теперь технологическую эру, когда ремесла, привезенные с Земли, были широко распространены здесь. Но принцип работы машин был ему неизвестен — как непонятно ему было и то, какие силы приводят в действие его память.

Он думал также о самом Замке — дворце о сорока тысячах комнат, прибежище лорда Валентайна, а до него — лорда Вориакса. Замок лорда Валентайна! Существует ли он или это сказка, выдумка; Замок лорда Валентайна! Он представил его на

вершине Горы — яркий мазок, всего в несколько молекул толщиной, каким он, возможно, кажется по сравнению с немыслимой величиной Горы, мазок неправильной формы, прилепившийся к вершине — сотни комнат по одну сторону, сотни — по другую. Сотни комнат, галереи, внутренние дворики — и где-то в самой сердцевине дворца сидит во всем своем величии сам Коронованный, лорд Валентайн, чернобородый и смуглый. Хотя, кажется, его там сейчас нет. Он все еще объезжает королевство.

Я жил когда-то на этой Горе, думал Валентайн, жил в Замке. Что я делал, когда был Коронованным, каковы были мои обязанности? Но никаких воспоминаний об этом в его мозге не было, и все же в нем крепло убеждение, что они вернутся — в обрывках памяти все чаще появлялись острова и целые архипелаги. Он уже знал, что родился не в Ни-мое, у реки, как говорили ему вложенные в него мнимые воспоминания, а в одном из пятидесяти городов, расположенных высоко на Горе, почти у подножия Замка, что он воспитывался в королевской касте, среди тех, из кого выбирали принцев, что его детство и юность протекали среди богатства и роскоши.

Но он никак не мог вспомнить своего отца, наверняка человека высокого звания, а о матери помнил только то, что она была черноволоса и смуглокожа, как и он сам когда-то и — неожиданно выплывало воспоминание — однажды она долго целовала его и плакала, говоря, что вместо утонувшего лорда Молибора Коронованным выбрали Вориакса, и теперь она должна стать Леди Острова.

Правда ли это, или он вообразил эту сцену? Подсчитав, Валентайн подумал, что когда к власти пришел Вориакс, ему, вероятно, было двадцать два года.

Могла ли мать плакать, становясь Леди Острова? Ведь она должна была радоваться тому, что оба они, мать и сын, делаются правителями Маджипуры. Плакала и радовалась одновременно — может, так?

Валентайн покачал головой. Моменты жизни, меняющие историю, — найдет ли он когда-нибудь доступ к ним, или они так и останутся под запретом, наложенным на него теми, кто украл его прошлое?

Вдруг он услышал далекий взрыв, подземный удар качнул фургон — все вздрогнули, подняли головы. Колебания почвы еще раз сотрясли фургон, но вот затихли.

— Что это? — вскинулся Слит. Он выхватил из оружейной стойки энергомет.

— Спокойно, — остановил его Делиамбер, — это всего лишь звук Пьюрифайнского фонтана. Мы приблизились к его границе.

— Что это за фонтан? — спросил Валентайн.

— Подожди и увидишь.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол, сидевший впереди, обернулся ко всем.

— Где урун? Эй, колдун, дорога заблокирована!

— Мы проходим ворота Пьюрифайна, — ответил тот.

Дорогу перегораживала баррикада из желтых каменных

брусов, для прочности оплетенных веревкой. Слева от баррикады был сторожевой пост, в котором дежурили два хьерта в зеленых пограничных мундирах. Они приказали путешественникам выйти из фургона под обильно сыпавшийся дождь, хотя сами оставались под навесом.

— Куда? — спросил один из них.

— В Илиривойн, на фестиваль Меняющих Форму. Мы артисты, жонглеры, — представился Залзан Кавол.

— У вас есть разрешение? — спросил другой стражник.

— Разве оно нужно? — вмешался в разговор Делиамбер.

— По указу лорда Валентайна Коронованного, изданному больше месяца назад, никто из граждан Маджипуры не может ступить на территорию метаморфов без законного на это основания.

— У нас оно есть! — упрямился скандар.

— Тогда вы должны иметь разрешение.

— Но мы не знали, что оно нужно!

На хьертов его слова не произвели никакого впечатления. Они, казалось, готовы были заняться любым делом, только не этим.

Залзан Кавол посмотрел на Виноркиса, надеясь, что, может, он подействует как-то на своих собратьев, но хьерт только пожал плечами. Тогда скандар снова обратился к колдуну:

— В твои обязанности входит предупреждать меня о таких вещах!

Урун завертел головой.

— Даже колдуны не могут знать о новых законах, особенно если они путешествуют по заповедным лесам.

Запрещение входить на территорию метаморфов вызвало вспышку радости у Слита. Неужели и вправду не пустят? Зато Залзан Кавол разозлился не на шутку. А великанша Лизамона потянулась даже к вибрационному мечу. Валентайн первым нашел выход, подсказав скандару:

— Хьерты не всегда неподкупны.

— Своевременная мысль, — буркнул тот.

Он вытащил кошелек. Глаза хьертов немедленно обратились к нему. Валентайн понял, что избрал верную тактику.

— Я, кажется, найду необходимый документ, — сказал скандар. Он вытащил из кошелька две монеты по кроне и прилепил их к жирным ладоням стражников. Те глянули на ладони и швырнули монеты на землю.

— Всего по кроне? — прошептала Карабелла.— Неужели он думает купить проезд за такие деньги?

— Подкуп офицера имперского правительства — серьезное преступление, — сказал хьерт, который был званием выше.— Вы будете арестованы и предстанете перед судом в Вирфе. Оставайтесь в своем фургоне до прибытия полицейских.

Залзан Кавол обернулся к Валентайну, хотел что-то сердитое ему сказать, но вдруг тихо заговорил с братьями. Лизамона снова схватилась за меч. Валентайн пришел в отчаяние — сейчас хьертов зарубят и они станут беглыми преступниками, не пройдя еще ворот Пьюрифайна. И как он тогда достигнет Острова?

— Сделай что-нибудь! — взмолился он, схватив колдуна за щупальце.

Урун выпрыгнул из фургона. Он поднял деньги и протянул их хьертам.

— Простите, но вы, кажется, уронили эти монеты.

Он снова прилепил кругляки к ладоням хьертов, в то же время обхватывая щупальцами их запястья. Когда он выпустил их руки, младший хьерт объявил:

— Ваша виза действительна только на три недели. Уйдете из Пьюрифайна через эти же ворота. Другие выходы вам запрещены.

— И к тому же опасны, — добавил другой.

Он махнул невидимым доселе стражам и те быстро растащили баррикаду и освободили дорогу.

Когда все снова были в фургоне, Залзан Кавол рявкнул Валентайну.

— В следующий раз не давай дурацких советов! А ты, Делиамбер, должен бы знать, как улаживать подобные дела! Мы могли и не пройти эти ворота!

— Если бы ты подкупал их роалами, а не кронами, — тихо, чтобы не слышал скандар, сказала Карабелла, — все было бы проще.

— Теперь уже все позади, — успокоил всех Делиамбер.— Нас ведь пропустили, верно? Всего только капелька колдовства — и не нужно платить роалов!

— Ох, уж эти новые законы! — вдруг подал голос Слит.— То один, то другой и все одинаково плохи!

— Новый Коронованный, — поддержала его Лизамона, — хочет показать свою власть. Все они такие. Этот штампует указы, а Понтифик с ними соглашается. Один из них, между прочим, лишил меня работы. Хотите знать, как это случилось?

— Расскажи, — предложил Валентайн.

— Я была телохранителем одного торговца в Мазадоне — он очень боялся завистников — конкурентов. А лорд Валентайн как раз назначил новый налог за личных телохранителей на всех, кто ниже благородного ранга, — в размере моего годового жалования. И мой хозяин — отсохни его уши! — уволил меня. Два года я работала — и вдруг прощай! Спасибо тебе, но ты мне больше не по карману, вот тебе на дорожку бутылка бренди. Сегодня я защищаю его поганую жизнь, а завтра я ему не по карману — и все благодаря лорду Валентайну! Как вы думаете, не он ли убил брата?

— Придержи язык! — крикнул Слит.— Разве такое может произойти в Маджипуре?

Но великаншу было не остановить.

— Несчастный случай на охоте — как же! А старый Молибор утонул на рыбалке! С чего бы нашим коронованным так поспешно и странно умирать? Раньше такого никогда не было! Коронованные потихоньку становились понтификами, прятались в своем Лабиринте и жили чуть ли не вечно, а теперь не то: Молибора съели морские драконы, а Вориакса будто бы нечаянно прихлопнули в лесу. Я думаю, там, в Горном Замке, все помешались на власти!

— Может, хватит? — проворчал Слит. Ему не нравился этот разговор.

Но Лизамона не угомонилась.

— Как только выберут нового Коронованного, для всех принцев надежды больше нет. Вот если Коронованный вдруг умрет — все тогда снова бегут на выборы. Когда погиб Вориакс и стал править этот самый Валентайн...

— Заткнись! — заорал Слит. Он вскочил — голова его едва достигла груди великанши. Женщина казалась спокойной, но ее рука нащупывала меч. Валентайн решил вмешаться.

— Лизамона не хотела оскорбить Коронованного, — примирительно сказал он.— К тому же она выпила, а вино развязывает язык.

И обратился к воительнице:

— Прости его, ладно? Моему другу тяжко в этой части света, ты ведь знаешь.

Второй взрыв — в несколько раз громче первого — сотряс воздух и прервал ссору. Животные остановились, фургон накренился.

С водительского сидения раздались страшные проклятия Залзана Кавола.

— Фонтан Пьюрифайна, — пояснил Делиамбер, — одно из самых замечательных зрелищ Маджипуры. На него стоит взглянуть.

Один за другим все выпрыгнули из фургона.

Небольшие зеленые деревья окаймляли естественный амфитеатр, в центре которого время от времени взрывался гейзер. В сравнении с ним гейзер Горячего Кинтора выглядел мелкой рыбешкой рядом с морским драконом. Толстая белая струя воды была никак не ниже башен Долорна; вылетая из земли со скоростью пушечного ядра, она достигала шестисотфутовой высоты. Вверху она расцветала гигантским цветком, сияющим всеми цветами радуги. Воздух вокруг был напоен мелкими капельками воды.

Взрывы продолжались — невероятное количество воды с огромной силой выбрасывалось в небо. Здесь, как нигде, ощущалась мощь земли — присутствовавшие с благоговейным ужасом смотрели на водяной столб. И вот он стал опадать, уменьшаться, исчез совсем, оставив после себя только шум в ушах, да густой туман.

— Фонтан взрывается каждые тридцать минут, — сообщил Делиамбер.— Говорят, что с тех пор, как метаморфы живут в Маджипуре, он не опоздал с выбросом ни разу. Это их священное место. Смотрите — вон и паломники!

Слит поспешно начертал в воздухе магические знаки. Валентайн положил руку на его плечо.

Неподалеку от придорожной гробницы стояла небольшая группа метаморфов. Они поглядывали на путешественников, как показалось Валентайну, не очень дружелюбно. Те, что были впереди, зашли за спины других, появились снова, но выглядели уже не так, как прежде, — были расплывчаты, как призраки. И продолжали изменяться. То у них вырастали гигантские, как у Лизамоны, груди, то мохнатые, как у скандаров, руки, кто-то из

метаморфов побелел, как Слит. Затем жонглеры услышали тонкий, похожий на птичий, свист и увидели, как растягиваются в улыбке губы Меняющих Форму — они, видимо, смеялись. После этого группа паломников убежала в лес.

Валентайн держал свою руку на плече маленького жонглера до тех пор, пока не почувствовал, что напряжение оставило его. Лишь тогда он сказал со смехом:

— Вот так трюк! Вот бы нам делать такое! Что ты об этом думаешь?

— Все равно я хотел бы сейчас быть в Нарабале, Пилиплоке — где угодно, лишь бы не здесь!

— А я — в Фалкинкипе, — сказал трясущийся от страха Шанамир, — кормил бы там свое стадо и не знал беды.

— Они не сделают нам ничего плохого, — улыбнулся Валентайн.— Для нас это просто еще одно любопытное зрелище, которого мы не забудем.

Но на его улыбку никто не откликнулся, даже Карабелла, всегда жизнерадостная. Даже сам Залзан Кавол выглядел нерешительным — он, кажется, думал, разумно ли гоняться за роалами в провинции метаморфов. Да, улыбку Валентайна никто не поддержал. Тогда он обратился к колдуну:

— Далеко ехать до Илиривойна?

— Не имею представления, — качая птичьей головой, ответил Делиамбер, — когда приедем, тогда и приедем.

Храбрости его слова никому не добавили.

Местность, по которой катил фургон, поражала своей первозданностью. Здесь не было никаких следов цивилизации.

Меняющие Форму жили в лесной дождливой стране, ежедневные ливни очищали воздух и давали буйный рост зелени.

Грозы приходили с севера, проносясь по природной трубе, образованной откосом Велатиса и Гонгарами. А когда влажный воздух поднимался по крутым склонам Гонгар, шли мелкие дожди, глубоко проникающие в рыхлую почву.

Деревья здесь были высокие, с прямыми стволами, кроны их образовывали вверху сплошной навес, связанный к тому же сетью лиан. Темная листва, отполированная дождем, блестела. Лишь изредка в прогалины можно было увидеть в лесу окутанные туманом горы.

Зверья в лесу путешественники почти не видели — возможно, оно просто пряталось. Иногда проползала красная с желтым змея. А то они видели алокрылую птицу либо зубастого с паутинными крыльями брауна; один раз испуганный белантон прошмыгнул перед фургоном и скрылся в лесу, стуча копытцами, размахивая задранным хвостом.

Жили здесь, вероятно, и лесные братья, поскольку они встретили рощу, другую деревьев двикки.

Ручьи были полны рыбы, а в почве там и тут чернели норки грызунов самой фантастической окраски. Каждое из бесчисленных маленьких озер, встретившихся на пути, содержало, как гово-

рил Делиамбер, собственного подводного чудища, которое выплывало только по ночам ради охоты на любую тварь, оказавшуюся поблизости.

Но ни одного чудища они не увидели — фургон, не останавливаясь, катил по неровной лесной дороге.

Не показывались и пьюривары, хотя там и сям дорогу пересекали тропинки, теряющиеся в джунглях, им попались даже несколько лесных хижин поодаль от дороги. Наконец встретилась небольшая группа пилигримов, направляющаяся, должно быть, к священному фонтану. Делиамбер рассказал, что этот народ живет охотой и рыболовством, сбором диких плодов и орехов и лишь немногие — земледелием. Их цивилизация, возможно, была когда-то развитой, судя по развалинам древних каменных городов, обнаруженных в Альханроеле. Археологи определили время их процветания — оно было задолго до появления здесь звездных кораблей пришельцев. Правда, некоторые историки считали, что города принадлежали человеческой расе и были уничтожены кем-то в бурный допонтифаксный период двенадцать или тринадцать тысячелетий назад. Метаморфы же, даже если и были наследниками более высокой цивилизации, предпочитали сейчас вести лесной образ жизни. Регресс это или прогресс? — думал Валентайн.

Часам к трем дня звуки пьюрифайнского фонтана уже не были слышны, лес стал реже, а дорога разветвилась. Залзан Кавол обернулся к Делиамберу. Но тот точно так же посмотрел на Лизамону.

— Лопни моя печенка, — отозвалась на вопросительный взгляд колдуна воительница, — если я знаю, куда ехать! Двигайте наугад! Пятьдесят на пятьдесят — мы все равно попадем в Илиривойн.

Но у Делиамбера оказалась идея получше. Он спустился с фургона и плюхнулся коленями в дорожную грязь. Достал из своего мешка кубики из горючего вещества и поджег их. Поднялся светло-коричневый пахучий дым. Колдун стал жадно вдыхать его, одновременно производя щупальцами замысловатые жесты.

Женщина-воин фыркнула:

— Не верю я в эти штучки-дрючки! Поколдует, поколдует, а все равно скажет наобум. Слушались бы лучше меня.

— Налево, — сказал Делиамбер.

Как бы там ни было, скоро появились признаки обитания метаморфов.

Это были уже не одиночные хижины, а целые их группы, попадавшиеся через каждые сто ярдов, а то и чаще. И сами метаморфы — в основном ребятишки с нетяжелой поклажей — стояли, разинув рот на фургон. А иные указывали на него пальцем и переговаривались.

Наконец, они подъехали к большому поселку. Дорогу им перегородила толпа из взрослых и детей. Дети — везде дети: эти, играя, практиковались в трансформации. У одного вдруг вырастали ноги-ходули, другой отращивал щупальца, как у уруна, свисавшие, правда, до самой земли, третий экспериментировал с лицом, превращая его в черт знает что.

— Кто здесь циркачи — мы или они? — спросил бледный, как смерть, Слит.— Меня тошнит от этого всего!

— Успокойся, — мягко сказал Валентайн.

— Я думаю, — угрюмо заметила Карабелла, — это только начало. Смотрите!

На краю дороги стояла дюжина клеток. Носильщики только что поставили их наземь и присели отдохнуть. Из клеток высовывались тоненькие руки с длинными пальцами. Длинные хвосты, приспособленные для хватания, держались за прутья. Не сразу, проезжая мимо, обитатели фургона узнали в запертых в клетки существах лесных братьев. Их несли в Илиривойн.

— Зачем? Для еды или для издевательств во время фестиваля? Валентайн содрогнулся.

— Остановитесь! — закричал вдруг Шанамир, когда они проезжали последнюю клетку.— А кто в ней?

Эта клетка была больше других и в ней сидело совершенно незнакомое существо, явно разумное: высокая человеческая фигура, но с темно-синей кожей, пурпурного цвета огромными глазами и тоже большим тонкогубым ртом. Существо было в одежде — красивая зеленая ткань, порванная в нескольких местах и покрытая пятнами скорее всего крови.

Пленник рвал руками прутья клетки и хрипло, на незнакомом языке призывал проезжающих мимо жонглеров на помощь.

Фургон проехал дальше.

Похолодев, Валентайн спросил у колдуна:

— Это существо не из Маджипуры?

— Я таких никогда не видел, — ответил Делиамбер.

— А я видела как-то, — сказала Лизамона.— Это инопланетянин, их планета недалеко от нашей. Я забыла ее название.

— Но что здесь делают пришельцы? — удивилась Карабелла.— Межзвездные полеты так редки в наше время. И чтобы хоть кто-то приземлился на Маджипуре...

— Мы не совсем отрезаны от межзвездных путей, — возразил Делиамбер, — несмотря на то, что считаемся задворками в межпланетной торговле.

— Спятили вы все, что ли! — взорвался Слит.— Сидят и спокойно беседуют о межпланетной торговле, а цивилизованное существо заперто в клетке и зовет на помощь! Может, его зажарят и съедят на метаморфском фестивале! А мы еще туда едем!

Он бросился к скандарам-водителям.

Валентайн, боясь скандала, рванулся за ним.

Слит уже сцепился с Залзаном Каволом.

— Ты видел его? Ты все слышал? Инопланетянин в клетке!

— Ну и что? — Залзан Кавол даже не обернулся.

— Тебе наплевать на его крики?

— Это не наше дело, — спокойно ответил скандар.— Мы не имеем права вмешиваться в дела независимого народа. У них несомненно были причины заточить в клетку кого угодно.

— Причины? Я скажу тебе какие — приготовить из него обед! А мы попадем в следующий их горшок! Я прошу тебя вернуться и...

— Это невозможно.

— По крайней мере хоть спросим, за что его посадили. Залзан Кавол, мы, скорее всего, едем прямиком к нашей смерти, а ты так спешишь туда, что не спросишь даже у подобного нам, что его ждет!

— Слит говорит дело, — заметил Валентайн.

— Ты так думаешь? — скандар сплюнул и остановил фургон.— Иди, — сказал он Валентайну, — и узнай, что возможно, да побыстрее!

— Я иду с ним, — Слит кинулся к дверям.

— Оставайся! — рявкнул скандар.— Если ему нужен телохранитель, пусть возьмет Лизамону.

И Залзан Кавол сказал дело. Валентайн вместе с великаншей спрыгнули вниз и пошли к клеткам.

Лесные братья при их приближении подняли страшный вой и визг и затрясли прутья клеток. Носильщики, вооруженные короткими, но внушительно выглядевшими копьями с наконечниками то ли из рога, то ли из полированного дерева, неторопливо встали и загородили собой большую клетку. Один метаморф, явный лидер в группе, выступил вперед и вопросительно уставился на подходящих.

— Он говорит на нашем языке? — спросил у великанши Валентайн.

— Вероятно. Попытайся.

— Мы странствующие жонглеры, — громко и отчетливо произнес Валентайн, — мы едем в Илиривойн, чтобы выступить на вашем фестивале. Далеко ли мы от него?

Метаморф, бывший на голову выше Валентайна, но тощий, казалось, усмехнулся.

— Вы в Илиривойне.

От метаморфа исходил слабый кислый запах. Его скошенные глаза были пугающе невыразительны. Валентайн задал следующий вопрос:

— К кому мы должны обратиться насчет выступления?

— Всех иностранцев у нас встречает Данипьюр. Вы найдете ее в Служебном Доме.

От метаморфа веяло холодом.

И вот главный вопрос:

— Мы видим в большой клетке незнакомое существо. Почему оно там?

— Это наказание.

— Преступник?

— Так и сказано, — безразличным голосом ответил метаморф.— Разве вас это касается?

— Мы чужие в вашей стране. Если иностранцев здесь сажают в клетки, мы предпочтем искать работу в другом месте.

На лице метаморфа промелькнула искра то ли усмешки, то ли презрения.

— Чего вам бояться? Разве вы преступники?

— Нет.

— Тогда вы избежите клетки. Выразите почтение Данипьюр и со всеми дальнейшими вопросами будете обращаться к ней.

Валентайн посмотрел на Лизамону — та пожала плечами. Ничего не оставалось, как вернуться в фургон.

Носильщики подняли клетки, уложили шесты на свои плечи. Из большой клетки доносились крики ярости и отчаяния.

Илиривойн был чем-то средним между городом и деревней — унылым скоплением низких, как бы временных строений из легкого дерева. Эти домики стояли вдоль кривых незамощенных улочек, которые, казалось, все уходят в лес. Всё выглядело временным, как будто Илиривойн основан всего-то год-два назад и через несколько лет перейдет в другой округ, где за него возьмутся по-настоящему.

Перед каждым домом была воткнута в землю какая-нибудь палка или шест с привязанным к концу ярким лоскутом или куском шерсти — это были, видимо, объявления о предстоящем фестивале. Кроме них, на улицах были выстроены помосты — то ли для глашатаев, то ли для темных племенных ритуалов; подумав об этом, Валентайн содрогнулся.

Найти Служебный Дом и Данипьюр оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, чьи три стороны составляли небольшие дома с куполообразными крышами, с четвертой стороны стояло одно большое трехэтажное здание. Перед ним был ухоженный садик с толстостебельным серым с белым кустарником. Зализан Кавол остановил фургон перед площадью.

— Пошли со мной, — позвал он Делиамбера.— Посмотрим, удастся ли нам наладить дело.

Они пропадали в Служебном Доме не менее часа.

И вот показались на площади — с ними шла высокого роста величественная метаморфка, наверное, Данипьюр.

Все трое остановились у садика, о чем-то оживленно беседуя. Женщина что-то уточняла, скандар то кивал, то отрицательно качал головой. Делиамбер, крошечный рядом с рослым Зализаном Каволом и высокой метаморфкой, изящно жестикулировал, изображая, по всей видимости, согласие, примирение и покорность. Наконец, скандар и урун вернулись в фургон. Настроение Зализана Кавола заметно улучшилось.

— Мы приехали вовремя, — сказал он.— Но они не дадут нам ни пищи, ни жилья — в Илиривойне нет гостиниц. И существуют зоны, куда нам нельзя входить. Что поделаешь — надо принимать их, какие они есть.

Когда фургон двинулся к месту стоянки позади площади, за ним последовала толпа ребятишек, глазевших на невиданную повозку.

Вечером жонглеры провели репетицию. И хотя Лизамона не подпускала детей к зрелищу, они все равно пролезали меж кустами, их любопытствующие мордахи возникали там и тут. Валентайну это действовало на нервы, а Слит был напряжен и неловок, даже такой мастер жонгляжа, как Зализан Кавол, уронил булаву.

Смущало молчание детей. Они вставали у кустов белоглазыми статуями — те зрители, которые питаются энергией артиста, но ничего не дают взамен. Единственной их реакцией на внешность жонглеров и их мастерство было то, что они, может быть,

непреднамеренно, инстинктивно стали на глазах у них менять форму, переливаться из одной в другую.

Надолго удерживать новую форму им еще не удавалось, но в промежутках Валентайн узнавал у кого-то из них свои золотистые волосы, то белые, как у Слита, или черные, как у Карабеллы. И многорукие медведи-скандары возникали на мгновения, и их собственные лица, но с такими странными выражениями, что хотелось отвернуться.

В эту ночь все путешественники спали в фургоне, тесно прижавшись друг к другу.

По крыше шлепал дождь, Валентайн проснулся и не мог больше уснуть. Лежал, слушая храп и дыхание спящих, думая обо всем, что случилось за день. К середине ночи уснул и тут же увидел сон: метаморфы вели лесных братьев и синекожего чужака по дороге к Пьюрифайнскому фонтану, который возвышался теперь над окрестностями, как гора.

Незадолго до рассвета его кто-то разбудил. Это был Слит.

— В чем дело? — спросил Валентайн, протирая глаза.

— Выйдем. Надо поговорить.

— Но еще темно!

— Ничего. Пойдем.

Валентайн зевнул, потянулся, встал.

Они осторожно перешагнули через спящих Карабеллу и Шанамира, обошли одного из скандаров и спрыгнули с фургона. Дождь уже прекратился, но было сыро, холодно, на земле лежал туман.

— У меня было послание, — сказал Слит, — и, я думаю, от Леди.

— Рассказывай.

— Оно о том синекожем, которого мы видели в клетке и которого метаморфы назвали преступником. Во сне он пришел ко мне и сказал, что никакой он не преступник, а путешественник, по ошибке попавший на территорию метаморфов. Его схватили — у Меняющих Форму есть обычай: во время фестиваля приносить в жертву иноземца у священного Пьюрифайнского фонтана. Я видел даже, как это делается. Жертву связывают по рукам и ногам и швыряют в бассейн фонтана, а когда происходит очередной взрыв — она взлетает в небо.

Валентайна пробрала дрожь — и не от тумана.

— Я видел во сне начало твоего сна.

— А еще мне было сказано, что и нам грозит опасность — не жертвоприношение, но другая. А если мы освободим чужака, он нам поможет. Оставим его погибать — и мы не уйдем отсюда живыми. Знаешь ведь, Валентайн, я боюсь Меняющих Форму, но в этом сне было что-то новое. В том, что в нем послание, я не сомневаюсь. Это не просто страхи глупого Слита.

— Что же нам делать?

— Мы должны освободить чужака.

— А если он на самом деле преступник? — тревожась, спросил Валентайн.— Имеем ли мы право вмешиваться в их правосудие?

— У послания тоже есть право. А те лесные братья тоже

преступники? Я видел во сне, как и их швыряют в фонтан. Мы среди дикарей, Валентайн.

— Не думаю. Это просто чужая нам раса, пути ее развития не похожи на другие.

— Я твердо решил спасти синекожего. Если ты не согласишься помочь мне, я пойду один.

— Сейчас?

— Когда же еще! Сейчас темно, никого на улицах. Я открою клетку и он убежит.

— Клетку охраняют. Нет, Слит, подожди. Ты поставишь под удар всех нас. Я попытаюсь побольше узнать об этом пленнике. Если они собираются принести его в жертву, то сделают это под финал фестиваля. У нас есть время.

— Но послание было только что!

— Я же сказал тебе, что оно было и у меня.

— Ну и что?

— А то, что твоему сну нужно верить. Я помогу тебе, Слит, ты только не торопись.

Но Слит никак не мог успокоиться. Он рвался к клетке плененного инопланетянина, а к возражениям Валентайна почти не прислушивался.

— Слит!

— Да!

— Послушай меня. Сейчас не время, — произнес Валентайн раздельно.— Не время! Подожди.

Два взгляда встретились, один был тверже и увереннее. Слит опустил глаза.

— Слушаюсь, милорд, — прошептал он.

Днем Валентайн старался что-нибудь узнать о пленнике, но безуспешно. Одиннадцать клеток с лесными братьями стояли на площади напротив Служебного Дома в три яруса, клетку с чужаком воздвигли на самый верх. Охраняли их пьюривары с копьями.

Валентайн хотел было подойти, но его остановили уже на середине площади.

— Сюда нельзя! — был окрик издалека.

Лесные братья яростно колотили ручонками по прутьям. Синекожий закричал что-то на языке Валентайна, но с таким акцентом, что тот едва понял:

— Беги отсюда, дурень, а то они убьют тебя!

Но, может, ему послышалось?

Еще раз глянув на стражников, окруживших клетки, Валентайн повернул назад. Встретились дети, он спросил у них, не знают ли они что-либо о пленниках, но ему ответили холодные и пустые взгляды. Кто-то из них сымитировал его светлые волосы, после чего дети разбежались.

Все утро в Илиривойн прибывали метаморфы из близких и далеких лесных поселков. Все они несли с собой что-то для продажи — плетения, фляги, вышитые драпировки, украшенные зеркалами стойки, шесты, исписанные древними письменами.

На улицах царила суматоха, все были заняты приготовлениями к фестивалю. Дождь перестал, как по приказу.

Интересно, думал Валентайн, каким колдовством обеспечили пьюривары сухой день для праздника? Или это просто совпадение?

Часа в три дня начался фестиваль.

Все началось с музыки, играемой множеством музыкальных групп. Метаморфы на улицах начали сплетаться в хороводы, которые, меняясь, как они сами, стали образовывать самые причудливые узоры танцующих аборигенов.

На иных улицах проводились спортивные состязания — бегунов, прыгунов, добровольные судьи давали старт бегу, а другие отмеривали длину прыжка.

Ларьки, выстроенные за ночь, торговали супом, жареным и тушеным мясом, напитками.

На чужом пиру похмелье, думал про себя Валентайн. Он чувствовал себя чужим на этом празднике. Но никто, кроме детей, не обращал на него внимания. Те же видели в нем диковинку, приведенную сюда для развлечения. Они таращились на жонглеров отовсюду, пытаясь повторить так поражавшие их черты незнакомцев.

Залзан Кавол назначил на вечер репетицию. Валентайн, радуясь возможности уйти с переполненных улиц, явился чуть не первым в назначенное место. За фургоном были только Слит и два скандара.

Ему показалось, что Залзан Кавол как-то странно на него поглядывает. Во внимании скандара он уловил новое для себя. Выдержав несколько минут, Валентайн все же спросил:

— Что-то неладно?

— Что может быть неладным?

— Ты выглядишь необычно.

— Я? Ничего подобного. Сон, только и всего! Просто я вспоминаю сон, что видел прошлой ночью.

— Он о синекожем пленнике?

Залзан Кавол растерялся.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что его видели и я, и Слит.

— Глупости! Мой сон не имел ничего общего с синекожим. Я не желаю об этом говорить!

Залзан Кавол отошел, набрал дюжину ножей и начал жонглировать.

А Валентайн все перебирал булавы, словно не зная, с какой ему начать работать. Он не знал, видят ли сны скандары и похожи ли их сны на человеческие. Но раз они граждане Маджипуры, то, должно быть, живут и чувствуют, как все, и сны у них такие же — с посланиями от Короля и Леди... Но вот что интересно: Залзан Кавол, которого ничем вроде не проймешь, всегда невозмутимый, вожак — и вдруг растревожен сном!

Как бы узнать, получают ли скандары послания во сне?

После репетиции жонглеры легко и вкусно поужинали фруктами и ягодами, собранными Лизамоной в лесу, и запили их вином, привезенным из Кантора. На улицах уже вспыхивали фейерверки, отовсюду слышалась музыка. Все думали, что представление состоится на площади, но нет, метаморфы в жрече-

ских костюмах проводили жонглеров в другую часть города, где их ожидал пустырь, окруженный тысячами и тысячами зрителей. Залзан Кавол и его братья обошли площадку, проверяя, нет ли на ней неровностей, на которых можно споткнуться во время работы. Слит обычно участвовал в этом, но сейчас он куда-то вдруг запропастился. Валентайн всполошился — неужели у него не хватило терпения и он решился на действие без него?

Нужно было что-то немедленно предпринимать, но в это время появился Слит, возбужденный, запыхавшийся.

— Я побывал на площади, — рассказал он, — клетки еще там, но большая часть стражников, видимо, сбежала поглазеть на фестиваль. Я успел перекинуться парой слов с синекожим, прежде чем меня отогнали от клеток.

— Что он сказал?

— Что в полночь его принесут в жертву фонтану — то же сообщил мне мой сон. А в следующую ночь принесут в жертву нас.

— Не может быть!

— Клянусь именем Леди!

Взгляд его не отпускал глаз Валентайна.

— Я пришел сюда, милорд, только подчиняясь тебе. Ведь ты уверил меня, что нас не тронут.

— То, что ты говорил, казалось мне выдумкой.

— А теперь?

— Я начинаю думать иначе, — сказал Валентайн.— Мы не должны умереть. Я обещаю тебе это. После выступления я поговорю со скандаром и посоветуюсь с колдуном.

— Нужно спешить!

— Сегодня вечером метаморфы веселятся. Мы потихоньку уберемся отсюда после выступления, когда им не будет до нас дела. Да и разве Залзан Кавол согласится отменить представление, даже если нам грозит опасность? Что ты на это скажешь?

— Я в твоем распоряжении, милорд, — ответил Слит.

Жонглеры работали на редкость слаженно, а Слит — тот вообще творил чудеса. Ему без единой ошибки удалось «слепое» жонглирование.

Скандары устроили дьявольскую пляску с факелами, Карабелла, не уступая партнерам, провела жонгляж на подвижном шаре, Валентайн, посылая вверх булавы, танцевал, прыгал, приседал. Метаморфы, окружавшие площадку, почти не аплодировали, но смотрели, кажется, с интересом.

Работать с таким зрителем было нелегко, даже труднее, чем на репетиции, — тысячная аудитория, ничего не дающая артистам.

Метаморфы сидели как истуканы — точно так же смотрели на жонглеров дети во время репетиции, не выказывая ни одобрения, ни осуждения.

Потом что-то произошло — там и сям зрители начали воспроизводить движения жонглеров, но в какой искаженной форме!

По двое, по трое они вставали, выходили вперед, образовывали круг всего в нескольких ярдах от артистов — и вот они уже

скандары, и вот уже тоненькая Карабелла, покачиваясь, плывет на шаре, вот присел золотоволосый Валентайн. Но в этих превращениях не было ничего от игры — все видели в них насмешку и угрозу. Валентайн посмотрел на остальных членов группы и увидел, что щупальца Делиамбера производят жесты тревоги, Виноркис хмурится, а Лизамона переступает с ноги на ногу, словно готовясь к схватке.

Выглядел настороженным и Залзан Кавол.

— Продолжайте, продолжайте! — говорил он отрывисто.— Мы здесь для того, чтобы работать!

— Кажется, — заметил Валентайн, — мы здесь для их развлечения, но не жонглированием мы интересны.

— Мы — артисты! И будем продолжать!

Он дал сигнал и начал с другими скандарами головокружительный обмен множеством острейших ножей. Слит, чуть помедлив, запустил вверх булавы. Подхватила общий ритм и Карабелла. У Валентайна же похолодели руки и перестали ему подчиняться.

Девять метаморфов неподалеку от них тоже стали жонглировать. Это было искаженное, как во сне, жонглирование — без настоящего искусства, без их мастерства. Насмешка, пародия, издевательство. Они бросали вверх куски дерева, какие-то плоды, кошельки, ловили их неловко, роняли... Но странно — это пародийное представление заинтересовало зрителей гораздо больше, чем работа артистов. Они все загудели — может, так они аплодируют? Стали покачиваться в одном ритме, хлопая себя по коленям, и тоже трансформироваться, иногда оставаясь наполовину метаморфом, наполовину жонглером-гостем.

Одна группа, заметил Валентайн, состояла из шести или семи его грубых копий.

Выступать дальше стало невозможным, жонглеры поработали еще несколько минут, уже ошибаясь и роняя снаряды один за другим. А гудение метаморфов становилось все сильнее!

— Смотрите! — вдруг крикнула Карабелла.

Валентайн повернулся и задохнулся от изумления.

То, что делал метаморф, было выше его понимания. Он то изображал Валентайна-жонглера — высокого, широкоплечего, большерукого и золотоволосого молодого человека, то на его месте возникал лорд Валентайн Коронованный!

Смена лиц происходила почти мгновенно — одну секунду Валентайн видел самого себя, в другую — чернобородого Коронованного с жестким взглядом, властного правителя. И снова Валентайн-жонглер. Толпа одобряла новое шоу дружным гудением. Оно того стоило: жонглер... Лорд... жонглер... Лорд!

Смотря на чудовищное зрелище, Валентайн почувствовал, что у него леденеет спина, волосы шевелятся, а колени дрожат. Представление метаморфа било в самую точку. Если Валентайн хотел получить подтверждение тому, что прошло через него за то время, что начало отсчет в Пидруде, то здесь всему была подведена черта, здесь, в этом лесном городе, среди первобытного народа.

Он видел собственное лицо.

Он смотрел в лицо Коронованного.

Метаморфы, копировавшие жонглеров, прыгали в кошмарном танце, высоко задирая ноги, размахивая фальшивыми скандарскими руками, хлопая себя по бедрам; волосы лже-Слита и лже-Карабеллы развевались на ночном ветру. Только фигура лже-Валентайна оставалась неподвижной, менялось лишь его лицо. Но скоро и это кончилось: метаморфы, стоящие в круге, протянули к публике приветственные руки — та вскочила и начался всеобщий танец.

Толпа, танцуя, уходила в ночь, к ларькам и другим развлечениям фестиваля, артистам пора было собираться.

Валентайн обернулся к своим и увидел устремленные на него глаза. Челюсть Залзана Кавола отвисла, руки болтались. Его братья сгрудились за ним, словно прячась за его спину. Слит был бледен, лицо Карабеллы, наоборот, пылало румянцем страшного возбуждения.

Валентайн шагнул к ним. Залзан Кавол сделал было шаг навстречу, остановился и замер, не спуская со своего жонглера испуганных глаз.

Наконец открыл рот и сказал дрожащим, не своим голосом:

— Милорд...

И он, и его братья поспешно опустились на колени. Залзан трясущимися руками сотворил знак сверкающей звезды, его братья сделали то же. Слит, Карабелла, Виноркис и Делиамбер опустились на колени. Перепуганный Шанамир замер как столб, но пересилил себя и, как все, бухнулся на землю.

— Вы что, спятили все? — закричала великанша Халтин.

— На колени! — хрипло приказал ей Слит.— Ты видела, что они показали нам? Он — Коронованный! На колени!

— Коронованный? — не поверила Лизамона.

Валентайн вытянул руку успокаивающим жестом. Они боялись того, что изобразили метаморфы, они боялись его.

Он и сам испытал страх, но теперь к нему возвращалась уверенность, а вместе с нею и незнакомая сила, дающая право повелевать. Он словно бы получил сигнал с небес — о том, что он лорд Валентайн, что был Коронованным, что Горный Замок — его владение, что он вернется туда, если будет за это сражаться.

В него вдруг хлынула страсть к власти.

Даже здесь, в этой дождливой и такой далекой от центра стране, в ее городе, похожем на деревню, здесь, одетый в грубую одежду странствующего жонглера, Валентайн почувствовал себя тем, кем был когда-то; и хотя он не совсем еще понимал, какая метаморфоза произошла с ним, он больше не сомневался в реальности посланий, пришедших во время сна. И он принимал знаки почести, как и подобает Коронованному.

— Встаньте, — повелел он.— Все встаньте! Нам нужно уезжать отсюда. Шанамир, иди запрягать животных. Залзан Кавол, готовь фургон. Всем вооружиться энергометами, ножами — чем угодно. Проследи за этим, Слит.

Залзан Кавол отважился на ответ.

— Милорд, во всем этом привкус сна. Подумать только, я все это время путешествовал с... Я грубо разговаривал...

— Сейчас нет времени говорить об этом, — оборвал его Валентайн.

Он повернулся к великанше, бормочущей что-то про себя. Руки ее тоже не могли остановиться. Валентайн не мог уже сдерживать свою властность.

— Ты нанималась только довести нас до Илиривойна. Но сегодня нам нужна будет вся твоя сила. Ты останешься с нами?

— Они показывали тебе знак сверкающей звезды... — бормотала Лизамона.— Они все встали на колени перед тобой...

— Я был недавно лордом Валентайном из Горного Замка, — сказал он, останавливая ее бормотание.— Поверь этому как можно скорее. Королевство попало в опасные руки. Останься со мной, женщина-воин, когда я поеду на восток страны восстанавливать справедливость.

Лизамона прижала громадную руку ко рту и ошеломленно смотрела на Валентайна. Потом что-то заставило ее склонить сначала голову, потом и спину в поклоне, но он схватил ее за локоть и не дал опуститься на колени.

— Сейчас этого не нужно, — крикнул он.— Пошли отсюда!

Жонглеры быстро собрали свой инвентарь и поспешили к фургону, который находился на другом конце города. Шанамир и Карабелла ушли вперед, скандары шагали шеренгой, земля дрожала от их дружной поступи. Валентайн ни разу не видел, чтобы они шли так споро, он и Слит буквально бежали за ними. Кривоногий медлительный Виноркис изо всех сил старался не отстать. Позади топала ножищами великанша. Она подхватила Делиамбера под мышку, в правой ее руке был обнаженный меч.

Когда они приближались к фургону, Слит спросил:

— Мы освободим пленника?

— Да! — коротко ответил Валентайн.

Он остановился и дал знак Лизамоне следовать за ним. Она отпустила карлика Делиамбера и пошла за Валентайном.

Втроем, он, Слит и Лизамона, побежали к площади. К их радости она была пуста, только группка стражников дежурила у клеток. Все три яруса были на месте. На самом верху стояла клетка с синекожим пришельцем. Не дав стражникам опомниться, великанша схватила сразу двоих и, раскружив, швырнула их далеко на площадь.

— Не убивай, — предупредил воительницу Валентайн.

Слит с ловкостью обезьяны вскарабкался на самый верх и острым ножом начал резать толстые деревянные прутья клетки. На это ушло не более пяти-шести минут. Клетка открылась.

Чужак выбрался из нее и начал растирать затекшие ноги. Потом вопросительно поднял глаза на своих освободителей.

— Пойдешь с нами, — сказал Валентайн, — наш фургон недалеко за площадью. Ты понял, что я сказал?

— Я понял, — ответил чужак.

Голос его был звучным, с резким щелканьем на каждом слоге. Ничего не сказав больше, он спрыгнул на землю; Лизамона укладывала остальных, оглушенных ею метаморфов, в небольшой штабель.

Валентайн достал свой нож и стал резать прутья на ближайшей клетке с лесными братьями. Маленькие руки ухватились за надрезанное дерево и помогли ему.

Сверху спрыгнул Слит и взялся за следующую клетку. Через несколько минут все клетки были открыты, лесные братья кинулись из них в темноту.

На пути к фургону Слит спроси́л:

— Зачем ты это сделал?

— А ты поступил бы иначе? — ответил Валентайн.— Они тоже хотят жить.

Фургон был готов к отъезду. Последней подошла Лизамона. Она захлопнула за собой дверь, Залзан Кавол погнал животных.

И как раз вовремя: с дюжину метаморфов, появившихся у клеток и понявших, что случилось, бросились вдогонку. Залзан Кавол прибавил скорости.

Преследователи отстали, темнота скрыла их. Фургон въехал в джунгли.

И все равно Слит оглядывался и оглядывался.

— Они должны непременно преследовать нас! — повторял он.

— Не догонят, — успокаивала его Лизамона.— Они не знают повозок. Мы уже в безопасности.

— Мне бы твою уверенность, — не доверял великанше Слит.— А что если они обойдут нас и перехватят где-то впереди?

— Да что ты трясешься, как заяц! Мы едем достаточно быстро.

И все-таки ее передернуло.

— Упаси нас боже, чтобы мы еще хоть раз попали в Илириволн!

Все замолчали, прислушиваясь к звукам, окружавшим их.

Валентайн сидел в отдалении ото всех. Это было уже неизбежно; его огорчала новая ситуация, но ничего здесь поделать было нельзя, хотя он и терял друзей. Карабелла и Слит, узнавшие его тайну от него, держали ее в секрете. Делиамбер сумел проникнуть в тайник раньше него, но не показал виду об истинном лице бродяги. Но вот остальные... Разоблачение, совершенное метаморфом, ошеломило их. Они сейчас сидели в застывших позах, молча и почтительно смотрели на него — они боялись шевельнуться!

Как полагается вести себя в присутствии правителя Маджипуры? Может быть, надо все время держать перед собой знак сверкающей звезды?

Валентайну этот знак вообще казался абсурдным — растопыренные пальцы и ничего больше.

Растущее чувство собственной значимости, видимо, не включало в себя сомнений.

Чужак назвал себя Коном из Кайнимора, относительно близкой к Маджипуре планеты. Страх и гнев все еще не оставили его, что было видно по крепко сжатому рту; губы его время от времени шевелились, не давая выхода каким-то словам. Впрочем, стоит ли прикладывать человеческие мерки к иноземцу — возмож-

но, на своей планете Кон и сейчас был бы признан образцом спокойствия.

Инопланетянин прилетел на Маджипуру по делу два года назад. Это была, сказал он с горечью, величайшая его ошибка: он растратил на маджипурские развлечения все деньги, по глупости попал в Зимроель, не ведая, что на этом континенте нет ни одного космопорта, откуда он мог бы отправиться к себе домой, зашел на территорию метаморфов, где его сразу же зацапали и, даже не расспросив ни о чем, посадили в клетку. Его ожидала страшная смерть в один из дней фестиваля...

— Может быть, это и к лучшему, — горько заключил свой рассказ пришелец.— Один удар — и тебя нет, конец всем приключениям. Я устал от Маджипуры. Если мне суждено умереть здесь, то уж лучше сразу.

— Тебе придется простить нас за то, что мы тебя освободили, — съязвила Карабелла.

— Нет, я не хочу быть неблагодарным, — вздохнул Кон, — только...— Он сделал паузу.— Мне тяжело здесь, и на Кайниморе тоже. Есть ли во Вселенной место, где жизнь не означает страдание?

— А чем она плоха? — снова вмешалась Карабелла.— Мы, например, находим ее вполне терпимой. По-моему, самая скверная жизнь лучше самой хорошей смерти.

Она весело рассмеялась.

— Ты всегда такой мрачный?

Чужак снова вздохнул.

— Если ты счастлива, то я могу тебе только позавидовать. Я нахожу свое существование очень тяжелым, а жизнь — бессмысленной. Но это слишком темные мысли для того, кто только что избавился от неминуемой смерти. Я благодарен вам за помощь. Кто вы и как попали в Пьюрифайн? Куда мы сейчас едем?

— Мы жонглеры, — коротко объяснил Валентайн и обвел всех предупреждающим взглядом.— Мы приехали в эту провинцию выступать, зарабатывать деньги. Если нам удастся удрать отсюда, поедем в Ни-мою, а оттуда вниз по реке в Пилиплок.

— А из Пилиплока?

Валентайн сделал неопределенный жест.

— Кое-кто из нас хочет совершить паломничество на Остров Снов. Ты слыхал о нем? Куда поедут другие, я не могу сказать.

— Мне нужно добраться до Альханроеля, — сказал в свою очередь Кон.— Там моя единственная надежда попасть домой. Может быть, в Пилиплоке я сумею устроить переезд через море. Возьмете меня с собой?

— Конечно.

— Но у меня нет денег.

— Это не имеет значения, — за всех сказал Валентайн.

Фургон катил быстро. Никто не спал, разве что ненадолго задремывал. Снова пошел дождь. В гуще леса опасность могла подстерегать их где угодно, но пока все шло благополучно.

Задремал и Валентайн. Он очнулся, когда почувствовал, что

перед ним кто-то стоит. Виноркис дышал тяжело, будто только что бежал, его трясло.

— Милорд, — тихо звал он, — милорд...

Валентайн кивнул хьерту, приглашая к разговору.

— Ты расстр-о-ен, Виноркис.

— Милорд, могу ли я признаться... могу ли я сказать, что...

Открыл глаза Слит и уставился на тяжело дышавшего хьерта. Валентайн жестом приказал тому отвернуться.

— Милорд, — начал Виноркис, — еще в Пидруде ко мне подошел человек и сказал, что в гостинице остановился высокий блондин, иностранец, который подозревается в том, что совершил страшное преступление. Этот человек предложил мне целый кошелек крон за то, чтобы я держался ближе к вам, куда бы вы ни пошли, и сообщал обо всем, что вы делаете, имперским прокураторам.

— Так ты шпион? — рявкнул Слит. Он все слышал.

— Кто этот человек, что нанял тебя? — спокойно спросил Валентайн.

— Кто-то из службы Коронованного, судя по одежде. Имени его я не знаю.

— И ты докладывал ему о моих действиях?

— Да, милорд.— Виноркис перешел на шепот.— В каждом городе. Через некоторое время я перестал думать, что ты преступник, потому что преступники не бывают ни вежливыми, ни ласковыми, как ты, у тебя добрая душа... но я уже взял те деньги, и мне давали каждый раз еще...

— Позволь мне прикончить его! — крикнул Слит.

— Убийства не будет, — остановил его Валентайн, — ни сейчас, ни позже.

— Но он опасен, милорд!

— Теперь уже нет.

— Я никогда не доверял ему, — возбужденно говорил Слит, — и Карабелла, и Делиамбер. Не оттого, что он хьерт, а из-за того, что он все вынюхивал, все выспрашивал — он отовсюду тянул информацию!

— Я прошу простить меня, — жалобно стонал хьерт, — я же не знал, кого предаю, милорд.

— Ты веришь ему? — спросил Слит.

— Да, — ответил Валентайн.— Не только он не знал, кто я, я и сам не знал. За что его наказывать? Ему было велено следить за блондином и информировать о его действиях правительство. В чем его преступление? Он был уверен, что служит Коронованному. За лояльность не убивают, Слит.

— Милорд, ты иногда кажешься мне слишком наивным, — пробурчал Слит.

— Может быть. Но не в этом случае. Мы выиграем, простив его, и проиграем, если убьем.

Валентайн обратился к хьерту:

— Я прощаю тебя, Виноркис. Хочу только, чтобы ты был предан истинному Коронованному так же, как ты был предан фальшивому.

— Клянусь в этом, милорд!

— Хорошо. Теперь иди спать и не бойся ничего.

Виноркис изобразил дрожащими руками знак сверкающей звезды, попятился и сел в дальнем углу фургона рядом с двумя скандарами.

— Ты излишне добр, милорд. Что если он будет по-прежнему шпионить? — не унимался Слит.

— Кому он будет носить информацию обо мне в джунглях?

— Но ведь мы же скоро выберемся отсюда!

— Я думаю, ему можно верить,— Валентайн размышлял вслух. — Понимаю: его признание могло быть и хитростью — чтобы усыпить любые подозрения. Вот что я решил: ты будешь приглядывать за Виноркисом, когда мы вернемся в цивилизованный мир. Можно сделать его полезным для нас.

— Как, милорд?

— Шпион приведет нас к его начальству. Пусть он поддерживает контакт с имперскими чиновниками.

Слит оскалился.

— Я понял, милорд! Мы так и сделаем.

Валентайн тоже улыбнулся и оба замолчали.

Он думал сейчас, что признание Виноркиса много ему дало: если Коронованный платит большие деньги за слежку за каким-то бродягой, значит, этот бродяга чего-то стоит! Исповедь шпиона еще раз подтверждала то, что он успел узнать. Видимо, для пересадки его в чужое тело использовалась не совершенная техника, заговорщики не знали, насколько опустошен его мозг, и отрядили шпиона следить за каждым шагом новоявленного бродяги.

Рядом с ним был шпион, вероятно, он не один, возможна еще и угроза его немедленного уничтожения, если теперешний Коронованный узнает, что к Валентайну возвращается память. Как бы выяснить, кто еще шпионит за ним — насколько тщательно ведется слежка, где он снова встретится с нею на пути в Альханроель?

За окном фургона была темная ненастная ночь.

Делиамбер и Лизамона совещались и даже спорили с Залзаном Каволом насчет дороги. Дело в том, что второе поселение метаморфов — в Авандройл находилось где-то к юго-востоку от Илиривойна, в долине между двумя высокими горами, дорога, по которой они ехали, похоже, вела туда. Вряд ли было разумным попадать из огня в полымя.

И в Авандройл почти наверняка дошла уже весть о жонглерах, вмешавшихся в жизнь метаморфов.

Еще опаснее было очутиться у Пьюрифайнского фонтана.

Валентайн не спал, в который раз видя фокус метаморфа с двумя лицами. Эта сцена походила на сон, но не была сном. Валентайн стоял от аборигена так близко, что мог бы дотронуться до лица своего двойника, он различал каждую его черточку. Метаморфы знали о нем больше, чем он сам! Может, они читают в глубине человека, как это делает иногда Делиамбер?

А что они почувствовали, когда поняли, что среди них находится свергнутый Коронованный? Нет, только не страх

и благоговение. Коронованные для них мало что значили, они были лишь символом падения их расы тысячу лет назад. Их, наверно, развлекало то, что наследник лорда Стиамота жонглирует булавами на их фестивале.

Коронованный — не грозный владыка Горного Замка, а презренный циркач, приехавший в их лесное поселение!

Как все это странно, думал Валентайн, и как похоже на сон!

К утру они увидели высокие горы с широким перевалом между двумя пиками.

Авандройл был, по-видимому, уже недалеко; Залзан Кавол, почтительно наклонив голову, подошел посоветоваться с Валентайном о дальнейших их действиях — остаться ли на весь день в лесу и попытаться пересечь селение ночью, или рискнуть проехать через него днем?

Валентайн должен был освоиться с лидерством. Он задумался, стараясь не потерять лица.

— Если мы поедем днем, то привлечем к себе всеобщее внимание. В то же время мы не имеем права тратить весь день на ожидание ночи — они успеют приготовиться к нападению.

— Ночью, — подсказал Слит, — и в Илиривойне, и здесь наверняка будет продолжаться фестиваль. Пока они развлекаются, мы успеем прошмыгнуть; днем у нас нет ни одного шанса.

— Он говорит верно, — подала голос Лизамона.

Валентайн оглядел всех.

— А ты что думаешь, Карабелла?

— Ты был прав: если мы дадим им время, они успеют подготовиться. Я за то, чтобы ехать сейчас.

— Делиамбер?

Урун аккуратно сложил вместе кончики щупальцев.

— Ехать! Вокруг Авандройла и назад к Вирфу. Там, конечно, есть еще одна дорога из Авандройла к фонтану.

— Решено, — объявил Валентайн.— Я выбираю вариант Карабеллы и Делиамбера. Что ты скажешь? — обратился он к скандару.

Тот был хмур.

— Если бы колдун мог перенести наш фургон по воздуху, вопрос был бы решен. А так — надо ехать немедля.

— Решено! — повторил Валентайн, как если бы это было только его слово.— Когда доберемся до Авандройла, пошлем разведчиков поискать обходную дорогу.

Фургон тронулся. Дождь на какое-то время прекратился, а когда полил снова, то был уже тропическим ливнем.

Капли устроили пляску на крыше фургона. Валентайна приветствовал этот дождь. Может, метаморфы будут сидеть по домам и не заметят их.

Показались окраины города — разбросанные по низине плетеные хижины.

Дорога все время разветвлялась. Каждый раз колдуну приходилось угадывать, куда свернуть. Не доезжая до Авандройла они остановились. Лизамона и Слит пошли на разведку. Через

час вернулись с хорошими вестями: одна из двух дорог ведет прямо к центру Авандройла, где полным ходом идут приготовления к фестивалю, другая обходит город с севера и тянется к дальним склонам гор.

Северная дорога без всяких инцидентов провела их мимо Авандройла.

Ближе к вечеру, миновав горный перевал, они спустились в широкую, густо заросшую лесом равнину, так же, как все здесь, промоченную дождем — она была западной границей метаморфской территории. Залзан Кавол гнал и гнал фургон, останавливая его на короткое время по просьбе Шанамира, с жаром доказывавшего ему, что животным необходим отдых и хоть какой-то корм. Скандар соглашался неохотно, считая, что искусственным животинам все нипочем. У него была навязчивая идея поскорей удрать из Пьюрифайна.

Уже в сумерках, когда они тряслись на ухабистой дороге, размытой непрерывным дождем, случилась беда.

Валентайн сидел в средней части салона вместе с Делиамбером и Карабеллой, Хейрод Кавол и Гейбор Херн правили, остальные спали. Вдруг впереди раздался грохот, фургон резко остановился.

— Дерево упало! — крикнул спереди Хейрод.— Дорога перегорожена!

Залзан Кавол пробормотал проклятие и разбудил Лизамону. Валентайн выглянул, но ничего не увидел — всюду была только зелень. Крона какого-то лесного гиганта полностью заблокировала дорогу. Нужны были дни, чтобы справиться с нею. Скандары с энергометами в руках вышли из фургона. Валентайн спрыгнул за ними. Темнело прямо на глазах. В лицо бил резкий ветер, струи дождя неслись почти горизонтально.

— Примемся за работу, — скомандовал своим Залзан Кавол. Он досадливо качал головой.— Тилкар, начинай рубить здесь. А ты, Говорн, возьми на себя боковые ветви.

— А что если мы чуть вернемся и поищем другую дорогу? — предложил Валентайн.

Скандар в недоумении почесал голову: почему и он не додумался до такой простой мысли? Он немного помялся и проворчал наконец:

— Да. Это, конечно, имеет смысл. Если...

Второе дерево, еще больше первого, упало в сотне ярдов позади фургона. Они были в западне.

Валентайн опомнился первым.

— Все в фургон! — крикнул он.— Это засада!

Но было поздно. Из зелени леса выскочила целая толпа метаморфов и кинулась к ним. Залзан Кавол зарычал и открыл огонь из энергомета. Два метаморфа упали, одежда на них горела.

В то же время Хейрод Кавол вскрикнул и повалился — боевое копье пронзило его шею. Свалился наземь и Тилкар, которому копье попало в грудь.

Внезапно вспыхнула задняя часть фургона. Те, что были еще внутри, стали из него выпрыгивать. Первой выскочила Лизамона с готовым к бою вибромечом. На Валентайна напал метаморф с его

же искаженным злобой лицом. Валентайн отшвырнул его пинком, а ударом дубинки оглушил. Другого нападающего он встретил ножом. Как это было странно для него — воткнуть нож в живое существо. Он зачарованно смотрел, как из чужого тела хлынула бронзового цвета жидкость.

Метаморф-Валентайн пришел в себя и напал снова, нацелившись длинными когтями в лицо. Он увернулся и снова послал нож в тело противника. Метаморф качнулся, повалился назад, хватаясь за грудь, где только что был нож. А Валентайн уже повернулся к следующему нападавшему.

Сражаться и убивать было для него новым делом, и оно было не по сердцу. Но вести себя иначе в этой обстановке означало погибнуть самому. И он защищался и бил. Насмерть.

Сзади крикнула Карабелла:

— Ты в порядке?

— Держусь! — ответил он.

Залзан Кавол, увидав свой фургон в огне, рассвирепел, схватил первого попавшегося метаморфа и швырнул его в огонь. На него бросились сразу двое, но подоспел еще один скандар и сломал обоих могучими руками. В груде сцепившихся тел Валентайн увидел, как на Карабеллу бросился высокий метаморф. Она свалила его и прижала к земле сильными руками спортсменки. Подскочил Слит и сапогами добил врага.

Фургон горел. Метаморфов добавлялось, им, казалось, не будет конца. Ночь становилась все темнее, усиливался дождь, но их уютный экипаж пылал все сильнее.

Когда жар усилился, центр схватки переместился ближе к лесу, и драться стало труднее, потому что почти невозможно было отличить своих от чужих. Метаморфы принимали их облик! И Залзан Кавол, оторопев, смотрел на Залзана Кавола, приближавшегося к нему, а Карабелла смотрела на еще одну Карабеллу.

Правда, ярость боя не давала метаморфам возможности надолго удерживать чужой облик — они снова становились сами собой.

Валентайн сражался отчаянно. Он был мокрый от собственного пота и чужой крови, сердце выпрыгивало из груди. Но он пробивался сквозь толпу врагов с такой неукротимостью, какая удивляла его самого. Удар ножом... Еще удар...

Метаморфы были вооружены примитивно и несмотря на то, что их было больше, ряды их скоро поредели. Лизамона своим мечом косила их, как траву. Уцелевшие скандары жгли энергозарядами, жгли как врагов, так и деревья вокруг. Слит метался, как бешеный, сшибая наземь то одного, то другого метаморфа, мстя им за давнюю свою боль. Дрались вместе со всеми Кон и Виноркис.

Сражение кончилось так же внезапно, как началось. Метаморфы вдруг все исчезли в лесу, оставив множество трупов. Между ними лежали два убитых скандара. У Лизамоны была кровоточащая, но нестрашная рана на бедре. У Слита в клочья разорвали куртку, он получил несколько мелких порезов. Шанамир отделался царапинами на щеке.

Валентайн ощупал руки и тело — ничего, кроме ушибов и царапин. И страшной усталости. А где же Делиамбер?

Колдуна нигде не было.

Встревоженный Валентайн повернулся к Карабелле, тоже ощупывающей тело.

— Урун остался в фургоне?

— Нет, мы все выскочили, когда он загорелся.

Озабоченный Валентайн еще раз оглядел дорогу. Слышался треск пожара и шум дождя.

— Делиамбер! — на всю ночь закричал Валентайн.— Делиамбер, где ты?

— Я здесь, — ответил голос сверху.

Валентайн поднял голову и увидел маленького уруна, уцепившегося за сук дерева в футах пятнадцати над землей.

— Война не входит в мои таланты, — крикнул он. Отпустил сук и упал прямо в руки Лизамоне.

— Что нам делать теперь? — задала вопрос Карабелла.

Валентайн понял, что спрашивает она его. Сейчас он здесь главный. Залзан Кавол, стоящий на коленях возле убитых братьев, неподалеку от сгоревшего фургона, был не в счет.

Валентайн выпрямился.

— У нас только один путь — через лес. Если мы пойдем по дороге, опять встретимся с метаморфами. Шанамир, что с животными?

— Мертвые.— Мальчик всхлипнул.— Все до единого...

— Придется идти пешком. Сколь долго — не знаю. Делиамбер, как ты думаешь, далеко до реки Стейч?

— Должно быть, несколько дней пути. Но я не знаю точного направления.

— Будем идти вниз и вниз, — сказал Слит.— Реки пока еще не текут в гору. Пойдем на восток и дойдем, вот увидите.

— Если на нашем пути не встанут горы, — заметил Делиамбер.

— Мы отыщем реку, — твердо сказал Валентайн.— Стейч впадает в Зимр у Ни-мои, так ведь?

— Так, — Делиамбер замялся.— Но течение у этой реки такое...

— Придется рискнуть. Построим в конце концов плот... Пошли! Нам нельзя здесь задерживаться!

Фургон сгорел полностью со всем, что в нем было — одеждой, едой, жонглерским снаряжением.

Для Валентайна это была небольшая потеря, но для других, особенно для скандаров — настоящая беда. Фургон долгое время был их домом.

Очень трудно было увести скандара с места побоища. Он как бы врос в землю рядом с трупами братьев и скелетом фургона. Валентайн еле уговорил его подняться. Метаморфы могут вернуться с подкреплением и тогда они пропали.

Они наспех вырыли в мягкой земле могилы и положили туда тела Тилкара и Хейрода. Затем в сгустившейся тьме, под проливным дождем двинулись в восточном, как они думали, направлении.

Больше часа они шагали в полной темноте. В конце концов

пришлось остановиться и чуть отдохнуть, тесно прижавшись ради тепла друг к другу.

С первыми лучами солнца путешественники, иззябшие, измученные бессонной ночью, снова были на ногах.

Дождь наконец кончился. Лес, казавшийся ночью непроходимым, сейчас открыл проходы; правда, всюду на пути им встречались ручьи, вышедшие из берегов, но идти было можно. Карабелла все-таки поскользнулась и свалилась в быструю воду, но могучая Лизамона выхватила ее из ручья. Поплыл было и Шанамир, неудачно прыгнувший через ручей, этого спас Кон.

Так они шли до полудня, останавливаясь только для того, чтобы собрать горсть-другую ягод. В полдень устроили отдых, без которого было невозможно идти дальше.

Так прошли двое суток.

На третьи Слит, шедший впереди, вдруг остановился и крикнул:

— Смотрите!

Перед ними стояла целая роща деревьев двикки с висевшими на ветках огромными плодами.

— Еда! — завопил Залзан Кавол.

— Еда, — подтвердила Лизамона, — но эта еда священная для лесных братьев. Будь осторожен.

Изголодавшийся за время путешествия по лесу скандар уже собирался срубить огнеметом один из плодов, как Валентайн крикнул:

— Не смей! Убери огнемет!

Залзан Кавол подчинился неохотно, сказывалась его привычка командовать во всякой ситуации, какая только могла встретиться.

— Смотри, — показал Валентайн.

За каждым деревом рощи пряталась небольшая группа лесных братьев, вооруженных смертоносными трубочками.

Увидев, что лесные братья окружают их, Валентайн на какой-то миг почувствовал такую усталость, что возжелал только быстрой смерти. Но только на миг. Взял себя в руки и сказал Лизамоне:

— Спроси у них, не дадут ли они нам своей еды и не проводят ли нас. Если они потребуют плату, мы можем пожонглировать чем-нибудь.

Женщина-воин — великан по сравнению с лесными братьями — начала с ними переговоры. Вернулась она, улыбаясь во весь рот.

— Они знают, что мы освободили их братьев в Илиривойне!

— Мы спасены! — закричал, прыгая от радости, Шанамир.

— Оказывается, в лесу новости распространяются, как по телеграфу, — проронил Валентайн.

— Мы их дорогие гости, — продолжала Лизамона.— Они и накормят нас, и проводят куда надо.

В эту ночь путники досыта наелись плодами дерева двикки и другими лесными деликатесами. После памятного боя они впервые вздохнули свободно. Лесные братья даже станцевали в их честь: обезьяньи прыжки, сопровождаемые верещанием, а Слит, Карабелла и Валентайн ответили им небольшим сеансом жонглирования камешками и кусочками дерева.

А после пиршества все спокойно заснули.

Валентайн во сне летал — он увидел себя парящим над Горным Замком.

Поутру отряд лесных братьев проводил их до реки Стейч — путешествие заняло три часа. Там поредевшая труппа жонглеров распрощалась с хозяевами леса.

Река испугала их.

Широкая, хотя и не такая, как могучий Зимр, она неслась на север с сумасшедшей скоростью, время от времени разрушая силою воды каменное ложе и поднимая огромные камни на поверхность. Плюс к этому она была порожиста.

Сооружение плотов заняло почти два дня.

Они рубили молодые деревья, росшие на берегу, срубали ножами ветки и связывали лианами. Плоты получились прочные, что было главным в переправе через эту реку.

Потом разместились: четыре скандара на одном плоту, Кон, Виноркис, Слит и Лизамона на другом, на третьем были Валентайн, Шанамир, Карабелла и Делиамбер.

— Река нас, очевидно, разъединит, — сказал Слит, — давайте договоримся, где встретиться.

Ответил всезнающий Делиамбер.

— Стейч и Зимр сходятся в месте, называемом Ниссиморн. Там находится широкая бухта с песчаными дном и берегами. Я думаю, лучшее место встречи там.

Все согласились.

Валентайн обрезал лиану, удерживавшую плот у берега, и он понесся по реке.

Первый день прошел без приключений. Им встретились пороги, но плотоводы сумели обойти их. Карабелла, оказывается, ладила и с рулевым веслом, ловко маневрируя по страшной реке.

На второй день плоты стали отдаляться друг от друга. Валентайн с его компанией попали на быстрину и обогнали остальных, да так, что потеряли их из виду.

В душах путешественников стала нарастать тревога, которой становилось все больше, когда они увидели впереди белую пену на порогах.

К концу второго дня плавание стало еще труднее — река увеличила скорость течения. Валентайн забеспокоился: не ждут ли их еще и водопады. Они совершенно не знали, что собой представляет река впереди, и плыли вслепую. Оставалось лишь верить в удачу, но с ними ли она? Доведет ли она их до Ни-мои?

А после Ни-мои? На речном судне до Пилиплока, а там корабль паломников, идущий на Остров... Он добьется встречи с Леди, добьется! И будет требовать, чтобы ему вернули трон Коронованного! Но как он может требовать его, если его лицо не похоже на лицо лорда Валентайна, законного правителя? Как он будет требовать, какие приведет доводы? Он не видел их. Может быть, лучше остаться в лесу с теми, кого он успел полюбить. Они признали в нем руководителя, согласились с предложенной им его высотой... Но в этом мире миллиарды жителей, в гигантской

империи гиганты-города, они лежат вон там за горизонтом... Как он сможет убедить всех, что он, Валентайн-жонглер, на самом деле был...

Нет, это глупо. Ни разу, с тех пор, как он появился в Пидруде, лишенный памяти и прошлого, он не чувствовал в себе потребности править людьми. Если он и начал командовать этой маленькой группой, то, скорее, по упущению Залзана Кавола, чем по собственному желанию. Однако, он повелевал — пусть мягко, пусть на ощупь.

Так и будет, когда они пойдут через всю Маджипуру. Он будет делать то, что покажется правильным и нужным. Возможно, Леди станет направлять его, возможно, в один из дней он очутится в Горном Замке... Чего ему бояться?

Как постепенно и как неотвратимо разворачивается перед ним его будущее, начиная с Пидруда...

— Валентайн! — закричала Карабелла.

У реки впереди плота как бы выросли вдруг огромные зубы — повсюду торчали камни, водовороты закручивали воду в штопор; впереди наверняка был крутой спуск, где Стейч прыгал вниз, в пустоту, чтобы разлиться в долине, лежащей далеко отсюда. Валентайн схватился за шест, но его вырвало из рук. Тут же послышался треск — это плот ударился о камень. Он развернулся, лианы разорвались и бревна разъехались. Валентайна швырнуло в холодный поток, понесло, как щепку. Он успел только схватить за руку Карабеллу, но вода вырвала ее, а его накрыла зеленой волной.

Он с трудом вынырнул, поднял голову над водой. Ни плота, ни людей.

— Карабелла! — закричал он.— Шанамир! Делиамбер!

Он кричал, пока не охрип, но из-за грохота воды его голоса не было слышно. Ощущение потери близких ему людей заледенило мозг. Неужели все они погибли? Его возлюбленная, дерзкий и ловкий мальчишка Шанамир и хитроумный колдун — неужели их больше нет? Не может быть!

Эта последняя беда была хуже, чем та, все еще не совсем реальная: лишение его трона. Здесь дорогие его сердцу существа из плоти и крови, а там — призрачные титул и власть. Валентайн еще раз попробовал кричать, но не услышал в ответ ни звука.

Он попытался уцепиться за пороги, чтобы хотя бы оглядеться, но вода смывала его с них, а поднятые со дна камни изранили его руки. Избитый до крови, парализованный ужасом случившегося, он отдался течению и его понесло вниз по гигантской лестнице, по которой река сбегала в долину. Он прижал колени к груди, а руками прикрыл голову и игрушкой воды покатился вниз.

Сила реки потрясала. Итак, кончились его приключения, приключения бывшего Коронованного, а затем бродячего жонглера. Его разнесут на куски равнодушные к судьбе человека силы природы. Он поручил себя Леди, которую считал матерью, и закувыркался в потоке воды, ударяясь обо что-то, каждый раз думая, что пришел конец, вот получил удар по ребрам, перехвативший дыхание, потерял на какое-то время сознание, потому что не чувствовал больше боли...

Все-таки очнулся и понял, что лежит на галечной мели и вода спокойно обтекает его. Застонал, пошевелился. Болело все — мышцы, голова, даже кости. Кроме того, казалось, тело было пропитано водой. Стало холодно, его затрясло. Он поднял голову. Вокруг никого, он один под безоблачным небом, вдали от цивилизации, от людей — его друзья, скорее всего, лежат мертвыми на камнях.

Но он жив. Да, жив. Избитый, беспомощный, потерявший все — но живой.

Его приключения не кончились.

Медленно, прилагая невероятные усилия, Валентайн поднялся на ноги и поплелся подальше от реки. Поднялся на невысокую скалу, непослушными пальцами стащил с себя одежду и растянулся обсыхать на теплом камне, под ласковым солнцем. Он не спускал глаз с реки, все еще надеясь увидеть Карабеллу или Шанамира.

Но никого не было в реке. Он уверял себя, что это еще не конец, что они еще могут быть живы.

Их могло выбросить на берег ниже по течению.

Валентайн решил побыть здесь некоторое время, а после отправиться на поиски своих.

Если же не найдет их, то отправится вниз по реке к Ни-мое и Пилиплоку, к Острову и Леди, а там еще дальше — к Горе и Замку и, если понадобится, хоть к черту на рога.

Вперед, вперед, вперед...

ОСТРОВ СНОВ

Валентайну казалось, что он долгие месяцы и годы лежит голым на теплой плоской скале в каменистой бухте, куда выбросила его неуправляемая река Стейч. Солнечные лучи обволакивали его туманным золотым нимбом, и он говорил себе, что его синяки, ушибы и ссадины подлечатся, если долго так лежать. Он смутно сознавал, что надо было встать, позаботиться о крове и начать искать своих спутников, но у него едва хватило сил повернуться с одного бока на другой. Он понимал, что Коронованный Маджипуры не должен вести себя таким образом. Такое снисхождение к своим слабостям простительно купцу, хозяину таверны или даже жонглеру, но не тому, кто претендует на власть: тут требуется жесткая дисциплина. Он сказал себе, что поэтому он сейчас встанет, оденется и пойдет на север по берегу, пока не дойдет до тех, кто сможет помочь ему вернуть его утерянное положение.

Вставай, Валентайн! Однако он оставался на месте. Коронованный он или нет, он растерял всю свою энергию, пробираясь через пороги. Лежа здесь, он сознавал, насколько безмерна Маджипура, раскинувшаяся на многие тысячи миль, планета достаточно большая, чтобы на ней могли удобно жить двадцать миллиардов жителей, планета с громадными городами и удивительными парками, лесными заповедниками, святыми местами, полями, и ему казалось, что если он все-таки встанет, ему придется покрыть все это колоссальное расстояние пешком, шагая и шагая. Похоже, что проще остаться здесь.

Что-то слегка, но настойчиво пощекотало ему спину. Он не обратил на это внимания.

— Валентайн!

Он и тут не откликнулся.

Щекотание возобновилось. И только тогда его отупевший от усталости мозг осознал, что кто-то назвал его имя.

Значит, кто-то из его спутников все-таки жив. Душу затопила радость.

Собрав остатки энергии, он поднял голову и увидел крошечную фигурку стоявшего перед ним Делиамбера. Урунский колдун собирался тронуть его в третий раз.

— Ты жив? — вскричал Валентайн.

— По-видимому. Ты более или менее тоже.

— А Карабелла? Шанамир?

— Я их не видел.

— Вот чего я боялся, — тупо пробормотал Валентайн.

Он закрыл глаза, и на него снова навалилось отчаяние.

— Пойдем, — сказал Делиамбер.— Нам предстоит долгое путешествие.

— Я знаю, поэтому и не хочу вставать.

— Ты ранен?

— Не думаю. Но я хочу отдохнуть, Делиамбер.

Щупальца колдуна прикоснулись к телу Валентайна во многих местах.

— Серьезных повреждений нет, — пробормотал урун.— Тело в основном в порядке.

— Но многое — нет, — невнятно прошептал Валентайн.— А как ты?

— Уруны хорошие пловцы, даже такие старые, как я. Я невредим. Мы пойдем дальше, Валентайн.

— Позже.

— Вот, значит, как Коронованный...

— Нет, — сказал Валентайн.— Коронованный Маджипуры не пустился бы по порогам Стейча на связанном лианами плоту. Коронованный не шлялся бы по диким местам много дней, не спал бы под дождем и не питался бы одними ягодами да орехами. Коронованный...

— Коронованный не позволил бы себе показаться перед придворными в состоянии отупения и вялости, — резко сказал Делиамбер.— А один из придворных уже идет сюда.

Валентайн заморгал и сел. Широким шагом к ним шла Лизамона Халтин. Она была не в лучшем виде — одежда в лохмотьях, гигантское тело покрыто синяками, но шагала уверенно. И голос ее, когда она окликнула их, звучал, как всегда.

— Эй! Вы живы?

— Думаю, что да, — ответил Валентайн.— Ты видела кого-нибудь из наших?

— В полумиле отсюда Карабелла и мальчик.

Валентайн воспрянул духом.

— С ними все в порядке?

— С ней, во всяком случае.

— А с Шанамиром?

— Он не хочет просыпаться. Она послала меня за колдуном. Я нашла его скорее, чем предполагала. Фу, ну и река! Этот плот унесся так быстро, что...

Валентайн потянулся за одеждой.

Она была еще мокрой. И он снова кинул ее на камни.

— Мы сейчас же пойдем к Шанамиру. Ты ничего не знаешь об остальных?

— Я их не видела. Я упала в воду, а когда выплыла, никого не было.

— А скандары?

— Вообще никаких признаков. Колдун, как по-твоему, где мы?

— Далеко, — ответил урун.— Во всяком случае, от метаморфских банд. Давай веди нас к мальчику.

Лизамона посадила Делиамбера на плечо и пошла назад по берегу, а Валентайн вяло ковылял сзади, перекинув влажную одежду через руку. Спустя какое-то время они дошли до Карабеллы и Шанамира, которые устроились в маленькой бухте с ярким белым песком, а вокруг рос речной тростник с толстыми ярко-красными стеблями. Карабеллу, уставшую, в одной кожаной юбке, силы не совсем покинули. Шанамир же был без сознания, дышал слабо и медленно, и его кожа имела странный темный оттенок.

— О, Валентайн! — вскрикнула Карабелла, бросившись к нему.

— Я видела, как тебя унесло, а потом... О, я думала, что никогда больше не увижу тебя!

Он прижал ее к себе.

— Я тоже так думал, любимая.

— Ты ранен?

— Пустяки. А ты?

— Меня бросало, трясло и крутило, так что я даже не могла вспомнить своего имени. Потом вдруг очутилась в спокойной воде и поплыла к берегу. Там был Шанамир, только он не хотел просыпаться. Из-под тростника вылезла Лизамона и сказала, что пойдет искать Делиамбера и... Он придет в себя, колдун?

— Сейчас, — сказал Делиамбер. Он прикасался кончиками пальцев к груди и ко лбу мальчика, как бы передавая ему энергию. Шанамир пробурчал что-то и пошевелился. Глаза его то открывались, то закрывались. Он начал что-то хрипло говорить, но Делиамбер велел ему молчать и лежать спокойно, чтобы сила вновь вернулась к нему.

Двинуться в путь в этот день нечего было и думать. Валентайн и Карабелла соорудили шалаш из тростника, Лизамона собрала скудный обед из фруктов и молодых побегов пипины. Поев, они молча сидели у реки, любуясь закатом.

Утром все чувствовали себя способными действовать. Шанамир казался здоровым. Лечение Делиамбера и природная живучесть мальчика вернули ему силы.

Кое-как починив свою рваную одежду, они пошли на север, сначала по берегу, а потом через лес, примыкавший к реке. Воздух

был мягким, солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев, давало усталым путникам тепло.

Через три часа Валентайн уловил запах, весьма напоминавший жареную рыбу. Он поспешил туда, глотая слюну, готовый купить, выпросить, в крайнем случае украсть немного этой рыбы, поскольку уже забыл, когда последний раз ел настоящую пищу. Скатившись по откосу, он увидел три сидевшие у костра фигуры. Заслонив глаза от яркого солнца, Валентайн разглядел, что одна из фигур была плотным человеком с бледной кожей и белыми волосами, другая — синекожим существом, а третья — хьерт.

— Слит!— закричал Валентайн.— Кон! Виноркис!

Они спокойно смотрели, как он бежит к ним, затем Слит небрежно протянул ему прут с насаженным на него куском речной рыбы.

— Перекуси, — любезно сказал Слит.

Валентайн развел руками.

— Как вы очутились так далеко от нас? Как вы поймали рыбу? Как вы смогли разжечь костер? Что...

— Рыба остынет, — сказал Кон.— Сначала поешь. Вопросы потом.

Валентайн поспешно взял кусок. Он в жизни не ел ничего вкуснее. Обернувшись, он крикнул своим спутникам, чтобы они скорее спускались. Но те уже бежали — Шанамир, гикая и подскакивая на бегу, Карабелла, за ними топала Лизамона с Делиамбером на плече.

— Рыбы хватит на всех! — объявил Слит.

Они поймали по крайней мере дюжину рыб, которые теперь печально кружились в глубокой каменной выемке с водой. Кон вытаскивал их и потрошил, Слит быстро жарил на костре и передавал друзьям, жадно их съедавшим.

А Слит рассказал, что когда плот треснул, они все вцепились в один обломок и ухитрились удержаться на нем, пока их несло по порогам вниз. Они смутно помнили, что видели отмель, куда выбросило Валентайна, но не видели самого его, когда пронеслись мимо еще на несколько миль, где, наконец, смогли совладать с обломком плота и поплыть к берегу.

Слит сказал, что Кон ловил рыбу голыми руками, что он в жизни не видел таких проворных рук, и думает, что из Кона вышел бы первоклассный жонглер. На это Кон усмехнулся. Валентайн впервые увидел улыбку на этом угрюмом лице.

— А костер? — спросила Карабелла.— Вы зажгли его, щелкнув пальцами?

— Пробовали, — спокойно ответил Слит, — но это тяжкая работа, потому мы пошли в рыбацкую деревню за поворотом и попросили огонька.

— Рыбаки? — удивленно спросил Валентайн.

— Поселение лименов, — сказал Слит.— Видимо, они не знают, что назначение их расы — торговать сосисками в западных городах. Они дали нам кров и согласились довезти до Ни-мои, чтобы мы могли дождаться своих друзей в бухте Ниссиморн.

Он улыбнулся.

— Я полагаю, что теперь нам нужно нанять две лодки.

— Мы недалеко от Ни-мои? — спросил Делиамбер.

— Два часа на лодке, как мне сказали, до места слияния рек.

Мир вдруг показался Валентайну не столь уж огромным и ждавшая его работа не совсем неодолимой. Он снова ел настоящую пищу, знал, что поблизости есть дружественный поселок, что скоро он уйдет из этих мест. Все это ободряло. Теперь его мучило только одно: судьба Залзана Кавола и трех его оставшихся братьев.

Поселок лименов был совсем небольши́м: человек пятьсот невысоких плоскоголовых, темнокожих. Их яркие глаза смотрели на путешественников без особого любопытства. Они жили в скромных тростниковых хижинах у реки, выращивали в маленьких садиках злаки в добавление к тому, что приносил им их флот грубых рыбачьих лодок. Диалект их был трудным, но Слит, похоже, умел общаться с ними и смог не только нанять вторую лодку, но и купил за несколько крон одежду для Карабеллы и Лизамоны.

Часа в два дня они с командой из четырех молчаливых лименов отплыли в Ни-мою.

Течение было быстрое, но порогов мало, и обе лодки быстро скользили вдоль побережья.

Река расширялась и успокаивалась.

Побережье здесь было ровным и открытым, за поселками по обоим берегам высились города с многотысячным населением.

Впереди было темное водохранилище во весь горизонт, словно открытое море.

— Река Зимр, — объявил лимен, рулевой на лодке Валентайна.— Стейч здесь кончается. Налево бухта Ниссиморн.

Открылся громадный полумесяц берега, ограниченный густой рощей пальм необычной перекошенной формы. Когда лодка подплыла ближе, Валентайн с изумлением увидел на берегу плот из грубо обтесанных бревен. Рядом с плотом сидели четыре четверорукие фигуры.

Скандары их ждали.

Залзан Кавол не видел ничего необычного в их путешествии. Его плот прошел через пороги. Он и его братья отталкивались от них шестами, ударялись, конечно, но не сильно, и доплыли до бухты Ниссиморн, где и остановились, гадая, что задержало остальных членов группы.

Скандару не приходило в голову, что другие плоты могли сломаться, тем более, что по пути он не встретил никаких обломков.

— У вас были затруднения? —спросил он с искренним недоумением.

— Небольшие, — коротко ответил Валентайн.— Раз уж мы все собрались, хорошо бы эту ночь поспать в настоящем жилище.

Они продолжили путешествие и добрались до слияния Стейча и Зимра, такого широкого, что Валентайну не верилось, что это всего лишь место встречи двух рек. В городке Ниссиморн они расстались с лименами и сели на паром, который перевез их на

другую сторону Ни-мои, самого крупного города в Зимроеле. В нем жили тридцать миллионов. У Ни-мои река Зимр делала изгиб, резко поворачивая с востока на юго-запад.

Как раз здесь и образовался мегаполис.

Он тянулся на сотни миль по обеим сторонам реки и нескольких притоков с севера. Валентайн и его спутники сначала увидели предместья, жилые районы, переходившие в сельскую местность, которая тянулась до Долины Стейча. Основная городская зона располагалась на северном берегу, и сначала были видны лишь ярусы башен, спускавшихся к реке. Паромы ходили по всем направлениям, связывая бесчисленное множество прибрежных городков. Они переправлялись через реку несколько часов, и уже начало смеркаться, когда показалась Ни-моя.

Город производил магическое впечатление. Он приветливо светился огнями на фоне заросших лесом зеленых холмов и безупречной белизны зданий. Гигантские пальцы пирсов вонзались в реку, а в гавани тянулся бесконечный ряд больших и малых судов. Пидруд, казавшийся Валентайну в первые дни его странствий таким могучим, был против этого города маленьким.

Только скандары, Кон и Делиамбер видели Ни-мою раньше. Делиамбер рассказывал о чудесах города: Паутинной Галерее, торговой аркаде в милю длиной, поднятой над землей на почти невидимых кабелях, о Парке сказочных зверей с редчайшей фауной Маджипур. Эти животные, почти исчезнувшие с развитием цивилизации, свободно бродили здесь по улицам, о Хрустальном бульваре, сверкающей улице с вращающимися рефлекторами, о Большом Базаре — пятнадцатимильных, похожих на лабиринт проходах, где размещалось бесчисленное множество крошечных лавок под длинными навесами из пронзительно-желтой искрящейся ткани, о Музее Миров, Палате Колдовства, о Герцогском Дворце, про который говорили, что краше его только Замок лорда Валентайна, и о многом другом. Валентайну казалось, что все это больше похоже на миф, сказку, чем на реальный город. Но они, наверное, ничего из этих чудес не увидят. Городской оркестр в тысячу инструментов, плавучие рестораны, искусственные птицы с драгоценными камнями вместо глаз и все прочее подождет до того дня — если он когда-то настанет — когда Валентайн вернется в Ни-мою Коронованным.

Когда паром приблизился к городу, Валентайн созвал друзей и сказал:

— Пора нам определить свой курс для каждого. Я намерен ехать в Пилиплок, а оттуда на Остров. Я очень ценю наше давнее содружество и хотел бы сохранить его и дальше, но не могу предложить вам ничего, кроме бесконечного путешествия и возможности внезапной гибели. Моя надежда на успех слаба, а препятствия велики. Хочет кто-нибудь из вас пойти со мной?

— Хоть на край света! — крикнул Шанамир.

— И я, — дружно сказали Слит и Виноркис.

— Неужели ты сомневаешься во мне? — спросила Карабелла.

Валентайн улыбнулся и посмотрел на Делиамбера. Тот сказал:

— На карту поставлена судьба королевства. Как я могу не пойти за истинным Коронованным, куда бы он ни приказал?

— Для меня это тайна, — сказала Лизамона.— Я не понимаю, как Коронованного могли вытряхнуть из его же собственного тела. Но у меня нет другого дела, Валентайн, и я пойду с тобой.

— Благодарю вас всех, — сказал Валентайн, — и еще раз поблагодарю, когда мы будем в зале Горного Замка.

— А скандары нужны тебе, милорд? — спросил Залзан Кавол.

Этого Валентайн не ожидал.

— Вы хотите идти с нами?

— Наш фургон пропал, братство погибло, мы лишились наших жонглерских принадлежностей. Меня паломничество не привлекает, но я и мои братья пойдем за тобой на Остров, если ты пожелаешь взять нас.

— Я хочу, чтобы все были со мной, Залзан Кавол. Есть ли при дворце должность королевского жонглера? Я обещаю ее тебе.

— Спасибо, милорд, — серьезно ответил скандар.

— Есть еще один доброволец, — сказал Кон.

— Ты тоже? — удивленно спросил Валентайн.

Суровый чужак ответил:

— Мне мало дела то того, кто Коронованный на планете, где я сижу на мели, но мне очень важно вести себя достойно. Только благодаря тебе я не умер в Пьюрифайне. Я обязан тебе жизнью и буду помогать тебе, чем смогу.

Валентайн покачал головой.

— Мы сделали для тебя только то, что сделало бы любое цивилизованное существо. Никакого долга перед нами у тебя нет.

— Я смотрю на это иначе, — сказал Кон.— Кроме того, моя жизнь была серой. Я оставил свой родной Кайнимот без серьезных причин и приехал сюда, жил здесь глупо и чуть не поплатился жизнью, так зачем мне продолжать в том же духе? Я присоединяюсь к твоему делу, буду считать его своим и, может быть, со временем поверю в него, а если умру за то, чтобы ты стал королем, то всего лишь верну тебе долг. Своей смертью я расплачусь со Вселенной за плохо проведенную жизнь. Ты принимаешь меня?

— С дорогой душой, — сказал Валентайн.

Паром дал громкий гудок и мягко подошел к причалу.

Они остановились на ночь в самом дешевом портовом отеле, чистом, но голом, с добела вымытыми каменными стенами и общими ваннами, и скромно, но сытно пообедали в гостинице. Валентайн предложил объединить средства и поручить их Залзану Каволу и Шанамиру, поскольку они лучше всех знали цену деньгам и умели их расходовать. У самого Валентайна осталось немало из того, что он имел в Пидруде, а Залзан Кавол извлек из потайного кармана кучу десятироаловых монет. Всего этого должно было хватить на дорогу до Острова.

Утром они сели на речное судно, такое же, как то, которое везло их из Кинтора в Вирф, и отправились в Пилиплок, большой порт в устье Зимра.

Они проехали весь Зимр, но от восточного побережья их все еще отделяло несколько тысяч миль. По широкой полосе Зимра

судно шло быстро и безмятежно. Конечно, оно то и дело останавливалось в бесчисленных городах, даже в безымянных местах, где, тем не менее, были свои пристани, набережные, пальмы, весело раскрашенные склады, базары и пассажиры с билетами, жаждавшие подняться на борт и тут же двигаться дальше. Слит выстругал жонглерские палочки из выпрошенных у команды кусков дерева, Карабелла где-то разыскала мячи, а скандары, пообедав, преспокойно зажали в ладонях пустые блюда и улизнули с ними, так что труппа постепенно обзаводилась оборудованием для работы, а на третий день заработала несколько крон, выступив на палубе. Залзан Кавол вернулся к прежней грубоватости и самоуверенности, поскольку снова выступал, но все же оставался удивительно покладистым, держал себя в узде в ситуациях, которые раньше вызвали бы бурю ярости.

Это были родные края четырех скандаров. Они родились в Пилиплоке и начали свою карьеру, обходя города громадной провинции, простиравшейся вверх по реке и в глубь страны на тысячу миль от побережья. Им было приятно видеть знакомую местность, рыжеватые холмы, суетливые городки с деревянными зданиями, и Залзан Кавол начал рассказывать о своей прежней работе здесь, об успехах и неудачах — они тоже случались, правда, редко — о ссоре с импрессарио, из-за которой он ушел искать счастья на другой конец Зимроеля. Валентайн подозревал, что тут не все чисто, но спрашивать не стал.

Однажды ночью, подвыпив, скандары даже принялись петь впервые на памяти Валентайна. Песня была мрачная и унылая:

Глаза потухли, нет огня.
Ночь — тьмы и стужи пряха.
Темно на сердце у меня.
В душе темно от страха.

Идем от горя до беды,
В затылок дышат черти,
А позади одни следы —
Следы мои и смерти.

Осталась далеко земля,
Что с детства нам знакома,
Где ручейки, холмы, поля,
Колодец возле дома.

А здесь, где тьма со всех сторон,
Суровые законы.
Над морем царствует дракон,
И над землей драконы.

Невероятно печальной была песня, и огромные скандары выглядели так нелепо, когда пели, покачиваясь, что Валентайн и Карабелла чуть было не рассмеялись, но на втором куплете Валентайн почувствовал, что песня его трогает, потому что в ней было живое

чувство, ведь скандары действительно встретились со смертью и горем, и хотя сейчас они вблизи своего дома, большую часть жизни они провели вдали от него. Возможно, — думал Валентайн, — скандарам вообще трудно на Маджипуре, таким грубым лохматым созданиям нелегко в теплую пору среди более мелких, гладкокожих существ.

Лето кончалось, и в восточном Зимроеле начинался сухой сезон, когда дули южные ветры, деревья засыпали до весенних дождей, настроение, как говорил Залзан Кавол, портилось и нередко случались преступления. Валентайну эта зона показалась менее интересной, чем джунгли средней части континента или субтропики дальнего запада, изобиловавшие красками, но через несколько дней, после более пристального наблюдения он решил, что этим местам свойственна некоторая суровая красота, сдержанная и строгая, совсем не похожая на буйную пышность запада. И все равно он обрадовался, когда после многих дней на этой однообразной и вроде бы бесконечной реке Залзан Кавол объявил, что видны окраины Пилиплока.

Пилиплок был почти так же стар и огромен, как его двойник Пидруд на другом конце континента, но на этом сходство кончалось. Пидруд строился без плана, как попало разбросал свои улицы и бульвары, а Пилиплок сразу стал возводиться с жесткой, почти маниакальной точностью.

Он занимал большой мыс на южном берегу устья Зимра. Там, где река впадала во Внутреннее Море, она была непомерной ширины — шестьдесят или семьдесят миль. Зимр нес с дальнего северо-запада все наносы и обломки, собранные на протяжении семи тысяч миль его быстрым течением. И этот его груз придавал зелено-голубым водам океана темный оттенок, тянущийся, как говорили, на сотни миль. Северный мыс устья реки был меловым утесом в милю высотой и во много миль длиной. Эту ослепительно блестящую белую стену в ясную погоду видно было даже из Пилиплока. Мыс никак нельзя было использовать для гавани, там никогда не было поселений, и он считался святым заповедником. На мысе жили удалившиеся от мира поклонники Леди, и к ним в течение сотен лет никто не вторгался. Пилиплок — иное дело. Город с одиннадцатью миллионами жителей расходился радиусами от своей великолепной природной гавани.

Ряд изогнутых поясов пересекал эти радиусы: внутренние — торговые, затем промышленных зон и зон отдыха, на внешних линиях — жилые кварталы, резко разграниченные по уровню состоятельности и в меньшей степени — по расовым признакам. Пилиплок был густо населен скандарами. Валентайну казалось, что каждый третий в районе порта принадлежит к народу Залзана Кавола, и было несколько странно видеть сразу так много четвероруких гигантов. Здесь жило множество надменных аристократических двухголовых су-сухерисов, торговцев предметами роскоши, дорогими тканями, драгоценностями и редчайшими ручными изделиями мастеров со всей провинции.

Дул упорный горячий южный ветер. Почувствовав его на лице,

Валентайн понял, что имел в виду Залзан Кавол, говоря о раздражении, которое вызывал этот ветер.

— Он когда-нибудь утихнет? — спросил он.

— С первыми днями весны, — ответил Залзан Кавол.

К тому времени Валентайн надеялся быть где-нибудь в другом месте. Но возникла заминка. Он пошел с Залзаном на Шкониборг-Пирс на восточной окраине гавани Пилиплока договориться о переезде на Остров. Много месяцев Валентайн мечтал побывать в этом городе, на этом пирсе, представлял себе нечто волшебное — широкие проспекты, поразительную архитектуру — и был немало разочарован, обнаружив, что место, где собирались паломники, — обшарпанная, обветшалая постройка с облупившейся зеленой краской и хлопающими на ветру рваными флагами.

Дальше — хуже. Пирс казался пустым.

Залзан Кавол нашел расписание отплытия, висевшее в темном углу, в билетной кассе. Корабли паломников отплывали на Остров раз в месяц, кроме осени, когда дули неблагоприятные ветры. Последний в этом сезоне корабль отчалил неделю назад, а следующий будет через три месяца.

— Три месяца! — воскликнул Валентайн.— Что мы будем делать в Пилиплоке эти три месяца? Жонглировать? Побираться? Воровать? Прочти расписание еще раз, Залзан!

— Ничего нового в нем я не найду, — ответил скандар.

Он поморщился.

— Пилиплок даст сто очков вперед любому месту, но я не люблю сезона ветра. Вот не повезло!

— В этом сезоне вообще нет никаких кораблей? — спросил Валентайн.

— Только драконские.

— Что это такое?

— Рыбачьи суда. Они охотятся на морских драконов, у которых в это время года брачная пора, они идут косяком, и их брать легко. Драконских судов сейчас полно, но что нам это даст?

— Далеко ли они выходят в море? — спросил Валентайн.

— Как пойдет лов. Иногда они заплывают до архипелага Родмент, если драконы собираются к востоку.

— Где это?

— Это длинная цепь островов, — ответил Делиамбер, — далеко во Внутреннем Море, примерно на полпути отсюда до Острова Снов.

— Они населены?

— Весьма.

— Хорошо. Значит, острова между собой торгуют. Что, если нанять такой корабль, чтобы он довез до архипелага, а там договориться с местным капитаном о доставке нас на Остров?

— Можно попробовать, — сказал Делиамбер.

— Нет такого правила, чтобы пилигримы плыли обязательно на пилигримском корабле?

— Нет, насколько я знаю.

— Рыбачьи суда не будут связываться с пассажирами, — возразил Залзан Кавол.— Они никогда этим не занимаются.

— Может, несколько роалов их заинтересуют?

Скандар пожал плечами.

— Не имею представления. Но ремесло у них прибыльное, пассажиров они станут рассматривать как помеху, а то и как дурную примету. И не согласятся тащиться с нами на архипелаг, если след драконов проходит в стороне от островов. Да и мы не можем быть уверены, что кто-то с архипелага захочет везти нас дальше.

— Кто знает, — сказал Валентайн, — может быть, все легко устроится. Деньги у нас есть, и я лучше потрачу их на морских капитанов, чем проем и проживу за три месяца в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Этот район порта занимал особняком три или четыре мили, пирс за пирсом, а в гавани стояли десятки больших деревянных кораблей, готовых к только что начавшемуся новому охотничьему сезону.

Все эти корабли были одной конструкции и выглядели, как показалось Валентайну, угрюмыми и зловещими: страшно раздутые в боках, с причудливыми трезубцовыми мачтами, ужасающим зубастым изображением на носу и длинным хвостом на корме. По бокам судно украшали нарисованные красным и желтым глаза, ряды хищных белых зубов. Высокие верхние палубы щетинились куполами для гарпунеров и громадными лебедками с сетями. Платформы, где разрубалась добыча, были покрыты пятнами крови. Валентайну показалось неуместным ехать на мирный священный Остров Снов на таком корабле-убийце, но выбора не было.

Но и этот выход скоро стал казаться сомнительным. Они шли от корабля к кораблю, от причала к причалу, капитаны без всякого интереса выслушивали их и тут же отказывали. Говорил в основном Залзан Кавол, так как чаще всего капитаны были скандарами и могли отнестись к нему полюбезнее. Но и его уговоры не действовали.

— Вы будете отвлекать команду, — сказал первый капитан.— Начнете путаться между снастями, страдать от морской болезни, и понадобятся особые услуги.

— Мы не берем пассажиров, — отказал второй.— Это против правил...

— Архипелаг не в той стороне, куда мы собираемся плыть, — ответил третий.

— Говорят, — сказал четвертый, — что если драконское судно идет в море с чужаками на борту, оно не вернется в Пилиплок. Зачем мне испытывать судьбу.

— Мне нет дела до пилигримов, — сказал пятый.— Пусть Леди, если хочет, перенесет вас на Остров, а на моем корабле вам нечего делать.

Шестой тоже отказался, добавив, что ни один капитан не возьмет их.

То же сделал и седьмой. Восьмой, услышав, что группа сухопутных шляется по докам, вообще отказался разговаривать.

Девятый капитан, старый седой скандар с потускневшим

мехом, без зубов, оказался более любезным, хотя и не пожелал взять их на свой корабль. Но зато он дал совет:

— На пирсе Престимиона вы найдете капитана Гарцвела с «Бренгалина». Гарцвелу в последнее время не везет, и все знают, что с деньгами у него туго. Я слышал на днях в таверне, что он пытался занять денег на ремонт своей посудины. Может быть, доход с пассажиров будет ему сейчас кстати.

— А где этот пирс Престимиона? — спросил Залзан Кавол.

— В самом конце, за Деккеретом и Кинникеном, как раз к западу от склада утиля.

Склад утиля, похоже, — самое подходящее место для «Бренгалина», — подумал Валентайн, когда через час увидел судно капитана Гарцвела. Оно было вполне подходящим, чтобы пустить его на дрова, меньше и старше, чем все остальные корабли. Когда-то у него, видимо, был проломан и корпус, но отремонтировали его плохо, и один борт странно покосился.

Нарисованные по ватерлинии глаза и зубы потеряли блеск, носовое изображение перекосилось, хвостовые зубья были отломаны футов на десять — может быть сильным ударом дракона, мачты тоже заметно укоротились. Команда, лениво поглядывая на посетителей, без особого рвения смолила и свертывала веревки и паруса.

Капитан Гарцвел выглядел таким же потрепанным и изношенным, как и его корабль.

Он был скандаром, но карликом, с одним глазом и обрубком вместо левой внешней руки.

Тусклый и грубый мех, сгорбленные плечи, весь его вид говорил об усталости и бедах.

Но он тут же просветлел, когда Залзан Кавол заговорил насчет поездки до архипелага.

— Сколько вас?

— Двадцать. Четыре скандара, хьерт, урун, пятеро людей и один чужак.

— Все пилигримы?

— Да.

Гарцвел быстро изобразил знак Леди и сказал:

— Ты знаешь, что на драконский корабль брать пассажиров не полагается. Но я обязан вознаградить Леди за ее милости в прошлом и сделаю исключение. Плата вперед?

— Конечно, — сказал Залзан.

Валентайн с облегчением вздохнул. Это было жалкое ободранное судно, а Гарцвел, наверное, третьесортный навигатор, страдающий от неудач или от неумения, но он хочет взять их, а никто больше не соглашается.

Гарцвел назвал цену и ждал с явной тревогой. Он запросил меньше половины того, что они безуспешно предлагали другим капитанам, но Залзан Кавол, торговавшийся по привычке и из гордости, предложил на три роала меньше. Гарцвел, заметно приунывший, скинул полтора роала, Залзан Кавол намеревался выторговать еще несколько крон, но Валентайн, пожалев несчастного капитана, быстро прервал торг, сказав:

— Договорились. Когда отплываем?

— Через три дня, — сказал Гарцвел.

На деле вышло — четыре, Гарцвел неопределенно говорил о каких-то мелких починках, которые, как обнаружил Валентайн, оказались починкой самых серьезных дыр. Раньше капитан не мог этого сделать. По слухам, которые Лизамона собрала в портовых тавернах, Гарцвел пытался заложить часть будущего улова, чтобы нанять плотников, но желающих не нашел. Лизамона сказала, что у него плохая репутация: недальновидный, невезучий, плохо платит команде. Однажды он упустил целый косяк морских драконов и вернулся в Пилиплок с пустыми трюмами, а в другой раз потерял руку, потому что принял еще живого маленького дракона за мертвого, а в последнем плавании его корабль получил от разъяренного дракона такой удар, что чуть не пошел ко дну.

— Наверное, нам лучше вплавь добираться до Острова, — закончила Лизамона.

— А может мы принесем нашему капитану удачу, — сказал Валентайн.

Слит засмеялся.

— Если можно было бы попасть на трон только благодаря оптимизму, милорд, ты к Зимнему дню был бы уже в Замке.

Валентайн тоже засмеялся. Но после бедствия в Пьюрифайне он слегка опасался, что принесет своим друзьям новые беды на борту этого злосчастного корабля. Ведь они шли за ним в сущности из-за того лишь, что поверили в сны, колдовство и загадочное представление метаморфов. Ему будет очень больно, если он принесет им новую беду! Однако Валентайн испытывал большую симпатию ко всеми оплеванному безрукому Гарцвелу.

Такой бедолага-моряк как раз подходящий кормчий для еще более незадачливого Коронованного, который ухитрился за одну ночь потерять трон, память и личность!

Накануне отплытия Виноркис отвел Валентайна в сторону и встревоженно сообщил:

— Милорд, за нами следят.

— Откуда ты знаешь?

Хьерт улыбнулся и расправил клювом оранжевые усы.

— Тот, кто занимается мелким шпионажем, всегда узнает себе подобных. Я обратил внимание на седого скандара, слонявшегося у доков в последние дни, и расспросил ребят Гарцвела. Один из корабельных плотников сказал мне, что этот скандар интересовался пассажирами Гарцвела, тем, куда они едут.

Валентайн почувствовал беспокойство.

— А я надеялся, что мы сбили их со следа в джунглях!

— Они, очевидно, снова обнаружили нас в Ни-мое, милорд.

— Тогда постараемся еще раз отделаться от них на архипелаге и не попадаться на глаза другим шпионам. Спасибо, Виноркис.

— Не стоит благодарности, милорд. Это мой долг.

Когда корабль отошел от причала, дул сильный южный ветер. Во время посадки Виноркис искал глазами любопытного скандара, но того нигде не было видно. Он сделал свое дело, — предположил Валентайн, — а дальше собирать сведения о нас для узурпатора будет другой.

Они держали путь на юго-восток: драконским кораблям привычно было идти против вечно враждебного ветра. Это был изматывающий труд, но его нельзя было избежать, потому что морских драконов можно было ловить только в этом сезоне. У «Бренгалина» был дополнительный мощный двигатель, но какой от него прок, если на Маджипуре не хватало горючего.

Неуклюже, но величественно «Бренгалин» повернулся боком к ветру и двинулся из гавани Пилиплока в открытое море.

Это было самое маленькое море Маджипуры, Внутреннее, отделявшее восточный Зимроель от западного Альханроеля.

Пять тысяч миль от берега до берега не пустяк, однако Внутреннее Море было просто лужей по сравнению с Великим Океаном, занимавшим большую часть другого полушария и недоступным для навигации — тысячи и тысячи миль открытой воды. Внутреннее Море было более доступно человеку по размеру, тем более что посреди него поднимался Остров Снов, достаточно большой, чтобы на планете меньшего размера считаться континентом, и несколько гряд других островов.

Морские драконы непрерывно мигрировали. Они двигались вокруг планеты годами, даже десятилетиями. Наверное, десятки больших стад их жили в Океане, постоянно путешествуя с запада на восток. Каждое лето одно стадо шло через Великий Океан мимо юга Нарабала и южного побережья Зимроеля к Пилиплоку.

Тогда охота на них запрещалась, потому что в это время в стаде появлялось множество стельных самок. К осени рождались малыши, стадо приплывало в продуваемые ветром воды между Пилиплоком и Островом Снов, и начиналась ежегодная охота. Из Пилиплока выходило громадное количество судов. Стада теряли и старых, и молодых, а оставшиеся в живых возвращались в тропики, пройдя с юга Остров Снов, огибали длинный Стоенцар — мыс Альханроеля и направлялись на восток к Великому Океану, где плавали без помех, пока не наступало время снова огибать Пилиплок.

Из всех животных Маджипуры морские драконы были самыми огромными. Рождались они крошечными, не более пяти — шести футов длиной, но росли всю жизнь, а жизнь их была долгой, хотя никогда никто не знал ее продолжительности. Гарцвел, пригласивший пассажиров столоваться вместе, оказался весьма разговорчивым, когда его тревоги остались позади, и рассказывал легенды о морских драконах. Один, пойманный в царствование лорда Молибора, имел в длину сто девяносто футов, другой — во времена Конфалума — двести сорок. Во времена, когда Понтификом был Престимион, а Коронованным — лорд Деккерет, был пойман морской дракон в двести футов, но чемпионом, как говорил Гарцвел, был дракон, нахально появившийся почти у входа в гавань Пилиплока при лорде Кинникене: тот, по утверждению верных свидетелей, был длиной в триста пятнадцать футов. Он ушел невредимым, потому что весь флот кораблей находился далеко в море. Это чудовище так и назвали — дракон лорда Кинникена. Говорили, что он появлялся несколько раз в последующие столетия. Последний раз его видели при лорде Вориаксе, но никто

не метнул в него гарпун, потому что среди охотников у него была зловещая репутация.

— Теперь у него, наверное, пятьсот футов в длину, — закончил Гарцвел, — и я молюсь, чтобы честь измерить его выпала кому-нибудь другому, если этот дракон вернется в наши воды.

Валентайн видел маленьких драконов, убитых, выпотрошенных и высушенных, продававшихся на рынках по всему Зимроелю, и однажды попробовал их мясо, темное, жесткое, с резким привкусом. Так приготовлялись драконы меньше десяти футов длиной. Мясо более крупных — до пятидесяти футов — разрубалось и продавалось свежим на восточном побережье Зимроеля, но на далекие от моря рынки не поступало из-за трудности транспортировки.

Драконы свыше пятидесяти футов не годились для еды, но из них вытапливали жир для различных целей.

Кости морских драконов всех размеров использовались в строительстве, потому что отличались крепостью стали, а добывались куда легче, а яйца драконов, сотни футов которых находили в брюхе взрослых самок, имели медицинскую ценность. Драконья кожа, драконьи плавники — все шло в дело, ничего не выбрасывалось.

Предлагая гостям фляжку голубоватой жидкости, Гарцвел говорил:

— Это, например, драконье молоко. В Ни-мое или Кинторе за такую фляжку дают десять крон. Попробуйте.

Лизамона недоверчиво отхлебнула и тут же выплюнула на пол.

— Драконье молоко или драконья моча? — спросила она.

Капитан холодно улыбнулся.

— То, что ты выплюнула, в Долорне стоило бы тебе не меньше кроны, и ты еще считала бы, что тебе повезло.

Он протянул фляжку Слиту, и поскольку тот отказался — Валентайну. После минутного колебания Валентайн смочил в ней губы.

— Горькое, — сказал он, — и вкус затхлый, но не так, чтобы совсем ужасный. Как оно действует?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

— Возбуждает, — прогудел он, — разгоняет по жилам кровь, удлиняет жизнь.

Он указал на Залзана Кавола, который, не спрашивая, сделал большой глоток.

— Видите? Скандары знают! Мужчину из Пилиплока не нужно уговаривать выпить это!

— Драконье молоко? — спросила Карабелла.— Разве они млекопитающие?

— Да. Яйца созревают внутри, а детеныши рождаются живыми, по десять-двенадцать в помете. На брюхе самки ряды сосков. Тебе кажется удивительным — драконье молоко?

— Я думала, что драконы — рептилии, — сказала Карабелла, — а рептилии не дают молока.

— Лучше подумай, что драконы — это драконы. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — ответила она.— Мою кровь не нужно разгонять.

Обеды в капитанской каюте были, по мнению Валентайна, лучшей частью путешествия. Гарцвел был самым добродушным из скандаров и держал хороший стол с вином, рыбой разных сортов, мясом, включая и драконье. Но корабль его скрипел и трещал, был плохо построен и плохо обихожен, а команда, состоящая из дюжины скандаров и братии хьертов и людей, была необщительной и часто откровенно враждебной. Эти охотники за драконами даже на таком нищенском судне, как «Бренгалин», вели себя гордо и сдержанно и злились на присутствие чужих.

Только один Гарцвел отличался гостеприимством. Он явно был благодарен пассажирам, поскольку они дали ему возможность отправить корабль в море.

Теперь они были далеко от земли, в унылом краю, где бледно-голубой океан сливался с таким же небом, стирая всякое ощущение места и направления. Курс лежал на юго-восток, и чем дальше они отходили от Пилиплока, горячее становился ветер. Теперь он был жарким и сухим.

— Мы называем ветер нашим посланником, — сказал Гарцвел, — потому что он идет прямо из Суврaеля. Это маленький подарок Короля Снов, такой же замечательный, как и все его дары.

Море было пустым: ни островов, ни дрейфующих обломков, никаких признаков чего-либо, даже драконов. Значит, драконы шли далеко от побережья, как иногда случалось, и грелись в тропических водах близко к архипелагу.

Драконы показались через неделю. Гарцвел предсказал их появление за день, увидев во сне, что они рядом.

— Все капитаны видят во сне драконов, — объяснил он.— Нас что-то с ними связывает, мы чувствуем, когда драконы приближаются к нам. Есть одна женщина-капитан, ее зовут Гидраг. Она видит драконов во сне за неделю, а иногда и раньше. Идет прямо на них, и они всегда там. Я не такой способный, я их чувствую самое большее за день. Но таких, как Гидраг, больше нет. Я делаю, что могу. Мы увидим драконов через десять-двенадцать часов, это я гарантирую.

Валентайн мало верил в это, но в середине дня дозорный завопил:

— Эй! Драконы идут!

Великое множество драконов — сорок, пятьдесят, а то и больше шло прямо перед носом «Бренгалина». Толстобрюхие неграциозные животные, широкие поперек, как сам корабль, с длинными толстыми шеями, тяжелыми треугольными головами, короткими хвостами, заканчивающимися яркими плавниками, и выступающими костяными гребнями во всю длину сильно выгнутой спины. Самое странное, что у них были крылья — по сути, украшение, потому что такое громадное существо просто не могло подняться в воздух, но выглядели они не украшениями, а настоящими крыльями, темными, складчатыми, как у летучей мыши. Они вырастали под шеей дракона и доходили до половины длины его тела. У большей части драконов крылья были сложены, но

некоторые полностью развернули их и, помахивая ими, двигались с поразительной скоростью.

В основном тут были молодые драконы, от двенадцати до пятидесяти футов длиной, много новорожденных, шестифутовых, свободно плескавшихся или державшихся за соски матерей. Но среди этой мелочи было несколько чудовищ, сонных, наполовину погруженных в воду. Их спинные гребни поднимались над водой, как холмы на плавучем острове.

Они были невообразимо грузными. Трудно было судить о полном их размере, так как задняя их часть была глубоко в воде, но выглядели они по крайней мере не меньше корабля. Валентайн, проходя по палубе с капитаном, спросил:

— Нет ли здесь лорда Кинникена?

Капитан снисходительно улыбнулся.

— Ну, дракон Кинникена, наверное, втрое больше этих. Нет, даже еще больше. Эти едва ли ста пятидесяти футов. Я видел куда крупнее.

Валентайн пытался представить себе дракона втрое больше самого крупного из этих, но не мог. Это все равно, что воочию представить себе всю Гору Замка: человеку это просто не доступно.

Корабль двинулся вперед для убийства.

Вся операция была точно рассчитана. Были спущены лодки, на носу каждой скандар с острогой. Лодки спокойно двигались мимо кормящих самок. Скандар пронзал одну здесь, другую — там, распределяя убийство матерей таким образом, чтобы не вызвать полной гибели всех малышей.

Молодые били хвостами по лодкам. Когда лодки вернулись к кораблю, были спущены сети для подъема добычи. Только взяв с десяток молодых драконов, охотники принялись за большую игру. Лодки были втянуты наверх, а гарпунер, громадный скандар с синей полосой поперек груди, где мех был содран много лет назад, занял место в куполе. Он не спеша выбрал оружие, закрепил его в катапульте, а Гарцвел в это время маневрировал кораблем, чтобы дать гарпунеру возможность точно ударить по выбранной жертве. Гарпунер прицелился. Драконы беззаботно плыли. Блеснуло древко выпущенного гарпуна, он до половины вонзился в выпуклое плечо девяностофутового дракона, и море сразу ожило.

Раненый дракон со страшной яростью хлестал по воде хвостом и развернутыми крыльями, как бы желая взлететь в небо и утащить с собой «Бренгалин». При первом его крике матери-драконы распустили крылья, собрали под них своих детенышей и стали удаляться, мощно колотя хвостами, в то время как крупнейшие в стаде, настоящие чудовища, просто скрылись из виду, уйдя в глубину. Осталось с десяток полувзрослых драконов, знавших, что случилась какая-то беда, но не понимавших, как действовать. Они плавали широкими кругами вокруг раненого товарища, полуразвернув крылья и слегка хлопая ими по воде. Тем временем гарпунер в полном спокойствии выбрал оружие и метнул второй, а затем третий гарпун в жертву.

— Лодки! — закричал Гарцвел.— Сети!

Началась кутерьма. Снова спустили лодки, и охотники строем

двинулись к кольцу встревоженных драконов, бросая в воду гранаты, которые взрывались с глухим буханьем, распространяя толстый слой ярко-желтой краски. Взрывы и, видимо, краска привели оставшихся драконов в неописуемый ужас. Они быстро скрылись из виду, яростно хлопая хвостами и крыльями.

Осталась только жертва. Дракон был жив, и держали его крепко. Он тоже поплыл, потянув за собой «Бренгалин», заметно теряя силы.

Лодочники своими гранатами старались заставить дракона плыть к кораблю, и в это же время была спущена громадная сеть, каким-то внутренним механизмом она раскрылась, растянулась на воде и снова сомкнулась, как только дракон запутался в ней.

— Лебедки! — заорал Гарцвел.

Сеть поднялась из воды.

Дракон метался. Его громадный вес заставил корабль опасно накрениться.

Гарпунер в куполе схватил катапульту всеми четырьмя руками и с яростным воплем метнул гарпун. Послышался ответный звук — глухой агонии. Гарпун вонзился в голову дракона как раз позади громадных, как тарелки, зеленых глаз. Мощные крылья последний раз страшно ударили по воздуху.

Остальное уже было делом мясников.

Лебедки свое сделали, дракон лежал на платформе, началась разделка.

Валентайн некоторое время следил за кровавым зрелищем, но потом ушел вниз, а когда через несколько часов вернулся, на палубе лежал чистый, как музейный экспонат, скелет дракона, и охотники разбирали его.

— Ты почему такой хмурый? — спросила Карабелла.

— Не могу оценить это искусство, — ответил Валентайн.

Ему казалось, что Гарцвел мог бы забить большой трюм корабля этим косяком драконов. Однако капитан взял только нескольких малышей и одного взрослого, да и то не самого крупного, остальным же дал уйти. Залзан Кавол объяснил, что взяли лишь столько, сколько дозволялось Коронованными прошлых столетий, заботившимися о том, чтобы драконы не вымерли. Стадо можно сократить, но нельзя уничтожать, и если корабль вернется из плавания слишком быстро, его проверят и строго накажут.

Кроме того, важно было быстрее поднять на борт пойманных драконов, пока не появились хищники, и как можно скорее разделать, а команда, охотящаяся с чрезмерной жадностью, не сможет управиться с добычей достаточно эффективно и прибыльно.

После первой сезонной охоты команда Гарцвела несколько смягчилась.

Охотники кивали пассажирам, иногда даже улыбались, работу выполняли радостно. Уже не молчали угрюмо, а смеялись, шутили и пели на палубе.

Красив и смел лорд Молибор
С драконами поспоря,
Однажды он спустился с гор
И тут же вышел в море.

Над ним синели небеса,
День гулок был и светел.
И золотые паруса
Наполнил свежий ветер.
И лорд суров был у руля,
И пенилась пучина.
Он звал на битву короля —
Дракона-исполина.

Давно легендой стала быль —
Бой лорда и британа.
Тянулся целых тридцать миль
Один лишь хвост дракона.

Был Молибор красив и смел,
Он жил и умер гордо.

— Смотри, — сказала Карабелла, — там Залзан Кавол.

Валентайн взглянул. Скандар стоял у поручней, сложив руки, и хмурился.

Похоже, песня ему не нравилась. Что это с ним?

Проклятый ящер лорда съел,
Нет больше в мире лорда.

Моряк, твой парус над бедой,
И не всегда победа.
Ты можешь завтра стать едой
Дракона-людоеда.

Валентайн засмеялся и хлопнул в ладоши. Залзан Кавол, негодуя, стремительно подошел к нему.

— Милорд, как ты терпишь такое непочтительное...

— Потише с «милордом», — сказал ему Валентайн.— А почему непочтительное?

— Неуважение к страшной трагедии! Неуважение к покойному Коронованному!

— Залзан Кавол, — мягко возразил Валентайн, — неужто ты такой почитатель респектабельности?

— Я знаю, что правильно и что неправильно, милорд. Насмехаться над смертью лорда Молибора — это...

— Полегче, дружище!

Валентайн положил руку на локоть скандара.

— Лорд Молибор давно умер, теперь ему все равно. А я с удо-

вольствием послушал песню. Если я не оскорблен, что же тогда с тобой?

Но Залзан Кавол продолжал ворчать:

— Позволь мне сказать, милорд, ты еще не вполне освоился со своим положением. На твоем месте я запретил бы рыбакам петь эти песни в твоем присутствии.

Валентайн широко улыбнулся.

— А какое им дело до моего присутствия? Я всего лишь пассажир. Выскажи я что-либо подобное, меня тут же выкинут за борт, на корм драконам. Подумай об этом, Залзан, и успокойся, друг. Глупая матросская песня, только и всего.

— Но..., — прошептал Залзан Кавол.

Он отошел.

— Он все принимает всерьез.

Карабелла засмеялась.

— Да, — согласился Валентайн.— Милая, окажи мне услугу: когда моряки закончат работу, отведи в сторону одного — вон хоть того, рыжебородого, пусть он научит тебя словам этой песни. А потом научишь меня. Может быть, Залзан Кавол улыбнется, если я сам спою ее?

Прошла неделя, прежде чем они снова увидели драконов. За это время песенку выучили не только Валентайн и Карабелла, и Лизамона Халтин с удовольствием распевала ее своим хриплым баритоном. Но Залзан Кавол по-прежнему хмурился и недовольно фыркал, слыша ее.

Второй косяк драконов был больше первого, и Гарцвел разрешил взять примерно две дюжины маленьких, одного среднего и одного большого футов на сто тридцать. Так что в следующие несколько дней работали не покладая рук. Палуба стала пурпурной от крови, по всему кораблю сложены груды костей и крыльев, пока команда не рассортировала все это по размерам и не унесла вниз. На капитанский стол были поданы деликатесы из самых таинственных частей дракона, и Гарцвел выставил бочонок отличного вина, кто бы мог предположить, что у капитана, находившегося на грани банкротства, такие запасы.

— Пилиплокское золотое,— сказал он, наливая щедрой рукой.— Я хранил его для особого случая, а сейчас, без сомнения, он настал. Вы принесли мне большую удачу.

— Твои товарищи — капитаны не обрадуются, услышав это, — возразил Валентайн.— Как бы они за нас ухватились, если бы знали, что мы приносим счастье.

— Они потеряли — мы выиграли. За ваше паломничество, друзья! — крикнул капитан.

Теперь они шли в более спокойных водах. Жаркий ветер с Сувраеля здесь, вблизи тропиков, затих, подул более приятный, более влажный бриз с юго-запада, с далекого Мыса Стоенцар на Альханроеле.

Вода была глубокого зеленого оттенка, летало множество морских птиц, под самой поверхностью воды мелькали яркоокрашенные рыбы — пища драконов. Родмент — архипелаг был уже недалеко. Гарцвел предложил закончить лов: «Бренгалин» мог

вместить еще несколько драконов, пару средних и штук сорок маленьких.

Он решил высадить пассажиров и вернуться в Пилиплок, чтобы распродать добычу.

Разговор прервал крик дозорного:

— Драконы!

Это был громадный косяк, в несколько сот драконов. Повсюду из воды высовывались горбатые спины. Два дня «Бренгалин» шел среди них и поработал на славу. На горизонте виднелись другие корабли, но они держались далеко, потому что правила запрещали вторгаться на чужую территорию.

Гарцвел прямо сиял от успехов плавания. Он сам часто подсоблял команде лодочников, что Валентайну казалось необычным, а однажды даже вошел в купол поработать с гарпуном. Корабль под грузом драконьего мяса осел ниже ватерлинии.

На третий день драконы все еще были здесь: резня их не тревожила, и они не спешили уходить.

— Еще одного большого, — сказал Гарцвел, — и идем к островам.

Последней мишенью он выбрал восьмидесятифутового дракона.

Валентайн устал, чрезмерно устал от этой резни, и когда гарпунер приготовился к третьему удару, он отвернулся и пошел в дальний конец палубы. Там стоял Слит. Они подошли к поручням и поглядели на восток.

— Как думаешь, можно отсюда увидеть архипелаг? — спросил Валентайн.— Я уже соскучился по твердой земле, и мне опротивел запах крови.

— У меня хорошее зрение, милорд, но до островов еще два дня пути. Даже моими глазами не разглядеть.

Вдруг он ахнул:

— Милорд!

— Что случилось?

— К нам плывет остров, милорд!

Валентайн посмотрел вдаль, но не сразу увидел: утреннее солнце ярко освещало поверхность воды. Но вот и он увидел: из воды высунулась зубчатая драконья спина, а под ней смутно виднелось нечто, невероятных размеров.

— Дракон лорда Кинникена! — срывающимся голосом вскрикнул Валентайн.— Он идет прямо на нас!

Может быть это и был дракон Кинникена, а может, другой, не столь громадный, но он был достаточно велик, длиннее «Бренгалина». Он шел прямо на них — ангел ли смерти, другая ли невообразимая сила — неизвестно. Но масса его была бесспорно чудовищной.

— Где Гарцвел? — заорал Слит.— К оружию!

Валентайн засмеялся.

— Можно ли остановить гарпуном эту мчащуюся гору, Слит? Ты хорошо плаваешь?

Большая часть охотников была занята добычей, но кое-кто оглянулся, и на палубе закипела бешеная деятельность. Гарпунер

резко повернулся и стоял с оружием в руках. Другие бросились к соседним куполам. Валентайн, ища взглядом Карабеллу и остальных, увидел бросившегося к рулю Гарцвела. Лицо скандара было мертвенно-бледным, взгляд обезумел, словно он увидел послание смерти.

— Спустить лодки! — закричал кто-то.

Лебедки завертелись. Все дико заметались от страха. Один хьерт с почерневшими от ужаса глазами погрозил Валентайну кулаком и грубо схватил его за руку.

— Это ты навел его на нас! Ни одного из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то возникла Лизамона и отшвырнула хьерта, и затем обвила Валентайна могучими руками, как бы защищая его от любого нападения.

— Знаешь, а ведь хьерт прав, — спокойно сказал Валентайн.— Мы приносим несчастье. Сначала Залзан Кавол потерял фургон, теперь этот несчастный Гарцвел терпит...

Раздался страшный удар, атакующий дракон врезался о борт.

Корабль накренился и тут же качнулся в другую сторону. Страшная дрожь сотрясала его обшивку. Второй удар крыльями по корпусу, третий — и «Бренгалин» подскочил.

— Пробоина! — отчаянно закричал кто-то.

Множество предметов каталось по палубе. Громадный котел сорвался с креплений и сбил трех матросов, ящик с топорами перевернулся. Корабль продолжал раскачиваться.

Там, где висел недавний улов, Валентайн увидел громадного дракона. Чудовище плавало кругами, готовясь к новой атаке.

В целенаправленности его убийственных действий уже не было никаких сомнений.

Дракон ударил. «Бренгалин» страшно закачался. Валентайн вскрикнул — руки Лизамоны чуть не раздавили его. Он не видел никого из своих, не знал, живы ли они.

Корабль погибал. Слышно было, как трюм заливает водой. Хвост дракона поднялся над палубой и снова ударил. Началось нечто невообразимое. Валентайн почувствовал, что куда-то летит, он плавно вознесся, затем опустился и погрузился в воду.

Кажется, он попал в водоворот, и его страшно закрутило и потащило вниз. В голове звенели слова баллады о лорде Молиборе. Это правда, что Коронованный, увлекшийся охотой на драконов, десять лет назад вышел в море на самом красивом в Пилиплоке корабле и не вернулся. Корабль пропал со всей командой. Никто не знал, что случилось, но, как смутно помнилось Валентайну, говорили о неожиданном шторме.

Валентайн подумал, что вполне возможно, не обошлось без этого самого зверя — убийцы, мстителя.

И вот теперь второй Коронованный, наследник Молибора, встретился с ним.

Его затягивало в глубину, и он перестал думать о приливах и отливах удачи.

Он боролся за каждый вдох, кашлял, выплевывал воду и снова глотал, затем его накрыла тьма.

С тех пор, как Валентайн утратил свое прошлое и оказался возле Пидруда, он никогда не задумывался о смерти.

Ему хватало жизненных проблем. Он смутно вспоминал, что в школе учили, что души возвращаются к Божественному Источнику в тот последний момент, когда происходит высвобождение жизненной энергии, когда идешь по Мосту Прощания, Мосту, которым управляет Понтифик. Но правда это или нет, есть ли мир по ту сторону жизни и каков он, Валентайн никогда не задумывался. Однако теперь он пришел в себя в таком странном месте, которое не могли бы себе вообразить даже самые смелые мыслители.

Это и есть загробная жизнь? Огромное помещение с толстыми влажными розовыми стенами, потолок высокий, сводчатый, поддерживаемый мощными колоннами, но кое-где понижается почти до пола. В этой комнате помещались две полусферы, испускавшие слабый голубой свет. Воздух был скверный, насыщенный паром с резким горьким привкусом, крайне неприятным.

Валентайн лежал на мокрой скользкой поверхности, грубой, с глубокими складками, все время подрагивавшими, ощущая рукой какие-то конвульсии, доходившие откуда-то из глубины. Из чего был сделан пол, Валентайн никак не мог понять, а слабое, но заметное движение внутри него позволяло думать, что место, куда попал Валентайн, не мир после смерти, а просто галлюцинация.

Валентайн осторожно встал. Одежда на нем вымокла, один сапог он где-то потерял, на губах был привкус соли. Он с трудом приходил в себя. Стоять на этой непрерывно дрожащей поверхности было трудно. Оглядевшись, он увидел что-то вроде слабо сиявшей растительности, толстой, мясистой, безлистной, выходившей из пола. Она тоже все время изгибалась от внутреннего движения. Пройдя между двумя колоннами и через участок, где пол почти сходился с потолком, он увидел нечто вроде пруда с зеленоватой жидкостью. За ним ничего не было видно из-за тумана.

Он подошел к пруду. Очень странно: там были сотни ярких рыб, он видел их в море накануне, но они не плавали, они были мертвы и разлагались, мясо отваливалось от костей, а внизу под водой лежал толстый, в несколько футов ковер из таких же костей.

Позади вдруг послышался рев. Валентайн повернулся. Стены комнаты пришли в движение, подались назад, в снижавшейся части потолка появилось большое отверстие и из него хлынул поток воды, затопив Валентайна до бедер. Он успел добраться до колонны и обхватить ее руками, хоть вода хлестала вовсю. Валентайн устоял, но были моменты, когда он думал, что его снесет.

Затем поток иссяк, вода вошла в щели, образовавшиеся в полу, остались только рыбы. Пол начал содрогаться, отчаянно бившиеся рыбы покатились к зеленоватому пруду. Попав туда, они быстро перестали двигаться.

И вдруг Валентайн понял.

Он не умер, и он — в брюхе дракона.

Валентайн захохотал, откинув голову назад, он закатывался от хохота. А что еще оставалось делать? Кричать? Ругаться? Громадное животное одним глотком втянуло в себя Коронованного

Маджипуры, как мелкую рыбешку. Но он был слишком велик, чтобы его отправили в тот переваривавший пруд, поэтому он сидит на полу драконьего желудка. А что дальше? Поселиться здесь до конца дней и питаться сырой рыбой из улова дракона?

— Комедия, — думал Валентайн.

Но это была и трагедия, потому что все остальные погибли при крушении «Бренгалина». Валентайн скорбел теперь только о них. Навеки умолк звонкий голос Карабеллы, пропал Слит с его удивительной ловкостью рук, скандары больше не затеют игру ножами, факелами, кончилась, едва начавшись, жизнь Шанамира.

Валентайн запретил себе об этом думать. Чтобы не поддаться скорби, боли и чувству утраты, он снова захохотал, протягивая руки к стенам этой странной комнаты.

— Это Замок лорда Валентайна! — крикнул он.— Тронный зал! Я приглашаю всех отобедать со мной в большом тронном зале!

Из темной дали послышался голос:

— Клянусь своими кишками, я принимаю это приглашение!

Валентайн изумился.

— Лизамона?

— Нет. Понтифик Тиверас и его косоглазый дядя! Это ты, Валентайн?

— Да. Кто вы? Где вы?

— В глотке этого вонючего дракона! А ты где?

— Недалеко от тебя! Но я тебя не вижу!

— Стой, — предложила она.— Стой на месте и пой, а я постараюсь дойти до тебя.

Валентайн запел во всю мощь:

— Лорд Молибор был красив и смел

И любил бурное море...

Снова раздался ревущий звук, гигантская пасть животного открылась, чтобы впустить морскую воду и кучу рыбы.

Снова Валентайн ухватился за колонну, когда поток понесся на него.

— О, во имя Божества, держись, Валентайн! — закричала Лизамона.

Валентайн изо всех сил ухватился за столб, откуда-то Лизамона окликнула его и потребовала, чтобы он продолжал петь. Валентайн повиновался. Он слышал, как она поет, пробираясь через переплетение драконьих внутренностей, и наконец увидел ее в слабом свете. Они улыбнулись друг другу, засмеялись и обнялись.

Увидев ее, он вспомнил тех, кого наверняка не было в живых. Это снова вызвало боль и стыд. Он закусил губу и отвернулся.

— Ты что, милорд? — растерянно спросила она.

— Остались только мы с тобой, Лизамона.

— Да, но хвала Божеству и за это!

— Но остальные были бы живы, если бы не последовали за мной...

Она схватила его за руку.

— Милорд, скорбь не вернет их к жизни, если они умерли!

— Я знаю, но...

— Мы спасены. Если мы потеряли друзей, это печально, но это

не твоя вина. Они пошли за тобой по своей воле, верно? И если пришло их время, то оно пришло, и с этим ничего не поделаешь. Горюй о них, милорд, но радуйся, что мы спасены.

— Да, скорбь не вернет их к жизни. Но что будет с нами? Сможем ли мы долго продержаться здесь, Лизамона?

— Сколько нужно будет, чтобы вырваться на свободу.

Она вынула из ножен вибромеч.

— Ты думаешь, мы сможем прорубить дракона и выйти наружу? — в ошеломлении спросил он.

— А почему бы и нет? Я и не с таким справлялась.

— Как только ты дотронешься этой штукой до его плоти, он нырнет на дно. Здесь мы в большей безопасности, чем под водой в пяти милях глубины.

— В самые лихие времена мы тебя считали оптимистом, — возразила она.— Где же теперь твой хваленый оптимизм? Дракон живет на поверхности. Он будет метаться, но нырять не станет. А если мы очутимся на пять миль ниже поверхности, это, по крайней мере, будет быстрая смерть. Ты все равно не можешь вечно дышать этой вонью и гулять в рыбьем брюхе.

Лизамона коснулась мечом боковой стенки. Толстая влажная плоть слегка вздрогнула, но не отпрянула.

— Видишь? У него нет нервов, — сказала Лизамона.

Она ввела оружие поглубже и повернула.

— Только дрожь и сокращение.

Она продолжала орудовать мечом.

— Как ты думаешь, он никого больше не проглотил, кроме нас?

— Я слышал только твой голос.

— И я слышала только твой. Ну и чудище! Я пыталась удержать тебя, когда нас перекинуло за борт, но потом меня с силой ударило и я выпустила тебя. Но мы все-таки попали в одно и то же место.

Она уже проделала дыру в фут глубиной и еще два в ширину с боку драконьего желудка.

Дракон, казалось, вовсе не заметил этого.

— Пока я режу, сходи посмотри, нет ли кого-нибудь еще. Только не уходи далеко!

— Я буду осторожен.

Он пошел вдоль стенок желудка, звал, но ответа не получил. Тем временем Лизамона уже глубоко врубилась в тело дракона.

Повсюду валялись куски мяса, а сама она была забрызгана кровью.

— Как, по-твоему, далеко до конца? — спросил он.

— Полмили.

— Ну да?

Она засмеялась.

— Я думаю, десять-пятнадцать футов. Давай очищай отверстие за мной. Эта мясная куча растет быстро, я не успеваю ее откидывать.

Чувствуя себя мясником и отнюдь не будучи в восторге от этого, Валентайн стал хватать куски и отбрасывать их подальше.

Он вздрогнул в ужасе, когда увидел, что сокращения в желудке смели куски к пищеварительному тракту. Похоже, тут шла в ход любая кормежка.

Все глубже проникали они в брюшную стенку дракона. Валентайн вдруг оглянулся.

— Отверстие за нами затягивается!

— Зверь, живущий вечно, должен уметь залечивать раны, — ответила Лизамона.

Валентайн с беспокойством следил, с какой поразительной скоростью заживлялась рана, нарастала новая плоть. Что, если их закупорят в этой нише?

Лизамона стала все больше уставать, дыра же закрывалась почти с той же скоростью, с какой она рубила.

— Не знаю, смогу ли я... — прошептала она.

— Дай мне меч.

— Ты с ним не справишься.

Она засмеялась и яростно возобновила борьбу, изрыгая проклятия в адрес драконьей плоти вокруг нее.

— Здесь мясо другое, плотнее. Может, это слой мышц под шкурой...

Вдруг на них хлынула вода.

— Пробились! — закричала Лизамона.

Она повернулась, как куклу, схватила Валентайна и толкнула вперед к отверстию в боку дракона, продолжая крепко держать его за бедра. Он едва успел набрать в легкие воздуха, прежде чем очутился в зеленых объятиях океана.

Лизамона выскочила сразу за ним, держа его теперь за лодыжку, а потом за руку, и они метнулись наверх.

Им казалось, что они очень долго добирались до поверхности. Голова у Валентайна болела, ребра разрывались, грудь горела.

Он выскочил на чистый свежий воздух и вяло поплыл, уставший, дрожащий, пытаясь отдышаться. Лизамона плыла рядом. Прекрасное яркое солнце сияло над ними.

Он был жив и невредим, он освободился от дракона и плыл где-то во Внутреннем Море в сотнях миль от берега.

Когда первые минуты изнеможения прошли, Валентайн поднял голову, огляделся.

Дракон был еще виден в нескольких сотнях ярдов, но казался спокойным и медленно плыл в противоположном направлении. От «Бренгалина» остались только разбросанные обломки.

Они подплыли к большому обломку и легли на него. Долгое время они молчали.

Наконец Валентайн спросил:

— Плывем к архипелагу или прямо к Острову Снов?

— Плыть — тяжкая работа, милорд. Нам бы сесть на спину дракона.

— А как им управлять?

— Дергать за крылья.

— Едва ли. Во всяком случае в драконьем брюхе нам подавали свежую рыбу чуть ли не каждую минуту.

— И гостиница большая, — поддержала Лизамона, — только плохо проветривалась. По-моему, здесь лучше.

— Но мы не сможем долго плыть.

Она странно посмотрела на него.

— Ты сомневаешься, что нас спасут?

— Как тут не усомнишься!

— Мне как-то во сне Леди напророчила, — сказала она, — что смерть придет ко мне в сухом месте, когда я буду совсем старой. А я еще молодая, и это место во всей Маджипуре, за исключением, может быть, середины Великого Океана, меньше всего назовешь сухим. Бояться нечего. Раз я не погибну, не погибнешь и ты.

— Выход хоть куда, — сказал Валентайн.— Что будем делать?

— Ты умеешь составлять послания, милорд?

— Я Коронованный, а не Король Снов.

— Любой мозг может соприкоснуться с другим, если его умело направлять. Ты думаешь, такие способности только у Коронованного и Леди? Маленький колдун Делиамбер беседует с мозгами ночью, а Гарцвел говорил, что он во сне разговаривал с драконами, и ты...

— Но я еще не пришел в себя, Лизамона, то, что осталось от моего мозга, не может составить послания.

— Пошли послание по воде Леди, своей матери, или ее людям на Острове, или народу архипелага. Ты наделен силой. Я глупая, я умею только размахивать мечом, а твой мозг, милорд, высоко ценился в Замке, и теперь, когда нам необходимо... Сделай это, Лорд Валентайн! Зови на помощь, и помощь придет!

Валентайн был настроен скептически.

Он мало знал об общении во сне, но оно, вероятно, связывало всю планету.

Да, часто бывало, что мозг призывал мозг, и, конечно, были Силы Острова и посланные с Суврaеля прямые сообщения с каким-то механическим усилением, но сейчас, когда он дрейфует здесь, в океане, на обломке, и его тело и одежда запятнаны плотью и кровью гигантского зверя, а дух так истощен от неожиданных бедствий, что даже его всегдашняя вера в удачу и чудо дала крен — как он может надеяться вызвать помощь через такую бездну?

Он закрыл глаза и попытался сконцентрировать энергию мозга в одной точке в глубине черепа. Он представлял себе яркую искру света, скрытый луч, который можно послать вдаль. Но все тщетно. Он вдруг обнаружил, что думает о каком-то зубатом создании, которое скоро начнет щипать его болтавшиеся в воде ноги.

Он со страхом подумал, что если и сможет послать сообщение, то не дальше, чем в мозг дракона, разрушившего «Бренгалин» и убившего всех его обитателей, и тогда дракон вернется и закончит свою работу. Но он все-таки попытается. Несмотря на сомнения, он обязан сделать это для Лизамоны Халтин. Он напряг свою волю и старался собрать все свои силы для передачи такого послания.

Он предпринимал эти попытки до самого вечера. Быстро наступила темнота, и вода странно засветилась призрачным зеленоватым светом. Они боялись уснуть одновременно, чтобы не соскользнуть с обломка и не потеряться. Поэтому установили дежурство. Когда настала очередь Валентайна бодрствовать, он

с трудом удерживался от сна и боялся, что потеряет сознание. Время от времени он пытался послать сообщение, но ничего не получалось.

Мы пропали, — думал он.

К утру он заснул. Во сне он старался добраться своим мозгом до далеких людей, а потом провалился в глубокий сон.

Его разбудило прикосновение руки Лизамоны к его плечу.

— Милорд!

Он открыл глаза.

— Мы спасены, милорд!

— Что?

— Лодка, милорд. Видишь, на востоке?

Он с трудом поднял голову. Да, к ним приближалась лодка. Весла блестели на солнце.

Он подумал, что это галлюцинация, иллюзия, мираж.

Но лодка подплыла. Чьи-то руки подняли его и осторожно положили, кто-то поднес к его губам фляжку с холодным питьем, вином или водой — он не понял. С него сняли мокрую грязную одежду, затем завернули во что-то сухое и чистое. Чужие — двое мужчин и женщина с гривами рыжеватых волос и в непривычной одежде. Он слышал, как Лизамона разговаривала с ними, но слова уплывали, и он не вникал в их смысл.

Неужели он вызвал этих спасителей своей передачей мысли? Кто они? Ангелы, духи? Валентайн лежал совершенно обессиленный. Он подумал, не сказать ли потихоньку Лизамоне, чтобы она не проговорилась, кто он, но даже на это у него не хватило сил. Он надеялся на ее здравый смысл. Не станет же она говорить, что он Коронованный Маджипуры и что их проглотил дракон, но они прорубили выход. Валентайн слабо улыбнулся и уплыл в сон без сновидений.

Он проснулся в веселой солнечной комнате с окнами на широкий золотой пляж.

На него серьезно и сосредоточенно смотрела Карабелла.

— Милорд, — тихо сказала она, — ты меня слышишь?

— Это сон?

— Это остров Мардиджил в архипелаге, — сказала она.— Тебя подобрали вчера в океане, тебя и Лизамону. Островные рыбаки искали в море выживших, поскольку корабль затонул.

— Кто еще остался в живых? — быстро спросил Валентайн.

— Делиамбер и Залзан Кавол здесь. Местные жители сказали, что Кон, Шанамир, Виноркис и какие-то скандары — не знаю, наши или нет — подобраны рыбаками соседнего острова. Некоторые охотники на драконов спаслись на своих лодках и тоже добрались до островов.

— А Слит? Что с ним?

— О нем я ничего не знаю, но поиски продолжаются. Может быть, он на другом острове. Их здесь много. Божество до сих пор нас хранило, наверно, и теперь не раскидает в разные стороны.

Она улыбнулась.

— Лизамона рассказала невероятную историю, как вас обоих

проглотил громадный дракон, и вы прорубили выход вибромечом. Островитянам очень понравилось. Они считают, что это самая замечательная сказка после легенды о лорде Стиамоте...

— Так оно и было, — сказал Валентайн.

— Что, милорд?

— Дракон проглотил нас. Она сказала правду.

Карабелла засмеялась.

— Когда я впервые услышала во сне, кто ты на самом деле, я поверила сразу, но этому...

— Внутри дракона, — продолжил он, — были колонны, поддерживающие свод желудка, и в одном конце отверстие, через которое каждые несколько минут хлестала морская вода с рыбой. Рыба постепенно сдвигалась к зеленоватому пруду, где и переваривалась. Мы тоже переварились бы, но нам повезло. Так она рассказывала? Ты думаешь, мы все это придумали, чтобы позабавить вас?

— Да, она рассказывала то же самое. Но мы думали...

— Это правда, Карабелла.

— Стало быть, это Божественное чудо, и ты будешь прославлен во все времена.

— Я уже прославился, — кисло сказал Валентайн, — как Коронованный, потерявший трон и занявшийся жонглированием за недостатком королевских занятий. Это обеспечит мне место в балладе рядом с Понтификом Ариоком, который объявил себя Леди Острова. А теперь еще дракон украсит легенду, которую я сотворил для себя.

Выражение его лица вдруг изменилось.

— Надеюсь, вы никому из здешних не говорили, кто я?

— Ни слова, милорд.

— Хорошо. Молчите. Им и так во многое трудно поверить.

Островитянин, худощавый, загорелый, с большим пучком светлых волос, видимо, здесь это было принято, принес Валентайну поднос с едой: немного бульона, кусок жареной рыбы, треугольные ломти плода с темно-синей мякотью и крошечными алыми семенами. Валентайн почувствовал зверский голод.

Позже они с Карабеллой вышли прогуляться по берегу.

— Я снова решил, что навеки потерял тебя, — тихо сказал он.

— Разве я так нужна тебе, милорд?

— Даже сказать не могу, как нужна!

Она грустно улыбнулась.

— Какие приятные слова, Валентайн! Я зову тебя Валентайн, а не лорд. А сколько очаровательных женщин ждет лорда Валентайна в Горном Замке?

Он и сам иногда думал об этом.

Была ли у него там любовница? Может, и не одна? Может быть, даже невеста?

Многое из прошлого все еще оставалось скрытым. А если он доберется до Замка и его встретит ждущая там женщина...

— Нет, — сказал он.— Ты моя, Карабелла, и я твой, а что бы ни было в прошлом — если было — относится к прошлому. Теперь у меня другое лицо и другая душа.

Она взглянула на него с недоверием, но спорить не стала, и он поцеловал ее в лоб.

— Спой мне ту песню, которую ты пела в Пидруде в ночь фестиваля.

Она улыбнулась и тронула струны арфы.

— Моя любовь прекрасна, как весна,

И нежна, как ночь...

Он обнял ее за плечи, и они двинулись дальше по берегу. Здесь было изумительно хорошо, тепло и спокойно. Разноцветные птицы сидели на ветвях невысоких деревьев, а кристально чистое прозрачное море лизало песок. Воздух был напоен ароматом незнакомых цветов. Вдали слышались смех и музыка. Какое искушение, — думал Валентайн, выбросить все фантазии насчет Горного Замка и навсегда остаться на Мардиджиле, на рассвете выходить на рыбачьей лодке, а все остальное время валяться под жарким солнцем.

Но для него такое отречение было невозможно. Залзан Кавол и Делиамбер, здоровые и хорошо отдохнувшие после морских испытаний, днем явились к нему и тут же заговорили о дальнейшем путешествии.

Залзан Кавол, как всегда бережливый, когда «Бренгалин» тонул, держал деньги при себе, так что по крайней мере половина их богатства была спасена, даже если Шанамир потерял остальное. Скандар выложил блестящие монеты.

— С этим, — сказал он, — мы можем нанять лодку до Острова. Я говорил с нашими хозяевами. Длина этого архипелага девятьсот миль. Он состоит из трех тысяч островов. Больше восьмисот из них обитаемы. Здесь никто не берется пройти весь путь до Острова, но за несколько роалов мы можем нанять большой тримаран до Родмент Грона, находящегося примерно посредине цепи островов, а там, вероятно, найдем транспорт на оставшийся путь.

— Когда отплываем? — спросил Валентайн.

— Как только все соберемся, — ответил Делиамбер, — мне сказали, что кое-кто из наших уже на пути сюда с ближайшего острова.

— Кто?

— Кон, Виноркис и Шанамир, — сказал Залзан Кавол, — и мои братья Ирфон и Роворн. С ними капитан Гарцвел. Гайбор Херн утонул, я видел, как он погиб: его ударило балкой. А о Слите ничего неизвестно.

Валентайн коснулся руки скандара.

— Скорблю о твоей утрате.

Залзан Кавол хорошо владел собой.

— Давай лучше порадуемся за тех, кто остался жив, милорд, — спокойно ответил он.

Ближе к вечеру пришла лодка с соседнего острова. Все начали обниматься. Только Гарцвел стоял в стороне, оцепеневший и растерянный, потирая обрубок руки. Он, казалось, был в шоке.

Валентайн протянул ему руку, но Гарцвел упал на колени, коснулся лбом песка и дрожащими руками сложил знак горящей звезды.

— Милорд, — шептал он, — милорд...

Валентайн недовольно оглянулся.

— Кто проболтался?

Все молчали. Потом Шанамир испуганно сказал:

— Я, милорд. Я не хотел ничего плохого. Скандар так переживал потерю своего корабля... Я хотел утешить его и сказал, что капитан войдет в историю Маджипуры через твое путешествие с ним. Это было до того, как мы узнали, что ты жив. Милорд, я не хотел ничего плохого!

Губы мальчика дрожали.

Валентайн кивнул.

— Ничего плохого и не случилось. Я прощаю тебя, Гарцвел. Испуганный капитан сжался у ног Валентайна.

— Встань, Гарцвел, иначе я не могу с тобой разговаривать.

— Милорд...

— Вставай. Ну, пожалуйста, встань!

Скандар ошалело посмотрел на Валентайна.

— Ты сказал — пожалуйста!

Валентайн засмеялся.

— Я, вероятно, забыл уроки власти. Ладно. Встань! Я приказываю!

Гарцвел, дрожа, поднялся. У него был жалкий вид, у этого маленького трехрукого скандара с потускневшим, запачканным в песке мехом.

— Я принес тебе несчастье, а тебе только этого не хватало! Прими мои извинения. Если судьба снова улыбнется мне, я исправлю постигшую тебя беду. Обещаю. Что ты думаешь делать сейчас? Соберешь свою команду и вернешься в Пилиплок?

Гарцвел с несчастным видом покачал головой.

— Я не могу вернуться. У меня нет ни корабля, ни репутации, ни денег. Я потерял все и никогда не верну потерянное. Мои люди свободны от контракта, раз «Бренгалин» затонул. Теперь я один и разорен.

— Тогда пойдем с нами на Остров Леди, Гарцвел.

— Как, милорд?

— Мы не можем оставаться здесь. Я думаю, островитяне предпочли бы не иметь поселенцев, и здешний климат не годится для скандаров. Я думаю, драконий охотник рыбаком не сможет стать. Он будет страдать каждый раз, забрасывая сеть. Поедем с нами. Если мы не уйдем дальше Острова, ты, может быть, найдешь успокоение в служении Леди. Если же мы пойдем дальше, тебе будет оказана честь, когда мы поднимемся на Гору Замка. Что скажешь?

— Мне страшно рядом с тобой, милорд.

— Разве я такой страшный? Разве у меня драконья пасть? Посмотри на других. Что-то они не зеленеют от страха.

Валентайн хлопнул капитана по плечу и повернулся к Залзану Каволу.

— Никто не заменит тебе погибшего брата, но я дам тебе компаньона твоей расы. А теперь давайте готовиться к отъезду. До Острова еще много дней пути.

Через час Залзан Кавол договорился, что утром их повезут на восток. В этот вечер гостеприимные островитяне устроили роскошный пир с холодным зеленым вином, сладкими сочными фруктами и изысканным свежим мясом морского дракона. От этого последнего блюда Валентайна стало тошнить, и он хотел было уже отодвинуть его в сторону, но увидел, что Лизамона жует так, словно ей вовек уже не видать мяса.

В качестве упражнения в самоконтроле он решился насильно проглотить кусок, вкус был восхитительный, и он сразу же отказался от всех неприятных мыслей, связанных с морскими драконами.

Пока они ели, солнце село, быстро, как всегда в тропиках, стемнело. По небу переливались янтарные, фиолетовые, красные и золотые тона. Да, благословенные острова, — думал Валентайн, — исключительно радостное место, даже для этой планеты, где живут счастливой и полной жизнью. Население в основном однородное — красивый, длинноногий народ человеческой расы, с густыми золотистыми волосами и гладкой медового цвета кожей. Встречались, правда, и уруны, и даже гайроги, и Делиамбер сказал, что на других островах народ разных рас.

По его словам, островитяне не связаны с континентами, живут своей жизнью и о делах большого мира знают мало.

Когда Валентайн спросил одну из хозяек, проезжал ли мимо них лорд Валентайн Коронованный во время вояжа по Зимроелю, она посмотрела на него и простодушно спросила:

— А разве Коронованный не лорд Валентайн?

— Нет. Я слышал, что он умер два года назад, — сказал кто-то из островитян.

Это было воспринято за столом как новость.

Эту ночь Карабелла провела с Валентайном. Они долго стояли на веранде, смотрели, как ярко отражается в море лунный свет до самого Пилиплока. Валентайн думал о морских драконах, несущихся в этом море, о чудовище, в брюхе которого он побывал, о двух своих пропавших товарищах — Гайборе Хорне и Слите.

Какое длинное путешествие,— думал он, вспоминая Пидруд, Долорн, Мазадон, Илириволн, Ни-мою, бегство через лес, пороги Стейча, холодность пилиплокских драконских капитанов, встречу с драконом, сокрушившим судно бедняги Гарцвела. Великое путешествие, многие тысячи миль и сколько их еще осталось пройти, прежде чем он получит ответы на томящие его вопросы.

Карабелла, прижавшись к нему, молчала. Ее отношение к нему то и дело менялось, тут смешались страх и любовь, уважение и непочтительность, потому что она принимала и почитала его как Коронованного, но не забывала о его простоте, наивности, неведении — качествах, которые он до сих пор не утратил. В повседневных отношениях с миром она была куда осведомленнее и опытнее, и это скрашивало ее взгляд на него, и потому было в нем для нее что-то пугающее и одновременно детское. Он понимал это и не видел выхода, хотя его прежнее «я» и воспитание с каждым днем возвращались к нему по крупицам, но большая часть его

прежнего все еще оставалась недоступной, поэтому он отчасти был Валентайном-простодушным, Валентайном-скитальцем, Валентайном-жонглером. Темная фигура лорда Валентайна, которым он был когда-то и, может быть, станет вновь, была где-то глубоко в нем скрыта и редко давала о себе знать. Он считал, Карабелла лучше него найдет выход из затруднительного положения.

— О чем ты думаешь, Валентайн? — спросила она наконец.

— О Слите. Мне очень не хватает его.

— Он вернется. Мы найдем его на каком-нибудь острове.

— Хотел бы надеяться.

Валентайн обнял ее за плечи.

— Я думаю обо всем, что случилось, и о том, что еще может случиться. Я иду как через мир снов, Карабелла.

— Кто скажет, что в сущности сон, а что нет? Мы идем, как велит нам Божество, и не задаем вопросов, потому что на них нет ответов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы: я могу ответить тебе, какой сегодня день или что было у нас на обед, но ведь это не те вопросы и не те ответы.

— Я тоже так думаю, — сказал Валентайн.

Залзан Кавол нанял самое большое рыбачье судно на острове — чудесный бирюзовый тримаран под названием «Гордость Мардиджила». Он поднимался на пятьдесят футов на трех гладких корпусах, а его безупречной белизны паруса были окантованы ярко-красным, что придавало им радостный, праздничный вид. Его капитаном был пожилой человек, один из самых процветающих рыбаков острова. Его звали Гриджитор. Он был высоким и крепким, с волосами до пояса и загорелой оливковой кожей. Он был одним из тех, кто спас Залзана Кавола и Делиамбера, когда до острова дошли первые известия о тонущем корабле. У него было пять человек команды — все его сыновья и дочери, такие же крепкие и красивые, как он.

Их путь лежал сначала на Бурбонт, всего в получасе плавания, а затем в пролив, связывавший два внешних острова с остальными. Морское дно было здесь из чистого белого песка, солнечный свет легко проникал сюда и были видны подводные жители — быстрые крабы, большеногие омары, всевозможные рыбы и зловещие песчаные угри.

Один раз даже пронесся маленький морской дракон, слишком быстро приблизившийся к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей капитана настаивала, чтобы погнаться за ним, но капитан отмахнулся, сказав, что их дело быстрее доставить пассажиров на Родмент Грон.

Они плыли все утро, миновали еще три острова и в полдень стали на якорь для завтрака. Двое сыновей капитана прыгнули за борт и быстро набили острогами рыбы и раков. Гриджитор сам приготовил мясо, замариновал в пряном соусе кубики сырой рыбы и щедро налил пряного зеленого вина. Делиамбер, почти ничего не евший, уселся на верхушке внешнего корпуса и стал напряженно глядеть на север. Валентайн заметил это и хотел подойти, но Карабелла удержала его:

— Он в трансе. Не мешай ему.

После завтрака они на несколько минут задержались с отплытием, поджидая, пока маленький урун спустился со своего места.

— Я послал свой мозг вперед, — сказал он, — и несу вам хорошую новость: Слит жив!

— Вот это действительно хорошая новость! — воскликнул Валентайн.— Где он?

— На острове в этой группе, — ответил Делиамбер.

Он неопределенно махнул щупальцами.

— С ним кое-кто из команды Гарцвела.

— Скажи, какой остров, и мы пойдем туда, — сказал Гриджитор.

— Он имеет форму кольца, открытого с одной стороны, а в середине — вода. Люди там темнокожие, с длинными курчавыми волосами, в ушах серьги.

— Кангрисон, — тут же сказала дочь Гриджитора.

Отец кивнул.

— Верно. Поднять якорь!

До Кангрисона был час пути по ветру.

Он лежал в стороне отмеченной на карте дороги. Это был один из десятка маленьких атоллов.

Видимо, его редко посещали люди с Мардиджила, потому что еще до того, как тримаран вошел в гавань, местные ребятишки выплыли в лодках посмотреть на чужаков. Они были черные, тоже красивые, с черными до спины волосами. Смеясь и размахивая руками, они проводили тримаран ко входу в лагуну, а там уже сидел у воды Слит, обгоревший на солнце и в лохмотьях, но невредимый. Он жонглировал пятью или шестью шариками из белого коралла, развлекая публику из нескольких десятков островитян и пяти членов команды Гарцвела — четверых людей и одного хьерта.

Гарцвел, похоже, боялся встречи со своими бывшими людьми. С утра он как бы воспрянул духом, но когда тримаран вошел в лагуну, стал напряженным и замкнутым. Карабелла первая побежала по мелководью, чтобы обнять Слита, Валентайн шел следом. Гарцвел держался позади и не поднимал глаз.

— Как вы нашли нас? — спросил Слит.

Валентайн показал на Делиамбера.

— Через колдовство, конечно. Ну, как ты тут?

— Я думал, что сдохну от морской болезни, но дня через два поправился. А ты? Я видел, как тебя утянуло под воду и решил, что все кончено.

— Произошла странная история. Я расскажу тебе потом, — сказал Валентайн.— Главное — мы опять все вместе, Слит!

Затем он печально добавил:

— Все, кроме Гайбора Хорна. Он погиб. Но мы взяли в спутники Гарцвела. Иди сюда, Гарцвел. Разве ты не рад снова увидеть своих ребят?

Гарцвел что-то невнятно пробормотал, отвел глаза, чтобы не встречаться с ними взглядом. Валентайн понял ситуацию и обернулся к бывшим членам команды, собираясь просить их не держать зла на капитана за бедствие, не подвластное смертному, и отшатнулся, увидев, что все пятеро упали к его ногам.

Слит удрученно сказал:

— Я думал, что ты умер, милорд, и не мог удержаться, чтобы не рассказать им твою историю.

— Понятно, — сказал Валентайн.— Новости расходятся быстрее, чем я бы хотел, несмотря на все ваши клятвенные заверения. Что ж, это простительно, Слит.

Он снова обернулся к морякам:

— Встать. Незачем ползать по песку, это никому не нужно.

Все встали. Они не могли скрыть своего недовольства Гарцвелом, но еще больше были изумлены, что оказались в присутствии Коронованного.

Валентайн быстро выяснил, что двое — один человек и хьерт — хотят остаться на острове и со временем найти возможность вернуться в Пилиплок. Остальные трое просили разрешения сопровождать его. В числе этих троих были две женщины — Панделон, плотник, и Корделин, парусный мастер, и мужчина, Тизи, лебедочник. Валентайн согласился взять их и принял от них клятву верности.

Церемония эта пробудила в нем смутное недовольство, однако он уже начал привыкать к знакам власти.

Гриджитор и его дети не обратили внимания на эту процедуру. И очень хорошо: Валентайн не хотел, чтобы всюду стало известно о возвращении к нему памяти, пока не увидится с Леди. Он все еще не был уверен в своих намерениях и своих силах. К тому же, если он объявит о своем существовании, это привлечет внимание нынешнего Коронованного, который вряд ли спокойно отнесется к тому, что претендент на трон идет к Замку на Горе.

После многих дней путешествия мимо мелких, залитых солнцем островов тримаран вошел в просторную гавань Родмент Грон. Этот гористый остров был самым большим в архипелаге, население его составляло пять с половиной миллионов. По обе стороны гавани раскинулись, как крылья, два города-двойника. Склоны центрального пика острова тоже были густо населены.

Деревянные дома поднимались ярусами почти до середины пика. Склоны за последней линией домов густо поросли лесом, а на самом верху поднималась струйка тонкого белого дыма, потому что Родмент Грон был действующим вулканом. Последнее извержение, как сказал Гриджитор, было лет пятьдесят назад. В это с трудом верилось при виде ухоженных домов и уцелевшего леса.

«Гордость Мардиджила» собиралась отсюда вернуться домой, и Гриджитор устроил своих пассажиров на чрезвычайно элегантный тримаран «Королева Родмента», который должен был отвезти их на Остров Снов. Шкипером тримарана была некая Наморинта, женщина царственной осанки, с длинными прямыми волосами, белыми, как у Слита, и с гладким молодым лицом. Особа утонченная и насмешливая. Она внимательно рассматривала пассажиров, как бы стараясь установить, что толкнуло эту разнородную группу на внесезонное паломничество, но сказала только:

— Если вам на Острове откажут, я привезу вас обратно на Родмент Грон, но это будет стоить вам дополнительной оплаты.

— А на Острове часто отказывают пилигримам? — спросил Валентайн.

— В сезон — нет. Но пилигримские корабли осенью не ходят, как вы, наверное, знаете. А может случиться, что там не готовы принять вас.

— Мы проделали очень большой путь без особых затруднений, — небрежно заметил Валентайн.

Он услышал, как фыркнула Карабелла и каплянул Слит.

— Я уверен, что мы не встретим препятствий больших, чем те, что уже преодолели.

— Я восхищаюсь вашей решимостью, — ответила Наморинта.

Она подала сигнал команде готовиться к отплытию.

Архипелаг в своей восточной части был несколько сдвинут на север, и острова здесь совсем не похожи на Мардиджил и соседние с ним. В основном это были вершины затонувшей горной цепи, а не плоские платформы на коралловой основе. Валентайн подумал, что эта часть была когда-то длинным концом мыса, отходившего от юго-западного угла Острова Снов, но в давние времена ее поглотило Внутреннее Море.

Над водой находились только самые высокие пики, а между самым восточным островом архипелага и берегом Острова лежали сотни миль открытого моря — тяжкое путешествие для тримарана, даже и так хорошо оснащенного, как судно Наморинты.

Однако обошлось без происшествий.

Они останавливались в четырех портах пополнить запасы воды и пищи, и, наконец, вошли в пролив, отделявший архипелаг от Острова Снов. Пролив был широким, но мелким, богатым морской живностью. Здесь были безвредные чудища — громадные шаровидные создания, называемые вольвантами. Они крепились к камням на дне и питались планктоном, процеживая его через жабры.

Они покачивались на глубине нескольких футов под водой, шарообразные мешки пятидесяти футов в поперечнике.

На второй день «Королева Родмента» спустила пять лодок, и они оторвали вольванта от камня, подняли на поверхность, вспороли и сняли с него кожу, которую потом нарезали маленькими кусочками и разложили на палубе.

Валентайн ужаснулся. Ему чем-то нравились вольванты.

Когда я снова стану Коронованным — подумал он, — я запрещу убийство этих безвредных тварей.

Затем он спросил себя, можно ли издавать законы, основанные только на личной симпатии, а не на фактах. Он спросил Наморинту, что делают с кожей вольвантов.

— Лекарства для стариков, кровь которых плохо течет по жилам, — ответила она.— Одного вольванта хватит на лекарство для всех островов на год, а то и больше. То, что ты сейчас видел, — редкое событие.

Когда я снова стану Коронованным,— опять подумал Валентайн, — я воздержусь от суждений, пока не узнаю истины, если такое вообще возможно.

Тем не менее вольванты вызывали в нем странные эмоции, и он вздохнул с облегчением, когда тримаран вышел из их зоны в холодную голубую воду, окружавшую Остров Снов.

Теперь Остров был ясно виден на востоке и с каждым часом заметно приближался. Валентайн прежде видел его только во сне и в воображении. Эти видения ни на чем не основывались, однако его воображаемая и каким-то образом укрепившаяся в воспоминаниях реальность еще держалась в памяти, и он вовсе не был готов к действительности.

Остров был огромен. Это неудивительно для громадной планеты, где многое соответствовало ее измерениям.

Однако Валентайна сбила с толку мысль, что остров обязательно должен отвечать его цели. Он предполагал, что Остров раза в два-три больше Родмент Грона, теперь же он видел, что Остров охватывал весь горизонт и на этом расстоянии казался не меньше побережья Зимроеля, каким оно выглядело в двух днях пути от Пилиплока. Это был остров, который нельзя было сравнить ни с Зимроелем, ни с Альханроелем, ни с Суврaелем. Он потому только не назывался континентом, что те были огромны, а он просто очень большим.

Остров был ослепительным. Его окружали чистые меловые утесы, ярко сиявшие на солнце. Они составляли стену с сотню футов высотой и, вероятно, столько же миль в длину вдоль западной стороны Острова.

Поверх этой стены поднималась темно-зеленая крона леса. Похоже, что внутри на возвышении была вторая меловая стена, а затем третья, еще дальше от моря, так что Остров с этой стороны, казалось, состоял из блестящих ярусов, поднимавшихся к какой-то неизвестной и, возможно, недоступной центральной цитадели. Валентайн слышал о террасах Острова и считал их древними искусственными сооружениями, символическими знаками подъема к посвящению. Но похоже, что сам Остров состоит из природных террас, придававших ему еще большую таинственность. Не удивительно, что это место стало священным на Маджипуре.

Наморинта сказала:

— Эта выемка в утесе — Талис, куда причаливают корабли пилигримов. Это одна из двух гаваней Острова, вторая — Нуминор, на другой стороне. Но вы, наверное, и сами это знаете, если вы пилигримы.

— У нас не было времени, чтобы узнать, — ответил Валентайн.— Мы решились на паломничество внезапно.

— И останетесь до конца жизни на службе Леди? — спросила она.

— На службе Леди — да, — ответил Валентайн, — но я думаю, не здесь. Для некоторых из нас Остров — только привал на долгом пути.

Наморинта, казалось, была озадачена, но больше ни о чем не спрашивала.

Юго-западный ветер быстро домчал «Королеву Родмента» до Талиса. Вскоре перед ними выросла громадная меловая стена, отверстие в ней оказалось не выемкой, а гигантских размеров гаванью.

Тримаран вошел в нее на всех парусах. Валентайн стоял на носу, он испытал благоговейный страх при виде границ входа,

потому что в углу У, такая форма была у Талиса, утесы спускались в воду почти отвесно с высоты мили или больше, а у их основания была плоская полоса земли, граничившая с широким белым пляжем.

На одной стороне были верфи, пирсы и лодки, казавшиеся карликовыми по сравнению с этим гигантским амфитеатром. Трудно было представить, как попасть из этого порта у подножия утесов в глубь острова. Это была природная крепость.

Стояла тишина. В гавани не было ни одного судна, кругом царило спокойствие.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Слит.— Кто нас встретит?

Карабелла закрыла глаза.

— Идти в обход до Нуминора или вернуться на архипелаг...

— Нет, — сказал Делиамбер.— Нас встретят. Бояться нечего.

Тримаран стал у свободного пирса.

Член команды спустил лодку, и они поплыли вперед.

Уверенность Делиамбера казалась нелепой. Так никто и не появился. По-прежнему было тихо. Они ждали, неуверенно переглядываясь.

— Давайте искать, — сказал, наконец, Валентайн.— Лизамона, Кон, Залзан, осмотрите здания слева. Слит, Делиамбер, Виноркис, Шанамир — справа, Панделон, Тизм, Ровори, обогните пляж и поглядите там. Гарцвел, Ирфон...

Сам Валентайн, Карабелла и мастер Корделин отправились вперед к подножию громадного утеса. Здесь начиналось нечто вроде тропы, которая шла под углом вверх почти вертикально к верхней части утеса и исчезала между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, нужно обладать ловкостью лесных братьев и нахальством горного козла, решил Валентайн.

Однако другой возможности, по-видимому, не было. Он заглянул в будочку, стоявшую в начале тропы, но не нашел ничего, кроме нескольких плавучих саней, видимо, служивших для подъема. Он вытащил одни, отрегулировал седло и сел, но включить не смог.

Тогда он вернулся к пирсу. Почти все уже были там.

— Пусто, — сказал Слит.

Валентайн посмотрел на Наморинту.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы отвезти нас на другую сторону?

— В Нуминор? Несколько недель. Но я туда не поеду.

— Мы заплатим, — сказали Валентайн и Залзан Кавол.

Она равнодушно взглянула на них.

— Мое дело — рыболовство. Начинается лов рыбы-колючки. Если я повезу вас в Нуминор, я пропущу этот лов и половину сезонного лова гиссуна. Вы не сможете оплатить мне это.

Шанамир достал монету в пять роалов, но Наморинта отвергла ее.

— Вы заплатили мне, чтобы я доставила вас от Родмент Грон сюда. За половину той платы я отвезу вас обратно. Это лучшее, что я могу для вас сделать. Через несколько месяцев снова пойдут корабли пилигримов, гавань оживет, и тогда, если вы захотите,

я опять привезу вас сюда за те же деньги. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам. Но отчалю я отсюда до наступления темноты и не поплыву в Нуминор.

Валентайн обдумал ситуацию. Это оказалось тягостнее, чем быть проглоченным драконом, потому что тогда он освободился довольно быстро, а это неожиданное препятствие сулило отсрочку на всю зиму, если не больше, тем временем Доминин Баржазид будет править в Замке, издавать новые законы, перекраивать историю и укреплять свое положение. Но что же делать? Он посмотрел на Делиамбера, но колдун, выглядевший спокойным, не дал совета. На эту стену им не вскарабкаться. Летать они не умеют. Значит, возвращаться на Родмент Грон?

— Ты не подождешь один день? — спросил он Наморинту, — За добавочную плату. Может утром мы найдем кого-нибудь...

— Я далеко от Родмент Грона, — ответила она, — и очень хочу видеть его берег. Лишний час ожидания не даст вам ничего, а мне и того меньше. Не тот сезон: люди Леди никого не ждут и сюда не придут.

Шанамир слегка дернул Валентайна за рукав.

— Ты Коронованный Маджипуры, — прошептал он.— П р и к а ж и ей! Назови себя и заставь ее встать на колени!

Валентайн улыбнулся и тихо ответил:

— Я думаю номер не пройдет. Я где-то оставил свою корону.

— Так пусть Делиамбер заколдует ее!

Это было возможно, но не по душе Валентайну. Наморинта была честна с ними, и было бы справедливо, чтобы теперь она имела право уйти. Заставить же ее уступить с помощью Делиамбера казалось ему отвратительным. Но, с другой стороны...

— Лорд Валентайн! — крикнул издали женский голос.— Иди сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани.

Кричала Панделон, плотник Гарцвела.

Она махала руками и звала. Он побежал к ней, остальные за ним.

Когда он приблизился, она повела его по мелкой воде вокруг каменного уступа, скрывавшего пляж поменьше. Там он увидел одноэтажное здание из розового песчаника с эмблемой Леди — треугольник в треугольнике — видимо, какую-то гробницу. Перед зданием был сад с цветущими кустами, высаженными симметричным узором красных, голубых, оранжевых и желтых цветов.

В саду работали два садовника, мужчина и женщина. Они равнодушно смотрели на приближавшегося Валентайна. Он неуклюже сделал им знак Леди, они ответили искуснее.

— Мы пилигримы, — сказал он, — и нам нужно узнать дорогу к террасам.

— Вы приехали не вовремя, — сказала женщина.

У нее было широкое, бледное, морщинистое лицо. Тон ее трудно было назвать дружелюбным.

— Из-за нашего стремления служить Леди.

Женщина пожала плечами и принялась за работу. Мужчина, крепкий, невысокий, с редкими седыми волосами, сказал:

— В это время года вам следовало бы ехать в Нуминор.

— Мы из Зимроеля.

Возник слабый проблеск внимания.

— Вы прошли через драконьи ветры? Вам, наверно, пришлось нелегко?

— Бывали трудные минуты,— ответил Валентайн.— Но теперь они позади. Мы рады, что наконец достигли Острова.

— Леди позаботится о вас, — равнодушно сказал мужчина.

Он взялся за лопату.

Молчание быстро становилось пугающим.

Валентайн спросил:

— Где дорога на террасы?

— Вы не сможете воспользоваться ею, — ответила женщина.

— Вы не поможете нам?

Снова последовало молчание.

— Это же недолго, — сказал Валентайн.— Покажите нам дорогу, и мы больше не будем беспокоить вас.

— У нас здесь работа, — сказал мужчина.

Валентайн облизал губы. Все шло куда как плохо, а Наморинта, наверное, покинула тот пляж пять минут назад и возвращается в Родмент Грон, бросив их в безвыходном положении. И он посмотрел на Делиамбера.

Его колдовское прикосновение может стать приказом. Делиамбер оставил намек без внимания.

Валентайн подошел к нему и шепнул:

— Коснись их щупальцем и заставь помочь нам.

— Я думаю, что на этом священном острове мое колдовство бессильно, — ответил Делиамбер.— Воспользуйся своими чарами.

— У меня их нет!

— Попробуй, — сказал колдун.

Валентайн снова подошел к садовникам.

— Я Коронованный Маджипуры,— повторял он про себя, — я сын Леди, которой вы служите. Сказать вслух что-либо подобное садовникам было немыслимо, но, возможно, он сумеет передать им это силой своего духа. Он выпрямился и двинулся к центру своего «я», как делал, готовясь жонглировать перед взыскательной публикой, и улыбнулся такой теплой улыбкой, что от нее могли бы раскрыться почки на ветвях цветущих кустов. Через минуту садовники подняли глаза, увидели его улыбку и последовал ответ — в нем смешались удивление, растерянность и покорность.

Он омыл их сияющей любовью.

— Мы прошли тысячи миль, — ласково сказал он, — чтобы обрести покой и мир Леди, и мы просим вас, во имя Божества, которому вы служите, помочь нам. Очень просим, мы устали от странствий.

— У нас своя работа, — неуверенно сказала женщина.

— Мы не можем уйти, пока не приведем сад в порядок, — промямлил мужчина.

— Сад цветет, — сказал Валентайн, — и будет цвести несколько часов без вашей помощи. Помогите нам, пока не стемнело. Мы просим только показать нам дорогу, а Леди вознаградит вас за это.

Садовникам было явно не по себе. Они посмотрели друг на друга, как бы прикидывая, не поздно ли. Наконец, хмуро встали, отряхнули песок с колен и пошли к мелкому прибою вокруг острия большого пляжа и дальше вниз к подножию утеса, откуда шла вверх тропа.

Наморинта была еще там, но уже готовилась к отплытию. Валентайн подошел к ней.

— Мы очень признательны тебе за помощь, — сказал он.

— Вы остаетесь?

— Мы нашли путь на террасы.

Она улыбнулась с явным удовлетворением.

— Я не хотела бросать вас, но Родмент Грон зовет меня. Я желаю вам удачи в вашем паломничестве.

— И я желаю тебе безопасного путешествия домой.

Он хотел отойти, но она удержала его.

— Еще одно. Когда женщина звала тебя, она назвала тебя лорд Валентайн. Что это значит?

— Просто шутка.

— Я слышала, что так зовут нового Коронованного. Он начал править год или два назад.

— Да, — сказал Валентайн, — но он черноволосый. Это была просто шутка, потому что я тоже Валентайн. Счастливого плавания, Наморинта.

— Успешного паломничества, Валентайн.

Он пошел к утесу. Садовники вытащили из будки несколько плавучих саней, установили их и жестом пригласили путешественников. Валентайн сел в первые сани с Карабеллой, Делиамбером, Шанамиром и Коном. Садовница вошла в будку, где, как видно, было управление санями.

Сани тут же поднялись на воздушной подушке и поплыли. Начался страшный головокружительный подъем на белый утес.

— Вы прибыли,— сказал служитель Талинот Изолд, — на Террасу Оценки. Здесь вас взвесят. Когда настанет время идти дальше, ваша дорога приведет вас на Террасу Начала, затем на Террасу Зеркал, где вы встретитесь сами с собой. Если увиденное удовлетворит вас и ваших гидов, вы пойдете внутрь Второго Утеса, где вас ждет другая группа террас. Так вы дойдете до Террасы Поклонения. Затем, если вам будет милость Леди, вы получите вызов во Внутренний Храм. Но я не рассчитываю, что это случится скоро. Я даже не надеюсь, что это вообще может случиться. Но те, кто надеются достичь Леди, в конце концов, вероятно, добираются до нее.

Настроение Валентайна упало. Он не только надеялся дойти до Леди, это было жизненно необходимо. Однако он понимал, что имел в виду служитель. В этом священном месте паломник ничего не мог требовать, он подчинялся, он отказывался от требований, нужд и желаний, он уступал, если искал покоя. Здесь не место для Коронованного. Главное в жизни Коронованного,— пользоваться властью мудро, если он наделен мудростью. Однако в любом случае — первое в жизни пилигрима — подчинение.

В этом противоречии легко можно было запутаться, но выбора не было.

Во всяком случае, он добрался до внешних окраин владений Леди. На вершине утеса служители встретили их без всякого удивления. Видимо, они знали, что к ним поднимаются внесезонные паломники. Теперь их, выглядевших благочестиво и чуть глуповато в мягкой неяркой одежде пилигримов, собрали в длинном низком здании из гладкого розового камня, стоявшем у гребня утеса. Плиты из того же камня составляли большой полукруг для прогулок, далеко тянувшийся вдоль кромки леса, венчавшего утес. Это была Терраса Оценки. Дальше шел лес. Другие террасы были далеко за ними.

В глубине, не видимый отсюда, поднимался второй утес. Третий, насколько было известно Валентайну, был выше второго и находился в сотне миль где-то в глубине острова, свято чтимые места, где был Внутренний Храм и где жила Леди. Хотя Валентайн прошел огромный путь, казалось немыслимым, что когда-нибудь он одолеет эти последние сотни миль.

Быстро наступила ночь. Оглянувшись на круглое окно позади себя, он увидел темневшее небо и широкую темную полосу моря. На гладкой поверхности воды виднелось пятнышко. Валентайн томился надеждой, что это спешит домой тримаран «Королева Родмент Грон», а позади вольванты, погруженные в свои бесконечные сны, и морские драконы, плывущие к Великому Океану, а еще дальше — Зимроель с его городами, заповедниками и парками, фестивалями и миллиардами жителей. Многое осталось для него позади, но теперь он должен смотреть только вперед.

Он не сводил глаз с Талинота Изолда, их первого здешнего гида, высокого, худощавого, с молочно-белой кожей и лысой головой, неизвестного пола. По росту и ширине плеч можно было предположить, что это мужчина, но изящество лицевых костей, особенно хрупкий изгиб легкого выступа над странными синими глазами заставляли в этом усомниться.

Талинот Изолд рассказал обо всем ежедневной смене молитв, работы и медитации, системе толкования снов, устройстве жилых помещений, диетических ограничениях, исключавших все вина и некоторые пряности, и многом другом. Валентайн пытался запомнить все, но тут было так много правил, требований, обязанностей и обрядов, что они перепутались у него в голове, и через какое-то время он оставил эти усилия, надеясь, что ежедневная практика закрепит в памяти все правила.

Когда стемнело, Талинот Изолд отвел их в зал обучения, заведя по пути в покосившийся бассейн, где они вымылись, прежде чем надеть выданную им одежду, и где должны были мыться дважды в день, пока находились на этой террасе, и в обеденный зал. Здесь им подали суп и рыбу, еду безвкусную и непривлекательную даже для зверски голодных паломников. Обслуживали их новички, вроде них, но в светло-зеленой одежде. Большой зал был занят лишь частично — час обеда уже почти прошел, — сказал Талинот.

Валентайн осмотрел всех пилигримов.

Они были разных рас, половина, может, человеческого

происхождения, но было много урунов и тайроров, скандаров, несколько лименов, были хьерты, а в дальнем конце сидела маленькая группа су-сухерисов. Сеть Леди охватывала все расы Маджипуры, кроме одной.

— Метаморфы когда-нибудь посещали Леди? — спросил Валентайн.

Талинот Изолд ангельски улыбнулся.

— Если пьюривар придет к нам, мы должны принять его. Но они не участвуют в наших ритуалах. Живут сами по себе, словно одни на Маджипуре.

— Может, кто-то из них приходил в другом обличье? — предположил Валентайн.

— Мы бы об этом знали, — спокойно ответил Талинот Изолд.

После обеда их развели по комнатам.

Это были отдельные комнаты, едва ли больше стенного шкафа, в напоминавшей муравейник квартире: постель, раковина, место для одежды и ничего больше. Лизамона сердито осмотрела свою комнату.

— Вина нет, меч отобрали, а теперь еще и спать в этом ящике? Похоже, что я промахнулась, став пилигримом, Валентайн.

— Успокойся, сделай над собой усилие. Мы уйдем с Острова, как только сможем.

Он вошел в свою комнату, находившуюся между комнатами женщины-воина и Карабеллы.

Свет тут же потускнел. Он лег на койку и неожиданно заметил, что засыпает, хотя было еще рано. Сознание покинуло его, и он увидел Леди, бесспорно, это была Леди Острова.

Валентайн много раз видел ее во сне, видел ее ласковые глаза, черные волосы, цветок за ухом, оливковую кожу, но сейчас образ был резче и четче. Он рассмотрел мелкие морщинки в углах глаз, крошечные зеленые камни в серьгах, узкую серебряную полоску над бровями. Во сне он протягивал к ней руки и говорил:

— Мать, я здесь, позови меня!

Она улыбнулась ему, но не ответила.

Они были в саду, и вокруг цвели алабандины. Маленьким золотым инструментом она подстригала цветочные бутоны, чтобы оставшиеся цвели лучше. Он стоял рядом и ждал, когда она обернется к нему, но она все работала. Наконец сказала, не глядя на него:

— Нужно быть очень внимательным к своему делу, чтобы хорошо его выполнять.

— Мать, я твой сын Валентайн!

— Видишь, на каждой ветке пять бутонов. Оставь их, и они раскроются, но я уберу два здесь, один здесь, один там, и цветение будет великолепным.

Пока она говорила, бутоны раскрылись, и воздух наполнился запахом алабандины, а громадные желтые лепестки вытянулись, как тарелки, открыв черные тычинки и пестик.

Леди слегка коснулась их, и в воздухе разлетелась пурпурная пыльца.

— Ты тот, кто есть, и им же будешь, — сказала Леди.

Сон сменился. Леди уже не было, только колючие кусты махали ему жесткими руками, громадные птицы летали над ним.

Затем все смешалось.

Проснувшись, он должен был сразу явиться к своему толкователю снов, не Талиноту Изолду, а другому служителю, тоже лысому и тоже неопределенного пола, но женщине. Столинор. Эти служители были среднего уровня посвящения, как вчера узнал Валентайн. Они вернулись со Второго Утеса, чтобы обслуживать новичков.

Толкование снов на Острове ничуть не напоминало действия Тизаны в Фалкинкипе.

Не было ни наркотиков, ни совместного лежания. Валентайн просто пришел к толковательнице и описал свой сон. Столинор спокойно слушала. Валентайн заподозрил, что она имела доступ к его сну, когда этот сон ему снился, и теперь просто хочет сравнить его отчет с собственным восприятием и увидеть, нет ли провалов и противоречий.

Поэтому Валентайн точно, как помнил, передал сон и сказал, что говорил во сне — Мать, я твой сын Валентайн, внимательно следя за реакцией Столинор. Но он мог с тем же успехом смотреть на меловой утес.

Когда он кончил рассказ, толковательница спросила:

— Какого цвета были цветы алабандины?

— Желтые с черной серединой.

— Приятный цвет. В Зимроеле алабандины с желтой серединой. Какие тебе больше нравятся?

— Одинаково.

Столинор улыбнулась.

— В Альханроеле алабандины желтые с черной серединой. Можешь идти.

И так каждый день: загадочное замечание, а если не загадочное, то такое, которое можно было истолковать по-разному, хотя истолкование не предполагалось.

Столинор была как бы хранилищем снов Валентайна, она впитывала их, но не давала советов.

Валентайн начал привыкать к этому.

Он стал привыкать и к ежедневной работе. Каждое утро он два часа работал в саду, полол, подрезал, окапывал, после обеда работал каменщиком, овладевая искусством обтесывать плиты. Затем шли долгие часы медитации. Тут им никто не руководил: просто посылали смотреть на стены.

Своих спутников он почти не видел, кроме как за совместным купанием утром и перед ужином, и разговаривали они мало.

Легко было войти в ритм этого места, отбросив все остальное. Тропический воздух, аромат множества цветов, благородный тон всего, что было здесь, успокаивали и размягчали, как теплая ванна.

Но Альханроель лежал в тысячах миль отсюда, а Валентайн ни на дюйм не приблизился к своей цели, оставаясь на Террасе Оценки. Прошла уже неделя. Во время медитации Валентайн предавался мечтам о том, как соберет своих людей, удерет ночью, тайком пройдет через террасы Второго и Третьего Утесов и появится на

пороге Храма Леди. Однако он подозревал, что в таком месте, где сон — открытая книга, им далеко не уйти.

Это его раздражало. Он понимал, что раздражение ничего ему не даст, и учился расслабляться, снимать напряжение, очищать мозг от ненужных мыслей, и таким образом открывать путь призывному сну, которым Леди позовет его к себе.

Но и это не помогало. Он полол сорняки, обрабатывал теплую плодородную землю, носил ведра со строительным раствором, целыми часами сидел, скрестив ноги, с совершенно пустым мозгом во время медитации, каждую ночь, ложась, молился, чтобы Леди позвала его, но ничего не происходило.

— Долго ли это будет продолжаться? — спросил он Делиамбера однажды в бассейне.— Пятая неделя, а может и шестая — я уже сбился со счета. Сколько я должен здесь быть? Год? Два? Три?

— С некоторыми пилигримами дело происходит именно так,— ответил урун.— Я разговаривал с одним хьертом. Он служил в патруле при лорде Вориаксе. Он провел здесь четыре года и, кажется, вполне смирился с тем, что останется тут навсегда.

— Ему не надо было никуда спешить. Гостиница тут достаточно приятная. Но...

— Неотложные дела на востоке, — закончил за него Делиамбер.— Однако ты осужден оставаться здесь. Парадоксально, Валентайн: ты отрекаешься от цели, но это отречение само по себе цель. Разве ты этого не понимаешь? Твоя толковательница наверняка понимает.

— Конечно, понимаю. Но что мне делать? Как я могу спокойно думать, что придется остаться здесь навеки.

— Нельзя быть уверенным. Но как только ты по-настоящему перестанешь беспокоиться, ты двинешься вперед, не раньше.

Валентайн покачал головой.

— Это все равно, как если бы мое спасение зависело от того, что я никогда бы не вспоминал о джи-птицах. Как бы я ни старался не думать о них, они неотступно будут занимать мой мозг. Что мне делать, Делиамбер?

Других советов у Делиамбера не было.

На следующий день Валентайн узнал, что Шанамир и Виноркис продвинулись на Террасу Начала.

Прошло два дня, прежде чем Валентайн и Делиамбер встретились снова. Колдун заметил, что Валентайн плохо выглядит. Тот сказал с нескрываемым раздражением:

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Ты знаешь, сколько сорняков я выдрал, сколько плит обтесал, а Баржазид сидит в Горном Замке в Альханроеле и...

— Спокойно, — мягко сказал Делиамбер.— Это не похоже на тебя.

— Спокойно? Сколько я могу быть спокойным?

— Может быть тут испытывают твое терпение. В этом случае, милорд, ты провалишь испытание.

Валентайн задумался, а затем сказал:

— Я согласен с тобой. Но, может быть, испытывают мою изобретательность? Делиамбер, пошли мне призывной сон в эту ночь.

— Ты знаешь, что мое колдовство мало чего стоит на этом острове.

— Ну, попробуй. Составь послание от Леди и введи его в мой мозг, а там увидим...

Делиамбер пожал плечами и коснулся щупальцами руки Валентайна для передачи мысли. Валентайн почувствовал слабый, далекий звон контакта.

— Твое внушение действует, — сказал он.

В эту ночь он видел во сне, что плавает, как вольвант, в бассейне, прикрепленный к камням какой-то пленкой, растущей из его ног, силится освободиться, внезапно в ночном небе появилось улыбающееся лицо Леди. Она сказала:

— Иди ко мне, Валентайн.

Пленка растаяла, он всплыл наверх и полетел к Внутреннему Храму.

Валентайн передал этот сон Столинор.

Та равнодушно выслушала. В следующий раз Валентайн сказал, что видел тот же сон, и Столинор опять промолчала. В третий раз Валентайн повторил то же и попросил толкования.

Столинор сказала:

— Толкование твоего сна таково: на чужих крыльях птица не летает.

Валентайн покраснел и вышел.

Через пять дней Талинот Изолд сообщил, что Валентайну даровано разрешение перейти на Террасу Начала.

— Почему? — спросил Валентайн Делиамбера.

— Почему? — переспросил урун.— В духовном прогрессе это бесполезный вопрос. В тебе явно что-то изменилось.

— Но мой сон был незаконным!

— Может быть и законным, — сказал колдун.

Один из служителей повел Валентайна по лесной тропинке к следующей террасе. Дорога была запутанная, извилистая, иногда возвращалась обратно, так что казалось, что они идут совсем не в том направлении. Валентайн потерял всякий счет времени. Через несколько часов они оказались вдруг в громадном свободном пространстве. От розовых каменных плит террасы поднимались с правильными интервалами пирамиды из темно-голубого камня в десять футов высотой.

Жизнь тут была в основном такой же — черная работа, медитация, встречи с толковательницей снов, аскетическое жилье, скудная пища. Но началось также священное обучение, час ежедневно, где принципы благоволения Леди объяснялись посредством эллиптических сравнений и круговых диалогов.

Сначала Валентайн слушал все это в нетерпении. Все казалось ему неопределенным и абстрактным. Ему трудно было сосредоточиться на таких туманных материях, потому что им владела политическая страсть — он был намерен добраться до Замка и устроить допрос правительству Маджипуры. Но на третий день его

поразило, что служитель говорил о чисто политической роли Леди. Она, понял Валентайн, была регулирующей силой, строительным раствором любви и веры, скрепляющим воедино центры власти на этой планете. Кроме того, она разработала свою магию снов — посланий.

Конечно, нельзя было поверить мифу, что она каждую ночь прикасается к мозгам миллиардов жителей, но было ясно, что ее спокойный дух смягчает и умиротворяет мир. Аппаратура Короля Снов посылает прямые и специальные сны, бичующие виновных и предупреждающие неуверенных, послания Короля могут быть жестокими. Но как тепло океана смягчает климат страны, так Леди усмиряет грубые силы управления из Маджипуры. Теология считает Леди воплощением Божественной Матери. Теперь Валентайн понял метафору о разделении власти, открытую древними правителями Маджипуры.

Теперь он слушал с неослабевающим интересом. Отбросил свое жадное желание двигаться вперед по террасам и решил научиться здесь большему.

На этой террасе Валентайн был совсем одинок. Это было ново. Шанамира и Виноркиса не было видно — может их уже послали на Террасу Зеркал? — а остальные, насколько ему было известно, остались позади. Больше всего ему не хватало кипучей энергии Карабеллы и сардонической мудрости Делиамбера, однако и другие стали частью его души в долгом и тяжком путешествии через Зимроель, и не чувствовать их рядом было очень трудно. То время, когда он был жонглером, казалось, давно миновало и никогда не вернется. Иногда в свободные минуты он срывал плоды с деревьев и бросал их хорошо заученным движением, чтобы развлечь новичков и служителей. Один широкоплечий чернобородый мужчина по имени Фарсел особенно внимательно следил за жонглированием.

— Где ты научился этому искусству? — спросил он.

— В Пидруде, — ответил Валентайн.— Я был в труппе жонглеров.

— Хорошая, наверное, была жизнь?

— Да, — сказал Валентайн.

Он вспомнил возбуждение выступления перед темнолицым лордом Валентайном на арене в Пидруде, на широких подмостках Постоянного Цирка в Долорне и прочие незабываемые сцены прошлого.

— Этому можно научиться? — спросил Фарсел.— Или это врожденный дар?

— Научится любой, у кого быстрый глаз и умение сосредоточиться. Я учился всего две недели в прошлом году в Пидруде.

— Врешь! Наверняка всю жизнь жонглировал!

— До прошлого года — никогда.

— Тогда зачем ты взялся за это?

Валентайн улыбнулся.

— Нужно было зарабатывать на жизнь, а в Пидруд на фестиваль Коронованного приехали странствующие жонглеры

и им нужны были лишние руки. Они меня быстро научили, и я мог бы научить тебя.

— Думаешь, у меня получится?

— Лови, — сказал Валентайн.

Он бросил чернобородому крепкий зеленый плод.

— Перебрасывай его из руки в руку. Пальцы держи свободно. Тебе надо усвоить несколько основных положений и приемов, практиковаться, а потом...

— А чем ты занимался до жонглирования? — спросил Фарсел, перебрасывая плод.

— Бродяжничал, — сказал Валентайн.— Держи руки вот так...

Он полчаса тренировал Фарсела, как Карабелла и Слит тренировали его самого в Пидруде. У Фарсела были быстрые руки и хорошие глаза, и учился он успешно, хотя и не так быстро, как в свое время Валентайн. Через несколько дней он усвоил большую часть элементарных приемов и мог жонглировать, хотя и не очень изящно. Он был весьма разговорчивым и не закрывал рта, когда перебрасывал плоды. Родился он, по его словам, в Ни-мое, много лет был торговцем в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который привел его в смятение, и затем направился паломником на Остров. Он рассказывал о своей женитьбе, о своих ненадежных сыновьях, о том, как выигрывал и проигрывал за игорным столом целые состояния. Он хотел знать о Валентайне все, знать о его семье, о его склонностях, о причинах, приведших к Леди.

Валентайн отвечал на вопросы достаточно правдоподобно, а более неприятные обходил, быстро переключаясь на советы по искусству жонглирования.

В конце второй недели работы, учебы, медитации, периодов свободного времени, которое он проводил с Фарселом — устойчивый и постоянный круг — Валентайн вновь почувствовал неудержимое желание двигаться дальше.

Он не имел представления, сколько здесь террас — девять? девяносто? — но если столько времени он будет тратить на каждую, то и за тысячу лет не дойдет до Леди. Как-то надо было сократить процесс подъема.

Поддельные сны — вызовы, похоже, не срабатывали. Он попробовал протащить свой сон о дрейфе в бассейне Силимейн здешней толковательнице, но не произвел на нее никакого впечатления. Во время медитации он пытался достичь мозга Леди и умолять ее вызвать его, но это оказалось бесполезным.

Он спросил тех, кто сидел рядом с ним за обедом, давно ли они на этой Террасе.

Один сказал — два года, другой — восемь месяцев. Их это не тревожило.

— А ты? — спросил он Фарсела.

Фарсел ответил, что пришел за несколько дней до Валентайна. В нем тоже не чувствовалось нетерпения.

— Куда спешить? Мы везде служим Леди, верно? Одна терраса так же хороша, как и другая.

Валентайн кивнул, едва сдерживая недовольство.

В конце третьей недели он вдруг увидел Виноркиса, шедшего через поле, где Валентайн работал. Однако он был далеко и Валентайн не был уверен, что это Виноркис, а окрика тот не услышал бы.

На следующий день, жонглируя с Фарселом возле бассейна, он увидел Виноркиса на другой стороне площадки. Валентайн извинился и прекратил жонглировать.

После стольких недель разлуки со своими спутниками он был рад увидеть хотя бы хьерта.

— Значит, это ты проходил по полю? — спросил Валентайн.

Виноркис кивнул.

— Я несколько раз видел тебя, милорд. Но терраса так велика, что я никак не мог подойти ближе. Когда ты прибыл?

— Через неделю после тебя. Кто еще из наших здесь?

— Вроде бы никого, — ответил хьерт.— Был Шанамир, но ушел дальше. Как я вижу, ты не утратил умения жонглировать, милорд. Кто твой партнер?

— Человек из Пилиплока. Быстрые руки.

— И язык тоже?

Валентайн нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил ему что-нибудь о своем прошлом или о будущем, милорд?

— Конечно, нет!

Валентайн уставился на хьерта.

— Нет, Виноркис! Разве могут быть шпионы Коронованного, на Острове Леди?

— А почему бы и нет? Разве так трудно сюда проникнуть?

— Но почему ты подозреваешь...

— Прошлой ночью после того, как я мельком увидел тебя в поле, я пришел сюда и стал спрашивать о тебе. Один из тех, кого я спрашивал, был твой новый друг, милорд. Я спросил его, знает ли он тебя, и он тут же начал допрашивать м е н я: друзья ли мы с тобой, знал ли я тебя в Пидруде, почему мы пришли на Остров и так далее. Я не люблю, милорд, когда чужаки задают вопросы, особенно здесь, где лучше держаться подальше от других.

— Может быть ты излишне подозрителен, Виноркис?

— Может быть. Но в любом случае остерегайся, милорд.

— Я так и делаю. Он не узнал обо мне ничего, кроме того, что уже знал, а именно — что я умею жонглировать.

— Может он уже слишком много знает о тебе, — угрюмо сказал хьерт.— Но мы последим за ним, как он следит за тобой.

Известие, что даже здесь он, возможно, находится под наблюдением, расстроило Валентайна. Здесь святилище! О, если бы рядом были Слит или Делиамбер!

Шпион может стать и убийцей, когда Валентайн подойдет близко к Леди и таким образом представит угрозу для узурпатора.

Но Валентайну казалось, что он так и не подойдет близко

к Леди. Прошла еще неделя. Затем, когда он уже готов был поверить, что останется на Террасе Начала до конца своих дней, его вызвали с поля и сказали, чтобы он приготовился идти на Террасу Зеркал.

Третья Терраса была головокружительно прекрасна. Блеск ее напомнил Валентайну Долорн. Она прилепилась к основанию Второго Утеса неприступной вертикальной стеной, казавшейся непреодолимой преградой для желающих проникнуть внутрь, а когда солнце освещало западную сторону утеса, от отраженного света слепило глаза и захватывало дух.

Там были зеркала — громадные, грубо вырезанные плиты полированного черного камня, воткнутые одним краем в грунт вокруг террасы. Они сияли изнутри.

Валентайн первый раз критически взглянул на себя, ища перемен, принесенных путешествием, какого-нибудь ослабления того теплого излучения, которое исходило от него с самого Пидруда, следы усталости или потрясений, но ничего этого он не увидел: знакомый золотоволосый улыбающийся человек. Он приветливо махнул своему отражению и дружески подмигнул ему, а через неделю перестал замечать. Если бы ему приказали не обращать внимания на зеркала, он, вероятно, был бы в постоянном напряжении, невольно бросал туда взгляд и тут же отводил его, но никто не сказал ему, для какой цели здесь зеркала и как он должен воспринимать это, потому вскоре просто забыл о них.

Зеркала, как он понял много позже, были ключом к движению вперед на Острове: эволюция духа изнутри, растущая способность отличать и отбрасывать ненужное.

Здесь он был совсем одинок: ни Шанамира, ни Виноркиса, ни Фарсела. Валентайн внимательно пригляделся к чернобородому: если бы он действительно был шпионом, то без сомнения, нашел бы возможность следовать за ним с террасы на террасу. Но его не было.

Валентайн пробыл на Террасе Зеркал одиннадцать дней и с пятью другими новичками отправился на плавучих санях к краю Второго Утеса на Террасу Посвящения.

Отсюда открывался великолепный вид на первые три террасы, находившиеся далеко внизу. От Террасы Оценки видна была лишь узкая розовая линия на фоне темной зелени леса, но большая Терраса Начала внушительно развернулась на середине нижнего плато, а Терраса Зеркал прямо внизу сверкала, как миллион ярких погребальных костров в полуденном свете.

Теперь ему уже стало безразлично, насколько быстро он сможет продвигаться.

Время утратило значение. Здешний ритм полностью овладел им. Он работал в поле, слушал обстоятельные лекции духовного обучения, проводил много времени в темном каменном здании — месте поклонения Леди — и спрашивал, будет ли ему дарован свет. Иногда он вспоминал, что намерен был побыстрее добраться до сердца Острова и к женщине, которая живет там, но теперь это не имело для него никакого значения.

Он становился истинным пилигримом.

За Террасой Посвящения следовала Терраса Цветов, за ней — Терраса Преданности, а затем Терраса Окружения. Все они были на Втором Утесе, как и Терраса Восхождения — последняя ступень, с которой поднимались на плато, где обитала Леди. Каждая из террас, как начал понимать Валентайн, полностью окружала остров, так что на ней в любое время мог бы находиться миллион почитателей, если не больше, но каждый пилигрим знал только крошечный участок целого, пока шел к центру. Сколько труда было положено, чтобы выстроить все это, сколько жизней было отдано служению Леди! И каждый паломник шел, окруженный молчанием. Здесь не заводили дружеских отношений, не обменивались откровениями, не заводили романов. Фарсел был единственным исключением из этого правила. Вообще это место существовало как бы вне времени и за орбитой обычных ритуалов жизни.

В этой средней зоне Острова меньше занимались обучением, больше тяжелой работой. Валентайн знал, что, достигнув Третьего Утеса, он присоединится к тем, кто фактически несет всему миру дело Леди. Теперь он понимал, что большую часть посланий излучает не сама Леди, а миллионы ее передовых служителей Третьего Утеса, чей мозг и дух полны благоговения к Леди, но отнюдь не все достигают Третьего Утеса, очень многие старые служители десятилетиями живут на Втором Утесе, занимаясь административной работой, не надеются на более трудную ответственность внутренней зоны, не желая продвигаться к ней.

В конце третьей недели на Террасе Посвящения Валентайну было дано познать настоящий, верный сон-вызов.

Он видел, что идет по опаленной пурпурной равнине, которая так затемняла его сон в Пидруде. Солнце висело низко над горизонтом, небо было тяжелым и унылым, вдали виднелись две широкие горы, поднимавшиеся, как гигантские кулаки. В усеянной камнями долине между горами виднелся последний красный отблеск солнца, необычный, масляный, зловещий свет.

Над этой странно освещенной долиной дул холодный сухой ветер и нес с собой вздыхающие, поющие звуки, мягкую печальную мелодию. Валентайн шел и шел, но горы не становились ближе, пески пустыни тянулись бесконечно, а он все шел, чтобы не угасла последняя искра света. Силы его слабели. Грозные миражи проносились перед ним. Он видел Симонана Баржазида, Короля Снов, и его троих сыновей. Видел призрачного дряхлого Понтифика, хохотавшего на своем подземном троне. Видел чудовищ, медленно ползающих по дюнам, и морды огромных дункаров, высунувшиеся из песка и обнюхивавшие воздух в поисках добычи. Кто-то шипел, выл, шептал, насекомые собирались в мерзкие тучи, начался дождь из сухого песка, забивающий глаза и ноздри. Валентайн устал и готов был остановиться, упасть и лежать, пока песчаные дюны не закроют его, и только одно влекло его вперед: в долине ходила улыбающаяся женщина — Леди, его мать, и он устремился вперед, как только увидел ее.

Он ощущал тепло ее присутствия, притяжение ее любви.

— Иди ко мне, Валентайн, — шептала она.

Ее руки тянулись к нему через пустыню. Плечи его согнулись, ноги подкашивались. Он не мог идти, но знал, что должен.

— Леди, — шептал он, — я не могу больше. Я должен отдохнуть, уснуть!

Свет между горами стал теплее и ярче.

— Валентайн, — звала она.— Сын мой!

Он с трудом сдерживался, чтобы не закрыть глаза. Так заманчиво было лечь в теплый песок.

— Ты мой сын, — звучал голос Леди с невообразимо далекого расстояния.— Ты нужен мне.

Когда она сказала эти слова, он обрел новые силы и пошел быстрее, а затем легко побежал широкими шагами. Теперь расстояние быстро сокращалось. Валентайн уже ясно видел ее на террасе из лилового камня. Она ждала его, протягивала к нему руки, называла его имя, и голос ее звенел, как колокольчики в Нимое.

Он проснулся, но все еще слышал ее звонкий голос.

Наступил рассвет. Валентайн почувствовал удивительную энергию. Он встал, спустился к большому аметистовому бассейну, служившему для купания, и нырнул в холодную родниковую воду, затем побежал в комнату Минесипты, своей толковательницы снов, плотной, узкокостной особы с горящими черными глазами и худощавым лицом, и торопливо рассказал ей свой сон.

Минесипта молчала. Ее холодность остудила красноречие Валентайна. Он вспоминал, как явился к Столинон на Террасе Начала с фальшивым сном-вызовом и как быстро Столинон отмела этот сон. Но ведь этот — не фальшивый, тут не было Делиамбера.

Валентайн медленно спросил:

— Могу я просить определения?

— У сна знакомые обертоны, — спокойно ответила Минесипта.

— И это все, что ты можешь сказать?

—А чтобы ты хотел услышать?

Валентайн сжал кулаки.

— Если бы кто-нибудь пришел ко мне за толкованием такого сна, я бы сказал, что это сон-вызов.

— Прекрасно.

— Ты согласна? А ты назвала бы его сном-вызовом?

— Если хочешь.

— Мое желание тут ни при чем, — раздраженно сказал Валентайн.— Либо это сон-вызов, либо нет. Как ты думаешь?

Криво улыбнувшись, толковательница сказала:

— Я назову твой сон вызовом.

— И что же дальше?

— Дальше? У тебя есть утренние обязанности.

— Сон-вызов, как я понимаю, требует явиться к Леди.

— Да.

— Разве я не должен сейчас идти во Внутренний Храм?

Минесипта покачала головой.

— Никто со Второго Утеса не идет во Внутренний Храм. Вот когда ты достигнешь Террасы Поклонения, сна-вызова будет

достаточно. А сейчас твой сон интересен, но он ничего не меняет. Иди приступай к своим обязанностям, Валентайн.

Когда он выходил от нее, в нем кипела злоба. Он понимал, что был глуп, что простого сна недостаточно, чтобы переметнуть через барьеры, отделявшие его от Леди, однако, он так надеялся... Он думал, что Минесинта всплеснет руками, радостно закричит и тут же пошлет его во Внутренний Храм, но ничего этого не случилось, его просто выставили из комнаты, и он страдал и злился.

Дальше было еще хуже. Спустя два часа, когда он возвращался с поля, его остановил служитель и резко сказал:

— Тебе приказано немедленно отправиться в гавань Талис, где новые пилигримы ждут тебя.

Валентайн остолбенел. Меньше всего он хотел возвращаться к исходной точке.

Он тут же вышел и двинулся пешком один, от террасы к террасе, чтобы как можно скорее оказаться на Террасе Оценки. Ему выдали запас еды и прибор, указывавший направление,— наручный амулет, издававший тихий, высокий звук. Он оставил Террасу Оценки в середине дня, но пошел не к побережью, а вглубь, к Террасе Подчинения.

Решение это пришло неожиданно и действовало неудержимо. Он просто не мог позволить себе отвернуться от Леди. Вступив на запретный путь на этом строго дисциплинированном острове, он подвергал себя серьезному риску, но иначе поступить не мог.

Валентайн обогнул край террасы, нашел травянистую тропинку и двинулся наискосок через поле к центральной дороге. Здесь он предполагал свернуть влево к внешним террасам, но, полагая, что будет слишком бросаться в глаза, повернул направо.

Скоро населенная часть террасы осталась позади, и дорога с широкого мощенного тракта сузилась до лесной тропы, сжатой со всех сторон.

Через полчаса он вышел на развилку. Свернул наудачу влево, но спокойный свист указывавшего дорогу прибора пропал. Когда Валентайн вернулся и повернул направо, свист возобновился.

Полезный аппарат, — подумал Валентайн.

Он шел ровным шагом до темноты, затем устроился в приятной рощице у ручья и позволил себе поесть немного сыра и нарезанного ломтиками мяса. Потом уснул на влажной земле между двумя деревьями.

Первые проблески зари разбудили его.

Он потянулся, открыл глаза, быстро умылся в ручье. Сейчас позавтракаю и...

Он услышал позади треск: кто-то шел через кусты. Валентайн бесшумно откатился за толстое дерево и осторожно выглянул.

Он увидел крепко скроенного чернобородого человека. Тот вылез из кустов и остановился, оглядываясь.

Это был Фарсел в одежде пилигрима, но с кинжалом за поясом.

Их разделяли какие-то двадцать пять футов. Валентайн хмурился, прикидывая свои возможности, обдумывая тактику. Где Фарсел нашел кинжал на этом мирном острове? Зачем он идет за Валентайном, если не для того, чтобы убить?

Насилие было чуждо Валентайну, но захватить Фарсела врасплох, казалось, имело смысл. Валентайн качнулся взад и вперед, концентрируя мозг, как перед жонглированием, и выскочил из укрытия.

Фарсел крутнулся и выхватил кинжал.

Валентайн резко ударил Фарсела по руке ребром ладони.

Рука Фарсела онемела, кинжал выпал, но в следующий миг могучие руки Фарсела сгребли Валентайна.

Они стояли, сцепившись, лицом к лицу.

Фарсел был на голову ниже Валентайна, но шире в груди и в плечах. Он пытался повалить Валентайна, тот отбивался.

Вены на лбу обоих набухли, лица покраснели от напряжения.

— Это безумие, — пробормотал Валентайн.— Уходи, я не собираюсь вредить тебе.

Фарсел в ответ крепче сжал Валентайна.

— Кто тебя послал? — спросил Валентайн.— Что тебе от меня надо?

Молчание. Мощные, как у скандара, руки неумолимо сдавливали Валентайна. Он стал задыхаться. Боль слепила его. Он попытался раздвинуть локти и разорвать захват, но не получилось.

Лицо Фарсела безобразно исказилось от усилий, губы плотно сжались. Он медленно валил Валентайна на землю.

Сопротивляться было невозможно. Валентайн резко прекратил попытку и расслабился, как тряпичная кукла.

Удивленный Фарсел дернул его и швырнул вниз. Валентайн согнул колени и не сопротивлялся, легко упал на спину, и когда Фарсел яростно бросился на него, Валентайн изо всей силы ударил его ногами в живот. Фарсел задохнулся и ошеломленно качнулся назад. Валентайн вскочил, обхватил его сильными, тренированными многомесячным жонглированием руками, повалил на землю и прижал руками к коленям.

Как странно, думал Валентайн, схватились врукопашную, словно дети.

Это было похоже на сон.

Фарсел яростно уставился на него и колотил ногами по земле, тщетно пытаясь скинуть Валентайна с себя.

— Теперь говори, — сказал Валентайн, — что все это значит? Ты пришел убить меня?

— Ничего я не скажу.

— Ты был, однако, очень болтлив, когда мы с тобой жонглировали.

— Это было раньше.

— Что мне с тобой делать? — спросил Валентайн.— Если отпущу, ты снова нападешь на меня, если же буду держать — сам замешкаюсь.

— Долго ты меня не продержишь.

Фарсел снова попытался подняться. Он был огромной силы, но Валентайн крепко держал его. Лицо Фарсела стало ярко-красным, жилы на горле вздулись, в глазах горели злоба и отчаяние поражения. Какое-то время он лежал тихо, затем собрал все силы и рванулся вверх. Валентайн не мог противостоять этому рывку. Теперь было неизвестно, чья возьмет.

Валентайн скатился, а Фарсел изворачивался, чтобы на него навалиться. Валентайн схватил Фарсела за толстые плечи, попытался опрокинуть на спину, но тот оттолкнул его и нацелился пальцами в глаза. Валентайн вывернулся, а затем, не раздумывая, схватил Фарсела за жесткую черную бороду, дернул и ударил головой о камень, выступавший из влажной почвы.

Фарсел глухо заворчал и затих.

Валентайн вскочил, поднял валявшийся кинжал и склонился над врагом. Он дрожал не от страха, от напряжения, как дрожит тетива лука, отпустившая стрелу.

— Фарсел! — крикнул он, опустившись на колени.

Ответа не было. Мертв? Нет. Громадная грудная клетка медленно поднималась и опускалась, и Валентайн услышал хриплое прерывистое дыхание.

Валентайн посмотрел на нож. Что теперь делать? Слит сказал бы — покончить с поверженным, пока он не встал. Нет, невозможно. Убить можно, только защищаясь, и, конечно, не потерявшего сознание противника, пусть и убийцу. Убить разумное существо — значит всю жизнь видеть страшный сон. Но если уйти, Фарсел придет в себя и бросится за ним. Вот когда пригодилась бы птицеловная лиана! Валентайн огляделся и увидел высоко на дереве лиану другого сорта, в палец толщиной. Несколькими сильными ударами ножа он отрезал пять больших ветвей и крепко связал Фарсела, который шевелился и стонал, но в себя не приходил. За десять минут Валентайн спеленал его, как мумию, от груди до лодыжек, подергал — лиана держала крепко. Тогда он собрал вещи и поспешил уйти.

Дикое столкновение в лесу потрясло Валентайна, не только сама по себе драка, хотя она была достаточно варварской и должна была надолго расстроить его, но мысль, что враг больше не довольствуется слежкой, а послал убийцу, успокаивала. Раз это так, — думал он, — могу ли я еще сомневаться в правильности видений, сказавших мне, что я — лорд Валентайн.

Заранее задуманное убийство для Валентайна было немыслимо. Никто не может отнять жизнь у другого. В мире, известном ему, это была основа. Даже узурпатор, свергнувший его с трона, не посмел убить его, боясь, что черные сны его не минуют. Но сейчас он, видимо, решился пойти на этот страшный риск.

Если только Фарсел, в надежде на милость своих нанимателей не отважился на убийство самостоятельно, когда увидел, что Валентайн идет к внутренней стороне Острова.

Это было темное дело. Валентайн поежился. Широко шагая по лесным тропам, он не раз напряженно оглядывался, опасаясь снова увидеть чернобородого преследователя.

Но за ним никто не шел. К концу дня Валентайн увидел вдали Террасу Окружения, а за ней плоский белый пик Третьего Утеса.

Никто, казалось, не обращал внимания на спокойно идущего тайного паломника.

Он вступил на Террасу Окружения с таким видом, словно имел полное право на это.

Терраса была большой, богатой, с рядом величественных

зданий из синего камня на восточной стороне и садом на этой. Валентайн положил в дорожный мешок с полдюжины спелых бассаплодов, смыл с себя дорожную пыль в бассейне. Набравшись нахальства, он вошел в столовую и взял себе суп и тушеное мясо, затем также играючи вышел и направился в дальний конец террасы. Уже наступила ночь.

Он снова уснул на импровизированной постели, часто просыпаясь с мыслью о Фарселе, а когда стало достаточно светло, встал и пошел дальше. Высоко над лесом поднималась ошеломляющая белая стена Третьего Утеса.

Он шел весь день, но вроде бы и не приблизился к утесу. Пешком через эти леса он вряд ли проделывал больше пятнадцати или двадцати миль в день, а кто знает, сколько их до Третьего Утеса. Пятьдесят или восемьдесят? А сколько оттуда до Внутреннего Храма? Путешествие может занять не одну неделю. Но он шел вперед и шел даже еще быстрее.

На четвертый день Валентайн подошел к Террасе Восхождения. Он ненадолго остановился, вымылся, выспался в тихой роще и утром отправился дальше. Он шел, пока не достиг Третьего Утеса.

Валентайн не разбирался в механизме управления плавучими санями. Отсюда ему был виден маленький поселок — станция в несколько коттеджей, кое-где в поле работали служители. Сани стояли у подножия утеса. Валентайн подумал, не подождать ли темноты и попробовать пустить сани, но решил, что не стоит: лезть на такую страшную высоту без всякой помощи, пользуясь незнакомым механизмом, было слишком рискованно. Тягостно было и заставлять служителей ему помогать.

Оставался еще один способ. Валентайн привел в порядок свою запыленную одежду, принял самый что ни на есть уверенный вид и степенно пошел к станции.

Трое служителей холодно на него посмотрели.

— Сани готовы к работе? — спросил он.

— У тебя дело на Третьем Утесе?

— Да.

Валентайн улыбнулся самой ослепительной улыбкой, демонстрируя также таящуюся под улыбкой силу и полнейшую самоуверенность.

— Я Валентайн из Альханроеля, по особому вызову Леди. Там меня ждут, чтобы проводить во Внутренний Храм.

— Почему нам об этом не сказали?

Валентайн пожал плечами.

— Откуда я знаю? Ясно, чья-то ошибка. Что же мне — ждать здесь, пока вам принесут бумаги? И Леди пусть ждет? Давайте вашу плавучую машину.

— Валентайн из Альханроеля, особый вызов Леди...

Служители задумались, покачали головами и переглянулись.

— Все это совсем не по правилам. Кто тебя будет там сопровождать?

Валентайн глубоко вздохнул.

— Встретить меня послана сама Главная толковательница Тизана из Фалкинкипа! — решительно объявил он.— Ей тоже

ждать, пока вы тут возитесь? Вам придется отвечать перед ней за опоздание! А вы знаете, каков характер у Главной Толковательницы?

— Верно, — с тревогой согласились служители.

Они кивнули, словно такая особа действительно существовала, и гнев ее был очень страшным.

Валентайн понял, что выиграл. Быстрыми нетерпеливыми жестами он торопил служителей, а через минуту уже сидел в санях и торжественно возносился на самый высокий и самый священный из трех Утесов Острова Снов.

Воздух на вершине Третьего Утеса был чистым и холодным, потому что этот уровень Острова лежал на тысячу футов выше уровня моря, и здесь, в жилище Леди, среда резко отличалась от среды двух нижних ступеней. Деревья были высокими, гладкими, с игловидными листьями и симметрично расходившимися сучьями, а растения вокруг были субтропической твердости, с толстыми глянцевитыми листьями и крепкими стеблями. Посмотрев назад, Валентайн не увидел океана, только заросший лесом Второй Утес и далеко внизу — Первый.

Дорога из красиво уложенных каменных плит шла от края Третьего Утеса к лесу.

Валентайн без колебаний пошел по ней.

Он не представлял себе расположения этого уровня, знал только, что здесь много террас, и последняя из них — Терраса Поклонения, где ждали вызова Леди.

Он не надеялся пройти незамеченным весь путь до порога Внутреннего Храма, но он пройдет, сколько сможет, а когда его схватят как правонарушителя, он назовет свое имя и попросит, чтобы о нем сказали Леди, а остальное будет зависеть от ее милости и благорасположения.

Его остановили еще до того, как он дошел до внешнего края террасы.

Пять служителей в одежде внутренней иерархии, золотой, с красной отделкой, вышли из леса и холодно преградили путь Валентайну. Трое мужчин, две женщины, все немолодые.

Седая женщина с тонкими губами и темными внимательными глазами сказала:

— Я Лоривейд с Террасы Теней и от имени Леди спрашиваю тебя, как ты сюда попал?

— Я Валентайн из Альханроеля, — спокойно ответил он.— Я плоть от плоти Леди, и вы должны отвести меня к ней.

Это наглое утверждение не вызвало даже улыбки на лицах иерархов. Лоривейд сказала:

— Ты уверяешь, что ты родственник Леди.

— Я ее сын.

— Ее сына зовут Валентайн и он Коронованный на Горе Замка. Ты в своем уме?

— Передайте Леди, что ее сын Валентайн пришел к ней через Внутреннее Море,через весь Зимроель, и что у него золотистые волосы. Больше я ничего у вас не прошу.

Мужчина рядом с Лоривейд сказал:

— На тебе одежда Второго Утеса. Тебе не позволено подниматься сюда.

Валентайн ответил со вздохом:

— Я знаю. Я поднялся без разрешения, незаконно. Но у меня важнейшие причины. Если мое сообщение не будет быстро передано Леди, вы за это ответите.

— Мы не привыкли к угрозам, — нахмурилась Лоривейд.

— Я не угрожаю, я только говорю о неизбежных последствиях.

Женщина справа от Лоривейд заметила:

— Он сумасшедший. Нам придется запереть его и позаботиться о нем.

— И сделать замечание бригаде внизу, — сказал другой мужчина.

— Узнать, с какой он Террасы, и как ему позволили оттуда уйти, — заметил третий.

— Я прошу только, чтобы вы передали мое сообщение Леди, — спокойно сказал Валентайн.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к тому месту, где стояли плавучие сани и ожидало множество более молодых служителей. Видимо, они готовились к серьезным неприятностям. Лоривейд сделала знак одному служителю и отдала короткий приказ. Затем пять иерархов сели в сани и уплыли.

Служители подошли к Валентайну и не очень вежливо стали подталкивать его к саням. Он улыбнулся и показал, что не будет сопротивляться: но, крепко держа, его грубо втолкнули в сани. Сани поднялись, и запряженные в них животные по сигналу побежали к ближайшей террасе.

Здесь располагались широкие низкие здания и большие каменные площадки. Терраса Теней и тени, давшие ей название, были черными, как чернила, таинственными, все поглощающие озера мрака простирались в странно-значимом рисунке над абстрактными каменными изваяниями.

Но шествие Валентайна по террасе было непродолжительным: его стражники остановились у приземистого здания без окон.

Искусно сделанная дверь беззвучно отворилась от легкого прикосновения. Валентайна втолкнули внутрь. Дверь закрылась, не оставив в стене никакого следа.

Он был в тюрьме.

Квадратная комната с низким потолком, почти пустая. Единственный тусклый светильник бросал зеленовато-желтый свет.

Здесь были лишь очиститель, раковина, комод и матрац.

Передадут ли они Леди его сообщение?

Может быть, оставят здесь, пока проверят его жалобы на Третий Утес, и островная бюрократия затянет дело на несколько недель.

Прошел час, другой, третий. Пусть его пошлют на допрос, только бы не эта тишина, скука, одиночество. Он считал шаги.

Нет, комната не квадратная: две стены на полтора шага длиннее других. Он искал очертание двери, но так и не нашел.

Подгонка была изумительной, просто чудо — Валентайн не мог не восхититься.

Он придумывал диалоги то с Делиамбером, то с Леди, то с Карабеллой, то с лордом Валентайном, но и это развлечение скоро надоело.

Он услышал слабый звук, повернулся и увидел в стене отверстие, куда скользнул поднос. Ему дали печеной рыбы, немного ягод цвета слоновой кости и чашу холодного красного сока.

— Благодарю, — сказал он громко.

Пальцы его ощупывали стену, ища место, откуда появился поднос.

Следов не было.

Он ел и снова придумывал диалоги, мысленно разговаривая с Слитом, с Толковательницей Тизаной, с Залзаном Каволом, с капитаном Гарцвелом. Он спрашивал их о детстве, о их мечтах и надеждах, о вкусах, одежде. Через какое-то время он устал от этой игры и лег спать.

Спал он плохо, часто просыпаясь.

Сны были отрывочными. В них мелькали Леди, Фарсел, Король Снов, вождь метаморфов, иерарх Лоривейд, но они только произносили непонятные, неразборчивые слова. Когда он окончательно проснулся, появился поднос с завтраком.

Прошел долгий день. Никогда еще для Валентайна день не тянулся так долго. Делать было абсолютно нечего. Он мог бы жонглировать тарелками, но они были настолько тонкими и легкими, что это было все равно, что жонглировать перьями. Он попытался жонглировать ботинками, но их было только два, это было глупо.

Он стал жонглировать воспоминаниями, оживляя в памяти все, что произошло с ним, начиная с Пидруда, но перспектива заниматься этим часами ужасала его.

Во вторую ночь Валентайн предпринял попытку общения с Леди. Он подготовил себя ко сну, но когда мозг начал освобождаться от сознания, он постарался проскользнуть в промежуток между сном и бодрствованием в род транса. Это было тонким делом, потому что если бы он слишком сосредоточился, то полностью бы проснулся, а если слишком расслабился, то уснул. Он долгое время балансировал на плавучей точке, жалея, что во время путешествия по Зимроелю не выбрал случая научиться этому у Делиамбера.

Наконец он послал свой дух вдаль.

— Мать!

Он представил себе, как его дух парит высоко над Террасой Теней, летит от террасы к террасе, внутрь, к сердцу Третьего Утеса, к Внутреннему Храму, к комнате, где живет Леди Острова.

— Мать, это Валентайн, твой сын. Мне надо многое сказать тебе и о многом спросить. Помоги мне добраться до тебя.

Валентайн лежал неподвижно. Он был совершенно спокоен. В его мозгу, казалось, сиял чистый белый луч.

— Мать, я на Третьем Утесе в тюремной камере Террасы Теней. Я шел так долго, но теперь меня остановили. Пошли за мной, мать! Мать... Леди...

Он заснул.

Луч все еще сверкал. Валентайн уловил первый звон музыки сна, увертюры, первое ощущение контакта. Явились видения. Он больше не был в тюрьме. Он лежал под холодными белыми звездами на громадной круглой платформе полированного камня, как бы на алтаре. К нему подошла женщина в белом платье, с блестящими черными волосами, встала рядом на колени, слегка коснулась его и сказала нежным голосом:

— Ты мой сын Валентайн, и я признаю тебя своим сыном перед всей Маджипурой и призываю тебя.

И все. Проснувшись, он помнил только это.

В то утро подноса с завтраком не было. Но, может быть, утро еще не настало и он проснулся среди ночи? Проходили часы. Поднос не появлялся. Не забыли ли о пленнике?

Может быть, они хотят уморить его голодом?

Он почувствовал ужас. Позвал, понимая, что это бесполезно.

Это место запечатано, как могила. Он угрюмо взглянул на старые подносы и отшвырнул их к дальней стене. Он вспомнил сосиски лимена, рыбу, которую Кон и Слит жарили на берегу Стейча, вкус плодов двикка, пальмовое вино в Пидруде. Голод усиливался. Валентайн испугался. Уже не скука, а страх владел им. Может быть они держат совет и уже осудили его на смерть за его отчаянное безрассудство?

Прошло полдня.

Безумием было думать, что он прикоснется во сне к мозгу Леди. Безумием было думать, что беспрепятственно войдет во Внутренний Храм и добьется ее помощи.

Безумием было думать, что он вернется в Горный Замок, если он вообще был там когда-нибудь. Он прошел полмира, подгоняемый только безумием, и теперь получит награду за свою самонадеянность и глупость.

Послышался уже знакомый слабый звук, но открылось не отверстие для еды, а дверь.

В камеру вошли два седовласых иерарха. Они смотрели на него холодно и недовольно.

— Вы принесли мне завтрак? — спросил Валентайн.

— Мы пришли, — ответил высокий, — чтобы проводить тебя во Внутренний Храм.

Он настоял на том, чтобы его сначала накормили — мудрое решение, потому что путешествие должно было растянуться на весь остаток дня. Они ехали в плавучем фургоне, Валентайн — посредине, иерархи — по бокам.

Когда он спрашивал название террасы, мимо которой они проезжали, они односложно отвечали, и только.

У Третьего Утеса было множество террас — Валентайн сбился со счета после седьмой — и они были ближе друг к другу, чем террасы на других утесах, их разделяли лишь полоски леса. Эта центральная часть Острова, похоже, была деловым и населенным местом.

В сумерках они прибыли на Террасу Поклонения, в область тихих садов и разбросанных низких белокаменных зданий.

Как и все остальные террасы, она была круглой, намного меньше других, поскольку это была внутренняя часть острова.

Ее, вероятно, можно было обойти за час или два, в то время как для объезда террасы Первого Утеса понадобились бы сани. Вдоль нее росли древние деревья с овальными розовыми листьями. Между зданиями красовались беседки, обвитые пышно цветущими лианами. Внутренние дворы украшали стройные колонны полированного черного камня и цветущие кусты.

Слуги Леди по двое и по трое не спеша проходили по этим мирным местам. Валентайна проводили в комнату, куда более уютную, чем предыдущая, с широкой и глубокой ванной, с чудесной постелью, с окнами в сад, с корзинкой фруктов на столе.

Иерархи оставили его в одиночестве. Он вымылся, отведал фруктов и стал ждать следующих событий. Прошел час или чуть больше.

Раздался стук в дверь, и мягкий голос спросил, хочет ли он ужинать. В комнату вкатилась тележка с лучшей едой, какую он ел на Острове — жареное мясо, синие тыквы, фаршированные рыбой, чаша с чем-то холодным, напоминавшим вино. Валентайн с удовольствием поел. Потом долго стоял у окна, глядя в темноту.

Ничего не было видно и слышно. Он проверил дверь. Она была заперта. Значит, он все еще пленник, хотя и в гораздо более приятном окружении, чем раньше.

Спал он крепко, без сновидений. Его разбудил лившийся в комнату поток солнечного света. Валентайн вымылся. Тот же скромный слуга принес на завтрак сосиски и запеченные розовые фрукты. Вскоре пришли двое хмурых иерархов и сказали:

— Леди вызывает тебя.

Они проводили его через изумительной красоты сад, прошли с ним по изящному мосту из чистого белого камня над темным прудом, где плавали рыбы.

Впереди открылась удивительно ухоженная лужайка. В центре ее стояло одноэтажное здание, изящное, с длинными узкими крыльями, выходившими, как звездные лучи, из круглого центра.

Вероятно, это и был Внутренний Храм. Валентайн задрожал. Он шел — уже не помнил сколько месяцев — к этому месту, к порогу царившей здесь таинственной женщины, воображая, что это его мать.

И вот он наконец здесь. Но что, если все окажется вздором, фантазией или ужасным заблуждением. Что, если Валентайн вообще никто, желтоволосый бродяга из Зимроеля, утративший память из-за какой-нибудь дурацкой случайности, которому шутники забили голову бессмысленными амбициями?

Эта мысль была непереносимой. Если Леди его оттолкнет, не признает...

Он вошел в Храм.

По-прежнему сопровождаемый иерархами Валентайн долго шел по немыслимо длинному холлу, где через каждые двадцать футов стояли мрачные воины. Наконец, он вошел во внутреннюю комнату, восьмиугольную, со стенами из прекраснейшего белого камня, с восьмиугольным бассейном посредине.

Утренний свет лился через восьмигранную стеклянную крышу. В каждом углу комнаты стояла суровая фигура в одежде иерарха.

Раздался легкий музыкальный звук.

Когда он затих, в комнату вошла Леди Острова.

Она была очень похожа на ту, которую Валентайн так часто видел во сне: женщина средних лет, обычного роста, со смуглой кожей, блестящими черными волосами, с теплым взглядом, полными губами, поднятыми в уголках с улыбкой, с серебряной полосой на лбу и цветком с толстыми зелеными лепестками за ухом. Вокруг нее, казалось, была аура, нимб, излучавший силу, авторитет и величие, как и приличествует Власти Маджипуры, и Валентайн не был готов к этому: он надеялся только лишь на материнское тепло женщины, забыв, что она королева, жрица, почти богиня. Он молча стоял перед ней, и она какое-то время изучала его с дальней стороны бассейна, устремив на него светлый, но проникающий взгляд. Затем она повелела резким знаком зыйти — не ему, а иерархам.

Это сломало их ледяное спокойствие.

Они переглянулись, явно растерянные.

Леди повторила жест — легкий поворот запястья, и в ее глазах вспыхнуло что-то властное, почти устрашающее. Трое или четверо иерархов вышли из комнаты, остальные задержались как бы не в силах поверить, что Леди хочет остаться наедине с пленником.

На секунду показалось, что потребуется третий взмах рук, но тут самый старый и самый важный из иерархов с явным протестом протянул к ней дрожавшую руку, однако под взглядом Леди рука опустилась и они вышли.

У Валентайна возникло побуждение упасть на колени. Он чуть слышно сказал:

— Я не имею понятия, как полагается показывать повиновение, я не знаю, Леди, как я должен обращаться к тебе, не оскорбив тебя.

Она спокойно ответила:

— Вполне достаточно, Валентайн, если ты назовешь меня матерью.

Эти спокойные слова ошеломили его.

Он сделал несколько шагов к ней и испуганно остановился.

— Это действительно так? — прошептал он.

— В этом нет никакого сомнения.

Он почувствовал, как запылали его щеки. Он стоял беспомощный, онемевший от ее расположения. Она поманила его легким движением пальца, и он качнулся, будто попал в океанский шторм.

— Подойди, — сказала она, — ты боишься? Подойди ко мне, Валентайн!

Он пересек комнату, обошел бассейн и встал рядом с ней. Она взяла его за руку, и он ощутил удар энергии, осязаемую пульсацию, схожую с той, которую чувствовал, когда Делиамбер касался его для колдовских целей, но гораздо более мощную, пугающую. Он хотел освободить руки при этом ударе, но Леди держала их и смотрела ему в глаза, как бы читая все его тайны.

— Да, — сказала она, наконец, — клянусь Божеством, да. Твое

тело чужое, но твой дух создан мной. О, Валентайн, что они сделали с тобой? Что они сделали с Маджипурой?

Она сжала его руки и притянула его к себе, и он оказался в ее объятиях.

Он чувствовал теперь, что она дрожит, не богиня, а только женщина-мать, обнимающая встревоженного сына. В ее объятиях он стал таким спокойным и умиротворенным, каким не был со дня своего пробуждения в Пидруде, и он цеплялся за нее, молясь, чтобы она не отпускала его.

Затем она отступила и, улыбаясь, осмотрела его.

— Во всяком случае тебе дали красивое тело, ничуть не похожее на прежнее, но приятное на вид, сильное и здоровое. Могло быть и хуже. Они могли сделать тебя старым, больным, калекой, но, я думаю, у них не хватило смелости. Они знали, что позже сторицей заплатят за все свои преступления.

— Кто, мать?

Она, казалось, удивилась этому вопросу.

— Как кто? Баржазид и его выродок!

— Я ничего не знаю, мать, кроме того, что приходило ко мне во сне, да и это было туманным и неопределенным.

— И что ты знаешь вообще?

— То, что мое тело было отнято у меня, что каким-то колдовством Короля Снов я очутился возле Пидруда таким, каким ты меня видишь, что кто-то другой, вероятно Доминин Баржазид, правит теперь в Горном Замке. Но обо всем этом я знаю очень туманно.

— Все это правда, — сказала Леди.

— Когда это случилось?

— В начале лета, когда ты совершал великий объезд Зимроеля. Я не знаю, как это было сделано, но однажды ночью во сне меня тряхнуло, как будто сердце планеты дало трещину. Я проснулась с сознанием, что случилось что-то чудовищно злое. Послала свой дух к тебе, но не смогла достигнуть тебя. Там, где ты был, царила только тишина, которая ударила меня, когда погиб Вориакс. Я чувствовала твое присутствие, но ты был за пределами моей досягаемости, как бы за толстым стеклом. Однажды я спросила о Коронованном. Мои люди сказали, что он в Тиломоне. Я спросила, здоров ли ты, и мне ответили, что здоров и плывешь к Пидруду. Однако я не могла добиться контакта. Я послала свой дух во все концы мира, чего не делала много лет, тебя нигде не было, одновременно ты где-то был. Я растерялась и испугалась, но ничего не могла сделать, оставалось только искать и ждать. До меня дошли известия, что лорд Валентайн в Пидруде, и я видела его через все расстояния, и его лицо было лицом моего сына, но мозг его был другим и он был закрыт для меня. Я пыталась отправить послание, но не смогла. Тогда я, наконец, начала понимать.

— И ты узнала, где я?

— Не сразу. Они переключили твой мозг, так что он полностью изменился. Каждую ночь я посылала свой дух в Зимроель и искала тебя, пренебрегая всем здесь, но ведь подмена Коронованного,—

дело нешуточное: мне показалось как-то, что я уловила проблеск твоей истинной сущности, фрагмент ее, а потом смогла установить, что ты жив, что ты на северо-западе Зимроеля, но достигнуть тебя не могла. Оставалось ждать, когда ты начнешь приходить в себя, когда их чары немного ослабнут и твой истинный дух восстановится хотя бы частично.

— Он и сейчас не вполне в себе, мать.

— Я знаю. Но уверена, что это излечимо.

— Когда ты наконец достигла меня?

Она на секунду задумалась.

— Это было возле гайрогского города Долорна, кажется, я впервые обнаружила тебя через мозг других, увидевших во сне правду о тебе. Я коснулась их мозга, отобрала и очистила то, что было в нем, и увидела, что твой дух оставил на них свою печать, и что они лучше тебя знают о том, что случилось с тобой. Так я смогла очертить тебя кругом и войти в твой мозг. С этого момента ты получал знания о своем прежнем «я», и я трудилась через все эти тысячи миль, чтобы вылечить тебя и привести ко мне, но это было нелегко. Мир снов — трудная и меняющаяся область, трудная даже для меня, и пытаться управлять ею — все равно, что писать на песке на берегу океана: прибой вернется и смоет почти все, и ты пишешь снова и снова. Но все-таки ты здесь!

— Тебе известно, когда я достиг Острова?

— Да, я чувствовала твое приближение.

— И ты оставила меня пробираться с одной террасы на другую несколько месяцев?

Она засмеялась.

— На внешних террасах миллион пилигримов. Почувствовать тебя — одно, а точно определить — другое, куда труднее. Кроме того, ты не был готов прийти ко мне, я — принять тебя. Я проверяла тебя, Валентайн, следила за тобой издали, изучала, какая часть твоей души выжила, осталось ли в тебе что-нибудь от Коронованного. Я должна была знать это до того, как увижу тебя.

— Много ли во мне осталось от лорда Валентайна?

— Большая часть, значительно большая, чем предполагали наши враги. Их схема плохо сработала. Они считали, что перечеркнули тебя, на самом деле лишь одурманили и сбили с толку.

— Не разумнее ли было с их стороны убить меня сразу, а не пересаживать мой дух в другое тело?

— Разумнее, да, — ответила Леди.— Но они не рискнули. Ты помазанник, Валентайн, а эти Баржазиды суеверные скоты. Они рискнули свергнуть Коронованного, но не решились убить его, потому что боятся мести его духа. Теперь трусливое колебание принесет крушение их планам.

— Ты думаешь, что я когда-нибудь смогу снова занять свое место? — тихо спросил Валентайн.

— Ты в этом сомневаешься?

— У Баржазида лицо лорда Валентайна, народ принимает его за Коронованного. В его руках вся мощь Горнюго Замка, а у меня всего десяток приверженцев, и меня никто не знает. Кто мне

поверит, если я объявлю себя истинным Коронованным? Сколько времени пройдет, прежде чем Доминин сделает со мной то же, что уже раз сделал в Тил-омоне?

— У тебя есть поддержка Леди, твоей матери.

— У тебя есть армия?

Леди ласково улыбнулась.

— Нет, армии у меня нет, но я — Власть Маджипуры, а это не так уж мало. Я распространяю любовь и справедливость. И у меня есть это.

Она коснулась серебряного обруча на голове.

— Таким образом ты шлешь послания?

— Да. Я могу достигнуть всех мозгов Маджипуры. Я не могу контролировать и управлять, как приборы Баржазида, но я могу сообщать, могу вести, могу влиять. И у тебя будет такой обруч, когда ты уйдешь с Острова.

— И я спокойно пройду через Альханроель, неся гражданам послание любви, когда Доминин Баржазид спустится с Горы и вернет мне трон?

Глаза Леди сверкнули гневом, подобным тому, который увидел Валентайн, когда она выгоняла иерархов из комнаты.

— Что ты говоришь? — резко спросила она.

— Мать...

— Да, они действительно изменили тебя. Тот Валентайн, которого я родила и вырастила, не смирился бы с мыслью о поражении!

— И я не мирюсь, мать. Но все это чудовищно, а я устал. Вести же войну против народа Маджипуры, даже против узурпатора... Мать, с самых ранних времен в Маджипуре не было войны. И я нарушу мир?

Глаза ее были безжалостными.

— Мир уже нарушен, Валентайн. На тебе лежит обязанность восстановить порядок в королевстве. Фальшивый Коронованный правит почти год. Ежедневно издаются жестокие и глупые законы. Невинный наказан, виновный торжествует. Нарушается равновесие, установленное тысячелетия назад. Когда четырнадцать тысяч лет назад наш народ пришел сюда со Старой Земли, свершилось много ошибок, много страданий претерпели люди, прежде чем мы нашли способ управления. Со времени первого Понтифика мы стали жить без больших переворотов, а в правление лорда Стиамота на планете воцарился мир. Теперь же мир разорван, и ты должен привести все в порядок.

— А если я соглашусь с тем, что сделал Доминин Баржазид? Или втравлю Маджипуру в гражданскую войну? Каковы будут последствия?

— Ты сам знаешь ответы на эти вопросы.

— Я хотел бы услышать их от тебя, потому что я в нерешительности.

— Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

— Мать, я испытал много странного в этом путешествии, много сил у меня отнято. Разве я не имею права устать?

— Ты король, Валентайн.

— Возможно, я был им и, возможно, буду снова. Но многое из моей королевской сущности украдено в Тил-омоне. Теперь я обычный человек. Но даже короли подвержены усталости и упадку духа, мать.

Леди сказала мягче.

— Баржазид еще не стал абсолютным тираном, потому что это может восстановить против него народ, и он не уверен в своей власти, пока ты жив. Но он правит для себя и своей семьи, а не для блага Маджипуры. Ему не хватает чувства справедливости, и он делает то, что только кажется полезным и целесообразным. Но с ростом его самоуверенности будут расти и его преступления, и Маджипура застонет под кнутом чудовища.

Валентайн кивнул.

— Когда я не такой усталый, я тоже понимаю это.

— Послушай также, что произойдет, когда умрет Тиверас Понтифик, а это рано или поздно случится, более вероятно, что случится скоро.

— Баржазид войдет в Лабиринт и станет бессильным затворником. Ты это имеешь в виду?

— Понтифик не бессилен, и ему не обязательно быть затворником. В жизни был только Тиверас, и он становится все более старым и странным. Но Понтифик в полной силе — совсем другое дело. Что, если Баржазид станет Понтификом через пять лет? Удовлетворится ли пребыванием в этой подземной норе, как теперь Тиверас? Он будет править, опираясь на силу, Валентайн.

Она пристально посмотрела на него.

— И кто, по-твоему, станет Коронованным?

Валентайн покачал головой.

— У Короля Снов три сына, — сказала Леди,— Минакс, старший, на днях получает трон в Суврaеле. Доминин теперь Коронованный и станет Понтификом, если ты позволишь ему это. Кого он выберет новым Коронованным, как не своего младшего брата Кристофа?

— Но противоестественно, чтобы Понтифик отдал Горный Замок собственному брату!

— Также противоестественно, чтобы Король Снов свергал законного Коронованного,— сказала Леди.

Глаза ее снова сверкнули.

— Вот еще что: когда сменяются Коронованные, сменяется и Леди Острова. Я буду доживать свои дни во дворце для отставных Леди на Террасе Теней, кто же придет во Внутренний Храм? Мать Баржазида! Как видишь, они захватят все и будут править всей Маджипурой.

— Этого не должно быть, — сказал Валентайн.

— Этого не должно быть.

— Что я должен сделать?

— Ты сядешь на корабль в моем порту Нуминор со своими людьми, с теми, кого я тебе дам, и поедешь в Альханроель, высадишься на мысе Стойенцар и отправишься в Лабиринт за благословением Тивераса.

— Но если Тиверас сумасшедший..

— Он не совсем безумен. Он живет в непрерывном и очень

странном сне, но я недавно коснулась его. В нем еще жив прежний Тиверас. Он сорок лет Понтифик, а до этого долгое время был Коронованным и знает, как надо править нашим королевством. Если ты сможешь добраться до него, если сумеешь показать, что ты настоящий лорд Валентайн, он окажет тебе помощь. Тогда ты пойдешь в Замок на Горе. Тебя пугает эта задача?

— Меня пугает только то, что я внесу хаос в Маджипуру.

— Хаос уже существует. Ты внесешь порядок и справедливость.

Она приблизилась к нему, так что вся устрашающая мощь ее личности раскрылась ему, прикоснулась к нему рукой и сказала низким, страстным голосом:

— Я родила двух сыновей, и каждый, кто видел их в колыбели, знал, что им предстоит быть королями. Старший был Вориакс. Ты помнишь его? Думаю, что нет... пока. Он был великолепным, замечательным человеком, героем, полубогом. Его еще в детстве знали на Горе Замка. Он должен был стать Коронованным, когда лорд Молибор станет Понтификом. Он был великолепен, но был и второй сын, Валентайн, такой же сильный и великолепный, как Вориакс, но он не так сильно увлекался подвигами и спортом, как старший. Он был теплее душой и мудрее, он без слов понимал, что правильно, а что нет, в его душе не было жестокости, характер его был ровным и жизнерадостным, его все любили, уважали, говорили, что он был бы даже лучшим Коронованным, чем Вориакс, но Вориакс был старшим, и выбрать должны были его, а Валентайн мог быть только первым министром. Молибор не стал Понтификом, он внезапно умер, охотясь на драконов, и эмиссары Тивераса пришли к Вориаксу и сказали: Ты Коронованный Маджипуры, и первым, кто упал перед ним на колени и сложил знак горящей звезды, был его брат Валентайн. И вот лорд Вориакс правил на Горе Замка, и правил хорошо, а я прибыла на Остров Снов, как полагалось, и восемь лет все было хорошо на Маджипуре, а затем произошло непредвиденное — лорд Вориакс внезапно погиб, как и лорд Молибор. Его пронзила на охоте случайная стрела. Но оставался еще Валентайн, и хотя редко бывало, чтобы брат Коронованного становился Коронованным после него, споры шли недолго, потому что все признавали его высокие качества. Таким образом в Замок вошел лорд Валентайн, а я, мать двух королей, осталась во Внутреннем Храме, радуясь сыновьям, которых отдала Маджипуре, и была уверена, что правление лорда Валентайна послужит славе Маджипуры. Неужели ты думаешь, что я позволю Баржазидам восседать там, где восседал по праву мой сын? Неужели ты думаешь, что я могу стерпеть, чтобы лицо лорда Валентайна маскировало подлую душу Баржазида? О, Валентайн, от тебя осталась лишь половина того, чем ты был раньше, даже меньше, чем половина, но ты снова станешь самим собой, и Горный Замок снова будет твоим, и судьба Маджипуры перестанет изменяться и двигаться ко злу. И не говори мне, что боишься воцарения хаоса на планете. Хаос с нами. Ты — освободитель. Понимаешь?

— Понимаю, мать.

— Тогда пойдем со мной, и я сделаю тебя прежним.

Она повела его из восьмиугольной комнаты вниз по лестнице Внутреннего Храма, мимо застывших стражей и хмурых иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную яркими цветами. Здесь был письменный стол из цельного куска сверкающего камня, низкая кушетка и несколько мелких предметов меблировки. Похоже, это был рабочий кабинет Леди. Она указала Валентайну на сидение и достала из стола две маленькие фляжки.

— Выпей это вино залпом, — сказала она.

Она протянула ему одну фляжку.

— Вино? На Острове?

— Мы с тобой не паломники. Пей.

Вкус темного, пряного и сладкого вина был ему знаком: таким вином пользовалась толковательница снов, добавляя в него наркотик, чтобы мозг открылся мозгу. Леди выпила содержимое второй фляжки.

— Значит, займешься толкованием? — спросил Валентайн.

— Нет. Это будет в бодрствующем состоянии. Я долго думала, как это устроить.

Она взяла со стола сияющий серебряный обруч, такой же, как у нее, и подала Валентайну.

— Надень его на лоб, и пока не поднимешься в Замок на Горе, носи постоянно, потому что он будет центром твоей мощи.

Валентайн осторожно надел обруч на голову.

Обруч плотно лег на виски и дал странное ощущение, хотя металлическая полоска была так тонка, что Валентайн удивился, что чувствует ее. Леди подвинулась и пригладила его густые длинные волосы.

— Золотые, — весело сказала она.— Никогда не думала, что у меня будет сын с золотыми волосами. Что ты чувствуешь сейчас?

— Немножко давит.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Как только ты привыкнешь к нему, давить перестанет. Ты еще чувствуешь наркотик?

— Только легкий туман в мозгу. Я бы, наверное, уснул, если можно.

— Скоро тебе будет не до сна, — сказала Леди.

Она протянула к нему руки.

— Ты хороший жонглер, сынок? — неожиданно спросила она.

— Говорят, да.

— Хорошо. Завтра ты покажешь мне свое искусство. Я думаю, мне будет интересно. А сейчас встань и дай мне обе руки. Вот так.

Он несколько секунд держал ее узкокостные, но выглядевшие сильными руки.

Затем она быстрым решительным жестом переплела его пальцы со своими.

Это было как удар, и обруч сжался.

Валентайн покачнулся и чуть не упал, но Леди крепко держала его. Ему показалось, что через череп прошло что-то острое. Все вокруг завертелось, он не мог управлять своими глазами и видел только отдельные расплывчатые образы: лицо матери, сверкавшую

поверхность стола, яркие оттенки цветов, и все это пульсировало, билось и кружилось.

Сердце его колотилось, в горле пересохло. Легкие были пустыми. Это оказалось еще страшнее, чем попасть в брюхо морского дракона. Ноги полностью отказали, он больше не мог стоять и опустился на колени, смутно сознавая, что Леди тоже стоит на коленях перед ним, что пальцы их все еще переплетены. Лицо его было близко от ее лица. Ужасный, опаляющий контакт их душ не был нарушен.

Перед ним поплыли воспоминания. Он видел гигантский величественный Горный Замок и раскинувшуюся на его вершине немыслимую громаду Замка Коронованных. Его мозг со скоростью молнии проносился по парадным комнатам с золочеными стенами и высокими сводчатыми потолками, по банкетным залам и судебным палатам, по коридорам, широким, как площадь. Яркий свет ослеплял его.

Он ощущал рядом с собой мужчину, высокого, мощного, самоуверенного, сильного, который держал его за руку, и женщину, тоже сильную и самоуверенную, державшую его за другую руку, и знал, что это его родители, и видел мальчика впереди — своего брата Вориакса.

— Что это за комната, отец?

— Это тронный зал Конфалума.

— А кто этот человек с длинными рыжими волосами, который сидит в большом кресле?

— Это Коронованный лорд Молибор.

— А что такое Коронованный?

— Это король, Валентайн, младший из двух королей. А второй Понтифик, который раньше был Коронованным.

— Который?

— Вот тот, высокий, худой, с черной бородой.

— Его зовут Понтифик?

— Его зовут Тиверас. Понтификом он зовется как наш король. Он живет недалеко от Стойенцара, но сегодня приедет сюда, потому что лорд Молибор женится.

— А дети лорда Молибора тоже будут Коронованными?

— Нет, Валентайн.

— А кто будет?

— Пока этого никто не знает, сынок.

— А я буду? Или Вориакс?

— Это может случиться, если вы станете мудрыми и сильными.

— О, я обязательно буду, отец!

Комната растаяла. Валентайн увидел себя в другой, такой же великолепной, но не столь большой, и сам он теперь был уже не мальчиком, а молодым человеком, и здесь был Вориакс со звездной короной на голове и с каким-то одурманенным взглядом.

— Лорд Вориакс!

Валентайн опустился на колени и поднял руки с растопыренными пальцами. Вориакс улыбнулся и махнул ему:

— Встань, брат. Тебе не пристало ползать передо мной.

— Ты будешь самым замечательным Коронованным за всю историю Маджипуры, лорд Вориакс.

— Зови меня братом, Валентайн. Я Коронованный, по-прежнему твой брат.

— Долгой жизни тебе, брат! Да здравствует Коронованный!

И все вокруг закричали:

— Да здравствует Коронованный!

Но что-то изменилось, хотя комната осталась та же. Лорд Вориакс исчез, а странная корона была теперь на Валентайне, и все стояли перед ним на коленях, махали руками и выкрикивали его имя. Он с удивлением смотрел на них.

— Да здравствует Валентайн!

— Благодарю вас, друзья мои. Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

— Да здравствует лорд Валентайн!

— Да здравствует лорд Валентайн! — тихо сказала Леди.

Валентайн очнулся. Минуту он был еще в беспамятстве и не понимал, почему стоит на коленях, и где он, и кто эта женщина, лицо которой так близко от его лица. Затем он понял.

И встал.

Он чувствовал себя полностью преображенным. В мозгу проносились воспоминания: годы на Горе Замка, учеба, сухая история с перечнем Коронованных и Понтификов, целые тома конституции, экономическая география провинций Маджипуры; долгие занятия с учителями под постоянным контролем отца и матери, и другие более беззаботные минуты: игру, путешествия по реке, турниры, друзья Элидат, Стазилейн и Тунигорн, легко льющееся вино, охота, счастливое время с Вориаксом, когда они оба были в центре всеобщего внимания, принцы из принцев. И страшная весть о смерти лорда Молибора в море, испуганный и радостный взгляд Вориакса, когда его нарекли Коронованным, а затем, через восемь лет, делегация высоких принцев пришла к Валентайну и предложила ему корону брата...

Он вспомнил все до той ночи в Тил-омоне, когда все оборвалось. После того он знал только залитый солнцем Пидруд, камешки, летящие мимо него с обрыва, мальчика Шанамира, стоявшего рядом с ним со своими животными. Он мысленно видел себя, и ему казалось, что он отбрасывает две тени: светлую и темную. Он смотрел сквозь иллюзорный туман мнимых воспоминаний, вложенных в него в Тил-омоне, оглядывался назад: в непроницаемую тьму того времени, когда он был Коронованным, и знал, что теперь его мозг снова стал целым, как был раньше.

— Да здравствует лорд Валентайн! — снова сказала Леди.

— Да, — сказал он, — я лорд Валентайн, и буду им снова. Мать, мне нужны корабли. Баржазид слишком долго задержался на троне.

— Корабли ждут в Нуминоре, и преданные мне люди будут служить тебе.

— Хорошо. А здесь надо собрать моих. Я не знаю, на каких они террасах, но их нужно быстро найти: маленького уруна, нескольких скандаров, хьерта, голубокожего инопланетянина и еще нескольких людей. Я дам тебе список.

— Мы найдем их, — сказала Леди.

— Спасибо, мать, что вернула мне меня самого.

— За что спасибо? Я дала тебе это изначально. За что тут благодарить. Теперь ты родился вторично, Валентайн, и если понадобится, я сделаю это и в третий раз. Но будем надеяться, что не придется. Твоя судьба теперь пошла вверх.

Глаза ее весело блеснули.

— Ты покажешь мне вечером, как жонглируешь? Сколько мячей можешь держать в воздухе?

— Двенадцать.

— Ну, да...

— Меньше двенадцати, — признался он, — но больше двух. После обеда я устрою представление. И... знаешь что?

— Да?

— Когда я снова буду в Горном Замке, я устрою большой фестиваль. Ты приедешь с Острова и еще раз посмотришь, как я жонглирую на ступенях трона Конфалума. Обещаю. Да, на ступенях трона!

Семь кораблей Леди с широкими парусами и высокими стройными мачтами отплыли из порта Нуминор под командой хьерта Эйзенхарта, адмирала Леди. Пассажирами его были лорд Валентайн Коронованный, его первый министр Стифон Делиамбер, урун, его адъютанты Карабелла из Тил-омона и Слит из Парабала, его военный адъютант Лизамона Халтин, его полномочные министры Залзан Кавол, скандар, и Шанамир из Фалкинкипа и другие. Флот направлялся в Стойен на альханроельском Мысе Стойенцар в дальней стороне Внутреннего Моря. Корабли, подгоняемые западным ветром, который дул в этих водах поздней весной, уже не одну неделю были в море, но берега еще не было видно, его еще много дней не будет видно.

Валентайн нашел долгое путешествие приятным. Он не боялся заданий, стоявших перед ним, но и не торопился выполнять их: нужно было время, чтобы привыкнуть к своему восстановленному сознанию и обдумать, кем он был и кем надеется стать, а что для этого может быть лучше великих просторов океана, где ничто, кроме узора облаков, не меняется, и время как бы стоит на месте? Валентайн часами стоял у поручней флагманского судна «Леди Сиин» поодаль от своих друзей.

Личность, которой он когда-то был, нравилась ему: характер сильнее и тверже, чем у Валентайна-жонглера, но без отталкивающих душевных качеств, свойственных иной раз правителям. Бывшее «я» Валентайна казалось ему чересчур рассудительным, здравомыслящим и умеренным. Это был человек серьезный, не любящий шуток, понимающий природу ответственности и обязательств. Он был хорошо воспитан, как и полагается тому, кто всю жизнь готовился к высокому положению, основательно изучал историю, законодательство, управление и экономику, чуть меньше — литературу и философию и, как считал Валентайн, лишь поверхностно — математику, физику, которыми не слишком увлекались на Маджипуре.

Обретение бывшего «я» было для Валентайна подарком

судьбы. Но он все еще не полностью соединился с другим «я» и думал чаще всего «он» и «я» или «мы», вместо того, чтобы видеть себя единым целым. Но эта брешь с каждым днем уменьшалась. Слишком большой удар нанесли мозгу Коронованного в Тил-омоне, чтобы теперь не было разрыва между лордом Валентайном и Валентайном-жонглером. Возможно, от этой трещины навсегда останется рубец, но Валентайн мог по желанию перешагнуть эту трещину и отправиться в любую точку своей прежней линии жизни, в детские годы или в короткое время своего правления. И куда бы он ни заглянул, он видел такое богатство знаний, опыта, зрелости, о каком и не мечтал во время своих странствий. Он входил в эти воспоминания, как в энциклопедию, библиотеку, и был уверен, что полное объединение с прежним «я» произойдет своевременно.

На девятую неделю путешествия на горизонте показалась тонкая зеленая линия суши.

— Стойенцар, — сказал адмирал Эйзенхарт.— Видишь, сбоку темное пятно? Это гавань Стойен.

Валентайн изучал берег приближавшегося континента в подзорную трубу. Валентайн-жонглер ничего не знал об Альханроеле, кроме того, что это самый большой континент на Маджипуре, который был первым заселен людьми и теперь был местом огромного скопления людей и потрясающих чудес природы, местом пребывания правительства Маджипуры, домом Коронованного и Понтифика.

Лорд Валентайн знал много больше. Для него Альханроель означал Замок на Горе, почти планету, на знакомство с ее склонами можно было потратить всю жизнь и не успеть насладиться всеми чудесами Пятидесяти Городов. Альханроель — это Замок лорда Молибора на Горе, Валентайн так называл его, когда был мальчиком, и сохранил эту привычку даже во время своего правления. Теперь он видел в воображении этот замок на вершине Горы, которая походила на многорукое существо, протянувшее свои скалы и пики в альпийские луга, а ниже — громадные долины. Замок со многими тысячами комнат, здание, которое жило как бы собственной жизнью и добавляло по собственному желанию новые флигели и пристройки. Альханроелем был также холм над Лабиринтом Понтифика, и сам подземный Лабиринт, полная противоположность Острову Леди. Леди жила во Внутреннем Храме на согреваемой солнцем продуваемой ветром высоте, окруженной кольцом открытых террас, а Понтифик зарылся, как крот, глубоко в землю, в самую нижнюю часть своего королевства, окруженную кольцами Лабиринта. Валентайн только однажды много лет назад был в Лабиринте по поручению лорда Вориакса, но воспоминание о винтовых пещерах все еще жило в нем.

Альханроель означал также шесть рек, сбегавших со склонов Горы Замка, и животные-растения Стойенцара, и деревья Треймона, и каменные руины Вальсерской Равнины, которые, как говорят, существовали еще до появления человека на Маджипуре. Тонкая линия на востоке стала шире, но все еще была едва заметна.

Валентайн ощутил всю беспредельность Альханроеля, развертывавшуюся перед ним, как титанический свиток, и спокойствие,

воцарившееся в его мозгу во время путешествия, сразу растаяло. Он жаждал как можно скорее высадиться на берег и начать поход к Лабиринту.

Он спросил Эйзенхарта:

— Когда мы достигнем земли?

— Завтра вечером, милорд.

— Тогда устрой сегодня праздник. Выставим для всех лучшее вино и покажем представление на палубе.

Эйзенхарт серьезно посмотрел на него.

Адмирал был аристократом среди хьертов, более стройный, чем большинство его соплеменников, он отличался до странности сдержанными манерами. Валентайн находил их несколько неприятными. Леди весьма высоко ценила адмирала.

— Какое представление, милорд?

— Жонглерское. Мои друзья тоскуют по своему ремеслу. Вот как раз подходящий случай отпраздновать благополучное окончание нашего путешествия.

— Да, конечно, — сказал Эйзенхарт.

Он поклонился, как полагалось, но ему явно не нравились такие выходки на борту его флагмана.

Валентайн предложил это из-за Залзана Кавола. Скандару на корабле было беспокойно, он часто двигал своими четырьмя руками, как бы жонглируя, хотя никаких предметов у него в руках не было. Ему было труднее, чем кому-либо другому. Год назад Залзан был королем своей профессии, непревзойденным мастером жонглирования, его восторженно встречали всюду, где он появлялся в своем поразительном фургоне. Теперь же он был лишен всего. Фургон сгорел в лесах Пьюрифайна, два брата остались там же, третий — на дне океана. Он больше не отдает приказаний своим работникам, а вместо вечернего представления перед пораженной публикой, набивавшей его карманы кронами, следует теперь в кильватере за Валентайном.

В Залзане Каволе скапливалась неиспользованная сила и энергия. Это видно было по его лицу и поведению, потому что в прежние времена его грубый характер бурно прорывался, а теперь стал как бы совсем мягким, и Валентайн понимал, что это признак тяжелого внутреннего кризиса. Агенты Леди нашли Залзана на Террасе Оценки, где он вяло занимался черновой работой, как бы покорившись тому, что будет заниматься этим до конца жизни.

— Хочешь поработать с факелами и ножами? — спросил его Валентайн.

Залзан Кавол просиял.

— Еще бы! А ты видел эти щепки?

Он указал на несколько дубин фута в четыре длиной, лежавших кучей у мачты.

— Прошлой ночью, когда все спали, мы с Ирфоном с ними практиковались. Если твой адмирал не возражает, мы их вечером возьмем.

— Эти? Разве можно жонглировать такими длинными?

— Ты только получи разрешение адмирала, милорд, а вечером сам увидишь!

Все послеобеденное время труппа репетировала в большом пустом трюме. Это было впервые после Илиривойна, с тех пор, казалось, прошла вечность. Работали с импровизированным набором предметов, собранных скандарами, все быстро вошли в ритм.

Валентайн смотрел на них, не отрываясь.

Слит и Карабелла азартно обменивались дубинками. Залзан Кавол, Роворн и Ирфон придумали причудливый новый обмен взамен пропавшего с гибелью трех их братьев. На миг показалось, что вернулись старые времена Фалкинкипа или Долорна, когда одно лишь имело значение: чтобы наняли на фестиваль или в цирк, и уж затем — координация руки и глаза. Но те дни больше не вернутся. Теперь труппа ввязалась в политическую интригу со сменой Власти, и никто из них не станет прежним. Эти пятеро обедали с Леди, делили жилье с Коронованным, плыли на свидание с Понтификом. Они стали уже частью истории, даже если кампания Валентайна не увенчается успехом. Но все-таки они снова жонглировали, как если бы жонглирование было смыслом их жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать их всех во Внутреннем Храме. Валентайн думал, что Леди и ее иерархам достаточно закрыть глаза, чтобы добраться до любого мозга на Маджипуре, но все оказалось не так просто: связь была неточной и ограниченной. Первыми нашли скандаров на внешней террасе. Шанамир был на Втором Утесе, и по своей юношеской беспечности он продвигался быстро. Слит, отнюдь не юный и не беспечный, тем не менее ухитрился попасть на Второй Утес, как и Виноркис, Карабелла была как раз перед ними на Террасе Зеркал, но ее по ошибке искали сначала в другом месте, отыскать Кона и Лизамону оказалось просто, поскольку внешне они очень отличались от остальных пилигримов, однако три бывших работника Гарцвела — Пандемон, Корделин и Тизм прямо-таки растворились среди населения Острова, и Валентайну пришлось бы оставить их, если бы они не объявились в последний момент. Труднее всего оказалось выследить Делиамбера. На Острове было много урунов, некоторые из них тоже были мелкими колдунами, поэтому не обошлось без ошибок.

Флот готовился к отплытию, а Делиамбера все не было. Валентайн разрывался между необходимостью двигаться вперед и нежеланием остаться без своего самого полезного советника, но тут урун сам появился в Нуминоре, никак не объяснив, где был и как прошел через весь Остров незамеченным. Итак, все собрались.

На Горе Замка у лорда Валентайна был свой круг приближенных, чьи лица и имена восстановить теперь в памяти было легко. Элидат, Стазилейн, Тунигорн были самыми близкими друзьями. Однако хотя он чувствовал, что предан этим людям, все они стали очень чуждыми его душе. Ему гораздо ближе была эта случайно собранная во время странствий компания, и он думал, как сумеет примирить эти две группы, когда вернется в Замок.

В одном, по крайней мере, он был уверен: в Замке его не ждала ни жена, ни невеста, ни даже какая ни на есть любовница, могущая

оспаривать место Карабеллы рядом с ним. Как принц и как молодой Коронованный, он жил, благодарение Божеству, свободным от забот и привязанностей. И так нелегко будет показать двору, что возлюбленная Коронованного — простая женщина из нижнего города, странствующий жонглер, а уж если бы его сердце было отдано кому-то раньше, это было бы совсем немыслимо.

— Валентайн! — окликнула его Карабелла.

Ее голос вывел его из задумчивости.

Он оглянулся. Она засмеялась и бросила ему дубинку. Он поймал ее, как его учили, так, чтобы она попала между большим пальцем и остальными, и чтобы головная часть ее была обращена к углу. Тут же прилетела вторая дубинка от Слита и третья — от Карабеллы. Он засмеялся и послал дубинки кружиться над головой старым знакомым рисунком, бросал их и ловил, а Карабелла хлопала в ладоши и тоже бросала и ловила. Как хорошо было снова жонглировать!

Лорд Валентайн, великолепный атлет с быстрым зрением, искусный во многих играх, но слегка прихрамывающий после давнего падения с лошади, жонглировать не умел.

Жонглирование было искусством простого Валентайна. На борту этого корабля он был окружен теперь аурой авторитета, вернувшегося к нему после того, как мать вылечила его мозг, и чувствовал, что его компаньоны держатся от него на почтительном расстоянии, но тем не менее стараются по возможности видеть в нем прежнего Валентайна из Зимроеля. Поэтому ему было особенно приятно, что Карабелла так непочтительно швырнула ему дубинку.

Работать с дубинками ему тоже было приятно, даже несмотря на то, что он уронил одну, а пока поднимал, вторая стукнула его по голове, что вызвало презрительную усмешку Залзана Кавола.

— Если так пойдет вечером, — сказал скандар, — неделю проведешь без вина!

— Не бойся, — ответил Валентайн, — я уронил ее только для пробы. Вечером ты таких ошибок не увидишь.

Их и в самом деле не было. Весь корабельный народ собрался на палубе, когда зашло солнце. Эйзенхарт со своими офицерами занял платформу, откуда было лучше видно. Он позвал Валентайна, предложив ему почетное кресло, но тот с улыбкой отказался. Эйзенхарт растерянно посмотрел на него, но выражение его лица даже отдаленно не соответствовало тому, каким оно стало через несколько минут, когда Шанамир, Виноркис и Лизамона ударили в барабаны и затрубили в трубы, из люка показались жонглеры, и среди них — лорд Валентайн Коронованный, который начал весело швырять дубинки, блюда и плоды, словно самый обыкновенный жонглер.

Если бы адмирал Эйзенхарт действовал по своему усмотрению, Валентайну была бы устроена в Стойене пышная встреча, вроде фестиваля в Пидруде во время визита фальшивого Коронованного, но Валентайн, узнав о планах Эйзенхарта, тут же пресек их.

Он не был еще готов к тому, чтобы требовать вернуть себе трон,

публично обвинить того, кто назвал себя лордом Валентайном, или ждать каких-то почестей от горожан.

— Пока я не получу поддержки Понтифика, — твердо сказал он адмиралу, — я намерен спокойно плыть и собирать силы, не привлекая внимания. Так что никаких фестивалей для меня в Стойене не будет.

Итак, «Леди Сиин» причалила без всякой помпы в большом порту на юго-западе Альханроеля.

Хотя флотилия состояла из семи кораблей, а корабли Леди, достаточно известные в гавани Стойена, в таком количестве обычно не прибывали, вошли они спокойно, особо не выделяясь.

Портовая администрация почти не задавала вопросов: корабли явно прибыли по делам Леди, а ее заботы были вне компетенции обычных чиновников.

Для поддержания этого мнения адмирал в первый же день разослал в район верфей агентов покупать материал для парусов, инструменты и тому подобное.

Тем временем Валентайн и его компания без лишнего шума поселились в скромном торговом отеле.

Стойен был преимущественно приморским городом — экспорт-импорт, склады, судостроение. Город с населением около пятнадцати миллионов тянулся на сотни миль вдоль края громадного мыса, отделявшего Залив Стойен от основной части Внутреннего Моря. Ближайшим портом от Острова был не Стойен, а Алейсор, в тысячах миль к северу, но в этом сезоне ветров быстрее и легче было путешествие до Стойена, чем более короткий, но трудный переход к Алейсору.

Пополнив запасы воды и продовольствия, они должны были отправиться по спокойному заливу вдоль северного берега Мыса Стойенцар в тропический Карсиден, а затем в Треймон, прибрежный город неподалеку от Лабиринта.

Стойен показался Валентайну поразительно красивым. Весь мыс был плоским, едва двадцати футов над уровнем моря в самых высоких точках, но жители города сложили удивительные платформы из кирпича, облицованного белым камнем, чтобы создать иллюзию холмов. Среди этих платформ не было двух одинаковых по высоте: одни едва достигали десяти футов, другие возносились на сотни футов.

Район шел вверх гигантскими пьедесталами в несколько десятков футов высотой и более четверти мили шириной.

Некоторые большие здания имели собственные платформы и стояли над окружающими их домами, как на ходулях. Чередование высоких и низких платформ создавало потрясающий эффект.

Все, что выглядело явно механической причудой, смягчалось тропической растительностью, подобно которой Валентайн еще не видел. У основания каждой платформы росло множество деревьев с широкими кронами. Их ветви, переплетаясь, создавали непроницаемое покрывало. По стенам платформы спускались каскады лиан. Вдоль широких скатов с улиц на платформы стояли бетонные ящики с группами утесов и кустов, узкие листья которых поражали разнообразием расцветок. В больших общественных парках города росли всевозможные диковинные растения.

Там были сады знаменитых одушевленных растений, растений, поскольку они жили, укоренившись в одном месте и питались веществами почвы и воздуха, и в то же время существ плотских, потому что у них были трубчатые тела, качавшиеся и изгибавшиеся, руки, двигавшиеся в различных направлениях, пристально глядевшие глаза. Хотя они получали достаточно питания от солнечного света и воды, они всегда были не прочь сожрать и переварить какое-нибудь мелкое живое существо, если удавалось его схватить.

Красиво рассаженные кусты этих растений, окруженных низкой каменной стеной, декоративной, и в то же время предупреждающей об опасности, были в Стойене повсюду. Валентайн находил в них какое-то зловещее очарование. Он подумал даже, нельзя ли будет привезти такую коллекцию в Горный Замок.

— У меня от них мурашки по коже, — сказал Слит.— А тебе они нравятся, милорд?

— Не то что нравятся. Они своеобразны.

— Может ты и те, людоедские, привезешь?

— Конечно, — воскликнул Валентайн.

Слит только застонал. Но Валентайн не обратил на это внимания. Взяв за руки Слита и Карабеллу, он сказал:

— Каждый Коронованный что-то добавлял к Замку: библиотеку, обсерваторию, парапет, оружейную палату, зал для обедов, палату трофеев, и с каждым правлением Замок рос, изменялся, становился богаче и сложнее. Я так недолго был Коронованным, что не успел даже обдумать, что вложу в него. Но скажите, какой Коронованный узнал Маджипуру, как я? Кто путешествовал столько и с такими перипетиями? В память о своих приключениях я соберу все странные растения, которые видел: и плотоядные, и эти одушевленные, и деревья-пузыри, и несколько деревьев двикка, и рощу огненных пальм, сенситивы и поющий папоротник — все чудеса, виденные нами. В Замке нет ничего подобного, лишь маленькая оранжерея, устроенная лордом Конфалумом. А я расширю ее. Сад лорда Валентайна! Звучит, как по-вашему?

— Это будет чудесно, милорд, — сказала Карабелла.

Слит кисло заметил:

— Я не хотел бы гулять среди плотоядных растений ни в саду лорда Валентайна, ни в герцогствах Ни-мои и Пилиплока.

— Мы заставим тебя, — засмеялся Валентайн.

Но пока Валентайн снова не поселится в Замке, не будет никаких прогулок и никаких садов. А он вот уже неделю бездельничает в Стойене, ожидая, пока Эйзенхарт пополнит запасы.

Три корабля, груженные нужными Острову товарами, вернутся обратно, остальные пойдут за Валентайном как тайный эскорт. Леди дала ему более сотни своих самых крепких телохранителей под командой грозного иерарха Лоривейд. Они не были воинами в прямом смысле этого слова, потому что Остров не знал насилия после последнего вторжения метаморфов несколько тысяч лет назад, но это были ловкие и бесстрашные мужчины и женщины, преданные Леди и готовые отдать жизнь за то, чтобы в королевстве восстановилась гармония.

Они были ядром частной армии, впервые созданной на Маджипуре, если не считать давние времена.

Наконец флот был готов к отплытию.

Первыми ушли корабли, возвращавшиеся на Остров. Они отплыли на северо-запад ранним утром Второго дня. Остальные в середине Морского дня поплыли в том же направлении, но с наступлением темноты свернули на восток, в залив.

Длинный и узкий Мыс Стойенцар выступал из центрального массива огромным пальцем. На его южной морской стороне было нестерпимо жарко. На этом побережье, покрытом кишевшими от насекомых джунглями, почти не было населения. Основная часть жителей селилась вдоль берега залива. Там через каждую сотню миль высились города, а между ними непрерывно тянулись рыбачьи деревушки, мелкие городки и фермерские округа. Сейчас здесь было начало лета и на почти неподвижной воде залива лежала плотная дымка жары.

Флот остановился на день в Карсидине, где берег сворачивал к северу, а затем шел к Треймону.

Валентайн много времени проводил в своей каюте, осваивал обруч, который дала ему Леди. Через неделю он овладел искусством впадать в легкий дремотный транс, научился опускать мозг ниже порога сна, будучи в любой миг готовым поднять его снова, и в то же время сознавать то, что происходит вокруг.

В таком состоянии транса он мог входить в контакт с другими мозгами, пусть легкий и непродолжительный, мысленно пройтись по кораблю и коснуться ауры спящих, поскольку спящий мозг легче поддается такому проникновению, чем бодрствующий. Коснуться мозга малознакомых, как, например, плотника Панделона или иерарха Лоривейд, было пока еще трудно, разве что короткими фрагментарными вспышками, а вот мозга нечеловеческого происхождения вообще не удавалось, даже если это были хорошие знакомые, вроде Залзана Кавола, Кона или Делиамбера. Но Валентайн продолжал учиться и чувствовал, что его умение растет с каждым днем, как было когда-то с жонглированием. По существу и это был род жонглирования, потому что он также занимал положение в самом центре своего духа, не отвлекался на посторонние мысли и координировал все аспекты своего существа на толчке от контакта. К тому времени, когда «Леди Сиин» приплыла к Треймону, Валентайн продвинулся до уровня возможности поместить в чей-нибудь мозг начало сна с событиями и образами.

Он послал Шанамиру сон о Филкинкипе, о пасущихся на лугах животных и спускающихся с неба громадных джорна-птицах.

Утром за столом мальчик подробно описал свой сон, но сказал, что птицы были милофты, пожиратели падали, с оранжевыми клювами и мерзкими синими когтями.

— Что означает такой сон, когда спускаются милофты? — спросил он.

— Может ты плохо запомнил сон, — сказал Валентайн, — и видел других птиц, скажем, джорна? Они служат добрым предзнаменованием.

Шанамир простодушно покачал головой.

— Если я не умею отличать джорну от милофты, милорд, то мне следует вернуться в Фалкинкип и чистить стойла.

Валентайн улыбнулся, чтобы скрыть улыбку, и решил более тщательно работать над техникой посла образов.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными стаканчиками с золотым вином. Она рассказала об этом, описав форму стаканчиков. Слиту подарил сон о саде лорда Валентайна, где было множество всяких растений, кроме хищных. Слит с восторгом описал сон и сказал, что если бы у Коронованного в Замке был такой сад, он, Слит, был бы счастлив погулять в нем.

Сны приходили к Валентайну. Почти каждую ночь Леди, его мать, издалека касалась его духа. Ее ясное присутствие проходило через его спящий мозг, как холодный лунный свет, успокаивало и ободряло. Он видел былые дни в Замке, юношеские игры, друзей, брата Вориакса, учившего его обращаться с мечом и луком, лорда Молибора Коронованного, который путешествовал по городам на Горе как некий великий сияющий полубог, и многое другое, что поднималось из глубин его мозга.

Но не все сны были приятными. Перед Треймоном Валентайн увидел себя на берегу какой-то затерянной бухты, поросшей низким кривым кустарником. Он пошел к Замку на Горе, высившемуся вдали, но на его пути оказалась стена выше белых утесов Острова Снов, и была она железной — такого количества металла не существовало на всей Маджипуре — темное, страшное железное кольцо, казалось, опоясывало весь мир от полюса до полюса, и Валентайн был по одну сторону, а Замок на Горе — по другую сторону.

Приблизившись, он заметил, что стена потрескивает, как наэлектризованная, и от нее исходит низкое гудение, а когда подошел совсем близко, увидел в блестящем металле свое отражение, но лицо, смотревшее на него с этой страшной стены, было лицом Короля Снов.

Треймон был городом, славившимся во всей Маджипуре деревьями-домами. На следующий день после высадки Валентайн пошел посмотреть на них в прибрежный район к югу от устья реки Трей.

Деревья-дома не приживались нигде, кроме наносной равнины Трея. У них были короткие стволы, несколько напоминавшие двикк, но не такие толстые, с красивой блестящей бледно-зеленой корой. Из бочкообразного тела выходили короткие ветви, отгибавшиеся вверх и наружу, а по ним, закрепляясь во многих местах и образуя уютные чашеобразные укрытия, вились лианы.

Древесный народ Треймона устраивал жилища по своему вкусу, вытягивая гибкие ветви в форме комнат и коридоров и закрепляя их. Из листьев готовили вкусный салат, пыльца душистых кремовых цветов была слабым наркотиком, синеватые плоды использовались по-разному, а легко выжимавшийся сладкий сок служил вместо вина.

Каждое дерево жило тысячу лет, а то и больше. Семьи усердно следили за ними.

На равнине было десять тысяч деревьев, все зрелые и все обитаемые. На окраине Валентайн увидел несколько молодых саженцев.

— Их посадили недавно, — сказали ему, — чтобы заменить погибшие за последние годы.

— А что делает семья, когда ее дерево умирает?

— Отправляется в город, в так называемые траурные дома, пока не вырастет новое дерево. А это длится лет двадцать. Мы очень боимся такого, но подобное случается только у одного из десяти поколений.

— А нельзя вырастить эти деревья где-нибудь в другом месте?

— Ни на один дюйм дальше того места, где ты их видишь. Они растут только в нашем климате и только на этой почве. В любом другом месте проживут год-два и зачахнут.

— А мы все-таки попытаемся. Интересно, дадут ли они нам немного этой драгоценной почвы для сада лорда Валентайна?

Она улыбнулась.

— Даже маленькое дерево-дом — отличное место, куда ты сможешь уйти, когда устанешь от правления, будешь сидеть среди листвы, вдыхать аромат цветов, срывать плоды... О, как хорошо было бы для тебя!

— Когда-нибудь у меня будет это, — сказал Валентайн, — и ты будешь сидеть там рядом со мной.

Карабелла испуганно на него взглянула.

— Я, милорд?

— Конечно. Кто же еще? Доминин Баржазид?

Он слегка коснулся ее руки.

— Ты думаешь, наше совместное путешествие кончится, когда мы достигнем моего Замка?

— Не будем сейчас говорить об этом, — сказала она строго.

От Треймона до Лабиринта было несколько недель пути на скоростной плавучей повозке. Лабиринт находился в центре южного Альханроеля. Большей частью это была низменность с плодородной красной почвой в речной долине и тощей песчаной серой за ней, по мере продвижения Валентайна и его отряда поселения становились все более редкими. Иногда здесь шел дождь, но вода, казалось, тут же впитывалась в пористую землю. Стояла жара, иногда она прямо давила. Они шли день за днем.

Теперь такое путешествие было для Валентайна полностью лишено очарования и таинственности. Он с грустью вспоминал поездку по Зимроелю в нарядном фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день казался путешествием в неизвестное, со свежими впечатлениями на каждом повороте, остановками в удивительных городах, и всегда подстегивало возбуждение выступлений. А теперь? Все для него делали адъютанты и помощники. Он снова становился принцем, хотя и с очень скромными возможностями — всего лишь с сотней приверженцев — и вовсе не был уверен, что это ему нравится.

Через неделю пути общий вид местности резко изменился: из сухой, глубоко изрезанной земли поднимались холмы с плоскими черными вершинами.

Здесь росли только чахлые кусты, темные, искривленные, с мелкими восковыми листьями, а на более высоких склонах — колючие заросли лунных кактусов, призрачно-белых, вдвое превышавших рост человека.

Маленькие длинноногие животные с рыжим мехом и короткими пышными желтыми хвостиками шныряли вокруг.

— Это начало пустыни Лабиринта, — сказал Делиамбер.— Скоро мы увидим каменные города древних.

В своей прошлой жизни Валентайн подходил к Лабиринту с другой стороны, с северо-запада. Там тоже была пустыня, громадные руины города, но он спускался с Горы на речном судне мимо всех этих мертвых земель, окружавших Лабиринт, так что эта унылая отталкивающая зона была для него новой. Сначала он находил ее захватывающе странной, особенно при заходе солнца, когда безоблачное небо прочерчивалось полосами яркой окраски, а сухая почва казалась металлической. Но через несколько дней все это перестало его занимать, стало казаться тревожным, угрожающим. Было что-то в резком воздухе пустыни, что действовало неблагоприятно на его чувства.

Он никогда не бывал в пустыне, потому что их не было на Зимроеле, да и нигде в хорошо обеспеченном водой Альханроеле, кроме этого сухого участка. Условия пустыни здесь были в чем-то схожи с Суврaелом, который Валентайн довольно часто посещал во сне, и он не мог отогнать от себя непонятное и нереальное ощущение, что едет на свидание с Королем Снов.

— Вот развалины, — сказал Делиамбер.

Сначала их трудно было отличить от скал пустыни. Валентайн видел только темные монолиты, как бы раскиданные гигантской рукой по небольшому пространству в одну-две мили. Но постепенно он начал различать формы: вот кусок стены, вот основание какого-то гигантского дворца, а это — возможно алтарь. Все было титанических масштабов, только отдельные развалины, наполовину занесенные песком, были обычными бесцветными сторожевыми заставами.

Валентайн велел каравану остановиться у одних особенно широко разбросанных развалин и с несколькими спутниками осмотрел их. Он осторожно притрагивался к камням, опасаясь, не совершает ли какого-нибудь святотатства. Камни были холодными, гладкими на ощупь, кое-где покрытыми наросшим желтым лишайником.

— Это работа метаморфов? — спросил он.

Делиамбер пожал плечами.

— Мы так думаем, но точно никто не знает.

— Я слышал, — заметил адмирал Эйзенхарт,— что эти города построены первыми людьми-поселенцами вскоре после высадки на планету и были разрушены во время гражданской войны до того, как Понтифик Дворн организовал правительство.

— Записей, конечно, с тех времен не сохранилось, — сказал Делиамбер.

Эйзенхарт искоса посмотрел на уруна.

— Значит, ты другого мнения?

— Я? У меня вообще нет мнения о событиях, происходивших четырнадцать тысяч лет назад. Я не так стар, как вы полагаете, адмирал.

Иерарх Лоривейд сухо сказала:

— Мне кажется невероятным, чтобы первые поселенцы строились так далеко от моря и чтобы могли найти поблизости такие громадные каменные плиты.

— Значит, ты думаешь, что это города метаморфов? — спросил Валентайн.

— Метаморфы — дикари, они живут в джунглях и пляшут, чтобы вызвать дождь, — сказал Эйзенхарт.

Лоривейд, недовольная вмешательством адмирала, ответила Валентайну с явным раздражением:

— Я думаю, что это вполне возможно.

Затем добавила, обращаясь к адмиралу:

— Не дикари, адмирал, а изгнанники. Они вполне могли низвергнуться с более высокого состояния.

— Скорее всего с чьей-то помощью, — заметила Карабелла.

А Валентайн сказал:

— Правительству следовало бы организовать изучение этих руин, а может быть, это уже сделано? Нам нужно узнать как можно больше о дочеловеческих цивилизациях Маджипуры, и если это места метаморфов, их следует взять под охрану.

— Развалинам не требуется иная охрана, кроме той, которая у них уже есть, — внезапно произнес новый голос.

Валентайн, вздрогнув, обернулся. Из-за глыбы показалась странная фигура — тощий, почти бесплотный человек лет шестидесяти-семидесяти, с горящими злобой глазами и тонким, широким, явно беззубым ртом, искривленным в насмешливой ухмылке. Он был вооружен длинным узким мечом, а одежда его целиком состояла из рыжего меха животных пустыни. На голове была шапка из толстого хвостового меха. Он снял ее широким жестом и низко поклонился. Когда выпрямился, рука его легла на рукоять меча.

Валентайн вежливо спросил:

— И мы в присутствии одного из таких охранников?

— Я не один, — ответил тот.

Из-за камней вышло еще несколько таких же фантасмагорических типов, столь же костлявых, одетых в меховые куртки и штаны, в таких же немыслимых шапках. У всех были мечи, и все, казалось, были готовы пустить их в ход. Затем появилась вторая группа, как бы материализовавшись из воздуха, потом третья, большая — человек в тридцать.

В отряде Валентайна было одиннадцать душ, в основном безоружных. Все остальные остались в плавучих повозках в двухстах ярдах отсюда на шоссе. Пока они стояли, рассуждая о древней истории, их окружили.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил лидер.

Валентайн услышал легкое покашливание Лизамоны и увидел напряженную позу Эйзенхарта. Он жестом успокоил их и сказал:

— Могу я узнать, кто ко мне обращается?

— Я герцог Насимонт из Вернек Грега, верховный лорд Западных Границ. Рядом со мной ты видишь знатных людей моего герцогства, которые верно служат мне.

Валентайн не помнил ни провинции под названием Западные Границы, ни такого герцога. Может быть, он забыл географию? Нет, не настолько же. Однако он решил не шутить с герцогом Насимонтом и торжественно сказал:

— Проходя через ваши владения, мы не собирались в них вторгаться, ваша милость. Мы путешественники, едем в Лабиринт, у нас дело к Понтифику, а здесь, кажется, наиболее прямая дорога от Треймона.

— Верно. Но для вас было бы лучше ехать к Понтифику другой дорогой.

— Не мешай нам! — внезапно рявкнула Лизамона.— Знаешь ли ты, кто перед тобой?

Валентайн с досадой щелкнул пальцами, чтобы великанша замолчала.

Насимонт мягко сказал:

— Это не имеет значения. Будь он хоть сам лорд Валентайн, он здесь не пройдет. В сущности, любой пройдет легче лорда Валентайна.

— У тебя какая-то ссора с лордом Валентайном? — спросил Валентайн.

Бандит грубо захохотал.

— Коронованный — мой самый главный враг.

— Ну, тогда ты восстаешь против всей цивилизации, потому что все обязаны повиноваться Коронованному. Как ты можешь быть герцогом и не признавать авторитета Коронованного?

— Э т о г о Коронованного,— ответил Насимонт.

Он медленно пересек расстояние, отделявшее его от Валентайна, и остановился перед ним, не снимая руки с меча.

— На тебе хорошая одежда, ты, видно, городской житель. Ты, наверное, богат, живешь в большом доме где-нибудь на Горе и слуги исполняют каждое твое желание. Что бы ты сказал, если бы в один прекрасный день все это у тебя отняли, и ты стал нищим?

— У меня был такой опыт, — сказал Валентайн.

— А теперь у тебя целая кавалькада плавучих повозок и свита. Кто ты?

— Лорд Валентайн Коронованный,— без колебаний ответил Валентайн.

Глаза Насимонта сверкнули яростью.

Казалось, он вот-вот вытащит меч, но он сдержался и сказал:

— Да, ты такой же Коронованный, как я герцог. Ну, лорд Валентайн, твоя родня заплатит мне за мои потери, за то, что ты прошел через зону развалин, с тебя тысяча роалов.

— У нас нет такой суммы, — спокойно сказал Валентайн.

— Тогда ты останешься с нами, пока твои лакеи не достанут денег.

Он сделал знак своим людям.

— Хватайте их и свяжите. Одного отпустим — уруна. Он будет посланником. Эй, урун, скажешь там, в повозках, что мы

задержим этих, пока не уплатят тысячу роалов. Будем ждать месяц. Если ты прибудешь с ополчением вместо денег, то имей в виду, что мы знаем эти холмы, а офицеры — нет. И вы не увидите своих друзей живыми.

— Подожди, — сказал Валентайн, когда люди Насимонта шагнули вперед.

— Расскажи мне о ссоре с Коронованным.

Насимонт нахмурился.

— Он прошел через эту часть Альханроеля в прошлом году, возвращаясь из Зимроеля. Я тогда жил в предгорьях горы Эберсинол, возле озера, выращивал рикку, фиол и милай, и мои плантации были лучшими в провинции, потому что шестнадцать поколений моей семьи занимались этим. Коронованный и его отряд остановились у меня, посчитав, что я приму их лучше, чем другие. Он явился с сотней прихлебателей и слуг, со множеством придворных. Ртов было столько, что они могли съесть половину континента. За один звездный день они опустошили мои винные погреба, вытоптали все посевы на устроенных в полях фестивалях и спьяну подожгли мой дом, разрушили плотину на озере, затопили поля. Они разорили меня ради своих развлечений, а затем уехали, даже не поинтересовавшись, что сделали со мной. Все, что у меня осталось, теперь у ростовщиков, а я благодаря лорду Валентайну и его друзьям живу в скалах Вернок Грег. Это справедливо? Если ты хочешь выйти из этих древних развалин, чужеземец, это будет стоить тебе тысячи роалов. Хотя я задержал тебя не по злобе, я перережу тебе глотку так же спокойно, как лорд Валентайн сломал мою плотину, если не принесут денег.

Он обернулся и приказал:

— Вяжите их!

Валентайн глубоко вздохнул, закрыл глаза и, как учила его Леди, ввел себя в сон-бодрствование, в транс, который оживлял его обруч, послал свой разум в темную, желчную душу Верховного лорда Западных Границ и затопил ее любовью.

Это потребовало много сил. Он покачнулся, положил руку на плечо Карабеллы, и, заимствуя у нее энергию и жизненную силу, послал ее Насимонту.

Теперь он понял, какую цену платил Слит за слепое жонглирование: это отнимало у него все жизненные силы.

Насимонт застыл на месте, повернулся, глаза встретились со взглядом Валентайна. Валентайн, не расслабляясь, держал его душу и до тех пор омывал ее состраданием, пока яростное негодование Насимонта не исчезло, как шелуха, и тогда Валентайн явил душе внезапно ставшего уязвимым человека видение всего того, что произошло с ним в Тил-омоне, спрессовав все в одну головокружительную точку света.

Он прервал контакт и, пошатнувшись, ухватился за Карабеллу, поддерживавшую его.

Насимонт уставился на Валентайна, как человек, которого коснулось Божество, затем упал на колени и сложил знак горящей звезды.

— Милорд, — хрипел он едва слышно, — прости меня...

Такое количество разбойников в пустыне удивило и испугало Валентайна, потому что история почти не знала подобной анархии на благополучной Маджипуре. Пугало также, что эти бандиты раньше были преуспевающими фермерами, грубое вторжение Коронованного довело их до нищеты. На Маджипуре было не принято, чтобы правители так беззастенчиво пользовались своим положением. Если Доминин Баржазид считает, что может вести себя таким образом и остаться на троне, то он не только негодяй, но и дурак.

— Ты свергнешь узурпатора? — спросил Насимонт.

— Со временем, — ответил Валентайн.— Для этого еще многое предстоит сделать.

— Я в твоем распоряжении, если пригожусь.

— Много еще разбойников среди этих развалин у Лабиринта?

Насимонт кивнул.

— Много. В этой провинции стало привычным убегать сюда.

— Ты имеешь на них влияние, или титул герцога у тебя лишь для смеха?

— Они повинуются мне.

— Хорошо. Я попрошу тебя проводить меня до Лабиринта и избавить нас он нападения своих мародеров.

— Сделаю, милорд.

— Но никому ни слова о том, что тебе я поведал. Относись ко мне просто как к чиновнику Леди, посланному к Понтифику.

Искра подозрения мелькнула в глазах Насимонта. Он недовольно спросил:

— Почему я не могу объявить тебя истинным Коронованным?

Валентайн улыбнулся.

— Эти несколько плавучих повозок — вся моя армия. Я не могу объявить войну узурпатору, пока не соберу больших сил. Отсюда секретность, отсюда и мой визит в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку Понтифика, тем скорее начнется кампания. Как скоро ты будешь готов?

— Через час, милорд.

Насимонт и его люди вместе с Валентайном сели на передовую повозку.

Местность становилась все более голой. Теперь это была темная, почти безжизненная пустыня, где от сильного горячего ветра поднимались пыльные смерчи. Иногда вдали от шоссе появлялись люди в грубой одежде, группами по трое-четверо.

Они останавливались посмотреть на путешественников, но и только: никаких казусов не происходило. На третий день Насимонт предложил срезать путь к Лабиринту и тем сэкономить несколько дней.

Валентайн согласился без колебаний, и караван свернул к огромному высохшему озеру, а затем поплыл над скверной дорогой, изрезанной оврагами, мимо пологих гор из красного песчаника и, наконец, по широкому плоскогорью, совершенно безликому: крупный песок и гравий до самого горизонта. Валентайн видел, как тревожно переглянулись Слит и Залзан Кавол, когда повозки оказались в этом унылом месте, и подумал, что они, наверное, шепчутся об измене и предательстве, но его вера

в Насимонта не поколебалась. Он касался своим мозгом мозга предводителя бандитов через обруч Леди и чувствовал, что у него спокойно на душе.

День и еще день путешествия в никуда, и Карабелла нахмурилась, иерарх Лоривейд стала еще угрюмее, а Лизамона Халтин отвела Валентайна в сторону и сказала спокойно, как бы говоря о пустяка́х:

— А что, если этот тип Насимонт нанят мнимым Коронованным, чтобы бросить тебя в таком месте, где тебя никогда не найдут?

— Тогда мы погибнем, и наши кости истлеют здесь, — ответил Валентайн.— Но я не беспокоюсь.

Все-таки в нем росло некоторое раздражение. Вспоминая искренность Насимонта, он не мог поверить, чтобы агент Баржазида выбрал такой затяжной способ избавления от Валентайна, когда для этого достаточно было одного удара мечом в развалинах метаморфов: однако у него не было полной уверенности, что Насимонт знает, куда ехать. Здесь не было воды́: даже животные, способные питаться, чем попало, худели, по словам Шанамира, и слабели, с трудом отыскивая тощие кустики травы. В этом месте все было странно, и не брезжила надежда на избавление, но мерилом для Валентайна был Делиамбе́р: колдун был весьма опытен и умел в самозащите, сейчас он выглядел спокойным.

Наконец Насимонт остановил караван в том месте, где две линии голых холмов сходились в узкий с высокими стенами каньон, и сказал Валентайну:

— Ты думал, милорд, что мы сбились с пути? Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Валентайн с несколькими спутниками пошел за ним к началу каньона — на расстоянии пятидесяти шагов. Насимонт показал на огромную долину, начинавшуюся от каньона.

— Смотри.

Долина была пустынно́й: громадное веерообразное пространство серого песка тянулось к северу и к югу по меньшей мере на сто миль. В самом центре долины Валентайн увидел темный круг, тоже колоссального размера, слегка приподнятый над плоской поверхностью долины. Валентайн вспомнил: это была огромная насыпь темной земли, покрывавшая Лабиринт Понтифика.

— Послезавтра мы будем у Врат Лезвия, — сказал Насимонт.

Валентайн вспомнил, что у Лабиринта было семь входов, устроенных на разных расстояниях. Когда он был там с поручением Вориакса, он вошел через Врата Вод с противоположной стороны, где с Горы через плодородные северо-восточные провинции спускалась река Глейг. Это был самый легкий путь к Лабиринту, и им пользовались высокие чиновники, когда у них было дело к министрам Понтифика. Со всех остальных сторон Лабиринт окружала куда менее приятная местность, но все-таки более приемлемая, чем та, по которой только что проехал Валентайн. Единственным утешением служило сознание, что, выйдя из Лабиринта, он попадет в более удачную местность.

Лабиринт занимал огромное пространство и поскольку состоял из многих уровней, население его было неисчислимо. Сам Понтифик занимал внутренний сектор, куда почти никто не имел доступа. Окружавшая его зона была владениями правительственных министров, громадного количества преданных душ, всю жизнь остававшихся под землей и занимавшихся делами, которых Валентайн не понимал.

Вокруг правительственной зоны много тысячелетий складывалась внешняя оболочка Лабиринта, путаница круговых проходов, населенных миллионами темных личностей: конторщиками, торговцами, нищими, карманниками и бог знает кем еще, мир в себе, куда никогда не проникали ни солнечное тепло, ни холодный свет луны, где всю красоту и чудеса Маджипуры заменили бледные радости подземной жизни.

Наконец плавучие повозки добрались до Врат Лезвий.

Небольшое отверстие под навесом открывало доступ в уходивший в землю туннель. Впереди стоял ряд вмурованных в бетон древних ржавых мечей. Барьер больше символический, чем реальный, поскольку мечи были расставлены редко. Сколько же времени, подумал Валентайн, понадобилось, чтобы мечи заржавели в этом сухом климате?

Стражи Лабиринта ждали прямо за входом.

Их было семь — два хьерта, гайрог, скандар, лимен и два человека, все замаскированные, как принято у официальных лиц Лабиринта. Маски были в основном символические — лоскут блестящей желтой ткани закрывал нос и глаза — но создавали впечатление необычности, что и требовалось.

Стражи молча и невозмутимо встали перед Валентайном и его отрядом. Делиамбер сказал Валентайну:

— Они попросят плату за вход. Такова традиция. Подойди к ним и изложи свое дело.

Валентайн сказал стражам:

— Я Валентайн, брат покойного Вориакса, сын Леди Острова, пришел просить аудиенции у Понтифика.

Даже такое странное и дерзкое заявление не вызвало никакой реакции у замаскированных. Гайрог сказал только:

— Понтифик каждого к себе не допускает.

— Тогда я буду просить аудиенции у его главных министров, которые могут передать мое послание Понтифику.

— Их ты тоже не увидишь, — ответил один из хьертов.

— В таком случае я обращусь к заместителям министров или, если понадобится, к заместителям заместителей министров. Единственное, о чем я вас прошу — разрешите мне и моим спутникам пройти в Лабиринт.

Стражники посовещались между собой, тихо пожужжав, видимо, с помощью какого-то прибора. Это был ритуал чисто механического свойства, поскольку они вряд ли слушали друг друга. Затем гайрог снова повернулся к Валентайну.

— Каково твое приношение?

— Какое приношение?

— Входная плата.

— Назови, и я уплачу.

Валентайн сделал знак Шанамиру, и тот достал кошелек, но стражники недовольно покачали головами, а некоторые даже отвернулись.

— Не деньги, — презрительно сказал гайрог.— Приношение.

Валентайн опешил и растерянно обернулся к Делиамберу. Тот ритмично покачал щупальцами, как бы подбрасывая что-то. Валентайн понял. Жонглирование!

— Слит, Залзан Кавол...

Из одной повозки достали дубинки и мячи. Слит, Карабелла и Залзан Кавол встали перед стражниками и по сигналу скандара начали жонглировать. Семеро замаскированных смотрели, неподвижные, как статуи. Все это казалось Валентайну таким забавным, что он с трудом удерживался от смеха, но три жонглера выполняли свою работу строго и с большим достоинством, словно религиозный обряд. Они выполнили три полных рисунка обмена, разом остановились и поклонились стражам.

Гайрог чуть заметно кивнул — единственное одобрение представлению.

— Можете войти, — сказал он.

Они провели повозки между лезвиями в какое-то подобие вестибюля, темного и затхлого, откуда шла дорога вниз. Небольшое расстояние — путь им пересек изогнутый туннель, первое из колец Лабиринта.

Туннель был с высоким потолком, ярко освещенный, он вполне мог служить торговым городо́м: тут были ларьки, магазины, сновали пешеходы, плавучие экипажи всех видов и размеров. Но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что это не Пидруд, не Пилиплок и не Ни-моя. Люди на улицах были удивительно бледными, похожими на привидения, признак жизни без солнца. Одежда была до крайности старомодна, тусклых, темных тонов. Многие были в масках — слуги чиновников Понтифика. В сутолоке Лабиринта они были незаметны, и никто в толпе не обращал внимания на их маски.

Валентайн подумал, что у всех, и замаскированных, и не скрывавших открытых лиц, было какое-то напряженное выражение, что-то странное вокруг глаз и рта. Наверху, на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца народ Маджипуры улыбался легко и свободно, всем лицом, всей душой, а в этих катакомбах души были другими.

Валентайн спросил Делиамбера:

— Ты знаешь дорогу?

— Нет. Но гидов легко найти.

— Как?

— Останови повозку, выйди вперед и оглянись растерянно,— сказал урун.— Через минуту у тебя будет полно гидов.

Это заняло куда меньше минуты. Валентайн, Слит и Карабелла сошли с повозки, и к ним тут же подбежал мальчик лет десяти.

— Вам нужно осмотреть Лабиринт? Одна крона за весь путь.

— У тебя есть старший брат? — спросил Слит.

Мальчик посмотрел на него.

— Ты считаешь меня слишком маленьким? Тогда поезжайте одни. Через пять минут вы заблудитесь.

Валентайн рассмеялся.

— Как тебя зовут?

— Хиссун.

— Скажи, Хиссун, сколько уровней придется нам проехать, чтобы добраться до правительственного центра?

— Вы хотите ехать туда?

— А почему нет?

— Они там все чокнутые, — сказал мальчик. Он усмехнулся:— Работают весь день, перебирая бумаги, бормочут что-то и надеются продвинуться. Заговори с ними — они даже не ответят. От такой работы у них и мозги не варят. До них семь уровней: Дворы Колонн, потом Холл Ветров, Место Масок, Двор Пирамид, Двор Шаров, Арена, а затем Дом Записей. Я провожу вас туда, но не за крону.

— А за сколько?

— За полроала.

Валентайн присвистнул.

— Зачем тебе столько денег?

— Я куплю матери плащ, зажгу пять свечей Леди и отведу сестру к врачу.— Мальчик подмигнул: — А может быть, останется и мне что-то.

Во время этого разговора вокруг собралась толпа ребятишек не старше Хиссуна, несколько юношей и взрослых.

Все они стояли плотным полукругом и напряженно следили получит ли Хиссун работу. Они молчали, но Валентайн краем глаза видел, как они старались привлечь его внимание, чтобы казаться солиднее.

Если он откажет мальчику, тут же поднимется дикий хор голосов.

Но Хиссун, похоже, знал свое дело.

— Ладно, — сказал Валентайн, — веди нас к Дому Записей.

— Все эти повозки — твои?

— Да.

Хиссун свистнул.

— Ты, стало быть, важный человек? Откуда ты?

— Из Замка на Горе.

— Я так и подумал, что ты важный. Но если ты едешь оттуда, как ты попал со стороны Лезвий?

Мальчик был явно неглуп. Валентайн сказал:

— Мы путешественники. Мы только что с Острова Снов.

— О!

Глаза мальчика округлились. Это была первая брешь в его небрежной улично-мудрой холодности. Без сомнения, Остров был для него по существу мифическим местом, далеким, как звезды, и он помимо своей воли почувствовал благоговение перед особой, действительно побывавшей там.

Он облизнул губы.

— Как мне тебя называть?

— Валентайн.

— Валентайн, — повторил мальчик.— Валентайн из Замка на Горе. Приятное имя.

Он взобрался в первую повозку, Валентайн сел рядом. Мальчик спросил:

— Ты действительно Валентайн?

— Да.

— Очень приятное имя, — снова сказал мальчик.— Ну, плати мне полроала, Валентайн, и я покажу тебе Лабиринт.

Валентайн знал, что полроала — это оплата за несколько дней работы искусного ремесленника, но спорить не стал. Ему казалось, что человеку его положения не пристало торговаться с ребенком. Возможно, Хиссун именно на это и рассчитывал.

Во всяком случае, гонорар был потрачен недаром, потому что мальчик был докой в проходах по Лабиринту и вел их поразительно быстро к нижним и внутренним кольцам.

Они спускались вниз, делая неожиданные повороты, пробирались узкими, едва проходимыми переулками, чтобы срезать путь, спускались по скрытым скатам, которые, казалось, переносили их через немыслимые бездны пространства.

Чем ниже, тем темнее и запутаннее становился Лабиринт. Живописным он выглядел только снаружи, окружности внутри него были темными и зловещими, с тускло освещенными коридорами, расходившимися от главного во всех направлениях, со странными статуями и архитектурными украшениями, смутно выступавшими из мрачных сырых углов. Это место, по мнению Валентайна, смущало дух, оно пахло плесенью истории, пронизывало холодной влажностью невообразимой древности, без солнца, без воздуха, гигантская пещера забытого страшного мрака, где хмурые фигуры с жестким взглядом двигались по делам таким же таинственным, как и они сами.

Все ниже, ниже, ниже...

Караван спускался весь день. Ехали через Двор Колонн, где тысячи громадных серых столбов поднимались, как поганые грибы, и болота почти неподвижной маслянистой черной воды покрывали каменный пол на три-четыре фута. Проехали Дом Ветров, устрашающее место, где порывы холодного ветра непонятным образом проникали сквозь изящно вырезанные каменные решетки в стенах. Видели Место Масок — извилистый коридор, где на мраморных постаментах стояли лица без тел, с пустыми щелями глаз. Видели Двор Пирамид — целый лес многогранных остроконечных белых монолитов, стоявших так близко друг к другу, что между ними нельзя было пройти. Некоторые были правильными четырехгранниками, множество же глыб было странно вытянуто, скручено, картина зловещая. Ниже на следующем уровне был прославленный Двор Шаров — сложное строение в полторы мили длиной, где находились сферические предметы — одни размером с кулак, другие — с гигантского морского дракона. Они висели, неизвестно как подвешенные, и освещались снизу.

Хиссун указал на самый большой шар: под ним была могила архитектора — плита черного камня без надписи.

Ниже, ниже...

Во время своего первого визита Валентайн ничего этого не видел. Из Врат Вод он быстро спустился по проходам, предназначенным лишь для Коронованного и Понтифика, в имперское логово и в сердце Лабиринта.

Если я опять стану Коронованным,— думал Валентайн, — когда-нибудь мне придется стать преемником Тивераса — Понтификом. Когда этот день настанет, я скажу народу, что не хочу жить в Лабиринте, а построю себе дворец в более приятном месте. Он сам улыбнулся этим мыслям. Интересно, сколько Коронованных до него, увидев ужасную громаду Лабиринта, давали себе такие обещания? Однако все они рано или поздно удалялись от мира и обосновывались здесь.

Конечно, пока он молод и полон жизни, ему легко принимать такие решения, легко думать, что можно перевести Понтификат из Альханроеля в какое-нибудь подходящее место более молодого континента — в Ни-мою, например, или в Долорн, и жить среди красоты и радости. Ему трудно было представить, что он добровольно заточит себя в этом фантастическом и отталкивающем Лабиринте. Но все Коронованные поступали именно так — уходили из Замка в эту темную нору, когда наступало время.

Может быть, это и не так плохо, как кажется. Может, когда Человек достаточно долго был Коронованным, он рад случаю удалиться с Высоты Замка на Горе. Ладно, — сказал себе Валентайн, — в подходящее время можно будет обдумать и это.

Караван плавучих повозок сделал резкий поворот и спустился на уровень ниже.

— Арена, — торжественно объявил Хиссун.

Валентайн воззрился на громадное помещение, такое большое, что стен не было видно, далекий свет едва брезжил из затемненных углов. Никаких подпор для потолка не было видно.

Было просто поразительно, если подумать о чудовищном весе уровней с бесконечными улицами и переходами, с миллионами жителей, зданиями, статуями и прочим, что ничем не укрепленный потолок Арены выдерживает это колоссальное давление.

— Слушай, — сказал Хиссун.

Он вылез из повозки руки ко рту и пронзительно крикнул. Эхо вернуло крик резкими скачущими звуками, отражаясь от стен сначала громко, а потом все глуше. Мальчик крикнул еще раз, а затем с самодовольной усмешкой вернулся в повозку.

— Для чего служит это помещение? — спросил Валентайн.

— Ни для чего.

— Совсем ни для чего?

— Это просто пустота. Понтифик Дизимол хотел, чтобы здесь было большое пустое пространство. Здесь никогда ничего не происходит. Строить что-либо не разрешается, даже если бы кто и захотел. Это просто место. Хорошее эхо, ты не находишь? Единственная достопримечательность. Ну, Валентайн, вызови эхо!

— В другой раз.

Валентайн с улыбкой покачал головой.

Чтобы проехать Арену, нужен, казалось, целый день. Они долго ехали, но не видели ни стен, ни колонн, словно путешествовали по открытой равнине, если не считать еле видимого потолка наверху.

Валентайн даже не заметил момента, когда они выехали с Арены. Уже спустя некоторое время он осознал, что пол каким-то образом превратился в скат, и они постепенно опускаются на нижний уровень по уже знакомым кольцам Лабиринта. По мере того, как они спускались по этому новому коридору, он становился все светлее, пока, наконец, не сделался таким же ярко освещенным, как верхний уровень с рынками и магазинами.

Вдали прямо перед ними показался высоченный экран с ярко освещенными цветными надписями.

— Мы дошли до Дома Записей. Дальше я не могу идти с вами.

Действительно, дорога заканчивалась пятиугольной площадью с этим громадным экраном впереди. Теперь Валентайн видел, что этот экран — хроника Маджипуры. На левой его стороне были записаны имена Коронованных — такой длинный список, что Валентайн едва мог разобрать верхние имена. На правой — соответствующий список Понтификов. Возле каждого имени стояли даты правления.

Глаза Валентайна пробежали по списку.

Здесь были сотни имен, некоторые знакомые — великие имена истории планеты: Стиамот, Таймин, Конфалум, Деккерет, Престимион, другие же — просто набор букв, ничего не значивший для Валентайна.

Он читал эти имена, когда был мальчиком, в списке Правителей, но ничего не знал о них, кроме того, что они когда-то — три, четыре, пять тысяч лет назад правили, прошли имперскую стадию и затерялись в истории. Лорд Спорифон, лорд Скейл, — думал Валентайн, — кто они? Какого цвета были их волосы, в какие игры они играли, какие законы издавали, спокойно ли встретили свою смерть? Оказали ли какое-то влияние на жизнь миллиардов в Маджипуре? Некоторые, судя по датам, были Коронованными всего несколько лет, а затем ушли в Лабиринт заменить умершего Понтифика, а другие правили в течение целого поколения.

Вот лорд Мейк был Коронованным тридцать лет, а потом еще двадцать лет Понтификом. Пятьдесят лет высшей власти! А кто знает теперь о лорде Мейке и Понтифике Мейке?

Он посмотрел в конец списка. Лорд Тиверас, лорд Молибор, лорд Вориакс, лорд Валентайн...

Лорда Валентайна, во всяком случае, должны были запомнить. На Маджипуре не одно поколение будет рассказывать о черноволосом молодом Коронованном, изменнически превращенном в блондина, и о захвате его трона сыном Короля Снов. Но что скажут о нем? Что он бесхитростный дурак, вроде Ариока, который сам себя сделал Леди Острова? Что он был слаб и не сумел уберечь себя от зла? Что перенес такое ошеломляющее падение и мужественно вернул себе трон? Как будут рассказывать историю лорда Валентайна через тысячу лет? Стоя перед огромным списком Дома Записей, Валентайн молил об одном: только бы не говорили о лорде Валентайне, что он героически отвоевал себе свой трон, а потом пятьдесят лет правил слабо и беспомощно. Лучше уж оставить Замок Баржазиду, чем получить такую известность.

Хиссун потянул его за руку.

— Валентайн!

Тот, вздрогнув, обернулся.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал мальчик.— Люди Понтифика скоро придут за тобой.

— Спасибо тебе, Хиссун, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

— Пешком.

Хиссун подмигнул.

— Это я тебе точно скажу!

Он остановился.

— Валентайн...

— Да?

— У тебя случайно не было черных волос и бороды?

Валентайн засмеялся.

— Ты думаешь, что я Коронованный?

— О, я это знаю! Это написано на твоем лице. Только лицо у тебя не то.

— А что? Лицо неплохое, — сказал Валентайн.

Он рассмеялся.

— Немного добродушнее, чем мое прежнее, может покрасивее. Я думаю, что я его оставлю. Полагаю, что тот, кому оно раньше принадлежало, теперь в нем не нуждается.

Мальчик широко раскрыл глаза.

— Значит, ты в другом облике?

— Вроде того.

— Я так и подумал.

Он вложил свою маленькую руку в руку Валентайна.

— Ну, что ж, удачи тебе, Валентайн. Если ты когда-нибудь вернешься в Лабиринт, спроси меня, и я снова буду твоим проводником, и бесплатно. Запомни мое имя — Хиссун.

— До свидания, Хиссун.

Мальчик снова подмигнул и исчез.

Валентайн повернулся к экрану истории.

Лорд Тиверас, лорд Молибор, лорд Вориакс, лорд Валентайн...

— А может, когда-нибудь — лорд Хиссун? — подумал он.— Почему бы и нет? Мальчик, кажется, знает не меньше иных правителей, и у него, надо думать, хватило бы ума не пить одурманивающее вино Баржазида. Я запомню его.

Из ворот в дальнем конце площади вышло трое: женщина хьерт и двое людей в официально принятых в Лабиринте масках. Они неторопливо подошли к тому месту, где стояли Валентайн, Слит и Карабелла и кто-то еще. Хьерт внимательно оглядела Валентайна.

— У тебя здесь дела? — спросила она.

— Мне необходимо получить аудиенцию у Понтифика.

— Аудиенцию у Понтифика? — повторила она с таким изумлением, словно Валентайн просил пару крыльев или разрешение выпить океан.

Она засмеялась.

— Понтифик не дает аудиенций.

— Ты его главный министр?

Она засмеялась еще громче.

— Здесь Дом Записей, а не Двор Тронов. Здесь нет министров.

Трое повернулись и направились обратно к воротам.

— Подождите! — крикнул Валентайн.

Он скользнул в сонное состояние и послал им нужное видение. Особого содержания в нем не было, лишь общий смысл того, что стабильность мира в опасности, что над самим чиновничьим аппаратом нависла страшная угроза и что только он с друзьями может отвести силы хаоса. Чиновники продолжали путь, и Валентайн удвоил интенсивность сообщения. Чиновники остановились. Хьерт оглянулась.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Допусти нас к министрам Понтифика.

Они стали шепотом совещаться.

— Что следует нам делать? — спросил Валентайн у Делиамбера.— Жонглировать?

— Потерпи, — прошептал тот.

Валентайн нашел, что это трудно, но промолчал. Через некоторое время чиновники вернулись и сказали, что он и пять его спутников могут войти, а остальные должны ночевать на верхнем уровне.

Валентайн нахмурился, но решил, что спорить нет смысла. Он выбрал Делиамбера, Карабеллу, Слита, Эйзенхарта и Залзана Кавола.

— А где остальные найдут себе место? — спросил он.

Хьерт пожала плечами. Это ее не касалось.

Откуда-то сбоку донесся чистый высокий голос:

— Не нужно ли кого-нибудь проводить на верхний уровень?

Валентайн хмыкнул.

— Хиссун? Ты все еще здесь?

— Я подумал, что смогу понадобиться.

— Так оно и есть. Найди подходящее место на внешнем кольце возле Врат Вод, чтобы мои люди смогли остановиться и подождать, пока я здесь закончу свои дела.

Хиссун кивнул.

— Я попрошу только три кроны.

— Вот как? Тебе же все равно нужно подниматься наверх! И всего пять минут назад ты сказал, что в следующий раз ты ничего не возьмешь!

— Так то в следующий раз, — серьезно сказал мальчик, — а сейчас пока еще первый раз. Неужели ты лишишь бедного мальчишку его куска хлеба?

Вздохнув, Валентайн сказал Залзану Каволу:

— Дай ему три кроны.

Мальчик прыгнул в головную повозку, и скоро весь караван развернулся и отправился в обратный путь. Валентайн и его пятеро спутников прошли через ворота Дома Записей.

Коридоры расходились во всех направлениях. В скудно освещенных маленьких комнатках служащие низко склонялись над горами документов. Воздух был сухой и затхлый. Впечатление еще более отталкивающее, чем на предыдущих уровнях. Валентайн

понял, что здесь административный центр Маджипуры, место, где ведется работа по управлению двадцатью миллиардами жителей планеты. Неприятно было сознавать, что эти суетящиеся гномы, эти подземные жители осуществляют истинную власть над миром.

Он думал, что истинным королем был Коронованный, а Понтифик — только по названию глава, поскольку именно Коронованный командовал силами порядка, если где-то возникал хаос, сильный, динамичный Коронованный, в то время как Понтифик оставался замурованным внизу и выходил из Лабиринта лишь в случаях величайшей государственной важности.

Теперь у него уже не было такой уверенности.

Сам Понтифик, возможно, и был всего лишь свихнувшимся стариком, но ставленники Понтифика, эти тысячи и тысячи серых чиновников в масках в общей сложности могли иметь куда большую власть над Маджипурой, чем энергичный Коронованный со своими помощниками. Здесь составлялись списки налогов, здесь налаживался торговый баланс между провинциями, координировался контроль провинций над шоссейными дорогами, парками, учебными и воспитательными заведениями и прочим. Валентайн не был уверен, что на такой громадной планете, как Маджипура, возможно настоящее централизованное управление, но полагал, что во всяком случае основные формы этого управления могут существовать хотя бы как структурные контуры. Он понял, идя по внутренней части Лабиринта, что управление Маджипурой отнюдь не в больших процессиях и сонных посланиях. Большая часть работы делается скрытыми здесь чиновниками.

И его захватил этот тяжелый труд.

Несколькими уровнями ниже Дома Записей располагались помещения для официальных лиц провинций, посещавших Лабиринт по правительственным делам. Там Валентайну выделили скромную квартиру, где и оставили его на последующие несколько дней.

Сдвинуться с этой точки, казалось, не было никакой возможности. Как Коронованный он, конечно, имел право требовать немедленного допуска к Понтифику, но он не Коронованный в настоящем смысле этого слова, и такое требование, вероятно, вообще лишило бы его возможности действовать.

Порывшись в памяти, он вспомнил имена первых министров Понтифика. Если с тех пор ничего не изменилось, у Понтифика было пять близких к нему полномочных официальных лиц: Горнокейст, главный сперик, Делифон, личный секретарь, Шинаам, Нейрог, министр внешней торговли, Спилтрейв, министр по делам науки и личный врач Понтифика, Нарамир, толковательница снов, которая, как говорили, была влиятельнее всех остальных, советница, выбравшая в Коронованные Вориакса, а затем Валентайна.

Добраться до любого из этих пятерых было также трудно, как и до самого Понтифика. Они, как и Тиверас, сокрылись в глубинах, далекие, недоступные.

Обруч, который дала ему мать, был не всесилен, Валентайн не мог установить контакт с незнакомым мозгом на неизвестном расстоянии.

Он скоро узнал, что два младших, но все-таки значительных

чиновника служили сторожами на центральных уровнях Лабиринта. Это были имперские мажордомы Дондак Саямир, су — сухерис, и Джитаморн Сол, человек.

— Но, — сказал Слит, поговоривший с управляющим домом для гостей, — эти двое уже год, как поссорились и почти не общаются. А тебе, чтобы попасть к министрам, надо согласие обоих.

Карабелла недовольно фыркнула.

— Мы всю жизнь в этой пыли профукаем! Валентайн, зачем мы вообще связались с Лабиринтом? Может уйдем отсюда и отправимся прямо в Замок на Горе?

— Точно — моя идея, — сказал Слит.

Валентайн покачал головой.

— Главное — поддержка Понтифика. Так сказала Леди, и я с ней согласен.

— Для чего — главное? — спросил Слит.— Понтифик спит под землей и ничего не хочет знать. Он, что, даст тебе армию? Да и вообще существует ли он?

— У Понтифика армия служащих чиновников, — мягко сказал Делиамбер.— Для нас они были бы исключительно полезны. Они не воины, но управляют равновесием власти в нашем мире.

Слита это не убедило.

— А по-моему, надо поднять знамя горящей звезды и пойти под звуки труб и барабанный бой через Альханроель, объявляя себя Коронованным и рассказывая всему миру о плутнях Доминина Баржазида. В каждом городе на пути поддержку народа ты завоюешь своей теплотой и искренностью, и может быть, немножко, благодаря обручу Леди. И с поддержкой пока будешь двигаться к Замку на Горе, десять миллионов пойдут за тобой, и тогда Баржизид сдастся без боя.

— Перспектива приятная, — сказал Валентайн, — но я думаю, пусть сначала, прежде чем мы бросим открытый вызов, за нас поработает содействие Понтифика. Я повидаюсь с двумя мажордомами.

В этот же день его проводили в штаб-квартиру Дондак-Саямир, на удивление унылый маленький офис в глубине Лабиринта с крошечными служебными каморками. Валентайн больше часа ожидал в тесном и шумном вестибюле, чтобы его допустили к мажордому.

Он плохо представлял, как обращаться к су-сухерис. Может, одна голова — Дондак, а другая — Саямир? Обращаться к обеим или только к той голове, которая с тобой разговаривает? Может, взгляд с одной головы на другую полагается переводить, пока говоришь?

Дондак Саямир осмотрел Валентайна как бы с высоты своего величия. Пока четыре холодных глаза рассматривали посетителя, в кабинете повисла напряженная тишина.

Су-сухерис был стройным удлиненным существом, безволосым и гладкокожим, трубчатым по форме, с палкой-шеей, поднимавшейся на десять дюймов и имевшей на конце развилку для поддержки двух узких веретенообразных голов. Он держался

с видом такого превосходства, словно должность мажордома Понтифика была важнее самого Понтифика.

Валентайн знал, что холодное высокомерие — просто свойство этой расы, су-сухерисы всегда выглядели величественными и надменными.

Наконец левая голова Дондака заговорила:

— Зачем ты пришел сюда?

— Я прошу аудиенцию у первых министров Понтифика.

— Так написано в твоем письме. Какое у тебя дело к ним?

— Дело величайшей важности, государственное дело.

— Да?

— Вряд ли ты можешь рассчитывать, что я буду обсуждать это с кем-то ниже самого высокого уровня власти.

Дондак Саямир бесконечно долго обдумывал сказанное. Он снова заговорил, уже правой головой. Второй голос был много ниже первого.

— Если я зря потревожу верховных министров, мне будет плохо.

— Если ты воспрепятствуешь моему свиданию с ними, тебе будет еще хуже.

— Угрожаешь?

— Нисколько. Скажу тебе лишь, что если они не получат моей информации, последствия будут весьма серьезными для всех нас. Министры, без сомнения, рассердятся, узнав, то ты не допустил меня к ним.

— Я не один, — сказал су-сухерис.— Есть второй мажордом, и прошение такого рода мы должны одобрить оба. Ты еще не разговаривал с моей коллегой?

— Нет.

— Она сумасшедшая. Она намеренно и злобно отказывается сотрудничать со мной уже много месяцев.

Теперь Дондак Саямир говорил обеими головами.

Эффект был крайне неприятный.

— Даже если я дам тебе свое согласие, она откажет, так что ты никогда не увидишь верховных министров.

— Нельзя ли как-нибудь обойти ее?

— Это невозможно.

— Если она препятствует законному делу, то...

— Это на ее ответственности, — ответил равнодушно су-сухерис.

— Нет, — сказал Валентайн, — ответственность на вас обоих! Ты не избавишься от нее, сказав, что из-за ее нежелания сотрудничать с тобой я не двинусь вперед, когда на карту поставлено само существование правительства!

— Ты действительно так думаешь? — спросил Дондак Саямир.

Вопрос поставил Валентайна в тупик.

То ли он относился к идее угрозы королевству, то ли к замечанию, что су-сухерис несет равную ответственность. После паузы он спросил:

— Что же ты посоветуешь?

— Возвращайся домой, — сказал мажордом, — живи счастливо и плодотворно, и оставь проблемы управления тем, чья судьба — распутывать их.

Ничего хорошего не ждало его и у Джитаморн Сол. Второй мажордом был менее надменным, но не более сговорчивым.

Это была женщина лет на десять-двенадцать старше Валентайна, высокая брюнетка, уверенная, деловая на вид. На ее столе в кабинете более веселом и привлекательном, хотя таком же маленьком, как и у су-сухериса, лежало прошение Валентайна.

Она несколько раз постучала пальцами по письму и сказала:

— Ты не сможешь увидеться с ними.

— Могу я узнать, почему?

— Потому что их никто не видит.

— Никто?

— Никто с внешней стороны. Теперь это не делается.

— Из-за разрыва между тобой и Дондак Саямиром?

Джитаморн Сол поджала губы.

— Он идиот! Но даже если бы он как следует выполнял свою работу, ты бы все равно не смог добраться до министров. Они не хотят, чтобы их беспокоили. На них лежит великая ответственность. Понтифик стар, как тебе, наверное, известно, он мало занимается делами управления, поэтому на них, тех, кто его окружает, лежит тяжелое бремя. Ты понимаешь?

— Но я должен их увидеть!

— Я не могу тебе помочь. Их нельзя тревожить даже по самым важным делам.

— А если предположить, — медленно сказал Валентайн, — что Коронованный был свергнут и в Замке сидит фальшивый правитель?

Она подняла маску и ошеломленно посмотрела на Валентайна.

— Что ты хочешь этим сказать? Твое прошение отклонено.

Она встала и сделала быстрый жест.

— У нас в Лабиринте и так хватает сумасшедших, а тут еще приходят из...

— Погоди, — сказал Валентайн.

Он вошел в состояние транса и воззвал к силе обруча. Потянулся к душе Джитаморн, коснулся ее, окутал своей душой.

Он не собирался раскрывать лишнее младшим служащим, но тут, похоже, не было выбора, он удерживал контакт, пока не почувствовал слабость и головокружение. Тогда он прервал его и быстро вернулся в нормальное состояние.

Она растерянно смотрела на него, щеки ее горели, глаза блуждали, грудь тяжело дышала. Заговорила она не сразу.

— Что это за фокус?

— Это не фокус Я — сын Леди, и она сама научила меня искусству посланий.

— Лорд Валентайн брюнет.

— Был. Теперь — нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила...

— Пожалуйста, — сказал он, вкладывая в это слово всю силу своего духа, — поверь мне. Все зависит от моего доклада Понтифику о случившемся.

Но ее подозрения были слишком велики. Она не преклонила колен, не сложила знака горящей звезды, ею владела лишь угрюмая растерянность. Ей явно хотелось, чтобы Валентайн адресовался с этим рассказом к кому-нибудь другому.

— Су-сухерис наложит вето на все, что я не предложу, — сказала она, наконец.

— Даже если я покажу ему то, что показал тебе?

Она пожала плечами.

— Его упрямство просто легендарно. Даже для спасения жизни Понтифика он не согласится ни с одним моим предложением.

— Но это безумие!

— Именно. Ты говорил с ним?

— Да. Он показался мне недружелюбным и надутым, но не сумасшедшим.

— Тебе бы пообщаться с ним подольше, прежде чем судить.

— А если подделать его подпись и пройти так, чтобы он не знал?

Она была шокирована.

— Ты толкаешь меня на преступление?

Валентайн пожал плечами.

— Преступление уже совершено, и немалое, — сказал он ровным голосом.— Я, Коронованный Маджипуры, изменнически смещен. Твоя подпись жизненно необходима для моего восстановления. Неужели это не важнее всех остальных пустяковых правил? Неужели ты не понимаешь, что в моей власти простить тебе нарушение правил?

Он наклонился к ней:

— Время не ждет. В Замке воцарился узурпатор. Я теряю время с подчиненными Понтифика вместо того, чтобы вести через Альханроель армию освобождения. Дай мне разрешение, и будешь вознаграждена, когда на Маджипуре восстановится порядок.

Она холодно посмотрела на него.

— В твой рассказ очень трудно поверить. Что, если ты лжешь? Что, если ты подкуплен Дондаком?

— Клянусь, — простонал Валентайн.

— Не надо. Вполне возможно, что это ловушка. Твоя фантастическая история и особый гипноз предназначены для того, чтобы погубить меня и дать су-сухерису высшую власть, которой он давно жаждет...

— Клянусь Леди, моей матерью, что я не лгу.

— Всякий преступник клянется матерью, но что толку?

Валентайн какой-то миг колебался, но затем взял Джитаморн Сол за руки и пристально посмотрел ей в глаза. То, что он хотел сделать, было ему неприятно, но и вся эта мелкая чиновничья сошка тоже чинила ему неприятности.

Придется пойти на бесстыдный обман, иначе он навек заплутает здесь.

Он сказал:

— Даже если бы Дондак Саямир подкупил меня, я никогда бы не предал такую красивую женщину, как ты.

Она посмотрела на него презрительно, но щеки ее окрасились румянцем.

— Поверь мне, — продолжал он.— Я — лорд Валентайн, и ты будешь одной из героинь моего возвращения. Я знаю, чего ты хочешь больше всего на свете, и ты получишь это, когда я снова вернусь в Замок.

— Ты знаешь?

— Да, — сказал он.

Он ласково похлопал ее по руке, неуверенно лежавшей теперь в его ладони.

— Ты хочешь быть единственным авторитетом во Внутреннем Лабиринте, верно? Ты хочешь быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как бы во сне.

— Так и будет, — сказал он.— Стань моей союзницей, и Дондак-Саямир будет лишен своего ранга за то, что препятствовал мне. Станешь? Ты поможешь мне добраться до главных министров?

— Это трудно.

— Но возможно! Все возможно! Когда я снова стану Коронованным, су-сухерис потеряет свой пост! Это я тебе обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь! — горячо сказал Валентайн.

Он чувствовал себя грязным и испорченным человеком.

— Клянусь всем, что для меня свято. Этого достаточно?

— Достаточно, — сказала она.

Ее голос чуть изменился.

— Но как это сделать? На пропуске должны быть обе подписи, если будет моя, он откажется поставить свою.

— Подпиши пропуск и дай мне. Я вернусь к су-сухерису и уговорю его подписать.

— Он ни за что этого не сделает.

— Я с ним поработаю. Я умею убеждать. Получив его подпись, я войду во Внутренний Лабиринт и добьюсь того, что мне нужно. А вернусь я с полномочиями Коронованного и смещу с поста Дондак-Саямира.

— Но как ты получишь его подпись? Он уже столько месяцев ничего не подписывает!

— Положись на меня.

Она достала из стола темно-зеленый кубик из какого-то гладкого блестящего материала и поместила его на короткое время в машину, охватившую его опаляюще-желтым пламенем. Когда она снова достала кубик, поверхность его сияла новым блеском.

— Вот, это твой пропуск. Но предупреждаю тебя, что без второй подписи он недействителен.

— Я получу ее, — сказал Валентайн.

Он вернулся к Дондак-Саямиру. Су-сухерис встретил его неохотно, но Валентайн был настойчив.

— Теперь я понимаю твое отвращение к Джитаморн Сол, — сказал он.

Дондак холодно улыбнулся.

— Она и тебе противна? Полагаю, что она отказала тебе.

— Нет, — сказал Валентайн.

Он достал кубик и положил его перед мажордомом.

— Она дала мне его довольно охотно, зная, что ты откажешь и ее разрешение окажется недействительным. А вот другой ее отказ меня сильно задел. Тебе это покажется глупым, — безмятежно сказал Валентайн, — может быть, даже отталкивающим, но я был прямо поражен ее красотой. Должен сказать, что для человека эта женщина исключительно привлекательна физически, от нее исходит эротическая сила, а это... Ну, ладно, неважно. Я потянулся к ней в наивном смятении и таким образом проявил свою слабость, а она жестоко посмеялась надо мной. Она отнеслась ко мне с презрением, а это мне что острый нож. Как она могла быть такой надменной, такой безжалостной к чужаку, который только тем и виноват, что испытывал к ней такие страстные чувства?

— Красоты ее я не заметил, — сказал су-сухерис, — но ее холодность и высокомерие мне хорошо известны.

— Теперь я разделяю твою неприязнь к ней, — сказал Валентайн.— Если пожелаешь, я к твоим услугам и вместе мы подтолкнем ее к гибели.

Дондак-Саямир задумчиво сказал:

— Да, возможно, это подходящий момент, чтобы скинуть ее. Но как?

Валентайн постучал по кубику, лежавшему на столе.

— Поставь свою подпись. Тогда я смогу войти во Внутренний Лабиринт. Пока я буду там, ты начнешь официальное расследование обстоятельств, при которых меня пропустили, заявишь, что ты такого разрешения не давал. Когда я вернусь от Понтифика, ты позовешь меня на проверку. Я скажу, что ты отказал мне, но я получил пропуск от Джитаморн Сол, не подозревая что кто-то забыл о тебе. Твое обвинение, подкрепленное моим свидетельством, свалит ее. Ну, что скажешь?

Су-сухерис сунул кубик в машину, и сверкающий розовый жар перекрыл желтое пламя Джитаморн Сол. Теперь к пропуску было не подкопаться. Валентайн подумал, что вся эта интрига подобна замысловатости самого Лабиринта, но она сработала, и сработала успешно. Пусть теперь эти двое строят друг другу козни, а он пойдет к министрам. Вероятно мажордомы будут разочарованы тем, как он выполнит свои обещания, поскольку он намеревался, если сможет, отстранить от власти обоих. Однако он чувствовал, что не вполне безгрешен по отношению к тем, чья роль в управлении, видимо, состояла в том, чтобы препятствовать и возражать.

Он взял кубик у Дондак-Саямира и благодарно склонил голову.

— Да будет тебе вся власть и престиж, которых ты заслуживаешь, — сказал он и вышел.

Стражи Внутреннего Лабиринта, казалось, были ошеломлены, что кто-то снаружи ухитрился получить разрешение на вход в их владения. Они подвергли кубик сканированию, с большой неохотой признали его законность и пропустили Валентайна и его спутников.

Узкая тупоносая повозка быстро и бесшумно неслась по проходам этого внутреннего мира. Сопровождавшие их замаскиро-

ванные чиновники, казалось, и не управляли повозкой, да это было бы нелегкой задачей, поскольку на этих уровнях Лабиринт бесконечно разветвлялся и кружил. Любой чужой сразу безнадежно затерялся бы в тысячах изгибов, поворотов и перепутанных коридорах. Но повозка, как видно, тайно управляемая, плыла по кратчайшей, хотя отнюдь не прямой дороге в глубь колец скрытых проулков.

На каждом контрольно-пропускном пункте Валентайна допрашивали недоверчивые чиновники, почти не способные понять, как это пришедший извне едет к министрам Понтифика. Их бесконечные колкости докучали, и только. Валентайн размахивал своим кубиком-пропуском, как волшебным жезлом.

— У меня поручение высочайшей важности, — повторял он снова и снова, — и я буду говорить только с высшими чинами Двора Понтифика.

Во всеоружии своего достоинства и права командовать, он отметал все возражения, все увертки.

— Вам же станет хуже, если будете меня задерживать!

И вот наконец — Валентайну казалось, что прошло сто лет с тех пор, как он вошел в Лабиринт через Врата Лезвий, — он очутился перед Шинаамом, Дилифоном и Нарамир — тремя из пяти первых министров Понтифика.

Они приняли его в темной холодной комнате из громадных блоков черного камня, с высоченным потолком и остроконечными арками. Это было неприятное, давящее помещение, больше похожее на подземную тюрьму, чем на совещательную комнату.

Войдя туда, Валентайн почувствовал вес Лабиринта. Он был как бы прижат здесь, в этом царстве вечной ночи, гигантским холмом земли. Это путешествие в глубь Лабиринта, многие мили извилистых проходов измучили его так, словно бы он не спал несколько недель.

Валентайн коснулся рукой Делиамбера, и урун дал ему звенящий заряд энергии. Он взглянул на Карабеллу, и она послала ему воздушный поцелуй. Он посмотрел на Слита, и тот кивнул и усмехнулся. Он взглянул на Залзана Кавола, и гордый седой скандар сделал быстрое жонглирующее движение рукой, чтобы подбодрить его. Его спутники, его друзья, его оплот в этом долгом и удивительном путешествии поддерживали его.

Он посмотрел на министров.

Они были без масок и сидели рядом в креслах, величественных, как троны. Шинаам — министр внешних сношений, гайрог по происхождению, змееподобный, с холодными глазами и выглядывавшим раздвоенным красным языком — был в центре. Направо от него сидел Дилифон, личный секретарь Тивераса, хрупкая, призрачная фигура с белыми, как у Слита, волосами, увядшей пергаментной кожей и горевшими, как угли, глазами — из древней расы. По левую руку гайрога сидела Нарамир, имперская толковательница снов, стройная, элегантная женщина явно преклонного возраста, поскольку ее сотрудничество с Тиверасом восходило к тем временам, когда он был Коронованным. У нее была гладкая, без морщин кожа, темно-рыжие волосы, пышные и блестя-

щие. Только по странному, загадочному выражению глаз угадывались мудрость, опыт, накопленная за многие десятилетия сила.

Валентайн решил, что это какое-то колдовство.

— Мы прочитали твою петицию, — сказал Шинаам низким скрипучим голосом с легким шипением.— Нам трудно поверить в твою историю.

— Вы говорили с Леди, моей матерью?

— Мы говорили с Леди. Она признает тебя своим сыном.

— Она требует, чтобы мы с тобой сотрудничали, — сказал Дилифон надломленным голосом.

— Она явилась к нам в послании, — мягко, музыкально произнесла Нарамир.— Она поручает тебя нам и просит, чтобы мы оказали тебе помощь, на какую мы способны и какую ты потребуешь.

— И что дальше? — спросил Валентайн.

— Существует вероятность, — сказал Шинаам, — что Леди обманута.

— Вы думаете, что я самозванец?

— Ты просишь нас поверить, — сказал гайрог,— что Коронованный Маджипуры был приведен младшим сыном Короля Снов в бессознательное состояние, вынут из собственного тела — что лишило его памяти — и помещен в совершенно иное тело, удачно оказавшееся под рукой, а узурпатор вошел в пустую оболочку Коронованного, сохранив собственное сознание. Мы находим, что в это трудно поверить.

— Существует искусство перемещать дух из одного тела в другое, — сказал Валентайн.— Вот прецедент.

— Не было случая, — возразил Дилифон, — чтобы таким образом перемещали Коронованного.

— Однако это случилось. Я — лорд Валентайн, милостью Леди вылечил свою память и прошу поддержки Понтифика, прошу, чтобы он возвратил мне ответственность, которую возложил на меня после смерти моего брата.

— Да, — сказал Шинаам, — если ты тот, кем себя называешь, тебе, вероятно, нужно вернуться в Горный Замок. Но как нам увериться в этом? Это очень серьезное дело. Оно чревато гражданской войной. Как можем мы советовать Понтифику ввергнуть мир в агонию только на основании утверждения какого-то чужака, который...

— Свою мать я уже убедил в своей подлинности, — сказал Валентайн.— Мой мозг был открыт ей на Острове, и она видела кто я.

Он коснулся серебряного обруча на лбу.

— Как вы думаете, откуда я взял этот прибор? Это ее дар из ее собственных рук, когда мы с ней были во Внутреннем Храме.

— В том, что Леди признала тебя и поддерживает, нет никакого сомнения, — спокойно заметил Шинаам.

— Вы сомневаетесь в ее действиях?

— Мы требуем более веских доказательств, — сказала Нарамир.

— Тогда позвольте мне сейчас же передать послание, чтобы убедить вас в справедливости моих слов.

— Как хочешь, — сказал Дилифон.

Валентайн закрыл глаза и вошел в транс.

Страсть и убеждение хлынули из его существа сияющим потоком. Однако он чувствовал, что не способен преодолеть скептицизм министров Понтифика.

Мозг гайрога был недоступен для Валентайна — стена, такая же недоступная, как белые утесы Острова Снов.

Валентайн ощущал лишь туманные проблески сознания за мысленным щитом Шинаама и не мог пробить его, хотя направил на этот щит всю свою силу. Мозг дрожавшего старого Дилифона тоже был экранирован, пористый, как соты, он не оказывал сопротивления. Валентайн проходил через него как сквозь воздух.

Валентайну удалось ощутить контакт только с мозгом Нарамир, но и то не очень сильный. Казалось, она пила его душу, впитывала все, что он давал, но все это пропадало в бездонной глубине ее существа, так что он не смог добраться до центра ее духа.

Но он не отступал. С яростной силой обрушивал на них весь свой дух, называл себя лордом Валентайном из Горного Замка и требовал от них доказательств, что он кто-то другой. Он добрался до воспоминаний о матери, о короле-брате, о своем воспитании, о свержении в Тил-омоне, о странствиях по Зимроелю — обо всем, что сформировало человека, пробившегося в недра Лабиринта за помощью. Он полностью сосредоточился на послании, пока не выдохся, не обессилел от истощения и не повис на руках Слита и Карабеллы манекеном, брошенным владельцем.

Он вышел из транса, боясь провала.

Он дрожал от слабости, пот покрыл его тело, перед глазами все плыло, и дико болели виски. Он старался вновь обрести силы, закрыл глаза и глубоко подышал, а затем посмотрел на министров.

Их лица были жесткими и сумрачными, глаза — холодными и неподвижными. Они казались надменными, презрительными и даже враждебными. Валентайн вдруг испугался: может быть эти трое — ставленники самого Доминина Баржазида? Что он может просить у своих врагов?

Он уверял себя, что это невозможно, что это порождение усталого мозга. Невозможно поверить, что заговор против него достиг самого Лабиринта.

— Ну? — хрипло спросил он.— Что вы теперь скажете?

— Я ничего не почувствовал, — сказал Шинаам.

— Я не убежден, — сказал Дилифон.— Такое послание может дать любой колдун. Твои искренность и страстность могут быть притворными.

— Я согласна, — сказала Нарамир, — послание может быть как настоящим, так и лживым.

— Нет! — закричал Валентайн.— Я широко перед тобой открыт. Ты не могла не видеть.

— Недостаточно широко, — ответила Нарамир.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай устроим толкование сна вдвоем здесь, в этой комнате, при этих свидетелях. Пусть наши души станут поистине одним целым. Тогда я смогу оценить правдивость твоей истории. Согласен? Выпьешь наркотик со мной?

Валентайн взглянул на своих спутников и увидел на их лицах отражение своей тревоги — у всех, кроме Делиамбера, чье выражение лица было пустым и нейтральным, словно он находился в совершенно другом месте. Рискнуть? Смеет ли он? Наркотик может лишить его сознания, сделать совершенно уязвимым. Если эти трое связаны с Баржазидом и хотят сделать Валентайна беспомощным, взялись они за нелегкое дело.

Предложение войти в его мозг исходит не от какой-то деревенской толковательницы, а от толковательницы Понтифика, женщины по меньшей мере столетнего возраста, хитрой и могущественной, прославленного мастера Лабиринта, контролирующей всех, включая самого Тивераса.

Делиамбер намеренно не подал ему знака. Решение целиком лежит на Валентайне.

— Да, — сказал он, глядя ей в глаза.— Если больше ничего не может вас убедить, пусть будет толкование. Здесь. Сейчас.

Они, похоже, ожидали этого. Прислужники по сигналу принесли все необходимое: толстый ковер ярких цветов с темно-золотой каймой, высокий графин из белого полированного камня и две изящные фарфоровые чаши. Нарамир сошла с кресла, своими руками налила в чаши сонного вина и одну предложила Валентайну.

Он взял чашу, но выпил не сразу. Однажды он так же принял вино из рук Доминина Баржазида, и от одного глотка все для него изменилось. Может ли он выпить сейчас, не опасаясь последствий? Кто знает, какое новое колдовство приготовлено для него? Где он проснется и в каком обличье?

Нарамир молча наблюдала за ним. Глаза толковательницы снов были непроницаемы, таинственны, пронзительны. Она улыбалась двусмысленной улыбкой, то ли ободряющей, то ли торжествующей. Он поднял чашу в коротком салюте и поднес к губам.

Эффект был мгновенным и неожиданным.

Валентайн покачнулся. Туман и паутина окутали его мозг. Может, эти специи были много крепче, чем те, что давала ему Тизана в Фалкинкипе. Какая-то дьявольская добавка Нарамир. Или он сам был сейчас более чувствителен — уставший и истощенный от пользования обручем? Затуманенными глазами он увидел, что Нарамир выпила свое вино, бросила пустую чашу прислужнику и быстро сняла платье. Ее нагое тело было гибким, гладким, девичьим — плоский живот, стройные бедра, высокие груди. Валентайн подумал, что это колдовство. Кожа ее имела глубокий коричневый оттенок. Почти черные соски уставились на Валентайна, словно слепые глаза.

Он был уже слишком опьянен наркотиком, чтобы раздеться самому, это сделали руки его друзей. Он почувствовал холод и понял, что он голый.

Нарамир поманила его к ковру. Валентайн подошел на подгибающихся ногах, и она уложила его. Он закрыл глаза, представляя себе, что он с Карабеллой, но Нарамир ничуть не походила на Карабеллу.

Ее объятия были сухими и холодными, тело твердым, неэластичным. В ней не было ни тепла, ни вибраций. Ее юность была всего лишь хитроумной проекцией. Лежать в ее объятиях было все равно, что на ложе из гладкого холодного камня.

Всепоглощающее озеро тьмы окружало его, густая теплая маслянистая жидкость становилась все глубже, и Валентайн легко уходил в нее, чувствуя, как она приятно скользит по ногам, талии, по груди.

Он чувствовал, что его затягивает водоворот, как в тот раз, когда заглотнул морской дракон. Так легко и приятно было не сопротивляться, куда лучше, чем бороться. Так привлекательно, так манящe — отказаться от всякой воли, расслабиться, принять все, что может случиться, позволить себе лететь вниз. Он устал, он долго боролся.

Теперь может отдохнуть и позволить черному прибою сомкнуться над ним. Пусть другие храбро сражаются за честь, за власть, за аплодисменты. Пусть другие...

Нет.

Вот чего они хотели: поймать его в ловушку собственной слабости и усталости. Он был слишком доверчив, слишком бесхитростен. Он ужинал с врагом, не зная этого, и был погублен. Он будет погублен еще раз, если откажется сейчас от усилий.

Сейчас не время погружаться в теплые черные озера.

Он поплыл наверх. Сначала с трудом, потому что озеро было глубоким, а черная жидкость, липкая и тяжелая, сжимала руки. Но после нескольких взмахов Валентайн нашел способ сделать свое тело режущим, как лезвие.

Он двигался все быстрее, руки и ноги работали согласованно. Озеро, искушавшее его забвением, теперь давало ему поддержку. Оно прочно держало его на плаву, пока он быстро плыл к дальнему берегу.

Солнце, яркое, безмерное, громадный пурпурно-желтый шар, бросало на воду ослепительные лучи, подобные огненному следу.

— Валентайн!

Голос был низкий, раскатистый, как гром. Валентайн не узнал его.

— Валентайн, почему ты так долго и упорно плывешь?

— Чтобы достичь берега.

— А зачем?

Валентайн продолжал плыть. Он видел остров, широкий белый пляж, заросли высоких деревьев, лианы, плотно опутавшие их вершины. Он плыл и плыл, но к берегу все не приближался.

— Вот видишь? — пророкотал громовой голос.— Нет смысла плыть дальше.

— Кто ты? — спросил Валентайн.

— Я лорд Спорифон, — ответствовал величественный голос.

— Кто?

— Лорд Спорифон Коронованный, преемник лорда Скоула, ныне Понтифика. Я советую тебе отказаться от этой глупости. На что ты надеешься?

— Вернуться в Горный Замок, — ответил Валентайн.

Он поплыл быстрее.

— Но Коронованный — я!

— Я никогда не слышал о тебе.

Лорд Спорифон резко взвизгнул. Гладкая маслянистая поверхность озера зарябила и пошла складками.

Валентайн заставил себя двигаться вперед, пробиваться через завихрения руками и ногами.

Берег был уже близко. Валентайн опустил ноги и ощутил ступнями песок, горячий, убегавший из-под ног, но перемещение его было не настолько сильным, чтобы помешать Валентайну выбраться на берег. Он выполз на пляж и на секунду встал на колени.

Подняв глаза, он увидел бледного, худого человека, смотревшего на него печальными голубыми глазами.

— Я лорд Гондимар, — тихо сказал человек.— Коронованный из Коронованных, которого никогда не забудут, а это — мои бессмертные спутники.

Он махнул рукой, и берег заполнился мужчинами, очень похожими на первого, ничем не примечательными, незначительными.

— Это лорд Стрейн, это лорд Пракипин, лорд Мейк, лорд Скоул, лорд Спорифон, великие и могущественные Коронованные. Падай ниц перед ними!

Валентайн засмеялся.

— Вы уже давно забыты!

— Нет!

Валентайн указал на последнего в ряду.

— Спорифон, никто не помнит о тебе!

— Лорд Спорифон, будь любезен.

— А ты, лорд Скоул, три тысячи лет стерли твою славу, не оставив и следа.

— Ты ошибаешься. Мое имя в списке Властителей.

Валентайн пожал плечами.

— Это верно. Ну и что? Все вы — лорд Пранкипин, лорд Мейк, лорд Газимар — всего лишь имена, ничего больше. Только имена...

— Только имена, — как эхо, отозвались они тонкими, жалобными голосами.

Они стали уменьшаться, сжиматься, пока наконец на берегу не оказались крошечные существа, бегающие вокруг него и выкрикивающие свои имена резкими голосами. Затем они исчезли, на их месте возникли маленькие белые шары, не больше жонглерских мячей. Валентайн наклонился рассмотреть их и увидел, что это черепа. Он подобрал их и стал подбрасывать в воздух, ловить и снова бросать, и они летели сверкающим каскадом. Их челюсти щелкали и дребезжали. Валентайн усмехнулся. Сколькими он может жонглировать? Здесь было шесть. Но за все прошлые тысячелетия были сотни Коронованных. Он мог бы жонглировать

всеми. Он выловил в воздухе самых великих — Конфалума, Престимиона, Стиамота, еще дюжину, сотню, подбрасывал их и ловил. Никогда еще на Маджипуре так искусно не жонглировали. Но теперь это были уже не черепа: они превратились в сверкающие многогранные диадемы, в шары — тысяча имперских шаров, рассыпавших искры света вокруг. Он ловко жонглировал ими, зная, какого правителя представлял каждый шар — вот лорд Конфалум, вот лорд Спорифон, лорд Деккерет — и всех их он бросил вверх, так что они составили громадную перевернутую пирамиду света.

Все королевские особы Маджипуры танцевали над ним и все возвращались к золотоволосому улыбавшемуся человеку, крепко стоявшему на горячем песке золотого пляжа.

Он поддерживал их всех. Вся история планеты была в его руках, и он помогал ей в полете.

Ослепительные диадемы составили наверху громадную горящую звезду света.

Не переставая жонглировать, Валентайн двинулся с пляжа по дюнам к плотной стене зарослей. Деревья перед ним расступились, освобождая путь — ярко-красную мощеную дорогу, ведущую в глубь острова.

Он увидел вдали низкие серые холмы предгорья, переходившие в гранитные уступы, за ними пики гигантской горной цепи, тянувшейся до середины континента.

На самом высоком пике на страшной высоте раскинулись опорные стены Замка.

Валентайн шел к нему, не переставая жонглировать. Мимо него проходили по тропе фигуры, уступали ему дорогу, махали, улыбались и кланялись. Лорд Вориакс, Леди, Понтифик Тиверас — все они сердечно приветствовали его, и он тоже махал им, не уронив ни одной диадемы, не нарушив ясного рисунка жонглирования. Вот он уже в предгорье и легко поднимается вверх. Вокруг него собирается толпа — все его друзья и множество хьертов, гайрогов, урунов, лименов, торговцев, фермеров, рыбаков, акробатов, герцог Насимонт, предводитель разбойников, Тизана, Джитаморн Сол и Дондак-Саямир, державшиеся за руки, орда пляшущих метаморфов, вереница драконьих капитанов с гарпунами, лесные братья, раскачивающиеся на деревьях вдоль тропы,— все поют, смеются, провожая его в Замок лорда Молибора, лорда Спорифона, лорда Конфалума, лорда Стиамота, в Замок лорда Валентайна.

— Замок лорда Валентайна...

Он уже почти там. Хотя горная дорога идет почти отвесно вверх, хотя густой туман низко стелется над ней, он идет дальше, ускоряет шаг, бежит, жонглируя сотнями блестящих сфер.

Он видит впереди три громадных огненных столба.

Подойдя ближе, он узнает их. Это Шинаам, Долифон и Нарамир стоят бок о бок на его пути.

— Куда ты идешь? — спрашивают они хором.

— В Замок.

— В чей?

— В Замок лорда Валентайна.

— Кто ты?

— Спросите их, — говорит Валентайн, показывая на толпу за собой.— Пусть они скажут вам мое имя.

— Лорд Валентайн! — кричит Шанамир, первым приветствуя его.

— Он лорд Валентайн! — кричат Карабелла, Слит и Залзан Кавол.

— Лорд Валентайн Коронованный!— кричат метаморфы, драконьи капитаны и лесные братья.

— Это так? — спрашивают министры Понтифика.

— Я лорд Валентайн, — отвечает он.

Он высоко подкидывает тысячу диадем, и они летят вверх, пока не исчезают во мраке, что живет между мирами, и оттуда медленно плывут вниз, мерцающие и искрящиеся, как снежные хлопья на склонах северных гор, и когда они касаются Шинаама, Долифона и Нарамир, три министра тут же исчезают, оставив позади лишь серебряный блеск, и ворота Замка раскрываются.

Валентайн проснулся.

Он почувствовал голым телом шерсть ковра, увидел остроконечные арки, каменный потолок наверху.

Мир сна был еще так ясен, что Валентайну на миг захотелось вернуться туда, а не оставаться в этом помещении с затхлым воздухом и темными углами. Но он сел и огляделся.

Его спутники сгрудились у задней стены, напряженные и испуганные.

Он повернулся в другую сторону, рассчитывая увидеть трех министров, снова восседающих на своих местах. Они были тут, но появилось еще два великолепных кресла, так что теперь перед Валентайном сидели пятеро. Нарамир, уже одетая, находилась слева. В середине был круглолицый мужчина с широким тупым носом и темными глазами. Валентайн узнал в нем Горнкейста главного спикера Понтифика. Рядом с ним сидел Шинаам, а крайнее правое кресло занимал незнакомый Валентайну человек — тонкогубый, с резкими чертами лица, с серой кожей, иноземец.

Все пятеро строго смотрели на Валентайна, словно были членами тайного судилища, собравшегося для вынесения приговора.

Валентайн встал, не сделав попытки одеться. Почему-то казалось, что перед этим судилищем положено стоять голым.

— Твой мозг ясен? — спросила Нарамир.

— По-моему, да.

— Ты проспал час. Мы ждали, когда ты проснешься.

Она указала на серокожего.

— Это Сиплтрейв, врач Понтифика.

— Я так и подумал, — сказал Валентайн.

— А этого человека ты, наверное, знаешь.— Она указала на того, кто сидел в центре.

Валентайн кивнул.

— Да, это Горнкейст. Мы встречались.

Широко улыбнувшись, он добавил:

— Только я тогда был в другом теле. Вы убедились, что я не солгал?

— Мы убедились в твоей правоте, лорд Валентайн, — мелодичным голосом сказал Горнкейст.— Великое и удивительное преступление свершилось в этом мире, но справедливость восторжествует. Оденься. Тебе не пристало являться голым перед Понтификом.

Горнкейст возглавил процессию в имперский тронный зал. За ним шли Нарамир и Долифон с Валентайном посредине, Сиплтрейв с Шинаамом замыкали шествие. Спутникам Валентайна идти не позволили.

Они шли через узкий, с высоким сводом туннель из сияющего зеленоватого стекла, в глубине которого мелькали странные отражения. Туннель, извиваясь спиралью, шел под легким уклоном в глубину. Через каждые пятьдесят шагов туннель перегораживала бронзовая дверь.

Горнкейст прикасался пальцем к скрытой панели, и дверь бесшумно отходила, пропуская их в следующий отрезок туннеля. Наконец они дошли до двери, украшенной резным золотым символом Лабиринта, а над ним — имперской монограммой Тивераса. Валентайн знал, что это сердце Лабиринта, самая глубокая и центральная его точка. Когда от прикосновения Горнкейста эта последняя дверь отошла в сторону, они оказались в громадной светлой сферической комнате с круглыми стеклянными стенами, где на роскошном троне сидел Понтифик Маджипуры.

Валентайн видел Понтифика Тивераса пять раз: первый, когда был еще ребенком, а Понтифик прибыл в Горный Замок на свадьбу лорда Молибо́ра, второй — через несколько лет на коронации лорда Вориакса, спустя год — на свадьбе Вориакса, в четвертый раз — когда Валентайн явился в Лабиринт по поручению брата, и наконец — три года назад, когда Тиверас приехал на коронацию Валентайна. Понтифик и при первой встрече был уже стар: огромного роста, худой, отталкивающего вида человек с грубым угловатым лицом, с очень черной бородой и мрачными, глубоко сидящими глазами. Чем старше, тем уродливее он становился, он выглядел уже чем-то вроде трупа — негнущийся, медленно двигающийся, старый, засохший стебель человека, но тем не менее внимательный, знающий, все еще мощный духом, все еще излучающий ауру безмерной власти и величия. Но теперь...

Трон, на котором сидел Тиверас, был тот же, что видел Валентайн при первом посещени́и: роскошное золотое сидение с высокой спинкой, к которому вели три широкие низкие ступени, но теперь этот трон был полностью заключен в шар голубоватого стекла, с широкой сложной сетью поддерживавших жизнь трубок, составлявших как бы кокон.

Прозрачные трубки с цветными жидкостями, счетчики и шкалы, измерительные пластинки на щеках и лбу Понтифика, провода, соединения и зажимы — все это было дико и страшно, хотя бы уже потому, что ясно показывало, что жизнь Понтифика держится лишь на окружавших его приборах.

— И давно он так? — прошептал Валентайн.

— Система была разработана двадцать лет назад, — с явной гордостью ответил Синлтрейв, — но только последние два года мы его держим в ней постоянно.

— Он в сознании?

— О да, в сознании, — ответил врач.— Подойди ближе, посмотри на него.

Валентайн неловко подошел и остановился в футе от трона, вглядываясь в удивительного старика в стеклянном пузыре.

Да, он видел, что свет еще горит в глазах Тивераса, бесплотные губы решительно сжаты.

Кожа на черепе Понтифика стала совсем пергаментной, а длинная борода, все еще на удивление черная, сильно поредела.

Валентайн посмотрел на Горнкейста.

— Он узнает людей? Он говорит?

— Конечно. Дай ему время.

Глаза Валентайна встретились с глазами Тивераса. Стояла страшная тишина.

Старик нахмурился, зашевелился и быстро провел языком по губам. Затем издал дрожащий звук, вроде хныканья.

Горнкейст сказал:

— Понтифик приветствует своего возлюбленного сына лорда Валентайна Коронованного.

Валентайн подавил дрожь.

— Скажи его величеству, скажи ему, что его сын лорд Валентайн Коронованный пришел к нему с любовью и почтением, как всегда.

Так было принято: никто никогда не говорил непосредственно Понтифику, а только через главного спикера, который должен был повторять, хотя практически этого не делал.

Понтифик снова произнес что-то столь же неразборчивое.

Горнкейст сказал:

— Понтифик выражает озабоченность беспорядком в королевстве. Он спрашивает, что планирует лорд Валентайн для приведения страны в должное состояние.

— Скажи Понтифику, что я намерен идти к Горному Замку и призвать на помощь всех граждан. Я прошу его указания заклеймить Доминина Баржазида как узурпатора и судить всех тех, кто его поддерживает.

Понтифик издал более живые звуки, резкие и высокие, очень энергичные.

— Понтифик хочет быть уверенным, — произнес Горнкейст, — что ты будешь избегать сражений и кровопролития, насколько это возможно.

— Скажи, что я предпочел бы взять Замок, не потеряв ни одной жизни с той или другой стороны, но не знаю, удастся ли это.

Раздались странные булькающие звуки.

Горнкейст растерянно прислушивался.

— Что он сказал? — шепотом спросил Валентайн.

Главный спикер покачал головой.

— Не все сказанное его величеством можно перевести. Иногда он заходит в слишком далекие для нашего понимания области.

Валентайн кивнул. Он с жалостью и даже любовью смотрел на фантастического старика, запертого в шаре, поддерживавшем в нем жизнь, и способного общаться только такими стонами. Много десятилетий высший монарх планеты, теперь, когда ему далеко за сто, лепечет и булькает, как младенец, и все-таки где-то в разлагающемся мозгу все еще тикает разум прежнего Тивераса. Смотреть на него теперь — значило понять конечную бессмысленность высшего титула: Коронованный жил в мире обязанностей и моральной ответственности лишь для того, чтобы унаследовать Понтификат и в конце концов исчезнуть в Лабиринте и в старческом слабоумии. Интересно, часто ли Понтифики становятся пленниками своих спикеров, врачей и толкователь̀ниц снов, и легко ли отказаться от мира ради того, чтобы великое чередование Властителей привело на трон более жизнеспособного человека.

Теперь Валентайн понял, почему система разделила исполняющего и управляющего, почему Понтифик со временем уходит от мира в этот Лабиринт. Придет и его время спуститься сюда, но, может быть, по воле Божества это случится не скоро.

Он сказал:

— Передай Понтифику, что лорд Валентайн Коронованный его приемный сын, сделает все, что в его силах, чтобы залечить трещину в ткани общества. Скажи Понтифику, что лорд Валентайн надеется на поддержку его величества, без которой не может быть скорой победы.

На троне последовало молчание, потом долгий, болезненный, неразборчивый поток звуков, повышавшихся и понижавшихся, как мелодии гайрогов. Горнкейст напряженно выхватывал в потоке обрывки смысла. Понтифик замолчал, а смущенный Горнкейст сжал челюсти и прикусил губу.

— В чем дело? — спросил Валентайн.

— Он думает, что ты лорд Молибор,— удрученно ответил тот.— Предупреждает, что рискованно выходить в море и охотиться на драконов.

— Мудрый совет, — сказал Валентайн, — но несколько запоздавший.

— Он сказал, что Коронованный слишком ценная фигура, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

— Передай ему, что я согласен, и если снова попаду в Замок, я всецело займусь моими задачами и буду избегать любых приключений.

Врач Сиплтрейв выступил вперед и сказал:

— Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется закончить.

— Еще минутку, — попросил Валентайн.

Сиплтрейв нахмурился, но Валентайн, улыбаясь, подошел к самому подножию трона, встал на колени, протянул руки к древнему существу в стеклянном пузыре, вошел в транс и послал Тиверасу свой дух с импульсами почтения и любви. Выказывал ли кто-нибудь когда-нибудь любовь и привязанность страшному Тиверасу? Скорей всего, нет. Но много десятилетий этот человек был центром и душой Маджипуры и вполне заслужил, чтобы его

приемный сын и будущий преемник высказал ему любовь, когда он сидит здесь, затерянный в безвременном сне управления и лишь иногда сознает свою былую ответственность. И Валентайн выразил ее со всем жаром, какой только позволила мощь обруча.

Тиверас как бы окреп, глаза его засияли, щеки чуть заметно покраснели.

Неужто эти дрожащие губы улыбнулись? Да!

Вне всякого сомнения, Понтифик почувствовал волну тепла от Валентайна, был рад этому и ответил. Произнес что-то плохо различимое.

Горнкейст сказал:

— Он говорит, что дарует тебе свою полную поддержку, лорд Валентайн.

Живи, старик,— думал Валентайн, вставая и кланяясь.— Вероятно, тебе лучше бы уснуть вечным сном, но я желаю тебе долгой жизни, потому что у меня есть дела в Замке на Горе.

Он обернулся и сказал пяти министрам:

— Пойдемте. Я получил то, что мне нужно.

Они тихо вышли из тронного зала. Когда дверь за ними закрылась, Валентайн спросил Сиплтрейва:

— Он долго еще должен так жить?

Врач пожал плечами.

— Неограниченное время. Система отлично поддерживает его. Мы можем сохранить его, время от времени поддерживая систему еще сто лет.

— Это необязательно, но хорошо бы ему остаться с нами еще лет двенадцать-пятнадцать. Вы можете это сделать?

— Рассчитывай на это, — сказал Сиплтрейв.

— Хорошо.

Валентайн заглянул в сияющий винтовой проход. Он достаточно долго пробыл в Лабиринте... пора возвращаться в мир солнца и ветра, в мир живых и уладить дело с Доминином Баржазидом. Он сказал Горнкейсту:

— Отведите меня к моим людям и подготовьте транспорт. А перед отъездом я хотел бы подробно ознакомиться с военными силами и служебным персоналом, которые вы можете предоставить в мое распоряжение.

— Слушаюсь, милорд, — сказал главный спикер.

Милорд. Это было первое признание, которое он услышал от министров Понтифика. Главное сражение еще впереди, но Валентайну, когда он услышал это слово, показалось, что он уже достиг Замка.

КНИГА ЗАМКА

Подъем из глубин Лабиринта занял куда меньше времени, чем спуск, потому что спускался по бесконечной спирали никому не известный авантюрист, маневрировавший меж равнодушными чиновниками, а наверх поднимался Властитель Королевства.

Теперь для него не было петляющих переходов с уровня на

уровень, с кольца на кольцо по хитросплетениям понтификатской берлоги, Дома Записей, Арены и прочего, он поднимался со своими товарищами быстро и без задержек по проходу, предназначенному только для Властей.

Уже через несколько часов они достигли внешнего кольца, гостиницы на краю подземного города. Хотя они поднимались очень быстро, весть о Коронованном разнеслась еще быстрее. Каким-то образом весь Лабиринт уже знал, что здесь Коронованный, и когда Валентайн вышел из имперского прохода, там уже собралась огромная толпа, разглядывавшая его, как невиданного девятиголового зверя.

Толпа молчала. Кто-то сложил знак горящей звезды, выкрикнул его имя, но основная масса только глазела.

Лабиринт был владением Понтифика, и Валентайн понимал, что преклоняться перед Коронованным будут где угодно на Маджипуре, только не здесь. Благоговейный страх — да, почтение — да, но прежде всего любопытство. Никакого воодушевления и приветственных жестов, как при церемониальном проезде по улицам Пидруда поддельного лорда Валентайна. Вот и хорошо, думал он.

Он не привык к поклонению, да и не стремился к этому. Вполне достаточно, даже более чем достаточно, что его признали теперь тем, кем он был на самом деле.

— Будет ли так же легко и в дальнейшем? — спросил он Делиамбера.— Просто ехать по Альханроелю, объявляя себя настоящим лордом Валентайном, и все само придет в руки?

— Очень сомневаюсь, Баржазид носит облик Коронованного. У него печати власти. Здесь, внизу, раз министры Понтифика сказали, что ты Коронованный, граждане будут приветствовать тебя как Коронованного. Скажи они, что ты Леди Острова, и здешние жители станут приветствовать тебя как Леди. Я думаю, что за Лабиринтом все будет по-другому.

— Я не хочу кровопролития, Делиамбер.

— Никто не хочет. Но прежде чем ты снова воцаришься на троне Конфалума, прольется кровь. Этого не избежать, Валентайн.

Валентайн угрюмо произнес:

— Я, кажется, скорее оставил бы власть Баржазиду, чем допустить насилие на планете. Я хочу мира, Делиамбер.

— Мир будет, — сказал маленький колдун.— Но дорога к миру не всегда бывает мирной. Смотри, твоя армия уже собралась.

Валентайн увидел вдалеке толпу. Здесь были все, кто шел с ним в Лабиринт, но собралось также несколько сотен носивших цвета Понтифика. Для чего они собрались? Это войско? У Понтифика не было войск. Гражданское ополчение? В любом случае — армия лорда Валентайна.

— Моя армия, — с горечью сказал Валентайн.— Армия откуда-то из времен лорда Стиамота. Делиамбер, сколько тысяч лет прошло со времени последней войны на Маджипуре?

— Долгое время все было спокойно, — ответил урун, — но тем не менее маленькие армии сохранились: телохранители Леди, слуги Понтифика... А как быть с рыцарями Коронованного? Как ты

их назовешь, если не армией? Они носят оружие, тренируются на полях Горного Замка. Кто они, Валентайн? Лорды и леди, забавляющиеся играми?

— Я именно так и думал, когда был одним из них.

— Пора считать по-другому, милорд. Рыцари Коронованного составляют ядро военной силы, и только дурак может думать иначе. Подойдя ближе к Горе, ты неизбежно обнаружишь это.

— Неужели Доминин бросит в сражение против меня моих собственных рыцарей? — спросил Валентайн.

Он был в ужасе.

Урун холодно посмотрел на него.

— Человек, которого ты называешь Доминином Баржазидом, в данный момент лорд Валентайн Коронованный, и рыцари Горного Замка клялись ему в верности. Ты забыл об этом? Может быть ты сумеешь убедить их, что они клялись душе и разуму лорда Валентайна, а не его лицу и бороде. Но некоторые останутся верными тому, кого считают тобой, и его именем поднимут мечи против тебя.

Противно было даже думать об этом.

После того, как память восстановилась, Валентайн не раз думал о своих компаньонах, благородных людях, тех, с кем вырос и учился, чьи привязанность и дружба были главными в его жизни, до того как узурпатор разбил эту жизнь. Смелый охотник Илидат из Марвола, золотоволосый проворный Стасилейн, Тунигорн, отличный лучник, и многие другие — теперь для него только имена, тени далекого прошлого, однако же эти тени могут обрести плоть и кровь. Неужели они выступят против него? Если друзья, его любимые товарищи... Что ж, если ему придется сражаться с ними за Маджипуру, пусть будет так, но думать об этом не хотелось.

Он покачал головой.

— Может удастся избежать этого. Пошли. Нам пора уходить отсюда.

У выхода, называвшегося Вратами Вод, он встретился со своими ликующими сторонниками и офицерами, выделенными ему министрами Понтифика. Похоже, это была способная команда, явно радовавшаяся возможности покинуть мертвые глубины Лабиринта. Их лидером был невысокий, крепкого сложения человек с короткой кудрявой бородкой по имени Ирманар.

Всей своей фигурой, повадкой, движениями, открытостью он сразу понравился Валентайну. Таким вполне мог быть брат Слита.

Ирманар сложил знак горящей звезды быстрым привычным жестом, тепло улыбнулся Валентайну и сказал:

— Я буду рядом с тобой, милорд, пока ты не окажешься снова в своем Замке.

— Пусть путешествие на север окажется легким, — ответил Валентайн.

— Ты выбрал дорогу?

— На речном судне по Глейгу будет быстрее или нет?

Ирманар кивнул.

— В любое время года, кроме осени. Осенью здесь очень сильные дожди.

Он достал маленькую карту центрального Альханроеля. На куске темной ткани блестящей красной краской были показаны округа от Лабиринта до Горного Замка.

— Видишь, милорд, Глейг спускается с Горы и впадает в озеро Рогойз, здесь он разливается до Врат Вод. Как раз сейчас река вздулась и от озера до Пендивейна опасна. Я предлагаю отправиться по суше по крайней мере до Пендивейна, там мы сможем погрузиться на корабль до верховьев Глейга.

— Разумно. Ты знаешь дорогу?

— Довольно хорошо, милорд.

Он ткнул пальцем в карту.

— Многое зависит от того, сильно ли залита равнина Глейга. Я бы предпочел идти через нее, обогнув северную сторону озера Рогойз и далеко не отходя от реки.

— А если долина залита?

— Тогда пойдем более дальней дорогой. Но земля там сухая, неприятная, почти пустыня. Трудно будет с провиантом. И там мы окажемся слишком близко к этому месту.

Он показал на карте точку к северо-востоку от озера.

— Велализир? — спросил Валентайн.— Руины? Почему тебя это смущает, Ирманар?

— Это нездоровое место, милорд, дурное. Там полно духов, в воздухе носятся неотмщенные преступления. Мне не нравится то, что рассказывают об Велализире.

— По одну сторону у нас наводнение, по другую — развалины, населенные призраками. Здорово, а?

Валентайн улыбнулся.

— А почему бы не пойти на юг от реки?

— На юг? Нет, милорд. Ты помнишь пустыню, через которую ехал от Треймона? На юге еще хуже! Ни капли воды, никакой еды, только песок и камни. Я скорее пойду прямиком через Велализир, чем по южной пустыне.

— Выходит, у нас нет выбора? Остается только долина Глейга. Будем надеяться, что она не очень сильно залита. Когда выступаем?

— Когда захочешь.

— Два часа назад, — сказал Валентайн.

После полудня армия лорда Валентайна вышла из Лабиринта через Врата Вод. Ворота были широкими и пышно украшенными, как и полагается правительственному входу. Жители Лабиринта стояли толпами, чтобы поглядеть, как выезжает лорд Валентайн со своими спутниками.

Как хорошо было снова видеть солнце, снова вдыхать настоящий воздух низкой долины Глейга. Валентайн был в первой из длинной процессии плавучих повозок. Он приказал открыть окна.

— Воздух здесь как молодое вино! — воскликнул он.— Ирманар, как ты можешь жить в Лабиринте, зная, как здесь, снаружи?

— Я родился в Лабиринте, — спокойно ответил офицер.—

Мой народ служил Понтифику в течение пятидесяти поколений. Мы привыкли к таким условиям.

— Значит, свежий воздух тебе неприятен?

— Почему неприятен?

Ирманар удивился.

— Нет. Я ценю его, милорд. Просто он... Как бы это сказать? Я могу без него обойтись.

— А вот мне он необходим, — ответил Валентайн.

Он засмеялся.

— Посмотри, как прекрасно вокруг!

— Осенние дожди несут жизнь этой долине, — сказал Ирманар.

— Значит, в этом году жизни излишне много, — заметила Карабелла.— Ты не знаешь, сильно залило долину?

— Я послал разведчиков, — ответил Ирманар.— Скоро узнаем.

Караван шел вперед по мирной, спокойной местности. Здесь Глейг не казался буйным, особо неуправляемым, вроде бы спокойный поток, думал Валентайн. Правда, это была не сама река, а нечто вроде канала, проложенного тысячу лет назад, чтобы связать озеро Рогойс с Лабиринтом. Сам Глейг, как вспоминал Валентайн, выглядел куда более внушительным — быстрая, широкая, величавая река, но, конечно, едва ли не ручеек по сравнению с могучим Зимром на другом континенте. В первое посещение Лабиринта Валентайн плыл по Глейгу летом, причем сухим летом, и река была достаточно спокойной. Но сейчас совсем другой сезон. Валентайну не хотелось бы снова попасть в разлив, он хорошо помнил ревущий Стейч.

Если бы им оказаться чуть севернее, все было бы в порядке, пусть даже пришлось бы проехать через развалины Велализира — не страшно, хотя суеверный Ирманар не хотел этого.

В эту ночь Валентайн впервые испытал прямое противодействие узурпатора. Едва он уснул, как пришло послание от Короля, зловещее, сильное. Сначала он почувствовал, что голове тепло. Жар быстро накапливался и превратился в огненный смерч, с яростной силой бивший в стенки черепа. Яркая игла света пронзила его душу. Голова раскалывалась от боли.

Вместе с этими ощущениями пришло нечто еще более болезненное. Его разум был подавлен чувством вины и стыда, сознанием провала и неудачи, сожалениями, что он предал и обманул тех, кто выбирал его в правители.

Валентайн принимал послание, пока мог терпеть. Затем с криком проснулся, весь потный, дрожащий, как бы избитый сном.

— Милорд! — шепотом окликнула его Карабелла.

Он сел, закрыв лицо руками. Он не мог вымолвить ни слова. Карабелла прижала его к себе и погладила по голове.

— Послание, — выговорил он наконец, — от Короля.

— Его уже нет, любимый, все прошло.

Обняв его, она покачивалась, и постепенно ужас и паника отступили.

— Плохое, — сказал он, — хуже, чем в нашу первую ночь в Пидруде.

— Не могу ли я помочь?

— Вряд ли. Они обнаружили меня, и теперь Король не оставит меня в покое.

— Это был просто страшный сон, Валентайн...

— Нет. Это было послание от Короля, первое из многих.

— Я позову Делиамбера, — предложила она.— Может он знает, что делать.

— Не уходи, Карабелла, не оставляй меня.

— Но сейчас опасности нет. Ты не спишь, и посланий не будет.

— Не оставляй меня, — бормотал он. Она погладила его, заставила лечь и пошла за колдуном. Тот обеспокоился, коснулся Валентайна, чтобы погрузить его в сон без сновидений.

На следующую ночь Валентайн вообще боялся уснуть, в конце концов сон пришел и снова принес послание, оно оказалось ужаснее первого. В его воображении проносились образы — пузыри света с отвратительными лицами, насмехавшиеся над ним и обвинявшие его, цветные шары, серебряные копья жарких лучей вонзались в мозг.

Затем вокруг него закружились метаморфы, странные, текучие, они махали ему тонкими длинными пальцами, визгливо хохотали и называли трусом, слабаком, дураком и простаком. Отвратительные сальные голоса нестройно пели детскую песенку:

У старого Короля Снов
Каменное сердце.
Он никогда не спит...

Смех, странная музыка, смутный шепот... Пляшущие скелеты, мертвые братья скандара, призрачные, изувеченные, окликали его по имени...

Валентайн заставил себя проснуться и несколько часов ходил взад-вперед по тесной повозке.

В следующую ночь пришло третье послание, хуже первых двух.

Что же мне делать? Не ложиться спать? — думал он.

Бледный и измученный, он сел, и тут к нему пришли Делиамбер и иерарх Лоривейд.

— Я слышала о твоих неприятностях, — сказала она.— Разве Леди не научила тебя защищаться обручем?

Валентайн тупо смотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна Сила не может напасть на другую, милорд.

Она коснулась обруча на его голове.

— Он отразит атаку, если ты будешь правильно им пользоваться.

— А как?

— Готовясь ко сну, сплети вокруг себя стену силы. Спроецируй свою личность, наполни воздух вокруг себя своим духом, и тебя не заденет никакое послание.

— Ты научишь меня?

— Постараюсь, милорд.

Усталый и изможденный, он не сумел спроецировать полные возможности Коронованного, лишь тень их, и хотя Лоривейд добрый час тренировала его, четвертое послание все-таки пришло, но оно было намного слабее предыдущих, и Валентайну удалось избежать его тяжелых последствий, он, наконец, погрузился в спокойный сон. Днем он чувствовал себя почти здоровым и много занимался обручем.

В последующие ночи послания приходили, но очень слабые, пробные, пытавшиеся отыскать щель в его броне. Валентайн отражал их все увереннее. Он был постоянно начеку, и это его утомляло. Затем несколько ночей он не чувствовал, что щупальцы Короля Снов пытаются проникнуть в его спящую душу, но от защиты все же не отказался и уберегся.

Они ехали вдоль низины Глейга еще пять дней, а на шестой явились разведчики Ирманара.

— Наводнение не такое сильное, как рассказывали, — сообщил Ирманар.

— Прекрасно, — одобрил Валентайн.— Значит будем двигаться к озеру и там возьмем корабль?

— Путь к озеру нам преграждают вражеские силы, милорд.

— Силы Коронованного?

— По-видимому, милорд. Разведчики сообщили только что, поднявшись на гребень Луманцар, чтобы посмотреть на озеро и окружающую его равнину, увидели там отряды молиторов.

— Наконец-то война! — радостно закричала Лизамона.

— Нет, — хмуро возразил Валентайн.— До Горного Замка еще тысячи миль. Вряд ли мы можем вступать в сражение далеко от него на юге. К тому же я надеюсь вообще избежать войны или хотя бы отсрочить ее, насколько возможно.

— Что будем делать, милорд?

— Пойдем, как шли, на север по долине Глейга, но тут же свернем на северо-запад, если только эта армия двинется в нашу сторону. Обойдем ее, если возможно, и поплывем по реке, пусть они сидят у озера и ждут, когда мы там появимся.

— Идти кругом?

Ирманар заморгал.

— Если я не ошибаюсь, Баржазид послал их охранять подступы к озеру. Слишком далеко за нами они не пойдут.

— Но там...

— Да, я знаю.

Валентайн положил руку на плечи Ирманара и мягко сказал:

— Простите меня, друг, но я думаю, что мы сможем пойти в обход по Велализиру.

— Я боюсь этих развалин, милорд, и не я один.

— Понятно. Но у нас могучий колдун и множество храбрецов. Куда призракам до Лизамоны Халтин, Кона из Кианимота, Слита, Карабеллы или Залзана Кавола? Разрешим скандару покричать на этих призраков, и они будут бежать до самого Стойена!

— Милорд, твое слово закон, но я с детства слышал страшные рассказы о Велализире.

— Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет, конечно.

— А знаешь кого-нибудь, кто был?

— Нет, милорд.

— Ясно ли представляешь ты опасности этого места?

— Нет, милорд.

— Но нам угрожает армия врагов и орда ужасных военных молиторов, верно? Мы не знаем, какое зло причинят нам призраки, зато отлично знаем, какие бедствия принесет война. Я считаю, что надо уклониться от битвы и попытаться пройти по Велализиру.

— Я бы предпочел другой путь обхода, — сказал Ирманар.

Он попытался улыбнуться.

— Но я буду рядом с тобой, милорд. Даже если ты прикажешь мне идти пешком через Велализир безлунной ночью. Можешь быть в этом уверен.

— Я уверен, — сказал Валентайн.— Мы выйдем из Велализира невредимыми, Ирманар. Можешь быть в этом уверен.

Они продолжали путь в прежнем направлении. По мере их продвижения на север почва постепенно поднималась.

Скоро река лежала в ста футах ниже долины узкой светлой ниткой, окаймленной густыми зарослями кустарника, а над дорогой нависал край длинного гребня.

Ирманар сказал, что это Гребень Лунацар, и с его вершины местность видна на очень далекое расстояние.

Валентайн, Слит, Делиамбер и Ирманар поднялись по краю гребня. Внизу лежали природные террасы, уровень за уровнем спускаясь от гребня к широкой равнине, центр которой занимало озеро Рогойз.

Озеро казалось огромным, как океан.

Валентайн помнил, что оно большое, да и должно быть большим, потому что Глейг собирал воду со всего юго-западного склона Горного Замка и нес ее в озеро, но таким огромным Валентайн его не видел.

Теперь ему стало понятно, почему городки по берегам озера строились на высоких сваях. Сейчас эти города были уже не на берегу, а далеко в воде, и нижние этажи домов, хотя дома и стояли на столбах, вероятно, заливались водой.

— Очень высокая вода, — сказал он Ирманару.

— Да, почти вдвое выше обычного. Но, говорят, бывало и хуже.

— Где твои разведчики видели армию?

Ирманар осмотрел горизонт в подзорную трубу. Валентайн подумал, что, возможно, они ушли обратно на Гору, а может ошиблись, и армии вообще здесь не было...

— Вон там, милорд, — сказал Ирманар.

Валентайн взял трубу. Он увидел только деревья и луга, и потоки воды из переполненного озера, но Ирманар направил трубу. То, что увидел Валентайн, невооруженному глазу показалось бы скопищем муравьев неподалеку от озера, но это были не муравьи.

Тысяча отрядов стояла там лагерем, может, армия была меньше, но все равно громадная, слишком большая для планеты,

где само понятие война было забыто. Она в несколько раз превосходила армию Валентайна. Здесь же паслось около сотни молиторов — массивных бронированных животных, искусственно выведенных в древние времена. На Горе молиторов часто использовали как боевые оружия в рыцарских играх. Они очень быстро двигались на толстых коротких ногах и, высунув тяжелую голову из-под непробиваемого панцыря, крушили все вокруг.

Они изрыли все поля сильными кривыми ногами, неуклюже носились взад и вперед, сталкиваясь и ударяя друг друга головами в тупой ярости.

Десяток таких животных, выставленных на дороге, блокируют ее лучше любой стены.

Слит сказал:

— Мы могли бы внезапно напасть, послать один отряд переполошить молиторов и обойти их с другой стороны, пока...

— Нет, — возразил Валентайн.— Вступать в сражение было бы ошибкой.

— Если ты думаешь, милорд, — настаивал Слит, — что завоюешь Горный Замок, никого пальцем не тронув, то...

— Я знаю, что кровопролития не миновать, — резко прервал его Валентайн.— Но я хочу свести его к минимуму. Эти отряды внизу — армия Коронованного, помни это, и помни, кто настоящий Коронованный. Они нам не враги. Враг только Доминин Баржазид. Сражаться мы будем только тогда, когда нас вынудят, Слит.

— Значит, другим путем пойдем? — хмуро спросил Ирманар.

— Да. Пойдем на северо-запад от Велализира, затем обогнем дальнюю сторону озера и отправимся по долине к Пондивейну, если нас там не ждет еще одна армия. У тебя есть карта?

— Только долины и половины пути к Велализиру. Дальше там пустыня, милорд, от карт толку мало.

— Что ж, постараемся обойтись без карт, — сказал Валентайн.

Когда караван вернулся на перекрестки, уводившие от озера, Валентайн подозвал к повозке разбойника герцога Насимонта.

— Мы направляемся к Велализиру и, быть может, нам придется идти прямо через него. Тебе знакомы эти места?

— Я был там однажды, милорд, в молодости.

— Искал встречи с призраками?

— Искал сокровища древних, чтобы украсить свой дом в поместье. Нашел очень мало. Видимо, это место уже давно и основательно было разграблено.

— Значит, ты не боялся бродить по городу призраков?

Насимонт пожал плечами:

— Легенды я слышал. Но я был молод и не боялся.

— Поговори с Ирманаром. Скажи ему, что ты был в Велализире и остался жив. Ты можешь проводить нас туда?

— Это было сорок лет назад, милорд, но я постараюсь.

Рассматривая потёртые, неполные карты Ирманара, Валентайн решил, что единственный путь, который избавит их от опасной близости ожидавшей их армии, — по краю разрушенного

города или прямо через него. Валентайн не жалел о своем решении. Развалины Велализира, как бы они ни пугали малодушных, были, по всем сведениям, на вид довольно безмятежными.

Кроме того, едва ли Доминин Баржазид выставит там отряды на встречу Валентайну.

Обход может оказаться удачным, если фальшивый Коронованный рассчитывает, что Валентайн пойдет по дороге выше Глейга. Если путешествие по пустыне будет не слишком трудным, они, может быть, смогут держаться к северу от реки и воспользоваться преимуществом внезапности, когда в конце концов повернут к Замку на Горе.

Пусть Велализир выпустит духов, если сможет,— думал Валентайн.— Лучше обедать с призраками, чем отправиться под Гребнем Луманцар в зубы молиторам Баржазида.

Дорога от озера шла по невероятно сухой местности. Темная плодородная почва равнины сменилась легким кирпично-красным песком, лишь кое-где здесь росли кривые, колючие растения. Дорога постепенно поднималась к невысоким холмам, отделявшим Рогойз от пустыни Велализирской Равнины.

Ирманар послал разведчиков поискать подходящую дорогу по ту сторону холмов, которая была обращена к озеру, чтобы не приближаться к развалинам, но дороги там не было. Волей-неволей приходилось идти через холмы и спускаться в долину, населенную духами.

Ближе к вечеру они начали спуск. Стали собираться тяжелые тучи, закат простерся по западной части неба громадным кровавым пятном. Перед наступлением темноты тройной луч темно-красного света прорезал тучи и осветил странным сиянием развалины Велализира.

Впереди высились громадные блоки голубого камня. Мощная стена монолитов в два, а в некоторых местах и в три ряда кладки шла больше, чем на милю с западного края города, резко заканчиваясь грудой каменных кубов. Еще видны были контуры широко разбросанных зданий — целый форум дворцовых базилик и храмов, наполовину занесенных песком. На востоке поднимались шесть колоссальных островерхих, с узким основанием, поставленных в один ряд, и остаток седьмой, которая, видимо, была разрушена с яростной энергией, потому что обломки лежали вокруг широкой дугой. Впереди, у входа в город, стояли две широкие каменные платформы высотой восемь или десять футов, вполне подходящие для маневров солидной армии. Вдали Валентайн увидел громадное овальное здание, возможно, арену, с высокими стенами, со множеством окон и грубым рваным проломом в одном конце. Масштабы, расстояния поражали. По сравнению с Велализиром безымянные руины с другой стороны Лабиринта, где обитал герцог Насимонт, казались самыми заурядными.

Дневной свет погас, разрушенный город в темноте казался бесформенными грудами развалин.

Насимонт сказал:

— Милорд, дорога идет между теми двумя платформами,

строениями позади них и вокруг шести пирамид с северо-восточной стороны. В темноте идти трудно, даже при лунном свете.

«Мы и не пойдем в темноте. Разобьем лагерь и будем ждать утра. Я хочу посмотреть развалины, раз уж мы здесь».

Ирманар приглушенно кашлянул. Валентайн посмотрел на маленького офицера, на его унылое лицо.

— Успокойся, — шепнул он.— Я думаю, духи позволят нам побыть здесь сегодня.

— Милорд, мне не до шуток.

— А я не шучу, Ирманар.

— Ты хочешь идти к развалинам один?

— Один? Нет, не думаю. Делиамбер, пойдешь со мной? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? И ты, Насимонт, ты уже бывал здесь и боишься меньше кого-либо из нас, пойдешь?

Главарь бандитов улыбнулся.

— Я в твоем распоряжении, лорд Валентайн.

— Хорошо. А ты, Лизамона?

— Конечно, милорд.

— Вот у нас группа из семи разведчиков. После ужина пойдем.

— Восьми, милорд, — спокойно сказал Ирманар.

— Зачем...

— Милорд, я дал клятву быть рядом с тобой, пока Замок не станет твоим. Раз ты идешь в мертвый город, я иду с тобой. Если опасность вымышленная, бояться нечего, а если реальная— мое место рядом с тобой. Прошу тебя, милорд.

Ирманар, похоже, был совершенно искренен. Лицо его напряглось, но, как подумал Валентайн, больше от опасений, что его не возьмут, чем от страха перед тайнами развалин.

— Прекрасно, — согласился Валентайн.— Отряд из восьми человек.

В этот вечер луна была почти полной, и ее холодный свет безжалостно обнажил тысячелетнюю заброшенность города, не так бросавшуюся в глаза при более мягком фантастическом красном свете заката. На полустертой табличке у входа с трудом можно было прочесть, что Велализир по указу лорда Симинейва Коронованного и Понтифика Калинтейна — королевский исторический заповедник.

Но они правили пять тысяч лет назад, и после них, как видно, с указом не слишком считались. Камни двух громадных платформ растрескались, осыпались, в трещинах между плитами рос мелкий сорняк с клейкими стеблями, с неистощимым упорством раздвигавший громадные блоки. В некоторых местах между блоками укоренился даже кустарник. Еще одно-два столетия — и целый лес кустарника захватит платформы, и громадные квадратные плиты полностью скроются из вида.

— Все это следует расчистить, — сказал Валентайн, — восстановить в таком виде, как до появления зарослей. Разве допустимо подобное пренебрежение?

— Об этом месте никто не заботится, — сказал Ирманар, — никто и пальцем не двинет.

— Из-за духов?

— Из-за метаморфов, — сказал Насимонт.— Эти развалины вдвойне прокляты.

— Почему?

— Разве ты не знаешь легенды, милорд?

— Нет. Расскажи.

— Когда Маджипурой правили метаморфы, Велализир был их столицей. Двадцать или двадцать пять тысяч лет назад это был самый крупный город на планете. В нем было два или три миллиона жителей, и племена со всего Альханроеля платили ему дань. На этих платформах устраивались фестивали, а каждую тысячу лет — особый фестиваль, отмечавшийся постройкой пирамиды, так что городу было, по крайней мере, семь тысяч лет. Но в нем царило зло. Я не знаю, что именно метаморфы считали злом, во всяком случае, оно здесь процветало. Это было средоточие всякой мерзости. Жители провинций испытывали к городу отвращение, потом стали возмущаться и однажды ринулись на город, сравняли с землей храмы и большую часть городских стен, уничтожили места, где творилось зло, а жителей города частью выслали, частью обратили в рабство. Мы знаем, что резни не было, потому что тут было полно зарытых сокровищ — я сам искал их, как тебе известно, — и если бы здесь оставались закопанные скелеты, они были бы обнаружены. Так что этот город был разрушен и покинут задолго до появления на Маджипуре людей и на нем лежит проклятие. Питавшие город реки отвели, и вся равнина превратилась в пустыню. Пятнадцать тысяч лет никто не жил здесь, кроме призраков тех, кто умер при разрушении.

— Рассказывай дальше, — попросил Ирманар.

Насимонт пожал плечами.

— Больше я ничего не знаю, друг.

— О призраках, — сказал Ирманар.

— Знаете ли вы, сколько времени им суждено бродить здесь? До тех пор, пока метаморфы снова не станут править Маджипурой, а мы не сделаемся их рабами. Тогда Велализир снова выстроят на старом месте и он будет больше прежнего, и снова станет столицей Меняющих Форму, и души мертвых наконец будут освобождены от камней, которые держат их здесь.

— Ну им еще долго предстоит гнездиться в камнях, — сказал Слит.— Нас двадцать миллиардов, а метаморфов — горсточка, да и те живут в джунглях. Какая это угроза?

— Они уже ждут восемь тысяч лет, — сказал Ирманар, — с тех пор, как лорд Стиамот сломил их, и будут ждать еще столько же, если понадобится. Но они мечтают о возрожденном Велализире и не откажутся от своей мечты. Я иногда слышал во сне, как они рассуждают о том времени, когда башни Велализира поднимутся вновь, и это пугало меня. Вот почему я не хотел идти сюда. Я чувствую, как следят они за этим местом. В воздухе разлита как бы их ненависть, невидимая, но реальная...

— Значит, этот город для них в одно и то же время святой и проклятый, — сказала Карабелла.— Нам трудно понять, что у них на уме.

Валентайн сошел с тропы. Город пугал и восхищал его. Он

пытался представить себе, каким величественным и пышным был этот город. А что теперь? По камням прыгают ящерицы, сорняки раздвигают плиты огромных церемониальных бульваров.

Двадцать тысяч лет! А на что была похожа Ни-моя двадцать тысяч лет назад или Пидруд, или Пятьдесят Городов на склонах Горного Замка? Будет ли цивилизация, создавшая их, вечной, как говорят, вечна цивилизация старой матери-Земли, или когда-нибудь по развалинам Замка, Лабиринта, Острова Снов будут бродить толпы людей и гадать, что значили эти руины для древних? Мы поработали достаточно хорошо, — думал Валентайн, оглядываясь на тысячелетия устойчивого мира. Но сейчас дает о себе знать разлад, привычный ход вещей нарушился, нельзя предсказать, что может случиться. Разбитые и изгнанные метаморфы, планетой которых завладел другой, более сильный народ, эти метаморфы могут еще сказать свое слово.

Он вдруг остановился. Что там за звук — шаги? И тень мелькнула на камнях.

Валентайн вгляделся в темноту. Он подумал, что это бродит ночное животное в поисках пищи. Ведь у призраков нет тени, да и призраков здесь нет. Их вообще нет. Но все же...

Он осторожно сделал несколько шагов.

Слишком темно среди этих обрушившихся стен.

Он смеялся над Ирманаром, но страхи офицера каким-то образом подействовали и на его воображение. Он думал о суровых таинственных метаморфах, скользящих между развалинами зданий привидениях, почти таких же старых, как само время, форме без тела, образах без первоосновы...

Затем раздались явственные шаги позади.

Валентайн быстро обернулся. За ним бежал Ирманар, только и всего.

— Подожди, милорд!

Валентайн остановился. Пальцы его, как ни странно, дрожали. Он заложил руки за спину.

— Ты не должен ходить один, — сказал Ирманар.— Я знаю, ты легко относишься к придуманным мною опасностям, однако они все-таки возможны. Ради всех нас ты обязан заботиться о своей безопасности, милорд.

Подошли остальные, и все вместе молча двинулись через освещенные луной развалины. Валентайн ничего не сказал о том, что видел и слышал. Конечно, это было какое-то животное. И очень скоро животные появились: вроде маленьких обезьянок, может сродни лесным братьям.

Видимо, они жили среди развалин.

Тут же носились ночные млекопитающие низшего вида — минтаны или дроли. Но, думал Валентайн, разве могли от обезьян или дролей исходить звуки, похожие на шаги?

Когда они поровнялись с развалинами базилики, Слит, шедший чуть дальше, рванулся вдруг назад и сказал Валентайну:

— Я слышал что-то странное вон там, сбоку.

— Привидение, Слит?

— Может быть. Или просто бандит.

— Или обезьянка, — беспечно заметил Валентайн.— Я слышал всякие шорохи.

— Милорд...

— Ты заразился страхами Ирманара?

— Я думаю, мы бродим тут достаточно долго, милорд, — тихо сказал Слит.

Валентайн покачал головой.

— Будем внимательнее к темным углам. Но, я думаю, здесь еще есть на что посмотреть.

— Может нам вернуться обратно, милорд?

— Не бойся, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел. Валентайн вглядывался в темноту. Слит, жонглировавший с завязанными глазами, руководствуясь только звуком, обладал таким острым слухом, что его предостережением ни в коей мере нельзя было пренебречь, но покидать это место чудес только из-за звука странных шагов не хотелось.

Однако двигался он осторожно. Пусть призраков и не существует, но в этом странном городе глупо действовать необдуманно.

Они бродили среди дворцов, рассматривали богато украшенные здания, и вдруг Залзан Кавол, шедший впереди, резко остановился: у самых его ног откуда-то сверху упал камень.

Скандар выругался.

— Эти вонючие обезьяны...

— Думаю, это не обезьяны, — спокойно сказал Делиамбер.— Это кто-то покрупнее.

Ирманар осветил фонариком нависавший край соседнего строения. На мгновение показался, но затем исчез силуэт, подобный человеческому. Лизамона бросилась к дальней стороне здания, за ней, размахивая энергометом, помчался Залзан Кавол. Слит и Карабелла побежали с другой стороны. Валентайн хотел было пуститься за ними, но Ирманар схватил его за локоть и, цепко держа, произнес извиняющимся тоном:

— Я не могу позволить тебе идти на риск, милорд...

— Стой! — послышался вдали бухающий голос Лизамоны.

Затем послышались звуки какой-то возни, кто-то протопал по камням шагом отнюдь не призрака. Валентайну очень хотелось знать, что происходит, но Ирманар был прав: Коронованному Маджипуры не пристало бежать за неизвестным врагом в темном незнакомом месте.

Он услышал ругань, крики и болезненный визг. Почти тут же появилась Лизамона, таща человека с эмблемой горящей звезды Коронованного на плече. Она обхватила его вокруг тела и ноги его болтались дюймах в шести от земли.

— Шпион, — сказала она, — прятался наверху и следил за нами. По-моему, их было двое.

— Где второй? — спросил Валентайн.

— Удрал. Залзан Кавол побежал за ним.

Лизамона бросила своего пленника на землю перед Валентайном и прижала его ногой.

— Пусть встанет, — сказал Валентайн.

Человек встал. Он казался испуганным. Ирманар и Насимонт быстро обыскали его. Оружия не было.

— Кто ты? — спросил Валентайн.— Что ты здесь делал?

Ответа не было.

— Говори. Мы не причиним тебе зла. У тебя на плече горящая звезда. Ты из армии Коронованного?

Неизвестный кивнул.

— Ты послан следить за нами?

Незнакомец опять кивнул.

— Ты знаешь, кто я?

Человек молча уставился на Валентайна.

— Ты умеешь говорить? У тебя есть голос? Скажи что-нибудь, все равно, что.

— Я... Если я...

— Прекрасно. Говорить ты умеешь. Ну, ты знаешь, кто я?

Пленник ответил шепотом:

— Сказали, что ты хочешь украсть трон у Коронованного.

— Нет, — возразил Валентайн, — ты ошибаешься, парень. Вор тот, кто сидит сейчас в Замке.— Я — лорд Валентайн и требую от тебя преданности.

Человек смотрел на него растерянно, непонимающе.

— Сколько вас тут?

— Пожалуйста, господин...

— Сколько?

Наступило угрюмое молчание.

— Давай, я его немного припугну, — предложила Лизамона.

— В этом нет необходимости, — сказал Валентайн.

Он подошел ближе к струсившему человеку и мягко заговорил:

— Ты пока ничего не понимаешь, но со временем тебе все станет ясно. Я истинный Коронованный, ты поклялся служить мне, и теперь я требую ответа. Сколько вас здесь было?

На лице пленника отражались противоречивые чувства. Он медленно и неохотно ответил:

— Только двое, господин.

— Могу я верить этому?

— Клянусь Леди, господин!

— Двое? Ладно. Давно вы следите за нами?

— От Луманцара.

— С каким приказом?

Опять последовало колебание.

— Наблюдать за вашим передвижением и утром сообщить в лагерь.

Ирманар нахмурился.

— Это значит, что второй тип уже на полпути к озеру.

— Ты думаешь? — раздался хриплый голос Залзана Кавола.

Скандар шагнул к ним и бросил к ногам Валентайна тело второго человека со звездной эмблемой. Энергомет Залзана Кавола прожег в нем сквозную дыру.

— Я бежал за ним с полмили, милорд. Проворный, дьявол! Он

легко перепрыгивал через камни и начал от меня отрываться. Я приказал ему остановиться, но он продолжал бежать. И пришлось...

— Закопай его где-нибудь, — резко приказал Валентайн.

— Милорд, я плохо сделал, что убил его?

— У тебя не было выбора, — сказал Валентайн уже более мягким тоном.— Я хотел, чтобы ты поймал его, но ты не мог, так что выбора не было. Все в порядке, Залзан.

Валентайн отвернулся. Убийство потрясло его, но предотвратить его он не мог. Этот человек умер только потому, что был предан Коронованному— или тому, кого он считал Коронованным.

Гражданская война получила свою первую жертву. Кровопролитие началось здесь, в городе мертвых.

Теперь уже никто не думал продолжать осмотр. Все вернулись в лагерь, взяв с собой пленника. Утром Валентайн отдал приказ идти через Велализир и повернуть на северо-восток.

Днем развалины не казались такими мистическими, но все равно производили впечатление. Трудно было понять, каким образом немощный и не прибегавший к механике народ мог сдвигать эти гигантские плиты, но, возможно, тысячу лет назад метаморфы не пренебрегали механизмами.

Изменяющие форму лесов Пьюрифайна обитатели тростниковых хижин и грязных улиц были жалкими остатками расы, некогда правившей Маджипурой.

Валентайн обещал, когда покончит с Доминином Баржазидом, вернуться сюда и подробно обследовать древнюю столицу, очистить и реконструировать ее. Если удастся, он пригласит метаморфских вождей принять участие в этой работе, хотя не уверен, что они пожелают сотрудничать. Но что-то нужно было сделать для общения двух рас планет.

— Если я снова буду Коронованным,— сказал он Карабелле, когда они миновали пирамиды и выезжали из Велализира, — то...

— Когда ты снова будешь Коронованным,— поправила его Карабелла.

Валентайн улыбнулся.

— Да, когда я снова буду Коронованным, я попробую изучить все, что касается метаморфов и ввести их снова в плавный поток жизни Маджипуры, если это возможно, даже дать им место в правительстве.

— Если они захотят.

— Я имею в виду — победить эту их злобу. Это будет смыслом моего правления. Все наше общество, наше удивительное гармоничное и сердечное королевство было создано хищениями и несправедливостью, и мы усвоили привычку не замечать этого.

Слит искоса взглянул на него.

— Меняющие Форму не использовали планету полностью. Их было двадцать миллионов на все это огромное пространство, когда наши предки пришли сюда.

— Но эта планета принадлежала метаморфам! — вскричала Карабелла.— По какому праву...

— Полегче, — сказал Валентайн.— Не стоит спорить о первых поселенцах. Что сделано, то сделано, прошлого не вернешь, но в нашей власти изменить это.

Делиамбер тихо, но так, что привлек внимание слушателей, сказал:

— Возможно, все теперешние неурядицы в королевстве — начало возмездия за подавление метаморфов.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно спросил Валентайн.

— Только то, что мы прошли долгий путь по Маджипуре, ничем не искупив первородный грех завоевателей. Как тебе известно, долги приумножаются. Теперь эта узурпация, зло, творящееся новым Коронованным, предстоящая война, смерть, разрушение, хаос... Может быть, прошлое начинает наконец сводить с нами счеты.

— Валентайн не имеет отношения к подавлению метаморфов, — возразила Карабелла.— Почему он должен страдать один? Почему именно его лишили трона, а не какого-то своевольного Коронованного прошлого?

Делиамбер пожал плечами.

— В таких делах не ищи справедливости. Почему ты думаешь, что наказан бывает только виновный?

— Божество...

— А почему ты считаешь Божество справедливым? Оно имеет дело с вечностью, когда все ошибки выправляются, каждый минус уравнивается плюсом, колонки подсчитываются, итог оказывается правильным. Все это в течение долгого времени. Наш же век короток, и тут многое часто бывает несправедливым. Компенсирующие силы вселенной все приводят в порядок, но крушат при этом как зло, так и добро.

— Более того, — сказал вдруг Валентайн, — может быть я избран орудием этих компенсирующих сил, должен был познать страдания, чтобы обрести мудрость.

— Как тебя понять?

— Если бы со мной ничего не случилось, я, вероятно, правил бы из Замка на Горе, как все до меня, довольный собой, принимающий вещи, какими есть, поскольку не видел бы в них ничего плохого. Но все эти приключения дали мне возможность увидеть мир, который я никогда бы не узнал, укрываясь в Замке. Может быть, теперь я готов по-другому сыграть предназначенную мне роль...

Он помолчал.

— Все эти разговоры ни к чему. Первое, что нам надо сделать, это вернуть себе Замок, а потом говорить о природе компенсирующих сил Вселенной и о тактике Божества.

Он оглянулся на разрушенный Велализир, проклятый город древних на заброшенной пустынной равнине, хаотичный, великолепный. Затем отвернулся и молча стал смотреть на менявшийся пейзаж впереди.

Дорога резко повернула к северо-западу, шла вверх по гряде холмов и спускалась в плодородную равнину Глейга у самого северного края озера Рогойз.

Сейчас они были в сотнях миль от лагеря армии Коронованного.

Ирманар, встревоженный присутствием в Велализире двух шпионов, послал разведчиков проверить, не двинулась ли армия на север им наперерез. Валентайн счел это разумным, но решил позаботиться и о собственной разведке.

— Сделай так, чтобы я знал, где ожидает нас вражеская армия, — сказал он Делиамберу.— Можешь?

Яркие золотые глаза уруна весело блеснули.

— Могу ли? Может ли птица летать? Морской дракон может плавать?

— Тогда, сделай.

Делиамбер отошел, зашептал что-то и замахал щупальцами, свивая и переплетая их самыми замысловатыми узорами. Валентайн подозревал, что колдовство Делиамбера в большей мере рассчитано на зрителй, что настоящая передача не зависит от размахивания щупальцами и произнесения формул, а только от импульса проницательного и чувствительного разума колдуна. Но все правильно. Пусть себе урун разыгрывает свой маленький спектакль. Без некоторой дозы работы напоказ невозможна успешная деятельность не только колдунов и жонглеров, но и Коронованного, Понтифика, Леди, Короля Снов, толкователиниц снов, учителей священных таинств, может быть, даже таможенников провинциальных границ и продавцов сосисок на улице. Тот, кто занимается делом, не может быть чрезмерно прям и резок, должен прикрывать его магией, театральностью.

Делиамбер сказал:

— Отряды Коронованного, похоже, остались там, где стояли лагерем.

— Вот и хорошо. Пусть поторчат там подольше, в ожидании, когда мы вернемся с нашей экскурсии по Велализиру. Ты можешь распознать другие армии к северу отсюда?

— На большом расстоянии не могу. Чувствую присутствие рыцарских сил на Горном Замке, но они всегда там. Определяю небольшие отряды там и тут в Пятидесяти Городах, тоже ничего особенного. У Коронованного времени достаточно. Он сидит себе в Замке и ждет, когда ты подойдешь, а затем объявит великую мобилизацию. Что ты будешь делать, Валентайн, когда миллионы воинов спустятся к тебе с Замка на Горе?

— Полагаешь, я не задумывался над этим?

— Знаю, что ты думал, но мало. Следует крепко подумать — наши сотни против их миллионов.

— Миллион — неудачная мера для армии, — сказал Валентайн, рассмеявшись.— Жонглировать дубинками намного легче, чем стволами двикка-деревьев. Тебя пугает то, что ждет нас впереди, Делиамбер?

— Нисколько.

— И меня тоже.

Конечно, это была бравада. Валентайн сам понимал это. Боялся ли он? В полном смысле этого слова — нет. Смерть все равно придет, рано или поздно, бояться ее глупо.

Валентайн знал, что не очень боится смерти, потому что сталкивался с ней в лесу у Авандрейна, в быстринах Стейча,

в брюхе морского дракона, в драке с Фарселом на Острове, и ни разу не испытал того, что можно назвать страхом.

Если армия, ждущая его на Горе Замка, раздавит его малые силы и зарубит его самого — это, конечно, печально, как печально было бы разбиться на порогах Стейча, но не эта перспектива ужасала его.

Страх за собственную жизнь был куда менее значителен, чем страх за судьбу Маджипуры. Если он, Валентайн, погибнет из-за неуверенности, глупости или просто неравенства сил, Замок останется в руках Баржазида и ход истории навеки нарушится, пострадают миллиарды невинных. Предупредить это — великая ответственность. И Валентайн чувствовал ее бремя. Если он героически погибнет, пытаясь подняться на Гору Замка, его испытаниям придет конец, но это станет началом агонии Маджипуры.

Теперь они проезжали через мирные сельские округа громадного сельскохозяйственного пояса Горного Замка, снабжавшего продуктами Пятьдесят Городов. Валентайн все время выбирал главные дороги. Он перестал таиться, караван бросался в глаза, скрыть его едва ли было возможно, да и наступило время, когда мир должен был узнать, что борьба за возвращение Замка лорда Валентайна вот-вот начнется.

Мир уже начал узнавать об этом. Разведчики Ирманара, вернувшиеся из города Пендивейна, сообщили о первых контрмерах узурпатора.

— До Пендивейна армий нет, — доложил Ирманар, — но в городе объявлено, что ты мятежник, разрушитель, враг общества. Заявления Понтифика в твою поддержку, кажется, еще не обнародованы. Горожан Пендивейна понуждают объединяться в отряды, чтобы защищать подлинного Коронованного и истинный порядок от твоих посягательств. И широко распространились послания.

— Какие?

Валентайн нахмурился.

— От Короля. Ты, видимо, слабо поддаешься ему по ночам, но Король присутствует в твоих снах и грозит тебе страшными последствиями, если Коронованный будет свергнут.

— Естественно, — пробормотал Валентайн.— Чудовищная энергия Короля работает на сына. Из Сувраеля, наверно, день и ночь шлют послания, но мы повернем это против него, а, Делиамбер? Король Снов говорит народу о том, как ужасно скинуть Коронованного. Прекрасно. Я хочу убедить народ именно в этом. Хочу довести до его сознания, что ужасное на Маджипуре уже свершилось и что народ должен исправить случившееся.

— И что Король Снов — заинтересованная сторона в этой войне, — сказал Делиамбер.— Мы должны сказать народу, что Королю на руку действия сына.

— Мы это сделаем, — горячо сказала Лоривейд.— С Острова идут сильные послания Леди. Они противодействуют ядовитым снам Короля. В прошлую ночь Леди пришла ко мне во сне и показала, какое послание пошлет. Это видение наркотизации

в Тил-омоне, подмена Коронованного. Она покажет народу твое новое лицо, лорд Валентайн, и окружит его сиянием Коронованного, горящей звезды власти. И даст портрет фальшивого Коронованного, подлого и темного предателя.

— Когда это произойдет? — спросил Валентайн.

— Она ждет твоего одобрения.

— Тогда открой сегодня Леди свой мозг и скажи, что надо начинать.

Кон из Кианимонта сказал:

— Мне так странно все это! Война снов! Если бы я когда-нибудь усомнился, что я в чужом мире, эта стратегия убедила бы меня.

Валентайн с улыбкой ответил:

— Лучше сражаться снами, чем мечами и энергометами, дружище. Мы стараемся победить убеждением, а не убийством.

— Война снов, — растерянно повторил Кон.— У нас на Кианимонте все по-другому. Но кто скажет, что лучше? Правда, я думаю, что здесь будут не только послания, но и сражения, прежде чем все пойдет на лад, лорд Валентайн.

Валентайн печально посмотрел на синекожего.

— Боюсь, что ты прав.

Через пять дней они подошли к предместьям Пендивейна. Известие о их приближении разнеслось по всей округе. Фермеры прекратили работу и глазели на караван плавучих экипажей, а в наиболее населенных местах на шоссе стояли толпы.

Валентайн решил, что это хорошо.

Ни одна рука не поднялась против них.

Толпа смотрела с любопытством, не проявляла враждебности. Большего он не мог пожелать.

Но когда они были в дне пути от Пендивейна, передовой отряд вернулся с известием, что к западным воротам города идет вооруженный отряд.

— Солдаты? — спросил Валентайн.

— Гражданское ополчение, — ответил Ирманар, — наскоро организованное, судя по виду. У них нет униформы, только повязки с эмблемой горящей звезды на рукавах.

— Великолепно. Горящая звезда посвящена мне. Я пойду к ним и попрошу их быть лояльными.

— Что ты наденешь, милорд? — спросил Виноркис.

Валентайн растерянно указал на простую одежду, в которой приехал с Острова, — белую тунику и блузу.

Хьерт покачал головой.

— Ты должен быть одет богато, и нужна корона. Я думаю, это очень важно.

— Я не хотел бы появляться слишком подчеркнуто. Если они увидят человека в короне, но не с тем лицом лорда Валентайна, которое они знают, их первой мыслью будет, что я узурпатор.

— Я полагаю иначе, — возразил Виноркис.— Ты идешь к ним и говоришь, что ты истинный король. Однако ты не похож на короля. Простая одежда и легкие манеры хороши в спокойной дружеской беседе, но не перед собравшейся военной силой. Твоя одежда должна производить большее впечатление.

— А я как раз надеялся действовать просто и искренне, как действовал всегда, начиная с Пидруда.

— Простота и искренность — пожалуйста, но нужна еще и корона, — сказал Виноркис.

— Карабелла, Делиамбер, как вы считаете?

— Небольшая подчеркнутость не повредит, — сказал урун.

— Это будет твое первое выступление с требованием Замка, — заметила Карабелла, — и будет кстати царственная пышность.

Валентайн засмеялся.

— Боюсь, что за время странствий я отвык от таких костюмов. Мысль о короне мне теперь кажется смешной. Напяленная на голову изогнутая металлическая пластинка, немного драгоценностей...

Он остановился, видя, как они поразились.

— Корона, — продолжал он не так беспечно, — атрибут только внешний, безделушка, украшение. На детей такие игрушки производят впечатление, но взрослые люди...

Он снова умолк.

— Милорд, — сказал Делиамбер, — помнишь ли ты, что почувствовал, когда в Замке тебе впервые надели корону?

— Признаюсь, у меня дрожь прошла по телу.

— Да. Пусть корона — детское украшение, глупая безделушка, но она также — символ власти, она выделяет Коронованного из прочих, превращает просто Валентайна в наследника лорда Престимиона, лорда Конфалума, лорда Стиамота. Мы живем этими символами. Милорд, твоя мать Леди многое вернула тебе, но в тебе еще очень много от Валентайна-жонглера, это вообще неплохо. Но сейчас, я полагаю, нужно больше экспрессивности и меньше простоты.

Валентайн молча слушал Делиамбера, думая, что иногда нужно позволить себе некоторую театральность, чтобы добиться желаемого эффекта. Да, они правы, а он ошибался.

— Хорошо. Я надену корону, если ее успеют изготовить.

Один из людей Ирманара быстро сделал для него корону из кусочков испорченного механизма плавучей повозки — единственного запасного металла, который был под рукой. Рассматривая эту поспешную импровизацию, Валентайн подумал, что это работа мастера: места соединений были почти неразличимы, лучи горящей звезды располагались на равном расстоянии друг от друга, внутренние орбиты были гладко закольцованы. Конечно, ее нельзя было сравнить с подлинной короной из семи различных драгоценных металлов с инкрустацией, с отшлифованными редкими камнями, с тремя сверкавшими камнями диниаба на лобной части.

Но та корона, сделанная во время великого царствования лорда Конфалума, вызывавшая восторг больше всех других атрибутов имперской пышности, была сейчас далеко, а эта, заняв свое место на его голове, вероятно, магически окутается соответствующим величием. Валентайн долго держал ее в руках. Лишь недавно он смеялся над такими вещами, однако сегодня он испытывал перед этой короной некоторое благоговение.

— Милорд, — мягко сказал Делиамбер, — ополчение Пендивейна ждет.

Валентайн кивнул. Он оделся во взятый взаймы пышный наряд: зеленую пару, принадлежавшую одному из товарищей Ирманара, желтый плащ Эйзенхарта, тяжелую золотую цепь иерарха Лоривейд, высокие блестящие сапоги, отделанные белым мехом, позаимствованные у Насимонта.

Он не носил такой одежды с последнего банкета в Тил-омоне, и ему казалось странным быть одетым столь претенциозно. Не хватало только короны.

Он хотел было надеть ее, но резко остановился. Нравилось ему это или нет, но это был исторический момент: он надевает горящую звезду впервые в этом своем втором воплощении. И вдруг это событие показалось ему не столько маскарадом, сколько коронацией. Он беспокойно огляделся.

— Я не должен сам надевать ее, — резко сказал он.— Делиамбер, ты мой первый министр. Сделай это.

— Милорд, я недостаточно высокого роста.

— Я встану на колени.

— Так не́ годится, — резко возразил урун.

Он явно не хотел этого делать.

Валентайн взглянул на Карабеллу, но она отступила, шепча с ужасом:

— Я же из простонародья, милорд!

— Причем тут...

Валентайн тряхнул головой. Это начало ему надоедать. Он посмотрел на иерарха Лоривейд, величавую женщину с холодными глазами.

— Ты представительница Леди, моей матери, и ты высокого роста. Могу я просить тебя...

Но Лоривейд строго ответила:

— Милорд, корона дается Коронованному властью Понтифика. Самое подходящее, чтобы ее надел на тебя Ирманар, поскольку он среди нас самый высокий служащий Понтифика.

Валентайн вздохнул и повернулся к Ирманару.

— Полагаю, что это правильно. Ты сделаешь это?

— Это великая честь для меня, милорд.

Валентайн протянул корону Ирманару и опустил обруч Леди как можно ниже. Ирманар, человек невысокого роста, взял корону чуть дрожащими руками, приподнял и с величайшей осторожностью надел на голову Валентайна.

Корона была как раз впору.

— Ну, — сказал Валентайн — я...

— Лорд Валентайн! Виват, лорд Валентайн! Да здравствует лорд Валентайн!

Все пали перед ним на колени, и со знаком горящей звезды выкрикивали его имя, даже инопланетянин Кон.

Смущенный этим Валентайн делал протестующие жесты, он хотел сказать, что церемония не настоящая, что это все только для того, чтобы произвести впечатление на горожан Пендивейна, и слова не шли, потому что он знал, что они неискренние, что

импровизированное действо было фактически его второй коронацией. Он был удивлен и взволнован настолько, что почувствовал холод в спине.

Он стоял, простирая руки и принимая знаки почтения. Затем сказал:

— Встаньте. Пойдем. Пендивейн ждет нас.

Разведчики доложили, что ополчение и городские власти уже несколько дней стоят лагерем перед западными воротами Пендивейна, ожидая его прибытия. Но кто знает, каково настроение народа после столь долгого ожидания и какой прием собираются оказать Валентайну.

До Пендивейна оставался всего час езды. Промчались через леса и луга, а затем через жилые округа с маленькими каменными домами с островерхими крышами из красной черепицы. Дальше был сам город, столица провинции с населением в двенадцать миллионов. В основном он был торгово-промышленным складом, но через него шла в Пятьдесят Городов сельскохозяйственная продукция низин долины Глейта.

У ворот ждали по меньшей мере десять тысяч ополченцев. Они заполонили дорогу, проулки рыночной площади у внешней стены Пендивейна.

Они были вооружены энергометами, правда, в небольшом количестве, и оружием попроще. Передний край стоял напряженно, стараясь держаться по-солдатски, что для них было явно непривычным.

Валентайн приказал каравану остановиться в нескольких сотнях ярдов от передней линии, чтобы оставалось пространство буферной зоны.

Он вышел вперед. Справа от него шла иерарх Лоривейд в сверкавшем облачении высших служащих Леди, а слева — Ирманар с яркой эмблемой Понтифика на груди. За Валентайном следовали Залзан Кавол и его грозные братья, позади их — Лизамона Халтин в полной боевой форме со Слитом и Карабеллой по бокам, Отифон Делиамбер сидел на плече великанши.

Медленно, легко, безо всякой скованности ступил Валентайн величественным шагом в открытое пространство. Горожане Пендивейна зашевелились, смущенно переглядываясь, переминаясь с ноги на ногу. Настала страшная тишина.

Валентайн остановился в двадцати ярдах от передовой линии и сказал:

— Добрый народ Пендивейна, я законный Коронованный Маджипуры и прошу твоей помощи в возвращении мне того, что было даровано волею Божества и указом Понтифика Тивераса.

Тысячи широко раскрытых глаз неотрывно смотрели на него. Он чувствовал себя совершенно спокойно.

— Я прошу выйти вперед герцога Хельмсторга и Редварда Хелигорна, мэра Пендивейна.

В толпе произошло движение, затем она расступилась, и вышел дюлный мужчина в синем с оранжевой отделкой мундире. Лицо его казалось серым — от страха или напряжения. Черная перевязь мэра пересекала его широкую грудь. Он сделал несколько

неуверенных шагов к Валентайну, подавая яростные сигналы за спиной, чтобы стоящие перед ним не видели этого жеста. Через минуту пять или шесть муниципальных чиновников смущенно и неохотно встали позади мэра.

Толстяк сказал:

— Я Редвард Хелигорн. Герцога Хельмсторга вызвали в Замок лорда Валентайна.

— Мы уже встречались, мэр Хелигорн, — приветливо ответил Валентайн.— Не помнишь? Это было несколько лет назад, когда Коронованным был мой брат лорд Вориакс, а я ехал в Лабиринт с поручением к Понтифику. Я остановился в Пендивейне, ты дал банкет в большом дворце на берегу реки. Помнишь, мэр Хелигорн? Было лето, засушливый год, река сильно обмелела, не то что нынче.

Хелигорн облизал губы и хрипло сказал:

— Да, тот, кто стал лордом Валентайном, был здесь в сухой год, но он был черноволосым и бородатым.

— Правильно. Совершено страшное колдовство, мэр Хелигорн. Теперь в Горном Замке сидит предатель, а я изменен и выкинут. Но я лорд Валентайн и властью горящей звезды, которую ты носишь на рукаве, требую, чтобы ты принял меня как Коронованного.

Хелигорн совсем растерялся. Ему явно бы хотелось очутиться сейчас в любом другом месте или жарких пустынях Суврaеля.

Валентайн продолжал:

— Рядом со мной иерарх Лоривейд с Острова Снов, ближайшая наперсница моей матери, твоей Леди. Как ты думаешь, станет она обманывать тебя?

Иерарх сказала ледяным тоном:

— Это истинный Коронованный, и Леди проявит высшую любовь к тем, кто поддержит его.

— А вот Ирманар, высший слуга Понтифика Тивераса, — продолжил Валентайн.

— Вы все слышали, — сказал Ирманар, — указ Понтифика, что этого белокурого человека следует приветствовать как лорда Валентайна Коронованного. Кто из вас выступит против указа Понтифика?

На лице Хелигорна застыл ужас. Вероятно Валентайну еще труднее было бы иметь дело с герцогом Хельмсторгом, поскольку тот был высокого происхождения и отличался надменностью, его вряд ли мог смутить человек в самодельной короне и с небольшим отрядом странных спутников, но Редварду Хелигорну, простому выборному чиновнику, это дело могло показаться гораздо труднее. Он невнятно сказал:

— Был приказ из Замка лорда Валентайна, чтобы тебя схватить, связать и представить суду.

— В последнее время из Замка лорда Валентайна поступало немало неразумных, несправедливых приказов, не так ли, мэр Хелигорн? — продолжил Валентайн.— Это приказы узурпатора, они ничего не стоят. Ты слышал голоса Леди и Понтифика. Ты получал послания, требующие от тебя покорности мне.

— Были и другие послания, — прошептал Хелигорн.

— Да, от Короля Снов!

Валентайн засмеялся.

— А кто узурпатор? Кто украл трон Коронованного? Доминин Баржазид, сын Короля Снов! Теперь тебе понятны послания из Суврaеля? Ты понимаешь теперь, что произошло в Маджипуре?

Валентайн впал в транс и направил на беспомощного Хелигорна всю силу своего духа. Это было полное послание наяву от Коронованного.

Хелигорн зашатался. Лицо его пошло красными пятнами. Он отступил и ухватился за своих товарищей, чтобы удержаться на ногах, но те тоже получили волну от Валентайна и едва устояли.

— Окажите мне поддержку, друзья, — сказал Валентайн.— Откройте мне ваш город. Отсюда я пойду на завоевание Замка, и велика будет слава Пендивейна, первого города Маджипуры, восставшего против узурпатора!

Так пал Пендивейн без единого выстрела.

Редвард Хелигорн преклонил колени пред Валентайном и сложил знак горящей звезды, затем то же сделали его два заместителя. Внезапно тысячи людей стали оказывать ему знаки почтения и кричать, сначала неуверенно, а потом все громче:

— Валентайн! Лорд Валентайн! Да здравствует лорд Валентайн Коронованный!

Ворота Пендивейна открылись.

— Все так просто, — шепнул Валентайн Карабелле.— Может быть мы так дойдем до Замка на Горе? Испугать одного-двух жирных мэров и получить обратно трон без всякого протеста.

— Вряд ли, — ответила она.— Наверху тебя ждет Баржазид с телохранителями, и его не запугаешь словами и драматическими эффектами. Сражения неизбежны, Валентайн!

— Пусть бы было только одно!

Она слегка коснулась его руки.

— Ради тебя хочу надеяться, что будет только одно, и небольшое!

— Не ради меня, а ради всего мира. Я не хочу, чтобы мой народ гибнул, исправляя содеянное Доминином Баржазидом.

— Не думала, что короли могут быть такими мягкосердечными, милый. Ты опечален?

— Я боюсь грядущего.

— Грядущее — это непременно борьба, победа и восстановление порядка. Если ты хочешь быть настоящим Коронованным, помаши рукой своему народу, улыбнись и убери с лица трагическую маску.

Валентайн кивнул.

— Да, ты права.

Он взял ее за руку и быстро и нежно провел по ней губами. Повернувшись к толпе, выкрикивающей его имя, он поднял руки и принял приветствия.

Было до странности знакомо въезжать в большой город, где собрались приветствовавшие его толпы.

Он как бы вспоминал сон — начало своей великой церемониальной поездки, как плыл он по реке в Алейсор на западном

берегу, потом на Остров — преклонить колени перед матерью во Внутреннем Храме, потом большое морское путешествие в Зимроель. Народ приветствовал его в Пилиплоке, Велатисе, Нарабале. Парады, банкеты, шум, пышность. Затем Тил-омон, где его тоже встречали приветственными криками. Он вспомнил, как был удивлен, что Доминин Баржазид, сын Короля Снов, приехал из Суврaеля в Тил-омон, чтобы приветствовать его и дать пир в его честь. Баржазиды обычно оставались в своем прокаленном солнцем королевстве, сторонились людей и заботились только о своих сонных машинах, посылая послания поучающие, приказывающие или карающие. Банкет в Тил-омоне, бокал вина из рук Баржазида и... город Пидруд, фальшивые воспоминания о детстве где-то на востоке Зимроеля. И вот, теперь, столько времени спустя, на улицах большого города вновь выкрикивают его имя.

Очутившись в королевских апартаментах мэрии, Валентайн вызвал к себе Хелигорна, все еще ошеломленного и растерянного, и сказал:

— Мне нужна флотилия речных судов, чтобы двигаться к истокам Глейга. Расходы будут оплачены из имперской казны после моего восстановления.

— Слушаюсь, милорд.

— Сколько отрядов ты можешь мне дать?

— Каких отрядов?

— Ополчения, воинов, оруженосцев.

— Мы в Пендивейне не знаем военного искусства, милорд.

Валентайн улыбнулся.

— Никто на Маджипуре не знает военного искусства, благодарение Божеству. Однако, несмотря на наше миролюбие, мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает всем нам. Разве ты не чувствовал бремени новых непонятных налогов и непривычных указов в минувшем году?

— Конечно, но...

— Что? — резко спросил Валентайн.

— Мы думали, что новый Коронованный хочет показать свою власть.

— И вы спокойно позволяете давить на вас тому, кто должен служить вам?

— Милорд...

— Ладно. Ты будешь щедро вознагражден, когда я приведу все в порядок. Ты это понимаешь? Дай мне армию, мэр Хелигорн, и храбрость народа Пендивейна будет воспеваться в балладах тысячи лет.

— Я отвечаю за жизнь моего народа, милорд...

— Я отвечаю за жизнь еще двадцати миллиардов людей. Но без армии я незащищен. С армией я выступлю как король: имперские силы идут рассчитаться с врагом. Понимаешь, Хелигорн? Собери народ, скажи, что должно быть сделано, и вызывай добровольцев.

— Слушаюсь, милорд, — ответил мэр трепеща.

— И смотри, чтобы добровольцы были в самом деле добровольцами!

— Будет сделано, милорд, — пробормотал Хелигорн.

Армия собралась быстрее, чем ожидал Валентайн. Подбор, экипировка, провиант — все решалось быстро. Хелигорн действительно старался — может быть мечтал, чтоб Валентайн поскорее уехал в другой район.

Народное ополчение, ранее собравшееся защищать Пендивейн от вторжения претендента, теперь составило ядро поспешно созданной преданной армии — тысяч двадцать мужчин и женщин. Город с тринадцатью миллионами жителей мог бы дать и больше, но Валентайн не хотел опустошать Пендивейн. Он не забыл своего правила, что легче жонглировать дубинками, нежели стволами двикка. Двадцать тысяч — вполне приличная военная сила, и он уже давно разработал стратегию постепенного накопления поддержки. Даже колоссальный Зимр, как рассуждал Валентайн, начинается с простых ручейков где-то в северных горах.

Все речные суда на пятьдесят миль в окружности были призваны для транспортировки армии. Громадная флотилия двинулась к северу под зелеными с золотом флагами Коронованного.

Валентайн стоял на носу флагманского корабля. Рядом с ним были Карабелла, Делиамбер, адмирал Эйзенхарт. Омытый дождем воздух был чист и приятен, добрый свежий воздух Альханроеля дул с Горы Замка и создавал у Валентайна ощущение, что он наконец-то плывет домой.

Суда восточного Альханроеля были более обтекаемой формы, менее вычурны, чем те, которые Валентайн видел на Зимре. Большие, простые корабли, высокие и узкие, с мощными машинами, тянувшими суда против сильного течения Глейга.

— Быстрое течение, — заметил Валентайн.

— Так и должно быть, — ответил Эйзенхарт.

Он указал на какую-то невидимую точку далеко на севере и высоко в небе.

— Глейг начинается на нижних склонах Горы. На протяжении нескольких тысяч миль в него впадает десять рек, и вся масса воды противостоит нам, когда мы поднимаемся к истокам.

Моряк хьерт улыбнулся.

— Когда подумаешь о встрече с такой силой, плавание в океане покажется детской игрой. Я никогда не любил рек: узкие, быстрые... Нет, я предпочитаю открытое море, драконов и все такое — вот когда я счастлив.

Но Глейг, хоть и быстрый, был приручен. Когда-то из-за порогов и водопадов сотни миль его не были пригодны для навигации. Четырнадцать тысяч лет человеческого присутствия на Маджипуре все изменили. Дамбы, шлюзы, отводные каналы заставили Глейг, как и все шесть рек, спускающихся с Горы, почти на всем пути служить человеку.

Только внизу, где ровная долина позволяла реке разливаться, случались некоторые затруднения, да и то только в период больших дождей.

Провинции вдоль Глейга тоже были спокойными: зеленые фермерские поля, сменяющиеся большими городскими центрами.

Валентайн вглядывался вдаль, щуря глаза от яркого утреннего

света, и искал серую громаду Горного Замка, но на расстоянии двух тысяч миль не видна была даже Гора, как она ни была огромна.

Первым большим городом вверх по реке после Пендивейна был Макропрозопос, славившийся своими ткачами и художниками.

Когда корабли подошли ближе, Валентайн увидел, что порт украшен огромными эмблемами Коронованного, видимо, поспешно вытканными.

— Что означают эти флаги? — задумчиво спросил Слит.— Откровенную преданность темному Коронованному или капитуляцию перед тобой?

— Конечно, это уважение к тебе, милорд, — сказала Карабелла.— Они знают, что ты идешь вверх по реке, вот и повесили флаги, чтобы приветствовать тебя.

Валентайн покачал головой.

— Я думаю, этот народ просто осторожничает. Если мои дела пойдут плохо, всегда можно сказать, что эти флаги — знак преданности темному Коронованному. Если же тот падет, город скажет, что признал меня вслед за Пендивейном. Я думаю, мы не позволим им такой двусмысленности. Эйзенхарт!

— Да, милорд?

— Веди нас в гавань Макропрозопоса.

Валентайн отнесся к этому, как к игре. Особой надобности причаливать не было, и он меньше всего хотел сражаться с ненужным городом так далеко от Горы, но важно было испытать свою стратегию.

Проверка удалась почти сразу. Он был еще далеко от берега, когда услышал крики:

— Да здравствует лорд Валентайн! Да здравствует Коронованный!

Мэр города выбежал на пирс с приветствием и с дарами — тюками прекрасных тканей, изготовленных в его городе. Мэр считал стрельбу и сражения ненужными и охотно отдал восемь тысяч своих горожан для армии восстановления.

— В чем тут дело? — спросила Карабелла.— Может они признают Коронованным любого, кто достаточно громко потребует трон и помашет несколькими энергометами?

Валентайн пожал плечами.

— Это миролюбивый народ, спокойный, привыкший жить хорошо и богато. Он тысячелетиями процветал и хочет жить так дальше. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда ему, вот он и сдался сразу же, как только мы вошли в гавань.

— Все так, — сказал Слит, — а если через неделю сюда приедет Баржазид, они столь же охотно будут кланяться и ему?

— Вероятно. Но я пользуюсь моментом. Поскольку эти города стали на мою сторону, другие побоятся отказать мне в преданности. Немножко паники не помешает, верно?

Слит нахмурился.

— То, что ты сейчас делаешь, может сделать любой, и это мне не нравится. Что, если через год появится рыжий лорд Валентайн и скажет, что он настоящий Коронованный? Что, если какой-нибудь лимен потребует, чтобы все вставали перед ним на колени, и своих соперников назовет колдунами? Этот мир сойдет с ума.

— Помазанный Коронованный только один, — спокойно ответил Валентайн, — и народ этих городов, независимо от мотивов, поклоняется воле Божества. Когда я вернусь в Горный Замок, не будет больше ни узурпаторов, ни претендентов. Это я обещаю.

Однако про себя он согласился с тем, что сказал Слит. На какой хрупкой связи, думал он, держится наше правительство! Только одна добрая воля поддерживает ее. Доминин Баржазид показал, что измена может погубить добрую волю, а запугивание тоже можно считать изменой. Но когда закончится этот конфликт, станет ли Маджипура прежней?

После Макропрозопоса были другие города, и все они не замедлили признавать власть светловолосого лорда Валентайна.

На это и надеялся лорд Валентайн. Эти речные жители не испытывали тяги к войне, и ни один из этих городов не подумал вступить в сражение ради того, чтобы выяснить, кто из соперников истинный Коронованный. Раз Пендивейн и Макропрозопос покорились, остальные быстро присоединились к ним. Но Валентайн понимал, что эти города с той же готовностью признают темного Коронованного, если удача придет к нему.

Законность, помазание, воля Божества — все это в реальном мире значит куда меньше, чем предполагают в Горном Замке.

Но все-таки лучше хотя бы номинальная поддержка приречных городов. С каждого он взял рекрутов — немного, по тысяче с города, однако армия его быстро росла и он опасался, как бы она не оказалась слишком неповоротливой. Хотел бы он знать, что думает Доминин Баржазид о событиях вдоль Глейга. Может он трусит, полагая, что все двадцать миллиардов жителей Маджипуры выступили против него? Или он просто тянет время, выстраивая защиту, и готов ввергнуть всю планету в хаос, лишь бы не сдать Замок?

Путешествие по реке продолжалось.

Они приближались к громадному плато, и в иные дни Глейг, казалось, поднимался перед ними вертикальной стеной воды.

Все здесь было знакомо Валентайну, потому что в юности он часто бывал в верховьях всех Шести Рек, охотился или рыбачил с Вориаксом или Илидатом, а то просто убегал с уроков. Его память восстановилась почти полностью, процесс излечения продолжался, и вид хорошо знакомых мест высвечивал из темноты образы прошлого, которые пытался стереть Доминин Баржазид... В городе Джерико, здесь, в верховьях Глейга, Валентайн, однажды всю ночь играя со старым уруном в кости, проиграл кошелек, меч, верховое животное, свое благородное звание и все земли, кроме одного клочка болота, а затем все отыграл. Правда, он всегда подозревал, что его компаньон осторожно поворачивал вспять поток успеха вместо того, чтобы радоваться беде.

Как бы то ни было, это был полезный урок. А в Гизельдорне в одной из войлочных палаток он с Вориаксом провел веселую ночь с черноволосой ведьмой, которая утром привела их в трепет, раскинув семена пингла на их будущее и объявив, что им обоим суждено стать королями. Вориакс был очень расстроен этим пророчеством, поскольку решил, что они должны будут править

совместно, как вместе обнимали ведьму, а такое правление было неслыханным делом на Маджипуре. Им не пришло в голову, что Валентайн сможет стать преемником Вориакса. А в Эмблиморне, самом юго-западном из пятидесяти городов, Валентайн, тогда еще почти мальчик, скакал через лес, упал и сломал левую ногу. Обломки кости торчали сквозь кожу, и Илидат сам наложил повязку, прежде чем удалось добраться до лекаря. После этого осталась легкая хромота. Но теперь эта нога, с удовольствием подумал Валентайн, досталась Доминину Баржазиду, а у тела, которое дали Валентайну, нет никаких изъянов.

Все эти и многие другие города сдавались ему. Теперь под его знаменами было пятьдесят тысяч отрядов.

Эмблиморн был слишком далеко, чтобы армия могла отправиться по воде. Река здесь была целым лабиринтом притоков и каналов. Валентайн послал Ирманара с тысячью воинов вперед — найти сухопутные экипажи.

Теперь силы Валентайна были такими мощными, что Ирманар сумел забрать все плавучие повозки в трех провинциях, причем без всяких возражений, так что в Эмблиморне множество экипажей ждало подхода основной армии.

Командовать такой большой армией в одиночку Валентайн уже не мог. Его приказы поступали через его военного маршала Ирманара пяти высшим офицерам — Карабелле, Слиту, Залзану Каволу, Лизамоне и Эйзенхарту, командовавшим дивизиями.

Шанамир, заметно выросший и окрепший, служил главным связным офицером.

— Мы готовы выступить, милорд, — доложил Шанамир.— Я отдам приказ?

Валентайн кивнул.

— Прикажи первой колонне выступить. Если мы выйдем сейчас, то к полудню будем в Бимбеке.

— Есть, сэр.

— Да, вот еще что, Шанамир.

— Да, сэр?

— Я знаю, это война, но ты выглядишь слишком уж серьезным.

Шанамир покраснел.

— Но ведь это серьезное дело? Под нашими ногами земля Горного Замка!

Он, казалось, благоговел перед предстоящим, фермерский сын из далекого Фалкинкипа.

Валентайн понимал его чувства. Зимроель, казалось, был в миллионах миль отсюда.

Валентайн улыбнулся и сказал:

— Скажи, Шанамир, правильно ли я запомнил: сто весовых единиц составляют крону, десять крон — роал, а цена сосисок...

Шанамир смутился, потом фыркнул, стараясь удержаться от смеха, но в конце концов захохотал.

— Ох, милорд!

— Помнишь, в Пидруде я хотел заплатить за сосиски

пятидесятироаловой монетой? Помнишь, ты считал меня простаком? Легкодум, как ты говорил. Видимо, я действительно был тогда простаком.

— Это было так давно, милорд.

— Верно. Но, наверное, я все еще простак: лезу на Гору и пытаюсь вернуть себе трудную и ответственную работу управления. А может, я и не простак? Надеюсь, что нет. А ты не забывай почаще улыбаться. Пойди, прикажи первой колонне выступать.

Мальчик выбежал. Валентайн поглядел ему вслед. Как далек теперь Пидруд, в миллионах миль, миллионах лет! А ведь прошло всего полтора года с тех пор, как он стоял на вершине, смотрел на Пидруд и думал, что делать дальше. Шанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол! Жонглирование на провинциальной сцене, ночевки на соломенных матрасах в грязных гостиницах... Какое же это было удивительное время, свободная, легкая жизнь, ничего не было важнее, чем чтобы тебя наняли в следующем городке и чтобы дубинка не упала к ногам, чего, кстати, ни разу не случилось. Как хорошо, что Залзан Кавол взял его к себе в труппу! Как хорошо, что Слит и Карабелла взялись обучать его своему искусству. Среди них был Коронованный Маджипуры, и никто этого не знал. Кто из них мог вообразить, что задолго до того, как состарится, перестанет жонглировать, он станет генералом и поведет армию освобождения на Замок на Горе.

Первая колонна выступила. Плавучие повозки двинулись вверх по бесконечным склонам между Эмблиморном и Замком.

Пятьдесят городов Горы Замка расходились концентрическими кругами от пика Замка. По внешнему, самому большому кольцу шло двенадцать городов, так называемые Города Склона. Это были промышленные и торговые центры, и в самом малом из них было девять миллионов жителей. Города Склона, основанные десять или двенадцать тысяч лет назад, предпочитали не трогать свою архаику: улицы их когда-то были распланированы рационально, но давно уже перепутались и потеряли первоначальный вид из-за беспорядочных изменений. У каждого города была своя особая прелесть, которой он славился во всем мире. Валентайн бывал не во всех этих городах — не хватало времени, но многие посетил — Бимбек Восточный и Бимбек Западный с их башнями в милю высотой из сверкающего хрустального кирпича, Форибл и его сказочный сад каменных птиц, Канзалейн с говорящими статуями. Между этими городами располагались королевские парки, заповедники флоры и фауны, охотничьи зоны и священные гробницы. Все это простиралось на тысячи квадратных миль — места достаточно, чтобы цивилизации развиваться без толчеи и спешки.

На сто миль выше по Горе лежало кольцо девяти Свободных Городов. Среди ученых шли споры о происхождении этого названия, потому что на Маджипуре все города были свободными. Большинство ученых считали, что когда-то при лорде Стиамоте эти девять городов были освобождены от налогов в знак особой милости Коронованного. И потом Свободные Города требовали подобной привилегии, и часто ее добивались.

Самым большим из Свободных Городов был Сти на реке того

же названия, с тридцатимиллионным населением. Он был так же велик, как Ни-моя, а по слухам, даже больше. Валентайну не верилось, что есть город, равный по пышности Ни-мое, но сам он ни разу не был в Сти, да и теперь не заедет, поскольку Сти расположен совсем в другой стороне.

Еще выше было одиннадцать Сторожевых Городов, все большие. Поскольку окружность Горы с высотой уменьшалась, Сторожевые Города располагались друг к другу ближе, чем нижние, и считалось, что через несколько столетий они сольются и опояшут среднюю часть Горы Замка.

Внутри этого кольца лежало девять Внутренних Городов. Валентайн хорошо знал их с детства. В Хелонксе он родился, в Сайперлите жил во время правления Вориакса, потому что этот город был ближе всего к Замку, Высокий Морпин был его любимым местом в праздничные дни. Он часто приезжал сюда кататься на зеркальных горах.

Ах, как это было давно!

Теперь, когда он двигался с армией по дорогам Горы, он часто смотрел вдаль, надеясь хоть одним глазом увидеть Сайперлит, Желенкс или Высокий Морпин. Но надеяться на это было рано. Дорога из Эмблиморна шла между Восточным и Западным Бимбеками, а затем вокруг зубчатого Гребня Норморк к городу Норморку, знаменитому своей внешней каменной стеной — имитацией великой стены Велализира. Бимбек Восточный принял Валентайна как законного монарха и освободителя, в Западном же Бимбеке прием был заметно менее теплым, хотя сопротивления не оказали, но население явно не решило, выгодно ли городу это удивительное противостояние. В Норморке большие Ворота Деккерета были закрыты и запечатаны, возможно, впервые со времени их постройки. Это можно было воспринять как недружественный жест, но Валентайн предпочел расценить его как декларацию нейтралитета и проехал мимо, не сделав попыток войти в город. Он меньше всего был настроен осаждать города. Подумал, что легче просто не считать его врагом.

За Норморком дорога пересекала Барьер Толингар, который был вовсе не барьером, а парком — сорок миль тщательно ухоженного парка для развлечений граждан трех городов. Каждое дерево, каждый куст здесь стриглись и обрезались по-особому. Ни одной кривой ветки, ни одного лишнего побега. Если бы все жители Замка на Горе работали тут садовниками, даже круглосуточным тяжелым трудом они не смогли бы достичь такого совершенства.

Вот таким было парковое искусство четыре тысячи лет назад при лорде Хевилбоне и последующих трех его преемниках.

Эти растения формировались сами, причем никогда не нарушая симметрий. Секрет такого садоводческого волшебства давно был утерян.

Армия достигла уровня Свободных Городов. Стоя рядом с Валентайном на вершине Барьера Толингар, Шанамир сказал:

— Я думал, что с Горы откроется весь путь до Пидруда, а мы даже Лабиринт не различаем! А поднимемся еще выше — больше увидим?

— Нет, — сказал Валентайн.— Ниже Сторожевых Городов все скрыто облаками. Иногда можно забыть о существовании всего остального на Маджипуре.

— Наверху, наверное, очень холодно? — спросил мальчик.

— Нет, не холодно. Так же, как здесь, даже теплее. Там вечная весна, воздух мягкий и легкий, всегда цветут цветы.

— Но ведь Гора уходит в небо! Горы Кинторы не такие высокие, их и не сравнить с Горой Замка, но я слышал, что на их вершинах лежит снег и иногда он остается на все лето. Замок, наверное, темен, как ночь, и холоден, как смерть.

— Нет. Машины древних поддерживают там вечную весну. Они погружаются глубоко в Гору и добывают энергию — я не знаю, как — и перерабатывают ее в тепло, свет, чистый воздух. Я видел эти махины — металла хватило бы, чтобы построить город, гигантские насосы, медные трубы...

— Где мы сейчас, Валентайн? Близко?

— Даже полшути не прошли.

Валентайн покачал головой.

Самая прямая дорога проходила вверху по Свободным Городам между Байбируном и Верхним Сонбрейком. Это было широкое, с легким подъемом плечо Горы. При подходе к Байбируну Гарцвел, теперь квартирмейстер, сказал Валентайну, что армии нужны свежие фрукты и мясо. Разумнее всего было возобновить запасы провианта, прежде чем начать подъем к Сторожевым Городам.

Байбирун насчитывал двенадцать миллионов жителей, он вытянулся вдоль стомильного гребня, нависавшего над Горой. К нему можно было подойти лишь с одной стороны — от Верхнего Сонбрейка через ущелье, такое узкое, что сотня воинов могла бы защитить его от миллиона. Валентайн не удивился, что ущелье было занято, пожалуй, больше, чем сотней воинов.

Ирманар и Делиамбер отправились на переговоры. Вернувшись, они сообщили, что отрядами в ущелье командует герцог провинции, чьей столицей был Байбирун, Хайтлог, и что он желает говорить с лордом Валентайном.

— Кто такой этот Хайтлог? — спросила Карабелла.— Ты его знаешь?

— Не очень близко. Он из семьи Тивераса. Надеюсь, у него нет причин меня бояться.

— Если он пристукнет тебя в этом проходе, — сказал Слит, — благодарность Доминина Баржазида ему обеспечена.

— Чтобы потом все ночи страдать во сне? — спросил Валентайн.

Он засмеялся.

— Правда, он любит выпить, но не убийца. Он из знатной семьи.

— Как и Доминин Баржазид, милорд.

— Даже сам Баржазид не рискнул убить меня, когда у него была такая возможность. Пошли, не будем терять время.

Валентайн, сопровождаемый Ирманаром, Эйзенхартом и Делиамбером, пешком дошел до входа в ущелье, их ждали герцог и трое его сторонников.

Хайтлог был могучим, широкоплечим человеком с густыми седыми кудрями и мясистым лицом. Он внимательно разглядывал Валентайна, как бы желая распознать под внешностью этого светловолосого незнакомца душу истинного Коронованного. Валентайн салютовал ему, как полагалось Коронованному приветствовать провинциального герцога — прямым взглядом и повернутой наружу ладонью, и Хайтлог тут же пришел в затруднение, явно не зная, как правильно вести себя. После небольшой паузы он сказал:

— Сообщалось, что ты лорд Валентайн, измененный колдовством. Если это так, я приветствую тебя, милорд.

— Поверь мне, Хайтлог, это так.

— Были послания насчет этого. Но были противоположные.

Валентайн улыбнулся.

— Послания Леди всегда правдивы, послания Короля сообразуются с поступками его сына. Ты получил инструкции из Лабиринта?

— Что мы должны признать тебя? Да. Но все-таки это странно. Если я не должен верить тому, что слышу из Замка, то почему я должен верить приказам из Лабиринта? Может, они поддельные?

— Здесь с нами Ирманар, высокий служащий твоего прадяди Понтифика Тивераса. Он здесь не как пленник и может показать тебе печати Понтифика.

Герцог пожал плечами. Глаза его буравили Валентайна.

— Трудно поверить, что Коронованного можно было таким образом изменить. Если это правда — тогда всему можно верить. Чего ты хочешь от Байбируна, милорд?

— Нам нужны фрукты и мясо. Нам предстоит еще пройти сотни миль, а голодный — не воин.

Дернув щекой, Хайтлог сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что находишься в Свободном Городе.

— Знаю. Так что из этого?

— Может кто и забывает о древних традициях, но мы в Свободных Городах придерживаемся их, и мы не обязаны снабжать правительство товарами иначе как по законно установленным ценам. Стоимость провианта для такой армии...

— Все будет полностью оплачено из имперской казны, — резко сказал Валентайн.— Мы не просим у Байбируна ничего даром.

— А имперская казна с тобой?

Валентайн ответил с некоторой злостью:

— Имперская казна в Горном Замке, как это повелось со времен лорда Стиамота. Когда я дойду до Замка и вышвырну узурпатора, я полностью расплачусь за все, что мы здесь купим. Разве Коронованному более не отпускают в кредит?

— Отпускают, — осторожно сказал Хайтлог.— Но тут есть сомнения, милорд. Мы — народ бережливый, и какой позор падет на нас, если обнаружится, что мы дали кредит тому, кто предъявил нам фальшивые требования!

Валентайн пожал плечами.

— Ты называешь меня милордом, а сам говоришь о сомнениях.

— Я не уверен. Признаюсь.

— Хайтлог, отойдем на минутку и поговорим наедине.

— Да?

— Отойдем на десять шагов. Не думаешь ли ты, что я вцеплюсь тебе в глотку, как только ты отойдешь от своих телохранителей? Я хочу сказать тебе кое-что, о чем ты, возможно, не хотел бы говорить перед всеми.

Герцог, недовольный и надутый, кивнул и отошел с Валентайном. Валентайн тихо сказал:

— Когда ты был в Горном Замке на моей коронации, ты сидел за столом рода Понтифика и выпил четыре или пять фляжек молдемарского вина, помнишь? Вдрызг пьяный, ты встал, чтобы потанцевать, споткнулся о ногу своего кузена Илзандера и растянулся, а потом вступил бы с ним в драку, если бы я не оттащил тебя. Ну, ничего из этого тебе не знакомо? Откуда бы мне знать об этом, если бы я был обманщиком?

Лицо Хайтлога залилось краской.

— Милорд...

— Вот теперь ты сказал это с большим убеждением.

Валентайн тепло похлопал герцога по плечу.

— Все в порядке, Хайтлог. Помоги мне, и когда приедешь в Замок праздновать мою победу, получишь еще пять фляжек доброго молдемарского. Надеюсь, ты будешь более осторожным, чем в тот раз.

— Милорд, чем я могу служить тебе?

— Я уже сказал. Нам нужны свежие фрукты и мясо. Мы рассчитаемся, когда я стану Коронованным.

— Пусть будет так. Но станешь ли ты Коронованным?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наверху ждет армия, и немалая, милорд. Лорд Валентайн — я имею в виду того, кто зовется этим именем,— созывает сотни и тысячи горожан для защиты Замка.

— Где собирается армия?

— Между Эртсод Гренд и Бомбифейлом. Он стягивает ее во все Сторожевые Города и в города над ними. Реки крови потекут с Горы, милорд!

Валентайн отвернулся и на миг закрыл глаза. Боль и отчаяние захлестнули его разум. Это было неизбежно, в этом не было ничего неожиданного, именно так он и предполагал с самого начала. Доминин Баржазид позволит ему пойти по нижним склонам, а на верхних подступах выставит мощную защиту, используя против Валентайна его же собственных королевских телохранителей, рыцарей высокого происхождения, с которыми Валентайн рос.

На мгновение решимость Валентайна снова поколебалась. Стоит ли становиться во второй раз Коронованным ценою хаоса, кровопролития и агонии своего народа? Может быть, была воля Божества, чтобы его, Валентайна, скинули? Если он воспротивится этой воле, не вызовет ли он этим страшный катаклизм на равнинах

выше Эртсод Гренд, который нанесет удар по душе всего народа, его же ночи будут мучительными из-за сознания собственной вины, и его имя будет проклято навеки?

Он еще мог вернуться назад, мог отказаться от столкновения с силами Баржазида, мог принять приговор судьбы.

— Нет!

Он уже вел эту борьбу с самим собой и победил, и не нужно начинать все снова.

Ложный Коронованный — человек ограниченный и опасный, и все, что он делает, противозаконно.

Этого нельзя допустить.

— Милорд! — окликнул Хайтлог.

Валентайн повернулся к герцогу.

— Мысль о войне причиняет мне боль, Хайтлог.

— Она никому не нравится, милорд.

— Однако приходит время, когда войны не избежать, иначе произойдет худшее. Я думаю, сейчас именно такое время.

— Похоже, что так.

— Значит, ты признаешь во мне Коронованного, Хайтлог.

— Просто претендент не мог бы знать, что я напился на коронации.

— Ты будешь сражаться рядом со мной на Эртсод Гренд?

— Конечно, милорд. Сколько отрядов ты возьмешь из Байбируна?

— Скажем, пять тысяч. Огромная армия мне не нужна.

— Пять тысяч воинов твои, милорд. Если хочешь, бери больше.

— Пять тысяч хватит, Хайтлог. Спасибо тебе, что ты веришь в меня. А теперь давай займемся фруктами и мясом.

Стоянка в Байбируне была короткой — только чтобы Хайтлог успел собрать воинов и захватить необходимый провиант. А затем путь вверх. Валентайн ехал впереди со своими пидрудскими друзьями. Он радовался их благоговению и изумлению, тому, что ахает от восторга Карабелла и даже Залзан Кавол что-то ошеломленно бормочет, когда перед ним открывается красота Горного Замка.

Чем выше, тем чище и приятнее становился воздух, потому что они все ближе подходили к громадным машинам, поддерживающим на Горе вечную весну. Скоро стали видны очертания Сторожевых Городов.

Гора здесь была громадным серым гранитным щитом, верхние склоны которого поднялись так высоко, что исчезали в море облаков. Небо было поразительно яркого голубого цвета, глубже по тону, чем над нижними землями Маджипуры.

Валентайн помнил, как ему нравилось это небо, как неприятно было спускаться вниз, в обычный мир обычных красок. У него захватило дух, когда он снова увидел это небо. Весь холм и гребень, казалось, были окружены искрившимся нимбом таинственного света. Даже пыль вдоль края шоссе казалась блестящей. Вдали можно было увидеть небольшие города-спутники, а высоко над

ними — несколько крупных центров. Эртсод Гренд был прямо впереди. Его громадные черные башни отчетливо виднелись на горизонте.

Валентайн смущенно отвернулся, глаза его вдруг увлажнились. Потом попросил Карабеллу:

— Спой мне.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Мы пели это в Тил-омоне. Гору Замка там считали выдуманным местом, романтической грезой.

Она замолчала, опустила арфу и отвернулась.

— В чем дело, дорогая?

— Ничего. Просто я забыла слова.

— Карабелла!

— Ничего, я же сказала!

— Прошу тебя...

Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы.

— Это все так удивительно, Валентайн,— прошептала она,— и так странно, так страшно...

— Удивительно — да, но не страшно.

— Это прекрасно, я понимаю. Я и представить себе не могла такие города, такие горы и все прочие чудеса. Только...

— Что?

— Ты возвращаешься домой, Валентайн, к своим друзьям, родным, может, и любовницам. Как только мы выиграем войну, все они соберутся вокруг тебя, будут водить по банкетам и празднествам, и...

Она замолчала.

— Я не хотела говорить тебе этого.

— Говори.

— Милорд...

— Не надо официальности, Карабелла.

Он взял ее за руки и заметил, что Шанамир и Залзан Кавол отошли в другой конец фургона.

— Милорд,— сказала она отрывисто,— что будет с девушкой-жонглером из Тил-омона, когда ты снова окажешься среди принцев и леди в Замке?

— Разве я давал тебе понять, что я тебя брошу?

— Нет, милорд, но...

— Зови меня Валентайном. Что «но»?

Она покраснела и выдернула свою руку.

— Этот герцог Хайтлог вчера заметил, что ты обнял меня... Ты не видел его улыбки! Словно я просто игрушка-безделушка, которую в любое время можно выбросить.

— Я думаю, ты слишком многое прочла в его улыбке,— медленно сказал Валентайн.

Он и сам заметил эту улыбку и был смущен. Он понимал, что для Хайтлога и других людей того же ранга Карабелла — всего лишь случайная наложница самого низкого происхождения, не заслуживающая ничего, кроме презрения. В его прежней жизни в Замке подобные сословные различия были в порядке вещей, но он давно

уже был изгнан с Горы и на многое теперь смотрел иначе. Опасения Карабеллы были реальными.

Однако эту проблему следовало решать в свое время. Сейчас на первом плане было другое. Он ласково сказал:

— Хайтлог слишком налегает на выпивку, душа его загрубела. Не обращай внимания. Ты будешь среди самых высших особ Замка, и никто не посмеет отнестись к тебе пренебрежительно. А теперь заканчивай песню.

— Ты любишь меня, Валентайн?

— Да. Но когда у тебя красные и распухшие глаза, я люблю тебя меньше.

— Такое можно сказать только ребенку, ты считаешь меня ребенком?

— Я считаю тебя женщиной, умной и привлекательной. Какого ответа ты ждешь?

— Что ты меня любишь. Без дополнений.

— Извини. Впредь я буду осторожнее в выражениях. Так ты будешь петь?

Она снова взяла арфу.

Все утро они поднимались наверх. Валентайн выбрал Пайниторское шоссе, проходившее по пустынному каменистому плато. Никто им не препятствовал.

— Они не станут пытаться остановить тебя,— сказал Хайтлог,— пока ты не подойдешь к Сторожевым Городам. Захватить тебя они хотят там.

— Там будет достаточно места,— сказал Валентайн.

В долине он остановил свою армию и начал совещание с командирами. Разведчики принесли известия, свинцом легшие на плечи Валентайна: огромнейшая армия заполнила широкую, в сотни квадратных миль равнину ниже Внутреннего Города Бомбифейл. В основном там была пехота, но и плавучие повозки, и верховые отряды, и корпус молиторов — по крайней мере в десять раз больше того числа боевых зверей, что ждали на берегах Глейга. Но Валентайн не выказал уныния.

— Значит, соотношение — двадцать к одному. Неплохо. Жаль, что их не больше. Такая армия неповоротлива, и нам было бы легче.

Он постучал по карте.

— Они стоят здесь, в равнине Бомбифейла и, конечно, видят, что мы движемся прямо на них. Они рассчитывают, что мы поднимемся к Проходу Перитол на западе равнины, и там поставят самую сильную охрану. А мы как раз туда и пойдем.

Валентайн услышал недовольный вздох Хайтлога, увидел удивленный взгляд Ирманара и спокойно продолжил:

— Они пошлют туда подкрепления. Как только они войдут в Проход, они утратят мобильность. Перегруппироваться и сменить направление будет для них делом нелегким. А мы тут же повернем обратно, поднимемся прямо в центр их лагеря и пробьемся к самому Бомбифейлу. Выше него дорога на Верхний Морпин, которая приведет нас к Замку. Есть вопросы?

— А что, если между Бомбифейлом и Верхним Моршином нас ждет вторая армия? — спросил Ирманар.

— Спроси об этом, когда мы пройдем Бомбифейл. Есть еще вопросы?

Все молчали.

— Хорошо. Тогда вперед!

Еще день — и они въехали в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города.

Теперь они были в облачной зоне, прохладной и влажной, где солнце едва проглядывало сквозь постоянный туман. Растения, которые внизу были едва по колено человеку, здесь достигали гигантских размеров, листья были величиной с большое блюдо, черенки, как древесный ствол, и все это сверкало, усыпанное блестящими каплями росы.

Рельеф здесь был сильно изрезанным: из глубоких долин резко поднимались горы и дорога круто вилась вокруг конических пиков. Выбор пути крайне сузился: на западе непроходимые горы, похожие на клыки, на востоке — широкий и удобный склон Бомбифейлской Равнины, а впереди — ряд гигантских естественных ступеней с каменными стенами по бокам — Проход Перитол, где, если Валентайн не ошибался, ждали отборные отряды узурпатора.

Валентайн не спеша вел свою армию к Проходу. Четыре часа езды, ночлег, и с утра все сначала. Воздух Замка бодрил, и можно было ехать много быстрее, но Валентайн подозревал, что враг следит за ними с высоты и хотел дать ему больше времени для наблюдения и принятия мер.

На следующий день они ехали шагом, потому что уже видны были ступени Прохода. Делиамбер, поколдовав, послал свой дух вперед и сообщил, что армия защиты действительно заняла проход, а вспомогательные отряды вытянулись к западу от Бомбифейлской Равнины и готовы оказать поддержку.

Валентайн улыбнулся.

— Теперь уже недолго. Они в наших руках.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить лагерь на лугу. Фургоны были поставлены защитной стеной, фуражиры отправились собирать сучья для костров, квартирмейстеры начали раздавать ужин. Когда наступила ночь, лагерь получил неожиданный приказ ехать дальше, оставив горящие костры и часть фургонов.

Валентайн чувствовал, как растет его возбуждение. Он видел, как снова загорелись глаза Карабеллы, как выделился старый шрам на щеке Слита. Это были незабываемые часы напряжения перед событиями, которые вот-вот произойдут.

— Прежде,— сказала Карабелла — ты, наверное, глубоко постиг военное искусство, раз придумал такой маневр.

Валентайн засмеялся.

— Не прошло и ста лет после смерти лорда Стиамота, как военное искусство было забыто. Я ничего не знаю о войне, Карабелла.

— А как же...

— Догадался. Случайность. Жонглирую по крупной на ходу.

Он подмигнул.

— Только никому не говори об этом. Пусть думают, что их полководец гений.

В облачном небе не видно было звезд и луна едва светила. Армия Валентайна двигалась к Бомбифлейской Равнине, освещая себе путь световыми шарами.

Делиамбер сидел рядом с Валентайном и Ирманаром, он был в глубоком трансе, определял впереди барьеры и препятствия. Валентайн молчал.

Он чувствовал себя удивительно спокойным.

Да, думал он, это действительно по крупному счету жонглирование. Теперь он, как раньше в труппе, переместился в то спокойное место в центре своего сознания, где обрабатывал информацию о постоянно меняющемся рисунке событий, по существу даже не зная о событиях. Все делалось в свое время, с одним только знанием эффективной последовательности.

За час до рассвета они дошли до места, где дорога поворачивала вверх к входу на равнину. Валентайн снова созвал командиров.

— Только три приказа: держаться плотной стеной, не отнимать жизнь без необходимости, пробиваться вперед. Сегодня завтракаем в Бомбифейле, а ужинаем завтра в Замке лорда Валентайна!

Настал момент, которого давно страшился Валентайн: он должен был повести граждан Маджипуры против граждан Маджипуры, своих друзей по странствиям против наперсников своей юности. Но теперь этот миг пришел, и Валентайн был твердым и спокойным.

В сером свете зари вторгшаяся армия прокатилась по краю равнины, и в утреннем тумане Валентайн впервые увидел легионы противника. Равнина, казалось, была заполнена черными палатками. Всюду солдаты, повозки, животные, молиторы — волна хаоса.

Валентайн построил свои силы клином: самые храбрые и преданные в передних фургонах фаланги, отряды герцога Хайтлога — в середине, а тысячи ополченцев из Пендивейна, Макропрозопоса и других городов Глейга составляли арьергард, хороший не столько умением, сколько числом.

В армии освобождения были представлены все расы Маджипуры — скандары, уруны, целая орда лименов, множество хьертов и гайрогов, даже небольшой элитарный корпус су-сухерисов. Сам Валентайн ехал в одной из трех тачек передней части клина, но не в центральной: там Ирманар готовил главный удар по контрнаступлению узурпатора.

Повозка Валентайна была в правом крыле, Эйзенхарта — в левом, а сразу за ними вели колонны Слит, Карабелла, Залзан Кавол и Лизамона.

— Вперед! — отдал приказ Валентайн.

Битва началась.

Повозка Ирманара рванулась вперед, затрубили рога, вспыхнули огни. Валентайн двинулся следом и, взглянув в дальний конец

поля, увидел, что Эйзенхарт держится молодцом. Его части плотным клином двинулись по равнине, и сразу же основная масса защитников рассыпалась в беспорядке. Передний край сил узурпатора рухнул с пугающей резкостью, словно это была намеренная стратегия. Отряды метались в панике, сталкивались, путались, хватались за оружие или просто искали спасения. Громадную равнину захлестнуло волнами беспорядочно отступавших фигур. Вторгшаяся фаланга продвигалась вперед через эти волны.

Произошел небольшой обмен огнем: раздалось несколько случайных выстрелов энергометов. Руководство вражескими силами, видимо, слишком растерялось, чтобы создать защиту, а атаковавший клин, прорвавшийся вперед, не был заинтересован в убийстве противника.

Делиамбер сказал:

— Они растянулись огромным фронтом миль на сто, если не больше. Это даст нам время сконцентрироваться. После первой паники они снова сгруппируются и нам будет труднее.

Так и произошло.

Неопытное гражданское ополчение, набранное Доминином Баржазидом в Сторожевых Городах, могло растеряться, но ядро защитной армии составляли рыцари Горного Замка, если не в технике самой войны, то в военных играх натренированные, и теперь они стягивались со всех сторон к большим клиньям, врезавшимся в них глубоко. Каким-то образом подогнали взвод молиторов, и они подступали с фланга Эйзенхарта, щелкая челюстями и выпустив когти. С другой стороны кавалерийский полк преодолел замешательство и тоже построился, а Ирманар попал под заградительный огонь энергометов.

— Держать построение! — крикнул Валентайн.— Двигаться вперед!

Они все еще продвигались, хотя намного медленнее. Если вначале армия Валентайна врезалась в гущу врагов, как горячий нож в масло, то теперь она как бы пробивалась сквозь земляную стену.

Многие повозки были окружены, иные остановлены. Валентайн мельком увидел, что Лизамона пробивается сквозь толпу защитников, расшвыривая их в стороны, как прутья.

Три гигантских скандара тоже вышли на поле и устроили страшную резню: в каждой из их многочисленных рук было какое-то оружие, действовавшее безотказно.

Затем повозку Валентайна окружили, но водитель рванул назад и резко повернул, раскидывая вражеских солдат.

Вперед, вперед...

Повсюду лежали тела убитых. Как глупо было надеяться, что завладеть Горным Замком можно будет без кровопролития.

Уже, наверное, сотни погибли, сотни были ранены. Валентайн хмурился, но стрелял.

— Валентайн! Лорд Валентайн!

Крик был общим, но рвался из глоток воинов обеих сторон, и каждая сторона имела в виду своего лорда Валентайна.

Теперь движение, казалось, было полностью блокировано. Защитники перешли в контратаку, словно не были готовы напасть первыми и позволили армии Валентайна пробиться вперед, а теперь перегруппировались, собрались с духом и применили некоторое подобие стратегии.

— Похоже, что у них новое руководство, милорд,— сказал Ирманар.— Их командиры строго следят за тем, чтобы солдаты шли на нас.

Вперед выступил строй молиторов, за ним двинулись в громадном количестве отряды узурпатора, но от тупоумных неуправляемых животных из-за их объема было мало толку.

Многие офицеры Валентайна выскочили из повозок и вступили в яростное сражение, в то время как их отряды старались прикрыть их. Валентайн и сам хотел примкнуть к ним, но Делиамбер приказал ему остаться.

— Твоя особа священна,— резко сказал он,— в рукопашном бою воины обойдутся без тебя.

Валентайн нахмурился. Он соглашался с логикой Делиамбера, но презирал ее.

Тем не менее он подчинился.

— Вперед! — крикнул он в черный костяной рог полевого коммуникатора.

Однако двигаться вперед они не могли. Тучи защитников наступали со всех сторон и теснили армию Валентайна. Новые силы узурпатора сконцентрировались неподалеку от Валентайна. Да, какой-то новый полководец,— думал Валентайн,— сильный и знающий полевой командир сплотил впавшие в панику отряды.

— Милорд,— крикнул Ирманар,— видишь холм направо? За ним вражеский командный пост. Там их генерал в гуще сражения.

— Я хочу взглянуть на него,— сказал Валентайн.

— Милорд,— продолжал Ирманар,— мы должны сосредоточить атаку здесь и убрать его до того, как он добьется большого преимущества.

— Да, конечно,— растерянно пробормотал Валентайн.

Он прищурился, вглядываясь.

Да, вот он — высокий, выше Валентайна, широкий рот, проницательные темные глаза, тяжелая масса блестящих черных волос, заплетенных в косу. Он казался удивительно знакомым.

Да, конечно, это Илидат. Как можно было забыть хоть на миг друга юности, казавшегося иногда даже ближе брата Вориакса, Илидата, близкого Валентайну по способностям и характеру. Илидата, которого все, даже сам Валентайн считали будущим возможным Коронованным.

Илидат руководит вражеской армией.

Илидат — опасный полководец, которого надо устранить.

— Милорд,— сказал Ирманар.— Мы ждем приказа.

Валентайн вздрогнул.

— Окружите его,— сказал он,— нейтрализуйте, возьмите в плен, если удастся.

— Мы можем открыть огонь...

— Он должен остаться живым,— резко сказал Валентайн.

— Милорд...

— Я сказал — живым.

— Слушаюсь, милорд,— неуверенно ответил Ирманар.

Для него враг был лишь врагом, а этот генерал нанесет немало ущерба, если не будет сразу убит.

Валентайн с тревогой и напряжением следил за тем, как Ирманар собрал отряд и повел его к лагерю Илидата. Приказать, чтобы Илидата оставили в живых, было просто, но как проследить за этим в разгар битвы. Валентайн больше всего боялся, чтобы кто-то из преданных ему людей не повел туда отряд. Знать, что Илидат в опасности, что Илидат должен погибнуть, чтобы армия освобождения продвинулась вперед — это было ужасно!

Валентайн встал. Делиамбер сказал:

— Ты не должен...

— Должен,— ответил Валентайн.

Он выскочил из фургона так быстро, что урун не успел воздействовать на него своими чарами.

С земли ничего не было видно: все перемешалось вокруг, не отличить друзей от врагов, кругом суматоха, крики.

Общей картины сражения, открывавшейся Валентайну из фургона, здесь не было. Валентайну казалось, что отряды Ирманара отошли в сторону, а у поста Илидата идет хаотическая битва.

— Милорд,— окликнул его Шанамир,— тебе нельзя быть на виду. Ты...

Валентайн отмахнулся от него и двинулся в гущу сражения.

События снова переменились. Теперь казалось, что Ирманар сосредоточил атаку на лагере Илидата. Вторгшиеся пробились вперед и снова привели врага в смятение.

Рыцари и горожане отступали, разбегались кругами, пытаясь уклониться от безжалостного наступления, а где-то впереди ядро защитников твердо сплотилось вокруг Илидата.

Только бы он остался живым! — молился Валентайн. Победа, казалось, была уже в руках Валентайна, но ее цена будет слишком велика, если придется заплатить смертью Илидата.

Валентайн увидел впереди Лизамону и Кона. Они прорубали себе путь, чтобы за ними могли пройти другие. Кон смеялся, словно всю жизнь ждал этой минуты, чтобы применить свою силу.

Внезапно синекожий пришелец получил удар в грудь и пошатнулся. Лизамона подхватила его и осторожно опустила на землю.

— Кон! — закричал Валентайн и бросился к нему.

Даже на расстоянии было видно, что ранен Кон смертельно. Он задыхался, худое с резкими чертами лицо посерело, глаза потускнели. Увидев Валентайна, он попытался сесть.

— Милорд,— сказала великанша,— тебе здесь не место.

Валентайн наклонился над раненым.

— Кон!

— Все в порядке, милорд. Так я и знал — была причина, чтобы я приехал на вашу планету. Одно плохо: я не побываю на банкете в честь победы...

Валентайн поддерживал чужеземца за костлявые плечи, но

жизнь покидала его быстро и спокойно. Его долгое путешествие подошло к концу. Он наконец обрел цель и покой.

Валентайн выпрямился и оглянулся. Его окружал кордон его людей, и кто-то, кажется, Слит — дергал его, чтобы отвести в безопасное место.

— Нет,— сказал Валентайн,— я буду сражаться...

— Не здесь, милорд. Ты хочешь разделить судьбу Кона? Что будет с нами, если ты погибнешь? Вражеские отряды идут на нас из Прохода Перитол. Битва скоро станет еще яростнее. Тебе нельзя быть здесь.

Валентайн понимал это. Доминина Баржазида на сцене не было, не следовало быть на ней и Валентайну. Но как может он сидеть в фургоне, когда другие умирают, когда даже Кон, посланец другого мира, отдал жизнь за Валентайна, когда любимый друг Илидат в опасности? Валентайн качнулся в нерешительности. Слит выпустил его и тут же позвал Залзана Кавола. Скандар был неподалеку, с мечами в трех руках и энергометом в четвертой. Держа защитников на почтительном расстоянии, он пробился к Валентайну. Валентайн вдруг подумал, что скандар может просто увести его силой, и сказал:

— Подожди. Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю тебе следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол опешили.

— Какой наследник?

— Идите за мной. Я приказываю!

— Милорд,— сказал Залзан Кавол,— твоя безопасность...

— Это не самое главное, Слит, иди слева, Залзан — справа.

Они были слишком растеряны, чтобы оказать сопротивление.

Валентайн позвал также и Лизамону. Под охраной друзей он быстро дошел до переднего края вражеской армии и закричал изо всех сил:

— Илидат!

Голос его разнесся далеко, и звук этого мощного рева на миг остановил все вокруг. За неподвижными фигурами воинов Валентайн увидел Илидата, и глаза их встретились.

— Илидат из Морвела,— снова закричал Валентайн,— выходи на переговоры!

— Кто зовет меня? — послышалось в ответ.

Толпа между Валентайном и Илидатом снова раздалась. Валентайн протянул руки к хмурой фигуре и хотел было что-то сказать, но решил, что слова сейчас бессильны, поэтому быстро вошел в транс и пустил на Илидата через расстояние полную силу своего духа в образах, спрессованных в долю секунды.

Два мальчика едут верхом по лесу... Толстый корень протянулся, как змея, через трошинку. Животное споткнулось, мальчик упал...

Треск, острая белая кость разорвала кожу...

Второй мальчик спешился и испуганно присвистнул, увидев изуродованную ногу...

Валентайн больше не мог удерживать мысленные образы.

Контакт прервался. Валентайн в изнеможении отступил и вернулся к реальности.

Илидат растерянно смотрел на него.

Они словно остались сейчас вдвоем на поле, а все, что делалось вокруг, было просто шумом.

— Да,— сказал Валентайн,— ты знаешь меня, Илидат, только не в этом теле.

— Валентайн?

— Он самый.

Они пошли друг другу навстречу.

Кольцо отрядов обеих сторон окружило их молча и заинтересованно.

Их разделяло несколько шагов, когда оба остановились и неуверенно приняли боевую позу, словно дуэлянты. Илидат ошеломленно разглядывал Валентайна.

— Разве это возможно? — спросил он наконец.— Неужели существует такое колдовство?

— Мы вместе ездили в лес под Эмблморном,— сказал Валентайн.— Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день. Помнишь, как ты вправлял сломанную кость и плакал, как будто это была твоя нога?

— Откуда ты это знаешь?

— А потом я не мог ходить несколько месяцев, и ты, Тунигорн и Стасилейн гоняли по Горе без меня. Хромота у меня так и осталась.

Валентайн засмеялся.

— Доминин Баржазид украл у меня эту хромую ногу вместе с моим телом. Кто еще из близких ему мог рассчитывать на такую милость?

Илидат потряс головой, словно отгоняя сон.

— Колдовство!

— Да. А я — Валентайн.

— Валентайн в Замке. Я виделся с ним вчера, он вызывал меня, разговаривал о старых временах, о наших развлечениях...

— Это украденные воспоминания, Илидат. Он обрыскал мой мозг. Ты ничего необычного не заметил в нем за последний год?

Валентайн пристально посмотрел в глаза Илидату, и тот отвел взгляд, словно боясь колдовства.

— Тебе не показалось, что твой Валентайн стал задумчивым, скрытным?

— Да, но я полагал, что его сделали таким заботы управления.

— Но все-таки ты уловил разницу, перемену?

— Да, легкую. Некоторую холодность, отчуждение...

— Ты все еще не можешь признать меня?

— Валентайн? — прошептал Илидат недоверчиво.— Это действительно ты и в чужом теле?

— Именно. А тот, кто в Замке, обманул и тебя, и весь мир.

— Это так странно...

— Брось сомнения, Илидат!

Валентайн широко улыбнулся, привлек Илидата к себе и обнял, как друга. Илидат оцепенел, тело его стало деревянным. Затем он оттолкнул Валентайна и отступил, дрожа.

— Не бойся меня, Илидат.

— Ты слишком многого хочешь от меня. Поверить в такое...

— Поверь.

— Я и так уже поверил... Тепло твоих глаз, твоя улыбка, твои воспоминания...

— Поверь мне до конца,— настаивал Валентайн.— Леди, моя мать, шлет тебе свою любовь. Ты снова увидишь ее в Замке, когда мы будем праздновать мое возвращение. Поверни свои отряды вспять, мой дорогой друг, присоединяйся ко мне, и мы вместе пойдем на Гору.

Лицо Илидата выражало борьбу, губы шевелились, мускулы на щеке дергались.

Он молча смотрел на Валентайна и наконец сказал:

— Пусть это безумие, но я верю тебе, Валентайн. Я присоединяюсь к тебе, но да поможет тебе Божество, если ты обманул меня.

— Обещаю тебе, что ты не раскаешься.

Илидат кивнул.

— Я пошлю гонцов к Тунигорну.

— Где он?

— Поджидает тебя в Проходе Перитол. Стасилейн тоже там. Я горевал, что меня оставили командовать здесь, поскольку думал, что пропущу всю битву. Ох, Валентайн, неужто это правда ты? Золотые волосы, невинные глаза...

— Да, я настоящий Валентайн. Помнишь, как Вориакс заставил нас мыть его колесницу, когда мы ее забрызгали грязью?

Оба засмеялись и дружески ткнули друг друга кулаками.

— Но где же ты был?

Илидат вдруг нахмурился.

— Что с тобой было в течение этого года? Ты не болел?

— Это очень долгая история,— серьезно ответил Валентайн.— Сейчас не время и не место рассказывать. Надо остановить сражение, Илидат. Невинные граждане гибнут за Доминина Баржазида. Мы не можем допустить этого. Собирай свои отряды и поворачивай их обратно.

— В этом сумасшедшем доме будет нелегко!

— Отдай приказ. Передай его другим командирам. Убийство надо остановить. А затем поедем вместе к Бомбифейлу, а оттуда мимо Верхнего Морпина к Замку.

Валентайн вернулся в свою повозку, а Илидат затерялся среди потрепанных рядов защитников. От Ирманара Валентайн узнал, что во время переговоров его люди сильно продвинулись вперед, попрежнему держась плотным клином, и почти полностью дезорганизовали большую, но аморфную армию мнимого Коронованного. Клин продолжал расширяться, а беспомощные отряды противника уже не имели ни воли, ни желания сдерживать его. Потеряв лидера, защитники утратили и боевой дух.

Но остановить битву почти не было возможности. Сотни и тысячи воинов хлынули беспорядочным потоком в Бомбифлейскую Равнину, и еще тысячи бежали из Прохода, обуздать всю эту массу просто не было возможности. Валентайн увидел звездное

знамя Илидата где-то в середине поля и понял, что он пытается связаться со своими офицерами и призвать их к лояльности, но армия вышла из-под контроля и солдаты гибли напрасно.

Все это камнем легло Валентайну на сердце, но он не мог ничего сделать. Он подал сигнал Ирманару быстрее продвигаться вперед.

Через час битва начала странно меняться. Клин Валентайна продвигался вперед, почти не встречая сопротивления, и с той же легкостью шла с востока вторая фаланга под предводительством Илидата.

Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были таким образом разделены.

Скоро эти никчемные орды остались далеко в тылу Валентайна, а двойная колонна вошла в верхнюю половину равнины, откуда начинался подъем к Бомбифейлу, самому старому и самому красивому из Внутренних Городов. Когда они поднялись по склону, небо стало ярче и воздух теплее, ведь они начали выходить из облачного пояса на нижние склоны зоны вершин, вечно купавшихся в лучах солнца...

Бомбифейл уже был виден, он возвышался над ними, как воплощение древней роскоши: громадные зубчатые стены из оранжевого песчаника с большими граненными плитами голубого сипара, привезенного с берегов Великого Океана во времена лорда Пинетора, и величественными игольчатыми башнями, стройными и изящными.

Душа Валентайна преисполнилась радостью. Сотни миль Горы Замка были уже позади. До Замка оставалось меньше дня пути. И хотя он еще чувствовал по ночам далекие грозные раскаты посланий Короля Снов, они лишь слегка задевали край его духа. Его любимый друг Илидат поднимался с ним. Стасилейн и Тунигорн ехали, чтобы присоединиться к нему.

Как хорошо было любоваться шпилями Бомбифейла и знать, что впереди! Холмы, окаймлявшие город вдали, чистая трава лугов, красный камень горной дороги от Бомбифейла до Верхнего Моргина, усыпанные цветами поля, связывавшие шоссе Калантен с южным крылом Замка — он знал все эти места лучше, чем свое здоровое, но все-таки не вполне привычное новое тело. Он был почти дома.

Но что дальше?

Покончить с произволом узурпатора, восстановить порядок... Задача была так сложна, что Валентайн не знал, с чего начать. Его не было в Замке почти два года. Законы, изданные Доминином Баржазидом, нужно будет проверить и скорее всего отменить.

Была еще одна проблема, над которой он досель просто не задумывался: как привлечь своих спутников к имперской службе. Он должен был найти посты для Делиамбера, Слита, Залзана Кавола и других. Надо подумать и об Илидате и прочих, занимавших высокое положение при его дворе. Не мог же он сместить их только потому, что вернулся из ссылки с новыми любимцами. Все это было очень сложно, но он надеялся, что сумеет все уладить, не вызвав недовольства...

Делиамбер вдруг резко сказал:

— Боюсь, что нас ждут новые неприятности, и немалые.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты видишь какие-нибудь перемены в небе?

— Да. Оно стало ярче, когда мы вышли из пояса облаков.

— Посмотри внимательнее,— сказал Делиамбер.

Валентайн посмотрел наверх. Да, он действительно ответил чересчур поспешно.

Небо изменилось, и очень странно, легкое затемнение, как перед грозой, ни единого облачка, только странный и зловещий оттенок серого наползал на голубизну.

Знамена, ранее колыхавшиеся от легкого западного ветерка, склонились к югу под внезапным сильным порывом ветра с вершины.

— Погода меняется,— сказал Валентайн.— Может дождь пойдет? Ну, а нам-то что?

— Припомни-ка, случались ли когда-нибудь внезапные перемены погоды в этой части Горы?

— Нет, вообще-то...

Валентайн нахмурился.

— Этого никогда не было. Милорд, почему в этом районе такой благословенный климат?

— Потому, что им управляют из Замка громадные машины...

Он замолчал, пораженный ужасной мыслью.

— Вот именно,— сказал Делиамбер.

— Нет, это немыслимо!

— Подумай, милорд. Гора уходит высоко в холодную ночь космоса. В Замке над нами прячется испуганный человек, изменой захвативший трон. Он видит, что большая часть его верных генералов переметнулась на сторону врага. Непобежденная армия беспрепятственно поднимается на вершину Горы. Как он может уберечься от нее? Выключить машины, чтобы этот мягкий воздух замерз в наших легких, чтобы в полдень настала ночь, и мрак вакуума обрушился на нас, чтобы Гора снова стала безжизненной, как десять тысяч лет назад. Посмотри на небо, Валентайн, посмотри на знамена на ветру!

— Но на Горе миллиарды жителей! — закричал Валентайн.— Если он выключит машины, он убьет вместе с нами и всех, себя тоже, если он не нашел какого-то способа защитить Замок от наступления холода.

— Ты думаешь, его заботит теперь собственная жизнь? Он в любом случае пропал. Но таким способом он унесет с собой не только тебя, но и всех из Замка. Посмотри на небо, Валентайн. Видишь, как оно темнеет?

Валентайн дрожал от ярости. Доминин Баржазид желает уничтожить все города Горы в этом чудовищном катаклизме, убить матерей с детьми, фермеров на полях, торговцев в лавках, миллионы и миллионы невинных, которые никак не участвуют в этой борьбе за Замок. К чему эти убийства? Только чтобы излить свою ярость из-за потери того, что никогда ему не принадлежало по

праву! Валентайн смотрел на небо, надеясь, что это какой-то природный феномен.

Глупо надеяться! Делиамбер был прав: погода на Горе никогда не была природным феноменом.

— Мы еще далеко от Замка,— сказал Валентайн.

Он был в тревоге.

— Сколько времени пройдет, прежде чем начнется замораживание?

Делиамбер пожал плечами.

— Когда погодные машины были построены, милорд, прошло много месяцев, прежде чем воздух достаточно уплотнился, чтобы поддерживать жизнь на этих высотах. Машины работали день и ночь, однако это заняло много месяцев. Ломать — не строить, но все-таки, я думаю, это произойдет не сразу.

— Сможем ли мы вовремя достичь Замка и предотвратить уничтожение?

— Как знать, милорд.

Валентайн приказал остановить повозку и собрал своих офицеров. Фургон Илидата еще до приказа поспешил к Валентайну: видимо, Илидат тоже заметил что-то тревожное. В воздухе ощущался лишь слабый намек на похолодание, но и его было достаточно.

Илидат подбежал к Валентайну и указал на темнеющее небо.

— Милорд, безумец задумал самое ужасное!

— Я знаю. Мы тоже заметили перемену.

— Тунигорн уже близко, а Стасилейн едет со стороны Банглекода. Мы должны как можно быстрее достичь Замка.

— Думаешь, успеем? — спросил Валентайн.

— Постараемся.

Илидат холодно улыбнулся.

Собрались озадаченные Слит, Карабелла, Лизамона, Эйзенхарт, Ирманар.

Эти чужие на Горе люди, вероятно, заметили перемену погоды, но не могли осознать зловещего смысла происходящего. Они встревоженно смотрели то на Валентайна, то на Илидата, чувствуя, что происходит нечто непонятное, но не понимая, что именно Валентайн объяснил.

— Остановки в Бомбифейле не будет,— добавил он.— Едем прямо к Замку Верхнего Морпина, нигде не останавливаясь.

Он посмотрел на Ирманара.

— Я полагаю, что возможна паника. Не допусти ее. Объясни всем, что мы будем спасены, если вовремя достигнем Замка, единственное спасение — скорость. Понятно? От нее зависит жизнь миллиарда граждан, в том числе и наша.

Подъем на Гору был вовсе не таким радостным, как ранее воображал Валентайн.

После победы на Бомбифлейской Равнине с него как бы свалился тяжкий груз, потому что он не видел больше препятствий на своем пути. Он думал о безмятежном путешествии по Внутренним Городам, о триумфальном банкете в Бомбифейле, о том, что

Баржазид трясется от страха в ожидании его прибытия в Замок, о захвате узурпатора, о своем восстановлении. Но все эти приятные мечты разлетелись. Армия в отчаянной спешке поднималась вверх. Небо с каждой минутой становилось темнее, ветер с вершины крепчал, воздух стал более сырым и едким. Что думают об этих переменах в Бомбифейле, Перитоле и выше, в Халенксе и Морпине, да и в самом Замке?

Конечно, все понимают, что произошло нечто ужасное, если вся прекрасная Гора Замка страдает от непривычных порывов холодного ветра и день вдруг обращается в ночь. Но понимают ли они, какое бедствие обрушивается на них?

А как народ в самом Замке? Пытается ли добраться до погодных машин, выключенных их сумасшедшим Коронованным, или узурпатор забаррикадировал проход к машинам, и смерть равно поразит всех?

До Бомбифейла было теперь рукой подать. Валентайн сожалел, что проедет мимо него. Его армия после сражения нуждалась в отдыхе. Но если они остановятся, они останутся в нем навеки.

Так что вверх и вверх сквозь надвигавшуюся ночь. Как ни старались они ехать быстро, Валентайну все казалось медленно, потому что он представлял себе толпы на площадях города, взволнованные толпы перепуганных людей, смотревших в небо и кричавших — лорд Валентайн, спаси нас! Они не знали, что черноволосый человек, к которому они обращаются, виновник их гибели. Он представил, как жители Горы миллионами хлынут на дороги, панически перемещаясь на нижние уровни в безнадежных, бесплодных усилиях избежать смерти. Он представил, как языки пронизывающего ветра лижут беспорочно-прекрасные растения Барьера Толингера, замораживают каменных птиц Форбила, губят ухоженные сады Сти, превращают в лед каналы Хикмара. Это чудо, Гора Замка, создавалось восемь тысяч лет, а безумец с холодной и подлой душой уничтожит ее в одно мгновение.

Стены и башни Бомбифейла, прекрасные даже в этом гаснущем свете, манили к себе Валентайна, но он проехал мимо, торопливо двигаясь по ступеням горной дороги, вымощенной древними плитами красного камня.

Повозка Илидата была справа от него, Карабеллы — слева, чуть позади ехали Слит, Залзан Кавол, Ирманар, Лизамона, а за ними все отряды, собранные Валентайном в долгом путешествии. Все спешили за своим лордом, но понимали, что наступает миг апокалипсиса, когда чудовищное зло готово восторжествовать, и только мужество, храбрость и стремительность могут предотвратить его победу.

Валентайн сжал кулаки и попытался силой воли заставить повозку двигаться быстрее.

Делиамбер, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться. Но как сохранять спокойствие, когда сам воздух Горы уходит молекула за молекулой, и тьма ночи завладевает всем вокруг?

— Видишь деревья вдоль дороги с малиново-золотыми цветами? — спросил Валентайн.— Они были посажены четыре тысячи лет назад. Когда они цветут, в Верхнем Морпине устраивается

фестиваль, и тысячи людей танцуют на дороге между ними. Видишь — листья уже съежились и почернели. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод еще только начинается. Что будет с ними через восемь часов? Если листья губит даже такой холод, что будет в настоящий мороз и снег? Снег на Горе Замка, и даже хуже, чем снег, когда исчезнет воздух, все обнажится под звездами!

— Мы еще не пропали, милорд. Что за город над нами?

— Верхний Морпин, город развлечений, где происходят игры.

— Думай об играх, которые будут здесь в следующем месяце, милорд, в честь твоего возвращения.

Валентайн кивнул.

— Да,— сказал он без тени иронии,— я буду думать об играх, о смехе, о вине, о цветах на деревьях, о птицах. Нельзя ли заставить этот фургон ехать быстрее, Делиамбер?

— Он плавучий, а не летающий. Наберись терпения. Замок уже близок.

— Еще несколько часов,— угрюмо сказал Валентайн.

Он старался сохранить душевное равновесие. Он вспоминал Валентайна — жонглера, простоватого парня, похороненного теперь где-то внутри него, который показывал только что выученные приемы, сводя себя до уровня руки и глаза. Держись в центре своей души, помни, что жизнь — игра, путешествия, короткие развлечения, что Коронованные могут тонуть в реке, что их могут сожрать морские драконы, высмеять в пантомиме метаморфы.

Ну и что? Довольно слабое утешение.

Это неудача одного человека, довольно тривиальная в глазах Божества, хотя этот человек и был королем. А здесь угроза миллиарду невинных людей и произведениям искусства — Горе, возможно, единственной во всем космосе.

Верхний Морпин поднимался справа сияющим плетением. Фантастический город игр, чудес и грез, город, сплетенный из золотой проволоки, как думал в детстве Валентайн, когда смотрел на чудесные здания Верхнего Морпина. Сейчас он взглянул на него и быстро отвернулся. До Замка осталось десять миль, сущий пустяк.

— Как называется эта дорога? — спросил Делиамбер.

— Большое Калинтанское Шоссе. Я тысячу раз проезжал по нему в город развлечений и обратно. Поля, его окружающие, засеяны таким образом, что в любой день года здесь что-нибудь да цветет и всегда в приятном сочетании красок. А сейчас, видишь, все цветы свернулись и поникли.

— Их можно будет высадить снова, если холод их погубит. Но пока еще этого не случилось. Эти растения не так нежны, как ты думаешь.

— Я как будто собственной кожей чувствую, как им холодно.

Теперь они были на вершине Горы, так высоко над равнинами Альханроеля, как будто достигли другой планеты.

Все здесь заканчивалось фантастическим взлетом островерхих пиков и утесов.

Вершина целилась в звезды как бы сотнями копий, и среди этих

изящных каменных шпилей поднимался высочайший круглый бугор, где лорд Стиамот устроил свою имперскую резиденцию восемь тысяч лет назад в честь победы над метаморфами, и с тех пор каждый Коронованный отмечал свое правление добавочными залами, пристройками, зубчатыми стенами и парапетами. Замок раскинулся на тысячи акров, это был город в себе, лабиринт более запутанный, чем берлоги Понтифика.

Совсем стемнело. Холодные безжалостные звезды горели над головой.

— Наверное воздух уходит,— прошептал Валентайн,— и скоро придет смерть.

— Это просто ночь, а не бедствие,— ответил Делиамбер.— Мы ехали весь день, и ты не заметил, как прошло время.

— А воздух?

— Он становится более холодным и разреженным, но он еще не ушел.

— Время еще есть?

— Есть...

Они проехали последний поворот. Валентайн хорошо его помнил: поворот шоссе взлетал резкой дугой вокруг Горы, и ошеломленный путешественник впервые видел перед собой Замок.

Валентайн еще не видел Делиамбера таким изумленным.

— Что это за здания, Валентайн? — тихо спросил колдун.

— Это Замок.

Да, это был Замок лорда Молибора, Замок лорда Вориакса, Замок лорда Валентайна. Ниоткуда нельзя было увидеть его весь целиком или хотя бы сколько-нибудь значительную его часть, но отсюда был виден достаточно внушительный сегмент Замка, громадная каменная и кирпичная кладка, поднимавшаяся уровень за уровнем, лабиринт за лабиринтом, вившийся кругами и блиставший миллионами огней.

Страх у Валентайна пропал. Лорд Валентайн мог не печалиться о Замке лорда Валентайна. Теперь он дома, и какая бы рана ни была нанесена, она скоро будет залечена.

Калинтанское шоссе заканчивалось площадью рядом с южным крылом Замка. Она представляла собой огромное открытое пространство, вымощенное кусочками зеленого фарфора с золотой горящей звездой в центре. Валентайн вышел из фургона и собрал своих офицеров. Дул пронзительный холодный ветер.

— Здесь у ворот есть стража? — спросила Карабелла,— нам придется вести осаду?

Валентайн улыбнулся и покачал головой.

— Стражи нет. Кто и когда вторгался в Замок Коронованного! Мы просто проедем под этой аркой. Но внутри мы снова можем встретиться с вражескими отрядами.

— Стража Замка в моем подчинении,— сказал Илидат,— предоставьте ее мне.

— Хорошо. Держитесь вместе, уповайте на Божество, а утром отпразднуем победу!

— Да здравствует лорд Валентайн! — закричал Слит, а за ним все остальные.

Валентайн поднял руки в знак признательности и для восстановления тишины.

— Праздновать будем завтра, а сегодня дадим бой, и, я надеюсь, последний!

Какое странное ощущение — вновь пройти под Аркой и увидеть перед собой Замок во всей его причудливой пышности.

Мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, носился по бесконечному лабиринту его проходов и коридоров, благоговейно взирал на стены и башни, ограды и своды. Юношей на службе у своего брата лорда Вориакса жил в Замке в Пенитор Корт, где была резиденция высоких официальных лиц, и не раз гулял по парапету лорда Осиера, любуясь видом Верхних Городов. Коронованным он занимал самые внутренние зоны Замка. Он с наслаждением прикасался к древним камням Башни лорда Стиамота, проходил через тронный зал лорда Конфалума, изучал звезды в Обсерватории лорда Кинникена и размышлял о том, что он сам сделает в Замке в последующие годы. И вот теперь он снова здесь и только сейчас осознает, как любит это место — не за то, что оно было символом власти и имперского величия, а главным образом потому, что это была ткань веков, живая, дышащая ткань истории.

— Замок наш! — радостно вскричал Илидат.

Армия Валентайна вошла в неохраняемые ворота.

Но, думал Валентайн, на Гору движется смерть и все жители умрут через несколько часов.

Слишком много времени прошло с тех пор, как атмосфера начала меняться.

Усиливающийся холод, тяжело легший на Гору Замка, нигде не был так заметен, как в самом Замке. Его обитатели, уже ошеломленные и испуганные событиями гражданской войны, стояли, как восковые фигуры, в то время как отряды Валентайна прорывались в Замок. Некоторые, более практичные или сообразительные, кричали:

— Да здравствует лорд Валентайн!

Основная же масса при виде золотоволосого незнакомца вела себя так, словно уже начала замерзать.

Отряды атакующих быстро и точно двигались к указанным Валентайном целям.

Герцог Хайтлог и его воины хлынули по периметру Замка, чтобы нейтрализовать любую враждебную силу. Эйзенхарт и шесть отрядов жителей долин стали закрывать многочисленные ворота Замка, чтобы никто из приверженцев узурпатора не смог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими отрядами пошли наверх к имперским холлам внутреннего сектора, чтобы захватить выставленные правительством посты. Сам Валентайн с Илидатом и Ирманаром и их объединенными силами спустился по спиральному мощеному проходу к подземелью, где находились погодные машины. Остальные отряды под командой Насимонта, Залзана Кавола, Шанамира, Лизамоны и Гарцвела рассыпались по всему

Замку в поисках Доминина Баржазида, который мог скрываться в любой из тысяч комнат.

В конце мощеного спуска Валентайн остановился, потому что плавучие повозки не могли двигаться дальше, и быстро пошел пешком. Нос, губы и уши немели от холода, сердце сильно билось, легкие отказывались работать в разреженном воздухе.

Подземелье было почти незнакомо ему, он был здесь всего раз или два, и то очень давно, но Илидат, похоже, знал дорогу.

Они шли по коридорам, по бесконечным пролетам широкой каменной лестницы к высокой арке, точками мерцавшей вдали. Воздух заметно охлаждался, неестественная ночь плотно охватывала Гору.

Перед ними оказалась громадная деревянная дверь, обитая толстыми металлическими полосами.

— Выломать! — приказал Валентайн.— Прожечь, если нужно!

— Подожди, милорд,— прозвучал тихий, дрожащий голос.

Валентайн быстро обернулся. Из прохода в стене вышел древний гайрог и неуверенным шагом подошел.

— Хранитель погодных машин,— пробормотал Илидат.

Гайрог выглядел почти мертвым.

Он растерянно переводил взгляд с Илидата на Ирманара, с Ирманара на Валентайна, а затем упал к ногам Валентайна.

— Милорд, лорд Валентайн, спаси нас! Машины выключены!

— Ты можешь открыть дверь?

— Да, милорд. Контрольный пост в этом проходе, но внутри командуют отряды, они выкинули меня. Что они сделали там, милорд? Что с нами будет?

Валентайн поднял трясущегося гайрога.

— Открой дверь.

— Слушаюсь, милорд. Минутку...

Скорее вечность,— подумал Валентайн.

Послышался устрашающий звук подземного механизма, и тяжелый деревянный барьер со скрипом и стоном начал отходить в сторону.

Валентайн хотел первым ворваться в проем, но Илидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентайн хлопнул по дрожащей руке, словно это было надоедливое насекомое, но Илидат держал его крепко.

— Нет, милорд,— резко сказал он.

— Пусти, Илидат.

— Даже ценой моей головы, Валентайн, я не пущу тебя туда. Отойди в сторону.

Валентайн оглянулся на Ирманара, но не нашел поддержки.

— Гора замерзает, милорд, а ты задерживаешь нас,— сказал Ирманар.

— Я не позволю...

— Отойди! — приказал Илидат.

— Я Коронованный!

— А я отвечаю за твою безопасность. Не обижайся, милорд, но внутри вражеские солдаты, отчаянный народ, защищающий последний оплот власти узурпатора. Заметит тебя какой-нибудь

снайпер, и вся наша борьба окажется напрасной. Отойдешь сам, Валентайн, или я должен совершить кощунство и грубо оттащить тебя с дороги?

Валентайн раздраженно уступил, сердито следя, как Илидат и отряд копьеносцев прошли мимо него внутрь. Почти сразу же послышались звуки сражения: крики, энергоразряды, стоны. Хотя люди Ирманара караулили Валентайна, он раз десять пытался ворваться в подземелье, но они держались стойко. Затем явился посланец от Илидата и сообщил, что первое сопротивление сломлено, что они идут вглубь, что там баррикады, ловушки, засады вражеских солдат через каждую сотню ярдов. Валентайн сжимал кулаки. Как это ужасно — быть слишком священным и не иметь возможности рисковать самому, пока вокруг кипит война за его трон! Он решил войти внутрь — пусть Илидат отвяжется.

— Милорд!

К нему бежал задыхающийся посланец с другого конца коридора.

— В чем дело? — спросил Валентайн.

— Меня послал герцог Насимонт. Мы нашли Доминина Баржазида. Он забаррикадировался в Обсерватории. Герцог просит тебя прийти быстрее.

Валентайн кивнул. Это было лучше, чем стоять без дела. Он сказал первому посланцу:

— Скажи Илидату, что я пошел наверх. Даю ему разрешение добраться до погодных машин любым способом, какой он найдет лучшим.

Едва Валентайн двинулся по проходу, как появился помощник Гарцвела и сказал, что узурпатор в Пинтор Корте, а еще через несколько минут поступило известие от Лизамоны, что она преследует Доминина по спиральному проходу, который ведет к отражающему бассейну лорда Симинейва.

В главном холле Валентайн нашел Делиамбера, зачарованно следившего за действиями военных.

Рассказав уруну о противоречивых рапортах, Валентайн спросил:

— Может он находится сразу в трех местах?

— Скорее всего нет,— ответил колдун,— если только он не един в трех лицах, в чем я сомневаюсь. Но я чувствую его присутствие, темное и сильное.

— В каком именно месте?

— Трудно сказать. Его враждебная жизненная сила такова, что отражается от любого камня Замка, и это сбивает меня с толку. Но теперь, мне кажется, я больше не боюсь.

— Лорд Валентайн!

Появился новый посланец. У него было знакомое лицо: густые сросшиеся брови, легкая доверчивая улыбка. Это был Тунигорн, второй ближайший друг детства Валентайна, теперь один из главных министров королевства. Он смотрел на незнакомца проницательным взглядом, как бы пытаясь разглядеть за странной внешностью настоящего Валентайна. Рядом с ним был Шанамир.

— Тунигорн! — воскликнул Валентайн.

— Милорд, Илидат сказал мне, что ты изменился, но я не думал...

— Я кажусь тебе чужим с этим лицом?

Тунигорн улыбнулся.

— Привыкнем, милорд. Но это потом. Я принес хорошие новости.

— Увидеть тебя снова — уже хорошая новость.

— У меня есть получше. Предателя нашли.

— За последние полчаса я слышал об этом уже три раза, причем назывались три разных места.

— Насчет тех рапортов ничего не знаю, но я утверждаю, что его нашли.

— Где?

— Он забаррикадировался во внутренних комнатах. Последним его видел слуга, старый, до конца преданный Канзимар. Он увидел, как тот трясется и в ужасе бормочет что-то невнятное, и понял, наконец, что перед ним не Коронованный. Изменник запер все помещения, от тронного зала до гардеробных, и сидит там один.

— Да, это действительно хорошие новости!

Валентайн обернулся к Делиамберу.

— Можешь подтвердить это колдовством?

Делиамбер пошевелил щупальцами.

— Я чувствую злобное, ожесточенное присутствие в том величественном здании.

— Имперские комнаты,— сказал Валентайн.

Он обернулся к Шанамиру.

— Пошли известие Слиту, Карабелле, Залзану Каволу и Лизамоне. Я хочу, чтобы они были со мной, когда мы пойдем туда.

— Слушаю, милорд.

Глаза мальчика заблестели.

— Кто эти люди, которых ты назвал? — спросил Тунигорн.

— Друзья по странствиям, друг. За время моей ссылки они стали мне очень близки.

— Тогда они будут близки и мне, милорд. Кто бы они ни были, я буду любить их, раз ты их любишь.

Тунигорн плотнее запахнул плащ.

— Что за холод! Когда он кончится? Илидат сказал, что погодные машины...

— Да.

— Их можно восстановить?

— Илидат там. Кто знает, какой ущерб нанес им Баржазид? Будем надеяться на Илидата.

Валентайн взглянул на возвышающийся перед ним внутренний дворец и прищурился, как бы стараясь рассмотреть сквозь благородные каменные стены бессовестное испуганное существо, спрятавшееся за ними.

— Этот холод удручает меня, Тунигорн. Спасение теперь в руках Божества и Илидата. Пошли посмотрим, нельзя ли выкурить это насекомое из его щели.

Момент финальной встречи с Доминином Баржазидом был

уже близок. Валентайн быстро шел по хорошо знакомым феноменальным комнатам.

Вот сводчатая постройка, архив лорда Престимиона, где этот великий Коронованный устроил музей истории Маджипуры.

Валентайн улыбнулся, представив свои жонглерские дубинки рядом с мечом лорда Стиамота и осыпанным драгоценностями плащом лорда Конфалума. Вот поднимается в головокружительном взлете стройная, кажущаяся хрупкой сторожевая башня лорда Ариоха — поистине странная конструкция, указывающая, пожалуй, на значительные странности, проявленные Ариохом на пути к Понтификату. Там двойной атриум с бассейном в центре — часовня лорда Кинникена, примыкающая к прекрасному белокафельному залу, это была резиденция Леди, когда она посещала своего сына. А вот стеклянная крыша оранжереи лорда Конфалума, этого обожающего помпу монарха, помещение, где собраны нежные растения со всей Маджипуры. Валентайн молил судьбу, чтобы растения пережили эту ночь зимнего холода, потому что он мечтал в скором времени побывать здесь снова и полюбоваться чудесами природы, которые ему довелось увидеть в лесах Зимроеля и на побережье Стойенцара.

Они шли через бесконечный лабиринт коридоров, лестниц, галерей, туннелей, все дальше и дальше...

— Мы умрем не от холода, а от старости, пока доберемся до Баржазида! — проворчал Валентайн.

— Теперь уже скоро, милорд,— сказал Шанамир.

— Не так скоро, как бы хотелось.

— Как ты его накажешь, милорд?

Валентайн посмотрел на мальчика.

— Наказать? Какое наказание может быть за то, что он сделал? Посадить на три дня на хлеб и воду? Можно ли наказать Стейч за то, что он выбросил нас на камни?

Шанамир оторопел.

— Совсем не наказывать?

— В твоем понимании наказания — нет!

— Убить, чтобы впредь не делал зла?

— Тоже нет,— сказал Валентайн.— Но прежде найдем, а уж потом подумаем, что с ним делать.

Через полчаса Валентайн стоял перед сердцем Замка — огороженными стеной имперскими комнатами, не самыми древними, но наиболее священными. У ранних Коронованных здесь были правительственные залы, но потом их заменили более богатыми и пышными помещениями великих правителей последнего тысячелетия и устроили тут в стороне от других запутанных лабиринтов Замка. Самые высокие государственные церемонии проводились в этих роскошных помещениях с высокими сводами, и вот теперь одно-единственное презренное существо затаилось за древними массивными дверями с огромными тяжелыми резными болтами.

— Ядовитый газ,— сказала Лизамона.— Пустить через стены одну канистру и покончить с ним.

— Да! — горячо поддержал ее Залзан Кавол.— Пропустить

через трещины тонкую трубочку, и газ, каким в Пилиплоке убивают рыбу, сделает свое дело.

— Нет,— сказал Валентайн,— мы возьмем его живым.

— А как, милорд? — спросила Карабелла.

— Можно выломать двери,— прогудел Залзан Кавол.

— Ломать двери лорда Престимиона, сооружавшиеся тридцать лет, чтобы вытащить мошенника из укрытия? — спросил Тунигорн.— Милорд, затея с ядом, по-моему, лучше. Нам нельзя терять время.

— Мы не можем действовать, как варвары. Никаких отравлений я не позволю.

Валентайн взял руки Карабеллы и Слита и поднял их.

— Вы жонглеры с гибкими умелыми пальцами, и ты тоже, Залзан Кавол. Не воспользоваться ли вам этими пальцами для других целей?

— Открыть замки, милорд? — спросил Слит.

— Вроде того. В этих комнатах множество выходов. Может, не все они с засовами. Отправляйтесь и поищите путь в обход барьеров, а я пока попробую другой способ.

Он подошел к гигантской золоченой двери, на каждом квадратном дюйме которой были вырезаны рельефные сцены правления лорда Престимиона и его прославленного предшественника лорда Конфалума, и положил руки на тяжелые бронзовые ручки, как бы намереваясь открыть дверь одним крепким поворотом.

Он стоял так довольно долго, отключившись от напряжения вокруг. Он попытался войти в спокойное место в центре своей души, но встретил мощное сопротивление.

Его мозг вдруг наполнился бившей через край ненавистью к Доминину Баржазиду.

За этой громадной дверью находился человек, скинувший Валентайна с трона, обрекший его на странствия, правивший его именем, и, что хуже всего, совершенно чудовищно и непростительно — собравшийся уничтожить миллиард невинных, ни о чем не подозревающих граждан, когда планы его сорвались.

За это Валентайн ненавидел Доминина Баржазида и за это стремился уничтожить его.

Пока он стоял, вцепившись в ручки двери, в его мозгу возникли образы жестокого насилия. Он видел Доминина Баржазида, истекающего кровью и вопящего так, что слышно в Пидруде. Он видел Доминина Баржазида, прибитого к дереву оперенными стрелами. Он видел Доминина Баржазида, падающего под градом камней.

Он видел...

Валентайн дрожал от силы собственной ярости. Но никто в цивилизованном обществе не сдирает заживо кожу с врага, никто не оборачивает свою злобу в насилие — даже над Доминином Баржазидом.

Как, думал Валентайн, я смогу управлять миром, если не могу справиться с собственными эмоциями? Он знал, что пока в его душе кипит эта злоба, он так же не способен править миром, как и сам

Доминин Баржазид! Нужно бороться с этими чувствами. Пульсация крови в висках, дикая жажда мести — все это должно уйти, прежде чем он сделает хоть одно движение к Доминину Баржазиду.

Валентайн боролся с собой. Он расслабил сжатые мышцы, глубоко вдохнул холодный воздух, и постепенно напряжение ушло. Он нашел то место в своей душе, куда так неожиданно вошла горячая жажда мести, и прочистил его. Вот теперь он мог двинуться в спокойное место в центре своей души и задержаться в нем, почувствовав, что в Замке только двое — он и Доминин Баржазид, и дверь — единственный барьер между ними.

Овладеть собой — самая первая победа, остальное еще впереди.

Он воззвал к власти серебряного обруча Леди, вошел в транс и послал силу своего духа врагу.

Валентайн не стал посылать сон мести и кары: это было бы слишком откровенно, слишком дешево, слишком легко. Он отправил нежный сон любви и дружбы, и печали о том, что случилось. Такое послание могло только удивить Доминина Баржазида. Валентайн показал ему головокружительно-прекрасный город развлечений Верхний Морпин и их обоих, идущих рядом по улице Облаков, дружески разговаривающих, улыбающихся, спорящих о различиях между ними, пытающихся сгладить расхождения и опасения.

Это был рискованный путь. Он сулил Валентайну насмешки и презрение, если Доминин не поймет его мотивов. Но действовать на него угрозами и яростью было безнадежно. Может быть, удастся воздействовать на него благожелательностью.

Такое послание требовало больших запасов духа, поскольку наивно было предполагать, что Доминина Баржазида можно обольстить ложью, и если бы любовь Валентайна не была искренней и это не чувствовалось бы, послание было бы просто глупым.

Валентайн не знал, сможет ли он найти в себе любовь к человеку, сделавшему столько зла, однако же отыскал ее и послал... Затем взялся за ручки двери, восстановил силы и стал ждать какого-либо знака изнутри.

Неожиданно пришло послание: мощный взрыв ментальной энергии, пугающий, яростный, вылетел из имперских комнат подобно горячему суврaельскому ветру Валентайн почувствовал опаляющий взрыв глумливого отказа Доминина Баржазида. Баржазид не нуждался ни в любви, ни в дружбе. Он послал недоверие, ненависть, злобу, презрение, воинственность, декларацию войны.

Удар-был весьма интенсивным. Валентайн даже удивился, что Баржазид способен на послания. Наверняка тут действовала какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов. Валентайн ожидал чего-то в таком роде.

Но это было уже неважно. Валентайн твердо держался перед иссушающим потоком энергии, посланной ему Доминином Баржазидом.

Затем он отправил второе послание, настолько мягкое

и искреннее, насколько послание Доминина было грубым и враждебным. Он послал сон прощения, полного забвения. Он показал Доминину Баржазиду гавань, флотилию суваельских кораблей, ожидающих его возвращения в земли его отца, большой парад, когда Валентайн и Доминин ехали вместе в колеснице в порт для церемонии отплытия, стояли на набережной, смеялись, прощались — два добрых врага, имевших полную власть и теперь расставшихся по-хорошему.

В ответ пришел сон смерти, уничтожения, ненависти, отвращения.

Валентайн медленно потряс головой, стараясь очистить ее от лившейся на него ядовитой грязи. В третий раз собрав силы, он стал готовить послание врагу. Он не хотел опускаться до уровня Баржазида и все еще надеялся победить его теплом и добротой, хотя любой сказал бы, что глупо даже пытаться. Валентайн закрыл глаза и сосредоточился на серебряном обруче.

— Милорд!

Женский голос пробился сквозь сосредоточенность Валентайна, как раз когда он входил в транс.

Вмешательство было резким и болезненным. Валентайн повернулся с не свойственной ему злостью. Он был так потрясен неожиданностью, что не сразу узнал голос Карабеллы. Она испуганно попятилась.

— Милорд,— слабо произнесла она.— Я не знала...

Он овладел собой.

— В чем дело?

— Мы нашли способ открыть дверь.

Валентайн закрыл глаза. Тело его облегченно расслабилось. Он привлек к себе Карабеллу и сказал:

— Веди меня туда.

Карабелла повела его по коридорам в древних драпировках и толстых коврах.

Она шла уверенно, что его удивило, потому что она никогда не бывала здесь.

Они пришли к той части имперских комнат, которую Валентайн не помнил — к служебному входу где-то за тронным залом, маленькому, скромному помещению. Слит, стоя на плечах Залзана Кавола, по пояс влез во фрамугу и производил какие-то манипуляции на внутренней стороне двери.

Карабелла сказала:

— Мы открыли таким образом три двери, это четвертая. Еще минуту...

Слит вытащил голову и оглянулся, пыльный, ухмыляющийся, явно довольный собой.

— Открыто, милорд!

— Вот это здорово!

— Мы войдем и схватим его,— сказал Залзан Кавол.— Где ты будешь ждать его, милорд?

— Нет,— сказал Валентайн.— Туда войду я один.

— Ты, милорд? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.

— Один? — спросила Карабелла.

Слит, явно оскорбленный, закричал:

— Милорд, я не позволю...

Он умолк, испугавшись своих слов.

Валентайн мягко сказал:

— Не бойтесь за меня. Мне предстоит действовать самому, без чьей-либо помощи. Отойдите назад. Я приказываю не входить, пока не позову.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала что-то говорить, но замолчала. Залзан Кавол рыкнул и беспомощно развел всеми четырьмя руками. Валентайн толкнул дверь, вошел в какой-то вестибюль, видимо, кухонный проход, едва ли знакомый Коронованному. Он осторожно прошел через него и очутился в зале, обитом парчей — комнате для одевания. Позади была часовня Деккерета, а дальше судейский зал лорда Престимиона, громадная сводчатая комната с великолепными окнами матового стекла и канделябрами работы лучших мастеров Ни-мои. За ним следовал Тронный зал с громадным троном Конфалума. Где-то в этих апартаментах Валентайну предстояло найти Доминина Баржазида.

Комната для одевания была пуста и выглядела так, словно ею давно не пользовались. Валентайн прошел под каменной аркой в часовню Деккерета, никого там не увидел и двинулся дальше по короткому изогнутому коридору с ярким зеленым с золотом мозаичным орнаментом к судейскому залу. Глубоко вздохнув, он открыл дверь.

Сначала он подумал, что громадное помещение пусто. Из больших канделябров горел только один и то в дальнем конце, тускло освещая зал. Валентайн посмотрел направо и налево, на ряды деревянных полированных скамей, на занавешенные альковы, скрывавшие принцев и герцогов, пока над ними вершился суд, на высокий трон Коронованного.

Он увидел фигуру в имперской одежде, стоявшую в тени стола советника у подножия трона.

Из всех странностей, случившихся с ним во время ссылки, самым странным было стоять меньше чем в сотне футов от человека с бывшим его, Валентайна, лицом. До этого Валентайн однажды видел поддельного Коронованного — во время фестиваля в Пидруде, он чувствовал тогда, сам не зная почему, что взгляд Коронованного пачкает его и отнимает у него энергию, но это было до того, как Валентайн снова обрел память. Теперь он видел в слабом свете высокого сильного чернобородого мужчину с жестокими глазами, одетого как принц и вовсе не испуганного, бормочущего в страхе, а встречающего его с холодной спокойной угрозой.

Неужели и я так выглядел раньше,— подумал Валентайн.— Таким равнодушным, ледяным, недоступным? Потом он подумал, что за то время, пока Доминин Баржазид владел его телом, черная душа узурпатора проступила на его лице и исказила черты Коронованного выражением болезненной ненависти.

Валентайн начал привыкать к своему добродушному, жизнерадостному новому лицу и теперь, глядя на свое бывшее лицо, не испытывал желания получить его обратно.

— Я сделал тебя красивым, верно? — сказал Баржазид.

— А себя куда меньше,— сердечно ответил Валентайн.— Зачем ты хмуришься, Доминин? Этому лицу больше подходит улыбка.

— Ты слишком много улыбался, Валентайн. Ты был слишком уступчивым, слишком мягким, слишком бесхитростным, чтобы править.

— Значит, ты так обо мне думал?

— Не только я, но и многие другие. Как я понимаю, ты стал бродячим жонглером.

— Мне нужно было ремесло, раз ты отнял мою прежнюю жизнь. Жонглирование мне понравилось.

— Неудивительно.

Голос Доминина Баржазида гулко раздавался в пустом зале.

— Ты всегда умел развлекать других. Советую тебе вернуться к жонглированию, Валентайн. Печать и власть — мои.

— Печати твои, но власть — нет. Твоя стража сбежала от тебя. Замок тебе уже не подчиняется. Сдавайся добровольно, Доминин, и мы возвратим тебя в земли твоего отца.

— А как насчет погодных машин, Валентайн?

— Они снова включены.

— Вранье! Глупое вранье!

Доминин Баржазид быстро повернулся и распахнул высокое окно. Порыв холодного воздуха ворвался так внезапно, что Валентайн на другом конце зала почувствовал его почти сразу.

— Машины охраняются моими самыми верными людьми, не твоими, а моими, привезенными из Суврaеля. Они будут охранять машины до тех пор, пока я не прикажу включить их, и если вся Гора Замка почернеет и погибнет, не дождавшись этого приказа, пусть так и будет. Ты хочешь этого?

— Этого не будет.

— Это будет,— сказал Баржазид,— если ты останешься в Замке. Уходи. Я дарую тебе безопасный спуск с Горы и бесплатный переезд в Зимроель. Жонглируй в западных городах, как в прошлом году, и забудь глупости насчет трона. Я лорд Валентайн Коронованный.

— Доминин...

— Мое имя — лорд Валентайн. А ты — бродячий жонглер из Зимроеля. Иди и займись своим ремеслом.

— Звучит заманчиво, Доминин,— беспечно ответил Валентайн.— Мне нравилось выступать, нравилось больше всего, что я делал в жизни. Но судьбе угодно, чтобы я нес бремя правления, вопреки моим личным желаниям. Пойдем.

Он сделал шаг к Баржазиду, затем второй, третий.

— Пойдем отсюда. Я дам знать рыцарям Замка, что мятеж окончен, и планета возвращается на круги своя.

— Не подходи!

— Я не хочу вредить тебе, Доминин. В каком-то смысле я даже благодарен тебе за свой исключительный опыт, за все, что никогда не случилось бы со мной, если бы...

— Назад! Ни шагу дальше!

Валентайн продолжал идти вперед.

— Я благодарен тебе также за то, что ты избавил меня от досадной хромоты, которая лишала меня некоторых развлечений.

— Ни шагу!

Теперь их разделяло не более десяти футов. Рядом с Доминином Баржазидом стоял стол с принадлежностями судейского зала: три тяжелых бронзовых подсвечника, имперская держава и скипетр. Баржазид с яростным криком схватил обеими руками подсвечник и швырнул его Валентайну в голову. Валентайн проворно отскочил и точным движением руки поймал на лету тяжелый предмет. Баржазид швырнул второй подсвечник. Валентайн поймал и его.

— Давай еще один,— сказал он.— Я покажу тебе, как жонглируют.

Лицо Баржазида исказилось, он задыхался и шипел от злости. В Валентайна полетел третий подсвечник. Первые два уже легко кружились в воздухе, перелетая из одной руки Валентайна в другую, для него не составляло труда схватить на лету третий и пустить его следом за другими в воздух. Он весело жонглировал сияющим каскадом перед собой, смеялся, подбрасывая подсвечники все выше. Как приятно было снова жонглировать, вернуться к старым навыкам, занять глаза и руки.

— Смотри,— сказал он.— Вот так. Мы можем научить тебя, Доминин. Только научись расслабляться. Ну, брось мне еще и скипетр, и державу тоже. Я могу работать пятью предметами, а может, и не только...

Жонглируя, он шел к Баржазиду, а тот пятился, широко раскрыв глаза и капая слюной на бороду.

Вдруг Валентайн резко остановился и покачнулся от послания, ударившего его со страшной силой. Подсвечники со звоном покатились по темному деревянному полу.

Последовал второй удар, затем третий.

Валентайн еле удержался на ногах. Игра с Баржазидом кончилась, началась какая-то новая схватка, Валентайн не понимал, откуда исходит угроза. Он рванулся вперед, намереваясь схватить противника, прежде чем сила ударит его снова.

Баржазид отступал, подняв дрожащие руки к лицу. Он ли нападает, или в комнате прячется его союзник?

Валентайн отпрянул, когда эта неуловимая невидимая сила ударила его в мозг снова.

Он пошатнулся, прижал ладони к вискам и попытался собраться с мыслями. Схватив Баржазида, он удержится, повалит его и позовет на помощь.

Он рванулся вперед и схватил за руку лже-Коронованного. Доминин завыл и вырвался.

Валентайн хотел прижать его к стене, но Доминин с диким воплем страха и отчаяния метнулся мимо него и побежал, ковыляя, через комнату. Он нырнул в один из альковов и закричал:

— Отец, помоги мне!

Валентайн подбежал, откинул занавеску и отступил, ошеломленный. В алькове прятался старик могучего сложения,

черноглазый, смуглый, с блестящим золотым обручем на лбу. В руке он держал какой-то прибор из кости и золота с ремешками, застежками и рычагами. Это был Симонан Баржазид, внезапно очутившийся здесь, в судейском зале Коронованного.

Это он посылал леденившие мозг послания, чуть не сбившие с ног Валентайна.

Сейчас он хотел послать еще одно, но его отвлек сын, истерически цеплявшийся за него и умолявший о помощи.

Валентайн понял, что одному тут не справиться, и громко закричал:

— Слит, Карабелла! Залзан Кавол!

Доминин Баржазид всхлипывал и стонал. Король Снов пнул его, как надоедливую собачонку. Валентайн осторожно пробрался в альков, надеясь выхватить у старого Симонана эту ужасную сонную машину, пока он не нанес ею большого ущерба.

Как только Валентайн потянулся к ней, произошло нечто еще более ошеломляющее: контуры лица и тела Симонана Баржазида стали расплываться, изменяться, превращаться во что-то чудовищно-странное, угловатое, тонкое. Глаза скосились внутрь, нос стал просто бугорком, губы почти исчезли.

Метаморф.

Не Король Снов, а поддельный, маскарадный король, Меняющий форму, пьюривар, метаморф...

Доминин Баржазид в ужасе завизжал, отскочил от странной фигуры и бросился на пол у стены, дрожа и причитая. Метаморф посмотрел на Валентайна с нескрываемой ненавистью и со страшной силой запустил в него сонным аппаратом. Валентайн отстранился, но недостаточно: машина легко ударила его в грудь, и в этот момент метаморф проскочил мимо него, стремительно пронесся через зал к открытому окну, перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

Бледный, потрясенный Валентайн обернулся и увидел, что зал полон народа: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тунигорн и множество других, поспешно вбегающих из узкого вестибюля. Он указал на Доминина Баржазида, скорчившегося в жалком состоянии шока и коллапса.

— Тунигорн, поручаю тебе заняться им. Отведи его в безопасное место и присмотри, чтобы с ним ничего не случилось.

— Понитор Корт, милорд, самое безопасное место. Дюжина вооруженных людей будет все время охранять его.

Валентайн кивнул.

— Хорошо. Не оставлять его одного. И вызови к нему врача: он испытал чудовищный испуг, и это, я думаю, не пройдет бесследно.

Он посмотрел на Слита.

— Дружище, не принесешь ли фляжку вина? Я и сам пережил тут несколько странных моментов.

Слит протянул ему фляжку. Рука Валентайна так дрожала,что он чуть не пролил вино, поднося флягу ко рту.

Несколько успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф.

Где-то далеко внизу, футах в ста, если не больше, горели фонари. Несколько фигур во дворе окружили нечто, покрытое плащом.

Валентайн отвернулся.

— Метаморф,— растерянно сказал он.— Не сон ли это? Я видел, как здесь стоял Король Снов и вдруг он превратился в метаморфа и выпрыгнул в окно.

Карабелла тронула его за руку.

— Милорд, не хочешь ли отдохнуть? Замок взят.

— Метаморф,— снова удивленно повторил Валентайн.— Как это могло случиться?

— Метаморфы были и в зале погодных машин,— сказал Тунигорн.

— Что? Кто это сказал?

— Милорд, Илидат только что вернулся из подземелья с удивительными вестями.

Тунигорн махнул рукой, и из толпы вышел сам Илидат, усталый, в запачканном плаще и разорванном костюме.

— Милорд!

— Как машины?

— Они невредимы и снова дают теплый воздух, милорд.

Валентайн облегченно вздохнул.

— Хорошо! Там были метаморфы?

— Зал охранялся отрядами в униформе личной стражи Коронованного,— сказал Илидат.— Мы приказали им сдаться, но они не подчинились даже мне. Тогда мы вступили с ними в сражение и уложили их, милорд.

— Другого выхода не было?

— Не было, милорд. Умирая, они изменялись...

— Все?

— Да. Все они были метаморфами.

Валентайн вздрогнул. Странность на странности в этом кошмарном перевороте!

Он чувствовал, как его охватывает безмерная усталость. Машина жизни крутится снова, Замок принадлежит ему, фальшивый Коронованный — пленник, мир спасен, порядок восстановлен, угроза тирании устранена, и все-таки есть еще новая тайна, а он так страшно устал...

— Милорд,— сказала Карабелла,— пойдем со мной.

— Да,— глухо сказал он,— мне надо немного отдохнуть.

Он слабо улыбнулся.

— Отведи меня, милая, на кушетку в комнате для одевания. Я часок посплю. Ты не помнишь, когда я спал последний раз?

Карабелла взяла его под руку.

— Кажется, несколько дней назад.

— Недели, месяцы назад. Но все равно, не давай мне спать больше часа.

— Хорошо, милорд.

Он упал на кушетку. Карабелла укрыла его, погасила свет,

и Валентайн позволил усталому телу расслабиться.

В его мозгу проносились яркие образы: Доминин Баржазид вцепился в колени старика, Король Снов злобно отталкивает его и пускает в ход ту странную машину, а затем — быстрая метаморфоза, и на Валентайна смотрит лицо пьюривара. Страшный крик Доминина, метаморф, бросающийся к открытому окну. Все это снова и снова проносилось в измученном мозгу Валентайна.

Наконец он уснул.

Спал он не час, как намеревался, а несколько больше. Он проснулся от яркого золотого утреннего света.

Все тело болело. Сон,— думал он,— дикий смущающий сон. Нет, не сон.

— Отдохнул, милорд?

Карабелла, Слит, Делиамбер охраняли его сон. Он улыбнулся.

— Отдохнул. И ночь прошла. Что произошло?

— Ничего особенного,— сказала Карабелла,— кроме того, что воздух нагревается. Замок ликует. Вниз идет весть о переменах, пришедших на планету.

— Метаморф, который бросился из окна, разбился насмерть?

— Конечно, милорд,— ответил Слит.

— На нем были одежда и регалии Короля Снов. Как это случилось?

— Я могу только предположить, милорд,— сказал Делиамбер.— Я разговаривал с Доминином Баржазидом. Он сошел с ума и поправится не скоро, если вообще поправится. Он рассказал мне только кое-что. В прошлом году его отец, Король Снов, тяжело заболел, думали, что он вот-вот умрет. Ты в это время был еще на троне.

— Но я ничего не слышал об этом.

— Они об этом не извещали. Но он был очень плох, и тогда в Сувраеле появился новый врач откуда-то из Зимроеля, якобы обладавший большими знаниями. Действительно, Король Снов чудесным образом выздоровел, можно сказать, восстал из мертвых. Вот тогда, милорд, Король Снов вбил в голову сына мысль устроить тебе ловушку в Тил-омоне и сместить тебя.

Валентайн задохнулся.

— Врач-метаморф?

— Да, но принявший вид человека вашей расы. Затем, я думаю, он принял облик Симонана Баржазида и сохранял его, пока яростное сражение в судейском зале не заставило измененную форму заколебаться и упасть.

— А Доминин? Он тоже...

— Нет, милорд. Он настоящий Доминин, и вид того, кого он считал отцом, поверг его в безумие. Но именно метаморф толкнул его на узурпацию, и легко догадаться, что другой метаморф заменил бы Доминина как Коронованного.

— А метаморфские стражники повиновались приказам лже-Короля Снов, а вовсе не Доминина. Тайная революция, так, Делиамбер? Захват всей власти не семьей Баржазида, а Меняющими Форму.

— Боюсь, что так, милорд.

— Это многое объясняет,— сказал Валентайн, глядя вдаль,— и вносит еще больше беспорядка.

— Милорд,— сказал Слит,— нужно разыскать тех, кто скрывается среди нас, и истребить, а остальных запереть в Пьюривайне, где они не смогут причинять вреда.

— Полегче, дружище,— сказал Валентайн.— Ты ненавидишь живых метаморфов, верно?

— Не без причин.

— Да, возможно. Ну, что ж, мы их разыщем, чтобы не было тайных метаморфов, прикидывающихся Понтификом, Леди или даже работником в стойле. Но я думаю, что мы должны установить контакт с этим народом и вылечить его от злобы, если это удастся, иначе Маджипура окажется втянутой в бесконечную войну.

Он встал и поднял руки.

— Друзья, у нас впереди много работы, но первым делом — праздник! Слит, ты отвечаешь за празднование моего восстановления, устройство банкетов и развлечений, приглашение гостей. Пошли известие на Маджипуру, что все хорошо или почти хорошо и что Валентайн снова на троне!

Тронный зал Конфалума был самым большим из всех помещений Замка, роскошным, величественным залом с яркой позолотой, прекрасными гобеленами, полом из шелковистого дерева с гор Кинтора. Там происходили самые важные имперские церемонии, но такое зрелище Тронному залу редко случалось видеть.

Высоко на громадном многоступенчатом Троне Конфалума сидел лорд Валентайн Коронованный, слева на троне чуть пониже — Леди, его мать, вся в белом, а направо на троне такой же высоты, что у Леди, Горнкейст, главный спикер Понтифика: Тиверас прислал извинения и его вместо себя, а перед ними выстроились герцоги, принцы и рыцари королевства в таком ансамбле, какого не бывало со времен самого лорда Конфалума — верховные лорды из далекого Зимроеля, из Пидруда, Тил-омона, Нарабала, герцог-гайрог из Долорна, великие герцоги Пилиплока и Ни-мои и пятидесяти других городов Зимроеля, из сотен городов Альханроеля, кроме пятидесяти с Горы Замка.

Но не все заполнявшие зал были герцогами и принцами, был и более скромный народ — Гарцвел-скандар, Кордилейн, парусный мастер, Панделон, плотник, Виноркис-хьерт, торговец шкурами, мальчик Хиссун из Лабиринта, Тизана, толковательница снов из Фалкинкипа и многие другие, рангом не выше этих, стояли среди вельмож и лица их сияли.

Лорд Валентайн встал, отсалютовал матери, ответил на приветствия Горнкейста и поклонился, когда раздались крики:

— Да здравствует Коронованный!

Когда настала тишина, он сказал:

— Сегодня у нас большой фестиваль в честь восстановления всеобщего благоденствия и полного порядка. Мы подготовили для вас представление.

Он хлопнул в ладоши, и вошли двенадцать музыкантов под предводительством Шанамира.

Рога, барабаны, трубы заиграли приятную веселую мелодию.

За ними вошли жонглеры в костюмах редкой красоты, впору хоть принцам: впереди Карабелла, за ней Слит, а потом грубые косматые Залзан Кавол и его два брата.

Они несли жонглерский инвентарь всякого рода: мечи, ножи, серпы, факелы, яйца, тарелки, ярко раскрашенные дубинки и многие другие вещи.

Дойдя до середины зала, они встали на свои позиции лицом друг к другу по лучам воображаемой звезды.

— Подождите,— сказал лорд Валентайн.— Тут есть еще одно место!

Он спустился по ступеням трона Конфалума и остановился на третьей снизу.

Он улыбнулся Леди, подмигнул Хиссуну и махнул Карабелле, которая кинула ему меч.

Он ловко поймал его, она бросила второй и третий, и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал Леди на Острове Снов.

Это было сигналом к началу жонглирования. В воздухе сверкало множество предметов, которые, казалось, летали сами по себе. Мир еще не видел жонглирования такого высокого класса, лорд Валентайн был в этом уверен.

Через несколько минут он спустился со ступеней трона, вошел в группу и, радостно смеясь, принялся обмениваться серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

— Как в старые времена,— сказал Залзан Кавол.— Но ты, милорд, работаешь еще лучше.

— Публика вдохновляет меня,— ответил лорд Валентайн.

Залзан Кавол был в ударе.

Он прямо из воздуха выхватывал яйца, тарелки и дубинки, его четыре руки беспрерывно двигались, и каждую схваченную вещь он бросал лорду Валентайну, а тот без устали принимал их, жонглировал ими и перебрасывал Слиту и Карабелле, а в ушах его звучала похвала зрителей — не просто льстивая, это было ясно.

Да, вот это была жизнь! Как в старые времена, даже лучше!

Он засмеялся, поймал сверкающий меч и высоко подбросил его.

Илидат считал, что Коронованному неприлично заниматься подобным перед принцами королевства, и Тунигорн был того же мнения, но лорд Валентайн не согласился с ними, добродушно заметив, что не придает значения этикету. Теперь он видел, как они смотрят, раскрыв рты, со своих почетных мест на это поразительное зрелище.

Однако он понимал, что пора оставить эту забаву.

Он поочередно перекидал все пойманные предметы и отступил.

Дойдя до первой ступени трона, он остановился и позвал Карабеллу.

— Пойдем со мной, станем зрителями,— сказал он.

Щеки ее залились краской, но она, не колеблясь, избавилась от дубинок, ножей и подошла к трону.

Лорд Валентайн взял ее за руку и вместе с ней поднялся.

— Милорд,— прошептала она.

— Ш-ш-ш. Это очень серьезное дело. Осторожно, не споткнись.

— Я споткнусь? Я? Жонглер?

— Прости, Карабелла.

— Я прощаю тебя, Валентайн.

— Лорд Валентайн.

— Значит, теперь будет так, милорд?

— Не всегда. Когда мы вдвоем — нет.

Она поднялась на верхнюю ступеньку.

Их ждало двойное сидение зеленого и золотого бархата.

Лорд Валентайн стоял, вглядываясь в толпу.

— Где Делиамбер? — шепотом спросил он.— Я его не вижу!

— Это не его стихия,— сказала Карабелла,— он, наверное, уехал на время праздника. Колдуны скучают на фестивалях, а жонглирование его никогда не интересовало, ты сам знаешь.

— Ему полагалось бы находиться здесь.

— Когда понадобится тебе, он вернется.

— Надеюсь. Давай сядем.

Они заняли свои места на троне.

Внизу жонглеры показывали свои лучшие трюки, казавшиеся чудом даже лорду Валентайну, знавшему их секрет.

Глядя на них, он испытывал странную печаль, потому что теперь сам отстранился от жонглирования, отошел, чтобы подняться на трон.

Это была серьезная перемена в его жизни.

Он понимал, что жизнь бродячего жонглера, свободная и радостная, кончена, что на него снова навалилась всем бременем власть, он не хотел ее, но не мог от нее отказаться.

Это его огорчало.

Он сказал Карабелле:

— Когда-нибудь, когда двор будет смотреть в другую сторону, мы потихоньку соберемся все и покидаем дубинки. Как, Карабелла?

— Наверное, да, милорд. Я хотела бы этого.

— Мы вообразим, что мы где-то между Фалкинкипом и Долорном и гадаем, пригласят нас в Постоянный Цирк, найдем ли мы гостиницу и...

— Милорд, ты только посмотри, что делают скандары! Просто глазам не веришь! Так много рук — и все в работе!

Лорд Валентайн улыбнулся.

— В ближайшие дни, когда у меня будет время, я попрошу Залзана Кавола показать мне, как это делается.

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ

ПРОЛОГ

Через два года после воцарения Властителя Валентайна что-то перевернуло душу мальчишке Хиссуну, служке в Доме Записей Лабиринта Маджипуры. Уже шесть месяцев вел он инвентаризацию архивов сборщиков налогов,— бесконечный перечень документов, в которые никто никогда не заглядывал,— и похоже было, что этой работой будет заниматься и год, и два, и три. Работой бессмысленной, как понимал Хиссун, да и кому могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена Властителя Деккерета, или Властителя Калинтайна, или даже древнего Властителя Стиамота? По какой-то причине документы были свалены беспорядочной кучей, и теперь злой рок избрал Хиссуна разбирать их. Он отлично видел, насколько бесполезно это дело, разве что можно великолепно изучить географию огромной Маджипуры. Сколько провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись, и еще дробились на тысячи муниципальных единиц, каждая с многомиллионным населением. Постепенно сознание заполняли всевозможные названия. Это были имена Пятидесяти Городов Замка Горы, огромных городских округов Зимроеля, таинственных поселений в пустынях Суврaеля, провинциальных столиц, появившихся за четырнадцать тысячелетий процветания Маджипуры на планете. И сколько же их было — Пидруйд, Нарабал, Ни-моя, Алэйсор, Стойон, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Толигай! Миллионы названий! Но потом ему это надоело.

И вдруг охватило нетерпение, ожидание чего-то невероятного. А послушание никогда не было его сильной стороной.

Рядом с пыльной маленькой комнатушкой в Доме Записей, где Хиссун разбирал и изучал свою груду налоговых отчетов, находилось нечто гораздо более интересное — Счетчик Душ, доступ к которому был закрыт для чиновников, кроме самых высокопоставленных, да и то, говорили, не для всех. Хиссун кое-что знал об этом, он вообще много знал о Лабиринте, даже о запретных местах. «Дом Записей,— говорил он слушателям еще в восьмилетнем возрасте, когда болтался на улицах огромного подземного города и ради пары крон нанимался в проводники к приезжим,— таит в себе комнату, где хранятся миллионы мыслезаписей-воспоминаний. Поднимаешь капсулу, вкладываешь ее в щель специального устройства и внезапно становишься тем, кем оставлена запись, и живешь во времена Властителя Конфалума или

Властителя Симинэйва, или сражаешься вместе с Властителем Стиамотом против метаморфов. Но только попасть в ту комнату почти невозможно». И действительно почти невозможно, но Хиссун размышлял и прикидывал, не удастся ли пробраться туда под предлогом поисков дат для своих розысков в налоговых архивах. А потом пожить жизнью современников величайших и удивительнейших событий Маджипуры.

Постепенно мечта начала обретать черты реальности. Он знал, где находятся печати для документов в Доме Записей и потихоньку снабдил себя всеми необходимыми пропусками. И как-то после полудня, с пересохшим горлом и звоном в ушах, направился по ярко освещенным кривым коридорам.

Давным-давно уже он не испытывал подобного состояния, а будучи маленьким бродяжкой вообще не знал его. Но его оцивилизовали, обучили, дали работу. РАБОТУ! РАБОТУ! РАБОТУ!' ОНИ! КТО ОНИ? Венценосец. Еще в те времена, когда Венценосец скитался по планете, лишенный своего тела и трона захватчиком Баржазидом, он пришел в Лабиринт, где Хиссун стал его проводником. И каким-то образом мальчишка почувствовал в нем истинного Венценосца. Это и стало началом конца бродяжки-Хиссуна. Потом Хиссун узнал, что Властитель Валентайн отправился к Замку Горы, и Баржазид повержен, а потом, во время второй коронации, Хиссун вдруг очутился, Дивине знает, почему, на этой церемонии в Замке Властителя Валентайна. Никогда раньше он не покидал Лабиринта, не бывал на солнечном свете, не ездил на государственном флотере по Долине Клайна, минуя города, известные ему лишь по сновидениям, а потом Гора — тридцатимильная масса земли, взметнувшаяся ввысь, и сам Замок; грязный мальчишка стоял рядом с Венценосцем и перешучивался с ним. Венценосец восхищался умом и энергией мальчишки, его предприимчивостью. И это было прекрасно. Хиссун стал протеже Венценосца, что тоже замечательно! Но он вернулся в Лабиринт и был назначен на должность в Дом Записей, а это уже не так прекрасно. Хиссун терпеть не мог чиновников с лицами-масками идиотов, перебирающих бумаги в бесконечных кишках Лабиринта. А теперь, как любимец Венценосца, сам стал таким же. Он-то считал, что будет по-прежнему водить по Лабиринту приезжих, а вместо этого!.. ОТЧЕТ СБОРЩИКА ДОХОДОВ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА ПРОВИНЦИИ НАТАНАЛА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ВЛАСТИТЕЛЯ ОСИЕРА И ПОНТИФИКА КИННИКЕНА. Хиссун надеялся, что Венценосец вспомнит о нем и призовет к себе на службу в Замок Горы, и тогда его жизнь будет иметь какое-то значение в жизни Маджипуры, но Венценосец, кажется, забыл о нем, как и следовало ожидать. У него целый мир с двадцати- или тридцатимиллиардным населением, и какое ему дело до маленького мальчишки в Лабиринте?! Хиссун боялся, что вся жизнь его теперь пройдет среди пыльных бумаг...

Но все-таки здесь был Счетчик Душ.

Ну что ж, если Хиссун никогда больше не выберется из Лабиринта, он сможет — если никто ему не помешает — стран-

ствовать в сознаниях давно умерших людей-разведчиков, первопроходцев, воинов, даже Венценосцев и Понтификов. Это немного утешало.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурному — тускоглазому хьерту.

Хиссун заготовил поток объяснений: особое поручение Венценосца, важнейшее историческое исследование, необходимость в корреляции демографических дат, и еще много чего похожего было готово сорваться с его языка. Но хьерт только сказал:

— Знаешь, как обращаться с механизмом?

— Плохо. Лучше покажите.

Отвернув некрасивое бородавчатое лицо с бесчисленными подбородками, хьерт повел Хиссуна внутрь, там он указал на шлем и ряд кнопок:

— Контрольная консоль. Вставишь вот сюда отобранные капсулы записей и сиди. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Такая секретная машина, так тщательно охраняемая!

Хиссун остался один на один с воспоминаниями тех, кто жил когда-то в Маджипуре.

Не все, конечно, оставляли запись, лет за двадцать такая честь выпадала едва ли одному из десяти. Хиссун знал, что в хранилищах Лабиринта таких записей миллиарды. Он положил руки на консоль. Пальцы дрожали.

С чего начать?

Он хотел познать все. Пересекать леса Зимроеля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплывать под парусами Великое Море, охотиться на морских драконов в Родамаунском Архипелаге и... и... и... Он дрожал от неистового томления. С чего начать? Вот кнопки. Можно набрать дату, место, определенную личность, но — кого? Выбрать за четырнадцать тысяч лет... Из далекого прошлого Хиссун знал только о Великом Властителе Стиамоте. Минут десять он сидел не шевелясь, почти парализованный. Потом выбрал наобум. Континент — Зимроель, время — царствование Венценосца Властителя Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность —... любая. Да, любая!

Маленькая блестящая капсула возникла на консоли.

Трепеща от предвкушаемой неизведанности, Хиссун вложил ее в гнездо и надел шлем.

Сначала он услышал только, как раздалось потрескивание. Неясные, смазанные полосы — синие, зеленые и алые — побежали перед глазами под закрытыми веками. Работает? Да! Да! Он ощущал присутствие чужого разума! Кто-то, кто умер девять тысяч лет назад, послал через время свое сознание. И оно вошло в Хиссуна, наполнило его.

И он стал сомневаться — в самом ли деле он Хиссун или его зовут Тесме и живет он в Нарабале? Да, да, он Тесме, юная женщина из Нарабала. И он с радостью освободил себя от понимания того, что живет, страдает и чувствует сегодня, и позволил душе, жившей и страдавшей, Дивине знает когда, овладеть собой полностью.

ОДИН

ТЕСМЕ И ЧАУРОГ

Уже шесть месяцев Тесме жила одна в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях в полудесятке миль к востоку от Нарабала; в местечке, куда не долетали морские ветры, и тяжелый сырой воздух цеплялся за растения, как меховое покрывало. Раньше ей никогда не доводилось делать все своими руками, и поначалу она поражалась, как это здорово, когда срезала тонкие стволы молоденьких деревьев, обдирала золотистую кору и рядышком вбивала их острые концы в мягкую влажную землю, и переплетала их лозами и лианами, а сверху крепила пять громадных ветвей вараммы, делая кровлю. Не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал и о холодах можно было не беспокоиться. За месяц стволы сиджании разрослись и затянули по своим наружным концам всю кровлю побегами новых кожистых листьев прямо под потолком, а связывающие их виноградные лозы тоже продолжали жить, своими мягкими красными усиками они искали и находили плодородную почву, так что дом теперь стал живым, с каждым днем делаясь все более уютным и надежным, ведь лианы со временем становились крепче. Здесь, как и в Нарабале, ничто не умирало надолго, и воздух был таким же теплым, и солнце таким же ярким, и дожди такими же обильными, и все быстро преображалось само по себе, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков.

Одиночество тоже переносилось легко по сравнению с Нарабалом, где ей хотелось очень многого и где жизнь пошла как-то вкривь и вкось: слишком много неурядиц, слишком много суматохи, шума, друзей, уехавших путешествовать, и любовников, ставших врагами. Ей исполнилось двадцать пять лет и нужно было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить жизненный ритм, пока ее не растрясло по пустякам. Джунгли подходили для этого идеально. Она рано вставала, купалась в маленьком естественном пруду, завтракала, собирая ягоды с лоз токки, затем гуляла, пела, читала стихи и сочиняла их, проверяла ловушки — не попался ли в них кто-нибудь из зверья, взбиралась на деревья и высоко вверху омывалась солнцем в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и отправлялась спать с заходом солнца. Поначалу Тесме боялась, что нечем будет заняться и все скоро наскучит, но, к счастью, ошиблась: дни заполнены до предела и всегда оставалось несколько замыслов на завтра.

Она также предполагала раз в неделю наведываться в Нарабал, чтобы кое-что купить, подобрать новые кубики и книги, иной раз заглянуть на концерт или игрище, даже навестить семью или некоторых приятелей. И действительно, сперва ходила довольно часто. Но дорога такая жаркая и душная, к тому же она отнимала полдня, и по мере того, как Тесме привыкала к уединению, она находила Нарабал все более шумным и суматошным, а удовольствие, получаемое от походов, все меньшим.

Горожане глазели на нее. Они и раньше считали ее эксцентричной, чуть спятившей дикаркой, а теперь сравнивали с одинокой обезьяной, прыгающей по вершинам деревьев; таким образом, промежутки между ее визитами в город получались все больше. И наконец она стала ходить лишь в случае крайней необходимости. В день, когда Тесме наткнулась на чаурога, она не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Тесме бродила утром по болотистому подлеску, собирая душистые желтые фанжи; мешочек был почти полон, и она подумывала о возвращении, когда случайно заметила в нескольких ярдах от себя что-то необычное — существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями, которое неуклюже вытянулось на земле под большим деревом-сиджайлом. Оно напоминало хищную рептилию, погубившую ее отца и брата в Парабальском Проливе,— гладкую, длинную, медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подобравшись ближе, Тесме заметила, что незнакомец своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами скорее похож на человека. Она было сочла его мертвым, но, стоило ей подойти поближе, существо шевельнулось и сказало:

— У меня повреждена двигательная функция. Я был глуп и поплатился за это.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками. Сломана нога и, возможно, спина. Помоги мне.

Она нагнулась, рассматривая его получше. Да, похоже на рептилию со сверкающей чешуей и гладким жестким телом. Глаза зеленые, холодные и совершенно не мигающие. Волосы выглядели странной густой массой черных завитушек, которые медленно извивались сами по себе. Язык, змеевидный, ярко-алый и раздвоенный, безостановочно мелькал взад и вперед между едва обозначенных тонких губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Чаурог. Знаешь о нас что-нибудь?

— Конечно,— кивнула Тесме, хотя по-настоящему знала совсем мало. За прошедшее столетие несколько нечеловеческих рас обосновалось на Маджипуре, целый зверинец инородцев, приглашенных Венценосцем Властителем Меликандом, поскольку людей не хватало для столь огромной планеты. Тесме слышала о четырехруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из переселенцев не забирался так далеко — к Нарабалу, городу на краю джунглей, на громадном расстоянии от цивилизации. Значит, это чаурог? Странное существо, подумала она. Тело почти человеческое, и тем не менее, не человеческое. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, хотя и не особо пугающая.

Она посочувствовала чаурогу: бедняга заблудился вдвойне — так далеко он очутился и от своего дома, и от чего-либо похожего на него на Маджипуре! К тому же ранен. Что ж теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко.

Отправиться в Нарабал и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере два дня. Тащить к себе в хижину, выхаживать, пока не выздоровеет? Это казалось самым подходящим. Но что будет с ее одиночеством и уединенностью. И как ухаживать за чаурогом? Да и хочет ли она действительно брать на себя такую ответственность? Еще и рисковать вдобавок? Он чужак, и она понятия не имеет, чего можно ждать от него.

— Я — Висмаан,— сказал чаурог.

Было ли это именем или титулом, или же просто описанием своего состояния? Она не спрашивала. Ответила:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях, час ходьбы отсюда. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Дай мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... ты достаточно сильная?

— Наверное.

— Ты женщина, я прав?

Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Место между ногами у него было гладким и бесполым, как у машины. Хотя, подумала она, может быть у чаурогов сексуальные принадлежности расположены в иных местах. И если они рептилии, грудь ее не могла ему указать пол. Странно, что он вообще спросил.

Она опустилась рядом на колени, не понимая, как ему удастся встать и идти со сломанной ногой. Он положил руки ей на плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа оказалась прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно он носил доспехи. И это не было неприятно, просто необычно. От него исходил сильный запах, болотистый, с чуть заметной примесью меда. Трудно понять, как она не заметила его раньше — очевидно, отвлекла неожиданность случившегося. Но теперь на запах нельзя было не обратить внимания, и сначала она почувствовала, как неприятно напряглись мускулы, хотя спустя несколько минут это перестало ее беспокоить.

— Держись ровно,— предупредил чаурог.— Я навалюсь на тебя.

Тесме пригнулась, упершись руками и коленями в землю, и, к ее удивлению, чаурог довольно легко вытянулся вверх своеобразным извивающимся движением, на мгновение навалившись на спину девушки между лопаток. Она задохнулась. Затем он, шатаясь, выпрямился, ухватился за свисающую лиану. Она расставила ноги, готовясь подхватить его, если он будет падать, но он устоял.

— Сломана нога,— объяснил он.— Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема

в функционировании. Нога не держит меня. Может, ты найдешь крепкую палку?

Тесме огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что он мог бы использовать как костыль, и почти сразу заметила жесткий воздушный корень, тянущийся к земле с лесного полога. Гладкий черный корень был толстым, и она гнула его во все стороны, пока не отломила кусок ярда в два. Висмаан крепко сжал его, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть тела на поврежденную ногу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, с привкусом уксуса, без меда. Несомненно — от напряженной ходьбы. Боль, вероятно, была не такая слабая, как он хотел ее уверить. Но в любом случае он справлялся.

— Как ты сломал ногу?

— Я взобрался на дерево, хотел осмотреть местность, но ветка не выдержала моего веса.

Он кивнул на тонкий блестящий ствол высокого сиджайла. Нижняя ветвь футах в сорока над головой была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме с удивлением подумала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секунду спустя изумилась еще больше, подумав, как ему удалось взобраться на сорок футов по тонкому гладкому стволу.

— Я хочу обосноваться здесь и заняться земледелием. У тебя есть ферма?

— В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, но решила на время побыть в одиночестве.— Они добрались до мешка с климботоами, который она выронила, когда заметила лежавшего на земле чужака. Тесме забросила мешок себе на плечо.— Можешь оставаться у меня, пока твоя нога не заживет. Только до моей хижины добираться придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Я ведь иду сейчас,— сказал он.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, прошло около получаса медленной, болезненной, хромающей ходьбы, прежде чем попросил остановиться, но даже тогда остался стоять, привалившись к дереву, пояснив, что не хочет заново повторять весь сложный процесс вставания с земли. Тесме он казался и бесстрастным, и чуть встревоженным, хотя невозможно было прочесть что-либо по его неизменяющемуся лицу и немигающим глазам. Единственным указателем проявления эмоций был для нее мелькающий раздвоенный язык, только она не знала, как истолковать эти непрерывные стремительные движения. Через несколько минут они снова тронулись в путь.

Медленный шаг угнетал — вес чужака давил на плечи, и она чувствовала, как их сводит судорогой, как протестуют мускулы, пока они с чаурогом пробираются по джунглям. Говорили мало. Он, кажется, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы, стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые он не смог бы одолеть. Когда прошли полпути, начался теплый дождь, после которого они

окунулись в горячий липкий туман. Она уже изнывала от усталости, когда показалась ее хибарка.

— На дворец моя хижина не похожа,— заметила Тесме,— но мне хватает. Ложись тут.

Она подвела чаурога к своей постели из листьев зании. Он сел, испустив еле слышный свистящий звук.

— Хочешь чего-нибудь перекусить?— поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Тоже нет? Тебе надо как следует отдохнуть. Я уйду, а ты полежи спокойно.

— Не беспокойся, я все равно не буду спать,— сказал Висмаан.

— Почему же?

— Мы спим только часть года, обычно — зиму.

— И бодрствуете остальное время?

Да,— кивнул чаурог.— В этом году мой цикл спячки завершился. Понимаю, это отличается от человека...

— Сильно отличается,— согласилась Тесме.— В любом случае я оставляю тебя, отдыхай. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего,— отмахнулась Тесме и шагнула наружу.

Дождь начался снова. Знакомый, почти успокаивающий дождь, моросящий по несколько часов каждый долгий день. Она вытянулась на возвышении из мягкого упругого мха, позволяя теплым дождевым струям омывать измученное тело.

Гость в доме, подумала она. Да еще чужак. А почему бы и нет? Чаурог казался равнодушным, нетребовательным, спокойным даже в несчастье. Повреждение ноги явно более серьезно, что он готов был признать — относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии не одолеть путь до Нарабала. Тесме, правда, могла бы сама сходить в город и договориться с кем-нибудь о флотере, чтобы перевезти чаурога, но эта мысль ей не понравилась. Никто не знает, где она живет, и незачем приводить сюда горожан. С некоторым смущением неожиданно поняла, что вовсе не хочет, чтобы чаурог уехал, а, наоборот, стремится удержать его и ухаживать, пока он не восстановит силы. Она сомневалась, чтобы кто-нибудь еще в Нарабале дал приют чужаку, и это наполняло ее приятным ощущением собственной отваги и давало повод подняться над узколобыми предрассудками родного города. Год или два тому назад слышала Тесме много перешептываний об иномирянах, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали рептилеобразных чаурогов, гигантских, неуклюжих, волосатых скандаров, маленьких хитроумцев со щупальцами — урунов и прочих причудливых переселенцев. И пусть пока в отдаленном Нарабале чужаков воочию никто не видел, враждебная почва была вполне подготовлена. Только дикой и эксцентричной Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать, кормя с ложечки лекарствами и супом, или что там дают чаурогам со сломанными ногами? Она не имела никакого понятия, как именно выхаживать, но это ее не останавливало. Вдруг

пришло в голову, что за всю жизнь вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни надобности. Тесме не замужем, не рожала детей, даже домашних животных не держала. Как на младшую в семье, на нее никто никогда не возлагал ответственности. Не говоря уже о том, что, несмотря на бесчисленные бурные любовные истории, ее ни разу не потянуло навестить заболевшего возлюбленного. И теперь, наконец, поняла, почему решилась оставить чаурога у себя в хижине: ведь одна из причин, по которой она сбежала из Нарабала в джунгли, заключалась в том, чтобы исправить безобразные черты прежней Тесме.

Она решила завтра же утром отправиться в город, разузнать, если удастся, что необходимо для лечения чаурогов, купить лекарства и подходящую провизию.

После долгого отсутствия Тесме вернулась в хижину. Висмаан спокойно лежал на спине там, где она его оставила, вытянув руки вдоль тела. Он, казалось, вообще не шевелился, если исключить нескончаемое змеистое шевеление волос. Спит? После его объяснений? Подошла поближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза его были открыты, и она видела, что они следят за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила.

— Не очень. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу. Твердая чешуйчатая кожа казалась холодной. И нелепость этого жеста заставила ее улыбнуться. Откуда ей знать, какая нормальная температура у чаурогов? Впадают ли они в жар вообще? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно ей вообще показалось нелепым собственное желание ухаживать за существом из иного мира.

— Почему ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю — поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня сейчас высокая.

— Больно?

— Немного. Но главное, мои системы дезорганизованы. Можешь принести воды?

— Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом присел — он казался гораздо слабее, чем тогда, когда хромал через джунгли, видимо, все больше страдал от болезненного перелома — и осушил чашу тремя большими глотками.

Как зачарованная, Тесме смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще,— попросил он, и она налила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла наполнить его из ручья. Заодно сорвала несколько ягод токки и принесла с собой. Он подержал одну сочную

сине-белую ягоду в вытянутой руке, словно лишь так мог должным образом рассмотреть ее, и покатал на пробу между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой есть по одному большому пальцу, зато ногтей совсем не было, а только поперечные чешуйчатые перепонки, до двух первых фаланг.

— Как называется этот фрукт? — спросил Висмаан.

— Токка. В Нарабале их лозы растут повсюду. Если тебе понравится, я принесу сколько хочешь.

Он осторожно попробовал. Потом язык замелькал еще быстрее, он жадно доел ягоду и потянулся за второй. Лишь тогда Тесме вспомнила репутацию токки как средства, возбуждающего половое влечение, но отвернулась, пряча усмешку, и ничего не сказала. Он назвался мужчиной, стало быть, у чаурогов есть секс, но как они им занимаются? Внезапно по какой-то прихоти она представила, как самец-чаурог испускает струю семенной жидкости из некоего скрытого отверстия в ванну, куда погружаются самки оплодотворяться. Эффективно, но не очень романтично, подумала она, любопытно узнать, поступают ли они так, и действительно ли оплодотворение происходит раздельно, как у некоторых рыб и змей.

Она приготовила для него еду из токки, поджаренных калимботсов и небольшого многоногого нежно-ароматного хиктияна, которого поймала сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но был забродивший после двух дней на открытом воздухе сок большого красного дерева, чье название Тесме не знала, и она дала ему немного.

Аппетит у него был, как у здорового. После еды спросила, не осмотреть ли ногу, и он согласился.

Перелом был где-то посередине широкой части бедра. Толстая опухоль выделялась под чешуйчатой кожей. Она легонько ощупала ее кончиками пальцев. Чаурог издал еле слышный свист, но больше ничем не выказал, что она делает ему больно. Тесме показалось, будто под ее пальцами что-то внутри его бедра сдвинулось. Сломанные концы кости? Я знаю так мало, уныло подумала она, о чаурогах, об искусстве исцеления, вообще обо всем.

— Будь ты человеком,— пробормотала она,— мы использовали бы машину, чтобы посмотреть перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили до полного заживления. У твоих сородичей так не делают?

— Ничего,— отозвался Висмаан.— Я их соединил сокращением мышц и буду держать так, пока не срастутся. Только придется полежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Можно мне остаться у тебя?

— Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Здесь почти ничего нет. Завтра принесу.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ — большой любитель развлечений.

— Я принесу, что найдется,— пообещала Тесме.

Она дала ему три кубика: игровой, для подборки цветовой композиции, симфонический,— и занялась послеобеденной уборкой.

Ночь пришла рано, как и всегда здесь, вблизи экватора. Слышался легкий шелест дождя снаружи. Обычно она немного читала, пока не становилось совсем темно, потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. Загадочное существо заняло ее постель, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу, да и все эти разговоры, в которые она вступала впервые за много недель,— все заставило держаться напряженно и немного настороже. Сам Висмаан, казалось, с головой ушел в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев и уложила их на полу возле двери. Подойдя к чаурогу, поинтересовалась, может ли еще что-нибудь сделать для него. Тот, не отрываясь от кубиков, коротко покачал головой. Тесме пожелала ему доброй ночи и легла на импровизированную постель, которая оказалась удобней, чем она ожидала. Но уснуть не могла. Ворочалась с боку на бок: чувство стесненности и неудобства в присутствии чужака не давало покоя. И еще запах чаурога, острый и непривычный. За день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, лежа в темноте со взвинченными нервами, воспринимала его, как бесконечно повторяющийся звук трубы. Время от времени садилась и всматривалась сквозь темноту в Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. Но в конце концов сон постепенно овладел ею, и она задремала. Звуки нового утра разбудили ее привычной мелодией множества писков и криков, и первый свет просочился в открытую дверь. Тесме проснулась, ничего не понимая, как это с ней часто случалось, когда она крепко спала в незнакомом месте. Несколько минут ушло на то, чтобы вспомнить все, что случилось.

Он наблюдал за ней.

— Ты провела ночь без отдыха. Мое присутствие тебя тревожит.

— Ничего, привыкну. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, но уже начинаю поправляться. Ощущаю, как внутри идет процесс заживления.

Она принесла ему воды и тарелку фруктов. Затем вышла во влажный туманный рассвет и быстро скользнула в пруд. Когда вернулась в хижину, то, как пах чаурог, поразило ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и его резким запахом внутри хижины был разителен.

Одеваясь, она сказала:

— Я вернусь из Нарабала только к ночи. Ты как, продержишься?

— Если оставишь пищи и воды, чтобы можно было дотянуться. И что-нибудь почитать.

— Почти ничего нет. Но я принесу. Надеюсь, день у тебя пройдет спокойно.

— Возможно, заглянет какой-нибудь гость?..

— Гость? — удивленно воскликнула Тесме.— Никто сюда не

придет. Или хочешь сказать, что с тобой был еще кто-то, и он будет тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

— У меня нет друзей,— торжественно объявила Тесме. И сразу же слова эти показались ей глупыми, полужалобными и мелодраматичными. Но чаурог ничего не сказал, и, пряча свое смущение, Тесме принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Он молчал до тех пор, пока она не собралась в дорогу, потом поинтересовался:

— Нарабал красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-омона. В Тил-омоне рассказывали, как красив Нарабал.

— Ничего особенного, лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растут виноградные лозы, опутывая дом за год целиком. Тебе говорили в Тил-омоне? Ну, над тобой подшутили. Жители Тил-омона не выносят Нарабал. Это города-соперники. Два главных тропических порта. Если кто-то в Тил-омоне расхваливает красоты Нарабала, он просто лжет.

— Но для чего?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы убрать тебя подальше от Тил-омона. В любом случае, в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, и был чем-то, но теперь это просто грязный город.

— Все же я надеюсь повидать. Когда нога окрепнет, ты мне покажешь свой город?

— Разумеется,— кивнула она.— Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. А теперь пойду, хочу добраться до него пока прохладно.

Быстро, представляя на ходу, как однажды войдет в город с чаурогом, шла Тесме по тропе. Интересно, как на это отреагируют в Нарабале? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно и поносить ее, когда попробует здороваться со знакомыми? Вероятно. Чокнутая Тесме, станут судачить, привезла в город инородца; не занимаются ли они в джунглях непотребством? Да, да. Тесме улыбнулась. Забавно будет пройтись по Нарабалу с Висмааном. И она попробует, как только он сможет одолеть долгую дорогу через джунгли.

Дорога эта была просто грязной неухоженной тропкой, отмеченной зарубками на деревьях да редкими короткими просеками, быстро зарастающими во многих местах. Но за время путешествия по джунглям она овладела искусством находить направление и редко надолго теряла тропу. Поздним утром добралась до отдаленных плантаций, а вскоре увидела и сам Нарабал, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз к морю по противоположному.

Тесме не знала, для чего кому-то понадобилось основывать тут город — в самой западной точке Зимроеля. Какой-то замысел

Властителя Меликанда, того самого Венценосца, что допустил поселение чужаков на Маджипуре, способствуя развитию западного континента. Да, в начале царствования Властителя Меликанда на Зимроеле в ужасном одиночестве находилось всего два города, фактически — географические названия, созданные первыми человеческими поселенцами на планете раньше, чем стало ясно, что центром жизни Маджипуры стал другой континент — Альханроель. На северо-западе Зимроеля тогда располагался Пидрайд, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а дальше по восточному побережью — Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Теперь к ним добавились два пограничных поста: Ни-моя, воздвигнутая на одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-омон, стоящий на краю тропического пояса западного побережья; к тому же существовало несколько поселений в центральных горах, да ходили слухи, что чауроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидрайда.

И еще был Нарабал, тут, на дождливом юге, на краю континента, окруженный морем. Если стоять у края Нарабальского Пролива и долго смотреть на воду, то постепенно с ужасом начинаешь ощущать все эти тысячи миль дикости, лежащие за спиной, и тысячи миль океана, отделяющего тебя от Альханроеля, где находятся другие города. В юности Тесме пугалась мысли, что она живет в месте, столь далеком от центров цивилизации — как на другой планете. Иной раз и Альханроель, и те процветающие города казались ей просто мифом, а подлинным центром вселенной был Нарабал. Она никогда нигде не бывала, нигде, кроме него, и не надеялась побывать. Слишком велики расстояния. Единственный город в пределах досягаемости — Тил-омон, но и до него не близко, и кто бывал там, рассказывали, что он сильно похож на Нарабал, только меньше дождей и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале Тесме повсюду ощущала на себе любопытствующие взоры. Каждый раз, оборачиваясь, замечала, что горожане пялятся, словно девушка заявилась в город голой. Все знали ее — дикую Тесме, сбежавшую в джунгли,— ей улыбались, махали, расспрашивали, как идут дела, а за этим обычным добродушием были глаза — внимательно-пристальные, враждебные, сверлящие с неподдельным интересом и стремлением разгадать, что у нее на душе. «Почему ты презираешь нас? Почему чуждаешься? Почему делишь дом с отвратительным чужаком?» Она улыбалась в ответ, махала рукой и говорила вслух: «Рада увидеться с вами снова», «Все отлично», а про себя отвечала: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти, а чаурогу помогла потому, что мне, возможно, когда-нибудь за это воздастся». Но они не понимали.

Никто не заходил в ее комнату в материнском доме. Она сложила в мешок книги и кубики, отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли сгодиться Висмаану. Здесь были средства противовоспалительные, ускоряющие заживление ран, жаропонижающие и многое другое — вероятно, все это для чужака бесполезно, но она полагала, что стоит попробовать. Тесме бродила по дому, ставшему для нее каким-то непривычным, несмотря на то,

что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо разбросанных листьев, настоящие прозрачные стекла на шарнирах, чистильщик, настоящий механический чистильщик с кнопками и рукоятками — все эти миллионы ц и в и л и з о в а н н ы х вещей и приспособлений, выдуманных человечеством много тысяч лет назад в другом мире, от которых она сбежала в свою маленькую хижину с живыми ветвями, растущими по стенам...

— Тесме?

Она удивленно оглянулась. В дверях стояла ее сестра Мирифэйн, ее двойник: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые черные волосы. Только на десять лет старше и на десять лет более примирившаяся со своей жизнью. Замужняя работающая женщина, мать. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн. Словно смотрелась в зеркало и видела себя десять лет спустя.

— Мне кое-что нужно,— нехотя объяснила Тесме.

— А я надеялась, что ты решила вернуться домой,— огорчилась Мирифэйн.

— Зачем?

Мирифэйн ответила привычной проповедью о возобновлении нормальной жизни, возвращении в общество, о полезном труде. В конце она сказала:

— Мы упустили тебя.

— Может быть,— ответила Тесме,— но я делаю то, что нужно мне.— Она немного помолчала.— Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— По крайней мере останешься на ночь? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне еще далеко идти. Я не могу оставаться здесь надолго.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорела, окрепла... По-моему, отшельничество тебе на пользу.

— По-моему, тоже.

— Думаешь еще пожить в одиночестве?

— Мне нравится,— ответила Тесме. Она начала завязывать мешок.— Как у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Только я на время отправляюсь в Тил-омон.

— Счастливо.

— Думаю вырваться из нашей заплесневелой зоны и отдохнуть. Холтас поработает там с месяц над проектами новых городов в горах — приходится обеспечивать жильем всех этих инородцев, что начинают прибывать. Он хочет взять с собой меня и детей.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, живущие на севере, постепенно проникают сюда. Есть один вид, вроде ящериц с руками и ногами, хотят развивать фермы в джунглях.

— Чауроги?

— А, так ты слышала? И еще одно племя, напыщенное и воинственное, с лягушачьими рожами и темно-серой кожей.

Холтас говорит, что они заполнили все мелкие должности в Пидрайде, вроде клерков и писцов, а теперь начинают наниматься сюда. Холтас и кое-кто из архитекторов собираются спроектировать для них поселения внутри страны.

— Значит, они не будут вонять в прибрежных городах?

— Что? А, я думаю, часть все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, наши вряд ли согласятся на большое число иммигрантов в Нарабале, да и в Тил-омоне тоже...

— Да,— кивнула Тесме.— Ну, передавай привет, пойду, мне пора. Надеюсь, ты приятно отдохнешь в Тил-омоне.

— Тесме, пожалуйста...

— Что, пожалуйста?

Мирифэйн сказала с досадой:

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты еле терпишь мои расспросы и смотришь с таким раздражением. Почему злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее, никто, и меньше всего те, кто уверяет, что любит ее. Стараясь говорить мягче, ответила:

— Назови это запоздалым переходным возрастом, Мири, или возмужанием юности. Ты очень хорошо относишься ко мне. Но только зря, я все равно уйду.— Она чуть коснулась пальцами руки сестры.— Может, загляну еще на днях.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня,— сказала Тесме и вышла.

Полная внутреннего напряжения, она торопливо шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Украдкой, как вор, оглядывалась, и не раз ныряла в переулки, заметив того, кого не хотела видеть. Встречи с сестрой было достаточно. Пока Мирифэйн не сказала, что она явно выказывает раздражение, Тесме не сознавала этого. Мири права. Тесме чувствовала, что остатки раздражения еще кипят внутри нее. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, замкнувшиеся в череде бессмысленных дней,— они приводили ее в ярость. Чумой рассеяться по Маджипуре, сгрызая не нанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывать грязные города в местах удивительной красоты и никогда не задаваться какой-либо целью... Слепые, нерассуждающие натуры — это было хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не спросят, что это такое. А ведь именно это волновало человечество на Старой Земле, заставляя превращать в копию материнского мира тысячи захваченных планет. Имеют ли звезды хоть какое-нибудь значение для человечества Маджипуры? Наверное, Старая Земля все еще для них что-то значит и кажется прекрасной, лишившись за прошедшие столетия серой шелухи и накипи, и, несомненно, Старая Земля далеко ушла от Маджипуры, которая за пять следующих тысячелетий станет ее отражением с раскинувшимися на сотни миль

городами, всеобщей торговлей, грязью в реках, истребленными животными и бедными обманутыми Меняющими Форму, повсюду загнанными в резервации,— со всеми старыми ошибками, принесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она считала, что все ее раздражение от путаницы в личных делах, расстроенных нервов, отсутствия любовника, но затопившая ее ярость возникла вдруг от недовольства всем человеческим миром. Ей хотелось схватить Нарабал и сбросить в океан. К сожалению, она не могла этого сделать, не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить то, что они называли распространением цивилизации. Все, что Тесме могла — это вернуться в джунгли к сплетающимся лианам, влажному воздуху, пугливым животным болот, к хижине, к увечному чаурогу, который сам был частью затопляющего планету прилива, но был еще и тем, о ком она заботилась, кого даже лелеяла, потому что остальным ее сородичам он не нравился, пожалуй, они даже ненавидели его, и, заботясь о нем, она отличалась от н и х.

Голова болела, мускулы лица стали жесткими, будто одеревенели, она понимала, что идет, сгорбясь, словно несет на плечах всю тяжесть жизни, от которой отреклась. Она сбежала из Нарабала так быстро, как только смогла, но еще часа два, пока не свернула на тропку в джунглях и не почувствовала, как спадает напряжение, последние городские окраины маячили позади. Тесме остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, избавляясь от остатков городской накипи, а после, не надевая одежды, а лишь набросив ее на плечи, нагая, направилась через джунгли к хижине.

Висмаан лежал в постели и, кажется, ни разу не шевельнулся, пока ее не было.

— Тебе лучше? — поинтересовалась Тесме.— Как ты один справлялся?

— Очень спокойный день. Только нога чуть больше опухла.

— Давай взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Да, слегка одутловата, и он чуть дернулся, когда Тесме дотронулась до опухоли, это, по-видимому, означало, что боль очень сильная, если верить утверждению Висмаана, что к боли чауроги не слишком чувствительны. Тесме задумалась. Возможно, следовало отправить чаурога в Нарабал. Но он выглядел необеспокоенным, а она сомневалась, что доктора в городе знают что-нибудь о физиологии и анатомии чужаков. Кроме того, хотелось, чтоб он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, дала противовоспалительное и жаропонижающее, приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила несколько небольших зверушек — маленького стимойна и пару минтансов. Привычно свернула им шеи (в самом начале отшельничества было ужасно тяжело это делать, но она нуждалась в мясе, а никто не стал бы убивать за нее и для

нее) и разделала тушки. Приготовила костер, подвесила мясо и вернулась в хижину.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла, но отложил его в сторону, едва Тесме вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабал,— заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — одно расстройство. Только в джунглях и почувствовала себя хорошо.

— Ты сильно ненавидишь то место.

— А оно того заслуживает. Эти унылые надоедливые люди, эти безобразные, зажатые со всех сторон маленькие строения...— Она пожала плечами и покачала головой.— Да, сестра говорила, что на континенте закладываются какие-то новые города для иномирян, потому что множество их сейчас переселяется на юг. В основном чауроги, и еще какие-то, с серой кожей...

— Хьерты,— подсказал Висмаан.

— Мне все равно,— отмахнулась Тесме.— Мири говорила, что любят работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-омон или в Нарабал.

— Странно, я никогда не замечал недоброжелательства людей,— заметил чаурог.

— В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне не совсем понятно. Разумеется, я никогда не бывал в Нарабале и, возможно, у вас иначе. Вот на севере, я убежден, затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидрайда встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто чауроги построили себе город где-то к востоку от Пидрайда, у Большого Раскола. Если в Пидрайде у вас все так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Вместе с нами людям не очень-то удобно,— спокойно заметил Висмаан.— Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего. Привычка спать, например. Да и самим нам трудно в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, когда мы сами бодрствуем. Есть и другие различия. Вот мы и создали Дэлорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, отстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — напомнил чаурог.

Она покраснела и выскочила наружу, едва успела сорвать обед с вертела. Чуть нахмурясь, нарезала мясо и подала вместе с токкой и фляжкой вина, которое принесла днем из Нарабала. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

Немного погодя он сказал:

— Я прожил в Дэлорне несколько лет. Но там очень засушливая местность, а я жил на нашей планете в теплом и сыром краю, таком, как Нарабал. Вот я и хотел найти плодородную землю. Мои далекие предки были земледельцами, и я подумывал вернуться

к их занятию, а когда услышал, что в тропиках Маджипуры много свободной земли и можно снимать урожай шесть раз в год, то отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня никого нет, но я собираюсь жениться, как только поселюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. В моем родном мире едва ли найдется какая-нибудь невозделанная земля, но и то ее еле-еле хватает, чтобы прокормить нас. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипура так сильно влекла нас к себе. Это гигантская планета с малочисленным населением, большей частью дикая, ждущая развития. Я счастлив здесь. И думаю, ты неправа насчет своих соседей-горожан: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Даже так? Хмм... Стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с чаурогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смеялся?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные и так же, как и вы, растим детей.

— Ну, к а к рептилии.

— Внешне, пожалуй. Но я настаиваю, что близок к млекопитающим.

— Близок?

— Различие только в том, что мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Вы ошибаетесь, считая...

— Пустое! Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого всегда будут недоразумения между нами и вами. Так идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того...— Она спохватилась, чуть было не ляпнула о запахе.— Кроме того,— повторила неуклюже,— вы немного пугаете.

— Неужели больше, чем огромные лохматые скандары? Или су-сухарисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме, уставился глазами без век.— Я думал, ты скажешь, что тебе самой неудобно с чаурогом, Тесме.

— Нет.

— Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о них. Мне лучше уйти, потому что я тебя расстраиваю.

— Нет-нет, ты неправильно меня понял. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Хочу помочь тебе. Совершенно не боюсь тебя, ни к чему в тебе не отношусь с предубеждением. Я только пытаюсь объяснить, что почувствуют люди в Нарабале, то есть я предполагаю, что они могут почувствовать, и...— Она сделала долгий глоток из фляжки.— Я не знаю, как нам справиться со всем этим. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Но она заподозрила, что обидела его или, по меньшей мере, огорчила. Несмотря на холодную отчужденность иномирянина, он, казалось, был очень проницателен, и может быть, прав, может быть, наружу прорвалось ее собственное предубеждение, ее собственные предрассудки. Вполне понятно, подумала она, что, запутавшись в отношениях с людьми, я не способна больше заботиться о комлибо, о человеке или о чужаке, и потому многочисленными мелочами демонстрирую Висмаану, что мое гостеприимство — просто прихоть, неестественная и почти вынужденная, таящая в себе недовольство его присутствием. Но так ли это? Тесме все меньше понимала себя, словно быстро взрослела. И тем не менее, правдой было то, что она не хотела, чтобы он чувствовал себя незваным гостем. И решила в будущем показать, что заботится о нем искренне.

Этой ночью она спала лучше, чем предыдущей, хотя непривычно валяться в куче листьев пузырчатого кустарника на полу, в присутствии постороннего, и она часто просыпалась, всматривалась сквозь темноту в сторону чаурога, и каждый раз видела его, занятого развлекательными кубиками. Он ее не замечал. Тесме пыталась представить, каково это — спать раз в три месяца, а оставшееся время бодрствовать. Подумала: это самое чуждое в нем. И еще лежать часами, не в состоянии ни встать, ни уснуть, чтобы забыться от боли, и заниматься чем угодно, лишь бы отвлечься, лишь бы убить время — что может быть мучительней? Тем не менее, его настроение не менялось, спокойное, мирное, бесстрастное. Неужели таковы все чауроги? Неужели они никогда не пьянеют, не ссорятся, не бранятся на улицах, не ругаются с женами? Но ведь они не люди, напомнила она себе.

Утром Тесме мыла чаурога до тех пор, пока его чешуя не заблестела, затем поменяла постель. Накормив его, она провела день как обычно. Но, блуждая в джунглях, чувствовала себя виноватой за то, что пока она бродит по лесу, Висмаан лежит неподвижно в хижине и гадает, когда она вернется и расскажет что-нибудь или просто втянет в разговор и развеет скуку. Но в то же время понимала, что если будет непрерывно торчать у его постели, то они быстро исчерпают все темы и начнут действовать друг другу на нервы. Пока же у него есть с десяток развлекательных кубиков, которые помогут отвлечься. И, возможно, он предпочитает большую часть времени проводить в одиночестве. И уж во всяком случае одиночество нужно ей самой, теперь даже больше, раз она делит хижину с чужаком, и потому этим утром Тесме отправилась на длительную прогулку, собирая заодно для обеда ягоды и коренья. К полудню пошел дождь, и она присела под деревом-врамма, чьи широкие листья хорошо укрывали от струй. Прикрыла глаза и постаралась ни о чем не думать: ни о страхах, ни о хлопотах, ни о воспоминаниях, ни о чаурогe, ни о семье, ни о бывших любовниках, ни о своей невезучести, ни об одиночестве. Мир и покой воцарились наконец в ее душе.

Шли дни, она привыкала к чужаку. Он оказался неприхотливым и нетребовательным, развлекался кубиками и стоически

переносил неподвижность. Редко спрашивал о чем-либо или сам заводил разговор, но всегда дружелюбно отвечал на расспросы, охотно рассказывал о родном мире — убогом и страшно перенаселенном — о своей жизни там, о своих мечтах обосноваться на Маджипуре и о волнении, когда впервые увидел эту прекрасную, усыновившую его планету. Тесме пыталась представить, как сильное чувство чаурога проявляется: может быть, волосы поднимаются дыбом вместо того, чтобы медленно шевелиться? Или его эмоции выражаются изменением запаха?

На четвертые сутки он впервые поднялся. С ее помощью выпрямился и, опираясь на плечо Тесме и свою здоровую ногу, осторожно попробовал коснуться больной ногой пола. Она внезапно почувствовала, как изменился его запах, став более резким — нечто вроде обонятельной дрожи,— и уверилась в том, что именно так чауроги выражают свои эмоции.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила.— Слабость?

— Нога не выдерживает моей тяжести. Но излечение идет хорошо. Еще несколько дней и, я думаю, смогу встать. Помоги мне немного пройтись, а то у меня тело ослабло от долгого ничегонеделания

Он оперся на нее, и они вышли наружу, где чаурог начал медленно прохаживаться взад и вперед, осторожно прихрамывая. Недолгая прогулка, кажется, освежила его. Тесме с удивлением осознала, что ее опечалил этот первый признак выздоровления, ведь он означал, что скоро — через неделю или две — Висмаан достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она не хотела этого. ОНА НЕ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ОН УХОДИЛ! Это внезапное понимание было настолько странным, что изумило ее до глубины души. Снова жить отшельницей, с наслаждением спать в своей постели и бродить по лесу, не заботясь ни о каких гостях, делать что вздумается, избавиться от раздражающего присутствия чаурога...— и тем не менее, тем не менее, она чувствовала подавленность и беспокойство при мысли, что скоро он покинет ее. Как странно, думала она, как нелепо и как похоже на меня!

Теперь они гуляли несколько раз в день. Он все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом двигался все легче. Наконец, объявив, что опухоль спала и кость явно срослась как следует. Начал заводить разговор о ферме, которую хотел основать, о видах на урожай, о расчистке джунглей.

Однажды днем в конце первой недели Тесме, возвращаясь из экспедиции по сбору калимборнов с луга, где она впервые наткнулась на чаурога, остановилась проверить ловушки. Большинство оказалось пустыми или с обычными мелкими зверушками, но в кустарнике за водоемом что-то неистово колотилось, и когда она подошла, то увидела, что поймала билантона — самое крупное животное, когда-либо попадавшее в ее западню. Билантоны водились по всему западному Зимроелю — изящные, быстрые, небольшие животные с острыми копытцами, хрупкими ножками и крошечными перевернутыми ручками хвостов. Но здесь, у Нарабала, они были просто гигантскими, вдвое больше утонченных северных сородичей. Здешние билантоны доставали до запястья

человека и ценились за нежное и ароматное мясо. Первым побуждением Тесме было выпустить прелестное создание: слишком большим оно казалось, слишком красивым, чтобы его убивать. Она научилась резать мелких зверьков, придерживая их одной рукой. Но тут было совсем другое. Большое животное, выглядевшее чуть ли не разумным, благородным, несомненно, ценившим свою жизнь со всеми надеждами и нуждами, поджидавшее, возможно, подругу. Тесме сказала себе, что она дура. И дрелси, и минтансы, и сигимоны так же стремились существовать, как рвется сейчас жить этот билантон, а она убивала их, не колеблясь. Не стоит одухотворять животных, когда даже в свои цивилизованные дни она охотно и с удовольствием ела мясо, если их убивала другая рука. И уж тем более нет ей дела до осиротевшей подруги билантона.

Подойдя ближе, поняла, что билантон в панике сломал ногу, и на мгновение мелькнула мысль наложить шину, выходить, оставить у себя как любимца. Но это было бы еще более нелепо. Она просто не в состоянии усыновлять каждую увечную тварь из джунглей. Чтобы наложить шину, необходимо осмотреть ногу, а билантон вряд ли будет вести себя спокойно, и если даже удастся ей каким-то чудом справиться, он сбежит при первом же удобном случае. Глубоко вздохнув, подкралась сзади к бьющемуся животному, схватила за нежную морду и свернула длинную грациозную шею.

Разделка туши оказалась делом более тяжелым и кровавым, чем она ожидала. Ожесточенно кромсала и резала несколько часов до тех пор, пока Висмаан не окликнул ее из хижины, спрашивая, чем она занята.

— Готовлю обед,— отозвалась.— Сюрприз. Будет большое угощение. Жаркое билантона.

Она тихонечко хихикнула, подумав, что это прозвучало, как у доброй жены, когда та готовит филе, а муж лежит в постели, ожидая обеда.

В конце концов неприятная работа была сделана. Она поставила мясо коптиться на слабом дымном огне, а сама отправилась мыться, набирая токку и корни гамбы, затем открыла фляжки с вином, которые принесла из Нарабала. Обед поспел с приходом темноты, и Тесме чувствовала гордость за содеянное.

Она ожидала, что Висмаан набросится на еду без комментариев в своей обычной флегматичной манере, но нет: впервые заметила оживление на его лице, какие-то новые искорки в глазах, да и язык мелькал как-то по-другому. Тесме решила, что теперь лучше разбирается в его чувствах. Он с воодушевлением грыз мясо, похваливая вкус и мягкость, просил еще и еще. Каждый раз, подавая ему, накладывала и себе, пока не пресытилась.

— К мясу очень хороша токка,— заметила Тесме, вкладывая сине-белые ягоды в рот.

— Да, очень приятно,— спокойно подтвердил он.

Наконец, она больше не могла не только есть, но даже просто смотреть на еду. Положила остатки так, чтобы они были доступны для его протянутой руки, допила последний глоток вина и, вздрогнув, засмеялась, когда несколько капель пролились на

подбородок и груди. Потом вытянулась на листьях. Голова кружилась. Она лежала лицом вниз, поглаживая земляной пол и слушая все еще продолжавшееся чавканье. Наконец, чаурог тоже насытился, все стихло. Тесме ждала, но сон не приходил. Голова кружилась сильнее и сильнее, пока ей не начало казаться, будто ее швыряет по какой-то ужасной центробежной дуге на стену хижины. Кожа горела, соски грудей набухли и воспалились.

Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере ягод десять. Яростный сок кипел теперь в ней.

Она не желала спать одна, скорчившись на полу.

С преувеличенной осторожностью Тесме встала на колени, замерла на мгновение и медленно поползла к кровати. До боли всматривалась в чаурога, но в глазах туманилось, и различала лишь общие его очертания.

— Ты спишь? — прошептала.

— Ты ведь знаешь, что я не буду спать.

— Конечно, конечно. Я как-то отупела.

— Тебе плохо, Тесме?

— Плохо? Нет, не очень. Ничего особенного, разве что... как бы это...— Она колебалась.— Я пьяна, понимаешь? Понимаешь, что значит быть пьяным?

— Да.

— Мне не нравится на полу. Можно, я лягу с тобой?

— Если хочешь.

— Я буду очень осторожна, не хочу задевать больную ногу. Покажи, какая.

— Она почти зажила, Тесме, не беспокойся. Ложись здесь.

Почувствовала, как его рука взяла ее за запястье и потянула вверх. Поднялась и легла рядом на бок, ощущая чешуйчатую кожу от груди до бедра; такую прохладную и такую гладкую. Робко потерла рукой его тело. Как отлично выделанная кожа для чемодана, подумала, надавив пальцами и прощупав могучие мускулы под жестким покровом. Запах его изменился, стал резким, пронизывающим.

— Мне нравится твой запах,— пробормотала Тесме.

Зарылась лбом в его грудь и плотно прижалась к нему. Много месяцев, почти год, она не была ни с кем в постели, и было хорошо чувствовать так близко чужое тело. Даже чаурога, подумалось, даже чаурога. Просто прикоснуться к кому-нибудь, почувствовать близость. Это так хорошо — чувствовать.

Он дотронулся до нее.

Она не ожидала этого. Все их отношения складывались так, что Тесме заботилась о нем, а он покорно принимал ее услуги... Но внезапно его рука — прохладная, жесткая, чешуйчатая, гладкая — прошлась по ее телу, легко скользнула по груди, ниже, к пояснице, задержалась на бедрах. Что это было? Неужели Висмаан решил заняться с ней любовью? Она подумала о его теле, лишенном сексуальных принадлежностей, как у машины. Он продолжал гладить. Это очень непонятно, подумала она, сверхъестественно.

Даже для Тесме. Совершенно необъяснимо, сказала она себе, он не человек, а я...

А я очень одинока.

И очень пьяна.

Она надеялась, что он будет только гладить. Но вдруг одна его рука скользнула вокруг плеч Тесме, легко и нежно он приподнял ее, перекатывая на себя, бережно опустил, и она почувствовала бедрами несомненно выступающую твердую плоть мужчины. Что? Неужели его пенис таился где-то в чешуе и он выпустил его, когда подошло время? И он...

Да.

Он, казалось, знал, что нужно делать. Пусть он чужак, при первой встрече с которым она не могла определить мужчина или женщина, но он явно понимал теорию любовных игр людей. На мгновение, когда она почувствовала, как его пенис входит в нее, ее поглотил ужас и отвращение, страх, что он повредит ей или причинит боль, и где-то в глубине сознания билась мысль, что это карикатурно и чудовищно, это совокупление женщины с чаурогом, то, чего никогда не случалось за всю историю Вселенной. Ей отчаянно захотелось вырваться и убежать в ночь. Но она была слишком пьяна, слишком кружилась голова, а потом она осознала, что он вовсе не повредил ей и что пенис его скользит внутрь и наружу, как какой-то размеренный механизм, а ее лоно трепещет от наслаждения, заставляя ее дрожать и всхлипывать, наваливаясь на его гладкий, жесткий...

Она пронзительно закричала в момент оргазма, а после лежала, свернувшись, на его груди, трепеща, немного хныча и мало-помалу успокаиваясь. Теперь она протрезвела. Поняла, что сделала, и это изумило ее, даже больше, чем изумило. Знали бы в Нарабале! Чаурог — любовник! И наслаждение было таким сильным! Но вот получил ли он какое-нибудь удовольствие? Она не посмела спросить. Как узнать, бывает ли у чаурогов оргазм? Есть ли у них вообще такое понятие? Ей захотелось выведать, занимался ли он и раньше любовью с женщинами, и снова она не посмела спросить. Он был не очень искусен, но определенно более ловок, чем некоторые из мужчин, которых она знала, хотя, что бы это ни было — экспериментировал ли он с ней или просто его чистый ясный разум вычислял анатомические потребности, она не знала, и сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Он ничего не сказал. Она прижалась к нему и впала в беззвучный тихий сон, каким не спала уже неделю.

Утром Тесме чувствовала себя необычно, но не раскаивалась. Не говорили о том, что произошло между ними ночью. Он играл кубиками, она на рассвете ушла поплавать, вымыть похмелье из головы, затем убрала остатки вчерашнего пиршества, приготовила завтрак, а после отправилась в долгую прогулку на север к небольшой мшистой пещере, где просидела большую часть утра, вспоминая плоть прижатого к ней тела, прикосновение его рук к ее бедрам, бешеную дрожь сотрясавшего ее экстаза. Она не могла сказать, что находит его привлекательным,— раздвоенный язык,

волосы, как живые змеи, чешуя по всему телу — нет, нет, случившееся прошлой ночью не имеет ничего общего с его физической привлекательностью, подумала Тесме. Но тогда почему? Вино и токка. И одиночество, и готовность восстать против общепринятой морали горожан Нарабала. Отдаться чаурогу,— поняла она,— лучший способ бросить вызов всему, во что верят эти люди. Но с другой стороны, подобный поступок теряет смысл, если о нем не узнают. И она решила взять Висмаана с собой в Нарабал, как только он сможет осилить дорогу.

После случившегося они делили постель каждую ночь. Поступать иначе казалось нелепостью. Но ни на вторую ночь, ни на третью, ни на четвертую не занимались любовью. Лежали рядом, не касаясь друг друга, и не разговаривали. Тесме готова была отдаться, если бы он потянулся к ней, но Висмаан не делал этого, а сама она предпочитала не навязываться.

Молчание становилось все тягостнее, но Тесме боялась нарушить его, опасаясь услышать то, чего не хотела слышать: что ему не по вкусу их любовные игры; или, что он смотрит на свершившееся совокупление, как на непристойное и противоестественное, которое позволил себе лишь один раз, и то только потому, что она оказалась слишком настойчивой; или что он понимает — по-настоящему она не испытывает к нему страсти, а просто воспользовалась им, дабы дойти до конца в своей бесконечной войне против всяческих условностей.

К концу недели, измучившись накапливающимся беспокойством и напряжением, страдая от неопределенности, Тесме рискнула прижаться к нему, когда легла вечером в постель, позаботившись, чтобы выглядело это, как случайность. И он с готовностью легко обнял ее, не колеблясь принял в свои объятия. Потом в одни ночи они занимались любовью, в другие — нет, но всегда это происходило как бы случайно и почти обыденно, как-то непроизвольно, после чего она засыпала. Каждый раз, отдаваясь, Тесме получала огромное наслаждение. Чуждость его тела вскоре перестала замечать.

Теперь Висмаан уже ходил без помощи и упражнялся каждый день. Сначала с ней, затем самостоятельно обследовал краешек джунглей, поначалу передвигаясь осторожно и с опаской, но вскоре шагал уже свободно, лишь слегка прихрамывая. Купания, кажется, способствовали выздоровлению, и он часами плескался в маленьком прудике Тесме, досаждая громварку, живущему у берега в грязной норке,— эта старая тварь украдкой выбиралась из своего местечка и разваливалась у воды, подобно промокшему и покрытому грязью мешку с колючками. Он мрачно глазел на чаурога и не возвращался в воду, пока тот купался.

Тесме утешала его нежными зелеными ростками, которые выдергивала в ручье и до которых громварку было не добраться на его маленьких лапках.

— Когда же ты покажешь мне Нарабал? — спросил однажды Висмаан дождливым вечером.

— Могу завтра,— ответила, не задумываясь.

Ночью Тесме чувствовала необычное возбуждение и настойчи-

во прижималась к чаурогу, желая отдаться.

Они вышли в путь с первыми проблесками дождливого рассвета, уступившего вскоре яркому сиянию солнца.

Тесме шла осторожно, не спеша, и хотя казалось, что чаурог вполне выздоровел, все равно двигалась медленно, и Висмаану нетрудно было держаться за ней. Она заметила, что без удержу болтает, называя ему каждое дерево или животное, на какое они натыкались, немного рассказывала из истории Нарабала, потом о своих братьях и сестрах, о знакомых в городе. Ей страстно хотелось показаться им с Висмааном — ГЛЯДИТЕ, ВОТ МОЙ ЛЮБОВНИК-ИНОРОДЕЦ! Я СПЛЮ С ЧАУРОГОМ! И когда подошли к окраинам, стала то и дело оглядываться, надеясь увидеть знакомых, хотя едва ли можно было встретить их на окраинных фермах.

— Видишь, как на нас уставились? — шепнула она Висмаану, едва они очутились в более людных кварталах.— Они тебя боятся, считают предтечей дикого нашествия, гадают, что я с тобой делаю и почему так любезна.

— Я ничего такого не вижу,— сказал Висмаан.— Проявляют любопытство, да. Но я не замечаю ни страха, ни враждебности. Может быть, потому, что я плохо разбираюсь в мимике человеческих лиц? Правда, я считал, что знаю людей вполне достаточно, чтобы разобраться.

— Подожди и увидишь,— обнадежила Тесме. Она не хотела признаваться себе, что могла слегка преувеличить, даже более того...

Они находились уже почти в центре Нарабала, и кое-кто глазел на чаурога с удивлением и любопытством, да, но почти сразу же отводил пристальный взгляд, а остальные просто улыбались и кивали, как будто идущее по улицам существо из иного мира для них — самая обыкновенная вещь. Действительно, враждебности не было никакой, и это ее разозлило. Мягкая приветливость людей, этих вежливых, дружелюбных людей, была вовсе не тем, чего Тесме ожидала. Наконец повстречали знакомых — Канидора, закадычного приятеля ее старшего брата, Еннимонта Сиброу, державшего маленькую гостиницу в порту, и женщину из цветочной лавки. И те выказали такое же радушие, как и все прочие, даже когда Тесме сказала:

— Это Висмаан, он живет у меня последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал Тесме как содержательницу гостиниц для чужаков, и завел разговор о новых городах для чаурогов и хьертов, которые планировал для застройки муж Мирифэйн.

Владелец гостиницы протянул ладонь и общительно тряхнул руку Висмаана, пригласив к себе домой отведать вина, а цветочница все твердила:

— Как интересно, как интересно, мы надеемся, что вам понравится наш небольшой городок.

Тесме вдруг ощутила снисходительность к их энтузиазму: они словно от нее набрались дикости и теперь принимают и соглашаются с ней во всем без опасений, без удивления, без комментариев.

Возможно, неверно истолковали суть отношений с чаурогом и думают, будто он просто поселился у нее. Интересно, возникнут ли у них чувства, которых она ждет, если прямо выложить, что они любовники? Что лоно ее принимало его пенис? Что они сотворили то, что было невозможно между человеком и чужаком? Скорее всего, нет. Вероятно, даже если они с чаурогом лягут и совокупятся на Площади Понтифика, то и это не расшевелит здешних обитателей, хмуро подумала Тесме.

Понравился ли город Висмаану? Ей трудно было определить его реакцию. Они поднимались по одним улицам, спускались по другим, миновали строившуюся площадь, лавку портного, проходили вдоль маленьких кривобоких домишек, утопающих в садах.

Тесме чудилось разочарование, неодобрение в его молчании и, несмотря на всю неприязнь к Нарабалу, захотелось защитить свой город. Это ведь новое поселение, одинокий форпост в глухом закоулке второразрядного континента, насчитывающий всего несколько поколений.

— О чем ты думаешь? — спросила она наконец.— Нарабал не производит на тебя впечатления?

— Ты же предупреждала, чтобы я не ждал слишком многого.

— Тут даже более уныло, чем я обещала.

— Нет, просто маленький и недоработанный,— сказал Висмаан.— Таким он смотрится после Пидрайда и ...

— Пидрайду уже тысячи лет!

— ...Дэлорна,— закончил он.— Дэлорн удивительно прекрасен даже сейчас, хоть только начал строиться. Но, разумеется, белый камень, который там используют...

— Да,— согласилась Тесме,— Нарабал тоже планировали строить из камня, тут слишком влажный климат и дерево гниет. Только пока еще ничего не сделали. Когда увеличится население, можно будет открыть каменоломни в горах и уж тогда создать что-нибудь прекрасное по-настоящему. Так что у нас будут работать те гиганты-чужаки...

— Скандары,— подсказал Висмаан.

— Да, скандары. Послал бы нам Венценосец тысяч десять...

— Тела скандаров покрыты густой шерстью, им будет тяжело в здешнем климате. Но, несомненно, они поселятся здесь, как и сусухарисы, и многие из влажной страны чаурогов, вроде меня. Со стороны вашего правителя очень смелый шаг — впустить к себе иномирян в таком количестве.

— Другие планеты не такие большие,— отмахнулась Тесме.— Я как-то слышала, что, невзирая даже на все наши колоссальные океаны, земли на Маджипуре в три или четыре раза больше, чем в любом населенном мире. Что-то вроде того. Мы счастливы, обладая столь большой планетой, где, однако, нормальная гравитация, так что здесь могут жить и люди, и гуманоиды. Естественно, мы платим за это высокую цену тем, что почти не имеем тяжелых элементов, но зато... О, привет! — Тон ее резко изменился, голос чуть дрогнул. Стройный, очень высокий молодой человек со светлыми волосами столкнулся с ними, появившись из банка на углу, и стоял теперь, глядя на нее, разинув рот.

Это был Раскелорн Юлван, любовник Тесме последние четыре месяца ее жизни в городе, непосредственный виновник бегства в джунгли. Меньше всего хотелось встретить в Нарабале именно его, но уж столкнувшись лицом к лицу, после секундного замешательства, она сказала, беря инициативу в свои руки:

— Ты хорошо выглядишь, Раскелорн.

— И ты. Жизнь в джунглях тебе на пользу.

— На пользу, счастливейшие месяцы в моей жизни. Раскелорн, это мой друг Висмаан, жил со мной несколько последних недель. С ним случилось несчастье, когда он подыскивал землю для фермы неподалеку отсюда. Упал с дерева, сломал ногу, а я на него наткнулась.

— Представляю,— спокойно сказал Раскелорн.— На мой взгляд, он находился в превосходных условиях.— Повернулся к чаурогу.— Рад с вами встретиться,— и так это произнес, будто действительно был рад.

Тесме сказала:

— Он из Пидрайда, климат там мало похож на здешний. Говорит, что у нас в тропиках скоро поселится много его соплеменников.

— Я тоже слышал,— с усмешкой кивнул Раскелорн и добавил: — Земля у нас удивительно плодородная. Посеешь семена перед завтраком, а к ночи уже получишь вино — уверяют все, так что это, должно быть, правда.

Легкость и непринужденность его речи взбесила Тесме. Разве он не понимает, что эта чешуйчатая змея, этот иномирянин, этот чаурог занял его место в ее постели? Или он не ревнив, или просто не представляет сложившейся ситуации? Отчаянно напрягаясь, попыталась передать правду бывшему любовнику, воображая себя в объятиях чужака: как его руки мнут ее груди и бедра, как мелькает его небольшой, алый раздвоенный язык по ее закрытым глазам, ее соскам, ее лону. Но все было бесполезно — Раскелорн способен читать в мыслях не больше ее. «Он мой любовник,— думала Тесме,— он обладает мною, меня все время тянет к нему, и я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы оказаться с ним в постели». Но все это время Раскелорн стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с чаурогом, обсуждая возможности выращивания нигука, глейны и стагги в здешних краях, о посеве семян в болотистых районах, и лишь после долгой паузы перевел взгляд на Тесме и осведомился — так безмятежно, словно интересовался, какой нынче день недели,— намерена ли она жить в джунглях и дальше.

Она со злостью посмотрела на него:

— Хочешь знать, почему я предпочитаю жить в джунглях?

— Удивляюсь, как ты обходишься без элементарных удобств?

— Зато я никогда не была так счастлива.

— Хорошо, рад за тебя, Тесме.— Еще одна вежливая улыбка.— Приятно было повидаться с вами. До новой встречи,— попрощался с чаурогом и ушел.

Тесме сжигала ярость: он не заметил, равнодушно не заметил, что она отдается чаурогу. Ему безразлично, отдается ли она

чаурогу, скандару или громварку в пруду! Она хотела оскорбить его или, по крайней мере, шокировать, а он был всего лишь вежлив. Вежлив! Должно быть, он, как и все остальные, обманывался относительно их взаимоотношений с Висмааном. Для них, наверное, просто непостижимо, что женщина готова предложить свое тело рептилии-иномирянину, они даже мысли об этом не допускали...

Она повернулась к Висмаану:

— Ну как, насмотрелся на Нарабал?

— Вполне. Здесь нечего смотреть.

— Как твоя нога? Дойдем обратно?

— Разве тебе ничего не нужно сделать в городе?

— Ничего такого, я хочу уйти.

— Тогда пойдем,— кивнул чаурог.

Все же нога, казалось, доставляла ему какое-то беспокойство — мышцы, видимо, сводило судорогой, что делало пешую прогулку затруднительной для любого, но, по привычке, он не жаловался и следовал за ней к тропинке в джунглях. Время было не самое приятное, солнце висело почти прямо над головой, тяжелый влажный воздух давил на плечи — первый признак скапливающихся туч, которые вскоре после полудня разрядятся дождем.

Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя ни разу он не признался, что устал. Уставала сама Тесме и останавливалась, будто хотела показать ему то геологическое напластование, то необычное дерево, то еще что-нибудь.

Встречи в Нарабале — катастрофа. Надменный, вызывающий, непослушный, презрительный Нарабал. Она привела в город любовника-чаурога, желая гордо покрасоваться перед его жителями, а они не обратили никакого внимания. Неужто настолько отупели, что не в состоянии угадать правду? Или намеренно смотрели сквозь пальцы, решив не доставлять ей удовольствия? И какую нетерпимость видела она раньше в горожанах Нарабала? Почему считала, будто боятся соседства чужаков? Так очаровательно приветливы с Висмааном, так дружелюбны. Возможно, мрачно подумала Тесме, предубеждения существуют только в ее воображении и она превратно толкует высказывания других людей? В таком случае отдаваться чаурогу было глупостью. Это сработало впустую и не достигло цели в той личной войне, которую она вела против своих сограждан. Просто необычный, нелепый и не преднамеренный случай.

Ни Тесме, ни чаурог не разговаривали во время долгого, медленного и неудобного возвращения через джунгли.

Когда добрались до хижины, он сразу вошел внутрь, а она торопливо выкупалась, проверила ловушки, нарвала ягод, взяла какие-то вещи и тут же бросила, забыв, что хотела с ними сделать.

Наконец вошла в хижину и сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

— Хорошо,— кивнул он.— Сейчас?

— Скоро стемнеет. А ты уже отшагал сегодня много миль.

— Не хочу беспокоить тебя, пойду сейчас.

Даже теперь она была не в состоянии прочитать на лице его

чувства. Удивлен? Обижен? Зол? Не могла понять. Он не простился, отвернулся и ровным шагом направился в джунгли. Тесме провожала взглядом, пока он не исчез за низко висящими лианами: сердце колотилось, в горле у нее пересохло, еле сдержалась, чтоб не кинуться следом. Но он ушел, и скоро спустилась тропическая ночь.

Она тщательно приготовила себе обед, ела мало, представляя, как сидит Висмаан в темноте, дожидаясь утра. Даже не попрощались. А ведь могла немного пошутить, советуя держаться подальше от высоких деревьев, или он мог бы поблагодарить ее за все, что она для него сделала. Но вместо этого она просто выгнала его, и он спокойно ушел. Чужой, подумалось, и пути его чужды ей. И все же, когда они были вместе в постели и он дотрагивался до нее и втаскивал ее тело на себя...

Ночь тянулась длинная, бесконечная. Она лежала, сжавшись на постели, которую они так недавно делили вместе, слушая бормотание ночного дождя в широких синих листьях, заменяющих хижине крышу, и впервые с тех пор, как поселилась в джунглях, ощутила боль одиночества. До этой минуты она не подозревала, как много значила для нее причудливая пародия на семейную жизнь, которую они разыгрывали здесь с чаурогом и которая теперь кончилась. И она снова была одна, и даже более одинока, чем прежде. А он где-то снаружи сидит в темноте, не спящий и не укрытый от дождя.

Я влюбилась в чужака, сказала она себе с удивлением. Влюбилась в чешуйчатую т в а р ь, не сказавшую мне ни одного нежного слова, не задававшую никаких вопросов и ушедшую, не сказав ни слова — ни спасибо, ни до свидания. Она лежала, бодрствуя, несколько часов. Напряженное тело ныло от долгой дневной ходьбы. Она подтянула колени к груди и долго лежала так, а затем просунула руку между бедер и терла там до тех пор, пока не наступил миг оргазма; она задохнулась, издав чуть слышный стон, и погрузилась в сон.

Утром Тесме проснулась, проверила ловушки, собрала завтрак, потом бродила по всем знакомым тропам возле хижины. Никаких признаков, указывающих на присутствие чаурога, не заметила.

К середине дня настроение немного улучшилось, а в полдень снова радовалась жизни. Но к наступлению ночи, когда подошло время обедать в одиночестве, ощутила, как вновь подступает хандра. Она терпела. Поиграла кубиками, которые принесла для него из дому, и в конце концов уснула. А следующий день прошел уже лучше, и следующий тоже. И так шли дни...

Постепенно жизнь Тесме возвращалась в свое русло. Больше она не встречала чаурога, и он стал мало-помалу ускользать из ее сознания. Дни складывались в недели одиночества, вновь даря радость отшельничества, или это только казалось? Но иной раз ее пронизывали резкие и болезненные воспоминания: при виде билантона в зарослях, или обломанной ветки, или громварка, сидящего у воды, и тогда она понимала, что все еще тоскует о нем. Бродила по джунглям, описывая все расширяющиеся круги вокруг

хижины, не вполне понимая зачем, пока, наконец, не призналась себе, что ищет его.

Она искала его больше трех месяцев.

Однажды заметила признаки поселения на юго-востоке: расчищенные, виднеющиеся вдали вершины холмов. Направилась прямо в ту сторону, перебралась через большую, не известную ей раньше реку, там за чащей болотных деревьев оказалась недавно основанная ферма.

Притаившись у начала поля, Тесме увидела чаурога — это Висмаан, она была уверена в этом,— удобрявшего поле богатым черным перегноем. Страх вдруг сжал душу, заставив задрожать. А если другой чаурог? Нет-нет, это он. Она даже убедила себя, будто замечает небольшую хромоту. Быстро пригнулась, опасаясь показаться ему. Что скажет? Почему забралась так далеко в поисках его после того, как прогнала? Она двинулась к зарослям кустарника и уже совсем было решила уйти, но потом собралась с духом, окликнула по имени.

Он замер, огляделся вокруг.

— Висмаан? Я здесь, это я — Тесме.

Щеки ее пылали, сердце бешено стучало. На одно мрачное мгновение решила, что это чужой, незнакомый чаурог, уже извинения готовы были сорваться с языка. Но стоило ему шагнуть навстречу, как она поняла, что не ошиблась.

— Я заметила расчищенную долину и подумала, что это, должно быть, твоя ферма,— сказала Тесме, выходя из-под свешивающихся до самой земли ветвей.— Ну, как ты живешь, Висмаан?

— Отлично. А ты?

Она передернула плечами.

— Как обычно. Но ты тут сотворил удивительное... Всего-то несколько месяцев, а смотри сколько сделано!

— Да,— кивнул он,— мы здорово потрудились.

— Мы?

— Мы с подругой. Идем, познакомлю и покажу, чего мы достигли.

Его спокойные слова околдовали ее. Подчеркнутой вежливостью хотел заменить выражение негодования или обиду за то, что она выгнала его? Возможно, мстил так, обуздывая свою злость? Но скорее всего, совсем не испытывает обиды и не собирается мстить. И взгляд его на все, происшедшее между ними, вероятно, совершенно не такой, как у нее. Не забывай, нельзя забывать, что он чужак, сказала она себе.

Поднялась за ним по отлогому склону, перепрыгнув через дренажную канаву, обошла небольшое поле, явно недавно засеянное.

На вершине холма, полускрытый разросшимся огородом, стоял дом из обтесанных стволов сиджайлы, не очень-то отличающийся от ее хижины, но побольше и как-то угловатее. Отсюда было видно всю ферму, занимавшую три склона невысокого холма. Тесме поразилась, как много он успел — казалось невозможным расчистить все это, поставить дом, подготовить поле к посеву и даже

начать сев,— и все за несколько месяцев. Помнила, что чауроги не спят, но разве им не требуется отдых?

— Турном! — позвал Висмаан.— У нас гостья, Турном.

Тесме старалась успокоиться. Лишь теперь поняла, что пришла взглянуть на чаурога потому, что больше не хотела жить одна, потому что где-то в глубине души таилась полуосознанная мысль помочь устроить ферму и разделить жизнь так же, как делила постель, связать себя с ним по-настоящему. В какие-то мгновения даже позволяла себе помечтать, как они будут где-нибудь на празднике или в Дэлорне, на встрече с его соплеменниками. Все это глупо, она понимала, но с упорным безумием верила в такую возможность до тех пор, пока он не сказал про свою подругу. Теперь Тесме с трудом заставляла себя держаться спокойно и приветливо.

Из дома вышел чаурог, почти такой же высокий, как Висмаан, с такими же блестящими чешуйками и змеящимися волосами. Между ними было только одно различие, но существенное: второго чаурога украшали свисающие цилиндрические груди, с десяток или больше, каждая с темно-зеленым соском.

Тесме вздрогнула. Висмаан говорил ей, что чауроги млекопитающие, и доказательство этого сейчас невозможно опровергнуть, хотя, на ее взгляд, груди не столько подчеркивали принадлежность к млекопитающим, сколько, наоборот, наводили на мысль о таинственном и непостижимом гибриде. С глубокой неловкостью смотрела Тесме то на одного, то на другого чужака.

— Это та женщина, о которой рассказывал я тебе,— сказал Висмаан.— Она нашла меня, когда я сломал ногу. Тесме, это моя подруга Турном.

— Добро пожаловать,— торжественно объявила женщина-чаурог.

Тесме пробормотала что-то о работе, которой им еще предстоит заняться на ферме. Хотелось только одного — бежать. Но возможности такой не было: она ведь зашла навестить соседей по джунглям, и те желали показать все подробно.

Висмаан пригласил ее в дом. А что дальше? Чашка чаю, стакан вина, немного токки и жареный минтанс? Вряд ли внутри хижины есть что-нибудь, кроме стола, самой необходимой посуды.

Войдя, Тесме поняла, что не ошиблась, только, вдобавок ко всему предвиденному, в дальнем углу на трехногом табурете стоял плетеный ящик с высокими стенками. Заметив его, Тесме тут же отвела взгляд, машинально подумав почему-то, что не стоит особо любопытствовать. Но Висмаан взял ее под локоть:

— Подойди. Взгляни.

Она шагнула вперед.

Это был инкубатор. В гнездышках из мха лежало девять или десять кожистых круглых яиц, ярко-зеленых, с большими овальными пятнами.

— Наш первенец появится меньше, чем через месяц,— похвалился Висмаан.

У Тесме закружилась голова. Именно это откровение подлинной чуждости иномирян ошеломило ее, как ничто другое: ни

холодный взгляд немигающих глаз, ни змеящиеся волосы, ни прикосновение чешуи к ее обнаженным бедрам, ни внезапное поражающее проникновение его члена в ее лоно. Яйца! Детеныши! А у Турном уже копится молоко, чтоб вскармливать. Тесме как наяву увидела маленьких ящериц, вцепившихся в бесчисленные груди, и ужас захлестнул ее. Один миг стояла она, оцепенев, даже не дыша, и вдруг ринулась из дома, бросилась вниз по холму через дренажные канавы, маленькое поле, поздно осознав, что оно засеяно,— в джунгли.

Тесме не знала, сколько прошло времени, пока Висмаан появился у ее двери. Время тянулось расплывчатым потоком еды, сна и слез; возможно, миновал день или два, неделя, а потом появился он, заполнив головой и плечами вход в хижину, и позвал ее по имени.

— Чего ты хочешь? — спросила она, не двигаясь.

— Поговорить, сказать тебе кое-что. Почему ты сбежала так внезапно?

— Разве дело в этом?

Он склонился к ней. Рука его легонько опустилась на ее плечо:

— Тесме, я в долгу перед тобой.

— За что?

— Когда я ушел отсюда, не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго обсуждали, из-за чего ты убежала, она утверждает, что ты рассержена. Но я не понимал, почему. Мы перебрали все возможные причины, и лишь в конце она спросила, поблагодарил ли я тебя за помощь. Но я не знал, что это нужно. И я пошел к тебе. Прости мою грубость, Тесме, мое неведение.

— Хорошо, я тебя простила,— сказала она приглушенно.— Теперь ты уйдешь?

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не буду.

— Пожалуйста.— Он потянул ее за плечо.

Она угрюмо обернулась.

— У тебя влажные глаза,— сказал он.

— Иногда они меня не слушаются.

— Ты все еще сердишься? Почему? Прошу понять, что я не невежлив. Чауроги не выражают благодарность так, как люди. Но позволь мне это сделать. Я знаю, что ты спасла мне жизнь. Ты очень добрая. Я всегда буду помнить, что ты сделала для меня, пока я был беспомощен. Плохо, что я не сказал тебе этого раньше.

— И плохо, что я тебя выгнала,— пробормотала она низким голосом.— Только не проси объяснить, почему так сделала. Все очень запутанно. Прошу тебе то, что не поблагодарил, если простишь, что я прогнала.

— Мне не за что тебя прощать. Моя нога зажила, и настало время, как ты и подсказала, и я пошел своей дорогой. Я нашел землю для фермы.

— И это было совсем не трудно, верно?

— Да, конечно.

Она встала к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной сексом?

— Потому что ты, кажется, хотела этого.

— И только?

— Ты была несчастлива и не могла уснуть в одиночестве. Я надеялся, что это успокоит тебя, и пытался по-дружески помочь из сострадания.

— Ах, вот как...

— Я верил, что доставляю тебе удовольствие.

— Да. Да. Это доставляло мне удовольствие. Но ведь ты не хотел меня?

Его язык замелькал так быстро, что она решила, будто это соответствует человеческому удивлению.

Нет,— ответил он.— Ты — человек. Как же я могу испытывать влечение к человеку? Мы разные, Тесме. На Маджипуре нас зовут чужаками, но для меня чужак т ы , разве не так?

— Я полагаю, так.

— Но я хотел помочь тебе. Я желал тебе счастья. В этом смысле я желал тебя. Понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Я надеюсь, ты навестишь нас и разделишь щедрые дары нашей фермы?

— Я... да, да, я приду...

— Хорошо. Тогда я пойду, но сначала...

Тяжеловесно, с достоинством он притянул ее к себе и обнял могучими руками. И вновь она ощутила гладкую жесткость его чешуйчатой кожи, вновь небольшой алый язык метался по ее векам, целуя. Висмаан обнимал ее долго. Потом отпустил и сказал:

— Я не могу забыть тебя, Тесме.

— И я.

Она стояла в дверях, наблюдая, как он исчезает у пруда. Ощущение легкости, мира и тепла пронизало ее душу. Она сомневалась, что когда-либо решится навестить Висмаана, Турном и их вылупившихся ящериц, но все было правильно. Висмаан понял. Тесме начала собирать свое имущество и укладывать в мешок. Была еще только середина утра, и можно спокойно идти в Нарабал.

Она добралась до города после полудня.

Прошел год с тех пор, как она покинула город, и много месяцев, когда была здесь в последний раз. Ее удивили перемены: округу заполонила гудящая суета, повсюду росли новые здания, в Проливе стояли корабли, улицы шумели. Нарабал, казалось, захвачен чужаками: множество чаурогов, хьертов, сотни гигантских четырехруких скандаров, целая круговерть странных существ, занятых своими делами. Тесме с трудом добралась до дома матери, где застала обеих сестер и брата Далкана. Они глазели на нее с изумлением, чуть ли не со страхом.

— Я вернулась,—сказала Тесме.— Я знаю, что выгляжу, как дикий зверь, нужно привести в порядок волосы, надеть новую тунику и снова стану человеком.

Она переехала жить к Раскелорну Ювалу спустя несколько дней, а в конце года они поженились. Иногда она думала признать-

ся ему в том, что произошло между нею и чаурогом, но не решалась, и постепенно случившееся стало забываться, стало казаться не столь уж важным, как и то, откроется она мужу или нет. Она призналась, наконец, десять или двенадцать лет спустя, во время обеда в одном из новых ресторанов в квартале чаурогов в Нарабале за жарким из билантона; много выпила, слишком много золотистого вина, слишком сильно навалились старые воспоминания. В конце своей исповеди Тесме спросила:

— Ты хоть что-нибудь подозревал?

И он ответил:

— Я понял это сразу, едва увидел тебя с ним на улице. Но какое это имеет значение?

ДВА

ВРЕМЯ ОГНЯ

Несколько недель после поразительного опыта Хиссун не осмеливался возвращаться к Счетчику Душ. Нужно было время, чтобы все переварить, впитать в себя. За какой-то час в маленькой комнатке он прожил несколько месяцев жизнью женщины, оставившей зарубку на сердце. Странные новые образы возникали теперь в сознании.

Во-первых, джунгли; Хиссун не знал ничего, кроме заботливо управляемого ровного климата подземного Лабиринта; если вычеркнуть время, когда он ездил в Замок Горы, чей климат был вполне идентичен Лабиринту. Поэтому так поразили сырость, густая листва, дожди, птичьи трели и гудение насекомых, ощущение влажной грязи под ногами.

Во-вторых, то, кем он был. Ж е н щ и н о й! Потрясающе! И в з я т ь в л ю б о в н и к и ч у ж а к а! Хиссун даже не находил слов, он просто воспринял все, как есть, как данность, чтобы не терзать себя понапрасну и не запутаться. Много и кроме этого оставалось для раздумий, например, ощущение Маджипуры как развивающегося мира с дикими, неисследованными областями, с грязными немощеными улицами в Нарабале. Хиссун размышлял часами, пока бездумно готовил для архива отчеты сборщиков налогов, и постепенно приходил к мысли, что сильно изменился благодаря Счетчику Душ и никогда уже не станет прежним. Каким-то непостижимым образом будет теперь не только самим собой, но и женщиной Тесме, жившей и умершей девять тысяч лет назад на другом материке, в жарком дождливом местечке, которое он никогда не увидит.

И, разумеется, жаждал еще раз прикоснуться к Летописи. Когда он решился на вторую попытку, дежурил другой чиновник — хмурый коротышка урун, косо поглядывающий на приближающегося посетителя.

Хиссун протянул пропуск и быстро очутился внутри. Задумался, что выбрать, и в конце концов решил остановиться на

временах Властителя Стиамота, на последних днях покорения армией человеческих поселенцев метаморфов Маджипуры.

Я стану солдатом армии Венценосца, подумал он, и, возможно, даже увижу Властителя Стиамота.

Сухие предгорья полыхали кривым гребнем от Милиморна до Хэмфиси, и даже здесь, наверху, в пятидесяти милях восточнее, на Зугнорском Пике капитан Еремайл ощущал горячие порывы ветра и привкус гари в воздухе.

Густой черный дым поднимался над всей областью. За час или два летатели протянут огненную линию от Хэмфиси до небольшого поселения в начале долины, а завтра зажгут зону с юга до Силтанмонда, и тогда заполыхает вся провинция, и горе тому Меняющему Форму, кто там замешкается.

— Теперь недолго,— сказал Вигган.— Война почти закончилась.

Еремайл оторвался от карт северной части континента и посмотрел на младшего офицера.

— Вы так думаете?

— Тридцать лет. Вполне достаточно.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч лет — с тех самых пор, как люди впервые пришли в этот мир. И почти все время шла война, Вигган.

— Но ведь какое-то время мы просто не сознавали, что ведем войну!

— Да,— согласился Еремайл,— да, мы не понимали. Зато понимаем теперь.

И он вновь обратил внимание к картам, низко склонившись над ними. Масляно-едкий воздух резал глаза и туманил взор, а карты были как назло мелкомасштабные. Медленно провел карандашом по контурным линиям предгорья под Хэмфиси, не задерживаясь на селениях.

Каждая деревушка вдоль огненной дуги была отмечена на карте (как он надеялся), и офицеры побывали во всех, предупреждая о скором испепелении.

Ему и его команде было очень тяжело при мысли, что картографы могли пропустить какое-нибудь богом забытое местечко. Властитель Стиамот издал указ, предупреждающий, что ни один человек не должен погибнуть в пламени колоссальной облавы: всех поселенцев следовало уведомить загодя, дать время на эвакуацию.

Метаморфы получили такое же уведомление. Нужно не выжигать врага, неоднократно повторял Властитель Стиамот, цель одна: заставить метаморфов подчиняться, и огонь, кажется, являлся самым лучшим средством. На самих носителях Огня может сказаться столь тяжкая обязанность, подумал Еремайл, но с этим затруднений не возникнет.

— Каттикаун — Визфёрн — Домгроув... Сколько же их! И отчего людям хочется тут жить, Вигган?

— Они уверяют, что земли плодородные, а климат мягкий для такого северного района.

— Мягкий? Я полагаю, вы имеете в виду не по полгода без дождя?— Еремайл закашлялся. Ему почудилось, будто он слышит треск далекого огня сквозь рыжевато-коричневую, до колен, траву. В этой части Альханроеля дожди шли всю долгую зиму и напрочь исчезали летом; можно было подумать, что природа бросала вызов земледельцам, но, очевидно, те как-то справлялись, учитывая, сколько ферм тянулось по склонам холмов и внизу в долинах до самого моря. Сейчас стояло самое засушливое время года, и местность несколько месяцев изнывала под летним солнцем — сухость, сухость и сухость,— чернозем растрескался и покрылся бороздками, выросшие за зиму травы поникли и высохли, густолиственные кусты пожухли и замерли. Самое подходящее время, чтобы поджечь местность и сломить упорного врага на самом краю океана, или сбросить его туда! И не потерять ни одной человеческой жизни, ни одной! Еремайл вновь принялся изучать список: Чикмоуг, Фиэйли, Мичимэнд... Потом вновь поднял глаза.

— Вигган, чем вы займетесь после войны?

— У нашей семьи земли в долине Клайга. Наверное, снова фермерством, а вы?

— Мой дом в Сти. Я был инженером, строил каналы, водоводы и тому подобное. Могу опять этим заняться. А когда вы последний раз видели Клайг?

— Четыре года назад,— вздохнул Вигган.

— Я пять лет не был в Сти. Вы ведь участвовали в битве под Тримэйном?

— Был даже ранен, легко.

— И вам приходилось убивать метаморфов?

— Да.

— Нет,— Еремайл покачал головой.— Мне — нет. За все девять лет в армии не отнял ни единой жизни. Конечно, я офицер, но, подозреваю, убийца из меня никакой.

— Да и из всех нас тоже,— заметил Вигган.— Но когда они приближаются к вам, меняя форму раз по пять в минуту, или когда вы узнаете, что они совершили налет на земли вашего брата и перебили всех близких...

— С вами это случилось, Вигган?

— Нет, не со мной. Но другие... Таких очень много. Зверства! Стоит ли объяснять...

— Да, не стоит. Как называется этот городок, Вигган?

Офицер наклонился к карте.

— Сингасерин. Тут маленькое пятнышко, но название прочесть можно. Он есть у нас в списке, их предупредили позавчера.

— По-моему, мы сделали все.

— По-моему, тоже.

Еремайл свернул карты, отложил в сторону и снова посмотрел на запад, где отчетливо прослеживалась разграничивающая линия между зоной огня и неподожженными темно-зелеными и, судя по всему, с буйной растительностью, холмами южнее. Однако, и там, наверное, листва сморщилась, сделалась сальной за долгие месяцы без дождя, и склоны холмов внезапно взрывались, словно

разбомбленные, едва огонь достигал их. Еремайл видел все новые и новые взрывы пламени, похожие на краткие вспышки неожиданной яркости, как удары света. Но это расстояние обманывало взор — Еремайл знал: каждый из крошечных костерков взрывал обширную новую территорию, огонь мчался, сам рождаясь в воздухе горящими угольками, куда ни протягивали его летатели, пожирая леса за Хэмфиси.

— К вам посыльный, капитан,— окликнул Вигган.

Еремайл обернулся. Рослый молодой человек в мокрой от пота форме спустился по склону и пристально смотрел на них.

— Ну?— спросил Еремайл.

— Меня направил капитан Вануйл. У нас затруднение — в долине неэвакуированный поселенец.

— Хм, вот как,— Еремайл передернул плечами.— Какой поселок?

— Это между Каттикауном и Визферном, на хорошем тракте. Человека тоже зовут Каттикаун, Айбил Каттикаун. Он утверждает, будто получил землю в подарок от Понтифика Дворна и его люди живут там тысячи лет. Он отказывается уходить.

Еремайл сказал со вздохом:

— Мне все равно, что он получил землю в подарок от Понтифика Дворна, завтра мы зажжем округу и он сгорит, если не уберется оттуда.

— Он это знает, капитан.

— Чего он ждет от нас? Разложить огонь так, чтобы не задел его ферму?— Еремайл нетерпеливо махнул рукой.— Эвакуируйте его, невзирая на то, хочет он того или нет.

— Мы пытались,— ответил посыльный,— но Айбил вооружен и оказал сопротивление. Он заявил, что убьет всякого, кто попробует согнать его.

— Убьет?— повторил Еремайл, словно не поняв значения слова.— Убьет? Кто станет угрожать убийством? Только безумец. Возьмите взвод солдат и переведите его в безопасную зону.

— Я ведь говорил, капитан, он оказывает сопротивление. Была перестрелка. Капитан Вануйл полагает, что его невозможно убрать оттуда живым. Капитан Вануйл просит вас спуститься к нему и разобраться лично.

— Я...

Вигган тихо заметил:

— Все может оказаться проще простого: у крупных землевладельцев характеры тяжелые, и они требуют к себе повышенного внимания.

— Пусть Вануйл и займется им,— буркнул Еремайл.

— Он уже пытался вести переговоры, капитан,— объяснил посыльный,— и неудачно. Каттикаун требует невозможного — встречи с Властителем Стиамотом, но если бы вы...

Еремайл задумался. Конечно, нелепо командующему всем районом офицеру брать на себя подобную задачу. Это дело Вануйла. Его обязанность — очистить территорию от людей к завтрашнему утру, а обязанность Еремайла — оставаться здесь и осуществлять общее руководство всей акцией. С другой стороны,

эвакуация в конечном счете была обязанностью и Еремайла, а Вануйл явно не справляется, попытка же насильственно согнать людей с земли скорее всего окончится смертью Каттикауна и гибелью кое-кого из солдат. Почему бы и не съездить? Еремайл медленно кивнул. Ничего важного на сегодня не оставалось, а Вигган и один управится со всем прочим. И если удастся спасти одну жизнь, жизнь одного старого упрямого дурака...

— Возьмите мой флотер,— предложил он Виггану,— а я воспользуюсь вашим.

— Но, капитан...

— Давайте, давайте, пока я не передумал. Поеду, взгляну, что там.

— Но Вануйл уже...

— Не стоит беспокоиться, Вигган. Я спущусь совсем ненадолго. Вы тут покомандуйте, пока я не вернусь, но, думаю, вряд ли у вас сегодня будет какая-нибудь работа.

— Да, капитан,— хмуро ответил младший офицер.

Ферма оказалась дальше, чем Ермайл предполагал. Пришлось почти два часа пробираться по еле приметной тропке с базы на Зугнорском Пике, затем пересечь неровный склон плато, ведущий к подножию холмов, окружающих равнину.

Здесь, внизу, воздух стал горячее, хотя и не таким дымным, мерцающие жаром волны порождали миражи и заставляли пейзаж плавиться и плыть. Дорога оказалась вполне приличной, но приходилось часто останавливаться, пропуская мчащихся в панике животных (некоторых он не мог узнать), бешено вылетающих из огненной зоны впереди. Тени начали удлиняться, когда Еремайл добрался наконец до небольшого поселения в предгорье. Здесь присутствие огня чувствовалось почти осязаемо, как второе солнце в небе. Жаром обдавало щеки, на кожу и одежду оседали мелкие хлопья пепла.

Места, которые он проверял по своему списку, стали теперь неуютно реальными — Вайели, Домгроув, Визфёрн. Последний они только что миновали: со скучившимися в центре лавками и административными зданиями в окружении домиков, от которых тянулись наружу, по кольцу, фермы; каждый городок располагался в небольшой долине, где имелась речушка, текущая вниз по склону холма и теряющаяся где-то на равнине. Они были пусты сейчас или почти пусты, осталось лишь несколько замешкавшихся, остальные уже шли по тракту, ведущему к побережью.

Еремайл не сомневался, что, зайди он в любой дом, и найдет там книги, гравюры, картины, всяческие безделушки, даже домашних животных, возможно, забытых в спешке. А завтра все это обратится в пепел. Но местность вокруг кишела Меняющими Форму. Столетиями поселенцы жили здесь под угрозой неумолимого жестокого врага, проникавшего из леса под личиной друга, возлюбленной, сына, и всегда только с одним намерением — убить. Тайная, бесшумная война между лишенными прав аборигенами и теми, кто пришел после них, война, неизбежная с тех самых пор, как первые поселки на Маджипуре переросли в города и расползлись, занимая плодородные земли и поглощая все больше

и больше владений местных уроженцев. А теперь все пожирающий огонь подведет итог в этой судорожной борьбе между людьми и Меняющими Форму, и ничто не в силах его изменить. И Вайелы, и Домгроув, и Визферн должны быть разрушены, чтобы прекратить мучительную борьбу. И все-таки нелегко покинуть родной дом, подумал Еремайл, нелегко даже разрушить чужой дом, чем он занимался последние дни, разве что делать это издали, на таком безопасном расстоянии, откуда сожжение чьих-то родных очагов представляется только стратегией.

За Визфёрном дорога шла вдоль предгорья, ориентированного далеко на запад. Множество больших ручьев, скорее даже, речушек, землю густо покрывали леса без единой вырубки для посева. Однако и здесь поработала многомесячная засуха: кучи опавших мертвых листьев, сломанных ветвей и потемневших стволов готовы были мгновенно вспыхнуть.

— Вот это место, капитан,— сказал посыльный.

Еремайл увидел отделенное перегородкой ущелье, узкое в начале и гораздо шире внутри, с текущим посередине ручьем. В сгущающихся сумерках поместье — огромный белый дом, крытый зеленой черепицей,— производило впечатление; за ним тянулось необъятное засеянное поле. У входа в ущелье стояла вооруженная охрана. Еремайл с беспокойством заметил, что это не просто фермерское ополчение, а настоящая стража, видно, хозяин ощущал себя как минимум герцогом.

Еремайл спешился и шагнул к охранникам, державшим энергометы наготове:

— Капитан группы Еремайл хотел бы повидать Айбала Каттикауна.

— Каттикаун ожидает Властителя Стиамота,— последовал холодный ответ.

— Властитель Стиамот занят в другом месте. Здесь его заменяю я. Я командую этим округом.

— Нам приказано пропустить только Властителя Стиамота.

— Передайте своему хозяину,— сказал Еремайл устало,— что Венценосец шлет свои извинения и просит изложить обиды капитану Еремайлу вместо себя.

Казалось, охранник остался равнодушным к услышанному, однако чуть погодя повернулся и вошел в ущелье.

Еремайл следил, как он не спеша идет вдоль ручья и исчезает за густым кустарником, окружающим площадку перед домом.

Прошло порядочно времени; ветер переменился, донося жаркие вспышки из зоны огня, дымный пласт черного воздуха резал глаза и горло. Еремайл чувствовал, как сажа оседает в легких. Но отсюда, из этого укромного места, сам огонь не был виден.

Наконец, так же неторопливо, вернулся охранник.

— Каттикаун примет вас,— объявил он.

Еремайл кивнул, подзывая, водителю и своей охране, но стражник Каттикауна покачал головой:

— Только вы, капитан.

Посыльный обеспокоенно взглянул на Еремайла, но тот махнул рукой, отсылая его.

— Ждите меня здесь,— распорядился.— Не думаю, чтобы я задержался надолго.

Он последовал за охранником по дорожке к дому.

От Айбила Каттикауна он ожидал столь прохладной встречи, как и от его охраны. Но Еремайл недооценил учтивости провинциального аристократа, которую следовало предусмотреть заранее.

Каттикаун приветствовал его теплой улыбкой и проницательным взглядом, а затем, подхватив под руку, проводил в свое жилище, которое оказалось скудно меблированным, зато вся обстановка была изящной и красивой. В сводчатом потолке выступали балки из выдержанного в маслах черного дерева, высоко на стенах развешаны охотничьи трофеи, мебель массивная и, очевидно, старинная, Все дышало архаичным духом, как и сам Айбил Каттикаун. Он был рослым — много выше хрупкого Еремайла — и широкоплечим. Массивное тело театрально увеличивал тяжелый плащ, выкроенный из шкуры ститмота, который он носил непринужденно. Лоб высокий, густые темные волосы свисали тяжелыми локонами, глаза черные, губы — тонкие. Этот Айбил производил внушительное впечатление своей внешностью.

Усадив Еремайла, хозяин наполнил бокалы каким-то игристым янтарным вином и сказал, когда они пригубили:

— Итак, вы собираетесь сжечь мою землю?

Еремайл вздохнул:

— Боюсь, нам придется сжечь всю провинцию целиком.

— Идиотская затея. Наверное, самая дурацкая за всю историю человеческих войн. Знаете, как ценится продукция нашего округа? Знаете, сколько поколений тяжкого труда ушло на строительство наших ферм?

— Вся зона — от Милиморна до Синталмонда — последний оставшийся в Альханроеле очаг сопротивления метаморфов. Венценосец хочет, наконец, покончить с войной, а это возможно, лишь выкурив Меняющих Форму из потайных нор в здешних холмах.

— Есть иные средства.

— Мы испробовали все,— ответил Еремайл,— но это ни к чему не привело.

— Вот как! А вы пытались дюйм за дюймом идти по лесам, выискивая их? Разве вы перебросили сюда всех солдат Маджипуры, чтобы провести такую операцию? Конечно, это слишком хлопотно. Гораздо проще выслать летателей и все сжечь.

— Война перемолола уже несколько поколений.

— И Венценосец горит желанием закончить ее,— кивнул Каттикаун,— за мой счет.

— Венценосец отличный стратег,— не согласился Еремайл.— Он разбил опасного, почти непостижимого врага и обезопасил Маджипуру для человеческих поселений —всю, кроме вашего округа.

— Мы и сами неплохо справлялись с окружающими нас метаморфами, капитан. Однако мы не устраивали резни. Я в состоянии справиться с ними. Не настолько они опасны, чтобы сильно

угрожать нашему благоденствию, как это, кажется, делает ваше правительство. Ваш Венценосец глупец, капитан.

Еремайл сдержался:

— Будущие поколения восславят его, как героя из героев.

— Очень похоже,— согласился Каттикаун.— Люди подобного сорта обычно и превращаются в героев. Я заявляю, что нет необходимости разорять целую провинцию, чтобы окружить несколько тысяч оставшихся аборигенов. Уверяю вас, это близорукое и опрометчивое решение усталого военачальника, который торопится вернуться к наслаждениям Замка Горы.

— Ничего нельзя изменить. Решение принято, от Милиморна до Хэмфиси все уже пылает.

— Я это заметил.

— Огонь подбирается к вашему поместью. Возможно, на рассвете здесь будет уже опасно. В течение дня летатели зажгут не только здешний район, но и потянут линию на юг до самого Ситалмонда.

— Представляю,— спокойно сказал Каттикаун.

— Эта местность станет адом. Мы просим вас уйти, пока еще есть время.

— Я уже выбрал, капитан. Я остаюсь.

Еремайл тихо вздохнул:

— Мы не сможем нести ответственность за вашу безопасность, если вы так поступите.

— Никто и никогда не отвечал за мою безопасность, кроме меня самого.

— Поймите, вы погибнете и погибнете ужасной смертью. У нас нет возможности проложить линию огня так, чтобы не затронуть ваше поместье.

— Я понимаю.

— Значит, вы хотите, чтобы мы вас убили?

— Ничего подобного я не прошу. Боюсь, нам не понять друг друга. Вы деретесь на своей войне, я охраняю свой дом, и если огонь вашей войны вторгнется на мою землю — для меня очень плохо, но это не будет убийством. У каждого свой путь, капитан.

— Вы странно рассуждаете. Вы погибнете в результате наших действий, и ваша смерть будет на нашей совести.

— Я остаюсь здесь по собственному желанию, после того, как был вовремя предупрежден,— возразил Каттикаун,— так что моя смерть будет лишь на моей совести.

— А жизнь ваших людей? Они ведь тоже погибнут?

— Здесь только те, кто выбрал сам. По доброй воле, их предупреждали. Трое ушли на побережье, остальные отказались, чем не доставили мне никакой радости. Но здесь наш дом. Еще бокал, капитан?

Еремайл отрицательно качнул головой, потом передумал и протянул свой бокал. Наливая, Каттикаун спросил:

— Значит, переговорить с Властителем Стиамотом нет никакой возможности?

— Ни малейшей.

— Как я понимаю, Венценосец находится в нашем районе?

— Да, но до его ставки полдня пути. И, насколько я знаю, он недосягаем для такого рода прошений.

— Причем, намеренно. Понимаю,— улыбнулся Каттикаун.— Как, по-вашему, капитан, а он не безумен?

— Венценосец? Нет, конечно.

— Огонь — отчаянная, идиотская мера. Возмещение, которое ему придется впоследствии выплачивать, составит миллионы роалов — крах его состояния; это будет стоить больше, чем пятьдесят таких замков, которые он возводит на вершине Горы. А зачем? Года два-три, и мы договоримся с Меняющими Форму.

— Или пять, десять, двадцать,— отозвался Еремайл.— Войну нужно заканчивать как можно скорее. Это страшное потрясение, этот позор для нас всех, этот долгий кошмар...

— Значит, вы считаете войну ошибочной?

Еремайл быстро покачал головой:

— Основную ошибку сделали давным-давно, еще когда наши предки избрали для переселения этот мир, который уже был обитаем. Но сейчас у нас нет выбора: или мы одолеем метаморфов, или нам придется вообще уйти с Маджипуры. Но разве мы в силах это сделать?

— Да,— кивнул Каттикаун,— как же бросить дом, которым владеешь так давно!

Еремайл не обратил внимания на его иронию.

— И мы вырвем планету у несговорчивых метаморфов. Тысячи лет мы стремились жить с ними в мире, пока не убедились, что такое сосуществование невозможно, и теперь нам силой приходится утверждать свое будущее. Это никому не нравится, но ведь есть альтернативы и похуже.

— И что будет делать Властитель Стиамот с метаморфами, когда загонит их в лагеря для интернированных? Изрежет на удобрения для сожженных полей?

— Они получат огромную резервацию на Зимроеле,— ответил Еремайл,— половину континента. По-моему, совсем не плохо. Альханроель останется нам, да еще океан между нами. Уже закладываются города под это решение. И лишь в вашем краю бушует война. Властитель Стиамот взвалил на себя всю ответственность за этот жестокий, но необходимый акт, будущие поколения воздадут ему почести.

— Я могу воздать и сейчас,— буркнул Каттикаун.— О мудрейший и справедливейший Венценосец, в своей бесконечной мудрости уничтоживший землю, поскольку тебя тревожат таящиеся в ней аборигены! Для меня было бы гораздо лучше, капитан, имей ваш герой-правитель поменьше благородства духа. Или, возможно, наоборот — побольше. Он казался бы мне гораздо привлекательнее, если бы выбрал медленный способ покорения нашей провинции. Тридцать лет войны — что значат еще год-два?

— Но он уже выбрал, и огонь приближается к этому месту, пока мы болтаем.

— Пусть приходит. Я буду здесь, и буду оборонять свой дом.

— Вы, очевидно, не видели еще зону огня,— заметил Еремайл.— Вы не продержитесь и десяти секунд, огонь поглотит вас.

— Вполне возможно.

— Я прошу вас...

— Вы просите? Значит, вы проситель? А если прошу я? Значит... Я прошу вас, капитан, пощадите мое имущество.

— Это невозможно. И я искренне прошу вас: уходите, сохраните свою жизнь и жизнь своих людей!

— И что мне тогда делать? Доползти до побережья и прозябать в каком-нибудь убогом уголке Алайсора или Вайлемона? Подавать на стол в гостинице или подметать улицы, а может, ухаживать за маунтами в конюшне? Мое место здесь. Я лучше завтра погибну за десять секунд, чем буду тысячи лет прозябать в трусливой ссылке. — Каттикаун подошел к окну.— Темнеет, капитан. Пообедаете со мной?

— К сожалению, не могу оставаться. Поверьте, я искренне сожалею...

— Можно поговорить и о другом.

Еремайл протянул руку.

— У меня есть обязанности. Конечно, для меня было бы незабываемым удовольствием воспользоваться вашим гостеприимством, я бы очень хотел этого.

— Мне больно видеть, что вы уходите, не отобедав. Торопитесь к Властителю Стиамоту?

Еремайл не ответил.

— Прошу получить для меня аудиенцию у него,— сказал Каттикаун.

— Невозможно, да и ни к чему хорошему это не приведет. Я прошу вас, покиньте свое поместье нынче ночью. Давайте пообедаем вместе, а затем вы оставите свои владения.

— Здесь мой дом, и я останусь здесь. Я желаю вам, капитан, всего доброго, долгой и хорошей жизни. Спасибо за этот разговор.

Он на мгновение прикрыл глаза и наклонил голову в еле заметном поклоне.

Еремайл направился к дверям огромного зала. Каттикаун сказал вслед:

— А ваш офицер думал, будто сумеет выдворить меня силой. У вас больше здравого смысла, и я вам благодарен. Прощайте, капитан Еремайл.

Еремайл поискал подходящие слова и, не найдя ни одного, взмахнул рукой, прощаясь.

Люди Каттикауна проводили его обратно ко входу в ущелье, где дожидались водитель и посыльный, играя в кости на борту флотера. Они поспешно вскочили, завидев Еремайла, но он знаком остановил их. Он посмотрел на восток, на колоссальный горный кряж, вздымавшийся в дальнем конце ущелья. Летней ночью в здешних северных широтах небо оставалось светлым, и тяжелая, громада Зугнорского Пика тянулась через горизонт, подобно черной стене на бледно-сером фоне. Южная его часть сдваивалась горой Хаймеон, где устроил свою ставку Венценосец.

Еремайл постоял немного, изучая оба могучих пика и столб дымного огня, поднимавшийся с противоположной их стороны, и восходящие луны, затем покачал головой, оглянулся на владение

Айбила Каттикауна, исчезнувшее сейчас в сгустившихся тенях. Поднимаясь обратно в гору и пересекая цепи вооруженных людей своего отряда, Еремайл заново переживал встречу с Каттикауном. Он, проведший много времени с самим Венценосцем и хорошо знающий круг его советников, тем не менее, никогда не встречал такого, как Каттикаун, который был либо самым благородным, либо самым заблуждающимся человеком в мире, а возможно, и тем, и другим.

— Едем,— бросил он внезапно водителю,— к Хайемону.

— К Хайемону, капитан?

— Да, к Венценосцу. Сможем добраться туда к полуночи?

— Не знаю.

— Постарайтесь.

Дорога к южному пику сильно напоминает подъем к Зугнору, только еще круче и не так хорошо вымощена. В темноте ее повороты и виражи были опасны на той скорости, с какой гнала машину водитель, женщина из Стойена, хотя полыхающая сфера огненной зоны немного освещала ущелье и уменьшала риск.

Еремайл не произнес ни слова за всю длинную поездку, говорить было не о чем и нечего. Разве могли водитель или парень-посыльный понять сущность Айбила Каттикауна? Еремайл сам, впервые услышав, что один из местных фермеров отказывается покидать свои земли, неверно истолковал его намерения, представив себе некоего спятившего старца, упрямого фанатика. Конечно, подумал он, Каттикаун упрям, и его можно назвать фанатиком, но и только; он не безумец, какой бы сумасшедшей ни казалась его философия для таких, как Еремайл, живущих по иным законам. Он удивлялся, зачем едет к Венценосцу: не пересказывать же слова — толку не будет, они что есть, что нет... Постепенно Еремайл начал задремывать, но сознание оставалось ясным. Флотер скользил легко и быстро над головокружительной дорогой, поднимался из ущелья в зубчатую страну. К полуночи они еще не добрались до ставки, но Еремайл не сомневался, что Венценосец бодрствует — последние дни он часто не ложился вовсе.

Где-то перед вершиной Горы Хайемон Еремайл неожиданно заснул по-настоящему и был удивлен и смущен, когда посыльный мягко потряс его за плечо:

— Ставка Властителя Стиамота, капитан.

Полусонный, ничего не соображающий, Еремайл обнаружил, что все еще сидит прямо, ноги свело судорогой, спина одеревенела. Луны теперь поднялись высоко в небо и ночь была совершенно черной, освещаемая только пламенем полыхающего огня на востоке. Еремайл встряхнулся и вылез из флотера. Даже сейчас, в полночь, в лагере Венценосца царило оживление: спешили куда-то посыльные, в многочисленных палатках горели огни. Откуда-то появился адъютант, узнал Еремайла, отдал ему чрезвычайно официальный салют:

— Ваш визит для нас, капитан, полная неожиданность.

— Для меня тоже. Властитель Стиамот в лагере?

— Венценосец совещается со штабом. Он вас ждет, капитан?

— Нет,— ответил Еремайл,— но мне нужно поговорить с ним.

Адъютант спокойно выслушал его слова. Венценосец в полночь совещается со штабом, а командир небольшого отряда просит о встрече — ну и что? Война есть война, и протоколы меняются каждый день.

Еремайл последовал за адъютантом через лагерь к восьмиугольной палатке со знаком звездного взрыва, которую окружало кольцо охранников, таких же жестких и хладнокровных, как те, что сторожили вход в ущелье Каттикауна.

В последние восемнадцать месяцев на жизнь Венценосца несговорчивые метаморфы совершили четыре покушения. Ни один Венценосец за всю историю Маджипуры не погиб насильственной смертью, но ни один и не вел такой войны.

Адъютант подошел к начальнику караула, а Еремайл вдруг обнаружил себя в центре группы вооруженных людей, слепивших его глаза сводящими с ума яркими факелами и больно вцепившихся в его руки.

— В чем дело?— спросил он.— Я капитан группы эвакуации Еремайл.

— Или Меняющий Форму?— ответили ему.

— И вы считаете, будто сумеете это распознать таким образом?

— Есть и такая возможность.

Еремайл засмеялся:

— Никто и никогда раньше не доказывал свою сущность. Ну, хорошо, проверяйте, только поскорее. Я должен переговорить с Властителем Стиамотом.

И они действительно устроили проверку. Кто-то сунул ему полоску зеленой бумаги и велел коснуться языком. Он подчинился, и бумага сделалась оранжевой. Потом еще кто-то потребовал отрезать клок его волос, поднес к огню.

Еремайл удивленно пялился на происходящее. Прошел месяц с тех пор, как он последний раз был в ставке, и ничем подобным тогда не занимались; очевидно, произошло еще одно покушение, решил он, или объявился еще какой-то ученый шарлатан с новыми техническими приемами. Насколько Еремайл помнил, по настоящему невозможно отличить человека от метаморфа, когда последний принимает человеческий облик, разве что вскрытием. Но на такое он бы не согласился.

— Все в порядке,— сказали ему наконец.— Можете пройти.

Однако одного не отпустили, и охранники вошли вместе с ним. Глаза полуослепшего Еремайла с трудом приспосабливались к полумраку палатки, но чуть погодя он различил с полдесятка фигур в противоположном углу и среди них — Властителя Стиамота.

Кажется, они молились, до него доносились обрывки древнего святого писания. Неужели Венценосец именно для этого встречался ночью со штабом? Еремайл прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы молящихся. Он знал лишь одного из собравшихся — Дамланта из Бибируна, его считали вторым или третьим лицом после самого Венценосца; остальные даже не выглядели солдатами — старцы в гражданском платье с мягкими

городскими жестами, может быть, поэты, толкователи снов, но явно не воины. Хотя... война почти кончилась.

Венценосец взглянул в сторону Еремайла, но, видимо, не узнал его.

Еремайл вздрогнул под его торопливым яростным взглядом. Венценосец сильно постарел за последние три года, однако сейчас этот процесс, казалось, пошел быстрее: он стал каким-то бесцветным, одряхлевшим и болезненным, кожа высохла, глаза потускнели. Ему можно было дать лет сто, а ведь они с Еремайлом ровесники, и Еремайл, мужчина средних лет, хорошо помнит день, когда Властитель Стиамот взошел на трон и дал обещание покончить с безумием войны, нескончаемой войны с метаморфами, подчинить древних обитателей планеты, изгнать с территорий, где обосновались люди. Всего тридцать лет, а Венценосец выглядит лет на пятьдесят старше; но все свое царствование провел он в боях и походах, чего не делал до него ни один владыка Маджипуры и, вероятно, ни один не сделает впредь. Воевал в Долине Клайга, в знойных землях юга, в непроходимых чащобах северо-востока, в плодородных саваннах Залива Стойена, год за годом окружая метаморфов своими двадцатью армиями, загоняя их в лагерь для интернированных. Теперь он почти завершил свой труд — свободными оставались лишь несколько отрядов Меняющих Форму на северо-востоке. Постоянная борьба, долгая неистовая жизнь войны наложили свой отпечаток, и едва ли теперь он, вернувшись в ласковую весну Замка Горы, мог в полной мере насладиться привилегиями, даруемыми троном. Время от времени Еремайл задумывался, как поступит Венценосец, если умрет Понтифик и его призовут на иную вершину, заставив занять место в Лабиринте. Откажется он и оставит себе венец Властителя, чтоб продолжить походы, или нет? Но Понтифик, судя по сообщениям, находился в добром здравии, а перед Еремайлом стоял сейчас Властитель Стиамот, постаревший и усталый. И Еремайл вдруг понял, что Айбилу Каттикауну не достает понимания, почему Венценосец так стремится закончить войну, невзирая на цену.

— Кто?— спросил Венценосец.— Финивэйн?

— Еремайл, господин, командующий зоной эвакуации.

— Еремайл?.. Да, Еремайл. Я помню. Подойдите, капитан. Мы возносим благодарность Дивине за окончание войны. Эти люди прибыли к нам от хранящей наши сны моей матери, Властительницы Острова Снов, и мы хотим провести ночь, восхваляя Дивине. К утру огненный круг будет замкнут. Подойдите, Еремайл, присоединяйтесь к нам. Вы ведь знаете песнопения Властительнице, не так ли?

Еремайл в ошеломлении слушал дребезжащую речь Венценосца. Эта увядшая сухая ниточка — все, что осталось от его величественного голоса; герой, полубог иссох и угас в долгих походах; ничего не осталось, тень самого себя. Вглядываясь в него сейчас, Еремайл поражался и не мог вспомнить, был ли Властитель Стиамот в его памяти могущественной фигурой или только мифом...

Венценосец кивнул. Еремайл подошел ближе. В своем

воображении он уже выстраивал слова, которые намеревался сказать, оказавшись в палатке: «Господин, на линии огня стоят владения человека, который не двинется с места и не позволит увести себя силой. Он может уйти только мертвым, и, господин, он слишком хороший человек, чтобы погибнуть так. Я прошу вас, господин, остановите летателей. Может быть, можно выработать какую-нибудь иную стратегию, чтобы разгромить метаморфов, когда они начнут спасаться бегством из зоны огня, но нет нужды простирать разрушение дальше той точки, до которой мы уже добрались...»

Но теперь Еремайл видел, что невозможно просить Венценосца отложить окончание войны хоть на один час. Ни ради Каттикауна, ни ради Еремайла, ни ради священной Властительницы — своей матери он не может остановить летателей в эти последние часы, и возможность окончания войны попирала все остальное. Еремайл мог своей властью попытаться задержать летателей, но ни просить Венценосца, ни требовать он не мог.

Властитель Стиамот наклонился к нему:

— Что с вами, капитан? Что вас беспокоит? Станьте-ка рядом. Помолитесь с нами, капитан, присоедините свой голос к благодарности Дивине.

Начался новый гимн. Такой мелодии Еремайл не знал; он подпевал, импровизируя. Затем последовал второй гимн, третий — этот Еремайлу был знаком, и он запел, но без души и немелодично. До рассвета оставалось совсем немного. Он быстро отодвинулся в темный угол и выскочил из палатки. Да, солнце близилось — зачинавшиеся на востоке первые зеленоватые проблески играли на склоне Хайемон; пройдет еще час или немного больше, пока лучи поднимутся по горной стене и осветят обреченное ущелье на юго-востоке. Еремайл почувствовал, что валится с ног, он уже давно мечтал выспаться. Он высмотрел адъютанта и спросил:

— Отправите мое сообщение офицеру на Зугнорском Пике?

— Конечно, капитан.

— Передайте ему, пусть летатели действуют по плану. Я останусь здесь на день и вернусь вечером, когда немного отдохну.

— Хорошо, капитан.

Еремайл отвернулся и посмотрел на запад, все еще укутанный ночным мраком, исключая те места, куда падал отсвет ужасной огненной сферы. Вероятно, Айбил Каттикаун всю ночь был занят тем, что поливал из шлангов и насосов свой дом и землю. Разумеется, это ничего не изменит: огонь такой силы пожрет все на своем пути и ничего не оставит. Айбил Каттикаун сгорит в своем доме, и нет никакой возможности помочь ему. Еремайл мог бы спасти его, рискнув отдать приказ действовать силой, рискнув жизнями ни в чем не повинных солдат, но, скорее всего, и тогда не сумел бы. Спасти Каттикауна он мог бы лишь в одном случае: решившись, хоть ненадолго, игнорировать приказ Властителя Стиамота. Но он не посмел. Теперь Каттикаун погиб. После девяти лет, проведенных в походах, подумал Еремайл, я все-таки убил, убил одного из своих...

Он продолжал стоять. Усталость давила на плечи, но еще час

или чуть больше не мог уйти и стоял до тех пор, пока не увидел первые всполохи пламени в предгорье подле Бизфёрна или, может быть, Домгроува, и не понял, что летатели отправились в утренний полет, начав прокладывать огненную линию.

Война скоро кончится, сказал он про себя. Последние из наших врагов бегут сейчас к побережью, где будут интернированы и отправлены за море. В мире вновь воцарится спокойствие.

Он почувствовал жар летнего солнца на спине и жар, вдруг прильнувший к щекам. В мире вновь воцарится спокойствие, подумал он еще раз, и пошел искать место, где можно было бы спокойно поспать.

ТРИ

В ПЯТЫЙ ГОД ПУТЕШЕСТВИЯ

Вторая летопись сильно отличалась от первой, как и его восприятие. Хиссун теперь меньше расстраивался и меньше удивлялся; это был живой и печальный рассказ, но он не так глубоко затронул душу, как объятия женщины и чаурога. Тем не менее; Хиссун почерпнул множество не известных ему раньше подробностей: об ответственности, о конфликтах, возникавших между разными людьми, из которых никто не признавал правоту другого. Еще он открыл для себя кое-что из области мифотворчества. Во всей истории Маджипуры не было более богоподобной фигуры, чем Властитель Стиамот, воин — Венценосец, сломивший силу зловещих метаморфов; восемь лет поклонения превратили его во внушающее благоговение существо колоссального величия и силы. И хоть миф Властителя Стиамота продолжал жить в сознании Хиссуна, но теперь он смотрел на него глазами Еремайла и лицезрел усталого, бледного, морщинистого, постаревшего раньше времени, сжегшего в сражениях душу. Герой? Конечно, для всех, кроме метаморфов. Но полубог? Нет, просто человек, обычный человек со всеми человеческими слабостями и недостатками. И это важно, об этом никогда не следует забывать, твердил себе Хиссун, начиная сознавать, что именно краденные минуты в Счетчике Душ дарят ему подлинное знание жизни.

Прошло довольно много времени, прежде чем он почувствовал себя готовым вернуться к летописи, тем более, что пыль налоговых архивов глубоко засосала его бытие и он страстно желал новых приключений.

Очень хотелось уточнить другую легенду: когда-то давно снаряженное судно вышло под парусами в кругосветное путешествие через Великое Море. Безумие, конечно, если безумие можно замыслить и спланировать. И Хиссун жаждал узнать, что происходило с экипажем. Недолгие поиски открыли ему имя капитана — Синнабор Лавон, уроженец Замка Горы. Хиссун легонько коснулся пальцами ключа, набирая дату, место, имя, и устроился поудобнее, готовый выйти в море.

На пятый год плавания Синнабор Лавон впервые заметил

пряди морских водорослей, свивающихся кольцами вдоль корпуса корабля.

Конечно, он понятия не имел, что это такое— никто из людей Маджипуры никогда прежде не видел морской травы: на такие расстояния Великое Море еще не исследовалось. Но каждое утро Синнабор Лавон аккуратно отмечал дату и координаты, так что команда не теряла физического ощущения своего положения в этом бескрайнем и однообразном океане на пятый год путешествия. Синнабор Лавон знал, что сегодня двадцатый год Понтифика Дизимэйла в царствование Венценосца Властителя Ариока и пятый год с тех пор, как «Спьюрифон» вышла из порта Тил-омона в кругосветное путешествие.

Сначала он принял морскую траву за массу морских змей, поскольку на вид она двигалась по своей воле, изгибаясь, скручиваясь, сжимаясь и распускаясь. Она мерцала на спокойной темной воде богатыми сияющими красками, каждая прядь переливалась перемежающимися вспышками зелени, индиго и киновари. Небольшие островки водорослей плыли по левому борту, зато справа укрывали море довольно широкой полосой.

Лавон посмотрел поверх поручней на нижнюю палубу и увидел троицу лохматых четырехруких матросов. Скандары чинили сеть или делали вид, что чинят. Они встретили его пристальный взгляд раздраженными угрюмыми взорами. Как и вся команда, скандары устали от долгого плавания.

— Вы, там!— выкрикнул Лавон.— Забросьте ковш. Поймаем-ка несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон там, неужели не видите?

Скандары долго всматривались в воду, потом один снисходительно ответил:

— Вы имеете в виду эту траву в воде?

Лавон вгляделся получше. Трава? Судно уже миновало первые островки, но впереди было еще много обширных скоплений, и он долго пытался проследить одну прядь в спутанной массе. Да, э т о двигалось так, как обычно свиваются змеи, но не видно ни голов, ни глаз. Хорошо, пусть будет трава.

Он сделал нетерпеливый жест, и скандары неторопливо принялись вытягивать соединительную установку черпака, которым собирали биологические образцы.

К тому времени, как Лавон спустился на нижнюю палубу, небольшой кусок травы подняли из моря, и человек шесть команды столпились вокруг: первый помощник Вормеехт, первый штурман Калимойн, Джоахил Нур с парочкой своих ученых, Майкдал Хац, летописец. В воздухе витал резкий аммиачный запах. Трое скандаров стояли, отвернувшись, демонстративно зажав носы и что-то ворча. Зато остальные кивали, хохотали, тыкали руками в траву и выглядели более оживленными, нежели за все последние недели.

Лавон опустился на колени рядом с образцом. Несомненно, это была какая-то разновидность морских водорослей. Каждая мясистая прядь длиной в рост человека, шириной с предплечье

и толщиной в палец. Они судорожно скручивались и дергались, будто натянутые струны, но с каждой минутой их движения замедлялись, пока они высыхали на солнце, и яркие цвета быстро блекли.

— Спустите-ка черпак еще раз,— бросила Джоахил Нур скандарам,— только выгружайте в бадью с водой, чтобы они не завяли.

Скандары не шелохнулись.

— Вонь, такая грязная вонь,— буркнул один.

Джоахил Нур шагнула к ним; маленькая неутомимая женщина казалась ребенком рядом с гигантскими существами. Она резко взмахнула рукой, и скандары, пожав плечами, принялись за работу.

— Что вы будете с растениями делать?— спросил у нее Синнабор Лавон.

— Разбираться. Это какой-то неизвестный вид морских водорослей, хотя тут, так далеко в море, все неизвестное. Интересно меняется цвет. То ли колебание пигмента, то ли просто оптический обман, вроде игры света на пласте эпидермы.

— А движения? Водоросли не имеют мускулов.

— На это способны многие растения. Небольшие электрические колебания вызывают движение жидкостей во внутренних структурах. Знаете, так называемые «чувствелюшки» на северо-востоке Зимроеля? Прикрикнете на них, и они кланяются. Морская вода — великолепный проводник, а эти водоросли, должно быть, вбирают в себя все виды электрических импульсов. Мы их внимательно изучим.— Джоахил Нур улыбнулась.— Для нас это просто дар Дивине. Еще неделя пустого моря, и я бросилась бы за борт.

Лавон кивнул. Он чувствовал то же самое, ту же страшную, убийственную скуку, душившую ощущением, будто сам приговорил себя к бесконечному плаванию в никуда. Даже его, отдавшего семь лет жизни на организацию этого путешествия, даже его на пятый год парализовало одиночеством, оцепенением и апатией.

— Сегодня вечером,— попросил он,— расскажите нам о находке. Ну, там, единственная в своем роде новая разновидность морской травы и так далее...

Джоахил Нур махнула рукой, и скандары, подняв бадью с водорослями на плечи, понесли в лабораторию.

— Завидую,— вздохнул Вормеехт,— будут изучать...— И вдруг вскрикнул:— Смотрите, там! Море впереди просто заросло ими!

— Не слишком ли густо заросло,— пробормотал Майкдал.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, невысокому человечку с сухим голосом и бледными глазами, у которого одно плечо было выше другого:

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, как бы не опутало винты, капитан, если трава станет гуще. Я читал рассказы Старой Земли об океанах, где были непроходимые водоросли, и корабли безнадежно застревали в них. Экипажи жили крабами и рыбой, и в конечном итоге погибали от жажды, а суда дрейфовали сотни лет со скелетами на борту.

Калимойн фыркнул:

— Сказки!

— Но если это случится с нами?— поинтересовался Майкдал Хац.

— Такое возможно?— ни к кому конкретно не обращаясь, осведомился Вормеехт.

До Лавона дошло, что все глядят на него. Он внимательно всмотрелся в море. Да, водоросли явно стали гуще. Они скапливались за носом корабля, а их судорожные подергивания заставляли пульсировать и взбулькивать гладкую морскую поверхность. Однако между островками оставались широкие проходы. Возможно ли, что трава остановит такой мощный корабль, как «Спьюрифон»? На палубе воцарилась тишина. Казалось смешным опасаться растительности, но напряженные офицеры ждали решения капитана с таким видом, будто от этого зависела их жизнь.

Настоящую угрозу, подумал Лавон, таят не водоросли, а скука. Последние месяцы путешествие было так не богато событиями, а дни настолько пусты, что всех сковало отчаяние; рассвет распухающего бронзово-зеленого солнца тропиков, поднимающегося со стороны Зимроеля, сменяли сияющие над головой в безоблачном небе луны, а после полудня огненный шар начинал постепенно опускаться к непостижимо далекому горизонту,— и так день за днем. Несколько месяцев не было ни дождей, ни других изменений в погоде. Великое Море заполонило собой всю вселенную. Они не встречали ни земли, ни островков, ни птиц, ни морских животных. При таком положении дел появление морской травы стало очаровательной новизной. Дикое нетерпение сжигало души путешественников, этих преданных науке исследователей, разделивших в свое время точку зрения Лавона на эпические вопросы, и сейчас мучительно переносящих скуку; осознавших теперь, чему посвятили свои жизни в минуту романтической глупости. Никто не ожидал, что все сложится именно так, когда они впервые в истории отправились пересечь Великое Море, занимающее больше половины огромной планеты. Они предвкушали ежедневные приключения, встречи с неведомыми чудовищами, созданными фантазией природы, неизвестные острова, героическую борьбу со штормами, когда небеса раскалываются от молний, окрашивающих облака в фантастические краски. Но никто не ждал однообразной и бесконечной вереницы пустых дней. Лавон уже начал прикидывать опасность мятежа, ведь может миновать и девять, и одиннадцать лет, прежде чем они пристанут к берегу далекого Альханроеля. Человек десять команды уже мечтали повернуть корабль назад, к Зимроелю, бывали минуты, когда он мечтал об этом сам. Да, нужна опасность, подумал он. Можно даже самим придумать опасность, а потом смело пойти ей навстречу. Возможность риска пробудит от летаргии.

— Мы сумеем справиться с травой,— возвестил он.— Идем вперед.

Но не прошло и часа, как пришлось усомниться в собственных словах. Стоя на капитанском мостике, он устало всматривался во

все более густеющие водоросли. Теперь они сбивались островками от пятидесяти до ста ярдов в поперечнике, и проходы между ними сужались. Вся поверхность моря находилась в движении, дрожащая и трепещущая. Под обжигающими лучами висящего над головой солнца водоросли делались все сочнее в цвете, мерцали радужными тонами, будто накачивались солнечной энергией. Лавон углядел существа, шныряющие между спутанных прядей. Одни, довольно большие, похожие на крабов, многоногие, с шишковатыми зелеными панцирями, и другие, змеевидные, чем-то напоминающие сигидов, пожирали каких-то тварей, слишком мелких, чтобы можно было различить их отсюда невооруженным глазом.

Вормеехт нервно сказал:

— Может, изменим курс?

— Пожалуй,— согласился Лавон.— Впередсмотрящий скажет, насколько далеко тянется эта дрянь.

Его совсем не привлекала перспектива менять курс даже на несколько градусов, боялся, что малейшее отклонение сведет на нет всю его решимость, но все-таки не маньяк же он, прущий напролом невзирая на риск. С другой стороны, хотелось подбодрить команду «Спьюрифон», всех, кто посвятил себя этому грандиозному замыслу.

Золотой век Маджипуры, время героев и великих свершений. Исследования шли повсюду: в пустынном бесплодии Сувраеля, в чащах и болотах Зимроеля, в девственных землях Альханроеля, в Родамаунтском Архипелаге и островных группах, окружающих три материка. Население быстро росло, поселки превращались в города, города становились неправдоподобно огромными мегаполисами; в поисках счастья с соседних миров потоком изливались нечеловеческие переселенцы,— все было оживленным, переменчивым, растущим.

А Синнабор Лавон решился на самое безумное предприятие из всех — пересечь Великое Море на корабле. Никто никогда не отваживался на это. Если смотреть из космоса, половину огромной планеты занимала вода; континенты, несмотря на всю свою величину, как бы сведены вместе в одном полушарии, остальное пространство Маджипуры — пустота океана. И хотя прошло несколько тысяч лет с того дня, когда началась колонизация планеты человеком, на суше все еще оставалось работы с избытком, и Великое Море было предоставлено самому себе да армадам морских драконов, неторопливо пересекающих его с запада на восток в десятилетних миграциях.

Но Лавон был влюблен в Маджипуру и рвался объять все.

Из Амблеморна, от подножия Замка Горы, он добрался до Тил-омона, города на противоположном берегу Великого Моря, а затем, испытывая необоримое желание замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в снаряжение этой экспедиции, судна, чьи запасы напоминали скорее богатый остров. Подобрал экипаж таких же сумасшедших, как он сам, готовых на протяжении десятилетия исследовать неизвестный океан. Теперь и Лавон, и все остальные сознавали, что обрекли себя на непосильную задачу. Но если удастся задуманное и они приведут «Спьюрифон» к восточному

побережью Альханроеля, куда еще не приставал ни один трансокеанский корабль, имена их восславят при жизни.

— Эй!— взревел вдруг впередсмотрящий.— Драконы! Хой! Хой!

— Драконы!— подхватили в один голос матросы.

Через шесть месяцев после выхода в океан, «Спьюрифон» встретила первое стадо морских драконов — среди островов, которые они назвали Архипелагом Стиамота, а второе — два года спустя в той части Великого Моря, которой дали имя Впадина Ариока. Оба стада были большими — сотни огромных созданий,— с многочисленными самками, и проходили они далеко от корабля. Сейчас, судя по внешним границам стада, их было не больше пятнадцати-двадцати; несколько гигантских пар, остальные — щенки, едва достигающие в длину сорока футов. На водоросли уже никто не смотрел, внимание привлекли приближающиеся драконы. Вся команда высыпала на палубу, чуть не танцуя от возбуждения.

Лавон с силой сжал поручень. Он искал риска ради доброго развлечения экипажа, и вот он — риск: в ярости морские драконы несколькими могучими ударами могут искалечить судно, даже столь хорошо защищенное, как «Спьюрифон». Правда, они редко бросались на корабли, если те не нападали первыми, но случалось и такое. Что если эти твари примут «Спьюрифон» за корабль охотников на драконов? Каждый год новое стадо проходило между Пилиплоком и Островом Снов, где разрешалась добыча, и флотилии сильно прореживали их поголовье. Лавон подумал, что самые большие в приближающемся стаде, должно быть, уцелели в той войне, и кто знает, какие возмущенные чувства вызывают у них корабли. Гарпунеры «Спьюрифон» уже приготовились, ожидая сигнала Лавона.

Но нападения не последовало. Драконы, казалось, смотрели как на что-то любопытное, и только. Они пришли кормиться. Достигнув первых пучков водорослей, распахнули необъятные пасти и принялись глотать траву, всасывая вместе с ней и змеевидную, и крабоподобную, и прочую живность океана. Несколько часов звери шумно паслись среди поля водорослей, затем, словно по сигналу, скользнули под воду и в несколько секунд исчезли.

А вокруг «Спьюрифон» опять сияло свободное море.

— Они съели несколько тонн,— пробормотал Лавон.— Многие тонны!

— Зато теперь наш путь очищен,— заметил Калимойн.

Но Вормеехт покачал головой:

— Нет, видите, капитан? Дальше снова водоросли. Причем, все гуще и гуще.

Лавон напряг зрение. Куда ни взгляни, повсюду до самого горизонта тянулась тонкая темная лента.

— А если это суша?— предположил Калимойн.—Острова или атоллы?...

— Со всех сторон?— насмешливо откликнулся Вормеехт.— Нет, Калимойн, мы основательно вляпались в центр этого драконьего пастбища, и не стоит надеяться, что хозяева проели для нас дорогу. Мы в ловушке!

— Всего-навсего трава,— буркнул Калимойн.— Если понадобится, мы прорежем себе путь.

Лавон встревоженно оглядел горизонт. Он начинал разделять беспокойство Вормеехта. Несколько часов назад водоросли тянулись отдельными прядями, потом рассеянными островками, но сейчас, хоть судно и находилось в чистой воде, казалось, будто сплошное кольцо надвинулось, огородив корабль по длине корпуса. Способна ли морская трава задержать судно? Этого никто не знал.

Сгустились сумерки. Жаркий тяжелый воздух порозовел, затем быстро стал серым. С востока на путешественников стремительным потоком нахлынула темнота.

— Утром вышлем лодки посмотреть, что к чему,— объявил Лавон.

После обеда Джоахил Нур прочитала лекцию о водорослях. Гигантские «алгае», говорила она, нуждаются в тщательном изучении своей запутанной биохимии; и долго рассказывала о комплексной системе цветовой гаммы. Все на борту, даже те, кто отчаялся в туманной безнадежности уныния, столпились вокруг, разглядывая образцы в лоханке, щупали их, размышляли, высказывались. Лавон радовался при виде оживления команды после стольких недель угнетенного отчаяния.

Ночью ему снилось, будто он танцует на воде, исполняя сольную партию в каком-то одухотворенном быстром балете; — водоросли под ногами были прочными и упругими.

За час до рассвета его поднял настойчивый стук в дверь каюты. Это был Скин, скандар, несший третью вахту.

— Идемте скорее, капитан... водоросли...

Размер бедствия был очевиден даже в тускло-жемчужном мерцании зарождающегося утра: «Спьюрифон» шла всю ночь, но, как только теперь стало ясно, морская трава двигалась тоже, и вот корабль оказался в центре тесно сплетенного поля, протянувшегося, по-видимому, до края вселенной. Сейчас, когда первые зеленоватые прожилки солнечного света окрасили небо, все стало похоже на кошмарный сон: единый, нигде не разорванный ковер из триллионов и триллионов спутанных прядей, чья поверхность колыхалась, подрагивала, трепетала и повсюду меняла цвет в нескончаемой игре глубоких четких тонов. Там и тут сновали небольшие твари — нападающие и убегающие. Из густой спутанной массы поднимался столь резкий запах, что продирал до костей. Чистой воды не видно. «Спьюрифон» оказалась столь же беспомощной, как если бы, пройдя за ночь тысячи миль по суше, очутилась в сердце пустынь Суврaеля.

Лавон оглянулся на Вормеехта — первый помощник, такой раздраженный и язвительный вчера, сейчас был холоден и спокоен; а вот и штурман Калимойн, чью бурную смелость сменили жесткий взгляд и плотно сжатые губы.

— Я отключил машины,—сказал Вормеехт.— Намотали на вал водоросли. Роторы забились почти сразу.

— Очистить можно?— спросил Лавон.

— Мы их чистили и чистим, но только включаем — все забивает снова.

Помрачневший Лавон перевел взгляд на Калимойна.

— Сумели установить, какова площадь этой массы?

— К сожалению, мы не можем определить, где она кончается, капитан. Просто не видно.

— А в глубину? Зондировали?

— Это как газон. Лот не опускается.

Лавон медленно перевел дыхание.

— Спускайте шлюпки, надо осмотреться. Вормеехт, пошлите двух ныряльщиков определить толщину слоя, пусть разберутся, где можно поставить защитные экраны. да попросите Джоахил Нур подняться сюда.

Маленький биолог появилась быстро. Усталая, нарочито бодрая. Опережая Лавона, сказала:

— Я не спала всю ночь, изучала нашу находку. Водоросли затвердевают до прочности металла, тем более, что в них богатая концентрация рения и ванадия.

— Вы обратили внимание, что мы стоим?— перебил Лавон.

Она осталась равнодушной.

— Вижу.

— Мы оказались в древнем предании, где люди покидают корабли, захваченные водорослями. Но мы покинуть не можем, зато можем проторчать тут неизвестно сколько.

— Что позволит изучить сию уникальную экологическую область.

— Возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете?— спросила Джоахил Нур, испугавшись наконец.

— Не знаю. Но я хочу, чтобы вы на какое-то время изменили предмет своих исследований. Поищите средство, которое, помимо открытого воздуха, способно погубить водоросли. Кажется, чтобы вырваться отсюда, придется начинать биологическую войну. Нужен какой-нибудь химический реагент, что-нибудь, что может очистить роторы.

— Поймайте парочку морских драконов,— мгновенно откликнулась Джоахил Нур,— привяжите у носа корабля и пусть жрут сколько влезет.

Лавон не улыбнулся.

— Обдумайте все,— сказал он,— и доложите.

Потом смотрел, как спускали две шлюпки с четырьмя гребцами в каждой. Лавон надеялся, что подвесные моторы не намотают траву на винты, но напрасно: почти сразу двигатели взревели, задыхаясь, и людям пришлось взяться за весла. Шлюпки начали медленно удаляться, пробиваясь сквозь толщу морской травы, время от времени останавливаясь, чтобы расчистить путь. За пятнадцать минут шлюпки удалились не больше, чем на сотню ярдов от корабля.

Тем временем двое ныряльщиков — человек и хьерт, в масках для дыхания, прорубили отверстие в водорослях у борта судна, исчезли в густой глубине.

Когда спустя полчаса они не появились на поверхности, Лавон обратился к первому помощнику:

— Вормеехт, сколько можно продержаться под водой в таких масках?

— Не больше получаса, капитан. Хьерт, возможно, продержится дольше, но не намного.

— Пожалуй...

— Посылать пловцов не следует.

— Разумеется,— хмуро буркнул Лавон.— Как по-вашему, «Ныряльщик» к ним пробьется?

— Сомневаюсь, но мы должны попытаться. Вызывайте добровольцев.

«Спьюрифон» несла на борту маленькое подводное суденышко, которым пользовались для научных исследований. Его не трогали уже несколько месяцев, но для подготовки к погружению потребовался всего час. Вормеехт выбрал троих добровольцев, и душу Лавона сжало, будто стальной цепью, предчувствие, что он посылает их на смерть. Капитан никогда не видел, как умирают люди, кроме смерти нескольких глубоких старцев, и неожиданная, случайная гибель любого человека была для него событием тяжелым и непостижимым.

Когда задраили люк, «Ныряльщика» лебедкой опустили за борт. Какое-то мгновение он оставался на поверхности, затем работающие на лебедке матросы отключили удерживающие корпус захваты и, подобно толстому сверкающему крабу, «Ныряльщик» начал погружаться. Происходило это медленно. Водоросли плотно стискивали лодку, они оказались такими же прочными на разрыв, как захваты лебедки.

Калимойн выкрикнул что-то из-за рогового пузыря с нижней палубы. Лавон отвел взгляд от поверхности воды и увидел, как отправленные им шлюпки с трудом пробиваются сквозь заросли морской травы. Стояло уже позднее утро, и в ослепительном солнечном свете трудно было понять, куда они направляются. Но, похоже, они возвращались.

Молчаливый Лавон в одиночестве ждал на мостике. Никто не смел подойти к нему. Он уставился вниз на плавучий ковер водорослей, кишащий странными и жутковатыми формами жизни, и думал о двух ныряльщиках, экипаже подводного суденышка и остальных, находившихся пока в безопасности на борту «Спьюрифон». Все они оказались в бедственном и одновременно комичном положении; как легко этого можно было избежать, подумал он, и как легко об этом сейчас рассуждать. И как бесполезно.

Почти весь день Лавон неподвижно проторчал на мостике в молчании, тумане, жаре и зловонии. Затем ушел в каюту.

Позже к нему заглянул Вормеехт с новостями. Экипаж лодки обнаружил ныряльщиков, висящих около замерших винтов. Они были завернуты в плотные кольца морской травы, словно водоросли сознательно окутывали их. Лавон отнесся к такому предположению скептически; люди наверняка сами запутались, подумал он с болью. «Ныряльщик» имел ограниченный запас времени для погружения, и машины чуть не расплавились от усилий, опуская лодку на пятидесятифутовую глубину. Трава, по словам Вормеехта,

образовала фактически сплошной слой на десятки футов вглубь от поверхности.

— Что со шлюпками?— спросил Лавон, и первый помощник ответил, что они вернулись в целости и сохранности, только матросы вымотались от изнурительной гребли. За весь день они ухитрились отойти от судна не больше мили и не видели конца морской травы, не нашли они также ни одного прохода в сплошном ковре. На одного гребца напала похожая на краба тварь, она укусила его в спину, оставив царапину, и удрала.

За день положение не изменилось, и никаких перемен не предвиделось. Морская трава цепко держала «Спьюрифон», невозможно было придумать, как освободить корабль.

Лавон бился в тревоге. Он попросил летописца Майкдала Хаца потолкаться среди команды, узнать настроение людей. Часа через два тот возвратился.

— В основном, все спокойны,— доложил.— И хотя кое-кто волнуется, большинство находит наше положение необычайно освежающим после монотонной обыденности последних месяцев.

— А вы?

— У меня свои страхи, капитан. Но хочется верить, что мы найдем способ вырваться. И все-таки, я с удовольствием любуюсь красотой этого необычного пейзажа.

Красота? Лавон не видел здесь ничего красивого. Он мрачно оглядел окружающие судно мили морской травы, бронзово-красной в кровавом закате. Красная дымка поднималась от воды, и в густеющем тумане обитающие на водорослях твари сновали повсюду в огромном количестве, так что похожие на островки спрессованные массы морской травы все время подрагивали. Красота? В чем-то действительно красиво, вынужден был признать Лавон. У него возникло ощущение, будто «Спьюрифон» села на мель посреди огромной картины, где большими мазками мягкой текучей формы нанесен на полотно похожий на сон, сбивающий с толку мир без каких бы то ни было ориентиров, на поверхности которого происходило бесконечное изменение света и цвета. Сам же Лавон относился к морской траве, как к врагу, которого необходимо уничтожить.

Он не спал большую часть ночи, обдумывая всевозможные способы борьбы с нежданным противником.

Утро принесло новый цвет в окружающие водоросли. Они стали бледно-зелеными с желтыми полосами под расхолаживающим, обремененным редкими облаками небом. Вдали виднелись крылья пяти или шести огромных морских драконов, которые, пожирая свой корм, создавали широкие проходы в плавучем ковре. Как было бы хорошо, размышлял Лавон, сумей «Спьюрифон» проделывать то же самое!

Он встретился с офицерами. По их докладам, ночь прошла спокойно и большая часть экипажа была даже очарована необычностью пейзажа, но к утру начала нарастать тревога.

— Люди и так расстроены, тоскуют по дому,— сказал Вормеехт,— а теперь еще новая задержка на несколько дней или недель.

— Или месяцев, лет или навсегда,— проворчал Калимойн.— Как по-вашему, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

Голос штурмана был сварливым, напряженным, и голосовые связки, казалось, выпирают по обеим сторонам толстой шеи. Лавон давно уже чуял накатывающий нервный срыв, и все равно оказался не готов к быстроте, с какой распустился его штурман.

Вормеехт тоже выглядел удивленным.

— Вы же сами только вчера убеждали нас: «Это всего лишь трава, мы прорвемся!»— помните?

— Вчера я не понимал, с чем нам пришлось столкнуться,— рыкнул в ответ Калимойн.

Лавон взглянул на Джоахил Нур:

— Есть вероятность, что эта дрянь движется, равно или поздно взломается и выпустит нас?

Биолог покачала головой:

— Вероятность, конечно, есть, только не стоит на это надеяться. Скорее всего, перед нами квазистабильная экосистема. Течения, разумеется, могут отнести ее в иные районы Великого Моря, но в данном случае они понесут и нас вместе с ней.

— Видите?— мрачно прокомментировал Калимойн.— Безнадежно!

— Пока нет!— оборвал его Лавон.— Вормеехт, сможем мы смонтировать экраны вокруг винтов с «Ныряльщика»?

— Можно попробовать.

— Попробуйте. Пусть наши умельцы поработают над конструкцией экранов. Джоахил Нур, как насчет химических средств воздействия на водоросли?

— Проверяем,— ответила биолог,— но я не могу обещать.

Никто не мог ничего обещать. Им оставалось лишь размышлять, действовать, верить и надеяться.

На разработку защитных экранов для винтов ушло двое суток. Делали их еще пять дней. Тем временем Джоахил Нур экспериментировала, изыскивая средства уничтожения водорослей вокруг корабля, но пока без результата.

Замерла, казалось, не только «Спьюрифон», замерло само время. Ежедневно Лавон продолжал наблюдения, производил замеры лагом, вел записи; фактически корабль не стоял — он двигался на юго-запад, проходя по несколько миль в день. Но это был путь в никуда. Связанные массой водорослей, они могли до бесконечности дрейфовать в океане, не встречая суши.

Лавон боялся, что вот-вот сорвется. Он с трудом сохранял прямую осанку, плечи поникли, голова свешивалась на грудь, словно на нее положили тяжкий груз. Он чувствовал старость, чувствовал, как она разъедает его. На нем и только на нем лежала вся ответственность за то, что они не убрались из зоны морских водорослей в ту минуту, когда опасность стала очевидной. Ведь можно же было убедиться в этом за несколько оставшихся часов, твердил он себе, но он наслаждался видом морских драконов и своей дурацкой теорией, будто немного опасности добавит перца в смертную скуку путешествия. Он безжалостно терзал себя, виня за то, что вовлек команду в абсурдное и ненужное путешествие.

Путешествие в десять или пятнадцать лет из ниоткуда в никуда. Зачем? Для чего?

Тем не менее, капитан поддерживал остальных, не давал им пасть духом. Порции вина, выдававшиеся в ограниченном количестве во время путешествия, были удвоены, устраивалось множество вечеринок, развлечений. Лавон распорядился каждой вахте заниматься изучением океанографии, считая, что сейчас не время для ленивой и праздной жизни. Бумаги, заполненные наблюдениями и отложенные для неторопливого изучения в ходе дальнейшего путешествия, начали систематизировать сейчас. Работа была лучшим средством от скуки, нервных срывов и — нового и нарастающего фактора — страха.

Когда были готовы экраны, добровольцы отправились под воду в «Ныряльщике» приваривать их вокруг винтов к корпусу судна. Задача осложнялась необходимостью сделать все крохотными захватами манипуляторов подводного суденышка. После гибели двух ныряльщиков капитан не рискнул посылать людей под воду в обычных масках. Под присмотром искусного механика Дэройна Клауса работы продолжались день за днем, но, к сожалению, шли слишком медленно — тяжелые массы зыби били о корпус, срывая хрупкую сварку, и дело продвигалось с трудом.

На шестой день Дэройн Клаус принес глянцевые фотографии оранжевых пятен на тускло-сером фоне.

— Что это?— спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, капитан. Я обратил на нее внимание еще вчера, а нынче утром провел серию подводных съемок.

— Коррозия корпуса?— Лавон заставил себя усмехнуться.— Едва ли такое возможно. То, что вы мне тут показываете, скорее прилипшие к корпусу губки, моллюски или...

— Нет,— возразил Дэройн Клаус,— возможно, тут не очень-то хорошо видно, но вы сами можете убедиться, только спуститесь вниз на «Ныряльщике». Это как вгрызшиеся в металл маленькие рубцы. Я совершенно уверен, капитан.

Лавон отпустил механика и отправился к Джоахил Нур. Она долго изучала фотографии и наконец сказала:

— Очень похоже.

— Неужели морская трава проедает корпус?

— Вероятность этого мы подозревали уже несколько дней. Одна из первых наших находок имела п-ф-градиент, сильно отличающийся в этой области океана от открытого моря. Мы влезли в кислотную ванну, капитан, я убеждена, что водоросли выделяют кислоты. Известно, что они металло-фиксоры — то есть их привлекает металл,— чьи ткани обременены тяжелыми элементами. Обычно они получают металл из морской воды, но могут уважить и нас, приняв «Спьюрифон» за гигантский банкетный стол. Не удивлюсь, если как раз по этой причине водоросли так быстро окружили судно — спешили со всей округи на пир.

— В таком случае надеяться, что они добром отпустят нас— просто глупо.

— Вот именно.

Лавон заморгал:

— Значит, останься мы здесь подольше, эта дрянь проест дыры в нашем корпусе?

Биолог засмеялась:

— Ну, до этого пройдет не меньше сотни лет, голод, по-моему, более насущная проблема.

— Почему?

— Сколько мы продержимся, не пополняя запасов?

— Несколько месяцев, я полагаю. Вы же знаете, что рыбу мы можем ловить только на ходу. Вы думаете...

— Да, капитан. Все в окружающей корабль экосистеме для нас наверняка яд. Водоросли поглощают из воды металлы, а маленькие ракообразные и рыбы питаются водорослями. Большие твари пожирают мелких. Концентрация солей металлов растет, если идти по цепочке, и мы...

— Вряд ли разжиреем на диете рения и ванадия.

— А заодно на молибдене с родием. Вот так, капитан. Кстати, вы просматривали последние медицинские отчеты? Настоящая эпидемия тошноты и лихорадки. А как вы сами чувствуете себя, капитан? И это только начало. Пока еще ничего серьезного, но неделя-другая, и...

— Защити нас, Властительница!— вздохнул Лавон.

— Благословения Властительницы не простираются так далеко на запад,— заметила Джоахил Нур. Она холодно улыбнулась.— Рекомендую прекратить всякую ловлю рыбы и сидеть на наших запасах до тех пор, пока не выберемся из здешних вод. Необходимо также закончить работы по экранированию винтов, и как можно скорее.

— Согласен,— кивнул Лавон.

Выйдя от биолога, он поднялся на мостик и уставился на покрытую травой неспокойную воду. Краски сегодня были сочнее, чем когда-либо,— янтарные, цвета сепии, красновато-коричневые, индиго. Водоросли подрагивали. Лавон представил себе мясистые пряди, присосавшиеся к корпусу и разрушающие его кислотными выделениями, сжигая металл молекула за молекулой, обращая корпус в ионы супа и вышивая его. Содрогнулся. Он больше не видел, не мог видеть красоту в путанице заполонивших море растений. Густая, непроницаемая, плотно сплетенная масса означала теперь для него лишь зловоние и разложение, опасность и смерть, пузырящиеся гнилые газы и невидимые клыки разрушения. Час за часом борта гигантского корабля становились тоньше, а он не мог двинуться, беспомощный посреди ранящих его врагов.

Лавон постарался сохранить эту новую напасть в тайне, не вынося ее на всеобщее обсуждение, но тщетно: никаких секретов надолго в закрытом мирке, вроде «Спьюрифон», не сохранишь. Но он настоял на секретности, желая, по крайней мере, свести до минимума открытые разговоры, которые могли быстро привести к панике. В итоге знали все, и все притворялись, будто знает он один, насколько скверно обстоят дела.

Тем не менее, возбуждение нарастало. Разговоры стали натянутыми и резкими, тряслись пальцы, невнятно произносились

слова, все валилось из рук. Лавон держался в стороне от остальных, насколько позволяло положение капитана. Он молил об избавлении и искал выход в снах, но Джоахил Нур, кажется, была права: сюда не проникали послания возлюбленной Властительницы Острова Снов, чьи советы несли утешение и мудрость колеблющимся.

Проблеск надежды подарили биологи. Джоахил Нур предположила, что можно нарушить электрическую систему морской травы, пропуская ток через воду. Предложение показалось Лавону сомнительным, но он уважал мнение биолога и распорядился подготовить нужное оборудование.

В конце концов последний из защитных экранов был установлен вокруг винтов. Произошло это к концу третьей недели.

— Запускайте двигатель,— приказал Лавон.

Корабль вздрогнул, пробуждаясь к жизни, как только заработали винты. Офицеры на мостике — Лавон, Вормеехт, Калимойн — замерли в напряженном молчании, едва дыша. Крошечная рябь вырвалась из-под носа судна — «Спьюрифон» тронулась! Медленно, упорно корабль начал продвигаться сквозь спутанную массу корчившейся морской травы, прошла минута, другая и... дрожь винтов прекратилась.

— Экраны не выдержали!— с болью воскликнул Калимойн.

— Посмотрите, что там произошло,— бросил Лавон Вормеехту, потом обернулся к трясущемуся и потному Калимойну, стоящему с таким видом, будто ноги его пригвоздило к палубе.

Первый штурман плотно поджал губы, из-за чего на щеках образовались желваки.

— Скорее всего, задержка будет недолгой,— мягко произнес Лавон.— Пойдемте-ка со мной, у меня осталось немного вина, и как только корабль снова тронется, мы...

— Нет!— взревел Калимойн.— Я чувствую, экраны сорвало. Водоросли сожрали их!

— Экраны на месте,— проговорил Лавон более настойчиво.— Завтра к этому времени мы будем далеко отсюда, и вы снова проложите нам курс к Альханроелю.

— Мы погибли!— выкрикнул Калимойн и вдруг метнулся прочь. Размахивая руками, сбежал вниз по трапу, исчез из поля зрения. Лавон колебался. Вернулся Вормеехт и был он мрачнее тучи. Экраны действительно сорвало, винты запутались, судно вновь остановилось.

Лавон пошатнулся, чувствуя, как заражается отчаянием своего штурмана. Мечта всей жизни завершилась неудачей в нелепом, катастрофическом фарсе.

В этот момент на мостик поднялась Джоахил Нур.

— Капитан, вы знаете, что Калимойн скоро спятит? Он забрался на наблюдательную вышку, плачет, кричит, танцует и призывает к мятежу.

— Я пойду к нему,— сказал Лавон.

— Я почувствовала, как заработали винты, но потом...

Лавон кивнул:

— Запутались снова. Сорвало экраны.

И, уже уходя, услышал, как биолог заговорила о своем

электрическом проекте и о том, что готова провести первую пробу в полном масштабе. Он ответил, чтобы она начинала немедленно и сразу доложила, если будут результаты, но все ее слова проходили мимо сознания — его полностью поглотила тревога о Калимойне. Первый штурман находился на высокой площадке правого борта, где обычно проводил наблюдения и вычисления широты и долготы. Сейчас он то прыгал, как помешанный, то гордо расхаживал взад и вперед, размахивая руками, то распевал непристойные отрывки баллад, то вопил, обвиняя и понося дурака Лавона, который умышленно завлек их в ловушку. Человек десять команды собрались внизу, слушая кто насмешливо, кто одобрительно. К ним быстро присоединялись остальные — все-таки развлечение, дневная потеха. К своему ужасу Лавон заметил, как к площадке Калимойна пробирается Майкдал Хац. Подойдя, он окликнул штурмана басом, спокойно уговаривая спуститься. Несколько раз Калимойн поглядывал на летописца и прерывал его, бормоча угрозы. Но Хац продолжал подниматься. Теперь он уже находился в двух ярдах от штурмана, продолжая говорить и улыбаться, протянув вперед раскрытые ладони, словно показывая, что у него в руках ничего нет.

— Убирайся!— взревел Калимойн.— Пошел обратно!

Лавон, сам было шагнувший к площадке, жестом дал понять Хацу, чтобы тот держался от безумца подальше. Слишком поздно! В одно мгновение взбешенный Калимойн прыгнул к Хацу, облапил маленького летописца, поднял, как куклу, и швырнул через поручни в море. Крик ужаса вырвался у зрителей. Лавон метнулся к поручням и успел увидеть, как Хац, колотя руками, рухнул в воду. По водорослям пронеслась мгновенная судорожная дрожь. Подобно сводящим с ума угрям, мясистые пряди шевелились, изгибались и вертелись. Море, казалось, вскипело на миг — и Хац исчез.

У Лавона от ужаса голова пошла кругом. Сердце словно целиком заполнило грудь, раздавив легкие, а мозг будто пылал в черепной коробке. Он никогда не видел насилия раньше. За всю жизнь ему ни разу не довелось услышать о намеренном убийстве одним человеком другого. И э т о произошло на его корабле, и совершено э т о одним из его офицеров — невыносимая, смертельная рана! Как во сне он двинулся вперед, руки его легли на мускулистые плечи Калимойна и, не задумываясь, с силой, которой у него никогда не было прежде, легко перекинул штурмана через поручень. Он услышал приглушенный вой, потом всплеск. Пораженный, капитан посмотрел вниз и увидел, как море вскипело во второй раз, и морская трава сомкнулась на бьющемся теле Калимойна.

Медленно, оцепенело Лавон спустился с площадки.

Чувствовал он себя ошеломленным и трясся, как в лихорадке. Казалось, что-то надломилось внутри. Кольцо расплывающихся в глазах людей окружило его. Постепенно он различал глаза, рты, знакомые лица. Хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — только выдавливал неразборчивые звуки. Потом рухнул вниз, не почувствовав удара о палубу. Чьи-то руки поддержали его

за плечи, кто-то поднес вина. «Посмотрите на его глаза,— услышал Лавон чей-то голос,— Капитан в обмороке». Как-то — он не сознавал, как,— Лавон оказался в своей каюте, где над ним склонился Вормеехт, остальные толпились вокруг.

Первый помощник тихо произнес:

— Корабль движется, капитан..

— Я у б и л его, Вормеехт.

— Мы бы все равно не смогли держать сумасшедшего под замком последующие десять лет. Он был опасен для всех. У вас все права, и вы поступили совершенно правильно.

— Мы не убийцы,— пробормотал Лавон.— Давным-давно наши варварские предки отнимали друг у друга жизнь, но мы — не убийцы и не убиваем. Я никогда никого не убивал. Мы были дикарями раньше, но теперь-то живем в иной эпохе и на другой планете. А я убил его, Вормеехт.

— Да, капитан. И были правы. Он угрожал успеху путешествия.

— Успеху? Какому успеху?

— Корабль снова движется, капитан.

Лавон не сводил с него глаз.

— О чем вы?

— Пойдемте, убедитесь сами.

Четыре массивные руки обняли его, и Лавон ощутил резкий запах шкуры скандара. Гигант-матрос подхватил, вынес на палубу и заботливо опустил капитана. Лавон пошатнулся, но рядом были Вормеехт и Джоахил Нур. Первый помощник указал на море. По всей длине корпуса «Спьюрифон» окружала чистая вода.

— Мы опустили в воду кабели,— рассказывала Джоахил Нур,— и тряхнули эту дрянь доброй порцией тока. Электричество взорвало всю систему... Ближайшие водоросли погибли мгновенно, а прочие начали отодвигаться. Перед нами чистый проход до самого горизонта.

— Путешествие спасено, капитан,— сказал Вормеехт.— Теперь мы вновь пойдем вперед.

— Нет,— Лавон покачал головой. Сознание мутилось и туманилось.— Мы остались без штурмана. Чтобы найти нового, придется повернуть назад к Зимроелю.

— Но...

— Поворачивайте!

Сбитые с толку, пораженные, они смотрели на него разинув рты.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ, когда все обошлось благополучно... Вам просто нужно отдохнуть и тогда..

— Путешествие закончено, Вормеехт. Мы идем назад.

— Нет!

— Нет? Это что, бунт?— Их взгляды скрестились.— Вы действительно хотите продолжать плавание?— спросил Лавон.— На борту обреченного корабля с убийцей-капитаном? Вас ведь уже тошнило от путешествия, прежде чем все это произошло. Вы думали, будто я не знал? Вы жаждали вернуться домой, только не решались сказать вслух. Ну, так теперь я удовлетворю ваше желание.

— Мы пять лет в море,— возразил Вормеехт.— Вполне возможно, уже одолели половину пути и добираться до противоположного берега ближе, чем возвращаться.

— Или мы можем навечно уйти в никуда. Но дело не в этом. Просто у меня не лежит сердце идти вперед.

— А если вы завтра решите по-другому, капитан?

— И завтра у меня на руках останется кровь, Вормеехт. Я обязан был провести корабль через Великое Море в полной безопасности. Мы уже заплатили за нашу свободу жизнью четверых; путешествие закончено.

— Капитан...

— Поворачивайте судно,— приказал Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему хлопотать о продолжении путешествия, упирая на вечную славу и бессмертие, ожидающее их в Альханроеле, Лавон холодно и решительно отказался от какого-либо обсуждения. Плыть дальше теперь, сказал он, невозможно. Они смотрели друг на друга: те, кто прежде ненавидел плавание и стремился избавиться от него, и тот, кто в эйфорический миг победы над водорослями изменил решение. И в конце концов им пришлось согласиться с Лавоном. Они взяли курс на восток и больше не заговаривали о том, чтобы пересечь Великое Море. Весь год с трудом пробивались сквозь штормы, на следующий произошло столкновение с морскими драконами, чуть не повредившими кормовую часть судна, но тем не менее они продолжали плыть, и из 163 путешественников, в свое время покинувших Тил-омон, более ста остались в живых — среди них капитан Лавон,— когда «Спьюрифон» вошла в родной порт на одиннадцатый год путешествия.

ЧЕТЫРЕ

ОБЪЯСНЕНИЯ КАЛИНТАЙНА

Целых четыре дня Хиссуном владела меланхолия. Разумеется, он знал, что путешествие завершилось ничем, ни одному кораблю так и не удалось пересечь Великое Море в прошлом, не посчастливится, очевидно, в ближайшем будущем. Но в этом случае!.. Зайти так далеко, а потом вернуться, причем не от трусости, болезней или голода, а только от морального отчаяния — Хиссун с трудом мог понять капитана, сам он никогда бы не повернул назад. Все пятнадцать лет своей жизни он упорно шел к тому, что понимал как свою цель, а те, кто колебался идти по избранному пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но с другой стороны, он не Синнабор Лавон, ни у кого не отнимал жизнь, а ведь такое насилие может потрясти любую душу. Он испытывал к капитану смешанное чувство жалости и презрения. А потом.... потом понял, что Синнабор Лавон был не слабым человеком, а личностью с колоссальной моральной ответственностью. Мое образование, думал Хиссун, продолжается.

Затем он принялся отыскивать записи приключений и развле-

кательные, не столь философского или душещипательного смысла, но находил не совсем то, что искал. Однако за столько лет, проведенных под землей, он узнал, что был невероятный случай в самом Лабиринте, сильно позабавивший бы любого, и даже сейчас, через более чем шесть тысячелетий, о нем рассказывали, как об одном из самых необычных происшествий, виденных на Маджипуре.

Дождавшись подходящего времени, Хиссун провел кое-какие исторические изыскания, а затем посредством Счетчика Душ вошел в сознание некоего юного официала при дворе Понтифика Ариока, человека с репутацией эксцентричной натуры.

Наутро после того дня, когда кризис достиг кульминационной точки и всеми овладело настоящее безумие, в Лабиринте воцарилась непривычная тишина, все были слишком поражены, чтобы разговаривать. Удар от вчерашнего оказался слишком ошеломительным, и даже те, кто имел к случившемуся прямое отношение, никак не могли опомниться. По приказанию нового Понтифика сегодня утром собрались все чиновники — высокопоставленные и рангом пониже,— участвовавшие в недавней перестановке. Сидели свободно, отгоняя сон, пока новый Понтифик и новый Венценосец — каждый, как громом пораженный нежданным получением царственного сана,— удалились в личные покои поразмыслить над своим внезапным превращением, что дало наконец Калинтайну удобный случай повидаться с Силимэр. Занятый делами, он не виделся с ней целый месяц, а она была не из тех, кто легко прощает. Теперь он сумел переправить ей записку: «Каюсь, я виновен в постыдном пренебрежении, но, возможно, теперь ты начинаешь понимать, что и почему. Встретимся в полдень за ленчем у Двора Сфер, и я все объясню».

За время знакомства он уже разобрался в ее темпераменте, довольно бурном и в лучшие их минуты; гневливость — пожалуй, ее единственный, зато сильный недостаток, и Калинтайн побаивался подруги. Уже год были они любовниками, дело шло к обручению. Все высшие сановники двора Понтифика соглашались, что он поступит хорошо, женившись. Силимэр прелестна, разумна и образована в делах политических. Она принадлежала к хорошей семье, среди предков которой были три Венценосца, включая самого легендарного Властителя Стиамота. Ясно, она станет идеальной женой молодому человеку, судьбой предназначенному для высоких мест в государстве, хотя уже сейчас, незадолго до тридцатилетия, Калинтайн достиг внешнего края внутреннего круга двора Понтифика, неся на своих плечах ответственность, какая не многим дается в его годы. Именно ответственность и удерживала его не только от объяснений, но даже от встреч с Силимэр. Теперь без особой уверенности надеялся на прощение.

Всю прошедшую бессонную ночь Калинтайн повторял в уме заготовленную речь, желая уменьшить свою вину: «Ты ведь знаешь, в последние недели я был занят неотложными делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой, и...» И продолжал обкатывать фразы, поднимаясь по ярусам Лабиринта к Двору Сфер на встречу с Силимэр.

Привычная тишина Лабиринта в это утро заставляла воспринимать все окружающее очень отчетливо и остро. Нижние уровни, где находились правительственные учреждения, казались опустевшими, вымершими, а в расположенных выше этажах встретилось всего несколько человек. Они собирались небольшими группами в темных уголках и хмуро перешептывались с таким видом, будто произошел государственный переворот. И все пристально разглядывали Калинтайна, некоторые тыкали пальцами. Калинтайн удивлялся, как они узнают в нем официала Первосвященного, пока не сообразил, что забыл снять маску. Он носил ее на всякий случай, вроде бы для защиты от яркого искусственного света воспаленных бессонницей глаз.

Сегодня Лабиринт выглядел холодным и гнетущим, и он поспешно покинул мрачные подземные глубины, чьи многоэтажные колоссальные залы спиралью уходили вниз и вниз. За какую-то одну-единственную ночь это место стало для него отвратительным.

На уровне Двора Сфер сошел с подъемника, наискосок пересек его огромный, украшенный тысячами непостижимым образом подвешенных в воздухе шаров зал, направляясь к маленькому кафе на противоположной стороне. Полдень пробило как раз в ту минуту, когда он входил. Силимэр уже сидела за столиком у задней стены. Он был уверен, что так и будет, она всегда пунктуальна, когда хочет устроить ему неприятности.

Силимэр встала, но не подставила губы, а протянула руку, как он и ожидал. Улыбка ее была четко отмеренной и холодной. Измученному Калинтайну девушка показалась поразительно красивой: корона коротких золотистых волос, вспыхивающие бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы, вся ее стройная фигурка.

— Я виноват,— хрипло пробормотал он.

— Конечно. Столь долгая разлука, должно быть, для тебя непосильная ноша..

— Как ты знаешь, последние недели я был очень занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой...— Слова звучали невероятно глупо, и Калинтайн испытал облегчение, когда она прервала ровным голосом:

— У нас еще будет время, милый. Может быть, пока выпьем?

— Пожалуй.

Она махнула рукой. Одетый в ливрею официант — надменно державшийся хьерт — подошел, принял заказ и гордо удалился.

— Ты разве не снимешь маску?— поинтересовалась Силимэр.

— Ох, прости.. Последние дни была такая неразбериха...— Он сорвал ярко-желтую тряпицу, которая скрывала глаза и нос и определяла в нем человека Понтифика. Выражение Силимэр изменилось, когда она увидела его лицо, яростные огоньки в глазах погасли, взамен возникла заинтересованность, почти жалость.

— Глаза красные, словно кровью налитые,— заметила она,— а щеки бледные-бледные и натянутые...

— Я не спал. Сумасшедшее время.

— Бедняжка Калинтайн!

— Думаешь, мы не виделись, потому что я так хотел? У меня просто не было времени.

— Знаю. И вижу, чего тебе это стоило.

Внезапно до него дошло, что она не насмехается, а искренне сочувствует, возможно, объяснение окажется легче и проще, чем он представлял.

— Проклятые дела вздохнуть не дают. Ты слышала, что выкинул вчера Понтифик Ариок?

Силимэр задохнулась от смеха:

— Разумеется. До меня ведь доходят слухи. Все слухи. Это правда? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Какое чудо! Какое изумительное чудо! Но случившееся перевернет мир вверх дом. Это подействовало на тебя так ужасно?

— На меня, на тебя, на каждого,— буркнул Калинтайн, жестом охватывая Двор Сфер, Лабиринт, планету за этим ограниченным подземельем, от внушающего благоговение Замка Горы до дальних городов на западном континенте.— Я сам с трудом понимаю.

Но лучше начать по порядку..

Возможно, ты не знаешь, что последние месяцы Понтифик Ариок вел себя необычно. Я полагаю, напряжение, испытываемое человеком на высоком посту, зачастую сводит людей с ума, или сам становишься немного сумасшедшим, когда стремишься добиться высокого места. Но, как ты знаешь, Ариок из Дизимэйла тринадцать лет был Венценосцем и более десяти лет Понтификом, а этого времени, пожалуй, достаточно, чтоб научится держать себя в руках. Особенно, если живешь здесь, в Лабиринте. Должно быть, Понтифик просто затосковал по весеннему ветру с Замка Горы, по охоте на гихорнов в Зимроеле или просто хотел поплавать где-нибудь по настоящей реке, а ему приходилось торчать глубоко под землей и до конца жизни возглавлять армию своих чиновников.

Однажды, около года назад, Ариок начал поговаривать о грандиозном шествии по Маджипуре. Я был в тот день при дворе с герцогом Гиделоном. Понтифик попросил карты и стал излагать свой замысел путешествия по реке к Алэйсору, затем он хотел отправиться на Остров Снов навестить во Внутреннем Храме Властительницу, после чего пересечь весь Зимроель, останавливаясь в Пилиплоке, Ни-мое, Пиндрайде, Нарабале — понимаешь, везде. Поездка, которая заняла бы по меньшей мере лет пять. Гиделон бросил на меня странный взгляд и указал Ариоку, что столь грандиозные шествия устраивают Венценосцы, а не Понтифики, и Властитель Стрэйн вернулся из такого путешествия всего два года назад.

«Выходит, мне запрещено это делать?»— осведомился Понтифик.

«Не запрещено, ваше величие, но обычай требует...»

«От меня оставаться узником Лабиринта».

«Нет, нет, вовсе не узником, но...»

«Но мне не дано выходить во внешний мир».

Должен заметить, мои симпатии были на стороне Ариока, но не забывай, что я, не в пример тебе, не уроженец Лабиринта, а лишь один из тех, кого долг и обязанности перед Маджипурой привели сюда, поэтому жизнь под землей для меня немного необычна. И когда Гиделон убедил Ариока в невозможности грандиозного шествия, я не мог не заметить неуспокоенности в глазах Понтифика.

А затем произошло неожиданное — его величие стал удирать по ночам и слоняться по Лабиринту. Никто не знал, часто ли он поступал так раньше, прежде чем мы обнаружили, что происходит, хотя доходили слухи, будто закутанную в плащ, носящую маску фигуру, сильно смахивающую на Понтифика, изредка видели то у Двора Пирамид, то в Зале Ветров. Мы относились к пересудам безразлично до той ночи, когда по счастливой случайности постельничему Ариока почудилось, будто Понтифик требует его к себе, и он отправился взглянуть, что ему надо, и нашел комнату пустой. Ты должна помнить ту ночь, Силимэр, потому что мы были вместе и некстати вперся один из людей Гиделона и увел меня с собой, заявив, что созывается экстренная встреча высших советников, и необходимы мои услуги. Ты тогда была расстроена, вернее, в бешенстве. Разумеется, причиной совещания послужило исчезновение Понтифика, хотя впоследствии мы скрыли ее, объявив, что обсуждали бедствие от гигантской волны, опустошившей Стойензар.

Ариока нашли в четыре утра. Он был на Арене — ты помнишь, что это идиотское пустое место было создано по одному из безумных указов Понтифика Дизимэйла. Ариок сидел на корточках у дальней стороны, играл на зутибаре и пел песенки аудитории из пяти-шести оборванных мальчишек. Мы доставили его домой. Через несколько недель он снова удрал и ухитрился добраться до Двора Колонн. Гиделон много говорил с ним; Ариок настойчиво утверждал, что монарху важно побродить среди народа, послушать его горести, и ссылался на прецеденты в далеком прошлом Старой Земли. Гиделон принялся втихомолку расставлять охрану в его покоях — предположительно от наемных убийц, но кому нужно убийство Понтифика? Стража не давала — не физически, нет — Ариоку убегать, но хотя Понтифик и странный человек, он отнюдь не дурак, и вопреки охране, раза два-три ускользал в последующие два месяца. Положение становилось критическим: а если он вдруг исчезнет на неделю или вообще покинет Лабиринт и отправится погулять в пустыню?

«Раз мы не в силах воспрепятствовать его скитаниям по Лабиринту,— почему бы не организовать напарника, который сопровождал бы Понтифика и заодно присматривал, чтоб с ним ничего не случилось?»— сказал я как-то Гиделону.

«Отличная мысль,— кивнул герцог.— Вот тебя-то я и определю на этот пост. Ты достаточно молод и проворен, чтобы помочь ему выпутаться из затруднительных положений».

Это было шесть недель назад, Силимэр. Помнишь, конечно, как раз тогда я перестал проводить с тобой ночи, оправдываясь обязанностями при дворе, и началось наше отчуждение. Я не мог

рассказать, какого рода обязанности приходится выполнять по ночам, и лишь надеялся, что не заподозришь меня в желании сменить любовницу. Теперь можно открыть, что был вынужден поселиться в комнате поближе к спальне Понтифика и ухаживать за ним каждую ночь. Спать приходилось урывками, днем, и благодаря то одной, то другой хитрости я стал товарищем Ариока в его ночных прогулках.

Дело оказалось трудным. По-настоящему я был телохранителем Понтифика, и оба мы знали это, но, разумеется, я постарался, чтоб служба не слишком бросалась в глаза. Как бы там ни было, я оберегал его от грубиянов и рискованных экскурсий. Нам встречались плуты, забияки, просто горячие головы. Никто не стал бы вредить Понтифику, но сам он вполне способен встревать между выясняющей отношения парочкой. В редкие минуты отдыха я искал помощи Властительницы Острова — да покоится она на груди Дивине!— и она пришла ко мне в благословенных посланиях и предрекла, что я должен стать другом Понтифика, раз не желаю быть его тюремщиком. Какое все-таки счастье, что мы можем получать материнские советы в наших снах! Следуя им, осмелился положить начало и вовлек Ариока в несколько приключений. «Давайте прогуляемся нынче ночью»,— частенько говорил я теперь. Это была моя идея — побывать на жилах уровнях Лабиринта в местах, где и ночью не прекращалось бражничанье и веселье. Загримированными, конечно, и в масках, где обитали опасные азартные игроки — меня там знали и я не представлял для них никакой угрозы. И опять же, в одну отчаянную ночь по-настоящему охранял его за стенами Лабиринта. Я понимал, чего он желает больше всего, но боится даже заикнуться, и тогда предложил сам, как тайный подарок, и мы воспользовались личными проходами Венценосца наверх в Месяц Вод.

Мы стояли так близко к Клайгу, что чувствовали прохладный воздух, нагоняемый ветром с Замка Горы, и смотрели вверх на пылающие звезды.

«Я не был здесь шесть лет»,— сказал Понтифик.

Он дрожал, и я подумал, что он плачет под маской. И я, который никогда не смотрел на звезды слишком долго, тоже был недалек от этого. Понтифик указал на одну звезду и объяснил, что с нее пришел в наш мир народ чаурогов, затем на звезду хьертов, а потом на пустяковое пятнышко света, которое, оказывается, ничто иное, как солнце Старой Земли. Я усомнился — все-таки недаром же ходил в школу,— но он так радовался, что не посмел ему противоречить. И вот Понтифик повернулся ко мне, сжал мою руку и сказал взволнованным низким голосом:

«Калинтайн, я олицетворяю высшую власть в нашем колоссальном мире, и в то же время я — ничто, раб, узник. Я отдал бы все, лишь бы освободиться, бежать из этого подземного Лабиринта и провести оставшиеся годы под звездами».

«Почему вы тогда не отречетесь?»— спросил я, поражаясь собственной наглости.

Он усмехнулся:

«Это было бы трусостью. Я избран Дивине, как я могу

отвергнуть ношу?»— Он помолчал.— «До конца дней я назначен судьбой быть властью Маджипуры. Но ведь должен же найтись какой-нибудь честный путь освободиться от этого подземного заточения!»

И я увидел, что Понтифик не безумец, не капризник, а просто одинок среди этой ночи, гор, лун, деревьев и рек — всего мира, который его насильно заставили покинуть, дабы он нес на своих плечах всю тяжесть правления планетой.

Две недели спустя пришла весть о постигшей Властительницу Острова, мать Венценосца Стрэйна, болезни, о том, что она вряд ли поправится. Необычный кризис вызвали колоссальные трудности, ведь по своему положению Властительница равна Венценосцу и Понтифику, и заменить ее — едва ли дело обычное. Сам Властитель Стрэйн, говорили, покинул Замок Горы, чтобы посоветоваться с Понтификом перед поездкой на Остров к матери, но он мог и не поспеть туда. Между тем герцог Гиделон, как первый глас Понтифика и начальник стражи двора, начал составлять список кандидаток на место Властительницы, который затем нужно было сравнить с таким же списком Властителя Стрэйна и посмотреть, нет ли в них совпадающего имени. Совет Понтифика Ариока был необходим всем, и мы считали, что ему, в его нынешней неудовлетворенности, будет полезно поглубже вовлечься в дела государства. Умирающая в определенном смысле считалась его женой — по формальностям нашего права наследования он усыновил Властителя Стрэйна, когда того избрали Венценосцем; конечно, у Властительницы был настоящий муж где-то в Замке Горы, но ты же понимаешь, что такое обычай? Гиделон сообщил Понтифику о нависшей над Властительницей угрозе, и началось окружное совещание правительства. Я на нем не присутствовал — у меня еще нет пока такого положения при дворе.

Полагая, что тяжелое положение Властительницы заставит Понтифика по меньшей мере до другого времени отвлечься от своих прогулок, мы неосознанно ослабили нашу бдительность. И в ту самую ночь, когда весть о кончине Властительницы Острова Снов достигла Лабиринта, Ариок вновь ушел один — впервые с тех пор, как я стал присматривать за ним. Одурачив охрану, одурачив меня, одурачив своих прислужников, он выскользнул в бесконечную путаницу переходов и уровней Лабиринта, и никто не мог найти его. Мы искали всю ночь и весь следующий день. Я был в панике, опасаясь как за него, так и за свою карьеру. С дурными предчувствиями я послал офицеров к каждому из семи Устьев Лабиринта на поиски в пустыне, а сам заглянул во все распутные притоны, куда водил его в свое время. Люди Гиделона перерыли не известные даже мне места, и, невзирая на наши поиски, удавалось держать население в неведении об исчезновении Понтифика.

Мы нашли его после полудня в здании, расположенном на уровне, известном под названием Зубы Стиамота, в первом кольце Лабиринта, где он скрывался под женской одеждой. Мы никогда бы не нашли его, не возникни какая-то ссора с неоплаченным счетом, которая вызвала на сцену прокторов, и когда Понтифик не смог

удостоверить свою личность и из-под женского одеяния раздался мужской голос, у прокторов хватило ума вызвать меня, и я поспешил забрать у них арестованного. Выглядел он ужасно в своей мантии и браслетах, но спокойно и разумно приветствовал меня, назвав по имени, и выразил надежду, что не причинил нам больших хлопот.

Я ждал, что Гиделон понизит меня в должности, но герцог, пребывая в хорошем настроении, простил меня. К тому же он слишком занят разразившимся кризисом, чтобы обращать внимание на мои ошибки, и ничего не сказал о том, что я позволил Понтифику незаметно покинуть его опочивальню.

«Властитель Стрэйн прибыл сегодня утром,— сказал он мне торопливо и устало.— Естественно, он хотел сразу встретиться с Понтификом, но мы уверили его, будто тот спит и не стоит его беспокоить. А в это время половина моих людей была брошена на поиски. Какая все-таки боль — лгать Венценосцу, Калинтайн!»

«Понтифик действительно сейчас спит у себя в покоях»,— ответил я.

«Да-да, и он там и останется, я полагаю?»

«Я приложу все силы к..»

«Я имею в виду не это,— перебил меня Гиделон.— Понтифик Ариок, очевидно, лишился разума. Тайком удирать из своих покоев, шляться по ночам вокруг жилых кварталов и, наконец, облачиться в женский наряд — это уже выходит за рамки обычной эксцентричности, Калинтайн. Сейчас, когда у нас на руках дело об избрании новой Властительницы, я предлагаю содержать его постоянно в личных покоях под строгой охраной — ради его собственного блага — и передать обязанности Понтифика в руки регента. Такие случаи уже бывали, я порылся в документах. В свое время Понтифик Нархольд подхватил болотную лихорадку, которая поразила его разум, и...»

«Господин,— сказал я,— неужели вы верите в безумие Понтифика?»

Гиделон нахмурился:

«Как же еще прикажешь называть человека, сделавшего то, что сделал Понтифик Ариок?»

«Поступком человека, слишком долго бывшего правителем, чей дух бунтует против всего того, что ему приходится нести на своих плечах. Я неплохо изучил его и рискну сказать, что своими выходками Понтифик выражает душевные муки, но никак не безумие».

Это был красноречивый монолог и, сказал я себе, смелое слово, для младшего советника, тем более, что Гиделон в настоящий момент является третьим лицом на Маджипуре после самого Ариока и Властителя Стрэйна. Но настало время, когда кому-то нужно было отбросить дипломатию, честолюбие и хитрость и просто сказать правду, а мысль о заключении в узилище несчастного Ариока, когда он и так уже терпит муку из-за ограниченности Лабиринта, ужаснула меня. Гиделон довольно долго молчал, и я уже начал пугать себя предположениями, что то ли напрочь уволен со службы, то ли отправлюсь в какой-нибудь

закуток к писцам перебирать бумаги до конца жизни, но я спокойно, совершенно спокойно ждал ответа.

Неожиданно раздался стук в дверь — посланец принес конверт с изображением звездного взрыва, личной печатью Венценосца. Герцог вскрыл его, прочел, перечитал снова, затем в третий раз, и я никогда не видел такого недоверия и ужаса, какие появились на его лице. Он смертельно побледнел, руки тряслись.

Взглянув на меня, произнес странным голосом:

«Венценосец собственноручно извещает меня, что Понтифик Ариок покинул свою опочивальню и удалился в Зал Масок, где издал указ, столь поразительный, что я не в силах заставить себя повторить его.— Он протянул мне послание.— Идем, поторопимся в Зал Масок».

Он выбежал из комнаты, я последовал за ним, тщетно пытаясь просмотреть на ходу текст письма. Почерк у Властителя Стрэйна оказался отвратительным, а Гиделон с поразительной быстротой бежал по слабо освещенным изгибам коридоров; так я разбирал лишь отрывки — что-то о новой Властительнице и об отречении. Чье могло быть отречение, если не Понтифика Ариока? Но ведь он сам говорил мне, что было бы трусостью сбросить с плеч бремя власти, возложенное судьбой?!

Задыхаясь, я влетел в Зал Масок, одно из немногих мест в Лабиринте, которое и в лучшие времена не любил за огромные узкоглазые лица; вздымаясь на плинтусах мерцающего мрамора, они казались мне фигурами из кошмара. Шаги Гиделона простучали по каменному полу, за ними эхом отдавались мои собственные, и хотя он был вдвое старше меня, мчался, как демон. Впереди я слышал крики, смех, рукоплескания, а немного погодя увидел и собравшихся — сотни полторы жителей Лабиринта, среди которых узнал несколько главных советников Первосвященного. Мы с Гиделоном с трудом втиснулись в толпу и остановились, лишь увидев фигуры в зелено-золотой форме службы Венценосца. Властитель Стрэйн казался одновременно взбешенным и изумленным. Он явно был в шоке.

— Его не остановить,— произнес он хрипло.— Он переходит из зала в зал, повторяя свое провозглашение, слушайте: он снова начал.

Только тогда я заметил неподалеку от нас Понтифика Ариока, сидевшего на плечах громадного скандара. Его величие был одет в белую струящуюся мантию женского покроя с великолепными парчовыми оборками, а на груди его покоился пылающий красным цветом драгоценный камень, поразительно большой и сияющий.

«Тогда как пустота возникла среди высших Сил Маджипуры!— воскликнул он удивительно сильным и звонким голосом, — и нужна новая Властительница Острова Снов! И она должна как можно скорее править душами людей! Появляясь в снах и даря утешение! И помощь! И! Так как! Мое горячее желание! Сбросить бремя Первосвященности! Которое я несу двенадцать лет! Я! Объявляю себя отныне и впредь! Женщиной! И как Понтифик! Я называю имя новой Властительницы Острова Снов — женщину Ариок!..»

«Безумие»,— пробормотал Гиделон.

«Я слышу это в третий раз, и все равно не могу поверить», — сказал Венценосец Властитель Стрэйн.

«...отрекаясь одновременно от трона Понтифика! И призываю жителей Лабиринта! Принести Властительнице Ариок колесницу! Помочь добраться до порта Стойен! Потом до Острова Снов! Дабы могла она нести всем вам утешение!»

В этот миг взгляд Ариока встретился с моим. Понтифик волновался, лоб его был покрыт испариной. Но он узнал меня, улыбнулся и п о д м и г н у л, подмигнул радостно, с торжеством. Я отвернулся.

«Его нужно остановить»,— сказал Гиделон.

Властитель Стрэйн покачал головой:

«Слышите аплодисменты? Им нравится, и толпа все нарастает по мере того, как он переходит с уровня на уровень. Его поднимут до Устья Лезвий и доставят в Стойен еще до конца дня».

«Вы — Венценосец,— напомнил Гиделон.— Неужели ничего нельзя сделать?»

«Высший правитель планеты Понтифик, и каждое его распоряжение я поклялся исполнять. Изменить всенародно? Нет-нет, Гиделон, что сделано, то сделано, пусть и невероятное, но теперь нам придется жить с этим».

«Многая лета Властительнице Ариок!»— проревел утробный голос.

«Властительница Ариок! Властительница Ариок! Многая лета!»

Я смотрел, как процессия двинулась из Зала Масок, направляясь то ли к Залу Ветров, то ли ко Двору Пирамид. Мы — Гиделон, Венценосец и я — не последовали за ней. Ошеломленные, молчаливые, стояли неподвижно до тех пор, пока не исчезла веселая импровизированная свита новоявленной властительницы. Я был смущен, находясь в обществе двух самых великих людей нашего мира в столь уничижающий момент. Это было настолько нелепо и фантастично — это отречение и провозглашение — что они были сбиты с толку.

Наконец, Гиделон задумчиво произнес:

«Если вы принимаете отречение как имеющее силу, Властитель Стрэйн, то вы больше не Венценосец и должны быть готовы стать главой планеты и Лабиринта. Теперь вы наш Понтифик».

Слова его поразили Властителя Стрэйна. Сгоряча он, видимо, не подумал о последствиях признания нового титула Ариока.

Рот его открылся, но не вылетело ни звука. Сжимал и разжимал кулаки, словно себе самому делая знак звездного взрыва, но я понимал, что это всего лишь выражение замешательства. Я чувствовал благоговейную дрожь: это же невероятно — стать свидетелем передачи власти, к чему сам Властитель Стрэйн был совершенно не готов... Я понимал его: в расцвете лет оставить радости Замка Горы, сменить веселье городов и красоту мира на мрачный Лабиринт, снять венец звездного взрыва и надеть диадему — нет, он был совершенно не готов, и когда истинное положение вещей дошло до него, смутился и заморгал. Наконец, после длительного молчания, смирился:

«Да будет так! Я — Понтифик. Но кто, спрашиваю я вас, займет мое место Венценосца?»

Мы полагали, что это риторический вопрос, поэтому ни я, ни герцог ничего не ответили.

«Кто будет Венценосцем?»— гневно повторил Властитель Стрэйн.

Он не сводил глаз с Гиделона.

Скажу честно, я был поражен, став свидетелем событий, которые вряд ли забудутся и за десять тысяч лет. Но насколько сильнее это ударило по ним! Гиделон отшатнулся, что-то невнятно бормоча. С той поры еще, когда Ариок и Властитель Стрэйн были относительно юными, прежними Властителями Маджипуры был разработан ритуал передачи престола. И хотя Гиделон человек сильный и могущественный, сомневаюсь, чтобы он мечтал достигнуть когда-либо Замка Горы, и уж, конечно, не таким путем. Он задохнулся, не в силах произнести ни слова, в конце концов первым отреагировал я — опустился на колени, сделав знак звездного взрыва, и выкрикнул, дрожа от волнения:

«Гиделон! Властитель Гиделон! Да здравствует Властитель Гиделон! Многая лета Венценосцу!»

Никогда я не видел, чтобы люди так поражались, смущались, так мгновенно менялись, как бывший Властитель Стрэйн, ставший Понтификом, и бывший герцог Гиделон, ставший Венценосцем. На лице Стрэйна бушевала буря гнева и боли. Властитель Гиделон был чуть не при смерти.

И великая тишина.

Наконец Властитель Гиделон заговорил не своим, вибрирующим голосом:

«Если я Венценосец, обычай требует, чтобы моя мать стала Властительницей Острова Снов».

«Сколько лет вашей матери?»— спросил Властитель Стрэйн.

«Очень стара, дряхла, можно сказать».

«Мда... Наверняка, совершенно не подготовлена к трудам Властительницы, да и недостаточно сильна, чтобы вынести их...»

«Все так»,— кивнул Властитель Гиделон.

«Кроме того,— продолжал Стрэйн,— на сегодня у нас уже имеется новоявленная Властительница, и другую так сразу не подберешь. Давайте посмотрим, как поведет себя и будет справляться с обязанностями во Внутреннем Храме Ариок, прежде чем подыщем кого-нибудь на его место».

«Безумие»,— повторил Гиделон.

«Действительно, безумие,— согласился Понтифик Стрэйн.— Идемте, проследим, чтобы Властительницу в безопасности доставили на Остров».

Я отправился за ними к выходу из Лабиринта, где мы наткнулись на десятитысячную толпу, славящую его (или ее) — Ариока, босого, в роскошной мантии — и готовую доставить колесницу и отвезти его (или ее) в порт Стойен. Пробиться к Ариоку оказалось невозможно, настолько плотно стояла толпа.

«Безумие,— снова и снова повторял Гиделон.— Безумие!»

Но я знал другое: видел, как подмигнул мне Ариок, и понял его. Вовсе не безумие.

Понтифик Ариок нашел лазейку, чтоб выбраться из Лаби-

ринта. Будущие поколения, я уверен, станут считать его имя символом глупости и нелепости, но он совершенно нормальный человек. Человек, для которого венец стал в тягость.

Так после позавчерашнего необычайного случая у нас появились новый Понтифик, новый Венценосец и новая Властительница Острова Снов. Теперь ты знаешь, как все произошло.

Калинтайн закончил рассказ и надолго приник к чаше с вином. Силимэр смотрела на него с выражением, которое казалось молодому человеку смесью жалости, презрения и любви.

— Ты как малое дитя,— сказала она наконец.— С твоими титулами, верноподданническими чувствами и прочими узами чести. Но я понимаю, сколько тебе пришлось пережить, и это на тебя повлияло.

— Есть еще кое-что,— заметил Калинтайн.

— Вот как?

— Венценосец Властитель Гиделон, прежде чем удалиться в свои покои и заняться всеми этими перевоплощениями, назначил меня своим помощником. На следующей неделе он уезжает в Замок Горы, и если... естественно, я обязан быть рядом с ним.

Ее изумительно бирюзовые глаза смотрели на него.

— Я родилась в Лабиринте,— сказала Силимэр,— и люблю то, что дорого всем здешним жителям.

— Таков твой ответ?

— Нет,— Силимэр покачала головой.— Ответ ты получишь позже. Чтобы привыкнуть к великим переменам, мне требуется гораздо больше времени, чем всем твоим Понтификам и Венценосцам.

— Значит, ты о т в е т и л а?

— Потом, — повторила она, и, поблагодарив за вино и рассказ, оставила его за столиком.

Немного погодя Калинтайн тоже поднялся и устало направился к себе, слыша, как повсюду шумят о новостях. Словно гудение комаров, доносились слова, что Ариок теперь Властительница, Стрэйн — Понтифик, Гиделон — Венценосец. Он вошел в свою комнату и попытался уснуть, но сон не шел, и он уныло думал, что время отдаленности от Силимэр стало роковым для их любви и что вопреки ее намеку, она отвергла его.

Но он ошибался. Через день Силимэр прислала записку, что готова ехать с ним, и когда Калинтайн занял свое место в Замке Горы, она была рядом с ним, как и много лет спустя после того, как он первым приветствовал Венценосца Властителя Гиделона.

Его пребывание на посту помощника было кратким, но веселым, он занимался созданием великой дороги к Вершине Горы, что носит теперь его имя. И когда в старости вернулся в Лабиринт уже Понтификом, совсем не удивился этому, ибо всю свою способность удивляться израсходовал в тот давний день, когда Понтифик Ариок провозгласил себя Властительницей Острова Снов.

ПЯТЬ

ПУСТЫНЯ УКРАДЕННЫХ СНОВ

Легенда об Ариоке, как видел теперь Хиссун, извратила правду о нем. Искаженный временем Ариок выглядел шутом, капризным клоуном, но если свидетельство Властителя Калинтайна что-нибудь значит, все было совсем не так. Страдающий человек, искавший свободы и обретший ее,— не клоун и не сумасшедший. Хиссун, сам угодивший в западню Лабиринта и стремящийся вкусить свежего воздуха внешнего мира, отнесся к Ариоку, как к брату по духу через тысячи лет.

Довольно долго потом Хиссун не подходил к Счетчику Душ. Проникновение в прошлое оказалось слишком сильным и болезненным ударом: в сознании оставались какие-то черты Тесме, капитана Еремайла, Синнабора Лавона — так что он с трудом разбирал, кто есть кто.

Помимо всего прочего, приходилось заниматься и делами. За полтора года он покончил с налоговыми документами, и так ловко, что ему тут же всучили новую работу в Хранилище Записей — обзор распределений в группах коренного населения Маджипуры. Хиссун знал, что у Властителя Валентайна какие-то затруднения с метаморфами (несколько лет назад произошло жуткое происшествие — заговор метаморфов сверг его с трона), и Хиссун припоминал, что во время пребывания на вершине Замка Горы среди сильных мира сего ему довелось услышать о планах более полного вовлечения Меняющих Форму в жизнь планеты, если такое возможно. Хиссун подозревал, что статистические данные, которые Венценосец запрашивал, имеют отношение к его великой стратегии, и это доставляло подростку искреннее удовольствие.

И заодно давало повод для иронических улыбок, поскольку он был достаточно проницателен, чтоб осознать, что произошло с уличным оборвышем Хиссуном. Сей ловкий и проворный мальчишка к юности превратился в выучившегося и остепенившегося человека, чиновника, а ведь прошло всего семь лет с тех пор, как на него пал царственный взор. Да, думал он, четырнадцатилетним навсегда не останешься; пришло время покинуть улицу, стать полноправным членом общества. Но все равно сожалел об утраченном детстве, о мальчишке, каким был. Правда, кое-что от того сорванца до сих пор кипело в нем, кое-что, но хватало и этого. Еще он вдруг обнаружил, что стал глубоко задумываться над общественным строем Маджипуры, над организацией межрасовых политических сил и над понятием, подразумевающим ответственность; каким образом различные племена сохраняют гармоничный союз — вследствие взаимных обязательств? Четыре могущественные силы планеты — Понтифик, Венценосец, Властительница Острова Снов и Король Снов — как, удивлялся Хиссун, как они ухитряются управлять, и хорошо управлять, всем огромным и сложным миром? В их глубоко консервативном обществе, где за прошедшие тысячелетия почти ничего не изменилось, гармония власти казалась сверхъестественной, а рав-

новесие сил — неким божественным вдохновением. У Хиссуна не было наставника, не было никого, к кому он мог бы обратиться с просьбой объяснить эту загадку, но зато у него был Счетчик Душ — жизнь людей прошлого, способная предоставить нужные знания. И потому Хиссун, вновь подделав пропуск, прошел стражу и стал подбирать ключи, отыскивая теперь в минувшем не просто удивительное или забавное, но и понимание развития политических сил своей планеты. «Каким серьезным молодым человеком ты заделался»,— сказал он себе, пока разноцветный ослепительный свет пробивался в его сознание душой давно умершего человека.

Сувраель лежал подобно сверкающему мечу поперек южного горизонта — стальная полоса тускло-красного цвета,— мерцая и пульсируя от жары. Деккерет, стоявший на носу грузового судна, на котором совершил долгое и утомительное путешествие через море, ощутил, как кровь быстрее заструилась в жилах. Наконец-то Сувраель! Страшное место, отвратительный континент, бесплодная и жалкая земля, до которой осталось еще несколько дней плавания,— кто знает, какие ужасы ждут его там? Но он готов. Деккерет верил, что в Сувраеле, как и в Замке Горы, что бы ни произошло, все к лучшему. Ему двадцать лет, он высок, полноват, с короткой шеей и невероятно широкими плечами. Шло второе лето славного царствования Властителя Престимиона при великом Понтифике Конфалуме.

Предпринятое путешествие к пылающим водам бесплодного Сувраеля было для Деккерета актом искупления. Он, поначалу едва ли осознав весь позор случившегося, совершил серьезный проступок, когда охотился в Болотах Кантора в далеком северном краю, и какое-то искупление казалось ему необходимым. Он понимал, что жест сей романтический, на публику, но не мог ни простить себя, ни преодолеть. И если не впасть в романтику в двадцать лет, то когда? Конечно, не через десять-пятнадцать лет, прикованным к колеснице судьбы, уютно устроившись при дворе властителя Престимиона, где ждет его неизбежная и легкая карьера. Нет, именно теперь должен Сувраель очистить его душу, и плевать на последствия!

Его друг, наставник и товарищ по охоте в Канторе Акбалик так и не смог понять, впрочем, Акбалик, конечно, не романтик, да и староват. Как-то ночью, ранней весной, в неприглядной горной таверне, после нескольких фляжек золотистого вина Деккерет объявил о своем решении, и Акбалик разразился грубым фыркающим хохотом:

— Сувраель? Ты осудил себя слишком сурово. Нет вообще такого вонючего греха, который заслуживал бы прогулки на Сувраель!

Но Деккерет, уязвленный снисходительностью приятеля, медленно покачал головой:

— Зло пятном лежит на мне. Я сниму его с души жарким солнцем.

— Лучше отправляйся в паломничество на Остров Снов, попроси Властительницу исцелить твою душу.

— Нет, только Сувраель.

— Почему?

— Хочу убраться подальше от наслаждений Замка Горы,— объяснил Деккерет,— хочу сменить самое приятное место Маджипуры на мрачную и отвратительную пустыню бешеных ветров. Умерщвление плоти, Акбалик, поможет мне искренне раскаяться. Я хочу прочувствовать боль — понимаешь? — до тех пор, пока сам не прощу себя. Вот так.

— Вот так. Но коли ты собрался умерщвлять плоть, умерщвляй до конца; советую не снимать ее, пока будешь слоняться под сувраельским солнцем.— Ухмыляющийся Акбалик ткнул пальцем в плотную мантию из черного меха канторов, которую носил Деккерет.

Деккерет расхохотался:

— В умерщвлении тоже не стоит преступать границ,— и потянулся за вином.

Акбалик был вдвое старше Деккерета и, разумеется, находил его желание смешным, даже пьяный не отступил.

— Может, я попробую тебя отговорить?

— Бесполезно.

— Ведь это пустая трата времени,— тем не менее продолжал Акбалик.— Перед тобой карьера. Имя твое сейчас часто повторяется в Замке Горы. Властитель Престимион отзывается о тебе в наилучших выражениях, как о многообещающем молодом человеке, обладающем характером и обязанным подниматься по служебной лестнице — все черты самого Престимиона в юности: правит-то он давно. Потому-то и привечает тебя. А ты тут, среди полей Кантора... Забудь о Сувраеле, Деккерет, и возвращайся со мной в Замок. Венценосец устроит твое будущее. На Маджипуре сейчас доброе царствование, и приятно будет провести молодость среди сильных мира сего. Кой демон несет тебя на Сувраель? Ведь никто не знает о... э... твоем грехе?

— Я знаю.

— Ну, пообещай никогда больше не повторять его, и все.

— Не так-то все просто,— возразил Деккерет.

— Потратить впустую год-два жизни, если вообще не потерять ее — бессмысленное и безумное путешествие...

— Не бессмысленное. И не бесполезное. Все не так, Акбалик. Я связался с людьми Первосвященного и получил официальное назначение. Мне поручено навести кое-какие справки. Не звучит, правда? Последнее время Сувраель не поставляет ни скот, ни квоты мяса, и Понтифик хочет знать, почему. Понимаешь? Карьера моя не прервется даже теперь, хоть ты и считаешь эту поездку глупостью.

— Значит, ты все уже решил?

— На следующий Четвертый день отплываю.— Деккерет протянул товарищу руку.— Уезжаю по меньшей мере года на два. Встретимся после на Горе, скажем, года через два на играх в День Зимы в Верхнем Морщине, а?

Спокойные серые глаза Акбалика с минуту смотрели прямо в глаза Деккерета.

— Я буду там,— медленно произнес он.— Обещаю.

Разговор состоялся всего несколько месяцев назад, но Деккерету, ощущавшему знойное дыхание южного континента, докатывающееся поверх бледно-зеленых вод Внутреннего Моря, казалось, что это было невероятно давно, а поездка тянется нескончаемо долго.

Путешествие начиналось довольно приятно — спуск по горам к большой провинциальной столице Ни-мои, затем поездка на речной барже вниз по Зимру до Пилиплока на восточном побережье материка. Там он поднялся на борт грузового судна, самого дешевого, какое сумел найти, приписанного к сувраельскому городу Толигаю, и все лето на юг, на юг, на юг в душной маленькой клетушке, расположенной прямо под сложенными в кипы высушенными детенышами морских драконов.

Когда корабль вошел в тропики, дни преподнесли такую жару, какой он в жизни не видел, ночи были не намного легче, а команда — в большинстве лохматые скандары — посмеивалась и советовала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что настоящая жара начнется в Сувраеле. Но он жаждал страдания, и хотя желание это было уже с лихвой удовлетворено, покорно ждал худшего.

Деккерет не роптал, хотя жизнь в комфорте среди юных рыцарей Замка Горы не подготовила его ни к бессонным ночам с вонью от туш морских драконов, ножом режущей ноздри, ни к одуряющей жаре, поглотившей корабль через несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к невыносимой скуке неменяющегося морского пейзажа.

Маджипура так невероятно велика, что уже одним этим доставляла трудности.

Деккерет словно плыл из ниоткуда в никуда. Проехать по родному Альханроелю и добраться до западного берега Зимроеля — уже большое путешествие: баркой от Алэйсора на Горе, потом морем до Пилиплока и вверх по реке до горных болот. Но то было время, когда рядом находился Акбалик, когда Деккеретом владело возбуждение от первого большого путешествия, от новых мест, новой пищи, непривычного говора. От предвкушения охотничьих забав. А тут? Тюремная клетка на борту грязного скрипучего судна, загаженного сушеным мясом с резким запахом.

Нескончаемая череда пустых дней без друзей, без обязанностей, без умных собеседников. Хоть бы какой-нибудь чудовищный морской дракон появился, думал он, и оживил плавание. Но нет, нет, нет — миграция драконов осуществляется где угодно, только не здесь.

Одно огромное стадо, говорили, находится сейчас в западных водах у Нарабала, а другое между Пилиплоком и Родамаунтским Архипелагом, и Деккерету так и не удалось увидеть морского дракона.

О Дивине, что делать со скукой?

Он страдал, это правда, и страдания бальзамом лились на рану, но все равно осознание чудовищного поступка, который он совершил в горах, совсем не облегчало.

На корабле было жарко, скучно, никакой возможности отдохнуть, к тому же его терзало чувство вины, а он еще бередил душу, отыскивая в себе черты трусости, слабости и глупости, с иронией вспоминая похвальный отзыв о себе самого Властителя Престимиона.

В конце концов Деккерет пришел к выводу, что душу, должно быть, излечивает нечто большее, чем сырость и скука вперемешку с вонючими ароматами. Во всяком случае, он получил представление об этом, и был готов начать следующий этап своего паломничества в неизвестное.

Продолжение следует

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

Король Снов 3
Метаморфы 81
Остров Снов 155
Книга замка 267

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ

Один
Тесме и чаурог 339
Два
Время огня 369
Три
В пятый год путешествия 383
Четыре
Объяснения Калинтайна. 399
Пять
Пустыня Украденных Снов. 411

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 13/1

Роберт Силверберг

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТАЙНА

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Редакторы В. Чирков, Т. Шмундяк

Технический редактор *О. Цыплакова*

Корректор *Г Поддубная*

Дата в печать 23.03.93. Уч. изд. л. 30,56 Усл. печ. л. 21,84
Тираж 52.000. Заказ № 1670

Издательство «ЭЯ», г. Кишинев

Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»,
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Государственный Департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли